

Современная политическая наука

Методология

Russian Political Science Association
Moscow State Institute of International Relations

Contemporary Political Science

Methodology

Edited by
O. Gaman-Golutvina
and *A. Nikitin*

Российская ассоциация политической науки (РАПН)
Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

Современная политическая наука

Методология

Ответственные редакторы

О. В. Гаман-Голутвина,

А. И. Никитин

2-е издание, исправленное и дополненное

*Рекомендовано Федеральным учебно-методическим объединением
в системе высшего образования по укрупненной группе
специальностей и направлений подготовки 41.00.00 —*

«Политические науки и регионоведение»

для магистрантов и аспирантов, обучающихся по специальностям

«Политология», «Зарубежное регионоведение»,

«Международные отношения»

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2019

УДК 327
ББК 66.4
С56

При реализации проекта используются средства,
выделенные Российской ассоциации политической науки
в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ
номер 68-рп от 5.04.2016

Рецензенты:

Кочетков А. П., доктор философских наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
Пономарева Е. Г., доктор политических наук, профессор МГИМО МИД России
Попова О. В., доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой СПбГУ

Авторский коллектив:

Т. А. Алексеева; А. А. Байков; В. Г. Барановский; Э. Я. Баталов;
А. Д. Богатуров; Г. Г. Водолазов; А. Д. Воскресенский;
О. В. Гаман-Голутвина; А. А. Дынкин; Е. С. Зиновьева; М. В. Ильин;
А. В. Крутских; А. А. Кокошин; В. В. Лапкин; М. М. Лебедева;
М. М. Мчедлова; А. И. Никитин; Ю. А. Никитина; О. Г. Овчарова;
В. И. Пантин; С. В. Патрушев; К. А. Пахалюк; Т. Б. Рябова;
И. С. Семененко; Н. А. Симония; Л. В. Сморгунов; А. И. Соловьев;
И. Н. Тимофеев; Л. Н. Тимофеева; А. В. Торкунов; В. Г. Федотова;
Н. Н. Федотова; А. В. Фененко; Л. Е. Филиппова; И. В. Фомин;
А. А. Чанышев; С. В. Чугров; О. Ф. Шабров; Е. Б. Шестопал

Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв.
С56 ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. — 2-е изд., испр. и доп.— М.:
Издательство «Аспект Пресс», 2019. — 776 с.

ISBN 978–5–7567–1008–3

Издание содержит описание более чем 30 методологических подходов и парадигм, сложившихся в мировой политической науке. Каждая глава книги — самостоятельный и особый взгляд на политический мир, политические процессы и явления сквозь призму тех или иных взаимосвязанных методологических принципов и теорий.

Коллектив ведущих отечественных политологов из академических научно-исследовательских институтов, университетов, Российской ассоциации политической науки представляет анализ широкого спектра теоретико-концептуальных оснований изучения и интерпретации внутренней и международной политики. Материал классифицирован таким образом, что позволяет сделать его основой для изучения политологических дисциплин.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–1008–3

© РАПН, 2019
© МГИМО МИД России, 2019
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
----------------	---

Раздел I

ЦИВИЛИЗАЦИИ. ИНСТИТУТЫ. СТРУКТУРЫ. ФАКТОРЫ

1. Цивилизационная парадигма в изучении политики	12
2. Классический политический реализм	38
3. Неореализм в политической теории	61
4. Либерализм в исследованиях мировой политики	84
5. Институционализм и неоинституционализм	101
6. Институциональные форматы постсоветской интеграции	138
7. Экономические факторы мировой политики	147
8. Марксизм, постмарксизм, неомарксизм	155
9. Позитивизм как исследовательская стратегия	186
10. Системный подход в политической науке	213
11. Сетевая теория политики и управления	233
12. Коммуникативизм в исследованиях политики	262
13. Конструктивизм в международно-политических исследованиях	293
14. Структурализм в политической науке	316

Раздел II

КУЛЬТУРА. ЛИЧНОСТЬ. ЦЕННОСТИ

15. Антропологическое измерение международных отношений	342
16. Политико-психологическая парадигма и бихевиоризм	366
17. Культурологическая парадигма в политологии	389
18. Элита-центричная парадигма исследования политики	409
19. Концепт идентичности в изучении политики	446
20. Дискурс-анализ	464
21. Неогуманизм	484
22. Гендерные аспекты политологических исследований	509
23. Альтернативизм в науке и политике	525

Раздел III

МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

24. Парадигма цикличности мировой политики	552
25. Структурные изменения глобального миропорядка	570
26. Стратегическая стабильность в контексте трансформации миропорядка	592
27. Энергетическое измерение мировой политики	614
28. Конфликтологический анализ международной политики	629
29. Системные и конгломеративные трактовки современного мира	658
30. Регионализм как парадигма мироустройства	675
31. Интеграционизм в мировой политике	696
32. Теория секьюритизации в анализе политики	728
33. Информационное общество и мировая политика	742
Глоссарий	759
Сведения об авторах	768

Авторский коллектив

Т. А. Алексеева (гл. 13); А. А. Байков (гл. 31); В. Г. Барановский (гл. 25);
Э. Я. Баталов (гл. 15); А. Д. Богатуров (гл. 29); Г. Г. Водолазов (гл. 8, 21);
А. Д. Воскресенский (гл. 30); О. В. Гаман-Голутвина (введение, 18);
А. А. Дынкин (гл. 7); Е. С. Зиновьева (гл. 33 совместно с А. В. Крутских);
М. В. Ильин (гл. 20 совместно с К. А. Пахалюком и И. В. Фоминым);
А. В. Крутских (гл. 33 совместно с Е. С. Зиновьевой); А. А. Кокошин (гл. 26);
В. В. Лапкин (гл. 24 совместно с В. И. Пантиним); М. М. Лебедева (гл. 4);
М. М. Мчедлова (гл. 1); А. И. Никитин (гл. 28); Ю. А. Никитина (гл. 32);
О. Г. Овчарова (гл. 22 совместно с Т. Б. Рябовой); В. И. Пантин (гл. 24 совместно
с В. В. Лапкиным); С. В. Патрушев (гл. 5 совместно с Л. Е. Филипповой);
К. А. Пахалюк (гл. 20 совместно с М. В. Ильиным и И. В. Фоминым);
Т. Б. Рябова (гл. 22 совместно с О. Г. Овчаровой); И. С. Семененко (гл. 19);
Н. А. Симония (гл. 27 совместно с А. В. Торкуновым); Л. В. Сморгунов (гл. 11);
А. И. Соловьев (гл. 12); И. Н. Тимофеев (гл. 2); Л. Н. Тимофеева (гл. 23);
А. В. Торкунов (гл. 6; гл. 27 совместно с Н. А. Симония); В. Г. Федотова (гл. 17
совместно с Н. Н. Федотовой и С. В. Чугровым); Н. Н. Федотова (гл. 17 совместно
с В. Г. Федотовой и С. В. Чугровым); А. В. Фененко (гл. 3); Л. Е. Филиппова (гл. 5
совместно с С. В. Патрушевым); И. В. Фомин (гл. 20 совместно с М. В. Ильиным
и К. А. Пахалюком); А. А. Чанышев (гл. 9); С. В. Чугров (гл. 17 совместно
с В. Г. Федотовой и Н. Н. Федотовой); О. Ф. Шабров (гл. 10); Е. Б. Шестопал
(гл. 16)

ВВЕДЕНИЕ

Рубеж XX—XXI вв. в России отмечен настоящим «взрывом» интереса к политике и, соответственно, значительным объемом публикаций исследовательской и учебной литературы по политической науке. Несомненно, это было связано с тем, что институционализация данной области знания в России состоялась с существенным запозданием по отношению к ее становлению в мировой науке, и обратившиеся к изучению политики авторы стремились наверстать упущенное время. Историческая судьба политической науки в СССР/России складывалась непросто: несмотря на богатейшую традицию общественно-политической мысли, конституирование политической науки как академической дисциплины и исследовательского направления состоялось довольно поздно — в конце 1980-х годов. Это было обусловлено, в том числе, объективными обстоятельствами. Исторически и Российская империя, и СССР были организованы как идеократии (если использовать эту категорию как сугубо аналитическую, а не ценностную). В условиях чрезвычайного разнообразия — территориально-географического, экономического и этноконфессионального — консолидирующим принципом выступал идеологический механизм: в Российской империи данную функцию выполняли православие и державность, в СССР — коммунистическая идеология. Эти принципы обеспечивали объединение огромной страны — самой большой в мире. Однако они же на системном уровне ограничивали возможности укоренения плюрализма — политического и интеллектуального (без которого невозможно развитие социальной науки). Интеллектуальный плюрализм имел преимущественно периферийный характер — в терминах не географии, а иерархии и структуры общественного пространства.

Принципиально важно отметить, что, несмотря на институциональное конституирование лишь в 1980-е годы, де-факто исследования политики в разных формах осуществлялись в нашей стране и ранее, хотя эти изыскания имели существенную специфику, обусловленную особенностями политической системы страны. Не случайно авторы подготовленного в конце 1940-х годов масштабного доклада «Современная политическая наука: обзор методов, направлений исследования и преподавания», который был подготовлен силами более чем пятидесяти исследователей, представлявших широкую палитру стран от Мексики до Китая (среди них — имена первого ряда: Раймон Арон, Морис Дюверже, Гарольд Лассуэлл, Чарльз Мерриам), выделили пять ведущих национальных школ политической мысли, включив в этот перечень американскую, британскую, французскую, немецкую и советскую. Действительно, несмотря на то, что официально в существовавшем в советские времена реестре специальностей политология не значилась, тем не менее в стране существовали традиции и формировались школы изучения политической сферы. Имеются в виду исследования государства и государственности, политических партий,

систем и режимов, закономерностей развития мировой экономики, внешней политики и международных отношений, политических идеологий и культур, рассмотрение истории политических и государствоведческих учений, страноведческие изыскания в институтах Академии наук СССР (Институт философии, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт международного рабочего движения, Институт США и Канады и др.) и преподавание этих дисциплин в ряде ведущих университетов страны. Кроме того, в 1944 г. был учрежден Московский государственный институт международных отношений МИД СССР, превратившийся со временем в ведущий центр развития исследований и преподавания истории, политики и теории международных отношений. Именно в МГИМО МИД России в 1998 г. был создан первый в Российской Федерации Факультет политологии, преобразованный в 2017 г. в Факультет управления и политики и ставший самым крупным факультетом МГИМО.

Первое десятилетие официальной истории политологии в нашей стране прошло преимущественно под знаком «парадигмы освоения» — политологи осваивали эвристический потенциал мировой политической науки. Однако *освоение* отнюдь не было пассивным *усвоением*: оно происходило в режиме *активного развития*.

Исследовательская традиция по изучению политики опиралась на обширное и богатое идеями наследие отечественной общественно-политической мысли. Важным шагом на пути концептуального осмысления наследия отечественной социально-политической мысли стала публикация под эгидой Российской ассоциации политической науки в 2008 г. в издательстве РОССПЭН 5-томника «*Российская политическая наука*»¹, в котором была представлена сквозная (в рамках условной периодизации с XVIII в. вплоть до 2000-х годов) история формирования и развития отечественной политологии. Беспрецедентным событием стала публикация в 2010 г. издательством РОССПЭН 117-томной «*Библиотеки отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века*»². Это издание не имеет аналогов в мировой науке и создает масштабную панораму интеллектуальных достижений многих поколений мыслителей нашей страны, отражает сложную и богатую масштабными достижениями эволюцию отечественной общественной мысли, представляющую отечественную интеллектуальную традицию как выдающееся явление мировой духовной культуры. Значимым шагом на пути развития отечественной политической науки стала публикация в 2006–2012 гг. Российской ассоциацией политической науки «*Библиотеки РАН*» — серии из более чем 20 монографий, посвященных анализу истории и современного состояния ключевых направлений политической науки. Также издательством РОССПЭН на протяжении 1997–2016 гг. была издана серия из 25 монографий «*Политология России*»,

¹ Российская политическая наука / Под общ. ред. А. И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2008.

² Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века: В 117 т. М.: РОССПЭН, 2010.

включающая фундаментальные исследования наиболее актуальных проблем современной политической науки.

Рубежным этапом в процессе самоопределения профессионального сообщества политологов и вехой на пути развития отечественной политической науки, осмысления ее истоков, современного состояния и развития школ отечественной политологии стала публикация к 60-летию юбилею РАПН 5-томной серии «Российская политическая наука: Истоки и перспективы»¹. Данное издание является фундаментальным исследованием истоков политической науки, включая, в том числе, не утратившие актуальности классические работы отечественных мыслителей. Оно представляет широкую панораму научных школ отечественной политологии и деятельности региональных центров политической науки, репрезентирует инновационные подходы и методы современной науки, реконцептуализирует предметное поле современной политологии. Важным событием научной жизни стало опубликованное в рамках данной серии при авторстве ведущих отечественных ученых в области мировой политики исследование «Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития». Предметом особого рассмотрения стали история и современная деятельность Российской ассоциации политической науки.

60-летний рубеж развития РАПН стимулировал обсуждение внешних и внутренних вызовов, перед которыми находится современная отечественная политическая наука. Внешние вызовы можно трактовать как взаимоотношения политической науки и актуальной политики. Это вопросы о том, как проблемы реальной политики — глобальные и локальные — влияют на современное социальное знание. Среди внутренних вопросов развития дисциплины наиболее насущными являются следующие сюжеты: теоретико-концептуальные основания политической науки; соотношение фундаментальных и прикладных направлений и их тематическое наполнение; сравнительный анализ эффективности используемых исследовательских стратегий и методов; оптимальное соотношение количественных и качественных методов; релевантность применяемой системы оценки эффективности научной деятельности в социальных науках в целом и политологии в частности; соотношение мейнстрима мировой науки и конфигурации отечественной политологии.

Вопрос о теоретико-концептуальных основаниях политической науки не случайно занимает первое место в этом перечне: корректность, релевантность и адекватность методологии исследования его целям и задачам — ключевое условие успеха исследования. Однако и сегодня, в год 30-летия институционализации политологии в нашей стране, вопрос о ее теоретико-методологических основаниях весьма сложен, что обусловлено несколькими причинами. Прежде всего, это сложносоставной характер политической науки: она включает в свое предметное поле значительное число субдисциплин, существенно отличных по теоретическим основаниям, методологии, методам исследования и эвристическим стратегиям.

¹ Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы»: В 5 т. / Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2015.

Введение

Несомненно, вопрос о теоретико-методологических основаниях политической науки не является единственным в фокусе современных профессиональных дебатов. Так, остро дискуссионным остается вопрос об оптимальном соотношении различных методов — теоретических и эмпирических, качественных и количественных, — однако нельзя не признать, что решение этого вопроса является во многом производным от выбора теоретико-методологического ракурса. И именно эта задача составляет наибольшие сложности для политологов — не только начинающих, но также имеющих опыт. Именно стремление прояснить вопрос о теоретико-методологических основаниях политической науки обусловило подготовку настоящего издания. Именно это определяет профиль данного издания и позволяет заполнить сферу, до сих пор остававшуюся недостаточно систематизированной. Свою задачу авторы издания видят в том, чтобы представить *широкую панораму классических и современных интеллектуальных политико-теоретических парадигм, выполняющих функцию методологических оснований политологических исследований.*

Более тридцати подходов и парадигм, представленных в издании, не исчерпывают весь существующий спектр методологических направлений — это невозможно сделать в рамках одного издания. Однако все основные парадигмы в книге представлены. Надеемся, что прояснение сущности этих парадигм и их методологического потенциала позволит читателям выбрать или скорректировать исследовательский дизайн их собственных политологических изысканий.

* * *

Публикация данного основательного издания стала возможной благодаря совместному творчеству выдающихся исследователей и потребовала напряженных усилий всех его авторов. Как инициатор и руководитель данного проекта, хотела бы выразить искреннюю и глубокую признательность моим замечательным коллегам за то, что они нашли возможность подготовить главы этой книги, за наше плодотворное сотрудничество, которое — уверена — будет способствовать еще более эффективному развитию политической науки.

Авторский коллектив благодарит за подбор методических, библиографических и иллюстративных материалов Центр политических и международных исследований (директор профессор А. И. Никитин), сотрудников и стажеров Д. О. Новикову, Н. А. Самойловскую, Е. П. Шанченко, О. М. Домнину, Р. В. Кононова.

О. В. Гаман-Голутвина,
президент РАПН, член Общественной палаты РФ,
зав. кафедрой МГИМО МИД России,
доктор политических наук, профессор

**ЦИВИЛИЗАЦИИ
ИНСТИТУТЫ
СТРУКТУРЫ
ФАКТОРЫ**

1. ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова

Цивилизация, история, культура, конфликт цивилизаций, диалог цивилизаций, цивилизационная устойчивость, локальные цивилизации, идентичность

Цивилизационная теория является в социальном знании одним из авторитетных научных подходов, позволяющих интерпретировать социально-политический процесс сквозь призму устойчивых характеристик. Его аналитическая действенность основывается на представлении о цивилизациях как субъектах исторического и политического процесса, поиске особенностей проявлений ценностных систем в современных социально-политических трендах, включении в объяснительные принципы политологии и контексты политико-идеологического дискурса параметров культурной самобытности, идентичности, устойчивости, традиции, этнических и религиозных оснований.

Цивилизационная теория является основанием **цивилизационной парадигмы** изучения общества и политического процесса. Ее востребованность и познавательное значение связано с необходимостью дополнения традиционных институциональных парадигм политической теории внеинституциональными ракурсами. Это связано с тем, что многие современные явления и процессы невозможно объяснить только с точки зрения функционирования политических институтов или их соответствия или несоответствия определенному образцу. Характер выборности, роль исполнительной власти, права оппозиции, наличие и типы внутрисистемных противовесов, развитость многопартийности и структура гражданского общества — все это следует рассматривать как продукт конкретных социальных обстоятельств и ценностных координат, а не как «тождество» или «девиацию» по отношению к единственному, раз и навсегда данному образцу¹. В этой связи следует отметить проблему универсального и локального в понимании политического процесса. Политические императивы и институты не являются универсальными, пригодными в одинаковой мере для всех эпох и народов, одни и те же образцы в различных условиях дают различные результаты, порой прямо противоположные. Кроме институциональной составляющей, не менее важными являются такие характеристики общества, как сложившиеся в процессе историко-политического

1. Цивилизационная парадигма в изучении политики

развития устойчивые модели идентификации, мышления и поведения властных сообществ и массовых групп, ценности, нормы и традиции, регулирующие социально-политические взаимоотношения в обществе и сам характер политического участия².

Сложность и подвижность современного мира, громкое звучание ценностных и смысловых контекстов, взаимопроникновение политической и других сфер общества выступают катализаторами явлений и процессов, объяснение которых предполагает обращение к внеинституциональным факторам. Неустойчивость ценностных ориентиров, мироощущений и рефлексий современности, видоизменение всего привычного облика социального мироздания приводит к поиску как отдельными личностями, так и социокультурными образованиями новых стратегий взаимодействия в условиях новых рисков и угроз глобального и локального характера, поскольку в них преломляется современная турбулентность. Одним из глобальных рисков является вызов международного терроризма, объяснения которого часто отсылают к более глубоким причинам, проясняемым в рамках **цивилизационной парадигмы**.

Современный мир становится целостным и требует нового сотрудничества и взаимной безопасности от новых рисков и угроз, он характеризуется новыми беспрецедентными возможностями взаимодействия цивилизаций Востока и Запада, и именно социокультурные образования берут на себя функции участников политического диалога в современном динамично изменяющемся мире. Высокая степень и нарастающая интенсивность глобализации современного мира несомненны, вместе с тем одновременно нарастает разнообразие и фрагментируемость, что предопределяет принципиально новый нелинейный характер социально-политических процессов. Под влиянием широкомасштабных изменений на авансцену мирового историко-политического процесса вышли не объединительные моменты, а различия, в которых нашло отражение стремление к выживанию и упрочению своего статуса различных социокультурных общностей, выражающихся прежде всего в сохранении своей самобытности, акцентировании этнических и религиозных факторов. Большое влияние на исследование цивилизаций в этом русле оказала современная глобалистика, прежде всего взгляды сторонников «миросистемной перспективы» И. Валлерстайна³ и глобальной культурологии М. Фезерстоуна⁴. При этом современным сторонникам цивилизационного подхода тезис о «единстве мировой цивилизации» уже не кажется «ложной концепцией», а «глобалисты» не рассматривают мироцелостность лишь через призму европоцентристского, рационально-западного видения мира. Это нашло отражение и в трансформации принципов политических практик в современных международных отношениях.

Исчерпание монополии нормативных теорий, предлагающих в качестве ориентиров и необходимых условий политического развития западные политические образцы, ценности и институты сопровождается признанием

равнозначности различных путей политического развития, чья специфика задается глубинными цивилизационно-ценностными параметрами. По мнению И. Валлерстайна, «мы должны признать специфический характер произведенного Европой переустройства мира»⁵. Это озвучено и в заявлении Ю. Хабермаса, что «западноевропейский путь развития, специфический рационализм которого признавался некогда моделью для всего остального мира, представляется сегодня скорее исключением, чем правилом, т.е. неким «девиантным маршрутом»⁶. Несмотря на то что «Третья волна» как универсальный процесс демократизации принесла с собой «собственные представления о мире, со своими собственными способами использования времени, пространства, логики, причинности»⁷, все более громкими становятся голоса, настаивающие на том, что «культура имеет значение»⁸, а ценностная специфика различных типов обществ накладывает четкий отпечаток на алгоритмы глобальных и локальных политических изменений и процессов. Это высветило необходимость видоизменения концептуально-понятийного поля и научного аппарата современных социально-политических теорий, требуя включения в анализ культурных, религиозных, этнических, социальных и антропологических характеристик общества, ранее не учитывавшихся, как уже было отмечено, в традиционной политико-институциональной парадигме интерпретации общества. Особое звучание приобрела ценностно-культурная проекция понимания смысла политических преобразований в обществах, относящихся к различным цивилизационным традициям, а также механизмов и технологий мировой политики.

Сэмюэл Хантингтон:

«Западная уверенность в универсальности западной культуры страдает от трех недостатков: она неверна, она аморальна и она опасна».

«Основные политические идеологии XX в. включают либерализм, социализм, анархизм, корпоративизм, марксизм, коммунизм, социал-демократию, консерватизм, национализм, фашизм и христианскую демократию.

Объединяет их одно: они все — порождения западной цивилизации. Ни одна другая цивилизация не породила достаточно значимую политическую идеологию.

Запад, в свою очередь, никогда не породил основной религии. Все главные мировые религии родились в не-западных цивилизациях и, в большинстве случаев, раньше, чем западная цивилизация».

«Запад завоевал мир не превосходством своих идей, ценностей или религии, но скорее превосходством в применении организованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт, жители не-Запада никогда этого не забудут».

С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций. 1993

1. Цивилизационная парадигма в изучении политики

Видоизменения понимания политики, путем включения в него социокультурных факторов, во многом центрируются вокруг **цивилизационного подхода**, определяющего векторы познания политического процесса и складывающегося из ряда теоретических и идеологических направлений. В его арсенале различные концептуально-политические схемы, предлагающие объяснительные принципы взаимодействия различных устойчивых социокультурных образований, наделяемых статусом политических субъектов, в условиях современного мира, и занимающие прочное место в политико-идеологических дискурсах. Несмотря на существование основных конвенциональных точек цивилизационной теории, налицо многообразие подходов и постоянная научная дискуссия о параметрах цивилизационного подхода и смысловом наполнении **понятия «цивилизация»**.

Более того, практически все оттенки **понятия «цивилизация»** присутствуют сегодня в общественном сознании и можно наблюдать, как они по-разному используются в пропаганде, политической риторике, в современных идеологических конструкциях, в обыденной лексике, в научных концепциях и дискуссиях.

► **Цивилизационный подход** представляет собой совокупность различных концептуальных схем, объединенных признанием ключевой роли социокультурной и ценностной специфики при определении векторов и форм социально-политического развития.

Цивилизационный анализ предполагает выделение глубинных факторов, архетипических черт и долговременных признаков, которые, составляя своего рода концепцию бытия, переживают в своей истории не только смену очередных политических режимов и общественно-экономических систем.

Существующий широкий спектр интерпретаций и мнений относительно смыслов цивилизационного подхода методологически концентрируется во многом на изучении концептуального поля **понятия «цивилизация»**, пытаясь расставить его современные познавательные и политико-идеологические акценты. **Понятие «цивилизации»** крайне многозначно и включает множество зачастую конкурирующих между собой оттенков: от крайнего понимания акцентации традиционализма до нормативного понимания цивилизации как определенных параметров общественного «добродетельного» устройства, от большой ценностной нагруженности лучших достижений человечества до «коммерциализированного» символического употребления в современном политико-идеологическом дискурсе.

Понятие «цивилизация» стоит в ряду тех понятий, которые сегодня употребляются постоянно, везде, по любому поводу, с различными идеологическими окрасками. Оно постоянно присутствует в риторике политических лидеров, в выступлениях общественных, религиозных и культурных деятелей, в журналистике, в средствах массовой информации, в обыденной речи, причем его употребление обладает очень широким спектром оттенков. Почему

же именно слово «цивилизация», наделенное особой магией, заставляющее «дрожать самые благородные струны нашего сердца и вдохновлять на самые лучшие чувства»⁹ (Ш. Дюверье), сейчас является одним из наиболее **востребованных и популярных**. Понятие «цивилизация» в силу своей популярности и универсальной применимости стало «жертвой своего успеха»¹⁰, а смежные понятия — идентичность, устойчивость, культурная самобытность, менталитет, традиция, входящие в пул **цивилизационного подхода**, во многом становятся каркасом изучения современной социально-политической и исторической реальности. Во многом это связано с кризисом традиционных представлений о будущем человеческой цивилизации и о переоценке ценностных перспектив различных цивилизаций. Это обусловлено, *во-первых*, структурными изменениями мира, подразумевающими культурное многообразие и плюрализм; *во-вторых*, политизацией межкультурных конфликтов; *в-третьих*, повышением значимости традиционных социальных механизмов и религиозных и этнических форм идентичности на фоне понижения значимости традиционных политических и гражданских форм солидарности.

Как известно, развитие общественной, в том числе философской и политической, мысли — процесс, связанный со столкновением различных взглядов, идей, концепций, предпочтений, приоритетов. Так, возникли концепции «индустриальной цивилизации», «технологической цивилизации», «городской цивилизации», «цивилизации досуга», «цивилизации счастья» и др., получила распространение теория «духовного кризиса цивилизации». В результате подобного бума и значение понятия, и области его применения стали настолько многочисленными, что вплотную приблизили его к неопределенности. Можно сказать, что понятие «цивилизация», употребляемое представителями всех гуманитарных наук, идеологами, политиками, журналистами, а также людьми далекими от науки и политики, поплатилось ясностью за свой успех. Особенно четко подобная неясность проявляется в современной политической сфере, где рассматриваемое понятие употребляется с различными оттенками. Так, для глобалиста и националиста **понятие «цивилизация»** обладает единым смыслом, но содержание его для них диаметрально различно. В свои рассуждения типа «цивилизацию нужно защищать» они вкладывают во многом один и тот же смысл: цивилизация есть наследие и наследование материальных и духовных ценностей, позитивных достижений. При этом его значение различно: какие ценности необходимо защищать, какие достижения сохранять?

Содержательная эволюция **понятия «цивилизация»** и основанного на нем **цивилизационного подхода** позволяет понять смыслы, образующие концептуальные и идеологические параметры данной объяснительной схемы исторического и политического процесса.

Впервые **понятие «цивилизация»** было введено в научный оборот маркизом де Мирабо во Франции в XVIII в. в трактате «Друг законов». По его определению, «цивилизация есть смягчение нравов, учтивость, вежливость и знания, распространяемые для того, чтобы соблюдать правила приличий и чтобы эти правила

играли роль законов общежития». До этого времени существовали прилагательные *civil* (цивильный), *civilise* (цивилизованный), близкие по смыслу *poli* (вежливый), *police* (утонченный), а также существительное *civilite* (цивилизованность), употреблявшееся в одном ряду и в одном смысле с существительным *politesse* (утонченность, вежливость, соблюдение нравов). В XVII в. появился глагол *civiliser*, выражающий приобщение к правилам благопристойности, смягчение нравов. Этимологически они связаны с латинскими словами *civis*, *civitas*, *civilis* — гражданин, гражданственность, гражданский, наследниками греческого «полиса» (первые известные нам цивилизации — шумерская, вавилонская, греческая и др. — имели полисную организацию социальной структуры). Сама **идея цивилизации** возникла во времена Античности, была связана с наличием социальной и институциональной структуры в городе и государстве. Она предполагала противопоставление существующего в городе несравнимо более высокого общественного порядка, с одной стороны — природе, с другой — варварству как символу отрицательной социальной организации. Не случайно семантически понятие «цивилизация» связано со словами «город», «городской», «гражданственность» и «гражданский», что свидетельствует об их определенном смысловом родстве. Таким образом, **идея цивилизации** связывалась с городской организацией жизни, постепенно становящейся все более и более легитимной, не только посредством традиций и нравов, но и через юридические и политические законы. С течением времени эти характеристики распространяются на более обширные пространства, более длительные временные промежутки и более широкие социальные общности, сохраняя основные значения антитезы варварства, социальной упорядоченности, определенной системы ценностей. В Средние века и эпоху Возрождения слова «цивильный» и «цивилизованный» приобретают значения вежливости, куртуазности, соблюдения правил благопристойности и хорошего тона среди элитарных слоев общества. Иногда они обозначали особенно узкое понятие цивильности — вежливого и учтвого обращения с дамами.

Философия Просвещения не только породила **понятие «цивилизации»** в XVIII в., но и характеризовала собой известный разрыв в истории идей, в социальных теориях, начало господства нового взгляда на историю общества — идеи исторического динамизма, всеобщего прогресса, «цивилизации». Именно из них берут начало основные политические теории институционализма, модернизации, демократизации, секуляризации, разделения властей, гражданского общества и многие другие. В век Просвещения возникает представление о цивилизации как о рациональном абсолюте, едином и единообразном. Это была «цивилизация — идеал, цивилизация — совершенство, которую все люди того времени так или иначе держали в уме и в сердце как доминирующую, но отнюдь не ясную идею. Разумеется, в то время ни у кого не возникало желания конкретизировать ее, поставить пределы ее универсальной применимости. В них безмятежно живет, не вызывая никаких сомнений, абсолютное и унитарное представление о человеческой цивилизации, которая способна установить единообразие этнических групп...»¹¹.

Цивилизация стала обозначать Абсолютную рациональную ценность для всех времен и народов, единственный способ существования, тождественный социальной организации и ценностной структуре государств Западной Европы XVIII в., процесс цивилизации предполагал распространение повсюду европейской модели, включающей в себя и светски политические, и религиозные христианские характеристики и ценности. Таким образом, с момента своего возникновения **понятие «цивилизация» имело нормативный характер**, представляя собой **определенный идеал**, что в значительной степени сохранилось в общественном сознании и до настоящего времени, прежде всего в идеологических проекциях и политических практиках. Более того, оно употреблялось только в единственном числе и с большой буквы.

Однако парадигмы гуманитарного знания, способы интерпретации социальных и политических феноменов, кроме собственных глубинных причин приращения знания, зависят от общественно-исторической и политической практики, и прежде всего от ее поворотных моментов. Поэтому великие потрясения в Европе конца XVIII — начала XIX в., преломившись в общественном сознании, явились причиной потери **понятием «цивилизация»** своего единственного первоначального значения Абсолютной Ценности. По словам Л. Февра, «Революция и Империя показали <...> что Цивилизация может умереть»¹². В результате цивилизация перестала быть абсолютом, статичной сущностью идеального состояния, но сохранила нормативный характер, добавив к нему идею своего эволюционного развития. В любом случае можно сказать, что в классической нормативной концепции Европа смешала свою цивилизацию, приняв ее за меру, с цивилизацией вообще¹³.

Повышению интереса к анализу цивилизации, кроме общественно-политических изменений в Европе, также способствовали этнографические экспедиции рубежа XIX—XX вв., когда соприкосновение с бытом и культурой других народов позволило выявить устойчивые, глубинные и поверхностные характеристики, отличные от «общепринятых» европейских. Одновременно развитие исторического знания, этнологии, культурной антропологии, археологии расширило представления о количестве и сущности настоящих и древних цивилизаций. Параллельно следует подчеркнуть также влияние антропологических исследований, где, без сомнения, решающую роль сыграли исследования американского ученого Л. Моргана, предложившего концепцию развития общества, в которой история человечества интерпретировалась как длительное становление, как эволюция, делящаяся на три последовательных этапа: **дикость — варварство — цивилизация**. Эта концепция долгое время выступала фундаментом многих идеологических проектов.

Все это послужило отправной точкой для возникновения, наряду с устойчивым нормативным пониманием цивилизации, противоположного, **исторического понимания**, что выразилось, в частности, в употреблении данного понятия во множественном числе. Несмотря на существование многочисленных

определений и подходов, в их основе было заложено понимание цивилизации как совокупности ценностей, культурных черт, феноменов¹⁴. **Цивилизационный подход** претерпел существенные изменения. Основной вектор изменения понимания цивилизации состоял в преодолении классического нормативного характера, его выход за государственные, национально-этнические, конфессиональные рамки. Под цивилизацией стали подразумевать определенную целостность, совокупность глубинных общих феноменов, ценностей — материальных, духовных, политических, моральных, эстетических и др. Цивилизация стала реальностью «коллективного порядка», «типом гиперсоциальной социальной системы», надэтническим, надгосударственным и проч. образованием, связанным с универсальными культурными чертами. Цивилизация уже не то состояние, которого надо достигнуть, не цель, а скорее определенное наследие, совокупность устойчивых характеристик и ценностей, передающихся через специфическую традицию, обеспечивающую ее целостность и устойчивость. **Атрибутами цивилизации начинают признаваться ее длительность, протяженность во времени, наличие определенного пространственного положения и устойчивость** по сравнению с остальными социальными, политическими и историческими образованиями. В подобном контексте цивилизациями признаются такие социокультурные общности, которые в русле нормативной концепции были далеко не цивилизованны.

- В современной мировой философско-социологической и историко-политологической литературе **цивилизациями** принято характеризовать устойчивые социокультурные общности, существующие в определенных пространственно-временных координатах.

Главной особенностью подобных социокультурных образований, несмотря на наличие сотен определительных трактовок, констатируется стабильность материальных, духовных, социальных ценностей, при этом каждый конкретный тип цивилизации определяется возможностью и способностью продуцировать общезначимые ценности, отличные от порождаемых другими социокультурными общностями. Цивилизации суть всеобщие, предельные целостности, а «они охватывают все, не будучи охваченными другими»¹⁵. Соответственно, в рамках цивилизационной парадигмы цивилизационные параметры представляются первичными по отношению к нациям, государствам, экономическим и политическим системам. Цивилизация — это реальности длительной исторической протяженности (*réalité de longue durée*)¹⁶, развивающиеся через внутренние собственные законы, через бесчисленные противоречия социальных, этнических, конфессиональных образований, включенных в них.

- **Устойчивость цивилизаций** предполагает наличие определенного культурного ареала, характеризующегося не только пространственными границами, часто достаточно размытыми, но совокупностью ха-

рактрных культурно-символических, материальных и духовных ценностей, определяющих специфику и институциональные контуры данной цивилизации: язык, религия, искусство, традиции, обычаи и др.

Сущность, глубинная специфика конкретной цивилизационной формы проявляется с разной интенсивностью по границам и в центре, ядре своей культурной зоны (Ф. Бродель). Именно на границах последней чаше всего находятся наиболее характерные черты, и именно здесь происходят контакты и взаимодействия цивилизаций, выражающиеся либо в отказах, либо в ассимиляции духовных, материальных, социальных, политических ценностей, норм и институтов, предлагаемых другими социокультурными общностями. Цивилизация может меняться внутри, но сохраняет почти все нюансы и отличительные особенности по отношению к другим цивилизациям, поэтому акцент делается на механизмах преемственности и устойчивости, присущих цивилизациям. Во многом подобное понимание послужило методологическим фундаментом признания **культурного многообразия как основ политических стратегий и плюрализма как онтологического основания политической реальности**. Развитие данного направления получило в работах Ш. Эйзенштадта, пытающегося обосновать многообразие путей становления современной цивилизации. Эвристический потенциал концепции множественности модернизмов Ш. Эйзенштадта¹⁷ во многом представляется определенным синтезом линейных интенций и плюралистической несводимости современности к единому основанию.

Цивилизационная устойчивость представляет собой атрибутивную черту, характеризующую социокультурную общность, определяемую как **локальная цивилизация, как культурно-исторический тип**. Именно данная сторона цивилизационной парадигмы — **концепция локальных цивилизаций** сегодня составляет одно из ключевых и доминирующих подходов, актуальных прежде всего в политической теории. Именно в рамках концепций «локальных цивилизаций» детально разработаны основные положения современной цивилизационной парадигмы, касающиеся изучения конкретных цивилизационных типов, что позволяет определять соотношение общего и особенного в цивилизационном процессе, осмысливать механизмы взаимодействия различных цивилизаций и возможности их конфликтов или диалога, формирующие контуры мировой политики.

Концепция локальных цивилизаций — общее название для ряда теорий, основной методологической установкой которых является признание поливариативности исторического процесса, свершающегося посредством некоего конгломерата социальных целостностей. Подобные социальные и культурные суперсистемы не совпадают с национальными или государственно-политическими образованиями, преодолевая расовые и географические пределы. Каждое такое социальное образование является предельно широким социокультурным образованием, определяющим как национально-культурную специфику политической жизни, исторических явлений и процессов, так и субъективные реалии (менталитет или поведение индивидов) и в то же время конечным, про-

1. Цивилизационная парадигма в изучении политики

ходящим путь развития, сравнимый с циклом жизнедеятельности живого организма. Н. Я. Данилевский называет их культурно-историческими типами, О. Шпенглер — развитыми культурами, А. Тойнби и С. Хантингтон — цивилизациями, П. Сорокин — метакультурами. Именно разработанный в исследованиях Н. Я. Данилевского¹⁸, О. Шпенглера¹⁹, А. Д. Тойнби²⁰, К. Ясперса²¹ цивилизационный подход получил распространение и раскрыл свой аналитический потенциал после Второй мировой войны, вскрывшей глубинные противоречия социально-политического «порядка», что требовало новых методологических подходов и концептуальных схем. Утверждая прерывность историко- и социогенеза, авторы данного подхода признавали единую для всех цивилизаций последовательную схему их бытия «рост — развитие — смерть». Жизнь каждой цивилизации гораздо длиннее, чем жизнь любого другого политического или культурного образования, а ее созидательные способности зависят от творческого потенциала и его развертывания; при его исчерпании, когда перестают продуцироваться культурные феномены, специфические ценности, а это происходит с необходимостью, цивилизация вступает в деструктивную фазу и погибает.

Наиболее детально разработанная теория локальных цивилизаций принадлежит А. Тойнби («Постижение истории», 1934–1961), основные положения которой стали одними из основополагающих принципов современной цивилизационной парадигмы.

Остановимся на тех аспектах данной концепции, которые имеют приоритетное значение для изучения специфики и функционирования конкретных цивилизационных типов, прежде всего при объяснении внутренней и внешней политической динамики. Цивилизации суть общества, более протяженные в пространстве и во времени, чем национальные государства и имеющие тенденцию к распространению путем подчинения и ассимиляции других обществ (радиация культуры). Цивилизации не являются статичными образованиями, они являются динамическими эволюционирующими общностями, основными характеристиками которых являются **религиозная, политическая и территориальная составляющие**. Каждая из них проходит в своем развитии стадии возникновения (генезиса), роста, надлома и распада.

Зарождение цивилизации не объясняется ни расовыми, ни географическими причинами, ее возникновение возможно только при наличии двух необходимых условий: наличием в данном обществе **творческого меньшинства** и определенной среды, не являющейся ни слишком благоприятной, ни слишком неблагоприятной. Общество, посредством творческого меньшинства — активного субъекта цивилизационного и политического процесса, отвечает на постоянные вызовы окружающей среды. Подобный механизм **«вызов — ответ»** предполагает поиск оптимальной адаптации социальной системы, которая и образует цивилизацию. Следует подчеркнуть, что «вызово-ответная» логика интерпретации политического процесса прочно вошла в основные концептуальные подходы и теории политической науки нашего времени.

Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975) — британский культуролог и социолог, философ. Наиболее известная работа — «Постижение истории» (1934–1961; 12 томов), в которой проанализированы более 25 цивилизаций и выдвинута теория о том, что наиболее продуктивным периодом для цивилизаций было время испытаний, когда какая-либо конкретная цивилизация встречалась с серьезными вызовами, но она находилась под руководством узкого круга умных руководителей. Ученый считал, что каждая цивилизация проходит ряд относительно похожих периодов, начиная с рождения и заканчивая ее гибелью (зарождение, развитие, надлом, распад). Интересно отметить, что критериями для выделения цивилизаций в трудах ученого служили следующие факторы: форма организации религии, территория, а также удаленность цивилизации от места ее зарождения. Обстоятельства, при которых возникали новые цивилизации, были, как правило, связаны с серьезной угрозой обществу (климатические условия, природные катаклизмы, войны). Успешное преодоление препятствий способствовало дальнейшему развитию данных культур. При этом, по мнению А. Д. Тойнби, к началу XX в. из более чем двадцати изученных цивилизаций оставалось существовать лишь десять.

Наибольший интерес представляет гипотеза Тойнби о зарождении православной цивилизации, к которой относится Россия: по мнению ученого, фактором развития данной цивилизации послужило внешнее давление в разные эпохи (татаро-монгольское нашествие, польская интервенция, а также большевистский ответ на навязанные в XVIII в. ценности Запада). Ученый предположил, что определяющими тенденциями XXI в. будут амбиции России сохранить собственные идеалы, а также развитие исламского мира и Китая.

Основные работы:

- «Национальность и война» (1915)
- «Постижение истории» (1934–1961)
- «Цивилизация перед судом истории» (1948)
- «Война и цивилизация» (1950)
- «Мир и Запад» (1953)

Стадия развития и роста цивилизации характеризуется единством структурных компонентов, представляющих собой творческое меньшинство, внутренний пролетариат общества, добровольно следующий за меньшинством, и внешний пролетариат, состоящий из соседних варварских народов. Рост цивилизации представляет процесс внутреннего накопления собственных потенций и разворачивания их в процессе успешных ответов творческого меньшинства на все новые вызовы, наиболее проявляющиеся в конкретной деятельности для каждой цивилизации: эстетической в Античности, религиозной в Индии, научно-механической в западной и проч., т.е. процесс роста есть углубление целостности

1. Цивилизационная парадигма в изучении политики

и индивидуального своеобразия развивающейся цивилизации. Стадия надлома и разложения цивилизации характеризуется потерей творческого меньшинства способности нахождения адекватного ответа на вызовы окружающей среды, таким образом, цивилизация гибнет не под воздействием внешних факторов, а вследствие исчерпания внутренних потенций. Стадии надлома соответствует раскол общества по вертикали — распадение на локальные государства, что является причиной и условием возникновения внутренних войн, и по горизонтали — неразрешимые противоречия между всеми тремя группами. Творческое меньшинство, в процессе потери своих созидательных возможностей, для удержания доминирующего состояния все чаще начинает прибегать к милитаризованной и экспансионистской политике, результатом которой становится создание универсального государства. Внутренний пролетариат, представляющий нетворческое большинство, перестает поддерживать активное меньшинство, отпадает от него, в конце концов создает универсальную церковь, которая становится мостом к новой цивилизации. Внешний пролетариат, используя внутреннюю цивилизационную слабость, вместо присоединения к ней нападает на цивилизацию, взрывает ее границы и в конце концов затопляет ее. Комбинация всех этих условий приводит к распаду и гибели цивилизации.

Арнольд Тойнби:

«Для современной западной цивилизации демократия — это постоянный и хорошо отлаженный институт правления. В теории демократия предусматривает стирание различий между правителем и подданными, однако на практике атрибуты власти оказываются в руках небольшой группы специалистов — юристов, судей, полицейских и т.п.»

«Компонентами культуры общества являются экономический, политический и собственно культурный элементы. Когда одна культура вторгается в другую, проникающая сила каждого из элементов обратно пропорциональна его социальной ценности. Так, экономический элемент воспринимается чуждой культурой с наибольшей готовностью, за ним следует политика, а на последнем месте оказывается культурный элемент, и в этом причина того, что разложение интегральной культуры кончается социальной катастрофой».

А. Д. Тойнби. Постижение истории. 1934–1961

Предлагая классификацию цивилизаций, А. Тойнби в качестве основания деления предлагает **религиозную составляющую**, как наиболее фундаментальную черту, определяющую специфику локальных цивилизаций. Всего А. Тойнби насчитал более двух десятков цивилизаций, из которых живых всего пять: западная, объединяемая западным христианством, православно-христианская, или византийская, расположенная в Юго-Восточной Европе и России, исламская, индуистская и дальневосточная.

Следует отметить, что проблема определения цивилизационных типов и методологической иерархизации цивилизаций, выделение основания клас-

сификации порождает содержательные методологические дискуссии. Если вопрос об общем знаменателе подходов более менее понятен — цивилизационная парадигма, то вопрос о выработке единой классификации цивилизаций неоднозначен и открыт. Существует обилие и разнообразие классификаций цивилизаций по различным основаниям, однако всеобъемлющей, универсальной и абсолютной схемы нет.

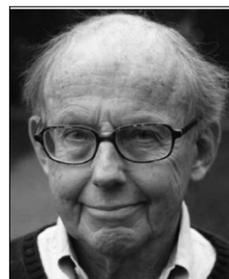
В русле непризнания единого мирового процесса выступает и С. Хантингтон («Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка», 1996), в качестве основной методологической посылки выдвигающий утверждение, что мировая цивилизация суть фикция, а исторический процесс дискретен благодаря разнообразию конкретных цивилизационных образований. Цивилизации представляют собой широчайшие культурные общности, не имеющие четко обозначенных границ, точного начала и конца, однако они являются полными смысла, реально существующими целостностями, покоящимися на языковом и духовном единстве. Все цивилизации смертны, переживают подъем, падение и гибель, но они живут дольше любых иных социальных образований, являясь реальностями большой длительности, чья уникальная сущность заключается в длительной исторической преемственности. Цивилизации — самые широкие культурные группировки людей, основанные прежде всего на религии, ценностях, социальных институтах и структурах, и самый широкий круг их культурной идентификации — то самое большое «МЫ», где человек чувствует себя в культурном отношении как дома, и одновременно то, что его отличает от всех других, находящихся вовне.

Концепция С. Хантингтона предполагает корреляцию цивилизационной теории с политической практикой. В данных параметрах он настаивает на том, что главное место в современном мире занимают не государства или их союзы, а именно культурные идентичности, прежде всего цивилизационные, поэтому основные конфликты происходят и будут происходить между цивилизациями, а не между государствами. В этой связи он дает классификацию государств по их соотношению с цивилизациями: сердцевинные государства (*core states*), страны-члены (*member states*), одинокие (*lone states*), надтреснутые (*cleft states*) и расколотые (*torn stats*). Сердцевинное государство или государства — наиболее мощное в культурном отношении данной цивилизации (например, Китай); страна-член полностью идентифицирует себя с одной цивилизацией (например, Италия с западноевропейской); у одинокой страны отсутствует культурная общность с другими обществами (например, Япония); надтреснутые страны — страны, где крупные группы населения принадлежат к разным цивилизациям, у таких стран существуют особые проблемы с сохранением единства (например, бывшая Югославия); в расколотой стране преобладает одна цивилизация, но их лидеры хотят изменить цивилизационную идентичность. Так, Россия была расколотой страной со времен Петра I, на протяжении всего этого времени не прекращаются споры о ее статусе: либо часть западной цивилизации, либо сердцевина особой ввразийской православной цивилизации.

Сэмюэл Филлипс Хантингтон (1927–2008) — американский политолог и геополитик, автор популярной концепции о разделении цивилизаций по этнокультурному компоненту и столкновении цивилизаций.

В основе каждой цивилизации Хантингтон усматривает культурную основу, которая способна объединить либо разграничивать людей. Своеобразие культур определяет модели конфликтов между различными цивилизациями.

Концепция Хантингтона строится не только на культурном компоненте, но также соотносит с ним экономические показатели. В этой связи в настоящий момент западная цивилизация все более приближается к упадку, в то время как такие этнические цивилизации, как конфуцианская (Китай) или исламская (арабские и другие азиатские страны), в скором времени могут пережить свой расцвет.

Важным кажется представление ученого о природе конфликтов между цивилизациями: в то время как западные цивилизации, как правило, выдвигают на первый план истории экономических и культурных лидеров, отсутствие лидеров в арабской и африканской цивилизациях сказывается на возникающих сложностях в урегулировании конфликтов и на установлении порядка внутри данных культур.

Как пишет С. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций», конфликты между цивилизационными центрами могут привести к глобальным изменениям, в частности к изменениям в мировом балансе между различными цивилизациями. Особенностью XXI в. является тот факт, что главную роль в межцивилизационных конфликтах играет не идеологическое противостояние, но межкультурное различие. Автором также было отмечено, что больше всего конфликтов протекает на границах мусульманского мира.

Интересно также обратиться к феномену, рассмотренному в работах С. Хантингтона и касающемуся проблемы международной миграции. С точки зрения политолога, потоки мигрантов создают отдельные культурные компоненты внутри западной культуры, что может свидетельствовать о том, что столкновение цивилизаций может носить не только межгосударственный оттенок, но также происходить внутри отдельных государств.

Основные работы:

«Политический порядок в меняющихся обществах» (1968)

«Столкновение цивилизаций?» (1993)

«Столкновение цивилизаций и переосмысление мирового порядка» (1996)

Современное культурное разнообразие мира, где главными политическими субъектами являются цивилизации, предполагает, по мнению С. Хантингтона, в качестве основной формы их взаимодействия — конфликты. Они обусловлены не только сформировавшейся мультицивилизационной системой, но и негативной реакцией на универсалистскую экспансию Запада, выражающуюся в трансляции европейских институтов, ценностей и культуры, по определению воплощающих самое высшее, самое просвещенное, либеральное, рациональное, современное и цивилизованное состояние. Грядущие межцивилизационные конфликты имеют целью сохранение своих культурных самобытностей в процессе столкновения этих двух противоречивых тенденций: отстаивание своей специфики в борьбе против навязываемой западной унификации и против других самобытных цивилизаций. Таким образом, цивилизационный конфликт принимает две формы. На локальном уровне возникают конфликты по линиям разлома — между соседними государствами, относящимися к различным цивилизациям, между разноцивилизационными группами внутри государства или между группами, которые пытаются создать новые государства на развалинах старого. На глобальном уровне возникают конфликты между сердцевинными государствами различных цивилизаций, и тогда политический конфликт обостряется культурными различиями.

С. Хантингтон высказывает предположение, что вместе с идеологической победой Запада в конце XX в. на первый план выходят более глубинные противоречия цивилизационного характера, на чем строится его теория «столкновения цивилизаций». Сегодня наблюдается резкое повышение **интереса к религиозной и цивилизационной идентификации** в различных регионах мира, в связи с чем цивилизационный подход в политологии приобретает новую актуальность.

Плюралистическая цивилизационная парадигма, в отличие от линейности просвещенческих политических проектов, именно на *различии* основывает идентификацию, т.е. выделение, например, социальной или культурной группы из множества других. Обостренное внимание к *различиям* ведет к выдвиганию на первый план проблемы **идентичности** — цивилизационной, этнической, религиозной, в связи с чем цивилизационный подход приобретает новую актуальность. **Цивилизационная идентичность** — предельно широкий результат социокультурной идентификации. Акцент на различиях привел к повышению их значимости как таковых в культурно-политической проекции, придав им форму архаичного понимания «свой—чужой» как наиболее устойчивой и доступной. В политическом контексте это также находит выражение в различных подходах и практиках, крайними полюсами которых являются либо экстремистские или агрессивно-насильственные стратегии, либо признание конструктивного и необходимого потенциала диалога как основной техно-

1. Цивилизационная парадигма в изучении политики

логии межкультурного взаимодействия. Последнее предполагает право различных цивилизаций и социокультурных общностей менее широкого порядка сохранять свою самобытность и выступать в качестве равноправного участника подобного диалога. В политической проекции особую актуальность приобрела необходимость определения цивилизационного статуса для различных стран. Таким образом, сущность цивилизации связывается не с политическими или этническими реалиями, но с культурой, с наиболее устойчивыми, фундаментальными культурными характеристиками, позволяющими работать определенным цивилизационным механизмам.

В рамках современного цивилизационного подхода актуализировался дискурс о цивилизациях как субъектах исторического и политического процесса, а также поиски особенностей манифестаций Больших традиций в современных социально-политических трендах. В данном ракурсе актуализируется проблема **устойчивости** как критерия поддержания самобытности определенных социокультурных оснований, в политической проекции порождающих новые формы политического взаимодействия: от возвращения **традиций (религиозной, этнической)** в качестве легитимации политических стратегий до переосмысления глобального пространства современности в гражданских координатах. **Цивилизационная устойчивость** проявляется и передается не только посредством объективных форм, но и определенными глубинными психологическими механизмами, бессознательными и отрефлектированными, связанными с определенными поведенческими и психическими стереотипами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества. Не случайно любое политическое «мы» нуждается в ценностной целостности, а проблема религиозного самоопределения приобретает особую злободневность именно как основание цивилизационной устойчивости. Данный контекст определяет коннотации идентичности как устойчивого *modus vivendi* в индивидуальной и коллективной проекциях.

В рамках современного цивилизационного подхода в политической сфере четко прослеживается архаизация дискурсов и практик, связанная с тем, что традицию и традиционализм связывают с понятиями устойчивости и идентичности, цивилизационные параметры которых переживают менее долговечные политические и экономические образования, сохраняя специфику социальности. С точки зрения политической теории данный вопрос можно рассмотреть через призму соотношения универсализма и партикуляризма, во многом являющегося ключевым при определении политических идеологий и стратегий: гражданского общества, модернизации, глобализации, мультикультурализма, столкновения или диалога цивилизаций, а также моделей миропорядка с определением центров социальной и политической силы. *Традиции* как воплощенные в социальном поведении архетипические черты национального самосознания (речь идет о самых первичных, наследуемых из поколения в по-

коление образах и понятиях, структурирующих национальную картину мира) становятся важным источником утверждения культурных основ коллективной идентичности в мультикультурном мире, а апелляция к традиционализму — инструментом политической мобилизации массовых групп его граждан вне традиционного партийного спектра. В современном плюралистическом мире категории «культурные различия», «столкновение цивилизаций», «диалог цивилизаций», «идентичность» оказываются практическими категориями взаимодействия, обуславливающими вектор социально-политического развития, а механизмы идентификации, ранее трактуемые как традиционные, такие как, например, религия, переплетаются на цивилизационно-культурном, личностно-индивидуальном, глобальном и политическом уровнях. **Диалог** как форма межцивилизационного взаимодействия во многом основан на признании плюрализации социально-политического пространства и коммуникационной парадигме. Политические проекты и описательные схемы межцивилизационного диалога акцентируют внимание на необходимости сопряжения разнообразия и его политического оформления, поиске оснований для взаимодействия между различными социокультурными идентичностями, становящимися субъектами политического процесса. **Конфликт** возникает, когда идентичности вооружаются идеологическими и религиозными абсолютами, ситуация усугубляется и на поверхность, особенно по линиям конфликтов, межкультурных и цивилизационных разломов, поднимаются наиболее архаичные формы поведения: джихад, терроризм, замыкание на авторитарную политическую систему и т.п.

Одним из наиболее востребованных контекстов цивилизационного подхода в политике является религиозный. Не случайно именно религия лежит в основе большинства классификаций цивилизаций. Во многом понятие **конфессиональной идентичности** операционализируется в политической теории при описании взаимодействия между различными цивилизациями, культурами, при объяснении политических проблем миграционных трендов, современных мультикультурных обществ. Конфессиональная идентичность — восприятие принадлежности к конфессии как важнейшей опоры культурно-цивилизационной идентичности. Это фиксирует принадлежность к определенной культурной традиции, сформировавшейся под воздействием данного религиозного течения и формирующей чувство общности, вне зависимости от отношения к вере как таковой. В основе данного феномена лежит консолидация общностей и составляющих ее индивидов вокруг культурно-ценностной матрицы, которая на протяжении жизни многих поколений обеспечивала устойчивость и выживаемость данной общности, формируя национальную идентичность и подпитывая политические притязания. Повышение ее значимости коррелирует с ослаблением традиционных политических и гражданских форм солидарностей, кризисом национального государства, вытеснением на периферию рациональных форм политической регуляции вплоть до архаизации политики.

1. Цивилизационная парадигма в изучении политики

В условиях повышенных рисков современности религиозная тематика, религиозные идеологии, религиозные институты как аттракторы политической риторики и социальных практик становятся актуальными и «ощущаемыми» в повседневной жизни, в социальных срезам, в межличностных отношениях, они становятся общественными доминантами и объектами пристального политического внимания. Риски международного исламистского религиозного терроризма, миграционная катастрофа, имплицитная ценностные и культурные конфликты между большими группами людей, принадлежащими к различным религиозным традициям, в западном политическом пространстве, драматические столкновения между светскими и религиозными сегментами общества трансформируют привычные политические и ценностно-нормативные параметры социального устройства, а также актуализируют новые дискуссии относительно религиозных интенций в современном мире, религиозного потенциала международных отношений и политических стратегий.

Эти и подобные им тенденции стимулируют возникновение **современных алармистских концепций**. Данная ситуация уже была в истории развития цивилизационной идеи, когда после Первой мировой войны возникли концепции заката Европы, а затем и духовного кризиса европейской цивилизации. Представителями алармизма являются П. Бюккенен, С. Хантингтон, Т. Сарацин, Ю. Хабермас и др.

Цивилизационный подход возник в форме идеологии, оправдывающей и закрепляющей превосходство одних обществ над другими, что породило череду не только позитивных, но и деструктивных событий. Идеология цивилизации как нормативная, предлагающая и закрепляющая абсолютность западных ценностных и институциональных образцов оказалась более устойчивой по сравнению с ее философско-методологическим фундаментом, свидетельствуя о ее комплиментарности основным императивам западной модели общества. Идеология цивилизации, а также основанные на ней политические практики связаны с нормативным пониманием цивилизации, когда необходимостью ее защиты, степенью цивилизованности оправдывалось уничтожение целых культур, практика колониализма, войн и проч. Существование данных идейных течений подпитывается и современными реалиями, которые легитимизируют монологичные стратегии по отношению к незападным государствам и социокультурным образованиям, включая различные модернизационные сценарии, ценностные или технологические аспекты перехода к демократическим преобразованиям. С другой стороны, возникают идеологические проекты, основанные на признании многообразия цивилизаций и их несводимости к единому знаменателю, при постулировании их самобытности плюральным основаниям. Не случайно концептуальные модели **«столкновения цивилизаций»** и **«диалога цивилизаций»** становятся дискурсивными основаниями объяснения и интерпретации политических событий и процессов, являются смысловой нагруженностью политической риторики.

Понимание места России в современном диалоге цивилизаций нерасторжимо связано с широким философским контекстом сложившихся принципов исследования современной социокультурной и политической реальности, а также новыми интерпретативными подходами ко взаимодействию цивилизаций, культур, народов и отдельных личностей, сформировавшихся в различных культурных и политических традициях. Современные реалии — глобальные и локальные порождают потребность в определенных обобщенных представлениях о сути процессов, свойственных российскому обществу, потребность осмысления места и роли России в мировом социально-политическом процессе. Анализ цивилизационных особенностей российского общества предполагает освещение глубинных факторов устойчивых традиций, свойственных его истории, специфики политико-экономической деятельности, общественной мысли, идеологии, духовной жизни, выявление механизмов социального наследования и преемственности, обуславливающих сохранение и трансляцию общероссийского достояния.

Проблема определения **цивилизационного статуса России** рассматривается в ряде проекций — от внешнеполитической до религиозной, от философской до сугубо идеологизированной, однако сама точка концентрации многочисленных дискуссий очевидна — специфика российской цивилизации. Оценки данной специфики могут быть как положительными (О. Платонов, В. Кожин, А. С. Панарин), так и отрицательными — «русская система» (Ю. Пивоваров), «русская колея» (А. Аузан) вплоть до отрицания самой такой специфики. Определение России как «другой Европы» предлагает Ф. Бродель, это же определение дает России и В. Г. Федотова, изучая ее специфику в контексте модернизационных преобразований.

Устойчивость российской цивилизации поддерживается приверженностью большинства населения к сохранению своих традиционных ценностных представлений, своей концепции бытия, которая, формируясь на протяжении веков, характеризовалась приоритетом идей коллективного спасения, общественных интересов над личными, расположением к духовным ценностям и важной централизующей роли государства. Это определяет уникальность и самостоятельность российской цивилизации, воспроизводящихся на протяжении длительного исторического времени.

Проблема российской цивилизационной самобытности была поставлена одним из основателей концепции локальных цивилизаций Н. Данилевским («Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому», 1871). В основе его построений лежит идея обособленных «культурно-исторических» типов, служащая основанием для ответа на вопрос о постоянной внеположенности друг другу Европы и России.

Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) — русский социолог, культуролог и геополитик; основатель русской геополитической школы.

В концепции ученого проанализирован ряд различных цивилизаций (египетская, китайская, халдейская, древнесемитская, германо-романская и др.), большинство из которых, как правило, выделяются одним из основных элементов: культура, религия, политика или общественно-экономический компонент. Однако славянскому типу цивилизации ученый приписывает наличие всех четырех ярко выраженных компонентов, в связи с чем, по мнению Н. Я. Данилевского, России предначертан свой особый путь. Важно отметить, что в своих работах ученый крайне негативно и осторожно отзывался о политической и культурной экспансии Запада.

Автор концепции также выделяет четыре основные фазы, через которые может проходить культурно-исторический тип: подготовительная фаза (период зарождения этнической общности), период формирования государства (формирование основных социальных институтов), расцвет цивилизации и период апатии. Однако в то же время автор подчеркивает, что не все страны и народы проходят через все фазы развития, так как единой истории человечества не существует и не может существовать, поскольку в принципе история человечества складывается из отдельных культурно-исторических типов, проходящих через различные фазы: возникновение, развитие, расцвет или упадок.

Н. Я. Данилевский был глубоко верующим человеком, вследствие чего в его концепции изначально присутствовало идеальное начало.

Интересно отметить, что ученый предсказывал будущую миссию России, связанную с объединением славянских народов.

Основные работы:

«О движении народонаселения в России» (1851)

«Россия и Европа: Взгляд на культурно-исторические и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1869)

«Дарвинизм: Критическое исследование» (1885–1889)

«Сборник политических и экономических статей» (1890)

Н. Я. Данилевский выделяет пять основных признаков, согласно которым осуществляется становление, функционирование и упадок «культурно-исторических типов». 1. Языковая близость или языковая общность близких друг другу народов, при условии наличия духовных потенциалов к развитию. 2. Политическая независимость, обязательная для цивилизации в моменты зарождения и развития, хотя даже после ее потери культурно-исторический тип может еще какое-то время существовать (например, греческий). 3. Невозможность трансляции сущностных принципов одного «культурно-исторического» типа другому, поскольку каждый вырабатывает их самостоятельно при большем

или меньшем влиянии предшествовавших или современных цивилизаций. Заимствования возможны лишь в сфере частных предложений, вне того главного, что составляет самобытность данного «культурно-исторического типа». При заимствовании непосредственных цивилизационных начал происходит потеря собственной специфики и переход в состояние этнографического материала для новой исторической народности. 4. Разнообразие этнографических составляющих как условия полноты жизни и развития культурно-исторического типа. 5. Динамика развития «культурно-исторического типа» определяется органическими закономерностями, аналогичными развитию многолетних растений. Длительный период развертывания творческого потенциала заканчивается короткой стадией его полного осуществления, после которой он погибает навсегда.

Данилевским выделяются следующие «культурно-исторические типы»: 1) египетский; 2) китайский; 3) ассирийско-вавилоно-финикийский, халдейский или древне-семитский; 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) ново-семитский, или арабийский; 10) германороманский, или европейский. К этим десяти типам причисляются также два американских, погибших насильственной смертью и не успевших совершить свое развития, — мексиканский и перуанский. Славяно-русская самобытная цивилизация является типом будущего, который только начинает разворачиваться. В отличие от насильственного характера европейского «культурно-исторического типа», славяно-русский тип характеризуется такой своеобразной чертой, как терпимость и прирожденная гуманность.

Ключевые характеристики и коренные интересы **России как полиэтнического и многоконфессионального субъекта истории** выступают необходимой предпосылкой для осмысления ее роли в современном диалоге цивилизаций: актуальность исследования российской цивилизации обуславливается не только тем вкладом, который внесла Россия в мировую историю, но и наличием широкого спектра мнений о самой сущности российского общества и его места в современном мире. Нередко циркулирующие в общественных дискурсах стереотипные подходы и предвзятые оценки заслоняют подлинную специфику и величие России как цивилизации, чьи лучшие черты неизменно проявлялись в ходе истории и могут служить одним из алгоритмов разрешения противоречий и гармонизации нынешнего устройства мира. Это предопределяет статус России как защитника традиционных ценностей цивилизации.

В российской традиции цивилизационная устойчивость может быть проинтерпретирована и как сосуществование различных конфессиональных традиций. Этот факт во многом определил теоретические дискуссии в философско-политологическом знании, в котором достаточны сильны теоретические классификации цивилизаций по религиозному признаку, относительно сущности российской цивилизации, а также векторы структурирования социально-политического пространства. Существующий спектр мнений можно свести

Николай Данилевский:

«...Цивилизация есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себя заключает».

«...Различия в характере народов, составляющих самобытные культурно-исторические типы, те различия, на которых должно основываться различие в самих цивилизациях... могут быть подведены под следующие три разряда: 1) различия этнографические — это те племенные качества, которые выражаются в особенностях психического строя народов; 2) различия руководящего или высшего нравственного начала; 3) различия хода и условий исторического воспитания народов».

«Все формы европейничанья, которыми так богата русская жизнь, могут быть подведены под следующие три разряда:

Искажение народного быта и замен форм его формами чуждыми, иностранными; искажение и замена, которые, начавшись с внешности, не могли не проникнуть в самый внутренний строй понятий и жизни высших слоев общества — и проникают все глубже и глубже.

Заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву — с мыслью, что хорошее в одном месте должно быть и везде хорошо.

Взгляд как на внутренние, так и на внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения, рассматривание их в европейские очки, так сказать в стекла, поляризованные под европейским углом наклона, причем нередко то, что должно бы нам казаться окруженным лучами самого блистательного света, является совершенным мраком и тьмою, и наоборот».

Н. Данилевский. Россия и Европа. М., 1991

к следующим основаниям: 1) Россия — уникальная православная цивилизация; 2) Россия имеет единые христианские корни с Европой; 3) необходимо отказаться от акцентуации религиозного фактора; 4) основанием России является православно-мусульманский симбиоз; 5) Россия является поликонфессиональной цивилизацией. Безусловно, с православием ни одна религия не может конкурировать по силе и степени влияния на историю и культуру России, но нельзя не признать вклад других религиозных традиций (ислама, иудаизма, буддизма, протестантизма, национальных религий), что свидетельствует о взаимовлиянии и взаимообогащении, совместном создании и защите общих ценностей и государственных структур в едином географическом, политическом, экономическом и духовном пространстве. Это формирует у полиэтнического и многоконфессионального населения чувство сопричастности судьбам России, общие, глубинные для психологии и сознания российских этноконфессиональных общностей представления.

Российская цивилизация — одна из наиболее крупных по охвату территории цивилизаций, сформировавшаяся на территории Восточной Европы и Северной Азии, самобытность которой обусловлена взаимодействием специфических географических, климатических, этнических, конфессиональных, политических, исторических факторов. К основным чертам российской цивилизации следует отнести: **поликонфессиональность, полиэтничность, расколотость, антиномичность, патернализм, коллективизм, примат политических факторов, централизованные формы политического устройства, персонификацию власти**. Именно эти собственные цивилизационные основания предопределили вектор всех последующих разноуровневых и разнопорядковых трансформационных изменений российского общества, модель модернизации, характер взаимоотношений государства (власти) и общества, формы политического участия и поведения, специфику духовно-ценностных предпочтений. Опыт российских политических и экономических трансформаций свидетельствует, что изменение такой самостоятельной цивилизационно-культурной общности, как Россия, не укладывается в классический модернизационный сценарий, а эвристический потенциал спора между западниками и славянофилами до сих пор не утратил своей актуальности и со всей очевидностью проявляется в современной дискуссии о цивилизационном статусе России. Не менее важна и проблема «русской идеи» и поиск интегративной идеологии, сегодня во многом центрирующиеся вокруг образа будущего.

Было бы некорректным, в условиях цивилизационного многообразия, противопоставлять российскую и иные цивилизации, но при этом важно объективно показать их взаимодополняемость, взаимное влияние и цивилизационное своеобразие в контексте межцивилизационного и межкультурного диалога. Каждая цивилизация при всей своей специфике и своеобразии — составная часть единой целостной общности — человечества.

В подобном взаимообогащающем взаимодействии каждая из цивилизаций предлагает свои определенные характеристики, способные стать ключевыми для разрешения проблем, с которыми ранее иные цивилизации не сталкивались. Одним из императивов российской цивилизации выступает ее традиционная толерантность, лежащая в самой ее основе, несмотря на различные негативные процессы, проявляющиеся сегодня. Акцентация и упор в современных политических процессах на цивилизационные основания позволяет выстраивать стратегию продвижения политических интересов России, основываясь на культурном потенциале, во многом определяющем новые политические практики.

Цивилизационная парадигма является одной из концептуальных схем политической теории, позволяющей интерпретировать политические институты, процессы и мировую политику сквозь призму более устойчивых и глубинных факторов — ценностных систем и культуры. Во многом

1. Цивилизационная парадигма в изучении политики

именно цивилизационный подход изменит концептуальную логику осмысления и интерпретации политики от нормативных линейных подходов к признанию альтернативности и равнозначности путей развития. Именно цивилизационная парадигма позволила изменить логику инструментальных политических практик модернизаций. Их результатом уже становится не переход к ценностям и нормам западного общества, а развилка — либо переход, либо акцептация традиционных оснований. В рамках данной парадигмы становится возможным объяснение неэффективности традиционно рассматриваемых как наиболее эффективных политических институтов, ценностей и технологий, а также понимание ценности многообразия культур, религий и политического опыта. Цивилизационная парадигма также дает объяснение новым явлениям мировой политики, а также позволяет объяснить технологии международных отношений.

Можно зафиксировать, что возникновение новых политических смыслов цивилизационной теории определило смену познавательных акцентов: от линейной универсальности, прогресса, непрерывности к плюралистической актуализации самобытности, прерывности, традиционности, архаизации. В результате в современной цивилизационной парадигме происходит смещение исследовательской оптики от нормативного понимания цивилизации как воплощения западного политического и ценностного опыта в сторону «дебатов об идентичности», «диалога и конфликта цивилизаций», религии как основания мировой политической субъектности. Включение понятий «цивилизация», «идентичность», «устойчивость», «традиция» в инструментальной политической теории, проявления соответствующих референтов в политической ткани во многом фиксируют изменение политических стратегий и институтов, фундаментом и легитимацией которых выступают современные изменения мира.

Примечания

¹ *Risse T. Social Constructivism Meets Globalization // Globalization Theory: Approaches and Controversies / Ed. by A. McGrew and G. D. Held. Cambridge: Malden, Mass., Polity Press, 2007. Vol. 1. P. 126–147.*

² *Гаман-Голутвина О. В. Новые измерения в понимании политической культуры: роль социокультурной составляющей // Россия в современном диалоге цивилизаций. М.: Культурная революция, 2008. С. 101–102.*

³ *Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.*

⁴ *Fearherstone M. Undoing culture: globalization, postmodernism and identity. L.: Sage Publications, 2000.*

⁵ *Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. И. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С. 247.*

⁶ *Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». Постсекулярное общество — что это такое? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Protivvoinstvuyuschego-ateizma>.*

- ⁷ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 34.
- ⁸ Хантингтон С., Гаррисон Л. (ред.). Культура Имеет Значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Антология. М.: Московская школа политических исследований, 2002; *Harrison L., Huntington S.* (eds). *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. N.Y.: Basic Books, 2000.
- ⁹ См.: *Beneton Ph.* *Histoire des mots: culture et civilisation*. P., 1975. P. 43.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 261.
- ¹² Там же. С. 262. Речь идет о Великой буржуазной революции во Франции (1789–1794 гг.) и империи Наполеона.
- ¹³ *Mauss M.* *Les civilisations: éléments, formes et aires de civilisation // Civilisation: le mot et l'idée*. Paris, 1930. P. 104.
- ¹⁴ *Braudel F.* *Ecrits sur l'Histoire*. Paris, 1969. P. 292.
- ¹⁵ Ibid. P. 291.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ См.: *Eisenstadt S. N.* *The civilizational dimension of Modernity // International Sociology*. 2000. Vol. 16. No 3; *Idem.* *Multiple Modernities // Daedalus*. 2000. No 3; *Эйзенштадт Ш.* Модерн как цивилизация особого типа // Реферативный журнал. Серия 11. 2003. № 1.
- ¹⁸ *Данилевский Н.* Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.
- ¹⁹ *Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Эксмо, 2009. — 800 с.
- ²⁰ *Тойнби Дж.* Исследование истории. Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ, 2009. — 672 с.
- ²¹ *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. — 528 с.

Литература

- Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / Пер. с фр. М.: Весь Мир, 2008.
- Бродель Ф.* Очерки истории / Пер. с фр. Э. Орловой. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. — 223 с.
- Данилевский Н.* Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу: Антология / Ред. С. Хантингтон и Л. Гаррисон. М.: Московская школа политических исследований, 2002. — 320 с.
- Образовательный ресурс «Российская цивилизация в пространстве, времени и мировой истории». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://рос-мир.рф>.
- Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь / Ред. М. П. Мchedlov (отв. ред.) и др. М.: Республика, 2001. — 544 с.
- Россия в современном диалоге цивилизаций / Логинов А. В., Гаман-Голутвина О. В., Мchedlova M. M. [и др.] М.: Культурная революция, 2008. — 400 с.
- Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б. С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998. — 556 с.
- Тойнби А.* Цивилизации перед судом истории. М.: Айрис-пресс, 2003.
- Тойнби Дж.* Исследование истории. Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ, 2009.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. — 603 с.

1. Цивилизационная парадигма в изучении политики

Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 1 (30).

Яковец Ю. В. Диалог и партнерство цивилизаций. М.: Институт экономических стратегий, 2014. — 340 с.

Braudel F. *Ecrits sur l'histoire.* Paris, 1969.

Eisenstadt S. N. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities.* Leiden; Boston: Brill, 2003.

2. КЛАССИЧЕСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Ключевые слова

Национальные интересы, реализм, дилемма безопасности, соперничество, сотрудничество, ресурсы, мораль в политике, политические цели, политические средства, баланс сил

Среди нормативных теорий международных отношений реализм занимает одно из центральных мест. В рамках этого направления были сформулированы и осмыслены ряд базовых категорий современной теории международных отношений (МО) — национальный интерес, соперничество, государственная мощь, баланс сил. Их зеркальное отражение в других фундаментальных понятиях — международного сообщества, сотрудничества, доверия, взаимозависимости — во многом сформировалось в русле критики реализма со стороны конкурирующих теорий или же в форме критической мысли самих реалистов. И реалисты, и их критики стремились найти подходы к решению проблемы преодоления анархичной природы международных отношений. По большому счету, цель теоретиков состояла в ответе на вопрос, как обеспечить безопасность и стабильность государства в условиях неопределенности, отсутствия жестких правил игры и легитимной высшей силы, способной принуждать всех к исполнению этих правил. Или, иными словами, какую стратегию следует выбрать государству в условиях внешних и внутренних угроз и вызовов безопасности? Почему именно эта стратегия является оптимальной?

- Дилемма безопасности предполагает стратегический выбор государства между сотрудничеством и соперничеством с другим государством или государствами. Предельным выражением этих двух альтернатив являются либо союзнические отношения, либо военное противостояние с использованием всех возможных средств и ресурсов.

Подобные альтернативы следует воспринимать как спектр с широким веером возможностей между ними. В международных отношениях нередки ситуации, когда сотрудничество и соперничество сосуществуют. Тем не менее, говоря о дилемме безопасности, международники все-таки подразумевают наличие «наихудшего сценария» — возможности и намерения нанести ущерб

безопасности государства со стороны другого государства или актора¹. Для реалистов возможность «худшего сценария» — одна из теоретических аксиом.

В современной литературе нередко встречается весьма упрощенное восприятие реализма. Часто он понимается как теория, которая акцентируется на факторах мощи и конкуренции. Такое восприятие объясняется доминированием эмпирических исследований, в которых реализм или любая другая теория неизбежно полагаются лишь в качестве концептуальной рамки. Акцент делается на основных постулатах, а не на системе их аргументации. В итоге теория упрощается. Поэтому предпочтительно уделить внимание не только постулатам, но и системе аргументов, которые сделали их возможными. Ведь по большому счету внимание к факторам силы является скорее следствием, а не основанием реалистской теории. Не разобравшись с основаниями, мы рискуем получить поверхностное представление о реалистской мысли.

Философские основания теории реализма являются продуктом преимущественно западной интеллектуальной традиции. Современная реалистская мысль сформировалась под мощным влиянием консервативных политических теорий. Их концептуальный аппарат лег в основу критики реалистами «рационалистических» подходов к международным отношениям, которая сделала их работы столь резонансными в промежуток между двумя мировыми войнами и на начальном этапе холодной войны. Конечно, в многочисленных обзорах теории МО реализм справедливо преподносится как более длительная интеллектуальная традиция. Ее корни связываются с древнегреческим историком Фукидидом (431 г. до н.э.)². В истории политической философии можно найти большое число мыслителей, которые обращались к проблемам войны и мира с позиций прагматичных интересов государства. Классическими фигурами являются, например, Никколо Макиавелли и Томас Гоббс, на которых ссылаются большинство реалистов, их критиков или интерпретаторов.

Действительно, изучаемая ими проблематика и система допущений во многом предвосхитила современные реалистские концепции. Но связь между ними все-таки не должна преувеличиваться. Современный реализм представляет собой рефлексию весьма специфических проблем международных отношений, во многом порожденных институциональными трансформациями так называемых западных обществ. Начало этих трансформаций пришлось на XVI–XVII вв., а в XIX–XX вв. они резко ускорились, по-видимому достигнув своего пика. Естественно, неопределенность, дилемма безопасности и вооруженные конфликты — более универсальное явление, которое нельзя сводить лишь к западной политической практике или ограничивать обозначенным временным отрезком. Однако в этот период сложился особый контекст, в котором разворачивалась международная политика. Понимание специфики исторического контекста дает ключ и к пониманию логики реалистов.

Контекст формирования политического реализма

Политическая реальность, ставшая предметом реалистской рефлексии, зарождается в Европе в эпоху раннего модерна. Основными действующими лицами международных отношений становятся суверенные государства, формально равные друг другу по своему статусу. Причем природа их суверенитета постепенно меняется. Вершителями Вестфальского договора 1648 г. были преимущественно монархи. С течением времени суверенитет обезличивается, а его носителем все чаще выступает абстрактная нация — «воображаемое» политическое сообщество, от лица которого осуществляется внешняя политика, защищаются «национальные» интересы, а решения принимаются его «уполномоченными представителями»³. Само понятие нации трансформируется. Под ней начинает пониматься все народонаселение, живущее в данном государстве, а не только (и не столько) высшая часть общества — светская и духовная аристократия⁴. Стираются сословные и корпоративные границы. Основы легитимного порядка постепенно смещаются с вопроса лояльности благородного сословия монарху к проблеме признания власти массами «граждан» — простолюдинов, получивших политические права. Будучи «воображаемым сообществом», нация могла обеспечить свою легитимность только через сильную коллективную идентичность, которая представляет собой принимаемый гражданами ответ на вопрос «Для чего и для кого существует данное государство?»⁵.

В таком контексте зарождаются базовые идеологические доктрины современности — либерализм, а впоследствии — консерватизм и социализм, тесно связанные с развитием национализма как политической идеологии. Внешняя политика из привилегии и своего рода «спорта» благородного сословия превращается в инструмент реализации «интересов» нации. Идеологические доктрины оказывают на нее существенное влияние: по меньшей мере с момента Великой французской революции 1789 г. международные отношения пронизаны духом конкуренции светских идеологий. Конечно, этот процесс был неравномерным. Первое обострение идеологической конкуренции пришлось на конец XVIII — начало XIX в. Оно произошло в контексте противостояния, условно говоря, «либеральной» Франции и ее «консервативных» соперников, поддержку которым оказала «умеренно консервативная», но при этом передовая в индустриальном отношении Великобритания. Второе обострение соперничества пришлось на «короткий XX в.»⁶ — период состязания либерального и социалистического проектов.

Изменения природы суверенитета и появление новых идеологий имели под собой фундаментальные экономические основания. Развитие капитализма в Северо-Западной Европе привело к вовлечению в хозяйственные отно-

шения широких масс людей на основе свободного наемного труда. Западный капитализм способствовал рационализации экономической деятельности и прикладному использованию инноваций⁷. Первоначально этот процесс шел достаточно медленно, концентрируясь в торговле, сельском хозяйстве и небольшом количестве отраслей промышленности. Но к началу XIX в. он резко ускоряется. Происходит индустриальная революция. Производство достигает беспрецедентных уровней стандартизации, рационализации, прикладного применения научного знания и массового вовлечения трудовых ресурсов. Бурный промышленный рост и урбанизация способствуют появлению новых социальных классов и слоев (буржуазии, пролетариата, городских маргиналов, интеллигенции), которые и становятся основной социальной силой политических преобразований. Появлению новых идеологий способствуют как успехи капитализма (их прославляет либерализм), так и его серьезные издержки (их критикует социализм). Консервативная мысль формируется, с одной стороны, как апологетика старого феодального порядка или его остатков, а с другой — как критика резких революционных преобразований независимо от того, осуществляются ли они под либеральными или социалистическими лозунгами.

Происходят изменения на уровне системы государственного управления. Вовлечение в экономику больших масс населения и хозяйственные трансформации требуют нового уровня бюрократии — более дисциплинированной, организованной и эффективной. В терминах Вебера, традиционные формы господства уступают место рационально-легальным⁸. Совершенствуются методы контроля, поддержки легитимности политического порядка, «конструирования» национальной (государственной) идентичности через систему образования, печать, всеобщую воинскую повинность и т.д.⁹ Рационально-легальные методы управления используют и новые социальные движения, нарождающиеся массовые партии. Рационализация системы управления резко увеличивает эффективность надзора, порождая феномен «паноптизма» в самых разных областях: начиная от полицейской системы и заканчивая клинической медициной¹⁰. Рациональное государство становится существенно более значимым актором во внутривнутриполитической жизни. В терминах марксизма, политическая часть надстройки стала оказывать значительно более серьезное влияние как на базис, так и на остальные части надстройки¹¹.

Появление капитализма и сопутствующие политические изменения в Северо-Западной Европе вызывают серьезный резонанс в системе международных отношений. Капиталистическая экономика с самого момента своего появления носила трансграничный характер, вовлекая в свою орбиту все большее количество стран и регионов. Их вовлеченность, конечно, была неодинаковой и приводила к разным последствиям. В так называемых странах «сердцевины» (Великобритания, Нидерланды, впоследствии — США и в меньшей степени Франция), где капитализм возник и развивался более или менее естественным путем, новые экономические отношения способствовали рациона-

лизации хозяйства, развитию технологий, освобождению труда и появлению национальных государств. В то же время переходные процессы были весьма кровавыми, а положение «свободных» рабочих — вчерашних крестьян — зачастую отчаянным. В «периферийных» же странах вовлечение в мировую капиталистическую экономику в основном осуществлялось в виде поставок сырья в страны «сердцевины», которые требовали его во все больших объемах. Растущие торговые связи с «сердцевиной» не способствовали изменениям в социально-экономическом укладе, а наоборот — консервировали его. Некоторым из них удалось адаптировать новые политические технологии и модернизировать вооруженные силы. Но это не приводило к изменениям экономического уклада. Или же экономические перемены серьезно запаздывали, будучи иницированными самим государством (Россия здесь является иллюстративным примером). В процессе развития капитализма международные отношения характеризовались острой конкуренцией как за место в «сердцевине», так и за место на «периферии» мировой экономики, или, как называет ее Иммануил Валлерстайн, капиталистической миросистемы¹².

Развитие капитализма, рационализация государственного аппарата и технологические изменения сопровождалось быстрым развитием военного дела. Появление и совершенствование огнестрельного оружия радикально меняет тактические приемы. Падает роль тяжеловооруженного всадника-феодала; растет значимость массовой пехоты, вооруженной огнестрельным оружием и скованной железной дисциплиной. Необходимость снабжения больших армий трансформирует ремесленное производство оружия в обособленную промышленную отрасль, функционирующую на капиталистических принципах. Этот процесс изменений неравномерен. Первая фаза взрывного роста новых военных технологий приходится на XVI–XVII вв. С начала XVIII в. динамика несколько затормаживается — совершенствуются уже имеющиеся технологии. А с середины XIX в. происходит новый прорыв, поддерживаемый быстрой индустриализацией и распространением принципов фабричного производства: в течение жизни одного-двух поколений технологии и принципы боя изменялись до неузнаваемости.

Индустриализация военного дела привела к глобализации политического господства западных держав относительно быстрой колонизации значительных пространств в Азии, Африке, Центральной и Южной Америке. К началу XX в. национальное государство в пределах метрополии парадоксальным образом сочеталось с имперской формой. В ряде случаев колонии выходили из-под политического контроля. Но даже тогда они оставались на «периферии» мировой экономики, будучи поставщиками сырья и потребителями капиталов и технологий¹³. С другой стороны, насыщение рынков сбыта и появление новых претендентов на место в «сердцевине» в конце XIX в. обострило конкуренцию крупнейших держав, вылившуюся в Первую мировую войну¹⁴. Степень развития военных технологий к тому времени превратила конфликт

в беспрецедентную конкуренцию массовых военных машин, обеспечивающих их промышленных потенциалов, политических технологий и институтов. Значимость последних показал распад четырех империй (Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской), которые развалились преимущественно в силу внутренних причин, а не военных поражений.

Первая мировая война разворачивалась на фоне серьезного кризиса капиталистической экономики, который не был разрешен после установления Версальско-Вашингтонской системы. Экономические кризисы, подобные Великой депрессии, наложились на подъем протестного движения пролетариата и усиление социалистического движения. Идеологическое наполнение международных отношений вновь перешло в стадию обострения. Если в конце XVIII — начале XIX в. катализатором этого процесса стала Великая французская революция, то в начале XX в. — социалистическая революция в России. Революционные изменения в нашей стране — одной из крупнейших мировых держав — сделали конкуренцию идеологий значимой составляющей международных отношений. Обострению международных процессов способствовало установление фашистского и национал-социалистического режимов в Италии и Германии: оба государства бросили вызов как либеральному, так и социалистическому проектам¹⁵.

Влияние либеральных идей на мировую политику также росло. С одной стороны — в виде защитной реакции так называемых либеральных демократий, с другой — в форме идей о построении международного сообщества, разоружении и регулировании взаимодействия между государствами посредством коллективных институтов. Актуальность подобных идей объяснялась тяжелыми последствиями войны, желанием снизить военные расходы и сохранить послевоенный статус-кво. Лига Наций стала основным институциональным воплощением либеральных идей в международных отношениях межвоенного периода.

Фундаментальные труды современного реализма появляются именно в этот период, когда все более очевидной становится перспектива новой войны. Еще в 1931–1932 гг. происходит первый серьезный сбой в работе Лиги Наций на фоне так называемого Маньчжурского инцидента¹⁶. После прихода в Германии к власти Гитлера в 1933 г. последовала быстрая милитаризация всех без исключения великих держав, финалом которой стала Вторая мировая война.

Средоточением реалистской мысли становятся США, в несколько меньшей степени Великобритания. Это объясняется, с одной стороны, эмиграцией в США ряда ученых-международников, философов и юристов из континентальной Европы в предвоенный и военный период. С другой стороны, именно в этих странах на фоне относительно высокого уровня плюрализма разворачивается наиболее последовательная критика современных рационалистических идеологий (в первую очередь, либерализма и социализма).

В условиях растущего страха и недоверия, обостренной идеологической конкуренции, мирового экономического кризиса, гонки вооружений и насле-

для Первой мировой войны реализм получает серьезный интеллектуальный и политический резонанс. Последовавшие Вторая мировая, а затем и холодная война лишь укрепили его роль доминирующей интеллектуальной парадигмы в теории международных отношений, а также «дорожной карты» в разработке внешнеполитических стратегий и решений правительства США.

Итак, современный реализм — это прежде всего теория в рамках англосаксонской традиции. Несмотря на то что реализм ассоциируется с прагматизмом и критикой идеологий, он базируется на весьма серьезном политико-философском фундаменте. Его составляют концептуальные связи консервативных политических теорий в сочетании с элементами христианской морали в ее протестантской интерпретации. Политико-философские основания современного реализма во многом были выстроены в межвоенный и послевоенный период Рейнхольдом Нибуром — американским теологом, пастором и известным общественным деятелем. В обзорах теорий международных отношений роль основателя реализма часто отводится Гансу Моргентау, тогда как Нибур зачастую упоминается лишь пунктирно. Однако работы Моргентау и других реалистов — Эдварда Карра, Джорджа Кеннана, а затем и Кеннета Уолтца, Генри Киссинджера, Артура Шлезингера сформировались под влиянием Нибура. Его заслуга состоит в обеспечении реализма последовательной системой политико-философских аргументов, которые впоследствии «узаконили» его основные положения. Реализм получил твердый интеллектуальный стержень, который встроил эту теорию международных отношений в более широкий контекст современной политической науки.

Политическая теория Рейнхольда Нибура

Краеугольным камнем политико-философских взглядов Нибура является концепция природы человека и возможностей человеческой рациональности в достижении справедливого политического устройства. Своим интеллектуальным предтечей в этом вопросе Нибур считает Августина Блаженного, которого он характеризует как одного из первых великих реалистических мыслителей. Отталкиваясь от Августина, Нибур исходит из допущения о двойственности человеческой природы. С одной стороны, человеку свойственно стремление к справедливости и этическому идеалу, выражаемому, в частности, христианскими заповедями. С другой — человек несовершенен и грешен. Таким образом, возникает напряжение и противоречие между желательным и реальным порядком вещей. Греховность человека превращается в постоянный фактор человеческой истории, а идея блага — в «невозможную возможность»¹⁷.

Карл Пауль Рейнхольд Нибур (1892–1971) — американский философ и теолог немецкого происхождения, представитель диалектической теологии, оказавшей существенное воздействие на формирование классического политического реализма.

В начале своей научной деятельности Р. Нибур уделял особое внимание проблемам религиозных ценностей, пытаясь совместить их с ценностями либерализма и социализма. В частности, он считал невозможным достижение социальной справедливости посредством индивидуальной религиозности и разделял социалистический идеал общественного коллективизма.

Социальные последствия, связанные с процессом индустриализации, оказали сильное влияние на мировоззрение американского философа, в результате чего Р. Нибур примкнул к представителям европейской диалектической теологии, придававшим важное значение Библии при исследовании человеческой природы. Однако, по мнению американского философа, вследствие эгоизма, свойственного человеческой природе, человек заблуждается в вопросе о собственной праведности.

Личная праведность, как и общественная справедливость, с точки зрения Р. Нибура, достижимы лишь на основе преобразования устройства общества.

Основные работы:

«Моральный человек и аморальное общество» (1932)

«Природа и участь человека» (1941–1943)

«Ирония американской истории» (1952)

«Вера и политика» (1967)

Важным интеллектуальным достижением Августина Р. Нибур также считает уход от античной традиции. Последняя предполагает, по его мнению, что справедливость и социальный порядок вполне достижимы. Они возможны в случае торжества человеческого разума, который должен подчинить страсти и наклонности. Августин, напротив, рассматривает человека как интегральную сущность. Разум не в меньшей степени является причиной греховности человека, нежели тело и природные инстинкты. Разум, в частности, имеет непосредственное отношение к эгоизму, склонности помещать себя в центр мироздания, считать себя мерой всего. Разум может способствовать осознанию человеком своего несовершенства и стремлению к идеалу. Но вместе с тем он может способствовать рационализации эгоизма и собственного интереса.

Рейнхольд Нибур:

«Сфера политики и экономики служит особенно важным местом испытания адекватности и применимости религиозно-нравственного взгляда на мир. Реалии этой сферы намного ярче выявляют недостижимость высшего идеала, чем сфера личных нравственных отношений. В то же время эта сфера связана с жизнью и смертью, счастьем и горем миллионов, и ее относительные достижения становятся важными символами и предвестниками более высокого и абсолютного единства, несмотря на свою относительность и ограниченность.

Важность проблем политики и экономики увеличивается с каждым десятилетием современного бытия, поскольку техническая цивилизация настолько усилила меру и широту социальной интеграции, что человеческое счастье все больше зависит от справедливости устройства и приспособляемости политических и экономических механизмов, определяющих совместное существование людей. Даже если верно то, что перед человеческим духом стоят высшие проблемы за пределами отношений человека и общества... то социально обездоленное поколение будет иметь и склонность, и право отвергнуть высшие религиозные интерпретации жизни, если не связать их с сиюминутными проблемами социальной справедливости. Людей, само существование которых находится под угрозой и чей осмысленный мир доведен до состояния хаоса социальными неурядицами технической цивилизации, можно простить, если они отвергают как непозволительную роскошь любую «глубокую» религию, которая не интересуется их проблемами.

Проблемы политики и экономики суть проблемы справедливости. Задача политики в том, как привести анархию конфликтующих человеческих интересов в некое подобие порядка, предложив людям максимальную возможность для взаимной поддержки. В сфере коллективного поведения сила эгоистических страстей настолько велика, что единственно возможная форма сосуществования — та, в которой можно нейтрализовать эти страсти, установив равновесие сил, посредством взаимных мер защиты против их чрезмерного проявления и посредством направления энергии этих страстей в русло решения социальных задач».

Р. Нибур. Опыт интерпретации христианской этики. 1935

Несовершенство человека состоит в склонности переоценивать возможности своего разума. Иными словами, проблема не в разуме самом по себе, а в убежденности, что посредством рациональных схем можно добиться построения бесконфликтного общества, не подверженного столкновению интересов. Именно этот тезис Нибур противопоставляет двум «рационалистическим» идеологиям — либерализму и социализму.

Нибур, в частности, отмечал, что социализм склонен связывать несовершенство человека и общества с характером общественных и экономических отношений, с наличием антагонистических классов и проблемы отчуждения. Соответственно, рациональное преобразование общества, исчезновение классов и изменение отношений собственности снимет эту проблему и даст воз-

возможность реализовать человеческий потенциал¹⁸. В основе либерализма также лежит убежденность в том, что несовершенство человека может корректироваться рациональным изменением институтов. Однако социализм (который Нибуром ассоциируется с коммунизмом советского образца) более опасен, поскольку ставит своей целью значительно более радикальные изменения, одно из которых — отказ от частной собственности¹⁹. Последствия таких экспериментов тем более иллюзорны и труднопредсказуемы, чем более фундаментальный и резкий характер они носят. «Коммунизм представляет собой яркий и объективный урок ужасающих последствий применения сомнительных средств ради достижения благих целей»²⁰.

Однако это не значит, что США с их буржуазными ценностями являются совершенной и «невинной» нацией, единственным образцом для других. Америка должна всячески избегать позиционирования себя в качестве морального идеала и образца для всего мира. Ей следует избавиться от многих иллюзий своей непогрешимости: «Нации, равно как и индивиды, уверенные в своей непогрешимости, невыносимы»²¹. В этом смысле и США, и СССР одинаковы в том, что пытаются представить себя в качестве государств, по определению идущих единственно правильным путем: социализм следует рассматривать как оборотную сторону либерализма. Нибур отмечает, что пока либеральный проект в США не был отягощен репрессиями, сходными с советским опытом. Но дело не в том, что либеральные идеи и иллюзии лучше социалистических. Скорее от деструктивных последствий либеральной утопии США оградили их политические институты и система сдержек и противовесов в принятии решений.

Позиция Р. Нибура соотносится с консервативными политическими теориями, главным образом с умеренным консерватизмом в духе Эдмунда Берка. Опора на здравый смысл может оказываться более продуктивной, нежели следование абстрактным схемам и рациональным построениям. Нибур отмечает, что США удалось достигнуть своих успехов благодаря здравому смыслу и прагматичному подходу к власти, а не оторванным от реальности спекуляциям. Америка достигла таких успехов потому, что интеллектуальные построения «отцов-основателей» о непогрешимости США не были приняты всерьез. Выражая скептицизм относительно безграничных возможностей разума, Нибур пытается опровергнуть противопоставление разума и власти. Он полагает, что рациональность и рационализация скорее способствуют укреплению власти, влияния и мощи, а не контролю над ними. Так, американская мощь определяется технической вооруженностью и эффективностью промышленности, с одной стороны, и достижениями в естественных науках — с другой. Но, ни бизнес, ни наука не смогут обеспечить триумфа разума над властью²².

Отсюда вытекает еще один вопрос, важный как для реализма, так и для консервативных теорий, а именно вопрос об авторитете, власти и ее легитимности. Для консерватизма компенсация несовершенства человека и ограниченности его разума появлением внешней политической власти является сквозным сю-

жетом. Изъяны человеческой природы усиливаются и становятся более выпуклыми в групповом поведении. В отличие от индивида, который может преодолеть свой эгоизм, группы в большей степени руководствуются интересом, а роль силы в отношениях между группами значительно выше в сравнении с отношениями между индивидами²³. Отсюда следует важный вывод, который красной нитью проходит через работы Нибура. Христианский перфекционизм и пацифизм, убежденность в том, что порядок и справедливость могут быть достигнуты вне властных отношений и принуждения, являются ложными. Природа человека и социальных групп неизбежно требует политического элемента, когда сила балансируется другой силой. Проблема состоит не во властных отношениях и балансах сил как таковых, а в том, что сама политика никогда не сможет избавиться от шаткого равновесия между анархией и тиранией²⁴.

Подчиняя анархию власти, последняя неизменно будет испытывать соблазн перерасти в тиранию. Следовательно, справедливость может быть достигнута только посредством определенного принуждения, с одной стороны, и сопротивления принуждению и тирании — с другой. «Власть — это и следствие греховной природы человека, и лекарство от него»²⁵. Именно здесь проявляется необходимость системы сдержек и противовесов. Тем, кто обладает силой и механизмами принуждения, нельзя доверять. В сдержках и противовесах должна заключаться возможность баланса сил. И это актуально как для внутренней политики, так и для международных отношений. Агрессор не может быть принужден к миру, если нет силовых механизмов противодействия его мощи (здесь Нибур ссылается на попытки Лиги Наций принудить Италию прекратить агрессию против Эфиопии в 1935; в этом же ряду следует полагать Маньчжурский инцидент, Мюнхенский сговор и др.)²⁶.

Концепция власти в философии Нибура определяет и специфическую трактовку понятия справедливости. Универсальная формула справедливости невозможна. Вместо подлинной справедливости предлагается сохранение лояльности сообществу. В случае государства подобную лояльность можно интерпретировать как патриотизм, в случае же международных отношений Нибур определяет такую лояльность через коллективные интересы. Здесь, кстати, он выступает с критикой «радикального» реализма, который, в противовес идеализму, полагает, что государство на международной арене должно руководствоваться исключительно собственными интересами. Нибур, напротив, считает, что в этом случае государство как раз навредит своим интересам.

- Следует формулировать интересы государства так, чтобы они соответствовали более широкому кругу интересов, общих и для других государств. Долгосрочный коллективный интерес сообщества государств значительно целесообразнее защиты наиболее выгодного, но сиюминутного интереса одной страны. Справедливость в международных отношениях связана, таким образом, с согласованием и защитой коллективных интересов.

Реализм в интерпретации Нибура — это моральная доктрина, которую не следует отождествлять исключительно с цинизмом и эгоистическим интересом. Природа последнего, опять же, двойственна. Внешнеполитический интерес — это одновременно и предпосылка анархии, и средство ее укрощения.

Как видим, Нибур задает аргументацию основных постулатов теории международных отношений сквозь призму интерпретации таких понятий, как природа человека, авторитет, справедливость, интерес, критикуя рационалистические идеологии. Эти постулаты были развернуты Гансом Моргентау непосредственно после окончания холодной войны с более выраженным акцентом на политических проблемах.

Реализм Ганса Моргентау

Г. Моргентау полагает, что реализм, как и любая другая теория международных отношений, должен носить эмпирический характер, т.е. иметь жесткую привязку к фактам и историческому опыту. Априорные допущения для такой теории нежелательны: в своих работах он обращается к весьма обширному историческому материалу. Тем не менее его труды трудно назвать эмпирическими в современном смысле этого слова — позитивистскими или постпозитивистскими. Эмпирические и исторические факты рассматриваются Моргентау с использованием вполне конкретных политико-философских аргументов, во многом намеченных Нибуром и являющихся по своей сути консервативными.

В человеческой природе заложено несовершенство, результатом которого становится невозможность полного соблюдения моральных принципов. Человеку и социальным группам свойственно отстаивать свои эгоистические интересы. Их конфликт составляет суть политического (здесь ощутимо влияние консервативной теории Карла Шмитта). Соответственно, приблизиться к соблюдению морали можно лишь путем установления баланса интересов и сил. Однако любой баланс будет временным, и рано или поздно конфликт интересов разгорится с новой силой²⁷.

Критика рационалистических идеологий занимает заметное место в теории Г. Моргентау. Наиболее последовательно он критикует социальную инженерию либерального или социалистического толка: политика не может быть выстроена на основе рациональной схемы. Рано или поздно она будет подорвана историческими изменениями. Моргентау недвусмысленно указывает на лицемерие этих идеологий. В частности, на осуждение ими войны как отклонения от рационального порядка. При этом либерализм осуждает только те войны, которые не соответствуют либеральным целям. Когда же речь идет о войне за либеральные ценности или «освобождение» того или иного народа от «деспотии», цель, как утверждают либералы, всегда оправдывает средства. Война за демократию во всем мире аналогична войне за всеобщее равенство социалистического толка²⁸.

Ганс Моргантау (1904–1980) — американский политолог, классик американской политической мысли в области международных отношений, один из основателей и глава школы политического реализма. С точки зрения Ганса Моргантау, именно теория политического реализма способна лучше других теорий объяснить тенденции в международных отношениях. Основными аспектами данного подхода является идея о государстве как об основном акторе в международной системе, формирующем свой внешнеполитический курс исходя

из силы и ресурсов, а также представление о том, что на международной арене между государствами постоянно ведется борьба за влияние, в связи с чем необходимо сохранять международное равновесие сил. Политика баланса сил направлена на предотвращение действий иных государств и коалиций, способных разрушить международный порядок. Стержнем данного подхода также является мысль о том, что в основе поведения государств на международной арене лежит особенность человеческой природы, которой присущи такие качества, как эгоизм, стремление к самосохранению, безопасности. Концепция политолога базируется на следующих принципах: принятие во внимание противоречивой человеческой природы и понимание риска кризиса при попытке совершенствования общества; учет прежде всего прагматических национальных интересов государств, связанных с властью и могуществом; отказ от учета психологических особенностей политиков при анализе внешнеполитических курсов государств; признание возможного несоответствия действий государств моральным принципам, прагматическая трактовка политической сферы.

Являясь представителем европейской интеллектуальной традиции, Моргантау активно критиковал оптимизм, царивший среди представителей политической и социальной философии в Америке в то время. Он проявлялся в вере в бесконечную силу разума, природу человека и универсальность американских ценностей и интересов. По мнению Моргантау, данные убеждения могут привести к превалированию идеализма и морализма во внешнеполитическом курсе США, которому следует противопоставить анализ интересов и возможностей других государств на международной арене, используя реалистский подход.

Одним из главных способов сохранения политической самостоятельности государств и мирового порядка Г. Моргантау считал поддержание баланса сил.

Основные работы:

- «Человек науки против политики силы» (1946)
- «Международная политика» (1948)
- «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир» (1948)
- «В защиту национального интереса. Критическое исследование американской внешней политики» (1951)
- «Новая внешняя политика США» (1969)
- «Правда и власть» (1970)

Парадоксальным образом, рационалистические идеологии подрывают реальный, прагматичный рационализм в международных отношениях. Иными словами, рационалистическую идеологию не следует путать с рациональным политическим курсом. Иными словами, с таким курсом, который направлен на максимально полное удовлетворение интересов государства, обеспечение его безопасности и мощи оптимальными средствами в соответствии со сложившейся международной обстановкой. Идеологии, так же как и научные парадигмы, слишком инертны. Зачастую они запаздывают по сравнению с быстро меняющимися политическими реалиями, а значит — оказываются неадекватными им. Именно поэтому «человек науки» (*scientific man*) или социальный инженер, вооруженный «правильной» идеологией, должен уступить дорогу государственному деятелю (*statesman*). «[В реализме] нет противоречия между требованиями рациональности, с одной стороны, и моралью — с другой»²⁹.

- Государственный деятель принимает решения, исходя из политической мудрости — прагматизма и здравого смысла. Политика для него — искусство, а не технология. При этом он не является эгоистичным существом, движимым лишь циничными мотивами. Наоборот, подобному человеку требуется высокий уровень моральной смелости. Ведь ему приходится вершить политику, понимая, что любое политическое действие является злом. И из нескольких зол ему нужно выбрать меньшее.

Итак, выбирая то или иное решение, лидеры государств, в идеале, руководствуются рациональными доводами и интересами. Конечно, политика подвержена случайности и иррациональности. Но если не воспринимать политику сквозь призму рациональности, ее невозможно познать. Кроме того, именно рациональная политика ведет к снижению неопределенности и минимизации политических рисков. Еще немного, и Моргентау окажется в том же противоречии, за которое он критикует либералов, называющих рационально организованные международные отношения гарантом мира и стабильности. Эту ловушку он обходит вполне в консервативном ключе. Рациональность, баланс сил и равновесие действительно полезны. Но они ситуативны и временны. Их нельзя возводить в догму или идеал.

Примечательно, что концепция рациональности международной политики Моргентау в значительной степени сформировалась под влиянием Макса Вебера и его «идеальных типов». Для Вебера идеальный тип — это интеллектуальная конструкция, представление предмета исследования таким, каким он должен быть «по уму», т.е. не учитывая всех иррациональных составляющих и аффектов. Через отклонение от этой идеальной модели и происходит изучение предмета³⁰. Применительно к международной политике можно соста-

вить представление о рациональном политическом курсе государства, а затем проанализировать отклонения от него и причины, которые привели к этому. Моргентау говорит о рациональной политике именно в веберовском ключе, понимая идеологии как фактор отклонения. В этом же ключе им рассматривается и претензия тех или иных государств на свое моральное превосходство или же уверенность в наличии универсального морального порядка. Парадоксальным образом, социологический метод Вебера (который сам Вебер рассматривал как свободный от ценностей) приводит Моргентау к нормативной концепции справедливости Нибура. Важно отметить веберовское влияние на Моргентау и в его концепции власти. Так же, как и Вебер, Моргентау аналитически отделяет понятие власти (легитимного господства), от понятий влияния и силы.

Ганс Моргентау:

«Политическая власть — это взаимные отношения контроля и подчинения между теми, кто обладает общественным авторитетом, и остальной частью общества».

«Основная цель военных приготовлений — предостеречь другие нации от использования вооруженных сил. Политическая цель войны — не простой захват территорий либо разгром вражеской армии, а влияние на сознание противника, подчинение умов и сердец побежденных воле победителя».

«Ключевой категорией политического реализма является понятие интереса, определенного в терминах власти. Именно это понятие связывает между собой мысль исследователя и явления международной политики. Именно оно обуславливает специфику политической сферы, ее отличие от других сфер жизни — экономики (понимаемой в категориях интереса, определенного как богатство), этики, эстетики или религии. Без такого понятия теория политики, внутренней или внешней, была бы невозможна, поскольку в этом случае мы не смогли бы отделить политические явления от неполитических и внести хоть какую-то упорядоченность в политическую сферу. Мы предполагаем, что политики думают и действуют, опираясь на понятие интереса определенного в терминах власти, и исторические примеры это подтверждают. Данное предположение позволяет нам предугадать и проследить действия политика. Мысля в терминах интереса, нацеленного на власть, мы рассуждаем так же, как и он, и как беспристрастные наблюдатели понимаем смысл его действий, может быть, лучше, чем он сам.

Понятие интереса, определенного в терминах власти, заставляет исследователя быть четким в своей работе, вносит упорядоченность во множество политических явлений и, следовательно, делает возможным теоретическое осмысление политики. Человеку-политику это понятие позволяет действовать рационально и проводить цельную внешнюю политику, не зависящую от его мотивов, предпочтений, профессиональных и моральных качеств».

Г. Моргентау. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир. 1948

- **Международная политика** представляет собой борьбу за власть на международной арене, т.е. за способность добиваться своих целей легитимными способами. Власть отличается от влияния — способности убедить, но не заставить. А также от силы, когда принуждение осуществляется сугубо насильственным путем. И первое, и второе присутствует в международных отношениях, но не является гарантией реализации интересов. Суть поддержания военной мощи в том, чтобы удержать другое государство от ее применения. Иными словами, угроза войны — рациональна, сама война — нет³¹.

Эдвард Карр и реалистская традиция

Параллельно с развитием американского реализма сходные концептуальные схемы были выстроены и в Великобритании. Здесь основным теоретиком реализма выступает дипломат и историк Эдвард Карр, работы которого приобрели самостоятельную ценность в реалистской традиции. Ключевая работа Карра по международным отношениям — «Двадцатилетний кризис» — хронологически несколько опередила исследования Моргентау, выйдя в свет в 1939 г. Однако в Великобритании она была воспринята весьма критически. У себя на родине Карр превратился едва ли не в диссидента. Его книгу приняли враждебно практически все ключевые либеральные мыслители того времени: Тойнби, Хайек, Берлин и др. Их реакция вполне понятна. Карр достаточно резко отозвался об их взглядах на международные отношения, которые в той или иной степени предполагали реализацию либеральных и «общечеловеческих» принципов на мировой арене. Кроме того, имея двадцатилетний дипломатический стаж и будучи специалистом по России, Карр уделил пристальное (но вполне сдержанное) внимание марксизму, идеям Ленина, высказываниям советских дипломатов и т.п. Это стало «красной тряпкой» не только для британских либералов, но и для консерваторов, хотя сама работа, с некоторыми оговорками, выполнена в консервативном ключе. Репутация книги была несколько подмочена и тем, что до войны Карр высказывался за долгую дипломатическую игру с Гитлером, чтобы выиграть время для подготовки Англии к грядущему конфликту. После начала войны эти идеи обернулись против него.

Примечательно, что при всем негативном отношении британских коллег позиция Карра отличается завидной сбалансированностью. Прежде всего, он высказывается против жесткого разделения утопических (идеалистических) и реалистских теорий. И утопизм как склонность к подчинению реальности идейным конструктам, и реализм как склонность замыкаться исключительно на фактах, минуя идеи, являются условными понятиями. В чистом виде они встречаются редко. Их противопоставление искусственно. В первом случае

Эдвард Харлет Карр (1892–1982) — британский историк, политолог, дипломат, признанный классик английской советологии и исследователь международных отношений, противник эмпиризма, но в то же время сторонник методологии политического реализма.

Э. Карр активно участвовал в работе над принятием внешнеполитических решений: в 1916–1936 гг. британский историк работал в министерстве иностранных дел Великобритании, также в качестве дипломата принимал участие в Парижской мирной конференции, позже в качестве консультанта работал с Лигой Наций.

Карр является автором фундаментального исследования «История Советской России», работа над которым длилась свыше 30 лет (1946–1978). Данный труд состоит из 14 томов, включающих в себя четыре работы: «Большевицкая революция. 1917–1923» (т. 1–3), «Междуцарствие. 1923–1924» (т. 4), «Социализм в одной стране. 1924–1926» (т. 5–8), «Основы плановой экономики. 1926–1929» (т. 9–14). Среди его ранних научных работ — очерки о Марксе, Бакуине, Достоевском, Герцене.

Основные работы:

- «Карл Маркс: Исследование фанатизма» (1934)
- «Международные отношения со времен мирных договоров» (1937)
- «Двадцатилетний кризис, 1919–1939: введение в исследование международных отношений» (1939)
- «Условия мира» (1942)
- «Национализм и то, что следует за ним» (1945)
- «Советское влияние на Западный мир» (1946)
- «История Советской России». Сборник, 14 томов (1950–1978)
- «Новое общество» (1951)
- «Немецко-советские отношения между двумя мировыми войнами, 1919–1939» (1952)
- «Русская революция: от Ленина до Сталина (1917–1929)» (1979)

речь идет об акценте на целях, во втором — на средствах. На самом деле это стороны одной и той же медали. В политике обе составляющие неизбежно сосуществуют. Перекос в сторону постановки великих целей при неучете существующего положения дел или, наоборот, замкнутость только на «реальности» и рутине в ущерб целевым установкам приводят к плачевным последствиям. С тем же успехом можно противопоставлять свободную волю и жесткий детерминизм, теорию и практику, интеллектуала и бюрократа, этику и политику. Утопистам свойственно первое, реалистам — второе. В чистом виде они имеют серьезные ограничения³².

Карр прекрасно иллюстрирует этот тезис на примере Лиги Наций и рационалистических идеологий. Критикуя их как абстракции, оторванные от реальности, он делает весьма существенную оговорку. Любая утопия, как правило, является отражением конкретных интересов (здесь в логике Карра сказывается влияние Ленина и марксизма). Поэтому их не стоит принимать слишком всерьез. Следует посмотреть на них сквозь призму интереса. Либеральный подход и идеологическая основа Лиги Наций по своей сути отражали желание держав-победителей в Первой мировой войне сохранить статус-кво, предотвратить реванш проигравших или заблокировать появление новых претендентов на роль великих держав. Карр наводит на мысль о том, что чем в большей степени державы-победительницы теряют контроль над ситуацией, тем в большей степени идеология Лиги Наций становится утопией, оторванной от реальности. Наоборот, чем больше успехов одерживают претенденты на новую роль в мировом порядке (Германия, Италия, Япония, а также Советский Союз и США), тем большая ставка в их доктринах делается на силу. В конечном счете, как отмечает Карр, в политике опасно игнорировать как силу, так и мораль — оба пути бесперспективны.

Учитывая вызовы своего времени и интеллектуальный климат в своей стране, Карр неизбежно делает акцент на проблематике силы, хотя и постулирует необходимость ее дополнения моралью. Наряду с акцентом на военной силе им отмечается значимость экономических инструментов внешней политики. Рассматривая экономику как внешнеполитический ресурс, Карр также опирается на Ленина и марксистов: экспорт капитала и контроль внешних рынков — эффективные инструменты влияния на международной арене. Иными словами, конкуренция между великими державами должна рассматриваться как в военном, так и в экономических аспектах³³. Этот тезис шел вразрез с либеральными представлениями о том, что экономическое сотрудничество и взаимозависимость — гарант мира и стабильности. Для Карра эффективность экономики как средства укрощения агрессии неочевидна, так как экономический порядок подразумевает наличие выигравших и проигравших. Именно ограниченность ресурсов и соперничество за них выступают одним из ключевых факторов международных конфликтов. Подобный акцент отличает Карра и от американских реалистов (прежде всего Моргентау), которые делали больший акцент на природе человека и социальных групп, стараясь дистанцировать международную политику от экономики.

В то же время влияние консерватизма на Карра не стоит переоценивать. Сам Карр полагал, что по своему стилю реализм является консервативной теорией. Однако эта привязка не является жесткой: реализм не сводится к идеологии. Он обретает почву как в нормативной теории, так и в изучении эмпирики, не замыкаясь ни на первой, ни на второй. В обращении к экономике и балансу сил Э. Карр видел средство подхода к реальной политике без потери связи с моралью. Однако его критики расценили подобные суждения как релятивизм, отсутствие морального компаса и ориентиров, как левый уклон.

Эдвард Карр:

«Что важно в современных условиях, так это факт, что все группы общества, как бы тесно они ни были взаимосвязаны (как вполне оправданно считают историки), отторгают от себя некоторое количество изгоев или диссидентов. Особенно часто это случается среди интеллектуалов... В западных демократических обществах такое сомнение приемлемо, если оно ограничивается горсткой диссидентов, которые могут найти своего читателя и свою аудиторию. Циник мог бы возразить, что с ними мирятся, потому что их немного и они не настолько влиятельны, чтобы оказаться опасными. Более чем сорок лет я носил ярлык “интеллектуала”; и в последние годы я все больше и больше воспринимаю себя и воспринимаемую обществом как интеллектуальный диссидент. Объяснение этому готово. Я, должно быть, являюсь одним из тех немногих пишущих интеллектуалов, взращенных не в зените, а на закате великой эпохи Викторианства — эпохи веры и оптимизма, и даже сегодня мне трудно рассуждать в ключе вечного и непоправимого упадка мира. Я стараюсь дистанцироваться от преобладающих направлений западного интеллектуализма, чтобы показать, как и почему я пришел к мысли о том, что они движутся в неверном направлении, и выдвигаю тезис о необходимости если не более оптимистичного, то более здравого и более сбалансированного взгляда на будущее».

Э. Карр. Что такое история? Рассуждения о теории истории и роли историка. 1961

Дилемма безопасности: допущения реалистской теории

Нибур, Моргентау и Карр формируют интеллектуальное ядро классического реализма. Обозначим основные допущения этой теории применительно к проблематике дилеммы безопасности. Напомним, что дилемма безопасности в реализме — это стратегический выбор между соперничеством или сотрудничеством с другими государствами.

Первое. Современные государства обречены на дилемму безопасности в силу двойственной природы человека и социальных групп, ограниченности ресурсов и как следствие — соперничества интересов, которые зачастую подкрепляются силой.

Второе. Дилемма безопасности не может быть разрешена силой разума, реализацией рационалистических схем и организацией международных отношений по принципу регулируемой машины. Слияние государств в единое международное сообщество под либеральными или социалистическими лозунгами представляет собой утопию, далекую от реального положения вещей. Подобные утопии, тем не менее, отражают конкретные интересы, либо направленные на сохранение статус-кво, либо — на экспансию, которая обеспечивается идеологической пропагандой.

Третье. Единственное средство разрешить дилемму безопасности состоит в обеспечении баланса сил и интересов. В первом случае речь идет о наличии таких сил, угроза применения которых была бы достаточна для удержания агрессора от нападения. А при развязывании войны — для разгрома агрессора. Во втором случае — о достижении компромиссов через согласование интересов дипломатическим путем. Баланс сил обеспечивает равновесное состояние, когда ни один из игроков не заинтересован в войне. Однако такое равновесие временно. Рано или поздно оно будет нарушено. Государственные лидеры, военные и дипломаты должны быть готовы к этому.

Четвертое. Несмотря на то что рационалистические схемы либерального, социалистического или иного толка утопичны по своей природе, внешнеполитический курс государства, по возможности, должен носить рациональный характер, т.е. учитывать реальное положение дел, исторический опыт, наличные средства и ресурсы. Рациональная политика способствует сохранению равновесия в дилемме безопасности. «Аффективные» отклонения от рационального курса провоцируют нарушение равновесия или же являются признаком такого нарушения.

Пятое. Будучи реалистичным и рациональным по своей сути, внешнеполитический курс государства должен опираться на мораль и представления о справедливости. В каждом конкретном государстве эти представления будут носить уникальный характер. Плюрализм концепций справедливости более продуктивен по сравнению с навязыванием «общего аршина», общих ценностей.

После окончания Второй мировой войны призыв реалистов к изучению эмпирических аспектов МО получил практическое воплощение на фоне расцвета количественных и качественных исследований. Эмпирическая политология вполне могла превратить реалистскую мысль, нормативную и политико-философскую по своей сути, в музейный экспонат. Тем не менее реализм смог адаптироваться к меняющимся условиям, оказав сильнейшее воздействие как на постановку проблем эмпирических исследований, так и на внешнеполитические стратегии многих государств.

Примечания

¹ Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2008. P. 1–18.

² К числу подобных работ иногда относится и «Трактат о войне» китайского военачальника Сунь Цзы, который был написан приблизительно в одно время с работой Фукидида. Однако рассматривать их в русле единой интеллектуальной традиции было бы большим преувеличением в силу принципиально разных цивилизационных и мировоззренческих контекстов, в которых были написаны эти работы. Обе работы объединяет предмет — война и военная стратегия, причем у Фукидида речь идет скорее об историческом повествовании, тогда как у Сунь Цзы — о предписании наиболее оптимальных стратегий ведения войны. См.: Фукидид. История. М.: Наука, 1999; Сунь Цзы. Искусство войны. М.: Литература, 1950.

³ Термин «воображаемого» сообщества введен Бенедиктом Андерсоном. См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс, 2001. С. 31–32.

⁴ См. об этом: Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: Книжный дом «Университет», 2005. С. 18.

⁵ Эта мысль принадлежит современному канадскому исследователю нации и национализма Чарльзу Тейлору. См.: *Taylor Ch. Democratic Exclusion (and its Remedies?)* // Cairns Alan et al. (eds). *Citizenship, Democracy and Pluralism*. Montreal and Kingston: McGill — Queen's University Press, 1999. P. 269, 270.

⁶ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая Газета, 2004.

⁷ Такая интерпретация особенностей западного капитализма дается Максом Вебером. См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 46–51.

⁸ Вебер М. Типы господства // Зомбарт В. Социология. Л.: Мысль, 1924.

⁹ Идентичность и самосознание новых национальных государств носила и носит в основном сконструированный характер, т.е. во многом формировалась политической и интеллектуальной элитой через систему образования и СМИ. Этот тезис разделяется так называемым конструктивистским подходом к теории нации и национализма. Ему противопоставляется примордиалистский подход, делающий акцент на «органических» культурных составляющих идентичности, которые трудно поддаются изменениям. Описание этих подходов см.: Смит Э. Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004.

¹⁰ См. об этом: Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998; Он же. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Morginem, 1999.

¹¹ На это обращают внимание неомарксисты, в частности Никос Пуланзас. См.: Пуланзас Н. Политическая власть и социальные классы капиталистического государства // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 2 / Под ред. Г.Ю. Семигина. М.: Мысль, 1997.

¹² Термины «сердцевины», «периферии», а также «полупериферии» введены Валлерстайном в рамках его миросистемного подхода. См., например: Валлерстайн И. Рождение и будущая кончина капиталистической миросистемы: концептуальная основа сравнительного анализа // Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М.: Университетская книга, 2001.

¹³ Едва ли не единственным исключением могут считаться США. Однако и здесь процесс включения в мировую экономику на правах «сердцевины», а не «периферии» был довольно сложным. Кровавая Гражданская война между «капиталистическим Севером» и «рабовладельческим Югом» решила вопрос в пользу первого пути.

¹⁴ Эти процессы иллюстративно описаны В. И. Лениным. См.: Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 27. М.: Изд-во политической литературы, 1971.

¹⁵ См.: Муссолини Б. Доктрина фашизма // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 2 / Под ред. Г. Ю. Семигина. М.: Мысль, 1997.

¹⁶ После оккупации Маньчжурии Япония проигнорировала требования Лиги Наций остановить военные действия и вышла из организации. См. об этом: Ди Нольфо Э. История международных отношений. 1918–1999. М.: Логос, 2003. С. 168–175.

¹⁷ Niebuhr R. Why the Christian Church Is Not Pacifist? // R. В. McAfee (ed.). The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Essays and Addresses. New Haven: Yale University Press, 1986. P. 102–103.

¹⁸ Ibid. P. 105.

¹⁹ *Niebuhr R.* The Irony of American History. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. P. 4; *Idem.* Ideology and the Scientific Method // R. B. McAfee (ed.). The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Essays and Addresses. New Haven: Yale University Press, 1986. P. 205–210.

²⁰ *Niebuhr R.* The Irony of American History. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. P. 5.

²¹ Ibid. P. 42.

²² Ibid. P. 39–40.

²³ *Niebuhr R.* Moral Man and Immoral Society: A Study of Ethics and Politics. Louisville: Westminster John Knox Press, 2002.

²⁴ *Niebuhr R.* Why the Christian Church Is Not Pacifist? // R. B. McAfee (ed.). The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Essays and Addresses. New Haven: Yale University Press, 1986. P. 104.

²⁵ *Niebuhr R.* Augustine's Political Realism // R. B. McAfee (ed.). The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Essays and Addresses. New Haven: Yale University Press, 1986. P. 128.

²⁶ Ibid. P. 109–110.

²⁷ *Моргентау Г.* Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 72–88.

²⁸ *Morgenthau H.* Scientific Man vs. Power Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1946. P. 51–52.

²⁹ *Моргентау Г.* Указ. соч. С. 80.

³⁰ См.: *Вебер М.* Основные социологические понятия // Теоретическая социология: В 2 т. / Под ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Т. 1. С. 75.

³¹ *Моргентау Г.* Указ. соч. С. 85.

³² *Carr E.* The Twenty Years' Crisis. L.: Palgrave, 2001. P. 12–19.

³³ Ibid. P. 102–120. Следует также отметить внимание к контролю над общественным мнением. Пропаганда также рассматривалась Карром в качестве ресурса международного влияния. Он вполне конкретно отразил возросшую роль информации в международных отношениях, увязав эту составляющую с военными и экономическими вопросами (Ibid. P. 120–130).

Литература

Гоббс Т. Левиафан / Пер. А. Гутермана. М.: Мысль, 2001. — 478 с.

Макиавелли Н. Государь. М.: РИПОЛ классик, 2013. Т. 2. — 514 с.

Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 72–88.

Сунь Цзы. Искусство войны. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/224231-iskusstvo-voynu-v-perevode-akademika-n.-i.-konrada.html>.

Фукидид. История. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/313020-istoriya.html>.

Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2007. — 272 p.

Carr E. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. N.Y.: Harper & Row, 1964. — 243 p.

Раздел I. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ИНСТИТУТЫ. СТРУКТУРЫ. ФАКТОРЫ

Mckeogh C. The Political Realism of Reinhold Niebuhr: A Pragmatic Approach to Just War. Heidelberg: Springer, 2016. — 180 p.

Morgenthau H. J. In Defense of the National Interest. Lanham, Maryland: University Press of America, 1951. — 283 p.

Morgenthau H. Scientific Man vs. Power Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1967. — 245 p.

Niebuhr R. Moral Man and Immoral Society: A Study of Ethics and Politics. Louisville: Westminster John Knox Press, 2001. — 284 p.

Niebuhr R. The Irony of American History. Chicago: The University of Chicago Press, 2010. — 198 p.

Spegele R. D. Political Realism in International Theory. N.Y.: Cambridge University Press, 1996. — 284 p.

3. НЕОРЕАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Ключевые слова

Неореализм, баланс сил, миропорядок, гегемонизм, сверхдержава, ядерное оружие, международные режимы, международная стабильность

Появление во второй половине XX в. теории неореализма (или так называемого структурного реализма) стало одним из важных моментов развития теории международных отношений. Неореалисты сумели не только преодолеть обозначавшийся в 1960-х кризис теории классического реализма. Неореализм попытался отделить теорию международных отношений от морально-философских рассуждений, характерных для классического политического реализма, придав ей статус полноценной науки. Представители неореализма внедрили системный анализ международных отношений, при котором взаимодействие разрозненных элементов приобретает новое качество. В этом смысле неореалисты задали дискурс современной теории международных отношений и развили ее понятийный аппарат, который используют и представители других школ — от неолибералов до конструктивистов.

Идейные истоки и политический контекст формирования неореализма

Неореализм как школа в теории международных отношений появился в США в конце 1970-х годов. К этому времени обозначался кризис классического реализма¹. Его основу составляло особое понимание «силы» (*power*) как базовой категории международных отношений, разработанное американским политологом Гансом Моргентау и британцами Эдвардом Карром и Аланом Джоном Тейлором². Они трактовали силу как способность государств конвертировать ресурсы в политическое влияние.

Ключевыми ресурсами, определяющими вес государства, в реалистской теории считаются:

- силовой ресурс как совокупный военный потенциал государства;
- экономический ресурс как база для военной силы;

- территориальный и демографический ресурсы как потенциальная мощь государства;
- организационный ресурс как степень представленности государства во влиятельных союзах, организациях и «политических клубах»;
- культурный ресурс как привлекательность данного государства и общества для других народов.

В отечественной политической публицистике часто смешиваются два различных в английском языке понятия: «силовое равновесие» (*balance of forces*) и «баланс сил» (*balance of power*). Такое смешение с точки зрения теории международных отношений некорректно. Первое понятие обозначает устойчивое соотношение примерно равных друг другу силовых потенциалов. Второе — соотношение способностей государств конвертировать силу в политическое влияние. В рамках Вестфальской системы международных отношений баланс сил был не механическим соотношением силовых потенциалов отдельных государств. Скорее, он выступал перманентной борьбой за сохранение баланса политического влияния между великими державами.

Политический реализм не отрицал регулируемости системы международных отношений, если понимать под ним рациональное воздействие на ее развитие с целью сохранения стабильности. В этом смысле классики политического реализма никогда не проповедовали «анархию» в международных отношениях как синоним хаоса — в чем их нередко упрекали оппоненты. Однако в работах реалистов на первое место был поставлен стихийный регулятор — результаты применения государствами силы против друг друга, оформленные в виде нормативных решений. Подобное понимание силы было выработано на материале европейской истории XIX в., когда у политиков преобладали представления о приоритетной роли силового фактора в межгосударственных отношениях и заведомом превосходстве коалиций над отдельным государством.

Такая концепция неплохо объясняла структуру международных отношений до 1950-х годов. Однако к концу этого десятилетия оформились новые процессы, которые не укладывались в рамки классического реализма.

1. Создание системы глобального управления посредством механизма ООН.

В основе этой системы лежали правила, выработанные державами-победительницами еще в ходе Второй мировой войны. Важнейшими из них стали признание формального равенства всех народов и стран, ограничение суверенного права государств на применение силы, гарантии территориальной целостности и суверенитета всех стран. При этом пять держав-победительниц во Второй мировой войне взяли на себя в рамках Совета Безопасности ООН особые функции по поддержанию мирового порядка. Эти права позднее были подкреплены признанием за ними монополии на ядерное оружие в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия. На практике названные пра-

вила действовали далеко не всегда. И все же они в той или иной мере ограничивали возможности государств проводить силовую политику. Разрушить эти правила можно было только в результате новой мировой войны, чего великие державы пытались избежать.

2. Формирование глобальной блоковой системы. К 1956 г. две державы-победительницы (СССР и США) стали преобладающими силами в системе международных отношений, статус двух других (Великобритании и Франции) понизился до уровня региональных держав. С этого времени Москва и Вашингтон вступили в период прямого военно-стратегического противоборства, значительно оторвавшись в силовом отношении от остальных держав. В рамках этой системы возникло новое явление — «блоковая дисциплина», когда союзники СССР и США передавали сверхдержавам контроль над своими военными потенциалами в обмен на предоставление им гарантий безопасности. Возможности для ведения крупных межгосударственных войн снизились. Такие войны стали по сути прерогативой двух сверхдержав, без согласований с которыми ни одна региональная держава не могла принять решение о начале войны.

3. Снижение риска возникновения войны между сверхдержавами. С конца 1950-х годов СССР и США выстраивали отношения на основе взаимного ядерного сдерживания (*nuclear deterrence*). Его сутью было взятие в заложники ключевых городов и промышленных центров друг друга с помощью нацеливания на них ядерного оружия с целью удерживания противника от прямой агрессии. Однако при этом у США и СССР оставался устойчивый дефицит возможностей для ведения прямой войны из-за их предельной географической удаленности друг от друга и отсутствия технических средств для ведения войны в другом полушарии Земли. Гипотетическая тотальная война СССР и США могла свестись только к иррациональному обмену ядерными ударами без какой-либо их капитализации в политическую победу. В такой ситуации политики стали различать три типа войн:

- гипотетическая ядерная война, постоянно планируемая сверхдержавами, но не реализованная на практике;
- региональные войны с прямым или косвенным участием в них сверхдержав;
- полицейские (по сути) операции по наведению порядка в своей сфере влияния.

4. Беспрецедентная демократизация международных отношений. В условиях стратегического паритета между сверхдержавами отношения между государствами стали выходить на новый уровень. Симптомами демократизации стали ликвидация системы колониализма, резкое расширение числа суверенных государств, появление Движения неприсоединения и целой плеяды международных организаций. Тенденции к демократизации международной жизни тесно

соприкасались с закреплением в международном праве норм незыблемости территориальной целостности государств, права народов на самоопределение и обязательств по защите прав человека. Сверхдержавы, как правило, поддерживали соответствующие принципы, чтобы обеспечить себе преимущество в соперничестве. Волна демократизации во многом повлияла на внутривнутриполитические процессы и в США (ликвидация остатков расовой сегрегации), и в СССР (укрепление реформистского крыла в партийном руководстве).

5. Превращение «Запада» в единое сообщество. Основой интеграции западных стран стала система Бреттон-Вудских соглашений 1944 г., введших принципы международного экономического регулирования. Стержнем этого сообщества стало лидерство США, выразившееся в создании системы американского присутствия в Европе. Это сообщество, объединившие ведущие страны Западной Европы и Северной Америки на базе интеграционных блоков ОЭСР, НАТО и ЕЭС/ЕС, получило неформальное название «Атлантическое сообщество». Создание подобных блоков «солидарной ответственности» снизило вероятность военных конфликтов между либеральными демократиями и позволило им проводить кооперационную международную политику.

6. Повышение роли экономических механизмов международных отношений. В условиях распространения принципов свободной торговли широкое распространение получили интеграционные проекты. Некоторые из них (прежде всего — Европейское сообщество) стали наполняться институционально-политическим содержанием. На этой основе в начале 1970-х годов в рамках либеральной школы международных отношений возникла концепция геоэкономики, согласно которой экономическое освоение пространства других государств и регионов выступает альтернативой силовому захвату территорий.

Эти процессы оказались благоприятными для либеральной школы в теории международных отношений. В 1960-х годах она совершила интеллектуальный прорыв, разработав теорию международных режимов как набора самоподдерживающейся системы правил, необходимых для достижения той или иной цели. Представители этой парадигмы утверждали, что появление ядерного оружия и создание ООН как инструмента поддержания мира и безопасности снизили опасность возникновения крупных межгосударственных войн. Основную роль они отводили праву и институтам как инструментам, необходимым для функционирования режимов.

В рамках либерального направления произошло отделение экономической, культурной и организационной мощи от собственно военной силы. Термин «сфера влияния» был заменен термином «сфера эффективного контроля» как способности государства не просто завоевывать, но и осваивать соответствующие территории. Перед реалистами встала дилемма: осмыслить произошедшие в международных отношениях перемены или утратить теоретическое влияние.

«Революция» Кеннета Уолтца

Переосмысление теории реализма произвел американский политолог Кеннет Нил Уолтц (1924–2013) — профессор политической науки в Калифорнийском университете (отделение в Беркли) и, позже, Колумбийском университете. Именно он стал основателем нового направления — структурного реализма, или неореализма.

К. Н. Уолтц учел критику со стороны либеральной школы, абсорбировав в реализм ряд ее ключевых положений. В работе «Теория международных отношений» (1979)³ К. Уолтц попытался выявить факторы, влияющие на состояние международной политики. Международные отношения он представил как целостную систему: совокупность элементов, которые, вступая во взаимоотношения друг с другом, приобретают новое качество, отсутствующее у элементов, и формируют некую целостность. Такой взгляд на международные отношения отличался от классического реализма Г. Моргентау и А. Дж. Тейлора. Для них приоритетным направлением исследований был процесс формирования великими державами базовых норм международных отношений. В фокусе внимания К. Уолтца, напротив, оказалось влияние системы на международные отношения. Правила этой системы были в свое время сформированы великими державами как основа международных отношений. Однако в дальнейшем они начинают жить самостоятельной жизнью, формируя параметры поведения всех государств, включая великие державы. Последние оказываются перед необходимостью выстраивать отношения по определенным правилам, что само по себе ограничивает их свободу при формировании внешнеполитической стратегии.

К. Уолтц при этом выделил три типа системных факторов, влияющих на поведение государств в международных отношениях. Первый — управляющие параметры, т.е. базовые нормы, которые лежат в основе данного порядка (например, принцип гегемонизма, или баланса сил). Второй — среда как влияние норм мирового порядка на поведение отдельных его участников. Третий — системные регуляторы, т.е. механизмы, предопределяющие эволюцию конкретной системы международных отношений. Эти регуляторы бывают двух типов: ограниченные войны и международно-правовые режимы.

Именно в теории системных регуляторов К. Уолтц учел достижения либеральной школы. Разработанная ею теория международно-правовых режимов доказывала, что правовые институты могут выступать системными регуляторами миропорядка. Такие режимы могут преследовать три цели: 1) снижение опасности межгосударственной войны; 2) уравнивание ресурсов страны (или коалиции), претендующей на гегемонию; 3) определение долгосрочных правил межгосударственного взаимодействия. Для достижения последней цели необходимо намерение ведущих держав не считать войну лучшей альтернативой переговорному решению проблем. До тех пор, пока это намерение сохраняется, международная система остается, как правило, стабильной, — если понимать под стабильностью отсутствие крупных межгосударственных войн.

Кеннет Нил Уолтц (1924–2013) — американский политолог, один из основных представителей неореализма, методологического направления в исследовании международных отношений.

В своей книге «Человек, государство и война» (1959) автор представил собственную классификацию факторов, определяющих характер международных отношений. На первом уровне действуют факторы, связанные с деятельностью и решениями отдельных людей — политиков. На втором уровне учитываются факторы влияния внутреннего политического устройства государств на международную политику. На третьем уровне рассматриваются внешние факторы, а также хаотические тенденции из смежных с политикой сфер, оказывающие влияние на международную политику. Как и для многих реалистов, хаос в представлении К. Уолтца означает отсутствие верховной силы, которая способна контролировать поведение государств на мировой арене и упорядочить международную систему.

Ключевым вкладом данного ученого явилось формулирование базовых методологических положений теории неореализма, в соответствии с которыми государство остается ключевым актором международной системы, однако суверенитет государства подвержен эрозии, а на поведение государства оказывает существенное влияние конкуренция и взаимодействие между другими государствами и негосударственными акторами в международной сфере.

Проводя различие между классическим реализмом и неореализмом, следует отметить, что неореализм признает наличие собственной внутренней логики и тенденций развития международной системы, не во всем зависящих от воли отдельных, пусть даже сильных государств. С точки зрения К. Уолтца, невозможно избежать войн между государствами.

В качестве инструмента упорядочивающего контроля над поведением человека, а следовательно, и государств на международной арене политолог предлагает создание международных политических институтов.

Основные работы:

- «Человек, государство и война: теоретический анализ» (1959)
- «Внешняя политика и демократическая политика: американский и британский опыт» (1967)
- «Теория международной политики» (1979)
- «Применение силы: военная мощь и международная политика» (1983)
- «Распространение ядерного оружия: дискуссия возобновлена» (1995)
- «Реализм и международная политика» (2008)

Кеннет Уолтц:

«Международная система сокрушила либеральные и социалистические надежды на то, что установление легитимных режимов положит конец войнам».

«Войны есть результат эгоизма, неправильно направленных импульсов агрессии, глупости».

К. Уолтц. Человек, государство и война: теоретический анализ. 1959

«Если нет силы, направляющей деятельность людей или государств, то некий институт или организация должны вмешаться, чтобы вывести их из природного хаотического состояния».

К. Уолтц. Размышления о теории международных отношений: ответ моим критикам // Р. Кохэйн. Неореализм и его критики. 1986

Среда в теории К. Уолтца может быть различной. Плотная среда означает наличие большого количества норм, правил (включая неформальные) и режимов, которые ограничивают поведение актора в международных отношениях. Термин «уплотнение среды» соответственно означает увеличение количества норм и режимов. Разряженная среда, напротив, означает, что число норм и режимов, регулирующих повеление государств, невелико. В условиях плотной среды государства серьезно ограничены в выборе своей внешнеполитической стратегии; в условиях разряженной среды они могут действовать свободно, проводя периодическую ревизию статус-кво.

Теория системных регуляторов позволила К. Уолтцу переосмыслить наследие немецкого военного теоретика К. фон Клаузевица (1788–1830). Последний в своей ключевой работе «О войне» выделял два типа войн: тотальные и ограниченные. Тотальные войны нацелены на ликвидацию противника как политического субъекта. Ограниченные войны, цель которых — принудить противника к компромиссу, могут укрупнять или разукрупнять ресурсы государств. Их целями выступают стремление государств к установлению своей гегемонии или поддержанию существующего баланса сил. Соответственно, по мнению К. Уолтца, ограниченные войны могут выступать регуляторами существующей системы международных отношений и быть двух типов:

- 1) за установление гегемонии;
- 2) за корректировку баланса.

Одна и та же война при этом может быть для различных ее участников как войной за гегемонию, так и войной за корректировку баланса.

Мотивация участников международных отношений при этом также различна. Государства с точки зрения мотивов их поведения делятся на две большие категории:

- державы статус-кво, заинтересованные в сохранении существующих в данное время ключевых параметров;
- ревизионистские державы, выступающие за пересмотр ключевых параметров международной системы.

Ревизия существующей системы может быть согласованной (достижение договоренностей о реформе управляющих параметров между ключевыми игроками) или несогласованной (враждебные действия одной или нескольких держав по пересмотру порядка). В первом случае происходит частичная реформа порядка при сохранении его базовых норм. Во втором происходит крупный военный конфликт между великими державами.

Заслугой К. Уолтца стал не просто вывод реализма из кризиса, но также максимальное снижение удельного веса морально-этических факторов в рамках науки о международных отношениях. Фактически он предложил оценивать поведение политических акторов не с точки зрения абстрактных философских категорий, а с точки зрения их отношения к существующим нормам международных отношений. «Опасные акторы» — это всего-навсего страны, выступающие за ревизию базовых норм взаимодействия. Их поведение может представлять угрозу для других государств; но в случае, если они добьются успеха и переписут базовые нормы международных отношений, изменится и оценка их мотивов.

Дискуссии о мотивах поведения государств

В теории классического реализма ключевую роль играло понятие силы (*power*). Эта категория не тождественна термину «*force*» как военной силе или силовому потенциалу государства. Для реалистов «*power*» — это способность. Понятие «великая держава» (*great power*) в дословном переводе означало не «великую силу», а «великую власть». Способность приобретать силу и конвертировать ее в политическое влияние зависело, по мнению теоретиков классического реализма, от наличия у государства ресурсов: совокупности потенциальных возможностей, которые могут усиливать (но могут и не усиливать) потенциал его внешней политики.

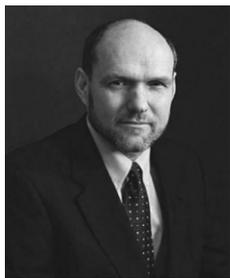
Пересмотр мотивов поведения государств начался в США с разработки в 1950-х годах теории «ядерного сдерживания». Основатель политического реализма Г. Моргентау в 1960 г. признал особую роль ядерного оружия в международных отношениях. Он отошел от привычного постулата о том, что военная сила является центральным элементом взаимоотношений акторов. Ядерное оружие обесценило иное насилие как фактор международных отношений. Г. Моргентау сформулировал четыре парадокса, присущие военно-политическим стратегиям ядерных государств.

1. Наряду с желанием правительств применить ядерное оружие существуют и серьезные опасения по поводу возможных последствий его применения.
2. Государства ищут способы вести ядерную войну без значительных последствий для них самих. Всегда существует риск недооценить противника, его намерения, а также своими действиями развязать полномасштабную войну.
3. Государства декларируют снижение ядерных потенциалов, не прекращая при этом гонки вооружений. Это провоцирует опасность нанесения контрсилового удара.
4. С появлением ядерного оружия происходит трансформация отношений внутри традиционных союзов. Г. Моргентгау отмечает неравномерность в отношениях между государствами, обладающими ядерным оружием, и неядерными государствами внутри союза. Распространение же ядерного оружия может привести к неблагоприятным последствиям.

Теория и практика сдерживания в этом случае рассматривались как понятия рациональные. На акторов с нерациональной идеологией невозможно воздействовать рационально. Они руководствуются понятным только им самим «кодексом чести», в соответствии с которым любое дипломатическое предупреждение воспринимается как «оскорбление» и требует немедленного силового ответа, даже если такой ответ приведет к собственной гибели. Поэтому они действуют только в ситуации, когда противник не стремится к войне и не воспринимает ее как лучшую альтернативу угрозе.

Неореалисты попытались переосмыслить произошедшие перемены. Военная политика государства, по мнению К. Уолтца, зависела от двух базовых компонентов: мотивов поведения государства и его места в международной системе⁴. Теоретически государства могли извлекать абсолютные и относительные выгоды из своего положения в международной системе. Под первым Уолтц понимал максимально возможную реализацию государством собственных внешнеполитических приоритетов; под вторым — извлечение выгод от межгосударственного сотрудничества. Однако в целом абсолютные выгоды всегда будут перевешивать относительные. «Международная система сокрушила либеральные и социалистические надежды на то, что установление легитимных режимов положит конец войнам», — писал основатель неореализма⁵, признавая неизбежность силовых столкновений в мире национальных государств.

Разработки К. Уолтца попытался развить профессор Гарвардского университета Стивен Уолт. В своей работе «Истоки союзов» (1987) он разработал оригинальную концепцию международных отношений как «баланса угроз» (*balance of threat*)⁶.

Стивен Мартин Уолт (род. 1955) — американский политолог, исследователь международных отношений, профессор Гарвардского университета.

Одна из ключевых сфер исследования политолога — вопрос о роли Соединенных Штатов в мире, по поводу которого автор полемизировал со своими коллегами (в частности, с Джозефом Наем и его концепцией гибкой политики). С точки зрения Стивена Уолта, особенно ярко представленной в работе «Как обуздать власть Америки. Глобальный ответ на превосходство США» (2005), существует два основных подхода других стран к претензиям Америки на лидерство: приспособление либо противостояние, причем большинство государств балансируют между двумя подходами в зависимости от конкретных обстоятельств. Автор выделяет категорию «слабых союзников США», которые не столько помогают, сколько мешают лидерству Америки. В целом ученый анализирует разные стороны мировой роли США, а также отношение к Америке со стороны как союзников, так и оппонентов и приходит к выводу, что лидерство США, утверждаемое путем активно проводимой силовой политики, не соответствует интересам значительного числа участников международной системы.

Основные работы:

«Как обуздать власть Америки. Глобальный ответ на превосходство США» (2005)

«Израильское лобби и внешняя политика США» (2006)

«Война из-за влияния Израиля» (2006)

Исследователь выделил четыре критерия, по которым можно оценить потенциальную угрозу: экономический потенциал, географический ресурс, военные возможности, наличие/отсутствие агрессивных замыслов. Уолт утверждает, что государства, как правило, объединяются против предполагаемой угрозы. Чаще всего этой стратегии следуют малые и средние страны, опасаясь вторжения со стороны великих держав. «Баланс угроз», таким образом, отделил понятия силы (власти) от угроз.

Теория «баланса угроз» тесно связана с американской терминологией, сформировавшейся при изучении проблем безопасности. Американская система стратегического планирования выделяет два типа угроз: «*danger*» (действия оппонента, которые могут стать угрозой в будущем) и «*threat*» (непосредственная угроза сегодня). Концепцию С. Уолта правильно было бы трактовать не просто как «баланс угроз», а как «баланс непосредственных угроз». Особую роль в его формировании играет, по мнению С. Уолта, концепция «восприятия», которая восходит к работам другого американско-

го исследователя — Джека Снайдера. Причинами войн, по мнению Уолта, выступают неправильная оценка намерений противоположной стороны или опасение государств столкнуться с нарушением баланса. Уровень угрозы соответственно определяется тремя компонентами: распределением силы, географической близостью и наличием у оппонента наступательного потенциала. Именно они часто формируют восприятие того или иного явления как «угрозы», заставляя политиков принимать соответствующие решения. Неореализм, таким образом, сделал шаг в сторону конструктивизма с его идеей контролируемости угроз.

Концепция С. Уолта фактически поставила под сомнение популярную в США теорию демократического мира. На вопрос о том, воюют ли друг с другом либеральные демократии, С. Уолт предложил свой оригинальный ответ. Либеральные демократии не воюют друг с другом потому, что они загнаны в общие военно-политические блоки солидарной ответственности и проецируют свою естественную агрессивность на окружающий мир. В такой системе общих блоков нивелируется проблема состояния и поведения внутриполитических режимов, поскольку они обречены проводить одну и ту же политику.

Похожую концепцию предложил британский исследователь Барри Бузан⁷, синтезировавший положения неореализма и конструктивизма. Он предложил рассматривать региональные системы международных отношений как промежуточные между недостижимой пока глобальной и устаревшими национальными системами. Б. Бузан приходит к выводу, что наиболее важной особенностью региональных систем является, в первую очередь, их способность или неспособность обеспечить безопасность. Национальная безопасность одного государства находится в прямой зависимости от национальной безопасности других государств. Ключевыми факторами, определяющими структуру региональной системы, выступают, с одной стороны, распределение возможностей между акторами, а с другой стороны, отношения враждебности или дружественности между ними.

Б. Бузан предложил, таким образом, более многогранную теорию, чем С. Уолт. Его подход учитывает важное обстоятельство: готовность или неготовность политических элит начинать масштабную войну. В первом случае построение комплекса безопасности будет невозможным — как это было, например, накануне Первой и Второй мировых войн. Во втором случае он может существовать. Следующим шагом в развитии неореализма стала разработка концепции наступательного реализма (англ. *offensive realism*). Основные его направления были сформулированы профессором Чикагского университета Джоном Миршаймером в работе «Трагедия политики великих держав» (2001)⁸. Основной ее постулат заключается в том, что государство редко удовлетворено своим положением в системе международных отношений. Государства как акторы стремятся получить предпочтение перед остальными в рамках действующей системы или посредством ее слома. Поэтому внешнеполитическая стратегия любого го-

Стивен Уолт, Джон Миршаймер:

«Неудачи являются естественным следствием неверной внешнеполитической стратегии либеральной гегемонии, которой демократы и республиканцы следовали на протяжении многих лет. Согласно этому подходу, США должны использовать мощь не только для решения глобальных проблем, но и для укрепления мирового порядка, основанного на международных институтах, представительных органах власти, открытых рынках и уважении прав человека. Как “исключительная держава” Соединенные Штаты обладают правом, обязанностью и мудростью, чтобы контролировать политику практически во всех точках планеты. По сути либеральная гегемония — это ревизионистская внешнеполитическая стратегия: вместо того чтобы требовать от Америки простого поддержания баланса сил в ключевых регионах, она вынуждает Соединенные Штаты продвигать демократию по всему миру и защищать права человека, если они находятся под угрозой».

«...Демократия переживает спад по всему миру, а применение пыток, точечных ликвидаций и других морально неоднозначных методов серьезно навредило имиджу США как защитника прав человека и международного права».

Дж. Миршаймер, С. Уолт. Доводы в пользу офшорного финансирования // Россия в глобальной политике. 2016. № 6

«Революции заменяют существующее государство новым, основанным на других политических принципах. Это обычно происходит под руководством авангардной партии или повстанческой группы, такой как большевики в России, Компартия в Китае, “Красные кхмеры” в Камбодже или аятолла Рухолла Хомейни и его последователи в Иране. Иногда революционное движение свергает власть; в иных случаях ему удается воспользоваться вакуумом управления после крушения прежнего правопорядка по другим причинам.

Поскольку революции — насильственная борьба, наталкивающаяся на огромные препятствия, их лидерам нужна большая удача, чтобы разрушить правящий режим, а впоследствии усилить свой контроль. Они также должны убедить своих сторонников идти на большой риск и преодолеть естественную склонность к тому, чтобы позволять сражаться и умирать за “правое дело” другим. Обычно революционеры используют комплексный подход, включая побуждение, запугивание и идеологическую обработку, чтобы добиться послушания и жертвенности, чем и занимается в настоящее время “Исламское государство”. В частности, оно разрабатывает идеологию, призванную оправдать экстремистские методы и заверить последователей в том, что их жертвы принесут плоды...».

С. Уолт. ИГИЛ как революционное государство // Россия в глобальной политике. 2015. № 6

сударства (независимо от характера его общественного строя) строится исходя из следующих мотивов:

- восприятие других государств как потенциальной угрозы;
- уверенность или неуверенность в намерениях других государств;
- обеспечение собственной безопасности;
- увеличение собственных ресурсов.

Дж. Миршаймер отошел от популярной в конце XX в. традиции определять внешнюю политику государств как нерациональную (например, видеть в ней продолжение внутривнутриполитической борьбы или определенных корпоративных интересов). Государства в теории наступательного реализма — акторы рациональные. Их поведение обусловлено комбинацией страха, стремления обеспечить собственную безопасность и желанием увеличить свое влияние. В такой ситуации сотрудничество между государствами вряд ли возможно. «Баланс сил», по мнению Дж. Миршаймера, всегда будет носить конфронтационный характер, что исключает возможность появления длительной стабильности. Единственным вариантом его более или менее длительного функционирования выступает смещение фокуса внимания на построение региональных балансов, фактически — региональных систем безопасности.

Системная роль ядерного оружия в трактовке неореалистов

Дискуссии о поведении государств в современной системе международной безопасности неизбежно вывели неореалистов к проблеме роли ядерного оружия в системе международных отношений. Тон дискуссии здесь задал упомянутый К. Уолтц⁹. Он утверждал, что при наличии ядерного оружия стабильность зависит от размера ущерба, который стороны способны нанести друг другу. Спустя почти 40 лет — уже в начале XXI в. — Уолтц, анализируя ядерное противостояние Индии и Пакистана в начале 2000-х годов, решил, что его старый тезис подтверждается новым материалом. Стало быть, взаимное сдерживание на основе устрашения — универсальный инструмент обеспечения стабильности, независимо от региональной или культурно-исторической специфики региона, в котором возникает противостояние.

Но Уолтц также признал: стабилизирующий эффект достижим лишь при выборе противостоящими странами определенного вида ядерной стратегии. «Политика гибкого реагирования, — отмечает он, — уменьшает доверие к стратегии сдерживания и увеличивает вероятность войны», ибо теоретически она может давать надежду на возможность «победы» в ядерном конфликте. Если бы сверхдержавы были уверены, что за нападением НАТО на страны Варшавского договора или нападением ФРГ на ГДР последует всего лишь контрудар

Джон Льюис Гэддис (род. 1941) — американский политолог, профессор Йельского университета, основная сфера интересов ученого — исследование политических отношений периода холодной войны и биполярной конфронтации.

В 1970–1980-х годах Гэддис анализировал политические, экономические, идеологические факторы биполярного противостояния. С 1990-х годов ученый больше обращается к цивилизационным аспектам противостояния между СССР/Россией и США (это касается как менталитета народов, так и особенностей государственного устройства обеих стран). Интересно отметить мнение Гэддиса о том, что две системы предлагали мировому сообществу конкурирующие между собой идеологии, имевшие широкий экспансионистский характер, и именно столкновение двух «универсалистских» претензий породило напряженность в форме холодной войны. В начале XXI в. Гэддис анализирует процессы глобализации и противостоящие им тенденции упрочения суверенитета государств.

Основные работы:

«Соединенные Штаты и истоки Холодной войны, 1941–1974» (1972)

«Теперь мы знаем: переосмысление Холодной войны» (1997)

«Ландшафт истории...» (2005)

с применением обычных вооружений, то война в Европе началась бы еще в 1960-е годы. Таким образом, в начале нового века стабильность на основе ядерного оружия видится аналитикам как переменная величина, производная от многих функций.

Более пессимистичен другой американский автор, Скотт Саган, давний оппонент К. Уолтца. Он характеризует ядерное сдерживание как категорию морально-политическую. Но мораль и нормы, по его мнению, категории относительные. Военные действуют по формуле «приказ — техническая готовность средств доставки — нанесение удара». Они, в сущности, рассуждают так, как если бы были свободны от моральных ограничений. Можно ли гарантировать, что в какой-то ситуации (например, во время очередного индо-пакистанского инцидента) политики устоят перед доводами генералов о необходимости нанести ядерный удар? Первая мировая война началась, как известно, со стремления великих держав опередить друг друга в проведении мобилизации и развертывания войск. Поэтому, как полагает Саган, все представления о стабилизирующей роли «сдерживания» — лишь комплекс психологических заблуждений.

Иной взгляд на эту проблему предложил профессор Йельского университета Джон Льюис Гэддис. Период холодной войны Дж. Л. Гэддис назвал «долгим миром» между великими державами¹⁰. Причиной этого были, по его

мнению, вовсе не специфические функции ядерного оружия: наличие химического оружия не помешало началу Второй мировой войны. Гораздо важнее было отсутствие политических причин для начала большой войны между сверхдержавами. Идеологические разногласия между СССР и США не носили непримиримый характер ввиду отсутствия политиков-фанатиков во главе той и другой страны. Обе страны дорожили послевоенным мироустройством, которое гарантировало им привилегированное положение и влияние в мире через механизм Совета Безопасности ООН. Не были причинами для начала большой войны и конфликты в третьем мире, поскольку они не затрагивали жизненно важные интересы СССР и США. Любой конфликт с применением ядерного оружия повлек бы за собой крах мировой системы, выгодной и Москве, и Вашингтону. Поэтому обе стороны старательно соблюдали баланс страха, никогда не переходя границу.

Джон Гэддис:

«Вторая мировая война повлекла революцию в американской внешней политике. До этого конфликта большинство американцев верило, что они надежно защищены... События 1939–1940-х показали лидерам рузвельтовской администрации, что они глубоко ошибались».

Дж. Гэддис. Соединенные Штаты и истоки «холодной войны», 1941–1947. (1972)

«Противоречия между демократической и авторитарной политической традицией, коммунизмом и капитализмом, советской памятью об интервенции после Первой мировой войны и американской памятью об оппортунистическом пакте Сталина и Гитлера, значительны — сложно было бы ожидать, что несколько лет союзничества [в ходе Второй мировой войны] могли ликвидировать столь долгосрочные противоречия».

Дж. Гэддис. Теперь мы знаем: переосмысление «холодной войны». (1997)

«Как Соединенные Штаты, так и Советский Союз были рождены в результате революции. Обе страны были объаты идеологиями с глобальными чаяниями: то, что работало в их стране, как предполагали лидеры, может быть распространено на весь мир».

Дж. Гэддис. Холодная война. Новая история. (2005)

Именно Дж. Л. Гэддис предложил популярное в американской политической науке сравнение двух кризисов — Карибского кризиса 1962 г. и Июльского кризиса 1914 г. Эти два кризиса, как полагал Гэддис, демонстрировали два разных типа поведения элит. В первом случае лидеры СССР и США делали все для предотвращения войны, ища пути к диалогу. Во втором — лидеры великих держав работали фактически на приближение Первой мировой войны и сделали все, чтобы она состоялась. Гэддис, тем самым, вернулся на новом этапе к тезису Клаузевица: начало войны зависит не от характера вооружений

и не от штабных планов, а от намерений политических элит начинать или не начинать войну.

Ядерное сдерживание будет работать только в ситуации, когда (1) система блокирует возможность начала крупной войны и (2) у элит великих держав нет намерений ее начинать. Поэтому «ядерный пат» для Дж. Гэддиса вполне сопоставим с другими периодами «долгого мира» между великими державами: между Венским конгрессом и Крымской войной (1815–1853) и между Русско-турецкой и Первой мировой войной (1878–1914).

Наиболее пессимистичную оценку высказал профессор Принстонского университета Р. Гилпин. В работе «Политическая экономия и международные отношения» (1987) он утверждал, что причины войны состоят в несоответствии между системой международных институтов и меняющимся балансом сил¹¹. Войну, как правило, начинает претендент на мировую гегемонию, который хочет изменить окружающий мир. Однако по результатам войн возникает новый состав держав-лидеров. Мирная трансформация мировой системы предстает в рамках теории Р. Гилпина невозможной. Соответственно, великие державы, по Р. Гилпину, неизбежно будут искать формы ведения войны, независимо от наличия или отсутствия ядерного оружия.

Неореалистские теории международной стабильности

Методология неореализма позволила его представителям по-новому переосмыслить категорию стабильности в международных отношениях. Классическое для школы реализма понимание стабильности предложил британский историк-международник А. Дж. Тейлор. В своей работе «Борьба за господство в Европе. 1848–1918 гг.» (1954) он определил стабильность как статическую категорию. Для политиков XIX в. это понятие было тождественно поддержанию статус-кво, установленного Венским конгрессом 1815 г. Свою задачу они видели в поддержании стабильности, понимаемой как максимально возможное сохранение статус-кво и устранение, в том числе силовыми методами, возможных источников возмущений и кризисов в международной системе. Стабильность выступала как историко-политическая категория, ассоциируясь с международными конгрессами, договорами и организациями и союзами, созданными для контроля над их соблюдением и т.п.

В 1950-х годах ситуация изменилась. Термин «статус-кво» стал употребляться реже. Сузился спектр применения понятия «баланс сил» — поскольку с появлением стратегического ядерного оружия у США и СССР стало труднее определить, что под таковым должно пониматься. Понятие «стабильность» (*stability*) стало рассматриваться как характеризующее состояние военно-технической обстановки в мире. Ситуация, когда обе сверхдержавы признают неизбежность уязвимости своей территории для нанесения ядерных ударов со

стороны оппонента.) Данная концепция, получившая широкое распространение в работах американских и советских исследователей 1960–1970-х годов, постепенно утвердилась во внешнеполитических подходах СССР и США. На ее основе были разработаны похожие друг на друга американская концепция «стратегической стабильности» (*strategic stability*) и советская концепция «военно-стратегического равновесия».

Иначе посмотрел на эту проблему К. Уолтц. Стабильность, по его мнению, можно определить как состояние, при котором система просто способна продолжать свое существование, не разрушаясь. Развивая его наработки, американские политологи К. Дойч и Дж. Д. Сингер определили стабильность как вероятность того, что система сохраняет все свои основные характеристики; что ни одна из наций не получает преобладания; что большинство членов системы продолжают выживать; и отсутствует крупномасштабная война¹². Такое понимание стабильности означало консервацию на неопределенный срок устройства мира, которое сложилось в результате Второй мировой войны и закрепилось в международно-правовых документах 1970-х годов.

Подобным образом стабильность трактовал и британский теоретик неореализма Н. Ренгер. По его мнению, понятие стабильности подразумевает международную систему, которая не склонна к насильственным спорам, по крайней мере между великими державами¹³. Американский ученый-международник Л. Ричардсон предлагал понимать под стабильностью набор условий, при которых система международных отношений сохраняет способность восстанавливать равновесие, оставаться равновесной¹⁴. Под нестабильностью он понимал отсутствие таких условий и нарастание в системе изменений до критической точки, при достижении которой происходит распад самой системы. Стабильность, таким образом, стала отождествляться со способностью поддерживать некий набор управляющих параметров международных отношений и решать назревающие проблемы без тотальной или ограниченной войны между великими державами.

После окончания холодной войны пути разных групп теоретиков в понимании стабильности стали расходиться. Первая группа авторов стала разрабатывать теорию *гегемонистской стабильности*. Сама по себе она зародилась в рамках нелиберальной школы. Ее основатель — американский исследователь мировой экономики Чарльз Киндлбергер еще в 1971 г. утверждал, что важным условием для стабильного функционирования мировой торговли является наличие государства-гегемона, которое будет принуждать остальные страны следовать установленным правилам и нести издержки для поддержания международной стабильности. Эту точку зрения популяризировал представитель либеральной школы профессор Гарвардского университета Роберт Кохэйн.

В 1980-х годах теория «гегемонистской стабильности» стала развиваться и неореалистами. Р. Гилпин утверждал, что присутствие гегемона в определенной системе является одновременно неотъемлемым и достаточным условием

для сохранения стабильности¹⁵. Наличие гегемона практически исключает опасность возникновения войны между участниками системы и совершение против них агрессии со стороны внешних сил. Однако платой за это выступает почти полное подчинение участников системы гегемону, включая предоставление ему права вмешиваться в их внутреннюю политику. В теории Р. Гилпина произошло фактическое смыкание неореализма и неолиберализма.

Частично подобную точку зрения поддержал Дж. Л. Гэддис. Объектом его рассмотрения стала популярная в России и Китае теория «многополярного мира»¹⁶. В нем Дж. Л. Гэддис видел возвращение на новом этапе к международным отношениям XIX в. Но в то время многополярный мир великих держав привел, по его мнению, к Первой мировой войне. «Многополюсный мир был очень стабильным, но одновременно, к несчастью, и слишком предрасположенным к войнам», — написал он в 1993 г. Лучшей альтернативой была бы, по его мнению, система, в которой один лидер заведомо превосходил бы другие государства (и даже коалиции государств) по совокупной мощи и поддерживал бы международную стабильность, с соответствующим наказанием нарушителей этой стабильности. Аргументацию Дж. Л. Гэддиса позднее широко использовали теоретики неоконсерватизма — американские политологи Ирвинг Кристол и Роберт Кохэйн.

Иной подход к пониманию стабильности предложили профессор Чикагского университета Мортон Каплан и близкий по своим взглядам к неореалистской школе российский политолог-международник А. Д. Богатуров¹⁷. Они предложили выделить два типа международно-политической стабильности: статическую и динамическую. Статическая стабильность предполагает целенаправленную изоляцию и подавление потенциально конфликтных устремлений государств. Динамическая стабильность обеспечивается умножением совпадающих интересов. Динамическая стабильность позволяла бы, по мнению М. Каплана и А. Д. Богатuroва, избежать накопления противоречий, неизбежных в рамках статических систем, посредством проведения регулярных согласованных пересмотров базовых норм.

Такое понимание стабильности опирается на два философских положения: 1) восприятие установленных после Второй мировой войны правил международного поведения как некой ценности и 2) недопустимость новой большой войны за пересмотр этих норм. Стабильность, таким образом, выступает в международных отношениях как переменная, зависящая от других величин, а не как константа.

Теории мирового порядка

Важнейшим открытием неореализма стала разработка теории международного порядка (миропорядка) как сменяющих друг друга вариантов устройства системы международных отношений, сформировавшейся в результате

Вестфальского мира 1648 г. В их основе лежит определенный набор формальных и неформальных норм, которые определяют характер миропорядка и его развитие в период от возникновения до распада. Неореалисты сместили фокус анализа международных отношений с внешней политики отдельных государств на точки их взаимодействия друг с другом. Отбор анализируемых дипломатических и военных сюжетов стал обусловлен их значимостью не для внешней политики отдельных государств, а для международного порядка в целом. Проблемы экономики, внутренней политики, военного дела, культуры стали затрагиваться в работах неореалистов в той мере, в какой они повлияли на развитие мирового порядка.

Теория мирового порядка в общих чертах была сформулирована в работах американского политика и историка международных отношений Г. Киссинджера¹⁸. Под мировым порядком он понимал определенные типы стабильности, существовавшие в международных отношениях на основе разных базовых норм. Среди таких порядков Г. Киссинджер и его последователи выделяли:

- Вестфальский, охватывавший период от окончания Тридцатилетней войны (1648 г.) до конца Наполеоновских войн (1815 г.);
- Венский, охватывавший период от Венского конгресса (1815 г.) до конца Первой мировой войны (1918 г.);
- Версальско-Вашингтонский, охватывавший период между завершением Первой мировой войны (1919) и началом Второй мировой войны (1945);
- Ялтинско-Потсдамский, сложившийся по результатам Второй мировой войны.

Неореалисты попытались осмыслить структуру и качество мировых порядков. Первый шаг в этом направлении сделал М. Каплан. Еще в работе «Система и процесс в международной политике» (1957)¹⁹ он выделил шесть типов международных систем:

- система баланса сил, в которой существует не менее пяти великих держав (иначе она трансформируется в биполярную);
- гибкая биполярная система (участниками являются не только государства, но также союзы и блоки, а кроме того международные организации);
- жесткая биполярная система, для которой характерна строгая иерархизация двух противостоящих блоков и отсутствие нейтральных государств;
- универсальная система (преобладающая роль ключевой державы и существование правил поведения в рамках международной системы);
- иерархическая система (национальные государства теряют свое значение, трансформируясь в территориальные единицы);
- система единичного вето, в которой каждый актер может блокировать систему посредством силового шантажа и самостоятельно защищать себя от любого противника.

Подобная классификация была, однако, слишком громоздкой для ее соотнесения с конкретными международно-политическими порядками. Гораздо более эффективной стала предложенная американским международником Полом Кеннеди теория гегемонии. В работе «Взлет и падение великих держав» (1987)²⁰ он определил гегемонию как внешнеполитическую стратегию, основанную на жестком навязывании определенного набора правил и ценностей другим государствам. Реализовать подобную стратегию государству позволяет совокупность ресурсов, обеспечивающих возможность проводить свою линию поведения, не считаясь с интересами других государств. П. Кеннеди выделял при этом и особый тип поведения — лидерство как внешнеполитическую стратегию, основанную на управлении посредством консенсуса, в рамках которого государство-лидер формирует повестку международных отношений. Соответственно, мировые порядки П. Кеннеди разделил на два типа: 1) гегемонистские миропорядки, в которых присутствует держава, превосходящая других по совокупности ресурсов; 2) миропорядки баланса сил, в которых присутствует несколько примерно равных друг другу великих держав.

Следующим предметом дискуссии стала природа международных норм. Американский международник Линн Миллер в работе «Глобальный порядок» (1994)²¹ утверждала, что основой порядка выступает присутствие в мировой системе некоторого основополагающего принципа, которым сознательно или стихийно руководствовались бы в своем поведении государства. Основной нормой он считал «разрешительную» норму, т.е. право других стран на совершение определенных действий. Его критик британский исследователь Роберт Купер, напротив, акцентировал внимание на запретительных нормах порядка: данные правила ограничивают поведение конкретных государств²². Основой порядка Р. Купер считал три элемента: 1) преобладающий тип внешнеполитического поведения государств; 2) гарантия стабильности; 3) правила, позволяющие управлять системой.

Теория международных порядков стала, таким образом, одним из ключевых изобретений неореализма. В СССР/России концепцию миропорядка развивал Г. Х. Шахназаров, создатель и руководитель Советской ассоциации политических (государствоведческих) наук²³. Однако в позднесоветских условиях с помощью формулирования концепции миропорядка решалась отличная от неореализма методологическая задача, а именно задача поиска новых политологических категорий, которые позволили бы заменить традиционное марксистское клише противоборствующих «общественно-экономических формаций» при описании устойчивых форм международно-политического мироустройства.

Этап неоклассического реализма

В конце 1990-х годов произошло формирование теории неоклассического реализма. Неоклассика — это попытка возврата к классическому реализму в новых условиях. Основы данного подхода заложил в 1998 г. американский

исследователь Гидеон Роуз²⁴; в дальнейшем его развивали американские исследователи Стивен Лобелл и Норрим Рипсман. Этот подход совместил в себе два базовых компонента. От неореализма он взял принцип учета воздействия внешней среды на государства; от «классического» реализма — идею о внутренней мотивации государств, под которой обычно понималась борьба за власть. Соответственно, неоклассический реализм ввел три уровня анализа:

- независимая переменная (внешняя среда, структура системы);
- корректирующая переменная (институты, взаимоотношения власти и общества, влияние идеологий);
- зависимая переменная (политика, зависимая от первых двух групп факторов).

Российский исследователь Т. А. Романова²⁵ определила суть неоклассического реализма как изучение «приводного ремня» внешней политики государства. Основными факторами остаются воздействие внешней среды и системных факторов, которые определяют роль государства в мире. Однако теория Г. Роуза ставит вопрос о том, почему на разные государства одна и та же среда влияет по-разному. В неоклассическом реализме внимание смещается с характера международного порядка на то, как то или иное государство будет реагировать на этот вызов. Поэтому неоклассический реализм учитывает и достижения конструктивистов: влияние на формирование внешней политики негосударственных акторов, лоббистских групп, общественного мнения.

В современном мире методологическое направление политического реализма и неореализма остается одним из базовых подходов к анализу международных отношений. Такая ситуация во многом закономерна. Четверть века, прошедшие после появления новых независимых государств, доказали, что мы продолжаем жить в мире, где основным актором являются национальные государства. «Глобальный сетевой мир» пока остается интеллектуальным конструктом начала 2000-х годов, в то время как мир соперничающих друг с другом национальных государств — объективной реальностью, хотя формы такого соперничества серьезно изменились по сравнению с периодом Второй мировой войны или биполярной конфронтации. Поэтому неореализм как теория взаимодействия национальных государств вряд ли в обозримой перспективе утратит позиции, хотя при этом будет усваивать критику со стороны других школ.

Примечания

¹ См. главу 1.1. «Классический политический реализм» данного учебника.

² *Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. 5th ed. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1973; Тэйлор А. Дж. II. Борьба за господство в Европе. 1948–1918. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.*

- ³ *Waltz K. N.* Theory of International Politics. N.Y.: McGraw Hill, 1979.
- ⁴ *Waltz K. N.* The Emerging Structure of International Politics // International Security. Fall 1993. Vol. 18. No 2. P. 44–79.
- ⁵ *Waltz K.* Man, the State and War: A Theoretical Analysis. URL: <http://www.smartpolitic.ru/smapos-1034-1.html>.
- ⁶ *Walt S. M.* The Origins of Alliances. Cornell University Press, 1990.
- ⁷ Security: A New Framework for Analysis / Ed. by Barry Buzan, Ole Waever and Jaap de Wilde. Lynne Rienner Publishers Inc, 1997.
- ⁸ *Mearsheimer J. J.* The Tragedy of Great Power Politics. N.Y.: W. W. Norton & Company, 2001.
- ⁹ *Sagan S. D., Waltz K. N.* The Spread of Nuclear Weapons. A debate Renewed. N.Y.; L.: W. W. Norton & Company, 2003.
- ¹⁰ *Gaddis J. L.* The Long Peace: Element of Stability in the Postwar International System // International Security. Spring 1986. Vol. 10. No 4. P. 99–142.
- ¹¹ *Gilpin R.* The Political Economy of International Relations. Princeton: Princeton University Press, 1987.
- ¹² *Deutsch K., Singer D.* Multipolar Power Systems and International Stability // Analyzing International Relations: A Multimethod Introduction / Ed. by W. Coplin and Ch. Kegley. N.Y.: Praeger, 1975. P. 320–337.
- ¹³ *Rengger N. J.* No Longer a «Tournament of Distinctive Knights»? Systemic Transition and the Priority of International Order // From Cold War to Collapse: Theory and World Politics in the 1980s. P. 145–174.
- ¹⁴ *Richardson L. F.* Arms and Insecurity. Chicago, 1960.
- ¹⁵ См. работу: *Gilpin R.* Global Political Economy — Understanding the International Economic Order. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- ¹⁶ *Gaddis J. L.* International Relations Theory and the End of the Cold War // International Security. Winter 1992/93. Vol. 17. No 3. P. 5–58.
- ¹⁷ *Kaplan M. A.* System and process in international politics. Colchester (United Kingdom): ECPR Press, 2005; *Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт; МОНФ, 1997
- ¹⁸ *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.
- ¹⁹ *Kaplan M. A.* System and process in international politics. Colchester (United Kingdom): ECPR Press, 2005. P. 35–42.
- ²⁰ *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N.Y.: Random House, 1987.
- ²¹ *Miller L. H.* Global Order. Values and Power in International Politics. Boulder: Westview Press, 1994.
- ²² *Cooper R.* Is there a New World Order? // Prospects for Global Order / Ed. by S. Sato and T. Taylor. L.: Royal Institute of International Relations, 1993. Vol. 2. P. 8–24.
- ²³ *Шахназаров Г. Х.* Грядущий миропорядок. М.: Прогресс, 1988.
- ²⁴ *Rose G.* Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. 1998. Vol. 51. No 1.
- ²⁵ *Романова Т. А.* О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. 2012. № 3. С. 8–21.

Литература

Алексеева Т. А. Современная политическая мысль XX–XXI вв. Политическая теория и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2016.

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.

Романова Т. А. О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. 2012. № 3. С. 8–21.

Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. 1948–1918. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. — 644 с.

Шахназаров Г. Х. Грядущий миропорядок. М.: Прогресс, 1988.

Gaddis J. L. International relations theory and the end of the Cold War // International Security. Winter 1992/93. Vol. 17. No 3. P. 5–58.

Gaddis J. L. The long peace: element of stability in the postwar international system // International Security. Spring 1986. Vol. 10. No 4. P. 99–142.

Keohane R. O. Neorealism and Its Critics. N.Y.: Columbia University Press, 1986. — 378 p.

Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. N.Y.: W. W. Norton & Company, 2014. 561 p.

Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1972. — 617 p.

Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy / Ed. by S. E. Lobell, N. M. Ripsman, J. W. Taliaferro. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. — 324 p.

Rosenthal J. H. Righteous Realists: Political Realism, Responsible Power, and American Culture in the Nuclear Age. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1991. — 191 p.

Sagan S. D., Waltz K. N. The Spread of Nuclear Weapons. A Debate Renewed. N.Y.; L.: W. W. Norton & Company, 2003. — 220 p.

Walt S. M. The Origins of Alliance. N.Y.: Cornell University Press, 2013. — 336 p.

Waltz K. N. Theory of International Politics. Long Grove: Waveland Press, 2010. — 251 p.

4. ЛИБЕРАЛИЗМ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова

Ценности, интересы, взаимозависимость, демократический мир, либерализм, неолиберализм, плюрализм, международный режим, «мягкая сила», «жесткая сила», сотрудничество, переговоры, международные организации, негосударственные акторы

Либерализм — одна из старейших школ в теории международных отношений и мировой политике, возникшая в начале XX в., когда только стали формироваться международные исследования в качестве самостоятельной научной дисциплины. Ее истоки восходят к таким мыслителям прошлого, как Иммануил Кант, Жан-Жак Руссо, Адам Смит, Джон Стюарт Милль, Давид Рикардо, Джон Локка. Идеи свободы личности, экономической свободы, сотрудничества, морали, гуманизма, а также прогресса лежат в основе данного направления. По мнению либералов, эти ценности развиваются и укореняются путем развития международного сотрудничества, создания международных институтов и заключения международных договоров. Либералы подчеркивают необходимость развивать ценности, направленные на объединение человечества, формировать антивоенные установки, продвигать идею свободной международной торговли, выступают за «открытость дипломатии», исключая секретные сделки.

Государства, как полагают либералы, не ориентируются только на «продавливание» своих интересов и максимизацию краткосрочных выгод. Большие результаты дает взаимовыгодное сотрудничество. Значительное место в либерализме отводится развитию экономического взаимодействия международных акторов. При этом либерализм в области мировой политики и международных отношений не тождественен либерализму при осмыслении внутривнутриполитических реалий, хотя между ними в ценностном отношении действительно много общего. Так, политик может быть ориентирован на либерализм в истолковании международных отношений и одновременно быть консервативным, не допуская развитие свобод внутри страны¹. В отличие от экономического либерализма либерализм в области международных отношений и мировой политики делает акцент не столько на ценность свободы, сколько на ценность сотрудничества и взаимодействия.

Томас Вудро Вильсон (1856–1924) — 28-й президент США, получивший Нобелевскую премию мира 1919 г. за миротворческую деятельность; историк и политолог.

Вудро Вильсон не только активно занимался политикой внутри своей страны (например, благодаря Вильсону в 1913 г. в США была создана Федеральная резервная система), но также развивал международное взаимодействие США с другими государствами. Так, в 1919 г. он стал первым президентом США, посетившим с дипломатическим визитом Европу (Парижская мирная конференция 1919–1920 гг.), а также инициировал создание Лиги Наций.

Именно благодаря успешной внешней политике Вудро Вильсона в течение первого президентского срока (в первую очередь это связано с невступлением США в Первую мировую войну, с инициативой об оказании посреднических услуг между сторонами конфликта, а также с давлением на Германию по поводу ведения подводной войны) Вильсон был избран на второй президентский срок. Однако уже во время второго срока США вступили в войну с Германией (1917 г.), по завершении которой президент США выдвинул собственное видение мирового порядка, сформулировав свои знаменитые «14 пунктов». Данный документ был поддержан далеко не всеми (Франция и Великобритания не одобрили ряд моментов, в частности положения о свободном мореплавании). Более того, положение о создании Лиги Наций, за которое президенту пришлось бороться с множеством критиков, не было принято конгрессом США, что, по мнению ряда историков, явилось главным поражением президента. Важно отметить, что со стороны Америки предложенные инициативы Вильсона в целом выполнялись лишь частично, о чем свидетельствует участие США во вторжении на территорию России, которое продлилось до 1922 г.

Вследствие серьезных социальных проблем, проявившихся в Америке после окончания Первой мировой войны, популярность президента постепенно снижалась. К концу своей жизни Вильсон переживал политические неудачи. Однако в историю президент Вильсон вошел как создатель первой относительно универсальной международной организации (Лиги Наций) и проponent политики, основанной на продвижении идеалов и ценностей, а не только прагматических интересов.

Основные работы:

- «Правление конгресса: Исследование американской политики» (1895)
- «История американского народа» (1902)
- «Четырнадцать пунктов» (1918)

Зарождение либерализма непосредственно в международных исследованиях происходило в период после окончания Первой мировой войны и дебатов о необходимости предотвращения новых войн. Кроме того, сильное влияние на формирование представлений в рамках либерального направления в конце XIX — начале XX в. оказали две прошедшие в Гааге мирные конференции. Первая мирная конференция была созвана по инициативе российского императора в 1899 г. Вторая мирная конференция состоялась в Гааге в 1907 г. Обе Гаагские конференции и принятые на них международные конвенции о законах и обычаях войны стали знаменательной вехой в становлении и развитии международного гуманитарного права, на которое в дальнейшем стали ориентироваться либералы.

Одним из первых, кто фактически сформулировал основные принципы либерализма в мировой политике, оказался не ученый, а политический деятель — 28-й президент США В. Вильсон.

Еще в 1917 г., выступая в сенате США, В. Вильсон заявил, что мир нуждается не в балансе сил, а в сообществе сил (*community of power*), не в организации соперничества, а в организации общего мира². Годом позднее, в 1918 г., В. Вильсон выдвинул свои знаменитые 14 пунктов, в которых призвал отказаться от тайных международных договоров, предоставить повсюду свободу судоходства в мирное и военное время, предложил проект территориального устройства Европы. Комиссией под председательством В. Вильсона был разработан Устав первой в мире универсальной межгосударственной организации — Лиги Наций. Международные организации, по мнению либералов, создают одну из фундаментальных основ для предотвращения войн.

Вудро Вильсон:

«Свобода никогда не исходит от правительства. Свобода всегда исходит от его подданных. История свободы — это история ограничения правительственной власти, а не ее возрастания».

«Америка — единственная в мире нация идеалистов».

«Нация может быть настолько права, что ей не надо силой убеждать в своей правоте другие нации».

В начале XX в. в либерализме формируются различные течения. И сегодня данное направление остается одним из наиболее многогранных с точки зрения наличия разных версий. Изначально теория либерализма в мировой политике и международных отношениях в основном фокусировалась на трех задачах, а именно: 1) развитии международных институтов и организаций; 2) формировании практики переговоров и фиксации договоренностей в международных документах; 3) обеспечении международной безопасности путем разоружения³.

Создание Лиги Наций как раз и было попыткой реализации первой задачи. Идея заключалась в том, чтобы предотвратить грядущие войны путем созда-

ния системы коллективной безопасности. Предполагалось, что нападение на одного члена Лиги Наций означает нападение на всех остальных ее членов⁴.

Реализация второй задачи нашла отражение в заключении Гаагских конвенций. Наконец, в качестве примера решения третьей задачи следует привести Вашингтонскую конференцию 1921–1922 гг. по ограничению морских вооружений и проблемам Дальнего Востока и бассейна Тихого океана. Страны–участницы конференции попытались снизить уровень соперничества в регионе за счет введения ограничений на вооружения⁵. Однако в заключенных соглашениях не были учтены полностью интересы всех сторон. Япония, например, вскоре попыталась их пересмотреть⁶. Не были приняты во внимание интересы тех держав, которые не участвовали в переговорах.

В целом либералы первой половины XX в. не смогли в полной мере существенно изменить мир. Впрочем, представляется, что их усилия не были напрасными. В практическом плане они все послужили фактором сдерживания потенциального агрессивного поведения на мировой арене, а в теоретической сфере — заложили основу для дальнейшего развития либеральных идей в мировой политике.

Либерализм первой половины XX в. получил название «идеализм», поскольку был ориентирован на выработку идеальных принципов, в соответствии с которыми следует строить отношения между государствами, а не на изучение того, какими эти отношения являются на самом деле. В этом заключалось одно из важнейших отличий либерализма от теории политического реализма, которая также формировалась в начале XX в. Другим важнейшим различием обеих теорий стало расхождение в понимании природы человека и, соответственно, руководимых людьми государств. Либералы исходили из того, что по своей природе человек нацелен на сотрудничество и взаимовыручку. Им возражали реалисты, указывая на эгоистическую природу человека. Эти различия фактически сохранились и сегодня. Кроме того, к ним добавилось то, что в настоящее время представители либерализма пытаются осмыслить и учесть кардинальные перемены в международной системе, которые стали происходить во второй половине XX в. и продолжают сегодня. Перемены повлекли за собой существенную перестройку Вестфальской системы мира. В то же время сторонники политического реализма не усматривают никаких принципиальных отличий современной международной системы от прошлого. Они видят политическое развитие прежде всего как смену взаимоотношений ведущих стран мира (межгосударственных отношений).

Данные различия послужили основой для формирования прямо противоположных установок на понимание и интерпретацию фактов мировой политики представителями двух классических школ — реализма и либерализма. Либерализм и реализм противопоставляются друг другу, что обоснованно, поскольку эти теоретические школы исходят из принципиально различной трактовки природы человека, приводящей к установке либо на сотрудничество, либо на реализацию собственных интересов за счет интересов других.

Тем не менее между двумя теоретическими школами есть и общие моменты: 1) эти две теории возникли примерно в одно время; 2) обе теории относятся к классическим теориям международных отношений и мировой политики; 3) и либерализм, и реализм исходят из рациональной природы человека, т.е. предполагается, что государство, независимо от мотивации, действует разумно и осознанно (этот пункт подвергся затем критике со стороны других теоретических направлений); 4) оба теоретических направления, в отличие от третьей классической теории — неомарксизма, рассматривают государство в качестве основного актора на мировой арене, хотя либералы и не ограничиваются анализом только государств и образованных ими структур. На эти общие для двух теоретических школ моменты обычно обращается значительно меньше внимания, чем на их различие.

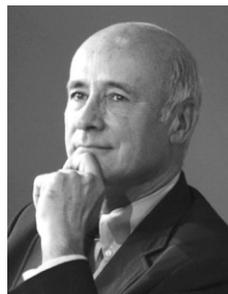
- Основные положения классического либерализма сводятся к следующему:
1. Человек по своей природе нацелен на сотрудничество. Ему не свойственна агрессия.
 2. Война не является непреложным атрибутом существования человечества. Совместными усилиями, через переговоры и путем создания международных институтов можно предотвратить войны и вооруженные конфликты.
 3. Государства должны реформировать свои политические системы с тем, чтобы демократическое правление внутри каждой страны способствовало установлению мира и развитию сотрудничества на планете.
 4. На международной арене ресурсом воздействия является не только сила, но и другие факторы, такие как экономика и мораль.

В теоретическом плане либерализм претерпевает дальнейшее развитие во второй половине XX — начале XXI в. и получает название неолиберализма, или структурного либерализма, поскольку большое внимание уделяет структурным изменениям современного мира. Современный неолиберализм имеет множество форм и течений, которые, с одной стороны, в значительной степени пересекаются, а с другой — могут рассматриваться как самостоятельные теоретические направления.

Одно из первых течений неолиберализма связано с именами Р. Кохэйна и Дж. Ная⁷ и получило название *транснационализма*. Их идея заключалась в том, что наряду с государствами, акторами (влиятельными участниками) мирового взаимодействия становятся надгосударственные и негосударственные структуры — межправительственные организации, среди которых есть универсальная (ООН), а также региональные (например, Европейский союз) и специализирующиеся по различным сферам деятельности (например, Всемирная

Джозеф С. Най (род. 1937) — американский политолог, основоположник теории комплексной взаимозависимости, связанной с направлением неолиберализма.

В разное время ученый был занят на важных правительственных должностях: помощник госсекретаря США по вопросам национальной безопасности, науки и технологии (1977–1979 гг.), председатель Национального разведывательного совета (1993–1994 гг.), заместитель министра обороны по вопросам международной безопасности (1994–1995 гг.).

Интересы Джозефа Ная были связаны не только с теоретической стороной международных отношений, но также и с практической реализацией политического курса.

Он является автором теории «мягкой силы» (*Soft Power*) и «умной силы» (*Smart Power*), т.е. учета роли нетрадиционных факторов силы и международного влияния в мировой политике, экономике и дипломатии.

Политические интересы Ная связаны с глобализацией, вопросами распространения ядерного оружия и контроля над вооружениями, а также вопросами управления и власти.

Джозеф Най отмечает, что вследствие демистификации власти, низкой эффективности управления экономикой со стороны государства растет недовольство и недоверие граждан к правительствам своих стран, а также к социальным и политическим институтам в целом.

Благодаря работам Дж. Ная и его последователей были заложены основы неолиберальной школы в теории международных отношений.

Основные работы:

- «Панафриканизм и интеграция в Восточной Африке» (1965)
- «Согласие в частях: интеграция и конфликт в региональной организации» (1971)
- «Власть и независимость: Мировая политика в развитии», в соавторстве с Р. Кохэйном (1977)
- «Ядерная этика» (1986)
- «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи» (1990)
- «Парадокс американской мощи: почему единственная в мире сверхдержава не может действовать в одиночку» (2002)
- «Понимание международных конфликтов: введение в теорию и историю» (2002)
- «Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике» (2004)

торговая организация), международные неправительственные организации (правозащитные, экологические, феминистские и др.). Кроме того, активными участниками международного взаимодействия являются транснациональные корпорации (ТНК) и внутригосударственные регионы различных стран. Таким образом, суть данного подхода заключается в признании многообразия акторов, видов и каналов взаимодействия между ними, а следовательно, и необходимости отказа от анализа государства как единственного участника международного взаимодействия. При этом государства в неолиберальном подходе рассматриваются все же как главные акторы на мировой арене.

Как результат активности транснациональных акторов границы государств, согласно либералам, «размываются», становятся «прозрачными». И если до второй половины XX в. государства в основном взаимодействовали с национальным бизнесом и национальными НПО, то начиная со второй половины XX столетия ситуация значительно меняется: транснациональные отношения начинают бурно развиваться. Эти процессы получили осмысление в целом ряде исследований⁸.

Основной причиной формирования транснациональных отношений в 1960–1970 гг. стало развитие бизнеса, который стал бурно развиваться после окончания Второй мировой войны. Вторым этапом в транснационализации (соответственно, и в развитии исследований данного феномена) связан с развитием Интернета и других информационных и коммуникационных технологий в конце XX в. Новые технологии значительно облегчили процессы взаимодействия, выходящие за рамки национальных границ.

Неолибералы вместо термина «международные отношения» ввели другой, более широкий термин — «транснациональные отношения», обосновывая это тем, что первое понятие четко закрепилось за межгосударственными отношениями, которые изначально были объектом изучения специалистов в области международных отношений. Транснациональные отношения и негосударственные акторы стали активно изучаться не только в США, но и в Европе. В Великобритании проблеме множественности акторов мировой политики посвящены исследования Дж. Грума⁹, а также М. Николсона¹⁰, который показал, что чем меньше участников на мировой арене и чем более они однородны, тем более предсказуемы их действия и последствия этих действий. Представители французского неолиберализма — Б. Бади, М. К. Смутс — обратили внимание на «прозрачность» национальных границ в результате транснационализации, а также на проблемы и вызовы, которые за этим следуют¹¹.

Дальнейшее развитие идеи Р. Кохэйна и Дж. Ная получили сразу в нескольких направлениях неолиберализма. Так, они составили основу для ракурса изучения негосударственных акторов в мировой политике, получившего в России название *акторного подхода*. В западных исследованиях внимание к феномену множественности участников современных мировых политических процессов имеет название *акторного плюрализма*.

Идея множественности типов акторов появляется только у неолибералов. В либерализме первой половины XX в. ее не было, поскольку не было столь масштабной активности негосударственных акторов. Признание многообразия транснациональных акторов (ТНА), включая государства, а также видов и каналов взаимодействия между ними привело к конкретным исследованиям деятельности негосударственных акторов на мировой арене, а именно их влияния на мировой арене, форм поведения, взаимодействия с государствами и т.п.¹² Стали предприниматься также попытки выделить критерии и провести сравнительный анализ деятельности различных новых негосударственных акторов¹³. Следует подчеркнуть, что понятие «новые акторы» используется в силу того, что эти акторы хотя и ранее могли действовать на мировой арене (например, бизнес вышел за пределы национальных границ задолго до второй половины XX в.), но столь влиятельны и масштабны в своей деятельности стали именно начиная со второй половины XX в. Причем это стало устойчивой тенденцией. Говоря о негосударственных акторах, также следует сделать оговорку. Мир, начиная с конца XX столетия, все чаще начал сталкиваться с различными видами структур, образованных государствами совместно с негосударственными акторами, т.е. гибридными структурами¹⁴. Поэтому понятия «новый актор» и «негосударственный актор» являются относительными.

Активное включение негосударственных акторов в мировую политику имеет, согласно неолибералам, множество следствий. С одной стороны, государства делятся частью своих властных полномочий, передавая их другим участникам. В то же время государства могут приобретать и новые функции, например связанные с координацией действий на мировой арене. Стирается грань между внешней и внутренней политикой. Мир становится все более сложным.

Продолжением идеи транснационализации мира стала концепция взаимозависимости. Она выделяется как отдельное направление в неолиберализме. В 1977 г. Р. Кохэйн и Дж. Най публикуют работу «Власть и взаимозависимость: мировая политика в переходный период»¹⁵. Исследования Р. Кохэйна и Дж. Ная положило начало развитию *теории комплексной взаимозависимости*. Теория обращает внимание на то, что в мире существует множество каналов связи, на основе которых строится политика, в том числе неформальные отношения между внешнеполитическими элитами, связи между правительственными и неправительственными структурами и т.п., причем отдельно выделяются внутригосударственные структуры (например, внутриполитические регионы, города и т.п.). Нарушение одних связей и отношений влечет за собой целую цепочку последствий по принципу «эффекта домино» практически для всех участников международного взаимодействия. В исследованиях, проводимых в рамках теории комплексной взаимозависимости, анализируются такие вопросы: как устанавливаются эти связи и как они нарушаются?; насколько государства, разрабатывая концепции национальной безопасности, учитывают взаимозависимость?; каковы тенденции развития взаимозависимости?;

какими методами усиливается взаимозависимость? и т.п. Большой вклад в изучение проблем взаимозависимости внесли многие авторы, в частности много работ посвятил этой проблеме американский теоретик Джеймс Розенау¹⁶.

В связи с тем, что на мировой арене начали действовать многие акторы, образовывая множество связей и отношений, военная сила, согласно неолибералам, стала лишь одним из компонентов оказания влияния. В рамках неолиберального подхода стали развиваться идеи, согласно которым применение силы становится слишком дорогим и в прямом, и в переносном смысле. Более эффективными средствами влияния, полагают они, являются экономические и правовые рычаги. В этой связи неолибералы особо подчеркивают взаимосвязь политики, экономики, права.

Другое важное направление в неолиберализме представлено *теорией международных режимов*, которая нашла отражение в работах Джона Рагги, Стефана Д. Краснера, Роберта Кохэйна и ряда других авторов¹⁷.

► Под **международными режимами** понимаются устойчивые совокупности (системы) принципов, норм, правил и процедур принятия решений и регулирования областей деятельности, в отношении которых совпадают подходы участников мирового сообщества в той или иной сфере международных отношений и мировой политики (например, в области тарифов и торговли, нераспространения оружия массового уничтожения, использования космоса и т.п.)¹⁸. Режим обычно включает не только систему соглашений, договоров, но также и развитую практику коллективного регулирования какой-либо сферы.

Режимы могут охватывать как отдельные регионы, так и весь мир. При этом число государств, входящих в тот или иной режим, может быть различным. Уровень институционализации международных режимов также может быть разным. Например, режим ВТО хорошо институционализирован, в то время как другие режимы могут быть достаточно неформальными. Однако в любом случае требуется согласие государств для вхождения в тот или иной международный режим. Из состава участников режима государства могут и выходить. Так, КНДР вышла из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Теорию режимов, строго говоря, нельзя отнести только к неолиберализму, поскольку исследователи, изучающие международные режимы, принадлежат к различным теоретическим школам. Однако для неолибералов международные режимы выступают в качестве примера развития сотрудничества и одновременно являются средством усиления сотрудничества путем формирования доверия¹⁹. В то же время реалисты видят в теории режимов проявление мощи государства, способного навязать другим те или иные параметры режима.

Еще одно направление в неолиберализме связано с *теорией демократического мира*. Исследователи, работающие в рамках данного направления, исходят из убеждения, что демократические государства не склонны вступать в вой-

ну друг с другом для достижения своих целей, а выбирают мирные средства для разрешения имеющихся противоречий. Необходимо отметить, что данная теория, в отличие от предыдущих, ориентирована на анализ деятельности только и исключительно *государств*. Негосударственные акторы, транснациональные отношения в этой теории если и затрагиваются, то весьма опосредованно.

Идея «вечного мира» восходит своими корнями к эпохе Просвещения как некая утопия. Ее поддерживали многие мыслители прошлого, в том числе Г. Ф. Лейбниц, А. Смит, Ж.-Ж. Руссо. И. Кант указывал на необходимость постоянной работы по осуществлению этой идеи.

Исходной основой для данной теории послужил тезис И. Канта о «вечном мире». И. Кант выдвинул гипотезу, согласно которой демократические государства будут вести себя на международной арене по-иному, чем недемократические. Ориентируясь на более совершенные моральные принципы, эти страны, по мнению И. Канта, будут заключать друг с другом мир.

Анализ статистических данных о начале военных действий показал, что, действительно, демократические государства ориентированы скорее на невоенные способы разрешения конфликтов между собой. В результате идея И. Канта получила развитие в XX столетии, оформившись в виде теории демократического мира. Однако, как только теория демократического мира была сформулирована, сразу стали возникать возражения. В основном они сводились к четырем положениям. *Во-первых*, история существования демократических государств слишком коротка, чтобы делать определенные выводы на основе статистики относительно поведения демократических государств. *Во-вторых*, если демократические государства в прошлом не вступали в военные действия друг с другом, то это не означает, что этого не будет в будущем. *В-третьих*, проблемой является определение того, какое государство является демократическим. Наконец, *в-четвертых*, не совсем ясен вопрос относительно того, что значит «они не воюют» друг с другом. Значит ли это, что между ними вообще исключены вооруженные конфликты? Или невозможны полномасштабные войны, но сохраняются мелкие конфликты интересов?

Оппоненты теории демократического мира стали приводить целый ряд примеров в порядке развития выдвинутых выше возражений. Так, во время Второй мировой войны Великобритания объявляла войну Финляндии, но вооруженных действий не последовало. Следует ли разграничивать факт объявления войны и ее ведение? Другой часто используемый в дискуссии исторический пример — агрессия Германии, послужившая началом Первой мировой войны. Вопрос здесь в том, насколько Германию того периода можно рассматривать как демократическое государство, если принять во внимание такие особенности ее государственного устройства, как фактически самостоятельная роль кайзера в принятии внешнеполитических решений. В целом же, по крайней мере как общая закономерность с некоторыми исключениями (о которых говорят и спорят), теория демократического мира оправдывает себя. Од-

нако вопрос, наверное, не в том, возможны ли исключения из общего правила (отсутствие вооруженных конфликтов между демократическими странами), а в том, как это общее правило истолковать. Данный вопрос имеет не только теоретическое значение, но и напрямую связан с международной практикой, поскольку важно, сможет ли демократизация мира (увеличение числа демократических государств) сделать мир более безопасным.

В. М. Кулагин провел сравнительный анализ работ двух исследователей, которые занимались проблемой обоснования теории демократического мира, — М. Дойла и Б. Рассета²⁰. М. Дойл, опираясь на положения И. Канта, показывает, что во внешней политике развитые демократические государства исходят из тех же принципов, что и во внутренней политике. Правящая элита, принимая решения о вступлении в войну, должна аргументированно обосновать ее необходимость, что далеко не всегда легко сделать.

У Б. Рассета — несколько иное объяснение того, почему демократии не воюют друг с другом. Он приводит два аргумента. Первый аргумент лежит в области политической культуры демократических стран. Граждане в этих государствах воспринимают себя в качестве свободных людей, которые привыкли уважать права других. Открытость границ, свободный обмен информацией в демократических государствах усиливают подобное восприятие. Эти культурные характеристики, которые усваиваются человеком с детства, ограничивают проявление агрессии в отношении себе подобных. Кроме того, люди в демократических странах привыкли разрешать конфликты мирно — путем переговоров, согласований, судебных процедур.

Второй аргумент, объясняющий феномен демократического мира, по Б. Рассету, связан с самим принципом принятия решений в демократических государствах, в том числе и о начале войны. Лидеры государств в случае принятия решения о начале вооруженных действий должны провести это решение через соответствующие демократические процедуры. В результате, *во-первых*, демократические страны при принятии решения о применении силы вынуждены больше времени тратить на это решение. Возникает «охлаждающий» период, позволяющий погасить первые эмоциональные реакции и искать рациональный выход из ситуации конфликта. *Во-вторых*, сами демократические процедуры являются барьером для импульсивных действий.

Объяснение феномена демократического мира у Б. Рассета более детально проработано, и в целом оба подхода дополняют друг друга.

Неолиберализм второй половины XX в. резко расширил предметную сферу международных исследований, причем не только за счет обращения к изучению негосударственных акторов, комплексной взаимозависимости и т.п., но и посредством применения этих идей к конкретным областям мировой политики и международных отношений. Так, признание множественности типов акторов на международной арене оказало влияние на развитие технологий урегулирования конфликтов. Например, в конце 1960-х — 1970-х годах акаде-

мическими кругами была организована целая серия форумов по урегулированию конфликтов на Ближнем Востоке и в регионе Африканского Рога. Идея этих форумов заключалась в том, что через формирование восприятия ситуации представителями конфликтующих сторон (обычно это были те, кто не входил в число лиц, принимающих решения, но мог повлиять на них) можно изменить оценки и установки политических элит в отношении конфликтов²¹.

Под влиянием неолиберальных представлений появились также новые подходы к ведению международных переговоров. Были предложены концепции переговоров, основанные на логике взаимного выигрыша (*win-win strategy*). Авторы, разрабатывающие теоретические аспекты переговорного процесса, показали, что в долгосрочном плане выгодно выстраивать переговорную стратегию, основанную на учете интересов партнера по переговорам. В противном случае достигнутые соглашения будут плохо выполняться и потребуют пересмотра. Наиболее ярко эта позиция заявлена в известной работе Р. Фишера и У. Юри о «переговорах без поражения»²². Р. Аксельрод предпринял попытку продемонстрировать эффективность сотрудничества на переговорах, проведя исследования с использованием матричных игр. Он показал, что в условиях постоянно продолжающегося взаимодействия участников (а на международной арене имеет место именно такое взаимодействие) становится бессмысленной ориентация на эгоистический сиюминутный выигрыш²³.

Подобные примеры влияния неолиберальных идей на развитие теоретических подходов есть во многих конкретных областях мировой политики.

В области экономики представители неолиберализма подчеркивают взаимосвязь политики и экономики, необходимость развития экономического взаимодействия, которое ведет к укреплению взаимозависимости.

В военно-политической сфере представители неолиберализма подчеркивают опасность войн и конфликтов в современном мире, необходимость контроля над вооружениями, запрета на распространение оружия массового уничтожения. Ярким примером противоположных позиций, которых придерживаются представители неореализма и неолиберализма, может служить дискуссия, которую развернули К. Уолтц и С. Саган²⁴.

Неолиберальная теория, как показывает история, получает наибольшее развитие в условиях снижения напряженности и развития международного сотрудничества. Начало XXI в., его первые два десятилетия оказались сложными с точки зрения развития международного сотрудничества. Идеи национальных интересов государств, противоборства и т.п. вернулись в эпицентр международных дебатов. Тем не менее неолиберализм продолжал развиваться, хотя и не теми темпами, которые были характерны для 1990-х годов.

Выделяется несколько направлений неолиберализма в XXI в. Первое направление вновь связано с именем Дж. Ная и с его концепцией «мягкой силы», которая, хотя и была впервые предложена в 1990 г.²⁵, получила развитие в XXI в., как в работах самого Дж. Ная²⁶, так и его сторонников.

Джозеф Най:

«Мягкая» сила — это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек. Американской истории известны выдающиеся примеры такого рода: это «четыре свободы для Европы» Франклина Рузвельта в конце Второй мировой войны; молодежь за «железным занавесом», слушающая американскую музыку и новости по радио «Свободная Европа» и «Голос Америки» во время «холодной войны»; китайские студенты, сооружающие модель статуи Свободы на площади Тяньаньмэнь во время массовых протестов; освобожденные в 2001 г. афганцы, немедленно попросившие предоставить экземпляр Билля о правах; молодые иранцы, смотрящие запрещенные американские видеофильмы и передачи спутникового телевидения вопреки запретам теократического правительства. Когда ты можешь побудить других возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны. Но влечение может обернуться и отвращением, если в политике чувствуется надменность или лицемерие.

«Жесткая» сила, или «жесткое» могущество, — это способность к принуждению, обусловленная военной и экономической мощью страны. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами. Жесткая сила не теряет ключевого значения в мире, где государства стремятся оградить свою независимость, а негосударственные группы, такие как террористические организации, готовы прибегать к насилию. Но мягкая сила обретает все большее значение для сужения круга новых сторонников терроризма, а также для решения вопросов, требующих многостороннего сотрудничества».

Дж. Най. «Мягкая сила» и американско-европейские отношения // Свободная мысль-XXI. 2004. № 10

Суть концепции Дж. Найа заключается в том, что «мягкая сила» представляет собой оказание влияния государством или иным политическим актором посредством формирования привлекательности, а не путем принуждения. Несколько позднее Дж. Най пошел по пути введения еще одного понятия — «умная сила», предполагающего сочетание «мягкой» и «жесткой силы»²⁷. Однако в дальнейшем Дж. Най в меньшей степени стал использовать его, предложив идею некоего единого континуума силы.

Теория «мягкой силы» легла в основу разработки «новой публичной дипломатии», о которой активно заговорили в XXI в., причем изначально скорее не на основе теоретической проработки, а в результате практического опыта. Дело в том, что после терактов 11 сентября 2001 г. перед США встала задача оказать влияние на мусульманские общества. Однако классический инструмент пропаганды оказался малоэффективным. Тогда в результате теоретических наработок целого ряда исследователей сложилась концепция новой публичной диплома-

тии. В табл. 1 представлен сравнительный анализ различных методов публичной дипломатии, основанных либо на пропаганде, либо на «мягкой силе»²⁸.

Таблица 1

Сравнительный анализ методов публичной дипломатии

Пропаганда	«Мягкая сила»
Допускает навязывание (принуждение), а также различные виды стимулирования (вознаграждения)	Не допускает навязывания (противоположная сторона должна сама сделать выбор), не предполагает прямое стимулирование
Обосновывается в рамках реалистской концепции ТМО (внимание к собственным интересам)	Формулируется в рамках неолиберальной концепции ТМО (предполагает внимание к интересам другого)
Рассчитана на краткосрочное воздействие, скорее всего, не будет работать в долгосрочной перспективе	Ориентирована на долгосрочное взаимодействие с партнером
Использует манипулятивные стратегии	Избегает манипулятивных стратегий
Ориентирована на монолог. Воспринимает противоположную сторону в качестве объекта манипуляции	Ориентирована на диалог. Воспринимает противоположную сторону также в качестве субъекта
Формирование доверительных отношений сторон не является задачей	Предполагает создание доверительных отношений сторон

Еще одно направление развития неореализма в XXI в. связано с развитием представлений о трансграничности. А.-М. Слотер, изучая Европейский союз, обратила внимание на феномен своеобразного «прорастания» структур одного государства в другое. Так, министерство образования одной страны тесно сотрудничает с соответствующими министерствами других государств. Аналогичное взаимодействие складывается между министерствами сельского хозяйства и т.д. Все эти связи оказались возможными благодаря обеспечению современными коммуникативными и информационными технологиями. В результате стали образовываться сети трансгосударственных взаимодействий и отношений. Этот процесс А.-М. Слотер назвала «трангосударственностью» (*transgovernmental*). Он позволяет реализовывать, согласно А.-М. Слотер, политику «вовлеченности» в дела других стран и тем самым изменять их «изнутри», т.е. оказывать политическое влияние²⁹. Данный феномен, хотя и в меньшей степени, оказался характерен не только для ЕС, но и для других государств.

Если говорить о перспективах развития неолиберализма в мире, то следует ожидать дальнейших исследований новых форм и методов организации глобального управления, таких как например, «клубные форматы» (Группы G7, G20 БРИКС); механизмы взаимодействия государств, бизнеса, неправительственных организаций по различным «секторным» вопросам, в том числе по противодействию терроризму, оказанию помощи развитию, регулированию информационных потоков в международной среде.

Примечания

¹ *Rourke J. T.* International Politics on the World Stage. N.Y.: McGraw Hill, 2007.

² *Haynes J., Hough P., Malik Sh., Pettiford L.* World Politics. Harlow: Pearson Education, 2011.

³ *Herz J.* Political Realism and Political Idealism. Chicago: University of Chicago Press, 1951; *Kegley Ch. W., Jr.* World Politics. Trend and Transformation. 12th ed. Belmont (Ca): Wadsworth, 2011.

⁴ *Kegley Ch. W., Jr.* World Politics. Trend and Transformation. 12th ed. Belmont (Ca): Wadsworth, 2011.

⁵ *Ibid.*

⁶ Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и Тихоокеанским и Дальневосточным вопросам 1921–1922 гг. / Пер.: А. В. Сабанин; вступ. ст.: Л. Е. Берлин. М.: Литиздат НКВД, 1924.

⁷ *Keohane R. O., Nye J. S.* Transnational Relations and World Politics: An Introduction // International Organization. 1971. Vol. 25. No 3. P. 329–349. URL: http://www.ucm.es/info/sdrelint/ficheros_materiales/materiales016.pdf.

⁸ См. напр.: *Фергюсон Й.* Глобальное общество в конце XX столетия // Международные отношения: социологические подходы. М.: Гардарики, 1998. С. 195–212; *Ferguson Y. H., Mansbach R. W.* The State, Conceptual Chaos and the Future of International Relations Theory. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1989.

⁹ *Грум Дж.* Растущее многообразие международных акторов // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. проф. П. А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998. С. 222–239.

¹⁰ *Николсон М.* Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах // Индивиды в международной политике / Под ред. М. Жирара. М.: МПА, 1996.

¹¹ Международные отношения: социологические подходы / Под ред. проф. П. А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.

¹² См., напр.: NGOs, the UN, and Global Governance // Ed. by Th. G. Weiss, L. Gordenker. Boulder, L.: Lynner, Rienner Publ., 1996; *Simmons P. J.* Learning to live with NGOs // Foreign Policy. 1998. No 3 (Fall). P. 166–172.

¹³ См., напр.: *Risse Th.* Transnational Actors and World Politics // Handbook of International Relations / Ed. by W. Carlsnaes, Th. Risse, B. A. Simmons. L., a.o.: Sage, 2002. P. 255–274.

¹⁴ *Зегберс К.* Сшивая лоскутное одеяло... (Шансы и риск глобализации в России) // Pro et Contro. 1999. Т. 4. С. 65–83.

¹⁵ *Keohane R. O., Nye J.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little Brown and Company, 1977.

¹⁶ *Rosenau J. N.* The Study of Global Interdependence: Essays on the Transnationalisation of World Affairs. L.: Frances Pinter, 1980; *Rosenau J.* Pre-Theory Revised: World Politics in an Era of Cascading Interdependence // International Studies Quarterly. 1984. No 1. P. 3–29; *Burton J.* World Society. L.; N.Y.: Lanham, 1987.

¹⁷ См., напр.: International Regimes / Ed. by S. Krasner. Ithaca, L.: Cornell University Press, 1983; Little Richard International regimes // The Globalization of World Politics. An Introduction to International Relations // Ed by J. Baylis, S. Smith. N.Y.: Oxford University Press, 2001. P. 299–316; *Keohane R.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1984.

4. Либерализм в исследованиях мировой политик

¹⁸ *Krasner S. D.* Structural causes and regimes consequences: regimes as intervening variables // *International Regimes* / Ed. by S. D. Krasner. Ithaca, L.: Cornell University Press, 1983.

¹⁹ *Keohane R.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1984.

²⁰ *Кулагин В. М.* Мир в XXI в.: многополюсный баланс сил или глобальный Pax Democratica (Гипотеза демократического мира в контексте альтернатив мирового развития) // *Полис*. 2000. № 1. С. 23–37.

²¹ *Burton J.* Conflict and Communication: The Use of Controlled Communication in International Relations. L.: Alden Press, 1969; *Kelman H.* The Problem-Solving Workshop in Conflict Resolution // *Communication in International Politics* / Ed. by R. L. Merritt. Urbana: University Press, 1972. P. 168–204; *Doob L. W.* A Cyprus Workshop: An Exercise in Intervention Methodology // *Journal of Social Psychology*. 1974. Vol. 94. No 2. P. 161–178.

²² *Fisher R., Ury W.* Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In. Boston: Houghton Mifflin, 1981. В переводе на русский язык работа вышла в 1990 г. *Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию, или переговоры без поражения / Пер. с англ. М.: Наука, 1990.

²³ *Axelrod R.* The Evolution of Cooperation. N.Y.: Basic Books, 1984.

²⁴ *Sagan S. D., Waltz K. N.* The Spread of Nuclear Weapons: a Debate Renewed. N.Y.: Norton & Company, 2002.

²⁵ *Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Basic Books, 1990.

²⁶ См.: *Nye J. S., Jr.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs Group, 2004.

²⁷ *Nye J. S.* The Powers to Lead. N.Y.: Oxford University Press, 2008.

²⁸ *Лебедева М. М.* «Мягкая сила»: понятие и подходы. Вестник МГИМО-университета. 2017. № 3.

²⁹ *Slaughter A.-M.* A New World Order. Princeton: Princeton University Press; Oxford, 2004.

Литература

Богатуров А. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // *Международные процессы*. 2004. Т. 2. № 1. С. 16–33.

Лебедева М. М. Акторы в международных отношениях и мировой политике // *Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия: В 3 т. М., 2015. Т. 2. С. 10–17.*

Лебедева М. М. Глобальные тенденции мировой политики // *Современные международные отношения* / Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 90–102.

Лебедева М. М. Мировая политика. М.: Кнорус, 2011.

Цыганков П. А. «Международные отношения и мировая политика». Консолидация учебно-научной дисциплины? // *Международные процессы*. 2013. № 3–4. С. 7–20.

Цыганков П. А. Негосударственные участники мировой политики // *Обозреватель: Научно-аналитический журнал*. 2013. № 9. С. 5–17.

Axelrod R. The Evolution of Cooperation. UK: Hachette, 2009. — 304 p.

Harvey D. A Brief history of Neoliberalism. Oxford: OUP, 2007. — 256 p.

Keohane R. O. Neorealism and its critics. N.Y.: Columbia University Press, 1986. — 378 p.

Milner H. V., Moravcsik A. Power, Interdependence, and Nonstate Actors in World Politics. Princeton: Princeton University Press, 2009. — 299 p.

Раздел I. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ИНСТИТУТЫ. СТРУКТУРЫ. ФАКТОРЫ

Nye J. Soft power: the means to success in world politics. Hachette UK, 2009. — 208 p.

Rosenau J. Pre-Theory Revised: World Politics in an Era of Cascading Interdependence // *International Studies Quarterly*. 1984. No 1. P. 3–29.

Simon Springer S., Birch K., MacLeavy J. Handbook of Neoliberalism. N.Y.; L.: Routledge, 2016. — 666 p.

The Rise of Neoliberalism and Institutional Analysis / J. Campbell and O. Pedersen (eds). Princeton: Princeton University Press, 2001. — 288 p.

5. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

Ключевые слова

Политический институт, государствоведение,® политическое установление, политическое поведение, организация, процедуры, политические структуры

Изучение политических институтов представляет собой один из смысловых центров политической науки и покрывает широкий спектр проблем — функционирование политических сообществ и поддержание внутреннего порядка, распределение власти и влияния внутри сообществ и между ними, процессы принятия решений и развития политических сообществ. Можно сказать, что усилия современной политологии сконцентрированы на объяснении того, каким образом возникают и развиваются политические институты, какое влияние они оказывают на политическое поведение и процесс принятия решений и, главное, под воздействием каких факторов институты изменяются.

По мнению Р. И. Гудина и Х.-Д. Клингемана, редакторов и авторов одного из наиболее впечатляющих политологических изданий 1990-х годов «Политическая наука: новые направления», «в настоящее время институциональный подход доминирует в политической науке в целом и ее отдельных субдисциплинах»¹. Понятия «институт» (*institution/institute*), «институциональный» (*institutional*), «институционалистский» (*institutionalistic*), «институционализация» (*institutionalization*), «институционализировать» (*institutionalize*), «институционализм» (*institutionalism*) применительно к политическим исследованиям встречаются весьма часто, по поводу и без оног².

Каковы предпосылки и эволюция, достижения, проблемы и перспективы институционального подхода в политической науке конца XX — начала XXI в.?

Теоретические аспекты институционализма

Политическая мысль со времен Платона и Аристотеля активно интересовалась тем, что в последующем получило наименование политических институтов, — государство, конституция и т.п. Этот интерес обрел второе дыхание в новой науке о политике Н. Макиавелли, в трактатах Ж. Бодена, Т. Гоббса,

Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Г. В. Ф. Гегеля и многих других мыслителей, создавших предпосылки для становления современного политического знания. Выдвинутая Гегелем идея институтов, формирующих и составляющих государственный строй, как воплощенную разумность, превосходящую разумную волю отдельного индивида, надолго дала импульс и ориентацию последующему изучению природы, содержания и функций институтов.

Таблица 1

Институциональный подход в сравнении с другими парадигмами³

	Либеральный		Социально-детерминистский
	Институциональный	Бихевиоралистский/ Утилитарный	
Интересы	Разнообразные источники индивидуальных и коллективных интересов. Институты влияют на их артикуляцию и выражение в политике	Субъективные: предпочтения обна- руживаются через поведение; каждый индивид — наилуч- ший судья своих интересов	Объективные: основываются на социальной груп- пе или классе
Политиче- ский процесс	Проблема агрегации. Формы агрегации процесса влияют на качество и результаты участия	Агрегация полезно- сти с эффективной передачей предпо- чтений (в политике, на рынке, на рынке групп интересов)	Соответствует социальной или классовой струк- туре
Нормативный идеал	Процедурная демокра- тия. Действительная спра- ведливость посред- ством формальных процедур 	Формальная демо- кратия. Честность процесса гарантирует спра- ведливость резуль- татов. Формально откры- тый доступ к рын- кам/политике, за- щита конкуренции	Действительная демократия. Социальная гар- мония — органи- ческая солидар- ность или конец классовой эксплу- атации
Пример	Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, А. Ток- виль, Дж. С. Милль, М. Вебер, Ю. Хабер- мас, Д. Роулз	И. Бентам, Дж. Милль, М. Фридман, Д. Трумэн, Р. Даль	К. Маркс, Э. Дюркгейм

Понятие института воспринято социальными дисциплинами из юриди- ческой науки, где оно обозначало совокупность правовых норм, регулиру- ющих определенные общественные отношения (наследование, брак и т.д.).

5. Институционализм и неинституционализм

Институционалисты относили к институтам как политические и правовые категории, так и экономические явления — государство, семью, нравы, предпринимательство, частную собственность, деньги, кредит и многое другое. Это создает некоторые трудности при анализе и не позволяет установить жесткие границы институционализма как течения. Он никогда не был однородным направлением, его теоретики выступали с широким диапазоном гипотез, оценок, мнений.

Р. Роудс выделяет четыре центральные традиции в изучении политических институтов (см. табл. 2), которые соответствуют определенным историческим периодам или национальным школам и вместе с тем продолжают органично сосуществовать в современной политической науке.

Таблица 2

Традиции в изучении политических институтов⁴

Традиции	Модернистско-эмпирическая	Формально-легальная	Идеалистическая	Социалистическая
Определение политического института	Формальные правила, процедуры согласования и стандартные практики, структурирующие взаимоотношения индивидов в политической и экономической сферах	Законы как проблематика формальных управленческих структур	Реализация идей по поводу политической власти и воплощение постоянного взаимодействия между гражданином и правительством	Специфическое проявление классовой борьбы
Примеры	США: «новые институционализмы»	Франция: конституционализм	Великобритания: консервативный идеализм	Европа: постмарксизм
Представители	Дж. Марч, Й. Олсен. Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни (1984)	Ж. Шевалье. Государственное управление во Франции (1996)	Н. Джонсон. Переоформление британской конституции (2004)	Э. Лакло. Новые рассуждения о революции нашего времени (1990)

Формально-легальный подход — это, по сути, наука о государстве (в классическом смысле *Staatswissenschaft*), а наука о государстве, как пишет Р. Роудс, не может противопоставляться политической науке (науке о власти) — наоборот, она находится «в самом ее сердце»⁵. Идеалистическое направление утвер-

ждает, что в основе политических институтов лежат идеи — традиции и субъективные представления индивидов о них, — положение, которое также вряд ли может быть отвергнуто кем-либо из представителей других направлений. Что касается социалистической традиции, то ряд ее представителей пытаются разработать новую теорию государства, рассматривая его не с функциональной точки зрения, а как «пространство стратегического выбора» (неомарксистская политэкономия); другое направление объединяет марксизм с политической философией постструктурализма, анализируя смыслы, лежащие в основе политических институтов, как продукты исторически уникальных форм организации политической власти (постмарксизм).

Р. Роудс делает вывод о том, что в основе всех подходов лежит общее концептуальное «ядро», — все они «описывают формальные конституционные документы и связанные с ними представления и практики, опираясь на историю и философию... с тем чтобы объяснить историческую эволюцию политических институтов»⁶, т.е. и «старые», и «новые» направления описывают и объясняют взаимоотношения между формальными институтами и воплощенными в них идеями, между фактами и смыслами. В рамках большинства подходов признается значение сравнительных исследований (в том числе кросс-культурных).

Главная роль политических институтов состоит в том, что они структурируют политический процесс, определяют доступ акторов к участию в нем, очерчивая рамки их политической активности.

«Старый» институционализм

В начале XX в. политическая наука воспринималась как своего рода продолжение немецкого *Staatswissenschaft* (государствоведения) — изучения государства, его органов и институтов, посредством которых оно осуществляет свои функции⁷. Поэтому ранний этап становления современной политической науки с полным основанием определяется как формально-легальный институционализм.

Для М. Вебера институты — это социальные образования, учреждения, сообщества индивидов, обладающие такими признаками, как зачисление в сообщество не на основе желания индивида, но вследствие присущих ему от рождения или приобретенных в процессе воспитания качеств и других объективных характеристик; наличие рациональных установлений, на которые обязан ориентироваться в своем поведении индивид; наличие аппарата принуждения, обеспечивающего с помощью санкций соответствие поведения индивида принятым в сообществе установлениям. Примером является государство как политическое сообщество, ядром которого является государство как политическая структура, персонифицируемая в деятельности бюрократии, профессиональных государственных чиновников (бюрократическое государ-

ство). Веберовская категория «союз» противостоит институту с его рациональными установлениями подобно тому, как поведение, основанное на согласии, противостоит социальному действию, ориентированному на рациональную договоренность. К таким союзам М. Вебер относит традиционную семью, патриархальное политическое сообщество, религиозную общину и т.п.⁸ В действительности между союзом и институтом нет четкой грани: институциональные действия — это рационально упорядоченная часть союзных действий, а институт — частично рационально упорядоченный союз.

Классическая традиция изучения формально-юридических, внешних характеристик института как целого позже была дополнена рассмотрением внутренних элементов политических институтов, но в рамках все того же описательно-индуктивного подхода к формальной структуре, правилам и процедурам, фасадным ценностям. Политические институты рассматривались по аналогии с предприятием. Обогащение этого подхода технократическим эмпиризмом и стремление на его основе выйти за пределы юридических форм не отменяли главного в позиции ранних политологов — рассмотрения политической жизни, политики в качестве производной от политических (читай: государственных) институтов.

Международный коллоквиум по вопросам содержания и структуры политической науки (ЮНЕСКО, Париж, 1948) подтвердил значение исследований институтов, включив в предметное поле политической науки, наряду с прочими компонентами, теорию публичных (государственных) институтов (государственных, центральных и региональных, местных, законодательных, исполнительных и судебных), их структуры и функционирования.

Этот институционализм, представленный исследованиями В. Вильсона, Дж. Брюса, Т. Коула, Г. Картер, К. Фридриха и др., просуществовал до начала 1950-х годов и позднее получил статус «старого».

Теория групп А. Бентли и поведенческая революция привели к аналитическому разделению института и входящих в него индивидов. Период 1950–1960-х годов характеризовался абсолютным господством в политической науке бихевиоризма, когда в центр внимания был поставлен индивид и его поведение. Бихевиоризм 1950–1960-х годов, экономический подход к изучению политики и теория рационального выбора в 1970–1980-е годы превратили индивида в главного политического актора.

В 1960-е годы сохраняется интерпретация политического института как нормативно-правовой основы политических явлений и процессов. Так, у Т. Парсонса понятие института носит весьма общий характер — институт представляет собой социальную форму, комплекс ролевых интеграторов стратегически-структурного значения. Институты рассматриваются преимущественно как политические установления — формальные положения, законы или производные от них разделения полномочий, методы избрания. Законность связана со способностью политической системы формировать и поддер-

живать убеждение в том, что существующие политические институты лучше всего подходят для данного общества. Эффективность характеризует фактическую деятельность институтов, степень удовлетворительности выполнения ими своих функций как их понимают большинство населения и важнейшие социальные группы. Эффективность инструментальна, законность оценочна, связана с ценностями.

«Новый» институционализм

В 1984 г. Дж. Г. Марч и Й. Олсен публикуют статью «Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни»⁹, которая считается точкой институционального поворота в политической науке, определившей новый подход к исследованию политических институтов, к изучению отношений между институциональными характеристиками и политическим действием. В мировой науке начинают широко использовать понятие «*neo-institutional*» *political science*¹⁰.

В 1994 г. начинается издание серии «Теории институционального дизайна», которое продолжается по сей день¹¹. Среди 33 книг серии выделим важную работу Роберта Гудина по теории институционального дизайна¹².

Возникновение «нового институционализма» рассматривается большинством исследователей как закономерная реакция на преобладание бихевиоризма и теории рационального выбора в политических исследованиях. При этом новый институционализм, с одной стороны, продолжает институциональную традицию, а с другой — использует достижения своих исторических оппонентов. Т. Скокпол противопоставила новый институциональный подход плюралистической, структурно-функционалистской и марксистской литературе, доминировавшей в 1950–1960-е годы, Дж. Г. Марч и Й. Олсен — контекстуализму, редукционизму, утилитаризму, инструментализму и функционализму того же периода. Теоретики рационального выбора, например П. Ордешук, определили новый институционализм как попытку рекомбинации бихевиоралистского исследования с более традиционным предметом политической науки — институтами.

Специфика нового институционализма (по сравнению со старым) состоит в том, что политические институты понимаются с точки зрения взаимосвязи формальных норм и неформальных правил игры, образующих сложные организационные отношения, формы взаимодействий и кооперацию людей, поддерживающих стабильность и воспроизводящих порядок в обществе.

«Новые институционалисты» отказались от понимания политики как только отражения общества (контекстуализм) или макроагрегированного следствия индивидуальных действий (редукционизм), от сведения политической деятельности только к процессу принятия политических решений и распределения ресурсов (инструментализм) или к расчету и своекорыстному поведе-

5. Институционализм и неинституционализм

нию (утилитаризм), от рассмотрения политических институтов как результата единственно возможного ситуативного равновесия (функционализм).

Сопоставление старого и нового институционализма по основным параметрам позволяет увидеть соответствующие принципиальные различия.

Таблица 3

Старый и новый институционализм

	Институционализм	
	Старый	Новый
Конфликт интересов	Центральное место	Периферийное значение
Источник инерции	Интересы по праву	Императив легитимности
Структурная особенность	Неформальная структура	Символическая роль формальной структуры
Включающая организация	Локальное сообщество	Отрасль, сфера или общество
Природа включенности	Кооптация	Конституирование
Место институционализации	Организация	Сфера или общество
Организационная динамика	Изменение	Живучесть, продолжение
Основание для утилитаристской критики	Теория агрегации интересов	Теория действия
Доказательство утилитаристской критики	Непредвиденные последствия	Нерефлексивная деятельность
Ключевые формы познания	Нормы, ценности, установки	Классификации, программы, сценарии, схемы
Социальная психология	Теория социализации	Теория атрибуции
Когнитивная основа порядка	Обязательство	Привычка, практическое действие
Цели	Заменяемые	Неясные
Повестка дня	Относящаяся к политике	По дисциплинам

По мнению Марча и Олсена, политика организована вокруг истолкования жизни и развития смысла, цели и направления, политика укоренена в «неэффективной» истории и культуре, а институты обладают известной самостоятельностью и независимостью, собственными организационными качествами и в то же время историчны.

Институциональный поворот охватил не только политическую науку, но и социологию, экономику, юриспруденцию, психологию, антропологию и т.д. — и еще не завершен. Среди наиболее характерных изменений — сближение истории, антропологии и культурологии, а также движение политической науки в сторону экономики, давно и глубоко математизированной области знания.

Основные категории и понятия институционализма

Политические институты являются одним из видов социальных институтов, которые обладают следующими признаками («атрибутами»):

- социально разделяемые правила (универсальность). Правила становятся институтом только тогда, когда касаются не отдельного индивида, а распространяются на всех индивидов определенной социальной общности, притом что не обязательно все члены общности воспринимают их как легитимные;
- правила, ограничивающие индивидов и одновременно предоставляющие им возможности взаимодействия с другими;
- правила, формирующие ожидания по поводу будущих действий. Институты эффективны лишь тогда, когда действия в рамках заданных правил носят регулярный характер и у индивида есть уверенность, что и «другие» следуют данным правилам (регулярность);
- практически применяемые («освоенные») правила. Индивид не только должен знать правила, но и освоить их, знать свои «маневры» поведения в ситуации, регулируемой правилами. Институты — это действующие правила;
- наличие санкций за «неподчинение» институту (по этому вопросу нет общепринятой точки зрения).

Как названные признаки («атрибуты») проявляют себя в сфере политики, в политических институтах?

В современных политических исследованиях институты определяются как коллективное действие по управлению, либерализации и расширению поля индивидуальных действий, упорядочивающие образцы взаимодействия (Г. О’Доннелл), устанавливаемые людьми ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие, неформальные (запреты, табу, обычаи, традиции кодексы чести и т.д.) и формальные (конституции, законы, права собственности и т.д.) правила, а также система санкций за их несоблюдение (Д. Норт), структурные ограничения (А. Шидлер), длительные структуры во времени и пространстве (Э. Гидденс), правила, структуры и процедуры (К. Шепсл), правила принятия решения и системы стимулов (А. Степан), правила, нормы и совместные стратегии (С. Кроуфорд, Э. Остром), формальные правила, процедуры согласия и стандартно действующие практики, структурирующие отношения между индивидами (П. Холл) и др.

Дж. Марч и Й. Олсен обновили понимание института как сравнительно устойчивого набора (*collection*) правил и организованных практик, укорененных в структурах значений и ресурсах, которые относительно инвариантны при смене конкретных индивидов и сравнительно устойчивы к особым предпо-

чтениям и ожиданиям акторов и к изменяющимся внешним обстоятельствам. Конститутивные правила и практики предписывают соответствующее поведение для конкретных субъектов в конкретных ситуациях, структуры значений, укорененные в идентичностях и вещах, — общие цели и расчеты — придают направление и смысл поведению, объясняют, оправдывают и легитимизируют поведенческие коды, структуры ресурсов создают возможности для действий. Институты/институты — это структура взаимодействия, правила, законы, соглашения, нормы, разделяемые убеждения о мире и средства принуждения к исполнению этих правил и норм.

Базовыми единицами анализа для политолога являются, следовательно, «правила, порядки, нормы и значения “института”, а не микрорациональные индивиды и не макросоциальные силы»¹³.

В общем виде в политической науке (как и в социологии) под институтом понимаются:

- 1) *политическое установление* — комплекс формальных и неформальных принципов, норм, правил, обуславливающих и регулирующих деятельность человека в политической области;
- 2) *политическое образование*, или учреждение, организация — определенным образом организованное объединение людей, та или иная политическая структура;
- 3) устойчивый тип *политического поведения*, выражающийся в определенной системе коллективных действий, процедуре, механизме¹⁴.

На первый взгляд кажется, что это понятие применяется в отношении достаточно разнородных политических явлений — от политико-культурных до структурно-процессуальных и деятельностных. На самом деле перед нами одно и то же явление, представленное с разных пространственно-временных позиций. Политическое образование, рассматриваемое изнутри, с точки зрения действующих в нем правил, является политическим институтом, а во взаимодействии с другими — политической организацией.

Подходы к политическим институтам различаются, когда речь заходит о понимании: а) характера институтов как организованных установлений, в рамках которых, как правило, действуют современные политические акторы; б) процессов, которые переводят структуры и правила в политические последствия; в) процессов, которые переводят поведение человека в структуры и правила и устанавливают, поддерживают, преобразуют или ликвидируют институты.

Современный неинституциональный анализ разворачивается на институциональном, организационном и индивидуальном уровнях, чтобы ответить прежде всего на три взаимосвязанных вопроса: 1) о закономерностях развития, отбора и смены различных институтов; 2) о выборе тех или иных организационных форм в зависимости от характера существующей институциональной среды; 3) об особенностях институциональной практики, поведения акторов

в рамках различных организаций. Современная институциональная лексика включает понятия «институциональная среда», «институциональное соглашение», «институциональная практика».

Первое означает институции в смысле «политического установления» — действующие (работающие) правила (*working rules*), как назвал их Дж. Коммонс¹⁵, и санкции, формальные или неформальные, образующие политические, социальные и юридические рамки взаимодействий между людьми, обеспечивающие информацию и процедуры для координации действий, которые через систему положительных и отрицательных стимулов направляют поведение людей в определенное русло и тем самым делают ситуацию менее неопределенной. Эти установления подразделяются на неформальные нормы (обычаи, традиции) и формальные правила (конкретные законы, нормативные акты) или на явные и неявные установления. Правила чаще всего действуют не на поведение индивидов, а на структурирование ситуации, системно формируют институциональную среду. Правила, в понимании Э. Остром, представляют собой артефакты, подверженные человеческому воздействию и изменениям. Чтобы закон стал правилом, необходима система правоприменения. К формированию институциональной среды имеют отношение те акторы, которые причастны к нормотворчеству, к формированию смыслов и ориентиров, к идеологическому и моральному обоснованию порядка.

Второе понятие относится к политическому образованию (государству, политической партии, избирательному объединению и т.п.), которое конституируется на основе договора (контракта) между отдельными индивидами относительно дополнительных «внутренних» ограничений, добавляемых к общепринятым «правилам игры», соблюдать которые они обязаны.

Наконец, «институциональная практика» представляет собой (потенциально) бесконечное множество конкретных интеракций, которые интерпретируются акторами как происходящие в одной и той же «типичной ситуации»; это взаимодействия между акторами, когда в ситуации, которая интерпретируется как «типичная», они воспроизводят принятые и коллективно осмысленные правила¹⁶. Институциональная практика характеризует реализацию институциональных соглашений в данной институциональной среде. В этом контексте власть, доверие и соглашение можно рассматривать как институциональные образования — как институции, среду и практики.

В каждый данный момент институциональная среда не зависит от действий конкретных политических акторов и потому статична, она изменяется особым образом; институциональное соглашение существует в той мере, в какой институциональная практика ему соответствует, т.е. оно динамично, может изменяться в той мере, в какой меняется практика. Если практика не соответствует соглашению, оно не действует, утрачивает смысл.

Х. Экло подчеркивает значимость «институционального мышления», основанного на восприятии надындивидуальных смыслов и ценностей. «Без ин-

ституционального мышления, делающего институты реальными, — утверждает он, — они фактически будут немногим более чем ненаселенными, пустыми формальностями»¹⁷.

Еще одна центральная категория — институциональные изменения. Они могут возникать спонтанно, за счет стихийного взаимодействия отдельных акторов — тогда меняются неформальные правила игры, — и сознательно, под влиянием государства, изменяющего те или иные формальные правила игры.

Другой источник — идеология, т.е. субъективные модели, через призму которых люди воспринимают и оценивают окружающий мир. Идеологические пристрастия также не свободны от влияния экономических расчетов: чем больше прибыльных возможностей блокирует чья-либо субъективная картина мира, тем сильнее стимулы к ее пересмотру. Но идеология нередко действует как самостоятельный фактор. Пример — отмена экономически высокоэффективного института рабства в США, что можно объяснить только постепенным проникновением в сознание общества убеждения в аморальности собственности на человеческие существа.

Отсутствие институциональных изменений означает, что никто из агентов не заинтересован в пересмотре действующих «правил игры» (с учетом издержек, которые им пришлось бы понести). При отсутствии институциональных издержек оптимальный набор «правил игры» складывался бы везде и всегда, так как любой устаревший институт ничего не стоило бы заменить новым, более эффективным.

Главную причину того, почему силы конкуренции далеко не всегда ведут к отбраковке неэффективных «правил игры» и почему застойные социальные формы могли существовать тысячелетиями, Д. Норт усматривает в том, что высокие транзакционные издержки делают политические рынки мало похожими на совершенный рынок неоклассической теории.

В сохранении неэффективных институтов может быть заинтересовано государство, если это способствует максимизации разницы между доходами и расходами казны; такие институты могут поддерживаться могущественными группами со специальными интересами; эволюция общества зависит от однажды избранной институциональной траектории (*path dependence*): новые, более эффективные «правила игры» могут оставаться незадействованными, потому что их введение требует значительных первоначальных вложений, от которых свободны уже давно укоренившиеся институты. Все это стабилизирует сложившуюся институциональную систему независимо от степени ее эффективности. Институты как бы «заталкивают» общество в определенное русло, с которого потом трудно свернуть. Складывается «смесь» из эффективных и неэффективных институтов, и именно соотношение между ними определяет в конечном счете траекторию развития общества.

Важно помнить и о том, что формальные и неформальные правила должны соответствовать друг другу, а значит, должны соответствовать друг другу и их изменения (принцип «конгруэнтности институтов»). Например, если го-

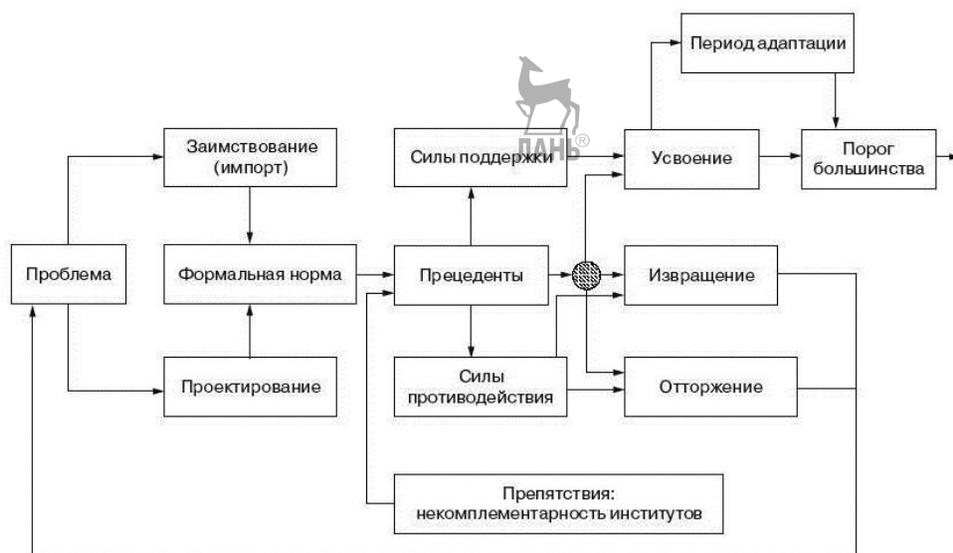

Рис. 1. Цикл конструирования института

сударство заимствует формальные правила игры из-за границы, осуществляя «импорт институтов», но эти правила не созвучны обычаям и традициям общества, то заимствование не будет иметь успеха.

Разделение власти между политическими институтами и механизмы интеграции политических решений ветвей в одно, общегосударственное решение являются фундаментальными вопросами, с которыми сталкивается демократическая власть на ранних стадиях становления.

Этот пробел между индивидуальным поведением людей и институтами человеческих сообществ, по мнению американского социолога Дж. Коулмена, должен быть заполнен переходным механизмом так называемого «институционального дизайна» (*institutional design*), т.е. особый инструмент «микро-макро-перехода» позволяет продвинуться от понимания содержания индивидуального политического действия к его осуществлению в структуре совокупного макрополитического процесса (рис. 1).

Основные принципы и приемы институционализма

Среди институционалистов практически общепризнано, что необходимо проводить различие между исследованием политических институций, с одной стороны, и институциональными исследованиями — с другой. Первое отсылает к предметной области. Второе относится к институционализму как методо-

логии исследования. Предметом институционального исследования являются не только и подчас даже не столько политические институты. Поэтому нередкие дискуссии вокруг понятия «институция/институт» в известном смысле не являются для институциональной политологии самыми важными.

Институциональные теории описывают, как происходит идентификация индивидуальных предпочтений и как они суммируются на уровне коллективного выбора. В классическом бихевиоризме предполагалось, что: а) индивидуальное поведение выражает реальные и объективные предпочтения; б) индивидуальные (и групповые) предпочтения суммируются на политическом рынке, где институты не оказывают независимого влияния на результаты, но только функционируют как своего рода катализатор, генерирующий равновесие; в) при таком видении общее благо / общественный интерес демократического процесса идентично механическому суммированию индивидуальных предпочтений.

Различные версии институционализма отвергают два первых предположения: а) предпочтения не идентичны поведению, они не экзогенны для политического процесса, но меняются в ходе его под воздействием институциональных и процессуальных ограничений и импульсов; б) институты не являются нейтральными трансляторами и механизмами агрегации в политическом процессе. Способы, которыми они созданы, определяют относительную силу и влияние конкуренции политических интересов.

Если в бихевиористской/утилитарной версии предполагается, что политическое равновесие устанавливается спонтанно, институциональная теория воспринимает равновесие на политическом рынке как артефакт человеческой воли. Институты могут генерировать равновесие (или проблемы равновесия) на политических рынках и будут в любом случае влиять на политические результаты. Это ведет к заключению, что простой агрегат индивидуальных или коллективных интересов не может определять общее благо.

Таблица 4

Базовые предположения и определения институциональной теории¹⁸

	Предпочтения (X_i)	Агрегирование (ΣX_i)	Нормативный стандарт
Бихевиоризм	Субъективные Проявляются через поведение (например, голосование)	Эффективное суммирование. Равновесие (например, рынок групп интересов)	Утилитарный: $\Sigma X_i =$ общественный интерес / общее благо
Институционализм	Насколько истинны выраженные предпочтения (проблема X_i)?	Неэффективное агрегирование. Проблемы равновесия. Равна ли Σ результатов / решений ΣX_i ? (проблема ΣX_i)	Отвергает утилитарный стандарт. ΣX_i не совпадает с общественным интересом. Оценка и устранение несовпадения. Что такое общее благо?

Основная черта нового институционализма — отказ от описательности в пользу теории, изучение результатов публичной политики, а не организации или процессов внутри политических структур, использование количественных методов. Иными словами, пафос этого подхода состоит не столько в «возвращении» государства и других политических институтов в политическое исследование, сколько в стремлении «вспомнить все» — историческую, философскую, социокультурную и политическую традицию, значение человеческого поступка, ценностное содержание политики и человеческое измерение политического анализа, обогащенного в XX в. разносторонним умением использовать изощренные исследовательские методы и инструменты.

Отсюда основные методологические принципы нового институционализма — понимание и признание ограниченности человеческого существования, проявляющейся в ограничениях разного рода, отказ от предположений о возможности полной информации и о «суперрациональности» индивида¹⁹. Реальный («неоинституциональный») индивид рационален, но до известной степени. Он может действовать как оппортунистически²⁰ или ограниченно эгоистически, так и ограниченно альтруистически и даже полностью альтруистически. Но в любом случае индивид не в состоянии полностью рассчитать и просчитать, а значит, и предвидеть все последствия своих целенаправленных действий — индивидуальных или коллективных, не говоря уже о непреднамеренных.

Понятие ограниченной, или процедурной, рациональности²¹ основано на более реалистичных предположениях, нежели рациональность вообще²². *Во-первых*, это ограниченные способности человека в том, что касается информации, включая ошибочное восприятие, недооценку, ограниченную обработку накопленной информации и ограниченный диапазон внимания. *Во-вторых*, недостаточность способностей людей для формулирования и решения сложных вопросов по сравнению с масштабом проблем, которые требуют решения. Иными словами, неудача модели рационального выбора для полного описания человеческого поведения не означает нерациональности действий индивида. Просто обнаружилось, что рациональное поведение имеет пределы двоякого рода: процедурные, которые ограничивают процесс принятия решений, и содержательные, влияющие на сам выбор.

Институционалистов интересуют различия между «выраженными» и «реальными» предпочтениями, анализ того, почему акторы выбирают данное конкретное определение их интересов, а не некую другую, столь же правдоподобную альтернативу. Определение интересов рассматривается как политический результат, который должен анализироваться, а не как исходная точка для политического действия, взятая в ее фасадном значении.

Человеческие интересы столь сложны, что говорить о суммировании или агрегировании их — это просто использовать метафору для сложного процесса. Механизмы для агрегирования интересов не суммируют, но фактически переформируют интересы — разрабатывая новые идеи через дискуссии и побуждая некоторых индивидов переопределить свои предпочтения, выбирая

некоторые интересы за счет других или сводя разносторонний набор вопросов к двум альтернативам, за которые можно голосовать. Поэтому механизмы коллективных решений не изменяют сумму индивидуальных предпочтений, но позволяют достигать решений, даже тогда, когда может не существовать никакого четкого согласия.

По мнению институционалистов, многое или все в политическом поведении и при коллективном принятии решений является артефактом использованных процедур. Признание предвзятости институтов требует не только обсуждать институциональные наклонности, но и предлагать пути, чтобы улучшить справедливость институциональных результатов. Политические институты можно переделать для более справедливого функционирования, потому что политические решения, сделанные в рамках этих институтов, могут их изменить с тем, чтобы произвести лучших граждан.

Проблема содержательных норм для оценки политических процессов и их результатов является центральной для институциональной теории. Критическое отношение к интересам и их агрегации побуждает институционалистов не рассматривать равновесие интересов как справедливое по определению и не принимать стандарт справедливости, основанный на «объективных интересах», проистекающих из классовой, гендерной или социальной позиции. Институциональная традиция пытается найти «квадратуру круга», рекомендуя процедуры, которые можно использовать для определения справедливости. «Вуаль незнания» Дж. Роулза представляет современный пример этого нормативного подхода, истоки которого уходят к А. де Токвилю и М. Веберу²³.

«Новых институционалистов» интересуют все государственные и социальные институты, которые формируют способы выражения политическими акторами своих интересов и структурирования их отношений по поводу власти с другими группами: правила избирательной борьбы, структура партийных систем, отношения между различными органами государства и организация экономических акторов в виде предпринимательских объединений и профсоюзов²⁴. Особое внимание уделяется социокультурным символам и ценностям, стереотипам и регламентам, влияющим на структурирование макрополитики.

Конструирование политических институтов будет неизбежно иметь нормативное смещение, благоприятствующее достижению определенных результатов. Следовательно, как должны конструироваться институты и каким результатам содействовать — все это является актами человеческой воли. Нормативные стандарты, таким образом, не экзогенны, но эндогенны политическому процессу. Общее благо таково, каким мы его хотим иметь, конструируя институты.

Многообразие неинституционализма

Общие положения современного институционального анализа конкретизируются в ряде вариантов (ответвлениях) неинституционализма. Подходы к трактовке и анализу политических институтов, как и принцип выделения

ключевых направлений неoinституционализма и соотношения между «старыми» и «новыми» версиями институционализма, неоднозначны. Границы между различными течениями внутри неoinституциональной политологии, а также между институционализмом и другими подходами в значительной мере условны. Между направлениями неoinституционализма существует гораздо больше сходств, чем принципиальных различий.

В целом сложились или, лучше сказать, опознали себя в этом качестве основные традиции, или разновидности, нового институционализма — сначала исторический, рационального выбора, социологический, дескриптивный, сравнительный, организационный, затем — конструктивистский, дискурсивный (концептуальный), структурный, сетевой, когнитивный²⁵. В 2006 г. завершается реализация научно-издательского проекта подготовки и публикации Оксфордского энциклопедического справочника по политическим институтам, в главах которого обобщается развитие субдисциплины, оценивается ее нынешнее состояние, намечаются задачи и перспективы продвижения институциональной теории и методологии.

Появление разных видов институционализма объясняют различиями в концептуализации институционального контекста (т.е. культуры, права, государства и т.д.) и его происхождения (синхронном, диахроническом, индивидуальном или коллективном и т.д.) Различные ответвления неoinституционализма выступают не столько как взаимоисключающие, сколько как взаимодополняющие теоретические подходы. Рассмотрим наиболее значимые варианты новой институциональной теории²⁶.

Нормативный институционализм представлен прежде всего работами Дж. Марча и Й. Олсена, которые подчеркнули способность политических институтов вырабатывать нормы и ценности, сквозь призму которых и объясняются политические микро- и макропроцессы²⁷. Соответственно, институты определяются через нормы и ценности (тем самым подчеркивается их важность, а не только формальных структур или процедур), причем это когерентная структура норм и ценностей, а не случайный их набор.

Этот подход ничего не говорит о происхождении институтов. Нормативная теория дает два варианта ответа на вопрос о том, как они изменяются: эволюционный (снизу вверх) или в понятиях институционального дизайна (сверху вниз). Институты взаимодействуют через процесс социализации, потому что при изменении членов они усиливают и поддерживают старые ценности.

Чтобы вычленил из общей институциональной среды собственно политические институциональные соглашения, предлагается дополнить изучение формальных правил анализом «стандартных рабочих процедур», т.е. «реально действующих правил» в рамках «номинально записанных правил»²⁸.

Развитие этих идей предлагает новый французский институционализм. Теория соглашений рассматривает «институциональные подсистемы» общества как «миры», отличающиеся особыми способами координации между людьми

ми («соглашениями») и особыми требованиями к действиям людей («нормами поведения»): 1) мир рынка, выполнение его норм — необходимое условие рационального действия; 2) индустриальный мир, его объект — стандартизированная продукция, основную информацию несет не цена, а технические стандарты, а координация осуществляется через функциональность и согласованность отдельных элементов производственного процесса; 3) традиционный мир — персонифицированные связи и традиции, где важно разделение на «своих» и «чужих» и личная репутация (это мир домохозяйства, а также мафии, криминальных групп); 4) гражданский мир основан на принципе подчинения частных интересов общим, в рамках которого функционируют государство и его учреждения (полиция, суды), важные общественные организации (например, церкви); 5) мир общественного мнения — координация на основе наиболее известных и привлекающих всеобщее внимание людей событий; 6) мир творчества, основная норма поведения — стремление к уникальному результату (искусство); 7) мир экологии — координация согласно природным циклам для поддержания «баланса окружающей среды»²⁹.

Особые проблемы возникают на «стыке» «миров», когда одно и то же взаимодействие (например, принятие политических решений) может осуществляться на основе норм разных подсистем. Неблагоприятные последствия может породить «экспансия соглашений», когда взаимодействие происходит на основе норм одного из «миров» там, где прежде использовались иные нормы (например, замена гражданских «соглашений» на рыночные в политической сфере).

Нормативный анализ, по мнению неинституционалистов, должен вестись в сравнительно-институциональной перспективе: действующие институты нужно сравнивать не с воображаемыми конструкциями, а с альтернативами, осуществимыми на практике.

Подходы, основанные на рациональном выборе. Новизна «рациональной» версии нового институционализма состоит в анализе эффектов и влияний институтов, особенно в анализе того, чьи интересы или предпочтения преобладают в публичной политике или общественных решениях, и в исследовании отношения между институциональными контекстами или структурами принятия решения и априорным рациональным поведением индивида. Т. Мо назвала такой подход «позитивной теорией институтов»³⁰. Моделируя политику на основе предположений о рациональных действиях, сторонники теории рационального выбора стали включать институты в свой анализ, рассматривая политику как набор дилемм коллективного действия, а политические институты — в качестве инструментов для их решения³¹.

Перспектива рационального выбора — это анализ выборов, сделанных рациональными акторами в условиях взаимозависимости, т.е. это изучение стратегического действия акторов, использующих инструментальные средства. Предполагается, что индивиды — рациональные акторы, а институты — средства разрешения проблемы индивидуальной рациональности. При условии,

что люди имеют предпочтительное изменение, существует матрица выигрышей, которая может быть изменена. Таким образом, в этой теории изменение сделать легко, тогда как в нормативной версии — трудно.

В рамках институционализма рационального выбора выделяется два подхода к пониманию сущности институтов: 1) институты как внешние ограничители или установленные извне «правила игры», определяющие предпочтения и действия акторов; 2) институты как продукт взаимодействия участников «игры» — правила возникают внутри самой игры, и их действенность обеспечивается не столько принуждением, сколько стремлением всех (или большинства) участников следовать этим правилам. Это позволяет, в частности, анализировать те процессы институциональной динамики, в которых изменения инициируются самими акторами.

Институционализм рационального выбора достиг успеха в анализе (в том числе сравнительном) устойчивых во времени структурированных институтов, что объясняется, в частности, наличием четких институциональных правил и процедур (например, процедур выбора или назначения должностных лиц), позволяющих выявлять мотивы, цели и определять возможные результаты действий политиков в рамках институтов³².

Применительно к политическому действию значительная часть теории рационального выбора сосредоточена на импликациях теоремы невозможности Эрроу³³. Поскольку многомерные предпочтения не могут быть упорядочены таким образом, чтобы завершиться устойчивым политическим выбором, правление большинства безусловно слабое. Любое предложение, которое может собрать большинство голосов, может быть побеждено альтернативным предложением альтернативного большинства (если нет очень жестких ограничительных условий)³⁴. Поэтому важны механизмы, с помощью которых стабильные политические выборы и равновесие тем не менее достигаются.

Поиск таких механизмов занимает центральное место в теории общественного выбора, в которой политика рассматривается как обмен. Политическая жизнь («политический рынок») полагается аналогом обычного рынка: подобно тому, как продавец и покупатель во время купли-продажи заботятся исключительно о максимизации личных выгод, политические деятели и избиратели также пекутся не об иллюзорном «общем благе», а о повышении своего личного благосостояния. Политический процесс — это рыночная сделка, в которой каждый заботится о себе, только о себе, что логически вытекает из методологического принципа рационального индивидуализма. Избиратели отдают голоса на выборах и налоги в госбюджет, получая за это общественные блага (например, военную защиту), а также некоторые частные блага (например, социальные пособия, бюджетные субсидии и кредиты). Участники политической жизни являются «искателями политической ренты», т.е. стремятся получить личные выгоды за счет политического процесса. Чтобы прийти к единогласию, депутаты широко используют «торгов-

лю голосами» — логроллинг, договариваются друг с другом о взаимной поддержке («я тебе, ты мне»). Такая практика выгодна отдельному участнику, но означает тупик для всех, поскольку ведет к росту государственных расходов, который, однако, не в состоянии удовлетворить все требования. Противоречие между рациональностью и эффективностью разрешается через конституционный выбор — выбор самых общих правил политической жизни³⁵. Один из главных выводов теории общественного выбора заключается именно в том, что в политике выбор «правил игры» многократно важнее, чем выбор конкретных «игроков».

Неинституциональная теория организации. Если теория общественного выбора сосредоточена на объяснении изменений институциональной среды, неинституциональная версия теории организации пытается ответить на вопрос о причинах возникновения и эволюции институтов-организаций.

Истоки этого направления восходят к концепции бюрократизации М. Вебера, который объяснял возникновение организации (и бюрократии) конкуренцией на рынке и расширением самого рынка. Сеть отношений становится чрезвычайно сложной, и бюрократия возникает, чтобы управлять как внутренними, так и внешними взаимодействиями. Организация функционирует в соответствии с установленными нормами, которые рождаются из необходимости координации деятельности. На практике правила часто нарушаются, а решения — не выполняются. Поэтому оказалось востребовано другое объяснение Вебера: причина институционализации (появления формальной структуры) связана с легитимностью рационализированных формальных структур³⁶. Отсюда вывод: формальные организации включают в себя рациональные институциональные правила и пытаются им соответствовать. По мере модернизации общества институциональные структуры в данной области расширяются.

На основе идей легитимности и соответствия создатели неинституциональной версии теории организации П. Димаджио и У. Пауэлл предложили более сложную конструкцию — концепцию организационного изоморфизма³⁷. Организации конкурируют не только за ресурсы и клиентов (конкурентный изоморфизм — соответствие рыночной среде), но и за политическую власть, легитимность и социальное (дополнительно к экономическому) соответствие. Механизмами институционального изоморфизма являются, принудительный изоморфизм, связанный с политическим влиянием и проблемой легитимности, давлением других организаций, со стандартами, процедурами и законами; имитационный изоморфизм, обусловленный стандартными ответами на неопределенность, стремлением заимствовать модели других организаций, плохо понятыми технологиями, неоднозначными целями, неустойчивой средой; наконец, нормативный изоморфизм, связанный с профессионализмом.

Если актер у Вебера думал о важности большей эффективности, то актер у Димаджио и Пауэлла убежден, что эффективность произрастает из законности, а легитимность из соответствия «общим» правилам и нормам и, следовательно, быть конформным рационально во имя эффективности. Отсюда — организационный изоморфизм и гомогенность организационных структур. Эффективность по Веберу может называться в качестве цели, но в реальности соответствие правилам не ведет с необходимостью к этой цели, хотя актеры думают, что ведет.

Организационное поле включает те организации, которые конституируют признанную область институциональной жизни. В пределах этого поля структурирование ведет к бюрократизации, если нарастает взаимодействие между организациями, если между ними возникают структуры господства и коалиции, если возрастает информационная нагрузка, с которой организация должна соперничать, если развивается взаимная заинтересованность в каком-то совместном предприятии.

В рамках неинституциональной теории организаций проводится различие между микро- и макроуровнями институционализации. Макроинституционализация рассматривается как тенденция организаций обустривать свою формальную структуру не в ответ на свои потребности, но в соответствии с определенными распространенными правилами, чтобы не утратить легитимность в отношении важных посредников. Вследствие изоморфизма каждый аспект рационализированной организационной структуры находится под внешним институциональным контролем. Как следствие, институционализированные рутины могут не совпадать с фактической практикой организации. Формальные правила сигнализируют среде, что организация подчиняется институционализированным нормам организационного процесса. Однако строгое следование правилам может вести к несовместимости. Поэтому участники организации свободны выполнять задачи таким образом, какой они считают наиболее эффективным, даже нарушая официальные правила.

Микроуровень относится к процессам институционализации в пределах организации, к взглядам и действиям участников организации, связанных с рутинными. Простое знание, что рутины — это объективные организационные действия (т.е. что они представляют «надлежащий способ действий»), достаточно для участников организации, чтобы признать эти рутины без доказательств. Самоочевидность определенных рутин доминирует над познавательной деятельностью участников организации. Эта тенденция становится тем сильнее, чем более ясно просматривается история неизменной рутины.

Исторический институционализм. В конце 1970-х годов, реагируя против преобладающего взгляда на демократические правительства как посредников между конкурирующими социальными интересами, исследователи начали «возвращать государство» как совокупность институтов, структури-

рующих политический конфликт. Новая школа была названа «историческим институционализмом». Само понятие появилось позднее, в 1992 г., хотя исследования в духе этого похода проводились много раньше.

Изучение институтов с точки зрения исторической перспективы имеет давнюю традицию, — примерами историко-институционального анализа могут служить работы Дж. Локка, А. де Токвиля, М. Вебера, В. Вильсона, М. Дюверже. Описывая, каким образом «институциональный дизайн» трансформируется (или, наоборот, остается без изменений) во времени, исследователь неизбежно сталкивается с проблемой определения того, кто является «автором» этого дизайна и где находится источник его изменений, — исходит ли импульс от внешних социальных сил или от внутренней групповой динамики. В зависимости от ответов выделяются (впрочем, это разделение не является четким) три направления внутри исторического институционализма³⁸.

Авторы, рассматривающие возникновение и изменение политических институтов как процесс, направленный «сверху вниз» (С. Сковронек, Д. Карпентер), сосредотачивают внимание на действиях элит, лидеров, «политических предпринимателей», которые не только непосредственно принимают решения и создают управленческие структуры, но и производят идеи, определяющие поведение всех остальных акторов в рамках данного институционального контекста. Альтернативное направление, в котором изменение институтов понимается как процесс, идущий «снизу вверх», сформировано социологами, исследовавшими деятельность социальных движений и их влияние на формирование государственных решений (Т. Скокпол, Э. Клеменс). Наконец, в рамках третьего направления формирование и развитие политических институтов рассматривается как результат взаимонаправленного воздействия институтов государства и социальных агентов.

Если сторонники теории рационального выбора рассматривает институты как механизмы координации, которые генерируют или поддерживают равновесие, то исторический институционализм изучает процесс появления институтов и их включенность в конкретный политический процесс³⁹. Его представители пытаются поместить исторические перспективы в центр исследования. Особенно важны три темы, которые уходят корнями к Веберу и подчеркивают пределы человеческой рациональности: альтернативная рациональность, контекстная (сложная конфигурация факторов) причинность, историческая случайность. Разрыв с «эффективностью истории» позволяет рассматривать прошлое как источник альтернатив для будущего. Случайность истории сталкивается, например, с веберовской идеей неизбежной рационализации мира.

Эволюционный институционализм продолжил традицию Т. Веблена и Й. Шумпетера⁴⁰. Представители этого направления отказались от предположений оптимизации и методологического индивидуализма, делают акцент на исследовании изменений и биологических аналогиях, стремятся учесть роль

исторического времени. Необратимость исторического времени, зависимость от прошлой траектории развития важнее неопределенности будущего. Отсюда явления «кумулятивной причинности» (исследованной еще Т. Вебленом), «гистерезис» — зависимость конечных результатов системы от ее предшествующих результатов и «блокировка» — неоптимальное состояние системы, которое является результатом прошлых событий и из которого не существует мгновенного выхода.

Концепция институциональной эволюции Д. Норта претендует на объяснение общих закономерностей развития человеческого общества. В составе институтов Норт выделяет три главных составляющих: а) неформальные ограничения (традиции, обычаи, социальные условности), которые складываются спонтанно, без чьего-либо сознательного замысла, как побочный результат взаимодействия множества людей, преследующих собственные интересы (многое в этом процессе прояснила теория игр — Р. Аксельрод⁴¹ и др.), и меняются лишь постепенно; б) формальные правила (конституции, законы, судебные прецеденты, административные акты) устанавливаются и поддерживаются сознательно, чаще всего — силой государства, и допускают резкую одномоментную ломку (в периоды революций); в) механизмы принуждения, обеспечивающие соблюдение правил (суды, полиция и т.д.)⁴².

Конструктивистский и сетевой институционализм противопоставляют себя, в частности, институционализму рационального выбора, прежде всего в том, что касается предпосылки о рациональности индивидуальных акторов и значимости институтов для достижения индивидуальными акторами своих целей (например, снижения так называемых транзакционных издержек). В конструктивистском институционализме институты «понимаются не столько как функциональные средства снижения неопределенности, сколько как структуры, функциональность или дисфункциональность которых является — с эмпирической и исторической точек зрения — открытым вопросом. Институционалисты-конструктивисты в большей степени делают акцент на потенциально неэффективной и непродуктивной природе социальных институтов, на институтах как объектах политической борьбы, на непредсказуемом характере этой борьбы, результат которой никаким образом не может быть выведен из самого институционального контекста»⁴³. Поведение же индивидов в институциональном контексте обуславливается не материалистически понимаемыми интересами, а нормативными ориентациями, идеациональными по своей природе. Наибольший интерес, следовательно, представляют те «когнитивные фильтры», через которые акторы воспринимают информацию об окружающей действительности, выстраивая соответствующим образом свое поведение; «их [актеров] представления о том, что является осуществимым, легитимным, возможным или желательным, сформированы и институциональной средой, в которой они находятся, и бы-

тующими в политическом сообществе парадигмами и мировоззрением»⁴⁴. Фиксация внимания на этих когнитивных феноменах обуславливает как сильные стороны этого подхода, так и слабые, наиболее очевидные из которых — трудность формализации и операционализации параметров объекта исследования.

Основным принципом сетевого институционализма является реляционизм, в качестве основных единиц анализа предстают сложные, пересекающиеся отношения между индивидами, группами и организациями. Сети этих отношений (от элементарных диадных до сложных, иерархически организованных структур) продуцируют институты, выступая одновременно в качестве как ограничителей индивидуального поведения, так и ресурсных сетей, обеспечивая участников сетей материальными ресурсами, информацией и поддержкой. Анализ сетей позволяет объяснить, каким образом распределение власти и влияния, а также конкретные результаты политических действий обуславливаются характером отношений (координацией, конкуренцией, кооперацией или торгом) между группами интересов, различными общественными структурами и государственными органами. Влияние на распределение власти и принимаемые решения оказывают межличностные отношения (сети «старых знакомых»), что выводит процесс принятия политических решений за рамки формальных учреждений.

Институциональный анализ международных институтов. Новый институционализм стремится выйти за рамки подхода, для которого основным объектом анализа выступает суверенное государство (как продукт Вестфальской системы) и властные отношения внутри него, а международные отношения рассматриваются как анархические по своей сути⁴⁵. Одна из главных проблем — роль международных институтов как движущих сил (на данный момент гипотетического) «глобального управления».

Государство остается главным игроком на поле глобальной политики, а международные отношения по-прежнему являются сферой межгосударственных взаимодействий, характер и направление которых в значительной степени определяются интересами внутригосударственных акторов (влиятельных политических сил, представляющих ведущие, наиболее могущественные государства). Действие норм, формирующихся в рамках негосударственных и надгосударственных организаций (политических, экономических и институтов безопасности), анализируется с точки зрения того, каким образом могут структурироваться, организовываться отношения между государствами.

Международные институты и организации рассматриваются как две стороны одной медали, или, иначе, организации понимаются как те структуры, которые разрабатывают определенные нормы и правила⁴⁶. Проблема заключается в том, способны ли международные организации (ООН, НАТО, ВТО, региональные организации) и режимы международных договоров и конвен-

ций (регулирующих, например, торговлю или военно-техническое сотрудничество) создавать институциональный порядок в том смысле, в котором о нем принято говорить во внутренней политике. Проблема «дефицита легитимности» в международных организациях имеет как минимум два измерения — их способность обеспечивать эффективные совместные действия по решению конкретных проблем и возможность поддерживать управляемость, ответственность и определенный уровень представительности внутри самих организаций. Однако для индивидуальных акторов (в данном случае государств, но также, возможно, и конкретных политических деятелей) также существует проблема легитимности, и в этом смысле международные институты могут предоставить им определенные ресурсы. Помимо этого, государства извлекают выгоду из существования институтов, поскольку последние «расширяют возможности для государств, изменяют стимулы выбора того или иного способа действия, тем самым создавая иные действия и результаты, нежели те, которые были бы достигнуты в их отсутствие»⁴⁷. Иными словами, международные институты могут служить исходным пунктом для координации действий государств, создавать четкие стандарты взаимодействия и снижать уровень неопределенности, а также обеспечивать возможность коммуникации.

Специфическое место среди международных институтов отводится неправительственным организациям (НПО), транснациональным общественным движениям и другим объединениям граждан, которые «составляют более аморфный набор политически значимых институтов, определяемых скорее не по тому, чем они являются, а по тому, чем не являются, — правительственными учреждениями и коммерческими структурами»⁴⁸. Речь могла бы идти о «транснациональном гражданском обществе», если бы не проблема отсутствия его контрагента — «мирового правительства». В этой ситуации, когда отсутствует субъект, четко определяющий роль и правила деятельности международных НПО, их возможности создавать институциональный порядок ограничиваются их собственным неопределенным положением.

С. Бир определяет институционализм как «большой зонтик»⁴⁹, тем самым еще раз подчеркивая разнообразие и общность существующих внутри него течений, а также отмечает, что институционализм не является закрытым для обмена идеями с другими направлениями анализа. Единство институциональной теории придают общие черты: институты имеют значение и лучший способ вхождения в политическую проблему — через структуру института; институты обеспечивают регулярность поведения и ограничения индивидуального выбора; институты созданы людьми, но люди действуют в институциональной среде. Различия продолжают сходство: институты ограничивают, но каждый по-своему; варианты институционализма не только разнятся, но и непостоянны и изменчивы.

Сравнение типов институционализма

Вариант институционализма	Определение интереса	Роли институтов в политическом процессе
Нормативный	Предпочтения и интересы сформированы эндогенно по отношению к институтам	Институты задают «логику соответствия», определяющую предпочтения и интересы акторов; действия определяются скорее гражданской идентичностью, чем ориентированными на себя интересами
Рационального выбора	Предпочтения и интересы экзогенны по отношению к институтам и политическому процессу	Институты формируют действия акторов (но не предпочтения), через правила и стимулы, обеспечивая акторов знанием возможных выгодных стратегий
Теория организаций	Акторы не знают своих интересов, ограниченность времени и информации побуждает их полагаться на упорядочение и процессуальные правила (ограниченная рациональность)	Институты позволяют структурировать выбор через процедуры, рутины и сценарии
Исторический	Предпочтения и интересы сформированы как эндогенно, так и экзогенно по отношению к институтам	Предпочтения и интересы, которые отстаиваются индивидами, находятся под влиянием институтов, к которым они принадлежат в диалектической взаимосвязи
Конструктивистский	Интересы социально сконструированы, отражают нормативные ориентации акторов по отношению к контексту, в котором интересы реализуются	Институты как кодифицированные системы идей и практик являются предметом и результатом политической борьбы
Сетевой	Интересы и предпочтения могут быть как экзогенными по отношению к сетям, так и формироваться внутри них	Институты одновременно ограничивают действия акторов и выступают в качестве ресурсов действия
Международных отношений	Предпочтения и интересы могут быть сформированы эндогенно или экзогенно в зависимости от того, приняли ли вы подход, основанный нормой или актором	Режимы влияют на поведение акторов (и, возможно, на их предпочтения)

Институты и политическое поведение

Важный аспект дискуссии об эффективности институционального подхода в политической науке — его способность по-новому проанализировать отношения между индивидами и институтами. В этом вопросе наиболее явные различия проявляются между культурологическим (историческим) и рациональным направлениями институционализма. Важнейшее различие состоит в ответе на вопрос: отличаются ли психологические характеристики индивидов разных обществ, например традиционных и индустриальных. Культурологическое объяснение отмечает социально-психологические черты членов общества, черты, связанные с особенностями культуры и социальных ценностей общества с высоким/низким уровнем экономического и политического развития⁵⁰. Для «рационалистов» фундаментальная модель человеческого поведения в основе своей одна и та же, т.е. рациональная, и они объясняют различающиеся политические и экономические последствия влиянием на индивидов политических институтов, специфичных для данного общества. Иными словами, в одном случае поведение интерпретируется как результат традиции, формируемой социализацией и обучением, в другом — как следствие рационального выбора.

Р. Патнэм также соединяет историческое наблюдение и эмпирические данные с анализом проблем коллективного действия рациональных индивидов. Он показывает значение институциональной среды, в которой действуют индивиды, для результатов коллективных действий⁵¹.

Граждане, партийные политики и бюрократы рациональны в том смысле, что они пытаются преследовать свои собственные интересы. Но одновременно они не обязательно хорошо информированы из-за ограниченных возможностей и доступного времени (особенно в случае граждан). У них нет однозначной и устойчивой иерархии предпочтений, которая может или должна использоваться для принятия решения относительно конкурирующих политических позиций. Неоднозначность предпочтений и решений политических акторов смещает фокус анализа к политическим институтам, образующим контекст политических решений и поведения.

Хотя общая поведенческая модель существует, реальный выбор в одной стране отличен от выбора в другой, хотя бы из-за различия институтов. И исторический институционализм, и институционализм, связанный с теорией рационального выбора, равно значимы для политической науки. Это возвращает нас к вопросу о важности знания того, в каких условиях, в каком контексте имеет место рациональное поведение.

Пределы влияния институтов на поведение индивидуальных акторов являются тем вопросом, который вызывает наиболее острые дискуссии в теоретической и эмпирической науке наряду с вопросом об источниках (или субъектах) трансформации институтов. Последняя может рассматриваться как результат деятельности отдельных акторов (индивидов или групп, действующих как единое целое) или конфликта (торга) между несколькими акторами,

как процесс научения или отбора конкурирующих норм. Однако на практике институты демонстрируют высокую степень сопротивляемости к потенциальным изменениям, что также воспринимается и как теоретическая, и как практическая проблема.

Институциональная теория государства

Поиск агента, способного производить юридически обязательные и легитимные нормы и обеспечивать следование этим нормам, возвращает политологов к государству. При этом большинство современных подходов (марксизм, феминистские теории, постструктурализм и проч.) «свергли государство с его доминирующей по отношению к обществу позиции и анализируют его как один из возможных институциональных порядков»⁵²; это, однако, не означает, что исследование государства утрачивает смысл, меняется лишь угол зрения: «...структурные силы и возможности [государства] могут быть поняты только путем помещения его в более широкий стратегически-реляционный контекст. Благодаря структурной селективности и специфическим стратегическим возможностям его властные возможности всегда являются условными и относительными. Их реализация зависит от структурных отношений между государством и включающей его в себя политической системой, от стратегических связей между субъектами государственного управления и другими политическими силами и от сложных социальных сетей взаимозависимости, связывающих государство и политическую систему с более широким социальным окружением»⁵³.

В рамках неинституционализма разработано несколько концепций государства. В частности, Д. Норт предлагает простую модель контракта между правителем и подданными, когда правитель относится к ситуации как собственник, продающий защиту и правосудие; правитель приобретает верховную власть, а ограничения со стороны подданных определяются потенциальными издержками выхода (*exit costs*) и перемены правителя (*replacement costs*), а также уровнем внутренней и внешней политической конкуренции и собственными транзакционными издержками правителя, включая агентские издержки мониторинга и контроля за бюрократами и издержки по информации⁵⁴.

Объяснение государства как особого случая властных отношений, возникающих на основе социального контракта как передачи гражданами части своих прав на контроль своей деятельности в ряде сфер, выдвигает проблему принципала и агента. Если гражданин (принципал) конституирует государство (агента), поручая ему выполнение некоторых функций, то одновременно он же подчиняется решениям государства как гаранта исполнения контрактов, становясь агентом. Это «парадокс подчиненного» (Дж. Бьюкенен)⁵⁵, когда человек воспринимает себя одновременно и участником процесса управления государством, и субъектом, принуждаемым соблюдать нормы поведения, которые он, возможно, и не выбирал. «Государство, которое теоретически является производным от индивидуалистического расчета, совершенно отличается

от государства, которое возникает как инструмент самого договора, как средство содействия и реализации сложного обмена»⁵⁶.

Соответственно, существует две модели государства — «контрактная» и «эксплуататорская». Контрактное государство использует монополию на насилие только в рамках делегированных ему гражданами правомочий и в их интересах, а граждане рассматривают уплату налогов не как повинность, а как свою обязанность. Цель контрактного государства — достижение такого распределения прав собственности, которое максимизирует совокупный доход общества на основе передачи правомочий в руки экономических субъектов, способных распорядиться ими оптимальным образом. Контрактное государство существует в четких конституционных рамках, опирается на участие граждан, ориентируется на рынок и учитывает наличие альтернативных механизмов защиты прав. В качестве альтернативных гарантов могут выступать другие государства, оппозиция контролирующей государство группе, мафия, социальная группа, третейский судья.

Эксплуататорское государство использует монополию на насилие для максимизации собственного дохода, точнее — дохода группы, контролирующей государственный аппарат. Главная цель — достижение такой структуры собственности, которая максимизирует ренту правителя, даже если это достигается в ущерб благосостоянию общества. Государственный аппарат находится в состоянии постоянной экспансии все в новые сферы взаимодействия людей, поборы и перераспределения прав собственности носят систематический и предсказуемый характер. В этом смысле это государство имеет много общего с мафией — оба походят на «оседлого» бандита, который хотя и осуществляет поборы с проживающих на контролируемой им территории, но в то же время «знает меру» и к тому же защищает от «гастролеров», действующих по принципу «украсть — и убежать». Еще одна отличительная черта эксплуататорского государства заключается в важной роли, которую играет распределение потенциала насилия среди граждан. Ведь именно индивид или группа, обладающие наибольшим потенциалом насилия, контролируют государственный аппарат и присваивают монополию на применение насилия.

В рамках различных направлений внутри неонституционализма разрабатывается разнообразная проблематика, связанная с государством. Это, в частности, анализ конституций как «социально сконструированных ограничителей человеческого поведения»⁵⁷; анализ структурной организации государственной власти — территориальной (национальное государство, федерализм) и функциональной (система разделения властей, соотношение исполнительной и законодательной властей в различных системах, роль бюрократии как субъекта и организационного принципа управления, судебная система и проч.); анализ функций государства и пределов его полномочий (государство всеобщего благосостояния, роль государства в регулировании экономики). Анализируется также связь институтов государства и институтов гражданского общества: рассматривается роль политических партий, партий-

ных и электоральных систем в обеспечении взаимодействия государства и гражданского общества, а также роль институтов прямой демократии в осуществлении представительства интересов и воздействия на принятие решений.

Институциональные исследования в России

В России использование институционального подхода в политических исследованиях началось в середине 1990-х годов⁵⁸ и продолжает развиваться по сей день⁵⁹. С 2006 г. в российской литературе стало использоваться понятие «институциональная политология», что было связано с публикацией одноименного коллективного труда под грифом Института сравнительной политологии РАН⁶⁰. Отметим, что первые институциональные политические исследования начали разворачиваться в России тогда, когда новый институционализм в мировой политической науке уже прошел значимую часть пути и вступил в новый период. В том числе и поэтому институциональной политологии в России не пришлось бороться за место под солнцем, во всяком случае — не более других направлений.

Институциональное преобразование остается одной из фундаментальных проблем современной России, что обуславливает неизменный интерес отечественных политологов к институциональным исследованиям. Стабилизация новой институциональной структуры России создала возможность выявления и изучения институциональных проблем российских реформ, используя различные аналитические методы⁶¹. Отчетливо обнаружилась коллизия устойчивости и неэффективности новых политических институтов в разных сферах, обозначилась необходимость их реформирования. Такие выводы делаются, например, исследователями, занимающимися анализом отношений центра и регионов⁶² или партийного строительства⁶³.

Во многих случаях анализ институционального дизайна, политических институтов ведется с позиций самих «дизайнеров» или, в лучшем случае, организованных политических акторов (например, политических партий). Несомненно, политической элите принадлежит решающая роль в институциональном конструировании. Однако только граждане приводят в действие большинство институтов: без избирателей нет выборов и партий, без граждан нет реально действующих законов и т.д. Осознание этого стимулирует неослабевающий интерес российских политологов к изучению того, каким образом институциональный политический порядок формируется и воспроизводится в повседневных практиках российских граждан⁶⁴. В частности, в ряде исследований⁶⁵ получила развитие концепция социума клик, предложенная в середине 1990-х годов А. Д. Хлопиным для анализа российской реальности и позволившая по-новому понять социальные и политические процессы в России⁶⁶. В социуме клик проблематично формирование любых политических образований,

например партий, движений и идейных течений. Процесс политического согласования заменяется иными, прежде всего силовыми, административными процессами, которые, в свою очередь, затрудняют попытки формирования, структурирования и институционализации политического пространства. Российский порядок в данном контексте не соответствует модели современного политического порядка и может быть охарактеризован как кликократический.

Проблемы российского институционального развития не могут оцениваться вне связи с советским прошлым. После преобразований начала 1990-х годов российский социум оказался перед выбором: либо подстраиваться под новые правила, либо «перестраивать» эти правила под себя. «Критическая масса» спонтанного действия оказалась достаточной для того, чтобы новые российские институты начали выстраиваться по второму сценарию. Многочисленные работы посвящены истории провалов и успехов трансформационного периода, а также альтернативным моделям трансформации, существовавшим в разных точках исторического развития⁶⁷.

В процессе российской трансформации возникли институциональные ловушки — неэффективные устойчивые институты. Механизм их устойчивости включает как индивидуальные предпочтения и санкции, так и эффект координации: чем больше людей следует институциональной норме, тем выше издержки неисполнения, тем менее целесообразно отклоняться от нее и тем больше людей ей следует. Закрепление нормы происходит благодаря эффекту обучения, совершенствования ее исполнения, эффекту сопряжения норм и культурной инерции. Эффекты координации, обучения, сопряжения, культурная инерция и лоббирование ответственны за возникновение институциональных блокировок, распространяющихся по всему социальному и политическому полю. Институциональные изменения в 1990–2000-е годы сформировали новую «тропу зависимости» — современную институциональную ловушку российской политики.

Эволюция взаимосвязанных институтов может отклоняться от общественного оптимума. К таким отклонениям может приводить отсутствие координирующих ограничений для политиков, которые, сохраняя свободу действий и следуя принципам поведения «рационального» человека, задают направленность институциональных преобразований из соображений индивидуальной политической выгоды, идущей вразрез с интересами общества. Как следствие, исследователями выявляются институты осуществления и воспроизводства власти, являющиеся принципиально недемократическими, однако их легитимность далеко не всегда оспаривается⁶⁸. Вокруг всякого института, независимо от того, насколько он эффективнее предшествующего, всегда формируется среда, заинтересованная в его существовании и обеспечивающая устойчивое сопротивление селекции.

Институциональный анализ российской политики показывает, что рассчитывать на скорые результаты политических реформ трудно. Неформальные нормы и политическая культура меняются гораздо медленнее, чем формаль-

ные институты, однако важно, чтобы определенные изменения все же начали происходить. Отношение властно-бюрократической элиты к институтам демократии и рыночной экономике остается внутренне противоречивым. Не существует также ни политического, ни общественного консенсуса, который зафиксировал бы — в той или иной форме — наличие согласия относительно возможных путей развития России. Не запущен механизм отслеживания собственного опыта, который корректировал бы действия политиков, выполняя функции контроля, осуществляемого гражданским обществом.

Некоторые эксперты предлагают уничтожить все возникшие политические институты, что и наивно, поскольку говорит о непонимании природы российского институционального порядка, и опасно, поскольку чревато укреплением кликовой социальной и властной структуры, которая и без того несет в себе мощный деструктивный потенциал. Другие эксперты, причем разных идейных традиций — и консерваторы, и либералы, — ведут себя более взвешенно, предлагая заняться преобразованием существующего порядка: реформировать систему разделения властей, чтобы усилить представительскую составляющую, придать реальные черты парламентаризму, изменить избирательное и партийное законодательство, чтобы граждане могли реализовывать свои конституционные права на выборы, политическую самоорганизацию и представительство интересов. В ситуации исключаящего или ограниченного представительства граждане могут перейти к поиску и созданию новых каналов влияния на власть и новых форм представительства и реализации своих интересов, от рутинного квазиполитического участия к реальному политическому действию.

В целом институциональные исследования в России используют практически весь спектр имеющихся версий: от классических (исторического и институционализма рационального выбора) до более поздних (социал-конструктивистского и дискурсивного). Исследования осуществляются как на уровне институциональных порядков, так и на уровне отдельных практик, а положения о фрагментированности российской политики, многоукладности порядков, рассогласованности общественных нормативных ожиданий и реальных оснований политического участия стали важным вкладом в понимание развития российского общества. Иными словами, как в профессиональном, так и в общественном пространствах данная теория «институционализировалась», стала приниматься как должная и важная составляющая академических и общественных дискуссий.

Проблемы и перспективы институционализма

Последние десятилетия ознаменовались ростом не только энтузиазма, но и скептицизма по поводу возможностей применения институционального подхода в политической науке. Дискуссии вокруг институционализма продол-

жаются и поныне. Его сторонники полагают, что этот подход позволяет показать новые, ранее не изученные аспекты политики. В то же время как эмпирические и теоретические достижения институционализма, так и сама новизна и самостоятельность институционального анализа по сравнению с другими направлениями анализа политики подвергаются сомнению.

С одной стороны, изучение органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также международных отношений невозможно без учета их институциональных характеристик. Подъем «нового институционализма» способствовал расширению и качественному обновлению сравнительных — кросс-региональных и кросс-темпоральных — исследований. Следует также отметить, что «новый институционализм», представляющий собой, как было показано выше, совокупность разнообразных направлений анализа и стремящийся к многофакторному объяснению политического процесса, сыграл в конце XX — начале XXI в. решающую роль в процессе профессиональной интеграции политической науки, преодоления методологической раздробленности⁶⁹.

С другой стороны, некоторые из базовых концепций и понятий, предложенных новыми институционалистами, порождают больше вопросов, чем ответов, а большинство нуждаются в дальнейшем теоретическом развитии и эмпирическом обосновании. Так, принципиальными остаются вопросы о взаимообусловленности институтов и поведения акторов, о разделении эндогенных и экзогенных факторов в функционировании институтов, о причинах, механизмах и последствиях институциональных изменений. Как отмечает Б. Г. Питерс, наиболее существенные проблемы институционального анализа связаны со «способностью недвусмысленно определить среди исследуемых явлений главные и разобраться в отношениях индивидуального и коллективного поведения», а также с необходимостью «отделить воздействие, которое оказывают институты в качестве независимой переменной, отличной от отражения в них текущих социальных сил»⁷⁰.

Трансформация внутренней и внешней политики в начале нового тысячелетия, возникновение новых политических акторов и новых способов взаимодействия между ними ставят перед политологами-институционалистами новые вопросы. Эти вопросы касаются, в частности, соотношения между универсальностью/фрагментарностью социального и политического порядков; типа лидерства, обеспечивающего символы и значения для тех, кто в сети управления и кто вне ее; институциональных последствий формирования «электронных правительств»; устойчивости институциональной культуры и сопряжения стабильности и инновативности институциональных порядков; соотношения политического выбора и ограниченной рациональности; преодоления противоречия между формальными и актуальными процедурами и многого другого.

Очевидно, что результаты институциональных исследований, несмотря на неизбежную и подчас очевидную противоречивость, весьма значительны. При всех издержках институционалистам почти всех школ удалось обновить прежние представления о политике, политическом процессе и политических акто-

рах на микро-, макро- и мегауровне. Конечно, институциональный подход не стал и не мог стать универсальной парадигмой, применимой при исследовании любых проблем, — как бы этого ни хотели сторонники монистического взгляда на мир и политику. Поэтому очевидно также, что период «бури и натиска», подчас весьма ощутимых, для нового институционализма позади.

На современном этапе развития институциональная политология, очевидно, нуждается в более глубоком объяснении того, каким образом политическое действие производит институциональные изменения, как на это влияет существующий институциональный порядок, что делает институты более или менее устойчивыми к изменениям, до какой степени возможен сознательный контроль над институтами для достижения предсказуемых и желаемых результатов. Тем не менее можно с уверенностью говорить о том, что институционализм останется одним из центральных направлений современной политической науки.

Примечания

¹ Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопа. М.: Вече, 1999. С. 43.

² Во многих языках употребляются слова «институт» и «институция» (*institute* и *institution* (англ.), *Institut* и *Institution* (нем.), *institut* и *institution* (фр.), *istituto* и *istituzione* (ит.), *institute* и *institución* (исп.)), причем термин «институт» оказывается более подходящим для обозначения установлений, а термин «институция» — учреждений.

³ *Immergut E. M. The Normative Roots of the New Institutionalism: Historical-Institutionalism and Comparative Policy Studies. Univ. of Konstanz // Beitrage zur Theorieentwicklung in der Politik- und Verwaltungswissenschaft / Ed. by A. Benz and W. Seibel. Baden-Baden: Nomos Verlag, 1996.*

⁴ Политическая наука: новые направления. С. 92.

⁵ *The Oxford Handbook of Political Institutions / Ed. by R. A. W. Rhodes, S. A. Binder and B. A. Rockman. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 95.*

⁶ *Ibid.* P. 102.

⁷ *Encyclopedia Britannica. Political science. Introduction.*

⁸ См.: *Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Социология. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. С. 105–112; Он же. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Общности. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. С. 273–283.*

⁹ См.: *March J. G., Olsen J. P. The new institutionalism: Organizational factors in political life // American Political Science Review. Wash., 1984. Vol. 78. No 3. P. 734–749.* Джеймс Гарри Марч (р. 1928) — почетный профессор Стэнфордского университета, специалист в области менеджмента, социологии, политической науки и образования. Автор классических работ по теории организации и организационных решений, в том числе выполненных вместе с нобелевским лауреатом по экономике, когнитивным психологом Гербертом Саймоном. Йохан Олсен (р. 1939) — создатель и почетный профессор Центра европейских исследований Университета Осло, специалист в области организации и управления, политической науки. Следует заметить, что этой публикации предшествовали работы Дж. Майера, Б. Рована и Р. Скотта, также формировавшие новый взгляд на институты.

¹⁰ См.: *The Oxford Handbook of Political Institutions.*

¹¹ *Theories of Institutional Design. Cambridge: Cambridge University Press, 1994–2017.*

¹² *Goodin R. E.* The Theory of Institutional Design. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

¹³ The Oxford Handbook of Political Institutions. P. 16.

¹⁴ Слово «институционализм» (англ. *institutionalism*), этимологически связано со словом «институция» (англ. *institution*), от которого образованы термины «институционализация», «институциональный» (см.: *Быченков В. М.* Указ. соч. С. 7–8).

¹⁵ *Коммонс Дж. Р.* Правовые основания капитализма. М.: ГУ ВШЭ, 2011. Такое же понимание разделяет Э. Остром (см.: *Остром Э.* Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2011).

¹⁶ *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005. См. также: *Панов П. В.* Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН, 2011.

¹⁷ The Oxford Handbook of Political Institutions. P. 738.

¹⁸ *Immergut E. M.* The theoretical core of the new institutionalism // *Politics & Society*, 1998. Vol. 26. No 1. P. 8.

¹⁹ Человек, писал Т. Веблен, не является «калькулятором, мгновенно вычисляющим удовольствие и боль» (*Veblen T.* Why Is Economics Not An Evolutionary Science? // *Quarterly Journal of Economics*, 1898. July. P. 389).

²⁰ Оппортунизм — это «преследование личного интереса с использованием коварства» (*self-interest-seeking-with-guile*) (*Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. Рынки, фирмы, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат, 1996. С. 97).

²¹ Автор этого понятия, Г. Саймон, использовал термин «ограниченная рациональность» в более формальном и термин «процедурная рациональность» в более описательном анализе. Г. Саймон доказывал, что такая рациональность приводит к ориентации не на оптимальный, а на удовлетворительный результат (см.: *Simon H. A.* Models of Bounded Rationality: Behavioral Economics and Business Organization. Cambridge: MIT Press, 1982).

²² «Человек считается рациональным, когда он (а) преследует непротиворечивые, согласующиеся между собой цели и (б) использует средства, пригодные для достижения поставленной цели» (*Алле М.* Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов американской школы // *THESIS*. 1994. № 5. С. 227).

²³ См.: *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.

²⁴ *Steinmo S. et al* (eds). Structuring Politics. Historical Institutionalism in Comparative Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 2.

²⁵ См.: The Oxford Handbook of Political Institutions; *Патрушев С. В.* Институционализм в политической науке: Этапы, течения, идеи, проблемы // *Политическая наука*. 2001. № 2; *Он же.* Институциональная политология: четверть века спустя // *Политическая наука*. 2009. № 3; *Панов П. В.* Институционализм(ы): объяснительные модели и причинность // *Политические исследования*. 2015. № 3.

²⁶ *Peters G.* Institutional Theory in Political Science: The 'New Institutionalism'. L.; N.Y.: Pinter, 1999.

²⁷ *March J. G., Olsen J. P.* The new institutionalism: Organizational factors in political life // *American Political Science Review*. 1984. Vol. 78; *March J. G., Olsen J. P.* Rediscovering institutions. N.Y.: Free Press, 1989; *Marsh D., Rhodes R. A. W.* Policy communities and issue networks: Beyond typology // *Marsh D., Rhodes R. A. W.* Policy networks in British government. Oxford: Clarendon Press, 1992; *March J. G., Olsen J. P.* Institutional Perspectives on

Political Institutions // Governance: An International Journal of Policy and Administration. 1996. Vol. 9. No 3.

²⁸ Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука. Новые направления. С. 162.

²⁹ См.: Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. М.: НЛО, 2013.

³⁰ Moe T. M. The Politics of Structural Choice: Toward a Theory of Public Bureaucracy // O. E. Williamson (ed.). Organization Theory: From Chester Barnard to the Present and Beyond. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1990.

³¹ См.: Панов П. В. Институционализм рационального выбора: потенциал и пределы возможностей // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С. В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. С. 43–92.

³² См.: The Oxford Handbook of Political Institutions. P. 28.

³³ Когда предмет общественного выбора — решение, предполагающее ухудшение положения отдельных членов общества (даже если общество в целом от него выигрывает), то не всегда есть возможность сделать выбор одновременно рациональным и недиктаторским (учитывающим все мнения) (см.: Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: ГУ ВШЭ, 2004).

³⁴ Riker W. H. Implications from the Disequilibrium of Majority Rule for the Study of Institutions // American Political Science Review. 1980. Vol. 74. No 2. P. 432–446.

³⁵ Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии // Бьюкенен Дж. М. Сочинения. М.: Таурис Альфа, 1997.

³⁶ См.: Meyer J. W., Rowan B. Institutional organizations: formal structure as myth and ceremony // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83.

³⁷ DiMaggio P., Powell W. W. (eds). The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1991.

³⁸ См.: The Oxford Handbook of Political Institutions. P. 40.

³⁹ Thelen K. Historical institutionalism in comparative politics // Annual Review of Political Science. 1999. No 2.

⁴⁰ Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2000.

⁴¹ Axelrod R. The evolution of cooperation. N.Y.: Basic Books, 1984.

⁴² Норт Д., Уоллис Д., Вайнгафт Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

⁴³ The Oxford Handbook of Political Institutions. P. 64.

⁴⁴ Ibid. P. 65.

⁴⁵ Ibid. P. 16.

⁴⁶ Ibid. P. 611.

⁴⁷ Ibid. P. 642.

⁴⁸ Ibid. P. 673.

⁴⁹ Ibid. P. 714.

⁵⁰ Bates R. H. Some Contemporary Orthodoxies in the Study of Agrarian Change // A. Kohli (ed.). The State and Development in the Third World. Princeton: Princeton University Press, 1986.

⁵¹ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.

⁵² The Oxford Handbook of Political Institutions. P. 164.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ См.: *North D.* Structure and Change in Economic History. N.Y.: Norton, 1981.

⁵⁵ *Бьюкенен Дж.* Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Т. 1. М.: Таурис Альфа, 1997.

⁵⁶ Там же. С. 330.

⁵⁷ The Oxford Handbook of Political Institutions. P. 191.

⁵⁸ См.: Российская повседневность и политическая культура: возможности, проблемы и пределы трансформации / С. В. Патрушев и др. М.: ИСП РАН, 1996.

⁵⁹ См.: *Панов П. В., Патрушев С. В., Семенов А. В., Филиппова Л. Е.* Институциональные политические исследования // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 81–87.

⁶⁰ Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С. В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006.

⁶¹ См., напр.: *Жуков Д. С.* Прогностические возможности компьютерной модели институциональной модернизации // *Ineternum*. 2012. № 1 (6). С. 7–35; *Жуков Д. С., Лямин С. К.* Подходы к построению фрактальной модели трансформации административно-политических институтов // *Fractal Simulation*. 2011. № 1. С. 21–25.

⁶² См.: *Ильченко М. С., Фадеичева М. А.* Российский федерализм: формальные декларации и неформальные практики // Федерализм и централизация. Екатеринбург, 2007. С. 43–58; *Панов П. В.* Новые правила формирования региональных органов власти в контексте трансформации отношений «центр–регионы» // Федерализм и российские регионы. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 147–176; *Родионова А. К.* Институциональная политическая конструкция современного федерализма // *Право и политика*. 2008. № 8. С. 1882–1885.

⁶³ *Богатырева Л. В.* Эволюция ролей и функций партий в российской политической системе в 2000–е гг.: кризис легитимности неизбежен? // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2012. № 4. С. 5–19; *Шашкова Я. Ю.* Российский партоттегенез как институциональная ловушка // *PolitBook*. 2013. № 4. С. 85–98.

⁶⁴ *Айвазова С. Г., Гвоздева Е. А., Кертман Г. Л., Машезерская Л. Я., Павлова Т. В., Патрушев С. В., Хлопин А. Д.* Повседневные практики и процессы институциональной трансформации в России. М.: ИСП РАН, 2002; *Айвазова С. Г., Гвоздева Е. А., Кертман Г. Л., Патрушев С. В., Машезерская Л. Я., Павлова Т. В., Хлопин А. Д.* Власть и народ в России: обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М.: ИСП РАН, 2003.

⁶⁵ Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [Ред.-колл.: С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов.] М.: РАПН; РОССПЭН, 2011.

⁶⁶ *Хлопин А. Д.* Самостояние человека: власть и свобода гражданина. Очерки I и II // *Рубежи*. 1996. № 4, 6.

⁶⁷ См., напр.: *Полтерович В. М.* Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007.

⁶⁸ См., напр.: *Панов П. В., Сулимов К. А.* «Преемник» vs. «преемничество»: В контексте разнообразия вариантов смены политических лидеров // *Власть и элиты* / Под ред. А. В. Дуки. СПб., 2013.

⁶⁹ Политическая наука: новые направления. С. 38.

⁷⁰ *Питерс Б. Г.* Политические институты: вчера и сегодня // *Политическая наука: новые направления*. С. 230.

Литература

Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Редколл.: С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 285 с.

Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С. В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. — 586 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Publication/IP_2006.pdf.

Мельвилл А. Ю., Стукал Д. К., Миронюк М. Г. «Царь горы», или почему в посткоммунистических автократиях плохие институты // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 125–143.

Панов П. В. Институционализм(ы): объяснительные модели и причинность // Политические исследования. 2015. № 3. С. 39–55.

Российская политическая наука. Идеи, концепции, методы / Под ред. Л. В. Сморунова. М.: Аспект Пресс, 2015. — 375 с.

Axelrod R., Keohane R. Achieving cooperation under anarchy: states and institutions // World Politics. 1985. October. No 1. P. 226–254.

Crafting cooperation: regional institutions in comparative perspective / Ed. by A. Acharya and A. I. Johnston. N.Y.: Cambridge University Press, 2007. — 301 p.

Hall P. A., Taylor R. C. R. Political science and the three new institutionalisms // Political Studies. 1996. Vol. 44. No 5. P. 936–957.

Ikenberry G. J. Institutions, strategic restraint, and the persistence of American postwar order // International Security. 1998. Vol. 23. No 3. P. 43–78.

Jervis R. Realism, neoliberalism and cooperation // International Security. Summer 1999. Vol. 24. No 1. P. 42–63.

Keohane R. O. (ed.). International institutions and state power: Essays in international relations theory. Boulder: Westview Press, 1989. — 270 p.

Keohane R. O., Martin L. L. The promise of institutionalist theory // International Security. 1995. Vol. 20. No 1. P. 39–51.

Krasner S. D. (ed.). International regimes. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1983. — 372 p.

Mearsheimer J. J. The false promise of international institutions // International Security. 1994/95. Vol. 19. No 3. P. 5–49.

Peters B. G. Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. N.Y.: Bloomsbury Publishing USA, 2011. — 232 p.

6. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМАТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова

Интеграция, интегративные форматы, СНГ, ОДКБ, ЕС, ЕАЭС, постсоветское пространство, Евразия

Развитие интеграции как инструмента реализации внешнеполитических интересов имеет исключительно важное значение для России, для ее союзников, а с учетом современной международной ситуации — и для всего мирового сообщества. Динамичные интеграционные процессы, в центре которых находится наша страна, могут стать мощным стимулом утверждения полицентричного мира, элементом борьбы с попытками установления одностороннего диктата, гарантировать защиту суверенитета и национальной идентичности участникам интеграционного взаимодействия.

В 2016 г. исполнилась четверть века со дня создания СНГ, первого интеграционного объединения на постсоветском пространстве. Идеи многостороннего сотрудничества России и ее партнеров продолжают воплощаться в жизнь, расширился спектр форматов межгосударственного взаимодействия. Интеграционные процессы развиваются в сфере безопасности, экономики, гуманитарных отношений. Они опираются на прочную институциональную основу и совместные планы.

Факторами, по-прежнему обеспечивающими общность евразийского пространства, остаются базовые, но все более слабые элементы — совместная история; русский язык как язык межнационального и межгосударственного общения; известная схожесть политических систем.

Важнейшую роль играет такой элемент единства, как свободное (или облегченное) передвижение граждан, наличие массивной трудовой миграции, прежде всего миграции «маятникового типа».

При всех издержках, которые несут с собой миграционные потоки, именно они являются важнейшим фактором единства евроазиатского пространства, его внутренней транспарентности и востребованности России.

Сохраняя многие общие параметры, постсоветское пространство вместе с тем идет по пути дальнейшей субрегиональной диверсификации. Страны бывшего СССР все больше включаются в региональные системы и процессы за пределами некогда общего Союза.

Некогда важные факторы единства для всех советских республик — экономическая и производственная кооперация, транспортная взаимозависимость, набор общих для всех угроз и вызовов безопасности — перестали носить эксклюзивный характер.

На настоящий момент можно констатировать, что постсоветское пространство состоит из трех субрегиональных компонентов:

1. *Центральноазиатский компонент*, который оформляется в целостную систему. Страной, удерживающей этот компонент внутри постсоветского ареала, является Казахстан. Деятельность ОДКБ и ЕАЭС в регионе также играет центростремительную роль. Важнейшими внешними факторами для этой подсистемы являются политика Китая и нестабильность в Афганистане.

Смена руководства в Узбекистане, возможно, внесет свои дополнительные коррективы в направлении сближения центральноазиатского компонента с российско-ориентированными интеграционными объединениями. Упрочение российско-узбекских отношений выглядит крайне желательным, в том числе для упрочения взаимодействия России со всем субрегионом.

Вместе с тем остается достаточной высокая доля неопределенности относительно позитивной для России «интегрируемости» Туркменистана.

2. *Закавказский компонент постсоветского ареала* — является географически компактным, с развитыми внутренними, в том числе конфликтными, связями и с уравновешенным внешним влиянием. Закавказье в силу культурно-исторических предпосылок, специфики отношений с Россией несет в себе серьезный центростремительный потенциал. Этот потенциал не раскроется сам по себе — он требует значительных усилий с нашей стороны.

Отличительной особенностью закавказской подсистемы является наличие в ней трех частично признанных и непризнанных государственных образований — Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха. Ключевым элементом дестабилизации этого субрегиона остается нагорнокарабахский конфликт и его регулярные рецидивы. Это мешает реализации любых форматов интеграции, осложняет отношения России с Азербайджаном и Арменией.

Серьезную роль играет фактор форсированной «проевропейской» политики Грузии. Введение в действие безвизовых отношений между Грузией и странами ЕС создает дополнительные предпосылки к активизации европейского вектора Тбилиси.

3. *Восточноевропейский компонент* — включает в себя Украину, Белоруссию и Молдавию. Россия также выступает в качестве внутреннего участника этой системы.

Принципиальную роль в восточноевропейском компоненте играет Украина. Фактический выход Украины из СНГ резко снизил интеграционный потенциал восточноевропейского компонента. Неустойчивость политических

процессов и векторов развития Молдовы также не дает возможностей для долгосрочного оптимизма. Российское влияние на Молдову имеет традиционного конкурента — Европейский союз. Приднестровский регион является одной из наиболее сложных сфер конкурентного влияния.

Восточноевропейский компонент в большой степени развивается при параллельном значительном воздействии политики России и Европейского союза.

В результате воздействия формируется феномен «новой Восточной Европы». Феномен охватывает восточноевропейские страны СНГ, Польшу, страны Балтии, Румынию, Венгрию, Словакию и базируется на географической, этнокультурной, исторической и, все больше, экономической близости. ЕС посредством Восточного партнерства и механизмов Политики соседства пытается обеспечить «новой Восточной Европе» единую институциональную рамку. Можно по-разному относиться к этому феномену, но не замечать его нельзя. При анализе и прогнозировании ситуации пора исходить из того, что деление стран на «постсоветские» и «евросоюзные» на этом фланге становится все менее адекватным.

В складывающейся ситуации несомненно, что именно СНГ является структурой, обеспечивающей рамочное, институциональное единство постсоветского пространства. С международно-правовой точки зрения СНГ представляет собой международную региональную организацию в духе Главы VIII Устава ООН. Другими словами, СНГ структурно схож с ОБСЕ, Лигой арабских государств или Организацией американских государств. СНГ на ближайшую перспективу останется центральным механизмом многосторонних консультаций и мягкой региональной координации.

В последнее десятилетие стали очевидными институциональные разломы постсоветского пространства. Институциональная эрозия, являющаяся отражением объективных процессов, проявила себя через:

- некоторое ослабление механизмов СНГ;
- фактическое прекращение деятельности ряда органов СНГ;
- отход от концепции общих внешних границ СНГ;
- выход Грузии из СНГ и ее так называемый «европейский» вектор развития;
- создание новых многосторонних форматов с участием стран, входящих в СНГ, и возможной эвентуальной приоритетностью новых структур над СНГ;
- однозначная переориентация руководства Украины на восприятие страны в качестве «периферии Евросоюза», а не одной из ведущих стран постсоветского ареала.

Особую роль в деконструкции постсоветского пространства сыграли «цветные революции». Они ускорили процесс смены элит и доминирующих концепций стратегического развития.

Наряду с этими негативными тенденциями налицо и центростремительные процессы. Так, важную роль в контексте российских интересов и интеграции играет ОДКБ. В «Стратегии коллективной безопасности до 2025 года», принятой в октябре 2016 г. в Ереване, выражена общая решимость стран-союзников выстраивать отношения с членами мирового сообщества «на основах равенства и неделимости безопасности, воздерживаться в международных отношениях от угрозы силой или ее применения, при этом в решении возникающих проблем отдавать приоритет политико-дипломатическим методам». Разумеется, для того, чтобы эти принципы могли реализоваться, необходимо отрабатывать многие практические вопросы координации военно-политического сотрудничества России и ее партнеров. Показательными стали, в частности, проведенные в августе 2016 г. учения Коллективных миротворческих сил ОДКБ «Нерушимое братство—2016», во время которых отрабатывалась операция по поддержанию мира по «мандату Совбеза ООН, в условной стране, не входящей в ОДКБ».

В условиях, когда мы отмечаем дефицит стабильности во многих регионах мира, расширение географии турбулентности в Европе и Азии, государства и структуры ОДКБ постоянно повышают свою готовность к борьбе против угроз международного терроризма и религиозного экстремизма, особенно на центральноазиатском и афганском направлениях. Повышается и эффективность совместной борьбы с незаконным оборотом наркотиков, нелегальной миграцией, другими современными вызовами и угрозами безопасности.

Другими словами, современные интеграционные процессы в сфере безопасности позволяют российской стороне осуществлять оперативный и превентивный контроль в том, что касается противодействия рискам подрывной деятельности, враждебных провокаций и, в конечном итоге, «жестким» угрозам безопасности.

Несомненно, что актуальными для ОДКБ остаются задачи взаимодействия с внешними институциональными контрагентами. В частности, в развитии контактов ОДКБ с ОБСЕ важно оперативное сотрудничество с Центром предотвращения конфликтов в Вене, который располагает уникальной базой данных по конфликтам, в том числе на территории СНГ. По инициативе центральноазиатских государств—участников ОДКБ установлено взаимодействие ОДКБ с Организацией исламского сотрудничества (ОИС, ранее — Организация «Исламская конференция»).

ОДКБ в перспективе (естественно, в контексте нормализации отношений с ЕС) необходим диалог и с Европейским союзом. ЕС уже фактически включен в посредничество в разрешении конфликта в Молдавии-Приднестровье и кавказских конфликтов. Развернута пограничная наблюдательная операция ЕС на украинско-молдавской границе в регионе Приднестровья. ЕС не только не оставляет идею Пакта стабильности для Южного Кавказа, но и выдвинул новую инициативу принятия Пакта стабильности для Центральной Азии. Сотрудничество с ЕС, конечно же, будет возможно только в случае отказа Евросоюза от антироссийской политики санкций.

Значительными положительными результатами характеризуются интеграционные процессы в сфере экономики. Несколько лет назад (2014) мы явились свидетелями рождения Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который, по всеобщему признанию, является интеграционным проектом нового типа. Он стал примером интеграционного сопряжения разновеликих по масштабам экономического потенциала хозяйственных систем, формирует уникальный опыт интеграционного научно-технического сотрудничества, выступает моделью интеграции, открытой для широкого, причем разнообразного и гибкого, международного сотрудничества.

Интеграционное взаимодействие стран «евразийской пятерки» — России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии — опирается на прочные экономические связи, во многом определяющие базовые тренды развития не только самих партнеров, но и других сегментов Евразийского региона. В контексте развития интеграционного сближения постепенно углубляется весь комплекс взаимодействия России со своими партнерами в отраслях, которые вносят заметный вклад в формирование общего экспортного потенциала ЕАЭС. Ожидаемое вступление в силу Таможенного кодекса ЕАЭС, который предусматривает информатизацию таможенных операций и более простой алгоритм взаимодействия с госорганами, согласование объединительных шагов на транспортном направлении и меры, предпринимаемые в контексте преодоления последствий стагнации мировой экономики, создает хорошие экономические предпосылки для углубления интеграционного евразийского сотрудничества. Положительным явлением для России является и то, что хотя не так быстро, как хотелось бы, но все более решительно ведется борьба с контрафактом, с «серыми» схемами перемещения товаров и финансовых средств.

Однако любая практическая, тем более инновационная деятельность неизменно сталкивается с объективными и субъективными противоречиями. В случае с евразийским трендом экономической интеграции особую роль играют недоверие части элит стран-участниц к перспективам наднационального регулирования экономического сотрудничества, а также их опасения за судьбу широкого многовекторного сотрудничества на международной арене. Характерно, что часто в основе негативных оценок евразийского тренда лежит не столько их фактическое неприятие, сколько желание тех или иных деятелей «застолбить» позицию в общественном дискурсе, усилить личную конкурентоспособность в ходе борьбы за участие в государственной власти. Нельзя также сбрасывать со счетов и факт, что на фоне плотного потока негативных пропагандистских «вбросов» со стороны западных СМИ информационное сопровождение интеграционного движения явно недостаточно.

Надо также принять во внимание, что:

- на постсоветском пространстве набирает силу процесс смены элит, когда на смену руководителям всех звеньев государственного и регионального управления, а также бизнеса, выросших и сформировавших-

- ся в эпоху СССР, приходит поколение, для которого на первом месте стоит прагматизм, а понятие о дружбе между народами «уходит» с государственного уровня на гуманитарный. Нельзя забывать о том, что этот процесс может протекать как эволюционно, так и революционно;
- усиливается дифференциация (государственный, региональный, муниципальный уровни, малый и средний бизнес) и транспарентность экономических связей. При этом акцент сотрудничества неминуемо будет смещаться, особенно при развитии малого и среднего бизнеса, из кабинетов чиновников в реальные сектора экономики и именно они будут определять глубину интеграционных проектов;
 - экономическая интеграция на постсоветском пространстве становится все более секторальной и избирательной и концентрируется в первую очередь, как правило, в отношениях между соседними государствами;
 - продвижение экономической интеграции на постсоветском пространстве тормозится различием макроэкономических показателей стран, так же как и стремлением существующего политического руководства некоторых стран ЕАЭС к решению в отдельных случаях внутренних задач вне контекста экономической целесообразности интеграционных процессов;
 - направления внешней политики практически всех стран СНГ определяются прагматичной многовекторностью и поиском наиболее выгодных с политической и экономической точек зрения партнеров и направлений взаимодействия;
 - сложился на практике приоритет интересов национальных ведомств, компаний, организаций перед интересами Союзного государства, ЕАЭС, иногда даже перед национальными интересами; проявляется неготовность, а зачастую нежелание и неспособность поиска взаимовыгодного компромисса на ведомственном уровне.

Тем не менее, несмотря на «подводные камни», евразийский тренд региональной экономической интеграции отвечает стратегическим и текущим интересам России. Деятельность ЕАЭС сопряжена с последовательным утверждением принципа системного регионального взаимодействия в экономике, способствующего укреплению российского ядра интеграционного проекта. Пошаговое утверждение масштабного евразийского рынка позволяет динамично развивать отечественную номенклатуру отраслевых производственных комплексов, ориентированных на высокотехнологичные продукты, повышать конкурентоспособность несырьевых товаров, в том числе и на трансрегиональном уровне, например в странах АТР, материально подкреплять набирающий силу «восточный вектор» российской внешней политики.

Евразийский формат экономического сотрудничества — масштабный инновационный проект. Однако движение по траектории Евразийского союза решающим образом зависит от политической координации усилий России

и ее партнеров, укрепления институциональной составляющей регулирования объединяющих (центростремительных) тенденций.

Отдельно отметим такой важный интеграционный проект, как Союзное государство России и Беларуси (СГРБ). Отношения здесь развиваются по синусоиде — за периодами интеграционного сближения следуют периоды разногласий по конкретным направлениям сотрудничества (газ, с/х продукция и т.п.). Синусоида колебаний имеет тенденцию к нарастанию. Необходим консенсус, куда мы идем и какие взаимные подвижки-уступки готовим вместе. Надо понимать, что от этого в значительной степени зависит судьба и ЕАЭС, и ОДКБ.

Развитие интеграционных процессов отмечено и углублением их гуманитарного содержания. Гуманитарное сотрудничество приобретает все более диверсифицированный и адресный характер по линии СНГ и СГРБ. Успешными являются такие направления, как культурное сотрудничество, сотрудничество в сфере молодежной политики и образования. Эти форматы вносят вклад в укрепление дружбы и доверия между народами России и ее ближайших соседей. Только по линии культурного сотрудничества СНГ на период 2016–2020 гг. запланировано проведение более ста крупных мероприятий массового, просветительского и профессионального характера, ориентированных на интересы как широких слоев населения различных стран, так и на творческую интеллигенцию, деятелей литературы, искусства, профессиональных объединений.

В контексте проблематики гуманитарного взаимодействия России и ее ближайших соседей необходимо особо отметить функционал публичной дипломатии. В последние годы российским НКО (Горчаковский фонд, РАСООН, РАПН и др.) удалось развернуть эффективную деятельность по установлению/восстановлению связей между представителями российского общества и общественностью сопредельных государств, повышению привлекательности интеграционных проектов под российским руководством в глазах населения как «внутри» интеграционного пространства, так и на международном уровне.

Не секрет, что гуманитарное сотрудничество связано с затратами, большая часть которых ложится на российские плечи (бюджет). Но, несмотря на необходимость предельно рачительного отношения к расходам, мы должны понимать, что они являются инвестициями в будущее. Это инструмент передачи исторической памяти молодому поколению, сдерживания враждебной российской интересам деятельности центров влияния, каналов поддержки соотечественников. Наконец, если принять во внимание открытие специализированных центров русского языка, как это происходит, например, в Таджикистане, возникает возможность снятия части противоречий в связи с трудовыми мигрантами.

Гуманитарное сотрудничество, как направление интеграционных процессов, является фактором российской «мягкой силы» в ближнем зарубежье. Эту силу можно и нужно активно развивать.

В нашем дискурсе для характеристики отношений России с ее ближайшими международными партнерами обычно используется выражение «ин-

теграционные процессы». Но при ближайшем рассмотрении мы имеем дело с комплексным, по сути единым, хотя и многоплановым явлением. Успешное сотрудничество в сферах безопасности, экономики и гуманитарных связей взаимообусловлено. Российские интересы заключаются в обеспечении оптимального баланса.

Помимо уже состоявшихся интеграционных проектов, хотелось бы упомянуть и о новых начинаниях. Актуальные изменения на международной арене усиливают значимость не только традиционных интеграционных объединений регионального уровня, но и инициатив в области создания крупных трансрегиональных структур как способа регулирования мирового развития. В русле этого тренда находится проект формирования Евразийского всеобъемлющего партнерства (ЕВП), который отражает высокий уровень политического согласия между Россией и Китаем как в сфере двусторонних отношений, так и относительно выстраивания расширенного взаимодействия с привлечением других государств.

Мы должны буквально ежедневно стремиться переломить набор неблагоприятных субъективных обстоятельств. Интеграционное пространство, сложившееся по периметру российских границ, не должно быть расколото ни в результате «разморозки» (Карабах, Приднестровье) вооруженных конфликтов или появления новых конфликтных очагов, ни в ходе сценариев по «смене режимов», ни вследствие спекуляций вокруг «многовекторного сотрудничества». Нам необходимо стремиться к обеспечению целостности интеграционного движения под российским руководством.

Что целесообразно предпринять в первую очередь?

Усилить внимание к задачам строительства единого информационного пространства, расширения сотрудничества между ведущими СМИ России и стран-партнеров.

Исключить варианты политизации экономических разногласий, тем более с использованием демонстративных заявлений, нарочитой публичности и других попыток негативного освещения сугубо рабочих аспектов взаимодействия.

Развивать практику прямого сотрудничества российских регионов с регионами стран ЕАЭС и СНГ, имея в виду, что экономические и гуманитарные связи регионального уровня способны эффективно дополнять спектр общих государственных интересов партнеров.

Систематизировать представления о ресурсах российских партнеров, направляемых на развитие интеграционного сотрудничества в том, что касается материальных (производственных, инвестиционных, организационных) и информационных аспектов их участия.

Инициировать регулярные публикации/предоставление грантов по тематике интеграционного сотрудничества на пространстве СНГ/ЕАЭС для совместных исследовательских коллективов в составе российских специалистов и специалистов зарубежных стран.

На порядок повысить сотрудничество в образовательной сфере в интересах совместной подготовки будущей инженерно-технической, культурной и политико-экономической элиты России и других стран—участников СНГ.

Литература

Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Глобальный Евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2012. — 424 с.

Гаман-Голутвина О. В. Мировой опыт реформирования систем государственного управления // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 187–194.

Европейская интеграция / Под ред. О. В. Буториной; отв. ред. Н. Ю. Кавешников. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2016.

Михеев В. В. Глобализация, регионализация и региональная интеграция // Восток—Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А. Д. Воскресенского; МГИМО МИД России. М.: РОССПЭН, 2002. — 528 с.

Никитина Ю. А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М.: Навона, 2009. — 200 с.

Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2016.

Россия в современных интеграционных процессах: коллективная монография / Под ред. С. А. Афонцева и М. М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2014. — 312 с.

Сравнительная политология: трансформация мирового порядка, региональных режимов и государственности / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, И. Ю. Окунева. М.: Аспект Пресс, 2013. — 108 с.

Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в 21 веке. М.: АСТ; Хранитель, 2007. — 220 с.

Keohane R. O., Milner H. V. (eds). Internationalization and Domestic Politics. Cambridge, 1996.

Milner H. V. Interests, Institutions, and Information: Domestic Politics and International Relations. Princeton University Press, 1997.

7. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова

Геоэкономика, геополитика, модернизация, темпы экономического роста, экономическое неравенство, экономическая модель

В о втором десятилетии нынешнего века мир вступил в очевидный кризис миропорядка. Многие геоэкономические тренды, которые сложились в конце XX в., сегодня подвергаются тяжелым испытаниям. Мы являемся свидетелями почти 20-летнего застоя японской экономики. В Евросоюзе 10 лет продолжалась вялотекущая рецессия, наблюдается кризис евроинтеграции и низкие темпы экономического роста.

В геометрической прогрессии растет число разного рода политических конфликтов. Остро стоит проблема миграции в Европе: конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке выталкивают туда огромные массы иную культурного населения, и европейцы просто не в состоянии их ассимилировать. Концепция мультикультурализма переживает глубокий кризис.

Можно говорить о том, что христианская цивилизация, которая доминировала в мире на протяжении последних 500 лет, сегодня уже не универсальна, из исторической тени вышли другие цивилизации — Китай, Индия, исламский мир. Там совсем иная культура, иная история, иные формы идентичности и принципы социального сцепления между людьми, соответственно, другая институциональная среда: кланы, все еще сильные родо-племенные связи, территориальные землячества имеют в этих обществах большую ценность, чем стандарты и институты европейского социума.

Многие экономисты последние 20 лет считали, что экономический рост выше 10% в год в Китае — это норма. Однако КНР завершила этап первоначальной индустриализации и модернизации. Сегодня нужны другие драйверы роста, ориентация на внутреннее потребление, а не только на экспорт, существенные инвестиции в защиту окружающей среды. Но одновременно с внутренним спросом растет стоимость рабочей силы, и Китай теряет привлекательность для иностранных инвесторов.

Одновременно произошла так называемая сланцевая революция в сфере энергоресурсов, которая привела к тому, что США претендуют на первое ме-

сто в мире по добыче газа и нефти. И это тоже новая реалья, потому что Соединенные Штаты всегда были страной, зависимой от импорта углеводородов.

Очевидно, что в современном мире переплетаются и существенно влияют друг на друга тенденции геоэкономического и геополитического развития.

Прогнозирование экономических и политических трендов

На перспективу ближайшего десятилетия мир изменится под воздействием новых идей, инновационных решений и технологий, беспрестанно рождаемых прогрессом науки и человеческим творением. Это, впрочем, не отменяет действия законов природы, экономики и общества, создающих для развития, с одной стороны, разнообразные возможности, а с другой — ресурсные, социальные и иные ограничители.

Методологически важно дать комплексные оценки:

- что происходило и происходит в глобальном сообществе в последние десятилетия в экономической, политической, социальной и духовной сферах;
- как влияют и как отражаются в этих сферах изменения в развитии науки и технологий;
- какие механизмы обратной связи существуют между ними.

Такой анализ позволит выявить некоторые общие закономерности и на их основе предвидеть направления и характер будущих изменений.

Без элементов предвидения, базирующегося не столько на сценарной интуиции, сколько на методах статистического макропрогнозирования, на анализе имеющихся фактов и тенденций, принятие решений неизбежно будет сопровождаться ошибками и просчетами, ведущими к бессмысленной растрате ресурсов и утрате уникальных возможностей для развития.

Серия долгосрочных прогнозов мировой экономики и международных отношений, каждое пятилетие выпускаемых Национальным исследовательским институтом мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова (ИМЭМО), отличается достаточно высокой надежностью. Так, реальные темпы прироста мирового ВВП в 2001–2014 гг. (3,7%) в точности совпали с прогнозом исследователей ИМЭМО. Представляется, что это уникальный научный результат при прогнозировании с 15-летним горизонтом. Ученые несколько переоценили темпы прироста показателя для группы развитых стран (прогноз составлял 2,6%, фактический рост — 1,7%) и, соответственно, недооценили скорость развития развивающихся стран (прогноз — 4,7%, реальные темпы прироста — 5,5%). Довольно точным оказался прогноз по экономике России — фактические темпы ежегодного прироста ВВП за этот же период составили 4,2% при прогнозе 5,0%.

Основные структурные проблемы мирового развития на период до 2035 г. можно попытаться охарактеризовать следующим образом.

Мир вступил в длительный этап международной напряженности, экономической и финансовой неустойчивости, неопределенности и перераспределения сил между традиционными и новыми центрами интеграционной гравитации.

Несмотря на глобализацию, позволившую достичь известных интеграционных результатов, а может быть, именно в силу глобализации, в мире вырос потенциал конфликтов между ведущими государствами, а также и конфликтов внутри них самих. На смену исчезнувшему четверть века тому назад противостоянию социализма и капитализма пришел конфликт иного типа интересов, ценностей и идентичностей с сильными национальными, религиозными и историко-культурными акцентами.

Выработка ответственной политики будет наталкиваться на ресурсные и социальные ограничители, а также на попытки традиционных политических сил сохранить свое влияние посредством воздействия на общественное сознание.

Социальная политика будет вынуждена искать рецепты адекватного реагирования на растущее неравенство как в старых, так и в новых его формах. Миру предстоит столкнуться с самым масштабным за последнее столетие перестроением структуры общества: размыванием среднего класса, уходом в недостижимый отрыв новой элиты, формирующейся на базе экономики знаний и все более многообразных инноваций.

Беспрецедентные технологические сдвиги начала XXI в. резко актуализируют роль новых технологий как фактора, формирующего социальную ткань общества. Они влияют не только на экономическое развитие, но и на индивидуальное и общественное сознание. В среднесрочной перспективе тем самым повышается потенциал социально-политической конфликтности.

Мировая экономика будет переживать период повышенной турбулентности, связанной с поисками новых, более действенных инструментов обеспечения устойчивого роста. Масштабные структурные сдвиги произойдут в промышленности, энергетике и финансовой сфере, что неизбежно скажется на будущем соотношении потенциалов отдельных групп стран и регионов мира.

Оказавшаяся в последние годы в фокусе ожесточенных дискуссий глобализация в предстоящие два десятилетия существенно поменяет свои формы, в том числе внедрив использование новых моделей и платформ региональной интеграции. В полицентричном мире глобальной интеграции формируются новые гравитационные поля, трансформируются традиционные: Китай и финансируемый им экономический пояс Шелкового пути, ЕС, Великобритания после ее выхода из ЕС, новое прочтение трансатлантической интеграции под эгидой США, будущие формы транстихоокеанской и латиноамериканской интеграции, Евразийский экономический союз. Намечается переход от со-

временного кризиса глобализации, вызванного нарастающим стремлением к изоляции национальных или узкорегionalных рынков, к новому варианту взаимодействия глобализации и регионализма.

В международных отношениях миру предстоит пройти важную развилку, которая определит направленность мирового развития на десятилетия вперед. Нельзя исключить сценария новой биполярности: на одном полюсе Россия, Китай, Иран, страны ОДКБ и ШОС и др., на другом — США, страны НАТО, Япония и др.

В мире сохранятся глубокие противоречия между различными мировоззренческими системами, продолжатся как их сосуществование, так и жесткая конкуренция. И вряд ли одной из этих систем удастся стать доминирующей.

В социально-политической сфере рост культурного разнообразия становится вызовом мультикультурализму и предметом острой политической дискуссии. Ее фокус — проблемы поддержания общих норм социального общежития и общих ориентиров развития. Приоритетом становится формирование в рамках государств «согласия на развитие» как фундамента современного общественного договора, способного к постоянному обновлению. В мире начала XXI в. мировое сообщество так и не смогло выработать новую концепцию развития, способную стать альтернативой «безответственному развитию», основанному на неограниченной эксплуатации природных ресурсов и использовании технологий манипулирования общественным сознанием. Идеал продвижения к «желаемому завтра» можно назвать «ответственное развитие». Речь идет, в частности, о выборе в качестве приоритетов использования возобновляемых источников, а также социальных инноваций и нематериальных стимулов жизнедеятельности. Ключевые детерминанты ответственного развития — готовность человека отстаивать демократические принципы политического общежития, способность нравственного суждения о политике, формирование соответствующей ценностной мотивации и идентичности.

Сценарии возможного будущего

Работая над прогнозами в геоэкономической и геополитической сферах, следует учитывать неоднозначность в понимании главных трендов развития, точек их «перелома» и вариантов наиболее вероятных сценариев будущего.

Социальные науки тем и отличаются от точных, что здесь очень много факторов, которые никакой алгоритм не способен учесть: человеческие ожидания, ощущения, фобии, опасения, «инстинкт толпы». Это только конспирологи уверены, что где-то есть некая мировая сила, которая всем управляет при помощи алгоритмов, выведенных нобелевскими лауреатами. Это глубокое заблуждение. Есть различные экономические концепции, но и они не

универсальны и годятся далеко не для всех исторических периодов, регионов и стран. К примеру, «Капитал» Маркса, в свое время изданный в Германии тиражом в тысячу экземпляров, разошелся за три года, а пятидесятилетний тираж его русского перевода раскупили за год. После успешного послевоенного восстановления Европы были популярны так называемые кейнсианские модели экономики. Потом возникла угроза гиперинфляции, и доминирующей стала концепция Милтона Фридмана, Чикагской экономической школы, согласно которой следовало иметь сбалансированный бюджет и ориентироваться не на стимулирование роста, а на конкурентные силы. Конкуренция считалась основным драйвером роста, и это работало. Но сегодня экономике угрожает не гиперинфляция, а дефляция, поэтому школа Милтона Фридмана неизбежно будет заменена каким-то новым экономическим постулатом. Его еще нет. И это тоже пример поиска «новой нормальности».

В мире экономики иерархичность приводит к углублению старых и появлению новых межстрановых дисбалансов. В то же время логика рынка, экономические интересы наиболее сильных акторов, как и их потребность в расширении рынков и, соответственно, распространении рыночных институтов, будут способствовать подтягиванию отстающих стран, аналогично социальным «лифтам» внутри общества.

Для России предстоящие два десятилетия будут периодом упрочения своих позиций в меняющемся мире, обеспечения стране весомого голоса при решении общезначимых глобальных проблем. Этот поиск стратегии будет идти на основе осознания собственной идентичности и понимания глобальной ответственности.

Альтернативный сценарий — это изоляция России от мировых процессов и создание собственной автаркической модели развития, минимизирующей влияние внешних экономических, инновационных, финансовых, политических тенденций. Реализация такого сценария, несомненно, отбросила бы Россию на многие десятилетия назад и лишила бы ее шансов на модернизацию и усиление своих глобальных позиций. Разрыв между Россией и США как глобальным лидером может и увеличиться, если экономика России останется на инерционном пути. В России в два с лишним раза меньше численность населения, чем в США, в три с лишним раза ниже производительность труда. Перемножая одно на другое, получаем 7-кратный разрыв в экономической мощи двух стран.

Текущий транзит от однополярного мироустройства к более плюралистичной, полицентричной архитектуре совпал по времени не только с кризисом отношений Россия—Запад, но и с определенным исчерпанием социального контракта, общественного договора, который сложился в развитой части мира к концу 60-х годов прошлого века. Очевидно, что этот контракт, сложившийся более полувека тому назад в биполярном, доглобальном, доцифровом мире, нуждается в модернизации.

Баланс глобализации и национальных интересов

В периоды турбулентности национальные интересы, как правило, выходят на передний план. Это мотив ясно виден в политике Дональда Трампа, Нарендры Моди, Си Цзиньпина, Тайпа Эрдогана, Синдзо Абе и других мировых лидеров. В текущем десятилетии мир вступил в период повышенного внимания к национальным интересам. Однако констатация этого факта не отменяет нарастания глобальных угроз и “больших” вызовов развитию человечества. Парирование этих вызовов и угроз невозможно без осознания некоего набора универсальных проблем, вне решения которых невозможна будет реализация национальных интересов. Другими словами, существует ограниченный набор универсальных для всех стран ценностей, позволяющих реализовывать национальные стратегии. Академик Е. М. Примаков предложил называть этот набор ценностей стратегическими.

Следование стратегическим ценностям может снизить критические и универсальные риски, такие как мировая термоядерная война, распространение оружия массового поражения, международный терроризм, необратимые климатические изменения. Сюда же можно отнести и кибертерроризм. Другими словами, неизбежный конфликт национальных интересов должен ограничиваться осознанием общности стратегических ценностей.

Информационные войны не дают качественных ответов на «большие вызовы» и глобальные угрозы современности. Они опасны тем, что и общество, и элиты часто становятся жертвами собственной пропаганды. Пропаганды мифов и стереотипов в духе прошлого века — из времен холодной войны. «Берлинские стены» воздвигаются сначала в головах.

Глава МВФ Кристин Лагард отмечала, что экономический рост слишком долго был слишком низким и обогащал слишком немногих. Это говорит об исчерпании общественного договора, социального контракта, который существовал и в США, и в европейских странах. Он был основан на том, что каждое следующее поколение все-таки жило лучше родителей, а сегодня эта динамика сломалась. В Соединенных Штатах ВВП на одно домохозяйство не растет 20 лет, еще хуже ситуация в Европе. Отсюда — выход Великобритании из ЕС, избрание Дональда Трампа в США. Континентальная Европа на эти вызовы дает другой ответ — не изоляционистский, как предлагают лидеры Великобритании и США Тереза Мэй и Дональд Трамп, а интеграционистский.

Следующий глобальный кризис плохо поддается прогнозированию. Если и возможны откуда-то угрозы мировой экономике, то, по-видимому, из Китая. Там есть очевидный перегрев фондового рынка, большое количество «токсичных» долгов не только корпораций, но и регионов, однако при тех централизованных инструментах, которые сохраняются в Китае, представляется, что КНР

сумеет избежать краха финансовой системы. Так что в ближайшие годы перспективы нового мирового экономического кризиса не просматриваются. США останутся технологическим, военным лидером, лидером по размеру ВВП — измеряемого по текущим обменным курсам, а не по паритету покупательной способности (здесь уже Китай впереди). Но глобальное управление только на основе западных ценностей уже невозможно в мире, где доля развитых стран в мировом ВВП уже заметно меньше 50%, а к 2035 г. упадет до одной трети.

Россия в мировой экономической динамике

Важно, какое место будет занимать Россия в мировой экономике. Если сохранится инерционная модель развития, то к 2030 г. экономика страны по паритету покупательной способности может опуститься с 6-го на 7-е место, пропустив вперед Бразилию, а по текущему обменному курсу — с 12-го на 15-е, поставив Россию в список после Мексики. Сегодня именно эти две страны — реальные конкуренты России и по институциональному строительству, и по структурным реформам.

Темпы роста экономики России, в инерционном сценарии, будут на обозримую перспективу ниже мировых, примерно на уровне ведущих стран Европейского союза. Для ЕС менее 2% роста ВВП в год — это неплохо, но с нашим высоким отложенным спросом домашних хозяйств на здравоохранение, образование, жилье, экономическим спросом на инфраструктуру, технологическую модернизацию надо было бы достичь 3–4%.

Модель роста, основанная на экспорте углеводородов, неплохо работала с начала 2000-х годов. Она была неизбежна и необходима, когда после тяжелейшего трансформационного шока 1990-х годов и общество, и экономика должны были немного «прийти в себя». Тем не менее если говорить о причинах рецессии 2014–2016 гг., то наполовину она была связана с неэффективностью экономики, еще на треть — с падением цен на углеводороды, завершением очередного глобального сырьевого цикла, и лишь процентов на 20 — с санкциями.

За 14 лет (2000–2013 гг.) Россия поднялась по комплексу базовых экономических показателей с 9-го места в мире на 6-е, Китай сохранил 2-е место, но, как отмечалось, совершили очевидный скачок Индия, Бразилия, Мексика, другие страны. Россия демонстрирует очевидный прогресс, но в последние годы страна столкнулась с необходимостью поиска новой модели экономического роста. Эта модель должна быть связана со структурными и институциональными изменениями, существенным повышением качества трудовых ресурсов, с инновациями, новыми технологиями. И если Россия найдет эту модель, то сможет дальше развиваться темпами выше среднемировых. Все другие, в частности ресурсные, компоненты у России есть. Одно можно сказать определенно: старый мировой

порядок сломан, и в этих условиях встает непростая, но реализуемая задача — перевести экономику России в инновационную, высокотехнологичную, цифровую модель развития без потрясений и кризисов.

Литература

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. М.: Прогресс, 1986–1992.

Мир 2035. Глобальный прогноз / ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, 2017. М.: Магистр. — 352 с.

Мировая экономика: прогноз до 2020 г. / ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2007. — 429 с.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.

Нуреев Р. М. Теория общественного выбора. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.

Россия в полицентричном мире / ИМЭМО РАН. М.: Весь мир, 2011. — 580 с.

Стратегический глобальный прогноз 2030 / ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2011. — 480 с.

Buchanan J., Brennan G. The Reason of Rules. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy // The Journal of Political Economy. Chicago: The University of Chicago Press, 1957.

Friedman J. The Rational Choice Controversy: Economic Models of Politics. Yale University Press, 1996.

Hobson J. M. The State and International Relations. N.Y.: Cambridge University Press, 2000. — 258 p.

Liberty, Market and State. Political Economy in the 1980s. N.Y.: New York University Press, 1985.

Olson M. Dictatorship, Democracy, and Development // The American Political Science Review. 1993. Vol. 87. No 3.

Olson M. Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. N.Y.: Basic Books, 2000.

Tullock G. Creative Maverick of Public Choice // Public Choice. 1991. Vol. 71.

Widerquist K. Public Choice and Altruism // The Eastern Economic Journal. 2003.

8. МАРКСИЗМ, ПОСТМАРКСИЗМ, НЕОМАРКСИЗМ

Ключевые слова

Исторический материализм, базис, надстройка, производительные силы, производственные отношения, революция, классовый подход, еврокоммунизм

В политической науке есть масса течений, направлений, школ — либеральных, консервативных, социал-демократических, социалистических... Они часто и остро, иногда даже с определенной долей враждебности, спорят между собой, возвышают учителей, классиков своих школ и ниспровергают кумиров школ-соперников. Но есть один политический мыслитель, пользующийся признанием всех по-настоящему серьезных ученых. Имя этого мыслителя — Карл Маркс.

Петр Струве:

«Универсализм Маркса обострил его социологическое зрение. Так, он дал Марксу гениально схватить тот антагонизм между интересом рода и интересом индивида, который обнаруживается в фактическом и социальном развитии».

Николай Бердяев:

«В марксизме меня всего более пленил историософский размах, широта мировых перспектив. По сравнению с марксизмом старый русский социализм мне представляется явлением провинциальным... Маркса я считаю гениальным человеком».

Хосе Ортега-и-Гассет:

«Я страстно с ним (марксизмом) сражался, но это как раз свидетельствует о том, как я высоко его ценю... Какая изумительная иллюминация внезапно озарила сумрак прошлого, когда Маркс и его соратники бросили в эту гигантскую пещеру теней и отголосков факел своей отважной мысли».

Макс Вебер:

«Каждый, кто когда-либо работал с применением марксистских понятий, хорошо знает, как высоко неповторимое эвристическое значение этих идеальных типов, если пользоваться ими для сравнения с действительностью...»

Карл Ясперс:

«В наши дни стало совершенно очевидным, что от характера труда и его разделения зависят структура общества и жизнь людей во всех ее разветвлениях. Это понимал уже Гегель, а Маркс и Энгельс разработали это положение в своей теории, имеющей эпохальное значение».

Мартин Хайдеггер:

«Поскольку Маркс, осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю превосходит другие исторические теории...»

Карл Поппер:

«Влияние Маркса на христианство можно, по-видимому, сравнить с влиянием Лютера на Римскую церковь. Если христианство встало сегодня на путь, отличный от того, которым следовало всего тридцать лет назад, то этим оно в немалой степени обязано влиянию Маркса».

Джон Гэлбрейт:

«Маркс глубоко воздействовал и на тех, кто не принимал его системы. Его влияние распространилось на тех, кто предполагал, что были не подвержены этому влиянию... Одним из следствий отказа от неоклассической модели является возрождение интереса к теории марксизма...»

Альбер Камю:

«Требую для труженика подлинных богатств, заключающихся не в деньгах, а в праве на отдых и свободное творчество, Маркс, в сущности, требовал восстановления достоинства человека. Есть у него фраза, на редкость ясная и резкая, которая раз и навсегда отказывает его торжествующим ученикам в величии и гуманизме, свойственных ему самому: “Цель, нуждающуюся в несправедливых средствах, нельзя считать праведной целью”».

Основная мысль всех этих высказываний: сегодня без Маркса, без основного знания его идей и концепций невозможно достичь серьезного научного результата в любой сфере политической теории — какого бы направления, какой бы идеологической системы вы ни придерживались.

Методологические принципы исторического материализма

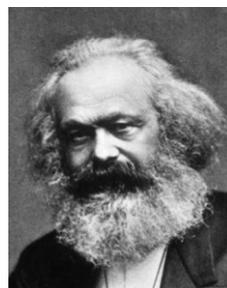
Согласно Марксу, главным фактором, определяющим общее направление человеческой деятельности, является экономика, экономические отношения, сложившиеся на данный исторический момент. Маркс называет этот «фактор»

базисом, т.е. основой, на которой строится вся социальная и политическая деятельность людей.

Концепция об определяющей роли базиса в деятельности людей получила у Маркса название «материалистического понимания истории» (или, как ее называют в популярных учебных пособиях, — «исторического материализма»).

Карл Маркс (1818–1883) — немецкий мыслитель, экономист, политолог, философ, заложивший основы коммунистического мировоззрения и историко-материалистической методологии истолкования социально-политических процессов.

В 1848–1849 г. принял активное участие в работе международной организации Союз коммунистов, вместе с Ф. Энгельсом написал ее программу «Манифест Коммунистической партии» (1848).

Всемирную известность Марксу принес его труд «Капитал», но основные взгляды мыслителя были очерчены еще в 1850 г. в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». В данном труде Маркс проанализировал причины и последствия революционных событий во Франции, обозначил собственное видение революции и диктатуры пролетариата, определение этого понятия впервые появляется в данной книге. С точки зрения мыслителя, именно пролетариат призван стать решающей силой революции, которая в свою очередь окажет важное воздействие для экономического развития общества. К.Маркс совместно с Ф.Энгельсом по праву считаются основателями социально-политического направления, приведшего впоследствии в XX веке к социалистическим революциям и становлению в ряде стран социалистических обществ.

Основные работы:

- «Экономическо-философские рукописи» (1844)
- «Немецкая идеология» (1845–1846) (совместно с Ф. Энгельсом)
- «Нищета философии» (1847)
- «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (1850)
- «Капитал» (1867–1894)

Исторический материализм Маркса дает развернутую характеристику базиса. Базис — это весьма сложное образование. Основу его составляют орудия труда и средства производства, в терминологии Маркса — «производительные силы», т.е. силы (вкуче с профессиональным мастерством работника), создающие материальное богатство общества. Но чтобы задействовать эти силы, т.е. чтобы фабрики и заводы функционировали, люди должны вступить в определенные отношения друг с другом: одни — собственники производи-

тельных сил, другие — нанятые ими наемные работники, третьи — научный и инженерный персонал, обслуживающий производство, четвертые — менеджеры... Эти складывающиеся отношения людей в процессе производства Маркс называет «производственными отношениями». Единство «производительных сил» и «производственных отношений» и составляет реальный «базис» общества.

Фридрих Энгельс:

«Материалистическое понимание истории исходит из того положения, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя; что в каждом выступающем в истории обществе распределение продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится, и как эти продукты производства обмениваются. Таким образом, конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи».

Ф. Энгельс. О развитии социализма от утопии к науке. 1880

«Базис», как и все явления объективного мира, есть процесс, есть постоянное изменение. А тип и направленность изменений определяется главным противоречием базиса, а именно противоречием производительных сил и производственных отношений. Как возникает это противоречие, как оно разрешается и какова роль людей в его разрешении?

Общее правило: производственные отношения должны соответствовать уровню и характеру производительных сил (на основе ручного, ремесленного труда возникали различные типы рабовладельческих и феодальных структур, переход к машинному, механизированному производству диктовал необходимость перехода от феодальных отношений к капиталистическим). Иначе говоря, наиболее подвижная часть базиса — производительные силы — совершенствуясь и развиваясь, перерастают существующие производственные отношения, требуют их изменения, приведения их в соответствие с новым качеством и уровнем развития производительных сил.

Вот так, независимо от воли людей, от намерений политических лидеров, возникает потребность в изменении производственных отношений, в формировании нового базиса. Исторический «автор» (т.е. человек, развивший производительные силы) диктует эту задачу. А исторический «актор-автор» (тоже человек, но выступающий в другой ипостаси), почувствовавший противоречие в базисе, наступившее несоответствие новых производительных сил старым производственным отношениям, приступает к решению этой задачи изменения. И вот методы, способы этого решения, как и его результаты, уже во многом зависят от субъективного фактора — от понимания ситуации полити-

ческими лидерами, от их умения выработать эффективную стратегию преобразований, от их умения убедить и организовать народные массы, позвать их на реформирование общества, на преобразование политических, государственных структур. А вся эта активно-преобразовательная система идей, идеологий, партийных организаций, государственных институтов объединяется Марксом в понятие «надстройки» (т.е. системы, «надстроенной» над экономическим базисом). Она порождается базисом, «обслуживает» его, обеспечивая тем самым стабильность общественного развития. Но надстройка — не пассивный институт, стихийно следующий в фарватере базиса. Возникнув, она получает способность воздействия на базис (когда в нем возникают описанные выше противоречия) и совершенствовать его. «Надстройка обладает относительной самостоятельностью» — так характеризует эту ее функцию марксистская теория. А вся эта система единства базиса и надстройки фиксируется Марксом в понятии «общественной формации» (в эпоху капитализма, где экономика является главным мотором социального развития, она выступает как общественно-экономическая формация).

Таковы разработанные Марксом и Энгельсом основы общей методологии теории и социальной практики.

Но для Маркса, как «философа практики», все эти методы — лишь вступление к конкретному анализу конкретной ситуации своего времени, к разработке стратегии изменения современного ему социального мира. А мир этот был миром капитализма. И Маркс, отработав методологию, переходит к применению этой методологии к анализу буржуазной формации, к ее противоречиям, способам их разрешения, роли активных социальных и политических субъектов в преобразовательной деятельности. Для выполнения этой задачи придется перейти из сферы философии в сферу политической экономии.

Маркс: политическая экономия капитализма

К анализу капиталистической формации Маркс приступает, вооруженный разработанными им методами диалектического и исторического материализма. Результат этого анализа — главный труд Маркса «Капитал».

Капитализм в мировой истории не выступает для Маркса как какое-то абсолютное зло (как подчас представляют дело авторы поверхностных учебных пособий). Было время, когда буржуазные революции прокладывали капитализму дорогу, устраняя тормозивший общественное развитие феодализм. Революционеры, реформаторы, «социальные гении», вдохновленные идеями свободы и энтузиазмом масс, формировали новый общественный строй. И молодой капитализм дал мощный толчок развитию производительных сил, новым, более свободным, политическим формам. Это всемирно-исто-

рическое значение капитализма ярко охарактеризовано в знаменитом «Манифесте коммунистической партии», написанном Марксом в содружестве с Энгельсом: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!»¹

Но прогресс этот имел диалектически-противоречивый характер. Прогресс, писал Маркс, был подобен «тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе как из черепов убитых». Вот и капитализм: это и «нектар» (бурный рост экономики, материального богатства, производительных сил), и, одновременно, «череп убитых» (угнетение, нищета «наемных рабов», их обезчеловечивание, превращение их в придаток машин). Маркс следит за развитием этого противоречия, отмечая, как возрастает плата за «нектар» «черепами убитых», как начинает разрушаться экономический базис буржуазного строя, как капиталистические производственные отношения из мотора, двигателя прогресса превращаются в его оковы.

А происходит следующее. Рыночная экономика, свободная, демократическая конкуренция частных собственников на рынке поначалу мощно стимулирует энергию производителей, ведет к росту общественного богатства. Но со временем конкуренция ведет к расслоению в стане производителей, частных собственников — на богатеющих и нищающих. И все более разрастающееся крупное производство уже не может регулировать «невидимая рука рынка» (Адам Смит). Слишком велики масштабы для стихийной регуляции. Возникает необходимость какого-то планирования экономической деятельности. К тому же растет взаимозависимость производителей, нарастает потребность в усилении и расширении их кооперирования. Производитель нового поколения машин, например, должен согласовывать свои возможности с производителем металла, химических красителей, добытчиком нефти и угля... Складывается, иначе говоря, кооперированное, взаимосвязанное в масштабе страны общественное производство. Экономика перестает быть суммой частных, самостоятельных экономических субъектов. Она становится крепко внутренне связанным общественным процессом. Здесь-то Маркс и фиксирует разрастание фундаментального противоречия капиталистического базиса: противоречие, как он пишет, между общественным характером производства и сохраняющейся частной собственностью отдельных, разрозненных производителей. Общественный характер производства требует постоянного согласования деятельности его частей, а независимый частный

производитель отнюдь не обязан подчинять свои действия какому-либо согласованию, он волен действовать «по своему усмотрению», что чревато серьезными кризисными последствиями. Капитализм перестает справляться с порожденными им и развитыми им производительными силами, его производственные отношения все настойчивее требуют изменений. Вот как эту ситуацию описывают Маркс с Энгельсом: «Современное буржуазное общество, с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой лишь историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и ее господства. Достаточно указать на торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более грозно ставят под вопрос существование всего буржуазного общества... Во время кризисов... общество оказывается вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства... Производительные силы, находящиеся в его распоряжении, не служат более развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие; и когда производительные силы начинают преодолевать эти преграды, они приводят в расстройство все буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство»². «В кризисах, — подчеркивает Энгельс, — с неудержимой силой прорывается наружу противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением. Обращение товаров на время прекращается; средство обращения — деньги — становится тормозом обращения; все законы производства и обращения товаров действуют навыворот. Экономическая коллизия достигает своей высшей точки: *способ производства восстает против способа обмена, производительные силы восстают против способа производства, который они переросли*»³.

Эта ситуация диктует необходимость замены капиталистических отношений другими, которые сняли бы с производительных сил оковы и обеспечили бы возможность их гармоничного развития. Такими новыми социальными отношениями должны, по убеждению Маркса и Энгельса, стать отношения, базирующиеся на общественной собственности.

Как оценить предсказания основоположников марксизма?

Поверхностные аналитики отпускают немало ироничных замечаний по поводу «обреченности» капитализма. Прошло уже более полутора веков после этих предсказаний, иронизируют они, а капитализм все еще жив и не собира-

ется уступать место новому строю. Ведущие капиталистические страны демонстрируют неплохие показатели экономического роста.

Это очень поверхностный взгляд.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс:

«...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности... Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

«На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции».

«Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы».

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20

Более серьезные теоретики отмечают, что Маркс точно уловил и очень убедительно описал главные *тенденции* развития капитализма. И ведущие страны западного, капиталистического мира шли именно по пути, предсказанному Марксом. За последние полтора века все более взаимосвязанный («общественный») характер обрела экономика западных стран, все шире, все активнее применялись в ней методы регулирования, программирования и планирования, возростала (и значительно!) роль государственной, национализированной, кооперативной собственности, усиливалось вмешательство государства в экономические процессы. Классическая частная капиталистическая собственность теснилась формами общественной собственности. Великолепна и глубока констатация Хабермаса: «Карла Маркса не даром считают одним из *величайших мыслителей всех времен*. Он, и только он из всех, кто пытался, сумел предвидеть будущее. Его предсказания были настолько точными, что люди, ими руководствующиеся, сумели изменить будущее». Хабермас фиксирует чрезвычайно важную особенность соотношения предсказаний Маркса и логики мирового развития последних полутора веков: субъекты капиталистического способа производства оценили высокую истинность утверждений Маркса и поспешили заняться самореформированием, не дожидаясь, когда их «рефор-

мируют» антикапиталистические революционные силы. Немалую роль в их реформаторской активности по-своему сыграл и пример некоторых аспектов опыта стран, стремившихся построить социалистическое общество. Реформы, осуществленные правящими кругами Запада, существенно изменили лицо капитализма — настолько, что он уже принимает облик какого-то нового строя с большим удельным весом коллективистских структур — так, что многие теоретики ищут для него новую классификацию, предпочитая именовать его не «капитализмом», а «постиндустриальным», «информационным» обществом, «социал-демократической формацией», «шведским социализмом» и т.п.

Расширилось участие государства в экономических процессах, и серьезно возросла роль государственной собственности в экономике, и планирование-программирование стало весомым и весьма значимым компонентом хозяйственной деятельности. В Швеции, например, в последней четверти XX в. свыше 65% общественного продукта создавалось в государственном секторе. От 30 до 40% составляла доля государства в национальном богатстве страны в Великобритании, Франции, ФРГ, от 10 до 20% — в Японии и США. Повышается удельный вес кооперативной собственности. Особой популярностью пользуется акционерная форма собственности. В США акциями владеет свыше 30% взрослого населения, в Англии — свыше 20%. Во Франции в 1980-е годы в государственном секторе занято 10% населения, в нем производилось 12,7% добавленной стоимости. В Англии в национализированных отраслях более 10% ВВП и занято 10% населения. В Австрии в 1980-е годы доля государственного сектора ВВП — 30%, в Финляндии — 15%. Государственные металлургические предприятия Австрии производят 98%, Финляндии — 70% всего выпускаемого страной металла.

Все это, в свою очередь, способствовало более «справедливому» распределению общественного богатства среди граждан (о чем свидетельствуют и децильные коэффициенты и индексы Джини в странах Запада).

Самый низкий децильный коэффициент (соотношение доходов 10% самых богатых к доходам 10% самых бедных) в скандинавских странах Дании, Финляндии и Швеции — 3–4. В Германии, Австрии и Франции этот коэффициент варьируется от 5 до 7. Экономисты считают оптимальным соотношение от 5 до 7. В 2007 г. глава Института экономики РАН Руслан Гринберг заявил: «Как только децильный коэффициент достигает 10 — в стране появляются условия для социальных беспорядков». Как видим, в названных странах далеко до «10», и, стало быть, серьезных «социальных беспорядков» ожидать не приходится!

Коэффициент Джини используется для иллюстрации распределения доходов внутри государства. В случае полного равенства доходов населения коэффициент равен 0, при абсолютном неравенстве — 1. Значения коэффициента Джини: 0,21 — в Швеции, 0,24 — в Исландии, 0,25 — в Дании, 0,25 — в Норвегии и 0,26 — в Финляндии. В Японии, Великобритании, Германии, Испании,

Франции, Португалии коэффициент Джини составляет в среднем около 0,35. Для сравнения: к странам, у которых индекс Джини имеет высокое значение (от 0,45 до 0,6), относятся Россия, Венесуэла, Бразилия, Гватемала, Намибия, Сальвадор, Боливия, Гаити и Зимбабве.

Каким социальным силам и в каких формах, по мнению Маркса, предстоит осуществить этот переход от капиталистического общества с его социальным неравенством и эксплуатацией к обществу социального равенства, основанного на общественной собственности?

Маркс полагал, что осуществить этот «всемирно-исторический освободительный подвиг» предстоит рабочему классу, пролетариату. Рабочий класс — главный узник частной собственности и главный ее противник. Производитель всего общественного богатства, от которого ему достаются только жалкие крохи. Самый угнетенный, самый страдающий, но и самый сплоченный класс (чему способствовало само крупное, собирающее трудящихся «под одной крышей», капиталистическое производство).

«Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, — провозглашал «Манифест», — только пролетариат представляет собой действительно революционный класс»⁴. Особенностью классовой борьбы пролетариата является то, что ее целью является завоевание политической власти и уничтожение частной собственности на орудия и средства производства, уничтожение всякой эксплуатации. Пролетарское движение, в отличие от буржуазного, есть движение большинства общества в интересах этого большинства. Освобождая себя, пролетариат освобождает всех угнетенных. «...пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии»⁵.

Общество без частной собственности, общество социального равенства — таков идеал пролетариата. Важно только, чтобы он осознал этот свой интерес, чтобы его профессиональная сплоченность переросла в сплоченность политическую. И тогда, ведомый своей политической организацией (пролетарской партией), он будет способен дать бой классу буржуазии. И, скорее всего, этот бой будет иметь форму революции, которая ниспровергнет буржуазный строй, капиталистическую частную собственность и создаст бесклассовое общество, общество социального равенства (которое можно будет назвать «социализмом» или «коммунизмом»). «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»⁶.

Маркс и Энгельс предсказывают и форму, в которой рабочий класс осуществит этот переход к новому строю, этот скачок в «царство свободы». Форма эта — социальная революция. Они предсказывают ее неизбежность и страстно зовут к ней: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической

Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир»⁷.

Пролетариат в ходе революции не только уничтожит старые, капиталистические, производственные отношения, но и разрушит прежнюю государственность. Он создаст государство нового типа — «Диктатуру пролетариата», которое будет «диктаторским по отношению к врагам рабочего класса и демократическим по отношению к рабочему классу и всем слоям трудящихся».

Таковы фундаментальные принципы социально-политической теории марксизма.

Следует заметить, что, следя за развитием социальной реальности, появлением новых факторов и особенностей в социальном развитии, основоположники марксизма вносили уточнения в свои исходные принципы, следуя своей знаменитой формуле: «Развитие — есть способ существования марксизма»⁸.

Когда к 80–90-м годам XIX в. в развитии капитализма появились некоторые новые черты, Маркс и Энгельс стали вносить поправки и уточнения в положения Манифеста.

Прежде всего, произошел отказ от *абсолютизации* насильственной революции. Было признано, что в изменившихся условиях конца века — роста силы и влияния рабочего движения, заставившего буржуазию отступать на экономических и политических рубежах, — увеличиваются возможности прихода пролетариата к власти мирным, парламентским путем.

Было признано, что в 1840-е годы была переоценена степень зрелости капитализма, степень исчерпанности его исторических возможностей. История показала, что у капитализма еще есть потенциал развития и что кризисы 1850–1870-х годов хотя и свидетельствовали о проблемах буржуазного способа производства, но не были катастрофичны для капитализма, они смягчались и разрешались через своевременно осуществляемые реформы. Они не вели к необходимостью к революции.

Усложнились и представления о субъекте, способном преодолеть капитализм. Подчеркивалась важность союза рабочего класса с другими социальными слоями, заинтересованными в изменении буржуазных отношений, — с частью революционно настроенных слоев крестьянства (дополнить борьбу рабочего класса «вторым изданием крестьянской войны»), национально-освободительным движением на мировой периферии, пролетаризирующей интеллигенцией.

Вносились весьма важные новые моменты и в теорию государства. Если прежде главный акцент Марксом и Энгельсом делался на тезисе о том, что государство есть орган господствующего класса, машина для угнетения одного класса другим, то позднее появились важные новые констатации. Вот что, например, написал Энгельс в 1884 г.: «Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на

непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах “порядка”. И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»⁹.

И еще одна констатация: «Государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов»¹⁰.

Здесь Энгельсом обращено внимание на то, что в институте государства есть элементы надклассовости, что в государстве отражаются не только интересы господствующего класса, но интересы общества в целом, что одно из важнейших назначений государства — «умерять» классовое противостояние, не позволять классам (всем классам, включая господствующий!) в своей борьбе выходить за некие рамки, выход за которые может привести не к победе одного класса над другим, а к их взаимному «пожиранию», к их «взаимоуничтожению», т.е. к социальной катастрофе, к гибели социума. И этот аспект сущности государства будет играть все возрастающую роль по мере развития общества и его демократических институтов.

И в связи с этим во многом по-новому ставится вопрос об исторических перспективах государства в обществе будущего. «Государство, — пишет Энгельс, — не будет существовать вечно». И продолжает: «На определенной ступени экономического развития, которая связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно и государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древности, рядом с прялкой и бронзовым топором»¹¹.

Так обозначались отправные точки для дальнейшего развития марксистской теории.

А острая потребность в таком развитии стала особенно насущной на рубеже веков, когда произошла серьезная смена экономических и политических вех в развитии капиталистического общества. И нужно было новому поколению марксистов (после смерти Маркса в 1883 г. и Энгельса — в 1895 г.) самостоятельно решать новые задачи, отвечать на новые, очень серьезные вызовы. Сложность этой задачи породила острейшую полемику в марксистских рядах.

После Маркса

Дискуссионный бум вокруг теоретического наследия марксизма начался с появления во второй половине 1890-х годов сенсационных работ Эдуарда Бернштейна: серия статей «Проблемы социализма» в журнале *Neue Zeit* («Новое время»), письмо к Штутгартскому съезду СДПГ (1898), книга «Условия возможности социализма и задачи социал-демократии» (1899). Близкий личный друг Энгельса, завещавшего ему и Августу Бебелю бумаги, свои и Маркса, считавшийся одним из наиболее радикальных революционных марксистов и верным учеником основоположников, вдруг подверг суровой критике как философское, так и экономическое учение Маркса. Поставил вопрос о пересмотре основных положений Марксовой теории и даже об отказе от большинства из них. Он заявил, что учение Маркса перестает работать, перестает верно описывать ту реальность, которая возникла на рубеже веков. Оно отражает лишь ситуацию XIX в.

Вот на какие черты новой реальности, заставляющие пересмотреть фундаментальные положения Марксова учения, обращает внимание Бернштейн.

Существенно изменилось положение наемных работников. Маркс писал об их постоянно растущем обнищании и из этого делал вывод о том, что им суждено стать субъектами грядущей антикапиталистической революции. Это было верно по отношению к ситуации XIX в. В XX же век рабочий класс вступает как класс, материальное и социальное положение которого существенно улучшается. Снижается уровень эксплуатации работников, расширяются их социальные и политические права: у них появились свои сильные политические партии и влиятельные профсоюзы, способные эффективно защищать их интересы. И потому знаменитый Марксов образ, что рабочим «нечего терять, кроме своих цепей», в современных условиях уже не работает, теперь им есть что терять, им есть чем дорожить, им есть что сохранять в условиях современного, гуманизированного капитализма. Да, и отношение буржуазии к рабочим изменилось: «Считаю своим долгом заявить, — не без пафоса провозглашает Бернштейн, — что я считаю буржуазию — не исключая и немецкой — в общем еще довольно здоровой и не только экономически, но и нравственно»¹². Из всего этого им делается вывод, что пролетариат перестает быть революционным классом, и необходимость революции снимается с повестки дня. Лозунгом политических действий должен стать Реформизм.

И вторая новация Бернштейна. Укрупнение, монополизация производства резко уменьшает стихийность экономического процесса, вносит в него методы регулирования, планирования. И потому смягчается острота кризисов, ныне они преодолеваются методами мирных изменений и корректировок. И потому не ведут, как полагал Маркс, к разрушению экономической системы капитализма. Таким образом, зафиксированные Марксом противоречия капитализма ослабевают и перестают быть предпосылкой революции, перед которой

когда-то, по слову Маркса, господствующие классы должны «содрогаться». Никаких революций и никаких «содроганий»! Буржуазное общество вступило в эпоху эффективного, мирного развития, все проблемы в котором будут решаться методом мирных реформ.

Эта концепция пересмотра основных принципов марксизма получила название «ревизионизм», а ее политическая составляющая — имя «реформизм».

С критикой ревизионистской концепции Бернштейна выступили представители так называемого «ортодоксального» марксизма. И главными среди них были Георгий Плеханов, Роза Люксембург и Владимир Ульянов (Ленин).

Они доказывали, что марксизм продолжает быть действующим учением, на базе которого только и можно понять проблемы социально-экономического и социально-политического развития XX столетия.

Ортодоксальные марксисты не только признавали наличие изменений, но и считали их очень существенными. Только, в отличие от Бернштейна, считали, что осознать существо этих изменений можно и нужно, не отбрасывая фундаментальные положения марксизма, а развивая их (в чем-то, как того требует диалектический метод, продолжая и в чем-то отрицая их). Подобно тому, как новая социальная реальность вырастает из прежней, «продолжая» ее, и, одновременно, своей новизной ее, в определенной степени, «отрицая». Для выполнения этих новых теоретических задач потребовался разработанный Марксом метод диалектики, чуждый сознанию бернштейнианцев.

Методологией бернштейнианского ревизионизма выступал некий «здоровый смысл»: без предубеждения видеть то, что у вас перед глазами. Ну, очевидно же, восклицали бернштейнианцы, что положение рабочего класса улучшается, ну очевидно же, что развитие капитализма идет менее кризисно, более мирно и спокойно, ну очевидно же, что политические и профессиональные организации рабочего класса повышают свою роль во всех аспектах жизни общества. А прибегать в оценке всех этих очевидных изменений к мудрствованиям гегельянщины (как это практиковал Маркс) — только запутывать дело и сбивать с толку сознание трудящихся. «Взаимные переходы противоположностей и превращение количества в качество и другие диалектические красоты, — с претензией на иронию писал Бернштейн, — всегда стояли препятствием ясному представлению о значении признанных изменений»¹³.

Диалектический метод (с его акцентом на принципы развития и системности) и противопоставили ортодоксальные марксисты бернштейнианскому методу «здорового смысла» (читай, его «метафизике»). И если следовать этому методу, то картина реальности и содержание отражающей ее теории будут выглядеть существенно иначе, чем у бернштейнианцев.

Ну, во-первых, подчеркивали критики ревизионистской идеологии, основоположники марксизма отнюдь не рассматривали свои положения и концепции как вечные и неизменные законы на все времена и для любых обстоя-

ятельств. «Развитие есть способ существования марксизма» — вот их кредо, сформулированное Энгельсом. Марксизм не догма, неоднократно повторяли они, а постоянно развивающееся (в контексте с развитием действительности) учение. И так же, как новая реальность вырастает из старой, так и новые теоретические положения должны вырастать из старых. Старые законы не отбрасываются, а из них выводятся новые — так же, как из старой действительности *вырастает* новая теория. В науке и должен адекватно быть отражен этот рост. И вот тут-то в полной мере и *понадобится* диалектический метод. Именно он дает понимание того, что новые законы, *вырастая* из старых, одновременно и продолжают и отрицают их.

И в этом контексте — о будто бы «устаревшем» законе обнищания. Для Бернштейна «очевидно»: рабочий класс ведущих капиталистических стран не «нищает», улучшается его материальное и социальное положение. Стало быть, закон Маркса о тенденции «обнищания» рабочего класса был неверен, он опровергнут развитием жизни.

Нет, верен, — возражают ортодоксальные марксисты. Просто надо ясно понимать суть этих «законов». Законы эти действуют внутри сложной системы социума. Внутри этой системы существуют и другие законы, которые могут дополнять друг друга и друг с другом сталкиваться. Законы эти выступают как *тенденции* развития разных частей системы. И, следовательно, надо «видеть» не просто сами эти законы, но и их взаимодействие и взаимовлияние. Тенденция «обнищания» — *неискоренимая* тенденция капитала. Капиталистический предприниматель постоянно нацелен на получение максимально возможной прибыли, он нацелен на то, чтобы платить рабочему как можно меньше. Но этому стремлению, этой тенденции в буржуазном обществе противостоят ряд других, противоположных тенденций — сужающих, ограничивающих тенденцию «обнищания». Среди этих тенденций, противостоящих закону обнищания, особенно важны две.

Во-первых, — борьба (экономическая и политическая) рабочего класса за повышение заработной платы, за расширение своих социальных прав и возможностей — с опорой на растущее влияние политических организаций рабочего класса и профсоюзов. Классовая борьба рабочих ограничивает таким образом действие закона обнищания. И когда английские рабочие, работавшие по 12–14 часов в сутки, ведомые чартистской партией, добились закона о 10-часовом рабочем дне, Маркс с Энгельсом зафиксировали это событие в формуле высочайшей теоретической значимости: «Это — первая победа политэкономии труда над политэкономией капитала». То есть, оказывается, в рамках капитализма «политэкономия труда» (прообраз будущего строя) может теснить «политэкономия капитала», сужая действия законов капитализма (и среди них — закона обнищания). И довольно странно, из первых успехов борьбы рабочего класса делать вывод (как то делают ревизионисты), что угне-

тенным следует свертывать классовую борьбу, заменяя ее неким «сотрудничеством классов». Как раз наоборот. Опыт первых побед рабочего движения должен свидетельствовать, что только путем активизации борьбы трудящиеся могут ограничивать действие «закона обнищания».

То же и относительно утверждений Бернштейна о том, что буржуазия становится все более «здоровой», «гуманной» и «нравственной». Да, несомненно, в начале XX в., подчеркивали оппоненты ревизионистов, в ведущих западных странах отношение буржуазии к своему рабочему классу несколько смягчилось, и ее эксплуататорский пыл поубавился. Но, добавляли они, происходило это не в силу какого-то роста их совестливости, а в результате усилившегося давления на них рабочего класса. Поэтому и не надо уговаривать его (на манер Бернштейна) снижать градус своей борьбы, напротив, поднимать его, и тогда буржуазия станет еще более «здоровой» и еще более «моральной».

И *вторая* тенденция общественного развития, противостоящая закону обнищания в развитых капиталистических странах, на которую указывали ортодоксальные марксисты. Это — превращение капитала из национального в мировое явление. Тематика особенно масштабно разрабатывалась *Розой Люксембург* в работах «Накопление капитала» (1913) и «Кризис социал-демократии» (1916). Уже нельзя, подчеркивала она, понять сущность буржуазных отношений и их противоречий, ограничивая свой анализ национально-государственными рамками. Да, уровень жизни английских и немецких рабочих повысился. И не только вследствие борьбы рабочего класса. Но и вследствие того, что капитал, выйдя за национальные рамки на мировую арену, приступил к нещадной эксплуатации мировой «периферии». «Капиталистическое накопление — писала она — для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде: оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду»¹⁴. Эксплуатация трудящихся в этих «некапиталистических общественных формациях» значительно превышает уровень эксплуатации рабочих европейских стран даже в период первоначального капиталистического накопления, а громадная прибавочная стоимость, получаемая в этих формациях, позволяет капиталистам развитых капиталистических стран «подкармливать» (и иногда — очень прилично) свой национальный рабочий класс. И эта новизна ситуации начала XX в., подчеркивала Люксембург, совсем не требует отказа от классического марксизма. Напротив, она в развернутом виде, отражающем новую реальность, выражает то, что в зародышевой форме содержалось уже в теории Маркса—Энгельса.

Новый тип противоречий капитала, противоречий, развертывающихся уже на *мировом* пространстве, совсем не предвещает мирного и спокойного развития (как в том пытается уверить Бернштейн). *Во-первых*, против хищничества капитализма угнетающих стран поднимается угнетаемая «периферия» — ши-

ряется национально-освободительные движения. А *во-вторых*, усиливается конкуренция капиталов на мировой арене, поддерживаемых своими национальными правительствами, за природные ресурсы, дешевую рабочую силу, рынки сбыта. Конкуренция, приобретающая очертания уже не только экономических, но вооруженных конфликтов. Капитализм не только не перерастает в какую-то мирную стадию, как о том возвещает Бернштейн, но выходит на новый уровень противоречий, перерастая в формацию монополистического капитализма, особенно основательно проанализированную Лениным в работе «Империализм как высшая стадия капитализма».

И еще одна важная черта пагубности новой социальной реальности, зафиксированная ортодоксальными марксистами: капитализм на монополистической стадии с необходимостью становится *милитаристским* капитализмом. Милитаризацию буржуазной экономики и всей общественной жизни Роза Люксембург связывает с тем обстоятельством, что рост материального производства в развитых странах и чудовищная эксплуатация народов «периферии» обуславливают стремительное возрастание совокупной прибавочной стоимости, которую уже невозможно прибыльно инвестировать в перенасыщенное производство и которую нельзя пускать на улучшение благосостояния народа (ибо тогда капиталом будет утрачена власть над трудящимися; капиталу требуется работник, живущий от зарплаты до зарплаты; только тогда работник останется зависимым от капитала и подвластным капиталу). И тогда находится «выход»: инвестировать значительную часть прибавочной стоимости в военное производство, у которого нет границ и которое не может быть средством улучшения благополучия народных масс. А милитаризованный социум, развивает эту тему Люксембург, в условиях жесткой конкуренции монополий на мировой арене (поддерживаемых национальными правительствами), неминуемо должен срываться в локальные, региональные и мировые войны. Так «здоровый», «мирный», «нравственный» (по характеристике Бернштейна) капитализм породил в 1914 г. мировую войну — бойню, стоившую человечеству более 10 млн человеческих жизней и уничтожения громадного количества производительных сил.

Впрочем, тут надо избежать упрощений. Ортодоксальные марксисты отнюдь не были абсолютными апологетами революции. Они не отрицали принципиальной возможности мирным, реформистским путем преодолевать капиталистические отношения. При одном условии — если будет создано мощное антикапиталистическое движение, способное *заставить* буржуазию проводить действительно серьезные реформы. И эта их позиция, подчеркивали они, тоже не противоречила той позиции, которую формулировали основоположники марксизма в 70–80-е годы, осмысливая новые факты и внося поправки в свои ультрареволюционные взгляды эпохи Манифеста.

И еще один важный аспект развития марксистской теории в XX столетии. В массовом сознании последователей Маркса была установка, что революци-

онные мотивы и действия порождаются, в первую очередь и главным образом, бедностью, материальной нищетой, непосильным трудом масс. Так, на ранних этапах существования капитализма, и было. Но в XX в. все большее значение начал приобретать другой мотив антикапиталистического протеста — *духовная нищета*. У Маркса этот мотив присутствовал, но не выступал в качестве главного. Маркс писал об «обесчеловечивании» капиталом наемных работников. В XX столетии именно протест против «обесчеловечивания» будет все решительнее выходить на первый план. «Идеал хорошо откормленного скота — это идеал гуманнейших из буржуа», — заметил однажды Плеханов. Вот против этой перспективы — превратиться в скот (пусть даже «хорошо откормленный») — и все активнее выступают в XX в. трудящиеся и стремящиеся выражать их интересы ученики Маркса.

Протест против «обесчеловечивания» тесно связан с проблемой Отчуждения. Концепция Отчуждения и связанная с ней новая мотивация антикапиталистического противостояния будет в центре теорий, которые в середине XX в. получат имя Неомарксизм.

Неомарксизм

Неомарксизм — наименование весьма широкого спектра политико-философских теорий XX в., исходящих из фундаментальных принципов марксизма и одновременно их — в каких-то аспектах — критикующих. Новые реалии XX столетия требовали, по мнению неомарксистов, существенной корректировки марксистской теории, ее «обновления».

Наиболее влиятельным течением неомарксизма считается «Критическая теория» так называемой Франкфуртской школы.

Франкфуртская школа возникла в конце 20-х годов в Германии во Франкфурте-на-Майне на базе Института социальных исследований, который возглавлял Макс Хоркхаймер (1895—1973). Наиболее известные ее представители — философы Теодор Адорно, Герберт Маркузе, экономист Фридрих Поллак, политические философы Вальтер Бенямин, Юрген Хабермас, психолог Эрих Фромм. Особую популярность и общественный резонанс идеи Франкфуртской школы получили в движении «новых левых» в 60—70-е годы XX в.

Разговор о содержании идей неомарксизма часто начинают с изложения концепций Георга Лукача и Антонио Грамши. Некоторые авторы относят их даже к «родоначальникам неомарксизма». Но вряд ли оправданно называть (без ряда существенных оговорок) Лукача и Грамши «неомарксистами». Дело в том, что, в отличие от неомарксистов, они не ставят перед собой задачу «обновления» и «критики» марксизма. Их цель менее амбициозная и более скромная: дать критику упрощенных, вульгарных толкований марксистских положений и представить «правильную» их интерпретацию, восстановить «истинный», «аутентичный» марксизм.

И все же, несмотря на это различие, начать разговор о неомарксизме целесообразно именно с Лукача и Грамши. Их можно назвать предтечами идей неомарксизма.

Георг Лукач (1885—1971). Концепция Лукача открывается его знаменитой работой «История и классовое сознание» (1923). Начинается она критикой вульгарных марксистов, упрощенно интерпретирующих «теорию отражения», взаимоотношение «субъекта» и «объекта» в познании и деятельности. Вульгаризаторы выдвигают кажущийся им несомненно марксистским тезис: существует объективная реальность («объект») и отдельно от нее — отражающий ее «субъект» («зеркало» объективной реальности). Вот против этого разделения объекта и субъекта и выступает Лукач. Он подчеркивает, что объективно существующий социальный мир («объект») есть результат деятельности человека («субъекта»). В объекте, таким образом, реализован, «растворен» субъект. Следовательно, то, что мы называем «объектом», есть, по сути, диалектическое единство «объект—субъект». И с другой стороны, если присмотреться к субъекту (познающему и действующему человеку), то он сам порождение объективного мира («объекта»), и не только физически, но и духовно, социально. Поэтому то, что мы называем «субъектом», есть, по сути, тоже диалектическое единство «субъект—объект». И все это не какие-то вычурные диалектические формулы, это точное фиксирование сути — неразделенность, взаимопроникновение объективного и субъективного. И эта концепция рождает целые ряды важных следствий, касающихся законов и логики социальной деятельности субъекта (человека). Действующий человек, его сознание, воля, стремления — не второстепенный, порождаемый «объектом» фактор, но — субъект, творящий новую реальность. «Субъект—объект» — это единая, саморазвивающаяся система, в которой в равной степени значимы и «объективная», и «субъективная» стороны.

Острием своим эти рассуждения Лукача направлены против вульгарного представления об «определяющей роли» объекта (экономики), сводящегося к экономическому механицизму, где экономика — все, а человек — пассивный ее элемент. Сталкиваясь с подобными интерпретациями своего учения, Маркс говорил: «Если это — марксизм, то я — не марксист». Лукач и стремится показать, что значит быть подлинным, «аутентичным» марксистом. Он подчеркивает, что «экономический механицизм» не столь уж безобиден в плане возможных политических последствий. Он порождает и оправдывает тоталитарные общественные системы, которые отводят человеку место пассивного, целиком подчиненного внешней среде существа.

Так гносеологическая формула о господстве объекта над субъектом перерастает в политике в систему безраздельного господства руководящих политических структур над индивидом. Концепция же Лукача о диалектическом единстве объекта и субъекта, о значимости активности, сознательности субъекта в историческом процессе была политико-философской основой демо-

кратической, гуманистической деятельности. Эти идеи стали центральными в многотомной «Онтологии человеческого бытия», над которой Лукач работал до конца жизни.

Большим вкладом Лукача в политическую теорию стала и его интерпретация такого феномена, как «Отчуждение». В своих экономических произведениях — в «Капитале» (и подготовительных работах к нему) Маркс, естественно, делал акцент на анализе содержания «отчуждения» в экономической сфере, где «отчуждение» связывалось с частной капиталистической собственностью, а его преодоление — с уничтожением частной собственности. Лукач предлагает более широкую трактовку «отчуждения» — связывая его не только с особенностями экономики буржуазного общества. Он показывает наличие «отчуждения» во всех сферах общественного бытия — в культуре, политике, науке, образовании. И потому борьба с «отчуждением» у Лукача обретает характер антибуржуазной деятельности не только в сфере отношений собственности, но и в сфере культуры, политики, образования... Следует, однако, заметить, что такая, широкая, трактовка «отчуждения» была дана Марксом в его «Философско-экономических рукописях» 1844 г. Но в период работы Лукача над «Историей классового сознания» эта рукопись Маркса не была опубликована. И Лукач самостоятельно пришел к тем же выводам, что и Маркс, дав по многим аспектам теории отчуждения собственную, оригинальную и глубокую трактовку.

В сходном с Лукачем ключе развивал идеи политической философии и методологии *Антонио Грамши* (1891–1937).

Для Грамши, как и для Лукача, концепция «экономического детерминизма», отводящая деятельности человека, его сознанию и воли второстепенную, подчиненную роль, была упрощением, вульгаризацией основополагающих идей марксизма. Она искажала логику развития социального бытия. Философия марксизма, постоянно подчеркивал Грамши, есть философия практики, в центре которой находится действующий субъект, вплетенный в логику объективной реальности. Человеческая активность, опирающаяся на знание, развитую политическую культуру, получает в теории деятельности у Грамши первостепенное значение. Именно эта теоретическая позиция привела Грамши к формулировке одного из центральных тезисов всей его политико-философской концепции — что господствующие в обществе классы утверждают свою руководящую роль вследствие доминирования не только в сфере экономики, но и в сферах культуры, идеологии, нравственности. Он приходит к выводу, что «господство» того или другого класса обеспечивается не только средствами насилия, но и механизмами общественно-политического и культурного «согласия». Господство руководящего класса упрочивается, благодаря «согласию» гражданского общества принять и легитимировать «правила игры», предлагаемые доминирующим классом.

Антонио Грамши (1891—1937) — итальянский философ и политический деятель, один из основоположников неомарксизма.

Знаменитый труд политика — «Тюремные тетради» (1928—1937), в которой политик анализировал феномены фашизма и тоталитаризма, которые, с его точки зрения, явились следствием непопулярности правящих режимов и нарастающего политического и социального кризиса.

Антонио Грамши много времени уделял вопросам политического, экономического, социального, культурного и философского развития общества. В отличие от марксистов, после проведения собственных исследований А. Грамши заключил, что жизнестойкость буржуазной системы основана не только на материальных факторах, но также и на идеологических (культурных, интеллектуальных) — государство должно обладать интеллектуальным, моральным и идеологическим лидерством. Именно идеологическое лидерство мыслитель связывал с гегемонией власти, которая сохраняется за счет деятельности институтов гражданского общества (церковь, профсоюзы, культурные учреждения, СМИ, партии). Из этого следовало, что рабочий класс и коммунистическая партия должны вести борьбу не только ради политической власти, но также и ради идеологического превосходства (т.е. гегемонии). Отметим классификацию интеллигенции, которой пользовался политик: интеллигенция органическая и традиционная. В отличие от традиционной интеллигенции, органическая интеллигенция проявляет активность в общественной и политической жизни общества, а также способствует созданию здорового интеллектуального климата. В свою очередь, традиционная интеллигенция воспринимает себя как отдельный класс, тесно связанный с правящей элитой. С точки зрения мыслителя, в задачу интеллигенции входит повышение интеллектуального уровня масс за счет популяризации искусства, в связи с чем искусство в концепции А. Грамши приобретает значимую роль, обогащая массы и становясь связующим звеном между интеллигенцией и простыми людьми.

Основные работы:

- «Ненавижу равнодушных» (1917)
- «Некоторые аспекты южного вопроса» (1926)
- «Тюремные тетради» (1928–1937)

Отсюда у Грамши рождается и новая трактовка сущности государства и его институтов: они не только инструменты классового насилия, но и структуры, стремящиеся обеспечить общественное согласие. «Государство, — пишет Грамши, — это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое

Антонио Грамши:

«По своему мировоззрению человек всегда принадлежит к определенной группировке, и именно к той, в которую входят все социальные элементы, разделяющие тот же, что и он, образ мысли и действий. Люди являются конформистами, им свойственен тот или иной конформизм; это всегда люди-маска, или люди-коллективы. Вопрос в следующем: к какому историческому типу относится данный конформизм, данные люди-масса, элементом которых человек является? Когда мировоззрение не критично и последовательно, а случайно и бессвязно, человек принадлежит одновременно ко множеству людей-масс, его собственная индивидуальность причудливо пестра: в ней уживаются элементы, роднящие его с пещерным человеком, вместе с принципами новейшей и передовой науки, пережитками всех ушедших в прошлое локальных исторических фаз и интуитивными зародышами будущей философии всемирно объединенного человечества».

«Противоречие между мыслью и делом, то есть сосуществование в человеке двух мировоззрений — одного, утверждаемого на словах, и другого, проявляющегося в реальных делах, — не всегда является результатом неискренности. Неискренность может быть удовлетворительным объяснением для некоторых отдельных личностей или даже более или менее многочисленных групп, однако такое объяснение неудовлетворительно, когда противоречие обнаруживается в жизненных проявлениях широких масс: тогда оно является выражением более глубоких противоречий социально-исторического порядка».

А. Грамши. Тюремные тетради. 1928–1937

«Равнодушие — могучая сила, действующая в истории... То, что происходит, совершается не столько потому, что этого хотят немногие, сколько потому, что масса людей отказывается проявить свою волю, предоставляет свободу действий властям, позволяет завязываться таким узлам, которые позднее можно будет разрубить только мечом, допускает принятие таких законов, которые впоследствии заставит отменить лишь восстание...»

А. Грамши. Ненавижу равнодушных. 1917

господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых». Стабильность господства и обеспечивается, по мысли Грамши, двумя факторами: «насилием» и «согласием». Это единство насилия и согласия и есть то, что Грамши обозначает термином «гегемония». Вот почему борьба за новое общество, которое должно сменить буржуазную систему, будет более сложным процессом, чем это представляли представители вульгарного, упрощенного марксизма. Недостаточно уничтожить частную собственность (экономическую основу господства буржуазного класса), недостаточно разрушить политические институты насилия (буржуазную полицию, буржуазные суды, буржуазную армию). Надо еще разрушить «гегемонию» господствующего класса в других, не менее важных социальных сферах, разрушить то «согласие», которое сложилось на

основе принципов буржуазного класса. Для победы нового общества нужна активная деятельность прогрессивных сил в сфере культуры, нравственности, общественного сознания. Нужно формировать новую политическую культуру, новое нравственное сознание — создавать, иначе говоря, новый тип «гегемонии», гегемонии революционного класса. Без этого преодоление буржуазного общества невозможно.

С этим связаны еще две важные новации Грамши. Первая: изменение роли и места государства в общественном развитии. Оно, по Грамши, не просто отражение и воплощение императивов экономики (по известному принципу: «политика есть концентрированное выражение экономики»), но оно обладает высокой степенью самостоятельности по отношению к экономике. И в социально-преобразовательных процессах, в ходе создания нового общества, оно становится самостоятельным полем противостояния классовых сил — за гегемонию в государственных (и шире — в надстроечных) структурах. Надстройка приобретает ряд черт, которые можно квалифицировать как «базисные» для социальной деятельности людей.

И вторая новация Грамши. Она касается оценки нового положения интеллигенции в социально-преобразовательных процессах. Интеллигенция, по мнению Грамши, перестает быть некой «межклассовой прослойкой», назначение которой — выражать интересы того или другого класса. Она все больше становится самостоятельной социальной силой, стремящейся представлять интересы общественного развития в целом. Интеллигенция самим историческим процессом постепенно выдвигается на роль ведущей преобразовательной силы. И возникает новый фронт социальной борьбы — уже внутри интеллигенции: между «органической» интеллигенцией (выдвигающей программы коренного преобразования общества) и «традиционной» (продолжающей отстаивать сложившиеся при гегемонии буржуазного класса ценности).

Идеи Лукача и Грамши были, по сути, предтечами того идейного поиска, который вели неомарксисты. Одно только существенное различие. Неомарксисты, в отличие от Лукача и Грамши, делали акцент на «критике» — критике ряда важных положений марксистской теории, которые, по их мнению, уже не были адекватны новой реальности, а также — «критике» социальных отношений буржуазного общества XX в. (где «критика» для неомарксистов заменяла провозглашаемые классическим марксизмом революционные действия). Образно говоря, Маркс и Энгельс в свое время призывали деятелей антибуржуазного движения (чересчур увлекавшихся теоретическими изысками) «сменить оружие критики на критику оружием». Неомарксисты же, наоборот, призывали, по сути, заменить прежнюю марксистскую идею «критики оружием» новой идеей — «оружием критики». Эта двойная критическая направленность и дала идеологии Франкфуртской школы название — «Критическая теория».

Карл Корш (1886–1961) — немецкий политический деятель, философ, неомарксист.

В процессе своей деятельности систематически опровергал идеологические постулаты марксизма-ленинизма, а также критиковал методологию К. Маркса. Не разделял взглядов В. И. Ленина в области диалектики, логики и теории познания, а также в вопросах формирования классового сознания.

Еще в начале XX в. ознакомившись с лозунгами марксистов о диктатуре пролетариата, К. Корш заключил, что данный феномен в итоге может привести к диктатуре партийной элиты над пролетариатом, что в итоге было подтверждено историческим опытом.

Наиболее известным трудом философа является «Марксизм и философия» (1923), в котором автор представляет три основных этапа марксизма: марксизм как философская система (1843–1848), распад марксизма на политэкономию, политику и идеологию (1848–1900) и марксизм как «научный социализм» (после 1900). В данной работе автор предлагает применить материалистическое понимание истории К. Маркса к марксизму и в итоге приходит к выводу о том, что философско-социологическая концепция Маркса может быть использована лишь в рамках капиталистического общества.

После 1920-х годов Карл Корш активно критиковал сталинский режим в СССР и выпустил ряд публикаций на эту тему. Вторую мировую войну по своей природе считал империалистической, а в 1950-х годах в статье «Десять тезисов о марксизме сегодня» (1950) отрицал любые попытки восстановить первоначальную функцию марксистской доктрины в качестве теории социальной революции.

Идеи Карла Корша повлияли на представителей Франкфуртской научной школы, а также на неомарксистов следующих поколений.

Основные работы:

- «Квинтэссенция марксизма» (1922)
- «Марксистская диалектика» (1923)
- «Марксизм и философия» (1923)
- «Ленин и Коминтерн» (1924)
- «К истории марксистской идеологии в России» (1932)
- «Карл Маркс» (1938)
- «Десять тезисов о марксизме сегодня» (1950)

Неомарксизм: критическая теория

Исходные идеи франкфуртских мыслителей во многом совпадали с теоретическими подходами Георга Лукача. Так, один из лидеров Франкфуртской школы Макс Хоркхаймер в работе «Затмение разума» (1947), подобно Лукачу, критиковал тех «позитивистов», кто дробит целостность («тотальность») человеческой практики, кто противопоставляет «объект» (отражаемое бытие) «субъекту» (отражаемому «зеркалу»). Он — за «единство теории и практики», которое преодолевает «объект-субъектное» разделение. И потому теория у Хоркхаймера играет не пассивно-отражательную, а созидательно-креативную роль в общественном процессе.

Другой представитель Франкфуртской школы Юрген Хабермас посвятил немало страниц критике «экономического детерминизма» («экономического механицизма»). Он не отрицает серьезное влияние экономики на все сферы общественной жизни, но отмечает, что не меньшую, чем экономика, роль в общественном развитии играет Культура. «Экономический механицизм», по мнению Хабермаса, сводит роль «субъекта» человеческой деятельности к роли пассивного отражателя логики экономического развития. По Хабермасу же, именно деятельность субъекта, оснащенного всеми достижениями Культуры, в единстве с логикой «объекта», и творит новую реальность. Ситуацию господства буржуазного класса Хабермас (подобно Грамши) связывает не только с господством в сфере экономики, но и с его гегемонией в сфере культуры и нравственности. Отсюда у франкфуртцев возникают идеи о новых «мотивациях» субъекта в деле борьбы с капиталистическим строем.

Так, если прежде основная масса марксистов связывала ожидания благотворных перемен с развитием производительных сил, техники, то франкфуртцы очень осторожно оценивают значение технических успехов в деле «освобождения человека». Герберт Маркузе в «Одномерном человеке» (1964) отмечает наивность представлений о том, что техника, технологические «прорывы» решат все проблемы социального бытия. В современных условиях, отмечает Маркузе, техника, как правило, выступает формой и средством подавления личности. Бездушные технологические процессы низводят роль человека до роли машины среди других машин, до роли механической детали, безропотно выполняющей все предписания технологического процесса. Человеческая индивидуальность сужается: и вместо ожидаемого «всесторонне развитого» человека появляется «одномерный человек» («профессиональный кретин», по слову Маркса). Такая технократизация человеческого общества с неизбежностью ведет к формированию антигуманного тоталитарного общества. При этом Маркузе вовсе не выступает в качестве какого-то ретрограда на манер луддистских персонажей, стремившихся крушить машинную технику, дабы остановить калечащий человека технический прогресс. Маркузе — со всей определенностью за техническое развитие. Он только призывает к созданию такой

Карл Корш:

«Подлинная противоположность научного социализма Маркса всем буржуазным философиям и наукам основана исключительно на том, что он есть теоретическое выражение некоторого революционного процесса, который окончится полным упразднением этих буржуазных философий и наук, когда будут упразднены все материальные отношения, нашедшие в них свое идеологическое выражение».

К. Корш. Марксизм и философия. 1923

«Маркс сегодня является лишь одним из многочисленных предшественников, основателей и идеологов социалистического движения рабочего класса. Не менее важен так называемый утопический социализм — от Томаса Мора до наших дней. Не менее важны великие соперники Маркса — такие, как Бланки, равно как и его заклятые враги — такие, как Прудон и Бакунин. Не менее важно, в конечном счете, и недавнее развитие — немецкий ревизионизм, французский синдикализм и русский большевизм».

«Следующие аспекты марксизма должны быть подвергнуты особой критике: его применимость лишь в слаборазвитых экономических и политических условиях в Германии и других странах Центральной и Восточной Европы, где он имел политическое значение;

его безусловная приверженность политическим формам буржуазной революции;

безусловное принятие передовых экономических условий Англии как модели для будущего развития всех стран и как объективных предпосылок перехода к социализму».

К. Корш. Десять тезисов о марксизме сегодня 1950

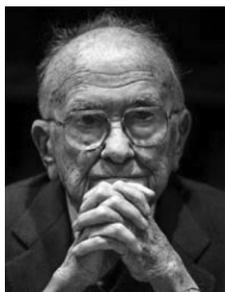
культурной и социальной «инфраструктуры», где «техника» будет испытывать облагораживающее влияние культуры, образования, науки, нравственности и в этом контексте сможет стать средством действительного «освобождения человека», его превращения из «одномерного» в «многомерное» существо. Ибо тогда не человек будет «средством» для развития техники, а техника выступит одним из «средств», одним из инструментов деятельности человека.

К этому следует еще добавить, что, когда Маркузе говорит о необходимости сочетания «техники» и «культуры», он имеет в виду культуру особого рода. Таковую, которая имеет свое, самостоятельное и самодостаточное основание, а не является порождением техники, придатком к ней. «Техника» стремится к формированию «своей культуры», культуры, обслуживающей бездушный технологический процесс. «Техника» и ее апологеты стремятся создать некую «массовую культуру», некую «культурную индустрию» — средство еще больше закрепляющее роль человека в качестве «одномерного» существа. «Комфортная, прилизанная, рассудочная, демократическая несвобода, — пишет Маркузе, — доминирует в разросшейся индустриальной цивилизации». Маркузе —

за другой тип Культуры. За Культуру, которая была бы не служанкой техники, а самостоятельным явлением, со своими специфическими целями, средствами и задачами, назначение которых — формирование всесторонне развитой личности. Не «техника» должна подчинять «культуру», «культура» — «технику». Особенно подробно такого рода идеи развиваются в работе Адорно и Хоркхаймера «Диалектика просвещения» (1944). Наука и технология в условиях буржуазного общества, отмечают авторы, будут толкать человечество к «новому типу варварства».

Важное место в теориях Франкфуртской школы занимает так называемая «критика идеологии». Речь идет об «идеологии» как системе ценностей и императивов, которые навязывает гражданскому обществу господствующий класс, создавая ложную картину мира. Такую систему идей, созданную для поддержки и укрепления существующего строя, Юрген Хабермас называет «Легитимацией». Он призывает к критике и разрушению этой легитимации. Одним из важных средств решения этой задачи является, по мнению Хабермаса, так называемое «коммуникативное действие». «Наибольший интерес для Хабермаса, — пишет проф. Т. А. Алексеева, комментируя идеи этого мыслителя, — представляет коммуникативное действие, т.е. действия людей, которые координируются не с помощью эгоцентрических калькуляций успеха, а через акты достижения понимания. Участники коммуникативного действия не просто прежде всего ориентированы на свой собственный успех; они реализуют индивидуальные цели при условии, что они могут гармонизировать свои планы действий на основе общего определения ситуации. Иными словами, индивидуальная цель недостижима без коммуникативного взаимопонимания... Основное отличие Хабермаса от Маркса заключается в утверждении, что именно коммуникативное действие, а отнюдь не целерациональное действие (работа) является отличительной особенностью феномена человека».

И еще один важный аспект «Критической теории» — концепция, касающаяся изменения мотиваций социально-преобразовательной деятельности людей в современных условиях. Теоретики Франкфуртской школы зафиксировали смещение акцентов борьбы — с борьбы за удовлетворение материальных, экономических потребностей на борьбу за удовлетворение потребностей духовных, культурных, социальных, за то, чтобы человеку быть Человеком, а не звеном технологического конвейера. А рост этих новых потребностей и мотиваций означает, что эстафета социального лидерства в борьбе за новое общество будет переходить от традиционного рабочего класса к деятелям культуры, науки, менеджмента, т.е. к людям интеллектуального труда. Не случайно деятели Франкфуртской школы признали «своим» движение «новых левых» 60–70-х годов, студенческое движение в Европе и революционный бунт студентов и интеллигенции во Франции 1968 г. Эти движения и бунты были детерминированы не материальной нуждой, а духовным и социальным парабощением человека — что подтверждало разработанную неомарксистами

Сантьяго Каррильо (1915–2012) — представитель испанского коммунистического движения, теоретик еврокоммунизма; сыграл одну из ключевых ролей при переходе Испании к демократическому режиму.

Во время Национально-освободительной войны в Испании против фашистов, а также итало-германских интервентов участвовал в обороне Мадрида, однако после поражения прожил в эмиграции свыше 35 лет. После исключения из Коммунистической партии Испании в 1985 г. за ревизионистские взгляды создал собственную партию под названием Рабочая партия Испании — Коммунистическое единство, которая впоследствии слилась с Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП), хотя сам С. Каррильо членом социалистической партии так и не стал.

Основные работы:

- «Еврокоммунизм и государство» (1977)
- «Год конституции» (1978)
- «Проблемы переходного периода: условия социалистической революции» (1985)
- «Проблемы Партии: демократический централизм» (1988)

концепцию «отчуждения», в которой главный упор делался не на отчуждение в труде и материальной деятельности (как о том писалось в прежних марксистских теориях), а в деятельности духовной, интеллектуальной и социальной.

Важнейшим этапом в развитии неомарксизма стало формирование так называемого еврокоммунизма — течения, представленного прежде всего лидерами западноевропейских коммунистических партий второй половины XX — начала XXI в. К их числу относятся лидер Испанской компартии Сантьяго Каррильо, руководитель коммунистов Франции Жорж Марше, лидер Итальянской компартии Энрико Берлингуэр и др.

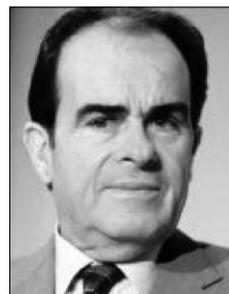
Сантьяго Каррильо:

«У вас в Советском Союзе, по-моему, просто не отдают себе отчета в том, что Октябрьская революция дала гораздо больше народам за пределами СССР, чем народам вашей страны. Из страха, что она вызовет цепную реакцию, капитализм был вынужден сделать столько уступок, что капиталистическая система модифицировалась. Наши рабочие имеют сегодня такие права, что в годы моей молодости никто бы не сомневался: социализм победил во всей Европе! Увы, кроме вашей страны».

Жорж Марше (1920–1997) — политик-практик, лидер Французской компартии, одновременно один из теоретиков неомарксизма и так называемого еврокоммунизма — версии коммунистических идей, «смягченных» для условий богатых стран развитого капитализма.

Занимая с 1972 г. пост лидера Французской коммунистической партии, Марше разрабатывал программу партии, в частности был ответственен за сотрудничество с социалистической партией Франции. В конце его председательства в партии ФКП произошел раскол, что в итоге сказалось на падении популярности французского коммунистического движения.

Основные работы:

- «Что такое Французская коммунистическая партия?» (1970)
- «Демократический вызов» (1973)
- «Политика ФКП» (1974)
- «Демократия» (1990)

Основной задачей еврокоммунизма его создатели видели адаптацию коммунистических идей и лозунгов к ситуации богатого, развитого и сильного капитализма второй половины XX в. Они понимали, что старые трактовки пролетарской революции вряд ли сработают в мире, где современная постиндустриальная цивилизация обеспечила относительно высокий уровень жизни, где распространилась политическая и производственная демократия, появились массовая культура и общество потребления.

Деятельность еврокоммунистов вызвала критику со стороны руководства Советского Союза, в 1980-х годах наметился раскол в международном коммунистическом движении. А распад СССР и мировой системы социализма в начале 1990-х годов кардинально изменил идеологическую и политическую ситуацию, оттеснив марксизм из области оснований практической политики относительно большой группы стран вновь в область политической теории и идейной борьбы.

В заключение следует сказать, что неомарксизм в его разных проявлениях занял важное место в развитии социально-политической философии и методологии XX в. Его представители очень чутко реагировали на новизну социально-политической ситуации своей эпохи, содержательно и глубоко отвечали на важные вызовы XX столетия. Ими на повестку дня были выдвинуты важнейшие проблемы социального развития, разрабо-

таны методы их осмысления, предложены содержательные концепции их решения.

Вместе с тем неомарксизм не стал теоретической и идеологической основой массовых движений, массовой борьбы с миром капитала, с миром отчуждения. Он остался, в большей степени, теоретической, научной школой. Но содержание идей этой школы может стать (вместе с другими концепциями «освобождения человека») частью будущей теории массовой борьбы с миром отчуждения, миром духовного обнищания и дегуманизации.

Примечания

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955–1981. 2-е изд. Т. 4. С. 429.

² Там же. С. 28.

³ *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Отдел теории. С. 288.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955–1981. 2-е изд. Т. 4. С. 434.

⁵ Там же. С. 435.

⁶ Там же. С. 447.

⁷ Там же. С. 459.

⁸ Там же. Т. 39. С. 352.

⁹ Там же. Т. 21. С. 170.

¹⁰ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1989. С. 178.

¹¹ Там же. С. 180.

¹² *Бернштейн Э.* Исторический материализм. СПб., 1901. С. 231.

¹³ Там же. С. 44.

¹⁴ *Люксембург Р.* Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1934. С. 258.

Литература

Арон Р. Мнимый марксизм. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/arommm/index.php.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. URL: <http://leninism.su/works.html>.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955–1981. 2-е изд. Т. 1–50.

Теория и практика марксизма: история, современность, перспективы. М.: Ин-т философии РАН, 2002. — 277 с.

Bernstein J. M. The Frankfurt School: critical assessments. Oxfordshire: Taylor & Francis, 1994. — 319 p.

Kompridis N. Critique and disclosure: critical theory between past and future. Boston: MIT Press, 2011. — 337 p.

Roemer J. Analytical Marxism. N.Y.: Cambridge University Press, 1986. — 313 p.

Scheuerman W. E. Frankfurt School Perspectives on Globalization, Democracy, and the Law. N.Y.: Routledge, 2008. — 222 p.

8. Марксизм, постмарксизм, неомарксизм

Wallerstein I. The modern world system. Vol. 1. Capitalist agriculture and the origin of the European World-Economy in the Sixteenth century. Oakland: University of California Press, 2011. — 440 p.

Wallerstein I. The modern world system. Vol. 2. Mercantilism and the consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. Oakland: University of California Press, 2011. — 397 p.

Wallerstein I. The modern world system. Vol. 3. The second era of great expansion of the capitalist World-Economy. Oakland: University of California Press, 2011. — 390 p.

Wiggershaus R. The Frankfurt School: its history, theories, and political significance. Boston: MIT Press, 1995. — 787 p.

9. ПОЗИТИВИЗМ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Ключевые слова

Социальная философия, логика науки, эмпиризм, разум, структура общества, социальная статика, социальная динамика, позитивная наука, элита, сциентизм, неопозитивизм

Истоки позитивизма как методологического направления восходят к XIX в. Это столетие ознаменовано возникновением ряда неизвестных прежде и связанных между собой социальных явлений: установлением беспрепятственного обмена товарами (режима «свободной торговли») и формированием всемирного рынка, индустриальным применением достижений естествознания и чрезвычайным подъемом производства, вводом в строй коммуникаций, основанных на действии силы пара и электрических импульсов, и резко ускорившимся общественно-политическим развитием, вырвавшим огромные человеческие массы из круга традиционного существования. Однако весьма быстро обнаружилось и то, что эти цивилизационные сдвиги ведут не только к масштабному высвобождению человеческих сил, но сопряжены также с ростом нестабильности, с периодически повторяющимися кризисами перепроизводства, с социальной и политической поляризацией общества и взрывоопасным обострением его противоречий, наконец, — с иррациональной неопределенностью стремительно приближающегося будущего. Вместе с тем прогрессивная сторона изменений и, в частности, успехи естествознания, определившие невиданный технико-экономический прогресс, побуждали искать пути модернизации гуманитарного знания (его переориентации на эмпирическую основу и применение строго научных методов) с целью открытия «универсальных законов» общественной жизни и прогресса. На этой выверенной основе предполагалось создание новой науки, призванной служить орудием построения разумно организованного общества. Одним из вариантов ответа на данный «запрос времени» стала позитивная социальная наука, или позитивизм.

Общий замысел позитивного синтеза наук

Позитивизм (транслитерация фр. *positivisme*, от лат. *positivus*, положительный) — наименование, данное своей теории французским мыслителем Огюстом Контom, учение которого стало отправным пунктом возникшего в середине XIX в. одноименного направления мысли¹. Программно-сциентистский пафос этого направления, ставшего интернациональным, заключался в отрицании познавательной ценности «метафизики», в строгой методологической ориентации построения наук об обществе по образцу естественных наук и не исчерпал себя полностью по настоящее время².

Задача создания новой науки последовательно выполнялась О. Контom в течение всей его творческой деятельности. Позитивная наука вытесняет метафизические спекуляции, отказываясь от претензий на абсолютную истину и рассматривая рациональное предвидение в качестве своей единственной цели. Позитивной науке свойственна специфическая установка на имманентность бытия (т.е. рассмотрение только того, что дано непосредственно, в потоке явлений — вне связи с трансцендентными, внешними по отношению к явлениям метафизическими сущностями и мифическими ипостасями), сосредоточение на задаче описания и упорядочения действительных фактов. Наблюдение, согласно Конту, очищает любое событие от налета фантазии, вычлняя его подлинный объективный смысл и превращая в научный факт. К факту неприменим вопрос «почему»; но в связи с его наблюдением может быть поставлен вопрос «как нечто произошло». Соответственно, только предложение, которое просто фиксирует факты, может быть научным; и наоборот, предложение, которое недоступно превращению в точное изъяснение частного или общего факта, не представляет никакого реального и понятного смысла. Из этого Конт делал вывод о необходимости *терапии языка*, лечения его от антропоморфизма, очищения от абстрактных понятий, представляющих собой плод человеческой фантазии. Накопив достаточное количество фактов, исследователь может выявить регулярности и корреляции. Повторяемость фактов, выраженная математически, становится законом позитивной науки. Согласно такому пониманию научного факта и закона, причинно-следственные связи не являются предметом научного усмотрения, а понятия «причина» и «следствие» представляют собой антропоморфный аналог отношений между родителями и детьми: причины порождают следствия.

С каждой формой развития духа у Конта коррелирует определенная модель социальной организации. Фетишизму соответствует примитивная организация, которая ограничена пределами семьи, кровно-родственного объединения и господствует приблизительно до конца XII в. Теологическая форма зиждется на господстве жречества, которое сначала подчиняет племенных вождей, образуя теократию, а затем обеспечивает слияние духовной и светской власти,

Исидор Мари Огюст Франсуа Ксавье Конт (1798–1857) — французский мыслитель, основатель позитивизма и социологии. Его шеститомный труд «Курс позитивной философии» вышел в 1830–1842 гг. Серьезное влияние на мировоззрение О. Конта оказали идеи А. Сен-Симона, которые он совершенствовал и систематизировал в своих работах. Создал собственную теорию, которая была направлена на описание и систематизацию данных, полученных в процессе научного наблюдения, а также на обобщение этих данных на основе объективных законов бытия.

Для проведения исследований в сфере социологии О. Конт предложил использовать метод наблюдения, эксперимент, а также сравнительный и исторический методы. Сама социология была разделена О. Контом на социальную статику и социальную динамику. Социальная статика направлена на изучение законов функционирования социальных систем в зависимости от достигнутой степени цивилизации, социальная динамика направлена на изучение общества исходя из стадий его развития.

В качестве основы позитивизма Огюст Конт рассматривал порядок и прогресс. Порядок связан с единством взглядов, царящих в обществе, в то время как прогресс заключается в умственном и духовном развитии. Современное течение жизни, полагал О. Конт, связано с эгоизмом каждого отдельного индивида, и этот эгоизм обуздывается государством, пропагандирующим альтруистические ценности. Решение современных проблем мыслитель видел в моральном преобразовании общества, его духовном объединении, идее всеобщей любви и братства. Для преобразования общества Огюст Конт создал собственную систему, в которую был включен предложенный им институт позитивистской церкви, устанавливающий и регулирующий новые законы, контролирующий рождение, бракосочетание и другие общественные явления. При этом духовная сторона жизни общества в предложенной системе контролировалась позитивистскими философами, учеными и интеллигентами, а светская власть опиралась на предпринимателей. Повиновение государству Огюст Конт считал священным долгом каждого гражданина.

Упорядоченность, устойчивость и единство существования отдельного общества и жизни всего человечества достижимы исключительно на основе практического применения *социальной науки*: только она, согласно Конту, может быть источником рациональных принципов, имеющих универсальное значение.

Основные работы:

- «Курс позитивной философии» (1830–1842)
- «Трактат о позитивном духе» (1844)
- «Система позитивной политики» (1851–1854)
- «Общий взгляд на позитивизм» (1865)
- «Позитивный катехизис» (1851)

что одновременно ведет к доминированию военной деятельности в общественной жизни; этот период охватывает примерно XIII–XVII вв. В результате Реформации, Просвещения и Революции возникает нынешняя позитивная стадия. Ей соответствует *индустриальное общество*, в котором в наиважнейшие элементы его организации и существования превращаются наука и искусство. Именно их творцы и носители обладают теперь наивысшим духовным авторитетом (это проявляется в чрезвычайной значимости для данного типа общества образования и прессы) и образуют группу, представляющую теперь новый интеллектуальный и моральный стержень общества; именно они теперь продуцируют и культивируют идеи, служащие основой социального порядка и господствующего образа мысли. Если интеллектуалы заменяют в обществе нового типа жрецов-теологов, то все, кто связан с индустрией (предприниматели, управляющие, финансисты), — военных. Тотальная победа научного мышления будет означать обесмысливание войны, превращение ее в анахронизм; сфера противоборства ограничится взаимодействием с природой в рамках рационального извлечения естественных ресурсов. В эволюционной перспективе все это *необходимо* приведет к тому, что и основать, и возглавить (силой своего авторитета) такое общество в его универсально-образцовом варианте должны будут позитивные философы и люди искусства, которые станут в нем *новыми священниками*, культивирующими *позитивную религию*.

Контовский план преобразования общества — план интеллектуальной реформы. В основе такого видения исторической перспективы, как и у многих его современников, как уже говорилось, лежит констатация кризисного характера времени.

Социология как всеобщая история прогресса разума

Весьма существенной чертой социологии Конта является то, что она обосновывает принцип *закономерной упорядоченности истории, единого внешнего порядка*, которому человек подчинен (и обязан подчиниться) и которому он не способен (и не должен) искать окончательного (метафизического) объяснения.

В процессе социальных изменений источником необходимости перехода от одного этапа развития общества к другому, деконструкции одной системы и замены ее другой выявляется противоречие между разными сферами жизни общества. В зависимости от конкретных условий непосредственным источником могут быть политика, экономика или разум.

Для выявления функциональной структуры общества и уяснения характера социальных изменений Конту необходимо подразделить социологию, или «социальную физику» по образцу членения физики на статику и динамику.

Социальная статика исследует то, что Конт называл общественным консенсусом, — равновесное состояние общественного организма, взятого в син-

хроническом срезе. Иными словами, статика изучает функциональную согласованность, связность элементов социального организма как целого, т.е. его структуру. Конт рассматривал функционирование основных социальных институтов, обеспечивающих интеграцию общества, — семьи, государства, религии; разделение труда и его кооперацию он считал фактором утверждения «всеобщего согласия». Социальная статика выявляет, с одной стороны, структуру общества в конкретный исторический момент, а с другой — производит анализ элементов, превращающих совокупность индивидов в общность и образующих из множества институтов социальное единство. В конечном счете она занимается поисками главных (структурных) органов любого общества, исследуя основания порядка любого общественного строя.

Социальная динамика («социальная кинетика») изучает различные изменения в общественных организациях, их эволюцию, поступательное развитие, проходящее через определенные этапы, и должна быть общей теорией естественного прогресса человечества. Динамика не просто описывает эти этапы, но обозревает последовательные и необходимые моменты становления разума человека и обществ, рассматривает общие законы социальных изменений. В этом социальная динамика отличается от истории, которую описывают историки, просто собирающие разнообразные детали и факты или наблюдающие за преемственностью и изменениями учреждений и порядков.

Статика и динамика соотносятся с понятиями *порядка* и *прогресса* соответственно, что может быть выражено краткой формулой: *прогресс — это развитие порядка*.

Институциональная структура общественного организма

Религия — это духовный интегратор общественного организма, ее функция — обеспечение признания принципа единства всеми индивидами. Религия создает и обеспечивает общественный порядок: догма упорядочивает разум, культ — чувства, уклад — поведение, и тем самым, апеллируя ко всем трем сторонам человека, восстанавливает гармоническое единство его природы. Религия, таким образом, характеризуется состоянием полной гармонии в индивидуальной и коллективной жизни человека.

Собственность и *язык* характеризуются Контом как проекции на общество деятельного и разумного начал природы человека соответственно. Общим для собственности и языка является их роль в накоплении материальных (собственность) и интеллектуальных (язык) богатств. С уходом предыдущих поколений достижения человечества аккумулируются в этих «хранилищах», обеспечивая прогресс общества. Поэтому традиция — основа прогресса, а «мертвые все чаще управляют живыми», как говорит Конт.

Разделение труда имеет две стороны и подразумевает дифференциацию деятельности и кооперацию, или, говоря точнее, разделение обязанностей и координацию усилий. Здесь мы имеем дело с двумя условиями *связности общественного организма*. Но еще более значимым в деле практического устройства целостности общества является принцип силы (силой обладает количество или богатство). Только «материальная сила» количества и/или богатства может учредить и поддерживать прочный порядок общественной жизни.

Родоначальник позитивизма вполне согласен с концентрацией богатства и его властью не только по прагматическим соображениям, но еще и потому, что значимость человека, как он полагает, не определяется исключительно его положением в социально-экономической иерархии. Высшую социально-организующую значимость и ценность имеет не мирской порядок, но порядок духовный, опирающийся не на силу и могущество, а на добродетель. Это не порядок вечной жизни в царстве «не от мира сего», но порядок посюсторонних моральных достоинств человека, надстраиваемый над светской иерархией. Высшая цель человека в рамках такого порядка — достичь первенства в добродетели, — и это преобразует весь остальной порядок человеческого общежития и целедостижения. Индустриальное общество сможет стабильно функционировать только в том случае, если его развитие будет руководиться силой духа. Поэтому итоговый реформаторский замысел Конта направлен не на экономическую или политическую область, а на «созидание силы духа» (Р. Арон), на основании позитивной религии.

Последователем Конта был **Джон Стюарт Милль** (1806–1873) — основоположник английского позитивизма. Главными пунктами модификации контовского учения у Милля стали опирающийся на психологию индуктивизм и либеральный индивидуализм. В целом же Милль исходил, вслед за Контом, из принципа единства естественных и социальных наук, выстраиваемых в иерархическую систему, наследуя Конту в понимании содержания позитивного метода, в убеждении относительно возможности и необходимости формулирования в общественнознании — как наивысшей по сложности изучаемых явлений сферы — законов высшей степени общности.

Социология в системе нравственных наук

Позитивистская методология служат Миллю фундаментом построения *системы нравственных наук*. В эту систему входят *психология, экономика и социология*.

Идея необходимости связывания исторических обобщений с законами человеческой природы роднит социологию Милля с контовским образцом: постулат единства и стабильности этой природы позволял в обоих случаях

обнаруживать закономерную устойчивость общества в изменяющихся исторических обстоятельствах и формах. Вместе с тем Милль отличает от Конта психологическая трактовка природы человека, а следовательно, и психологизация социологии. Причем Милль выводит социальные законы из свойств индивидуальной человеческой природы; общество, с его точки зрения, — сумма отдельных личностей, которыми всегда и везде движут одни и те же страсти. В совместной жизни люди обладают лишь такими свойствами, которые вытекают из законов природы отдельного человека и могут быть к ним сведены. Люди и в общественном состоянии остаются людьми.

Из вышеозначенной позиции Милля вытекает его решительная оппозиция контовской социократии как концепции, основанной, с его точки зрения, на поглощении отдельной личности общностью и отрицании индивидуальной свободы, — тогда как именно от самостоятельно мыслящих отдельных личностей исходят импульсы, побуждающие стремиться ко всему великому. Милль поэтому был убежденным сторонником *либерального индивидуализма*.

Вместе с тем для Милля было также очевидно, что социологические объяснения весьма затруднительны, в силу частных особенностей характеров различных людей, проявляющихся в конкретных ситуациях. Он видел выход в достаточном числе эмпирических наблюдений, которые могли бы отделить общее от частного, закономерное от случайного. При больших по объему выборках случайные отклонения взаимно нейтрализуются и может быть определена (вычислена) общая тенденция. Разумеется, при этом выявляется лишь статистически-вероятностные закономерности, что не дает возможности точного предвидения, но зато вырисовывается тенденция социального изменения. Статистически-вероятное суждение относительно поведения случайно выбранного индивида приобретает достоверность закона в отношении характера и коллективного поведения больших массивов людей.

Специфический объект социологии — *состояние общества*. Состояние общества Милль понимал как совокупность свойств всех значимых социальных фактов (принимая в расчет в том числе уровень знаний, умственной и нравственной культуры всего общества и отдельных классов; состояние промышленности, богатство и его распределение и т.д.). Состояния общества можно уподобить различным возрастам живого организма. Для характеристики состояний общества Милль использует контовские понятия *социальной статики* и *социальной динамики*. Первая, согласно Миллю, выявляет условия устойчивости общественного союза; она представляет собой теорию взаимодействий между одновременными социальными явлениями. Социальная динамика исследует «единообразия последовательности», будучи теорией прогрессивного движения общества.

Согласно Миллю, человечество исторически выявило способность к продвижению от варварства к цивилизации; это движение имеет различные формы и различную скорость в разных типах общества, хотя одновременно ему присущ определенный порядок. В отношении менее успешных недоцивили-

зованных обществ легко определить, какие ступени развития предстоит им пройти, так как образцом для них будут общества более цивилизованные. Милль с абсолютной уверенностью полагал, что современные ему общества Западной Европы и США являются наиболее цивилизованными и по отношению к их уровню развития можно говорить о менее цивилизованных и совсем нецивилизованных обществах. Критерием же цивилизованности для любого общества является наличие ответственного правительства и высокий уровень развития науки, и особенно науки социальной.

Однако весьма трудно сказать, что необходимо последним для перехода на более высокий уровень, ибо для них образца не существует. За этот горизонт нашего знания дня сегодняшнего на основании изучения дней минувших можно заглянуть только за счет идеала, полученного путем дедуктивного вывода из сущности человеческой природы. Определение идеала — дело этики.

Милль полагал, что экономические законы делятся на два вида: законы производства и законы распределения. Первые относятся к социальной статике и имеют характер истин, утверждаемых естествознанием (они не зависят от воли человека), вторые — к социальной динамике (где есть свобода человеческого усмотрения и учреждения). Во втором случае речь идет о свободе собственности, которая совершенно не противоречит установлению более справедливого социального порядка. Иными словами, частная собственность отнюдь не помеха социальной справедливости. Необходимы лишь реформы на основе государственного вмешательства в сферу распределения (здесь государству могут помочь кооперативы и профессиональные союзы с их пропагандой «справедливости и самоограничения»); сфера же производства должна регулироваться естественным путем. Вот почему Милль был категорическим противником «классового подхода» в решении социального вопроса: классовые интересы как буржуазии, так и пролетариев он считал глубоко эгоистическими и аморальными.

Этика Милля составляет основу его социально-политических взглядов. Милль считал, что критерии добра и зла и, соответственно, моральной оценки поступков отнюдь не самоочевидны; напротив, добро и зло, равно как истина и ложь, суть вопросы наблюдения и опыта. Нравственность он определял как совокупность правил «для руководства человеку в его поступках, через соблюдение которых доставляется всему человечеству существование, наивозможно свободное от страданий и наивозможно богатое наслаждениями»³. Следуя за утилитаристской доктриной Бентама, он утверждал, что принцип пользы или счастья всегда играл решающую роль в образовании этических концепций. Однако счастье — это не только жизнь в удовольствии без боли, но жизнь в удовольствии высшего порядка, достигаемого, если необходимо, ценой перенесенных физических страданий и альтруистических жертв. Прогресс культуры и воспитание формируют в человеке *солидарность*, чувство единства своих интересов с интересами других людей. Нравственная оценка действий поэтому подразумевает, что моральны те поступки, которые дают счастье наибольшему числу людей.

Этот утилитаристский критерий Милль полагает в основу своей политической теории и социально-реформаторской программы, формулируя следующие максимы. *Во-первых*, наиболее прогрессивны общества, в которых господствует стремление к удовольствиям высшего порядка. *Во-вторых*, удовлетворение потребности в удовольствиях высшего порядка возможно только в условиях социальной свободы; и только свободное общество может быть истинно цивилизованным. *В-третьих*, люди, стремящиеся к высшим наслаждениям, развивают в себе такие черты характера, которые способствуют наилучшей форме политической организации.

Поэтому моральное обучение, осуществляется ли оно правительством или частными лицами, является обязанностью хорошего общества. И нравственно, и политически индивид главенствует над государством, — но речь здесь идет не о естественном индивиде, а о *хорошо обученной личности в правильно организованном обществе*.

По мнению Милля, именно модель представительной демократии способствует «высокому и гармоничному» развитию индивидуальных способностей, причем представительное правление — не просто лучший, а идеальный образец осуществления власти, и эта форма правления может и должна быть установлена во всем современном мире. Вместе с тем Милль был сторонником *правительства специалистов* и не считал, что представительное правление — это правление представителей из народа: осуществление функций исполнительной, законодательной и юридической властей требует наивысшей квалификации. Но народ может контролировать политику правительства в своих интересах через периодически избираемых им депутатов. Представительство — это не принцип народоправства, а способ активного контроля за правительством и институт профессиональной демократии; бесконтрольная же демократия граничит с тиранией или абсолютной монархией и содержит в себе опасности для свободы.

Позитивизм в России

В России идеи позитивизма развивал прежде всего **Александр Иванович Стронин** (1826–1889) — русский мыслитель и публицист, создатель социальной теории, образцом для которой послужила философия О. Конта. Стронин полагал, что социальные знания должны развиваться по образцу точных наук и занимать верхний этаж всей пирамиды научного знания (в основании всего здания лежит математика — наука пространства и времени). Соответственно, он распространял на общество законы и положения естествознания («История и метод», 1869). Правомерность этой процедуры, по его мнению, вытекает из признания принципа единства мира и основывается на том, что каждая отдельная наука со своими более простыми законами входит в более общую науку (заимствования из одной науки для другой дают ценные результаты и ведут

к величайшим открытиям, освещая и объясняя сразу целые ряды явлений или фактов, связь которых между собой или с этими законами и ранее не подозревалась). Чтобы стать наукой, общественное знание должно перенять методы естествознания, что возможно на основе применения принципа *аналогии*. Полагая, что в обществе невозможно полностью отделить тот или иной элемент от социальной среды, Стронин предлагает при исследовании социальных явлений применять *диалектическое изолирование*. Суть данного приема заключается в абсолютизации тех или иных сторон действительности и их последующем анализе. То есть речь идет о некоем подобии веберовского метода создания идеально-типических конструкций.

Единство природного и социального миров можно увидеть из подобия общества и организма. Вывод об их схожести делался Строниним на основе констатации *однопорядковости* их строения и функционирования. Понятие здорового и патологического, эмбрионального и развитого состояний в равной степени приложимы и к малому телу отдельного человека и к не менее реальному большому социальному телу. Отдельный организм подлжит действию законов эволюции и биологического отбора, аналогично — общество, рассматриваемое в его *динамике*, развивается и прогрессирует.

В рамках биологической трактовки развития общества могут быть определены условия его жизни и смерти. В этом контексте Стронин выделяет три главных периода истории общества: 1) прогресс (рост и усложнение организма); 2) застой (усложнение и разложение уравниваются); 3) регресс (превосходство получает разложение). Переход от прогресса к застою вызывается отсутствием новых идеалов. В постановке проблемы нахождения общественного идеала наблюдается эволюция Стронина к *психологизму*.

Стремясь представить статику общества, Стронин вырабатывает механико-геометрическое понятие о его строении, опираясь одновременно на принцип *органицизма* (целое всегда качественно отлично от суммы свойств составляющих его частей и поэтому более значимо, чем последние)⁴. Строение общества, полагал Стронин, может быть представлено графически, в виде конуса или пирамиды. Без широкого и неподвижного основания внизу нет, по законам физики, устойчивости предмета. Полагая, что в горизонтальном срезе такое строение — круговое, Стронин чертил схему, согласно которой один и тот же индивид может одновременно входить в состав нескольких общественных союзов; малые союзы — семьи — группировались в большие круги — роды, общины, а эти круги в еще более крупные — области, страны. Вертикальный срез конуса образует треугольник, который рассекается двумя линиями, параллельными его основанию на три яруса, или класса. Верхний из них — аристократия, средний — тимократия и третий, нижний класс — демократия. Две наклонные линии, проведенные от вершины треугольника к его основанию, пересекают все три класса, образуя по три части в каждом; в господствующем верхнем — законодательство, суд, администрация; в среднем — аренда-

торы, промышленники и банкиры; в нижнем — земледельцы, ремесленники и торговцы. Интеллигенция представляет нервную сеть, пронизывающую все клетки общества. Клеточки разрезанного таким образом на девять частей треугольника изображали сумму главных компонентов общества. В целом в органицизме Стронина можно достаточно определенно увидеть зачатки современных подходов, в частности структурно-функционального анализа, прообраз теории социальной стратификации.

Евгений Валентинович де Роберти (1843—1915) — еще один из основателей позитивной социологической науки в России. Де Роберти считал, что его взгляды сформировались под влиянием идей европейских позитивистов, среди которых он первыми по значимости считал О. Конта и Г. Спенсера.

Как полагает де Роберти, согласно накопленному позитивной наукой знанию, мы можем считать, что мир состоит из трех сфер бытия с присущими каждой из них особыми формами энергии: физико-химическая, или неорганическая, сфера, витальная, или органическая, сфера и надорганическая (термин заимствован у Спенсера), или социальная, сфера. Каждая последующая область представляет собой специфическое усложнение предыдущей и включает его в свой состав, что свидетельствует о единстве мира. Феномен неорганического мира образуют молекулярные взаимодействия, тогда как органический мир — результат клеточных взаимодействий; надорганический мир — продукт психофизических (социальных) взаимодействий людей, совершаемых благодаря работе головного мозга, мышлению и речи. Жизненная, или органическая, энергия является объектом изучения биологической науки, важнейшая часть которой — психофизика исследует поведение животных. Человечество прошло два больших этапа эволюции, из которых первый был близким к органическому, животному состоянию и характеризовался крайне низким уровнем мышления, случайным использованием орудий, начальной аккумуляцией коллективного опыта, тогда как второй представлял собой создание цивилизации, основанной на очень высокой степени специфической спаянности, согласованности человеческой деятельности и всех ее продуктов.

Сознание радикально отличается от явлений органического мира, и тем более мира неорганического не только по типам строения и функционирования, но и по характеру происходящих в этих областях изменений. В неорганической сфере происходит пространственное перемещение (например, круговорот воды в природе), в органической к нему добавляется эволюция (рождение, рост, дифференциация, интеграция и дезинтеграция, смерть организмов), а в надорганической сфере появляется прогресс (количественный и качественный рост как физико-химических и биологических, так и надорганических, или социологических, знаний), что поступательно увеличивает ту «власть, которую знание дает нам над природой и над нами самими»⁵.

Происхождение и развитие суперорганической сферы бытия, мысли и знания, согласно де Роберти, имело два источника: длительная эволюция нервной

системы в органической сфере и взаимодействие между особями в рамках согласованных действий, потребовавшее возникновения речи, символов, норм, ритуалов для сохранения и развития навыков выживания групп сородичей, — что привело к появлению человека как биосоциального существа, социального животного. Специфика возникшего таким образом человеческого сообщества заключается в том, что люди, взаимодействуя, способны аккумулировать *социальный опыт*, передавая его от поколения к поколению, верифицируя, исправляя и обогащая в ходе наследования. Условие интенсивного протекания этого процесса — действие разнообразных и изменчивых стимулов социальных действий. Если таких стимулов мало и реакция на них механически-рутинна, то это ведет к обеднению духовной жизни, ее застою и даже вырождению.

Поэтому, как считает де Роберти, коль скоро человеческая психика является результатом, а не причиной социальных взаимодействий, то и метод психологического редукционизма, используемый во многих случаях современной ему социологией, ошибочен. Конт был абсолютно прав, поместив социологию в классификации наук непосредственно за биологией и поставив психологию ступенью ниже.

Социология, считает де Роберти, представляет собой фундаментальную науку, изучающую суперорганические явления, их корреляции друг с другом, их функционирование и развитие, исходя из данных биологии и «физиологической психологии» (в духе И. Мечникова и И. Павлова), которая представляет собой часть биологических, а не психологических наук⁶.

Другими методологическими дефектами современной социологии он считал прагматизм (которым, по его мнению, особенно «грешит» марксизм), редукционизм (*свойственный* биологической и психологической школам) и игнорирование разработок «биосоциальной» теории⁷.

Де Роберти вносит в позитивизм еще одну важную коррективу. Он определяет социологию не только как «абстрактную» науку, занятую поиском законов социальной статики и динамики, что было еще у Конта, но и как «конкретную» науку, занятую применением этих законов для эмпирико-аналитического описания реальности.

Познание системности, организации, функциональности, а вместе с тем и *законосообразности* надорганического позволяет уйти от простой адаптации человека к природной и социальной среде и рационально предвидеть будущее, заранее определяясь с проведением необходимых социальных реформ. Основным *социологическим законом* де Роберти считал эволюционно-функциональную взаимозависимость четырех видов социальной практики: *позитивного научного знания* как исходной формы; *мировоззрения* (философии и религии) как функции предыдущего знания; *искусства* как функции мировоззрения; *практической деятельности* (хозяйственной, политической, бытовой и т.д.) в качестве функции всех перечисленных видов социальной деятельности, образующих цивилизационное единство. Ключевое место в цивилизации, по мне-

нию де Роберти, занимает научное знание, играющее функциональную роль «первотолчка». Любое серьезное изменение в сфере науки вызывает подвижки и в других формах выражения социального опыта — в философии, религии, искусстве, прикладной мысли, человеческом поведении и в истории в целом.

Вместе с тем теневой стороной истории может быть процесс «обратного превращения» надорганической множественности (которой свойственны альтруизм, кооперация, солидарность и т.п.) в органическое единство (индикаторы и факторы такого превращения — эгоизм и паразитизм). Отсюда — упование на моральную реконструкцию общества на базе тотального распространения в нем альтруизма и солидарности, в ходе которой задачи общей социологии и этики сольются.

Социологический анализ и синтез — методы В. Парето

Дальнейшее развитие позитивистская методология получила в трудах **Вильфредо Парето** (1848–1923) — итальянского инженера, экономиста и социолога. Образцом научного знания Парето считал естественные дисциплины, поскольку они весьма близки к идеалу логико-экспериментальной науки⁸. Достаточно близка к этому идеалу, полагал он, и экономическая наука, хотя ее еще необходимо дотягивать до уровня наук естественных — химии, физики, астрономии. Еще менее совершенна в данном отношении социология, которая для него стала точкой приложения усилий по преобразованию ее в позитивную дисциплину. Целью своей социологической работы («Трактат по общей социологии», 1916; сокращенный вариант — «Компендиум по общей социологии»), написание которой ушло пять лет, итальянский мыслитель считал именно такое преобразование. Предметом общественной науки должно быть исследование единообразия социальных явлений, установление между ними функциональной взаимозависимости. Социология, по замыслу Парето, синтезирует для этого данные, предоставленные другими общественными науками: правоведением, политической экономией, политической историей, религиоведением и т.д. Науку Парето отделял от идеологии, разграничивая теоретико-познавательную и ценностную направленность мышления.

Отправным моментом социальной теории Парето является анализ человеческих действий, который строится на противопоставлении *логичных* и *нелогичных действий*. Эти два класса действий различаются в зависимости от того, рассматриваем ли мы их в объективном или субъективном аспекте. Почти все человеческие поступки субъективно (т.е. в понимании их самим субъектом действия) выступают как логичные. Так, для античных моряков и жертвоприношения Посейдону, и гребля вместе с управлением парусом были одинаково логичными средствами мореплавания. Но нам (с высоты нашего освобожденного от религиозно-мифологических пут сознания) понятно, что в приведен-

ном примере — объективно — только гребля и работа с парусом являются логичным средством достижения цели, передвижения по водной поверхности. Следовательно, главное значение имеют критерии объективные, а *логичными* действиями следует называть только те операции, которые соответствуют данным критериям: «разумно» связаны со своей целью не только для самого субъекта действия, но и для тех, кто обладает *более широкими познаниями*. Другие действия будут называться *нелогичными* (это, однако, не означает, что они являются противоречащими определенной логике). Область (объективно) логичных действий находится преимущественно в естественных науках, технологиях и включает в себя также некоторые формы военной, политической, юридической и экономической активности. К нелогичным действиям относятся действия в соответствии с обычаями, традициями, этикетом, если они не были рационально обоснованны, а также инстинктоподобными действиями.

Источник логичных действий находится в рациональной сфере. В основе действий нелогичных, как полагал Парето, лежат иррациональные импульсы — мощные чувственные побуждения, инстинкты. Эти импульсы непрозрачны, недоступны для рациональной рефлексии; хотя они и явлены в человеческих поступках.

Деривации — представление людьми своих нелогичных действий как логичных, обоснования, маскирующие интересы⁹. Парето выделил четыре класса дериваций.

1. *Утверждения* — простые утверждения, представляющие собой выражение чувств, описания действительных или вымышленных фактов и смесь фактов и чувств. Такие деривации высказываются, как пишет Парето, «в абсолютной форме, аксиоматично, доктринально» (например, в форме императива: «делай так, потому что так должно делать (или — все делают так)»).
2. *Власть (авторитет)* — апелляция к авторитету и слепое следование ему, отношения к исходящим от него императивам как к непререкаемым догмам. Например, согласно Парето, очень немногие немецкие социалисты читали «Капитал» Маркса, а среди последних те, кто понял его, и вовсе редки «как белые мухи», но в этой среде общепринято восхищаться этим текстом и ссылаться на него как на высшую инстанцию.
3. *Соответствие чувствам или принципам* — апелляции к чувствам, индивидуальным или коллективным интересам, юридическим, метафизическим или сверхъестественным сущностям — «разуму», «добру», «справедливости», «истине», «прогрессу», «демократии», «гуманизму», «богу» и т.д.
4. *Словесные доказательства* — разного рода квазидоказательства, софизмы, логические диверсии, которые призваны проявить убеждающую силу посредством логических и риторических приемов. В эту категорию входят неопределенные термины, метафоры, аллегории, аналогии и пр.

При определении общественных слоев необходимо отвлекаться от ценности и содержания различных видов деятельности и учитывать только степень ее успеха. Мерой определения успеха может служить условный индекс. Индивиды с наиболее высокими способностями — независимо от того, о какого рода этой деятельности идет речь, — образуют *эли́ту* общества. Поэтому существуют не только позитивные элиты (поэты, шахматисты, предприниматели и т.д.), но и элиты негативные (мошенники, преступники и т.д.).

Неравенство, по Парето, обусловлено неустранимыми естественными различиями способностей. Поэтому, например, неравенство в распределении является непреодолимым, и все попытки преодоления социального неравенства и переустройства общества являются утопиями.

В многообразных элитных слоях можно выделить *властную эли́ту* (синонимы: *аристократия*, *правлящий класс*, *власти* и др.). Ее образуют те, кто максимально воздействует на политическое управление обществом. В элиты входят не только обладатели официальных должностей, но и лица, не имеющие такого статуса, но располагающие реальным влиянием на власть.

Преобладание «спекулянтов» повсюду — от античных полисных образований до европейских государств начала XX в. — приводит к созданию демократических государств («демагогических плутократий»); преобладание «рантье» — к возникновению государств авторитарных.

Правящая элита для сохранения своего господствующего положения должна качественно и количественно воспроизводиться, что предполагает необходимость избавления от своих деградировавших членов и включение в свой корпус наиболее выдающихся представителей низов. Узурпация власти элитой одного типа приводит к *нарушению равновесия* в правящем слое и в обществе в целом, что ведет к смене ее элитой другого типа, вызывает *циркуляцию элит*. Если циркуляции элит не происходит или она осуществляется неудовлетворительно (замедленно и не полностью), то происходят революции, и старые элиты уничтожаются новыми элитами, контрэлитами. Так это было во время Реформации или Великой французской революции. В противном случае общество находится в состоянии стагнации, что было характерно, например, для истории Китая. Свергнутые элиты бесследно исчезают, поэтому *история — это кладбище аристократий*. Оптимальным можно считать равновесное сочетание «спекулянтов» и «рантье», что, однако, встречается редко и может длиться недолго.

Позитивизм в Америке

Позитивизм во второй половине XIX и в начале XX в. оказал многостороннее влияние на возникновение и развитие политической науки и в странах Нового Света, особенно в США. Здесь в 1920–1930-е годы позитивизм стал активно вытеснять в политических исследованиях теоретико-философское направле-

ние. Основными объектами изучения американских политологов стали *избирательный процесс, общественное мнение, процесс принятия политических решений, правила политической игры*. Особенно значимым и перспективным в научно-практическом отношении они считали исследование *политического поведения* (в процессе голосования, общения с политическими лидерами и т.д.).

Существенный вклад в развитие позитивистской методологии на американской почве внес **Чарльз Мерриам** (1874–1953) — профессор Чикагского университета (1923–1940), один из создателей современной политической науки, основатель Чикагской школы политических исследований. В середине 1920-х годов Мерриам заявил о необходимости изучения политического поведения людей как одной из важнейших задач политической науки, сделав таким образом первые шаги на пути создания бихевиористского направления в изучении политических процессов.

Подытоживая опыт развития политических исследований примерно за сто лет в работе «Новые аспекты политики» (1926), он одним из достижений считает все более широкое использование *количественных измерений*. Это, по его мнению, приняло форму статистики и на этой основе — математического анализа политических процессов. Важнейший инструмент в этом отношении — перепись, давшая аналитику «огромную массу материала». Можно назвать две дисциплины, говорит Мерриам, в которых количественные методы применялись с особым успехом: антропология и психология. С помощью количественных методов Ч. Мерриам надеялся изучить специфику политического поведения различных политических агентов и таким образом обеспечить возможность практического использования результатов эмпирических исследований представителями политических и деловых кругов США. Более того, как полагал Ч. Мерриам, американские политологи должны быть не только в некоторой степени связаны с политической практикой, но и активно в нее вовлечены¹⁰.

Основные трудности в продвижении по пути научного изучения управления состоят, по мнению американского исследователя, в следующем: 1) недостаток исчерпывающего набора данных о политических явлениях с соответствующей их классификацией и анализом; 2) склонность к расовому, классовому, националистическому уклону в интерпретации доступных данных; 3) нехватка достаточно четких стандартов измерения и точного знания о последовательности процессов.

Перспективные задачи, стоящие перед новой наукой, соответственно, заключаются в преодолении этих трудностей. Прежде всего надо преодолеть затруднения при отделении личности наблюдателя от социальной ситуации, частью которой он является, т.е. в решении задачи достижения объективного отношения исследователя к рассматриваемым явлениям. Политическое теоретизирование в значительной степени является, как выясняется, завуалированной пропагандой определенных интересов классов, рас и прочих сообществ¹¹.

Следует также преодолеть *трудности в освоении механизма четкого измерения политических феноменов*. Только с развитием современной статистики появились определенная четкость и точность в политическом фактологическом материале, но полноценная разработка адекватного механизма обзора политических сил еще впереди.

Наконец, необходимо преодолеть сложности, вызванные отсутствием в общественных науках *того, что в естествознании называется контролируемым экспериментом*. Если физик выдвигает гипотезу, то он затем старается, по возможности, экспериментально проверить ее, повторяя проверку до тех пор, пока не удостоверится в истинности или ложности своей гипотезы. Однако эксперименты недоступны тем, кто изучает политологию. Вместе с тем политические процессы постепенно воспроизводятся в различных точках мира и на разных стадиях. В случае повторения этих процессов можно возобновить наблюдения и тем самым проверить сделанные заключения. Для этого, однако, необходимо отработать более точный механизм. Он, возможно, будет получен в результате развития современной психологии или социальной психологии, которые, видимо, обладают нужными средствами изучения типов общения и поведения. Или же этот механизм появится в ходе статистического измерения процессов, которые постоянно повторяются почти в неизменном виде и практически в той же последовательности.

Главными средствами преодоления этих преград на пути развития политического знания Мерриам считает интенсификацию исследований и усиление интеграции научных изысканий в сфере политических отношений. В реализации данного пункта, как он полагает, значимо то, что будут постоянно поддерживаться контакты между различными отраслями социального знания, не будет преданных забвению зон исследования и свертывания действий социальных наблюдателей и аналитиков после частичной обработки данных.

Еще важнее для него перспектива интеграции социальной науки с достижениями науки естественной, поскольку становится ясно, что последнее слово в исследовании поведения человека и установлении социального контроля за ним принадлежит науке и что социальные и политические последствия применения естествознания чрезвычайно важны. В наши дни, замечает Мерриам, методы правления и их «логическое обоснование» определяются, с одной стороны, людьми такого типа, как Ленин, Муссолини, Ганди, с другой — такими, как Эйнштейн, Эдисон. Поэтому важно, чтобы политическая ткань следующей эпохи была соткана из более интеллектуального, научного понимания и оценки процессов социального и политического контроля. «В любом случае совершенно ясно, что надо пересмотреть основные проблемы политической организации и поведения в свете новых открытий и тенденций; вновь проанализировать природу народного правления, характер и сферу общего интереса в управлении и методы его использования...»¹²

Разумеется, речь не идет, по словам Мерриам, о создании «воображаемых воздушных миров», как у Конта. Однако неудержимое стремление к постижению тайн биологической и физической природы сможет, по-видимому, обеспечить более глубокое понимание политического поведения. Огромные возможности технологий, повышение результативности исследований в решении важнейших проблем, тесные контакты с другими общественными и естественными науками — все это позволит сделать политическое исследование «важнейшим средством интеллектуального влияния на прогресс человечества, обеспечит сознательный контроль над его эволюцией».

Еще одной заметной фигурой из числа сторонников сциентизма в политической науке США был англо-американский ученый Дж. Кэтлин.

Джордж Кэтлин (1896–1978) — англо-американский политолог и педагог, значительная часть наследия которого была посвящена обоснованию политологии как науки. По мнению Кэтлина, в политической науке вполне возможно сформулировать принципы, на основе которых эта область знания может трансформироваться в «предсказывающую» науку. Для этого Кэтлин в работе «Наука и метод политики» (1927) попытался предложить обоснование свободной от любых ценностных установок «чистой науки» о политике. Если Мерриам с аналогичной целью прибегал к опыту более развитых психологии и статистики, то Кэтлин обратился к экономике (где, как и в статистике, уже применялись математические методы). Он полагал, что политологи должны перейти от традиционного анализа государства к абстрактной конструкции «политический человек», которым в конечном счете движет воля к господству. Поэтому, по мнению Кэтлина, предметом рассмотрения политологии должна стать власть, а «политическую арену» следует понимать как своеобразный рынок для нее. Если экономический рынок — рынок товаров, то рынок политический — это рынок власти. Властью торгуют, учитывая изменения спроса и предложения, ценностных ориентаций и психологического настроения потребителя. «Сбыту» политического кандидата, политической программы или идеи способствует успешная реклама, а «прибавочный продукт» — приобретенные властные полномочия — либо снова пускается в оборот в качестве инвестиции в политическую карьеру, либо используется на личные цели. Политический рынок, как и экономический, не может существовать без механизма регуляции в виде норм права и государства, обеспечивающих нормальное функционирование всей системы. Поэтому специализация политической науки США (вплоть до окончания Второй мировой войны) предполагала проведение обширных исследований в области публичной администрации, публичного права, политических партий и групп давления.

Утверждение позитивизма в политической науке США сопровождалось во все возрастающей степени ее математизацией и квантификацией. Многие исследователи отказались от политической теории на том основании, что многие теоретические принципы являются преградой на пути непредвзятого

научного анализа. Вместе с тем политическая наука США не могла оставаться нейтральной перед лицом роста авторитарных и тоталитарных угроз в самой политике. Методологические слабости сциентизма привели к критике позитивистского подхода, отстаиваемого Мерриамом, Кэтлингом и др. В этом критическом русле лежит, например, работа Уильяма Эллиота «Прагматический мятеж в политике» (1928). Эллиот обосновывал несостоятельность попыток превращения политологии в точную науку. По его словам, политическая наука не имеет никакого постоянного измерителя, которому поддаются измеряемые величины. Она имеет дело с уникальными по своей сущности явлениями, не поддающимися экспериментированию, не укладывающимися в рамки «жестких детерминистских законов». По мнению Эллиота, независимо от того, что еще предстоит совершить политической науке, она не должна разрывать свою традиционную связь с практической политикой, а также с идеальными целями управления.

Критика позитивизма

Предпринятая позитивизмом попытка сциентизации обществознания (ради рационализации понимания общественно-политической жизни, определения ее законов и путей создания безопасного будущего для человека), несомненно, способствовала прогрессу в изучении общества. Принципы позитивизма гласят, что науки об обществе, надстраиваясь над науками о природе, должны составлять с последними единое целое и что первые, как и последние, могут стремиться к объективному знанию, руководствоваться научным методом и, отправляясь от фактов, обязаны попытаться построить теории, позволяющие понимать, объяснять и предсказывать изучаемые явления. На этом пути позитивизм заложил фундамент новых наук — социологии, социальной психологии, политологии; кроме того, в рамках данного процесса были созданы основы применения эффективных инструментов исследования — системного и структурно-функционального анализа, институционального (исследование функционирования политических партий и циркуляции властных элит) и квантификационных подходов, применения математических методов.

Но одновременно позитивистское отрицание теоретической традиции вскрыло ряд фундаментальных проблем в понимании целей и возможностей как социальных, так и естественных дисциплин и поставило под вопрос оправданность сциентистской эпистемологии и методологии. Изъяны позитивизма наиболее рельефно проявились в 20–40-е годы прошлого века в связи с неопозитивистской попыткой создания универсального основания научной методологии за счет применения математической логики и были подвергнуты постпозитивистской критике, что привело в 60–70-е годы XX столетия к распаду неопозитивистской парадигмы.

Попробуем теперь суммарно, т.е. по возможности кратко и без адресации к отдельным концепциям изложить содержание претензий современной политологии и методологии науки к позитивизму по поводу его принципиально значимых изъянов.

Одной из центральных установок позитивизма (и неопозитивизма) было требование свободы социального знания от ценностей. Оценки и нормы являются, однако, необходимыми элементами социальных и политических теорий. Дело в том, что социальная теория неизбежно рассматривает общество под углом зрения возможности улучшения условий существования человека. Намечая историческую перспективу для общества в целом и говоря о возможности улучшений в тех или иных сферах социальной жизни, социальная теория подвергает критике существующее положение вещей и альтернативные «рецепты» совершенствования социальных отношений. Осуществление всех этих функций теорией невозможно без употребления оценочных суждений. Поэтому требование исключать любые оценки (и соответственно нормы), вызванное стремлением форматировать социальную теорию строго по образцу естественных наук, неосуществимо. На самом же деле не только общественные науки, но даже и науки естественные не могут быть полностью очищены от утверждений оценочного характера.

Принципиальная причина невозможности избавиться в науке от оценок коренится в одной из свойственных теории процедур (функций) — *пониманию*. Причем речь идет не только о гуманитарных и социальных дисциплинах, но и о дисциплинах естественно-научных¹³. Позитивизм, отрицательно относившийся к традиционному гуманитарному знанию, пренебрегал, как правило, понятием понимания или сужал его значение. Позитивисты зачастую ставили знак равенства между пониманием и умением заранее *рассчитать* траекторию социальных изменений. Умение рассчитать — это способность сделать *точное* количественное *предсказание*. Предсказание есть объяснение, направленное в будущее, на новые, еще неизвестные объекты. Таким образом, сведение понимания к «умению рассчитать» является редукцией понимания к объяснению.

Понимание, как таковое, неразрывно связано с ценностями и выражающими их оценками и представляет собой «подведение под ценность», и поэтому понимание, как и всякая оценка, «указывает» на то, что *должно быть*. Тогда как объяснение — это подведение под истину (объяснить — значит вывести из имеющихся общих истин или из истинного каузального утверждения), которое «говорит» нам о том, что *есть*¹⁴.

Особую значимость из-за их достоверности и точности имеют объяснения и предсказания на основе научных законов, — что, собственно, и стало одним из мотивов позитивистской попытки сциентизации гуманитарного знания. *Номологическое объяснение* связывает объясняемое событие с другими событиями и указывает на закономерный и необходимый характер этой связи. Если используемые в объяснении законы являются истинными и условия их дейст-

вия реально существуют, то объясняемое событие должно иметь место и является в этом смысле необходимым.

Понимание, как и объяснение, — универсальная операция. Оно присутствует во всех науках — и естественных, и гуманитарных, — и, таким образом, в *своей основе* науки об обществе и науки о природе действительно едины: они, отправляясь от фактов, конструируют теории, позволяющие объяснять, понимать и предсказывать.

Еще один серьезный методологический изъян позитивизма — в квазиэсхатологическом понимании истории, в рамках которого будущее мотивирует настоящее — подобно теистической схеме, где средоточие смысла исторического существования заключено в будущем и является результатом не столько рационального познания, сколько исполненного надежд утопического ожидания, «иллюзии», в том специфическом значении, в котором употреблял данное понятие З. Фрейд в работе «Будущее одной иллюзии». Речь идет о концепциях прогресса, выдвигавшихся позитивистами XIX в. С другой стороны, позитивизм был непоследователен в данном отношении, поскольку он синтезирует с прогрессизмом *историцизм*, или точку зрения, согласно которой настоящее определяется прошлым посредством неукоснительного действия законов истории. Между тем уже в XX в. представление о предопределенности настоящего будущим и идея действующих с «железной» необходимостью законов истории утрачивают остатки прежнего влияния.

Позитивисты считали, что наука развивается путем постепенного обобщения результатов наблюдений и накопления подобного рода обобщений, а сами обобщения обоснованы тем лучше, чем больше имеется подтверждающих их фактов. Поэтому в рамках позитивистского, а затем и неопозитивистского подхода *верифицируемость* (эмпирическая подтверждаемость) и вместе с ней индукция оказывались критериями разграничения строгой эмпирической науки от ненаучных спекуляций, от квази- и псевдонауки и превращались в некий методологический кодекс, свод неукоснительных «правил обоснованной индукции». Этот позитивистский методологизм подвергся разрушительной критике *постпозитивистов* — К. Поппера, Т. Куна и П. Фейерабенда.

Карл Поппер (1902–1994) в противоположность жесткому методологизму занял позицию, согласно которой критерием обоснованности теории должна быть *фальсифицируемость* (эмпирическая опровержимость). Проверка гипотезы должна заключаться не в отыскании подтверждающих ее данных, а в попытках опровергнуть ее. «Ни одно наблюдение, — утверждает Поппер, — никогда не может гарантировать, что обобщение, выведенное из истинных — и даже часто повторяющихся — наблюдений, будет истинно... Успехи науки обусловлены не правилами индукции, а зависят от счастья, изобретательности и от чисто дедуктивных правил критического рассуждения»¹⁵. Только не допускающая фальсификации — и в этом смысле «закрытая» — теория не налагает

никаких ограничений на описываемую ею область явлений и поэтому обладает неограниченным квазиобъяснительным потенциалом. «Я обнаружил, — пишет Поппер, — что те из моих друзей, которые были поклонниками Маркса, Фрейда и Адлера, находились под впечатлением некоторых моментов, общих для этих теорий, в частности под впечатлением их явной объяснительной силы. Казалось, эти теории способны объяснить практически все, что происходило в той области, которую они описывали. ...Поэтому истинность теории кажется очевидной, и сомневающиеся в ней выглядят людьми, отказывающимися признать очевидную истину либо потому, что она несовместима с их классовыми интересами, либо в силу присущей им подавленности, непонятой до сих пор и нуждающейся в лечении»¹⁶.

Еще одним существенным моментом попперовского методологизма является положение о *логической невыводимости* оценочных утверждений из дескриптивных (описательных) суждений о фактах. «Наши решения, — писал он, — никогда не выводятся из фактов (или утверждений о фактах), хотя они и имеют некоторое отношение к фактам»¹⁷. Действительно, то, что большинство людей следует норме «не укради», есть социологический факт. Однако данная норма (как и все другие нормы) — это не факт, и она не может быть выведена из утверждений, описывающих факты. По отношению к определенному факту всегда возможны различные и даже противоположные решения. Невозможно *вывести* нормы, решения, социальные и политические проекты или рекомендации из фактов.

Как полагает Поппер, «философия, представляющая собой попытку преодоления дуализма фактов и норм и построения некоторой монистической системы, создающей мир из одних только фактов, ведет к отождествлению норм или с властвующей ныне, или с будущей силой. Эта философия неизбежно приводит к моральному позитивизму или моральному историзму».

Учение о «дуализме фактов и норм» Поппер связывает с концепцией автономии морали и с либеральной традицией: «...либерализм основывается на дуализме фактов и норм в том смысле, что его сторонники всегда стремятся к поиску все лучших норм, особенно в сфере политики и законодательства»¹⁸.

Поппер разграничивает закрытое (племенное, или коллективистское) общество и общество открытое (в котором индивиды должны принимать личные решения). Закрытое общество характеризуется как магическое, открытое — как рационально-критическое, — с оговоркой: элементы «магии» (например, идеологии) полностью никогда не исчезают, присутствуя в той или иной мере и в открытом обществе.

Закрытое общество может иметь различные модификации, и у каждой его разновидности — своя судьба, тогда как открытое общество однотипно, и единственной его траекторией может быть только продвижение вперед по пути постоянного усложнения. Переход от закрытого к открытому обществу можно считать одной из самых глубоких революций в истории человечества.

Еще одна характеристика открытого общества состоит в том, что оно свободно выбирает перспективу своего развития на основе беспрепятственного обсуждения альтернативных возможностей. Закрытое же общество направлено на достижение жестко определенной глобальной цели и связано принудительным следованием заранее определенному плану. Оно не выбирает свой путь, а реализует некую миссию, предначертанную божественной волей или законами общественного развития.

Нормальная наука и научные революции

Понятия *нормальной науки* и *научной революции* были введены американским науковедом **Томасом Куном** (1922–1996) в 60-е годы XX в. в рамках разработанной им модели развития науки, которую по праву можно назвать позитивистской. В этой модели центральным является понятие *парадигмы* — теоретического образца, который определяет деятельность научного сообщества. «Термин “нормальная наука” означает исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений — достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для развития его дальнейшей практической деятельности»¹⁹. Кроме того, нормальная наука неразрывно связана с сообществом ученых, занимающихся последующей разработкой уже получившей признание теории и выполняющих задачу применения господствующего в ней образца и отслеживания на разнообразном материале следствий такого применения. Опирающиеся на одну и ту же парадигму ученые согласованно используют в своей работе единые правила и стандарты, что создает предпосылки для генезиса и воспроизводства традиций в тех или иных направлениях исследований (например, астрономия птолемея или коперникова астрономия, корпускулярная или волновая оптика и т.д.). Достижения, полученные нормальной наукой, должны быть, с одной стороны, совершенно неординарными, чтобы устойчиво отвлекать внимание научного сообщества от конкурирующих моделей научных исследований, с другой — достаточно открытыми для того, чтобы новые поколения исследователей могли найти для себя в их проблемном поле нерешенные задачи.

Кун полагает, что развитие научных теорий идет по схеме, согласно которой каждая успешная теория проходит этап нормальной науки; последняя является необходимой предпосылкой *научной революции*; революция же ведет к установлению новой нормальной науки и т.д.

Нормальная наука, укорененная в сообществе ученых, обладает коллективистскими характеристиками, Кун подчеркивает догматический, авторитарный и ограниченный характер «нормальной» науки²⁰. Он констатирует, что она

приводит к временному «ограничению мысли»²¹, что ученые в этот период «в значительной мере перестают быть исследователями... или, по крайней мере, исследователями нового. Вместо этого они стараются разрабатывать и конкретизировать уже известное»²².

С точки зрения **Пауля Фейерабенда** (1924–1994), описанная Куном нормальная наука весьма близка по своим характеристикам к тому, что можно обнаружить при описании организованной преступности: «Каждое утверждение Куна о “нормальной” науке останется истинным, если слова “нормальная наука” заменить словами “организованная преступность”, а любое его утверждение об “индивидуальном ученом” в равной мере применимо к отдельному взломщику сейфов»²³. Причину подобия принципов функционирования нормальной науки и организованной преступности Фейерабенд видит в том, что Кун забывает о цели науки, и не ставит вопрос: позволяет ли «нормальная» наука достигнуть этой цели?

Однако нормальная наука — только один из полюсов, к которому могут тяготеть научные теории (хотя они при этом совершенно не обязательно приобретают всю совокупность соответствующих свойств). Другим полюсом притяжения научных теорий является описываемая Фейерабендом анархическая наука с ее *принципом пролиферации*²⁴ и максимой «допустимо все»²⁵. Принцип пролиферации (разрастания, умножения) теорий подразумевает, что ученые должны стремиться к созданию новых теорий, несовместимых с существующими и признанными теориями. Создание альтернативных теорий, их методологический плюрализм, по Фейерабенду, генерируют взаимную критику концепций и ускоряют развитие науки.

Нет принципов, всегда ведущих к успеху в научном исследовании, так же как нет принципов, в любых условиях приводящих к неудаче. Большая часть научных теорий обретается между этими двумя полюсами.

Фейерабенд, таким образом, занимает еще более жесткую антиметодологическую позицию — «методологический анархизм» — по сравнению с Поппером и Куном. Фейерабенд утверждает, что «научный метод», всегда считавшийся наиболее эффективным средством получения нового знания и его обоснования, есть не более чем фикция. Он пишет по этому поводу: «Наука не выделяется в положительную сторону своим методом, ибо такого метода не существует, она не выделяется и своими результатами: нам известно, чего добилась наука, однако у нас нет ни малейшего представления о том, чего могли бы добиться другие традиции»²⁶.

Авторитет науки Фейерабенд склонен объяснять внешними для нее обстоятельствами: сегодняшняя наука господствует не в силу ее достоинств, а благодаря организованному для нее пропагандистским и рекламным акциям. Наука мало чем отличается от мифа. Не существует абсолютных, значимых всегда и везде правил и образцов научного исследования, и поиски их являются пустым делом.

Пауль Фейерабенд:

«Наука гораздо ближе к мифу, чем это готова допустить философия науки. Наука — одна из многих форм мышления, разработанная людьми и не обязательно самая лучшая. Она ослепляет только тех, кто уже принял решение в пользу определенной идеологии или вообще не задумывается о преимуществах и ограничениях науки. Поскольку принятие или непринятие той или иной идеологии следует предоставлять самому индивиду, постольку отсюда следует, что отделение государства от церкви должно быть дополнено отделением государства от науки — этого наиболее агрессивного и наиболее догматического религиозного института. Такое отделение — наш единственный шанс достичь того гуманизма, на который мы способны, но которого никогда не достигали».

П. Фейерабенд. Избранные труды по методологии науки

Таким образом, позитивизм претерпел эволюцию от скромной концепции в европейской социологии до мощного методологического направления, получившего широкое распространение в современной западной, прежде всего американской научной мысли. Однако, в то же время, сложилась и серьезная критика методологических принципов позитивизма, препятствующая тому, чтобы «воспеваемый» позитивизмом эмпиризм вытеснил классическую научную и политическую теорию.

Примечания

Еще ранее *А. де Сен-Симон* («Очерки науки о человеке», 1813), секретарем у которого служил *Конт* (в 1817–1824 гг.), выступил с требованием «придать науке о человеке позитивный характер, основывая ее на наблюдении и разрабатывая методы, используемые в новых отраслях физики». — См.: *Арон Р. А.* Этапы развития социологической мысли. М., 1992. С. 28, 131.

² См.: *Лозовой В. Н., Семеренко Л. М. Демченко В. И.* Политическая наука в США: История и современность. 2003.

³ *Милль Дж. Ст.* Утилитарианизм. О свободе. СПб., 1900. С. 29.

⁴ Термин ввел английский физиолог *Холдейн* в 1918 г., хотя концептуально «органицизм» (теория, кладущая в основу объяснения широкого круга явлений понятия организации и организма) возникла раньше своей терминологической фиксации (см.: *Старостин Б. А.* Органицизм // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 162). В социологии основателем школы органической аналогии, или органицизма считают *Г. Спенсера*. Работы *Стронина* появились одновременно с первыми трудами *Герберта Спенсера*; первый, следовательно, «собственным мышлением дошел до той же органической теории» (*Гуревич П.* Стронин // Русский биографический словарь Т. 19. СПб., 1909. С. 555–556).

⁵ *Де Роберти Е. В.* Идея прогресса // Новые идеи в социологии. 1914. Сб. 3. С. 11–12.

⁶ *Голосенко И. А.* Евгений Де Роберти. Интеллектуальный профиль // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 104.

⁷ См.: *Де Роберти Е. В.* Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909. С. 12–39.

⁸ Парето различал логико-экспериментальные теории и теории, не отвечающие строгим научным требованиям. Первые построены на прочном эмпирическом фундаменте, опираются на опыт и наблюдение фактов и делают из них логически правильные выводы; вторые исходят из априорно принимаемых религиозных или чисто умозрительных положений. Одним из наиболее удручающих примеров в области спекулятивного мышления Парето считал гегелевское теоретизирование, особенно «Философию природы».

⁹ Согласно Парето, *интерес* — вызванное инстинктом и разумом стремление индивидов и групп присвоить полезные или только приятные блага, а также стремление к уважению и почестям.

¹⁰ Сам Мерриам, будучи преподавателем, успешно сочетал это занятие с деятельностью в Американской ассоциации политической науки, а также в местных и федеральных органах Соединенных Штатов.

¹¹ Исключая нормативно-ценностный компонент изучения политических феноменов, Мерриам хотел оставаться абсолютно объективным в своем анализе и претендовал на беспристрастное осмысление политических реалий. Но вместе с тем свято верил в американскую демократию, считая ее формой политического правления наиболее соответствующей природе человека и, в конечном счете, — через демократическое развитие и установление нового типа политических отношений — приводящей к максимальному раскрытию творческого потенциала человека.

¹² Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II: Зарубежная политическая мысль XX в. М., 1997. С. 182.

¹³ Долгое время они противопоставлялись одна другой. Так, неопозитивизм считал объяснение если не единственной, то главной функцией науки, а философская герменевтика ограничивала сферу объяснения естественными науками и выдвигала понимание в качестве основной задачи гуманитарных наук.

¹⁴ Объяснение — рассуждение, посылки которого являются описательными утверждениями и содержат информацию, достаточную для выведения из нее описания объясняемого явления. Объяснение представляет собой ответ на вопрос: «Почему данное явление происходит?» (См.: *Ивин А. А.* Современная философия науки. М., 2005. С. 368).

¹⁵ *Поннер К.* Логика и рост научного знания. С. 271.

¹⁶ Там же. С. 242.

¹⁷ *Поннер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 96.

¹⁸ *Поннер К.* Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 410.

¹⁹ *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975. С. 27–28.

²⁰ Там же. С. 349, 393, 350.

²¹ Там же. С. 393.

²² Там же. С. 363.

²³ *Фейерабенд П.* Объяснение, редукция и эмпиризм // Избранные труды по методологии науки. М. 1986. С. 113.

²⁴ См.: *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 153.

²⁵ Там же. С. 518.

²⁶ Там же. С. 146.

Литература

- Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс — Политика, 1992.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2010.
- Ивин А. А.* Современная философия науки. М.: Высшая школа, 2005.
- История социологии: Учебник. Книга 1; История социологии (XIX — первая половина XX в.) / Под ред. В. И. Добренкова. М., 2004.
- Конт О.* Дух позитивной философии. М.: URSS, 2016.
- Кукушкина Е. М.* Русская социология XIX — начала XX века. М., 1993.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
- Милль Дж. Ст.* Утилитарианизм. О свободе. СПб., 1900.
- Парето В.* Компендиум по общей социологии. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992.
- Де Роберти Е. В.* Идея прогресса // Новые идеи в социологии. СПб., 1914.
- Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
- Charles M.* New Aspects of Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1925.

10. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Ключевые слова

Понятие системы, системная парадигма, системный подход, целостность системы, критерии системы, принципы системы, политическая система

Генезис системного подхода

Понятие системы используется с давних времен для описания явлений различной природы — от неживой материи до сложных социальных объектов. Его применение вызвано потребностью рассмотреть исследуемый объект как целое, в противоположность специализированному исследованию отдельных явлений, из которых это целое складывается. «Термин “система”, — писал советский физиолог, создатель теории функциональных систем П. К. Анохин, — имеет весьма древнее происхождение, и едва ли есть какое-либо научное направление, которое его не употребляло... Большей частью термин “система” употребляется там, где речь идет о чем-то собранном вместе, упорядоченном, организованном... Наиболее характерной чертой системного подхода является то, что в исследовательской работе не может быть аналитического изучения какого-то частичного объекта без точной идентификации этого частного в большой системе»¹. Одна из центральных исследовательских проблем, решение которых операционализируется понятием системы и, соответственно, системным подходом, является проблема соотношения части и целого.

Всплеск интереса к решению этой проблемы пришелся на первую половину XX столетия. Стимулом к развитию идей системности стали прежде всего достижения научной мысли в области социальной организации, кибернетики и физиологии. И во всех этих случаях соответствующие подходы претендовали на роль общенаучных.

Первое отечественное фундаментальное исследование в области создания теории системности было предпринято российским ученым-энциклопедистом и политическим деятелем А. А. Богдановым. Результаты изложены им в трехтомной работе «Тектология», изданной в 1910–1920-х годах. Ее базовым положением является необходимость подхода к изучению любого явления

с точки зрения его организации, взаимосвязи всех его составляющих между собой и со всеми внешними системами. На основе анализа многообразных явлений в природе, в живых организмах и в обществе А. А. Богданов заключает: «Научно возможный вывод один: *действительное* единство организационных методов, единство их повсюду — в психических и физических комплексах, в живой и мертвой природе, в работе стихийных сил и сознательной деятельности людей. До сих пор оно точно не устанавливалось, не исследовалось, не изучалось: не было *всеобщей организационной науки*. Теперь настало ее время»². Труд этот, не получивший широкой известности, содержит идеи и выводы, во многом предвосхитившие базовые положения не только системного подхода, но и кибернетики, структурализма, теории катастроф, синергетики и других современных общенаучных направлений.

В середине прошлого столетия идеи системного подхода формируются в бурно развивавшейся физиологии, где стала остро осознаваться потребность в изучении целостного организма, функционирующего во взаимодействии с окружающей его средой. В 1930-е годы австрийский биолог Л. Бертоланфи предложил, а после Второй мировой войны сформулировал общую теорию систем³, основанную на идее изоморфизма законов, которым подчиняются системные объекты. Как и А. А. Богданов, Л. Бертоланфи претендовал на формулирование «науки наук».

Наконец, известный американский математик Н. Винер положил в основу теории управления представление о кибернетической системе как взаимосвязанной со средой совокупности перерабатывающих информацию и находящихся в информационном взаимодействии объектов⁴. Высокий уровень абстракции кибернетики делает ее применимой к объектам самой различной природы и позволяет ей также претендовать на роль общего подхода к изучению систем. Если учесть господствовавшую в «досинергетическую эпоху» абсолютизацию управленческих отношений, кибернетическое наполнение системного взгляда на мир делало этот системный взгляд⁵ универсальным подходом к исследованию, по крайней мере, самоуправляемых объектов.

Таким образом, дошедшее до нас понятие системы генетически восходит к целому ряду научных направлений — прежде всего, теории организации, физиологии, кибернетики, — что, с одной стороны, дает основание говорить об универсальном характере теории систем, а с другой — служит одной из причин неоднозначности подходов к трактовке самого понятия системы.

Претензия теории систем на роль «науки наук», а системного видения мира на универсальную значимость находит отражение в современных исследованиях по самым разнообразным научным направлениям и выражается в использовании термина «системная парадигма»⁶. Вместе с тем понятие системности используется и в иных сочетаниях — прежде всего, «системный метод» и «системный подход», — занимающих более низкое место в иерархии исследовательских инструментов. К какому из них отнести использование представлений о системах?

Карл Людвиг фон Берталанфи (1901–1972) — австрийский ученый-биолог, основатель общей теории систем.

Основным достижением ученого было создание общей теории систем, основанной на общих принципах и законах поведения систем, независимо от их вида и природы. Благодаря данной теории стало возможным строить модели в различных научных сферах. Ученый пришел к выводу, что в определенных случаях система может саморегулироваться. Понятие системы у К. Л. фон Берталанфи отличается от классической интерпретации: система в понимании ученого является категорией, за счет которой между объектами и явлениями устанавливаются устойчивые связи. Таким образом, с одной стороны, система сконструирована из подсистем, состоящих из более мелких элементов, с другой стороны, особенностью конструкции системы является ее способность к восстановлению после каких-либо нарушений, происходящих в среде. Основным методологическим подходом в общей теории систем служит кибернетический принцип обратной связи, однако в отличие от кибернетической теории, где элементы кибернетических систем взаимодействуют по установленным правилам и законам, в концепции К. Л. фон Берталанфи рассматривается свободное взаимодействие системообразующих факторов. Концепция австрийского ученого оказала влияние на последующие современные теории систем, связанные с изучением подвижных структур и динамики сложных систем, что в конечном итоге привело к созданию новых научных дисциплин (системотехника, инженерная психология, кибернетика).

Ученый также сформулировал «закон Берталанфи», связанный с деятельностью открытых систем: конечное состояние открытой системы определяется протекающими процессами внутри системы в процессе взаимодействия со средой, а не ее начальным состоянием.

Основные работы:

- «Общая теория систем. Основания, развитие, применение» (1968)
- «Общая теория систем — обзор проблем и результатов» (1969)
- «Общая теория систем — критический обзор» (1969)

Что касается парадигмы, то она — согласно американскому историку и философу науки Т. Куну, которому следует, по-видимому, отдать приоритет в трактовке этого понятия⁷, — предстает как *совокупность взаимосвязанных установок, принятых в качестве образца решения научных задач и разделяемых членами научного сообщества*. Можно было бы распространить это понимание на системные представления, если бы не одно существенное обстоятельство: общепринятого

понятия системы не существует, а значит, не существует и совокупности соответствующих установок, которые можно было бы принять в качестве образца.

Более 30 лет назад известный советский и российский философ В. Н. Садовский проанализировал более тридцати точек зрения на понятие системы. К наиболее авторитетным в научном плане и актуальным следует отнести следующие из проанализированных им представлений о системах⁸.

Существует два противоположных взгляда на систему: как на объективную реальность и как на исследовательский инструментарий, в той или иной степени эту реальность отображающий. Представители первого направления — Л. Берталанфи и польский экономист О. Ланге — рассматривали систему как совокупность реально существующих взаимодействующих элементов. В противоположность им английский психиатр, специалист по кибернетике и сложным системам У. Эшби определяет систему как «любую совокупность переменных, которую наблюдатель выбирает из числа переменных, свойственных любой “машине”». Иными словами, компонентами системы в представлении У. Эшби являются математические переменные, отобранные к тому же по произволу исследователя.

Существенные ограничения на понятие системы накладывает П. К. Анохин, полагающий, что системой можно назвать только такую совокупность компонентов, взаимодействие между которыми нацелено на получение фокусированного полезного результата. Иными словами, понятие системы распространяется в этом случае только на живые системы, которые, собственно, и были объектом его научного интереса.

Нет необходимости излагать все определения системы, рассмотренные В. Н. Садовским, для того, чтобы сделать однозначный вывод об отсутствии обязательного признака, необходимого, согласно Т. С. Куну, для приложения к системности статуса парадигмы: наличия более или менее единого, принятого научным сообществом образца решения научных задач. Это не снижает, однако, ценности системного взгляда на исследуемый объект в качестве пусть не универсального, но эффективного подхода для решения исследовательских задач в различных научных областях, включая политическую науку, обращение к которому диктуется целью и предполагает использование определенных методов исследования. В иерархии научных понятий «парадигма», «подход», «метод», «техника» исследования мы поместим системный взгляд на мир между парадигмой и методом, понимаемым как *способ достижения научной или практической цели*.

Определив таким образом понятие подхода как совокупности методов исследования в рамках определенной парадигмы, вернемся к понятию системы, чтобы на пересечении предметной области двух этих понятий найти значение понятия «системный подход». Это необходимо, поскольку представляется достаточно очевидным, что в самом общем виде системный подход можно определить как *подход к объекту исследования как к системе*.

Система и системный подход

Не вдаваясь глубоко в дискуссию о дефинициях, определимся только в одном: присоединимся к Л. Берталанфи и О. Ланге и признаем систему объективно существующей реальностью, отображаемой в системной исследовательской модели. А понятие будем конструировать, следуя обычной формальной логике: на основе признаков, необходимых и достаточных для того, чтобы отделить все объекты, принадлежащие классу систем, от объектов, этому классу не принадлежащих. При этом по возможности постараемся не вступать в противоречие с определениями авторитетных авторов и с утвердившимися представлениями.

В качестве исходного можно использовать классическое определение Л. Берталанфи: система может быть определена как комплекс взаимодействующих, или взаимосвязанных, элементов. Здесь сразу обнаруживаем два компонента системы: элементы и взаимосвязи между ними.

Уже на этом уровне понимания системного подхода становится, например, очевидным, что понятие «однопартийная система», используемое для обозначения партийной системы, состоящей из одной партии, не имеет ничего общего с системным подходом. Совокупность, состоящая из одного элемента, системой не является. В этом случае можно говорить разве что о вырожденной системе.

Скорректируем, однако, первый из полученных признаков. Использование понятия «элемент», в принципе вполне корректное, содержит, однако, некоторое неудобство, связанное с нашим представлением об элементарном как о неделимом. Составные же части системы сами, как известно, могут иметь сложную структуру, будучи ее подсистемами. С этой точки зрения представляется более удобным говорить не об элементах, а о компонентах системы, которые становятся элементами только на последнем, нижнем уровне ее декомпозиции.

Итак, мы обнаружили два признака системы: наличие в исследуемом объекте элементов и взаимосвязей между ними.

Можно утверждать, что эти критерии необходимы. Но их явно недостаточно, хотя Л. Берталанфи ими в своем определении ограничивался. Все в этом мире взаимосвязано. При таком определении, если бы им пользовались в реальном исследовании, понятие любой системы было бы применимым к чему угодно, а стало быть, пустым. Где, к примеру, границы политической системы? Правомерно ли географические условия, с которыми, безусловно, взаимосвязаны политические явления, поместить внутри границ политической системы, — как это делает, к примеру, индийский политолог П. Шаран⁹? Можно идти еще дальше, рассматривая и планеты как часть политической системы: ведь если политик верит звездочету или астрологу (а такое бывает и в современной политике), то через него и звезды влияют на принятие политических решений, вне зависимости от того, верит ли звездам политик.

Если ограничиться двумя названными критериями, то в силу всеобщей взаимосвязи, присущей нашему миру, принципиально неразрешимой становится проблема границы. На деле же, явно или неявно, мы всегда принимаем во внимание еще один критерий, называя системой лишь такую совокупность взаимосвязанных элементов, которой в той или иной степени присуща качественная определенность, целостность. Иными словами, совокупность элементов образует систему только в том случае, если отношения, связи между ними придают этой совокупности целостность и порождают некое качество, по которому ее отличают от окружающей среды. Качество это называют системным, или интегративным.

Существенно, что качество это является таким свойством совокупности, которое «помечает» собой каждый из входящих в систему элементов, трансформирует эти элементы. Так, совокупность людей, соединенных родственными связями, образует репродуктивную систему, называемую семьей, а ее «элементы» приобретают в ней новые качества быть членами семьи — отцом, сестрой, сыном и т.п. В производственном коллективе эти качества отходят на второй план, и его члены, как элементы иной системы, связанные отношениями производства, приобретают качества, обеспечивающие реализацию общей производственной функции, — быть рабочим, инженером, менеджером и т.д. Тем самым устанавливается граница системы: мы отнесем к ней только те компоненты, которые «участвуют» в формировании системного качества.

Людвиг фон Берталанфи:

«Если мы хотим верно представить и оценить современный системный подход, саму идею системности имеет смысл рассматривать не как порождение проходящей моды, а как явление, развитие которого вплетено в историю человеческой мысли...

Экосистема или социальная система в той же мере реальны, как отдельное растение, животное или человек. В самом деле, загрязнение биосферы как проблема нарушения экосистемы или как социальная проблема весьма четко демонстрирует “реальность” обеих (экологической и социальной) систем. Однако взаимодействия (или шире — взаимоотношения) никогда нельзя увидеть или воспринять непосредственно; нашему сознанию они представляются как концептуальные конструкции».

Л. Берталанфи. История и статус общей теории систем. 1969

Некоторые исследователи из всей совокупности систем выделяют как один из классов системы целостные¹⁰. Например, российский экономист С. А. Кузьмин не относит целостность к инвариантным свойствам системы на том основании, что «отдельные части системы могут иногда обособляться от нее», приводя в пример роды, в результате которых плод, являвшийся до того подсистемой системы «женщина», становится независимой системой¹¹. Ду-

мается, однако, что данный пример свидетельствует лишь о том, что ни одна система не является вечной и в момент появления ребенка исходная система преобразуется в другую, состоящую из двух компонентов, связанных уже иными отношениями (родственными), нежели отношения части и целого. На смену одной целостности приходит другая, одно системное качество сменяется другим.

На самом деле совокупность компонентов, не обладающая свойством целостности, строго говоря, системой не является. Простую совокупность — результат аддитивного сложения, не порождающего нового качества, — системой не называют. Именно целостную совокупность и называют системой. Целостность при этом можно рассматривать как степень зрелости системы, меру интегративного качества.

Этот не вполне очевидный факт не сразу был осознан и в теории систем. Примечательно в этой связи, что В. Г. Афанасьев до некоторого времени рассматривал интегративное качество как отличительный признак системы целостной, допуская наличие не целостных систем, не обладающих системным (интегративным) качеством¹². Но со временем он свою точку зрения пересмотрел и стал рассматривать целостность как имманентное свойство системы¹³.

Существует, таким образом, еще один необходимый признак системности — системное (интегративное) качество. В искусственных системах оно совпадает, как правило, с ее основной функцией, предназначением. В системах, сформировавшихся в процессе эволюции, естественным образом, его определяет исследователь в соответствии с поставленной им целью.

В итоге мы получили три необходимых признака, *три критерия системы*:

- 1) наличие в исследуемом объекте компонентов;
- 2) устойчивые взаимосвязи между этими компонентами;
- 3) системное (интегративное) качество, возникающее в результате этих взаимосвязей.

Ответ же на вопрос об их достаточности требует, строго говоря, специального доказательства. Ограничимся, однако, ссылкой на опыт системного анализа: их достаточно для концептуального представления любого мыслимого объекта в качестве системы. Дополнив соответствующим образом Л. Берталанфи, определим систему как *совокупность взаимосвязанных компонентов, отношения (связи) между которыми порождают системное качество*.

Итак, беглый экскурс в область философии науки и теорию систем позволил, определив понятие методологического подхода и критерии системности, подойти к раскрытию содержания понятия системного подхода: это *использование в рамках определенной научной парадигмы методов декомпозиции исследуемого объекта, выявления взаимоотношений между полученными в результате декомпозиции компонентами и определения системного качества, мерой которого выступает степень целостности системы*.

Принципы и аспекты системного подхода

Реализация системного подхода требует следования трем базовым принципам:

- 1) *декомпозиции;*
- 2) *внутренней взаимосвязанности;*
- 3) *целостности.*

Последний принцип имеет ряд важных следствий. Одно из них — наличие границы, определяемой системным качеством, всегда остающимся имманентным свойством системы. Системный подход предполагает необходимость отграничить исследуемый объект от среды, т.е. следовать еще одному принципу:

- 4) *принцип закрытости, отграничения системы от среды.*

Но всякая граница принадлежит двум сторонам, одновременно разъединяя и соединяя, связывая их. Поведение системы определяется воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Отсюда — следующий принцип:

- 5) *принцип открытости, или связи, взаимозависимости со средой.*

Внешне два этих принципа несовместимы, противоречат друг другу. На этом основывается, в частности, критика системного подхода со стороны бескомпромиссных приверженцев синергетики, теории катастроф, концепции внешних источников развития. «Стандартный системный подход не только не соответствует эволюционному подходу новой парадигмы, но и противоречит квантовым и релятивистским принципам самим по себе», — провозгласила, например, на Московском синергетическом форуме в 1996 г. авторитетный советский, ныне украинский ученый И. С. Добронравова¹⁴. На самом деле абсолютизация любого свойства ведет к заблуждению. Любой объект имеет границу, открытость которой в отношении одних внешних воздействий дополняется закрытостью в отношении других. К тому же теория систем изначально, особенно в ее кибернетической и физиологической интерпретациях, предполагала рассмотрение объекта во взаимосвязи с внешней средой.

Проблема границ системы убедительно решена известным немецким социологом Н. Луманом. «У систем есть границы. Это отличает понятие системы от понятия структуры. Границы невозможно мыслить без представления о мире “за границами”. Таким образом, они предполагают возможность их пересечения и реальность “потустороннего” мира. Поэтому в общем смысле у них есть двойная функция разделения и связывания системы и окружающего мира. Если границы определены четко, то элементы должны быть причислены либо к системе, либо к ее окружающему миру. Напротив, отношения могут существовать и между системой и окружающим миром. Таким образом, граница

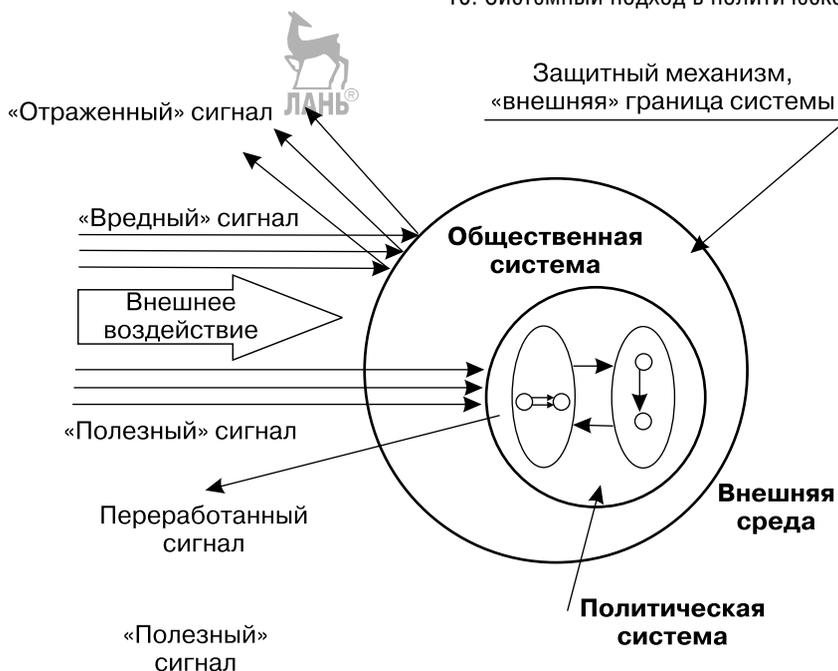

Рис. 1. Политическая и общественная системы по Н. Луману

разделяет элементы, но не обязательно отношения; она разделяет события, но позволяет осуществляться причинным воздействиям»¹⁵. Граница принадлежит одновременно и системе, и окружающей ее среде. Она разделяет компоненты системы и среды, но не прерывает отношения, связи между ними.

При взаимодействии любой развивающейся системы с окружающей ее средой система распределяет внешнее воздействие (или сигнал, информацию) на два потока (рис. 1). Первый («полезный» сигнал) она поглощает и использует в целях адаптации и развития, а второй (отраженный) — отклоняет, отбрасывает, возвращает в среду. И развиваться наилучшим образом будет та система, у которой:

- наиболее адекватный внешнему воздействию механизм адаптации;
- наиболее совершенный механизм защиты (граница), способный оградить систему от сигналов, переработка которых выходит за пределы возможностей адаптационного механизма;
- наиболее благоприятная среда, содержащая все необходимое для поддержания адаптационного механизма и границы в состоянии эффективной работоспособности, но не подвергающая систему воздействиям, с которыми она не способна справиться (рис. 1).

Почти полвека назад американский социолог Т. Парсонс пришел к заключению, что функционально дифференцированные подсистемы всегда

являются открытыми системами. Этому утверждению он не напрасно отводил роль кардинального принципа своей теоретической конструкции¹⁶. Мы можем рассматривать системы как открытые или закрытые, учитывать их взаимодействие со средой или нет. Но это проблема исследователя, а не самой системы.

Системное качество не только ограничивает систему от среды, но и устанавливает пределы глубины декомпозиции. В самом деле, на каждом уровне декомпозиции образующиеся компоненты системы и ее подсистем должны быть причастны к системному качеству, принимать непосредственное участие в его формировании и воспроизводстве. Партийную систему, например, имеет смысл представлять как совокупность взаимодействующих партий, а ее системное качество — репрезентативное представительство структуры социальных интересов в органах политической власти; партию, в свою очередь, — как совокупность различных категорий партийцев; и т.д. до самих членов партии как элементов соответствующих подсистем. Дальнейшая декомпозиция — например, по уровням индивидуального сознания каждого из членов партии или органам его тела — явно теряет смысл. Возникает еще один принцип:

б) *принцип предела декомпозиции.*

Только для искусственных систем справедливо отождествление системного качества с основной функцией, предназначением системы. В отношении же объектов, являющихся продуктом эволюционного развития, такая трактовка теряет смысл. Поэтому человек, к примеру, как система будет иметь различную структуру в зависимости от того, кто его исследует — хирург, психолог или социолог. И совокупность индивидов, проживающих на территории страны, может рассматриваться по-разному — как население (демография), народ (культурология), электорат (политология), — имея в каждом из этих случаев свой набор компонентов, иную целостность, иное системное качество. Любое системное исследование имеет свой предмет, определяемый системным качеством, и предмет этот должен быть установлен. Отсюда — еще один принцип системного подхода:

в) *принцип качественной определенности.*

Ограничение системного подхода, связанное с требованием качественной определенности, как раз и дает повод для субъективного понимания системы всего лишь как одного из возможных способов представления объекта. Думается, однако, что грани объекта, высвечиваемые с помощью системного подхода, существуют так же объективно, как и сам объект, хотя само системное представление, разумеется, идеально. Как в любом исследовании и при любом подходе существует лишь проблема репрезентативности, соответствия идеальному объективному.

Принцип качественной определенности накладывает два существенных ограничения на реализацию принципа декомпозиции, т.е. на выделение со-

вокупности компонентов исследуемого объекта. Одно из ограничений представляется очевидным: в эту совокупность должны войти все компоненты, которые вносят существенный вклад в формирование системного качества. Проще говоря, должны быть учтены все факторы, влиянием которых на результат исследования невозможно пренебречь. Отсюда — еще один принцип, следование которому при системном подходе является обязательным:

8) *принцип полноты.*

Второе ограничение не менее очевидно, когда речь идет о системном исследовании объектов вещественной природы, но, как показывает практика, далеко не всегда учитывается в сфере социальных наук. Оно вытекает из принципа качественной определенности и предполагает включение в совокупность только тех компонентов объекта, которые участвуют в формировании системного качества. Ученый-хирург, к примеру, может рассматривать человека как систему, состоящую из компонентов, обеспечивающих функционирование объекта его научного интереса как биологического индивида, — т.е. из органов тела, — и не станет включать в эту систему элементы сознания, социальные роли и т.п. Психолог же, наоборот, видит в человеке только сознание и соответствующим образом структурирует его, социолог рассматривает человека как совокупность социальных отношений, или ролей, и т.д. Системный подход предполагает рассмотрение не всех компонентов объекта, важных для его существования и функционирования, а только тех, которые участвуют в формировании избранного исследователем системного качества. В противоположном случае эти компоненты неизбежно станут взаимно пересекающимися.

Возникает, таким образом, еще один принцип, которому следуют в системных исследованиях при декомпозиции объекта:

9) *принцип взаимного исключения.*

Здесь мы находим ограничение эффективности системного подхода: будучи мощным инструментом исследования в рамках системного качества, строго задающего ракурс исследования, он предполагает абстрагирование от компонентов, существенных для данного объекта, но в формировании системного качества не участвующих.

В реальных исследованиях, в зависимости от его целей, на первый план выходят различные аспекты системного подхода¹⁷. Некоторые из них вытекают из самой природы системы, когда выбор аспекта связан с концентрацией основного внимания исследователя на компонентах, связях или системном качестве. Наиболее часто применяемым на практике является *системно-компонентный* аспект, в рамках которого выявляются элементы или компоненты системы, ее подсистемы и их функциональное назначение. В свою очередь, *системно-структурный* аспект предполагает рассмотрение системы, главным образом, с точки зрения межкомпонентных взаимосвязей, отношений между

ее элементами, а также между элементами и системой в целом. Оба они используются в случаях, когда встает проблема формирования или реорганизации системы. Их самостоятельное применение эффективно, однако, лишь в условиях относительной стабильности исследуемого объекта как целого, его внешних связей и окружающей его среды, гиперсистемы. При исследовании нестабильных систем на первый план выходит проблема гомеостаза, сохранения. Когда становится возможным распад системы, т.е. утрата ею интегративного качества, актуализируется *системно-интегративный аспект*, исследование системного качества и его проявлений в функционировании как всей системы, так и каждого из ее элементов. При существенном поражении внешних связей рассматриваемой системы, если она перестает удовлетворительно выполнять свои основные функции, в центр внимания следует поставить ее взаимодействие с другими подсистемами и гиперсистемой в целом, рассмотреть проблему в *системно-функциональном аспекте*. Можно вычлениить, наконец, *системно-коммуникативный аспект*, исследование обмена информационными сигналами между системой и окружающей ее средой, а также внутри системы. Применение этого аспекта в исследовании социально-политических процессов тем актуальнее, чем более открытой становится политическая сфера и чем сильнее взаимозависимость сигналов прямой и обратной связи в управлении обществом.

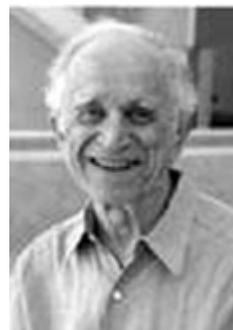
Системный подход в политической науке

Системно-коммуникативный аспект. Первое системное представление политики предложил Т. Парсонс¹⁸ задолго до того, как Л. Бераланфи сформулировал и опубликовал общую теорию систем. В работе «Структура социального действия», опубликованной в 1937 г., Т. Парсонс рассмотрел политическую систему как одну из четырех подсистем социальной системы, которая, в свою очередь, рассмотрена им как одна из четырех подсистем системы социального действия. Системным качеством каждой из систем (подсистем) служит ее основная функция (роль), которой соответствует структура системы (совокупность взаимосвязанных компонентов, или подсистем). Функция политической системы — целедостижение (*goal attainment*)¹⁹. В данном случае мы имеем дело с системно-компонентным аспектом системного подхода. Для анализа соответствующих систем Т. Парсонс воспользовался им же разработанным применительно к социологии методом структурно-функционального анализа.

По-иному использовал системный подход канадско-американский политолог Д. Истон, обратившийся к исследованию собственно политических систем.

Дэвид Истон (1917–2014) — один из ведущих политологов США, впервые комплексно применивший системный подход в политологии.

Наиболее известный труд — трилогия, состоящая из книг: «Политическая система» (1953), «Концептуальная структура для политического анализа» (1965), «Системный анализ политической жизни» (1965).

С точки зрения Д. Истона, политическая система представляет собой совокупность взаимодействий, за счет которых происходит распределение таких ценностей, как богатство, социальный статус, полномочия, а также духовные ценности и предотвращаются конфликты. Взаимодействие политической системы с окружающим миром Д. Истон называет обменами или транзакциями, работающими на основе входящих (требование, поддержка) и исходящих (решения и действия) факторов. Важным также представляется рассмотреть классификацию требований, предлагаемую Д. Истоном: 1) требования о распределении благ и услуг; 2) требования, касающиеся регулирования поведения; 3) требования в области коммуникации и информации. В свою очередь объектами поддержки могут выступать политическое общество, режим или правление. С точки зрения ученого, политическая система не является статичной и постоянно подвергается изменению. Основными средствами для преодоления напряженности политической системы, по мнению Д. Истона, являются адаптация, переориентация усилий, изменение целей, самосохранение.

В рамках разработанного Д. Истоном подхода становится возможным анализировать политические процессы в качестве непрерывных потоков поведения, предоставляющих возможность аналитической реконструкции политических явлений, а также применения компьютерных методов. Подходы и методы ученого широко применяются в области сравнительного исследования политических систем.

Основные работы:

- «Политическая система» (1953)
- «Концептуальная структура для политического анализа» (1965)
- «Системный анализ политической жизни» (1965)
- «Анализ политической структуры» (1990)
- «Развитие политологии: сравнительное исследование» (1991)

В модели Д. Истона на первый план выходит кибернетическая постановка задачи — обеспечение стабильности политических систем за счет взаимодействия со средой в виде обратной связи, корректирующей воздействие системы (решения, действия) через обратное воздействие среды (требования, поддержка)²⁰ (рис. 2). В данном случае мы имеем дело с системно-коммуникативным

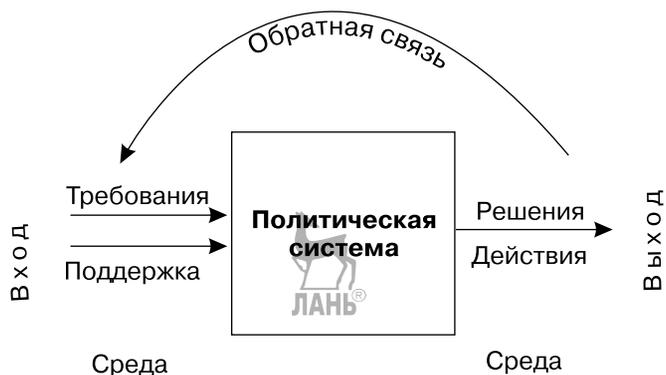

Рис. 2. Модель политической системы по Д. Истону

аспектом системного подхода, а системным качеством является воздействие политической системы на среду.

В модели Д. Истона мы имеем дело с политической системой, представленной в виде «черного ящика», не имеющего внутренней структуры. На самом деле это не совсем так. Просто в данном случае исследователя эта структура не интересует. Фактически же подразумевается, что внутри этого «черного ящика» есть три компонента, участвующие в формировании системного качества: механизм восприятия входящего сигнала, механизм воздействия на среду и механизм конвертации, преобразующий сигналы «входа» в сигналы «выхода».

Немецкий политолог К. Дойч устранил эту неопределенность и пошел дальше²¹. Он обозначил и декомпозировал «непроявленные» компоненты модели Д. Истона (рис. 3). На «входе» сигналы (воздействие) среды воспринимаются «рецепторами» системы, на выходе «эффекторы» обеспечивают воздействие системы на среду. Конвертация сигналов осуществляется Блоком обработки данных, передающим обработанный сигнал в Блок памяти и ценностей и Центр принятия решений. Последний суммирует и перерабатывает сигналы, поступающие из обоих блоков, и подает результат — команду действовать. Представляется важным, что в данной модели учтено влияние ценностей, т.е. культуры, на принятие политических решений.

Особое место в политической теории занимает модель известного американского политолога Г. Алмонда²². Так же как Д. Истон и К. Дойч, он использует структурно-функциональный метод и рассматривает политическую систему прежде всего в системно-коммуникативном аспекте, как совокупность институтов, формулирующих и реализующих цели общества (у Алмонда — политический курс). В отличие от них, Г. Алмонд присваивает функции не абстрактным ее компонентам, а конкретным политическим институтам: партиям, группам давления, ветвям государственной власти, бюрократии. Учитываются при этом специфика функционирования одних и тех же инсти-

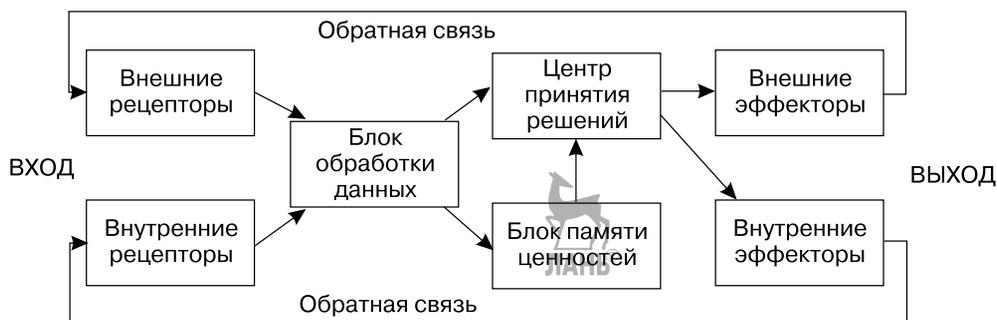

Рис. 3. Модель политической системы по К. Дойчу

тутов в различных условиях и странах. Еще одним достоинством его модели является рассмотрение политической системы в социальной среде с ее культурным своеобразием, погруженной, в свою очередь, в мировую среду.

Есть в модели Г. Алмонда и спорные допущения. Например, — жесткая привязка функций к институтам (артикуляции — к группам интересов, агрегирования — к партиям и т.д.), а функций выхода — к ветвям государственной власти. Но это не помешало ей стать весьма конструктивным, общепризнанным инструментом сравнительного политического анализа и исследований в области политической культуры.

Системно-компонентный, системно-функциональный и системно-структурный аспекты. Благодаря Г. Алмонду утвердилось и наиболее, пожалуй, распространенное сегодня, институциональное представление структуры политической системы. В отличие от него, однако, современные исследователи изучают политическую систему в системно-компонентном или системно-структурном аспекте, явно или неявно рассматривая в качестве совокупности компонентов институты (табл. 1), участвующие не в формировании воздействия на среду, как у их предшественников, а в производстве и воспроизводстве другого системного качества, политической власти. Это, прежде всего, государство как ядро политической системы и исключительно политические общественные институты, создаваемые специально для участия в отношениях политической власти и по поводу этой власти, — партии, группы давления и общественно-политические движения. В различной степени к политической системе могут быть отнесены и другие негосударственные институты, возникающие не для участия в политических отношениях, но вступающие в них частично при определенных обстоятельствах, — частично политические институты (СМИ, профсоюзы, церковь и др.).

Не менее конструктивным в современных условиях представляется рассмотрение политической системы в системно-функциональном аспекте. Определив, вслед за Г. Алмондом, в роли системного качества целеполагание,

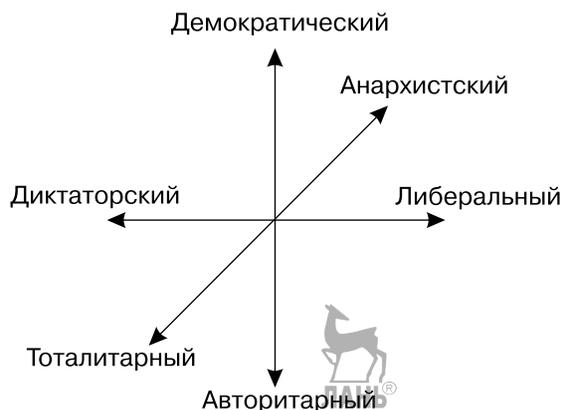

Рис. 4. Пространство политических режимов

или политический курс, мы можем получить инструментарий для исследования способа функционирования политических систем, т. е. политического режима, в дополнение к общепринятой линейке «демократия — авторитаризм — диктатура — тоталитаризм». Последняя не укладывается в системный подход, поскольку в ней не соблюдается принцип взаимного исключения: история и современность дают немало примеров того, что демократический режим способен использовать авторитарные и даже диктаторские методы реализации политического курса и тотально вторгаться в частную жизнь.

Поставив в центр внимания способ функционирования политической системы, мы можем разбить всю совокупность формирующих его компонентов на три непересекающихся множества.

1. Широта участия граждан в формировании и реализации политического курса. На основе этого критерия возникает бинарная оппозиция «монархия» (власть одного — власть всех) и, соответственно, ось, на которой можно найти место для характеристики любой политической системы.
2. Степень насилия в реализации политического курса. Получаем вторую ось (диктаторский режим — опирающийся на добровольное согласие, либеральный режим).
3. Объем сферы жизнедеятельности общественной системы, контролируемой при реализации политического курса (тотальное управление, или тоталитаризм — полное отсутствие государственного управления, или анархия).

Таким образом, любую политическую систему можно представить как схему в трехмерном пространстве. Проекция на одну из осей этого пространства («демократический → авторитарный») покажет при этом, в какой степени по-

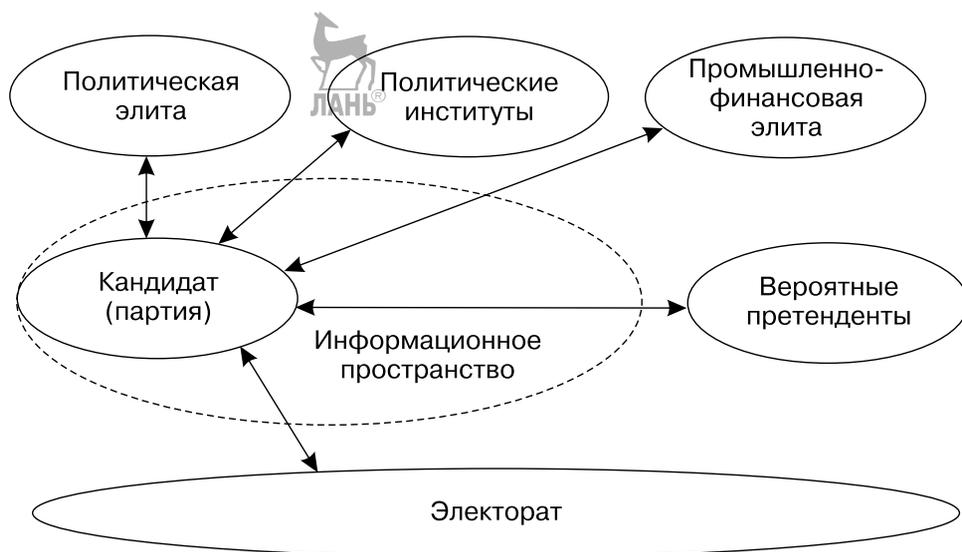

Рис. 5. Избирательная кампания

литическая власть принадлежит народу (кто властвует). Проекция на другую ось («либеральный → диктаторский») покажет способ реализации государственной власти (как властвует). Проекция на третью («анархистский → тоталитарный») дает ответ на вопрос о пределах этой власти (над кем и над чем властвует).

До сих пор речь шла о политических системах как подсистемах общества, консолидированных вокруг государства. Но в реальности системный подход применяется, и даже чаще, к исследованию более локальных общественных систем — региональных и муниципальных, партийных, избирательных, лоббирующих и т.п. На рис. 5 представлена, например, системная модель избирательной кампании, рассматриваемой в системно-структурном аспекте. Системным качеством здесь являются электоральные предпочтения граждан, а в фокус исследовательского интереса поставлены связи между кандидатом и остальными компонентами системы, т.е. информационное пространство.

Итак, набор изучаемых компонентов системы зависит от определяемого для конкретного исследования системного качества. С этой точки зрения модель политической системы, предложенная Д. Истоном и состоящая из трех компонентов — входа, выхода и механизма конвертации²³, — соответствует научной цели автора и не должна рассматриваться как лучшая или худшая по сравнению, например, с современной институциональной моделью. Российский политолог К. Гаджиев настаивает, например, на том,

что «...системный подход... никак нельзя путать с политической системой... Это разноплановые вещи, которые нельзя смешивать без существенных издержек с точки зрения качества и достоверности результатов исследования»²⁴. Разумеется, политическая система в качестве какого-либо из ракурсов политической реальности и системный подход к ее изучению — не одно и то же. Но в качестве идеального отображения этого ракурса политическая система мыслима только как результат системного подхода. Иначе употребление понятия системы в данном контексте теряет смысл.

Если строго следовать системному подходу, в самом общем смысле политическую систему можно определить как *одну из подсистем общества, основной функцией которой является целеполагание*. Структура же политической системы, как и любой другой, определяется выбором системного качества.

Разумеется, системный подход страдает завышенной степенью абстракции. В этом и его достоинство, и недостаток. Системный подход не может претендовать на роль «подхода подходов», на всеобъемлющее представление об объекте. Он неизбежно, как всякая абстракция, обедняет исследуемую реальность. Но именно это делает его, при правильном применении, мощным инструментом достижения конкретной цели исследования. В условиях глобальной нестабильности и роста внутренних социальных напряжений становятся особо актуальными системно-интегративный и системно-коммуникативный аспекты системного подхода.

Примечания

¹ Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. С. 20.

² Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): В 2 кн. М.: Экономика, 1989. С. 79.

³ См., напр.: Берталанфи Л. фон. Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.

⁴ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 1948–1961. 2-е изд. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983.

⁵ Например, авторитетный советский философ, академик АН СССР и РАН В. Г. Афанасьев считал, что «всякая самоуправляемая система расчленяется на две подсистемы — управляемую и управляющую» (Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. С. 211).

⁶ См., напр.: Герасимов В. П. Индивидуальность в системной парадигме // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2004. № 2; Захаров Н. И. Системная парадигма правосознания современной молодежи // Общество и право. 2007. № 4 (18); Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4; Новиков М. Ю. Системная парадигма и архитектурная морфология // Вестник Белгородского государственного технологического универси-

тета им. В. Г. Шухова. 2017. № 6; *Отделенцев Е. А.* Системная парадигма и системные методы политологии: традиции и новации // Теории и проблемы политических исследований. 2013. № 3–4; *Чепурнов О. И.* Правовая система и системная парадигма // Академический юридический журнал. 2008. № 2 (32); и др.

⁷ См.: *Кун Т. С.* Структура научных революций. 2-е изд. М., 1977.

⁸ См.: *Садовский В. Н.* Основания общей теории систем. М., 1974. С. 93–99.

⁹ См.: *Sharan P.* Theory of Comparative Politics. Meerut, New Delhi, 1984.

¹⁰ См., напр.: *Сомкин А. А.* Целостные социальные системы как объект системного анализа: особенности их познания и типологические черты // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2017. № 3 (39); *Третьякова О. Д.* Нормативная система Российской Федерации как целостная система права // Государство и право. 2015. № 9 и т.п.

¹¹ См.: *Кузьмин С. А.* Социальные системы: развитие и метаморфозы. К вопросу о перспективах переходной экономики в России. М., 2006.

¹² См.: *Афанасьев В. Г.* Системность и общество. М., 1980.

¹³ См.: *Афанасьев В. Г.* Общество: системность, познание и управление. М., 1981.

¹⁴ *Добронравова И. С.* На каких основаниях осуществимо единство современной науки? // Московский Синергетический Форум. Январская (1996) встреча. «Устойчивое развитие в изменяющемся мире». 27–31 января, 1996, Москва. Тезисы / Под ред. В. И. Аршинова, Е. Н. Князевой. М., 1996. С. 52.

¹⁵ *Луман Н.* Социальные системы: Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 58.

¹⁶ См.: *Parsons T.* Politics and Social Structure. N.Y.; L., 1969.

¹⁷ *Леванский В. А.* Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986.

¹⁸ *Parsons T.* The Structure of Social Action. N.Y.; L., 1937.

¹⁹ *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998. С. 24.

²⁰ *Easton D. A.* An Approach to the Analysis of Political Systems // World Politics. Vol. 9. No 3. P. 384.

²¹ *Дойч К.* Нервы управления. Модель политической коммуникации. М., 1993.

²² *Алмонд Г., Пауэлл Дж.* и др. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002.

²³ *Easton D. A.* Political System. N.Y., 1971.

²⁴ *Гаджиев К. С.* Политология (основной курс). М., 2007. С. 213.

Литература

Алмонд Г., Пауэлл Дж. и др. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002.

Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Издательство политической литературы, 1980.

Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука: В 2 кн. М.: Экономика, 1989.

Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 1948–1961. 2-е изд. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983.

Гаджиев К. С. Политология (основной курс). М.: Высшее образование, 2007.

Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.

Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.

Раздел I. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ИНСТИТУТЫ. СТРУКТУРЫ. ФАКТОРЫ

Bertalanffy L. von. General System Theory. Foundation, Development, Applications. N.Y.: Braziller, 1968.

Deutsch K. The Nerves of the Government: Models of Political Communication and Control with a New Introduction. N.Y.: The Free Press, 1966.

Easton D. The Analysis of Political Structure. N.Y.: Routledge, 1990.

Easton D. A. An Approach to the Analysis of Political Systems // World Politics. 1957. Vol. 9. No 3. P. 383–400.

Easton D. A. Political System. N.Y., 1971.

Parsons T. Politics and Social Structure. N.Y.; L., 1969.

Sharan P. Theory of Comparative Politics. Meerut, New Delhi, 1984.

11. СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова

Политическая сеть, глобальное управление, глобальные акторы, негосударственные акторы, системная связь, сетевое общество

Сетевая теория политики и управления относится к современным ведущим направлениям в политической науке. Она складывалась постепенно под воздействием мощного реляционного направления в политической науке, которое всегда отдавало приоритет исследованию отношений, а не элементов политической системы. Особое значение данная теория начинает приобретать в условиях развития новых информационных технологий и цифрового общества, когда сети стали заметным явлением социальной и политической жизни. В определенном смысле сетевая теория политики развивалась также под влиянием критики методологического индивидуализма и рыночного подхода к политике. Влияние экономической методологии на политико-управленческие исследования, особенно в 1970–1990-е годы, выразилось в интересе к таким теоретическим направлениям, как теория публичного выбора, неоинституционализм, новый государственный менеджмент. Однако в определенных аспектах эти концептуальные подходы оказались ограниченными. Одной из попыток снятия ограничений и развития политической теории стало концептуальное направление, в основе которого лежит понятие «политическая сеть» (*policy [political] network*). Отношение к этому направлению довольно противоречивое. Одни говорят о том, что использование понятия «политическая сеть» лишь формирует некоторый исследовательский инструментальный подход к изучению политики и управления, другие наделяют его статусом *концепции*, третьи пишут о разработанной новой *теории* политики и управления, а некоторые вообще говорят об удачной *метафоре*. Высказывается даже мнение о том, что «возможно, сети являются просто абстракциями в умах ученых и мы просто приписываем им некоторые значения, независимо от того, что их собственные участники думают о своей деятельности в них. Возможно, в той мере, в которой такие структуры существуют, они просто являются временными конструкциями в умах их участников, а не устойчивыми феноменами, когда участники “имеют общее понимание”»¹. Несмотря на различия, кото-

рые существуют между этими оценочными суждениями, следует сказать, что это исследовательское направление набирает вес, становится все более и более оснащенным собственным концептуальным аппаратом, все чаще используется для анализа политики и управления, приобретает свою философию, а соответственно растет число его сторонников. Как подчеркивают редакторы оксфордского учебника по политическим сетям, сетевой анализ «не является ни методологической прихотью, ни удобным концептом; в действительности сетевые подходы связывают политическую науку с развивающимися процессами в других общественных и естественных науках, которые используют сети для анализа взаимозависимости в сложных системах... Политическая наука должна относиться к сетям серьезно».

В современной политической науке и теории государственного управления применяют различные подходы для определения тематических направлений при использовании сетевого подхода. Так, например, выделяют две основные школы, которые используют сетевой подход в качестве методологии исследования политики. *Англосаксонская школа* считает плодотворным использование сетевого подхода при изучении взаимодействия государства и заинтересованных групп (*political network*). Здесь концепция политических сетей противопоставляется плюралистическому и корпоративистскому подходам, используемым для описания посредничества интересов. Род Роудс и Дэвид Марш, которые чаще всего упоминаются в качестве представителей этой исследовательской школы, относят концепцию политических сетей к концепциям среднего уровня: «Под этим мы понимаем, что этот концепт обеспечивает связь между микроуровнем анализа, который имеет дело с ролью интересов и правительства в отношении к особым политическим решениям, и макроуровнем, который концентрируется на более широких вопросах относительно распределения власти в современном обществе»². *Немецкая школа* обращает внимание на сети в политике как современную форму государственного управления, отличную от иерархии и рынка (*governance network; policy network*). В этом отношении концепция политических сетей обосновывала ту же основную идею, что и новый государственный менеджмент: современному государству не удастся обеспечить удовлетворение общественных потребностей, есть настоящая потребность изменить иерархическое администрирование на новую форму управления. Но если государственный менеджмент в поисках новых подходов делает акцент на рыночной экономике, то теория политических сетей пытается обосноваться, учитывая коммуникативные процессы постиндустриального общества и демократическую практику современных государств. Как подчеркивает Таня Берцель, для производства общественных благ государство все более и более зависит от других акторов и субсистем; в этой ситуации взаимозависимости между общественными и частными акторами ни иерархия, ни рынок не являются эффективными структурами для координации интересов и ресурсов различных акторов, включенных в процесс производства полити-

ческих решений; как результат, доминантной моделью управления становятся политические сети³. Хотя в ходе развития жесткие разграничительные линии между этими двумя школами стираются, тем не менее если говорить о политической науке, то определенная специфика все же сохраняется.

В американской политической науке, характеризуя развитие сетевого подхода, некоторые авторы говорят о соотношении государства и общества в процессе формирования политики и выделяют здесь три основных течения: исследование инноваций в политических курсах (*policy*), изучение изменений в политике и анализ проблемы постановки политических вопросов, того, как сети воздействуют на коллективное действие и результаты политики⁴.

Можно говорить также о четырех основных тематических блоках сетевого изучения политики и управления: управленческие сети (*governance network*), организационные сети в политике (*political network*); сети в различных направлениях публичной политики (*policy network*); сети в международных отношениях и глобальной политике (*global political network; meta-governance network*).

Общие методологические установки концепции политических сетей

Теория политических сетей включает в качестве базовых некоторые идеи, которые часто не являются самоочевидными и не лежат на поверхности. Они должны быть прояснены, чтобы провести четкую линию между концепцией политических сетей и иными политическими и управленческими аналитическими подходами. Некоторые из этих идей являются старыми, и Питер Богесон и Тео Туунен используют формулу «назад в будущее» для объяснения истории данной теории⁵. В этом отношении следует отметить, что концепция политических сетей действительно возникла не на пустом месте. Исторически интерес к отношениям как конституирующим факторам политического пространства отмечается относительно давно. Авторы оксфордского учебника по политическим сетям выделяют три волны в изучении политических отношений, которые имеют значение для современного сетевого анализа политики. Первая волна отмечается в 1930-е годы, и она связывается с социометрикой Якоба Морено. Вторая волна связана с развитием бихевиоризма в 1950–1960-е годы, а именно с изучением вовлеченности в политические коммуникации. Третья волна, которая стимулировала современное изучение сетей в политике, берет начало в 1980-х годах. Она позволила создать теоретические и статистические сетевые модели политики. В 1950–1960-е годы выработка государственной политики в США исследуется в аспекте управленческих субсистем, в которых взаимодействуют бюрократия, конгрессмены и заинтересованные группы⁶. Но именно в Великобритании, как подчеркивают Роудс и Марш, концепция политических сетей выросла из теории межорганизационных отно-

шений⁷. Вообще, концепция политических сетей имеет ряд источников и отправных точек: организационная социология и академическая теория бизнес-администрирования⁸; социальный структурный анализ⁹; институциональный анализ, теория общественного выбора и неоменеджеризм¹⁰. Но смысловые значения многих высказанных в предыдущих теориях идей становятся сегодня новыми, так как они включены в новый «текст» политической и управленческой теории 1990-х годов прошлого — начала нынешнего века. Этот «текст» определяется характеристиками постиндустриального, информационного, цифрового общества, о котором писали Д. Белл, Э. Тоффлер, А. Турен, М. Кастельс, Д. Тапскотт.

Мануэль Кастельс:

«Если первая индустриальная революция была британской, то первая информационно-технологическая революция — американской с калифорнийским уклоном. В обоих случаях ученые и промышленники из других стран играли важную роль как в открытии, так и в распространении новых технологий. В индустриальной революции ключевые источники талантов и практических приложений располагались во Франции и Германии. В основе новых технологий в электронике и биологии находились научные открытия, сделанные в Англии, Франции, Германии и Италии. Изобретательность японских компаний сыграла критически важную роль в усовершенствовании производственных процессов в электронной промышленности и в проникновении информационных технологий в повседневную жизнь всего мира через вихрь новаторских продуктов — от видеомagneтофонов и факсов до видеоигр и пейджеров. В самом деле, в 1980-х годах в производстве полупроводников на мировом рынке господствовали японские компании, хотя в 1990-х американские компании вернули себе конкурентное лидерство. Вся отрасль эволюционировала к взаимопрокинновению, стратегическим альянсам и созданию сетей между фирмами разных стран. Это сделало несколько менее существенным различие в национальном происхождении. Однако американские новаторы, фирмы и институты не только стояли у колыбели революции в 1970-х, но и после продолжали играть ведущую роль в ее экспансии, и эта роль, вероятно, сохранится и в XXI в. Но, без всякого сомнения, мы наблюдаем растущее участие японских, китайских, корейских и индийских фирм, а также следует отметить значительный вклад европейских фирм в биотехнологию и телекоммуникации».

М. Кастельс. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. 2000

Сетевой подход к публичному управлению является отражением не только споров, которые ведутся между представителями различных управленческих теорий, но и ответом на изменения условий, в которых осуществляется управление общественными делами. Экология публичного управления за последние десятилетия существенно изменилась, что заставляет искать новые модели управления помимо рыночных и иерархических административных. Выросшая плюрализация общественных структур, сложность вза-

имоотношений между различными группами населения, высокий уровень общественных потребностей и ожиданий, большой масштаб неопределенности и риска, возросшее влияние международного фактора на внутреннюю политику государства, информатизация общества, падение доверия населения к центральным органам управления — это и многое другое привели к пересмотру традиционных управленческих подходов, особенно тех, где умалялись особенности публичной сферы, как, например, в новом государственном менеджменте, который получил даже наименование неотейлоризма. Сетевой подход к политике и управлению базируется на ряде основоположений и идей.

Теория политических сетей реконструирует отношения между государством и современным обществом. Вместо попытки редукции сложности общества для эффективного управления она включает рост сложности в качестве необходимой предпосылки построения управления. Понятие «сеть», кажется, становится «новой парадигмой архитектуры сложности»¹¹. В этом отношении сетевая методология применительно к политике использует понятие сложных адаптивных систем. Синергетический эффект при сетевом взаимодействии складывается из конкуренции и кооперации множества акторов, по отдельности неспособных справиться с решением определенных политических проблем. Иногда указывается, что государство вынуждено было пойти на сетевое сотрудничество, так как увеличилась сложность окружающей его среды. Тем самым государство часто уклонялось от непосредственного решения ряда проблем, переложив их на сетевое управление: «Диффузная сеть акторов, в которой неправительственные структуры доминируют при непосредственном решении противоречивых проблем и взаимодействии с маргинализированной клиентелой, позволяет реагирующим на них политическим властям и агентствам не предпринимать продолжительных усилий»¹². По-видимому, однако, роль государства в сетях определяется в зависимости от оценки эффективности государственного участия при решении тех или иных вопросов. Она может быть большей или меньшей, но все же значимым для сетевой методологии является акцент на открытости государства перед гражданским обществом при формулировании, внедрении и реализации публичной политики.

При использовании этого подхода восстанавливаются связи между управлением и политикой. Новый государственный менеджмент объявлял свое безразличие к политике. Наоборот, подход с позиций политических сетей к государственному управлению проявляет интерес к политической сцене. «Политика и управление не могут быть разделены по различным причинам, включая неясность в определении государственной службы и потерю согласия относительно того, кто уполномочен на подобные услуги», — пишет Рита Келли¹³. Некоторые защитники нового государственного управления доказывают, что их подход, вероятно, включает больше ответственности (больше,

чем подход к управлению с позиции государственной бюрократии), так как он предлагает больше надежды для того, чтобы индивид обладал большими полномочиями и имел больше нужды быть ответственным перед потребителем. «Даже если это само собой разумеется, тем не менее, нам все еще нужно знать, — пишет Келли, — как новый государственный менеджмент отвечает на проблему, что граждане в демократической политике примут выбор, сделанный децентрализованным агентством, безродной организацией или аполитичным, ориентированным на эффективность и действенность менеджером? Открытая демократическая политика требует большего, чем удовлетворения потребителей»¹⁴. Концепция политических сетей в этом отношении включает в рассмотрение широкий спектр политических проблем. Не случайно, что многими исследователями подчеркивается ее несомненная связь с политической наукой, а внутри нее с теорией демократического принятия политических решений и выработки политической линии. Концепция политических сетей меняет ракурс рассмотрения государства как агента политики: 1) в противоположность идее доминирующей роли государства в выработке политики, при сетевом подходе государство и его институты являются хотя и важным, но лишь одним из акторов производства политических решений; 2) в противоположность идее относительной независимости государства в политике, в концепции политических сетей государственные структуры рассматриваются в качестве «сцепленных» с другими агентами политики и вынуждены вступать в обмен своими ресурсами с ними; 3) в противовес идее государственного управления как иерархически организованной системы, сетевой подход предлагает новый тип управления — «руководство» (*governance*), общая характеристика которого нашла выражение в формуле «управление без правительства» (*governing without government*)¹⁵ или «руководство без правительства» (*governance without government*)¹⁶.

Концепция сетевого взаимодействия в политике и публичном управлении первоначально базировалась на инструментально-рациональном описании процесса принятия решений сетевыми акторами, обменивающимися своими ресурсами. Рациональное поведение в сетях и институциональное закрепление сетевых практик общения в правилах и достигнутых договорных соглашениях первоначально описывались как достаточные для жизнедеятельности сети и удовлетворения базовых интересов ее участников. Вместе с тем ученые, которые разрабатывали теорию политических сетей, включали в свои размышления морально-психологическое измерение управления и процесса производства политического решения. Это означало, что данная теория государственного управления близка к политической философии и ценностно-ориентированному подходу¹⁷. Как подчеркивает Таня Берцель, «есть много работ по политической сети, в которых признается, что идеи, верования, ценности и консенсуальное знание обладают объяснительной

властью при изучении политической сети. Тем не менее критика рационалистических институционалистских подходов к политическим сетям пропускает фундаментальную позицию: идеи, верования, ценности, идентичность и доверие действительно не только имеют значение для политических сетей; они являются конструктивными для логики взаимодействия между членами сети»¹⁸. Общее моральное измерение поведения в сетях поставило перед исследователями вопрос о том, как оно достигается. Совместное понимание проблемы, доверие друг к другу, общие идеи и ценности и их выражение в определенных правилах сетевого поведения становятся предметом специального анализа¹⁹.

Хотя понятие «институт» играет значительную роль в теории политических сетей, однако не институты, а связи и отношения составляют ключевой пункт рассмотрения: «По-видимому, все аналитики теории сетей разделяют предпосылку, что завершённое объяснение для некоторых социальных феноменов требует знания взаимоотношений между системными акторами»²⁰. Фактически речь здесь идет о новом качестве институционального оформления сетевых практик взаимоотношений, подчиняющихся логике совместного действия. Эту тему разрабатывает Иоахим Блаттер в ряде своих работ²¹. В частности, основываясь на идее Фрица Шарпа о четырех типах взаимодействий и соответственно институциональных структур («одностороннее действие» — «анархическая структура», «согласованный договор» — «сеть», «голосование по большинству» — «ассоциация», «иерархическое управление» — «организация»), он исследует такой тип институциональных структур, который бы базировался на «одностороннем действии» и «согласованном договоре». Такую институциональную структуру он связывает как раз с сетями и называет ее «свободно соединенными институтами»²². Сети часто и определяются через понятие «отношение», а не «институт». «Сеть... состоит из акторов и отношений между ними, а также из определенных действий/ресурсов и зависимостей между ними», — пишут Х. Хакансон и Я. Йохансон²³. Р. Роудс подчеркивает значимость структурных отношений между политическими институтами в качестве решающего элемента политической сети, а не межперсональных отношений внутри институтов²⁴.

В теории сетей проблема эффективности управления часто рассматривается не в аспекте отношения «цели—средства», а в аспекте отношения «цели—процессы». Хотя и здесь степень эффективности политических сетей, служащих удовлетворению каких-либо общественных потребностей, часто оценивается по качественным параметрам этого удовлетворения²⁵, однако политико-управленческие сети все же больше оцениваются по процессуальным параметрам, например по транзакционным издержкам, т.е. по затратам на переговоры, на интеграцию и координацию своей деятельности²⁶. Тео Туунен демонстрирует это на уровне коллективного выбора и утверждает здесь значи-

мость интегрированности и легитимности: «Ключевой пункт административных ценностей относится к качеству коллективного выбора или совместному выбору решения»²⁷. Вместе с тем в последнее время подвергается сомнению то обстоятельство, что сетевое управление само по себе способно решить ряд проблем, связанных с распределительной политикой. Акцент на процессуальной стороне сетевого управления как фактора достижения целей оставляет в стороне вопрос о результате. Оказывается, что налаженные процессы координации и взаимодействия в управленческих сетях могут неоднозначно способствовать справедливому удовлетворению исходных интересов. Как показали Лоренс Отуул и Кеннет Мейер на основе анализа сетевых структур управления в образовании в США, созданные в Техасе управленческие сети не являются нейтральными в политических вопросах и могут способствовать удовлетворению интересов наиболее привилегированной части участников, а не вести к равноправию в потреблении образовательных услуг. Отсюда они делают вывод о необходимости обратить внимание на политическую сторону сетевой модели управления: «Управленческое формирование сети не является ни заменой политике, ни более чистой, а значит принятой, формой политической деятельности. Оно производит определенные виды структур и дилемм, на которые обществоведы уже указали»²⁸.

Понятие «политические сети»

По вопросу определения понятия «политическая сеть» между исследователями нет особых споров. В целом ясно, что это понятие может быть сформировано путем определения участников, составляющих сеть, и характера отношений между ними. В отличие от понятий «система» или «структура» здесь акцент делается на активном и осознанном взаимодействии акторов, формирующих политическое решение и участвующих в его выполнении. Вместе с тем и рынок, и традиционное иерархическое управление не исключают этой активности и осознанности участников формирующихся связей. Следовательно, политические сети должны обладать какими-то качествами, которые отличали бы их как новую форму управления. Приведем ряд суждений на эту тему.

По Р. Роудсу, политические сети формируются в различных секторах политики современного государства (здравоохранение, сельское хозяйство, индустрия, образование и т.д.) и представляют собой комплекс структурных взаимоотношений между политическими институтами государства и общества. Он подчеркивает значение именно институциональной составляющей политической сети и ее ограниченность определенными секторальными интересами. Роудс включает в рассмотрение и обмен ресурсами между членами сети в процессе налаживания отношений²⁹.

Родрик Роудс:

«Главным вызовом для британского правительства является способность признать ограничения центральной роли правительственных властей, вызванные изменением в направленности самоуправления, а также необходимость найти новые инструменты для политического управления этими сетями».

Р. Роудс. Новый тип управления: управление без правительства. 1996

«Процесс управления означает, что не существует одного-единственного центра, но их множество; также не существует отныне полностью суверенной власти, так как сети обладают значительной автономией».

«Процесс политического управления обществом эволюционирует в сторону самоуправления, межорганизационных сетей, связанных взаимозависимостью, правилами игры и располагающих существенной автономией от государства».

Р. Роудс. Понимая процесс управления. Политические сети, управление, гибкость и ответственность. 1997

Таня Берцель, анализируя две школы в концепции политических сетей — немецкую и английскую, дает следующее определение: «Политическая сеть представляет собой набор относительно стабильных взаимоотношений по природе неиерархических и взаимозависимых, связывающих многообразие акторов, которые разделяют относительно политики общие интересы и которые обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей»³⁰. В этом определении обращает на себя внимание то, что участники политической сети преследуют не сепаратные, а общие интересы и что они выбирают для их достижения кооперативные способы деятельности. Следует отметить и то, что таких участников множество и они различны.

Авторы книги «Сравнение политических сетей. Политика в сфере труда в США, Германии и Японии» используют понятие организационного государства для описания возникающих отношений между различными участниками принятия политических решений. «Межорганизационные сети, — пишут они, — позволяют нам описывать и анализировать взаимодействия между всеми значимыми акторами политики — от парламентских партий и министров правительства до ассоциаций бизнеса, профсоюзов, профессиональных обществ и групп общественных интересов... В качестве эмпирической системы организационное государство не обеспечено полной поддержкой правовых регуляций. Его возникновение в действительности отражает и формальную и неформальную власть производить решения, которая пронизывает государство и общество»³¹. В качестве аналитических категорий, описывающих организационное государство, они предлагают «сферу политики» («сложную социальную организацию, в которой производятся коллективно увязанные ре-

шения»), структурными компонентами которой выступают акторы политики, политические интересы, властные отношения, коллективные действия и совместно занятые позиции³².

Лоренц Отуул предлагает следующее определение: «В более конкретном смысле сети включают межагентские кооперативные ставки, межуправленческие структуры программного менеджмента, сложное множество соглашений и государственно-частное партнерство. Они также включают системы предоставления услуг, основанные на комплексе провайдеров, который может включать публичные агентства, частные фирмы, неприбыльные и даже укомплектованные волонтерами организации, все из которых связаны взаимозависимостью и интересами, закрепленными определенной совместной программой»³³. Здесь проведено различие между элементами сети, которые связаны с принятием решений по политическим вопросам, и теми элементами, которые на основе этих решений предоставляют услуги.

Хью Компстон, анализируя сети в публичной политике, дает определение политической сети «как комплекса политических акторов, которые вовлечены в ресурсный обмен по вопросам публичной политики (политических решений) на основе из ресурсной взаимозависимости»³⁴.

Таким образом, политические сети обладают рядом характеристик, которые отличают их от иных форм управленческой деятельности в сфере публичных потребностей и интересов. *Во-первых*, сети представляют собой такую структуру управления публичными делами, которая связывает государство и гражданское общество. Эта структура эмпирически наблюдаема и теоретически описывается как множество разнообразных государственных, частных, общественных организаций и учреждений, которые имеют некоторый общий интерес. *Во-вторых*, политическая сеть складывается для выработки соглашений в процессе обмена имеющимися у ее акторов ресурсами. Это означает, что существует взаимная заинтересованность участников сети друг в друге. Ресурсы могут быть распределены неравномерно, но независимо от степени их концентрации и определенного доминирования ряда участников сети последние вынуждены вступать во взаимодействие. Между участниками сети существует ресурсная зависимость. Как специально подчеркивает Якоб Торфинг, «между сетевыми акторами может быть асимметрическое распределение материальных и нематериальных ресурсов, но так как участие является добровольным и акторы свободны выйти из сети... никакой отдельный актор не может установить свою власть для иерархического контроля над другими»³⁵. *В-третьих*, важной характеристикой политической сети выступает общий кооперативный интерес. Многие исследователи подчеркивают эту черту особенно, так как она отличает данную регулятивную систему от рынка, где каждый участник преследует прежде всего свои собственные интересы. *В-четвертых*, с точки зрения выработки политических решений участники сети не выстраиваются в некоторую иерархию, где какая-либо организация имеет преимущество с точки

зрения ее властной позиции. Все участники сети равны с точки зрения возможности формирования совместного решения по интересующему вопросу. Здесь наблюдаются не вертикальные, а горизонтальные отношения. *В-пятых*, сеть представляет договорную структуру, состоящую из набора контрактов, возникающих на основе согласованных формальных и неформальных правил коммуникации. В политических сетях действует особая культура консенсуса. Можно даже сказать, что сети формируют новую систему взаимодействий, в которой множественность контрактов приводит к новому качеству, описываемому как политическое сотрудничество. В целом политическая сеть представляет собой систему государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя формальные и неформальные нормы.

Виды политических сетей

Ясно, что политические сети будут различаться по ряду критериев. Конечно, есть различия, связанные со степенью выражения общих качеств политических сетей, но также можно выделить внутренние дифференцирующие критерии. К последним следует отнести: 1) число и тип участников сетей; 2) характер институционализации; 3) сферу политики, в которой формируются сети; 4) распределение ресурсов между участниками сетей; 5) особенности интересов, объединяющих участников сети; 6) степень концентрации власти и т.д.³⁶ Тания Берцель в своей статье «Организуемый Вавилон — о различных концепциях политических сетей» дает описание ряда подходов к типологии политических сетей³⁷.

Воспользуемся наиболее широко распространенной типологией политических сетей, предложенной Р. Роудсом³⁸. Он выделяет пять типов политических сетей, руководствуясь тремя критериями: степень внутренней интеграции, число участников сети и распределение ресурсов между ними.

Политические сообщества (*policy communities*) представляют собой такие сети, которые характеризуются стабильностью взаимоотношений, устойчивым и в высокой степени ограниченным членством, вертикальной взаимозависимостью, основанной на совместной ответственности за предоставление услуг, и изоляцией как от других сетей, так и от публичных организаций (включая парламент). Такие сети являются высокоинтегрированными, имеют высокую степень вертикальной взаимозависимости и ограниченную вертикальную координацию. Подчеркивается, что подобные сети концентрируются на основных функциональных интересах типа образования или пожарной безопасности. Это скорее территориальные сообщества.

Родерик Артур Уильям Роудс (род. 1944) — британский политолог, основная сфера его научных интересов — политические сети, теория управления, политическое лидерство.

На основе трех основных критериев (внутренняя интеграция, число участников сети и распределение ресурсов) Роудс выделил пять основных типов политических сетей: политические сообщества, профессиональные сети, сети производителей, межуправленческие сети и проблемные сети, каждая из которых имеет ряд отличительных признаков.

Так, к политическим сообществам относятся сети с высокой степенью внутренней интеграции и вертикальной зависимостью, ограниченным количеством членов, связанных в основном совместной ответственностью, а также общими интересами, стабильными взаимоотношениями между участниками.

В основе профессиональных сетей лежит преобладание конкретной профессиональной группы, чьи интересы и выражает данная сеть, для нее характерны также высокая степень вертикальной взаимозависимости и ограниченная координация между разными иерархическими единицами.

Важными особенностями межуправленческих сетей является способность к взаимодействию, вертикальная взаимозависимость, горизонтальная структура, широкий круг интересов.

Характерной чертой сети производителей является сосредоточенность на экономических интересах, их взаимозависимость, а также связанность центра с промышленными организациями.

Чертами, присущими сетям, формируемым вокруг конкретной проблемы, являются ограниченная взаимозависимость участников и массовость.

Р. Роудс считает, что концепция политических сетей образовалась в Великобритании из теории межорганизационных отношений.

Основные работы:

- «Политические сети в британском правительстве» (1992)
- «Понимая процесс управления. Политические сети, управление, гибкость и ответственность» (1997)
- «Интерпретация процесса управления в Великобритании» (2003)
- «Государство как культурная практика» (2010)

Профессиональные сети (*professional networks*) характеризуются преобладанием одного класса участников производства политических решений: профессиональных групп. Эти сети выражают интересы особой профессиональной группы и основаны на высокой степени вертикальной взаимозависимости, а также изолированы от других сетей. Профессиональные сети могут быть

представлены в национальном масштабе, например Национальная служба здравоохранения в Великобритании.

Межуправленческие сети (*intergovernmental networks*) формируются на основе представительства местных властей. Их отличительными характеристиками являются топократическое членство, явное исключение иных публичных союзов, широкий охват интересов, связанных со многими службами, ограниченной вертикальной взаимозависимостью (так как они не ответственны за оказание услуг), широкой горизонтальной структурой и способностью взаимодействовать со многими другими сетями.

Сети производителей (*producer networks*) отличаются значительной ролью в политике экономических интересов (публичного и частного секторов), их подвижным членством, зависимостью центра от промышленных организаций при производстве желаемых товаров и при экспертизе, а также ограниченной взаимозависимостью между экономическими интересами.

Проблемные сети (*issue networks*) характеризуются большим числом участников с ограниченной степенью взаимозависимости. Стабильность и постоянство находятся здесь в большом почете, а структура имеет склонность к атомистичности.

Понятие *governance* в концепции политических сетей

Английское слово *governance* на русский язык сложно поддается однозначному переводу. Это и «руление», «управление на высших уровнях организации», «руководство», «общее управление», «политическое управление», «соуправление». Конечно, все значения данного термина связаны друг с другом, но это слово обладает и более широкой коннотацией, если его использовать, как часто делают, в ряду с другими терминами, например рынком и иерархией как двумя способами координации взаимодействий. Мы используем это слово в смысле общего политического управления, т. е. руководства, который включает многие значения других толкований термина.

Понятие «*governance*» в современной науке государственного (шире — публичного) управления приобретает концептуальное значение. Некоторые исследователи ставят это понятие в качестве самостоятельной концепции наряду с государственным менеджментом, институциональной концепцией управления и концепцией политических сетей, хотя и подчеркивают ее несомненную связь с двумя последними теоретическими движениями³⁹. Вместе с тем именно в концепции политических сетей Берцель выделяет самостоятельную школу (по преимуществу немецкую), описывая ее концептуальную особенность через понятие *governance*⁴⁰. Многие другие исследователи, которые пишут о теории политических сетей, используют это понятие для характеристики процесса налаживания отношений между участниками сетей и принятия

политических решений. Отметим здесь суждение Гая Питерса: «Дискуссия о *governance* опирается на положительный взгляд на государственную службу. Здесь перспектива состоит не столько в том, чтобы государственная служба стремилась принять философию и идеи общественного сектора; преобладающий взгляд состоит скорее в том, чтобы общественные институты в качестве выразителей общественного интереса могли и должны были играть лидирующую роль в межсекторальной мобилизации ресурсов и в совместном определении ставок. Роль политических институтов в различных типах управления может сильно различаться, но поскольку имеется определенная значительная вовлеченность в руководство, постольку в [политическом] процессе представлены также коллективные цели»⁴¹.

Перспектива использования понятия *governance* для описания новой ситуации в государственном управлении делает теорию последнего непосредственно связанной с политической наукой. По преимуществу эта концепция является политологической концепцией и в определенной мере восстанавливает значение теории государственного управления в политической науке. Государственное управление предстает здесь не столько исполнительной функцией государства, очень отдаленно связанной с непосредственным общественным влиянием, сколько одним из субъектов общественно-политического процесса по выработке согласованного политического решения совместно со структурами гражданского общества. «Современное управление характеризуется системами принятия решений, в которых территориальные и функциональные дифференциации преобразуют эффективную организацию разрешения проблем в набор субсистемных акторов со специальными задачами, ограниченной компетенцией и ресурсами», — пишут Кеннет Хенф и Лоренц Отуул⁴². Следовательно, для государственного управления эта особенность выражается во включении в процесс принятия решений внешних общественных и частных акторов, а значит, в развитии отношений общественной коммуникации, дискурса, договора. «Термин “*governance*”, — как подчеркивают Лоренц Линн, Кэролин Хайнрих и Кэролин Хилл, — подразумевает конфигурацию отдельных, но взаимосвязанных элементов — статусов, политических мандатов, организационных, финансовых и программных структур, административных правил и директив, институциональных правил и норм, которые в комбинации определяют цели и средства государственно-управленческой деятельности. Любая особенная конфигурация — в определенной сфере политики (например, защита экологии), в отношении типа государственно-управленческой деятельности (например, регуляция), внутри особой юрисдикции (например, штат или город), в особой организации (например, отдел гуманитарного обслуживания) или в организационной отрасли (например, агентства по обслуживанию детей) — является результатом динамического процесса, который мы определяем как “логику руководства”. Этот процесс связывает ценности и интересы граждан, законодательный выбор, исполнительные и организационные структуры и роли, а также юридический надзор способом, который

предполагает взаимоотношения, значительно влияющие на эффективность деятельности»⁴³. Фактически, *governance* отличается и от простого администрирования, когда источником политических решений выступает политическая верхушка иерархической лестницы государственной власти и управления, а общественные структуры лишь оказывают опосредованное влияние на этот процесс, и от рыночной модели государственного управления с ее акцентом на торговой сделке, в которой каждый участник пытается максимизировать свой особый интерес. *Governance* осуществляется способом организации общих переговоров между государственными и негосударственными структурами по осуществлению взаимного интереса совместными усилиями, а следовательно, для принятия политического решения, удовлетворяющего все стороны соглашения. Оно не только отличается от рыночных и иерархических моделей управления; оно более эффективно, как считается, для удовлетворения общественных потребностей, т.е. выработки решения по общим вопросам.

Понятие сетевого политического управления

Определения сетевого политического управления по своим основным параметрам могут совпадать с общим определением сети, помимо, конечно, участников сетевого взаимодействия. Впервые понятие сетевой структуры применительно к публичной политике и управлению было использовано Хью Хекло в 1978 г. в работе «Проблемные сети и устройство исполнительной власти»⁴⁴, где описаны сетевые взаимодействия между правительственными агентствами, законодательными комитетами и группами интересов. Впоследствии сетевая конфигурация политического управления стала предметом анализа применительно к различным сферам, отраслям и функциям управленческой деятельности в публичном пространстве. Общая характеристика сетевого политического управления может быть представлена в табл. 1. В ней показано, что *акторы*, вовлеченные в сетевое политическое управление, могут характеризоваться по их отношению к социальным группам, общественному сектору, позиционированию в центре или на периферии, по направленности подотчетности и ответственности. При этом устанавливаемые *сетевые связи* будут включать в себя обмен разного рода ресурсами, могут быть сильными и слабыми, формальными и неформальными, основанными на определенном виде административной власти и типе подотчетности. *Широта сетевого взаимодействия* охватывает различные инструменты политики, ее операционные функции, проблемы и отрасли. При этом *конфигурация сети* может быть различной, от внутриправительственных отношений до частно-государственного партнерства. *Системная связь сети* сможет обладать различной степенью открытости, а ее динамика сосредотачиваться на входных параметрах системы или на результате.

Таксономия сетевого политического управления*

Сетевые элементы	Характеристики элементов/процессов	Описания характеристик/процессов
Актор	Социальная шкала	Индивиды, группы, социальные сети, организации/институты, альянсы
	Общественный сектор	Публичный, частный, неприбыльный
	Шкала уровней управления	Местный, региональный, субъект Федерации (территория), государственный, виртуальный, международный
	Роль центральности	Наличие центра-периферии, разные траектории
	Используемый капитал	Финансовый, физический, природный, человеческий, социальный, культурный, политический, сетевой, знание
	Кому подотчетна сеть	Представительным органам и депутатам, гражданам и группам интересов, судам, собственникам, потребителям, чиновникам / надзорным органам / руководителям, профессиональным ассоциациям, партнерам
	Кто подотчетен сети	Представительные органы и депутаты, граждане и группы интересов, суды, собственники, потребители, чиновники / надзорные органы / руководители, профессиональные ассоциации, партнеры
	Критерии оценки результативности	Имеют отношение к политическим функциям и отраслям политики
Связи	Обмен ресурсами	Активный, пассивный, рыночный, гражданский, семейный, клановый
	Сила связи	Сильный, слабый
	Формальность связи	Формальная, неформальная
	Административная власть	Вертикальная (команда и контроль), диагональная (переговоры и торговля), горизонтальная (сотрудничество), конкурентная
	Тип подотчетности	Экономический, социальный, политический, культурный, правовой

* Представленные в таблице описания характеристик/процессов отличаются от исходной версии: *Koliba Ch., Meek J., Zia A. Governance Networks in Public Administration and Public Policy. Boca Raton, L.; N.Y.: CRC Press, 2011. P. 331–334.*

Окончаник табл. 1

Сетевые элементы	Характеристики элементов/процессов	Описания характеристик/процессов
Широта сетевого взаимодействия	Инструменты политики	Нормы, гранты, контракты, переговоры, ваучеры, налоги, заем
	Операционные функции	Ресурсный обмен, координация, обмен информацией, развитие способностей
	Политические функции	Определение проблем, проектирование политических решений, координация политических решений, осуществление политики (регулирование), осуществление политики (предоставление услуг), оценка и мониторинг политики, корректировка политики
	Отрасли политики	Здравоохранение, экология, образование и т.д.
	Макроуровень управленческой структуры	Руководящая организация, совместное управление, сетевая административная организация
	Конфигурация сети	Внутриправительственные отношения, коалиции заинтересованных групп, подсистемы регулирования, гранты и контрактные соглашения, частно-государственное партнерство
Широта систем	Свойства сетевых границ	Открытые, закрытые
	Системная динамика	На входе, процессуальная, на выходе, с учетом результатов
	Типы обратной связи	Инструменты политики, репрезентация, административная власть, подотчетность, менеджмент качества, коммуникация
	Гибридные режимы подотчетности	Государственно-гражданские, «три партийные», альянсные и др.
	Менеджмент оценки эффективности	Управляющие сообщества практиков, режимы сбора данных, оценка политики, сетевая активность

Важное значение имеют типы обратной связи, режимы подотчетности и менеджмент оценки качества. Обратим внимание на то, что в таблице представлены черты сетевого политического управления с учетом новых ИКТ последнего десятилетия. Это означает, что здесь учтено влияние новых информационных технологий второго (2.0) или даже третьего (3.0) поколений. Следовательно, к сетевому политическому управлению нужно добавить при-

знаки, которые бы учитывали интерактивность, социальные сети и новые технологии политического участия (непосредственная демократия, экспертная оценка, блоги, краудсорсинг и др.).

Определение понятия сетевого политического управления включает в себя обычные характеристики сетей. Для Кейта Прована и Патрика Кениса любые целеориентированные сети должны иметь управление для обеспечения вовлечения участников в коллективные и взаимно поддержанные действия, для определения конфликта и для того, чтобы ресурсы распределялись эффективно. Акцент на управлении в сетях редко ставился, а сетевое управление не рассматривалось в качестве основного. В этом смысле «хотя все сети включают в себя комплекс взаимодействий между участниками, однако исследование управления в них касается использования институтов и структур власти и сотрудничества для распределения ресурсов, координации и контроля совместных действий в сети в целом»⁴⁵. При таком рассмотрении сетевое политическое управление можно понимать как элемент или подсистему любой сетевой структуры, которая осуществляет координацию действий и участвует в эффективном распределении ресурсов. Но эти замечания нам важны и при определении такого сетевого политического управления, которое относится к публичной политике и управлению. Они даже более значимы здесь, так как большинство политических сетей в сфере публичной политики и управления являются управленческими сетями, нацеленными на координацию и распределение ресурсов для принятия и реализации публичных решений.

- **Сетевое политическое управление** можно определить как сформированную для решения определенной политической проблемы устойчивую сложную структуру взаимодействий всех заинтересованных сторон, координирующих свою деятельность в рамках политических институтов на основе доверия, взаимной зависимости, обмена ресурсами и легитимности властных действий.

Формально политические решения принимаются органами государственной власти в рамках предписанных им властных полномочий, однако сам факт принятия решений предполагает наличие сетевого обсуждения, согласия и поддержки. В этом отношении центральным вопросом сетевого политического управления выступает роль государства и государственных институтов. Обладая большими материальными, организационными, властными ресурсами, государство в сетевом политическом управлении выполняет две важнейшие функции: поддержание устойчивости взаимодействий и вовлечения в публичность. Поддержание устойчивости взаимодействий означает сохранение ассоциации людей, их групп и интересов в обществе или в определенной сфере публичной политики. Вовлечение в публичность является важной функцией государства, ориентированного на ассоциацию людей и их

групп для решения их проблем и принятия справедливых решений, что направлено против захвата публичной сферы какой-то одной группой частных интересов.

Возникновение потребности в сетевом политическом управлении возникает особенно тогда, когда имеются сложные проблемы и высока вероятность неопределенности в их решении. Тогда формирование сетевых структур в публичном управлении имеют некоторые общие основания⁴⁶:

- *сложные политические проблемы*, которые невозможно решить одному актору и требуются коллективные действия многих участников;
- *неопределенность и риск* являются существенными для такого сетевого управления;
- относительно *высокая взаимозависимость* между акторами;
- сложная структура взаимодействия, так как *каждый участник является автономным* и каждый имеет собственное представление о проблеме, ее решении и своих собственных интересах;
- сложность взаимодействий возникает на основе *конфликта ценностей*, которыми руководствуются участники сети;
- *инновационное решение*, которым, как правило, характеризуется сетевое политическое управление, возникает на основе *доверия*;
- взаимодействия в сетевом политическом управлении являются *длительными и динамичными*.

Эволюция концепции политических сетей: от структурного к когнитивному подходу

Хотя применение сетевого подхода для изучения политики и управления имеет относительно длительную историю, однако мы должны констатировать, что эволюция здесь идет медленно и каких-либо принципиальных изменений в концепции политических сетей не произошло. Конечно, выделение самой темы «политических сетей» добавило разнообразия в сетевую методологию. В самой суботрасли политических сетей происходит накопление эмпирического материала и некоторое уточнение исходных позиций. Происходит расширение предметного использования концепции для изучения государства, парламентов, международной политики, европейского объединения, межрегионального сотрудничества, федерализма, местного самоуправления, отдельных секторов публичной политики, выработки политического курса и принятия политических решений. Вместе с тем могут быть отмечены некоторые направления эволюции, которые приобретают решающее значение для будущего концепции.

Прежде всего, это — использование достижений когнитивных наук для изучения того, как формируются сети, как происходит создание общих идей и верований, как изменяется институциональная структура сетевого взаимодействия в связи с совместным обучением в сетях. Как отмечает Райна Брендс, «в исследованиях социальных сетей существовало длительное “креативное напряжение” между рассмотрением сетей как взаимодействий и как когниций»⁴⁷. Влияние когнитивистики на концепцию политических сетей осуществляется через два основных канала. Первый связан с институциональным подходом, в котором когнитивная наука оказывает влияние на объяснение ментальных факторов возникновения и изменения институтов. Второй имеет отношение к теории управления, организационного научения и инноватики⁴⁸. Так как сетевой подход так или иначе связан с институционализмом и организационной теорией, то проникновение когнитивистики в эти области методологии естественно отражаются и на нем. В этом отношении развитие теории сетей характеризуется, с одной стороны, с изучением чисто рациональных элементов сознания и их роли в процессе согласования интересов в сетях и институционализации взаимоотношений. С другой стороны, все более и более подчеркивается момент, связанный не с теорией решений, а с мобилизационной способностью сетей и роли в этом аффективных элементов, таких как символы, мифы, верования; большое внимание уделяется когнитивным фреймам. Именно они становятся конститутивной силой формирования сетевой политической коммуны, ее инновационных и трансформационных способностей. В этой связи Иоахим Блаттер, который занимается изучением сетевых межрегиональных структур, пишет: «Достижение публичной признательности, одобрения и легитимности — короче, “бытия в” — становится решающим аспектом политической и институциональной власти. Это означает, что скорее мобилизующая способность политических институтов, чем способность к принятию решений, становится более подходящей для институционального дизайна. Эти завершающие суждения содержат призыв к дальнейшему прогрессу в институциональной теории путем объединения политической науки с психологией, когнитивными науками, теориями коммуникации, средств массовой информации и в меньшей степени путем связи ее с правом и экономикой»⁴⁹. Отсюда важное значение приобретает одно из направлений в исследовании переговорного взаимодействия в сетях и роли в этом процессе знания, идентичности и дискурса⁵⁰.

В предметно-тематическом плане эволюция концепции политических сетей осуществляется на пути решения ряда проблем, связанных с сочетанием различных уровней сетевого взаимодействия (местный, национальный, транснациональный) и с тем, как эти уровни взаимодействуют с метауправленческими сетями в условиях глобализации. Значимой является также тема демократической сущности сетевой модели управления и ее потенциала в новых условиях⁵¹.

Политические сети или структуры?

Часто политические сети отождествляют с политическими структурами, а сетевой подход к политике со структурным. В политической науке структурный подход вот уже более 60 лет используется для анализа и объяснения политики. Разработанный применительно политическому исследованию Дэвидом Истоном и Гэбриэлом Алмондом, он до сих пор является одним из ведущих методологий, позволяющей выявлять в политике общие элементы, связи и функции, объединяя все это в понятии политической системы. Его основными принципами выступают целостность системы, принцип функциональной необходимости, приоритет отношений над элементами, неоднозначное соответствие между структурой и функциями. Реляционность, т.е. систематичность отношений между элементами, выступала главной характеристикой структурного функционализма. Некоторые авторы в последние годы стали определять сетевой подход к политике через реляционность. Как пишут Скотт Маккларг и Дэвид Лезер, «политика по своей сути является сетевым феноменом. Власть — центральный конструкт политической науки — существенно реляционная, когда власть существует между акторами в сложном, дифференцированном состоянии»⁵². Эти и другие авторы пытаются в последнее время доказать, что политические сети и сетевой подход — это прежде всего связи. В этом ключе они пытаются противопоставить сетевой анализ политики бихевиоризму и институционализму, которые рассматривают политику как деятельность дифференцированных акторов в институциональной среде. Мануэль Кастельс — ведущий исследователь информационного и сетевого общества — подчеркивал, что в современном обществе структуры доминируют над деятельностью. Он писал: «Наше исследование возникающих социальных структур, которые захватывают человеческое действие и опыт, приводит к важному выводу: историческая тенденция состоит в том, что основные функции и процессы в информационном веке в основном организованы в сети. Сети составляют новую социальную морфологию нашего общества, и распространение сетевой логики модифицирует операции и результаты в процессах производства, опыта, власти и культуры. Хотя сетевая форма социальной организации существовала в другие времена и в иных местах, новые информационные технологии обеспечивают материальную основу для ее безграничного расширения во всем социальном мире. Более того, я хотел бы доказать, что эта сетевая логика производит социальный результат более высокого уровня, чем тот, который социальные интересы связывали с сетями: власть потоков имеет преимущество над потоками власти. Присутствие или отсутствие в сетях и динамика взаимодействия сетей являются решающим источником доминирования и изменения в нашем обществе: общество, следовательно, мы можем собственно назвать сетевым обществом, характеризуется преобладанием социальной морфологии над социальным действием»⁵³. Это так, но не всякая структура, на наш взгляд, является сетью. Более того, если брать структурный подход / структуру, то очевидно принципиальное различие между ними и сетевым подходом/сетью.

Мануэль Кастельс (род. 1942) — испанский социолог — постмарксист, исследователь информационного (постиндустриального) общества, создатель и представитель социологической теории города.

Мануэля Кастельса считают одним из значимых представителей современной социологии, занимающихся теорией информационного общества.

Испанский политолог является автором двадцати книг и более чем ста статей, посвященных таким темам, как социальные движения, организации и политические институты, роль Интернета в жизни общества.

Следует отметить, что исследования ученого, посвященные теории информационного общества, получили признание и считаются в данной области классическими работами.

Ученого также интересует влияние процессов развития глобальной сети Интернет на человека и социум. Результаты своих исследований, также связанных с влиянием технологической революции на изменения в обществе, ученый описал в своей монументальной работе, состоящей из трех частей, «Информационная эпоха: экономика, социум и культура».

Основные работы:

- «Город, класс и властвующая элита» (1978)
- «Экономический кризис и американское общество» (1980)
- «Информационная эпоха. Экономика, общество и культура» (1996–1998)
- «Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе» (2001)
- «Сетевое общество: кросс-культурная перспектива» (2004)
- «Власть коммуникации» (2009)

Действительно, в политических сетях отношения являются конституирующим элементом, но не составляют всего многообразия их существенных характеристик. *Следует различать структурный (реляционный) и сетевой подходы в политической науке* (табл. 2). Если рассмотрение политики как структуры было достижением методологическим, меняющим наши представления о политических феноменах, то сетевой анализ базируется на изменении самой политической реальности, а не только нашего подхода к ней. Сегодня сетевизация составляет существенную характеристику общества, не только связывая акторов и меняя характер отношений между ними, но и создавая другое пространство осуществления жизненных ценностей. В этом смысле, находясь всегда в определенной системе отношений, человек не всегда находится в сетевых отношениях и не всегда является актором сетевого взаимодействия. Сети и структуры — это различные феномены. Как пишет Кай Эрикссон, «идея сети,

очевидно, служит решению определенной задачи: сделать возможной единую речь о сложных, нередуцируемых и гетерогенных феноменах с поиском их множественности. Следовательно, понятие сети не предполагает какой-либо особой структуры, ибо сеть явно не структура»⁵⁴.

Таблица 2

Различие между структурами и сетями

Критерий	Структура	Сеть
Состав	Агенты и отношения	Акторы и отношения
Характер отношений	Функциональный	Коммуникационный
Процессы	Передача команд и отклик	Обмен
Направленность на другого	Инструментальность	Взаимность
Сигналы	Информация	Знание
Порядок	Определенный и устойчивый	Неопределенный и неустойчивый
Положение	Включенность/исключенность	Принадлежность
Значимость	Статусы	Процессы
Характер целого	Интеграция через тоталитаризацию	Интеграция без тоталитаризации

Структуры отличаются от сетей по сумме критериев. Отметим, что структуры и сети отличаются по составу, т.е. в структурах действуют агенты, значение которых определяется их вполне определенным положением. При этом агенты и их отношения разделены, действует принцип приоритета отношений над агентами. В сетях каждый элемент является действующим лицом (актором) и без активности в сетях не может подтвердить свое положение. По сути, актер в сети является соотносимым с другими актерами посредством своей включенности во взаимодействие и рассматривается в единстве с отношениями. Это, в определенной мере, соотносимо с пониманием позиции актора в *акторно-сетевой теории французского ученого Бруно Латура*, в которой актер рассматривается фундаментально неопределенным, без заранее известной сущности. Он формирует свою природу в ходе взаимодействия в сети. Латур предлагает широкое понимание актора, в которое он включает агентов, материальные ресурсы, технические элементы, реляционные компоненты. Хотя для Латура сеть скорее является методологическим ключом для открытия того, что такое социальное, однако его трактовки понятий сетевого анализа имеют и онтологическое значение. Латур пишет, что под сетью он понимает «вереницу действий, где каждый участник рассматривается в качестве полномасштабного медиатора. Скажу проще: хорошее понимание АСТ (акторно-сетевой теории) состоит в том, что это нарратив, или описание, или предположение

о том, что все акторы что-то делают, а не только сидят рядом. Вместо простой передачи результатов без учета их трансформации каждая точка в тексте может стать бифуркацией, событием или истоком нового перевода. Вследствие того, что акторы рассматриваются не как агенты, а как медиаторы, они делают социальное видимым для читателя»⁵⁵. Функциональный характер отношений в структуре определяет цели и задачи элемента, тогда как коммуникационный характер отношений в сетях может не предполагать выполнение определенной структурной задачи. Процессы в структуре строятся по типу передачи команд и получения отклика на них, тогда как заинтересованность участника сети во взаимодействии определяется наличием разнообразных ресурсов, которыми обмениваются акторы для решения общих и частных задач.

Инструментальность отношений в структуре основана на зафиксированных положениях ее участников, которые ждут от другого только эффективного выполнения функции. Взаимность в сетях определяется условиями вхождения в сети. Если сети фиксируют принадлежность, то структуры фиксируют включенность/исключение. Последнее является значимым для структуры, которая строит свой порядок на основе нормы. Включенность означает нормальность, т.е. соответствие норме. Исключение применяется к тем феноменам, которые не соответствуют норме. Определенный и устойчивый порядок в структуре обеспечивается принципом функциональной необходимости, когда каждый элемент функционален для структуры. Неопределенность и неустойчивость в сетях возникает на основе их открытости и постоянно изменяющихся конфигураций, определяемых по случаю. В этом случае принадлежность (*belonging*) сродни 'текучей идентификации'. И наконец, структура пытается оформить целое через тоталитаризацию своих элементов, сети отдают приоритет многообразию и возникновению единства без тоталитаризации. Важно подчеркнуть, что реляционный подход к политике хотя и составляет определенную характеристику политических сетей, но все же к ним не сводится. Различие между структурной и сетевой организацией имеет решающее значение для критики универсализма тотального подчинения единому стандарту деятельности, предполагающему понимать политическое как централизованную структуру насилия/подчинения, а политический порядок как универсальную беспристрастность нормы. В этом отношении, конечно, угроза политическому в глобальном сетевом мире связана с «универсализацией». Но если принять во внимание и другие тенденции глобального мира (именно глобального, а не противоречащего глобализации), как, например, контрколонизация и космополитический национализм, то глобальное сетевое общество создает новое политическое в том значении, что история не завершается, а приобретает новые черты и возможности. Новые угрозы и вызовы не менее важны, но поиск не должен, как представляется, вести к восстановлению старых разделений и гегемоний, тотальных подчинений и вытеснений.

Концепция политических сетей имеет глубокие корни в исследованиях, посвященных взаимодействию гражданского общества и государства. Особенно следует отметить такие направления, как плюралистическая теория, корпоративизм, теория заинтересованных групп, теория межорганизационных отношений. Свое влияние на нее оказал неoinституционализм, особенно в его социологической версии. Хотя и данная концепция может быть подвергнута и подвергается критике, тем не менее она удачно смоделировала альтернативные рынку и иерархии модели публичного управления и выработки политических решений. Она также сыграла свою роль в дальнейшем развитии теории влияния заинтересованных групп на политический процесс, отталкиваясь от критики плюралистических и корпоративистских концепций. Расширение демократических возможностей политических сетей и проблема государственной управляемости вышли сегодня на первый план. Никто пока не знает ответа, как удачно и во благо всех совместить новые формы активности и управляемость, «спорную политику» и эффективность решений, прозрачность и контроль. Поэтому часто мы наблюдаем неадекватные действия то со стороны мобилизованной общественности, то со стороны государства. Видимо, пока действия осуществляются по методу проб и ошибок, без какой-либо четкой стратегической линии. Ряд обнадеживающих тенденций в этом плане все же можно наблюдать. И основной стратегической идеей здесь является совместная деятельность государства и гражданского общества на основе взаимного доверия и сотрудничества.

Примечания

¹ *Berry F., Brower R., Choi S., Goa W., Jang H., Kwon M., Word J.* Three Traditions of Network Research: What the Public Management Research Agenda Can Learn from Other Research Communities // *Public Administration Review*. 2004. Vol. 64. No 5. P. 546.

² *Rhodes R. A. W., Marsh D.* Policy Networks in British Government. Oxford; N.Y.: Clarendon Press; Oxford University Press, 1992. P. 1.

³ *Börzel T.* Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance // *Journal of European Public Policy*. 1998. Vol. 5. No 2.

⁴ *Berry F., Brower R., Choi S., Goa W., Jang H., Kwon M., Word J.* Three Traditions of Network Research: What the Public Management Research Agenda Can Learn from Other Research Communities // *Public Administration Review*. 2004. Vol. 64. No 5. P. 541.

⁵ *Bogason P., Toonen T.* Introduction: Networks in Public Administration // *Public Administration*. 1998. Vol. 76. No 2. P. 209–212.

⁶ *Freeman J.* The Political Process. N.Y.: Doubleday, 1955.

⁷ *Rhodes R., Marsh D.* Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // *Policy Network in British Government* / Eds. D. Marsh and R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 8–10.

⁸ *Frederickson G.* The Repositioning of American Public Administration // Political Science and Politics. 1999. Vol. 32. No 4.

⁹ *Knoke D.* Political Networks. The Structural Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 7–8; *Börzel T.* Organizing Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks // Public Administration. 1998a. Vol. 76. No 2.

¹⁰ *Bogason P., Toonen T.* Introduction: Networks in Public Administration // Public Administration. 1998. Vol. 76. No 2. P. 220–223.

¹¹ *Kenis P., Schneider V.* Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox // Policy Network: Empirical Evidence and Theoretical Considerations / B. Marin, R. Mayntz (eds). Frankfurt a/M: Campus Verlag, 1991. P. 25.

¹² *O'Toole L., Meier K.* Desperately Seeking Selznik: Cooptation and the Ark Side of Public Management in Networks // Public Administration Review. 2004. Vol. 64. No 6. P. 683.

¹³ *Kelly R.* An Inclusive Democratic Polity, Representative Bureaucracies? And the New Public Management // Public Administrative Review. 1998. Vol. 58. No 8. P. 205.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ *Rhodes R.* Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. Buckingham, Philadelphia: Open University Press, 1997.

¹⁶ *Rosenau J., Czempiel E.-O.* (eds): Governance without Government: Order and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; *Peters G.* Governance Without Government? Rethinking Public Administration // Journal of Public Administration: Research and Theory. 1998. Vol. 8. No 2.

¹⁷ *Wamsley G., Wolf J.* (eds). Refounding Democratic Public Administration. Modern Paradoxes, Postmodern Challenges. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage, 1996; *March J.* Administrative Practice, Organization Theory, and Political Philosophy: Ruminations on the Reflections of John M. Gaus // PS. Political Science and Politics. 1997. Vol. 30. No 4; *Harmon M.* Decisionism and Action: Changing Perspectives in Organization Theory // International Journal of Public Administration. 1998. Vol. 26. No 6–8.

¹⁸ *Börzel T.* Organizing Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks // Public Administration. 1998a. Vol. 76. No 2. P. 264.

¹⁹ *Blatter J.* Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Change in Transboundary Spaces // Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions. 2003. Vol. 16. No 4; *Keast R., Mandell M., Brown K., Woolcock G.* Network Structures: Working Differently and Changing Expectations // Public Administration Review. 2004. Vol. 64. No 3; *Jordana J., Sancho D.* Policy Network and Market Opening: Telecommunications Liberalization in Spain // European Journal of Political Research. 2005. Vol. 44. No 4.

²⁰ *Knoke D.* Political Networks. The Structural Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 9.

²¹ *Blatter J.* Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Change in Transboundary Spaces // Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions. 2003. Vol. 16. No 4.

²² Ibid. P. 515.

²³ *Håkanson H., Johanson J.* The Network as a Governance Structure: Interfirm Cooperation Beyond Markets and Hierarchies // Organizing Organizations / N. Brunsson, J. Olsen (eds). Bergen: Fagbokforlaget, 1998. P. 48.

²⁴ *Rhodes R., Marsh D.* Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government / Eds. D. Marsh and R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 9.

²⁵ См., напр.: *Milward H., Provan K.* Principles for Controlling Agents: The Political Economy of Network Structure // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 1998. Vol. 8. No 2; *Provan K., Sebastian J.* Networks within Networks: Service Link Overlap, Organizational Cliques, and Network Effectiveness // *The Academy of Management Journal*. 1998. Vol. 41. No 4.

²⁶ *Hindmoor A.* The Importance of Being Trusted: Transaction Costs and Policy Network Theory // *Public Administration*. 1998. Vol. 76. No 1.

²⁷ *Toonen T.* Networks, Management and Institutions: Public Administration as 'Normal Science' // *Public Administration*. 1998. Vol. 76. No 2. P. 246.

²⁸ *O'Toole L., Meier K.* Desperately Seeking Selznik: Cooptation and the Ark Side of Public Management in Networks // *Public Administration Review*. 2004. Vol. 64. No 6. P. 690.

²⁹ *Rhodes R., Marsh D.* Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // *Policy Network in British Government* / Eds. D. Marsh and R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 10–13.

³⁰ *Börzel T.* Organizing Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks // *Public Administration*. 1998a. Vol. 76. No 2. P. 254.

³¹ *Knoke D., Pappi F., Broadbent J., Tsujinaka Y.* Comparing Policy Networks. Labor Politics in the US, Germany, and Japan. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1996. P. 3.

³² *Ibid.* P. 9, 11.

³³ *O'Toole L.* The Implications for Democracy in a Networked Bureaucratic World // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 1997. Vol. 7. P. 446.

³⁴ *Compston H.* Policy Network and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 11.

³⁵ *Torfig J.* Governance Network Theory: Towards a Second Generation // *European Political Science*. 2005. Vol. 4. No 3. P. 307.

³⁶ *Jordan G., Schubert K.* A Preliminary Ordering of Policy Network Labeling // *European Journal of Political Research*. Special issue. 1992. Vol. 21. No 1–2; *Rhodes R., Marsh D.* Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // *Policy Network in British Government* / Eds. D. Marsh and R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992; *Kriesi H.* Les Démocraties Occidentales // *Una Approach Compare*. 1994; *Knoke D., Pappi F., Broadbent J., Tsujinaka Y.* Comparing Policy Networks. Labor Politics in the US, Germany, and Japan. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1996.

³⁷ *Börzel T.* Organizing Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks // *Public Administration*. 1998a. Vol. 76. No 2. P. 256–258.

³⁸ *Rhodes R., Marsh D.* Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // *Policy Network in British Government* / Eds. D. Marsh and R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 13–15.

³⁹ *Frederickson G.* The Repositioning of American Public Administration // *Political Science and Politics*. 1999. Vol. 32. No 4. P. 705–706.

⁴⁰ *Börzel T.* Organizing Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks // *Public Administration*. 1998a. Vol. 76. No 2.

⁴¹ *Peters G.* Governance Without Government? Rethinking Public Administration // *Journal of Public Administration: Research and Theory*. 1998. Vol. 8. No 2. P. 229.

⁴² *Hanf K., O'Toole L.* Revisiting Old Friends: Networks, Implementation Structures and the Management of Inter-Organisational Relations // *European Journal of Political Research*. Special Issue. 1992. Vol. 21. No 1–2. P. 166.

⁴³ Цит. по: *Frederickson G.* The Repositioning of American Public Administration // Political Science and Politics. 1999. Vol. 32. No 4. P. 705–706.

⁴⁴ *Heclo H.* Issue Networks and the Executive Establishment // The New American Political System / Ed. by A. King. Washington, DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1978.

⁴⁵ *Provan K., Kenis P.* Modes of Network Governance: Structure, Management, and Effectiveness // Journal of Public Administration Research and Theory. 2007. Vol. 18. No 4. P. 231.

⁴⁶ *Klijn E.-H.* Trust in Governance Networks: Looking for Conditions for Innovative Solutions and Outcomes // The New Public Governance? Emerging Perspective on the Theory and Practice of Public Governance / Ed. by St. Osborn. L.; N.Y.: Routledge, 2010. P. 306–309; *Klijn E.-H., Edelenbos J.* The Influence of Democratic Legitimacy on Outcomes in Governance Networks // Administration & Society. 2012. Vol. 45. No 6. P. 630.

⁴⁷ *Brands R.* Cognitive Social Structures in Social Network Research: A Review // Journal of Organizational Behavior. 2013. Vol. 34. No S1. P. 83.

⁴⁸ См.: *Mantzavinos C., North D. C., Syed Sh.* Learning, Institutions, and Economic Performance // Perspective on Politics. 2004. Vol. 2. No 1; *Cambrosio A., Cottureau P., Popowycz S., Mogoutov A. and Vichnevskaja T.* Analysis of Heterogenous Networks in Digital Cognitive Technologies: Epistemology and the Knowledge Economy / B. Reber and C. Brossaud (eds). John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, NJ, USA, 2013; *D'Andreta D., Marabelli M., Newell S., Scarbrough H., Swan J.* Dominant Cognitive Frames and the Innovative Power of Social Networks // Organization Studies. 2016. Vol. 37. No 3. P. 293–321.

⁴⁹ *Blatter J.* Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Change in Transboundary Spaces // Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions. 2003. Vol. 16. No 4. P. 520.

⁵⁰ *Torfin J.* Governance Network Theory: Towards a Second Generation // European Political Science. 2005. Vol. 4. No 3. P. 311.

⁵¹ *Hooghe L., Marks G.* Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-Level Governance // American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No 2; *Torfin J.* Governance Network Theory: Towards a Second Generation // European Political Science. 2005. Vol. 4. No 3; *Papadopoulos Y.* Taking Stock of Multi-Level Governance Network // European Political Science. 2005. Vol. 4. No 3.

⁵² *McClurg S., Lazer D.* Political Network // Social Network. 2014. Vol. 36. No 1. P. 1.

⁵³ *Castels M.* The Rise of the Network Society. 2nd ed. Malden, MA, Oxford, UK, Chichester, UK: Wiley-Blackwell, 2010. P. 500.

⁵⁴ *Eriksson K.* On the Ontology of Networks // Communication and Critical Cultural Studies. 2005. Vol. 2. No 4. P. 309.

⁵⁵ *Latour B.* Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2005. P. 128–129.

Литература

Мирошниченко И. В. Сетевой подход в политических исследованиях: содержание и направления развития // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 3. С. 68–86.

Смирнов С. А. Практикуемые модели социально-гуманитарного образования. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/methoda/modeli.htm>.

11. Сетевая теория политики и управления

Шенцева Е. А. Сетевой подход в контексте философского дискурса // *Философия и общество*. 2012. № 8. С. 42–60.

Crozier M., Friedberg E. *Actors and Systems: The Politics of Collective Action*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1980. — 341 p.

Giddens A. *Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. L.: Macmillan, 1979. — 294 p.

Governance Networks in Public Administration and Public Policy / Ed. by C. Koliba, J. Meek, A. Zia. Boca Raton, L.; N.Y.: CRC Press, 2011. — 386 p.

Koliba Ch., Meek J., Zia A. *Governance Networks in Public Administration and Public Policy*. Boca Raton, L., N.Y.: CRC Press, 2011.

The Oxford Handbook of Political Networks / Ed. by J. Victor, A. Montgomery and M. Lubell. N.Y.: Oxford University Press, 2018.

12. КОММУНИКАТИВИЗМ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова

Коммуникация, теория коммуникации, публичная коммуникация, дискурс, массмедиа, медиакратия, информационный лоббизм

Коммуникативный метод в изучении политики

Политика как особая форма человеческого существования, демонстрируя стереологику своей непрерывной эволюции, не позволяет сводить свое объяснение к каким-то одним типическим схемам и даже парадигмам. Как известно, до сих пор в ходу не только социальные модели интерпретации ее исторической природы (к примеру, на собственную версию претендуют гео- и биополитика, антропология, психология и иные научные дисциплины). За этой неокончателъностью концептуального истолкования политики лежит сложная связь естественных (физико-географических, физиологических, психологических и иных) и социальных процессов, проявляющихся в сфере борьбы за власть и ее применение. И науке предстоит еще долго разбираться в хитросплетениях этих составляющих. Но и не углубляясь в полемику относительно различных версий понимания политики, можно констатировать, что любые формы ее интерпретации должны, так или иначе, учитывать взаимосвязь ее разнородных составляющих, отражая это как в содержании используемых концептов, так в методах изучения данных явлений.

В этом плане едва ли не самым показательным способом теоретического соединения разнородных оснований политики является *концепт коммуникации*. С одной стороны, он отражает информационную природу политических явлений или, говоря иначе, ключевую роль информации, которая имеет такой же онтологический статус, как энергия, время и пространство, что, собственно, и позволяет увидеть в политике некий синтез живых и неживых систем.

С точки зрения Н. Винера (основателя теории кибернетики), это то содержание, которое получается человеком из внешнего мира в процессе приспособления к нему и самого человека и его чувств. В этом плане все явления мира (в том числе и все формы общения человека) могут быть объяснены с точки

зрения связей, построенных на обмене и циркулировании информации. При этом информация способна конвертироваться в самые разнообразные ресурсы, обеспечивая достижение множественных целей, в силу чего анализ процессов одного типа может приводить к выводам, имеющим значение и для других. Применительно к социальной сфере жизни такой подход позволил Винеру говорить о человеке как о *homo communications*.

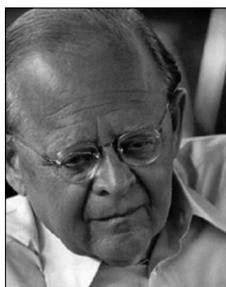
Информационная природа политических явлений отражает наличие в них физических, биологических, химических, социальных, звуковых и иных видов передачи сигналов, которые используются человеком для выполнения соответствующих (политических) ролей и функций. В то же время практика показала, что главенствующую роль здесь играет социальная форма информации, которая имеет внегенетический характер происхождения и воплощается в языках и результатах человеческой деятельности¹.

Исходное значение информации побудило многих ученых рассматривать процесс политической коммуникации как форму распространения акторами тех или иных сведений или обмена ими. Коротко говоря, этот тип коммуникаций рассматривался как способ перемещения информации от коммуникатора (источника сведений) к реципиенту (их получателю). При таком подходе цикл коммуникации выделял значение следующих компонентов:

источник сообщения — передатчик — канал связи — приемник — адресат.

Приверженцы такого рода идей (К. Шэннон, В. Увиэр и другие ученые, которые понимали коммуникацию в любой сфере общественной жизни как не более чем простое переложение кибернетических построений), по сути, пренебрегали спецификой социальных и политических связей. В этом же русле мыслили и приверженцы лингвосемантических подходов, ориентированных на уровень «единичных высказываний» акторов в разных сферах общества. Своеобразную поддержку такие идеи получили и в теории К. Дойча, изобразившего политическую систему как совокупность структур и институтов, обрабатывающих и передающих определенные виды информации, а также в модели «технистского государства» Х. Шельски (сводившего задачи власти по обеспечению эффективных решений к действиям «аппаратуры», позволявшей лечить любые социальные болезни) и в технократических теориях (Д. Минн, Р. Джонсон), утверждавших господствующую роль компьютерной техники и социальной инженерии, способных побудить голод и социальные конфликты.

В 60-х годах XX в. профессор из университета Торонто М. Маклюэн сформулировал положение, согласно которому «средство коммуникации является сообщением». В этом смысле технологии передачи информации изменяют символическое окружение человека и сенсорный баланс его жизни, формируя его восприятие и влияя на его поведение. При этом прогресс средств коммуникации постепенно способствует персональному расширению сознания и человека, и общества.

Карл Вольфганг Дойч (1912–1992) — немецкий, позже американский политолог чешского происхождения.

Одной из известных работ ученого является работа «Кибернетическая модель общества», в которой ученый сопоставляет политическую и кибернетическую системы, использует методы из сферы кибернетики для анализа политических и социальных явлений (в частности, прием симуляции и системы динамических моделей) и приходит к выводу о том, что принцип функционирования обеих систем сходный: обе системы адекватно работают только при наличии информационного потока и свободного обмена информацией.

К. Дойч также выделяет факторы, ключевые для эффективного функционирования политической системы: качество поступающей информации, качество переработки информации, а также качество реакции системы на внешние импульсы. Карл Дойч также занимался проблемой социальной коммуникации, являющейся базой для национальных и государственных общностей. С точки зрения К. Дойча, под нацией следует подразумевать группу людей, уровень коммуникативной активности между которыми значительно выше, чем за пределами данной группы. Соответственно, причину распада государств и их дезинтеграцию Дойч видел в утрате коммуникации между различными слоями населения и в пренебрежении интересами низших слоев, которые в итоге стремятся разрушить государство, не отвечающее их целям и интересам. Для создания национальной общности и государства, с точки зрения ученого, необходима постепенная урбанизация и индустриализация общества, которые станут залогом социальной мобилизации. С точки зрения Карла Дойча, образование наднациональных и межгосударственных объединений связано с борьбой с национализмом отдельных государств, а также с преобразованием их социальных систем. Однако сам ученый не был уверен в возможности надолго сохранить подобные объединения.

Важно подчеркнуть, что благодаря теории коммуникации К. Дойча стало возможным анализировать закономерности развития современных международных отношений, в частности феномен интеграции.

Основные работы:

- «Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля» (1963)
- «Анализ международных отношений» (1968)
- «Национализм и его альтернативы» (1969)
- «Политика и государство. Как люди решают свою судьбу» (1970)

Карл Дойч:

«Тоталитарная власть сильна только тогда, когда ее не нужно слишком часто применять. Если тоталитарную власть приходится использовать постоянно против всего населения, она едва ли останется сильной в течение длительного времени».

К. Дойч. Трещины в монолите. 1954

«Люди рано или поздно обнаруживают, что в конкурентной игре экономики и политики они могут лучше отстаивать свои интересы, если образуют коалиции... В политике и экономике такие коалиции будут в значительной степени зависеть от социальной коммуникации и культуры, структуры личности, коммуникационных привычек участников».

К. Дойч. Политическое сообщество и северо-атлантическое пространство. 1957

«Нация — это группа людей, объединенная общим заблуждением относительно своего происхождения и коллективной враждебностью по отношению к своим соседям».

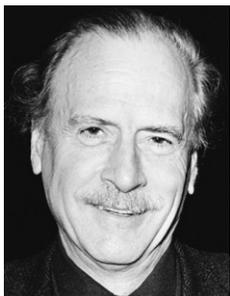
К. Дойч. Национализм и его альтернативы. 1969

С рациональной точки зрения упор на технические составляющие коммуникации позволял обратить внимание на непереносимые средства обеспечения социальных контактов (такие, как каналы передачи сведений, схемы маршрутизации инфопотоков, обеспечивающих либо взаимосвязь, либо изоляцию тех или иных групп и фигур от центров власти). Однако уловить смысл такого рода связей данный подход явно не позволял, поскольку не отражал ту ситуацию, когда реципиент мог уклоняться от получения информации, исказить начальный смысл сведений, а также совершать иные действия, которые — даже при получении сведений — могли не приводить к установлению обратных связей. Поэтому сторонники так называемого *социального* подхода сделали акцент на смысловой интерпретации информационных обменов, превращавшей коммуникацию в форму смыслового общения, основанной на интерпретации реципиентом получаемых сведений. Как метко заметил Умберто Эко, коммуникация означает переход от мира сигнала к миру смысла.

В результате такого подхода американский теоретик Г. Лассуэлл предложил иное понимание коммуникативного цикла, где выделялись иные составляющие информационного обмена:

кто передает — что передает — по какому каналу — кому —
— с каким эффектом.

В рамках социального подхода к коммуникации в науке укрепилось понимание того, что факт передачи сведений является пусть и обязательной, но всего лишь предпосылкой коммуникации. В то же время критерием последней признавалась так называемая *вторичная информация*, т.е. оценка, интерпрета-

Герберт Маршалл Маклюэн (1911–1980) — канадский мыслитель, филолог и литературный критик, «эколог средств коммуникации». Наибольшую популярность ему принесли исследования воздействия дистанционных и электронных средств коммуникации на человека и общество, которые оказали значительное и разностороннее влияние на культуру и философию.

Маршалл Маклюэн — создатель концептуальной модели исторической динамики общества, в центре которой находится проблема типа и способа коммуникаций, при этом смена коммуникационных технологий положена им в основу социальной типологии и выступает критерием периодизации истории. В общей сложности творчество Маклюэна можно отнести к методологической традиции технологического детерминизма, однако его философские идеи выходят далеко за рамки философии техники. Маклюэн практиковал своеобразный стиль философствования, ориентированный в первую очередь не на академическое сообщество, а на массового читателя. Его работы полны афоризмов, идиоматических выражений, тем самым они порой ближе к литературным текстам, чем к научным рассуждениям. В силу этого работы Маклюэна неоднократно подвергались критике со стороны приверженцев строгих критериев научности знания.

Основные работы:

- «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека» (1951)
- «Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры» (1962)
- «Понимание медиа: Внешние расширения возможностей человека» (1964)
- «Все дело в средствах сообщения: Перечень последствий» (1967)
- «Война и мир в глобальной деревне» (1967)
- «От клише к архетипу» (1970)
- «Город как учебная аудитория» (1977)

ция или внутренняя реплика реципиента, означающая его смысловой ответ на получаемые послания, обладающий для него ориентационным или прикладным значением.

Такое понимание качественно отличает политическую коммуникацию от тех взаимодействий, где стороны лишь формально являются участниками информационных обменов (такая «квазикоммуникация» или «модель вещания» (М. Н. Грачев) весьма характерна для авторитарных обществ, где безраздельно господствует централизованное распространение информации периферийным реципиентам, не предполагающее установления диалоговых отношений)². Это понимание политических коммуникаций дает также возможность

М. Маклюэн:

«В такой культуре, как наша, издавна привыкшей расщеплять и разделять вещи ради установления контроля над ними, люди иногда испытывают своего рода небольшой шок, когда им напоминают, что на самом деле как с операциональной, так и с практической точки зрения средство коммуникации само по себе не менее важно, чем сообщение. А это всего лишь означает, что личностные и социальные последствия внедрения любого средства коммуникации — то есть любого расширения возможностей человека вовне — вытекают из нового масштаба, приносимого каждой такой новой технологией, в наши дела. Так, например, новые типы человеческих связей, возникающие вместе с автоматизацией, несут с собой угрозу уничтожения рабочих мест. Это негативный результат. С позитивной же точки зрения, автоматизация создает для людей новые роли, или, иначе говоря, воссоздает глубину вовлечения их в связи с другими людьми, которая была разрушена нашей прежней механической технологией.

Многие полагают, что значение имеет не машина сама по себе, а то, что человек с нею делает. С точки зрения того, как машина изменяла наше отношение друг к другу и к самим себе, не имело равным счетом никакого значения, что именно она выпускала, кукурузные хлопья или “кадиллаки”. Форма преобразования человеческой деятельности определялась процессом фрагментации, составляющим самую суть машинной технологии. Сущность автоматической технологии противоположна. Она в такой же степени глубоко интегральна и децентрализована, в какой машина в ее влиянии на человеческие взаимоотношения была фрагментарной, поверхностной и централизующей».

М. Маклюэн. Понимание Медиа: внешние расширения возможностей человека. М., 2007

зафиксировать и наличие различных стадий установления и поддержания смысловых контактов. Обычно в науке выделяют: *протокоммуникативную* (отражающую замыслы и намерения коммуникатора), *предкоммуникативную* фазу (включающую в себя производство информации и поиск каналов для связи с реципиентом), *коммуникативную* (форму общения на основе обратной связи) и *посткоммуникативную* (отражающую когнитивные или поведенческие последствия общения)³.

Сказанное позволяет понять, что коммуникация — это *связующий* социальный процесс, контактный вид общественной связи, формирующийся на основе направленной передачи сведений, порождающих осмысленную связь между коммуникатором и реципиентом. И хотя в основании коммуникации лежит избирательный характер восприятия реципиентом текстов (которые оказывают влияние на источники его политического участия, изменение идеологических позиций и т.д.), тем не менее по своей природе коммуникация — это двунаправленная связь, т.е. отношение субъекта с субъектом с обратной связью.

Как показывает опыт, принципиальная роль коммуникации (по сравнению с информированием) нередко вынуждает правительства обращать внимание именно на установление связей с населением, а не на ознакомление людей

с теми или иными процессами. Такая тактика снижает подотчетность и ответственность властей и повышает уровень их легитимации (И. Габер). В более широком и конструктивном смысле приоритетная роль коммуникаций (по сравнению с принятием решений, эффективным решением социальных проблем и проч.) ярко выражена в теориях *good governance*, гражданско-ассоциативной теории демократии и иных популярных сегодня идеях.

Но политические коммуникации — это не простое выражение социальных связей в политике. При помощи особой символизации политических явлений (кодирования/декодирования смыслов) они отражают осмысление людьми тех или иных значений различных проявлений власти, что позволяет им ориентироваться при исполнении политических ролей и функций. По сути, специфика политических контактов состоит и в том, что коммуникатор пытается превратить реципиента в единомышленника, сторонника своих позиций, создавая таким образом определенное политическое сообщество, члены которого придерживаются сходных позиций и солидарны с теми или иными целями и ориентирами коллективной деятельности⁴.

Итак, как научный концепт политические коммуникации позволяют увидеть и оценить политическую роль знаний и ценностей в функционировании институтов и политической социализации граждан, раскрыть управленческие стили лидеров и элит, понять роль последних в формировании (или размывании) государственных брендов и имиджей. Таким образом, политические коммуникации позволяют обнаружить не только явные, но и скрытые пружины политического развития общества.

Однако, помимо возможностей особого концептуального измерения политической жизни, понятие «политических коммуникаций» отражает и наличие *особой группы явлений*, которые обладают своей структурой и различной ролью в организации власти и поддержании политического порядка, демонстрируют различные типы и разновидности этого рода контактов.

Эта группа явлений отражает осмысленный обмен сведениями (их понимание, интерпретацию, соединение образуемых образов с планами и целями акторов), а «не... перемещение информации от элит к массе», «весь диапазон формализованных и неформальных контактов, которые оказывают влияние на [политические] решения»⁵. Таким образом, политические коммуникации представляют собой разновидность связующих процессов, отражающих роль внутренне солидарных контактов. Разные комбинации смысловых обменов, циркуляция сведений между политическими игроками придают политическим коммуникациям то линейный, то циклический характер, а то и превращают в разновидность сложно организованной схематики конкурентных или непосредственных контактов как политических партнеров, так и конкурентов⁶.

Тем не менее в их содержании весомую роль играют информационные компоненты, которые отражают технико-организационное содержание политических связей (предполагая анализ технических каналов распространения информации, банков данных, средств обработки информации и проч.).

Выделение этого технологического компонента акцентирует внимание на необходимости устранения различных помех (шумов), которые препятствуют своевременной и бесперебойной передаче сведений в политической системе. К таким помехам могут относиться различия в носителях информации (бумажных и электронных), дефицит времени на получение субъектом нужной ему информации, малая мощность или перегрузка проводящих каналов, низкая квалификация кадров, собирающих информацию, и т.д. К этим компонентам относятся технические каналы, по которым распространяется (транслируется) информация, а также те структуры, которые позволяют не только передавать и изымать (с искажениями или без искажений), но и накапливать, контролировать, сохранять и беречь (охранять) эти сведения. С этой точки зрения информационная деятельность политических субъектов рассматривается как функционирование специальных организационных структур, кадровых центров, банков данных, сетей и технологий хранения и передачи информации. При этом значение и роль всех этих технических инструментов коммуникации определяется тем, насколько они способны без каких-либо изменений, своевременно и в нужное место передать то или иное сообщение.

Практика показывает, что чем дальше, тем больше организация государственной власти, характер политической системы зависят от технических средств передачи сведений. Сегодня хорошо заметны признаки усиления такой зависимости: это возникновение плоских структур государственного управления (примат горизонтальных связей, получение руководителями и подчиненными одной и той же управленчески значимой информации), усиление открытости в отправлении власти (возникновение структур открытого правительства), расширение зоны электронного администрирования (появление структур электронного государства и электронного правительства), усиление влияния блогосферы на принятие решений и продвижение позиций общественного мнения и т.д.⁷

Впервые возможность четкого размежевания социальных и технических параметров политических систем как особых форм коммуникативных связей появилась в конце 50-х годов прошлого века, когда Ф. Сиберт (Fred S. Siebert) (совместно с У. Шраммом (Wilbur Schramm) и Е. Питерсоном (Theodore Peterson)) предложил классификацию политических систем, основанных на условиях распространения массовой информации.

Принципиальная роль этого компонента особенно ярко видна в настоящее время, когда — в результате революции в микроэлектронике, появления цифровых технологий передачи сведений — стали качественно меняться формы организации политической власти и организации политического порядка. Цифровая революция, породившая эффекты виртуализации политики, качественно усилила зависимость организации власти от средств передачи информации. Коротко говоря, под влиянием таких нововведений стремительно сокращается поток значимой для правящего режима стихийной информации,

освобождается коммуникативный потенциал сетевых сообществ, меняется структура принятия решений и снижается роль административных иерархий.

Коротко говоря, политика в соотнесении с коммуникацией представляет собой пространство с взаимно пересекающимися инфопотоками, которые могут иметь самые различные смысло-символические последствия. Так что далеко не все в политическом пространстве может обрести характер коммуникаций (к примеру, пропагандистские информационные обмены вообще не рассчитаны на обратные связи и даже на понимание реципиентом исходной информации). Иначе говоря, информационное пространство политики шире коммуникативного, поскольку не все инфопотоки порождают устойчивые и тем более институционализированные связи. Так что коммуникация не исчерпывает всего политического содержания, а политическое, в свою очередь, не исчерпывает значения коммуникации. К примеру, многие люди даже во время выборов не включаются в электоральные инфопотоки и не коммуницируют ни с властью, ни со СМИ, ни друг с другом (по аналогии: человеку звонят, но он не поднимает трубку, хотя слышит звонок).

- **Политические коммуникации** — это форма осмысленных связей, демонстрирующая тот особый тип общения, который складывается на основе усвоения и распространения символических образов власти (идейно-образные структуры) в виде разнообразных текстов, отражающих комплекс групповых, программных и личностных позиций и интересов.

Таким образом, и политическая власть понимается как символическое средство коммуникации (Р. Мюнх). В то же время наличие коммуникации предполагает и наличие *коммуникативной компетенции* у ее участников (в том числе и институтов).

Структура политических коммуникаций имеет сложный характер. Так, ученые выделяют *универсальные* свойства (отражающие онтологический статус информации как исходного источника политических взаимодействий); *общесоциальные* параметры (демонстрирующие очертания политических ролей коммуникатора и реципиента и особые свойства политических текстов, опосредующих их взаимодействия), а также *собственно политические* черты (отражающие предметную специфику информационных обменов и форм общения, характерных для этой сферы общественной жизни). Наряду с этим Дж. Томпсон (John Brookshire Thompson) предложил выделять *семантические* (демонстрирующие зависимость коммуникации от используемых знаково-языковых структур), *технические* (демонстрирующие роль каналов и средств связи) и *влияющие* (характеризующие смысловое соответствие посланий контексту) компоненты.

Существенно и изменение *местоположения* коммуникаций в политической сфере, что в первую очередь зависит от динамики социально-экономического и культурного контекста (и, как следствие, от коммуникативных способностей акторов, используемых ресурсов и т.д.).

В индустриальную эпоху в эпицентре политических отношений были интересы сторон, стремление акторов завоевать высшие властные позиции. Так, в условиях индустриального общества политические коммуникации в основном понимались как *связующий* политический процесс, значение которого для диалога власти и общества не зависело от целей общения. В силу этого политические коммуникации по преимуществу обслуживали различные формы продвижения и реализации групповых интересов (в виде выборов, межгрупповой конкуренции, механизмов принятия государственных решений и проч.). Однако в период постиндустриального развития демократических государств, отразивший стремительную медиатизацию и виртуализацию политики (означающие качественное изменение роли современных технотелемедиумов), подорвавших былое значение форм представительной демократии, ситуация существенно изменилась. По сути, новые тенденции в организации публичной власти превратили политические коммуникации в своеобразный *эпицентр* политики, ключевое *условие* и одновременно *источник* политической игры как таковой⁸. Другими словами, инициация и производство коммуникаций превратились в *исходную* задачу любых политических акторов, стремящихся использовать политическую власть для защиты своих интересов или конструирования новых социальных связей и институтов. Так что без специального учета характера коммуникаций в политическом пространстве постоянно умножаются источники кризисов, нарастают риски и дисфункции институтов. Одним словом, акт коммуникации стал определять наличие и формат политических отношений, а в более глубоком плане демонстрировать конфликт между теми структурами, которые обладают разными (в том числе и преимущественными) позициями и ресурсами в распространении публичной информации. В этом плане коммуникация стала не просто отражать содержание политики как противоречивого единства публичных и латентных дискурсов, но и обнажать подлинные источники и формы организации политической власти. Более того, сказанное показывает, что век стихийного обмена информацией как основание организации политической власти канул в Лету.

Одним из первых, кто обратил внимание на то, что изменение форм и средств политической коммуникации неизменно влечет и изменение природы и формы власти, был С. Московичи. Власть можно понять, только анализируя специфику форм и процессов социализирующей коммуникации, которая в сетевом обществе означает как мультимодальные массмедиа, так и интерактивные, горизонтальные сети коммуникации, возникающие вокруг Интернета и беспроводной коммуникации. Поэтому, по мнению М. Кастельса, теория власти в сетевом обществе равносильна теории коммуникационной власти.

Канадский ученый М. Маклюэн предложил такую схему, отражающую эволюцию коммуникаций: племенной век — доминирующий сенсорный рецептор — ухо; век грамотности (изобретение фонетического алфавита) — глаз; печатный век (изобретение печатного станка) — глаз; электронный век (изобретение телеграфа) — в самом начале которого ухо и тактильное восприятие

информации. По его мнению, возможна и пятая эра — доминирования электронных (цифровых) племен, спорящих по поводу убеждений и ценностей. Электронный век — эра мгновенной информации, что превращает современный мир в «Глобальную деревню», где новые технотелемедиумы (Интернет, сотовый телефон и проч.) заново объединяют человечество.

Учитывая множество участвующих в политике акторов, можно говорить как о различных уровнях политических коммуникаций, так и об их разновидностях и формах. Так, в науке выделяются политические коммуникации, складывающиеся в национальном государстве (к ним можно отнести коммуникации между властью и обществом, существующие в форме публичного дискурса), между различными институтами (государством и партиями, группами организованных интересов и проч.), между групповыми и персональными акторами (лоббистами и представителями исполнительной власти) и в мировой политике (между отдельными государствами, блоками, структурами), а также межличностные контакты.

Наряду с этими формами выделяют формальные и неформальные коммуникации, складывающиеся на разных аренах и площадках политического пространства (к примеру, в сфере принятия политических решений, электоральных процессов, в межпартийных отношениях и проч.); публичные (в виде различных форм политического дискурса) и непубличные (связанные с конфиденциальными переговорами и т.д.).

Итак, концепт коммуникации применительно к анализу политики позволяет:

- соединить анализ политики с базовыми основами мироздания, отражающими принципиальную роль информации в формировании и функционировании любых политических явлений (процессов, институтов, структур, акций, интеракций и проч.);
- выделить политические коммуникации как *особую группу явлений*, обуславливающую возникновение и развитие любых социальных групп, ассоциаций, сетей, коалиций, общества в целом;
- соединить возможность макро- и микроанализа политических явлений, выделить решающие факторы, влияющие на выполнение людьми их политических ролей и функций;
- выделить в политических связях *универсальные* (общие для живой и неживой материи), *особенные* (социальные) и *специфические* (собственно политические) параметры взаимосвязей всех политических акторов.

- Наука, которая изучает все грани восприятия, истолкования и усвоения людьми властно значимой информации, на основе которых устанавливаются их контакты и формы общения в сфере власти (и которые, в свою очередь, позволяют им выполнять политические функции и участвовать в распределении властных полномочий), называется **политической коммуникативистикой**⁹.

По своему содержанию эта отрасль знания обладает междисциплинарным характером, содержит множество концептов, принятых в различных отраслях научного знания и не объединенных общей методологией. В рамках этой отрасли знаний концепт политических коммуникаций развивается на основе применения самых разнообразных подходов — системных и постструктуралистских, идеях символического интеракционизма и понимающей социологии, информациологии и лингвосемантики, политологии и социологии, философии и антропологии, риторики и маркетинга и т.д. Активно привлекаются для исследований дискурс-анализ, антропологические, культурологические, биологизаторские и другие идеи. Это позволяет ученым изучать и описывать самые разнородные коммуникативные практики, отражающие то особенности речевого взаимодействия акторов, то восприятие смыслов и культурных ценностей коммуникатора и реципиента, то психологические параметры дискурса, то публичный характер массовых и институционализированных связей политических игроков разного уровня, то иные проявления этих связующих политику процессов. В силу такой разнообразной когнитивной природы политическая коммуникативистика может рассматриваться и как направление исследований, не предполагающее образование какой-либо одной общетеоретической конструкции.

Основу специализированного изучения политических коммуникаций заложили работы У. Липпмана (Walter Lippmann), Г. Лассуэлла (Harold Dwight Lasswell), П. Лазарсфельда (Paul Felix Lazarsfeld), Б. Берельсона (Bernard Berelson), Х. Годе (Hazel Gaudet) и других ученых в 20–30-х годах прошлого века, ведущей темой исследований которых была массовая коммуникация, роль массмедиа в публичной сфере, дискурсивные формы общения крупных социальных аудиторий. В 50–70-е годы XX в. на свет появились труды Д. Батлера (David Butler), Д. Стоукса (Donald Stokes), Д. Каванаха (Dennis Kavanagh) и других ученых, связывавшие специфику политических коммуникаций с методами информационного воздействия во время избирательных кампаний, использованием информационных ресурсов и технологий. Эти подходы изменяли приоритеты в оценке общественного мнения, более адекватно, в соответствии с духом времени оценивали коммуникативные стратегии СМИ и партий, описывали динамику информационной среды в политической сфере¹⁰. В это время в науке впервые был поставлен вопрос и о медиаполитических системах. В настоящее время изучение политических коммуникаций, благодаря исследованиям М. Кастельса (Manuel Castells), Ю. Хабермаса (Jürgen Habermas), Б. Макнайра (Brian McNair), У. Бека (Ulrich Beck), У. Гибсона (William Gibson), И. Джениса (Irving Lester Janis), П. Макинтоша (Peter McIntosh), Я. ван Дейка (Jan A. G. M. van Dijk), С. Холла (Granville Stanley Hall), Ш. Чейкена (Shelly Chaiken) и др., стало крайне разнообразным и разноплановым. В российском пространстве политической коммуникативистики исследованиями занима-

ются С. В. Володенков, М. Н. Грачев, И. М. Дзялошинский, Ю. В. Ирхин, А. И. Соловьев, Л. Н. Тимофеева, А. Н. Чумиков и другие ученые.

В политической коммуникативистике как отрасли научного знания соседствуют как фундаментальные, так и прикладные исследования. В этом смысле различные теории политических коммуникаций не только делают акценты на различных — семиотических, семантических, речевых, технологических, дискурсивных, ценностных и прочих — параметрах этих связующих процессов (на макро-, мезо и микроуровнях существования политики), но и включают характеристику технологических параметров политических коммуникаций (отражающих организацию ее различных разновидностей на всех уровнях существования политики: публичном/латентном, массовом/групповом/межличностном, национальном/глобальном и т.д.)¹¹.

Сегодня в широчайшем спектре исследований политических коммуникаций получают свое освещение их внутренние противоречия и связи с сетевыми конструкциями и применением «мягкой власти»¹²; соотношение публичного дискурса и латентных форм политического общения; глобальная информатизация и «цифровой разрыв» в современном мире; медийная, идеологическая и культурная гегемония (медиаимпериализм в международном инфопространстве); особенности формирования национального медиадискурса в информационно открытом мире; формы влияния внутри элитарной коммуникации на принятие политических решений; политические привилегии и их влияние на коммуникативные практики в обществе; индивидуальные и групповые (феминистские, радикальные и проч.) психологические особенности поддержания информационных контактов; формы соотношения политической и технической информации и др. Особым направлением изучения политических коммуникаций стало «киберпространство» и сетевой социум, интернет-коммуникации, теледемократия и электронные формы постдемократической власти, виртуальные формы политических сообществ, складывающиеся во Всемирной паутине, и проч. Активно привлекаются для исследований дискурс-анализ, антропологические, культурологические, биологизаторские и другие идеи.

Среди актуальных проблем, которые сегодня изучают ученые, — оценка коммуникативного потенциала различных групп населения; характер культурной реакции различных групп населения на трансграничные потоки; извечный конфликт культурации и инкультурации; проблема дисфункции информационных обменов, когда возникают явные противоречия между смысловыми и целевыми оценками тех или иных сведений; форматирование так называемых подрывных текстов (аналог подрывных институтов), которые могут провоцировать форс-мажорные обстоятельства и которые резко повышают неопределенность политического взаимодействия. Поэтому наука ищет тот репер информационных обменов, в результате которого возникает (в том числе взрывная) коммуникативная реакция.

Публичные коммуникации как предмет политической коммуникативистики

Богатство разнообразных способов восприятия информации и ее проявлений в различных формах активности человека в сфере власти предполагает наличие множества разновидностей политических коммуникаций.

В современной науке чаще всего выделяют следующие типы и разновидности политических коммуникаций: *вербальные* (т.е. формирующиеся на основе различных словесных и изустных языковых системах) и *невербальные* (использующие иные способы общения людей); *вертикальные* (характеризующие отношения между вышестоящими и нижестоящими институтами и структурами власти, а в конечном счете отношения между правящим классом и рядовыми гражданами) и *горизонтальные* (предполагающие установление контактов между институтами, структурами, звеньями или группами, принадлежащими к одному уровню организации власти (например, между органами исполнительной власти в регионах, между оппозиционными партиями, общественно-политическими движениями и т.д.); *межличностные* (характеризующие политические контакты между персональными акторами), *групповые* (раскрывающие специфику установления контактов между групповыми акторами — партиями, организациями, социальными общностями и проч.) и *массовые* (демонстрирующие отличительные черты коммуникаций государства и массовых общностей в публичной сфере, предполагающих использование соответствующих институтов, каналов и форм передачи и распространения информации); *формальные* (основанные на использовании официальной информации, осознании правовых или иных последствий установления или неустановления контактов) и *неформальные* (в основе которых индивидуальные, корпоративные и иные неофициальные пристрастия людей). Различные типы политических коммуникаций возникают в рамках проведения государственной и партийной политики, информационных кампаний и войн, а также других типов политических действий.

Ключевую роль в политической коммуникативистике играет изучение *публичных* коммуникаций, отражающих властно значимые контакты между государством (его структурами и институтами) и обществом (в лице групп организованных интересов, лидеров общественного мнения, гражданских структур и ассоциаций). Приоритетная роль именно этого типа коммуникаций, по мнению П. Далгрена (Peter Dalhgren), позволяет трактовать политику как специфическую область публичной сферы (область взаимодействий больших социальных аудиторий, которая вынуждена иметь дело с медиапредставлениями, т.е. такими текстами, которые предназначены для установления контактов крупных слоев населения со структурами государственной власти). Современное значение публичных коммуникаций проявляется и в качественном изменении характера и силы применения власти, когда даже уровень суверенитета того или иного государства зависит от характера управления массовыми инфопотоками.

В наиболее яркой форме публичные коммуникации проявляются в виде массового *дискурса*¹³, демонстрирующего возможности политических игроков открыто заявлять свои позиции и интересы. Дискурсивный характер политических коммуникаций показывает, что в пространстве власти в основном обращаются тексты, являющиеся продуктом коллективного творчества. В силу различной политической активности акторов (интенсивности их информационных стратегий) каждая площадка публичного дискурса отличается собственной повесткой, объемом обсуждаемых сведений, эмоциональной насыщенностью полилога¹⁴. Такая фрагментация публичных коммуникаций сочетает различные векторы развития политических отношений, демонстрируя как положительные, так и отрицательные последствия этого типа связей¹⁵.

В публичном дискурсе действуют самые разнообразнейшие политические акторы. Однако государство (правлящий режим) никогда не выступает в качестве стороны политической коммуникации. Его представляют специализированные информационные структуры, в зависимости от профессионализма которых зависит уровень презентации позиций органов власти в публичном пространстве. Это свидетельствует о том, что статусные позиции государственных институтов могут сочетаться с дефицитом механизмов и технологий презентации их интересов в публичном дискурсе.

Так, со стороны государства в качестве такого рода структур, представляющих интересы власти и выражающие ее текущие позиции, выступают: политические органы, курирующие медиарынок, координирующие и контролируемые (конструирующие) наиболее важные сюжеты в политической повестке (например, в России — это соответствующие подразделения в Администрации президента); специализированные информационные структуры, поддерживающие связи с общественностью и массмедиа в различных институтах государственной власти на центральном и региональном уровнях (*PR*-отделы министерств, пресс-службы губернаторов, аналитические отделы); специальные службы в силовых ведомствах (их соответствующие подразделения); аналитические структуры (информационно-аналитические центры, антикризисные центры), центры защиты информации. Наряду с этими институтами в государстве существуют и структуры, которые занимаются вопросами технического обеспечения информационной политики, поддержанием этого процесса на мировом техническом уровне; ведомственные и общегосударственные базы и банки данных; центры и разработки стандартов, адаптирующих национальные институты к международной среде; академические и исследовательские структуры, которые занимаются изучением медиaprостранства.

Конкуренция, существующая даже внутри государства, нередко приводит к тому, что у власти не складывается единой информационной линии поведения институтов власти в публичном пространстве, где каждый институт обладает разными стратегиями, потребностями в публичном позиционировании своих целей, общении с гражданами и т.д. Информационное обеспечение целей различных, в том числе и конфликтующих между собой — по тем

или иным проектам, — органов власти придает даже официальному дискурсу высокий уровень противоречивости. Добавляют напряженности и контакты между руководителями органов государственной власти и их пресс-службами (не всегда способными уловить скрытые замыслы своего руководства)¹⁶.

Наряду с государственными акторами в публичном дискурсе действуют многообразные корпоративные структуры (информационные отделы партий, общественно-политических движений, оформленных групп интересов); специализированные информационные структуры (консалтинговые и рекламные агентства); СМИ (как самостоятельные участники информационного рынка или же институты представительства интересов других акторов); террористические и другие организации, занимающие легально не признанные позиции; спонсоры, медиамагнаты и рекламодатели (имеющие специфические позиции и соответствующие выходы на информационный рынок); различные сегменты социума: «публика» (корпус политически активных граждан, постоянно находящийся в информационном контакте с властью); «общественность», вступающая в политические контакты лишь в условиях кризиса; «болото», или корпус граждан, практически никогда не вступающих в политические контакты с властью.

В логическом пределе обобщенным показателем участия различных групп населения в публичном дискурсе является *общественное мнение*. В науке существует немало различающихся представлений об этом феномене. Однако большинство ученых признает, что общественные акторы, как правило, и обладают дефицитом внутренней сплоченности и солидарности, влияние их мнения на власть прежде всего зависит от институционального оформления дискурса, демонстрирующего реакцию правящей элиты на суждения граждан относительно волнующих их событий и создающего основу для их вовлечения в политические дебаты. Так что характер публичного дискурса самым существенным образом зависит не только от качества информации (ее доступности и своевременности поступления), но и от возможности населения манифестировать свои позиции.

В то же время власти стремятся постоянно оказывать воздействие на позиции общества и его отдельных групп. Раскрывая механизмы такого воздействия, американский теоретик П. Лазарсфельд показал, что наряду с безликим массовым информированием в публичном дискурсе существует и организуемый властями целенаправленный поток сведений, направленный на *лидеров* общественного мнения, которые, в свою очередь, оказывают целенаправленное влияние на массовое сознание.

Для понимания возможностей политических акторов использовать средства публичных коммуникаций в своих интересах принципиальным значением обладает понимание особого движения массовой информации, которое демонстрирует целый ряд специфических этапов и стадий распространения политически значимых сведений. Среди этих стадий следует выделить: сбор (производство) сведений о реальном (планируемом или выдуманном событии)¹⁷ событии; конструирование соответствующей информации о событии; оценка произведенной информации в виде политического факта; трансфор-

мация факта в новость; превращение новости в тему (новости, профилирующую значительную часть информационного пространства); превращение темы в супертему (профилирующую новостное пространство в межрегиональном и даже мировом масштабе).

Выделенные фазы движения информации обслуживаются только определенными политическими игроками, обладающими для этого различными ресурсами и техническими возможностями¹⁸. Более того, каждый из таких этапов предполагает и применение специальных технологий по созданию и распространению информационных продуктов, повышению привлекательности сведений, эффективности их реализации¹⁹.

Движение массовой информации и ее значение для образования политических коммуникаций самым существенным образом зависит и от сочетания традиционных методов позиционирования политических игроков и артикуляции их позиций. В основном в настоящее время соперничают два вида таких методов. Первые — существующие в виде программных заявлений партий или органов власти в печатной и изустной форме, распространяющиеся по радио или телевидению, на митингах или представительных форумах — относятся к так называемой *offline* политике; вторые — использующие в виртуальном пространстве конкуренции за власть (интернет-сервисы, социальные сети, блоги, мемы и проч.) — представляют *on-line* политику. В науке даже появились суждения о конкуренции двух типов коммуникационных «партий»: с одной стороны, телевидения, а с другой — Интернета²⁰. Конфликты этих типов организации политических коммуникаций пытаются изучать и описывать многочисленные теории культурного сопротивления, семиотической революции, медиаориентированных демократий и др.

С исторической точки зрения инструменты *online* политики являются проводником самых существенных трансформаций публичных коммуникаций, поскольку именно они отражают переход от концептуального (связанного с использованием идеологий, доктрин и прочих форм систематизированных представлений) к знаковому символизму (построенному на эмоционально-чувственных, внеидейных формах отношения к действительности). В этом смысле они способствуют установлению контактов власти и общества через различные формы перформанса, инсталляций, распространение образов, акцентирующих эмоциональные акценты в восприятии информации, и прежде всего в виде имиджей, умышленно конструирующих смыслы и оценки политической действительности.

В авторитарных государствах виртуальные коммуникации противостоят различным формам усиления правительственного контроля, в частности принятой на национальных телеканалах тактике размещения только спланированного контента, направленного на проектирование стандартизированных реакций населения. В то же время постоянное удорожание контента неминуемо ведет к тому, что государство перехватывает информационную инициативу у блогеров, расширяя свое присутствие и в пространстве Интернета.

Показательным примером наступления государства на виртуальный сегмент политики является практическое исчезновение так называемых «пиратских», или «антиистеблишментских», партий, которые возникли в ряде европейских государств как оппозиционные интернет-сообщества. Ряд государств активно использует и так называемых троллей, хакеров и других виртуальных агентов, подрывающих позиции оппозиции и несогласных с курсом правительства. Одновременно государство за счет использования виртуальных инструментов пытается противостоять и распространению социальных болезней, связанных с расширением современных технологий, — клубов самоубийц, рекомендаций террористическим структурам, пропаганды идеологий религиозных сект и т.д.

Особое место в формировании публичного дискурса занимают *массмедиа*, чье политическое влияние основано на применении особых технических средств распространения информации (по сути, формирующих целую индустрию в виде национальных телеканалов, влиятельных печатных средств, Интернета и др.). Многие ученые рассматривают их как один из самых эффективных инструментов и даже центров власти, что проявляется в выборе ими сведений, формате распространения информации, определении стилей программ, влияющих на определение политической повестки дня и разработку вопросов и т.д. В силу этого, как считают Каллаган и Шнель²¹, те, кто работает в политически значимых секторах системы средств массовой коммуникации (репортеры, комментаторы, редакторы, режиссеры, продюсеры, издатели), не могут не обладать властью, поскольку они отбирают и обрабатывают политически значимый контент и таким образом вмешиваются как в формирование общественных мнений, так и в реализацию влиятельных интересов.

В 20–30-е годы XX в. в науке преобладали представления о способности СМИ к практически ничем не ограниченному влиянию и манипулированию общественным мнением. И только со временем в арсенале ученых появились теории «партийной поддержки», ограничивающие влияние массмедиа и исследовавшие эффективность массовой информации и пропаганды в зависимости от состава аудитории и ее партийных идентичностей. В настоящее время в науке преобладает дифференцированное отношение к политической роли различных массмедиа, оказывающих влияние на определенные типы аудиторий.

Важно отметить и то, что, несмотря на широкое изучение роли СМИ, в науке нечасто обращают внимание на то, что массмедиа наряду со своей политической ролью параллельно действуют на информационном, коммерческом и просветительском рынках, конкуренция на которых не может не отражаться на их функционировании как медиаторов и центров политического влияния. В этом аспекте ученые отмечают, что, стремясь к повышению стоимости информации и увеличению своей аудитории, СМИ непременно делают акценты на эмоциональное восприятие людьми политически значимой информации (по мысли власть предержащих, «общество переживаний» должно отвлекать людей от сложных проблем и заставить граждан больше доверять властям); поддерживают стиль «высокоскоростного» общества, где люди испытывают

дефицит времени на обдумывание переживаемых чувств, что существенным образом влияет на сенсорный баланс в общественном мнении, и т.д.

Чаще всего к политическим функциям массмедиа относят их способность к артикуляции и трансляции различных общественных интересов; усиление/ослабление поддержки правительственного курса; медиаприкрытие непопулярных правительственных решений; опережающее (по отношению к обществу) отражение проблем; «наркотизация» общественного мнения (отвлечение граждан от подлинных проблем и снижение критической функции массового сознания за счет непрерывного прослушивания/просматривания музыкальных и развлекательных передач); медиатизация опыта (распространение сведений на все социальные группы без учета их возрастной специфики) и некоторые другие.

Повышение политической роли СМИ побуждает ученых ставить вопрос о постепенном утверждении новых форм организации политической власти за счет повышения качества *медиаспособностей* государства и общества. Опираясь на опыт различных стран, в науке констатируют наличие таких форм организации власти, как *медиаориентированные* политические системы, *медиацентрированные* демократии, *прото- и постдемократические медиакратии*. Эти формы организации власти отличаются особыми политическими коммуникациями и структурами, контролирующими массовые информационные обмены между государством и обществом, применением различных стратегий построения имиджей, установлением новых границ между публичной и частной сферами жизни, культурными механизмами целенаправленного влияния властей на поведение человека и другими параметрами.

Так, в качестве основных параметров делиберативной медиаориентированной, а также медиацентрированной демократии Д. Дж. Лилликер (Daggen G. Lilleker) выделяет дефицит непосредственной коммуникации в межрегиональных связях, увеличение средств, идущих на телерекламу; широкое использование технологий шоу-бизнеса при продвижении политических товаров; селебритизацию политики посредством имиджевых технологий; необходимость у лидеров навыков работы со СМИ; центральную роль медиаменеджмента при проведении политических кампаний; широкое привлечение к проведению политических кампаний *PR*-специалистов и консультантов²².

В свою очередь, ученые указывают, что режимы медиакратии демонстрируют роль массмедиа, которые из инструментов продвижения политических проектов превращаются в структуры, перехватывающие функции медиаторов (политических партий, групп интересов и проч.) и обретающих принципиально преобладающую роль в организации диалога государства и общества, процессах артикуляции требований граждан и оформлении решений властей.

Например, применительно к современной России можно говорить о формировании протодемократической медиакратии, демонстрирующей превращение правящего режима в бесконтрольного собственника публичной информации, а следовательно, и безальтернативного источника проектирования

политического будущего страны. В таких условиях складывается реальная угроза медиаполитического позиционирования по преимуществу корпоративных интересов правящих группировок (и расширения их политического влияния) и, как следствие, свертывания диалоговых обменов между властью и обществом, сползания политической коммуникации к одностороннему информированию элитой низовых политических структур.

В рамках тенденций медиатизации политики получает распространение и понятие *медиарежимов*, характеризующих тип взаимоотношений власти и СМИ (в зависимости от структуры последних, характера медиасобственности и ряда других параметров). С политической точки зрения медиарежимы отражают два самых важных параметра: характер правительственного контроля за деятельностью массмедиа (наличием/отсутствием цензуры, финансовым контролем и надзором, административным регулированием отношений и проч.), а также установление доступа к массмедиа со стороны гражданских структур (включая оппозицию). Эти формы организации власти демонстрируют и характер капитала, идущего в СМИ, возможности регулирования отношений национальных и международных медиахолдингов, а также другие важные грани публичных коммуникаций²³.

В силу такого рода тенденций важнейшим инструментом управления и контроля за публичными коммуникациями у государства становится *медиаполитика* или целенаправленное использование массмедиа для защиты суверенитета и легитимации власти, поддержка правительственных проектов и стратегий, поддержание устойчивой и доверительной коммуникации власти и общества.

В то же время с содержательной точки зрения медиаполитика является формой осуществления так называемой *символической политики*, представляющей собой производство и распространение символических образов, направленных на легитимацию власти, консолидацию правящего режима и обществ, а также стабилизацию политического порядка. Олицетворяя и обобщая в текстах властно значимые смыслы, символы служат основанием идентификации политических объектов в сознании человека, в конечном счете обуславливая способы коммутации, возникновение определенных норм и институтов трансляции сообщений, формы обработки текстов и организации дискурса и т.д. В рамках символической политики государственные структуры пытаются создать «общие образы», «общие эмоции» на основе упрощенных и поверхностных реакций, эмоционального баланса, простых суждений, усталости от осознания напряженности жизни. Такая символическая политика становится фоном человеческой жизни, который пытается профилировать политическую предрасположенность граждан к власти²⁴.

История дала основания рассматривать в качестве механизмов символизации политических текстов *миф, религию, идеологию* и основанную на обращении имиджевых структур *политическую рекламистику*. Иначе говоря, эти различные способы символизации, используемые людьми для производства и обращения политических текстов (кодирование первичной информации коммуникатора-

ми и ее раскодирование реципиентами, установление политической повестки дня, структурирование новостных инфопотоков и проч.), следует рассматривать в качестве основных источников формирования коммуникаций.

В целом характер символической политики и ее роль в развитии политических коммуникаций напрямую зависят от соответствия официальных ценностей массовым, характера действий массмедиа, а также от коммуникативных способностей акторов (их навыков использования определенных инструментов и коммуникативной культуры, которая в конечном счете и предопределяет возможности и границы использования их политического потенциала). При этом особое значение имеют медиаспособности государства и представляющих его медиафигур — прежде всего политических лидеров.

Технологический уровень политической коммуникативистики

В структуре политической коммуникативистики особое место занимает изучение различных способов формирования и осуществления политических коммуникаций. На этом — *инструментальном* — уровне исследуются применяемые в политике технологии создания политических текстов, целенаправленного проектирования медиаконтактов, организации публичного дискурса, поддержания массовых, групповых и межличностных информационных обменов, а также иных аналогичных процессов, складывающихся как в рыночном, так и в нерыночном сегментах пространства власти. Изучение всей совокупности такого рода инструментов позволяет понять возможности и условия формирования определенных мотивов политической активности различных политических аудиторий, усиления установок и изменения позиций и мнений человека²⁵.

В науке сложилось два основных направления исследований в этой области. Так, коммуникативные технологии рассматриваются в рамках определенных информационных стратегий политических акторов. В этом плане коммуникативные технологии рассматриваются в рамках следующих форм политически значимых отношений: B2B (*business to business* — отношения деловых структур и институтов), B2C (*business to customer* — коммуникации бизнеса с потребителями), G2G (*government to government* — контакты одной властной структуры с другой), G2C (*government to citizen* — коммуникации властных структур с гражданами) и C2C (коммуникации граждан с гражданами).

Наряду с этим — применительно к публичной сфере — также выделяют *маркетинговые* (PR, политическую рекламу, информационный лоббизм), *не-маркетинговые* (пропаганду и агитацию) и *смешанные* (например, смеховую коммуникацию) способы налаживания политических коммуникаций. Каждый из этих способов организации политических коммуникаций обладает своим подходом к передаче сведений, критериями оценки качества информации, отношением к реципиентам и т.д.

Так, немаркетинговые способы превращают политические коммуникации в форму односторонних связей, демонстрирующих стремление коммуникатора за счет передаваемой информации установить (удерживать) контроль за состоянием его сознания. При этом такой тип информирования направлен на резкое противопоставление идеям и целям своих оппонентов. Применяемые в рамках этой политической задачи технологии разжигают эмоции, тиражируют односторонние оценки политических процессов, ограничивают набор поступающих реципиентам сведений, стремятся подавить желание человека к самостоятельному мышлению и тем более к критическому отношению к предлагаемым версиям событий. Стремясь утвердить у людей дихотомическое восприятие действительности, пропагандисты постоянно используют техники индоктринации (внушения), активирующие иррациональные компоненты сознания и связанные с ними подсознательно закрепленные предрасудки, стереотипы и заблуждения разума. За счет такого рода приемов пропаганда искусственно политизирует гуманитарные и социальные отношения, формируя в обществе атмосферу противостояния, противоборства, сопротивления всему, что не оправдывается целями коммуникатора.

По мнению немецких теоретиков, еще в годы Первой мировой войны начавших детальное изучение массовой пропаганды, в ее задачи входит не убеждение, а контроль за сознанием человека, организация его полного погружения в распространяемые идеи. Причем такого погружения, чтобы у него не оставалось ни капли сомнения в их правоте или неправоте оппонентов и чем слабее политические позиции коммуникаторов, тем интенсивнее используются ими методы подавления рациональных способов оценки распространяемых сведений.

Институционально пропаганда выражается в насаждении явной и скрытой цензуры, административной фильтрации сведений для публичного дискурса, распространении порочащих оппонентов сведений, массовом манипулировании и распространении дезинформации (включающей искажение исторических фактов). Государство как источник пропаганды — под флагом «патриотизма», защиты «отечественных ценностей», «стабилизации власти» — нередко организует явные и латентные институты контроля за медиаповесткой и борьбы с оппозицией и несогласными. Наиболее одиозные режимы организуют политические репрессии, не гнушаются преследованием и даже физическим уничтожением независимых журналистов, лидеров общественного мнения. Как показывает мировой опыт, систематическое применение властями пропаганды (скатывающейся к примитивному «промыванию мозгов») раскалывает общество на «наших» и «ненаших», разрушает общегражданскую атмосферу, нагнетает напряженность и умножает риски легитимации.

Но если в пропаганде постоянно используются крайне абстрактные понятия (позволяющие не только активизировать веру и другие мифологические элементы сознания, но и делающие крайне неопределенным содержание защищаемых интересов и подлинные цели коммуникатора), то *агитация* — ис-

пользуя те же информационные технологии — напротив, делает акцент на конкретных политических требованиях, стремясь добиться их поддержки со стороны населения при решении конкретных задач.

К типичным инструментам пропаганды и агитации, используемым для активизации интереса, создания эмоционального напряжения и доверия к распространяемой информации, обычно относят: «наклейку ярлыков» и «забрасывание грязью» своих оппонентов, игнорирование оппозиции; «подтасовку карт» (фальсификация и искажение фактов); «общий вагон» (насаждение формулы мышления — «все так поступают»); «свои ребята» (отождествление интересов реципиентов как «простых людей» с интересами коммуникатора); метод фрагментации, или «белый шум» (подача информации таким потоком, что человек не может уловить наиболее важные факты); «исторические аналогии» (избирательный подбор фактов, подтверждающих мысль агитатора) и т.д.

Пропагандистские методики коммуницирования лежат в основе современных информационных кампаний, которые в настоящее время входят в состав так называемых *гибридных войн*, не только означающих сочетание информационных акций с применением самых различных — в том числе физических — методов противодействия противнику, но и принципиально отбрасывающих какие-либо моральные ограничения для нанесения ему ущерба и достижения своих целей.

В свою очередь, маркетинговые инструменты политической коммуникации отражают приоритет информационных запросов реципиента, удобство (по способам, месту, времени) получения им политических сведений. В силу этого акценты делаются на формы убеждающей коммуникации, доверительный характер общения коммуникатора и реципиента, создание у людей ощущения свободы выбора информации и самостоятельную выработку позиции.

В современных условиях все маркетинговые методы налаживания политических коммуникаций базируются на особой форме организации передаваемых сведений, а именно — на *имиджах*. Имидж представляет собой сознательно сконструированный образ явления, рассчитанный на усиление его положительного восприятия со стороны различных политических фигур и аудиторий. Именно этот способ оформления информации и дает возможность обеспечить должное соответствие передаваемых сведений и информационных запросов реципиента.

PR (связи с общественностью) означают тот тип двусторонних отношений, когда коммуникатор стремится наладить контакты на основании долгосрочных доверительных отношений с реципиентом. Это сложная модель коммуникаций, основанная на тонком конструировании взаимоотношений сторон, исключая дезинформацию, нечестные трюки, обман и другие приемы, которые способны подорвать консенсус, доверие и уважение сторон, благожелательную атмосферу взаимного общения. Этот тип коммуникаций предпочитает убеждение, а не внушение, допускает возможность самокритики сторон, коррекции их позиций и существенно снижает роль абстрактно-идеологических подходов.

Эти методы организации симметричных коммуникаций пришли в политику из сферы бизнеса, получив свое распространение с того времени развития

коммерции, когда репутация предпринимателя превратилась в один из важнейших критериев повышения капитализации фирмы и ее рыночного успеха. Таким образом, будучи плодом развитых рыночных отношений, *PR*-коммуникации вводят в отношения сторон элемент контроля за информацией со стороны реципиента.

Понятно, что в силу конкурентной природы политики применение такого типа технологий для налаживания коммуникаций весьма и весьма ограничено. Применительно к государству возможности их использования уменьшаются еще больше. Это связано с наличием конфиденциальных вопросов (требующих закрытия публичной информации), действиями оппозиции (с которыми трудно устанавливать информационно открытые отношения), постоянным использованием властями пропагандистских приемов, закрытым от общественности стилем профессиональной деятельности госчиновников и другими, менее значимыми факторами. Как показывает опыт, чаще всего к формам *PR*-коммуникации с обществом власть прибегает для преодоления кризиса легитимации или в условиях требующих сплочения нации кризисов.

Более распространенной, а по сути ведущей формой организации коммуникаций рыночного типа, является *политическая реклама*, которая обладает своим набором инструментов и технологий. Как и *PR*, беря свои истоки в коммерческой среде, реклама направлена на популяризацию преимуществ политического «товара», создание на него спроса и расширение «продаж» (в виде усиления политической поддержки партий, кандидатов в депутаты и др.). Учитывая проникновение рыночных отношений в сферу политики, ученые называют рекламу ее «суперъязыком», который порождает ассоциации, обладающие подчас большим (мотивационным) значением, чем сами политические продукты. Не случайно М. Маклюэн называл рекламу «фольклором индустриального человека», Дж. Гэлбрейт — «синтезатором запросов и новых человеческих желаний», а Дж. Бурстин — «риторикой демократии», неотъемлемой частью индустриального прогресса человечества.

Рекламные технологии работают с уже существующими установками и формами поведения реципиентов, сдвигая установки и представления людей в нужную — для политической поддержки — сторону при помощи различных «внутренних» подсказок. В этом плане рекламные технологии не столько навязывают, сколько притягивают потребителя к нужным политическим «товарам». Однако контроль за передаваемой информацией остается на стороне коммуникатора.

Специфика инструментов политической рекламы связана как с расширением применения стандартных бизнес-технологий (связанных с популяризацией товаров), так и с ограничениями в применении некоторых иных методов (критики оппонентов, приемов предваряющего информирования и проч.). Эта специфика также демонстрирует содержание так называемого «универсального торгового предложения» (демонстрирующего оригинальность политического «товара»), отсутствие различий у покупателей и потребителей этой

рекламной продукции, а также наличие ряда правовых ограничений на распространение рекламных текстов в массмедиа.

В политике применяются различные типы рекламирования, отличающиеся специфической аргументацией, использованием различных каналов, художественным оформлением посланий и другими отличительными параметрами. При этом самой перспективной тенденцией в развитии политической рекламистики была и остается креативность, использование нестандартных идей, способных пробудить еще не разгаданные мотивы человеческой активности. Вбирая в себя все новшества индустрии развлекательного рынка и интернет-коммуникаций, рекламные технологии испытывают сегодня весьма бурное развитие. Так, одной из последних осваиваемых рекламой технологий выступает нейромаркетинг, использующий достижения нейробиологии, нейропсихологии и других наук, не рассматривающих человека как исключительно рациональное существо и потому — за счет более тонкого понимания активности головного мозга — находящий дополнительные возможности для управления его потребительским поведением.

В науке выделяются и разнообразные формы *информационного лоббизма*, используемого для установления политических коммуникаций в сфере деловых контактов между корпоративными игроками и государственными институтами. Это самая деидеологизированная форма информационных обменов, которая в основном складывается в сфере разработки стратегий и целей и затрагивает деятельность ключевых фигур — лиц, принимающих политические решения. Эта форма коммуникаций отличается высоким уровнем конкуренции, персонализацией контактов, тесной связью с использованием смежных (финансовых, материальных, организационных и проч.) ресурсов, а также особой стадийностью (демонстрирующей различные этапы установления контактов коммуникатора и реципиента). В своей институциональной форме информационный лоббизм частично проявляется в *GR*-коммуникациях.

В качестве особой разновидности инструментов налаживания политических коммуникаций ученые также выделяют и особенности методов *смеховой* коммуникации. Эта группа обладает возможностью постоянной трансформации имиджей коммуникатора и реципиента, а следовательно, предполагает возможность — за счет изменения образов коммуникатора — и трансформации его позиций в поле политики. Например, удачная шутка, анекдот или сатирическая ремарка могут существенно повлиять на имидж лидера в глазах населения. Как правило, такие инструменты тесно связаны с национальными традициями, народным фольклором, присущим данному обществу тем или иным психологическим типом личности, характером взаимодействия верхов и низов.

Изучение бурно развивающихся инструментов и технологий формирования политических коммуникаций дает науке возможность для более точного понимания перспектив развития властных отношений, прогнозирования путей развития государства и его политических контактов с обществом.

Примечания

¹ Социальный тип информации отличается возможностью многократного использования обращающихся сведений, их сохранения и обработки (у передающего сведения *коммуникатора* и принимающего их *реципиента*), а также плотностью и разноуровневым характером (научным, обыденным, технологическим и проч.). Ее *универсальными* измерителями являются доступность, достаточность (для осуществления тех или иных действий), достоверность, конвертируемость, ассоциативность (богатство образов), способность к тиражированию, своевременность (получения), качество сведений и проч. В качестве основных форм существования социальной информации выделяются (знаковые), семантические (смысловые), когнитивные (познавательные), аксиологические (оценочные) и аффективные (эмоциональные).

² Грачев М. Н. Политика, политическая система, политическая коммуникация. М., 1999. С. 134–136.

³ Единицей политической коммуникации в науке чаще всего рассматривается *текст*, представляющей собой интенционально замкнутую знаково-языковую конструкцию, транслирующую те или иные значения и смыслы. Отражая внутреннюю связанность посланий, их тематический характер, внутреннюю связанность языка, законченность, связь замыслов и конечных продуктов, текст упорядочивает обмен смыслами. При этом его внутреннее строение отражает такой порядок расположения в послании «сильных аргументов», который нацелен на глубокое усвоение образов и символов. Для публичной сферы подготовка текстов — это плод коллективных усилий профессионалов.

Тексты предполагают использование вербальных (изустных) и невербальных (мимики, жестов, языка этикета, положения тела и проч.) средств трансляции смыслов, которые в совокупности образуют своеобразные «письма» и «предложения» (Р. Берт), предопределяющие ту или иную рамку отношения человека к действительности. Как показывает опыт, в политике более 85% значимой информации передается при помощи невербальных средств. При этом именно невербальные средства чаще всего вбирают в себя принятые в обществе стереотипы общения; национальные традиции, без усвоения которых любые попытки политиков установить доверительное общение с массовой аудиторией, как правило, обречены на провал. В любом случае следует помнить, что политические тексты (и подтексты) обладают различной сложностью как для производства сведений, так и для их восприятия людьми. В политике нередко используются намеренно усложненные тексты, которые затрудняют населению осмысленное восприятие событий, нарушают коммуникацию и снижают легитимность власти.

⁴ В этом смысле важнейшей предпосылкой формирования (поддержания, развития) политических коммуникаций становятся те — характерные для каждого политического сообщества — культурные нормы и стереотипы, которые позволяют людям по-своему кодировать и декодировать смысловые послания, наполнять значениями политические месседжи, передавать и усваивать скрытую для других акторов информацию. В рамках национальной (конфессиональной, региональной и проч.) культуры эти маркеры политических значений превращают условности и подтексты в механизмы политического общения, позволяющие устанавливать плотные формы контактов.

В этом смысле политические коммуникации могут выступать и как особый механизм совместного продолжения традиций и даже обучения при решении коллективных проблем. Однако — в силу сложных проблем или наличия тайных замыслов коммуникатора — попытки коммуникатора могут и не вызывать ни необходимого уровня

идейной кооперации, ни внутренней солидарности коммуникатора и реципиента, ни активности последнего.

⁵ Pye L. W. Political Communication // The Blackwell Encyclopedia Political Institutions. Oxford; N.Y., 1987. P. 442.

⁶ Надо признать, что в науке существуют и заметные тенденции абсолютизации социальной составляющей коммуникаций, в частности их отождествление с общением, акцентация хаотизации смыслового обмена. Особенно ярко это проявляется в трудах постмодернистов, рассматривающих действительность как некий коллаж реальности и вымысла, где репрезентации заменяют реальность, а иллюзии существуют как абсолютно достоверное переживание реальности. Впрочем, такие подходы демонстрируют и представители иных школ и направлений. Так, К. Ясперс рассматривает коммуникации как глубоко интимное и личностное общение, которая дарит человеку его сущность; М. Бубер видит в них диалог между Богом и человеком, человеком и миром, человеком и человеком; А. Шюц (сторонник понимающей социологии) — акты как инструмент конструирования социальности; приверженцы символического интеракционизма (Г. Блумер, Э. Гоффман) рассматривают социальное развитие как эволюцию коммуникативных форм, полагая, что человеческая природа и социальный порядок — это чистые продукты коммуникации; в свою очередь персоналист Мунье трактует коммуникации как инструмент открытия внутреннего мира личности чувствам другого.

⁷ Показательно, что еще в 60-х годах XX в. Э. и Х. Тоффлеры писали, что на волне информатизации в мире будет складываться и доминировать полупрямая демократия, власть меньшинства, контролирующего инфопотоки. Ф. Брентон связывает развитие коммуникации с подъемом авторитарных идеологий и ксенофобией. Информационные потоки могут исключать из власти часть населения. Наряду с этим в науке присутствуют и попытки создания идеальной коммуникационной модели (Ю. Хабермас), когда тот, кто выражается четко, всегда понят, ему не препятствуют высказываться, есть свобода обсуждения.

У. Митчел создал концепцию исторической трансформации логики информации и коммуникативных технологий в процессе расширения и наращивания возможностей человеческого тела и сознания, который вызван взрывным развитием портативных мобильных устройств, обеспечивающих вездесущую беспроводную коммуникацию и возможность бесперебойной обработки данных. Не случайно М. Кастельс считал, что «с приходом нанотехнологий и конвергенции микроэлектроники и биологических процессов и материалов границы между человеческой жизнью и жизнью машин размываются...» (*Habermas J. Political Communication in Media Society: Does Democracy Still Enjoy an Epistemic Dimension? The Impact of Normative Theory on Empirical Research*, 2012. P. 41. URL: <https://www.researchgate.net/publication/229778787>).

⁸ Впрочем, ряд ученых по привычке рассматривает политические коммуникации как своеобразную соединительную ткань политики, т.е. по преимуществу технологический процесс, «связующий, направляющий и инновационный общественно-политическую жизнь» (М. Н. Грачев), т.е. сохраняющий свои *прежние* (характерные для индустриального общества) функции. Еще более традиционалистскую позицию занимают ученые, гиперболизирующие групповую природу коммуникативных процессов и интерпретируя, к примеру, информационные контакты с Западом как «третью мировую информационную войну», противоборство «информационно-финансовому тоталитаризму» и т.д. (В. П. Пугачев).

⁹ Ряд отечественных ученых полагает, что как особая отрасль знаний коммуникативистика возникла в середине XX в. в США и ее предметное поле включало в себя всю систему средств и гуманитарных функций массовых информационных связей

(см.: Землянова Л. М. Современная американская коммуникативистика. М., 1995; Она же. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: толковый словарь терминов и концепций. М., 1999).

¹⁰ См.: Pippa N., Curtice J., Sanders D., Scammel M., Semetco H. On Message. Communicating the campaign. A SAGE Publications Ltd. L., 1999. P. 3–12.

¹¹ Таким образом, концепт коммуникации предполагает и анализ профессиональной деятельности журналистов, пиарщиков, рекламщиков и других специалистов, работающих на различных политических площадках и стремящихся организовывать эффективное воздействие на общественность, управлять восприятием целевых групп при помощи использования определенных средств и каналов.

¹² «Мягкая власть» (*soft power*) отражает форму политического влияния (доминирования) при помощи использования привлекательных образов национальной культуры той или иной страны, ее политических идеалов, программ развития, репутации лидеров и других аналогичных ресурсов, лежащих в основании политических коммуникаций.

¹³ В данном контексте под дискурсом понимается форма столкновения различного рода идеологий, мифов, доктрин, концепций, групповых и партикулярных воззрений, которые отражают множественные оценки и интерпретации актуальных и ретроспективных конфликтов, транслируют позиции и интересы различных политических игроков, конкурирующих друг с другом за право использовать прерогативы государственной власти. В содержательном плане здесь функционируют концентрированные и «рассеянные» идеологии, сталкиваются партийные программы и политически неформальные позиции, клишированные «топики» (устойчивые информационные сюжеты) и сенсационные сведения, спонтанные и тщательно отобранные новости, идеалы и ценности, экспертные позиции и обыденные мнения, риторика лидеров и драматические реплики обывателей и т.д. Циркулируя снизу вверх и сверху вниз, разнокачественная информация формирует самые различные специализированные и бытовые коммуникативные площадки.

¹⁴ Так, в качестве специализированных коммуникативных площадок могут выступать различные ветви власти, где общение политических акторов (в виде обсуждений и переговоров) способствует принятию законодательных решений, политических программ, приговоров, административных указов и т.д. Одновременно особыми аренами выступают периферийные контакты гражданских акторов, сталкивающихся с неконтролируемыми потоками сообщений — новостями, комментариями, слухами, шоу и фильмами с информативным, полемическим, образовательным или развлекательным содержанием. По мнению Ю. Хабермаса, обсуждения на этой политической периферии должны работать как механизм информационной очистки, отфильтровывающий «грязные» элементы из потока сведений (дискурсивно структурированного процесса легитимации). При этом обсуждение как важнейший элемент демократического процесса должно выполнять три функции: мобилизовать и объединять соответствующие вопросы и необходимую информацию, а также уточнять объяснения; дискурсивно обрабатывать такую информацию, используя правильные аргументы «за» и «против»; вырабатывать рационально мотивированные позиции «за» и «против», которые будут определять результаты процессуально правильных решений.

Ученые особо отмечают тоталитарный дискурс, для которого характерно идеологическое толкование событий (расширительное толкование событий в ущерб логике), бессодержательные декламации политических лидеров, преувеличенная абстрактность обращений к обществу, лозунговость, превалирование «сверх-Я» (отказ от повседневных забот), пристрастие к мифам и заклинаниям, агитаторский задор, претензия на абсолютную истину (Х. Медер).

Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что за публичными контактами нередко скрываются авторитетные латентные акторы (чаще всего выступающие в виде сетевых коалиций правящего класса, а также международных элит), оказывающие неформальное, но при этом преобладающее влияние на законодательные и исполнительные органы власти при принятии политических решений. С другой стороны, это показывает, что к публичным формам поддержки обращаются те политические игроки, которые обладают дефицитом ресурсов в зоне принятия политических решений. В силу этого они, как правило, действуют в рамках стратегии «расширения конфликта» (Смит и Баумгартнер), пытаясь за счет публичной огласки конфликтов и противоречий «втащить» в полемику (политику) рядовых граждан.

Так, в качестве специализированных коммуникативных площадок могут выступать различные ветви власти, где общение политических акторов (в виде обсуждений и переговоров) способствует принятию законодательных решений, политических программ, приговоров, административных указов и т.д. Одновременно особыми аренами выступают периферийные контакты гражданских акторов, сталкивающихся с неконтролируемыми потоками сообщений — новостями, комментариями, слухами, шоу и фильмами с информативным, полемическим, образовательным или развлекательным содержанием.

¹⁵ Мировой опыт дал многочисленные примеры патологий публичной коммуникации, к которым можно отнести: усиление патернализма; манипулирование; сокращение дистанции власти от оказывающих на нее давление бизнес-структур; снижение независимости массмедиа; отказ власти от обратной связи с обществом; покровительство властями институциональной коррупции; распространение информации, вызывающее падение интереса к политике и недоверие власти как таковой. В науке также отмечается и то, что некоторые виды открытости и прозрачности в публичной сфере могут иметь негативное влияние на уровень доверия к государственным структурам (*O'Neill O.* 2002 Reith Lecture 4 viewed 14 July 2006. URL: http://www.bbc.co.uk/radio4/reith2002/lecturer_.shtml). Свой вклад в нарастание негативных последствий публичных коммуникаций вносит и Интернет. Как недавно отметил создатель Всемирной паутины Тим Бернер-Ли: «Существует серьезная угроза, что он (Интернет) станет местом, где будет распространяться больше неправды, чем правды, или местом, где тем или иным образом будет расти несправедливость» (*Guardian*, 3 November 2006, *Creator of web warns of fraudsters and cheats: Blogging one of biggest perils, says innovator*).

¹⁶ Так, в качестве специализированных коммуникативных площадок могут выступать различные ветви власти, где общение политических акторов (в виде обсуждений и переговоров) способствует принятию законодательных решений, политических программ, приговоров, административных указов и т.д. Одновременно особыми аренами выступают периферийные контакты гражданских акторов, сталкивающихся с неконтролируемыми потоками сообщений — новостями, комментариями, слухами, шоу и фильмами с информативным, полемическим, образовательным или развлекательным содержанием.

¹⁷ Так называемые фейки или фактоиды (события, которые не существуют до тех пор, пока не будут помещены в поле СМИ, — *Норман Мейер*).

¹⁸ Такая этапизация инфопотоков в публичном пространстве показывает, что если у тех или иных социальных групп нет устойчивого выхода в публичное медиапространство, то их политический потенциал и вес, по сути, будет нулевым. Иными словами, даже наличие партийных институтов, по привычке оцениваемых как самые крупные игроки в системе представительства гражданских интересов, может не иметь никакого политического значения для позиционирования интересов в публичном дискурсе.

¹⁹ Сказанное показывает, что информация может иметь политическое значение только в том случае, если станет определенным сюжетом для публичного дискурса, тем поводом, который способен спровоцировать необходимую реакцию со стороны институтов власти или ведущих политических игроков (как в национальном, так и в мировом масштабе). Следовательно, информация, которая претендует на свое политическое звучание, должна настойчиво продвигаться в информационном пространстве, распространяться по наиболее перспективным каналам, преодолевать сопротивление не заинтересованных в ее распространении лиц. А это, по понятным причинам, требует определенных ресурсов и возможностей, в том числе материальных и технических. В силу этого даже важные сведения могут попадать в публичное пространство только в то время, которое выгодно крупным игрокам на информационном рынке (независимо от фактического времени произошедшего события). Одновременно такое положение говорит и о том, что значительная — если не вся — часть информационного контента, которая попадает — особенно по официальным каналам — в публичное пространство, обладает искусственным происхождением. Причем акторы, которые регулируют такого рода процессы, могут обладать и неформальным статусом (например, теневые коалиции правящего класса).

²⁰ См.: *Казин А.* Под сетью // Литературная газета. 2014. 4–10 апреля. № 14.

²¹ *Callaghan K., Schnell F.* Framing American politics. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2005.

²² Политическая коммуникативистика: теория, методология, практика / Под ред. Л. Н. Тимофеевой. М.: РОССПЭН, 2012. С. 119.

²³ По мысли Ю. Хабермаса, медиасистемы (медиа режимы) должны обладать саморегулируемым характером и независимостью от социальной среды. Только тогда будут осуществляться должные для демократии коммуникации между информированной элитой и реагирующим гражданским обществом. Однако на деле многие государства весьма далеки от этого идеала, демонстрируя разнообразные формы контроля за масс-медиа и профилируя рынок информации.

В данном аспекте уместно вспомнить мысль этого теоретика, который полагал, что в дискурсе демократических государств должна складываться этика, демонстрирующая ответственность сторон, чье общение должно протекать в соответствии со стандартами рационального достижения консенсуса. Однако история дала немало примеров, когда в авторитарных государствах интенсивная пропаганда властью своих идей и подходов не могла ни создать взаимоприемлемую для власти и общества этику, ни устранить несовместимость идеологических и психологических установок властей с общественным мнением. Поэтому интенсивность информационных потоков может скрывать и факты дискommunikации, то, что те или иные политические акторы говорят на разных языках.

²⁴ Характерно, что многие ученые рассматривают символическую политику исключительно как искусство манипулирования (С. Поцелуев), что превращает население в пассивного участника коммуникации и одновременно не придает значения тем символам, которые формируются в самом обществе, т.е. снизу, где возникают предпочтительные для граждан образы. Это свидетельствует о том, что символическая политика формируется на пересечении потоков образов, идущих как от власти, так и от общества.

²⁵ Показательно, что ряд ученых эту группу задач относит к прерогативам *коммуникационного менеджмента*, а саму политическую коммуникативистику трактует как управление восприятием целевых групп с помощью сознательного производства (интерпретации) посланий и размещения их в специально организованных коммуникативных каналах (А. Чумиков).

Литература

Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2001. — 253 с.

Винер Н. Творец и будущее. М.: АСТ, 2003. — 733 с.

Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004. — 328 с.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007. — 464 с.

Политическая коммуникативистика: теория, методология, практика / Под ред. Л. Н. Тимофеевой. М.: РОССПЭН, 2012. — 327 с.

Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. — 830 с.

Berger Ch. R., Roloff M. E., Ewoldsen D. R. The handbook of communication science. SAGE, 2010. — 583 p.

Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. — 625 p.

Dudo A., Kahlor L. Strategic Communication: New Agendas in Communication. N.Y.: Routledge, 2016. — 204 p.

Habermas J. Political communication in media society: does democracy still enjoy an epistemic dimension? The impact of normative theory on empirical research // Communication Theory. 2006. No 16. — 426 P. URL: www.researchgate.net/publication/229778787.

Krcmar M., Ewoldsen D. R., Koerner A. Communication Science Theory and Research: An Advanced Introduction. N.Y.: Routledge, 2016. — 380 p.

Levinson P. Digital McLuhan: A Guide to the Information Millennium. N.Y.: Routledge, 1999. — 240 p.

Pye L. W. Communications and Political Development. Princeton: Princeton University Press, 2015. — 396 p.

Siebert F. S., Peterson T., Schramm W. Four Theories of the Press: The Authoritarian, Libertarian, Social Responsibility, and Soviet Communist Concepts of What the Press Should Be and Do. Illinois: University of Illinois Press, 1956. — 153 p.

13. КОНСТРУКТИВИЗМ В МЕЖДУНАРОДНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ключевые слова

Идентичность, конструктивизм, рефлексивизм, конструктивизм правил, конвенциональный конструктивизм, критический конструктивизм, социальный конструкт

С конца 1980-х годов одним из главных направлений в теоретических исследованиях международных отношений стал конструктивизм. Именно к этому времени он уже достаточно прочно утвердился на теоретическом олимпе, предложив собственную онтологию, эпистемологию и методологию международных исследований. Причины взлета конструктивизма носили исторический характер, были связаны с состоянием философии науки и теорий международных отношений, в частности с неспособностью неореалистов и неолибералов предвидеть окончание холодной войны и возникшим сомнением в аналитическом потенциале этих теорий. «Дело не в том, что международные отношения переживают еще один “кризис”, — подчеркивает Джеймс Дер Дериан. — Необходимо признать, что международные отношения подвергаются эпистемологической критике, которая ставит под вопрос сам язык, концепции, методы и историю (т.е. господствующий дискурс), который конституирует и управляет “традицией” мышления в этой сфере»¹.

Постпозитивистский поворот, одним из проявлений которого стал подъем конструктивизма, позволил существенно переосмыслить как методологические инструменты исследований, так и обогатить концептуальный и понятийный аппарат социальных наук. Хотя почвой для конструктивизма выступил фактически весь постпозитивизм, будет неверным считать его просто синтезом разных парадигм этого направления.

Строго говоря, ничего сверхнового в сформировавшемся подходе не было. Конструктивистская установка имеет длительную историю в науке и в теории познания, хотя наименования сходных подходов неоднократно менялись. По крайней мере, с начала Модерна дихотомия «познанное — сделанное (сконструированное)» стала типичной для науки Нового времени и сопровождающей ее теории познания. Это позволило современным конструктивистам вписать в число своих предтеч Вико, Канта, Гегеля, Гуссерля и, из более

поздних мыслителей, А. Шюца, Ж. Пиаже, Н. Лумана, Дж. Мида, П. Бурдьё, Л. С. Выготского и др., раскрывавших понятие «конструкта» как производимого человеческим сознанием идеального объекта, или классификационно-оценочного шаблона, через который человек воспринимает мир. Как считается в современной западной науке, сам по себе термин «конструктивизм» начал использоваться в социальных науках еще в 1950-е годы в работах Ж. Пиаже и Дж. Келли, однако научную респектабельность вполне определенной эпистемологической позиции он обрел значительно позднее — только в контексте «культурного поворота» 1970–1980-х годов². Сформировавшийся на основе этих воззрений *социальный конструктивизм* (одним из ответвлений которого стал конструктивизм в теории международных отношений) обратился к дискурсам, отношениям, взаимодействиям между людьми, отказавшись от всеобщих универсальных истин и повернувшись лицом к многоголосию, к сообществу и диалогу как способам конструирования мира.

Международники называют в качестве основоположника конструктивизма в теории международных отношений Николаса Онуфа, опубликовавшего в 1989 г. книгу под названием «Мир, который мы создаем».

Пафос книги перекликался с традицией русско-советского живописца и фотографа Александра Родченко (1891–1956), еще в 1920-х годах вместе со своей художественной группой пытавшегося на революционной волне сформировать новую технологию политики, в основе которой лежало утопическое мышление конструктивиста, верившего в возможность сознательного, позитивного преобразования мира и человека под влиянием собственного мышления. По мнению Онуфа, государства, подобно индивидам, живут в «созданном нами мире», в котором «социальные факты», возникающие благодаря деятельности людей, противостоят «грубым фактам», от него не зависящим, которые скорее являются условиями человеческого существования. Он не отрицал реальность, независимую от существования человека, однако осмысленный мир вокруг нас возникает благодаря языку через понимание «речевых актов», позволяющих увидеть, как именно люди, включая теоретиков международных отношений, его создают. Системы производства и распределения ресурсов, отношений власти и авторитета в сочетании с лингвистически разделяемыми системами регулирующих и конституирующих правил позволяют выявить законы, управляющие миром.

К середине 1990-х годов в общем и целом сформировался современный конструктивизм как субстантивный (содержательный) подход к изучению международного поведения. В любом случае это было своего рода оппозиционное движение в теории международных отношений, противостоящее мейнстриму.

Тем не менее спорность и незавершенность процесса формирования конструктивизма как направления исследований заметна уже при первом приближении. Что это, новая парадигма, тип мышления, метод или теория? Пока нет вразумительного ответа, а есть лишь разные точки зрения. В любом случае об-

Николас Гринвуд Онуф (1941) — американский ученый, профессор Международного университета Флориды, создатель термина «конструктивизм» и выдающийся представитель конструктивистского методологического направления.

Наиболее известным трудом ученого считается книга «Мир, который мы создаем» (1989 г.), в которой автор объясняет свой подход к конструктивизму.

С точки зрения Н. Онуфа, участниками социальных отношений являются агенты (действующие политические субъекты), имеющие определенные ресурсы, а также статус и роль. Поведение данных агентов регулируется определенными правилами, которые данные агенты могут либо соблюдать («институциональный агент»), либо игнорировать («оппортунистический агент»). В процессе взаимодействия агенты и правила оказывают друг на друга влияние и тем самым меняют друг друга. Именно правила, которые и формируют агентов, выступают ключевой категорией анализа Николааса Онуфа.

Природа правил имеет определенную структуру, в основе которой лежат речевые акты-договоренности (утвердительные, направляющие и обещающие), социальные нормы (которые могут впоследствии стать правилами). В зависимости от отношения агентов к правилам (подчинение, изменение или соблюдение) Николаас Онуф выделяет несколько видов практик, которые впоследствии формируют политические режимы (гегемония, иерархия или зависимость от правил). Режимы образуют политические институты. Описанные Н. Онуфом режимы являются альтернативными формами доминирования на мировой арене вместо ранее представленных А. Вендтом трех форм анархий («гоббсианской», «локкианской» и «кантианской»). Во главе своей концепции ученый помещает структуры, созданные на основе правил и институтов. Как и другие представители конструктивизма, Н. Онуф был убежден, что в процессе взаимодействия акторы и структуры могут подвергнуться изменениям, в зависимости от оказываемого взаимного влияния.

С точки зрения Николааса Онуфа, реальность может основываться на сформулированных и провозглашенных людьми нормах. В свою очередь иерархические принципы в политике базируются на социальных взаимоотношениях, основанных на силе. Примечательным примером в этой связи служит феномен холодной войны. Внедренные сверхдержавами нормы создают определенные обязательства, без соблюдения которых отдельные акторы (государства-сателлиты) не смогут существовать. Данные обязательства ограничивают автономность отдельных государств, что в итоге приводит к особой форме доминирования сверхдержав. Такую форму можно увидеть, например, в теории экономической зависимости: экономическая отсталость и политическая нестабильность развивающихся государств является следствием их неравноправной и насильственной интеграции в мировую экономику, а также их зависимости от богатых государств, использующих ресурсы бедных стран в своих целях.

Основные работы:

- «Мир, который мы создаем» (1989)
- «Конструктивистский манифест» (1997)
- «Конструктивизм: Руководство пользователя» (1998)
- «Миры нашего собственного создания: странная карьера Конструктивизма» (2002)

Николас Онуф:

«...Не только социальные отношения делают людей тем, что они есть, но и люди делают эти отношения тем, что они есть, через взаимодействие друг с другом и с природой».

«У меня существуют серьезные сомнения по поводу утверждения о том, что анархия является центральной определяющей чертой международных отношений. Я не отрицал бы хаотичность событий, но эти события всегда происходят при определенных условиях, которые отнюдь не хаотичны».

Н. Онуф. Мир, который мы создаем. 1989

щим для разнообразных течений в конструктивизме является особое отношение к «реальности». По мнению исследователей, конструктивизм проявляется в четырех ипостасях, в зависимости от уровня рассмотрения:

- философский конструктивизм;
- конструктивизм как метатеория;
- как способ создания теорий;
- и, наконец, как эмпирическое исследование.

Так, один из наиболее известных конструктивистов Александр Вендт понимает под конструктивизмом не конкретную содержательную теорию, а общую философию социальных наук. Ее предмет — «онтология международной жизни», главная цель — осветить онтологическую реальность интересубъективного знания³.

- В отличие от позитивизма и материализма, рассматривающих мир как объективную реальность, конструктивизм видит в нем «продукт в процессе», т.е. это скорее «становление», нежели «бытие». Но структурализм также не совпадает ни с идеализмом, ни с постструктурализмом, ни с постмодернизмом, воспринимающими мир только как результат воображения. Иными словами, это «третий», промежуточный путь познания.

Другие авторы, например Эммануэль Адлер, рассматривают конструктивизм как «метатеорию», фокус которой обращен не столько на противоречие

между наукой и «литературной интерпретацией сюжетов», сколько на природу самих социальных наук и, соответственно, теории международных отношений. Напомним, что «метатеория» относится к типу эпистемологии, противостоящему онтологическому теоретизированию, поскольку имеет в качестве своего предмета саму по себе теорию: получается «теория, предметом которой является другая теория». Можно сказать и по-другому: это теория о теориях, рассматривающая альтернативные объяснительные подходы и возможные исследовательские программы.

Конструктивизм — все же не теория в широком смысле слова, а разделяемая совокупность исходных посылок, которые могут быть представлены как методология. Некоторые исследователи вообще считают, что конструктивизм «остается методом, и ничем иным» (Checkel, 1998). Дж. С. Баркин, например, рассматривает конструктивизм как кластер исследовательских методов и аналитических инструментов, «совокупность предположений о том, как изучать мировую политику», но не о том, как «политика работает». Это «скорее совокупность исследовательских методов, а не парадигма в том смысле, как это имеет место в случаях реализма, либерализма или марксизма»⁴. Тот же Вендт оговаривается, что конструктивизм — не теория, так как не имеет ни предсказывающей, ни объяснительной функции, это лишь инструмент анализа⁵. Но с этой точкой зрения согласны далеко не все.

Александр Вендт:

«Очень важно изучить, из чего “сделана” структура международных отношений... С моей точки зрения, она представляет собой именно то, что отрицает Уолтц: структура международной системы есть социально сформированный, а не объективный материальный феномен».

«Характер международной жизни определяется убеждениями и ожиданиями, которые государства имеют друг о друге, и этот характер устанавливается социальными, а не материальными факторами».

«Материальные силы и факторы вторичны, но они имеют значение, поскольку сконструированы в соответствии с определенным смыслом для акторов».

«Сами акторы международной политики... являются результатом непрерывного взаимодействия между собой».

А. Вендт. Социальная теория международной политики. 1999

«Люди воздействуют на объекты, включая других акторов, на основе субъективных смыслов, которые для них имеют эти объекты».

А. Вендт. Анархия — это то, что делают из нее государства. 1992

В любом случае, пишет А. Вендт, отчасти противореча самому себе, задачей конструктивизма является создание «конституирующей теории», а также объяснение ее последствий для международных отношений. Каузальная (при-

чинно-следственная) теория, в отличие от конституирующей, ставит вопрос «Почему?» и показывает, как именно «предшествующий X создает независимо существующий Y». Конституирующая теория ставит другой вопрос: «Что?» и определяет «структуры, которые конституируют X или Y»⁶. Например, в этой оптике холодная война — следствие идей, которые американские и советские политики имели по поводу отношений между сверхдержавами. Неудивительно поэтому, что многие конструктивисты обращаются именно к интерпретативной (герменевтической) эпистемологии. Социальные науки, полагают они, прибегают к интерпретативному исследованию для понимания смыслов, а отнюдь не к научному анализу причинно-следственных связей и отношений, как это было в реализме или либерализме.

Конструктивизм, кроме того, одно из наиболее ярких проявлений противостояния между рационалистами, в соответствии с взглядами которых мир управляется универсальными законами, с одной стороны, и рефлексивистами, подчеркивающими значение intersubjectивных, разделяемых смыслов и дискурсов, всегда включенных в конкретный социальный контекст, — с другой. Однако здесь все не так просто. Конструктивизм и с этой точки зрения оказывается посередине между рационалистическими теориями, такими как реализм, неореализм и неолиберализм, с одной стороны, и интерпретативной эпистемологией — постструктурализмом в духе Жака Дерриды и Мишеля Фуко, а также критической теорией мыслителей Франкфуртской школы, таких как Адорно, Хоркхаймер и Хабермас, с другой. Конструктивизм — это взгляд, предполагающий, что то, «каким образом материальный мир формируется действиями людей, и зависит от интерпретаций материального мира»⁷.

Кроме того, конструктивизм не признает безбрежного эпистемологического плюрализма, т.е. равноценности всех локальных форм познания. Интерпретация науки как единства в разнообразии предполагает, что, несмотря на наличие разнообразных исследовательских программ, на каком-то уровне они неизбежно вступают в диалог. Конструктивистская методология, добиваясь валидности своих результатов, опирается на правила научной коммуникации, в отличие от подавляющего большинства рефлексивистских подходов. В этой связи Эмануэль Адлер высказывает предостережение: рассмотрение конструктивизма, постструктурализма и постмодернизма под одной «шапкой» «рефлексивистского» подхода — это ошибка, подчеркнув еще не раз, что конструктивизм работает именно с социальным конструктом⁸.

- В отличие от неореалистов и неолибералов, конструктивисты отнюдь не стремятся к поиску универсальной истины в отношении пространства и времени. При этом это вовсе не означает, что они в принципе отрицают достижения социальных наук. Конструктивисты используют обычные исследовательские методы, включая дискурс-анализ, генеалогию, сравнения, экспертные интервью, наблюдения участников, контент-анализ мемуаров и архивных документов, статистический анализ и т.д. Более

того, у конструктивизма в принципе нет одного-единственного метода исследования. Безусловно, конструктивисты следуют принципам научной, аристотелевской логики, однако предпочитают ограничиться поисками типичного в разных географических зонах и периодах истории, не замыкаясь на универсальные законы и обобщения.

Со временем обозначились два течения внутри конструктивизма — североамериканское и европейское, различающиеся довольно существенно в отношении методов исследования. Североамериканский вариант делает особый акцент на роли «социальных норм» и «идентичности» в конструировании мировой политики и определении результатов внешнеполитической деятельности; в нем по-прежнему доминирует позитивизм, а основной интерес сосредоточен на вскрытии дедуктивных механизмов «сверху вниз» и каузальных (причинно-следственных) отношений между акторами, нормами, интересами и идентичностью. Именно к этому лагерю с некоторой долей условности можно отнести, например, А. Вендта, Н. Онуфа, П. Катценштайна и др.

Европейский вариант уделяет внимание роли «языка», «лингвистических конструкций» и «социальных дискурсов» в конструировании социальной реальности и «идентичности». В нем доминируют постпозитивистские и интерпретивистские подходы, наряду с дедуктивной широко используется индуктивная (снизу вверх) стратегия исследования. Среди его адептов можно назвать такого известного исследователя, как Ф. Кратчвилл. Однако все различия между конструктивистами преодолеваются, как мы увидим ниже, их общей приверженностью социальному структурированию мировой политики.

Сингапурский профессор американского происхождения Тед Хопф выделяет два основных типа конструктивизма: конвенциональный и критический⁹.

Конвенциональный конструктивизм: Александр Вендт

Конвенциональный конструктивизм предлагает альтернативу общепринятой теории международных отношений, выдвинув исследовательскую программу, включающую пересмотр ряда базовых концептов: «баланса угрозы», дилеммы безопасности, теории сотрудничества, международного мира и ряда других.

Наиболее ярким и часто цитируемым автором-конструктивистом является Александр Вендт, который с момента появления его эссе «Проблема агента-структуры в теории международных отношений» в 1987 г. стал участником практически всех дебатов в этой области¹⁰. И хотя в последние годы он отошел от конструктивизма и увлекся проблемами применения квантовой теории к международным исследованиям, он все же остается одним из наиболее признанных теоретиков конструктивизма, хотя и не исчерпывает его полностью¹¹.

Александр Вендт (1958) — американский политолог, главный идеолог социального конструктивизма. В научном сообществе Александр Вендт стал известен в конце 1980-х — начале 1990-х годов после ряда опубликованных статей, наиболее известной из которых является «Anarchy is what states make of it» («Анархия — это то, что делают из нее государства») (1992). В данной статье автор утверждал, что анархия не является заранее заданным состоянием международной системы, но формируется в результате поведения государств. Собственно, это основной принцип конструктивизма — что люди (и политические

акторы масштаба государств) как сознательно, так и неосознанно «конструируют» политическую реальность, а не застают ее такой, какая она есть.

Наиболее известной книгой ученого является «Социальная теория международной политики» (1999). С точки зрения Александра Вендта, большое значение для понимания социальной реальности играют не акторы, а структуры. Под структурой понимаются общие институты и нормы. Однако следует заметить, что в качестве основных акторов международных отношений с точки зрения ученого выступают государства. В зависимости от того, как государства воспринимают интересы друг друга на мировой арене, формируются определенные структуры, которые влияют на поведение международных акторов и определяют направления и темп их движения. В то же время в процессе взаимодействия структуры и акторы влияют друг на друга, акторы также могут изменять структуры.

Следует подчеркнуть, что ученый выделяет структуры двух типов: макроструктуры (определяющие состояние международной системы) и микроструктуры (связывающие акторов на региональном уровне). Интересно отметить, что в отличие от реалистов и других своих коллег А. Вендт полагает, что интересы, связанные с деятельностью государства (суверенитет, торговля), вытекают не из анархии международных отношений, но из природы международной структуры. Анархия также является для ученого социальным конструктом, который зависит прежде всего от того, как ее воспринимают другие государства. Структура анархичной системы зависит от доминирующей роли в системе. Вендт выделяет три основных типа структурных ролей: «враг», «соперник» и «друг», в зависимости от которых формируются три вида анархий («гоббсианская», «локкианская» и «кантианская»). При «гоббсианском» типе анархии доминируют власть и интересы, при «локкианском» типе анархии государства являются конкурентами, признающими суверенитет государства и ряд общих норм, а при «кантианской» анархии государства более не воспринимают друг друга в качестве соперников и сфера общих норм расширяется.

Основные работы:

- «Анархия — это то, что делают из нее государства» (1992)
- «Социальная теория международной политики» (1999)
- «Квантовое сознание и социальная наука, объединяющая физическую и социальную онтологию» (2015)

Александр Вендт родился в Майнце (ФРГ) в 1958 г., но вся его научная карьера связана с США, Он преподавал в Йельском университете, Дартмутском колледже, Университете Чикаго. С 2004 г. преподает в Университете Огайо. В 1999 г. он опубликовал свою знаменитую книгу «Социальная теория международной политики», которая сразу же сделала его признанным лидером конструктивизма.

Реальность как социальный конструкт. Подобно другим конструктивистам, Вендт утверждает, что чуть ли не все элементы мировой политики «социально сконструированы». Вендт пишет, что фундаментальным принципом конструктивистской социальной теории является то, что люди действуют по отношению к объектам, включая других акторов, на основе смыслов, которые для них имеют эти объекты. Иными словами, на основании той ценности, которую они для них представляют, и того, как именно они интерпретируются в обществе, в котором действуют. Смысл терминов, на основании которых предпринимается действие (например, сотрудничество), основывается на разделяемых интересах. Как мы видим, речь идет о коллективном смысле, приписываемом объекту. Например, государства действуют в анархической среде, при этом международные отношения имеют социальный характер, поскольку акторы сами создают именно такую социальную реальность.

Идея о том, что объекты анализа (онтология) социально сконструированы, сопровождается утверждением, что социально сконструированной является также и эпистемология. Объяснение и описание происходящего осуществляется с помощью целого ряда методов, стало быть, социально сконструирована и методология. Онтология, эпистемология и методология создают конструктивистский «треугольник».

«Социальному конструированию» противостоит материалистический подход, предполагающий, что материальные объекты (будь то факторы военной силы, ресурсы, экономический потенциал, финансовые потоки, даже политика) видоизменяют результаты деятельности, вне зависимости от того, какие идеи или планы были положены в их основу. Поэтому в противоположность реализму, для которого международные отношения — это прежде всего вопрос безопасности и материальных интересов, определяемых через силу, а также вопреки либеральным интернационалистам, концентрирующим свое внимание на взаимозависимости международных акторов, конструктивизм рассматривает международную политику как сферу взаимодействия, формируемую благодаря идентичности акторов, а также постоянно изменяющихся нормативных институциональных структур. Если реалисты и либералы рассматривают международных акторов как «досоциальных» «атомистических эгоистов», чьи интересы формируются до социального взаимодействия, которое осуществляется с материальными или стратегическими целями, акторы в конструктивизме социальны по самой своей сущности, а их идентичности и интересы — продукты интересубъективных социальных структур, — разъясняет Кристиан Реус-Смит из Корнелльского университета¹².

Это не означает, что конструктивизм в принципе отвергает материальный мир, ибо интерсубъективное знание и материальный мир хотя и взаимодействуют друг с другом, однако им присуща относительная автономия. Вопреки представлениям неореалистов, материальный мир не может полностью детерминировать то, как именно люди или государства ведут себя на международной сцене. Он лишь в определенной степени ограничивает возможности интерпретации и конструирования интерсубъективного мира.

Материальный мир лишь накладывает определенные ограничения как на действия, так и на социальную структуру, но отнюдь не полностью детерминирует их. В игру вступает субъективный фактор. Тем самым конструктивизм противостоит теории репрезентации, предполагающей, что наши знания суть отражение объективной реальности, наоборот, он акцентирует роль субъективного разума в построении картины мира. Материальный мир формирует социальный мир и одновременно сам формируется благодаря социальному миру. Смыслы, предлагаемые материальным миром, таким образом, более уже ему не принадлежат. Они уже выведены за его пределы и превратились в социальные факты, из которых люди конструируют свой интерсубъективный мир. Тем самым, смысл как продукт социального взаимодействия обретает социальный контекст.

Материальный объект, таким образом, имеет разные смыслы, в зависимости от социальных контекстов, в которых он существует. Поэтому конструктивисты не отрицают материальный мир, а инкорпорируют его в качестве *одного из аспектов* своего подхода. «Материальные силы вторичны, но они имеют значение, поскольку сконституированы в соответствии с определенным смыслом для акторов», — утверждает Вендт¹³.

Это ставит более общую проблему *отношений между структурами и агентами*, судя по всему, тема особенно интересная для Вендта. Под структурой конструктивисты обычно понимают «институты и разделяемые смыслы, которые создают контекст международных действий, а под агентами любую единицу, которая действует в этом контексте»¹⁴.

Конструктивисты, включая Вендта, попытались показать, что «структура» отнюдь не дана свыше, а формируется (конструируется) благодаря социальной практике. Вендт подчеркивает одинаковый онтологический статус агентов и структуры, поскольку они взаимно обуславливают и трансформируют друг друга в процессе развития. Более того, будучи социальным, а не материальным явлением, структура как таковая существует только как результат взаимодействий и взаимовлияний.

Вполне понятно поэтому, что именно вокруг проблемы агентов/структур сформировался «узел» противоречий в отношениях между конструктивистами и неореалистами. В то же время приходится признать, что между ними довольно много общего: так, и неореалисты, и конструктивисты рассматривают государства как базовые единицы анализа.

Но далее начинаются расхождения. Например, Кеннет Уолтц, один из наиболее ярких представителей неореализма, сформулировал три «образа», три ипостаси мировой политики (в отечественной литературе часто говорят об уровнях): первый — поведение людей рассматривается как основа мировой политики, при этом в фокусе исследования оказываются индивидуальные мотивации, человеческая уязвимость и т.д.; второй — внутреннее устройство государств становится объяснением мировой политики; третий — внимание исследователя обращено на международную систему, в рамках которой существуют государства, что позволяет объяснить их поведение¹⁵. Очевидно, что неореалисты рассматривают структуру только как тип распределения материальных потенциалов, в то время как конструктивисты добавляют к нему социальные отношения, в которые они включают разделяемые знания (идеи и перцепцию в отношении других акторов и шире — как устроен этот мир; материальные ресурсы — деньги, золото, вооружения, ракеты и прочее; и практики — что именно делают акторы, т.е. социальные структуры существуют только в процессе). Вследствие этого конструктивисты противопоставляют идею «сообщества безопасности» (доверие и сотрудничество в разрешении конфликтов и т.д.) неореалистской «дилемме безопасности», в основе которой лежит недоверие друг к другу, ожидание наихудшего и акцент на самопомощь. Главное же, что между структурами и акторами существуют взаимно конституирующие интерактивные отношения — именно в этом смысле писал о структуризации, например, такой видный социолог, как Энтони Гидденс.

Однако дело не ограничивается последствиями взаимодействия между единицей (актором) и системным уровнем. Здесь проходит еще одна граница между воззрениями политических реалистов и конструктивистов. Кеннет Уолтц, например, исходил из того, что государство — в принципе неизменяющаяся единица, хотя и оказывает влияние на систему. Конструктивистский подход, наоборот, предполагает, что действия государств вносят свой вклад в формирование институтов и норм международной жизни, а последние, в свою очередь, оказывают влияние на социализацию и деятельность государств. Таким образом, предполагается взаимное влияние агентов и структуры, что с неизбежностью обеспечивает динамизм системы.

Конструктивисты исходят из того, что идентичность, культурные и религиозные ценности, политические взгляды, политические институты создаются, т.е. конструируются в зависимости от желания акторов. Или, иначе, фокус социального конструктивизма направлен на сознание и интересы человека и его место в мире. А это означает, что международная система — это не нечто от нас бесконечно удаленное, она не может существовать сама по себе. Она появляется только благодаря intersubъективному интересу людей, с этой точки зрения она конституируется идеями, а не материальными силами.

Если развить эту мысль, то можно сказать, что международная система — продукт сотворения людьми совокупности идей и системы норм, созданных

в конкретное время и в определенном месте. Поэтому конструктивизм уделяет особое внимание целям, угрозам, страхам, идентичности и другим элементам «социальной реальности», рассматривая их как социальные факты.

Обратим внимание еще на одну сторону трактовки. Идеи, оказывающие влияние на мировую политику и международные отношения, — это нечто большее, нежели просто индивидуальные взгляды и убеждения. Речь идет об intersубъективных (т.е. разделяемых многими людьми) и институционализированных идеях, проявляющихся в форме практик или идентичностей, воплощенных не только в мировоззрении, но и в «коллективной памяти», процедурах, системе образования и воспитания, и риторике государственных деятелей. Представление о реальности в конструктивизме в целом включает материальное, intersубъективное и intersубъективное измерения мира.

Конструктивизм как структурная теория международной системы строится на нескольких ключевых утверждениях:

1. Государства — основные единицы анализа в международной политической теории.
2. Ключевые структуры в системе государств скорее носят intersубъективный, чем материальный характер.
3. Государственная идентичность и интересы в значительной степени конструируются этими социальными структурами, нежели придаются системе извне природой человека (как подчеркивают неореалисты) или внутренней политикой (как считают неолибералы).

Таким образом, ключевой концепт в конструктивизме — идеи как общие, так и частные (индивидуальные). Общие идеи, будучи частью социальной структуры, образуют культуру. Здесь также весьма важна социальная роль того или иного агента.

Анархия в международной системе. В конструктивизме, так же как в неолиберализме и неореализме, постулирование анархического характера международной системы играет важнейшую роль. В системе отсутствует какой-либо высший авторитет, она состоит из единиц-государств, которые формально являются равными, поскольку обладают суверенитетом над своей территорией, но не составляют единства.

В неореализме приводятся обычно следующие аргументы: анархия относительно неизменна; она означает четкие ограничения для акторов; она независима от специфических исторических конфигураций авторитета, власти и легитимности. Таким образом, анархия оказывается эквивалентом «природы вещей», или гоббсовского «естественного состояния войны всех против всех» в мировой политике. Проблема заключается в том, что, не обращая внимания на вопрос о природе идентичности и интересов акторов, а также на смысл социальных институтов (включая и саму анархию), структура международной системы не может дать какой-либо адекватной информации относительно

(основная роль: враги), локковской (конкуренты) и кантовской структурой (друзья). Эти структуры и следующие из них нормы предполагают разные структуры анархии. Какой тип структур окажется востребованным, зависит от двух факторов. Во-первых, от степени интернационализации этих норм со стороны разных акторов. Степень интернационализации, в свою очередь, зависит от того, следуют ли этим нормам акторы под принуждением (неореалистская перспектива), или они соответствуют их интересам (неолиберальный подход), либо поскольку они воспринимают эти нормы как легитимные (это и есть конструктивистское представление). Вторым ключевым фактором является степень сотрудничества между акторами, развитием общих идей, что может привести со временем к формированию международного сообщества. В этой оптике гоббсовская структура может привести к анархической системе опоры только на собственные силы, поскольку государства рассматривают друг друга в качестве врагов. Две другие структуры создают предпосылки для взаимодействия в духе сотрудничества. Структура и тенденции в анархичной системе международных отношений в конечном счете оказываются в зависимости от доминирующих ролей (по Вендту, их три — «враг», «соперник», «друг» — в отличие от дуализма друзья/враги у Карла Шмитта). Соответственно, они опираются на три важнейшие традиции в истории политической мысли — гоббсианскую (Гоббса), локкианскую (Локка) и кантианскую (Канта).

Еще одна дискуссионная точка — *концепт силы*. Если для неореалистов сила — *ultima ratio* мировой политики, то либералы практически всегда стремились к тому, чтобы показать, что влияние силы на политические процессы может быть снижено, если не вообще преодолено при условии правильного распределения интересов и стратегий (именно это и позволило назвать их «идеалистами»). Они могли публично спорить о проблемах сотрудничества, гонке вооружений или балансе сил, но в любом случае национальный интерес в их взглядах всегда оставался материалистичным.

Конструктивизм не предполагает простого замещения «грубого материализма» на столь же «грубый идеализм»: он исходит из того, что материальные силы проявляются через социальные концепты, которые определяют смысл человеческой жизни. Конструктивизм опирается на идеи Мишеля Фуко о связи силы и знания, а также Антонио Грамши — о роли идеологии.

С точки зрения конструктивистов, любое взаимодействие носит сконструированный характер, т.е., зная действие, исследователь может просчитать его результат. Следовательно, у экспертов международных отношений в рамках конструктивистской социальной парадигмы появляется возможность прогнозировать развитие мировой политики. Даже такое понятие, как «политика с позиции силы», — одно из ключевых в реалистской парадигме — является социально сконструированным, а отнюдь не объективным явлением, а стало быть, может быть преобразовано посредством человеческой деятельности.

Военная сила и ее распределение среди государств не могут сформировать заранее определенную социальную структуру. Даже в условиях анархии

и отсутствия высшего авторитета международная система совершенно не обязательно должна строиться на принципах конфликта и силового противостояния. Вполне возможна индивидуальная или коллективная система безопасности. Система также не предопределяет полностью идентичность государств. Поэтому рассмотрение государств как «бильярдных шаров» (любимая метафора реалистов) не в состоянии объяснить реальность. Станут ли два государства «друзьями» или «врагами», детерминируется отнюдь не только военными ресурсами. Идентичность и социальная структура играют существенно более важную роль. Из конструктивистского утверждения, что фундаментальные структуры мировой политики носят скорее социальный, нежели материальный характер, вытекает также, что этими структурами формируются идентичности и интересы, а не только поведение акторов. Именно в этом конструктивизм противопоставит рационализму.

В дискуссиях международников преобладает единственная форма силы: один актор контролирует другого, принуждая его сделать нечто, что в противном случае он делать бы не стал. При этом конструктивисты расширяют понятие силы и формулируют четыре концепции силы: принудительную, институциональную, структурную и производительную.

Кроме того, конструктивисты ввели понятие *дискурсивной силы* (знание, идеи, культура, язык и идеология), не менее важной для формирования мирового порядка, чем военная сила. Дискурсивная сила производит и воспроизводит интересубъективные смыслы. Она предопределяет, каким образом материальная сила, структура, государственная идентичность и даже отношения между государствами, равно как и другие социальные факты, должны определяться и пониматься. Здесь открывается пространство для манипулирования, навязывания определенной интерпретации и затушевывания других возможных смыслов. Собственно, именно здесь всплывает момент определения «друзей», «соперников» и «врагов».

Анархичная международная система необязательно предполагает систему опоры на собственные силы для каждого государства. Крупномасштабные расходы на военные цели в одном государстве могут быть интерпретированы другим государством как военная угроза. Третьи страны могут воспринять это даже как угрозу региональной, а не просто национальной безопасности. Государство, ощущающее угрозу, начинает вооружаться, однако оно может воспользоваться другой возможностью — принять концепцию коллективной безопасности для нейтрализации угроз. Этот подход поставил под сомнение один из самых известных неореалистских концептов — баланса сил. Нет необходимости уравнивать любое наращивание силы со стороны одного из государств. Стивен Уолт даже поставил вопрос о том, что пора заменить концепцию баланса сил концепцией баланса угроз. Представляет ли государство угрозу или нет, зависит от типа его идентичности. При этом наличие международных институтов и норм делает сотрудничество между государствами более вероятным.

Идентичность. Понятие *идентичности* играет в конструктивизме исключительно важную роль. Но это не конструктивистское «открытие». О природе идентичности довольно много писали неолибералы. Так, Джозеф Най рассмотрел процесс «комплексного обучения», Роберт Джервис — «концепции интереса», Роберт Кохэйн призывал к «социологическим трактовкам интереса», подчеркивая возможность трансформации идентичности и интересов. В их рассуждениях самоидентификация нации — важнейшая конституирующая черта и часть природы государства, никакие международные институты не в состоянии изменить ее характер. Что они могут сделать, так это ограничить эгоистические интересы государств, не позволяя им подрывать международное сотрудничество. С этой целью международные институты могут разработать систему поощрения и наказания. Они могут переориентировать государства с краткосрочных преимуществ на долгосрочные, но не могут до конца преодолеть эгоизм государств.

Конструктивисты более тесно увязали проблему идентичности и внутренней политики государств. В процессе локализации происходит взаимодействие между внутренней политикой и международными институтами. Оно может проявиться в форме прелокализации (сопротивление и проверка норм), локальной инициативы (предпринимательства и оформления), адаптации (прививки и упрощения), распространения и «универсализации». Это предполагает относительную автономию государства по отношению к международной социальной структуре. Государство, опираясь на свою материальную мощь и дискурсивную силу, может проецировать свою идентичность, преодолевая границы, вплоть до деятельного или даже доминирующего участия в конструировании международной социальной структуры. При этом влияние государственных деятелей может оказаться решающим: личность и социальная структура взаимно конструируют друг друга. Объект познает себя только по отношению к «другому», вступая с ним в коммуникацию, т.е. в определенные взаимоотношения¹⁶.

Динамичные отношения между материальной структурой, международной социальной структурой и внутренней политикой создают множественную идентичность в мировой политике, что, собственно, и отличает конструктивистский подход от неореализма и неолиберализма, для которых идентичность всегда единична и относительно статична.

Идентичность делает как внешнюю, так и внутреннюю политику более предсказуемой. Поведение государств, их «ежедневная социальная практика», в свою очередь, позволяет идентифицировать их идентичность. Отсюда вытекают три функции идентичности: идентичность объясняет вам, что представляют собой «другие»; сообщает «другим» о том, что представляете собой вы сами; и, наконец, устанавливает жесткую зависимость между совокупностью интересов или предпочтений конкретных акторов с выбором действий в определенной ситуации или сфере. Кроме того, идентичность

позволяет находить ответы на «эмпирические вопросы» в историческом контексте. Таким образом, конструктивизм вновь подчеркивает свои базовые положения: (1) структуры человеческих ассоциаций детерминируются скорее разделяемыми идеями, нежели материальными силами; (2) идентичность и интересы целеустремленных акторов конструируются этими разделяемыми идеями, а не даны природой.

Хотя сам по себе интерес конструктивистов к проблеме *национальных интересов* вполне закономерен (как обойтись без них при анализе внешней политики?), именно здесь им пришлось в наибольшей степени пойти на уступки сторонникам «классических» теорий международных отношений. Да, конечно, основной фокус конструктивизма направлен на социальное содержание интересов в международных отношениях, однако они соглашались, что социально сконструированная природа интересов не меняет тот факт, что приоритетные интересы, которые движут государствами, предопределяются материальными ресурсами. Поэтому государства «минимально сконструированы». Хотя большинство ученых признает, что государственные интересы в основе своей представляют *идеи в отношении необходимого*, многие конструктивисты утверждают, что содержание этих интересов направлено на практические цели, неизменные и чаще всего включающие какую-то комбинацию таких целей, как необходимость выживания, обретение власти, богатства и гарантирование безопасности. Все остальное подвижно и подвержено множеству влияний.

Конструктивисты отмечают также наличие тесной связи между интересами и идентичностью, с одной стороны, и структурой, деятельностью, анархией — с другой. Эта связь не только расширяет варианты выбора, но и одновременно ограничивает их, поскольку социальные структуры постоянно видоизменяются вследствие деятельности государств.

Еще одна важная особенность конструктивизма заключается в его трактовке проблем *войны и мира*. Конструктивисты считают, что определение условий, в каких случаях государства могут не просто легально, а легитимно применять силу, — центральная нормативная проблема мировой политики. Во внутренней политике правовые ограничения возможности государства применять силу — важнейшая гарантия прав человека. В международной среде подобные ограничения становятся критически важными для поддержания международного мира и стабильности. Именно поэтому формулируется проблема соотношения между порядком и справедливостью.

Если страны расколоты, то велика вероятность дальнейшего развития в направлении гоббсовской «войны всех против всех»; если же государства в силу сложившихся между ними отношений доверяют друг другу, то возможность создания системы коллективной безопасности многократно возрастает. Но это всего лишь вероятность, не более того. Результат все же не является изначально предопределенным.

Через войны и другие катаклизмы, — пишет, например, Христиан Ройс-Смит, — постепенно все же удалось сформировать некоторые принципы легитимного применения силы на международной арене, такие как *равенство суверенных государств, право наций на самоопределение* и его обратная сторона — *невмешательство* в дела друг друга. Соответственно, применение силы в международных отношениях разрешается лишь в двух случаях: 1) государства действуют в порядке самообороны; 2) они действуют коллективно ради сохранения мира и безопасности. То есть в ситуациях, выходящих за рамки самообороны, решение о применении силы должны приниматься коллективно, в частности Советом Безопасности ООН. Вместе взятые, эти принципы создали «эгалитарный режим», который действовал в период от подписания Устава ООН вплоть до распада колониальных держав в 1970-е годы. Однако он характеризовался отсутствием реального равенства — правовое равенство не соответствовало материальным возможностям государств; особыми правами обладали великие державы; право на самоопределение и невмешательство постоянно нарушалось как великими державами, так и крупными корпорациями. Совет Безопасности нередко выглядел как клуб для дискуссий¹⁷. Отсюда следует типично конструктивистский вывод о том, что проблема легитимного применения силы — центральная нормативная проблема мировой политики, поскольку является сущностно необходимой для поддержания гражданского общества и защиты основных прав человека, не говоря уже о поддержании мира и стабильности на международной арене и баланса между порядком и справедливостью.

Критический конструктивизм

Критический конструктивизм самым тесным образом связан с критической социальной теорией. И то и другое течение признают базовые положения и концепты теории международных отношений. Они «денатурализируют» социальный мир, т.е. отказываются от представления о «неизменности природы» человека. Они стремятся установить эмпирические отношения между институтами и идентичностью акторов. Оба течения признают интерсубъективность и рефлексивность между «Я» и обществом и, как следствие, взаимное конституирование акторов и структуры.

В то же время, будучи одним из направлений в критической теории, конструктивизм существенно от нее отличается, прежде всего тем, что одновременно интересуется метатеорией, содержательным эмпирическим анализом, включает контррационалистические выводы, а также отдельные аспекты взглядов на мировую политику, вполне совместимые с представлениями неореалистов и неолибералов. Более того, конструктивисты утилизируют эти методы и идеи, находя для них эмпирическое применение.

Тед Хопф составил таблицу, позволяющую яснее увидеть различия между конвенциональным и критическим конструктивизмом¹⁸.

**Различия между конвенциональным и критическим конструктивизмом
по Т. Хопфу**

Конструктивизм	Конвенциональный	Критический
Базовые принципы	<p>«Минимальный фундаментализм»</p> <p>Не принимает позитивистскую логику</p> <p>Может идентифицировать причину (или совокупность условий) для каждого следствия (или его отсутствия)</p> <p>Совпадение «эпистемологии и методологии»</p>	<p>Отрицание возможности и желательности минимального или условного фундаментализма</p> <p>Рассматривает ее как некритическую, что ведет к закрытому анализу, т.е. не удовлетворяет исследователя, создавая «иллюзию контроля»</p> <p>Необходимость определения «мифа, связанного с формированием идентичности»</p> <p>Отсутствие дихотомии между актором и наблюдателем: наблюдатель — это часть конструирования идентичности (но это не означает, что критический подход неверен; это означает, что такая методология предпочитает неприятие минимального фундаментализма как причинно-следственной связи)</p>
Происхождение идентичности	Либо продукт познания, либо вообще никак не оценивается (принимается как данность)	<p>Продукт отчуждения, угнетения или какой-то иной социальной теории</p> <p>Цветан Тодоров и Ашис Нанди: «Европейская идентичность сформировалась за счет различения себя от народов “Америк и Индий”»</p>
Трактовка силы	<p>«Аналитически нейтральный» относительно отношений силы</p> <p>Нацелен на создание «нового знания и понимания»</p>	<p>Социальный обмен и господствующая позиция</p> <p>Социальные отношения как «иерархия, субординация или господство» — во многом как у реалистов и неореалистов</p> <p>Изучает «социальные ограничения и культурное понимание с позиции высшего человеческого интереса в просвещении и эмансипации»</p>

Таким образом, как мы видим из таблицы, критический конструктивизм несколько более узок, чем конвенциональный, он продолжает руководствоваться основными постулатами критической теории, хотя и делает ощутимый шаг в сторону. Конвенциональный конструктивизм затрагивает более широкие, зачастую глобальные вопросы: его фокус направлен на поиск «интерсубъективных сообществ в мировой политике» и видит свою цель в восстановлении хотя бы частичного порядка и предсказуемости мировой политики, вытекающей из признания различий.

Значение, которое конструктивисты придают социальному контексту, дистанцирует их от универсализма. Конструктивизм настаивает на множественности истин, их альтернативности, культурно-исторической привязке, контекстуальности и принципиальной неуниверсальности. А отсюда — стремление к пригодному, полезному, прагматичному образу действий, а не к поиску абсолютного соответствия действительности.

В то же время конструктивисты отнюдь не претендуют на ценностную нейтральность. Социальные ситуации неизбежно оказывают влияние на интерпретацию — ученые не могут находиться в вакууме, стерильном от ценностей. Но это означает, что и другие теории международных отношений, будь то бихевиоризм или теория рационального выбора, также являются социально сконструированными, полагают конструктивисты. Поэтому конструктивизм сравнительно легко сочетается с разными дисциплинами — с социологией, сравнительной политологией, социальной психологией и др., что, безусловно, обеспечивает его динамичность, открывая широкое пространство для развития.

Одновременно конструктивизм способен к саморефлексии, он сам критикует себя и открыт для внешней критики. Всякий конструктивистский тезис всегда оставляет место для его оспаривания или альтернативной интерпретации. Благодаря этому конструктивизм не стоит на месте, предлагая сложную теорию для крайне сложного и изменчивого мира.

Примечания

¹ *Der Derian J.* Introducing Philosophical Traditions in International Relations // Millennium. 1988. Vol. 17. No 2. P. 189.

² *Алексеева Т. А.* Химеры страны Оз: «Культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. 2012. Сентябрь—декабрь. Т. 10. № 3. С. 4—19.

³ *Wendt A.* Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization 1987. No 41 (3). P. 370.

⁴ *Barkin J. S.* Realist Constructivism // International Studies Review. 2003. No 5. P. 338.

⁵ *Wendt A.* Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. 1992. P. 392.

⁶ *Ibid.* P. 83.

⁷ *Adler E.* Communitarian International Relations: The Epistemic Foundations of International Relations. L.: Routledge, 2005. P. 90.

⁸ *Adler E.* Communitarian International Relations: The Epistemic Foundations of International Relations. L.: Routledge, 2005. P. 88.

⁹ *Hopf T.* The Promise of Constructivism in International Relations Theory // International Security. Summer 1998. Vol. 23. Issue 1. P. 171.

¹⁰ *Wendt A.* Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. 1987. No 41 (3). P. 335–370.

¹¹ *Wendt A.* Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

¹² *Reus-Smit C.* Constructivism // Theories of International Relations / Ed. by S. Burchill et al. Basingstoke: Palgrave, 2005. P. 193.

¹³ *Wendt A.* Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review. 1994. No 88. P. 24.

¹⁴ *Hurd J.* Constructivism // The Oxford Handbook of International Relations / Ed. by C. Reus-Smit and D. Snidal. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 303.

¹⁵ См.: *Waltz K.* Realism and International Politics. L.: Routledge, 2008.

¹⁶ *Wendt A.* Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. 1992. P. 402.

¹⁷ См.: *Reus-Smith C.* Constructivism // Theories of International Relations / Ed. by S. Burchill et al. Basingstoke: Palgrave, 2005.

¹⁸ См.: *Hopf T.* The Promise of Constructivism in International Relations Theory // International Security. Summer 1998. Vol. 23. Issue 1. P. 171–201.

Литература

Азизов У. Конструктивизм в международных отношениях. Интерпретация Никола-са Онуфы, Фридриха Кратохвила и Александра Вендта. СПб.: Алетейя, 2015.

Алексеева Т. А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1. С. 4–21.

Алексеева Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.). Политическая теория и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2016. Гл. 9. С. 576–596.

Алексеева Т. А. Эвристический потенциал конструктивизма в мирополитических и международных исследованиях // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 66–90.

Богданова В. О. Конструктивистские модели философствования в их развитии и взаимовлиянии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://e-notabene.ru/fr/article_323.html [Http://e-notabene.ru/fr/articke_323.html](http://e-notabene.ru/fr/articke_323.html).

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2005.

Киселев И. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // Политэксп (Политическая экспертиза). 2017. № 1.

Лекторский В. А. Реализм, анти-реализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.intelros.ru.

Морозов В. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2015. Январь–март. Т. 13. № 1 (40).

Полулях Д. Теории международных отношений: критические теории и конструктивизм // Международные отношения и мировая политика: Учебник / Под ред. П. А. Цыганкова. М.: Юрайт, 2015.

Сафронова О. В. К вопросу о генеалогии конструктивизма в теории международных отношений (Нижегородский Государственный университет). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990200_West_MO_2004_1\(2\)/10.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990200_West_MO_2004_1(2)/10.pdf)

Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 35–45.

Шакиров О. Как формируется международная повестка дня? Ответ конструктивизма // Международные процессы. 2012. Сентябрь–декабрь. Т. 10. № 3.

Adler E. Communitarian International Relations: The Epistemic Foundations of International Relations. L.: Routledge, 2005.

Ashley R. The Geopolitics of Geopolitical Space: Toward a Critical Theory of International Relations // Alternatives. 1987. Vol. 12. No 4. P. 403–434.

Barkin J. S. Realist Constructivism // International Studies Review. 2003. No 5.

Checkel J. Constructivism and Foreign Policy // Foreign Policy: Theories, Actors, Cases / Ed. by S. Smith, A. Hadfield and T. Dunne. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Checkel J. The Constructivist Turn in International Relations Theory // World Politics (online). 1998. January. No 50 (2). URL: hlm. 325 and 342. http://muse.jhu.edu/journals/world_politics/50.er_funne.html.

Chernoff F. Theory and Metatheory in International Relations. Basingstoke: Palgrave, 2008.

Der Derian J. Introducing Philosophical Traditions in International Relations // Millennium. 1988. Vol. 17. No 2. P. 189.

Der Derian J. Virtuous War. Virtual Theory // International Affairs. 2000. October. Vol. 76. No 4. P. 771–788.

Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // International Security. Summer 1998. Vol. 23. Issue 1. P. 171–201.

Hurd J. Constructivism // The Oxford Handbook of International Relations / Ed. by C. Reus-Smit and D. Snidal. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Jorgensen K. E. Four Levels and a Discipline // Constructing International Relations: The Next Generation / Ed. by K. M. Fierke and K. E. Jorgensen, Armonk. N.Y.: M. E. Sharpe, 2001. P. 36–53.

Onuf N. World of Our Making. University of South Carolina Press, 1989.

Reus-Smit C. Constructivism // Theories of International Relations / Ed. by S. Burchill et al. Basingstoke: Palgrave, 2005. P. 195–196.

Reus-Smit C. Liberal Hierarchy and the License to Use Force // Review of International Studies. 2005. December. No 31. Suppl. S1. P. 71–92.

The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / Ed. by P. Katzenstein. N.Y.: Columbia University Press, 1996.

Walt S. Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security. Spring 1985. Vol. 9. No 2. P. 44–45.

Waltz K. Man, the State, and War. N.Y.: Columbia University Press, 1959.

13. Конструктивизм в международно-политических исследованиях

Waltz K. Realism and International Politics. L.: Routledge, 2008.

Wendt A. Agent-Structure Problem in International Relations Theor // International Organization. 1987. No 41 (3). P. 335–370.

Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Wendt A. Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

14. СТРУКТУРАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Ключевые слова

Структура, структурализм, лингвистика, формализм, метаязык

Н а 1950–1970-е годы пришелся расцвет структурализма как влиятельной парадигмы гуманитарных наук. Он «вышел» из лингвистики и затронул прежде всего философию (М. Фуко, Л. Альтюссер, Ж. Деррида), антропологию (К. Леви-Стросс), психоанализ (Ж. Лакан) и культурологию (Ф. Джеймисон, Ю. Лотман). Не будет преувеличением сказать, что именно ему во многом обязан «лингвистический поворот» в социальных науках 1960-х годов, когда фокус исследователей сместился на проблему не-нейтральности языка в понимании и формировании реальности. И это не случайно. Из всех дисциплин именно структуральная лингвистика (восходящая к работам Ф. де Соссюра) сумела к середине XX в. достичь высокого уровня строгости анализа, близкого к тому, которым так гордятся представители естественных и точных наук. Подобный успех пробудил отчасти зависть, отчасти интерес у других социальных исследователей, которые стали переносить логику структурной лингвистики на другие области знаний. Например, основатель структуральной антропологии К. Леви-Стросс открыто писал, что вдохновился структуралистскими работами о фонологии русского лингвиста, одного из представителей Пражской лингвистической школы Н. С. Трубецкого. Все это привело к распространению структурализма в 1950–1960-е годы, причем в то время, когда он стал сдавать свои позиции в языкознании, уступая место порождающей грамматике Н. Хомского¹. Впрочем, влияние структурализма на политическую науку было опосредованным: зачастую представители других дисциплин, беря на вооружение структуральный метод, совершали своеобразные «интервенции» в область политических исследований. Структуралистский подход наибольшую популярность получил в политической философии, включая неомарксизм, исследованиях политического языка и политической культуры.

Что такое структурализм? В центре лежит понятие *структуры*, под которой понимается совокупность элементов и устойчивых взаимосвязей между ними. Выявление различного рода структур (проявляемых в устойчивых формах взаимодействий) является, пожалуй, одной из наиболее распростра-

ненных аналитических операций. Однако это еще не структурализм. Более того, от него стоит отличать и получивший широкое распространение *структурно-функциональный подход* (Т. Парсонс, Р. Мертон, Г. Алмонд, в антропологии — А. Рэдклиф-Браун), в основании которого лежит представление о существовании замкнутой общественной системы, которая в свою очередь делится на отдельные структуры, имеющие собственные функции в рамках этой системы. Таким образом можно описать чуть ли не любой политический процесс или событие, что вызывает подозрение в адекватности самого подхода. Не является ли подобная всеядность результатом простого факта, что исследователь просто подверстывает реальность под теорию? Не происходит ли подмена понятий, когда аналитические категории (структура и функция), сквозь призму которых следовало бы изучать определенное явление, онтологизируются, т.е. исследователь заранее считает, что структуры и функции объективно существуют? Например, одно дело рассматривать то, как существующая культурная сфера способствует формированию лояльности политической системы и укоренению патриотических настроений, а другое — исходить из того, что функция (одна из них) культурной сферы как раз и заключается в этом. Более того, структурно-функциональный подход имплицитно предполагает упорядоченность социального мира, весьма механистичен, исключает из поля зрения уровень смыслов, которыми руководствуются участники социального взаимодействия. Не меньшую проблему вызывает поиск оснований, почему исследователь приписывает той или иной структуре определенные функции².

Для того чтобы избежать терминологической путаницы, мы предлагаем разделять структурный (в том числе структурно-функциональный) метод от структурального, который направлен на выявление неких инвариантных схем (они же — структуры), воспроизводимых неосознанно³.

- Структурализм формировался в оппозиции к тем научным представлениям, согласно которым объяснить определенное социальное явление — значит проследить причинно-следственные связи (в том числе в историческом, т.е. диахронном, срезе) или намерения (интенции) субъектов социальных отношений. Структуралисты, наоборот, полагают необходимым исходить из некоей целостной структуры (системы), а объяснение заключается в поиске не внешних причин и причинно-следственных (т.е. каузальных) цепочек, а в выявлении внутренней логики функционирования. Другими словами, вопрос «почему» сводится к вопросу «как».

Весьма любопытно, что в различных дисциплинах структурализм приходил обычно на смену господствующим подходам, что во многом определяло его специфику. Так, структурные лингвисты оппонировали представителям младограмматической школы, которая занималась выявлением и изучением

Клод Леви-Стросс (1908–2009) — французский философ и социолог, выдающийся антрополог и этнограф, культуролог, создатель структурной антропологии, исследователь систем родства, мифологии и фольклора. Революционные исследования Леви-Стросса преобразовали понимание природы культуры и цивилизации. Утверждал, что лучший способ понять человеческое общество — исследовать структуру его организации.

Леви-Стросс считал, что человеческий разум имеет некоторые особенности, которые вытекают из функций мозга. Эти общие ментальные структуры заставляют людей думать похожим образом, независимо от того, к какому обществу или культуре они относятся. Поскольку культура сама по себе сформулирована и осмыслена человеческим мышлением, которое у всех людей имеет сходную структуру, все культуры основываются на единых общих правилах. Леви-Стросс рассматривает человека не в качестве привилегированного обитателя Вселенной, а как «промежуточный» вид, который оставит лишь слабые следы своего существования, когда исчезнет.

Главным трудом Леви-Стросса считается работа «Структурная антропология», в которой он выявил сходные структуры в легендах, мифах, сказаниях, мышлении разных народов.

Основные работы:

«Элементарные структуры родства» (1949)

«Раса и история» (1952)

«Структурная антропология» (1958)

в исторической ретроспективе отдельных языковых единиц. Засилью исторических методов противопоставлялся акцент на синхронном изучении и стремлении изучать язык как замкнутую систему. В антропологии структурная лингвистика К. Леви-Стросса во многом строилась на критике структурного функционализма А. Рэдклифа-Брауна. В СССР в 1960-е годы некоторые исследователи полагали, что обращение к структурализму и семиотике в изучении социальных явлений может привести к формированию альтернативной марксистской «большой парадигмы», претендующей на всеобщий анализ социального взаимодействия⁴. Во Франции структурализм в философии пришел на смену экзистенциализму, в центре которого было понятие «субъективности»⁵. Отсюда и пафос «смерти человека», под которым подразумевается тот факт, что понятие самодостаточного субъекта социального действия является производной от определенного исторически обусловленного дискурса, в то время как в действительности необходимо говорить об определенной структуре, которая и «ответственна» за социальное взаимодействие.

Безусловно, структурализм склонен к холизму, т.е. восприятию исследуемого пространства как некоей целостности, при этом социальный субъект превращается в функцию структуры. Именно поэтому структурализм (по крайней мере, в «чистом виде», каким он проявился в лингвистике и литературоведении) непопулярен в академической политологии: было бы странным апеллировать к неким инвариантным схемам, дабы объяснять политическое взаимодействие. Стоит особо отметить: структурализм зарождался для изучения объектов определенного типа (принципиально отличных от тех, с которыми работают политологи) и даже основатели этого направления (например, К. Леви-Стросс) предостерегали от того, чтобы применять его везде и всюду.

Для пояснения того, чем собственно является структурализм, необходимо обратиться к истории этого явления, которую стоит возвести к началу XX в. и тем изменениям в интеллектуальной жизни Европы, которые произошли в первой его трети. Отечественный филолог С. Н. Зенкин предлагает говорить о решительном влиянии «русской интеллектуальной революции» в 1910–1930-х годах. Она проявилась в выходе интеллектуальной жизни за рамки собственно университетов (активно развивались различные «вольные общества» и кружки), радикализировались позиции по многим вопросам. Немаловажен и отказ от трансцендентных (например, есть идеальное понятие государства или нации, которое на практике воплощается в определенные формы) и историко-генетических моделей объяснения социальной реальности в пользу изучения процессов функционирования, поиска различных имманентных структур⁶.

Исходный толчок к развитию структурализма произошел практически одновременно в лингвистике и литературной теории.

С одной стороны, был швейцарский лингвист французского происхождения Ф. де Соссюр, «Общий курс лингвистики» которого вышел в 1916 г. В центре его концепции находится разделение «языка» как набора правил и «речи» как индивидуального использования языка в повседневности. Вопреки многим современникам он настаивал, что именно структура (т.е. язык) как формальная система является основой, в то время как речь произвольна⁷. Помимо противопоставления статики («набора правил») и динамики («использование правил») не менее значимым являлся тезис о произвольности знака (нет никакого закона, который заставляет собаку называть словом «собака»). В языке нет ничего, кроме правил, а используемые знаки (которые составляют единство означающего и означаемого, или же акустического образа и некоей идеи) произвольны относительно социальной реальности: «Если по отношению к выражаемому им понятию означающее представляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, а навязано»⁸. Тем самым референт исключался из рассмотрения лингвиста⁹. Третья значимая для нас идея заключалась в разделении между значением (т.е. основным смыслом слова) и значимостью, в свою очередь определяющейся общим контекстом, в котором используются слова,

те смыслы, которые начинают доминировать в зависимости от положения в общем ряду высказывания.

С другой стороны, параллельно в России зародилась литературная школа русского формализма: в 1915 г. основан Московский лингвистический кружок, где ведущую роль играл 19-летний Р. О. Якобсон, а в 1916 г. в Петрограде сложилось Общество изучения поэтического языка (ОПОЯЗ), где ведущая роль принадлежала В. Б. Шкловскому, Б. М. Эйхенбауму и Ю. Н. Тынянову (чей возраст также не перевалил за 30). Близость структуралистов и формалистов бросается в глаза: все они стремились к вычленению и определению своего предмета через обращение к формальному, структурному анализу (предметом анализа у опоязовцев стала особая «литературность»), отдавали предпочтение синхронным методам перед диахронными, а также изгоняли психологизм¹⁰. Как писал В. Шкловский, в русском формализме противопоставлялись фактура «литературной ткани» (литература и поэзия сама по себе) и ее производство (конкретная деятельность). Значение с этой точки зрения имела не «речь» (т.е. личное выражение авторов), а именно приемы словесного оформления¹¹.

Отметим, что сами формалисты не очень любили использовать это понятие: Б. М. Эйхенбаум писал, что «мы не “формалисты”, а... спецификаторы», В. Б. Шкловский полагал более корректным говорить о «морфологической школе», а Ю. Н. Тынянов называл свой подход «системно-функциональным»¹². В любом случае в центре их внимания были литературные приемы, а одним из наиболее продуктивных стало понятие «остранения», введенное 23-летним В. Шкловским, под которым он понимал такой прием, когда автор дистанцируется от предмета, описывая его как будто впервые увиденный, с неожиданной, новой точки зрения. В конечном счете основной посыл заключался в поиске особой «литературности», которая принадлежит исключительно этому явлению культуры. В определенной степени можно говорить о близости формализма с «новой критикой» в литературоведении (Т. С. Элиот, А. А. Ричардс и проч.), которые совершили атаку на идею о субъективном характере литературного творческого акта, вводя такие понятия, как «органическая форма» произведения (те его структурные особенности, которые не создаются, а воспроизводятся автором) и «традиции»¹³.

Под влиянием формалистов находился и литературовед В. Я. Пропп, который опубликовал в 1928 г. исследование морфологии волшебной сказки. Эта работа оказала знаковое влияние на развитие формалистских методов анализа текстов и становление специальной дисциплины нарратология (теория повествования), серьезнейшим образом повлияв спустя несколько десятилетий, в 1950–1960-е годы, на развитие структурализма и лингвистический поворот в социальных науках. Анализ В. Я. Проппа базировался на отказе от традиционных классификаций тех или иных признаков или деталей посредством изучения строения последних. Литературовед выделил 31 функцию («поступок действующего лица, определенный с точки зрения его зна-

чимости для хода действия»¹⁴), составляющую «идеальный сюжет» волшебной сказки (в конкретных сказках некоторые функции могут опускаться). Принципиальным является их жесткая последовательность одна за другой, что приводит к однотипности самого нарратива. В разных сказках различные функции могут облекаться в одну и ту же форму, что приводит В.Я. Проппа к мысли о том, что различение функций на практике требует обращения к последствиям действия героя (т.е. к связи между функциями и их положением в общей структуре).

В 1920–1930-е годы благодаря Пражскому лингвистическому кружку произошло совмещение структурализма и русского формализма. Наибольшее влияние оказали работы русских эмигрантов Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого. Последний подчеркивал: «Эпоха, в которую мы живем, характеризуется тенденцией, наблюдаемой во всех научных дисциплинах — заменить атомизм структурализмом и индивидуализм универсализмом (в философском значении этих терминов)»¹⁵. Попутно отметим, что теоретические разработки обоих ученых, которые, несомненно, обогатили мировую гуманитарную науку, изначально были связаны с разработкой определенных политических проектов. Программная статья Р. О. Якобсона «О современных перспективах русской славистики» была опубликована в 1929 г. в преддверии I международного славистического конгресса в Праге. В ней автор предлагал структурализм (который здесь мало чем отличался от формализма) как основу для разношерстной славистики, которая должна уметь интегрировать различные подходы воедино (географические, литературоведческие, исторические и проч.), а славянство должно рассматриваться как некая структурная целостность¹⁶. Языковая близость славянских народов — это очередное доказательство в пользу экономической и политической интеграции. Применение структурализма Якобсон обосновывает тем, что именно эти идеи присущи русской духовной традиции, а потому именно они и должны быть положены в основу находящейся в эпистемологическом поиске дисциплины, а за пример должна была быть взята русистика. Отметим, что через тридцать лет развитие структурализма, «лингвистический переворот» и постструктурализм не оставят камня на камне от различного рода эссенциалистского понимания культуры, наций, этничности и языка. В этом плане Р. О. Якобсон с его духовной традицией и структурализмом как русской наукой является все же «продуктом» своего времени. Он отталкивался от работ Н. С. Трубецкого, который отстаивал представление об общности славянского и туранского духовных миров, а также связи между туранским духовным миром и туранским языком. Из этого силлогизма Якобсон делал вывод о том, что можно искать и общность туранских и славянских языков. Но в чем она будет выражаться? Безусловно, не в генетическом родстве, а в структурном подобии. Ключевая идея «евразийского языкового союза» заключалась в поиске корреляции между географическим фактором и фонологическими признаками: наличие мягкостной корреляции (твердые и смяг-

ченные согласные имеют разные значения, как, например, «лук» и «люк») и отсутствие смыслообразительной интонации. Как это бывает в науке, политические импликации оказались очень быстро забыты, в то время как поставленные вопросы и полученные результаты оказались востребованы мировым научным сообществом.

После окончания Второй мировой войны структурализм начал распространяться в другие области. Первой стала антропология благодаря работам французского исследователя К. Леви-Стросса, который в 1940–1950-е годы создал новое направление — структурная антропология. Отталкиваясь от работ структурных лингвистов (в том числе Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и В. Я. Проппа), он сместил акцент с изучения собственно содержания наблюдаемых явлений на их структурные взаимосвязи, указывая, что понять их можно, только осмыслив как часть некоей системы. К. Леви-Стросс подчеркивал, что структуральный метод подходит для изучения далеко не всего, а только тех феноменов, которые являются вовсе не произвольными, а внутренне связанными. Например, в антропологии такими явлениями являются системы родства и мифы. Именно Леви-Стросс предложил под структурой понимать не просто социальную организацию, а глубинные инвариантные модели, на которых эта организация основывается. Эти модели являются бессознательными, точно так же, как и правила языка, которые мы используем. Он писал, что необходимо «выявить в хаосе правил и обычаев единую наличную в каждом из них схему, проявляющуюся по-разному в зависимости от местных и временных условий. Эта схема не может соответствовать ни какому-то определенному образцу установлений, ни какой-либо произвольной сумме черт, присущих разным формам дуальной организации. Она ведет к некоторым отношениям корреляции и оппозиции, соотношениям, разумеется, бессознательным даже у народов с дуальной организацией, но которые, будучи бессознательными, должны непременно присутствовать и у тех, кто никогда не был знаком с этим социальным установлением»¹⁷. Например, Леви-Стросс выступал против того, чтобы классифицировать разнообразие систем родства по тому или иному признаку, полагая, что речь идет о способе обмена женщинами в социальной группе и установления отношений между членами на основе не кровного родства, а на системы свойственных отношений. Брачные образы представляют собой прежде всего циркулирующий язык.

Эти модели не осознаются участниками социального взаимодействия, их непосредственно реконструирует исследователь. Леви-Стросс выделял **четыре отличительных признака таких структур**: изменение одного элемента ведет к изменению всей структуры, изменения можно прогнозировать, модель позволяет охватить все наблюдаемые явления, существует определенная системность в трансформации моделей, причем каждое преобразование соотносится с моделью одного типа, а «множество этих преобразований образует группу моделей»¹⁸.

Клод Леви-Стросс:

«Совокупность обычаев одного народа всегда отмечена каким-то стилем, они образуют системы. Я убежден, что число этих систем не является неограниченным и что человеческие общества, подобно отдельным лицам, в своих играх, мечтах или бредовых видениях никогда не творят в абсолютном смысле, а довольствуются тем, что выбирают определенные сочетания в некоем наборе идей, который можно воссоздать. Если составить перечень всех существующих обычаев, и тех, что нашли отражение в мифах, и тех, что возникают в играх детей и взрослых, в снах людей здоровых или больных и в психопатологических действиях, удалось бы создать нечто вроде периодической таблицы химических элементов, где все реальные или просто возможные обычаи оказались бы сгруппированы по семьям. Нам оставалось бы только распознать среди них те, что были действительно восприняты обществами».

К. Леви-Стросс. Печальные тропики. 1955

«Чтобы понять, каким образом и в какой мере человеческие культуры отличаются друг от друга, сглаживаются или вступают в противоречие эти различия или же они способствуют формированию гармоничной целокупности, сначала следует попытаться составить их описание. Но здесь уже возникают трудности, ведь нам требуется учесть то, что человеческие культуры и не одинаковым образом, и не на одном и том же плане отличаются друг от друга. Сначала нам предстают общества, взаимно прилаженные в пространстве, среди них одни близкие, а другие отдаленные, — все это современные общества. Затем нам необходимо учесть формы социальной жизни, следовавшие одна за другой во времени, которые нам не постичь из непосредственного наблюдения. Любой человек может сделаться этнографом и отправиться к интересующему его обществу, чтобы на месте разделить его образ жизни; напротив, даже если он станет историком или археологом, он никогда напрямую не войдет в контакт с исчезнувшей цивилизацией, но соприкоснется с ней лишь через письменные документы или изобразительные памятники, которые данным обществом — или другими — оставлены. Наконец, не надо забывать, что современным обществам, все еще не знающим письменности, называемым нами “дикими”, или “примитивными”, также предшествовали другие формы, познание которых практически невозможно, разве что непрямо. В добросовестно сделанном инвентаре должны остаться для них пустые клетки в несравненно большем числе, чем те клетки, в которые мы ощущаем себя способными нечто вписать. Напрашивается первая констатация: разнообразие человеческих культур гораздо значительней и богаче всего того, что нам суждено когда-либо познать — в настоящем это “фактически”, а в прошлом “фактически и юридически”».

К. Леви-Стросс. Раса и история. 1952

Успех Леви-Стросса был обусловлен тем, что, как писал французский философ М. Энафф: «Структурализм всегда отдает предпочтение факту его принадлежности к той или иной системе, актуальности этой системы (более, нежели ее генеалогии) и ее внутренней логике»¹⁹. Так, например, изучая мифы,

Леви-Стросс предложил рассматривать их не с точки зрения содержания, тем и героев, а наоборот — как совокупность, делая акцент на комбинации элементов, мифем, которые рассматриваются как логические единицы. Соответственно, выявить структуру мифа — значит понять саму логику мифического мышления. Отсюда и утверждение, что «не люди думают мифами, а мифы думаются между собой». Одна из ключевых исследовательских техник — выявлять базовые оппозиции, которые задают пространство конкретного мифа, например между жизнью и смертью, вареным и жареным, близким и далеким и пр. Однако остановись Леви-Стросс только на этом, он был бы приверженцем лишь формального метода.

- Структурализм как раз и предполагает учет социального и культурного контекста, что позволяет говорить и о функциях мифов, а именно: снимать оппозиции и противоречия, реально существующие в обществе. Стоит подчеркнуть принципиальное отличие структурализма от формализма: структура не может изучаться отдельно от содержания²⁰.

Вместе с тем пафос структурального метода заключается не в интерпретации содержания мифов (которая будет в свою очередь очередным мифом), а именно в выявлении структурных особенностей мифов, различного рода оппозиций, гомологий и эквивалентностей между ними.

Хотя исследования К. Леви-Стросса и являются классическими в том смысле, что именно они оказали решающее воздействие на то, как структурализм вошел в другие социальные науки, важно подчеркнуть и его влияние на становление семиотики как науки о знаках. Семиотика предложила «научный язык» описания внутренней логики символического пространства, которое не может быть сведено ни к чему другому. Обычно выделяют две ее ветви. Одна из них связана с Женевской школой, в которой знаковая система предстает в качестве замкнутой, иерархической структуры, изменение одного элемента которой предполагает трансформацию всей структуры. Второе направление (восходящее к Ч. Пирсу, У. Моррису) ориентировано на изучение процесса семиозиса, т.е. становления и трансформации знаковой реальности²¹. Мы не считаем необходимым подробно останавливаться на развитии различных семиотических моделей анализа (тем более что этот вопрос затрагивается в следующей главе, посвященной дискурсивной парадигме), однако отметим, что некоторые исследователи полагают возможным сводить структурализм к семиотическим исследованиям²². Как видно из вышеизложенного, с точки зрения упомянутого выше Леви-Стросса это было бы не совсем корректным. В СССР и России также существует определенная тенденция связывать эти два интеллектуальных направления, во многом по той причине, что за пределами собственно лингвистики структурализм развивался в рамках Московско-Тартуской семиотической школы (Ю. М. Лотман, А. М. Пятигорский, Б. Л. Гаспаров и др.), представители которой внесли значительный вклад не только в филологию, но и в культурологию.

В этом плане памятны работы Ю. М. Лотмана по истории русской культуры. Отталкиваясь от коммуникативного подхода к культуре, он ввел понятие семиосферы как всего того пространства значений, которое обеспечивает существование языка и коммуникации. Это пространство структурировано: в нем выделяются, например, бинарные оппозиции, границы, неоднородность (сосуществование разных языков), асимметричность. Так, в центре находятся наиболее развитые языки, которые производят самописание всей системы. Причем тот частный язык, который занимает доминирующее место, может затем пытаться распространить свое влияние на всю семиосферу (нормы Рима стали нормами всей империи, придворный этикет двора Людовика XIV — этикетом всех дворов): «Возникает литература норм и предписаний, в которой последующий историк видит реальную картину действительной жизни той или иной эпохи, ее семиотическую практику. Эта иллюзия поддерживается свидетельствами современников, которые действительно убеждены, что именно так они и поступают... Так, например, известный Андрей Капеллан, автор “*De arte amandi*” (между 1175 и 1186 гг.) — трактата о нормах *fin amors*, — подвергая благородную любовь тщательной кодификации и требуя от влюбленного верности даме, молчания, тщательного *server*, целомудрия, куртуазности и т.д., спокойно допускает насилие по отношению к посялке, поскольку в этой картине мира она “как бы не существует”, действия по отношению к ней находятся вне семиотики, т.е. их “как бы нет”»²³. При этом если в центре доминирующий язык (понимаемый код) в целом соответствует происходящей реальности, то на периферии — скорее противоречит или же не позволяет ее адекватно описать. Здесь существуют иные языки, которые обладают инновационным потенциалом, что может в дальнейшем позволить им занять доминирующее положение. Также Ю. М. Лотману принадлежит обретшая популярность идея об особой логике различных культур. Так, он доказывал, что русская культура строилась как бинарная система, осознавала себя в антитезах и оппозициях, отсюда получают популярность идеи избранничества и мессианства, а развитие происходит через «взрывы». В то время как для культур зарубежной Европы присущ тернарный (троичный) тип мышления, а потому и происходившие взрывные изменения не затрагивали культурный слой полностью: «Тернарная система стремится приспособить идеал к реальности, бинарная — осуществить на практике неосуществимый идеал»²⁴.

Нельзя не признать, что структурализм как направление в социальных и гуманитарных науках является достаточно расплывчатым в том плане, что существуют разные (конечно, не во всем противоречащие) взгляды на его содержание. Как правило, консенсус относительно того, кого включать в числе ведущих структуралистов за пределами собственно лингвистики, выстраивается вокруг следующих фигур: К. Леви-Стросс, Ж. Лакан, Л. Альтюссер, Р. Барт и М. Фуко. Причем поздние работы двух последних авторов, а равным образом как Ж. Делеза, Ж. Дерриду и Ж. Бодрийера можно отнести уже к постструктуралистам.

Ролан Барт (1915–1980) — один из крупнейших исследователей в области литературоведения, а также в сфере массовой культуры, французский философ-постструктуралист. С точки зрения ученого, вещи наделены различными значениями, интерпретация которых зависит исключительно от людей, к ним обращающихся. В связи с этим культура является универсальной системой символов (знаков), которая способна обозначать явления и таким образом создавать (т.е. структурировать) действительность. В этом смысле культура подобна языку. Именно исследованиям природы языка и его влияния

на подсознание человека Ролан Барт посвятил многие свои работы. Основной интерес ученого был сконцентрирован вокруг анализа языка, мифа, культуры, идеологии и письма. Интересно отметить, что в определенный период (1960-е годы) работы исследователя, посвященные массовым коммуникациям, были направлены в сторону критики массовой культуры, борьбу с которой ученый видел в создании контръязыка и контркультуры. В результате проведенных исследований французский структуралист пришел к выводу, что за счет подмены истинных мотивов иллюзорными идеология является инструментом господствующей элиты для мотивации и контроля общества. В этой связи письмо приобретает значение идеологической сетки, существующей между индивидом и действительностью, мотивирующей его воспринимать определенные ценностные ориентиры.

Основные работы:

- «Смерть автора» (1967)
- «Основы семиологии» (1975)
- «Camera lucida» (1980)
- «Семиотика. Поэтика» (1989)

Семиолог Р. Барт полагал рассматривать структурализм в качестве интеллектуального метаязыка²⁵, задаваемый такими понятиями, как означающее и означаемое, а также синхрония и диахрония: «Целью любой структуралистской деятельности... является воссоздание “объекта” таким образом, чтобы в подобной реконструкции обнаружились правила функционирования (“функции”) этого объекта. Таким образом, структура — это, в сущности, отображение предмета, но отображение направленное, заинтересованное, поскольку модель предмета выявляет нечто такое, что оставалось невидимым, или, если угодно, неинтеллигибельным, в самом моделируемом предмете»²⁶. Сама структуралистская деятельность по Барту предстает из двух операций: членение («расчленив первичный объект, подвергаемый моделирующей

деятельности, — значит обнаружить в нем подвижные фрагменты, взаимное расположение которых порождает некоторый смысл») и монтаж («определив единицы, структуральный человек должен выявить или закрепить за ними правила взаимного соединения»)²⁷.

Французский философ Жиль Делез выделял 7 критериев, по которым можно «узнать» структурализм²⁸:

1. *Символическое*: «Для нас является привычным, почти что безусловным, некоторое различие, или корреляция, между реальным и воображаемым... Первый же критерий структурализма — это открытие и признание третьего порядка, третьего царства: царства символического. Именно отказ от смешения символического с воображаемым и реальным является первым измерением структурализма». Другими словами, существует определенная символическая форма, которая вовсе не нейтральна в выражении идей и отображении реальности. Эта форма выражения имеет собственную логику и организацию. Структура — это не форма, сущность или образы: «Структура определяется природой некоторых атомарных элементов, которым предначертано учесть одновременно формирование целостностей и вариацию их частей».

2. *Локальное, или позиционное*: «Места в чисто структурном пространстве первичны относительно реальных вещей и существ, которые их займут, а также относительно ролей и всегда немного воображаемых событий, которые необходимо появляются, когда места занимаются». Значение имеет именно сорасположение элементов, реляционные отношения, конкретные места, которые заполняются реальными субъектами. Только так задается смысл. Например, в системах родства отец и мать — это структурные позиции, в то время как в реальном мире эти позиции занимаются конкретными людьми. А потому «символические элементы не имеют ни внешнего обозначения, ни внутреннего значения, но только позиционный смысл, то следует признать принцип, согласно которому смысл всегда следует из комбинации элементов, которые сами по себе не являются означающими».

3. *Дифференциальное и единичное*: «Любая структура представляет два следующих аспекта: систему дифференциальных отношений, по которым символические элементы взаимно определяются, и систему единичностей, соответствующую этим отношениям и очерчивающую пространство структуры. Любая структура есть множественность (*multiplicite*)». Например, Л. Альтюссер полагал, что производственные отношения прежде всего — это дифференциальные отношения между различными единичностями, позициями (предмет производства, орудие, рабочая сила и проч.), на практике же люди занимают эти позиции в производственных отношениях.

4. *Различающее, различение*. Структуры являются бессознательными, в то время как актуальным — то, во что они воплощаются на практике: «Скажем о структуре: *реальна, не будучи актуальной, и идеальна, не будучи абстрактной*».

Структура — это потенциальная возможность всех элементов, позиций и отношений между ними, в то время как на практике структура никогда не актуализируется в полном виде: «Структура в себе самой является системой дифференциальных отношений и элементов; но также она различает виды и части, существа и функции, в которых она актуализируется».

5. *Серийное*: «Символические элементы, взятые в дифференциальных отношениях, с необходимостью организуются в серию». Вернее говорить о том, что структура порождает на практике всегда несколько серий (различных последовательностей сцепления элементов), которые находятся в сложных отношениях друг с другом.

6. *Пустая клетка*. Структура включает такой элемент, как «пустая клетка», который может находиться в различных сериях, и именно относительно этой узловой точки формируется пространство дифференциальных отношений. Это своеобразное «плавающее означаемое», относительно которого задаются все остальные структуры и которые в свою очередь наполняют его смыслом. Например, в политике западных стран таким плавающим означаемым является понятие демократии, которое всегда требует определения и наполнения, а потому происходит борьба. В капиталистической экономике таковым является понятие стоимости, которое в каждом конкретном случае требует своего определения, и уже относительно этого понятия определяются другие экономические структуры.

7. *От субъекта к практике*. В центре является противоречие между, с одной стороны, живыми существами, которые в процессе актуализации структуры занимают определенные места, а с другой — самими символическими элементами, которые на уровне структуры занимают эти места. Соответственно, субъектом и является эта символическая инстанция (например, В. В. Путин, озвучивая Послание Федеральному собранию, говорит не как гражданин РФ, не как личность, а как президент, и, соответственно, субъектом высказывания является именно президент, а не конкретная личность). Отсюда можно говорить, что субъект всегда кочует, он рассеян, поскольку на практике символическая инстанция может заниматься разными местами, получать разную локализацию: «Исходя из этого могут определиться две важные акциденции структуры. Или пустая клетка и двигатель более не сопровождаются кочующим субъектом, который подчеркивает их пробег; и пустота клетки становится лакуной, действительной нехваткой. Или наоборот, клетка заполнена, оккупирована тем, кто ее сопровождает, и ее подвижность теряется в результате оседлой, или замороженной, полноты».

Конечно, все эти семь критериев в большей степени характерны для структурализма как направления в философии, причем последние два уже напрямую отсылают к зародившемуся во второй половине 1960-х годов постструктурализму. Интересно, что среди его «основателей» оказались в том

числе и те (Р. Барт и М. Фуко), чьи более ранние работы относятся к структуралистскому направлению. Не имея возможности подробно останавливаться на сравнении, отметим, что разница заключается в том, что постструктуралисты скорее склонны рассматривать структуру в динамике, в постоянно разворачивающемся процессе означивания и дифференциации, выявлять лакуны и согласованности. Как точно отметила Н. С. Автономова: «В общем виде можно сказать, что структурализм искал порядок и в хаосе, а постструктурализм ищет хаос в порядке»²⁹. В философском плане постструктурализм сохранил общую ориентацию на антигуманизм и отрицание телеологичности социальных процессов, однако сделал шаг в сторону от изучения символических структур в пользу внедискурсивных взаимодействий.

Как видно из вышеизложенного, структурализм сложно назвать одной из парадигм собственно политической мысли, а потому целесообразнее очертить то влияние, которое он оказал на ее развитие, какие элементы были с наибольшей степенью эффективности использованы для решения задач политической науки.

Наиболее отчетливо влияние структурализма и постструктурализма просматривается в области политической философии, а именно в ее «континентальной» версии. Не стоит забывать, что практически все ключевые фигуры философского структурализма писали на политические сюжеты, хотя далеко не всегда их видение политического было сугубо структуралистским. В этой связи небезынтересно то обстоятельство, что наиболее глубокое влияние данное направление оказало на развитие марксизма. В дальнейшем мы сосредоточим внимание на трех ключевых концепциях — структурный марксизм Л. Альтюссера и постструктуралистская теория Э. Лаклау и Ш. Муффа. В каждом случае мы будем стремиться не столько изложить их концепции в полной мере, сколько продемонстрировать особенности понимания того, чем является структура.

Структурный марксизм Л. Альтюссера

Мы начнем в хронологическом порядке с Л. Альтюссера. Тесно связанный с пока еще влиятельной Французской коммунистической партией, он разрабатывал теорию структурного марксизма не только с целью очистить последний от догматизма, но и возродить его радикальное политическое значение. Понятие структуры у Альтюссера, безусловно, отличается от того, как его использовал К. Леви-Стросс. Структурализм здесь проявляется прежде всего в отрицании роли субъекта и восприятии самой структуры как сети реляционных отношений³⁰.

Прежде всего Альтюссер пытался избавить марксизм от гегельянства, подчеркивая, что общество не представляет собой тотальность с одним центром,

Луи Альтюссер (1918–1990) — популярный французский философ 1960–1970-х годов, представитель неомарксизма.

В своих работах мыслитель предложил новую интерпретацию творчества К. Маркса, а также новую теорию идеологии, ставшую впоследствии одной из популярных концепций современной политической философии.

Работами, принесшими философу международную известность, являются «В поддержку Маркса» (1965) и «Читать “Капитал”» (1965), которые в то же время вызвали много дебатов вокруг ревизионистской трактовки Альтюссером творчества К. Маркса.

Важно подчеркнуть, что работы философа позволили ему сформировать фракцию сторонников, основными представителями которой были молодые европейские интеллектуалы. Однако позже, в частности после эволюции взглядов мыслителя в сторону антигуманизма, популярность работ и учения Альтюссера снизилась.

Основные работы:

«О молодом Марксе — вопросы теории» (1961)

«Читать «Капитал»» (1965)

«В поддержку Маркса» (1965)

«Ленин и философия» (1968)

«Элементы самокритики» (1974)

«Позиции» (1976)

«Будущее длится вечно» (1985)

а состоит из взаимосвязанных структур и уровней. История как таковая, как процесс лишена и субъекта, и некоей цели (телеологии). Альтюссер рассматривал теорию как критическое руководство для практики, выступая как против идеализма (будто мыслительные конструкты подчиняют реальность), так и эмпиризма (если бы существовали в реальности объективные закономерности). Задача науки — в освоении практики по схеме «практика — теория — практика»³¹. Причем Альтюссер различает науку, основанную на принципе системности теоретических понятий, от теоретических идеологий, которые тавтологичны и игнорируют правила конструирования своего объекта. Поскольку наука занимается прежде всего созданием систем, которые используются для объяснения отдельных элементов, то тогда, согласно Альтюссеру, за рамками остается проблема субъекта.

Согласно Альтюссеру, К. Маркс открыл для нас контент-историю, внутри которой и может только быть познание социального посредством исто-

Луи Альтюссер:

«Я боролся со всем, что представлялось мне несовместимым с материалистическими принципами марксизма, равно как и с остатками идеологии, особенно с апологетической категорией “диалектики” и даже с самой диалектикой, чьи знаменитые “законы” нужны были, по моему мнению, только чтобы объяснять постфактум происшедшее и которые использовались руководством коммунистических партий для оправдания своих решений».

«По объективным причинам в рамках коммунистической партии была невозможна никакая другая форма политической деятельности, кроме чисто теоретической. Необходимо было направить теорию, на которой партия основывала свое мировоззрение, против того, как сама партия интерпретировала эту теорию. А поскольку принятая теория не имела ничего общего с Марксом, а основывалась на опасном абсурдизме, восходящем к советской, а вернее, сталинистской интерпретации диалектического материализма, единственное, что можно было сделать, — это вернуться к Марксу. Вернуться к политической мысли, которая оставалась практически неисследованной, поскольку была сакрализована, и показать, что сталинистский диалектический материализм со всеми его теоретическими, философскими, идеологическими и политическими выводами не имеет совершенно ничего общего с подлинным марксизмом».

Л. Альтюссер. Будущее длится вечно. 1985

«Главным для меня было сделать теоретические тексты Маркса понятными как сами по себе, так и для нас, их читателей, поскольку нередко они являются темными и противоречивыми и даже неполными в некоторых ключевых моментах... Я пытался сделать мысль Маркса ясной и последовательной для тех, кто относится к нему непредвзято и хочет понять его... Да, я допускаю, что создал такую форму марксизма, которая отличается от вульгарных представлений о нем, но поскольку она дает читателю лишнюю противоречий, последовательную и понятную интерпретацию марксистской философии, то считаю, что достиг своей цели и моя “реинтерпретация” Маркса дает то, чего требовал он сам, — непротиворечивость и ясность».

Л. Альтюссер. Ленин и философия. 1968

рического материализма (теория), материалистической диалектики (метод) и борьбы классов (закон). Говорить об истории без соотношения способа производства, борьбы классов и материалистической диалектики — значит уходить в поле теоретических идеологий. Под способом производства понимается процесс общественного производства и воспроизводства, причем он определяется сочетанием трех инстанций («как поле, в котором определенные элементы вступают в связь по специфическим законам»): экономической (задается соотношением производственных сил и производственных отношений), политической (направлена на воспроизводство производственных отношений и связана с борьбой за государственную власть) и идеологической. Под идеологией Альтюссер понимает воображаемое отношение индивидов к реальным

условиям, в которых они живут. Отсюда и вывод, что вся практика объясняется и направляется идеологией, что приводит к определенному размыванию этого понятия. С идеологией связан эффект признания-игнорирования. Идеология отталкивается от реального, однако «она познает реальность лишь для того, чтобы признать в ней свои собственные цели, но она может их признать, лишь игнорируя в реальности то, что ей не поддается или ее опровергает»³².

В воспроизводстве доминирующей идеологии ключевая роль отводится государственным идеологическим аппаратам, которые обеспечивают интересы господствующего класса через создание норм поведения, кодексов, ритуалов, институтов и пр. При капитализме основная задача — квалификация рабочей силы, т.е. производство субъектов. Этот процесс называется интерпелляцией, т.е. когда ГИА словно «окликает» человека, дает ему имя, с которым связано занятие определенного социального места. Субъект — это прежде всего позиция, человек становится им только по той причине, что воспроизводит определенные формы поведения и следует определенным нормам. При этом каждый конкретный человек находится под влиянием разных ГИА, отсюда и происходит тезис о расчлененном, сверхдетерминированном субъекте: он не только находится на перекрестке различных интерпелляций, но и подвержен воздействию классовой борьбы в каждом ГИА.

Постструктуралистская теория дискурса Э. Лаклау и Ш. Муфф

Работы Э. Лаклау и Ш. Муфф также принадлежат марксистской мысли, однако они отталкивались не столько от самого Маркса, сколько от теории гегемонии А. Грамши. Исследователи пытались показать, что нет никаких обязательных связей, посредством которых экономика детерминирует политику и идеологию³³. Существующее положение вещей не может описываться в рамках классической марксистской теории, а потому необходима новая онтология социального, которая бы позволяла бы осмыслить практики гегемонии и политической артикуляции³⁴. Отталкиваясь от структурализма, они указывают, что язык создает целую сеть значений, которые находятся в реляционном отношении друг к другу. Они вводят понятие артикуляционной практики, которая устанавливает на практике отношения эквивалентности между элементами как дискурса, так и социальной сферы. Тем самым мы получаем весьма подвижную и динамичную систему производства социальных идентичностей, которые группируются вокруг узловых точек. Дискурс, формируя определенные системы эквивалентности, тем самым исключает в данный конкретный момент образование иных способов соотношений знаков. Тем самым образуется область дискурсивности, т.е. того, что исключено из данного конкретного дискурса, однако существует за его пределами. «Элемент» — это то, что еще не получило своего места в конкретной системе эквивалентности, «момент» —

это элемент, который был включен дискурсом в эту игру соотношений посредством артикуляционной практики.

Дискурс стремится преобразовать все элементы в «моменты» (терминология, предложенная Лаклау и Муфф), замкнуть систему. Именно на это нацелена гегемоническая артикуляция. Речь не идет о том, что она формирует все социальное пространство: теоретики далеки от того, чтобы сводить все социальное к дискурсу, который включает в себя не просто значения как чистые знаки, но и социальные практики, связанные с ними. В их фокусе работа гегемонистской артикуляции, которая пытается замкнуть значения, создать видимость, будто у общества есть объективные структуры, которые люди должны воспроизводить. При таком подходе меняется и понимание политики и власти, которое у Лаклау и Муфф означает практику производства социального, стабильных значений, которые воспринимаются в качестве «естественных» и которые организуют сам процесс социального взаимодействия. Естественно, Э. Лаклау и Ш. Муфф выступают за демократическую политику, смысл которой не в сворачивании конфликтов и замыкании системы, наоборот, в производстве различий (а следовательно, тех институтов, которые способствовали процветанию разнообразия)³⁵.

Постструктуралистская теория дискурса Э. Лаклау и Ш. Муфф нередко обвиняется за ее «языковой детерминизм», хотя при более детальном ее рассмотрении становится ясно, что авторы ближе к структуральному конструктивизму П. Бурдьё: представление о взаимосвязи значений и практик, борьба за гегемонистскую артикуляцию (символическая власть), идея, что представители и группы взаимно конституируют друг друга, детерминация «объективного социального мира» культурными факторами — все это сближает эти два подхода.

Второе направление воздействия структурализма на политическую науку связано с теми исследованиями, которые направлены на изучение языкового, символического измерения политики. Речь идет не о тех работах, которые интерпретируют сказанное (т.е. работают в герменевтическом ключе), а которые пытаются выявить собственную логику символического пространства, обозначить не-нейтральность языка в производстве политических отношений. Прежде всего, на это ориентирован дискурсивный анализ, которому в данном учебнике посвящена отдельная глава. Ниже мы сосредоточимся на основных способах понимания того, что такое структуры.

1. Подобный анализ может быть направлен на выявления неких базовых, инвариантных схем, структурирующих определенные способы политической репрезентации и идеологического доминирования.

Наибольшее распространение получил нарративный анализ, который восходит к морфологии «волшебной сказки» В. Я. Проппа и направлен на изучение текстовых структур. Основная идея заключается в том, что, пытаясь отобразить реальность, мы всегда рассказываем ее в виде некоей истории, т.е. строим ее по законам того или иного литературного жанра. Соответствен-

но, нарративные структуры не только ограничивают познание и могут намеренно использоваться в целях политического манипулирования, но и активно вторгаются в область повседневной практики. Наиболее остро эта проблема повлияла, конечно же, на историческую науку, после того как Х. Уайт продемонстрировал, что ряд исследований признанных классиков исторической науки в основе своей воспроизводят определенные литературные жанры. Американский политолог Х. Элкер (Alker), также занимавшийся развитием нарративного анализа, писал: «Во-первых, экономическая, социальная и политическая деятельность обычно структурируется (извне и внутренне) ситуативно подходящими “мифами”, “рассказами”, “нарративами” или “историями”. Именно посредством их рассказчикам и слушателям сообщаются не только смысл, порядок и идентичность, но и практическое понимание идеалов, набора возможных способов действия, которым стоит или не стоит следовать. Во-вторых... убедительность рукотворных нарративов в подобных сочинениях провокационно предполагает, что каждая социальная наука, даже экономика, неизбежно “основывается на мифах”»³⁶.

Вместе с тем анализ может быть направлен не только на нарративные структуры. Наиболее яркий пример — теория мифа Р. Барта (его же считают основателем политической семиотики). Его теория мифа, вернее критики мифа, создавалась под мощным влиянием левых идей. Отсюда вытекает и общее устремление — критика языка, скрывающего реальность и нейтрализующего возможность действия по ее преобразованию. Центральное место занимает понятие мифа, который рассматривается как вторичная семиологическая система, когда знак (единство означаемого и означающего, имеющий собственный смысл и принадлежащий языку-объекту) превращается в означающее некоего другого понятия. Мифологизированным, по Барту, может быть что угодно: «Миф представляет собой коммуникативную систему, некоторое сообщение. Отсюда явствует, что это не может быть ни вещь, ни понятие или идея; это форма, способ обозначения»³⁷. В качестве примера Барт приводит фотографию на обложке журнала, где изображен чернокожий солдат из Иностранного легиона, салютующий флагу Франции. Перед нами миф, поскольку сам знак призван воплотить идею «имперскости» (по крайней мере, именно так прочитывается данная фотография, опубликованная в период войны против независимости Алжира). На самом деле никакое величие империи не отображает данная фотография (как если бы именно из этих побуждений данный солдат отдавал честь!), и даже скрывает то, что чернокожий стал легионером только по той причине, что Франция в свое время вела завоевательную колониальную политику.

В процессе конструирования мифа первоначальный смысл обедняется, почти что умирает для того, чтобы знак превратить в форму, в которую уже можно вместиť новое значение: «Такая непрестанная игра в прятки и является определяющей для мифа». Сущность мифа заключается в диалектике смысла (исходной идеи) и значения (т.е. самого мифа), когда они поочередно сменяют друг друга. В итоге миф «обладает императивностью оклика»³⁸, при

этом является словом похищенным и возвращенным. При этом миф никогда не бывает произвольным, он всегда мотивирован, т.е. имеется определенная аналогия между смыслом и формой, почему именно данное слово, данный сюжет был выбран для того, чтобы передать более высокую, абстрактную идею. Однако аналогия между смыслом и понятием всегда является неполной, а потому в ходе формирования значения ненужные элементы отбрасываются. Миф потребляется динамично, он направлен на то, чтобы понести определенную идею, понятие, делая эту интенцию природной, естественной. В глазах читателя означающее и означаемое связаны природным соотношением, там, где существует лишь эквивалентность, он видит каузальность.

Критика современных мифологий для Р. Барта — это критика буржуазной культуры, которая, будучи анонимной (устранение понятия «буржуа» из политического дискурса), распространяет свое влияние на другие классы. Язык мифологии — это язык мелкого буржуа и более широко — язык буржуазной идеологии, задача которой — описывать, констатировать существующий капиталистический порядок, но вовсе не объяснять сущности вещей. Точно так же миф занимается устранением историчности в вещах: «Вещи в нем утрачивают память о том, как они были сделаны. Мир поступает в область языка как диалектическое соотношение действий и поступков людей — на выходе же из мифа он предстает как гармоническая картина сущностей»³⁹. Тем самым миф — это деполитизированное слово, если под политикой понимать область активных действий. Задача мифа не воздействовать на вещи, а воспевать их. В этом плане в политической плоскости, например, язык революционера не может быть мифичен, поскольку революция направлена на преобразования мира, что не исключает существования левых мифов, которые по природе могут быть лишь скудными. В то время как у правых миф действительно популярен, так как он постулирует неизменность и порядок.

2. Второе направление связано с активной интеграцией в анализ наработок когнитивной лингвистики, в частности с изучением тех когнитивных структур, которые заложены в наш обыденный язык и влияют как на восприятие политического мира, так и на процесс принятия политических решений.

Как правило, подобный анализ сосредоточен на выявлении когнитивных метафор, базовых оппозиций и понятий, которые составляют определенную социальную онтологию (базовое представление об устройстве мира). Внимание может уделяться и способам мышления отдельного политика, и тем когнитивным механизмам, которые заложены определенной культурой. Другой тип исследования — анализ когнитивного измерения тех или иных понятий. Например, отечественный лингвист П. Паршин выделяет четыре способа понимания цивилизации: оценочное (в противопоставлении, например, «варварству»), квалифицирующее (как отличительный признак общества на определенном этапе развития), идентифицирующее (как в принципе вся де-

тельность определенного общества) и типологизирующее (различные типы цивилизаций)⁴⁰.

Наибольшую популярность получила теория концептуальной метафоры. О метафоре как основе мышления и способе конструирования мира еще писал Ф. Ницше; благодаря работам Т. Куна эта идея пришла в теорию научного познания, а теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и Джонсона⁴¹ стала отправной точкой метафорического анализа в социальных науках. Так, нередким стало утверждение, что научное познание основывается на определенной метафоре (системе метафор), а потому прогресс знания предполагает смену метафорических моделей⁴². Суть теории заключается в изначальной метафоричности языка: наше мышление устроено таким образом, что одни вещи мы всегда описываем в рамках других вещей. Даже такое выражение, как «инфляция выросла», является метафорическим, поскольку базируется на метафоре «верх — низ» и предполагает, что такая сущность, как инфляция, может расти. Неудивительно, что язык, который мы используем для описания социальных и политических явлений, также глубоко метафоричен. Даже такое утверждение, как «Россия заявила протест», является метафорическим, поскольку России приписываются свойства человека. Метафорические системы не только влияют на то, как собственно политики описывают для себя происходящие изменения, но и используются как риторические средства для интерпретации политических процессов. Например, как отмечал В. М. Сергеев, социальный мир может рассматриваться сквозь призму либо «механической метафоры» (тогда социальные процессы можно конструировать), либо «естественной метафоры» (тогда социальные процессы обладают собственной, независимой динамикой). От того, как мы воспринимаем, например, экономический кризис, зависит и выработка конкретных действий.

Обращение к когнитивным структурам может применяться и для операционализации такого понятия, как политическая культура. Наиболее показательным здесь является монография отечественных исследователей Н. И. Бирюкова и В. М. Сергеева, которые для анализа становления институтов представительной власти в эпоху перестройки создали интересную теоретическую модель. Их анализ языкового материала был направлен на выявление базовых структур мышления. Они проанализировали традиционное русское политическое сознание, в котором выделили две доминанты: *постоянная апелляция к народности*, причем сам «народ» рассматривается как метафизическая целокупность и носитель высшей истины (что было концептуализировано в идее «соборности»), и *ценность труда*, понимаемого в вульгарно-политическом смысле. Отсюда объясняется принятие марксистской идеологии, которая вытекает из идеи некоей общей детерминированности развития общества и неприятия самой идеи раскола и его атомизации. В период перестройки «традиционная российская политическая культура — с ее презумпцией консенсу-

са, охватывающего всех участников политического процесса, как естественного состояния общества и нормы политической жизни, и с ее стремлением к нахождению политических решений, которые, в силу их объективной истинности, были бы обязательными для всех, — помешала адекватному представлению социальных интересов в парламенте и не позволила ему стать ареной выработки и достижения подлинного общественного консенсуса, основанного на компромиссе между силами, выражающими разные интересы и разные представления о будущем страны»⁴³.

Другой пример подобного анализа, правда, ориентированного на выявление ментальных картин, продемонстрировал американский экономик А. Хиршман в своем исследовании реакционной (консервативной) риторики на протяжении последних двух столетий. Реакционность в данном случае понимается весьма широко: как противовес конкретным прогрессистским попыткам осуществить экономические, социальные или политические трансформации в целях улучшения жизни общества. Хотя автор на протяжении всей книги апеллирует такими понятиями, как «риторика» и «аргумент», перед нами вовсе не исследование в области консервативной мысли. В последней главе исследователь пишет: «Моя главная задумка — проследить некоторые ключевые реакционные тезисы сквозь дискуссии последних двух столетий и показать, что участники этих дискуссий в своих аргументах и риторике следовали некоторым константам»⁴⁴. А. Хиршман выделяет три вида аргументов «реакции»: тезис об извращении, тезис о тщетности и тезис об опасности, подробно описывая ту модель мира (социальную онтологию, хотя сам этот термин и не употребляется исследователем напрямую), которая стоит за ними. Так, тезис об извращении предполагает, что «попытка развивать общество в определенном направлении приведет к его движению ровно в противоположном направлении»⁴⁵, а потому нераздельно связан с представлением о непреднамеренных следствиях человеческой деятельности: «В свете эффекта извращения социальный мир предстает как в высшей степени изменчивый, в нем каждое движение тут же приводит к множеству ненамеренных контрдвижений»⁴⁶. Тезис о тщетности предполагает попытку реформирования, которая обречена на неудачу, а потому «была и будет всегда лишь фасадом, поверхностью, прикрытием»⁴⁷. Тем самым социальный мир видится высокоструктурированным, а основное внимание критика направлено на выявление тех «объективных законов» социальной природы, игнорирование которых невозможно и которые полностью детерминируют сложившийся порядок вещей. Хотя тезис об извращении и тезис о тщетности логически противоречат друг другу, на практике обычно оба аргумента соседствуют при критике тех или иных реформ. Тезис об опасности предполагает, что предлагаемые изменения несут за собой неприемлемые издержки⁴⁸. Использование аргументов в духе «*ceci tuerra celi*» («это убьет то») основывается на ментальной картине, в рамках которой все видится как игра с нулевой суммой⁴⁹.

Примечания

¹ *Гаврилова Ю. В.* Особенности развития структурализма в Великобритании конца XX века // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. № 1. С. 75.

² См. критику структурно-функционального подхода: *Малахов В. С.* Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 58–61.

³ *Кирилов П. Е.* Интеллектуальные истоки французского структурализма // Труды университета «Дубна». Гуманитарные и общественные науки: Сб. ст. Вып. 3. Дубна, 2004. С. 83.

⁴ *Поселягин Н.* Ранний российский структурализм: «долотмановский» период // Новое литературное обозрение. 2011. № 3.

⁵ *Гароди Р.* Структурализм и «смерть человека» // Философия и общество. 1998. № 2. С. 247.

⁶ Русская интеллектуальная революция 1910–1930 годов: Материалы международной конференции. М., 2016. С. 5.

⁷ *Апатов В. М.* Соссюр и мировая наука // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. М.: ИНИОН, 2008. С. 20–21.

⁸ Цит. по: Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. М.: ИНИОН, 2008. С. 33.

⁹ *Силичев Д. А. Ф.* де Соссюр и современная философия // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. М., 2008. С. 84.

¹⁰ См.: *Джеймисон Ф.* Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург, 2014. С. 67–68.

¹¹ *Бондарев А. П.* Фердинанд де Соссюр и некоторые вопросы теории литературы // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. М., 2008. С. 118.

¹² *Стайнер П.* «Формализм» и «структурализм» // Имя. Сюжет. Миф / Под ред. Н. М. Герасимовой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. С. 224.

¹³ *Косиков Г. К.* От структурализма к постструктурализму. М.: Рудомино, 1998. С. 23–24.

¹⁴ *Пропп В. Я.* Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998. С. 20.

¹⁵ *Гухман М. М.* Исторические и методологические основы структурализма // Основные направления структурализма. М.: Наука, 1964. С. 28.

¹⁶ *Автономова Н. С.* Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М., 2009. С. 47.

¹⁷ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001. С. 32.

¹⁸ *Энафф М.* Клод Леви-Стросс и структурная антропология. М., 2010. С. 28.

¹⁹ Там же. С. 30–31.

²⁰ *Энафф М.* Клод Леви-Стросс и структурная антропология. М., 2010. С. 14.

²¹ *Поселягин Н.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2012. № 1.

²² *Petit F.* The Concept of Structuralism. A Critical Analysis. Cambridge, 1977. P. iv.

²³ *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. СПб., 2015. С. 184.

²⁴ *Лотман Ю. М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб., 2009. С. 142.

²⁵ Метаязык — это язык, который используется для описания другого языка. Например, можно выделять политический язык, который используют современные российские политики в своей деятельности. Соответственно, политическая теория будет

представлять собой по отношению к нему метаязык, позволяющий произвести операцию отстранения и выйти, как предполагается, на более независимый уровень.

²⁶ *Барт Р.* Структурализм как деятельность // Нулевая степень письма. М., 2008. С. 229.

²⁷ Там же. С. 231–232.

²⁸ Здесь и далее см.: *Делез Ж.* По каким критериям узнают структурализм? // Метафизические исследования: альманах Лаборатории метафизических исследований при Философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 1998. Вып. 5. С. 275–287; Вып. 6. С. 215–234.

²⁹ *Автономова Н. С.* Указ. соч. С. 222.

³⁰ *Choat S.* Marx through Post-Structuralism. L., 2010. P. 25.

³¹ *Карш С.* Теория и политика: Луи Альтюссер. М.: Прогресс, 1975. С. 14–19, 42–47.

³² *Альтюссер Л.* За Маркса. М., 2006. С. 330.

³³ *Eagleton T.* Ideology. An Introduction. N.Y.; L., 2007. P. 215.

³⁴ Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века М., 2009. С. 199.

³⁵ Там же. С. 205.

³⁶ *Alker H.* Rediscoveries and Reformulations. Humanistic Methodologies for International Studies. Cambridge, 1996. P. 304.

³⁷ *Барт Р.* Мифологии. М., 2014. С. 265.

³⁸ Там же. С. 283.

³⁹ Там же. С. 305.

⁴⁰ *Паршин П.* Государство и цивилизация в современных международных отношениях. Аналитические записки ИМИ. 2009. Вып. 4.

⁴¹ См.: *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2012; *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006; *Musolff A.* Political Metaphors Analysis. Discourse and Scenarios. L.; Oxford; N.Y.; Delhi; Sydney, 2016.

⁴² *Урри Дж.* Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М., 2011. С. 37–75; *Печерская Н. В.* Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального знания // Полис. 2004. № 2. С. 96.

⁴³ *Бирюков Н. И., Сергеев В. М.* Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004. С. 278.

⁴⁴ *Хиришман А.* Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М., 2010. С. 176.

⁴⁵ Там же. С. 20.

⁴⁶ Там же. С. 83.

⁴⁷ Там же. С. 53.

⁴⁸ Там же. С. 92.

⁴⁹ Там же. С. 134.

Литература

Автономова Н. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М., 2009.

Алексеева Т. А. Дискурсивный анализ во внешней политике: основания и практики // Межсекционный сборник № 1 «Международные отношения и мировая политика» (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014). М.: МГИМО, 2015. С. 9–21.

Барт Р. Мифологии. М., 2014.

- Барт Р.* Нулевая степень письма. М., 2008.
- Гароди Р.* Структурализм и «смерть человека» // *Философия и общество.* 1998. № 2.
- Гухман М. М.* Исторические и методологические основы структурализма // *Основные направления структурализма.* М.: Наука, 1964. С. 28.
- Джеймисон Ф.* Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург, 2014.
- Зенкин С.* Ролан Барт — теоретик и практик мифологии // *Барт Р. Мифологии.* М., 2014. С. 23–29.
- Ильин М. В.* Перспективы политического дискурса-анализа в России // *Дискурс — Пи.* 2006. № 1.
- Карш С.* Теория и политика: Луи Альтюссер. М.: Прогресс, 1975.
- Косиков Г. К.* От структурализма к постструктурализму. М.: Рудомино, 1998. С. 23–24.
- Кэмерон Д.* Разговорный дискурс. Харьков, 2015. С. 122.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2012.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001. С. 32.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб., 2009.
- Поселягин Н.* Ранний российский структурализм: «долотмановский» период // *Новое литературное обозрение.* 2011. № 3.
- Пропп В. Я.* Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998. С. 20.
- Русская интеллектуальная революция 1910–1930 годов: Материалы международной конференции. М., 2016. С. 5.
- Стайнер П.* «Формализм» и «структурализм» // *Имя. Сюжет. Миф* / Под ред. Н. М. Герасимовой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996.
- Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. М.: ИНИОН, 2008.
- Хиршман А.* Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М., 2010.
- Choat S.* Marx through Post-Structuralism. L., 2010.
- Eagleton T.* Ideology. An Introduction. N.Y.; L., 2007.
- Howarth D.* Power, discourse, and policy: articulating a hegemony approach to critical policy studies // *Critical Policy Studies.* 2010. Vol. 3. No 3–4. P 303–335.
- Marchart O.* Post-Foundational Political Thought. Edinburgh, 2007.
- Musolff A.* Political Metaphors Analysis. Discourse and Scenarios. L.; Oxford; N.Y.; Delhi; Sydney, 2016.
- Petit F.* The Concept of Structuralism. A Critical Analysis. Cambridge, 1977.

Раздел **II**

КУЛЬТУРА, ЛИЧНОСТЬ, ЦЕННОСТИ

15. АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова

Политическая антропология, международные отношения, международная конкуренция, личностное измерение политики, национальный характер

У истоков новой дисциплины

«**А**нтропология» — «наука о человеке». Она зародилась в Античности. Но «как название дисциплины понятие антропология восходит не к Античности, а является новообразованием, характеризующим *обращение мышления к самому человеку*, которое произошло между XVI и XVIII веками»¹.

С накоплением и дифференциацией знаний о человеке термин «антропология» начинает использоваться для обозначения *комплекса научных дисциплин*, исследующих человека в разных измерениях. Выделяют «физическую антропологию» как науку о происхождении и эволюции человека; «культурную антропологию», исследующую культурную специфику народов; «социальную антропологию», изучающую связи человека с обществом. При этом и в культурной, и в социальной антропологии в центре внимания изначально оказываются архаичные общества, а позднее — локальные неформальные общности. В XX в. на антропологическом «древе» вырастает новая «ветвь»: «политическая антропология». Одни видят в ней философскую дисциплину, «которая изучает человека как “политическое животное”... Она является ответвлением политической философии»². Другие смотрят на нее как на политологическую дисциплину, которая исследует «человека политического» и, в отличие от других отраслей политической науки, «представляет сторону субъекта»³. В 1920-е годы складывается «философская антропология», выделяющая в качестве своего предмета «сферу “собственно человеческого” бытия, собственной природы человека, человеческой индивидуальности»⁴. И это далеко не все.

Но «семья» антропологических дисциплин продолжает расти. В настоящее время идет формирование нового ее «члена» — **антропологии международных отношений**⁵, представляющей собой *концептуальное осмысление последних как*

человеческих отношений. При этом она берет на вооружение некоторые подходы и принципы, выработанные существующими антропологическими науками, равно как и полученные ими результаты.

Формирование новой дисциплины протекает в русле наметившегося еще в конце прошлого века «антропологического поворота» в гуманитарных и общественных науках. Но есть и частная причина. Это ощущаемая многими теоретиками и практиками потребность преодоления узкой, имеющей ограниченную объяснительную и прогностическую силу, государствоцентристской интерпретации международных отношений. И сопутствующее понимание того, что эти отношения суть *человеческие отношения*: их непосредственными строителями являются не абстрактные «государства» и организации, а стоящие за ними *конкретные живые люди* — мужчины и женщины, умные и недалекие, молодые и старые, здоровые и больные, «маленькие» и «великие», интроверты и экстраверты. Люди, выросшие на разных ценностях, представляющие разные культуры и цивилизации и никогда не повторяющие полностью друг друга. Именно к ним, а не к безликому «человеческому фактору» или «человеческому материалу» (жутковатое словосочетание из арсенала философа-гуманиста Александра Зиновьева) и обращается антропология международных отношений.

На нее уместно распространить оценку, которую отечественный политолог А. С. Панарин дал политической антропологии: она «противостоит “системному” фетишизму — представлению об автоматически действующих механизмах власти и управления, о человеке как “исчезающей малой величине” в политическом процессе, а также узколобому прагматизму, упускающему из виду гуманистическое, ценностное измерение политики»⁶. Надо, впрочем, сразу пояснить, что в теоретико-методологическом плане антропология международных отношений нацелена не на отрицание роли государства в их формировании, а на корректировку его функций в этом процессе и в итоге — на более глубокое понимание внешней политики государств, международных отношений и мировой политики.

Новая дисциплина ставит перед собой несколько задач, решаемых с учетом пространственно-временных изменений, приносимых историей. Это, прежде всего, — *утверждение в общественном сознании и науке представления о том, что именно живые, конкретные люди, а не обезличенные абстрактные структуры являются непосредственными творцами международных отношений.*

В числе главных задач — *исследовать, что представляют собой — в количественном, качественном и сущностном измерениях — люди, выстраивающие международные отношения; и как родовые (природа человека, национальный характер, гендерная, расово-этническая принадлежность) и индивидуальные (здоровье, возраст, опыт, психологические особенности и т.п.) характеристики этих людей влияют на создаваемый ими продукт.*

С поисками ответов на эти вопросы связана и задача *исследования меры, пределов и условий антропологической детерминированности международных отношений*. Важно понять, каковы *границы воздействия* на них со стороны человека, какова *степень его творческой свободы* и *какие антропологические характеристики обнаруживают наибольший креативный потенциал* в условиях этой свободы.

За последние полвека в международные отношения напрямую включились десятки народов, находящихся на разных уровнях социального и политического развития (включая жителей «традиционных» обществ). Это ставит перед антропологией международных отношений непростую задачу:

- исследовать (в динамике и сравнении) место и роль разных народов и их индивидуальных представителей в этих отношениях, степень и характер их включенности в последние, а также уровни, каналы и последствия влияния представляемых этими народами культур и цивилизаций на международные отношения и мировую политику.

Международные отношения не только формируются человеком — они формируют человека, влияют на его жизнь. *Исследование этого обратного воздействия* тем более актуально, что нынешняя эпоха отмечена вовлеченностью практически всех стран в международные дела. И есть страны, претендующие на глобальное и региональное лидерство.

Если согласиться с утверждением, что в глобализирующемся мире происходит *формирование «человека международного»*, который в своем сознании, ценностных и политических ориентациях, потребностях, поведении выходит за пределы одного государства (не превращаясь в космополита), то встает задача *исследования этого процесса и его возможных результатов*.

Антропологический подход ориентирован и на решение практических задач. Это *гуманитарная экспертиза* разрабатываемых нормативных актов, регулирующих международные отношения. Это также *выработка установок (способных лечь в основу политических рекомендаций) на гуманизацию отношений между народами*, на улучшение положения человека в его собственной стране и в мире в целом. Каждый отдельный человек — часть народа, а каждый народ — часть *человечества*. Они обуславливают существование друг друга. Из этого и должна исходить антропология международных отношений.

Вопрос о *методах исследования*, адекватных задачам, стоящих перед новой дисциплиной, будет во многом решаться, как это происходит в подобных случаях, в ходе исследовательской практики. Но очевидно и то, что тут не обойтись без таких традиционных методов, как наблюдение, изучение документов, контент-анализ, моделирование, построение сценариев, системный подход. Полезными могут оказаться опросный, сравнительно-исторический и биографический методы.

«Кирпичики», из которых строится антропология международных отношений, разнородны; формировали их в разное время очень разные мыслители —

Сократ, Платон, Аристотель, Сенека, Гроций, Вико, Гоббс, Монтескье, Юм, Фейербах, Чернышевский, Маркс, Энгельс, Ницше, Плеханов, Иван Ильин, Ленин, многие другие. А предтечей новой дисциплины по праву следует считать Канта. В числе современных специалистов, участвовавших в формировании этих «кирпичиков», — Э. Баталов, Ю. Витткопф, Г. Гачев, М. Жирар, Ч. Кигли-мл., А. Кузнецов, М. Лебедева, В. Михеев, Г. Моргентау, А. Панарин, Д. Розенау, Дж. Тикнер, Д. Фельдман, другие исследователи.

Международные отношения как антропологический диалог

Международники часто говорят о пользе диалога. Диалог — это «разговор между двумя или несколькими лицами»⁷, т.е. межличностная коммуникация, осуществляемая языковыми средствами, или вербальная коммуникация. Она строится как попеременный обмен репликами между участниками диалога. При этом под «репликой» филологи понимают «высказывание действующего лица»⁸, «ответ, возражение, замечание на слова собеседника, говорящего»⁹ и т.п.

В диалоге реплика каждого участника представляет собой ответ (отзыв) на предшествующую — хотя и не обязательно «соседнюю» — реплику (вызов) другого участника (других участников) и при этом сама выступает в качестве «вызова», а далее все повторяется. И вот что важно: каждый «отзыв» строится с учетом содержания и смыслов «вызова» и предполагает такую же ответную реакцию. В итоге все эти взаимообусловленные реплики складываются в диалогическую *цепь* (при двух) или *сеть* (при большем числе участников).

В диалоге, как вербальной коммуникации, политики видят средство согласования позиций взаимодействующих сторон и даже «сближения цивилизаций». Но диалог может рассматриваться и как явление, *выходящее за пределы вербальной коммуникации*. Психологи расширяют понятие реплики, полагая, что «в широком смысле репликой считается и ответ в виде действия, жеста, молчания»¹⁰. Это позволяет *сами международные отношения рассматривать как своеобразный диалог*, в котором вербальные коммуникации дополняются невербальными (поведенческими). Большое влияние на характер и содержание диалога во всех его смыслах оказывают социокультурные и психологические характеристики его участников.

При таком подходе любой значимый внешнеполитический акт, будь то переговоры, конфликт с соседом и т.п., следует рассматривать как звено в цепи (сети) реплик, составляющих международный диалог, т.е. как «отзыв» на какой-то единичный или множественный «вызов». Наглядное подтверждение диалогической природы международных отношений — гонка вооружений.

Диалогический подход ориентирует на *контекстуальную интерпретацию* человеческих действий и высказываний, рассмотрение их как *промежуточного звена* в сложной цепи (сети) причинно-следственных связей. Он позволяет высветить в поведенческом акте субъекта нечто такое, что осталось бы скрытым, если бы мы рассматривали его сам по себе (как это чаще всего и происходит), и, возможно, дать ему иную оценку. Например, нынешняя внешняя политика России может оцениваться по-разному в зависимости от того, видим мы в ней неспровоцированный «рецидив имперских амбиций» (как утверждают ее недруги) или ответ на приближение НАТО к ее границам и другие провокационные акции.

Дуалистичность человеческой природы и проблемы мира и войны

Одно из центральных мест в антропологии международных отношений занимает вопрос о **природе человека**. От наших представлений о ней зависит и понимание того, что такое человек, чего можно ожидать от него, и понимание того, как могут складываться международные отношения и какой мировой порядок мы способны построить.

Кто-то считает природу человека иллюзией. Но большинство полагают, что в ходе истории сложилась «совокупность стойких, неизменных черт, общих задатков и свойств, выражающих особенности *человека*, как живого существа и присущих человеку разумному во все *времена* независимо от биологической эволюции и исторического процесса»¹¹. Это и есть человеческая природа.

Еще Юм заметил, что ее истолковывают по-разному. И тем не менее в суждениях многих мыслителей о человеке просматривается ряд устойчивых представлений, раскрывающих его природу. Это, прежде всего, взгляд на человека как *существо разумное*. Об этом говорили многие мыслители. А термин *homo sapiens* (человек разумный) ввел, утверждают историки, Карл Линней. Другая сущностная характеристика человека — его *социальная (общественная) природа*. Первым об этом сказал Аристотель: «...человек — по природе [существо] общественное»¹². В новое время эта мысль с легкой руки Ш.-Л. Монтескье получает широкое распространение. А в марксизме становится базовой. Маркс неоднократно повторяет: «Индивид есть *общественное существо*»¹³. Так думали и думают многие.

Это не мешало и не мешает им считать человека животным. Определение Аристотеля — *zoon politikon* — переводили и как «существо общественное», и как «существо политическое», но буквально оно означает «животное полисное». Неоплатоник Плотин утверждал: «Человек занимает среднее место между богами и животными, временами достигая божественных высот, временами уподобляясь зверям»¹⁴. Маркс, объяснявший, что сущность человека

«есть совокупность всех общественных отношений»¹⁵, не отрицал, что «человек по самой своей природе есть животное...»¹⁶. А Энгельс был убежден, что «человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному, и, следовательно,... речь может идти только о различной степени животности или человечности»¹⁷. Христианство верит, что человек создан «по образу и подобию Божию», т.е. сверхприроден. Вместе с тем он причастен миру природы, поскольку сотворен из двух начал: «дыхания жизни» от Бога и «праха земного».

Давно и многими подмечено, что в человеке *уживаются два начала — добро и злое*. Теолог Александр Мень объяснял: «Человек не должен быть жестко запрограммирован на добро. Его достоинство как существа, подобного Творцу, позволяет ему свободно самоопределяться, выбирать собственный путь, вплоть до негативного отношения к высшей Воле»¹⁸. И человек часто мнит себя Богом.

Глубокие суждения о добром и злом в человеке находим у Канта. Человеку «присуща склонность деятельно стремиться к недозволенному, хотя он и знает, что это не дозволенно, т.е. к злу...»¹⁹. Но в человеке присутствует и доброе начало. Примечательно название части первой трактата «Религия в пределах только разума»: «О существовании злого принципа наряду с добрым, или об изначальном зле в человеческой природе».

В числе «зататков добра» Кант называет стремление к самосохранению, к продолжению человеческого рода, к общительности, к признанию своей ценности во мнении других, способность воспринимать уважение к моральному закону. Он подчеркивает, что между добрым и злым нет пропасти, они способны переходить друг в друга и человек как существо моральное никогда не может исчерпать все свои задатки доброго.

Природа человека обнаруживает, таким образом, свою *дуалистичность*. Ее не раз пытались изменить путем создания «совершенного человека», способного построить «совершенный мир». Те, кто исходил из представления о преимущественно социальной детерминированности этой природы, стремились преобразовать социальную среду. Утописты организовывали коммуны. Российские большевики построили Советский Союз и попытались воспитать «нового человека». Те, кто отводил определяющую роль биологическому фактору, делали ставку на биотехнологию как средство конструирования человека с заданными свойствами²⁰.

В обоих случаях результаты были одинаковы: изменить природу человека к лучшему не удалось. Вот и нынешние международные отношения строит все такой же *homo sapiens*, какой строил их сто и двести лет назад: в одном лице ангел и зверь, добрый и злой, миролюбивый и агрессивный, способный на самопожертвование и на подлость... Эволюция природы человека — естественно-исторический процесс, идет он черепашьям темпом. А за попытки подталкивания безжалостно мстит.

Иммануил Кант (1724–1804) — родился в 1724 г. в Кенигсберге. Прожил в нем всю жизнь — внешне неброскую, внутренне яркую — и там же умер в 1804 г. Преподавал в местном университете. Прославился как великий философ, создатель так называемой критической философии («Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения»). Но Кант был еще и выдающимся политическим мыслителем, автором таких крупных, по сей день сохраняющих теоретическую и практическую ценность, работ, как «К вечному миру» (1795), «Метафизика нравов»

(1797), «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) и других. Канта-философа и Канта — политического мыслителя роднит гуманизм. Человек для него — высшая ценность. «Цель всех успехов в области культуры, которые служат школой человеку, — применить полученные знания и навыки к миру; но наиболее важный предмет в мире, к которому эти знания могут быть применены, — это человек, поскольку он есть собственная последняя цель»²¹.

Пути установления на земле «вечного мира» и обеспечения безопасности; природа человека; специфика национальных характеров; права и свободы человека; гуманизация отношений между народами и другие проблемы, входящие в предметный круг формирующейся антропологической дисциплины, живо интересовали Канта и исследовались им. Это позволяет считать его предтечей антропологии международных отношений. Кант оставил нам требовательный девиз-завещание: «Имей мужество пользоваться *собственным* умом!»²²

В международных отношениях природа человека проявляется через внешне-неполитическое поведение как мотивированные действия субъектов, направленные на достижение определенных целей. К этим действиям относятся установление и поддержание отношений с другими субъектами; создание союзов, блоков, коалиций; ведение переговоров; осуществление разного рода операций; война и т.п.

Существенный фактор формирования поведения индивида — его *потребности*, понимаемые как «состояние... создаваемое испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития, и выступающее источником его активности»²³. Из всех типологий потребностей наиболее широкую известность получила конструкция, созданная американским психологом Абрахамом Маслоу и известная как иерархическая «пирамида потребностей»²⁴ (существующая в разных вариантах). Согласно ей поведение индивида направляется последовательно: 1) физиологическими потребностями; 2) потребностью в безопасности (самосохранении, выживании); 3) потребностями в любви, принадлежности к какой-либо социальной группе (социальные потребности); 4) потребностями в признании и оценке со стороны других;

5) познавательными потребностями (потребность в информации, жажда знаний); 6) эстетическими потребностями (желание привнести в мир гармонию и красоту); 7) потребностью в самоактуализации (реализации человеком своих способностей и талантов). При этом более высокие потребности начинают играть направляющую роль в поведении по мере удовлетворения более низких потребностей.

Встает вопрос: а не испытывает ли человек такой же потребности в насилии и войне, как в безопасности и самореализации? В книге «Изобретение (!) мира» историк Майкл Ховард утверждает: «Археологические, антропологические, а также сохранившиеся документальные свидетельства говорят о том, что война, вооруженный конфликт между политически организованными группами, является всеобщей исторической нормой»²⁵. О том, что войны свойственны всем культурам, говорил и американский психолог Гаролд Лассуэлл. Истоки воинственности он видел в фобиях, формирующихся у человека еще в детстве, в тревожащем его чувстве личной незащищенности (*personal insecurity*)²⁶. В подсознании человека живет страх перед увечьем — порой столь сильный, что единственный выход видится ему в том, чтобы напасть самому. Для этого нужен враг, а врага чаще всего находят на международной арене.

Немало людей, включая великих, считали, что без войны общество деградирует. По словам Гегеля, «война сохраняет здоровую нравственность народов» «подобно тому, как движение ветра предохраняет озера от гниения, которое грозит им при длительном затишьи...»²⁷. Еще жестче высказывался Ницше. Но были мыслители, которые отвергали войну и искали пути избавления от нее — даже если считали, что склонность к насилию укоренена в человеке. «...Жажда ненависти и разрушения находится в самом человеке»²⁸, — с горечью писал Эйнштейн Фрейд в 1932 г. «Вы поражены, — отвечал Фрейд, — что людей столь легко инфицировать военной лихорадкой, и полагаете, что за этим должно стоять нечто реальное — инстинкт ненависти и уничтожения, заложенный в самом человеке, которым манипулируют подстрекатели войны. Я полностью согласен с Вами»²⁹. Но, отмечая, что человеку присущи как влечение к «сохранению и объединению», так и влечение к «разрушению и убийству», Фрейд предостерегал от отождествления первого с добром, а второго — со злом. Эти инстинкты не существуют друг без друга, «и все явления жизни происходят от их деятельности, работают ли они в согласии или в оппозиции»³⁰. Инстинкт к самосохранению — это тот самый инстинкт, который побуждает к агрессивным действиям. Отсюда вывод: «Целая гамма человеческих побуждений может стать поводом для вовлечения нации в войну... Среди этих побуждений жажда агрессии и разрушения, несомненно, присутствует...»³¹

Крупнейший биолог XX в. Конрад Лоренц видел в агрессивности инстинкт борьбы против собратьев по виду и полагал, что она присуща не только животным, но и человеку. В книге «Так называемое зло» (которую ученый почему-то посвятил жене) он утверждал: «Агрессия... — такой же инстинкт, как все осталь-

ные, и в естественных условиях она, как и другие инстинкты, служит сохранению жизни и сохранению вида»³². Лоренц понимал, что потребность в агрессии побуждает людей вести войны, которые не одобрял, но выражал опасение, что попытки устранить агрессию могли бы привести к нежелательным последствиям. Вместе с тем Лоренц полагал, что, когда некоторый инстинкт начинает причинять вред, «всегда создается особый тормозящий механизм, и он, будучи приспособлен к новой ситуации, предотвращает вредные проявления инстинкта»³³.

Суждения Лоренца и других ученых, построенные на богатой эмпирической базе, подводят к выводу, что инстинкты — это не потребности. Но они способны стимулировать их. Причем одни и те же инстинкты, включая агрессию, могут питать разные потребности, а удовлетворение последних — приводить к разным результатам.

Лоренц верил, что агрессию можно до известной степени «переориентировать». Тут на помощь могут прийти спорт, общие проекты, объединяющие людей (то же освоение космоса), «состязания между народами» в разных областях, воспитание людей в духе дружбы народов, наука и искусство. В сущности, речь идет о *культуре*. Надежды на культуру возлагал и Фрейд: «...предрасположенность человека к культуре и вполне обоснованный страх перед будущим, заполненным войнами, способны в обозримом будущем положить конец войне... Все то, что в той или иной форме сделано для развития культуры, работает против войны»³⁴.

Способствовать установлению мира может и политика. Кант утверждал, что «состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны, т.е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза»³⁵. А это значит, что мир не приходит сам собой. «...Состояние мира, — настаивал Кант, — должно быть установлено»³⁶ через «федерализм свободных государств», «гражданское устройство» каждого из которых «должно быть республиканским»³⁷. Кант был убежден в осуществимости идеи федерации, которая реализуется «мирным союзом» свободных суверенных государств и «которая должна охватить постепенно все государства и привести таким путем к вечному миру»³⁸.

Кант понимал, что положить конец «всем войнам и навсегда» очень трудно, и воздерживался от прогнозов относительно сроков реализации своего «философского проекта», осторожно замечая, что «можно льстить себя надеждой, что мы приближаемся к нему»³⁹.

Нынешняя ситуация в мире не дает оснований для таких надежд. Но есть и повод для оптимизма. Вот уже шесть десятилетий мы живем без мировой войны. Она могла начаться не раз. В октябре 1962 г. мир висел на волоске. Но и тогда его удалось сохранить, потому что люди, принимавшие судьбоносные решения, ощутили дыхание бездны. Не означает ли это, что человек в принципе способен гасить кризисы, угрожающие его существованию, когда он попадает в поле высокого экзистенциального напряжения?

Индивиды — строители международных отношений

Если международные отношения — это диалог, то кто его участники? На протяжении долгого времени в общественном сознании господствовал подход, который можно назвать «*государецентристским*»: отношения между государствами формируют их правители (государя). В XX в. укрепляется «*государствоцентристский*» подход: на смену живым «героям» приходят безликие институциональные образования — государства. В дальнейшем (с легкой руки Макса Вебера) начинает формироваться «*индивидоцентристский*» подход, согласно которому общественные отношения формируют отдельные люди (индивиды). Из такого подхода исходит и антропология международных отношений: *непосредственными строителями этих отношений являются живые конкретные люди, накладывающие на них печать своей личности*⁴⁰.

Весь массив индивидов, участвующих в той или иной мере в формировании международных отношений, можно условно представить в виде многоуровневой **персонологической пирамиды**. Чем выше уровень, тем меньше индивидов он охватывает, но тем шире их возможности и тем в большей мере их личностные качества способны влиять на международную жизнь. Но тут необходимо каждый раз делать поправку на характер общественно-политической системы, в рамках которой локализована эта пирамида: в демократиях рядовые граждане имеют возможность оказывать большее влияние на внутреннюю и внешнюю политику, а «верхи» находятся под большим контролем с их стороны.

Самый массовый уровень, лежащий в основании пирамиды, — миллионы *рядовых граждан*. Они не отличаются повседневной социальной активностью, но время от времени включаются в политическую жизнь общества (выборы, протестные акции и т.п.) и являются пользователями (сегодня это важно!) социальных сетей. Не последнюю роль играют рядовые граждане демократических стран и в формировании общественного мнения по вопросам международных отношений, с которым власти не могут не считаться.

Второй, менее многочисленный уровень — *политические активисты*. Они действуют автономно или в рамках национальных и международных организаций (правозащитных, экологических и т.п.) и часто выступают в качестве добровольных агитаторов и организаторов политической жизни на уровне «корней травы».

Третий уровень — *VIP-персоны*. Не всегда имея на руках соответствующий мандат, они, тем не менее, способны в силу личного авторитета, богатства, положения в обществе, харизмы оказывать влияние — порой существенное — на международную жизнь. К их услугам временами прибегают (не обязательно сообщая об этом) государства и международные институты.

Четвертый уровень — *дипломаты*, это агенты государства, и *международные чиновники*. Особое положение занимает *руководитель внешнеполитического ведомства*. Именно он отвечает за организацию его работы и ее общие результаты. О значимости роли министра иностранных дел говорит тот факт, что главы правительств порой оставляют себе его портфель.

Венчает пирамиду *руководитель государства*. Именно ему принадлежит решающее слово во внешней политике. Оно особенно весомо, когда исходит от выдающихся персон — таких, как Петр I, Екатерина II, Наполеон Бонапарт, Сталин, Черчилль, де Голль, Франклин Рузвельт, Неру, Мао Цзэдун.

В своей последней книге «Люди имеют значение!»⁴¹ Дж. Розенау проводит мысль, что индивиды, играя *повседневные роли* (действуя на «микроуровне») внутри страны и/или за ее пределами, влияют тем самым на процессы, происходящие на «макроуровне» — на уровне государств, крупных организаций и т.п. При этом в обществе складывается типичный для данного времени набор ролей.

Розенау включает в него «активистов», «официальных лиц», «избирателей», «путешественников», «верующих», «солдат», «должностных лиц корпораций», «рабочих», «распространителей информации». А есть еще «космополиты», «террористы», «профессора», «иммигранты», «потребители», «сетевые работники» (*networkers*), «журналисты и блогеры», «студенты», «художники» (*artists*) и еще, еще, еще...

В глобализирующемся мире, где события, происходящие в одном его конце, получают немедленный отклик в другом; где ширятся контакты между людьми; где информационные технологии сжимают «шарик» в пространстве-времени, исполнение индивидами своих повседневных ролей способно, утверждает Розенау, вызывать планетарный резонанс и влиять на международные отношения.

Американский профессор фиксирует реальную ситуацию, свидетельствующую о том, что *международные отношения могут строиться не только целенаправленным, но и стихийным, неконтролируемым образом* в процессе повседневной жизни миллионов людей. Конечно, естественное ролевое влияние не следует переоценивать, но и не принимать его в расчет сегодня тоже нельзя. *А что за люди строят международные отношения?*

Каждый индивид воплощает определенные *психологические и психофизиологические типы личности*, без учета которых не понять его внутренний мир и особенности поведения⁴². Важно также определить, к каким *политическим типам* принадлежит строитель международных отношений. На них мы и остановимся, начав с типологии, разработанной Г. Лассуэллом еще в 1930 г., но и по сей день востребованной аналитиками. Источник политического поведения он искал в индивидуальных психических процессах и считал, что в политику чаще всего идут люди, обуреваемые страстью к самоутверждению. Ими движет стремление к господству над другими. И за этим нередко стоит скрытая патология.

Лассуэлл делил политиков на три типа: «администраторов», «агитаторов», «теоретиков», совмещающихся иногда — в разном сочетании — в одном лице. «Агитатор» готов подчинить личные интересы высшим требованиям исповедуемого им принципа, он резко обличает других, ему нравится «гладить против шерсти». Это не что иное, как проекция гнездящегося в его психике чувства вины, приносящая психическое облегчение. «Администратор — это координатор усилий [людей], предпринимаемых ими в процессе текущей деятельности»⁴³. «Администраторы» делятся на два подтипа. Одни переполнены идеями, других новое привлекает мало. Одни предпочитают работать под руководством снисходительного начальника, другие ломаются, если на них не давят сверху. Влияние одних проистекает из авторитета их позиции, влияние других — из личного авторитета. Одни ориентированы на детально разработанные задания, другие мыслят категориями общей политики⁴⁴. О «теоретике» Лассуэлл говорит вскользь, исходя из того, что «большинство теоретиков были в некоторой степени и агитаторами, и зачастую — дело вкуса, где следует сделать акцент на той или иной особенности их деятельности. Характерно, что теоретики стремились взывать к чувствам своих современников через памфлеты или направляли свои умозрительные интересы на непосредственные цели»⁴⁵.

Вопрос о специфике проявления описанной типологии в международной сфере остается открытым, но логично предположить, что поскольку все лица, формирующие внешнюю политику, относятся к тому или иному типу (типам), то, принимая решения международного плана, они мыслят и действуют соответствующим образом.

Международники-теоретики Ч. Кигли и Ю. Витткопф, опираясь на исследования коллег, выделяют «десять типов личности, воплощающих кластеры черт, играющих особо важную роль в формировании внешней политики»⁴⁶. Уязвимая в методологическом плане, эта типология интересна тем, что раскрывает распространенные представления о доминантных чертах индивидов, формирующих внешнюю политику государства.

Первый тип — «*националист*». Он ставит собственную нацию-государство превыше всего и отстаивает его право на утверждение своего превосходства (*superiority*).

Второй тип — «*милитарист*», рассматривающий использование силы как законное средство достижения национальных целей.

Третий тип — «*консерватор*», человек нетерпимый, негибкий, испытывающий страх перед новым.

Четвертый тип — «*прагматик*». Ему свойственны беспринципность и амбициозность, он признает только то, что ведет к успеху.

Пятый тип — «*параноик*». Фигура неожиданная, если учесть, что параноиками могут быть представители разных типов. Но специфика американской политической истории подталкивает авторов к выделе-

нию этого типа как самостоятельного. Параноик, поясняют Ч. Кигли и Ю. Витткопф, убежден в том, что ему хотят причинить ущерб, и эта убежденность становится движущей силой его поведения.

Шестой тип — «*макиавеллист*», политик-манипулятор, готовый принести в жертву общепризнанную мораль, если она препятствует достижению цели.

Седьмой тип — «*истинно верующие*» (*true believers*). Это «фанатики, идеологи, террористы и крестоносцы», нетерпимые к иностранцам и стремящиеся распространить образ жизни своей нации на весь мир.

Восьмой тип — «*авторитарист*», человек склонный к установлению жесткого порядка и ратующий за «сильную руку».

Девятый тип — «*антиавторитарист*». Это идеалист, оптимист, сторонник перемен, импульсивно склоняющийся к левым взглядам.

Десятый тип — «*догматик*», человек ригидный, склонный к почитанию авторитетов, приверженец сложившихся доктрин.

Ч. Кигли и Ю. Витткопф признают, что описанные ими «личностные синдромы» «не являются ни исчерпывающими, ни взаимоисключающими, и одни часто сочетаются (*associate*) с другими»⁴⁷. Но полагают, что предложенная типология помогает разобраться в том, что за люди строят сегодня внешнюю политику государства.

Заслуживают внимания *типологии внешнеполитического лидерства*, описываемые Барбером, Стоссинджером и Херманн. Американский психолог Джеймс Барбер оценивает деятельность руководителей государства (президентов) по степени их активности при исполнении служебного долга (объективная сторона дела) и степени их удовлетворенности своей деятельностью (субъективная сторона дела)⁴⁸. По Барберу, главы государств бывают «активными» и «пассивными», а оценка деятельности может быть «позитивной» и «негативной». «Активные» руководители энергично откликаются на бросаемые им «вызовы», ответственно относятся к работе, проявляют инициативу. «Пассивные» стараются не нарушать сложившийся порядок вещей, избегают действий, чреватых конфликтами, и не спешат проявлять инициативу.

Комбинируя четыре показателя, Барбер получает четыре типа «президентского характера»: «активно-позитивный», «активно-негативный», «пассивно-позитивный» и «пассивно-негативный». «Активно-позитивные президенты больше всего хотят добиться [положительных] результатов. Активно-негативные нацелены на завоевание и удержание власти. Пассивно-позитивные хотят добиться любви [народа]. Пассивно-негативные делают упор на свою гражданскую добродетель»⁴⁹. Для активно-позитивного типа характерен рационалистический подход к политике; активно-негативный тип склонен к агрессивности; пассивно-позитивный тип проявляет готовность к сотрудничеству с окружающими и испытывает довольно сильную зависимость от них; пассивно-негативные лидеры больше других склонны руководствоваться

в своей деятельности чувством долга. Барбер приходит к выводу, что президенты с активно-позитивными чертами лучше других способны проводить внешнюю политику, отвечающую вызовам времени и востребованную в кризисных ситуациях, т.е. наивысшей оценки удостоивается тип лидерства, проникнутый оптимизмом и свободный от рефлексий и сомнений.

Джон Стоссинджер⁵⁰ выделяет два типа индивидов, принимающих решения, — «крестоносца» (*crusader*) и «прагматика» (*pragmatist*). «Крестоносец склонен принимать решения, основываясь не на опыте, а на предубеждениях. Даже если имеются альтернативы, он обычно не рассматривает их... Он не терпит возражений, и советники обычно говорят ему то, что он хочет услышать»⁵¹. Исполненный благих намерений, «крестоносец» стремится сделать мир лучше, но результат часто оказывается обратным желаемому.

Иное дело — «прагматик». Это человек, принимающий «вполне разумные» решения. В отличие от упрямого «крестоносца» он готов выслушивать советы и критику, стремится опираться на факты, изучает альтернативы. Он гибок, нацелен на политику, соответствующую реальности, и при ее изменении меняет свой курс (стараясь при этом не ударить в грязь лицом). «Прагматик» может не иметь всеохватывающего плана осуществления внешней политики. Но его практичный ум способен схватить ее общую философию. «...Прагматик всегда сопоставляет свой план с фактами собственного опыта. Если план не соответствует фактам, он будет изменен. А вот крестоносец пожертвует нежелательными фактами в пользу идеи фикс»⁵². Неудивительно, что сам Стоссинджер отдает предпочтение прагматике.

Оригинальную типологию лидерства в сфере внешней политики (несущую печать времени) предложила в конце 1990 г. крупный американский психолог Маргарет Херманн. Она исходит из представления о четырех «проявлениях» лидерства: характера лидера; свойств его конституэнттов, т.е. сторонников; типа связи между лидером и конституэнтами; ситуации, в которой осуществляется лидерство. Комбинации этих «проявлений» дают «четыре собирательных образа» лидера: «знаменосца» («великого человека»), «служителя», «торговца» и «пожарного»⁵³.

У «знаменосца» есть «мечта», которую он стремится, ведя за собой своих приверженцев, воплотить в жизнь. Он самостоятельно оценивает характер происходящего и формирует политическую «новостку дня». «Служитель» чувствует себя комфортнее всего в качестве «выразителя интересов» своих конституэнттов и действует от их имени. «Торговцу» важно убедить своих сторонников в том, что его планы — это их планы, и заставить «купить» их. Ну а «пожарные» «тушат» возникающие в обществе «пожары», «т.е. реагируют на те проблемы, которые окружающая среда предъявляет их конституэнтам...».

На мировой арене национальные лидеры играют роль посредников между своими конституэнтами и лидерами других наций и международных организаций и таким образом оказываются участниками двойной игры — на уровне

внутренней политики и на уровне дипломатии. Но этим дело не ограничивается. Лидеру одной страны, взаимодействующему с лидером другой, важно знать, чего ждут от последнего его сторонники, и учитывать это в своей политике по отношению к нему. Лидер должен также учесть, как двусторонние отношения впишутся в существующую систему международных отношений. Значит, «игра» должна вестись на четырех уровнях. А чтобы никто не оказался в проигрыше, следует научиться мысленно ставить себя на место Другого.

Авторы рассмотренных типологий распространяют их на политиков, в первую голову — на лидеров государственного уровня. Но, как показывает практика, описанные ими типические характеристики присущи в той или иной мере многим индивидам, вовлеченным в международные дела и порой берущим на себя лидерские функции.

Отдельные типологии рассматривают индивида лишь в каком-то одном аспекте. Только взятые вместе они «высвечивают» личность с разных сторон, более полно раскрывая ее специфику и сущность. Надо также иметь в виду, что в каждом обществе существует наиболее распространенный в данной социокультурной среде массовый тип личности («модальная личность»), оказывающий ощутимое влияние на характер внутренней и внешней политики страны. Забитый индивид с рабской или патерналистской психологией и индивид свободный, активный будут поддерживать разную политику и ориентировать власть на разное поведение на международной арене.

На поведение индивида влияют его *биологические характеристики*, к которым психологи относят «физические данные, такие как выносливость, сила, работоспособность, способность преодолевать стрессы и др.»⁵⁴. Не последнюю роль играют *внешние данные*: они «служат основой для восприятия политика со стороны публики»⁵⁵. Важные факторы — *здоровье*, а также *возраст*, с которым связаны принадлежность к определенному поколению (с характерной для него субкультурой), степень физической и умственной активности и многое другое. Тут порой прослеживается преемственность по отношению к практикам и традициям прошлого. Международные массовые движения второй половины XX в. (антивоенные и другие) были в основе своей молодежными. И в нынешних экологических, антиглобалистских и прочих влиятельных международных движениях преобладают люди до 40 лет. А вот в мире дипломатии царят иные порядки: там на ответственные должности редко назначают молодых. Даже в такой «юной» стране, как США, руководителями Госдепа обычно становятся люди, которым «под 50», а чаще — «за 50». Это во многом связано со значимостью профессионального и политического опыта. Его роль в международных отношениях трудно переоценить, а он накапливается с возрастом. Да и житейский опыт сказывается на поведении людей, вовлеченных в международные дела. Никита Хрущев старался избежать войны: он прошел через две «мировые» и настолько возненавидел войну, что, по словам его сына Сергея, не мог даже смотреть военные фильмы. А вот пример иного рода. Военный

министр США Стимсон вычеркнул Киото из списка японских городов, подлежащих атомной бомбардировке, и заменил его на Нагасаки. В Киото он... провел когда-то медовый месяц.

Дают о себе знать уровень образования; особенности воспитания; социальная принадлежность; идеологическая ориентация; вероисповедание; семейный статус; культурный уровень; круг интересов, повседневные привычки. Среди тех же министров иностранных дел были люди без высшего образования и выдающиеся ученые; лентяи (перекладывавшие свою работу на подчиненных) и трудоголики; аскеты и жуиры; верующие и атеисты; трезвенники и алкоголики и т.д. и т.п. И все это отражалось на их работе.

А как сказывается на международных отношениях **гендерный фактор**?⁵⁶ Феминисты (это преимущественно женщины) занимают критическую позицию и в отношении принципов, на которых традиционно строится внешняя политика, и в отношении представлений, на которых базируется традиционная («конвенциональная») наука о международных отношениях. В них обнаруживают «маскулинное» видение мира и игнорирование опыта женщин. Как объясняет известная феминист-международник Дж. Э. Тикнер, женщины «видят **иную** реальность и прилагают **иную** эпистемологию, нежели конвенциональные теоретики международных отношений»⁵⁷. Маргинальное положение позволяет женщинам высказывать «**иные** суждения о мире», задавать «**иные** вопросы» и использовать «**иную** методологию, чтобы ответить на них»⁵⁸.

Феминисты активно обсуждают проблемы безопасности, войны и мира. Многие из них определяют безопасность «в многомерных и многоуровневых терминах — как уменьшение всех форм насилия, включая физическое, структурное и экологическое»⁵⁹ и рассматривают ее как процесс, требующий постоянных усилий. Особо подчеркивается значение связей между личной, национальной и международной безопасностью. Обеспечение безопасности должно включать в себя предотвращение внутренних угроз и отказ от милитаризации общества, которая сама может стать для него угрозой.

Феминисты призывают ориентироваться на такое понимание безопасности, которое берет индивида в качестве отправной точки, и требуют анализировать причины и последствия войн «на микроуровне», с позиций простых людей. Утверждение, что войны ведутся ради защиты женщин, детей и других уязвимых категорий населения, — говорят они, — миф: именно эти люди больше всех страдают от войны (убитые, раненые, изнасилованные, лишившиеся крова и т.п.).

Некоторые феминисты исходят в своих взглядах на международные отношения из представлений о том, что «человеческая природа поддается воспитательному воздействию (*nurturing*) и заключает в себе возможность сотрудничества [людей]»; что идея суверенитета носит искусственный характер и связана «с патриархальным подходом и милитаризмом», и настаивают на понимании безопасности как «всеобщей социальной справедливости»⁶⁰.

Нельзя сказать, что феминисты перестроили науку о международных отношениях. Но голос их слышен. Происходят изменения и на практике. Армия женщин, состоящих на дипслужбе, растет. Есть мнение, что в каких-то случаях на ней лучше проявляют себя женщины, в каких-то — мужчины⁶¹. Но счет женщин-руководителей внешнеполитического ведомства идет уже на десятки, а послов — на сотни. Да и женщина-президент или премьер-министр — ныне не редкость. Вспомнить Сиримаво Бандаранаике, Индиру Ганди, Голду Меир, Маргарет Тэтчер, Ангелу Меркель, Терезу Мэй. Правда, ощутимых изменений в международные отношения это не внесло. Возможно, дело в том, что большинство руководителей государств — это по-прежнему мужчины и женщинам просто не дают развернуться. А если говорить о реальном стиле управления, то дамы, вставшие у государственного руля, действуют, мягко говоря, не менее жестко, чем мужчины.

Что касается **расово-этнического фактора**, то практика не дает оснований говорить о его ощутимом влиянии на внешнюю политику. Это касается и тех случаев, когда у власти в государстве стоят представители доминирующего этноса, и тех, когда страной правят индивиды, принадлежащие к иным этносам. Немка София Ангальт-Цербстская (Екатерина II) и грузин Иосиф Джугашвили (Сталин) проводили такую же великодержавную политику, как и многие другие правители России. Афроамериканец Обама действовал на мировой арене в принципе так же, как и его белые предшественники. Возможно, через несколько поколений ситуация изменится, но пока дело обстоит именно так. Тем не менее характер связей между индивидами — с одной стороны, и гендерными, расовыми, этническими и иными группами — с другой должны постоянно находиться в поле внимания новой антропологической дисциплины.

Признание индивидов в качестве субъектов международных отношений («микросубъектов») не исключает признания в качестве таковых и «макросубъектов» разного уровня и типа. Речь идет о государстве в целом и его отдельных организациях; социальных группах (включающих элиты, кланы, когорты, диаспоры, различного рода меньшинства и т.п.); общественно-политических структурах в лице партий, профессиональных, женских, молодежных и иных организаций; массовых движений. В число «макросубъектов» входят и их международные аналоги.

Но «микросубъекты» и «макросубъекты» — *субъекты принципиально разного типа. Только индивиды являются непосредственными строителями международных отношений. А роль «макросубъектов» ограничивается нормативно-регулятивными функциями*: они задают индивидам, выступающим в качестве их вольных или невольных представителей и «агентов», правовые, нравственные, политические, профессиональные и иные *параметры их деятельности*, связанной с международными отношениями, ставят ее в определенные *рамки*. Характер этих ограничителей отчасти определяется нормами международного права

и простыми нормами нравственности. Но в немалой степени он зависит от характера «макросубъекта», устанавливающего эти параметры-рамки, и среды, в которой ему приходится действовать. При этом часто случается так, что индивиды оказываются объектами многоступенчатого иерархизированного регулирования: они одновременно подчиняются законам государства, требованиям социальных групп, в которые входят и организации, членами которых состоят, а если их деятельность связана с международными институтами, то и их требованиям.

Строго говоря, параметры-рамки тоже являются творением человека. Но поскольку они выступают по отношению к действующему индивиду в отчужденной форме в виде разного рода норм, инструкций, предписаний и пр., то их антропологический генезис можно в данном случае не принимать в расчет. Чего нельзя не принимать в расчет, так это то, что *только через деятельность индивидов национальное государство, общество и международные структуры способны проявить себя как субъекты международных отношений*. Ситуация, чреватая конфликтом интересов, но не имеющая альтернатив.

Исследование связей между «микросубъектами» и «макросубъектами» международных отношений, равно как и между самими «микросубъектами» и «макросубъектами», входит в число задач новой антропологической дисциплины.

Национальный характер и международные отношения

Влияние расово-этнической принадлежности индивида на политику может проявляться косвенным образом через **национальный характер**. Спор о нем ведется давно. Для одних он — фикция, для других — реальное явление. В современной науке обозначились два основных направления трактовки национального характера. В одном случае в нем видят преимущественно *социопсихическое явление*: «совокупность наиболее устойчивых, характерных для данной национальной общности особенностей восприятия окружающего мира и форм реакций на него», выражающихся в «эмоциях, чувствах и настроениях», а также «в скорости и интенсивности реакций на происходящие события»⁶². Другую трактовку национального характера можно определить как *социокультурную*: его рассматривают как «совокупность нравственных, культурных, политических и иных представлений и качеств, свойственных определенному этносу и закрепленных в его традициях, нормах и стереотипах»⁶³. В ряде трактовок сочетаются оба подхода. Разные национальные характеры могут частично совпадать по составляющим их чертам и по набору последних. Но они различаются по структуре, специфике связей между чертами, степени их выраженности и приоритетности.

При всей их субъективности представления о национальных характерах могут помочь лучше понять тот или иной народ и возможную линию его поведения на мировой арене. Но чтобы проникнуть в эти характеры, надо выявить специфику их доминантных параметров. В число последних (не исчерпывая их) входят:

- отношение к окружающему миру (стремление приспособиться к нему или преобразовать его определенным образом);
- представление о своей нации, ее месте среди других наций и роли (миссии) в мировом сообществе (то, что именуют «национальной самоидентификацией»);
- отношение к другим нациям;
- отношение к делу (трудовая этика);
- отношение к собственности;
- отношение к власти (включая отношение к государству);
- отношение к закону;
- отношение к силе;
- отношение к жизни и смерти.

Опытный английский дипломат Гаролд Николсон утверждал: национальный характер позволяет понять не только «склад ума (*frame of mind*) и привычный образ мышления (*habits of thought*)»⁶⁴ нации, но также ее потребности, интересы и «амбиции», а значит, представить возможную линию ее поведения. Об отражении характера нации в ее практической деятельности (в том числе и на международной арене) писал американский разведчик Вашингтон Плэтт⁶⁵.

Практиков поддерживают теоретики — особенно из лагеря реалистов во главе с Гансом Моргентау. «Национальный характер, — утверждал он, — не может не влиять на национальную мощь, ибо те, кто действует от имени нации в период войны и мира; кто формулирует, осуществляет и поддерживает ее политику; кто избирает и кого избирают; кто формирует общественное мнение; кто производит и потребляет — все они в большей или меньшей степени несут на себе печать тех интеллектуальных и моральных качеств, которые образуют национальный характер»⁶⁶.

Серьезное значение придавали национальному характеру многие геополитики. Адмирал Мэхен считал его (особенно если в нем заложено «стремление к коммерческой деятельности») одним из условий достижения морского могущества нации, в котором видел ключ к ее процветанию.

Американский антрополог Рут Бенедикт, характеризуя поведение японцев в войне против США, признавалась: «Ни в какой другой войне с крупным противником мы не оказывались перед необходимостью принимать в расчет совершенно отличные от наших обыкновения в поведении и мышлении»⁶⁷.

Национальный характер проявляется и в *манере коммуникации* на индивидуальном и групповом уровнях — в частности, в такой его форме, как *переговорный процесс*. Не случайно говорят о «национальных стилях ведения

переговоров». Это учитывают опытные дипломаты, знающие, что с китайцами надо говорить не так, как, скажем, с немцами; с американцами — не так, как с японцами, и т.п.

Coda

Международная сфера — жесткая конкурентная среда. Но формы и острота конкуренции меняются от эпохи к эпохе. В последние годы соперничество в этой сфере вступило в фазу обострения. Происходящее переформатирование глобальной системы-сети международных отношений сопровождается жесткой борьбой, напоминающей порой войну. В ней не может быть победителя, который «получит все». Но кто-то завоюет передовые позиции на международной арене и будет играть ведущую роль в мировой экономике и политике, в формировании норм международного права и поведения. А кто-то окажется на периферии и будет вынужден следовать (с протестным шумом) правилам игры, выработанным другими. Исход баталий будет во многом решаться на *антропологическом поле*, а конкретно — в *конкуренции национальных человеческих капиталов*.

Содержание этого понятия остается предметом дискуссий. Но за последние годы его границы раздвинулись, и сегодня его следует понимать не просто как «капитал, воплощенный в людях в форме их образования, квалификации, знаний, опыта»⁶⁸, а как *интегральный капитал*, имеющий физическое, интеллектуально-духовное, профессиональное и социальное измерения. Базовые параметры индивидуального человеческого капитала включают здоровье; физическое развитие; умственное развитие; образование; культурный уровень; профессиональные знания, навыки, опыт; способность к саморазвитию и готовность к взаимодействию с другими людьми. Индивидуальные человеческие капиталы сливаются в национальные человеческие капиталы. Конкурентоспособность последних и будет во многом определять судьбы отдельных наций и всего мира в XXI в.

Примечания

¹ Кристоф В. Антропология: История, культура, философия / Пер. с нем. СПб., 2007. С. 3. (Курсив мой. — Э. Б.)

² Гуревич П. С. Философская интерпретация человека. СПб., 2013. С. 129.

³ Панарин А. С. Философия политики. М., 1996. С. 178.

⁴ Антропология (философская) // Современный философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Кемерова. М., 2004. С. 45.

⁵ Автор не отождествляет международные отношения и мировую политику, но и не проводит между ними жесткую границу. Мировая политика как выходящая за пределы наций-государств сеть-система властных взаимодействий формируется через международные отношения и является их продуктом. Они не просто переплетены друг с другом — они неотделимы друг от друга. Так что антропология международных отноше-

ний, складывающихся в процессе взаимодействия национальных внешних политик, есть в своих сущностных проявлениях и антропология мировой политики.

⁶ Ильин В. В., Панарин А. С., Бадовский Д. В. Политическая антропология. М., 1995. С. 88.

⁷ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1972. С. 151.

⁸ Словарь литературоведческих терминов. М., 1974. С. 320.

⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1972. С. 624.

¹⁰ Психология: Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. М., 1990. С. 105.

¹¹ Гуревич П. С. Философская интерпретация человека. СПб., 2013. С. 328.

¹² Аристотель. Никомахова этика, 1097 b 10 // Аристотель. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1984. Т. 4. С. 63.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. С. 119.

¹⁴ Плотин. Эннеады. III, 2, 8. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://profilib.com/chtenie/80439/plotin-enneady-37.php>.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. С. 265.

¹⁶ Там же. Т. 23. С. 338.

¹⁷ Там же. Т. 20. С. 102.

¹⁸ Мень А. Человек в библейской аксиологии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [vbibl.ru > filosofiya/23403/index.html](http://vbibl.ru/filosofiya/23403/index.html).

¹⁹ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. / Под общ ред. А. В. Гулыги. М., 1994. Т. 7. С. 365–366.

²⁰ Сегодня биотехнологические идеи, подкрепляемые успехами в биологии и медицине, снова вошли в моду, рождая порой смелые проекты, но и вызывая опасения за сохранение человеком своей «человечности». (См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М., 2004; Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке / Под общ. ред. Б. Г. Юдина. М., 2007.)

²¹ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. / Под общ ред. А. В. Гулыги. М., 1994. Т. 7. С. 138.

²² Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. / Под общ ред. А. В. Гулыги. М., 1994. Т. 8. С. 29. (Курсив в тексте — Э. Б.)

²³ Психология: Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. М., 1990. С. 287.

²⁴ Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. с англ. СПб., 2008.

²⁵ Ховард М. Изобретение мира / Пер. с англ. М., 2002. С. 9.

²⁶ Lasswell H. World Politics and Personal Insecurity. N.Y., 1935.

²⁷ Гегель. О научных способах исследования естественного права // Гегель. Политические произведения. М., 1978. С. 229.

²⁸ Фрейд З., Эйнштейн А. Истоки войн (переписка). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [varp.ru>node/179](http://varp.ru/node/179).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Лоренц К. Так называемое зло / Под ред. А. В. Гладкого. М., 2008. С. 88.

³³ Там же. С. 308.

³⁴ Фрейд З., Эйнштейн А. Истоки войн (переписка). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: vapp.ru/node/179.

³⁵ Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 13.

³⁶ Там же. С. 13. (Курсив в тексте — Э. Б.)

³⁷ Там же. С. 14.

³⁸ Там же. С. 21.

³⁹ Там же. С. 26.

⁴⁰ В числе пионерных исследований роли индивидов в международных отношениях — книги Дж. Розенау (*Rosenau J. Turbulence in World Politics. Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990*) и М. Жирара (Рук. авт. коллектива). Индивиды в международной политике / Пер. с фр. М., 1996. (Авторы М. Жирар, К. Г. Гизен, Ж. Эрман, П. Аллан, Дж. Розенау, М. Николсон, М. Мерль, Ж. Семелен, Д. Давид).

⁴¹ *Rosenau J. People Count! Networked Individuals in Global Politics. N.Y., 2008.* URL: <https://www.amazon.com/People-Count-Individuals-International-Intensives/dp/1594514151>.

⁴² Описанию психологических типов личности посвящена обширная литература. См., например: Хьюелл Л., Зиглер Д. Теория личности / Пер. с англ. СПб.; М.; Харьков; Минск. 1997.

⁴³ *Lasswell H. Psychopathology and Politics. With a New Introduction by Fred I. Greenstein. Chicago and L., 1960.* P. 127.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid. P. 54–55.

⁴⁶ *Kegley Jr., Ch., Wittkopf E. American Foreign Policy. Pattern and Process. N.Y., 1991.* P. 505–507.

⁴⁷ Ibid. P. 507.

⁴⁸ *Barber J. D. The Presidential Character: Predicting Performance in the White House. Englewood Cliffs; New Jersey, 1985.*

⁴⁹ Ibid. P. 10.

⁵⁰ *Stoessinger J. Crusaders and Pragmatists. Movers of Modern American Foreign Policy. N.Y., 1985.*

⁵¹ Ibid. P. XIII.

⁵² Ibid. P. 317–318.

⁵³ Херманн М. Ж. Стили лидерства в формировании внешней политики // Полис. 1991. № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/H/1991-1-12-Hermann_Stilil_iderstva.pdf.

⁵⁴ Шестопал Е. Б. Политическая психология. М., 2002. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Shestop/10.php.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ «Гендер (*gender*) — социологическая категория, которой определяются культурные и социальные характеристики мужчины и женщины, соответственно реализующиеся в форме мужского и женского поведения (проявлений мужественности и женственности)» (Лоусон Т., Гэррод Дж. Социология. А–Я. Словарь-справочник / Пер. с англ. М., 2000. С. 61).

⁵⁷ Тикнер Дж. Энн. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / Пер. с англ. М., 2006. С. 34. (Выделено в цитируемом тексте — Э. Б.)

⁵⁸ Там же. С. 34. (Выделено в тексте — Э. Б.)

⁵⁹ Там же. С. 148.

⁶⁰ *Lind M.* Of Arms and the Women. URL: Femenism.eserver.org.

⁶¹ *Мелихов И. А.* Фактор личности в дипломатической практике. История и современность. М., 2014. Гл. I.

⁶² *Ольшанский Д. В.* Политико-психологический словарь. Екатеринбург; М., 2002. С. 320.

⁶³ Категории политической науки / Под ред. А. Ю. Мельвиля. М., 2002. С. 484.

⁶⁴ *Nicolson H.* National Character and National Policy. Montague Burton Lecture on International Relations, 4 March, 1938. Nottingham: University College, 1938. P. 2, 3–4.

⁶⁵ *Плэтт В.* Информационная работа стратегической разведки / Пер. с англ. М., 1958. С. 205.

⁶⁶ *Morgentau H. J.* Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. Calcutta, 1966. P. 130–131.

⁶⁷ *Бенедикт Р.* Хризантема и меч / Пер. с англ. М., 2004. С. 5.

⁶⁸ Современный экономический словарь. М., 1998. С. 392.

Литература

Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии: В 2 т. Т. 1: Власть в антропологическом дискурсе. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. — 491 с.

Баталов Э. Я. Антропология международных отношений // Международные процессы. Май–август 2005. Т. 2 (8). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/seven/001.htm>.

Баталов Э. Я. Международные отношения как антропологический диалог // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2016. — 672 с.

Вольтман Л. Политическая антропология. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/voltman_polit/05.aspx.

Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: ЭКСМО, 2008. — 541 с.

Гуревич П. С. Философская интерпретация человека (К 80-летию проф. П. С. Гуревича). М.: Рос. акад. наук, Ин-т философии; Ин-т научной информации по общественным наукам РАН. СПб.: Петроглиф, 2013. — 428 с.

Жирар М. (Рук. авт. коллектива). Индивиды в международной политике / Пер. с фр. М.: Изд-во Международной педагогической академии, 1996. — 204 с.

Ильин В. В., Панарин А. С., Бадковский Д. В. Политическая антропология. М.: Изд-во Московского университета, 1995. — 252 с.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М., 1994. — 495 с.

Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М., 1994. — 495 с.

Кристоф В. Антропология: История, культура, философия / Пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб.: СПбГУ, 2008. — 280 с.

Кузнецов А. М. Человек в международных отношениях: дань времени или необходимая трансформация парадигмы // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 218–229.

Марков Б. В. Политическая антропология. СПб.: Питер, 2017. — 496 с.

15. Антропологическое измерение международных отношений

Михеев В. В. Хомо-интернэшнл. Теория общественного развития и международной безопасности в свете потребностей и интересов личности. М.: Рос. АН, Ин-т Дальнего Востока, 1999. — 340 с.

Спектр антропологических учений. Вып. 5 / Отв. ред. П. С. Гуревич. М.: ИФРАН, 2013. — 167 с.

Тикнер Д. Э. Мировая политика с гендерных позиций: проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / Пер. с англ. под ред. Д. И. Польшанного; предисл. к рус. изд. Т. А. Алексеевой, М. М. Лебедевой. М.: Культурная революция, 2006. — 333 с.

Фельдман Д. М. Человек как актер мировой политики // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты. М.: Голден-БИ, 2008. — 279 с.

Юм Д. О достоинстве и низменности человеческой природы // Юм Д. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1965. — 800 с.

Morgenthau H. J. Politics among nations. The struggle for power and peace. 5th ed. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1973. — 617 p.

Rosenau J. People Count! Networked Individuals in Global Politics. L.; N.Y.: Routledge, 2015. — 200 p.

16. ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА И БИХЕВИОРИЗМ

Ключевые слова

Человеческое измерение политики, политические лидеры, национализм, авторитаризм, политическое восприятие, общественное сознание

Психологическое измерение политики

Политико-психологическая парадигма в мировой и отечественной политологии является относительно новым методологическим направлением. Об этом свидетельствует тот факт, что международное общество политических психологов, как и первый профессиональный журнал по этому направлению, появилось лишь в 1978 г. В предисловии к последнему изданию самого известного современного учебника по политической психологии *The Oxford Handbook of Political Psychology*, вышедшего в 2013 г., Леони Хадди, Дэвид Сирс и Джек Леви определяют политическую психологию как «применение к политике всего того, что мы знаем о человеческой психологии»¹. Есть разные трактовки сути политико-психологической парадигмы, в которых одни авторы делают упор на слове «политика», тогда как для других важнее то, что касается собственно психологии. Мы исходим из того, что скорее психология нужна для понимания политики, чем наоборот.

Признание политики в качестве неотъемлемой части человеческой жизни — идея, уходящая своими корнями глубоко в историю. Еще античные мыслители задавались вопросами о психологической природе политической жизни. Так, Аристотель доказывал, что заниматься политикой человека побуждает его собственная природа. «Государство, — говорил он, — принадлежит тому, что существует по природе... и человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек»².

Итак, согласно античному классическому подходу заниматься политикой человека подталкивает его природный инстинкт. Отсюда понятно, что Аристотель называет человека *политическим животным* — *Zoon politikon*, несколько не придавая этому словосочетанию обидного для рода человеческого смысла. Ведь в самой

нашей психологии заложены такие естественные потребности, как потребность властвовать и подчиняться.

Последующая история политической мысли обогатила наши представления о политике как о театре действия разнообразных психологических проявлений: как приобретенных, так и врожденных. Среди них благородство и жадность, любовь и ненависть, стремление к доминированию и солидарность, потребность в свободе и желание быть частью группы.

Заметим, что если интерес к психологическому измерению политики существовал всегда, но отдельного политико-психологического подхода не было, то в современной политике появились вызовы и проблемы, которые потребовали развития более прицельного профессионального анализа психологических компонентов политического процесса.

Признание важности изучения психологии как движущей силы политического поведения в наши дни получило уже не только общеполитическую, но и конкретно-научную форму. Именно политическая психология во второй половине XX в. приступила к профессиональному исследованию тех психологических факторов, которые мотивируют включение человека в политику и его участие в различных ее формах. Психологическая наука, используемая для понимания политических феноменов, диктует свой подход к исследованию, свои методы и свой угол зрения на *человеческое измерение политики*.

Откроем свежую газету или включим программу телевизионных новостей. В первую очередь информационные агентства сообщают нам об атаках террористов, о панике на валютных биржах, о взрывах на Донбассе и в Сирии, о принятых правительствами решениях, о скандалах, затрагивающих ту или иную партию или конкретного политика. Что в этих текущих политических событиях определено объективными политическими или экономическими законами, а что — результат действий конкретных людей или организаций? Провести границу между этими двумя рядами факторов очень нелегко. Однако сегодня уже ни у кого из политологов не вызывает сомнения тот факт, что психологический компонент происходящих событий необходимо специально выделять, изучать и учитывать при принятии решений.

1. Проблемы и вызовы со стороны политической реальности. В современной политической жизни есть множество проблем, которые относятся к ее неинституциональному измерению и требуют специального научного инструментария для анализа человеческой психологии в политике. Именно эти вызовы и потребовали применения политико-психологической парадигмы. Они и очертили предметное поле политической психологии.

За последние годы политика и в нашей стране, и в мире существенно изменились. Российская политика изменилась особенно. За эти годы не только окончился один и начался другой электоральный цикл. Хотя президентский срок В. В. Путина еще не завершен, но уже начинается подготовка к президентским выборам 2018 г., избран новый парламент, изменилась партийно-поли-

тическая система и по новым правилам проходят выборы и в Думу, и в региональные органы законодательной власти. В текущем году будут избраны новые губернаторы в ряде регионов. С присоединением Крыма изменилась политическая карта страны, а введенные после этого Западом санкции против России не столько повредили российской экономике, сколько привели к сплочению российского общества вокруг власти. Как видим, менялась не только политика, но и настроение общества, изучением которых и призвана заниматься политико-психологическая парадигма. Политические психологи в период после 2014 г. зафиксировали колоссальные изменения в сознании и поведении российских граждан, в их восприятии власти и лидеров, и собственной страны.

Колоссальные сдвиги происходят и в мировой политике, где рушится устойчивая в послевоенный период миросистема. Нашествие беженцев в Европу после событий на Ближнем Востоке, Брэксит в Великобритании, избрание президентом США Трампа, война в Сирии — это лишь немногие, но весьма заметные показатели того, что сложившаяся система мировой политики переживает поистине тектонические изменения, которые меняют и политическую «оптику» рядовых граждан, и психологию лидеров и представителей политических элит.

Политическая психология призвана фиксировать психологические изменения в массовом и индивидуальном сознании людей, реагирующих на новые события, и объяснять их, используя свой теоретический и инструментальный потенциал.

Назовем лишь несколько основных проблемных областей, где политико-психологическая парадигма внесла наиболее заметный вклад в политическую науку. Так, ни одна другая политологическая дисциплина не оспаривает приоритет политической психологии в изучении **политических лидеров**. Это, несомненно, одна из важнейших ее задач, хотя и далеко не единственная. Изучая психологические особенности личности лидера, политический психолог реконструирует его личностные характеристики, мотивационно-потребностную сферу, стиль межличностного общения, модель принятия политических решений и другие характеристики, которые позволяют понять логику его политического поведения, включая неосознаваемую сферу, что позволяет представить себе его возможные реакции на те или иные политические стимулы. Психологические профили политиков, которые создаются политическими психологами, весьма востребованы практиками и для ведения международных переговоров, и для проведения избирательных кампаний, и для целей политического прогнозирования и управления. Сегодня нет ни одного крупного политика в мире, на которого не было бы создано психологического портрета. Появилось даже специальное название для профессионала в этой сфере: «профайлер», по аналогии с такими специалистами в области криминалистики, военного дела, разведки.

Другим политическим феноменом, который потребовал использования политико-психологической парадигмы, является **национализм**.

Психология национализма изучается более 100 лет, в частности специалистами в области этнопсихологии. Достаточно назвать классическую 10-томную работу немецкого психолога В. Вундта «Психология народов», вышедшую с 1900 по 1920 г.³ Сегодня, к сожалению, проявления национализма не стали менее значимыми, и политико-психологическая парадигма для его понимания остается по-прежнему весьма востребованной.

Политические психологи, начиная с известной работы Т. Адорно и его соавторов⁴, установили, что националистические установки входят в качестве составляющей в более общий психологический феномен, названный ими «авторитарной личностью». Они показали, что это явление не только имеет социальные и политические корни, но и подчиняется определенным психологическим закономерностям. В частности, они установили зависимость между типом воспитания в семье и проявлениями авторитарности.

Интерес к проблеме авторитаризма в политической психологии пережил периоды подъемов и спадов. Так, в первые после окончания Второй мировой войны годы он диктовался стремлением понять психологические истоки фашистского национал-социализма. Затем был период стабильного политического развития, который породил иллюзию, что авторитаризм, по крайней мере в развитых странах Запада, ушел в прошлое.

Однако ни национализм, ни авторитаризм не относятся к числу феноменов, с которыми человечество простилось навсегда, в силу того, что в их основе лежат некоторые фундаментальные психологические механизмы, которые вновь и вновь приводят к воспроизводству этих феноменов, как только политическая ситуация становится для этого благоприятной.

Еще одним вызовом являются **насилие** и **агрессия** в политике. Появилась целая отрасль знания, получившая название вайленсология (от англ. *violence* — насилие), которая изучает природу человеческой агрессивности вообще и ее политические проявления в частности. Среди ученых нет единодушия в понимании природы насилия в человеческом обществе. Одни авторы убеждены в том, что агрессия — это естественная реакция индивида на фрустрацию и природно необходима человеку. Следовательно, избежать ее нельзя, хотя можно найти безопасные для самого человека и его окружающих каналы отвода агрессии (например, спорт). Другие авторы делают акцент на роли воспитания в проявлении насилия и агрессии. Так, начиная с 1970-х появляются исследования, показавшие связь между увеличением сцен насилия в кино и на телевидении и ростом детско-юношеской преступности. Психологи и педагоги забили тревогу, доказывая, что увиденные на экране сцены агрессии провоцируют на агрессию формирующуюся личность, которая еще не обладает устойчивой системой жизненных ориентиров.

Насилие в политических процессах встречается в самых разных формах. Есть государственное насилие в отношении тех граждан, которые не выполняют правовых норм. Такое насилие узаконено национальным и международ-

ным правом, как и насилие в ответ на агрессию одного государства в адрес другого. Однако, как показала политическая практика, даже люди, которые применяли даже узаконенное насилие, не говоря уже о жертвах насилия во время войн, вооруженных конфликтов и периодов разгула криминала, нередко сталкиваются с таким последствием столкновения с насилием, как посттравматический синдром. С человеком происходят серьезные психологические трансформации, меняющие его отношение к самому себе и другим людям. Американские солдаты, прошедшие через войну во Вьетнаме, как и советские солдаты, воевавшие в Афганистане, а затем и наши военные, воевавшие в Чечне, прошли через испытания жестокостью, не получившей достаточной нравственной легитимизации со стороны общества. Без специальной психологической реабилитации эти люди сами не смогли бы адаптироваться к невоенной реальности.

Серж Московичи:

«Если бы вы попросили меня назвать наиболее значительное изобретение нашего времени, я бы, не колеблясь, ответил: индивид. И по причине совершенно очевидной. С момента появления человеческого рода и до Возрождения горизонтом человека всегда было сообщество “мы”: его группа или его семья, с которыми его связывали жесткие обязательства. Но начиная с того момента, когда великие путешествия, торговля и наука выделили этот независимый атом человечества, эту монаду, наделенную собственными мыслями и чувствами, обладающую правами и свободами, человек разместился в перспективе “я”. Его ситуация вовсе не легка. Индивид, достойный этого имени, должен вести себя согласно своему разуму, судить беспристрастно о людях и вещах и действовать с полным сознанием дела. Он должен принимать чужое мнение только с достаточным на то основанием, оценив его, взвесив все “за” и “против” с беспристрастностью ученого, не подчиняясь суждению авторитета или большинства людей. Итак, мы от каждого ожидаем, что он будет действовать рассудительно, руководствуясь сознанием и своими интересами, будь он один или в обществе себе подобных. Между тем наблюдение показывает, что это вовсе не так. Любой человек в какой-то момент пассивно подчиняется решениям своих начальников, вышестоящих лиц. Он без размышления принимает мнения своих друзей, соседей или своей партии. Он принимает установки, манеру говорить и вкусы своего окружения. Даже еще серьезнее, с того момента, как человек примыкает к группе, поглощается массой, он становится способным на крайние формы насилия или паники, энтузиазма или жестокости. Он совершает действия, которые осуждает его совесть и которые противоречат его интересам. В этих условиях все происходит так, как если бы человек совершенно переменялся и стал другим. Вот ведь загадка, с которой мы сталкиваемся постоянно и которая не перестает нас изумлять».

С. Московичи. Наука о массах. 1996

Политический конформизм — явление, заслужившее особого внимания со стороны политических психологов. Если человек идет голосовать на выборы не в силу собственной убежденности в достоинствах того или иного кандидата, а потому, что так проголосовал его знакомый или родственник, то он поступает как политический конформист. Конформизм определяется в социальной психологии как поведение индивида в ситуации давления на него группы. При этом не всегда такое психологическое давление осознается.

Исследования проблемы политического конформизма показали, что есть определенные объективные и субъективные условия, при которых конформизм расцветает. Например, если выборы проходят под дулами автоматов, то трудно рассчитывать на то, что волеизъявление будет свободным от давления. Однако хорошо известно, что участие в выборах в нашей стране в последний период существования СССР проходило не в условиях репрессий, но тем не менее в силу политического конформизма голосовали за практически безальтернативного кандидата свыше 90% избирателей. И в настоящее время чрезмерно высокий процент явки и голосования за ту или иную партию или лидера служит для политологов определенным индикатором отклонений от политической нормы и свидетельствует о наличии скрытого или явного давления на сознание избирателей, которые ведут себя как политические конформисты.

Проявления политического конформизма встречаются в политической жизни партий и организаций, движений и групп, давление которых на своих членов осознается ими лишь частично. Авторитарный климат, несомненно, способствует развитию политического конформизма, между тем как демократический — способствует тому, что личность вырабатывает независимое мнение по политическим вопросам и не боится высказать свое несогласие с группой. Однако при всем различии стилей, климата, царящего в политической организации, необходимо иметь в виду, что конформизм встречается и в самых демократических и прогрессивных из них.

Остановимся еще на одном политико-психологическом феномене: **политическом восприятии**. Американский политический психолог Роберт Джарвис показал в своих работах, что в международной жизни очень нередки случаи искажения восприятия политиками своих международных партнеров. Он ввел для этого термин «мисперцепция»⁵. Очень наглядно эту закономерность проиллюстрировали действия американских спецслужб, не заметивших имевшейся в их распоряжении информации о готовящихся терактах 11 сентября 2001 г. Другой причиной неверного восприятия своих международных партнеров и последующих ошибок политиков является искажение их образа стереотипами, действие которых усиливается состоянием стресса. Руководители государства должны быстро отреагировать на ситуацию, в силу чего стресс усиливается. Одним из классических примеров был кубинский кризис, в ходе которого Кеннеди и Хрущев чуть не довели дело до мировой войны. Причиной прямой конфронтации были искаженные представления лидеров о возможных действиях друг друга. Риск был усилен феноменом группового мышления. Советни-

ки каждого из вождей по отдельности давали более осторожные рекомендации. Собравшись в группу, они пришли к гораздо более рискованным выводам.

Адекватно или неадекватно могут воспринимать друг друга не только отдельные политики, но и политические блоки, регионы и даже целые народы. Они могут не видеть реальной международной опасности и, напротив, видеть ее там, где она не существует. Сегодня, к примеру, русофобия стала частью политического курса в странах Прибалтики, Польше, Украине. Тот агрессивный образ России, который тиражируется там, базируется на фантомных страхах и не имеет никакой реальной подоплеки, однако он воспринимается ими как реальность и определяет их политический курс. Как видим, политические образы как государства, так и его лидеров могут соответствовать реальности или быть иллюзорными. Проблема заключается в том, что независимо от степени адекватности они серьезно влияют на политическое поведение и становятся неотъемлемой частью политического процесса в современном мире. Одним из вызовов нашего времени является «виртуализация политики», в которой огромную роль играют новые формы политической коммуникации, создающие вторую параллельную политическую реальность.

Но если образами других государств политическая психология занимается давно и очень успешно, то внутриполитическое восприятие стало объектом исследования лишь последние два десятка лет. За рубежом исследователи фокусируются преимущественно на восприятии лидеров, особенно в избирательной кампании. В нашей стране большое внимание уделяется как образам отдельных политиков в глазах рядовых граждан, так и образам власти, государства, партий, отдельных политических институтов. Эти исследования идут у нас с начала 1990-х⁶.

Описанные выше проблемы входят в предмет современной политической психологии наряду со многими другими, которые будут рассмотрены в данном разделе.

2. Основные категории, понятия, персоналии. Рассмотрение содержательной наполненности политико-психологической парадигмы мы проведем отдельно в отечественном и зарубежном вариантах. Это связано и с разной скоростью развития данной парадигмы в ее национальных вариантах, и с различиями в отношении тех политических реалий, на которые обращали внимание исследователи.

В **зарубежной** политологии политическая психология практически с момента своего возникновения была востребована и признана как перспективная область исследования. Правда, следует заметить, что развитие политической психологии более интенсивно шло (да и сейчас идет) в США, чем в Европе. На политологических факультетах большинства европейских университетов та проблемная область, которая в США традиционно относится к политической психологии, обычно преподается в рамках курса политической социологии⁷. Между тем в США курс политической психологии читается в более чем в 300 университетах и является обязательной частью подготовки политологов.

Гарольд Дуайт Лассуэлл (1902–1978) — американский политолог, представитель бихевиоризма («поведенческого направления») в политологии.

В своей деятельности политолог стремился ориентировать политическую науку на проведение практических исследований, занимался изучением политического поведения и влияния СМИ в качестве инструмента распространения политической власти. По мнению Г. Лассуэлла, политическая наука способна изменить человечество в лучшую сторону и создать международный правовой порядок. В связи с этим Лассуэлл утверждал, что одной из целей ученых должно стать укрепление международного сотрудничества, защита общества от правящих элит различного типа (бюрократическая элита, силовая элита), утверждение универсальных ценностей, защита от идеологической пропаганды, сотрудничество в области технического развития, стремление к воплощению общечеловеческих интересов.

С точки зрения политолога, стремление к власти тесно связано с детством личности, в частности с психическими травмами детского периода и низким самоуважением. В этой связи ученый различает политических деятелей по типам психологического развития и избранной ими политической роли.

В исследованиях, посвященных СМИ, Г. Лассуэлл применял универсальную схему изучения акта коммуникации, состоящую из четырех основных параметров: кто сообщает информацию, что сообщается, по какому каналу сообщается информация, а также с каким социальным эффектом. Ученый занимался вопросами пропаганды и ее влияния на общество, в том числе вопросами политической пропаганды, создав понятия «креденд» (политические доктрины, уставы, конституции, оказывающие влияние на разум слушающего) и «миранд» (миражи, связанные с политическими мифами и ритуалами, к которым причисляются гимны, лозунги, героический ареал политического лидера, имеющие влияние на восприятие со стороны масс).

Основные работы:

- «Техника пропаганды в мировой войне» (1927)
- «Психопатология и политика» (1930)
- «Мировая политика и личное чувство надвигающейся опасности» (1935)
- «Изучение авторитета и семьи» (1936)
- «Кто достигает, что, когда, как» (1936)
- «Пропаганда мировой революции» (1939)
- «Власть и личность» (1948)
- «Власть и общество. Структура политического анализа» (1950)
- «Будущее политической науки» (1963)
- «Мировые приоритеты» (1977)

Фундаментальные и систематические теоретические разработки по психологии политики начались в 1960-е годы в США под влиянием «поведенческого движения».

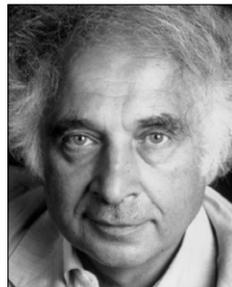
Тогда при Американской психиатрической ассоциации была создана группа для изучения проблем международной политики, которая в 1970 г. переросла в Институт психиатрии и внешней политики. В 1968 г. в Американской ассоциации политических наук возник исследовательский комитет по политической психологии, а в 1979 г. на его основе было организовано Общество политических психологов, уже получившее статус международного (*International Society of Political Psychology*, или *ISPP*). Это общество сразу начало издание журнала *Political Psychology*. В настоящее время публикации по политико-психологической проблематике появляются во всех престижных изданиях по политологии и психологии. В *ISPP* сейчас состоит около 1000 членов практически со всех континентов. Ежегодно оно проводит свои собрания, посвященные наиболее актуальным теоретическим проблемам.

Назовем имена таких крупных ученых, как Ч. Мерриам, М. Херманн, Р. Сигел, Д. Сирс, С. Реншон, Ф. Гринстайн, А. Джордж, Д. Уинтер, Р. Такер, Дж. Пост, Б. Глэд, Р. Кристи, С. Мак-Фарланд, К. Монро. Они и десятки их коллег работают практически во всех североамериканских университетах.

В Европе существуют свои давние традиции анализа политико-психологических явлений. Серьезные работы в области политико-психологических исследований изданы в Германии (А. Ашкенази, П. Шмидт, Г. Ледерер, Х.-Д. Клингеманн, Г. Мозер и др.), во Франции (А. Першерон, А. Дорна, С. Московичи), в Великобритании (Х. Хаст, М. Биллиг, А. Сэмюэль), а также в Бельгии (Кристал де Ландшир), Голландии (Хенк Деккер), Финляндии, Голландии, Чехии, Испании, Польше и других странах.

Хотя единичные книги и статьи появлялись и ранее, отсчет современного этапа развития политико-психологической парадигмы, очевидно, следует вести с издания в 1973 г. коллективной монографии под редакцией Джин Кнутсон, в которой подведены итоги развития этой науки и выделены важнейшие направления для дальнейших исследований⁸. Другой крупной вехой было появление монографии под редакцией М. Херманн в 1986 г.⁹ Эта книга дает представление о тех изменениях, которые произошли в политической психологии. М. Херманн выделила следующие позиции. *Во-первых*, большинство исследователей пришло к убеждению, что фокус изучения должен быть сосредоточен на взаимодействии политических и психологических феноменов. *Во-вторых*, объектом исследования должны стать наиболее значимые политические проблемы, к которым привлечено внимание общественности. *В-третьих*, следует уделять значительно большее внимание политическому и социальному контексту анализируемых психологических явлений. *В-четвертых*, необходимо не только изучать результат тех или иных психологических воздействий на политику, но и пытаться понять процесс формирования тех или иных политических убеждений. И, наконец, *в-пятых*, современные политические психологи

Серж Московичи (1925–2014) — французский психолог, один из основателей Европейской ассоциации экспериментальной социальной психологии. Занимался внедрением новых моделей и парадигм, таких как теория социальных представлений, теория активного меньшинства в процессах социальных изменений. Способствовал развитию социальной психологии как дисциплины, занимался проблемами сохранения окружающей среды, был активным участником экологических движений.

Московичи изучил широкий круг социально-психологических проблем, включая исследования внутригрупповой динамики.

Московичи утверждал, что влияние большинства во многом вводит в заблуждение — если бы большинство было действительно всемогущим, мы все в конечном итоге думали бы одинаково. Обратив внимание на работы Габриэля Тарда, он указал на то, что большинство основных социальных движений были начаты отдельными людьми и небольшими группами (например, христианство, буддизм, нацизм и т.д.) и что без активного меньшинства стали бы невозможны никакие инновации или социальные изменения.

Также в 1968 г. С. Московичи стал участвовать в экологической политике и даже баллотировался на выборах на пост мэра Парижа. Позже Московичи был удостоен премии Бальзана в 2003 г. по социальной психологии.

Основные работы:

- «Очерк о природе человеческой истории» (1968)
- «Век толп. Исторический трактат по психологии масс» (1981)
- «Технология изобретения богов» (1988)
- «От коллективных представлений к социальным представлениям» (1989)

стали гораздо более терпимыми в отношении методов сбора данных и исследовательских процедур, полагая, что методологический плюрализм — неизбежное явление на нынешнем этапе развития теории¹⁰. Позднее (в 2006 и 2013 гг.) вышло два издания Оксфордского учебника по политической психологии под редакцией Л. Хадди, Д. Сирса и Р. Леви¹¹.

Другим параметром развития науки является ее прикладное использование. Так, политические психологи активно привлекаются для поиска решений в конфликтных ситуациях. Известна эффективная роль политических психологов во время Карибского кризиса, при заключении кэмп-дэвидской сделки между Израилем и Египтом. Уже в 2000-е годы политический психолог Джерри Пост составил психологический портрет террориста, известного как *Unibomber* и угрожавшего устроить взрывы в Нью-Йорке, по которому тот был найден и арестован. Специалисты в разных странах Европы и Америки, включая Рос-

сию, внесли свой вклад в подготовку политических лидеров к парламентским, губернаторским и президентским выборам.

Интерес к работам по политической психологии проявляют политики всех ориентаций. Они используют данные этой науки для налаживания отношений с общественностью, для мобилизации населения на выполнение реформ, для принятия решений по важнейшим стратегическим направлениям политики.

Гарольд Лассуэл:

«Какие бы допущения мы ни делали, какие бы экстравагантные взгляды ни исповедовали, нельзя отрицать тот факт, что пропаганда является одной из самых мощных сил в современном мире»

«Неотъемлемая черта политика-агитатора — стремление добиться эмоционального отклика публики, что представляет для него высшую ценность. При этом не важно, нападает ли он на социальные институты или защищает их. Агитатор нацелен на общественную политику для того, чтобы передавать свое воодушевление ближайшему окружению. Он преувеличивает значение желаемых социальных перемен, которые возможны в результате осуществления социальных действий определенной направленности... Агитатор легко приходит к выводу о том, что тот, кто с ним не согласен, находится в союзе с дьяволом и что его оппоненты демонстрируют вероломство или робость. Агитаторы в известной степени вздорны и недисциплинированы; множество команд реформаторов укомплектовано мятежниками. Агитатор стремится подчинить личные соображения высшим требованиям принципа. Уверовав в непосредственный эмоциональный отклик со стороны общественности, агитатор верит в общие принципы... Агитаторы “чистого” типа, получив ответственные посты, далеки от того, чтобы отказаться от должности официального шарнира ради свободы. Они восхваляют людей, обладающих изрядным рвением, людей, которые воюют с драконами и возбуждают общественное сознание призывами, повторами и руганью».

Г. Лассуэл. Психопатология и политика. 1930

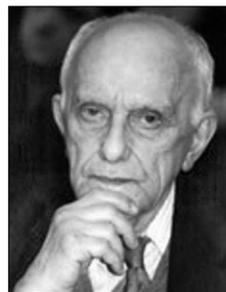
«Политические движения обретают свою жизнеспособность путем смещения частных эмоций на общественные цели... Государство — это символ власти, и в этом качестве оно ведет к развитию взглядов, которые первоначально сформированы человеком в ходе его жизни в рамках узкого межличностного круга общения с членами семьи и друзьями. В одной из фаз детского развития мудрость и сила физического символа власти — отца чрезвычайно преувеличивается ребенком».

Г. Лассуэл. Психопатология и политика. 1930.

Отечественная политическая психология стала бурно развиваться начиная с 1990-х. Тогда появилась публичная политика, которая потребовала психологического анализа и ярких лидеров, выдвинувшихся в этот период, и граждан, мобилизованных для активного политического участия. Оба этих объекта нуждались в психологическом анализе, так как политический процесс был и остается в нашей стране весьма персонифицированным и без понимания психологических закономерностей поведения и лидеров, и граждан знание о нем не может быть полным, а прогнозы — точными.

Герман Германович Дилигенский (1930–2002) — советский/российский политолог, работавший в сфере политической психологии.

В отечественной политологической науке Г. Дилигенский основал направление социально-политической психологии, которое заняло нишу между социальной психологией, политической психологией и макросоциологией. При этом в процессе проведения исследований автор неоднократно обращался к теориям Л. Выготского, З. Фрейда, С. Московичи и других классиков. С точки

зрения Дилигенского, социально-политическая психология должна изучать не только механизмы поведения людей, но и содержание психики, а также эволюцию психической сферы личности в процессе исторического развития общества.

Одной из сфер интересов политолога была эволюция социальной и политической атмосферы в России, а также изучение противоречий между назревшими социально-экономическими реформами внутри страны в ранний постсоветский период и психологической неготовностью к ним населения.

Политолог принимал активное участие в работе экспертного совета РГНФ, Фонда Сороса, а также Фонда «Общественное мнение».

Ученый выделил основные реакции населения на постсоветскую ситуацию: терпение, адаптация и ориентация на успех, в зависимости от которых в обществе выстраивались связи между людьми. Политолог критически относился к представителям российской властвующей элиты, которые во многом игнорировали общественное мнение. В процессе постсоветской трансформации Г. Дилигенский обратился к социально-психологическим аспектам демократизации общества.

Основные работы:

«Социально-политическая психология» (1994)

«Индивидуализм старый и новый (Личность в постсоветском социуме)» (1999)

«Люди среднего класса» (2002)

Первый этап относится к 1991–1995 гг. Политическая психология с самого начала складывалась как междисциплинарная область, получившая от материнских дисциплин — психологии и политической науки — научный инструментарий, теоретические установки и общенаучные подходы. Приобретая самостоятельность и институциональное оформление, она по-прежнему сохраняет с ними методологические и теоретические связи и решает ряд общих задач.

В начальный период развития политической психологии сами политические события требовали осмысления того кризиса, который переживали российское общество и политическая система. Политологи и социологи в этот

период фиксировали резкую, на грани шизофренической, расколотость массового сознания. Отказ от старых советских ценностей и от всего советского наследия привел к тому, что в обществе образовался серьезный ценностный вакуум, который привел к потере населением какой бы то ни было психологической основы для политической идентификации.

Не случайно политико-психологические исследования этого периода были сфокусированы на изучении архетипов ментальности российских граждан¹², политических ценностей в массовом сознании¹³, массовых политических настроений¹⁴, психологии авторитаризма и демократии¹⁵, психологии этнических проблем в политике¹⁶, психологии выборов¹⁷, психологии международных отношений¹⁸. Активно разрабатывались вопросы разрешения политических конфликтов¹⁹.

В эти годы появляются первые исследования по проблематике политического восприятия, развитие которой более активно велось на следующих этапах²⁰.

Последняя тема была особенно востребована политической практикой (прежде всего практикой выборов) и требовала от политических психологов как ответа на вопрос о том, какие факторы воздействуют на политическое восприятие политиков, так и разработки конкретных инструментов воздействия на поведение политиков со стороны политических психологов, занятых консультативной деятельностью. Становление профессионального политического консалтинга стимулировало как работы по психологии политического лидерства, так и изучение различных аспектов консалтинговой деятельности.

При определении места политической психологии по отношению к политической практике возникает серьезная теоретическая проблема. Акцент на прикладных аспектах политической психологии как науки привел к тому, что нередко ее стали ошибочно отождествлять с так называемыми технологиями, с «имиджелогией» и другими псевдонаучными или просто прикладными областями политической практики. Политическая психология действительно дает немало полезной информации для тех, кто принимает политические решения, для организаторов политических кампаний. Но сама она является прежде всего наукой, которая эти знания добывает, а не ремеслом или, хуже того, псевдонаучной приманкой для клиентов. У нее есть свои достаточно тонкие методы, с помощью которых она может выявить, что происходит с политиками и рядовыми гражданами, как они понимают политику и что чувствуют по отношению к власти. Но во всех случаях чрезвычайно важно для развития этой дисциплины в рамках университетского образования, чтобы соблюдался баланс фундаментальных и прикладных аспектов с приоритетом фундаментальных проблем.

Второй этап развития политической психологии можно выделить в связи с теми серьезными изменениями, которые происходили в стране с **середины до конца 1990-х годов** в российской политической практике. Это было время, когда в ней господствовали «грязные политические технологии» и менялся психологический механизм восприятия гражданами политиков: росло недоверие

к власти, и происходила политическая демобилизация одновременно с процессами партийного строительства и дифференциации политических ценностей у населения.

Наиболее серьезное продвижение в развитии политической психологии в этот период связано с разработкой тематики политического лидерства и психологии власти. Говоря о психологии политического лидерства, следует особенно отметить работы, посвященные изучению личностей современных российских и зарубежных лидеров²¹. В работах российских политических психологов представлены как отдельные психологические портреты политиков (Н. Ракицкий), так и концептуальные подходы к теории лидерства и элит (О. В. Гаман-Голутвина, В. К. Кантор, Е. В. Егорова-Гантман и др.)²². Электоральные процессы, проходящие на национальном и региональном уровнях, требовали все более точных инструментов понимания психологических механизмов выбора гражданами того или иного политика и формирования установок в отношении власти как таковой. Вообще проблема власти в ее психологическом измерении встала на этом этапе в полный рост²³. Примечательно, что ее разработка все больше уходила от исследования психологии властителей и перемещалась в область психологии восприятия власти гражданами, что, как нам представляется, было связано именно с электоральными особенностями того периода.

Накопленный теоретический потенциал позволил на **третьем этапе (2000–2010)** продвинуться в ряде областей знания, в частности в понимании закономерностей политического восприятия. Проблематика восприятия власти и политиков вышла на передний план политико-психологических исследований современного периода. По этой теме прошли многочисленные конференции и круглые столы, были опубликованы десятки статей и монографий²⁴.

В последующие годы акцент на изучении личностей и образов политиков, доминировавший в конце 1990-х — начале 2000-х годов, сменяется интересом к психологии рядовых граждан, участвующих в политике. На авансцену вышла проблематика политической социализации и ресоциализации²⁵, бывшая в небрежении в предшествующие годы. Это, видимо, не случайно, так как отражает необходимость преодоления реальной политикой того кризиса политической социализации, который стал серьезным препятствием на пути политических реформ. Столь же востребованной оказалась и проблематика психологического анализа политических ценностей как основания для идеологии, психологических аспектов политического процесса²⁶, которые в постсоветский период практически выпали из поля зрения политологов.

Можно констатировать, что пока еще медленно заполняется вакуум, существующий в области психологии международных отношений. Выявился и дефицит работ, связанных с изучением политического лидерства методами политической психологии, которые в изобилии появлялись в 1990-е годы. Одним из немногих исключений стали книга челябинского политического психолога В. Зорина²⁷ и кандидатские диссертации Э. Гиззатова и И. Рогозарь-Колпаковой. Возможно, это закономерно, ведь в политике тоже наметился дефицит

лидерства и ярких личностей, изучение которых представляет и теоретический, и практический интерес.

В 2010–2017 гг. возникли новые тенденции развития политической психологии с точки зрения **предмета** исследований.

В 2010-е годы на первый план выдвинулась проблематика **психологического анализа политических ценностей и представлений**²⁸, **психологии политического менталитета**²⁹, которые в постсоветский период практически выпали из поля зрения политологов.

Хотя проблематика **психологии политического лидерства** является одной из центральных для современной политической психологии, в последние годы внимание исследователей стали привлекать не столько общетеоретические подходы к лидерству, сколько изучение действующих лидеров, поиск новых интерпретационных моделей. В последние годы появились серьезные работы по лидерству, основанные на эмпирическом материале. Так, были опубликованы работы Н. Ракитянского, В. Зорина, И. Рогозарь-Колпаковой, Трофимовой, Е. Филистович, А. Качанова, Э. Гиззатова, И. Э. Стрельца и др. Вышли коллективные монографии³⁰, где проблематика психологического анализа политического лидерства рассматривается под углом зрения «человеческого капитала» российских политических элит. В ней обсуждаются данные исследования личностного потенциала действующих российских министров, губернаторов, депутатов. Так как большинство исследований носит дистантный характер, к ним неприменимы стандартные психологические методики.

Особую теоретическую актуальность приобрел предметный блок, касающийся **политического восприятия**. Объектом исследования стали самые различные политические объекты: образы власти, российских политиков, политических партий, страны, государства и парламента в сознании российских граждан. При этом предметом исследований политического восприятия были особенности самого процесса восприятия, его механизмы и факторы, на него влияющие, различные аспекты образов, его психологическая структура. В ходе этих исследований были предложены и апробированы как новые методы исследования, так и новые теоретические модели, позволяющие интерпретировать полученный эмпирический материал. По итогам этих исследований был опубликован ряд монографий и большое количество статей.

Если подытожить анализ развития проблемного поля политической психологии, как она развивается в последние годы, то следует заметить, что указанные направления исследований, конечно, не исчерпывают всех тенденций развития, но, несомненно, входят в число наиболее востребованных и признанных в России и мире.

Современная политико-психологическая парадигма имеет немало серьезных работ, которые вносят свой вклад в наше понимание политики. Данная дисциплина получила институциональное признание и постепенно завершает начальную стадию своего становления.

3. Принципы и методы политико-психологической парадигмы. Поскольку политическая психология является междисциплинарной областью, то в ней используются методы обеих материнских дисциплин: и политической науки, и психологии. Но не реже встречаются и методы других социальных наук: социологии, антропологии, истории и др. В современной политической психологии царят методологическая терпимость и плюрализм. В конкретных исследованиях в равной степени представлены психологические тесты и социологические опросы, метод экспертной оценки и психолингвистический анализ. Это связано как с отсутствием общепризнанных теоретических схем, так и с междисциплинарным характером исследований, в которых приходится соединять подходы нескольких дисциплин, применяемых для анализа сложного и многоуровневого объекта — поведения человека в политике.

Многообразные методы, используемые в политической психологии, могут быть классифицированы по разным основаниям. Так, в основание классификации могут быть положены **объекты исследования** (массовые формы поведения и сознания в политике), **характер исследования** (количественный, качественный или смешанный), **цель исследования** (методы исследовательские и коррекционные) и пр.

Остановимся в первую очередь на методах, адекватных тому или иному **объекту** изучения. Среди объектов обратим внимание прежде всего на *массовые формы политического поведения, феномены политического мышления и сознания*. Исследование *личности* в политике требует использования иных инструментов. Отдельно отметим такой объект изучения политических психологов, как *политические образы* (образы власти, образы политиков, образы институтов и государств и проч.), имеющие сложную психологическую природу, включающие наряду с осознаваемыми и неосознаваемыми компонентами, требующие применения специальных методов.

Методы изучения массового политического поведения и сознания. Именно объект исследования диктует конкретные методы, релевантные его изучению. Так, различные феномены *массового политического поведения* требуют таких методов, как **анализ статистических данных**, проведение массовых **опросов** с последующей математической обработкой больших массивов данных, проведение **фокусированных интервью**³¹ и **фокус-групп**³². Так, подготовка предвыборных кампаний в последние годы породила спрос на составление так называемого паспорта избирательного округа. Политические социологи и психологи проводят анализ статистических данных жителей конкретного избирательного округа с последующим описанием основных психологических и социальных типов избирателей. При наличии мониторинговых исследований в округе на протяжении нескольких лет такого рода работа дает очень хорошие результаты. Кандидат и его команда получают детальное представление как о глубинных и малоподвижных установках своих избирателей, так и о ситуативных изменениях в их настроениях.

Чарльз Эдвард Мерриам (1874–1953) — американский политолог, создатель современной политической науки, профессор Чикагского университета.

Возглавляя отделение политической науки в Чикагском университете в 1923–1940 гг., Мерриам способствовал развитию Чикагской школы политических исследований. Придерживаясь бихевиористского подхода в своих работах, ученый настаивал на проведении междисциплинарных исследований и использовании количественных методов, благодаря которым политология могла быть более тесно связана с действительностью. Более подробно свои взгляды ученый осветил в книге «Новые аспекты политики» (1925). Исследования Ч. Мерриاما оказали значительное влияние на изучение теории демократии и феномена политической власти.

Важно отметить, что феномен политической власти Мерриам был склонен рассматривать с различных ракурсов. Так, ученый анализировал психологические механизмы доминирования и подчинения, социальные основы властных отношений (данный вопрос описан ученым особенно детально: проанализированы методы взаимодействия органов управления, феномен лидерства, методы реализации социального контроля), а также факторы, влияющие на эффективность политических институтов. Исследования ученого, посвященные бихевиористскому подходу, заложили основы для дальнейшего развития данного направления в политической науке.

В отношении взглядов ученого на государственную власть стоит отметить, что он активно поддерживал расширение полномочий исполнительной власти, а также предпринимал попытки доказать, что правильно организованная государственная власть может быть основана на принципах демократии. В качестве демократии Мерриам представлял форму политической организации, политический курс которой определяется большей частью общества. В качестве главной особенности демократии ученый видел стремление к идеалу, при этом устройство органов управления и порядок участия граждан являются вторичными.

Политический процесс трактуется не просто как результат политического поведения, а как функционирование политических институтов, являющихся производными от институтов социальных.

Под властью политолог подразумевает взаимоотношения между социальными субъектами, благодаря которым возникает совместная жизнедеятельность людей и происходит интеграция политического сообщества.

Под властью политолог подразумевает взаимоотношения между социальными субъектами, благодаря которым возникает совместная жизнедеятельность людей и происходит интеграция политического сообщества.

Основные работы:

- «Американская партийная система» (1922)
- «Новые аспекты политики» (1925)
- «Четыре американских партийных лидера» (1926)
- «Политическая власть: ее структура и сфера действия» (1934)
- «Воспитание гражданственности в Соединенных Штатах» (1934)
- «Что такое демократия?» (1941)

В арсенале политических психологов сейчас появились специальные методики для исследования динамики массовых политических ориентаций и ценностей, основанные на применении компьютерных средств обработки больших массивов данных. Так, один из самых дорогостоящих мировых проектов изучения ценностей в политике под руководством Р. Инглхарта и П. Абрамсона ставил своей задачей анализ их динамики в 49 странах мира с разными типами политических систем³³. Хотя исследование различных форм массового поведения по своей технике ближе к социологическим методам, их применение требует использования психологического инструментария для анализа полученных данных и интерпретации результатов. В политической психологии накоплен и опыт использования собственно психологических методов для исследования массовых настроений, представлений, ценностей. Это такие исследовательские процедуры, как **проективные техники** (например, метод неоконченных предложений, рисуночные тесты)³⁴, **ассоциативный метод, семантический дифференциал** и др. Так, классический метод свободных ассоциаций О. Здравомыслова и М. Арутюнян³⁵ использовали для изучения образов права в России и Франции. В наших исследованиях политического восприятия мы использовали иную разновидность этого метода — метод фиксированных ассоциаций.

Указанные подходы дают хорошие результаты при изучении электорального поведения, массовых политических ориентаций, ценностей политической культуры. Однако арсенал политико-психологических методов значительно шире.

Для изучения политического менталитета тех групп, которые имеют артикулированные политические ценности, рядом политических психологов используется **метод построения семантического пространства**³⁶. Так, В. Ф. Петренко проанализировал политические штампы и клише российских партий в первые постсоветские годы. Материалом анализа послужили речи известных политиков, партийные документы. Данные этого исследования позволили построить многомерную типологию сознания политических активистов. Не менее интересное применение тот же метод нашел и при исследовании этнических стереотипов и образов стран. Методика, используемая Петренко и его соавторами, восходит к методам семантического дифференциала Ч. Осгуда и теории личностных конструктов Дж. Келли, но творчески переработана автором. Оригинальная методика О. Ю. Малиновой и А. В. Селезневой позволила им создать эффективный инструмент для агрегативного анализа ценностных характеристик политиков в проекте «Человеческий капитал российских политических элит»³⁷.

Методы исследования личности в политике

Изучение личности в политике имеет свою специфику, накладывающую на методы, используемые политическими психологами, определенные ограничения. Особенно это относится к изучению личностей политиков высшего уров-

ня, прямой контакт с которыми для исследователя возможен лишь в исключительных случаях. Для исследования личностных особенностей политиков в политической психологии используются **дистантные методы**, что связано с закрытостью многих политиков, их недоступностью для непосредственного исследования. Н. Ракитянский справедливо отмечает, что «политики не любят и опасаются психологической диагностики, не желают, чтобы их обследовали. Более того, многие из них боятся объективного взгляда на себя. Они не заинтересованы в том, чтобы информация об их психологическом статусе и личностных особенностях, о сильных и слабых сторонах, стала достоянием других»³⁸.

Другое ограничение, накладываемое спецификой объекта исследования, заключается в том, что политического психолога интересуют в личности политика не все характеристики, а лишь те, которые важны для исполнения его профессиональной роли. Сам их отбор является важной методологической задачей, которую приходится решать в каждом конкретном случае. Так, в наших исследованиях ведущих российских политиков мы выделяли для изучения следующие области: потребности, мотивы, самооценку, я-концепцию, политические ценности и взгляды, стиль межличностных отношений и стиль принятия решений³⁹.

Применительно к исследованию личности политиков ключевыми методологическими принципами выступают:

- принцип максимального внимания к политическому и социальному контексту;
- принцип сочетания количественных и качественных методических процедур и приемов сбора и анализа данных.

Основными методами дистантной психологической диагностики являются наблюдение, биографический метод, контент-анализ результатов деятельности политиков.

Методы изучения политического восприятия. Исследования политического восприятия направлены на выявление и описание образов различных политических объектов в массовом сознании: образов власти и политиков, особенно кандидатов в избирательных кампаниях, политических институтов (исполнительной, законодательной и судебной власти), государства в целом, политических партий и стран.

Одна из главных трудностей в таких исследованиях связана с виртуализацией политики, ставшей результатом использования новых форм политической коммуникации. Указанный феномен ведет к отрыву политических образов от реальных интересов людей и сами образы делает достаточно иррациональными. Отсюда появляется необходимость выявления наряду с рациональными мнениями людей о политиках, власти и т.п. *неосознаваемых* компонентов их восприятия. Стандартные количественные методы, в частности опросы, обычно используемые в электоральных исследованиях, не позволяют выявить этот слой восприятия.

Для получения достоверной и релевантной картины восприятия политики требуются более тонкие психологические методики. Применение в опросах *открытых вопросов и проективного теста «Рисунок власти»* позволяет получить более целостное и объемное представление об **образах власти** у граждан.

Для изучения образов **политических лидеров** нами использован несколько иной метод: *метод глубинное интервью* с предъявлением респонденту стимулирующего материала в виде черно-белых фотографий политиков. Неосознаваемые слои образов политиков мы выявляли с помощью *метода фиксированных ассоциаций (ассоциации с животными, цветом и запахом)*.

Поскольку каждый из объектов восприятия: образы власти, государства, парламента, лидеров, политических партий и образы страны имеет столь важные отличия в своей природе и функционировании, то для их анализа необходимы различные методологические инструменты и приемы. Более подробно методы исследования политических образов описаны в нашей работе «Путин 3.0.»⁴⁰, причем применительно к каждому типу образов использованы различные методы и приемы.

Таким образом, политико-психологическая парадигма, будучи относительно новым подходом к анализу политики, показала, что ее использование позволяет дополнить институциональные подходы пониманием психологических механизмов, управляющих поведением как отдельных личностей, так и больших масс людей в политике. Применяемые в рамках этого направления методы и инструменты существенно расширяют возможности политической науки по учету человеческого фактора в политике.

Примечания

¹ The Oxford Handbook of Political Psychology, second edition / Ed. by L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 1.

² *Аристотель*. Политика. 1253а.

³ *Вундт В.* Проблемы психологии народов. М.: Академический проект, 2010.

⁴ *Adorno T. et al.* The Authoritarian Personality. N.Y., 1950.

⁵ *Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics. Princeton; New Jersey, 1976.

⁶ См.: *Шестопал Е. Б.* Путин 3.0. Общество и власть в новейшей истории России. М.: Аргамак-медиа, 2015.

⁷ См.: Политическая наука в Западной Европе / Под ред. Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2009. ЛАНЬ®

⁸ Handbook of Political Psychology / Ed. by J. Knutson. San Francisco: Jossey-Bass, 1973.

⁹ Political Psychology: Contemporary Problems and Issues / Ed. by M. Hermann. San Francisco: Jossey-Bass, 1986.

¹⁰ Ibid.

¹¹ The Oxford Handbook of Political Psychology / Ed. by L. Huddy, D. Sears and R. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2006, 2013.

¹² *Мостовая И. В., Скорин А. П.* Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. № 4.

¹³ *Дилигенский Г. Г.* Российский горожанин конца 90-х: генезис постсоветского сознания. М., 1998; *Ослон А. А., Меликов В. В., Чешков М. А., Гудименко Д. В.* Ценностные изменения российского общества // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 19–26; *Андреевкова А. В.* Постматериалистические/материалистические ценности в России // Социс. 1994. № 11; *Климова С. П.* Изменение ценностных оснований идентификации // Социологические исследования. 1995. № 1.

¹⁴ *Ольшанский Д. В.* Массовые настроения в политике // Политика: Проблемы теории и практики. Вып. VII. Ч. 1 / Отв. ред. С. В. Братчиков. М., 1990.

¹⁵ *Клямкин И. М., Лапкин В. В., Пантин В. И.* Между авторитаризмом и демократией // Политические исследования. 1995. № 2.

¹⁶ См., например, интересные публикации социальных психологов Г. Солдатовой и Т. Стефаненко по этнопсихологии, работы Л. Дробижевой, К. Касьяновой по этносоциологии, имеющие важное значение для политической психологии; *Денисенко М.* Роль этнических стереотипов в поиске русскими этнической идентичности в условиях постсоветской трансформации. Автореф. дис. ... канд. социол. наук, 1996.

¹⁷ *Юрьев А.* Выборы глазами политического психолога // Власть. 1996. № 4.

¹⁸ *Косолапов Н.* Психология международных отношений; *Егорова Е. В., Плешаков К. В.* Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // МЭиМО. 1988. № 12.

¹⁹ См., напр.: *Лебедева М. М.* Вам предстоит переговоры. М., 1993.

²⁰ *Дубов И. Г., Пантелеев С. Р.* Восприятие личности политического деятеля // Психологический журнал. 1992. № 6. Т. 13; Имидж лидера / Под ред. Е. В. Егоровой-Гантман. М., 1994. С. 175; *Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Минтусов И.* Восприятие власти. Поиск явных образов // Власть. 1994. № 1; *Нестерова С. В., Сибирко В. Г.* Восприятие политических лидеров и отношение к демократии: некоторые особенности сознания россиян // Полис. 1997. № 6; *Шестопад Е. Б.* Образ власти в России: желание и реальность // Полис. 1995. № 4; *Шестопад Е. Б., Новикова-Грунд М. В.* Восприятие образов 12 ведущих политиков России (психологический и лингвистический анализ) // Полис. 1996. № 5.

²¹ *Шестопад Е. Б.* Личность и политика: критический очерк западных концепций политической социализации. М., 1988; *Гозман Л. Я.* Психология в политике — от объяснения к воздействию // Вопросы психологии. 1992. № 1; *Егорова-Гантман Е. В.* и др. Политиками не рождаются. Как стать и остаться эффективным политическим лидером. М., 1993; *Егорова Е. В.* Господин Президент. Психологический портрет хозяина Белого дома // Диалог. 1990. № 15. С. 87–97; *Абашкина Е. Б., Косолапова Ю. Н.* О теориях лидерства в современной политической психологии США // США: Экономика, политика, идеология. 1995. № 1.

²² *Белкин А.* Вожди или призраки. М.: Олимп, 2001; *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России. М., 1998; *Кантор В. К.* Личность и власть в России: Сотворенные катастрофы // Личность и власть: Интеркультурный диалог. М., 1998; *Ракитянский Н. М.* Семнадцать мгновений демократии. Лидеры России глазами политического психолога. М.: Российское объединение избирателей, 2001; *Зорин В. А.* Проблема восприятия образа политика в контексте изучения его личности // Психология восприятия власти / Под ред. Е. Шестопад. М., 2002.

²³ Власть и общество. Результаты опросов // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1998. № 4 (36). С. 74–86; *Демидов А. И.* Ценностные измерения власти // Полис. 1996. № 3. С. 121–128; *Захаров А. В.* Народные образы власти // Полис. 1998. № 1. С. 23–35; *Крамник В. В.* Социально-психологический механизм политической власти. Л., 1991; *Римский В. Л.* Российская власть в пред-

ставлениях граждан // Российский монитор. 1995. № 6; *Соловьев А.* Культура власти на политическом перекрестке эпох // Власть. 1998. № 2; *Левада Ю.* Феномен власти в общественном мнении: Парадоксы и стереотипы восприятия // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1998. № 5 (37).

²⁴ *Киктева Е. А.* Динамика образов Г. Явлинского и В. Путина в президентской кампании // Полис. 2000. № 4; *Пищева Т. Н.* Барьеры восприятия публичного образа политика // Полис. 2000. № 4; *Преснякова Л. А.* Структура личностного восприятия политической власти // Полис. 2000. № 4; Психология восприятия власти / Под ред. Е. Б. Шестоपाल. М., 2002; Микрополитика. Субъективные аспекты политического процесса в России / Под ред. Е. Б. Шестоपाल. М., 2004; *Образы власти в постсоветской России / Под ред. Е. Б. Шестоपाल. М., 2004; Образы российской власти. От Ельцина до Путина. М., 2008.*

²⁵ *Мельников А. В.* Политическая социализация молодежи в современной России: Теоретические аспекты и практические решения. Орел, 2003; *Преснякова Л. А.* Теория политической социализации в условиях современной трансформации политических систем // Политическая наука: Проблемно-тематический сборник. Динамика политического сознания и поведения. 2002. № 2; *Самаркина И. В.* Профессиональная и политическая социализация студентов: Критерии эффективности (из опыта работы со студентами-политологами). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://prgv.kubannet.ru/1sam.htm>; *Самсонова Т. Н.* Политическая социализация российских школьников: Достижения, проблемы, перспективы // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 2; *Шешукова Г. В.* Роль и место системы образования в политической социализации населения современной России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://credo.osu.ru/>; *Шестоपाल Е.* Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Полития. 2005–2006. № 4.

²⁶ *Малинова О.* Программы как средство самопрезентации политических партий (на примере «Единства» и «Отечества») // Психология восприятия власти. М., 2002. С. 98–109; Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / Под ред. Е. Б. Шестоपाल. М.: Аспект Пресс, 2002; *Башкирова Е. И.* Изучение ценностей российского общества // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. М.: Альфа-М, 2003. Т. 1; Психологические аспекты политического процесса во «второй путинской республике». М.: Аспект Пресс, 2006.

²⁷ *Зорин В.* Политическая психология постсоветского президентства. Челябинск, 2006.

²⁸ *Шестоपाल Е. Б.* Политические ценности современного российского общества: проблемы и перспективы изучения // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 2. С. 92–94; *Селезнева А. В.* Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан // Политические ценности современного российского общества: проблемы и перспективы изучения // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки (ранее: Теория научного коммунизма; Социально-политические исследования). 2014. № 2. С. 94–97.

²⁹ *Ракитянский Н. М.* Категории сознания и менталитета в контексте феномена политической полиментальности // Стратегическая стабильность. 2012. № 3.

³⁰ Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ // Современная элита России: политико-психологический анализ / Под ред. Е. Б. Шестоपाल, А. В. Селезневой. М.: Аргамак-Медиа, 2015.

³¹ *Белановский С. А.* Глубокое интервью. М., 2001; *Мельникова О. Т.* Фокус-группы: Методы, методология, модерирование. М.: Аспект Пресс, 2007.

³² *Белановский С. А.* Метод фокус-груп. М., 2001.

³³ *Inglehart R., Welzel C.* Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy (PDF). World Values Survey, 2010.

³⁴ *Фоломеева Т., Цехоня О.* Проективные методы в исследовании потребительского поведения // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1996; *Фоломеева Т. В., Бартенева О. М.* Опыт применения проективной методики «Психологический рисунок» в исследовании социальных объектов // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2000. № 2. С. 27–39.

³⁵ *Здравомыслова О., Арутюнян М., Ожэвн-Курильски Ш.* Образы права в России и Франции. М., 1996.

³⁶ *Петренко В. Ф., Митина О. В.* Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал. 1991. № 6; *Они же* Анализ динамики общественного сознания. Смоленск, 1997. *Петренко В. Ф.* и др. Неихосемантический анализ этнических стереотипов: Лики толерантности и нетерпимости. М., 2000. С. 11.

³⁷ *Малинова О.* Программы как средство самопрезентации политических партий (на примере «Единства» и «Отечества») // Психология восприятия власти. М., 2002. С. 98–109; Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / Под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: Аспект Пресс, 2002; Психология политической элиты России / Под ред. Е. Б. Шестопаля, А. В. Селезневой. М.: Аргатак-Медиа, 2015. С. 8–10.

³⁸ *Ракитянский Н. М.* Психологическое портретирование в политологической практике. М.: Интерпресс, 2008. С. 51.

³⁹ Современная элита России. Политико-психологический анализ. М.: Аргатак-медиа, 2015.

⁴⁰ *Шестопаля Е. Б.* Путин 3.0. Власть и общество в новейшей истории России. М.: Аргатак-Медиа, 2015. Гл. 2.

Литература

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Метод фокус-групп // Прикладная социология. Методология и методы. 2012. С. 182–193.

Ковалевский П. Петр I // Политическая психология: Хрестоматия / Под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 271–281.

Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. М., 2001.

Роцин С. К. Политическая психология // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 1.

Уинтер Д. Анализ мотивов политика: основные определения и правила подсчета // Политическая психология: Хрестоматия / Под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 78–89.

Фелдман С. Ценности, идеология и структура политических установок // Политическая психология: Хрестоматия / Под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 159–196.

Фрейд З., Буллит У. Вступление к книге «Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США» // Политическая психология: Хрестоматия / Под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: Аспект Пресс, 2017.

Шестопаля Е. Б. Политическая психология: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2017.

Шестопаля Е. Б. Социологические опросы и электоральные прогнозы: некоторые методологические аспекты // Социологические исследования. № 5. С. 306–308.

Huddy L., Sears D., Levy J. Introduction. Theoretical Approaches to Political Psychology // The Oxford Handbook of Political Psychology. 2nd ed. / Ed. by L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2013.

17. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ПОЛИТОЛОГИИ

Ключевые слова

Культура, политология, политическая культура, культурологическая парадигма, модернизация

Сегодня политология, равно как и политэкономика, политическая социология и многие другие «гибридные» формы знания, привели многообразные дисциплинарные структуры к осознанию их связи с культурой. И комбинации слов, связывающих понятия политики и культуры, общества и культуры, экономики и культуры и пр., когда-то казавшиеся оксюморонам, прочно вошли в научный лексикон.

Взаимовлияние научных дисциплин, включая науки о политике и науки о культуре, при решении как теоретических, так и прикладных задач стали нормой, тенденцией и принципом, исходя из которых начало происходить выстраивание культурологических (подходов) в политологии. Суть тенденции состоит в повышении значимости культуры для политологии и политической практики, равно как политики и политологии для культуры. Это в перспективе может стать нормой, включая большой спектр дисциплин и авторов, которые прямо или косвенно поддерживают возникновение и формирование культурологической парадигмы политологии¹.

Можно ли считать, что культурологическая парадигма в политологии полностью сформировалась? Нет, так считать нельзя, она находится в стадии формирования и усиления своей значимости для построения адекватной политики, опираясь на множество культурологических подходов. Основные признаки этого заключаются в следующем.

1. Долгое время политология не принимала культурологическую парадигму в виде общей формулы влияния культуры на политику и политики на культуру. Хотя сегодня уже стоит такая задача, ее решению пока не хватает концептуальной разработанности. Объективным препятствием является то, что постмодерн и глобализация не унифицировали способы взаимодействия культуры и политики, а, напротив, увеличили их многообразие.

2. Сегодня встал вопрос о множестве культурологических подходов в политологии, способных, воспроизводя общий признак влияния культуры на политику и политологию, формировать специфические культурологические образцы для конкретных обществ, отличающихся друг от друга своими культурно-политическими комплексами.
3. Существует различие культур-центристских и политико-центристских традиций в разных обществах, например в российском с высоким статусом культуры и политико-центристском американском, что создает оппозицию культурологической парадигме в политологии с позиций доминирования политических ценностей и целей.

В данной главе рассмотрены позиции западных авторов, участвующих в формировании культурологических подходов в политологии (Ш. Бенхабиб², К. Вельцель, С. Верба, Р. Инглхардт, Г. Алмонд, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт и др.), учтены позиции и российских авторов (О. В. Гаман-Голутвиной, Б. Г. Капустина, М. М. Лебедевой, И. С. Семенович, В. Г. Федотовой, С. В. Чугрова, Н. Н. Федотовой и др.).

Историческое место культурологических подходов в политологии многообразно, и перспективность их применения состоит в возможности предложить новые идеи по вопросу о соотношении и взаимодействии культуры и политики. Рассмотренные в главе концепции направлены на формирование культурологической парадигмы в политологии путем рассмотрения различных подходов в этом направлении и стремятся создать условия для разработки и практической реализации этого недостаточно исследованного вопроса.

Существует потенциал применения культурологических подходов в политологии, проецируя их на политическую практику при организации политического управления, в электоральных процессах, при формировании политического курса и пр. Политическая практика тут распадается до определенной степени на внутреннюю и внешнюю с соответствующими доминантами культурологических принципов как во внутренней политике, так и во внешней. Но абстрактного решения тут нет, ибо практическая задача требует не только развития культурологического видения политологии, но и приспособления его к конкретно поставленным целям.

Концепции политической культуры

Политическая культура была и остается предметом интереса философии, философии политики и политической науки. Термин «политическая культура» впервые появляется в XVIII в. в трудах немецкого философа Иоганна Гердера. Подобно тому, как культура вообще представляет собой множество символических программ человеческой деятельности, политическая культура, в частности, есть особый тип ориентации на политическое действие, отража-

ющий как специфику каждой политической системы, так и ценности общества, их философское оправдание и критику.

Политическая культура является одним из наиболее разработанных аспектов культурологических подходов в политологии. Немецкий профессор К. Вельцель, специалист по сравнительным исследованиям, определил степень концептуальной зрелости подходов к анализу политической культуры как формирование ее парадигмы. Однако даже, несмотря на заголовок своей статьи «Парадигма политической культуры», Вельцель полагает, что термин «политическая культура остается предположением, а не научным понятием»³.

Динамика возрастания роли культуры и интереса к ней связана с переходом от традиционного общества к современному — обществу модерна. С началом модерна ведущую роль в обществе играло строительство новых социальных институтов (политических, научных, образовательных и проч.) без особой рефлексии культуры со стороны политологов, которые изучали западный мир как мир институтов, не учитывая, что их корни содержатся в западной культуре. Особенно важно, что модерн XIX в. и начала XX в. сосредоточился на построении гомогенной культуры западного общества, игнорируя культурные меньшинства, разнообразие идентичностей, культурные, религиозные, языковые различия и прочие различия.

Интереса к изучению культуры и культур у политологов тогда не было. В отличие от политологов, тема культуры была предметом исследований философов (О. Шпенглер и др.), социологов (М. Вебер, П. Сорокин и др.), антропологов (Ф. Боас, Р. Бенедикт и др.). Наибольшее влияние на политологов в плане обращения к проблемам культуры оказали антропологи, которые занимались незападными обществами и исследовали разнообразие западных культур. Как пишет сегодня К. Вельцель, «успех антропологов в изучении культуры привел политологов к мысли, что политическую культуру можно изучать во всех обществах»⁴. Кроме того, политическая социология после Второй мировой войны стала интересоваться возможностями распространения западной демократии за пределы Запада, и в этом контексте возникла концепция политической культуры⁵. Этот же интерес поддержали и сторонники классического этапа развития теории модернизации, которые пытались распространить западную реальность на незападные страны.

Первыми стали изучать политическую культуру американские исследователи Г. Алмонд и С. Верба, которые в начале 1960-х годов вышли за пределы чисто западного контекста и обратились к сравнительному исследованию типов политического познания, чувств людей по отношению к правительству и политике, к обязанности участвовать в политике, к их гражданской компетентности, членству в организациях, политической социализации, гражданской культуре и демократической стабильности.

Обратимся более подробно к книге Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура. Политические отношения и демократия в пяти нациях», вышедшей в 1963 г. и ставшей классической. К пяти исследованным ими государствам от-

носятся Италия, Мексика, Германия, Великобритания и США. Спецификой этой работы явилось ясное осознание того, что речь идет о гражданской политической культуре и демократии массовых обществ. Книга перевернула представления американцев о себе самих и о сущности демократии и гражданского общества, поскольку была направлена против господствующей в США рационально-активистской модели, требующей от всех граждан страны политического участия. В Соединенных Штатах доминировала активистская модель, стремящаяся вовлечь все население в политику. *Алмонд и Верба высказали сомнение относительно реальной осуществимости такой модели и ее осуществленности в США.*

В противоположность идеям активизма всех граждан в гражданском обществе, Алмонд и Верба пишут: «Гражданская культура является смешанной политической культурой. В ней многие индивиды активны в политике, но есть такие, кто играет в ней пассивную роль подданных. Более важно, что даже среди граждан, имеющих активную политическую роль, качества подданных и прихожан не вытеснены. Роль участника добавляется к подданнической и приходской культурам. Это значит, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские неполитические связи, так же как и свою более политическую роль подданного»⁶, т.е. гражданская политическая культура включает активных граждан, а приходская — нет. Подданническая ориентация граждан может модифицироваться в политическую активность, а может оставаться в сфере неполитических интересов. Политическая деятельность гражданина, по мнению Алмонда и Вербы, представляет собой лишь часть его интересов, причем не самую важную их часть. В приходской культуре отношение к политической культуре в целом является пассивным. В *подданнической культуре* нет конкретизации политических ролей. *Культура участия* четко ориентирует граждан на политическую систему в целом. Гражданин формируется из всех трех форм — участника, прихожанина и подданного, а гражданская культура выступает как их результирующая.

Указанные авторы подвергают критике мифы о компетентности граждан, о значимости их эмоционального подъема. «Во-первых, сильная эмоциональная включенность в политику ставит под угрозу баланс между активностью и пассивностью, ибо сохранение этого баланса связано с невысокой значимостью политики. Во-вторых, политическая включенность такого плана ведет “к росту политических ставок”, создавая благоприятную почву мессианским массовым движениям, подрывающим стабильность демократий»⁷. Согласно Алмонду и Вербе, «гражданская культура — это политическая культура умеренности»⁸.

Через двадцать лет после выхода в свет упомянутой монографии Алмондом и Вербой была опубликована книга статей их критиков — как эмпирических социологов, так и теоретиков рационально-активистской концепции демократии. Трудно найти другой пример, когда авторы публикуют своих противников и обсуждают их критику. Первая статья Алмонда и заключительная статья Вербы в этой книге явились прецедентами абсолютной научной честности и способности к верификации своей концепции во времени.

Габриэль Абрахам Алмонд (1911–2002) — американский политолог, специалист в области политической системы и политической культуры, автор структурно-функциональной модели.

В начале 1960-х годов Габриэль Алмонд начал использовать термин *политическая культура*, обозначающий систему символов, убеждений и ценностей, благодаря которым становится возможным определить ситуацию, в которой происходит политическое действие. Данный термин впервые был озвучен в работе Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура и стабильность демократии» (1963), в которой также были проанализированы политические культуры различных стран (Великобритания, Германия, Италия, США, Мексика). Книга «Гражданская культура и стабильность демократии» представляет еще больший интерес, учитывая тот факт, что в ней Г. Алмонд раскрывает свое видение политического развития общества, представляет собственную терминологию, а также показывает, как на практике воплощается методологический подход ученого к политическому анализу.

Важно отметить, что собственный подход Г. Алмонда к анализу *политической системы* появился в процессе исследования ученого политической сферы жизни и был изначально основан на *структурном функционализме* Т. Парсонса (*системный структурный функционализм*). Одним из преимуществ данного метода является возможность увидеть прежде недоступные функции, которые могут выполнять политические группы и акторы.

С точки зрения ученого, *политическая система* представляет собой существующую во всех обществах систему взаимодействия, направленную на интеграцию и адаптацию посредством физического принуждения или использования угрозы его применения.

Интересно подчеркнуть, что, с точки зрения ученого, *политическая система* носит легитимный характер и в основном является законной силой, направленной на сплоченность общества как единой системы.

Также стоит обратиться к другим основным определениям концепции Г. Алмонда: *структура, роль и политическая культура*.

Структурой, с точки зрения ученого, является деятельность, формирующая *политическую систему* и доступная наблюдению. Структуры образуются из совокупности взаимосвязанных ролей.

Под *ролью* Г. Алмонд подразумевает конкретную деятельность людей, участвующих в политическом процессе.

В качестве основных элементов *политической культуры* Г. Алмонда выступают *политические институты* (группы интересов, партии, государство), осуществляющие функцию управления в обществе, а также *политические ориентации* (под которыми подразумеваются ценности, убеждения и идеалы членов общества), которые воздействуют на поведение членов общества.

Основные работы:

- «Гражданская культура: Политические ориентации в 5 странах» (1963)
- «Политическая теория и политическая наука» (1966)
- «Сравнительная политика: концепция развития» (1966)
- «Политическое развитие» (1970)
- «Сравнительная политология сегодня» (1974)
- «Сравнительная политология. Система, процесс и политический курс» (1978)
- «Сравнительная политология. Теоретическая структура» (1993).

Г. А. Алмонд:

«Хороший гражданин не равен хорошему человеку. Никакой самый рьяный защитник хороших граждан не стал бы утверждать, что политическое участие должно доводиться до такой степени, когда пренебрегают всеми другими обязанностями. Активный влиятельный гражданин, описываемый в нормативной политической теории, не освобождается от обязанностей подданного. Если он участвует в создании закона, от него также ожидают, что он будет повиноваться этому закону».

«Под “политическим” процессом, или процессом “на входе”, мы понимаем поток требований от общества, поступающих в политику, и конвертирование этих требований во властные стратегии. К числу тех структур, которые преимущественно вовлечены в процессы на “входе”, относятся политические партии, группы интересов и средства массовой коммуникации. Под административным процессом, или процессом “на выходе”, мы понимаем такой процесс, посредством которого властные стратегии применяются или же проводятся в жизнь. К числу структур, которые преимущественно вовлечены в указанный процесс, относятся бюрократия и суды».

*Г. Алмонд, С. Верба. Гражданская культура.
Политические установки и демократия в пяти странах*

Названные исследователи оказали влияние на А. Лейпхарта, который ввел понятие «многосоставные общества» под влиянием идеи смешанных культур и с тем же убеждением о значимости их учета в обществах, начавших строить демократию. В предисловии к русскому изданию автор писал: «Впервые на английском языке книга была издана в 1977 г. ... и до сих пор регулярно переиздается. Главной причиной подобного долголетия книги я считаю то, что ее основные положения для 1990-х годов и для следующего века оказались даже более актуальными, чем для 1970-х (выделено нами. — Авт.). Еще при написании книги я предвидел исключительно важную роль этнических и других различий как источника конфликтов в обществе и указывал на настоятельную необходимость создания демократических институтов, которые могли бы сделать та-

кие конфликты управляемыми. В 1970-х и 1980-х годах подобные конфликты затенялись глобальным противостоянием эпохи холодной войны. Однако с ее окончанием этнические и иные противоречия стали основными источниками конфликтов в мире. Данные перемены совпали с мощной тенденцией демократизации. Это означает, что вопрос о том, как совместить демократию с глубокими внутренними различиями в обществе, стал главным вызовом в сегодняшнем мире»⁹. Речь у многих авторов статей в этой книге идет в большей мере о различиях этнических, чем социальных, но влияние Алмонда и Вербы, несомненно, просматривается.

Умеренность и компромисс, необходимые демократии, достигаются балансом между пассивностью и активностью, компетентностью и доверием, между эмоциональностью и прагматизмом, между согласием и разногласием, между спокойным и продолжительным формированием гражданской культуры и ее торопливым внедрением. Приведем мысль Алмонда и Вербы: «Постепенный рост гражданской культуры путем слияния (разных культур. — *Авт.*) обычно происходит в условиях, когда решение проблем, стоящих перед политической системой, растянуто во времени... Проблема, с которой сталкиваются новые страны, заключается в том, что для них такая постепенность невозможна... Эти страны стремятся завершить за короткий промежуток времени то, что на Западе создавалось в течение столетий... Если из нашего исследования что-то и следует, то это то, что нет простой формулы развития политической культуры. Тем не менее нами было сделано несколько выводов, которые имеют отношение к рассматриваемой сейчас проблеме»¹⁰. *Здесь четко названы желательные параметры становящейся культурологической парадигмы политики, приемлемые как в целом для этой парадигмы, так и для ее применения во множестве стран.*

В социальных науках в целом возрастающий интерес к культуре в 1960-е годы и позднее был вызван кризисом модерна, отличавшегося интересом только к Западу, начинающимся постмодернистским отрицанием больших нарративов, критикой модерна и усилением внимания к культуре и к тому, что было «задавлено» модерном, — к меньшинствам, женщинам, расам и, особенно, к культурам. Британский исследователь культуры П. Бёрк в 2004 г. написал: «Сегодня многие люди по злободневным поводам упоминают о “культуре”, а 20 или 30 лет назад они в связи с теми же поводами говорили бы об “обществе”»¹¹, т.е. период становления постмодерна отличался особым интересом к культуре и выдвижением ее как концепта на передовые позиции.

Однако задача распространения демократии на незападные страны и убежденность ряда политологов в возможности этого вытеснила интерес к политическим культурам на периферию политической мысли почти на два десятилетия. Отсутствие серьезного интереса политологов к проблемам роли культуры в политике в это время было связано и с тем, что у Алмонда и Вербы культура представляла как натуралистически заданная, а в социальных науках

уже набирал силу конструктивистский подход (социологи П. Бергер, Н. Лукман), который обращал внимание на возможность использования культуры для изменения общества, указывая одновременно, что сама культура подвергается изменениям. Кроме этого, политологов отталкивала эмпирическая противоречивость концепции Алмонда и Вербы. Отсутствие у политологов интереса к культуре как магистральному направлению исследований стало настолько заметным, что в 1986 г. президент американской Ассоциации политической науки А. Вайлдавски в своем обращении к членам ассоциации призвал учитывать роль культуры¹². В противоположность этому, годы невнимания к культуре у политологов были отмечены активным обращением к культуре со стороны антропологов и социологов. Конец 1980-х годов, а особенно 1990–2000-е годы ознаменовались подъемом интереса политологов к культуре, расцветом исследований как политической культуры, так и более многообразных связей политики и культуры.

Концепция политической культуры Алмонда и Вербы оценивается в литературе как *классическая*, но одновременно как натуралистическая, исходящая из неизменных свойств культуры, с четко определенными границами культур, обладающая недостаточным историзмом и не предполагающая динамику, определяющая культуру через ценности и установки. В то время как *новыми (современными) концепциями политической культуры* считаются те из них, в которых преобладает конструктивистский подход, ориентированный на изменчивость культур, их взаимодействие, отсутствие четких границ культур и возможность их конструирования, погруженность в исторический контекст, рассмотрение культуры через сценарии и дискурсы¹³. Новые исследования политической культуры при их отличии от традиционных подходов характеризуются по крайней мере одним сходством — прежним интересом к работам антропологов, у которых они черпают концепции культуры (например, семиотическая концепция культуры К. Гирца, теории риска, связанного с культурой, М. Дуглас и др.).

Современные трактовки политической культуры настолько разнообразны, что их очень сложно систематизировать: постмодернистские исследования, уделяющие внимание прежде маргинализированным группам¹⁴, исследования политического консьюмеризма. Со временем изменилось понимание политической культуры и появилось много новых трактовок (White; Schlossman), в том числе постмодернистской (Berube, 2001), «аполитической культуры» (Scott-Smith). Фактически расширение новых направлений и тем исследований при анализе политической культуры характеризует переход от изучения политической культуры как отдельного аспекта проблемы к комплексному исследованию культуры и политики, т.е. переход к формированию культурологической парадигмы в политологии. Таким образом, *культурологический подход в политологии впервые обнаружил себя в исследовании политических культур*.

На пути становления культурологической парадигмы в политологии

Анализ политической культуры не исчерпывает всех аспектов культурологических подходов к политике, включающих в себя многообразие влияния факторов культуры на политическую жизнь разных обществ, а также обратного влияния политики на культуру. Начиная с 1990-х годов эти подходы становятся практически доминирующими. В этот же период тема культуры в целом становится доминирующей в социальных науках, чему способствовали, в том числе, взлет националистических настроений, выход на передний план вопросов этничности, идентичности, цивилизаций, религиозного фундаментализма и глобализации как нового мегатренда, расширившего многообразие связей политики и культуры. В настоящее время нет дисциплин, которые не связаны с культурой, и интерес к культурно-историческим этапам их развития свидетельствует об этом. Никого не удивят расширившиеся связи специализированных дисциплин и видов деятельности с культурой.

Однако сегодня, как мы уже отметили, культурология, политические науки и политическая деятельность обнаружили усиливающееся взаимодействие прежде достаточно далеких понятий «политика» и «культура», «политические науки» и «науки о культуре». То, что происходит в политике и политической науке, все более тесно связывается с культурой и становится все более важным с позиций самой культуры. Культурологические подходы нередко ориентированы на политику. Культурологическая парадигма предполагает зависимость политических действий и концепций от особенностей культуры, в том числе и культуры политической того или иного общества. При этом многие другие факторы культуры и общества в целом, его ценностные особенности могут быть более далекими от политики. Так, термин «культурная политика», как бы это ни показалось странным, не затрагивает политику как вид деятельности, относящийся к политическим институтам и политическим процессам. По мнению ведущего специалиста по культурным индустриям Д. Хэзмондалша, «термин “культурная политика”... используется во втором и несколько более узком смысле для обозначения субсидий, регулирования и управления по отношению к “искусствам”...»¹⁵. Речь в этом случае идет лишь о политике в области культуры, а не о ее влиянии на политику, политическую практику и политологию.

- **Различие политической культуры и культуры в целом** является весьма важным аспектом в отношении становления культурологической парадигмы в политологии или приближения к ней. До сих пор, однако, можно в большей мере констатировать связь политики с политической культурой, чем с культурой в целом.

К числу исследователей, которых интересовала не только связь политической культуры с политикой и политической деятельностью, но и значение культуры в целом для политологии, можно отнести Э. Геллнера, Ш. Эйзенштадта, С. Хантингтона, Ф. Фукуяму, Р. Инглхарта, Р. Патнэма и др. Остановимся подробнее на ряде влиятельных концепций.

Ш. Эйзенштадт исследовал динамику цивилизаций. Это касается и динамики культуры из-за близости понятий цивилизации и культуры. Цивилизация отличалась для него закрепленностью культурного образца и обретением им определенной формы, в то время как *культура обладала большим разнообразием и подвижностью, большей возможностью изменений политологического знания за относительно короткий промежуток времени*¹⁶.

С. Хантингтон внес крупный вклад в решение вопроса о взаимосвязи политики и культуры (цивилизации)¹⁷. Он подчеркивал, что политологии «не следует... отвергать контекстуальные факторы более широкого значения — социальные, экономические, культурные»¹⁸. Он показал, что в условиях глобализации Запад, находящийся в состоянии трансформации, не способен быть по-прежнему универсальным образцом развития. Глобализации Хантингтон уделил большое внимание, сфокусированное, с одной стороны, на утверждении глобального мира, глобализации как тенденции роста общности и взаимодействия стран, а с другой стороны, на демонстрации многообразия культур различных обществ, имеющих свое место в глобальном мире.

Как и Ш. Эйзенштадт, С. Хантингтон исходил из возможности различного политического поведения стран, зависимости их политики и политологического видения от присущих им культур. **Это была попытка показать не единственность, а множественность культурологических подходов в политологии, выбираемых каждым обществом самостоятельно, ориентируясь на свою культуру или пытаясь ее как-то изменить.** И концепция, предполагающая общую культурологическую парадигму политологии, не получила детальной разработки в общем для всех стран виде, развиваясь в большей мере в направлении исследования национальных культурологических парадигм в политологии. Если раньше значительное количество ученых видело культурологический подход в политологии в ориентации на Запад, то теперь, в условиях глобализации С. Хантингтон предположил возможность нескольких путей развития, адекватных культурной специфике того или иного общества¹⁹.

Путь первый — *вестернизация без модернизации*. Она характеризует внешнее усвоение западного опыта при отсутствии восприятия принципов и культурных особенностей западной жизни. По такому пути пошли Египет, Филиппины.

Путь второй — *модернизация без вестернизации, без изменения идентичности*. Американский оккупационный режим в Японии после Второй мировой войны настаивал на деконструкции коллективистских структур как проводников милитаристского сознания, и началась либерализация, которая на деле была нацелена на разрушение традиционного общества. В 1950-е годы японские со-

циологи выдвинули программу: не ломать традиционные общинные структуры японского общества, ибо они, как оказалось, были способны стать хорошими проводниками нового, немилитаристского государственного воздействия. Иерархия японских общинных структур позволяет управляющему воздействию государства, направленному на «вершину» пирамиды общины, к ее лидерам, легко спуститься вниз. Японское общество изменилось из-за того, что государство сменило свои цели и модернизировалось на собственной культурной основе. Не меняясь культурно, японцы производили современные вещи, осуществляя технологическую революцию. Этот путь стал весьма популярным и в других странах Азии. (Данная тема интересна также в связи с тем, что некоторые детали этого концепта выкристаллизовались в ходе горячих публичных дискуссий С. Хантингтона с одним из авторов данной статьи, профессором С. В. Чугровым, неоднократно обсуждавшим эти темы в 1993–1994 гг. и в стенах Гарварда, и в бостонском доме Хантингтона, который и привел несколько ссылок на его суждения в книге «Столкновение цивилизаций»²⁰.)

С. Хантингтон отмечает, обращаясь к проблеме идентичности народов как к ведущей черте их культуры, что «японцы испытывали подлинную агонию, решая вопрос, делает ли их место, история и культура Азией или их богатство, демократия и современность Западом. Иран был описан как “нация в поисках идентичности”, Южная Африка характерна “поиском идентичности”, Китай — вопросом о “национальной идентичности”, в то время как Тайвань был вовлечен в “распад и пересмотр национальной идентичности”. Сирия и Бразилия находятся перед лицом “кризиса идентичности”, Канада — в “продолжающемся кризисе идентичности”, Дания — в “остром кризисе идентичности”, Алжир — в “деструктивном кризисе идентичности”, Турция — в “уникальном кризисе идентичности”, ведущем к “жарким дебатам о национальной идентичности”, и Россия — в “глубоком кризисе идентичности”, заново открывающем классические дебаты девятнадцатого века между славянофилами и западниками относительно того, является ли Россия “нормальной” европейской страной или отчетливо отличной от них евразийской державой. Задаются вопросом о “мексиканской идентичности” в Мексике. Идентифицировавшие себя с разными Германиями немцы — демократической, западноевропейской, и коммунистической, восточноевропейской — пытаются сформировать единую немецкую идентичность. Сомневаются в общей идентичности и не уверены, принадлежат ли они Европе или Северной Атлантике, британцы. Кризис национальной идентичности стал глобальным феноменом»²¹. Это написано в 2004 г., но даже сегодня можно подтвердить, что культурологический подход к политологии часто ограничен существующими противоречиями обществ в понимании своей идентичности и сущности своей культуры. Сегодня политические исследования идут в ногу с появлением новых угроз и феноменов, таких как исламский экстремизм и «культурные революции» (Л. Кахун), «консьюмеристская культура» (Р. Сассателли), что вполне вытекает из идей Хантингтона.

Путь третий — *догоняющее развитие*, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы. По этой модели развивались Россия, Турция, Мексика и другие страны. Но и эта модель, обеспечив ряд достижений, в конечном итоге заводила в тупик: *во-первых*, из-за новой фазы развития Запада, которая не создавала предпосылок того, чтобы его можно было «догнать»; *во-вторых*, вследствие попыток ускоренной рекультуризации (отрицания собственной культуры), которые провоцируют неизбежные откаты назад; *в-третьих*, из-за начавшегося распространения комбинированных моделей, усваивающих отдельные черты вышеназванных.

Четвертый путь. Наиболее адекватной формой развития обществ Хантингтону представляется модель модернизации, которую мы называем *национальной*. По мнению Хантингтона, надо достичь некоторого уровня вестернизации, а далее перейти к *локальной* или, как мы предпочитаем ее называть, к *национальной модели модернизации*, т.е. к типу развития, продиктованному национальными культурами и нуждами. Национальный в данном контексте понимается не этноцентристски, а как соответствующий интересам основной геополитической единицы современности — национальному государству, его культуре, его гражданской идентичности. Необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта для национальной модели развития незападных стран и ведет к многообразию возникающих типов модернизации при глобализации и глобальном капитализме. Эта мысль Хантингтона, которую нередко воспринимали как самую сомнительную часть его теории столкновения цивилизаций, вскоре нашла подтверждение из-за нового характера социальных изменений в конце XX — начале XXI в. и появления ряда новых объяснений.

Среди них обращают на себя внимание **концепции, ориентированные на многообразие культурологических подходов в политологии разных стран**. И Ш. Эйзенштадт, и С. Хантингтон доказали, что в *условиях глобализации Запад, находящийся в процессе серьезных изменений, не может по-прежнему оставаться универсальным образцом развития*. Каждое общество само решает, в какого рода модернизации оно нуждается. Появляется множество «модернизмов» (вариантов модернизации), складывающихся на локальном уровне²². Из мегатренда, универсализирующего мировое развитие, модернизация превращается в ряд локальных способов развития, уступая место новому мегатренду — глобализации, которая, по мнению Хантингтона, не устраняет опасность столкновения цивилизаций²³. Напомним, что Хантингтон написал свою книгу «Столкновение цивилизаций» в 1996 г. В качестве источника грядущих конфликтов он выделяет культуру, а не экономику и не идеологию. По его мнению, на международной арене главной действующей фигурой останется государство, но наиболее важные конфликты будут разворачиваться в местах разлома между цивилизациями и между нациями, принадлежащими к разным цивилизациям. Термин «цивилизация» не содержит у Хантингтона указания на уровень развитости. Цивилизацией он называет сообщество, обеспечивающее сходство людей между собой на основе общности истории,

языка, культуры, традиции, институтов, идентичности. Это понятие включает также и субъективный фактор — самоидентификацию людей. Хантингтон определяет цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий пласт идентичности людей, ибо общечеловеческая идентичность не достигается. Поскольку культурная идентификация может меняться, то меняются границы цивилизации. Он считает, что столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики: «Локальная политика является политикой этничности, глобальная политика является политикой цивилизаций»²⁴. Будущее представляется ему солидарным действием каждой цивилизации по отношению к другой. Цивилизационная линия — это линия разделения цивилизаций, которую можно изобразить на географической карте, что и делает Хантингтон, проводя ее в Европе между западнохристианской цивилизацией (страны, прошедшие Ренессанс, Реформацию, Просвещение, испытавшие влияние Великой французской революции) и православно-христианской цивилизацией сербов, русских, украинцев (не прошедших этих революций), мусульманами, чья цивилизация начинается на южных границах Европы и простирается вплоть до Китая. Другие цивилизации, называемые им, — японская, конфуцианская, индуистская, буддистская, латиноамериканская и, возможно, африканская. Слово «возможно» характеризует двойственность ситуации в Африке: перспективу как цивилизационного становления, так и возврата к варварству.

Хантингтон таким образом характеризует культуры не как безупречного игрока мировой политики, а как явления, которые могут стать источником конфликтов. Его достаточно много критиковали за это, ибо слово «культура» для образованного человека несет черты едва ли не сакральности. Но сегодня мы имеем реальный опыт культурных антагонизмов, который показывает, что к Хантингтону в этом вопросе стоит прислушаться. В плане культурологического подхода к политике, который может быть позитивным, приходится понимать, что это не обязательно и не всегда так. Культурологическая парадигма в политологии, которую мы хотим воспринимать позитивно, может порождать опасные конфликты. Легко видеть, что именно культурные различия и противоречия ряда стран являются препятствием на пути достижения согласия.

Ф. Фукуяма, ученик, друг и коллега С. Хантингтона, признает важность культуры. Но, в отличие от Хантингтона, он полагает, что «культура может объяснить истоки, но никак не стойкость демократии как политической системы. Сэм (Хантингтон. — *Авт.*) недооценил универсальную притягательность перспективы жить в современном свободном обществе с подотчетным тебе правительством»²⁵.

В 2000 г., знаменуя возросший интерес представителей разных социальных наук к культуре, вышла книга «Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу». Первая часть заголовка быстро стала нарицательной и с тех пор широко используется в научной среде. В разделе этой эпохальной книги, посвященной культуре и политическому

развитию, были опубликованы статьи Р. Инглхарта о культуре и демократии, Ф. Фукуямы о социальном капитале и С. М. Липсета и Г. С. Ленца о связи культуры и коррупции.

Ф. Фукуяма показывает, что социальный капитал, т.е. капитал социальных связей, устанавливаемых людьми между собой, принципиально важен для становления гражданского общества, которое в свою очередь играет решающую роль в успехе демократии. Это происходит потому, что «социальный капитал позволяет различным общественным группам объединяться ради отстаивания собственных интересов, которые в противном случае могли бы остаться проигнорированными могучим государством»²⁶. В статье С. М. Липсета и Г. С. Ленца показано, что культурные особенности общества позволяют объяснить уровень его коррупции. В основе любой культуры лежит религиозная составляющая. Наименее коррумпированы, на их взгляд, страны с протестантским религиозным этосом, который в наибольшей степени «располагает к законопослушному поведению»²⁷.

На основе анализа данных сравнительных межстрановых исследований Р. Инглхарт приходит к выводу, что «демократию невозможно учредить с помощью институциональных перемен или манипуляций правящей элиты. Ее выживание в основном зависит от ценностных установок и убеждений простых граждан»²⁸. Он выделяет два типа ценностных установок — «ценности выживания», характеризующие экономически неразвитое традиционное общество, и «ценности самовыражения», которые свойственны индустриальному, экономически успешному обществу. «Ценности выживания» и «ценности самовыражения» противоположны: «ценности выживания требуют почтения по отношению к власти, поощряют абсолютные стандарты и религию, в то время как «ценности самовыражения» рациональны и включают межличностное доверие, терпимость, благосостояние, соучастие и участие в принятии решений. Общество с доминированием «ценностей самовыражения» с большей вероятностью будет демократическим. По мнению Инглхарта, «причинно-следственную связь установить нелегко, но имеющиеся у нас данные говорят о том, что скорее культура содействует становлению демократии, а не наоборот»²⁹. Эти идеи были в дальнейшем развиты Р. Инглхартом и К. Вельцелем в монографии, центральным тезисом которой является представление о том, что «социально-экономическая модернизация приводит к ослаблению внешних ограничений свободы выбора, увеличивая материальные, когнитивные и социальные ресурсы личности. Это приводит к усилению акцента на ценностях самовыражения, а оно, в свою очередь, ведет к нарастанию в обществе требований в пользу гражданских и политических свобод, гендерного равенства и «отзывчивости» властей (*responsive government*), способствуя формированию и укреплению институтов, в наибольшей степени соответствующих максимальной свободе выбора — одним словом, демократии»³⁰. Эту идею авторы кратко выражают с помощью следующей схемы: экономические изменения (жизненная защищенность) приводят к культурным изменениям (ценности

самовыражения), что, в свою очередь, вызывает политические изменения (демократические институты)³¹. Однако такая позиция может быть подвергнута критике, поскольку, по мнению ряда авторов, между демократическим опытом и формированием гражданской культуры может быть также обратная связь или хотя бы двустороннее влияние³².

Теоретик мультикультурализма У. Кимлика, политический философ, автор теории мультикультурализма и мультикультурного гражданства, идеолог либеральной концепции мультикультурализма, предлагал свое видение культуры (мультикультурализм) как основание политики. В его концепции право на собственную культуру имеет политические следствия.

Существует также ответное движение политиков и политологов к культуре, когда они обнаруживают культурные различия обществ и сообществ в качестве следствия динамики политических процессов. Так, философ и политолог С. Бенхабиб (Ш. Бенхабиб) рассмотрела «притязания культуры» на участие в политических процессах, утверждая необходимость учета культурной идентичности взаимодействующих сторон, принимая во внимание ее сложность и разнообразие. Она показывает, что в отличие от бюрократического «анкетирования» акторов процесса по отдельным признакам выступает за демократизацию и повышение роли культурных идентичностей как сложных образований, называя это «постнациональным, эгалитарным, демократическим видением модернистских культурных перспектив»³³.

В этих и других концепциях значение культуры в политике и политической практике поднимается до статуса культурного капитала, создающего образцы политических представлений и решений. «Притязания культуры», о которых пишет Бенхабиб, формулируются как доминирование культуры в политике, а не наоборот — политики в культуре.

Многие примеры, напротив, показывают запросы культурологов к политике, когда следование определенным культурным традициям и нормам выступает источником политического мировоззрения и политических решений.

Культура, таким образом, равно как формирование новых идентичностей, идет навстречу политике в ответ на ее запросы, поскольку политики все более сталкиваются с возможностью влияния факторов культуры — в одних случаях в позитивном смысле для политического процесса, в других — тормозя его динамику опорой на сложившиеся ценности.

Таким образом, мы видим: 1) быстрое развитие культурологической парадигмы политологии в отношении отдельных стран; 2) недостаточную разработанность общей концепции влияния культуры на политику и политологию. Ограниченность в решении этой задачи связана со многими причинами. Одна из них — способность обществ выбирать для своего развития разные модели, представляющиеся более адекватными своей культуре и задачам момента. Переход к массовым обществам существенно затруднил анализ культурологической парадигмы политологии в общем виде, ибо упростил и омассовил культурные

тенденции. В 1992 г. Р. Клитгаард писал: «Если культура столь важна, а люди изучают ее на протяжении столетия или даже более, почему у нас до сих пор нет полноценных теоретических концепций, практических рекомендаций и тесных профессиональных контактов между культурологами и политиками»³⁴. По мнению Ю. Хабермаса, это следствие произошедшего распада культурной сферы. Он отмечает это, обращаясь к характеристике интеллектуальной публичной сферы: «Распад литературной публичной сферы еще раз обобщается в этом явлении — лопнул, рассыпался резонатор образованного слоя, воспитанного для публичного употребления рассудка. Вместе с этим публика вообще утратила свою специфическую форму коммуникации, распавшись на меньшинства непублично резонерствующих специалистов и на великую массу публично воспринимających потребителей»³⁵. Данный коллапс культуры описан им в 1961 г., но характеризует длительный этап массового общества вплоть до настоящего времени. Это накладывает свою специфическую форму коммуникации, ограничивающей массовой культурой выбор роли культурологии и ее значение для политологии, которая отчасти и сама клишируется для масс наиболее сформировавшимися почти обыденными представлениями. В этом особая трудность формирования культурологической парадигмы в политологии в общей форме, так как ее социальные предпосылки подчинены во многом массовой культуре. На уровне отдельных обществ проблемная сторона взаимоотношений культуры и политики имеет более очевидный материал, необходимый исследователю.

Поэтому описание основных практических проблем и вызовов в культурно-политической сфере имеет трудности общего плана и ряд нерешенных вопросов в отношении многих обществ, ответом на которые явилось формирование и развитие методологического направления, нацеленного на возрождение культурологического подхода не только в политологии, но и в других областях знания и деятельности, включая сферу повседневности. В позитивном плане важно отметить, что, несмотря на омассовление культуры, она стремится к формированию культурологической парадигмы в политологии не только из политических, но и из культурных целей — из стремления не дать разрушить публичную сферу. Это проблема, поставленная Ю. Хабермасом, и здесь важно не только противостоять расщеплению культуры на массовые формы, но и то, чтобы культурологические аспекты политологии противодействовали политическому и экономическому прагматизму, пытающимся вытеснить культуру на периферию политической жизни, представить ее как развлечение и уменьшить ее значимость как ценностнообразующего и смыслосозидающего основания общественной жизни.

- При всей несомненной связи политики и культуры **культурологическая парадигма политологии** существует в своем незавершенном виде как общая концепция культурного влияния на политику и как конкретные теории культурологического исследования определенной конкретной политики.

Принципиально важным фактором формирования культурологической парадигмы политологии может стать, на наш взгляд, совмещение методологии натурализма и конструктивизма, когда эти подходы выступают как границы друг друга. Наличное состояние культуры и политических институтов выступает как натуралистическое ограничение конструктивистских устремлений политиков (и ученых), а конструктивистские позиции в свою очередь проектируют границы возможного нового состояния культуры и институтов с учетом их исходного состояния.

Культура и политика все более не принадлежат независимым друг от друга областям реальности — культура подвергается политизации, а политика становится культурно зависимой. Двойственное отношение политики и культуры, состоящее в доминировании то одного, то другого начала, продолжает сохраняться, но всякое изменение политики требует новой политической культуры, а всякое стремление к изменению политики требует изменения культуры, как и, прежде всего, политической, так и культуры вообще. Наиболее гармоничными являются те общества, где политика и культура достигли взаимосогласованного видения, адекватны друг другу.

В этой главе был рассмотрен ряд концепций, методологически используемых для описания и объяснения социально-политической сферы, включающей политику, культуру, многообразие культур, связь политики и культуры, различие способов сочетания политики и культуры в политически различных обществах и в обществах различных культур. В рамках формирующейся культурологической парадигмы в политологии политика рассматривается как связанная с культурой, наполненная ее смыслами, а культура — как формо- и смыслообразующая сторона общественной жизни.

Культурологическая парадигма в политологии, как мы уже отметили, находится в стадии формирования и в общем виде, и для отдельных обществ, что рассмотрено в данной главе на материале идей ряда политологов и культурологов. Нельзя исключить, что культурологическое видение политологии не будет иметь универсального характера из-за зависимости от решаемых задач для конкретных обществ, хотя при этом сам принцип ведущей роли культуры для политологии любого общества, безусловно, остается. Вероятнее всего, что речь может пойти о культурологическом рассмотрении политологии не только и не столько в общем виде, сколько в различающихся вариантах разных обществ, т.е. можно предположить возможность различных (соразмерных конкретному обществу) культурологических видений политологии, равно как различных отношений политологии к культуре. Новизна задачи изучения формирования культурологического подхода в политологии заключается в том, что она крайне актуальна и ак-

тивно разрабатывается. Позитивный момент состоит в том, что осознана необходимость такого подхода в политологии и что в этом направлении имеются серьезные достижения и уникальные разработки многих ученых.

Примечания

¹ Далее мы будем употреблять термины преимущественно в единственном числе («подход», «парадигма» и т.п.), имея в виду, что речь может идти о многообразном феномене.

² Авторы считают данную транскрипцию имени (Шейла) предпочтительной, хотя в отечественной литературе можно встретить иное написание — Сейла Бенхабиб.

³ *Welzel C.* (2016-08-05). Political Culture Paradigm // Oxford Research Encyclopedia of Politics. URL: <http://politics.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-67>.

⁴ *Ibid.*

⁵ См.: *Wedeen L.* Conceptualizing Culture: Possibilities for Political Science // The American Political Science Review. 2002. Vol. 96. No 4. P. 713.

⁶ *Almond G. A., Verba S.* The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Newbury Park, L., New Delhi: Sage, 1963. P. 339.

⁷ *Ibid.* P. 355.

⁸ *Ibid.* P. 368.

⁹ *Леунахарт А.* Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 13.

¹⁰ *Almond G. A., Verba S.* The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Newbury Park, L., New Delhi: Sage, 1963. P. 369–370.

¹¹ *Бёрк П.* Что такое культуральная история? М.: ИД Высшей школы экономики, 2016. С. 12.

¹² *Olson L. R.* The Essentiality of “Culture” in the Study of Religion and Politics // Journal for the Scientific Study of Religion. 2011. No 50 (4). P. 639–653.

¹³ International Encyclopedia of Social & Behavioral Sciences / Ed. by N. J. Smelser, P. V. Baltes. Amsterdam, N.Y.: Elsevier, 2001.

¹⁴ *Berube M. E.* Beyond modernism and postmodernism: Essays on the politics of culture. N.Y.: Praeger, 2001.

¹⁵ *Хэзмондалиш Д.* Культурные индустрии. М.: Высшая школа экономики, 2014. С. 192.

¹⁶ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение обществ. М.: Аспект Пресс, 1999.

¹⁷ *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

¹⁸ *Хантингтон С.* Третья волна демократизации в конце XX в. М.: РОССПЭН, 2003. С. 50.

¹⁹ *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996. P. 75.

²⁰ *Ibid.* P. 337 (в русском переводе: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 554–555).

²¹ *Huntington S. P.* Who Are We: The Challenges to America’s National Identity. N.Y.: Simon & Schuster, 2004. P. 12–13.

- ²² Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 29. No 1. P. 3–29.
- ²³ Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / Отв. ред. В. Г. Федотова. М., 2002.
- ²⁴ Там же. С. 28.
- ²⁵ Фукуяма Ф. Самуэль Хантингтон, 1927–2008. In memoriam. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Samuel-Hantington-1927-2008>.
- ²⁶ Фукуяма Ф. Социальный капитал // *Культура имеет значение*. С. 131.
- ²⁷ Липсет С. М., Ленц Г. С. Коррупция, культура и рынки // *Культура имеет значение*. С. 160.
- ²⁸ Инглхарт Р. Культура и демократия // *Культура имеет значение*. С. 126.
- ²⁹ Там же. С. 107.
- ³⁰ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 12.
- ³¹ Там же. С. 200.
- ³² См., напр.: Levitt V. Political Culture and the Science of Politics // *Latin American Research Review*. 2005. Vol. 40. No 3. P. 367.
- ³³ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С. 96.
- ³⁴ Цит. по: *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу* / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 13–14.
- ³⁵ Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы. М.: Весь Мир, 2016. С. 246.

Литература

- Бенхабиб С. Притязания культуры: Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. — 350 с.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. — 464 с.
- Кимлика У. Современная политическая философия. Введение. М.: ИД ВШЭ, 2010. — 592 с.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу* / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. — 320 с.
- Политическая идентичность и политика идентичности. Словарь терминов и понятий в двух томах / Отв. ред. И. С. Семененко. Т. 1: Идентичность как категория политической науки. М.: РОССПЭН, 2011. — 208 с.; Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2012. — 470 с.
- Федотова В. Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016. — 335 с.
- Федотова Н. Н. Изучение идентичности и контексты ее формирования. М.: Культурная революция, 2012. — 200 с.
- Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В. А. Тишкова. М.: Наука, 2011. — 670 с.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 730 с.

Раздел II. КУЛЬТУРА. ЛИЧНОСТЬ. ЦЕННОСТИ

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. — 603 с.

Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности. М.: Восточная литература, 2010. — 312 с.

Almond G. A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. L., New Delhi: Sage Publications, 1989. — 380 p.

Putnam R. D. Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society. N.Y., Oxford, 2002. — 516 p.

The Civic Culture Revisited / Ed. by G. A. Almond, S. Verba. L., New Delhi: Sage Publications, 1989. — 422 p.

White J. K. Values Divide: American Politics and Culture in Transition. W.: CQ Press, 2002. — 219 p.

18. ЭЛИТО-ЦЕНТРИЧНАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКИ*

Ключевые слова

Парадигма, политическая элита, политический класс, монизм, плюрализм, технологический элитизм, ценностный подход, неозэлитизм

Понятие парадигмы вошло в широкий научный оборот благодаря работам американского историка науки *Томаса Куна*, который определил его следующим образом: «Под парадигмой я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений, из которых возникают конкретные традиции научных исследований»¹. Согласно позиции Куна, парадигма представляет собой не просто теорию, но совокупность методологических установок.

► **Парадигма** (от греч. *Παράδειγμα* — пример, модель, образец) — совокупность фундаментальных методологических установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая большинством научного сообщества.

Исследовательская парадигма — это совокупность обобщающих методологических установок, которая задает способ изучения реальности, принятый в качестве образца решения исследовательских задач².

Методологическая роль элито-центричной парадигмы изучения политики состоит в том, что она не просто предполагает анализ характеристик политической элиты (ее социального профиля, саморепрезентации, интересов, идеалов и т.п.), но делает акцент на изучении *роли политических элит как важнейшего политического актора*³. Именно элиты рассматриваются как исходный инициатор и важнейший фактор системных и режимных изменений и, соответственно, нередко позиционируются как независимая переменная в эмпирических исследованиях. На основании данного подхода сложилась соответствующая предметная область политической науки — *элитология*.

Эффективность использования элито-центричной парадигмы в изучении политики во многом определяется адекватностью использования ключевого

* Глава подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ № 17-03-00746а.

концепта, что затруднено по причине многозначности данного термина: выступая в качестве *объекта* изучения целого ряда дисциплин, феномен элит существенно различен в качестве *предмета* исследования различных социальных наук. В культурологии доминирует ценностный подход: элита предстает как сообщество лиц, наиболее выдающихся с точки зрения личных достоинств, заслуг и талантов. С точки зрения социолога элита — это те, кто занимает наивысшие позиции в социальной иерархии и обладает наивысшим престижем. В современной политической науке преобладает не ценностный, а функциональный подход: *политическая элита (именно эта категория является объектом политологии) есть категория лиц, выполняющих управленческие функции*. Иначе говоря, современная политология в анализе политических элит и политического лидерства ориентирована на эмпирический, а не нормативный ракурс изучения. Нормативные науки исследуют социальные явления с точки зрения должностования, тогда как эмпирические рассматривают явления такими, каковы они в реальности. Известный американский политолог *Роберт Патнэм* (Robert Putnam) писал, что различия между эмпирической и нормативной науками определяются разницей их базовых вопросов: эмпирическая наука интересуется тем, *кто правит*, а нормативная задается вопросом о том, *кто должен править*⁴.

В современной политической науке сложилось несколько подходов (позиционный, репутационный, десизионный) к идентификации политического сегмента из элитного пула общества⁵, включающего несколько сегментов (политический, экономический, духовно-интеллектуальный, профессиональный). В качестве наиболее обобщающего определения можно предложить следующее:

- **Политическая элита** — составляющая меньшинство общества социальная общность, осуществляющая политическое управление (влияние) на национальном (глобальном/субнациональном) уровне, являющаяся субъектом принятия важнейших стратегических решений и обладающая необходимым для этого ресурсным потенциалом.

Термин «*элита*» впервые вошел в научный оборот социологии и политической науки благодаря В. Парето. В современной политологии этот термин стал общепринятой категорией, используемой для определения субъектов политической власти, благодаря работам Г. Лассуэлла. Г. Моска ввел в научный оборот близкие по смыслу понятия *правящего класса* и *политического класса*.

В ходе эволюции изучения элит сложились существенно различные модели концептуализации данного феномена. Сравнительное рассмотрение различных трактовок представляет интерес с точки зрения того, как применимость данного термина отражает особенности социально-политической конфигурации обществ и динамику ее изменения.

Гаэтано Моска ((1858 — 1941) — итальянский социолог, правовед, политолог, создатель теории элит.

В результате исследования политических процессов, а также опираясь на свой опыт политической деятельности, Моска пришел к выводу, что во всех обществах независимо от формы правления существует *политический класс*, включающий организованное меньшинство, которое не только управляет неорганизованным большинством, но и формирует систему государственного управления. В процессе управления правящий класс преследует исключительно собственные интересы, как правило, не зависит от электоральных процедур и не находится под чьим-либо контролем.

С точки зрения ученого, политический класс не является целостным, лишь его небольшая группа имеет возможность влиять на основную часть политического класса, который большей частью осуществляет роль посредника между неорганизованной массой и государственными деятелями. Этот узкий круг элиты и обеспечивает преемственность и стабильность управления.

Политический класс разрабатывает *политическую формулу*, представляющую собой совокупность доктрин, мифов, верований, принципов и т.п., для выполнения функции легитимизации его господства и действий, нацеленных на сохранение или изменение существующего порядка. Моска различал два типа таких формул: основанные на вере в сверхъестественное (божественное происхождение королевской власти) и исходящие из внешне рациональных принципов (народ как источник власти). Политическая формула призвана обеспечивать единообразное понимание норм и ценностей правителями и народом.

Основные работы:

«Теория правительств и парламентское правление. Исторические и социальные исследования» (1884)

«Современные конституции» (1887)

«Основы политической науки» (в 2 т., 1896; дополн. изд. 1923, опубликовано на англ. языке в 1939 г. под назв. «Правящий класс»)

К числу авторов классических теорий элит, сформулированных в конце XIX — первой четверти XX в., традиционно относят итальянских социологов *Гаэтано Моску* (Gaetano Mosca)⁶, *Вильфредо Парето* (Vilfredo Pareto)⁷ и немецкого социолога *Роберта Михельса* (Robert Michels)⁸. В этом же ряду следует назвать труды выдающегося немецкого социолога *Макса Вебера*⁹ и впервые изданную в 1898 г. в Париже работу «Демократия и политические партии» нашего соотечественника М. Я. Острогорского — политолога, юриста и социолога, который в 1906 г. был избран депутатом I Государственной думы¹⁰.

Гаэтано Моска

«Среди важнейших фактов и тенденций в жизни политических организмов один очевиден для самого поверхностного взгляда. Во всех обществах — как в тех, которые лишь осваивают достижения цивилизации, так и в наиболее передовых и могущественных — существует два класса — класс управляющих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет политические функции, монополизует власть и наслаждается преимуществами, источник которых — власть, в то время как другой, более многочисленный класс управляем и контролируем первым... Класс управляемых доставляет правящему классу материальное обеспечение, необходимое для функционирования политического организма».

Mosca G. The Ruling Class. N. Y. 1939. P. 50.

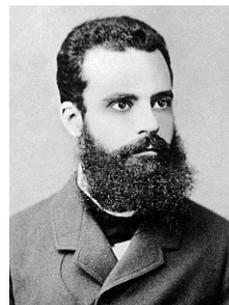
Тенденции концентрации власти в руках партийного аппарата, исследованные Острогорским на материале деятельности партий в Великобритании и США, стали предметом изысканий Р. Михельса на материале анализа деятельности левых партий Германии.

К числу заслуг основателей теорий элит следует отнести концептуализацию ряда ранее сложившихся классических идей. Кратко перечислим некоторые из этих постулатов.

Моска и Парето, опираясь на идеи Платона, Аристотеля, Макиавелли и др. мыслителей, констатировали природную предопределенность неравенства и обосновали представление о *внеисторическом характере разделения общества на управляющих и управляемых* как фундаментальном основании любого общества. Введя в оборот термин «элита», Парето исходил из ценностного его понимания: «Я употребляю слово “элита” в его этимологическом смысле, подразумевая наиболее сильных, наиболее энергичных и наиболее способных»¹¹.

Говоря современным языком, классики элитологии сформулировали также *представление об особых качествах лиц, способных осуществлять государственное управление, констатировали неизбежность смены правящих элит* и акцентировали *важность эффективных критериев отбора в состав элиты*. Моска особо подчеркивал значение интеллектуальной состоятельности, выдающихся волевых качеств и внутренней сплоченности для удержания господства правящим классом. Общество как разновидность динамической системы стремится к обретению равновесия. В качестве средства достижения подобного равновесия В. Парето рассматривал процесс смены (циркуляции) элит, в рамках которого Парето выделял два типа циркуляции элит — сменяемость управленческих сообществ и большие циклы неизбежного упадка прежних элит: через несколько поколений аристократии теряют способность к управлению и умирают, будучи сметенными новыми элитами, поэтому история предстает «кладбищем аристократий». Циркуляция элит и составляет подлинное содержание исторического процесса, по мнению Парето. Ре-

Вильфредо Парето (1848–1923) — итальянский экономист, социолог и политолог, создатель концепции циркуляции элит. В понимании элит В. Парето сделал акцент в интерпретации понятия «элита» на личностно-психологическом аспекте. Для определения принадлежности к элите Парето предложил использовать количественные методы: «Дадим, например, тому, кто превосходно делает свое дело, индекс 10. А тому, чьи успехи сводятся только к наличию единственного клиента, — индекс 1, так, чтобы можно было поставить 0 крестину... И так далее для всех сфер деятельности... Таким образом, мы составим класс тех, у кого самые высокие индексы в их сфере деятельности, и назовем это элитой»¹². Элита, в свою очередь, подразделяется на правящую, осуществляющую политико-управленческие функции, и неправящую.

волюции есть не что иное, как исторические смены элит; борьба элит есть константа социального развития, воплощающаяся в конкретных формах (религиозные войны, буржуазные революции, пролетарские восстания). Новые лидеры, борясь за собственные привилегии, стремятся представлять себя в качестве выразителя общенациональных интересов и стремятся к подчинению прежних союзников¹³.

Важным постулатом классических теорий элит является — если использовать современную терминологию — *представление о том, что эффективность элиты во многом определяется степенью открытости элитной ротации*. Анализируя способы рекрутирования кандидатов в состав правящего класса, Г. Моска выделял две тенденции: аристократическую и демократическую. Первая, исторически доминирующая, означает передачу власти по наследству, но абсолютизация этой тенденции ведет к деградации правящего слоя. Для предотвращения его кристаллизации Моска считал необходимым вливать в него «новую кровь», что предполагает включение в когорту управленцев наиболее одаренных представителей низших слоев, способности и воля которых способствуют сохранению высокого интеллектуального и волевого тонаса правящего класса. «Очевидно, что верховная власть способна только тогда оставить заметный след в истории, когда ей удастся удержать инициативу своевременного реформирования правящего класса в своих руках. Принципиальное достоинство низших классов заключается в их врожденной способности выделять из своей среды элементы, обладающие способностями к мудрому управлению. Моска полагал, что включение выходцев из низших слоев в элиту не только предотвращает ее вырождение, но и блокирует социальные движения низов за обретение равенства. Однако поддержание таким образом эле-

ментов политического равенства не предполагает, что последнее должно быть дополнено равенством экономическим и культурным¹⁴.

В. Парето также полагал, что в отношении низших слоев у наследственной аристократии есть две стратегии: репрессии и абсорбция. Второй способ не только более гуманен, но и более продуктивен, так как предотвращает вырождение аристократии и блокирует социальные движения низов. Однако поддержание политического равенства не предполагает, что оно должно быть дополнено равенством экономическим и культурным.

Предметом рефлексии в рамках классических теорий стало осознание различий в способах легитимации власти элит. Моска полагал, что способы легитимации господствующего положения меньшинства меняются на протяжении веков — от насильственных на ранних этапах цивилизации до политико-идеологических, религиозных и культурных в последующие периоды. Содержание политико-идеологической доктрины («политической формулы») правящего класса варьируется в зависимости от потребностей и запросов конкретной исторической эпохи. Макс Вебер стал автором классической триады типов, в основе которых лежат различные формы политического лидерства — традиционный, харизматический или рационально-законный¹⁵.

Многообразие способов легитимации власти определяет множественность форм ее реализации. Разновидностями способов осуществления власти Моска считал автократическую (при которой авторитет и власть транслируются исключительно сверху) и либеральную (предполагающую делегирование полномочий снизу).

Признанные впоследствии классическими работы Моски, Парето, Михельса, Вебера, Острогорского дали мощный импульс дальнейшим исследованиям элит. Используемый в различных странах понятийный ряд не в последнюю очередь отражает мировоззренческие и политико-идеологические оценки отношений властных и массовых групп в этих политиях. Так, в американском политическом лексиконе, сформировавшемся в рамках неявного понимания политики как элитарной сферы (исторически политика в США была уделом избранных¹⁶, а большая политика во многом остается ею и теперь — значимая роль финансового фактора в избирательных кампаниях и не прямой характер выборов в данном контексте не случайны), укоренились понятия «элита», «правлящий класс», «истеблишмент». Между тем французские социологи (Р. Арон¹⁷ и др.) на протяжении большей части XX в. предпочитали использование аксиологически нейтрального термина «политический персонал», что во многом обусловлено наследием идей эгалитаризма в республиканской политической традиции Франции. Термин «элита» долгое время вызывал здесь отчетливые антиэгалитарные и антидемократические ассоциации, тогда как понятие «класса» воспринималось как прогрессивное и демократическое. Более того, французские политологи критически оценивали использование термина «элита» в американской литературе, что определило

Моисей Яковлевич Острогорский (1854–1919) — российский правовед, историк, социолог и политолог, один из основоположников сравнительного метода в политической науке, наряду с Роберто Михельсом (1876–1936) и Максом Вебером (1864–1920).

С 1875 г. после окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета Острогорский несколько лет работал в Департаменте юстиции; в 1881 г. покинул государственную службу и на длительное время уехал за рубеж. Обучался в парижской Свободной школе политических наук, где в 1885 г. защитил диссертацию по теме «О происхождении всеобщего избирательного права»; некоторое время занимался исследованиями в Великобритании и США. В 1905 г. Острогорский вернулся в Россию, был избран депутатом I Государственной думы и активно участвовал в работе ее комиссий; разделял основные политические установки партии конституционных демократов, но сам оставался беспартийным. После разгона Думы вновь покинул Россию, вернувшись только после Октябрьской революции, и полностью отошел от политической деятельности, сосредоточившись на научных исследованиях.

В классическом труде «Демократия и политические партии» предметом исследования Острогорского стал механизм реализации власти и управления в современном обществе. Автор выявил противоречие принципов демократии и реального функционирования политических партий. Быстрый переход от традиционного общества к демократии, превративший массы в реальный фактор политического процесса, создал возможность нового авторитаризма — демократического цезаризма, использующего демократические формы для утверждения антиправового режима, обоснования власти меньшинства партийной олигархии над большинством. Острогорский первым установил связь таких параметров современного развития, как переход к массовому обществу и возможность манипуляции волей избирателей, взаимоотношение масс и политических партий, бюрократизация и формализация самих этих партий в условиях жесткой конкуренции в ходе борьбы за власть. Все эти тенденции эволюции партий выражаются в возникновении *Кокуса* — особой политической машины, позволяющей лидерам сосредоточить власть над партийными структурами. По мнению Острогорского, политические партии являются инструментом контроля правящей и гражданской элиты по отношению к обществу. Вследствие теневой составляющей правящей партии трудно говорить о полноценном политическом плюрализме и реальных дискуссиях в парламенте, так как многие решения принимаются до их публичного обсуждения в недрах теневых партийных структур.

Основные работы: ЛАНЬ®

- «Женщина с точки зрения публичного права: сравнительное исследование истории и права» (французская публикация 1892 г.; одновременно издана в Великобритании и Германии)
- «Демократия и организация политических партий» (французская публикация 1898 г.; английская публикация в 1903 г. принесла Острогорскому широкую известность; первая публикация в СССР была осуществлена в 1927–1930 гг., но вскоре книга была изъята из научного оборота)
- «Демократия и партийная система в Соединенных Штатах» (1910 г.; является переработанным для публикации в США 2-м томом «Демократии и организации политических партий»)

Острогорский Моисей Яковлевич:

«Если говорят, что народ не способен к самоуправлению и что, следовательно, поэтому всеобщее избирательное право и парламентаризм являются абсурдом, то я готов согласиться с первым пунктом, но нахожу, что вывод, который из него делается, совершенно ошибочен: политическая функция масс в демократии не заключается в том, чтобы ею управлять; они, вероятно, никогда не будут на это способны. Если даже облечь их всеми правами народной инициативы, непосредственного законодательства и непосредственного управления, фактически управлять будет всегда небольшое меньшинство, при демократии так же, как при самодержавии. Естественным свойством всякой власти является концентрация, это как бы закон тяготения социального порядка. Но нужно, чтобы правящее меньшинство всегда находилось под угрозой. Функция масс в демократии заключается не в том, чтобы управлять, а в том, чтобы запугивать управителей. Действительным вопросом в данном случае является вопрос о том, способны ли они запугивать и в какой мере они на это способны. Что массы в большинстве современных демократий способны серьезно запугивать управителей, это вне всякого сомнения. И именно благодаря этому мог быть осуществлен серьезный прогресс в обществе; плохо ли, хорошо ли, но управители вынуждены считаться с народными нуждами и стремлениями. Большим затруднением теперешнего политического положения является то, что еще малообразованные и недостаточно сознательные массы недостаточно запугивают политиков. Таким образом, широко распространенное массовое образование и способность масс к высказыванию своего мнения имеют в политической жизни в меньшей степени непосредственное значение, — исключая, разумеется, их значения для более сознательного выбора своих уполномоченных, — и в большей степени необходимы для лучшего запугивания тех, кто управляет от имени народа и спекулирует на недостатке его проницательности. Эти управители будут вести себя иначе, если им придется иметь дело с более образованными избирателями; они их будут больше запугивать. Вот почему вдвойне важно в демократии поднимать интеллектуальный и моральный уровень масс: вместе с ним автоматически поднимается моральный уровень тех, которые призваны стоять выше масс».

*Острогорский М. Я. Демократия и политические партии
(1898, цитируется по изданию 1997 г.)*

Роберт Михельс (1876–1936) — немецкий политолог и социолог.

Наряду с Г. Москвой, В. Парето Р. Михельс считается одним из основателей элитологии, а также социологии политических партий. В своей основной работе «Социология политической партии в условиях современной демократии» (1911 г.) Михельс выдвинул так называемый «железный закон олигархических тенденций» в буржуазной демократии, согласно которому возможности демократии ограничиваются в связи с необходимостью существования организации, опирающейся на «активное меньшинство» (элиту), поскольку прямое господство масс технически невозможно и приведет к гибели демократии. Михельс приходит к выводу, что олигархия — неизбежная форма жизни крупных социальных структур. Поэтому, по мнению Михельса, демократия неизбежно превращается в олигархию. Поскольку демократия не может существовать без организации, управленческого аппарата, элиты, это ведет к закреплению постов и привилегий, к отрыву от масс, к несменяемости лидеров, к вождизму. В итоге функционеры левых партий меняют свой социальный статус, превращаются в правящую элиту. Харизматических лидеров, поднимающих массы к активной политической деятельности, сменяют бюрократы, а революционеров и энтузиастов — консерваторы и приспособленцы.

Накануне Первой мировой войны Михельс порвал с немецким и итальянским социалистическим движением, в котором участвовал несколько лет, и выступил с резкой критикой марксизма.

Основная работа:

«Социология политической партии в условиях современной демократии» (1911)

существенный лаг в исследовании властных групп французской политической наукой по сравнению с англо-американской, в которой это понятие утвердилось в качестве альтернативы марксистскому классовому анализу¹⁸.

Для более корректного использования профильных терминов Р. Арон предлагал следующий логический прием: «Я использую термин “элита” в наиболее широком смысле: это те, кто находится на высших ступенях иерархии в разных областях деятельности, кто занимает наиболее привилегированные позиции по уровню богатства или престижа. Термином “политический класс” лучше обозначать намного более узкое меньшинство, которое реально выполняет политические функции управления. Термин “правящий класс” в этом случае будет помещен между “элитой” и “политическим классом”: он включает в себя те привилегированные группы, которые без осуществления

Роберт Михельс:

«Неизменный социальный закон состоит в том, что в любом органе общества, возникшем под влиянием разделения труда, возникает по мере его консолидации собственный интерес, интерес сам по себе и для себя. Но существование собственного интереса в общем союзе включает в себя существование трений и противоположность интересов по отношению к общему интересу. Более того, в результате выполняемых ими общественных функций различные социальные слои объединяются и образуют органы, представляющие их интересы. Так надолго они превращаются в явные классы...

То, что современными социал-демократическими партиями руководят парламентарии, — свидетельство их преимущественно парламентского характера. Партии делегируют самым авторитетным своим представителям на самую авторитетную должность, на которой, по их разумению, можно принести самую большую пользу. Авторитет парламентария возрастает по еще двум причинам. С одной стороны, в результате того, что чем дольше он находится на посту, которого его никто не может лишить в период полномочий, тем более независим он от партийной массы и в конечном счете — от партийного руководства... В момент избрания его зависимость от партии лишь опосредована. Непосредственно же он зависит от избирателей и поэтому обязан, в конечном счете, своим положением неорганизованной массе...

Сегодня партийные массы настолько привыкли считать парламент главным местом сражения за их интересы, что прилагают все усилия, чтобы облегчить дело своих стратегов. Это убеждение определяет отношение масс к находящимся там своим парламентариям. Положение фракции в рейхстаге становится решающим моментом, высшим законом во многих вопросах. Массы старательно избегают любой резкой критики, способной каким-то образом ослабить позиции парламентской фракции, даже если эта критика носит принципиальный характер. Если же ее не удастся избежать, то она из-за тех же опасений опровергается и решительно осуждается вождями».

Р. Михельс. Социология политической партии в условиях современной демократии. 1911

политических функций оказывают влияние и на тех, кто управляет, и на тех, кто подчиняется — либо в силу своего морального авторитета, либо в силу обладания экономической или финансовой властью»¹⁹.

Иной подход предлагает известный немецкий исследователь К. фон Бойме. Если кратко суммировать позицию К. фон Бойме, то она такова: политический класс как понятие одновременно и шире, чем термин «политическая элита» (поскольку включает также «заднескамеечников»), и уже, поскольку политическая элита включает также таких неправительственных акторов, как администраторы, медиаперсоны и лидеры групп интересов²⁰.

На наш взгляд, терминологическое прояснение предполагает разведение двух аспектов. *Во-первых*, необходимо отметить, как соотносятся политологическая теория элит с классовой теорией и иными подходами к изучению социальной структуры. На наш взгляд, рамочным контекстом для понимания

соотношения различных теорий социально-политической структуры являются теории стратификации. Эти теории исходят из представления об обществе как о совокупности разнообразных социальных групп, выделяемых по различным критериям (возрастной, гендерный, уровень и характер доходов, профессиональный, демографический, социально-статусный, культурный, образовательный и т.п.). В рамках теорий стратификации классовое деление, в основу которого положена дифференциация различных групп населения по масштабу и характеру собственности на средства производства и производимого продукта, место и роль в системе разделения труда, уровень получаемого дохода и материального благосостояния, является частным случаем стратификации. Дифференциация общества на элитные и внеэлитные страты (слои) также представляет собой частный случай стратификации. Основанием дифференциации в данном случае является различное отношение этих групп к власти, различная степень участия в принятии стратегически важных для социума решений.

Во-вторых, предполагается уяснение того, что концепт «политический класс» адресует не к *социальной*, а к *профессиональной* стратификации. На наш взгляд, понятие «политический класс» шире, чем понятие «политическая элита», поскольку охватывает не только ядро — тех, кто непосредственно управляет (элиты), но также широкий круг лиц, профессионально работающих в сфере политики и осуществляющих сопровождение процесса управления. Это партийные функционеры, политические журналисты, политические эксперты, политические консультанты, политические технологи и др. Политическая элита составляет ядро политического класса, включая тех, кто принимает стратегические решения; остальные категории политического класса окружают ядро подобно спутникам на орбитах Солнечной системы²¹.

Генезис и основные школы элитизма

Использование термина «элита» и динамика интереса к этому феномену в XX в. определены сложными траекториями взаимодействия элитарных и эгалитарных тенденций на различных этапах социального развития в мире и особенностями национального дискурса в различных политиях.

Хотя авторами первых теорий элит были европейские социологи, наибольшего развития исследование элит получили в США, где во второй половине XX в. и сложилась *элита-центричная парадигма исследования политики*.

Начало формированию данного направления в США было положено в 1930-е годы благодаря работам Г. Лассуэлла (Harold D. Lasswell), который, начиная с 1930-х годов, на протяжении нескольких десятилетий исследовал психологическое измерение власти и технологически-манипулятивные аспекты управления обществом²². Знаковой стала знаменитая книга Г. Лассуэлла «Политика: кто получает что, когда и как?» (1936)²³, идеи которой были раз-

виты в его совместной с соавторами работе «Сравнительное изучение политических элит. Введение и библиография»²⁴, посвященной анализу подходов к изучению элит. Заслуга Лассуэлла и других выдающихся американских политических социологов XX в. (Р. Мертон, П. Лазарсфельд, С. Элдерсфельд и др.) состоит в том, что они разработали и практически применили широкий спектр методов эмпирических социологических исследований, без которых невозможно представить современные исследования властных групп.

Центральной дилеммой американской элитологии стал спор *о структуре организации элиты*, в рамках которого сформировались две позиции — «монизма» и «плюрализма». Значение этих базовых установок состоит в том, что они определяют теоретико-методологическую рамку для эмпирических исследований властных групп. Существо разногласий сводится к оценке структуры элиты. «Монисты» полагают, что элита — это единая высокосплоченная категория по модели трех «С» Дж. Мизеля — *«consciousness, cohesion, conspiracy»* — сплоченность, самосознание, закрытость»²⁵. «Плюралисты» убеждены, что применительно к современному сложному обществу безосновательно говорить о единой элите — последняя представляет собой систему конкурирующих групп. Иными словами, «монисты» представляют элиту в терминах единства, сплоченности и гомогенности, а «плюралисты» — в терминах дисперсности и гетерогенности.

Наиболее последовательным выражением «монистической» позиции стала знаменитая работа Ч. Р. Миллса «Властвующая элита» (1956)²⁶. Позиция Миллса радикальна: он полагал, что американская элита представляет собой достаточно сплоченное сообщество высших руководителей госаппарата, крупных корпораций и армии. Миллс полагал, что руководство этих институтов и составляет правящую элиту: «Эти иерархические институты — государство, корпорация, армия — образуют собой орудия власти; как орудия власти они сейчас имеют такое значение, какого они никогда еще не имели на протяжении всей истории человечества; на вершинах этих иерархий находятся командные пункты современного общества, выявление которых дает нам социологический ключ к пониманию роли американских высших кругов... Семья, церковь и школа приспособляются к современной жизни; правительство, армия и корпорация формируют ее»²⁷. Руководители этих трех взаимопроникающих институтов образуют «треугольник власти», «элиту власти», которая принимает решения: «Под элитой власти мы понимаем те политические, экономические и военные круги, которые в сложном переплетении группировок разделяют право принятия решений, по меньшей мере общенациональной важности. В той мере, в которой национальные события становятся объектом принятия решений, элита власти представляет собой ту совокупность людей, которая их принимает»²⁸. Каналами карьерного продвижения и одновременно механизмами сплочения властной элиты являются университеты Лиги плюща, семейные связи, церковь и другие институты — политические и не-политические.

Радикальную линию Миллса поддерживал его сторонник Ф. Хантер (F. Hunter), который в 1950–1960-х годах изучал властные сообщества г. Антанта, а в конце 1950-х годов — высших руководителей США²⁹. Близкие монистической позиции взгляды в разное время высказывали Дж. У. Домхофф, М. Паренти, отчасти — Р.-Ж. Шварценберг, П. Бирнбаум, Ж. Мейно, П. Бахрах, У. Гентсмен, Р. Милибанд. Р.-Ж. Шварценберг полагал, что «треугольник власти» во Франции включает политическую власть, высшую администрацию и деловые круги³⁰. Характеризуя правящую элиту Франции, П. Бирнбаум писал: «Руководящий класс Франции постоянно укрепляет свою социально-профессиональную однородность, а политическая напряженность иногда свидетельствует об огромной сплоченности, которая отделяет его от других классов французского общества и противопоставляется им... Так выкристаллизовывается своеобразный руководящий класс, который кажется принадлежащим к другой вселенной, нежели та, к которой принадлежит все французское общество»³¹. Ж. Мейно в исследовании властной элиты Италии пришел к выводу об «олигархической структуре влияния» руководящего класса, объединенного общностью происхождения, сплоченного сетью личных неформальных коммуникаций. Конкуренция между отдельными субобразованиями не выходит за пределы руководящего слоя. Важнейшей характеристикой элиты в рамках данного подхода становится высокая степень ее сплоченности. В рамках описываемого подхода элита представляет собой сложное образование — вершину трехслойной пирамиды, в основании которой лишены реальной возможности влиять на ситуацию в обществе массы, а средний уровень занимают политические субъекты, реализующие групповые интересы. Возможности вертикальной мобильности в рамках пирамиды существуют, однако они весьма ограничены и являются функцией обретения решающего влияния в политике и экономике, что весьма затруднительно для аутсайдера.

Среди современных исследователей элит наиболее близки взглядам Миллса позиции Джорджа Уильяма Домхоффа³².

Влиятельным оппонентом монизма являются сторонники *теории плюрализма элит* (к числу сторонников этой позиции в разное время принадлежали Р. Арон, Д. Рисмен, Р. Даль, С. Келлер, Дж. Сартори, Р. Дарендорф и др.). Суть этих концепций — в представлении о лидерстве в обществе как прерогативе не одной монолитной элиты, а сфере влияния различных элитных групп: власть дисперсна, предполагает наличие множества центров власти. Р. Даль представил политическую власть США как совокупность автономных центров, ни один из которых не обладает монопольным правом на принятие решений. «Мы можем выделить группы различного типа и размера, стремящиеся различными путями добиться осуществления своих целей, как правило, хотя бы частично, за счет других»³³. С. Келлер выделяла различные типы «стратегических» элит³⁴. Дж. Сартори полагал, что условием эффективного управления в современном

Чарльз Райт Миллс (1916–1962) — американский социолог и публицист, один из основоположников леворадикального направления в западной социологии (наряду с А. Гоулднером), профессор социологии Колумбийского университета. Произведения Миллса активно публиковали популярные и интеллектуальные издания, он стал известен как автор нескольких книг, в том числе: «Властвующая элита», в которой был впервые введен соответствующий термин и описаны отношения и классовые союзы между политической, военной и экономической элитами США. Кроме того, широкую популярность получили его работы «Белые воротнички: Американский средний класс», а также «Социологическое воображение», в которой Миллс предлагает авторский взгляд на взаимоотношения между биографией и историей в социологической науке. Ч. Миллс выступал за объединение трех подходов в социологии — изучения биографий, исследования общества и его истории, что в совокупности и представляло собой «социологическое воображение».

Миллс также был обеспокоен положением интеллектуалов и ученых в обществе после окончания Второй мировой войны и выступал за их активное вовлечение в общественную и политическую жизнь.

Работы Миллса оказали значимое влияние на новые левые социальные движения 1960-х годов. Именно Миллс популяризировал термин «новые левые» в США в открытом письме 1960 г., вышедшем в журнале *New Left Review* — «Письмо новому левому движению», которое стало источником вдохновения для Порт-Гуронской декларации ведущей организации «новых левых» в США, — «Студентов за демократическое общество».

В последние годы жизни Ч. Миллс активно интересовался марксизмом и проблемами развития стран третьего мира, призывая к сближению капитализма и социализма, одновременно подчёркивая проблему разрыва между марксистскими идеями и их практическим воплощением в СССР и других странах «социалистического лагеря».

Основные работы:

- «Белые воротнички: Американский средний класс» (1951)
- «Характер и социальная структура» (1953, соавт. Х. Герт)
- «Властвующая элита» (1956)
- «Причины Третьей мировой войны» (1958)
- «Социологическое воображение» (1959)
- «Письмо к новым левым» (1960)
- «Слушайте, янки: Революция на Кубе» (1960)
- «Образы человека» (1960)

Чарльз Миллс:

«Судьба, или “необходимость”, движет историческими событиями, не подвластными никаким группкам или группам людей, которые: 1) достаточно компактны для идентификации; 2) обладают властью, достаточной для принятия решений, которые могут иметь последствия; 3) в состоянии предвидеть эти последствия и, таким образом, нести ответственность за них. В соответствии с этой концепцией, события есть итог и непреднамеренный результат неисчислимого количества действий огромного числа людей. Каждое отдельное действие незначительно по своим последствиям, которые сглаживаются или усиливаются другими подобными решениями. Не существует связи между намерениями какого-то одного человека и итоговым результатом неисчислимого количества действий. События происходят помимо воли людей: история делается за их спинами.

Понимаемая таким образом судьба не является универсальным фактом. Она не является неотъемлемой частью сущности истории или природы человека. Судьба — это свойство конкретно-исторического типа социальной структуры...

Теперь обратимся к главной особенности нашей жизни. Разве она состоит не в громадном расширении и подавляющей централизации всех средств власти и принятия решений, то есть всех средств творения истории? В современном индустриальном обществе средства производства развиваются и централизуются, по мере того как на смену крестьянам и ремесленникам приходят частные корпорации и государственные промышленные предприятия. В современном национальном государстве средства принуждения и политического администрирования проходят сходный путь развития по мере того, как королевский контроль над знатью и вооружавшиеся на собственные средства рыцари заменяются регулярными армиями, а теперь ужасающими военными машинами. Знаменующее постмодерн наивысшее развитие всех трех тенденций — в экономике, политике, принуждении — сегодня наиболее ярко наблюдается в США и в СССР. В наше время происходит концентрация средств сотворения истории как национального, так международного масштаба. Поэтому разве не понятно, что именно сейчас люди обладают уникальной по своим масштабам и возможностям способностью сознательно управлять историческим процессом? Властвующие элиты, распоряжающиеся этими средствами, сегодня действительно делают историю — конечно, “при обстоятельствах, выбранных не ими”, — но по сравнению с другими людьми и другими эпохами эти обстоятельства, безусловно, не кажутся непреодолимыми.

В непосредственно переживаемой нами ситуации, несомненно, заключен парадокс. Факты применения новейших средств управления историческим процессом свидетельствуют о том, что люди не находятся во власти судьбы и теперь могут творить историю. Нелепость состоит в том, что другие факты показывают: в данный момент идеологии, предлагающие людям надежду на управление историческим процессом, переживают в западных обществах упадок и крах. Этот крах означает разрушение надежд идеологии Просвещения на то, что разум и свобода станут господствующими, высшими силами челове-

ской истории. И это происходит на фоне интеллектуального и политического бездействия научного сообщества.

Где та интеллигенция, которая велеречиво рассуждает о западном мире, где те интеллектуалы, чья деятельность пользуется влиянием среди политических партий и общественности, чье мнение учитывается при принятии исторических решений? Где доступ таким людям к средствам массовой информации? Кто из руководителей двухпартийного государства и его жестоких военных машин чутко реагирует на то, что происходит в мире знания, разума и чувств? Почему свободный интеллект так далек от принятия решений власти? Почему сейчас среди власть имущих преобладают крайняя безответственность и невежество?

В сегодняшних Соединенных Штатах интеллектуалы, художники, проповедники, гуманитарии и ученые тоже ведут холодную войну, и вместе с официальными властями переживают замешательство. Они не выдвигают к власти имущим требований об альтернативных направлениях политики, равно как не излагают собственных программ перед общественностью. Они не пытаются внедрить принцип ответственности в политическую жизнь Соединенных Штатов, а способствуют выхолащиванию ее содержания. Плачевное моральное состояние общества отражается и в порочности (по христианским меркам) духовенства, и в добровольном переходе ученых в государственно-монополистический «аппарат науки». Сюда же относится и журналистская ложь, ставшая обыденностью, и значительная часть претенциозной пошлости, которая слывет общественной наукой.

Я не жду, что по данному вопросу со мной согласятся все обществоведы. Главное, что я хочу сказать, — это то, что для любого ученого, принявшего ценности разума и свободы, основная задача заключается в определении границ свободы и возможностей разума в истории.

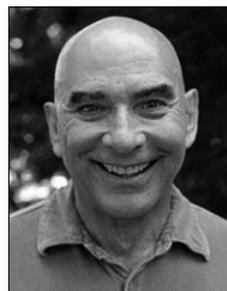
Принимая на себя третью роль, обществовед не считает себя какой-то персоной, независимой от общества. Но он чувствует, подобно многим другим людям, что находится вне процесса принятия главных исторических решений эпохи, и в то же время знает, что находится среди тех, на ком отражаются многие последствия этих решений. В этом состоит главная причина, почему по мере осознания того, что он делает, обществовед явно превращается в «человека политического». Невозможно быть «вне общества», вопрос в том, какую позицию ты занимаешь в обществе.

Ч. Миллс. Социологическое воображение, 1959.

обществе является рекрутирование правящих групп на основании принципа селективной полиархии; при этом последняя должна представлять собой полиархию по основанию достоинств³⁵.

Одним из первых, кто сформулировал антитезисы Миллсу, был Д. Рисмен и соавторы в работе «Одинокая толпа»³⁶. В оппонировании Миллсу Рисмен апеллировал к характерному для американской политической практики существенному влиянию на процесс принятия решений и управления государством в целом многочисленных групп интересов и групп влияния³⁷.

Джордж Уильям Домхофф (род. 1936 г.) — один из ведущих американских психологов и социологов, в сферу научных интересов которого входит изучение корпоративных элит, внутренней структуры высших страт американского общества, а также американской версии социальной мобильности и ее механизмов.

В своих исследованиях Домхофф приходит к выводу, что правящий класс США контролирует корпоративную экономику, т.е. в американской жизни произошла не «революция менеджеров», способная привести к власти новую контрэлиту, а относительно сплоченная корпоративная элита. У. Домхофф доказывает единство различных институтов властвующей элиты, поскольку лица, возглавляющие корпоративный мир, включены в деятельность одних и тех же фондов, политических партий, гражданских объединений. По мнению автора, концепция властвующей элиты — соединительное звено между плюралистическими и радикальными позициями. Домхофф рассматривает обладающий властью правящий класс в рамках расширенной концепции элиты. Исследуя общественные институты высшего класса с помощью репутационного и позиционного методов анализа, У. Домхофф не только выявляет структуру и состав высшего класса, но и представляет его как правящую элиту, т.е. «стоящий на вершине социальной пирамиды класс — совокупность взаимосвязанных социальных институтов».

Основные работы:

«Кто правит Америкой?» (1-е изд. 1967)

«Высшие круги» (1970)

«Власть имущие» (1979)

«Кто правит Америкой?» (7-е изд. 2014)

«Изучая властную элиту. 50 лет исследования «Кто правит Америкой?» (2018)

Впоследствии У. Корнхаузер систематизировал существо различий в позициях Р. Миллса и Д. Рисмена и соавторов³⁸. Он отметил пять позиций, по которым взгляды Р. Миллса и Д. Рисмена принципиально расходятся.

Наиболее значимы расхождения относительно *структуры властной элиты*. Миллс убежден, что властная элита представляет собой монолитную группу, включающую высшие эшелоны администрации, крупных корпораций и армии. По мнению Рисмена, элита дисперсна, она представляет собой совокупность наиболее влиятельных «групп вето». При этом и Миллс, и Д. Рисмен представляют социальную структуру современного общества в виде трехуров-

невой структуры, в основании которой — неорганизованное большинство, на промежуточном уровне — группы интересов, наверху — властная элита. При этом Миллс полагает, что неорганизованное большинство не в состоянии оказывать никакого влияния на монолитную элиту. Д. Рисмен считает, что неорганизованная масса все же способна оказать некоторое воздействие на группы интересов.

Особенности функционирования. Если Миллс утверждает, что политика в различных сферах социальной организации реализуется сплоченной элитой, то Рисмен убежден, что в каждой сфере доминирует специфическая группа.

Содержание власти. Миллс утверждает: интересы различных институциональных воплощений элиты совпадают, что является объективной основой психологической сплоченности властного класса. Рисмен усматривает разновекторность влияния различных «групп вето», следствием чего является отсутствие осязаемой сплоченности различных групп.

Тенденции развития власти. Если Миллс убежден в возрастании степени концентрации власти в руках единой элиты, то Рисмен полагает, что превалирующей тенденцией развития власти является ее возрастающая плюрализация.

Следствия. Миллс утверждает, что тенденцией развития власти является взаимное усиление позиций правительства, корпораций и армии, падение роли публичной политики в политическом процессе, а значит, и неизбежное снижение общего уровня подотчетности власти и демократичности общества. Рисмен настроен более оптимистично, в связи с тем, что ни одна группа не имеет сравнительных преимуществ, он прогнозировал усиление плюрализма власти и, как результат, потенциальное возрастание степени демократичности общества.

Наиболее последовательным теоретическим обоснованием дисперсности власти и, соответственно, плюрализма элит стали работы выдающегося американского политолога Роберта Даля (Robert Dahl), предложившего концепт «полиархии» для определения системы власти, основанной на ее разделении между несколькими элитными группами. Даль рассматривал элиту как «контролирующую группу»³⁹, полагая, что власть реализуется посредством конкуренции элитных сегментов относительно принятия ключевых для общества решений⁴⁰. Именно эта методологическая рамка во многом определяет современные эмпирические исследования элит. При этом Даль косвенно признал, что обладание политической властью открывает возможности доступа и к другим ресурсам: вводя с опорой на классический принцип разделения властей концепцию полиархии, он предложил термин «кумулятивного неравенства» для определения асимметричной социальной дифференциации, при которой контроль над одним из ресурсов (политической властью) открывает доступ к получению остальных ресурсов (материальные блага, военное доминирование и проч.).

Роберт Алан Даль (1915–2014) — один из патриархов американской политологии, всемирно известный специалист в области теории демократии, профессор Йельского университета, первый лауреат премии Юхана Шютте за выдающиеся достижения в политической науке (1995).

Роберт Даль оказал значительное влияние на развитие политической науки благодаря своим исследованиям о распределении власти в обществе и теоретическими концепциями относительно механизмов демократического правления в современном обществе и роли плюрализма в организации современной власти. В своих работах Р. Даль рассматривал такие проблемы, как трансформация политических систем, предпосылки демократии, соотношение понятий свободы, равенства и демократии. Всеобщий интерес вызвала разработанная Далем в середине 1950-х годов концепция полиархии, понимаемая автором как нетождественная буквально демократическому идеалу, но все же предоставляющая гражданам возможность политического участия, а группам и лидерам — возможность открытого соперничества в борьбе за власть.

Существенным препятствием для демократии Р. Даль считал чрезмерную концентрацию и централизацию власти, а важным фактором развития полиархической демократии считал рассредоточение экономических и политических ресурсов.

Основные работы:

- «Введение в теорию демократии» (1956)
- «Современный политический анализ» (1964)
- «Политические оппозиции в западных демократиях» (1966)
- «Полиархия. Участие и оппозиция» (1971)
- «Дилеммы плюралистической демократии» (1982)
- «Демократия и ее критики» (1989)
- «О демократии» (1998)
- «О политическом равенстве» (2006)

Роберт Даль:

«Подобно демократии, полиархия может быть рассмотрена с нескольких различающихся точек зрения.

Как тип режима. Прежде всего полиархия может быть рассмотрена как специфический вид режима для управления современным государством — режима с характеристиками, которые определенно отличают его от всех других режимов, существовавших до XIX в., а также от большинства современных режимов, установившихся в нациях-государствах.

Это отличие возникает в результате совмещения двух характеристик: относительно высокой терпимости к оппозиции — к тем, кто противостоит действиям правительства, и относительно широких возможностей участвовать во влиянии на поведение правительства и даже в смещении мирным путем различных официальных лиц. Более определенно полиархии можно отличать от других режимов благодаря наличию и реальному функционированию семи институтов. К этим институтам я отношу следующие: широко распространенное сегодня близкое к универсальному избирательное право; право участвовать в общественных делах; справедливо организованные выборы, в которых исключено всякое насилие или принуждение; надежная защита свободы выражать свое мнение, включая критику правительства, режима, общества, господствующей идеологии и т.д.; существование альтернативных и часто конкурирующих между собой источников информации и убеждений, выведенных из-под правительственного контроля; высокая степень свободы в создании относительно автономных и самых разнообразных организаций, включая, что особенно важно, оппозиционные политические партии; и относительно высокая зависимость правительства от избирателей и результатов выборов.

Как продукт демократизации наций-государств. Полиархия также может быть осмыслена исторически, или в развитии, как ряд определенных институтов, претерпевших значительную эволюцию, в том числе под влиянием усилий демократизировать и либерализировать политические институты наций-государств. С этой точки зрения полиархия есть уникальный исторически обусловленный комплекс только что перечисленных мною институтов, возникших в первую очередь в результате предпринимавшихся в XVIII в. попыток адаптировать демократические идеи и имевшийся опыт к большим масштабам современных наций-государств. Этот исторически сложившийся комплекс политических институтов по традиции именуют демократическим. Элементы этого комплекса пришли на смену тем свободным политическим институтам, которые существовали в различающихся между собой демократических или республиканских городах-государствах...

Как необходимость демократического процесса. Полиархия может быть понята как направленность политических институтов, необходимая для того, чтобы удовлетворительно обеспечить соответствие демократическому процессу, когда цель реализуется в большом территориальном пространстве, в масштабе нации-государства...

Как система проверки компетенции. Далее, полиархия может быть понята как система политического контроля, в которой в соответствии с обозначенной нами направленностью институтов высшие официальные лица в управлении государством сталкиваются с перспективой быть смещенными в результате народных выборов. Поэтому они вынуждены варьировать свое поведение, если хотят одержать победу в конкурентной борьбе с другими кандидатами, партиями и группами. С этой точки зрения наиболее явная характеристика полиархии — открытое соревнование между политическими элитами за должность. Такая конкуренция помогает сформировать скорее состояние взаимовлияния элит и масс, чем состояние одностороннего господства элит, которое, как уже вывел Михельс, возникает в результате действия железного закона олигархии.

Как система прав. Наконец, полиархия может быть интерпретирована как система прав, в которой обычные права гарантированы и защищены институционально. Каждый из семи институтов обеспечивает соблюдение определенных прав, что оправдывает его существование и функционирование. Так, например, обстоит дело с всеобщим избирательным правом или свободой волеизъявления. Для институционализации свободы слова граждане должны владеть закрепленным в законодательном порядке правом свободно высказываться по политическим вопросам, а в обязательства официальных лиц государства должна входить поддержка этого требования вплоть до наказания нарушителей, если таковое потребует. Очевидно также, что, для того чтобы институт существовал, право не может быть лишь абстрактным или теоретическим... Право должно быть закреплено не только законодательно, но и в судебном порядке. Несмотря на все сложности, должен быть создан и орган закрепления прав, в отсутствие этого действительного закрепления прав институт не может быть признан реально существующим.

Для тех, кто убежден в желательности полиархии, политические права могут быть оценены по достоинству уже потому, что они необходимы для функционирования институтов полиархии. Но право, взаимосвязанное с полиархией, следует оценивать как явление, идею, необходимую для осуществления свободы и равенства демократического процесса. Например, если право на организацию оппозиционной правительству политической партии может быть оценено как необходимое для функционирования полиархии, то право на свободу волеизъявления следует оценивать и как само по себе ценное или необходимое для осуществления личной свободы.

Нет сомнений, полиархия может быть интерпретирована еще и многими другими способами. Марксист, например, может объяснить ее просто как «буржуазную демократию». Но мысль, которую я хотел бы здесь подчеркнуть, состоит в том, что описанные пять способов интерпретации не исключают один другого. Напротив, они взаимно дополняют друг друга. Они лишь подчеркивают различные аспекты или последствия функционирования тех институтов, которые отличают полиархические режимы от неполиархических».

Р. Даль. Полиархия, плюрализм и пространство, 1984

Взвешенные современные оценки структуры элит построены на избегании крайностей в оценках. Так, Ж. Блонель отмечает, что современные элиты не столь монолитны, как это представляли «монисты», но и не столь разобщены, как об этом писали «плюралисты»⁴¹. К этому можно добавить: структура элит динамична. Если обратиться к дискуссиям о структуре советской номенклатуры, то на протяжении второй половины XX в. высказывались взаимоисключающие суждения. Одни исследователи описывали ее как гомогенное и лишенное внутренних различий сообщество, другие — как совокупность групп интересов. Анализ показывает, что оба суждения имеют определенные основания: первые формировались на основании изучения номенклатуры раннесоветского периода, вторые — при анализе позднесоветского периода⁴².

«Монистические» и «плюралистические» трактовки не исчерпывают спектр содержательных интерпретаций этого многоликого феномена. Концептуально близки идеям плюралистического направления в элитологии концепции *демократического элитизма* (Й. Шумпетер, С. Липсет, К. Манхейм, Г. Лассуэлл и др.), которые находят продолжение в работах современных исследователей⁴³. Исходным постулатом этого направления является предложенное Й. Шумпетером понимание демократии как конкуренции различных элитных групп в борьбе за голоса избирателей⁴⁴. Изучая механизм функционирования либеральной демократии, *Йозеф Шумпетер* (Joseph Schumpeter) писал, что все, чего можно обоснованно ожидать от рядовых граждан, состоит в том, что они периодически выбирают между конкурирующими группами лидеров⁴⁵. *Карл Манхейм* (Karl Mannheim) и *Гарольд Лассуэлл* (Harold Lasswell) указывали, что элитизм и демократия не являются взаимоисключающими: демократия характеризуется не отсутствием элиты, а новым по сравнению с предшествовавшими политическими режимами способом рекрутирования и новым самосознанием элиты. Кроме того, плюралистическая система элит предотвращает монополию на власть, ибо группы взаимно нейтрализуют друг друга. Однако демократизм элиты, отмечает Манхейм, не означает ее дряблости. Напротив, неэффективность демократической элиты может стать причиной успеха авторитарных групп: в ситуации неэффективного лидерства «возникающая общая беспомощность и отсутствие руководства дают диктаторским группам шанс на победу»⁴⁶. Исследователи неоднократно подчеркивали, что демократический образ правления в большей мере, чем иные, нуждается в компетентном руководстве. В рамках данного направления элита претендует на роль защитника демократии, ибо ее деятельность в наибольшей степени воплощает демократические принципы свободы в отличие от авторитарного начала, олицетворяемого массой. Возможности совмещения элитизма и демократии на протяжении и последующих десятилетий оставались в повестке политической науки⁴⁷. Дебаты относительно содержания и перспектив развития демократического элитизма продолжаются и в наши дни⁴⁸.

Бурное развитие научно-технического прогресса во второй половине XX в. способствовало популярности идеи продвижения менеджеров-технократов на руководящие политико-управленческие позиции. К числу сторонников этого *технологического направления*, получившего статус школы элитизма во второй половине XX в., следует отнести Дж. Бернхема, К. Боулдинга, Л. Эппли, Д. Элеско, А. Берли и др. Факт появления технологических концепций отражает фундаментальные сдвиги в технологии массового производства, переход в середине XX в. промышленно развитых стран к позднеиндустриальной (а во второй половине XX столетия — к постиндустриальной) стадии развития. В контексте данной эволюции возникли идеи о том, что внедрение в условиях инноваций в практику массового производства целесообразно привлечению к практике управления обществом высококлассных технократов-менеджеров, способных применить новейшие достижения науки в производственный процесс и управленческие практики.

Следует отметить, что одним из первых — еще в начале XX в. — идею выдвижения на господствующие позиции технократов-организаторов обосновал наш соотечественник, автор «Всеобщей организационной науки» (так называлась его 3-х томная работа, изданная в 1920-х годах) *Александр Александрович Богданов*. Предтечей технологической школы считают основателя американской технологической школы *Торстейна Веблена* (Thorstein Veblen), полагавшего, что превращение научно-технической интеллигенции в ведущую силу производства должно сопровождаться изменением позиций этого слоя во властной иерархии. Ученый считал, что именно научно-техническая интеллигенция должна стать правящим слоем, ибо лишь ее управленческие решения в состоянии соответствовать сложному производству XX в.

Знаковой для технологического элитизма стала знаменитая работа *Джеймса Бернхем* (James Bernhem) «Революция менеджеров» (*The Managerial Revolution*, 1941). Бернхем считал, что в эпоху сверхсложного производства на смену идеологически организованным обществам (капитализм, социализм) в результате революции менеджеров приходит новый тип общества — «менеджеризм», в котором несущественны мировоззренческие различия. Дж. Бернхем полагал, что управление обществом должно стать прерогативой нового правящего класса — класса менеджеров. В категорию последних он включал не весь научно-технический класс, а его высший, подлинно элитарный слой — президентов компаний, председателей советов, директоров крупнейших промышленных и финансовых корпораций независимо от их профиля, а также высших правительственных служащих. Относительно рекрутирования элиты менеджеров Бернхем придерживался меритократического критерия: в состав этого сообщества должны войти наиболее одаренные представители различных слоев. Таким образом, в концепции Бернхема отчетливо звучит призыв к построению идеальной системы власти — меритократии, власти качества, а различие между политическим и административным управлением исчезает: высшие администраторы становятся политической элитой.

Идеи технологической школы получили развитие в *технократических концепциях 1960–1980-х годов* (Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, Г. Кан и др.). Согласно этим концепциям у власти в постиндустриальном обществе должна быть техноструктура — внутренне сплоченная корпорация со своими ценностями, установками, образом жизни. Предполагалось, что техноструктура должна включать элиту инженеров, ученых, администраторов высшего уровня. Анализируя структуру современного западного общества, *Дэниел Белл* (Bell Daniel) выделял три элемента: высший слой — творческая элита ученых и высшей профессиональной администрации, средний — инженерно-технический персонал, и технических работников различных отраслей. Предполагалось, что демаркационная линия между элитой и массой определена уровнем квалификации, а последняя, в свою очередь, определяется масштабом личной одаренности и качеством образования.

Перечисленные школы элитизма не исчерпывают весь спектр современных направлений исследований, который в течение последних лет получил развитие в рамках политико-психологических и иных изысканий. Представляется, что многообразие методологических подходов современной элитологии является позитивным фактором, ибо монополия ни одной из существующих концепций — сколь бы эвристически совершенной она бы ни была с точки зрения внутренней логики — не может претендовать на инвариантность: характеристики и особенности рекрутирования элиты не только специфичны в различных политиях, но и исторически изменчивы в рамках одной страны. Соответственно, эвристическая продуктивность того или иного подхода определяется задачами конкретного исследования.

Национальные школы элитизма

Как следует из вышеизложенного, несмотря на то, что исторически инициаторами аналитического изучения элит в конце XIX — начале XX в. были европейские исследователи, в последующем центр элитологических изысканий переместился в США, где в начале третьего десятилетия XX в. сложилась традиция основательного изучения властных групп. Помимо упомянутых работ Г. Лассуэлла, С. Эльдерсфельда и др., в разное время в США были опубликованы значимые для развития элита-центричной парадигмы исследования С. Келлер, Т. Боттомора, Т. Дая, У. Домхоффа, Дж. Перри, М. Марджера, У. Генри, Г. Мур и С. Мак, Дж. Манна, А. Басевича и многих других⁴⁹. Характерно в данном контексте название книги У. Генри — «В защиту элитизма» (1994)⁵⁰. Приоритетным объектом внимания традиционно выступали властные группы США. Книга Т. Дая «Кто управляет Америкой», впервые увидевшая свет в 1976 г., выдержала 8 изданий; последнее по времени (2014) посвящено президентству Б. Обамы. Работа У. Домхоффа «Кто руководит Америкой», впервые изданная в 1967 г., выдержала 7 изданий (последнее по времени увидело свет в 2014 г.); в 2018 г. издано под редакцией У. Домхоффа коллективное исследование «Исучая властную элиту. 50 лет исследованию «Кто руководит Америкой?»⁵¹.

Рубежной для эволюции элитизма в США и за их пределами стало исследование выдающегося американского политолога Р. Патнэма «Сравнительное изучение элит» (1976), в котором использовались ставшие к этому моменту традиционными для американской политической компаративистики количественные методы⁵². Характерно, что в открывавшем книгу обзоре профильной литературы Патнэм представил анализ примерно 600 публикаций различного характера по теме — столь обширным к этому времени был корпус литературы (преимущественно американских авторов). Патнэм выделил основные линии анализа элит в рамках этого обширного массива: неизбежность политических элит; отношения и взаимодействия между ними и массовыми группами; специфика процессов рекрутирования в различных контекстах; мотивации и ориентации элит, их структура и особенности трансформации.

Однако нельзя сказать, что в период публикации упомянутой книги Р. Патнэма элита-центричный дискурс был преобладающей исследовательской стратегией в мировой политической науке: 1960–1980-е годы были отмечены острой борьбой элитизма и марксизма как методологических подходов; весьма острыми были споры о том, какой концепт — элита или класс — наиболее эффективен в изучении социально-политической субъектности, а сама элита-центричная парадигма подвергалась острой критике со стороны сторонников влиятельного в тот период неомарксизма⁵³. Накал споров между сторонниками данных методологических подходов был не менее острым, чем противоречия между сторонниками социалистической и капиталистической систем. Более того, можно констатировать определенную корреляцию между острой борьбой двух экономических укладов — государственного и рыночного — и их отражением в политической науке. Как известно, рубеж 1970–1980-х годов стал периодом противостояния двух политико-экономических систем — противостоянием, которое было отмечено многочисленными локальными и международными (включая вооруженные) конфликтами в различных регионах мира — от Юго-Восточной Азии до Латинской Америки. Постепенная замена классового подхода в качестве мейнстрима элита-центричной парадигмой происходила параллельно с кризисом и распадом мировой системы социализма и в немалой степени инициировалась этим процессом: в социально-политической рефлексии массы в качестве доминантного политического актора были вытеснены узкими группами. Можно усмотреть определенный символизм в близости дат: завершение «Славного тридцатилетия» (1945–1975) практически совпало с изданием книги Р. Патнэма (1976). Упомянутые события произошли в контексте *третьей волны демократизации*⁵⁴, в результатах которой с позиций сегодняшнего дня можно усмотреть определенную иронию истории. С одной стороны, третья волна демократизации смела авторитарные режимы в Южной Европе и Латинской Америке⁵⁵, а с другой — была ознаменована «революцией элит»⁵⁶. Переход от классового подхода к элита-центричной парадигме изучения политики предстал естественной проекцией этого процесса в сферу политической науки.

Начавшийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис и его долговременные экономические и политические последствия усилили упомянутый глобальный тренд перераспределения влияния между элитными и массовыми акторами в пользу первых и нашли отражение в рефлексии этих процессов в политической науке⁵⁷. Элита-центричная парадигма в настоящее время является доминантной методологией в изучении субъектного поля мировой, национальной, региональной и локальной политик.

Таким образом, развитие элитологических изысканий в течение второй половины XX в. происходило, прежде всего, в рамках американской политической науки. Ситуация в европейских странах складывалась по-разному. В Великобритании сформировалось аналогичное по подходам американской политико-социологической школе направление, но существенно уступаю-

шее ему по обстоятельству. В последней трети XX в. активно развернулись элитологические исследования в ФРГ, что во многом было определено влиянием американской школы социальных наук в этой стране. Приоритетным объектом изучения являлись властные группы этой страны (работы Х. Беста, К. фон Бойме, У. Хоффманн-Ланге, Й. Бохерта и Й. Цайса⁵⁸ и др.). В Италии развитие традиций Г. Моски и В. Парето⁵⁹ представлено целым рядом известных имен (Дж. Сартори, М. Котта, А. Мастропаоло, М. Кализе, Л. Верзикелли и многие др.⁶⁰).

Во Франции же сам термин «элита» долго воспринимался как ценностно перегруженный, негативно коннотируемый и вследствие этого маргинальный (хотя активные дискуссии 1950–1960-х годов в профильной французской литературе относительно соотношения терминов «правлящий класс», «элиты», «политический класс» перекликались с аналогичными спорами в американской и немецкой исследовательской литературе⁶¹). Не случайно изучение элит во Франции началось позже, не только по сравнению с США, но и в сопоставлении с Великобританией и Германией, и осуществлялось по преимуществу посредством использования ценностно нейтральных терминов «политический персонал», «политический класс», «управленческий класс», «профессионалы от политики», «доминирующая категория». Это объяснялось не только влиянием эгалитарных традиций революции 1789 г., но также существенным отличием властных элит Франции от их американских и английских аналогов, а именно — особой ролью управленческой бюрократии.

Значимое влияние политико-административной бюрократии во Франции определило также смещение фокуса исследований: его центральным объектом стала именно эта управленческая категория, а также парламентский корпус⁶². Другой значимой темой стала роль системы образования в формировании французского управленческого класса⁶³. Пионером изучения политических элит Франции стал выдающийся французский социолог *Маттеу Доган* (Mattei Dogan), на протяжении ряда лет возглавлявший Исследовательский комитет (ИК) «Политические элиты» Международной ассоциации политической науки (МАПН)⁶⁴. В условиях доминирования качественных методов во французской компаративистике М. Доган был один из первых, кто ввел в практику исследований количественные методы.

Другим французским политологом, использовавшим термин «элита», был *Пьер Бирнбаум* (Pierre Birnbaum), предложивший «сравнительную социологию французского типа», сочетавшую изучение особенностей организации власти с карьерными траекториями бюрократии. Изыскания Бирнбаума показали, что в странах с обширными государственными полномочиями удельный вес и влияние госслужащих в общем пуле политических элит выше, чем в тех странах, где полномочия государства относительно скромны⁶⁵. Не случайно использование другим выдающимся французским социологом П. Бурдьё термина «государственная знать» применительно к анализу субъектного измерения французской политики⁶⁶.

Работы П. Бурдые получили широкую известность в том числе благодаря тому, что он инициировал изучение во французской литературе символических измерений политики, включая символические факторы доминирования элитных групп, которые во многом и обеспечивают преобладание этих групп и в сфере политики⁶⁷. Особую роль для осмысления символических измерений политики сыграла работа Бурдые «Социология политики», опубликованная на русском языке в 1993 г.⁶⁸ Традиция внимания к символическим особенностям элит получила развитие в изысканиях еще одного известного французского политолога — Ж.-П. Далоса, осуществившего сравнительно-социологический анализ символических репрезентаций европейских и африканских элит⁶⁹. Даниел Гакси из Университета Сорбонны изучал социальный профиль, политические ориентации и состав французского политического класса (в частности, парламентариев и членов правительств) посредством метода биографического анализа⁷⁰.

Таким образом, после публикации работ Г. Моски и В. Парето прошло несколько десятилетий, прежде чем их идеи получили развитие в европейской литературе.

Новая волна интереса мировой политической науки к изучению элит — ее иногда определяют как *неоэлитизм* — возникла в начале 1980-х годов и продолжается в настоящее время, обретая порой формат настоящего бума, что может быть отчасти объяснено — хотя и весьма опосредованно — стремлением к осмыслению существенных сдвигов в глобальном и национальных политических укладах; усилением рыночных начал в политике и широкомасштабной маркетизацией общественных отношений в целом, что парадоксально сопровождалось усилением цезаристских обертонів политического лидерства в ряде европейских стран и США⁷¹. Очевидно, что тектонические перемены в глобальной политико-экономической системе повлекли за собой существенные сдвиги в отношениях властных элит и обществ и нашло опосредованное отражение и в доминирующих дискурсах. Традиционная для американской политической науки элита-центричная парадигма стала практически общепринятой.

Эта новая волна во многом была инициирована учеными, объединившимися вокруг ИК «Политические элиты» МАПН, на посту главы которого в 2000 г. М. Догана сменил американский политолог *Джон Хигли* (John Higley), ставший неформальным лидером неоэлитизма⁷²; книга Дж. Хигли «Элитизм» (1980), изданная им в соавторстве с Дж. Филдом, в свое время положила начало этой новой волне⁷³. Странники данной парадигмы стремились к преодолению методологической дихотомии «монизма» и «плюрализма» в исследованиях элит. Джону Хигли удалось объединить усилия сторонников этого направления из обеих Америк, стран Европы, Азии, Австралии, Африки, результатом чего стало значительное число эмпирических исследований элит.

В 2012 г. преемником Дж. Хигли в качестве руководителя ИК «Политические элиты» стал профессор Университета Йены (Германия) Х. Бест, из-

вестный благодаря многим эмпирическим и теоретическим исследованиям, включая совместное с итальянским политологом М. Коттой многолетнее руководство общеевропейским проектом «Парламентское представительство в Европе. 1848–2014»⁷⁴, изучению европейских элит⁷⁵.

Исследования элит в России

В России, как известно, термин «элита» не использовался вплоть до последнего десятилетия XX в., прежде всего в связи с преобладанием на протяжении большей части XX в. марксистской парадигмы, в рамках которой инструментом субъектного анализа выступало понятие «класс».

Активизация использования данного концепта в России на исходе XX в. стала отражением того факта, что произошедшая в стране «революция элит» — как антитеза «революции масс» начала XX в. — стала, пожалуй, еще более мощной, чем в странах с устоявшимися демократическими традициями: в постсоветский период элиты — политические и экономические — предстали важнейшим актором субъектного поля отечественной политики. Доминирование элит стало важнейшим фактором, определившим интерес к элитистской проблематике, а отечественная элитология стала одной из наиболее развитых субдисциплин политической науки⁷⁶ — не случайно сам термин «элитология» стал российской новеллой, хотя и не бесспорной.

Эвристический потенциал отечественной элитологии включает несколько содержательных блоков. Это относительно немногочисленные исследования исторических, теоретических и методологических аспектов темы; характеристика сущностных и функциональных параметров различных сегментов элит, полученная посредством использования социологических (теоретических и эмпирических), политико-психологических и политико-компаративных методов; анализ внутриэлитных отношений. Наиболее сложным в методологическом отношении сюжетом стало историко-политологическое направление; успешными следует признать только считанные попытки. К числу наиболее серьезных недостатков можно отнести слабое владение методологией и методами собственно политологических исследований. Нередко авторы исследований, исторических по предмету, методологии и методам, ограничивались использованием термина «элита», полагая, что в этом и заключается политологическое исследование. Ничего, кроме досадного лексического «дребезжания» и очевидного методологического диссонанса, подобные попытки не вызывают.

В российской литературе было показано, что в эмпирических и теоретических исследованиях властных элит возможны три не-взаимоисключающих подхода. Элиты могут быть, рассмотрены как, *во-первых*, функциональные группы; *во-вторых*, как определенный социальный слой; *в-третьих*, в качестве институтов. Каждый из указанных вариантов исследований тяготеет

Дж. Хигли в окружении единомышленников по Исследовательскому комитету «Политические элиты» МАПН

к определенным теоретическим основаниям и обладает собственными объяснительными возможностями и ограничениями⁷⁷.

Важным фактором прояснения методологической рамки и структурирования проблемного поля отечественной элитологии стала дискуссия по ключевым теоретико-методологическим сюжетам (в том числе относительно объема и содержания концепта «элита» и его эвристических возможностей). Принципиальное значение имело разведение широкой и узкой интерпретаций термина «элита». Сторонники «широкой» трактовки полагают, что элита — это высшая страта, существующая в любом формате социальной стратификации, определяющая функционирование общества в целом и/или отдельных его подсистем, выступающая ключевым субъектом выработки норм и ценностей и включающая различные сегменты (политическая, экономическая, духовно-идеологическая, профессиональные). В узком смысле концепт «элита» используется для характеристики собственно управленческой (политико-административной) категории.

Есть и иные трактовки «узкого» и «широкого» понимания термина «элита». Согласно первой, элита есть социальный субъект, рождающийся в Новое время. Согласно другой позиции, возможно использование термина в более широком значении: элита — это социальная константа всех эпох — сообщество лиц, осуществлявших управление на различных этапах политической эволюции; генезис институтов государства был сопряжен с формированием аффилированной с ним управленческой категории. На наш взгляд, востребованность широкой трактовки элиты объясняется тем, что выявление атрибутивных характеристик элит предполагало рассмотрение и их генезиса: *процесс* формирования субъекта определяет его *сущность*⁷⁸. И потому востребован обобщающий понятийный конструкт, пригодный для «кросс-темпорального» исследования, позволяющего выявлять атрибутивные характеристики объекта. Комментируя упомянутые сюжеты дискуссии, можно отметить, что монополия той или иной позиции вряд ли оправдана; использование того или иного методологического подхода зависит от конкретных исследовательских задач. Еще один значимый сюжет профильной дискуссии касался соотношения ценностного и структурно-функционального подходов к дефиниции. Во многом диссонирующее звучание термина на этапе становления элитологии в России было определено слабой укорененностью функционального подхода в истории отечественной политической мысли.

Существенным результатом данной дискуссии можно считать консенсус большинства исследователей относительно необходимости отказа от нормативного подхода в пользу аналитического.

Характеризуя отечественные элитологические исследования, следует отметить: свойственный им плюрализм теоретико-методологических подходов и методов является не недостатком, а достоинством. Разработка новых концептуальных моделей предстает наиболее востребованным — но и наиболее сложным — сюжетом элитологических исследований. В целом соотношение достижений отечественной элитологии и ее проблем с осязаемым перевесом

склоняется в пользу первых. Совокупность значительного числа работ представляет обстоятельный портрет высшего эшелона российского общества.

Однако нельзя не отметить и определенные проблемы. Это, прежде всего, доминирование описательности во многих работах; недостаток эффективных эвристических моделей интерпретации процессов элитогенеза; порой — расхождение теоретических и эмпирических подходов: далеко не всегда предложенные теоретические конструкции выдерживают эмпирическую проверку, а эмпирические данные не всегда получают адекватную концептуальную интерпретацию. На наш взгляд, отмеченные сложности во многом обусловлены трудностями роста: экстенсивное развитие — естественный этап, который должен получить развитие в генерировании новых идей, концепций, и, надеемся, теорий, вне которых эвристически эффективное осмысление сложных политических процессов проблематично. Разработка новых исследовательских стратегий и инновационных моделей теоретического и эмпирического анализа, позволяющих представить современные элиты как сложносоставные и высокодинамичные образования, представляется насущно востребованным направлением дальнейших исследований.

Примечания

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11, 27–28.

² Аверин Ю. П. Теоретическое построение количественного социологического исследования. М., 2009.

³ Genieys W. The New Custodians of the State: Programmatic Elites in French Society. Transaction Publishers. New Brunswick and L., 2010. P. 25.

⁴ Putnam R. D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1976. P. 2.

⁵ О структуре элит в современном обществе см.: Гаман-Голутвина О. В. Современные теории элит // Политическая социология: В 2 ч. / Под ред. Т. В. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Юрайт, 2018.

⁶ Mosca G. Sulla teorica dei governi e sul governo parlamentare. Palermo: Tipografia dello statuto, 1883; Mosca G. (1923/1939). The Ruling Class. Eng. edition. N.Y.: McGraw Hill, 1939.

⁷ Pareto V. Trattato di sociologia generale. Firenze: Barbera, 1916; Pareto V. The Rise and Fall of the Elites. An Application of Theoretical Sociology. New Jersey, 1968; Pareto V. Elites and their Circulation // Structured Social Inequality: A Leader in Comparative Social Stratification. N.Y., 1969; Pareto V. Sociological Writings /Selected and Introduced by S. F. Finer, F. A. Praeger. N.Y., 1966 (or. 1916); Femia J. V. Pareto and Political Theory. L.: Routledge, 2006; Finer S. E. Pareto and Pluto-Democracy: The Retreat to the Galapagos // American Political Science Review. 1968. 62 (2). P. 440–450; Higley J., & Pakulski J. Pareto's Theory of Elite Cycles // J. V. Femia & A. D. Marshall (eds). Vilfredo Pareto: Beyond Disciplinary Boundaries. Surrey: Ashgate, 2012. P. 111–130.

⁸ Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig: Werner Klinkhardt, 1911; Michels R. Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. N.Y., 1915 (orig. 1911).

⁹ *Weber M.* (1922). *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: Mohr. English edition: *Economy and Society*. N.Y.: Bedminster Press, 1968; *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

¹⁰ *Острогорский М. Я.* Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997.

¹¹ *Pareto V.* *The Rise and Fall of the Elites. An Application of Theoretical Sociology*. New Jersey. 1968. P. 36.

¹² *Pareto V.* *Elites and Their Circulation // Structured Social Inequality: Reader in Comparative Social Stratification*. N.Y., 1969. P. 35.

¹³ *Ibid.* P. 36–38.

¹⁴ *Mosca G.* *Op. cit.* P. 335, 337.

¹⁵ *Weber M.* *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press, 1978; *Bendix R.* *Max Weber. An Intellectual Portrait*. N.Y.: Doubleday, 1960; *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

¹⁶ Осуществленное в 1970-х годах известным американским политологом Р. Патнэмом сравнительное эмпирическое изучение элит США, Великобритании, Италии, Германии второй половины XX в. позволило ему сформулировать закон возрастающей диспропорциональности: чем выше уровень политической власти, тем больше представлены в нем группы, обладающие высоким социальным статусом (см.: *Putnam R.* *The Comparative Study of Political Elites*. N.Y., 1976). Этой оценке близко мнение другого американского политолога М. Марджера, к которому он пришел на материале анализа американской политики 1980-х годов: даже в США, где вертикальная мобильность весьма интенсивна, социальное происхождение остается важным фактором процессов элитного рекрутирования (*Marger M.* *Elites and Masses: An Introduction to Political Sociology*. N.Y., 1981). См. также: *Енгибарян П. В.* *Время переоценки ценностей*. Гл. V. М.: Норма, 2018.

¹⁷ *Aron R.* *Social Class, Political Class, Ruling Class // R. Bendix, S. Lipset (eds). Class, Status and Power*. L., 1967. P. 17.

¹⁸ *Genieys W.* *The New Custodians of the State: Programmatic Elites in French Society*. Transaction Publishers. New Brunswick and L., 2010. P. 23–24.

¹⁹ *Aron R.* *Social Class, Political Class, Ruling Class // R. Bendix, S. Lipset (eds). Class, Status and Power*. L., 1967. P. 17.

²⁰ *Beyme K. von.* *The concept of political class: A new dimension of research on elites? // West European Politics*. 1996. 19:1. P. 71–73. См. также: *Beyme K. von.* *Die Politische Klasse im Parteienstaat*. Frankfurt: Suhrkamp, 1993.

²¹ *Гаман-Голутвина О. В.* Политический класс: сущностные и структурные характеристики // О. В. Гаман-Голутвина (отв. ред.). *Политический класс в современном обществе*. М.: РОССПЭН, 2012. О соотношении данных терминов см. также: *Etzioni-Halevy E.* (ed.). *Classes and Elites in Democracy and Democratization. A Collection of Readings*. Garland, N.Y., 1997.

²² *Lasswell H. G.* *Psychopathology and Politics*. N.Y., 1930; *Idem.* *The Analysis of Political Behavior: An Empirical Approach*. L., 1948; *Idem.* *Power and Personality*. N.Y., 1976; *Idem.* *On Political Sociology*. Chicago; L., 1977.

²³ *Lasswell G. D.* *Politics: Who Gets What, When and How?* N.Y.: McGraw Hill, 1936.

²⁴ *Lasswell H. D., Lerner D., Easton R.* *The Comparative Study of Political Elites. An Introduction and Bibliography*. Stanford: Stanford University Press, 1952.

²⁵ *Miesel J.* *The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the Elite*. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1958.

- ²⁶ *Mills Ch. W.* The Power Elite. N.Y.: Oxford University Press, 1956.
- ²⁷ *Миллс Р.* Властвующая элита. М., 1959. С. 25–27.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Hunter F.* Community Power Structure. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953; *Hunter F.* Top Leadership, U. S. A. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1959.
- ³⁰ *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология. М., 1992. Ч. 3. С. 136.
- ³¹ *Birnbaum P.* La classe dirigeante française. 1978.
- ³² *Domhoff W.* Who Really Rules: New Haven and Community Power Reexamined. New Jersey, Transactions Books, 1978; *Domhoff W.* Who Rules America? New Haven: Yale University Press, 1967 (7-е изд. — 2013).
- ³³ *Даль Р.* Введение в теорию демократии. М., 1992. С. 138.
- ³⁴ *Keller S.* Beyond the Ruling class. Strategic Elites in Modern Society. N.Y., 1963.
- ³⁵ *Сартори Дж.* Вертикальная демократия // Полис. 1993. № 2. С. 89.
- ³⁶ *Riesman D., Denney R & Glazer N.* The lonely crowd: a study of the changing American character. New Haven, CT: Yale University Press, 1950. — 386 p.
- ³⁷ Феномен групп интересов и групп давления к этому времени получил свою концептуализацию в работах А. Бенгли и Д. Трумэна. *Bentley A.* The Process of Government. Chicago, 1956; *Truman D.* The Governmental Process. N.Y., 1951.
- ³⁸ *Kornhauser W.* “Power Elite” or “Veto Groups” // R. Bendix, S. Lipset (eds). Class, Status and Power. L., 1967. P. 210–218.
- ³⁹ *Dahl R. A.* Critique of the Ruling Elite Model // The American Political Science Review. 1958. Vol. 52. No 2; *Dahl R. A.* Polyarchy. Participation and Opposition. New Haven; L., 1971.
- ⁴⁰ *Dahl R.* The Concept of Power // Political Power: A Reader in Theory and Research / Ed. by R. Bell, D. Edwards, R. Wagner. N.Y.: Free Press; L.: Collier-Macmillan, 1969. P. 80.
- ⁴¹ *Blondel J., & Muller-Rommel F.* Political Elites // R. J. Dalton & H.-D. Klingemann (eds). The Oxford Handbook of Political Behavior. Oxford: OUP, 2007. P. 818–833.
- ⁴² Подробнее см.: *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. Гл. 5.
- ⁴³ *Sartori G.* Democratic Theory Revisited. Chatham: Chatham House, 1987; *Best H., & Higley J.* (eds). Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives. Leiden: Brill, 2010.
- ⁴⁴ *Schumpeter J.* Capitalism, Socialism and Democracy. N.Y.: Harper and Brothers, 1942.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ *Манхейм К.* Человек и общество в эпоху преобразования // Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 316.
- ⁴⁷ *Sartori G.* Democratic Theory Revisited. Chatham: Chatham House, 1987.
- ⁴⁸ *Best H., & Higley J.* (eds.). Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives. Leiden/Boston: Brill, 2010.
- ⁴⁹ *Keller S.* Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. N.Y.: Random House, 1963; *Bottomore T. B.* Elites and Society. L.: Routledge, 1964 (2nd ed., 1993); *Parry G.* Political Elites. N.Y.: Praeger, 1969; of *Dye T. R.* Who’s Running America? Institutional Leadership in the United States. Prentice-Hall, 1976 (1st ed.; 8th ed. — Who’s Running America? The Obama Reign. Boulder: Paradigm was published in 2014); *Marger M.* Elites and Masses: An Introduction to Political Sociology. N.Y., 1981; *Henry W. A.* In Defense of Elitism. N.Y.: Doubleday, 1994; *Moore G. and Mack S.* From Vietnam to Iraq: American Elites’ Views on the Use of Military Force // Comparative Sociology. 2007. 6 (1–2). P. 215–231; *Mann J.* The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power. N.Y.: Penguin

Books, 2012; *Bacevich A.* Washington Rules. America's Path to Permanent War. N.Y.: Metropolitan Books, 2010.

⁵⁰ *Henry W. A.* In Defense of Elitism. N.Y.: Doubleday, 1994.

⁵¹ *Domhoff W. G.* et al. Studying the Power Elite. Fifty Years of Who Rules America? N.Y.: Routledge, 2018.

⁵² *Putnam R. D.* The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1976.

⁵³ *Best H., Higley J.* (eds). The Palgrave Handbook of Political Elites. Introduction. L.: Palgrave Macmillan, 2018.

⁵⁴ *Huntington S. P.* The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

⁵⁵ *Higley, J., & Gunther, R.* (eds). Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe. N.Y.: Cambridge, 1992.

⁵⁶ *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос, Прогресс, 2002; *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России: веки исторической эволюции. М.: Интеллект, 1998. Гл. 6.

⁵⁷ *Best H., & Higley J.* (eds). Political Elites in the Transatlantic Crisis. L.: Palgrave, 2014; *Blinder A.* After the Music Stopped. The Financial Crisis, the Response, and the Work Ahead. N.Y.: Penguin, 2013.

⁵⁸ *Beyme K. von.* Die politische Elite in der Bundesrepublik Deutschland. 2nd ed. Munich: Piper 1974; *Beyme K. von.* Political Parties in Western Democracies. N.Y.: St Martin's Press 1985; *Beyme K. von.* Elite Relations in Germany // Continuity and Change in German Politics; *Beyme K. von.* The Legislator. German Parliament as a Centre of Decision-Making. Asbgate, 1998; *Beyme K. von.* Elite Input and Policy Output. The Case of Germany // M Czudnowski (ed.). Does Who Governs Matter? De Kalb: Northern Illinois Press; *Hoffmann-Lange U.* Konsens und Konflikt zwischen Führungsgruppen in der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt: Lang, 1980 (with *Helga Neumann and Bärbel Steinkemper*); *Hoffmann-Lange U.* Surveying national elites in the Federal Republic of Germany // George Moysen and Margaret Wagstaffe (eds). Research Methods for Elite Studies. L.: Allen & Unwin, 1987. P. 27–47; *Hoffmann-Lange U.* Eliten in der Bundesrepublik: Kartell der Angst, Machtelite oder verantwortliche Repräsentanten? // Heinrich Best (ed.). Politik und Milieu. Wahl- und Elitenforschung im historischen und interkulturellen Vergleich. St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag, 1989. P. 238–261; *Hoffmann-Lange U.* Eliten, Macht und Konflikt in der Bundesrepublik. Opladen: Leske + Budrich 1992; *Borchert J., Zeiss J.* (eds). The Political Class in Advanced Democracies. Oxford University Press, 2003.

⁵⁹ *Pareto V.* The Rise and Fall of Elites: An Application of Theoretical Sociology. New Brunswick, New Jersey, U.S.A.: Transaction Publishers, 1966; *Pareto V.* The Mind and Society. A Treatise on General Sociology. N.Y., Dover, 1935.

⁶⁰ *Sartori G., Lotti L., Somogy G. and Predieri A.* Il Parlamento Italiano. Naples: ESI, 1963; *Cotta M.* Classe politica e Parlamento in Italia. Bologna: Il Mulino, 1979; *Cotta M.* The Italian Political Class in the Twentieth Century // M. Czudnowski (ed.). Does Who Govern Matter? Illinois, 1982; *Amato S.* La Teoria della Classe Politica da Rousseau a Mosca. Firenze, 2001; *Cotta M. and Verzichelli L.* Italy: The Sunset of Partitocracy // J. Blondel and M. Cotta (eds). Party and Government. L.: Macmillan, 1996. P. 180–201; *Zannoni P.* The Concept of Elite // European Journal of Political Research. 1978. No 6; *Mastropaolo A.* Saggio sul Professionismo Politico. Milano, 1984; *Mastropaolo A.* Sviluppo politico e parlamento nell'Italia liberale // Passato e Presente. 1986. 12. P. 29–86; *Mastropaolo A.* Il ceto politico: teoria e practice. Rome:

NIS, 1993; *Dorso G.* Dittatura Classe Politica e Classe Dirigente. Roma, 1986; *Pizzorno A.* Le difficoltà del consociativismo // A. Pizzorno (ed.). Le radici della politica assoluta e altri saggi. Milan: Feltrinelli, 1993. P. 285–313; *Albertoni E.* Dottrina della Classe Politica e Teoria delle Elites. Milano, 1985; *Farneti P.* Il sistema politico italiano. Bologna: Il Mulino, 1973; *Calise M. and Mannheimer R.* Governanti in Italia: Un trentennio repubblicano. Bologna: Il Mulino, 1982; *Bettin G.* (ed.). Classe politica e città. 1993.

⁶¹ *Aron R.* Social Class, Political Class, Ruling Class // R. Bendix, S. Lipset (eds). Class, Status and Power. L., 1967. P. 17.

⁶² Подробнее см.: *Genieys W.* The New Custodians of the State: Programmatic Elites in French Society. Transaction Publishers. New Brunswick and L., 2010.

⁶³ *Bourdieu P.* The State Nobility. Elite Schools in the Field of Power. Cambridge: Polity Press, 1996.

⁶⁴ *Dogan M., Higley J.* (eds). Elites, Crises and the Origins of Regimes. Rowman and Littlefield, Lanham, 1998; *Dogan M.* (ed.). The Pathways to Power. Boulder/Colo: Westview Press, 1989; *Dogan M.* (ed.). Elite Configurations at the Apex of Power. Brill, Leiden–Boston, 2003; *Доган М., Пелассу Д.* Сравнительная политическая социология. М.: Социально-политический журнал, 1994.

⁶⁵ *Birnbaum P.* La classe dirigeante française. 1978; *Birnbaum P.* The Heights of Power: An Essays on the Power Elite in France. Chicago: University of Chicago Press, 1982.

⁶⁶ *Bourdieu P.* The State Nobility. Elite Schools in the Field of Power. Cambridge: Polity Press, 1996.

⁶⁷ *Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste. L.: Routledge, 1984.

⁶⁸ *Бурдьё П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.

⁶⁹ *Daloz J.-P.* The sociology of Elite Distinction. From Theoretical to Comparative Perspectives. L.: Palgrave Macmillan, 2012; *Daloz J.-P.* Reflections on the Comparative Study of Political Leadership // H. Baldersheim & J.-P. Daloz (eds). Political Leadership in a Global Age: The Experience of France and Norway. Farnham: Ashgate, 2003. P. 17–33; *Daloz J.-P.* Political Elites and Symbolic Superiority // H. Best, J. Higley (eds). The Palgrave Handbook of Political Elites. L.: Palgrave Macmillan, 2018; *Daloz J.-P.* Political Elites in Sub-Saharan Africa // H. Best, J. Higley (eds). The Palgrave Handbook of Political Elites. L.: Palgrave Macmillan, 2018.

⁷⁰ *Gaxie D.* Les facteurs sociaux de la carrière gouvernementale sous la Cinquième République de 1959 à 1981 // *Revue française de sociologie.* 1983. Jul.-Sept. Vol. 24. No 3. P. 441–465; *Gaxie D.* Immuables et changeants : les ministres de la Ve République // *Pouvoirs.* 1986. Janvier. No 36 — Le ministre. P. 61–78 ; *Gaxie D.* Political and Social Backgrounds of Political Elites // H. Best, J. Higley (eds). The Palgrave Handbook of Political Elites. L.: Palgrave Macmillan, 2018.

⁷¹ *Blondel J.* The Presidential Republic. Houndmills: Palgrave, 2015; *Higley J. and Pakulski J.* Forceful Leaders and Leonine Elites in Liberal Democracies // *Comparative Sociology.* 2007. 6 (1–2). P. 6–26; *Higley J. and Pakulski J.* Elite and Leadership Change in Liberal Democracies // *Sasaki M.* Elites: New Comparative Perspectives. Leiden–Boston, 2008; *Higley J.* ‘The Bush Elite: Aberration or Harbinger?’ // B. O’Connor and M. Griffiths (eds). The Rise of Anti-Americanism. L.: Routledge, 2006. P. 155–68; *Poguntke T., & Webb P.* The Presidentialization of Politics. Oxford: Oxford University Press, 2005.

⁷² *Burton V., Higley J.* Invitation to Elite Theory. The Basic Contentions Reconsidered // W. G. Domhoff, Th. Dye (eds). Power Elites and Organization. Beverly Hills, Sage, P.U.F.,

1987. P. 219–238; *Higley J., & Gunther R.* (eds). *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. N.Y.: Cambridge, 1992; *Higley J., Hoffmann-Lange U., Kadushin C., & Moore G.* *Elite Integration in Stable Democracies: A Reconsideration* // *European Sociological Review*. 1991. No 7. P. 35–53; *Higley J., Pakulski J., & Wesolowski W.* (eds). *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe*. L.: Macmillan, 1998; *Higley J. & Burton M.* *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Lanham/Boulder: Rowman & Littlefield, 2006; *Higley J.* *The Endangered West. Myopic Elites and Fragile Social Orders in a Threatening World*. N.Y.: Routledge, 2016.

⁷³ *Field G. L., & Higley J.* *Elitism*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1980.

⁷⁴ *Best H., & Cotta M.* (eds). *Parliamentary Representatives in Europe 1848–2000*. Oxford: Oxford University Press, 2000; *Cotta M., & Best H.* (eds). *Democratic Representation in Europe*. Oxford: Oxford University Press, 2007; *Best H., Edinger M., Semenova E.* *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe*. L., Routledge, 2014.

⁷⁵ *Best H., Lengyel G., & Verzichelli L.* (eds.). *The Europe of Elites*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

⁷⁶ Подробнее см.: *Гаман-Голутвина О. В.* *Элиты в фокусе элитологических исследований* // О. В. Гаман-Голутвина (отв. ред.). *Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии*. М.: Аспект Пресс, 2015; *Гаман-Голутвина О. В.* *Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке* // *Политическая наука*. 2016. № 2; *Гаман-Голутвина О. В.* *Российская элитология: результаты и проблемы* // *Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007)*. М.: РОССПЭН, 2008.

⁷⁷ *Дука А. В.* *Исследования элит: поиск теоретических оснований* // *Власть и элиты в российской трансформации* / Под ред. А. В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2005; *Дука А. В.* *Социальная дифференциация и рекрутирование политических элит* // *Гаман-Голутвина О. В.* *Политический класс в современном обществе*. М.: РОССПЭН, 2012.

⁷⁸ См.: *Гаман-Голутвина О. В.* *Политические элиты России: вехи исторической эволюции*. М.: РОССПЭН, 2006.

Литература

Гаман-Голутвина О. В. *Метафизические измерения трансформаций российских элит* // *Полис*. 2012. № 4.

Гаман-Голутвина О. В. *Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке* // *Политическая наука*. 2016. № 2.

Гаман-Голутвина О. В. *Политические элиты России: вехи исторической эволюции*. М.: РОССПЭН, 2006.

Гаман-Голутвина О. В. *Сравнительное изучение политических элит и политического лидерства* // О. В. Гаман-Голутвина (отв. ред.). *Сравнительная политология*. М.: Аспект Пресс, 2015.

Гаман-Голутвина О. В. *Элиты в фокусе исследований* // О. В. Гаман-Голутвина (отв. ред.). *Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии*. М.: Аспект Пресс, 2015.

Лапина Н. Ю. *Элитизм в России и Франции: К вопросу изучения проблемы (XX — начало XXI в.)* // *Политические институты России и Франции: Традиции и современность: Сб. научных трудов* / Отв. ред. Д. В. Ефременко, Н. Ю. Лапина. М.: ИНИОН, 2014.

Политические элиты в старых и новых демократиях / О. В. Гаман-Голутвина, А. П. Клемешев (отв. ред.). Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012.

18. Элита-центричная парадигма исследования политики

Политический класс в современном обществе / О. В. Гаман-Голутвина (отв. ред.). М.: РОССПЭН, 2012.

Элиты и общество в сравнительном измерении / О. В. Гаман-Голутвина (отв. ред.). М.: РОССПЭН, 2011.

Best H., & Higley J. (eds). *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives*. Leiden/Boston: Brill, 2010.

Domhoff W. G. et al. *Studying the Power Elite. Fifty Years of Who Rules America?* N.Y.: Routledge, 2018.

Dyczok M. and Gaman-Golutvina O. (eds). *Media, Democracy and Freedom*. Bern: Bern–Berlin–Bruxelles–Frankfurt-am-Main–N.Y.–Oxford–Wien: Peter Lang, 2009.

Foley M. *Political Leadership: Themes, Contexts, and Critiques*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Gaman-Golutvina O. *Changes in Elites Patterns* // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No 6.

Gaman-Golutvina O. *Political Elites and Political Leadership in Russia* // J. Masciulli, M. Molchanov, and W. Knight (eds). *The Ashgate Research Companion to Political Leadership*. Ashgate, 2009.

Gaman-Golutvina O. *Political Elites in the Commonwealth of Independent States* // *Elites: New Comparative Perspectives* / Ed. by M. Sasaki. Leiden–Boston: Brill, 2008.

Gaman-Golutvina O. *Political Elites in the Focus of Scientific Researches* // H. Best and A. Wenninger (eds). *Landmark 1989. Central and Eastern European Societies Twenty Years after the System Change*, Munster et al.: LIT Verlag, 2010.

Higley J. and Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracies*. Oxford: Rowman & Littlefield, 2006.

Mosca G. *The Ruling Class*. N.Y., 1939.

Pareto V. *The Rise and Fall of the Elites. An Application of Theoretical Sociology*. New Jersey, 1968.

19. КОНЦЕПТ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова

Идентичность, политическая идентичность, национальная идентичность, политика идентичности, дискурс идентичности

Острая потребность в аналитической категории, которая могла бы отразить психологические и социальные характеристики субъективной реальности в их взаимосвязи, была осознана в социогуманитарных исследованиях в последние десятилетия XX в. Качественные изменения характера производства и сферы трудовых отношений потребовали не только объяснения, но и оценки возможностей и ограничений для нынешнего и будущих поколений политики перераспределения общественных ресурсов в рамках модели социального государства и наличных механизмов политико-правового регулирования. Социогуманитарное знание оказалось перед эпохальным когнитивным вызовом: общественные трансформации перестали укладываться в привычные рамки динамики институтов, идей и идеологий, интересов и потребностей социальных групп, анализ которых традиционно находился в центре внимания социальных наук. Выявление мотиваций социальной деятельности и, главное, оценка перспективных траекторий и альтернатив общественного развития стали самыми актуальными исследовательскими задачами.

Эти приоритеты четко обозначились в условиях, когда проявились когнитивные ограничения таких популярных объяснительных моделей, как глобализация, «конец истории», «волны демократизации», «демократический транзит», формировавшие научный дискурс о развитии на рубеже 2000-х годов. Сама принципиальная возможность выделения однонаправленного магистрального тренда общественных изменений и, тем более, разработки всеохватной объяснительной модели была поставлена под сомнение и переосмыслена. Понимание развития как совокупности нелинейных процессов, идущих в неодинаковом для разных обществ и сообществ социальном времени, стимулировало поиски «общих знаменателей» происходящих стремительных перемен в сознании, культурных нормах и политических институтах.

Одним из таких «знаменателей» стала идентичность. Это редкий пример укоренения в обыденном сознании категории научного дискурса, которое, в свою очередь, стимулировало новый виток поисков возможностей адекватно отразить представления о субъективной реальности, формирующейся в социальных взаимодействиях, показать их изменчивый и многоплановый характер. «Секрет» популярности концепта идентичности — в связанных с ним ожиданиях получить ответ на неразрешенный с помощью привычного инструментария социогуманитарного знания вопрос: как гармонично соотнести социальные потребности и приоритеты развития современного общества с ценностями и смыслами человеческого бытия. И, что не менее важно, в надеждах «открыть» с его помощью источники социального действия и социального творчества. В конечном счете — прояснить глубинные механизмы социальных и культурных изменений, определяющие перспективы общественного развития. Дискурс идентичности стал рассматриваться как эффективный механизм конструирования социальной реальности, а динамика идентичности — как один из значимых маркеров социальных трансформаций, описывающих включенность человека в социальные процессы.

В общественных науках освоение методов изучения субъективного пространства социальной реальности происходило постепенно в контексте развития «понимающей социологии». Структурный подход открыл понимание социального времени, в котором человек изменяется сам, а его представления о мире и о себе меняют социальную среду. Исследования менталитета, инициированные французской Школой Анналов в контексте исторической антропологии и «возвращения» политической истории, ориентировали на поиски смыслов и мотиваций человеческого поведения путем интерпретации мировосприятия, представлений и стереотипов мышления в исторической ретроспективе. Изучение политической культуры¹ наметило пути экстраполяции этих подходов на анализ политического поведения на уровне национальных сообществ и групп в их составе.

- Использование концепта идентичности в политическом анализе призвано решить задачу теоретико-методологического синтеза комплекса оснований социальной деятельности — ценностных, определяемых духовными ориентирами и нравственными установками человека, эмоциональных, заданных его психическим складом, и рационально мотивированных интересами и потребностями. Соединяя индивидуальный и коллективный срезы социального опыта, концепт идентичности фиксирует состояние и, одновременно, отражает динамику представлений человека о своем месте в мире и о своем «я».

Использование этой аналитической категории позволило поставить в центр внимания мотивацию индивидуального выбора жизненных траекторий человека в социально обусловленном контексте. Соотношение массового

и индивидуального сознания, личностное измерение политического процесса в его взаимодействии с измерением групповым, общественным долгое время оставались на периферии исследовательского внимания. Но и здесь можно отметить вехи включения этой тематики в поле политических исследований, в том числе в отечественном научном наследии, в частности, в работах Г. Г. Дилигенского, основоположника российской научной школы социально-политической психологии².

Герман Дилигенский:

«...Поскольку социально-политическая психология имеет дело с общественной действительностью, с отношениями, выходящими далеко за рамки отношений межличностных, она не может обойтись без весьма высокого уровня обобщения. Конечным продуктом познавательного процесса является в данном случае формирование образа общества, включающего определенные представления о составляющих его группах и отношениях между ними, о системе власти и направленности политической деятельности, об его отношениях с другими обществами (государствами). В зависимости от исторического и социально обусловленного культурного и интеллектуального уровня субъектов познания эти понятия могут выражаться в теоретических категориях, выработанных общественной и научной мыслью (таких, например, как социализм и капитализм, классы, эксплуатация, социальная справедливость и т.д.) или в терминах обыденного сознания... Абстрактному знанию об этой действительности противоречит хорошо известная тенденция к ее персонификации. Она проявляется далеко не только в относительно ранних и примитивных формах общественного сознания... один и тот же политический деятель может, например, символизировать порядок и национальное величие или деспотизм и террор, социальную справедливость или подавление свободы, прогрессивные изменения в обществе или его разрушение».

«Конечно, на протяжении своей жизни любой индивид постоянно сталкивается с социально-политической действительностью, испытывает ее воздействие, так сказать, “на собственной шкуре”. Однако его индивидуального опыта совершенно недостаточно как для формирования обобщенных, построенных на абстрактных понятиях представлений о ней, так и для уяснения причинно-следственных связей между непосредственно воспринимаемыми и испытываемыми явлениями, с одной стороны, и обуславливающими их факторами — с другой. Между тем причинно-следственные связи социально-политических явлений — совершенно необходимый элемент их познания: понимание таких связей требует прежде всего прагматическая ориентация данного вида познания. Социально-политические знания нужны людям прежде всего для того, чтобы знать, чего им ожидать от общества и его институтов, как лучше реагировать на ожидаемые события. Уже этот стихийно-прогностический характер социально-политического знания предполагает его каузальную ориентацию, понимание причин и следствий охватываемых им явлений».

Г. Г. Дилигенский. Социально-политическая психология. 1994

Труды российского ученого дали импульс осмыслению идентичности как категории политического анализа, стимулировали исследования российских ученых в этом предметном поле политической науки³.

В политической науке концепт идентичности утверждался в процессе расширения предметного поля политических исследований и самого понятия «политического». Категория идентичности оказалась достаточно емкой для того, чтобы соединить (на уровне социальных групп и сообществ разной природы и конфигурации — от профессиональных до национально-государственных) индивидуальный и надындивидуальный срезы сознания и поведения в политической сфере. В результате появилась возможность преодолеть системные ограничения политико-институционального анализа, расширить границы знаний о природе политических коммуникаций, стимулировать политическое воображение.

Осмысление политического пространства, символической политики, политической картины мира, сетевых форм политических взаимодействий и реалий « сетевого общества » во многом опирается на идентитарные исследования⁴.

- Категория идентичности позволила отразить одновременно состояние и динамику общественных настроений, сопряженную с ними рефлексию их носителей, отображение такой рефлексии в дискурсивных практиках и ее проекцию в политическое действие.

Обзор подходов к использованию концепта идентичности в российской и зарубежной политической науке выявил наряду со стремительным нарастанием числа посвященных различным аспектам изучения идентичности публикаций проблему выстраивания предметного поля исследований. Действительно, что такое «политическая идентичность»? Сводится ли она к совокупности привычных форм политического сознания и поведения? Какую роль играет обыденное сознание в системе политической самоидентификации? Как происходит преломление индивидуальной идентичности в социальной сфере? Что представляют собой разновидности макрополитической идентичности — социокультурные конструкты или реалии коллективного опыта? Какая политика идентичности может соответствовать запросам демократического общества? Какие новые возможности дает (и дает ли) концепт идентичности для политического прогнозирования? Этот ряд вопросов продолжить.

Ставя такие проблемы, ученые, работающие в поле политических исследований, оказываются перед необходимостью создания понятийного ряда, необходимого для концептуализации идентичности как фактора общественных изменений. Поэтому объяснимы попытки заимствовать и адаптировать понятия смежных отраслей знания, в первую очередь психологии, социологии, социальной и культурной антропологии, культурологии и гуманитарной

географии к потребностям политических исследований. Или же использовать привычные уже термины без уточнения их содержательного наполнения.

В отсутствие в политической науке общего дискурса (как способа ее репрезентации идентичности в публичном пространстве и «говорения» о ней) нынешние частные дискурсы зачастую отличаются смысловой неопределенностью либо создают — усилиями некоторых «публичных интеллектуалов» и политиков — благодатную почву для политического манипулирования. Это отнюдь не сугубо российская, а общая для современной политической науки и социогуманитарного знания проблема, тем более очевидная, что некоторые устоявшиеся в зарубежной исследовательской практике подходы, а порой и сам язык политической науки уже не соответствуют реалиям сегодняшнего дня. Это расхождение происходящих изменений и подходов к их пониманию диктует (как в случае с концептом «политики идентичности») необходимость их переосмысления и неоднородного толкования. Такого рода проблемы порождают и отрицательное отношение к когнитивному потенциалу категории идентичности, которое в полемически заостренной форме сформулировали американские политологи Р. Брубейкер и Ф. Купер⁵. Однако мы солидаризируемся с позицией Ч. Тилли, который полагает, что скорее «стоит разобраться с пониманием идентичности», прояснив содержательные характеристики этого многомерного концепта как проявления взаимодействия, всегда ситуативного и всегда социально обусловленного⁶.

Нормой научного дискурса стало понимание неиерархического характера личностной идентичности, совместимости в ней разных составляющих и ситуативной значимости тех или иных из них. Внимание к индивидуальному «я» (*self*) в контексте текущего социального времени⁷ формирует актуальные нарративы идентичности. Саморефлексия вокруг таких нарративов и ее отражение в изменениях культурной нормы и в динамике институтов стали неотъемлемой характеристикой «текущей современности»⁸. Современное общество можно определить, считает известный российский социолог и этнолог Л. М. Дробижева, как «пространство постоянно изменяющихся идентичностей»⁹.

В условиях стремительных трансформаций, которые описывают известные метафоры «столкновения цивилизаций», «текущей современности», «общества риска» и подобные, особенно острой становится потребность в осмыслении связей человека с институтами, претендующими на организацию управления многомерными общественными процессами. Но социальные и культурные изменения нередко обгоняют возможность увидеть социальность за рамками ее привычных форм и, тем более, адаптировать политические институты к новым общественным потребностям. В результате, как отметил автор получившего широкую известность труда «Общество индивидов» немецкий социолог Н. Элиас, проявляется «эффект запаздывания»: «Мы-образ» оказывается «далеко позади реальности глобальных взаимозависимостей», а «захваченные

этими изменениями люди в своей личностной структуре, в своем социальном габитусе еще продолжают оставаться на более ранней стадии» социальности¹⁰.

В контексте изучения современной социально-политической динамики индивида (от лат. *individum* — неделимое) можно рассматривать как «базовую единицу» анализа социальных изменений (имея в виду неизбежное при выстраивании аналитической модели упрощение, связанное с многомерностью и принципиальной неисчерпаемостью познания духовной природы человеческой личности). Рассмотрение социального изменения как результата «совокупности индивидуальных действий» — «фундаментальный принцип социологии действия» и идущего от М. Вебера и Г. Зиммеля «методологического индивидуализма» в изучении таких изменений, позволяющего выявить их природу.

Привычные понятия «государства» и «общества» оказываются слишком размытыми и недифференцированными для осмысления многомерных социальных трансформаций категориями, и единицей дифференциации становится индивид в своем политическом, гражданском качестве: его деятельность решительно вторгается в публичную сферу — пространство взаимодействия государства и общества. «В определенном смысле любое действие можно рассматривать как действие индивида», в то же время, «как бы ни были важны для определения конкретного действия индивидуальные различия, именно общие типовые характеристики больших человеческих групп... образуют органическую основу действия»¹¹. С другой стороны, «сегодняшний кризис идеологического дискурса и его модели политического субъекта ставят под вопрос само положение человека как центра современной политики», а подходы к определению человеческой сущности в политическом дискурсе оказываются обусловленными задачами легитимации власти¹².

Политическая наука в поисках путей разрешения такого рода идейных и методологических противоречий традиционно шла по пути вычленения и анализа форм и мотиваций политического участия гражданина. В рамках такого подхода в центре изучения политики как особой сферы социальной коммуникации остаются электоральное поведение, политический активизм (членство в партии, участие в политических кампаниях, массовых акциях) и вовлеченность в различные формы гражданского участия. Проблемы политической социализации, массового сознания и поведения, их связь с индивидуальным поведением и сознанием — предмет социально-политической психологии¹³. В центре внимания работающих в этом поле исследователей находятся личностный фактор в политике, феномен лидерства, образы власти в массовом сознании¹⁴. О важности осмысления мотивации и форм политического участия для понимания перспектив политического развития свидетельствуют и масштабные исследования российских социологов 2000-х годов¹⁵, в том числе посвященные осмыслению повседневности и личной жизни как генерирующей политические импульсы среды. В целом в русле развития нау-

ки о человеке можно отметить и тенденцию дифференциации знания о нем в поле политической науки, и растущую потребность в интеграции разных исследовательских полей для системного осмысления человеческого измерения политики и политического на основе концептуализации социальной идентичности.

Понятие политической идентичности как важнейшей составляющей социальной идентичности, впервые появившееся в работах американских авторов еще в 1960-е годы¹⁶, до сих пор ограничено используется в политических исследованиях. Это связано с многозначностью самого термина, неопределенно широким его применением в социальных науках и недостаточной проясненностью когнитивных характеристик. Наиболее распространенное в общественной дискуссии и публичной политике толкование приравнивает политическую идентичность к идентичности национальной, предваряя само понятие относительными прилагательными (например, французская политическая идентичность, баскская политическая идентичность). Такое понимание распространяется и на характеристику макрополитической идентичности сообществ, которые в политическом дискурсе выделяются по стержневому признаку, имеющему политическую проекцию, например религиозному (исламская политическая идентичность) или институциональному (европейская политическая идентичность, имея в виду идентичность граждан стран ЕС).

- **Политическая идентичность** представляет собой комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом. Она утверждается во взаимодействии с политическими институтами и проявляется в публичной сфере. Коллективные субъекты политики разного уровня формируют свою **политическую идентичность** на основании самоотношения с иными субъектами политики — носителями «иной» идентичности, и размежевания с ними. В этом контексте **политическая идентичность** как совокупность представлений об идейных ориентациях, политических притязаниях и интересах политических акторов служит маркером политической субъектности, легитимирует ее. Идейно-политические позиции и партийная принадлежность вовлеченного в политический процесс индивида могут описываться в категориях *политической (само)идентификации*¹⁷.

Политическая идентичность конституируется на коллективном уровне и задает ориентиры индивидуального и группового политического поведения. Она формируется в процессе освоения индивидом сферы политических идей и интересов и утверждается путем соотношения себя с референтным

коллективным участником политического процесса и самоопределения относительно идейных позиций и интересов других носителей политической идентичности.

Проблематика идентичности в политической науке не сводится к анализу политической идентичности и ее измерений, но «прорастает» в смежные сферы наук о человеке и обществе. Осмысление мотивов и целей человеческой деятельности сквозь призму идентичности позволяет не просто пересмотреть применительно к меняющейся реальности содержание концептов человека «с прилагательными» («политического», «экономического», «креативного» и др.), но подняться над одномерным толкованием моделей социального поведения, присущим и экономическому мейнстриму, и идейно ангажированному политическому анализу. В контексте такого анализа идентификация «человека политического» уже не связывается с конкретной идеологией. Его отличают способность представить общественное развитие «иначе», вне и помимо заданных государством и рынком жестких рамок, и готовность действовать в соответствии со своим видением, ориентация на диалог с «другими», стремление к освоению нового социального опыта, к утверждению гражданской ответственности в солидарном обществе¹⁸.

Как социальный феномен, который «возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества»¹⁹, социальная идентичность в ее политической ипостаси расщепляется в индивидуальном сознании на Я- и Мы-идентичности. Это расщепление отражает конфликт между базовыми потребностями социального существования человека — между потребностью в объединении и соотнесении с другими и в утверждении собственного Я, названный Г. Г. Дилигенским формирующей мотивационное ядро личности «базовой напряженностью»²⁰. За каждой из коллективных идентичностей стоит человек, исполняющий попеременно разные социальные роли и вовлеченный в разнообразные культурные практики. Категория политической идентичности утвердилась в рамках социокультурного подхода как эффективный инструмент анализа «человека политического» и его места в стремительно меняющейся современности²¹. Личность в процессе саморефлексии определяет через идентичность свое место в социальных взаимодействиях, в культурных и политических практиках.

Множественная самоидентификация современного человека сопрягается с динамикой макрополитической идентичности больших сообществ. Эта взаимосвязь опосредована рядом переменных и, в частности, политикой идентичности. В современной политической науке утверждается широкое толкование политики идентичности, опирающееся на анализ субъектов и практик, которые формируют идентичности политических сообществ. Оно связывается с деятельностью государства и его институтов по поддержанию общих ценностных оснований принадлежности к политическому сообществу и общих

ориентиров его развития, общих представлений о «нас» как нации, стране, государстве, регионе, территории.

В современной политической науке утверждается широкое толкование **политики идентичности**, опирающееся на анализ субъектов и практик, которые формируют идентичности политических сообществ.

- Под **политикой идентичности** в этом контексте понимается деятельность по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, практики целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества, поддержания чувства принадлежности к нему.

Государство — ключевой актор политики идентичности в этом поле: оно использует институты социализации (систему образования, воинскую службу), инструменты публичной политики и СМИ для легитимации властных институтов и для организации взаимодействия социальных субъектов вокруг определенной повестки дня, для вовлечения граждан в такие взаимодействия.

Отличительная черта политики идентичности в современном демократическом обществе — ее многосубъектность. В поле такой политики на национальном уровне вовлечены представители политической элиты («политического класса») и «публичные интеллектуалы», формирующие дискурс национальной идентичности. Их ряды пополняет университетская профессура, занятая социогуманитарными исследованиями, представители экспертных структур, авторитетные журналисты и известные в личном качестве в национальном масштабе и в мире авторы научных трудов, посвященных проблемам общественного развития. В число последних входят сегодня З. Бауман, У. Бек (1944–2015), П. Бурдьё (1930–2002), М. Кастельс, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, С. Хантингтон (1927–2008), Э. Хобсбаум (1917–2012). Площадкой политики идентичности становится сетевое информационное пространство и социальные сети.

В зарубежном научном и политическом дискурсе политика идентичности традиционно ассоциируется с борьбой за признание социально ущемленных групп интересов, отстаивающих «право на идентичность». Сам термин «политика идентичности» (*identity politics*) стал утверждаться в 1960-х годах в англоязычной научной литературе в рамках конструктивистского подхода к анализу социально-политических изменений (П. Бурдьё) на волне подъема протестных массовых движений (женских, молодежных, этнических меньшинств).

Пьер Бурдьё (1930–2002) — французский социолог, представитель одного из направлений критической социологии — «генетического структурализма». П. Бурдьё — автор тридцати пяти книг и нескольких сотен статей, теоретических и эмпирических исследований, и один из наиболее влиятельных социологов XX в.

В своих работах Бурдьё уделял основное внимание изучению механизмов воспроизводства социальных иерархий. В исследованиях ученого использована следующая терминология: габитус (принцип действия агентов), поле (пространство социальной борьбы), капитал (ресурс в социальном пространстве), символическое насилие как способ утверждения господства. С точки зрения ученого, именно способность представителей власти навязывать свои культурные и символические практики играет ключевую роль для сохранения господства.

По мнению Бурдьё, общество представляет собой отношения, складывающиеся в различных социальных полях, в каждом из которых сформирован собственный специфический тип власти. По отношению к обществу данные социальные поля довольно автономны от общества в целом, так как имеют внутри собственную иерархию и динамику. В них также протекает борьба социальных агентов за привилегированное положение. Результаты борьбы сказываются на неравном распределении капиталов внутри социального пространства и между участниками, которые в свою очередь имеют собственные интересы в зависимости от занимаемых ими позиций. При этом стоит отметить, что в определение капитала Бурдьё вкладывает не только экономическое определение, но и другие возможные виды данного ресурса: культурный (навыки, образование), символический (признание), социальный (социальные сети и связи).

Материал, разработанный Бурдьё, активно используется в современной социологии и социальной антропологии.

Основные работы:

- «Политическое отношение и коммуникация» (1965)
- «Политическая онтология Мартина Хайдеггера» (1976)
- «Различения. Социальная критика суждения» (1979)
- «Практический смысл» (1980)
- «Вопросы социологии» (1980)
- «Начала» (*Choses dites*) (1987)
- «Правила искусства. Генезис и структура литературного поля» (1992)
- «Нищета мира» (1993)
- «Социология политики» (1993)
- «Свободный обмен» (1994)
- «Экономическая социология и социология экономики» (2000)

Пьер Бурдьё:

«Прежде всего социология представляет собой социальную топологию. Так, можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированных совокупностью действующих свойств в рассматриваемом универсуме, т.е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме. Агенты и группы агентов, таким образом, определяются по их относительным позициям в этом пространстве. Каждый из них размещен в позиции и в классы, определенные по отношению к соседним позициям (т.е. в определенной области данного пространства), и нельзя реально занимать две противоположные области в пространстве, даже если мысленно это возможно».

«Я настроен очень против аппарата, который для меня является троянским конем худшего функционализма: аппарат — это адская машина, запрограммированная на достижение определенных целей. Система образования, государство, церковь, политические партии, профсоюзы — это не аппараты, а поля. В поле агенты и институции борются в соответствии с закономерностями и правилами, сформулированными в этом пространстве игры (и, в некоторых ситуациях, борются за сами эти правила) с различной силой, и поэтому различна вероятность успеха, чтобы овладеть специфическими выгодами, являющимися целями в данной игре. Доминирующие в данном поле находятся в позиции, когда они могут заставить его функционировать в свою пользу, но должны всегда рассчитывать на сопротивление, встречные требования, претензии, политические или нет, тех, кто находится в подчиненной позиции».

П. Бурдьё. Социология политики. 1993

Собственно, само осмысление этого широкого спектра социальных действий в категориях идентичности было вызвано подъемом протестных движений в демократических обществах в условиях смены парадигмы общественного развития, перехода к постиндустриальному обществу: в результате общественные науки наконец «повернулись лицом» к осмыслению значения целенаправленного формирования идентичности для понимания природы социальных изменений и мотиваций новых субъектов политической борьбы²². Понятие «*политики идентичности*» стало широко использоваться в англоязычной литературе для описания отстаивания ущемленными в социальном статусе меньшинствами и группами (расовыми, этническими, конфессиональными, гендерными и др.) права на общественное признание и легитимность именно в качестве носителей определенной идентичности, значимой для их консолидации как участников политического процесса. Субъектами политики идентичности в этом понимании выступают группы интересов, объединяющиеся на аскриптивных и/или идейных, мировоззренческих основаниях. Их члены отстаивают свою «особую» идентичность перед лицом общества и государства

и в процессе самоорганизации консолидируются в протестные сообщества на основе утверждения культурных размежеваний с «большинством». Политика идентичности стала механизмом самоорганизации новых субъектов политики в рамках их борьбы за политико-правовое признание права на инаковость, за новые альтернативы развития в разных сферах социальной жизни. Политика мультикультурализма стала ответом на эти протестные действия, в сферу ее регулирования на волне стремительного роста инокультурной миграции были включены сообщества мигрантов.

Поиски управленческих решений в условиях роста социокультурной разнородности современных обществ опирались на политику идентичности; результаты, однако, оказались далеко не однозначными. Ожесточенная «борьба за идентичность»²³ подняла волну критики политики идентичности в ее групповой ипостаси: ей «вменялась» реификация (гипостазирование) групповых идентичностей (постструктуралистский взгляд), продвижение одной повестки дня (интересов и притязаний меньшинств) за счет других (большинству) в русле критики «справа», «права на идентичность» в ущерб экономическим и социальным правам (критика «слева») ²⁴.

В многосоставных обществах, где утверждаются и переутверждаются множественные идентичности, каждая из таких социальных идентичностей — будь то этническая, конфессиональная, территориальная, профессиональная, гендерная, поколенческая — в ходе «борьбы за идентичность» ищет выходы в политическую сферу. В результате дискурс национальной идентичности, в котором сходятся и переплетаются разные политические интересы и их символические репрезентации, оказывается высокополитизированным.

► Понятие **национальной** (национально-государственной) **идентичности** используется в публичном и научном дискурсах для обозначения коллективной идентичности государственного сообщества и характеризует самосознание его граждан как членов такого сообщества. **Национальная идентичность** опирается на чувство личной сопричастности нации как значимому для самоидентификации сообществу с общими ориентирами идентичности. В обыденном сознании объектом самоидентификации может быть страна или иная очерченная реальной или воображаемой границей территория, с которой связывается судьба нации как политической и культурно-исторической общности.

Нельзя не согласиться с логикой Ю. Хабермаса, который считает, что в современных политиях «общественные дискурсы приобретают резонанс исключительно в той степени, в какой они обладают диффузностью, а значит, при условии широкого, активного и в то же время не централизованного участия граждан. Последнее, в свою очередь, требует, чтобы за всем этим стояла эга-

литарная политическая культура, в своем формировании свободная от всяких привилегий, интеллектуальная во всем своем объеме»²⁵. Это напрямую касается и дискурса национальной идентичности как объединяющем государстве и обществом на начале.

Традиционные политические институты используют такую политику как инструмент формирования политической картины мира своих граждан и на этой основе — коллективной самоидентификации сообщества. Государство как ключевой актор политики идентичности на национальном уровне организует взаимодействия социальных субъектов через институты социализации (систему образования, воинскую службу). Публичная политика становится сферой легитимации властных институтов, а символическая политика подается как зримое воплощение политической идентичности гражданина. В определенном объеме политика идентичности выполняет функции идеологии в ее «мягком» варианте, предусматривающем для граждан возможности альтернативного выбора ориентиров идентичности.

Действительно, индивид предстает как носитель разных идентичностей, обращенных и в прошлое — к архаическим институтам и практикам, — и к «постсовременности». Зачастую эти идентичности конфликтуют друг с другом, порождая перманентный кризис идентичности. В кризисном сознании заложен потенциал индивидуального развития. Но груз социальных обязательств и необходимость постоянно делать выбор в публичном пространстве — от супермаркета до избирательного участка — довлеет над личностью, усиливая неопределенность самоидентификации и заставляя искать простые ответы на сложные вопросы социального бытия, и эти потребности заслоняют осмысление бытийных проблем или вытесняют их на периферию человеческого сознания. Постмодернистская парадигма нацеливает на отрицание целостности и преемственности человеческого опыта. Под вопросом оказывается и значимость для самоопределения современного человека политических и идейных предпочтений, такой выбор зачастую остается за рамками личных жизненных горизонтов. Рынок и власть агрессивно вторгаются в частную жизнь индивида. Противодействовать такому вторжению может, по мысли Э. Геллнера, человек, способный, «объединяясь со своими согражданами, слаженно противостоять государству и решать задачи в диапазоне, невероятном по своему разнообразию»²⁶.

«Оповседневливание» дискурса идентичности, его адаптация к практикам общества потребления происходит разными путями. Эти механизмы подробно описаны в литературе, но сама проблема ««воссоединения» социальной науки и повседневности» становится актуальной задачей политической практики: через такое слияние «национальное живо и жизненно, представляет собой синтез идеи и жизни, причем синтез с элементом «отрешенности», что придает национальному существованию высокую напряженность и огромный энергетический потенциал»²⁷.

Новые точки роста, соразмерные потребностям человека, появляются вне государства и рынка. Самоорганизующиеся в таком пространстве субъекты ищут альтернативные модели развития. С утверждающейся здесь «идентичностью сопротивления» связаны, по мнению ряда авторитетных публичных интеллектуалов, надежды на появление новых субъектов социальных изменений²⁸. В их взаимодействия рождаются не только новые формы политической активности, но и новые исследовательские подходы к осмыслению и прогнозированию изменений. Как настаивают приверженцы одного из таких утверждающихся сегодня в социальных науках подходов — «исследований социальных действий» (*action research*), их усилия не нацелены на создание новой теоретической модели и корпуса эмпирических знаний. Во главу угла ставится «освобождение личности», стремящейся к новому, более свободному миропорядку. Речь идет о превращении объекта исследования в субъекта политики путем выстраивания взаимодействия с ним, использования полученных знаний как ресурса саморазвития и источника нового опыта, который может пригодиться людям и сообществам в их каждодневной деятельности. В конечном счете — о соединении анализа социальной практики с личным опытом участия в ней²⁹. Так, например, гражданское участие прорастает новыми практиками на уровне местных сообществ, и локальные идентичности становятся стимулом для социального творчества на уровне территорий и «пространств развития». Новые формы таких взаимодействий рождаются в пространстве сетевой публичной политики, когда в расширенной Интернетом публичной сфере с множеством пространственных координат граждане самостоятельно выбирают, с каким сетевым сообществом себя ассоциировать, какие сетевые инициативы поддерживать, тем самым влияя на природу властных отношений³⁰.

В долгосрочной перспективе встает вопрос о поддержании в обществе мотивации к развитию и обеспечению институциональных возможностей свободного личного выбора. На этом пути открываются горизонты *ответственного развития* на основе наращивания возобновляемых, интеллектуальных источников социальных инноваций и нематериальных стимулов жизнедеятельности. Ключевые детерминанты такого развития — способность нравственного суждения человека о своем месте в мире, утверждение ценностей социальной солидарности и позитивной, ориентированной на развитие личностной идентичности³¹. Растущее культурное разнообразие ставит эти приоритеты в повестку дня политики идентичности всех вовлеченных в ее реализацию субъектов.

Примечания

¹ Almond G. A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963;

² Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология: Учеб. пособие. М.: Институт «Открытое общество» — Наука, 1994; Дилигенский Г. Г. Люди среднего класса. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.

³ Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий / Отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2011; Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012; Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И. С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017.

⁴ См.: *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015.

⁵ *Брубейкер Р., Кунер Ф.* За пределами «идентичности» // *AbImperio*. 2002. № 3. С. 61–94.

⁶ *Tilly Ch.* Political Identities in Changing Polities // *Social Research*. 2003. Vol. 70. No 2.

⁷ См.: *Giddens.* Modernity and Self-Identity. Cambridge: Polity Press, 1991.

⁸ *Vauman Z.* Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.

⁹ *Дробижнева Л. М.* Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // *Россия реформирующаяся. Ежегодник* / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 214–228.

¹⁰ *Элиас Н.* Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. С. 294–317.

¹¹ *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // *Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. М.: Начала-Пресс, 1993. Т. 1. № 2. С. 94–95.

¹² См.: *Мартынов В. С.* «Человек политический»: модели оправдания власти // *Человек*. 2009. № 4. С. 82–90.

¹³ *Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология: Учеб. пособие. М.: Институт «Открытое общество» — Наука, 1994.

¹⁴ См.: *Образы российской власти: От Ельцина до Путина* / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2008.

¹⁵ *Левада Ю. А.* Ищем человека: социологические очерки: 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006; Российская идентичность в социологическом измерении. Репринт / Институт социологии РАН. М., 2007.

¹⁶ *Pye L.* Politics, Personality, and Nation Building. Burma's search for identity. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1962; *Norton A.* Reflections on Political Identity. Baltimore: John Hopkins University, 1988.

¹⁷ *Попова О. В.* Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.

¹⁸ *Семенов И. С.* «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6. С. 24.

¹⁹ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 281.

²⁰ *Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология: Учеб. пособие. М.: Институт «Открытое общество» — Наука, 1994.

²¹ См.: Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий / Отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2011; Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012.

²² *Social Theory and the Politics of Identity* / Ed. by C. Calhoun. Cambridge MA: Wiley-Blackwell. 1994. — 4 p.

²³ *Борьба за идентичность и новые институты коммуникации* / Отв. ред. П. В. Панов, К. С. Сулимов, Л. А. Фадеева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

²⁴ *Gurbuz M. E. Identity Politics. Encyclopedia of Social Problems. Vol. 1* / V. N. Parillo (ed.). LA; L.; New Delhi; Singapore: Sage, 2008.

²⁵ *Хабермас Ю.* Гражданство и национальная идентичность // Ю. Хабермас. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Академия, 1995. С. 55.

²⁶ *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 118–121.

²⁷ *Ионин Л. Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.

²⁸ *Castells M.* The power of identity: The information age. (Economy, society, and culture). Vol. 2. 2nd ed. Malden MA, Oxford, Carlton: Wiley-Blackwell, 2004. P. 11.

²⁹ *The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice.* 2008. 2nd ed. / Ed. by P. Reason, N. Bradbury. L.: Sage. P. 4–10.

³⁰ *Мирошниченко И. В., Морозова Е. В.* Сетевая публичная политика: контуры исследовательского поля // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 90.

³¹ *Глобальный стратегический прогноз 2035* / Под ред. А. А. Дынкина. М.: Магистр, 2017.

Литература

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Борьба за идентичность и новые институты коммуникации / Отв. ред. П. В. Панов, К. С. Сулимов, Л. А. Фадеева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

Брубейкер Р., Кунер Ф. За пределами «идентичности» // AbImperio. 2002. № 3. С. 61–94.

Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политических исследований, 2004.

Глобальный стратегический прогноз 2035 / Под ред. А. А. Дынкина. М.: Магистр, 2017.

Дилигенский Г. Г. Люди среднего класса. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.

Дилигенский Г. Г. Российский горожанин конца девяностых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование). М.: ИМЭМО РАН, 1999.

Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология: Учеб. пособие. М.: Институт «Открытое общество» — Наука, 1994.

Дробизева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 214–228.

Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.

Раздел II. КУЛЬТУРА. ЛИЧНОСТЬ. ЦЕННОСТИ

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Левада Ю. А. Ищем человека: социологические очерки: 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006.

Левада Ю. А. От мнений к пониманию: социологические очерки: 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015.

Мартьянов В. С. «Человек политический»: модели оправдания власти // Человек. 2009. № 4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lit.lib.ru/m/martxjanow_w_s/text_0040.shtml.

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. М.: Начала-Пресс, 1993. Т. 1. № 2.

Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий / Отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2011.

Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012.

Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.

Семенов И. С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики // Полис. 2012. № 6. С. 9–26.

Семенов И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. 2010. № 3.

Федотова Н. Н. Изучение идентичности и контексты ее формирования. М.: Культурная революция, 2012.

Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Ю. Хабермас. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia, 1995. С. 208–245.

Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.

Bauman Z. Social media are a trap // El Pais. 25.01.2016. URL: http://elpais.com/elpais/2016/01/19/inenglish/1453208692_424660.html (accessed 12.11.2016).

Castells M. The power of identity: The information age. (Economy, society, and culture). Vol. 2. 2nd ed. Malden MA, Oxford, Carlton: Wiley-Blackwell, 2004.

Gurbuz M. E. Identity Politics // Encyclopedia of Social Problems. Vol. 1 / V. N. Parillo (ed.). LA; L.; New Delhi, Singapore: Sage, 2008.

Mouffe C. Democratic Politics and the Question of Identity // The Identity in Question / Ed. by J. Rajchman. N.Y.: Routledge, 1995. P. 33–46.

Norton A. Reflections on Political Identity. Baltimore: John Hopkins University, 1988.

Pye L. Politics, Personality, and Nation Building. Burma's search for identity. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1962.

19. Концепт идентичности в изучении политики

Smith A. D. National Identity. Ethnonationalism in Comparative Perspective. Reno: University of Nevada Press, 1991.

Social Theory and the Politics of Identity / Ed. by C. Calhoun. Cambridge MA: Wiley-Blackwell. 1994. — 364 p.

The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice. 2nd ed. / Ed. by P. Reason, H. Bradbury. L.: Sage, 2008.

Tilly Ch. Political Identities in Changing Polities // Social Research. 2003. Vol. 70. No 2.

Tilly Ch. Stories, Identities, and Political Change. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002.

20. ДИСКУРС-АНАЛИЗ*

Ключевые слова

Дискурс, контент-анализ, семиотика, структурализм, значение, осмысление

Слово *дискурс* сегодня можно встретить в текстах, относящихся к самым разным сферам знания. Вопросы, связанные с анализом дискурса, обсуждаются в философских, исторических, социологических, психологических, политологических, лингвистических, антропологических и других исследованиях. При этом одновременно существует целое множество разных определений того, что такое дискурс, и подходов к его исследованию. Значения, которые придаются при этом слову, зачастую весьма расплывчаты и противоречат друг другу. Из-за этого может даже сложиться впечатление, что *дискурс* — это просто модное словечко, которое употребляется по всякому поводу и ничего конкретного на деле не означает. Однако это не так.

Слово дискурс (*discursus*) возникло в латыни. Оно образовано из приставки *dis-*, означающей «разделение, разъединение», и корня *-cur-*, имеющего смысл «быстрое движение» (как в глаголе *curro, currere* — «бегать, бежать»). Того же корня, кстати, и слово *курс* (*cursus*). Таким образом, слово *discursus* буквально имеет смысл «разбегание».

В латинском *discursus* ударение приходилось на корневой слог, а у современного русского слова *дискурс* можно встретить два варианта произношения. Одни люди говорят *диску́рс*, другие — *ди́скурс*. И в разных академических сообществах могут бытовать разные привычки на этот счет. Однако для сохранения внутренней формы слова можно рекомендовать говорить именно *диску́рс*, а не *ди́скурс*.

Уже в латыни слово *discursus* получило очень большое количество разнообразных значений: бег, набег, военный маневр, движение, круговорот, беготня, суэта, разветвление, разговор, беседа. В Средние века появились значения «объяснение, довод, аргумент» и, наконец, «логически стройное

* Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках научного проекта № 16-23-20009 «Семиотика политического дискурса: трансдисциплинарный подход».

рассуждение». В прошлом веке произошло постепенное возвращение слова *дискурс* в новоевропейские языки для обозначения содержательной стороны человеческого общения.

В социальных науках рост интереса к категории дискурса пришелся на 1960–1970-е годы и связан был с так называемым «лингвистическим поворотом», а именно с возросшим интересом к ненейтральности языка в описании и воспроизводстве социальных процессов. Интерес к языковым структурам стали проявлять совершенно разные исследователи, наполняя понятие дискурса в зависимости от особенностей своих дисциплин и исследовательских задач разными смыслами.

Что такое дискурс?

Человека можно рассматривать как существо, которое обитает одновременно в двух универсумах: в физической **реальности** и в осмысленной **действительности**. И соответственно в любом явлении человеческой жизни можно усмотреть две стороны — материальную и информационную. Толкотт Парсонс метко выразил эту мысль, когда отмечал, что наш мир пронизывают два структурообразующих и взаимодополняющих параметра: энергетическое нарастание контролирующих факторов (*hierarchy of controlling factors*) в сторону физико-органической среды и информационное нарастание обуславливающих факторов (*hierarchy of conditioning factors*) в сторону того, что он именовал *Конечной Реальностью (Ultimate Reality)*¹.

Различение *реальности* и *действительности* имеет не только философское и научное выражение, но проявляется и в обыденном языке. Многие новоевропейские языки отличают вешнюю *реальность* (от лат. *res* — «вещь») — *reality, realité, die Realität* от энергичной *действительности* — *actuality, actualité, etc.* (от лат. *actio* — «действие»), *die Wirklichkeit* (от *wirken* — «действовать»)².

Действительность создается людьми и потому субъективна. Однако она также интерсубъективна — образована соединением людских намерений и действий, а оттого не менее «объективна», чем самые прочные природные образования.

Действительность предстает перед нами в виде отдельных целостных элементов. Это и события истории, и праздничный парад, и жаркие предвыборные дебаты, и судебные слушания, и политическая манифестация. Все эти явления при их очевидной разнородности объединяются тем, что они представляют собой некие «фрагменты» действительности, которые обладают целостностью, благодаря своей смысловой или семиотической организации. Именно это общее свойство делает их дискурсами. Таким образом, **дискурс** в самом широком его понимании можно определить как *целостный комплекс человеческой деятельности, взятый в ее смысловой значимости, а также знаковую систему, позволяющую подобные комплексы создавать и понимать*.

Изучением знаковых систем занимается наука *семиотика*, поэтому анализ политических дискурсов, как и многих других политических явлений, имеющих отношение к политической коммуникации (например, политических *символов, мифов* или *имиджей*), можно отнести к области *политической семиотики*. В становлении и развитии семиотики очень значительную роль сыграли лингвисты и логики, поэтому у некоторых людей возникает впечатление, что семиотика — это некая лингвистическая дисциплина. Это совершенно не так. Семиотика вполне самостоятельная наука о знаках, своего рода математика действительности. Логика и лингвистика являются ее отраслями или, точнее, специфическими приложениями.

Семиотика — наука, которая позволяет систематически изучать действительность и ее целостные фрагменты, имеющие свой смысл³. И в этом смысле сфере семиотики принадлежат любые фрагменты действительности, будь то политический митинг, биржевая паника, акт провозглашения независимости. Для любых фрагментов такого рода применима, например, общесемиотическая схема анализа, предполагающая изучение уровней семантики (отношения между знаками и означаемыми ими объектами), синтактики (отношения между знаками) и прагматики (отношения знаков к интерпретаторам)⁴.

Дискурс — между языком и речью

Для того чтобы лучше понять, что такое дискурс, стоит обратиться к фундаментальной семиотической триаде **langage, langue, parole**. Эта триада была разработана великим швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром, однако имеет значение не только для лингвистики, но и для семиотики в целом. Именно с именем Ф. де Соссюра связано становление **структурализма**, который в середине XX в. стал одной из центральных парадигм социальных наук.

Если несколько упростить концепцию де Соссюра, то можно свести ее к тому, что *langage* (лангаж), т.е. *язык во всей своей целостности*, имеет две стороны: *parole* (пароль) — **речь, события общения, как они происходят во времени**, и *langue* (ланг) — абстрактный **языковой код**, т.е. набор правил, который используют общающиеся в любой момент речи.

Лангаж — все, что мы понимаем, язык как действительность. Кто-то что-то произнес, пропел, написал — это фрагменты его *речи*. Всякое произведение речи. Но для того чтобы ее понять, мы пользуемся некоей системой правил *языкового кода*, которая есть у нас в головах. И не только у каждого в голове, но и в сознании коллектива. Она интерсубъективна, т.е. какие-то коллективы ее разделяют. Вот эта система, с помощью которой можно закодировать, создать, породить эту речь, а потом ее расшифровать: она и называется *langue*⁵.

Французский лингвист Эрик Бюиссанс, развивая концепцию де Соссюра, предложил называть дискурсом (*discours*) то, что позволяет соединить язык как абстрактную систему (*langue*) и речь как деятельность в конкретных случаях (*parole*). При этом дискурс конкретнее и уже языка в его целостности (*langage*)⁶. Бюиссанс таким образом выделил особую сферу перевода системы в деятельность и деятельности — в систему. Именно ее он назвал дискурсом.

Предложенный Бюиссансом подход позволяет различить три типа дискурса. Во-первых, дискурс может пониматься как **дискурс-продукт** — *эпизоды человеческой деятельности (речи), развернутые в действительном времени и значимые для вовлеченных в них людей*. Во-вторых, дискурс может определяться как **дискурс-программа** — *значимый для соответствующей группы людей языковой код, т.е. система правил понимания (интерпретации) подобных эпизодов и/или их создания (порождения)*. В-третьих, его можно непосредственно связать со *способностями группы и составляющих ее людей использовать систему правил для создания осмысленных эпизодов действительности, а также придавать эпизодам своей деятельности смысл путем выработки или уточнения правил их понимания*. Иными словами, дискурс в третьем смысле — назовем его **дискурс-конвертор** — отождествляется с творческими усилиями людей по созданию и пониманию своих эпизодов действительности.

Предложенная Эриком Бюиссансом трактовка дискурса была успешно развита выдающимся отечественным филологом Ю. С. Степановым. Ему принадлежит формула «Между системой и текстом — дискурс»⁷. Эту формулу сам академик Степанов объясняет следующим образом: «Конечно, о дискурсе можно сказать, что это и есть *langage*, однако важнее отделить дискурс от языка в широком, можно сказать, в соссюровском смысле. Дело в том, что дискурс просто меньше, в нем и сама эта система меньше, и продуктов речевой деятельности меньше. Но зато в дискурсе есть типологизированные фразы, закрепленные за теми или иными ситуациями. Вы же не будете говорить, скажем, в аптеке или в домоуправлении на политическом дискурсе. Дискурс — это не просто “малый язык”, это еще и “самопредписывающий язык”. Раньше в этом смысле употреблялся термин функциональный стиль языка»⁸.

Еще одна принципиальная особенность дискурса состоит в том, что он несводим к речевой деятельности. При всей важности языковых аспектов политики она не сводится только к речевым актам. В политике очень много всякого рода действий, насыщенных символикой, смыслом. Это и манифестации, и политические дебаты, и всего рода процедуры и церемонии. Все они построены на определенных знаках. Эти знаки используются сознательно и систематически. Поэтому нельзя не признать, что дискурс охватывает всю символическую деятельность политиков и граждан. Это как раз и составляет суть современного понимания дискурса.

Тён Андрианус ван Дейк (1943) — один из известных современных лингвистов, круг интересов которого — исследование проблем социального и политического языка СМИ (в частности, приемов манипулирования со стороны СМИ) и анализ дискурса. Т. А. ван Дейк является редактором и основателем журналов *Discourse and Society*, *Discourse Studies*, *Discourse and Communication*. В конце 1960-х годов большое влияние на исследователя оказали работы французских структуралистов (А. Ж. Греймас, Р. Барт), а также работы

Дж. Лакоффа и Ч. Филлмора. В 1980-е годы Т. А. ван Дейк интересовался вопросами социального статуса и этнической принадлежности участников дискурса, а также вопросами этнических предубеждений в средствах массовой информации. В своих исследованиях ученый пришел к выводу о том, что целью критического дискурса-анализа является изучение социального неравенства, доминирования одних политических сил и социальных групп над другими, злоупотребления властью в политическом и социальном контексте. С точки зрения Т. А. ван Дейка, власть является социальным явлением, основанным на контроле значимых социальных благ, а также публичного дискурса со стороны привилегированной группы людей, элит, символизирующих «центры власти». В процессе анализа языка СМИ ван Дейк также обратился к проблеме расизма и феномену отрицания расизма, которые более подробно были освещены в вышедшей в 2008 г. книге «Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации» (в России данная книга вышла в 2013 г.).

Основные работы:

«Стратегии восприятия дискурса» (1983)

«Язык. Познание. Коммуникация» (2000)

«Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации» (2008)

Важно также обратить внимание на отличие *дискурса* от *текста*: у дискурса нет и не может быть автора, поскольку он интерсубъективен, т.е. порождается в процессе взаимодействия. Политические дискурсы (например, такие эпизоды политического процесса, как манифестации или дебаты) возникают в результате того, что столкнулись воли нескольких участников, каждый из которых продуцирует что-то в этом совместном дискурсе, а нечто целое возникает только в результате сложения воли и смыслов на первый взгляд непредсказуемым образом. В результате дискурс оказывается произведением со многими авторами, которые очень часто не согласуют свои действия, а, наоборот, находятся в конфликтных отношениях. В этой ситуации дискурс как раз и стано-

вится тем, что объединяет участников, которые включены в поток осмысленных действий и за счет конвертации этих действий в правила принимают их, пусть даже это правила несогласия.

Такое понимание дискурса получило признание в современной науке. Один из авторитетнейших специалистов в области дискурс-анализа Тён ван Дейк определяет дискурс следующим образом: «Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие»⁹. Это определение отождествляет *дискурс* с любым *целостным смысловым образованием*. То есть любой содержательно целостный политический процесс, например избирательная кампания, формирование правительства, образование общественного движения и т.п., оказывается дискурсом.

Для того чтобы некий фрагмент действительности признать *дискурсом*, нужно, чтобы он состоял из элементов-знаков (*словаря*), чтобы они были логически друг с другом связаны *кодом* и образовывали *сообщение* от кого-то кому-то.

Такова природа дискурса как такового. Однако при столь широком ее понимании трудно уловить специфические свойства конкретных дискурсов. Чтобы продвинуться вперед в их изучении, нам придется рассмотреть отдельные разновидности дискурсов: исторические события, политические процессы, литературные произведения, житейские разговоры и т.п. При этом для каждой разновидности может потребоваться свой специфический подход, свои методы анализа, свои научные дисциплины. С этой точки зрения пестрота трактовок дискурса вполне оправдана. Однако для успешного анализа дискурсов важно, чтобы специфические их свойства не затемняли сущностного понимания дискурса как семиотического явления.

Как возник дискурс-анализ?

В истории лингвистики зафиксированы два прецедента введения в научный оборот слова *дискурс*. В 1942 г. уже упоминавшийся молодой бельгийский лингвист Эрик Бюиссанс опубликовал статью о понятиях языка, речи и дискурса¹⁰, а через год вышла его книга «Языки и дискурс»¹¹. Спустя десятилетие известный американский языковед Зеллиг Харрис, который предложил формалистское понимание дискурса как лингвистической структурной единицы выше предложения, а дискурс-анализа — как формального метода, направленного на изучение элементов дискурса вне зависимости от их значения. Речь шла об анализе связного текста, в котором устанавливается место каждого элемента в рамках этого текста¹².

В 1960-е годы в освоение проблематики дискурса включились французские лингвисты. Особенно важным для утверждения понятия «дискурс» стало ве-

денное выдающимся французским лингвистом Эмилем Бенвенистом различие между дискурсом как «речью, присваиваемой говорящим» и «объективным повествованием» (*récit*). Опираясь на особенности французского языка, Бенвенист разделял времена повествования (независимые от пространственно-временных координат говорящего) и времена речи (зависимые от таких координат)¹³.

Популяризации проблематики и самого слова «дискурс» способствовали также французские философы — структуралисты, постструктуралисты и постмодернисты (см. ниже). Кроме того, в 1960-е годы возникла французская школа дискурс-анализа М. Пеше¹⁴ как результат лингвистического осмысления «структурного марксизма» Л. Альтюссера и психоанализа Ж. Лакана.

Для подхода Пеше характерно пристальное внимание к соотношению идеологии и языковых процессов. От марксизма он унаследовал интерес к изучению идеологии и идеологического аппарата государства. Формирование этого направления стало своеобразным ответом на увлечение количественными методами в исследованиях текстов. Дискурс, в концепции М. Пеше, не только тесно связан с идеологией, но и используется в рамках политической практики для изменения общественных отношений посредством переформулирования социальных запросов¹⁵. Пеше предпринимает попытку обосновать возможность социологии дискурса, а именно установить связи между силовыми взаимодействиями и смысловыми взаимодействиями в той или иной структуре¹⁶. В поле зрения не просто тексты, но способы их структурирования, которые делают эти тексты значимыми для определенной группы людей. Тем самым тексты анализируются как составная часть социального института, который определяет условия порождения актов высказывания.

С 1970-х годов дискурс-анализ постепенно начинает оформляться как многосоставное междисциплинарное направление. Уже в 1977 г. состоялась первая представительная конференция, посвященная анализу дискурсов¹⁷. Важнейшую роль в консолидации дискурс-анализа как исследовательской отрасли сыграл Тён ван Дейк¹⁸. Под его редакцией в 1985 г. вышел четырехтомный «Справочник по дискурс-анализу»¹⁹.

С развитием лингвистики текста и лингвистики речи (некоторые исследователи предлагали выделить в качестве самостоятельного направления и лингвистику дискурса) дискурс стал рассматриваться языковедами как речь «погруженная в жизнь», связанная с социальным контекстом. Иными словами, дискурс рассматривали как текст в совокупности с экстралингвистическими факторами — прагматическими, социокультурными, психологическими и т.п.²⁰ Сформировалось и соответствующее социолингвистическое понимание анализа дискурса как изучения языка с учетом максимально большого количества социальных, культурных, политических факторов. Такую позицию заняли многие лингвисты, и именно такое представление доминирует в среде современных отечественных дискурс-аналитиков, вышедших из лингвистической науки.

Значительный вклад в разработку основных методов анализа дискурса внесли не только лингвисты, но и представители других специализаций — социолингвисты и психологи. В частности, развитию дискурс-анализа способствовали наработки в рамках этнографии устной речи и этнографии коммуникации, развивавшиеся в рамках *лингвистической антропологии* в США²¹, анализ речевого общения в рамках микросоциологии (работы Э. Гоффмана, Г. Гарфинкеля, А. Сикурела и др.)²², наработки в области социолингвистики²³, когнитивной психологии²⁴ и исследований искусственного интеллекта²⁵.

В России проблематика исследований политического дискурса стала осваиваться уже в 1970-е и 1980-е годы. Знакомству с достижениями мировой науки способствовали рефераты ИНИОН и переводы²⁶. Активно развернулись исследования дискурса с точки зрения лингвистической прагматики. Особенно следует отметить наработки, сделанные в рамках семинаров Ю. С. Степанова и Н. Д. Арутюновой в Институте языкознания РАН, а также многочисленные публикации этих двух ученых, их коллег и учеников²⁷.

Сложилась также широкая сеть исследователей политического дискурса, преимущественно фокусировавшихся на анализе концептов и когнитивных схем (В. Акимов, Н. Бирюков, Л. Бляхер, К. Завершинский, А. Казанцев, М. Ильин, П. Паршин, В. Сергеев, В. Цымбурский и др.). Результаты работы публиковались преимущественно в изданиях Тартуского университета²⁸, известного своей семиотической школой, а начиная с 1990-х годов — в журнале «Полис»²⁹.

В 2000-х годах началось издание ряда дискурсологических журналов, таких, например, как «Дискурс-Пи» (Екатеринбург), «Критика и семиотика» (Новосибирск) и «Политическая лингвистика» (Екатеринбург). В 2002 г. в ИНИОН РАН вышел в свет тематический номер журнала «Политическая наука» об анализе политического дискурса, в 2016 г. — о политической семиотике³⁰. Кроме того, в 2010-х годах там начался выпуск ежегодника «Символическая политика» (главный редактор О. Ю. Малинова)³¹. На русском языке был также выпущен ряд учебных пособий и монографий, посвященных по политическому дискурс-анализу³².

Что такое «метод дискурс-анализа»?

В языке российской политической науки, как и в других обществоведческих дисциплинах, часто можно встретить фразу о том, что тот или иной ученый пользуется «методом дискурс-анализа». Это может ввести начинающего исследователя в заблуждение, поскольку создается впечатление, будто речь идет о некоем существующем в единственном числе аналитическом инструменте — «методе дискурс-анализа». Однако в действительности дискурс-анализ — это не один-единственный метод, а целая россыпь различных исследовательских подходов и аналитических приемов, которые разбросаны по

дисциплинам, школам, направлениям и исследовательским традициям. Их объединяет общее поле приложения — явление дискурса, о котором шла речь выше. Однако конкретные стратегии изучения этого явления могут существенно варьироваться. Более того, фактически используются не только анализ, но также и интерпретация. В большой части исследований интерпретация даже превалирует.

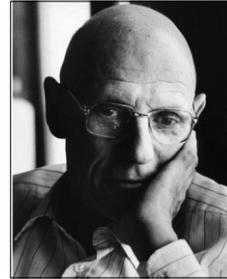
Зачастую те, кто делают свои первые шаги в изучении политических текстов и пытаются разобраться с тем, что, собственно, такое «метод дискурс-анализа», бывают обескуражены и даже деморализованы. Оказавшись погружен в море разнообразных методов, подходов и теорий, новичок рискует либо вообще разочароваться в анализе дискурса, решив, что это пустая игра словами, либо ухватиться за первый попавшийся инструмент, который покажется адекватным и доступным.

Чтобы чувствовать себя более уверенно и не потеряться в архипелаге разрозненных подходов к дискурс-анализу, достаточно иметь хотя бы приблизительную карту этой территории. В действительности таких карт можно построить множество, но здесь мы приведем одну из самых простых.

Все множество подходов к анализу дискурса можно представить расположенными на оси между двумя полюсами, которые можно условно обозначить как **критический и дескриптивный**. Для подходов, тяготеющих к *дескриптивному* полюсу, характерно большее внимание к задачам описания особенностей, присущих «маленьким языкам», используемым в той или иной ситуации, в то время как для *критических* подходов характерно стремление к «разоблачению» экономических, политических или психологических факторов, влияющих на то, как люди коммуницируют. Иными словами, к дескриптивному полюсу тяготеют исследования, в которых ставится вопрос о том, *как* люди коммуницируют в определенных ситуациях, а к критическому — те, для которых важнее оказывается вопрос, *почему* люди общаются именно так.

Исследователи, тяготеющие к *критическому* полюсу, обычно ориентируются на марксистские и психоаналитические установки, предполагающие критическое отношение к действительности и субъектности, а вопросы из области исследований собственно языка и коммуникации иногда отходят при этом на второй план. Для такого анализа характерно не описательное исследование дискурса, а его критический разбор как системы, ограничивающей возможности коммуникации и знания. Так, например, для Мишеля Фуко, яркого критического интерпретатора дискурсов, они интересны прежде всего как исторически, пространственно и темпорально детерминированный фон, обуславливающий появление того или иного высказывания. В качестве ключевого ориентира дискурс-анализа Фуко заявляет вопрос: почему в определенный исторический момент в определенных социальных обстоятельствах появляются именно те высказывания, которые появляются, а не какие-либо другие?³³

Поль Мишель Фуко (1926–1984) — французский философ и историк культуры, один из основателей методологии структурализма. Основная книга мыслителя — «Слова и вещи» (*Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines*, 1966). В данном труде ученый приходит к выводу о том, что жизнь человека ограничена тремя сферами: биологическим бытием, экономическими предпосылками для ведения какой-либо деятельности (занятий трудом), а также языком, используемым исключительно как средство общения. В результате нестабильности данных основ (биологического бытия, труда и языка) образ жизни человека становится также непостоянным, как и формы его познания. Науки, изучающие человека, находятся в полной зависимости от наук, изучающих три данные сферы человеческой жизни.

В отношении преемственности истории ученый замечает, что между несколькими эпохами, на которые можно разделить европейскую культуру, не существует единства и непрерывности: каждая эпоха имеет свою отдельную историю, рамки которой ограничены продолжительностью данной эпохи. В результате говорить о прогрессе или о последовательной смене одних идей и теорий другими неверно. Развитие человечества не составляет единую линию. Данное видение Фуко вложил в понятие «историчность».

В работе «Надзирать и наказывать» (1975) автор анализирует политические технологии западного общества, начиная с эпохи феодализма и заканчивая современностью. М. Фуко приходит к выводу о том, что данные технологии со временем меняются: меняется социальная природа наказания, отношение к субъекту преступления, смертная казнь заменяется пребыванием в исправительных учреждениях (монастырях, тюрьмах).

Со структурализмом М. Фуко объединяют следующие подходы к исследованию: 1) холизм — восприятие системы знания как единого целого (а не совокупности отдельных единиц); 2) внимательное отношение к слову, влекущее за собой восприятие связей между высказываниями в единой сети в системе знания; 3) отрицание важности смысла слов: важность дискурса заключается в отражении в языке определенных взглядов, а не в смысле используемых слов; 4) необходимость анализа дискурса с точки зрения его основ, за которыми угадывается подтекст произнесенных слов; 5) преобладание анонимных высказываний в дискурсе над утверждениями известных авторов.

Основные работы:

- «История безумия в классическую эпоху» (1961)
- «Рождение клиники: Археология врачебного взгляда» (1963)
- «Слова и вещи» (1966)
- «Археология знания» (1969)
- «Надзирать и наказывать» (1975)
- «Воля к знанию» (1976)
- «Использование удовольствий» (1984)

Наиболее радикально критическая установка проявлена в рамках **постструктуралистского, неомарксистского и постмодернистского** направлений анализа дискурсов (этот подход можно также назвать **философским дискурс-анализом**). Примеры такого рода рассуждений о дискурсе можно найти в работах французских философов, таких как уже упомянутый М. Фуко, а также Р. Барт, Ж. Лакан, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр и др.³⁴ Их произведения почти полностью ориентированы не на разбор текстовых массивов, а на герменевтические рассуждения по поводу социальных и психологических механизмов, накладывающих ограничения на то, что можно сказать или помыслить. Большое влияние на формирование критических подходов к анализу дискурса оказали работы «мастеров сомнения» К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда. Для философских подходов к исследованию дискурсов характерно невнимание собственно к текстам и стремление объять систему в целом. Прикладной анализ при таком подходе часто оказывается затруднительным.

Помимо французских постструктуралистов важной фигурой для критического направления исследований дискурса выступает философ-постмарксист Юрген Хабермас, представитель **Франкфуртской школы**.

В самом общем смысле дискурс в теории Хабермаса предстает как процесс коммуникации между субъектами. Однако философ подчеркивает: «Мы используем язык скорее в коммуникативных, нежели в чисто когнитивных целях. Язык не является зеркалом мира, но открывает доступ к нему. При этом он всегда определенным образом уже направляет наши взгляды на мир. Следовательно, в него вписано нечто вроде картины мира. К счастью, это предзнание, которые мы обретаем с помощью определенного языка, не дано раз и навсегда»³⁵. Тем самым для Хабермаса, в отличие от постструктуралистов, субъект не рассматривается как производный от дискурса.

По Хабермасу, каждый акт коммуникации предполагает, что высказываемое суждение обладает следующими характеристиками: претензия на универсальность, правильность и искренность. На практике любая дискуссия связана с попытками оспорить одно из перечисленных оснований конкретного высказывания. Собственно же дискуссия должна оцениваться с позиции *идеальной языковой ситуации*, когда обсуждение независимо от властного господства, а участники стремятся рассмотреть все аргументы и прийти к некоему согласию. Подобная ситуация является скорее аналитическим инструментом, чем фактически достижимым положением вещей, однако использование такого инструмента помогает оценить конкретный дискурс.

Любой консенсус по поводу норм и правил, как указывает Хабермас, является ситуативным и временным, подверженным критике и изменениям. В политическом плане подобная ситуация «вечной коммуникации» наиболее отчетливо соответствует модели делиберативной демократии.

В политических исследованиях дискурса одними из самых известных фигур в рамках философского критического изучения дискурса можно назвать

теоретиков постмарксистского дискурс-анализа Э. Лаклау и Ш. Муфф, которые предложили концепцию социальной и политической реальности как поля борьбы гегемонистского и контргегемонистского дискурсов. Также к этому направлению тяготеет диспозитивный анализ «Дуйсбургской группы» З. Йегера. В России особое направление философского дискурс-анализа сформировалось на Урале вокруг журнала «Дискурс-Пи» (главные редакторы О. Ф. Русакова и В. Н. Руденко).

Спекулятивным философским анализом дискурса критическое его направление, однако, не ограничивается. Также вблизи критического полюса — с небольшим смещением к дескриптивному — можно обнаружить ряд подходов, больше ориентированных на детальную работу с лингвистическим материалом. Именно их сегодня обычно имеют в виду, используя зонтичный термин **Критический дискурс-анализ** (КДА). К ним относится, например, **дискурс-исторический подход** (Р. Водак)³⁶, **социокогнитивный подход** (Т. ван Дейк)³⁷, **социально-акторный подход** (Т. ван Леувен)³⁸, **диалектико-реляционный подход** (Н. Фэрклоу)³⁹. Представители этих подходов обычно фокусируются на выявлении скрытых в используемом языке идеологических значений и манипулятивных намерений. Отсюда и ключевой вопрос КДА: каким образом власть посредством языка заставляет остальных принять сложившиеся несправедливые, неравные социально-экономические и политические отношения.

Один из классиков КДА Н. Фэрклоу рассматривает диалектическое взаимодействие между дискурсом и социальными структурами, которые взаимно воспроизводят друг друга. Одно из направлений критики при таком анализе — выявление элементов «здорового смысла», т.е. «неосознанных идеологий», которые лежат в основе интерпретации любого текста.

Как отмечает Н. Фэрклоу: «Идеология является наиболее эффективной, если ее воздействие наименее заметно... Незаметность обеспечивается в том случае, если идеология входит в дискурс не как явный элемент текста, а в качестве базовых предпосылок (*background assumptions*), которые направляют, с одной стороны, автора в его деле по “превращению мира в текст”, а с другой — читателя, интерпретирующего текст определенным образом»⁴⁰. Ту или иную идеологию Фэрклоу связывает с позициями определенной социальной группы (которая может выделяться на совершенно различных основаниях). Тем самым можно говорить о множестве различных типов дискурсов и их борьбы. В тех случаях, когда определенный дискурс начинает доминировать, происходит его натурализация: именно он кажется «естественным» для описания окружающего мира и начинает восприниматься как «здоровый смысл». Однако в процессе натурализации он теряет исходный идеологический характер (т.е. связь с позициями определенной группы) и начинает восприниматься нейтрально⁴¹.

Другая проблема, которая интересует Н. Фэрклоу, заключается в объяснении взаимосвязи социальных изменений и трансформаций дискурса. Следуя Ю. Хабермасу, который писал о том, что в эпоху современного капитализма человеческая жизнь оказалась «колонизирована» различными структурами, прежде всего бюрократией и экономикой, британский лингвист указывал и на распространение связанных с ними дискурсов — дискурса рекламы и дискурса бюрократии. Их влияние заключается в том, что заложенная в эти дискурсы «логика» вторгается в другие сферы и подчиняет их себе, тем самым способствуя манипуляции.

Дискурс рекламы формирует особый тип взаимоотношений между производителем и потребителем. В этих взаимоотношениях производитель стремится сформировать у покупателя определенные представления о товаре, а сами потребители оказываются безголосым сообществом. Эта схема становится моделью и для других сфер, включая политическую. Учреждения социальной сферы «продают» свои услуги, а политики склонны «продавать свой образ», низводя избирателей до уровня потребителей-покупателей⁴².

Подходам, относимым к направлению КДА, как и философской интерпретации дискурсов, присуща глубокая критическая вовлеченность исследователя и его ориентация на выявление воздействия политических, социальных и идеологических сил на процесс порождения тех или иных текстов. Отличие же КДА от философского дискурс-анализа состоит в гораздо большем внимании, уделяемом эмпирическому анализу конкретных текстов с использованием достаточно упорядоченных аналитических процедур и более четкого понятийного аппарата.

Так, например, в рамках *дискурс-исторического подхода* Р. Водак принято выделять два уровня работы с текстом. На первом уровне выявляется набор крупных тематических блоков — **топиков**, на втором — осуществляется углубленный анализ **дискурсивных стратегий**, т.е. последовательно реализуемых планов по систематическому использованию языка, направленных на достижение определенных социальных целей. К числу таких стратегий относят, в частности, **референциальные стратегии**, т.е. стратегии именованья акторов, и **предикационные стратегии**, т.е. стратегии приписывания им определенных действий и качеств.

Что касается **дескриптивного** дискурс-анализа, то он существует также во множестве разных форм. Это и **социолингвистические** исследования, и **политическая лингвистика**, и современные исследования в области **риторики** и **стилистики**, а также ряд других направлений. В качестве примера исследовательского направления, преимущественно тяготеющего к дескриптивному полюсу, можно привести опыты анализа дискурсов с использованием инструментов **корпусной лингвистики**⁴³, т.е. исследований, ориентированных преимущественно на количественный анализ больших текстовых массивов.

Одним из популярных направлений дескриптивного дискурс-анализа в рамках политической лингвистики является **политическая метафорология**⁴⁴, т.е. изучение ментальных представлений, через анализ метафор, с помощью

которых люди описывают политический мир. Одной из главных отправных точек для этого подхода стала **теория когнитивной метафоры**, сформулированная американскими исследователями Дж. Лакоффом и М. Джонсоном⁴⁵.

Дескриптивные лингвистические подходы к анализу дискурса получили распространение и в России. В русле этого подхода работали, например, такие отечественные исследователи, как Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, А. А. Кибрик⁴⁶. Благодаря таким ученым, как А. П. Чудинов и Э. В. Будаев, в России сформировались субдисциплины **политической лингвистики** и **политической метафорологии**⁴⁷.

В рамках дескриптивных направлений дискурс-анализа исследователи преимущественно ориентируют решение на материале политических текстов задач, поставленных лингвистической наукой. Лингвистический инструментарий, обычно используемый в рамках дескриптивного анализа дискурса, дает исследователю возможность более детально разбирать отдельные тексты и выходить на гораздо более глубокий уровень аналитической проработки по сравнению с более привычным для политологов контент-анализом.

Анализ дискурса за пределами устной и письменной речи

Как отмечалось выше, в качестве дискурсов можно рассматривать не только устные и письменные тексты, но и любые другие целостные осмысленные фрагменты действительности. Однако существующие на сегодня методы анализа дискурса наиболее развиты именно применительно к изучению лингвистического материала. Совершенствование методов, которые позволяли бы анализировать не только устную и письменную речь, и тексты, созданные в других **модусах** (визуальном, аудиальном, двигательном и т.д.), — одна из актуальных задач для развития исследований дискурса. Работа в этом направлении активно ведется с 80-х годов прошлого века в рамках **социальной семиотики** (Р. Ходж, Г. Кресс)⁴⁸.

Во многих отношениях социосемиотика продолжает работу, начатую в рамках **системно-функциональной лингвистики** британским языковедом Майклом Холлидеем⁴⁹, сделавшим акцент на создании и понимании текста как на процессе выбора, связанного с определенной социальной ситуацией. При этом в рамках социальной семиотики удается сделать значительный шаг вперед, перейдя от лингвистической проблематики к гораздо более широкому подходу, позволяющему изучать любые знаково оформленные фрагменты действительности. Это делает возможным постановку вопросов о том, по каким общим принципам строится вообще любая социальная коммуникация и каким образом мы можем ее исследовать.

Особенности стилей коммуникации (не только в вербальных ее модусах), принятые в разных сообществах, могут сами по себе служить важными идео-

логическими маркерами, отделяющими одни группы людей от других. Маргинализированные социальные группы могут формировать даже свои собственные **антиязыки**, служащие специально для создания групповой идентичности и исключения чужаков. Примером такого антиязыка может служить, например, оруэлловский *нюспик*. Создание антиязыков в рамках социосемиотики рассматривается как способ противоборства социальных групп за установление правил взаимодействия.

На современном этапе одно из наиболее динамично развивающихся социосемиотических направлений — это изучение мультимодальности (Г. Кресс, Т. ван Леувен, Дж. Беземер)⁵⁰, т.е. анализ таких текстов, которые построены по принципу совмещения различных знаковых систем (например, текста, картинок и видео на интернет-сайте). В отечественной политологии предпринимаются попытки приложения принципов мультимодального анализа к политическим **перформативным актам**, таким как, например, развязывание войны, обретение независимости или заявление о капитуляции⁵¹.

Дискурс-анализ за пределами дискурс-анализа

Проблематика исследований дискурса в действительности гораздо шире той области, которую сегодня принято относить к сфере дискурс-анализа. Особенно актуально это для политической науки, в рамках которой можно найти немало методов и подходов, которые фактически сфокусированы на анализе дискурса, хотя не всегда этим термином пользуются.

Например, уже в наследии Чикагской школы политической науки 1930-х годов прошлого века (Ч. Мерриам, Г. Лассуэлл и др.) можно найти работы, фактически сосредоточенные на проблематике дискурс-анализа. При этом само слово *дискурс* американскими политологами не употреблялось, однако семиотический аппарат и семиотический образ мышления были достаточно хорошо усвоены.

Создатель Чикагской школы политологии Чарльз Мерриам вел речь о знаках власти, которые он называл *миранда* (*miranda*), т.е. «вещи, достойные восхищения» (иногда он также пользуется антонимическим понятием — *horrenda*, или «вещи, вызывающие ужасание»). Затем он выделял широкие комплексы, включающие **миранда** и **хорренда**, а такие объединяющие их политические функции. Эти комплексы он называет **креденда** (*credenda*), или «вещи, в которые надлежит верить»⁵².

Ученик и сотрудник Мерриама Гарольд Лассуэлл развил эту схему, положив в основу **миф**, понятый как «фундаментальное исходное мнение» (*fundamental assumption*). Затем он выделяет в мифе «символы чувства и идентификации» и вслед за Мерриамом называет их *миранда*. К ним он добавляет политическую формулу, которая представляет собой «часть политического мифа, описыва-

ящую и предписывающую в деталях социальную структуру». Рационализированный таким образом изнутри миф превращается в креденда, которые в совокупности и целостности Лассуэлл предпочитает называть **политической доктриной**⁵³.

В современной политической науке исследователи также зачастую обращаются к вопросам изучения элементов политического дискурса, таких как политические образы, имиджи, мифы, мемы, бренды и т.п., зачастую не называя это анализом дискурса. Кроме того, такие политологические методы, как, например, **контент-анализ** или **когнитивное картирование**, также могут быть отнесены к числу инструментов исследования дискурса, хотя о них часто и принято говорить как о чем-то отдельном от «метода дискурс-анализа». Интеграция дискурс-анализа с другими семиотическими обществоведческими инструментами и нахождение общего языка между различными дисциплинами, которые этими инструментами пользуются, — одна из актуальных сегодняшних задач для политологии и других наук об обществе.

Примечания

¹ *Parsons T.* Societies: Evolutionary and Comparative Perspective. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. P. 28.

² Ср. также англ. *actual facts* — «подлинные, действительные факты». Последнее выражение избыточно, «тавтологично», его дословный смысл — «действительные дела», поскольку само слово «факт» происходит от латинского *factum*, субстантивированного причастия от глагола *facere* — «делать», «творить».

³ См., напр.: *Степанов Ю. С.* Семиотика. М.: Наука, 1971. — 167 с.; *Nöth W.* Handbook of Semiotics. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1990. — 576 p.; *International Handbook of Semiotics.* Dordrecht: Springer, 2015. — 1308 p.

⁴ *Моррис Ч. У.* Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 37–89.

⁵ Наши лингвисты переводят *langue* как язык, но тут возникает путаница, поскольку словом «язык» можно перевести и слово *language*.

⁶ *Buysse E.* Les langages et le discours: Essais de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. Bruxelles: Office de Publicité, 1943. — 99 p.

⁷ *Степанов Ю. С.* Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 655.

⁸ Беседа с Юрием Сергеевичем Степановым // Политическая наука. 2002. № 3. С. 92–93.

⁹ *Dijk T. van.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. L.: Sage, 1998. P. 20.

¹⁰ *Бюиссанс Э.* Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь — дискурс — язык // Политическая наука. 2016. № 3: Политическая семиотика. С. 209–216.

¹¹ *Buysse E.* Les langages et le discours: Essais de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. Bruxelles: Office de Publicité, 1943. — 99 p.

¹² *Harris Z.* Discourse Analysis // Language. 1952. Vol. 28. No 1. P. 1–30.

¹³ *Benveniste É.* Les relations de temps dans le verbe français // Problèmes de linguistique générale. Paris: Gallimard, 1966. Vol. 1. P. 237–250.

¹⁴ Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. — 416 с.

¹⁵ *Пульчинелли О. Э.* К вопросу о методе и объекте анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 200.

¹⁶ *Пеше М.* Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 325.

¹⁷ См.: *Syntax and Semantics*. N.Y.: Academic Press, 1979. Vol. 12: Discourse and Syntax / Ed. by Givon T. — 533 p.

¹⁸ *Kintsch W., Dijk T. A. van.* Toward a Model of Text Comprehension and Production // *Psychological Review*. 1978. No 5 (85). P. 363–394; *Дейк Т. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: URSS, 2015. — 320 с.

¹⁹ *Handbook of Discourse Analysis* / Ed. by T. A. van Dijk. L.: Academic Press, 1985. 4 volumes.

²⁰ Такое определение зафиксировано, например, в Лингвистическом энциклопедическом словаре (*Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137).

²¹ Напр.: *Gumperz J. J., Hymes D.* Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication. N.Y.: Holt, Rinehart, & Winston, 1972.

²² Напр.: *Goffman E.* Forms of Talk. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. — 335 p.; *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, Ne Jersey: Prentice-Hall, Inc. 1967. — 288 p.; *Cicourel A. V.* Three models of discourse analysis: The role of social structure // *Discourse Processes*. 1980. No 2 (3). P. 101–131.

²³ Напр.: *Labov W.* Sociolinguistic Patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. — 344 p.; *Halliday M. A. K.* Language as Social Semiotic. L.: Edward Arnold, 1979. — 264 p.

²⁴ Напр.: *Johnson-Laird P. N.* Mental Models. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — 513 p.; *Schank R. C., Abelson R. P.* Scripts, Plans, Goals, and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures. Hillsdale, New Jersey Erlbaum, 1977. — 248 p.

²⁵ Подробнее см.: *Дейк Т. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: URSS, 2015. С. 113–121.

²⁶ Напр.: *Язык и моделирование социального взаимодействия*. М.: Прогресс, 1987. — 464 с.

²⁷ *Степанов Ю. С.* Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. — 784 с.; *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. — 896 с.; и др.

²⁸ *Сергеев В. М.* Типы концептуального осмысления политического развития // Модели диалога в системах искусственного интеллекта. Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1987. Вып. 751. С. 127–139; *Паршин П. Б., Сергеев В. М.* Об одном подходе к изучению средств изменения моделей мира // Принципиальные вопросы теории знаний. Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1984. Вып. 688. С. 127–143; *Сергеев В. М., Цымбурский В. Л.* Принятие решений когнитивная модель // Формальные и неформальные рассуждения. Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1989. Вып. 840. С. 139–150; и др.

²⁹ *Бляхер Л. Е.* Российский политический дискурс и концептуализация становящегося политического пространства // *Полис*. 2002. № 3; *Завершинский К. Ф.* Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // *Полис*. 2001. № 2. С. 113–131; и др. См. также: *Концептуализация политики*. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. — 314 с.

³⁰ *Политическая наука*. 2002. № 3. — 184 с.; *Политическая наука*. 2016. № 3. — 276 с.

³¹ *Символическая политика*. Вып. 1. М.: ИНИОН РАН, 2012. — 334 с.

³² Напр.: *Гаврилова М. В.* Методы и методики исследования политической коммуникации. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2008. — 92 с.; *Черняв-*

ская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006. — 132 с.; Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. — 280 с.; Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: УрГПУ, 2006. — 215 с.; Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. — 328 с.

³³ Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. С. 51.

³⁴ См., напр.: Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. — 536 с.

³⁵ Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. М.: Весь Мир, 2011. С. 19.

³⁶ Wodak R. The discourse-historical approach // *Methods of critical discourse analysis*. L.: SAGE, 2001. P. 63–94.

³⁷ Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: URSS, 2015. — 320 с.

³⁸ Leeuwen T. van. *Discourse and Practice: New Tools for Critical Analysis*. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 2008.

³⁹ Fairclough N. *Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. L.: Routledge, 2003. — 270 p.

⁴⁰ Fairclough N. *Language and Power*. L.: Longman, 1996. P. 85.

⁴¹ Ibid. P. 96.

⁴² Ibid. P. 205.

⁴³ См., напр.: Mautner G. Checks and balances: How corpus linguistics can contribute to CDA // *Methods of critical discourse studies*. SAGE, 2016. P. 154–179.

⁴⁴ Chilton P. A. *Security Metaphors: Cold War Discourse from Containment to Common House*. N.Y.: Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 1996. — 478 p.

⁴⁵ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

⁴⁶ Напр.: Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // *Политическая наука*. 2002. № 3. С. 32–43; Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. — 896 с.; Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис. ... д-ра филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2003.

⁴⁷ Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта, 2008. — 248 с.; Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2006. — 254 с. и др.

⁴⁸ Hodge R., Kress G. *Social Semiotics*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1988.

⁴⁹ Halliday M. A. K. *Language as Social Semiotic*. L.: Edward Arnold, 1979.

⁵⁰ Kress G., Leeuwen T. van. *Multimodal Discourse*. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2001. — 142 p.; Jewitt C., Bezemer J., O'Halloran K. *Introducing Multimodality*. L.; N.Y.: Routledge, 2016.

⁵¹ Подробнее см.: Идеи и практика: Мультимодальный анализ политических перформативов // *Политическая наука*. 2016. № 4. С. 261–316.

⁵² Merriam C. E. *Systematic Politics*. Chicago: University of Chicago Press, 1945. P. 95–113.

⁵³ Lasswell H. D., Leites N. C. *Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics*. N.Y.: George W. Stewart, 1949. P. 10–12.

Литература

Бюиссанс Э. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь — дискурс — язык // *Политическая наука*. 2016. № 3: Политическая семиотика. С. 209–216.

Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической философии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/Dem_PolDisk.php.

Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. — 432 с.

Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. — 416 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. — 280 с.

Огурцов А. П. Методология науки и дискурс-анализ. М.: ИФ РАН, 2014. — 283 с.

Паршин П. Б., Сергеев В. М. Об одном подходе к изучению средств изменения модели мира // Принципиальные вопросы теории знаний. Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1984. Вып. 688. С. 127–143.

Политическая наука. М., 2002. № 3: Политический дискурс: История и современные исследования. — 184 с.

Политическая наука. М., 2016. № 3: Политическая семиотика. — 276 с.

Сергеев В. М. Типы концептуального осмысления политического развития // Модели диалога в системах искусственного интеллекта. Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1987. Вып. 751. С. 127–139.

Сергеев В. М., Цымбурский В. Л. Принятие решений когнитивная модель // Формальные и неформальные рассуждения. Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1989. Вып. 840. С. 139–150.

Степанов Ю. С. Семиотика. М.: Наука, 1971. — 167 с.

Филипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный Центр, 2004. — 336 с.

Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 47–96.

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006. — 132 с.

Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. — 328 с.

Caborn J. On the methodology of dispositive analysis // Critical Approaches to Discourse Analysis Across Disciplines. 2007. No 1 (1). P. 115–123.

Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. N.Y.: Routledge, 2004. — 226 p.
Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction / Ed. by T. A. van Dijk. Thousand Oaks, Calif: SAGE Publications Ltd, 2011. — 432 p.

Gee J. P., Handford M. The Routledge Handbook of Discourse Analysis. L.; N.Y.: Routledge, 2013. — 712 p.

Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic. L.: Edward Arnold, 1979. — 256 p.

Hansen L. Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War. L.; N.Y.: Routledge, 2006. — 288 p.

Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1988. — 280 p.

Jäger S. Discourse and knowledge. Theoretical and methodological aspects of a critical discourse and dispositive analysis // Methods of Critical Discourse Analysis. L.: Sage, 2001. P. 32–62.

Kress G., Leeuwen T. van. Multimodal Discourse. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2001. — 142 p.

- Methods of Critical Discourse Studies / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. SAGE, 2015. — 348 p.
- Phillips N., Hardy C.* Discourse Analysis: Investigating Processes of Social Construction. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2002. — 97 p.
- Scollon R.* Analyzing public Discourse: Discourse Analysis in the Making of Public Policy. L.; N.Y.: Routledge, 2008. — 187 p.
- Strauss S., Feiz P.* Discourse Analysis: Putting Our Worlds into Words. L.; N.Y.: Routledge, 2013. — 424 p.
- Wodak R., Meyer M.* Methods for Critical Discourse Analysis. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2009. — 216 p.

21. НЕОГУМАНИЗМ

Ключевые слова

Гуманизм, неогуманизм, идеологические императивы, отчуждение, сущность человека, гуманистическая политика

«Призыв к новому планетарному гуманизму»

На рубеже XX–XXI вв. «Международная академия гуманизма» опубликовала впечатляющий документ: «Гуманистический манифест 2000. Призыв к новому планетарному гуманизму». В Преамбуле к нему говорится: «Мы, подписавшие настоящий Манифест, верим, что гуманизму есть что предложить человечеству перед лицом проблем двадцать первого века и, более того, грядущего третьего тысячелетия. Многие из прежних идей и традиций, унаследованных человечеством, уже не отвечают новым реалиям и тому, что готовит нам будущее. Коль скоро нам предстоит справиться с задачами складывающегося ныне мирового сообщества, нам необходимо и новое, не рутинное мышление, и такое мышление составляет отличительный признак гуманизма. Вот почему мы обнарудем Гуманистический манифест III: призыв к новому планетарному гуманизму».

«Планетарный гуманизм», «Современный гуманизм», «Новый гуманизм», «Неогуманизм» — так теоретики различных школ именуют рождающуюся новую форму гуманизма — Гуманизма XXI в.

У «Гуманистического манифеста 2000» были предшественники. В XX в. было обнаружено четыре основных гуманистических документа: Гуманистический манифест I, Гуманистический манифест II, Декларация светского гуманизма и Декларация взаимной зависимости.

Гуманистический манифест I появился в 1933 г., в пик всемирной экономической депрессии. Подписанный 34 американскими гуманистами (в том числе философом Джоном Дьюи), он отражал представления того времени, выдвигая, *во-первых*, в качестве альтернативы современным религиям нетеистический религиозный гуманизм и, *во-вторых*, принципы государственного экономического и социального планирования.

Гуманистический манифест II был выпущен в 1973 г. как отклик на новые реалии, возникшие на мировой арене за прошедший период: распространение фашизма и его поражение во Второй мировой войне, рост силы и влияния марксизма-ленинизма и маоизма, холодная война, послевоенное экономическое восстановление Европы и Америки, создание Организации Объединенных Наций, сексуальная революция, подъем женского движения, борьба социальных меньшинств за равноправие, возникновение студенческого самоуправления в университетских городках. Гуманистический манифест II оставлял место как натуралистическому гуманизму, так и гуманизму либерально-религиозному. В нем утверждалась оптимистическая точка зрения на будущее человечества; указывалось на положительную роль науки и техники в повышении человеческого благосостояния; предсказывалось, что XXI в. станет веком гуманизма.

В 1980 г. была выпущена Декларация светского гуманизма.

В 1988 г. Международная гуманистическая академия предложила также четвертый документ — Декларацию взаимной зависимости, призывающую к выработке новой всемирной этики и построению мирового сообщества, что становилось все более насущным ввиду быстрого роста международных общественных институтов.

Авторы «Гуманистического манифеста 2000» высоко оценивают работу своих предшественников. «Большинство положений предыдущих манифестов и деклараций, — отмечают они, — остаются актуальными и по сей день». Но «стало очевидно, — добавляют они, — что со вступлением мира в новое тысячелетие становится необходимым новый манифест». И центральной задачей этого нового манифеста провозглашается разработка концепции планетарного гуманизма.

Сходные идеи развивают и другие гуманистические сообщества. Сегодня организации гуманистов существуют во многих странах мира, в том числе и в России. Они объединены в Международный этический и гуманистический союз (МГЭС), насчитывающий более 5 млн членов.

Возникновение организованного гуманистического движения в России связано с деятельностью Российского гуманистического общества (РГО) — получило юридическое оформление 16 мая 1995 г. Общество ставит своей целью поддержку и развитие идеи светского гуманизма, гуманистического стиля мышления и психологии, гуманного образа жизни. Возглавляет Общество доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ В. А. Кувакин. РГО издает ежеквартальник «Здравый смысл: Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов», проводит международные конференции («Наука и здравый смысл в России: Кризис или новые возможности» — Москва, 1997 г., «Наука и гуманизм — планетарные ценности третьего тысячелетия» — Санкт-Петербург, 2000 г.).

Значительный вклад в разработку гуманистической проблематики внес и Научный центр по изучению проблем гуманизма при РГГУ (в котором участвовали ученые ряда столичных вузов и научных учреждений — МГИМО, МПГУ, РГГУ, Институт философии, Институт социологии). Проблемы рассматривались на круглых столах и конференциях, проведенных по инициативе Центра. Особенно значимым и масштабным событием была состоявшаяся в Казани 8–9 ноября 2013 г. Международная научно-образовательная конференция «Гуманизм и Современность». Итоги размышлений над проблемами современного гуманизма были изложены в книгах «Мировой социально-политический процесс и идеология гуманизма XXI века» (М., 2015), «Гуманизм и Современность» (Казань, 2013), «Гуманизм XXI века. Гуманитарное образование и гуманистическое просвещение» (М., 2013), «Модернизация и политическая система России» (М., 2012).

Что же представляет собой концепция Нового гуманизма (Неогуманизма)? С чем связано ее появление и в чем ее значимость и актуальность?

Прежде чем отвечать на эти вопросы, заметим, что теория Нового гуманизма находится еще в стадии становления. Не выработалась еще система идей, полностью устраивающая всех сторонников Неогуманизма. И хотя базисные ее принципы более или менее отстоялись, все же существует немало различий в истолковании этих базисных принципов. Даже само понятие «гуманизм» не находит приемлемого для всех определения.

«Важной теоретической проблемой, неоднократно обсуждавшейся гуманистами в XX в. и продолжающей обсуждаться в наши дни, — отмечает Ю. Ю. Черный, — является вопрос о том, что такое гуманизм»¹. По мнению президента Международной академии гуманизма, проф. Куртца², дать более или менее четкое, пусть даже самое общее определение гуманизма, с которым согласились бы все называющие себя гуманистами, непросто. Он пишет: «Возникает справедливый вопрос: “Не вступаем ли мы тут в бездонную трясины, где под гуманизмом каждый может разуместь все, что ему заблагорассудится — справедливость ли, демократию, социализм или либерализм, — и не способен ли этот термин растягиваться, подобно эластичным носкам, по мерке каждого”»³.

Около 30 лет тому назад П. Куртц предложил тридцати широко известным гуманистам дать свои определения гуманизма. В результате было получено большое количество различных определений (в числе авторов — Сидни Хук, Джозеф Л. Блау (Joseph L. Blau), Г. Дж. Блэкхем, Энтони Флю, Беррес Ф. Скиннер, К. Ламонт, Я. П. ван Праг и др.). Так родилась книга «Гуманистическая альтернатива: Некоторые определения гуманизма»⁴. Как это обычно бывает с наиболее общими философскими понятиями, гуманизм имеет столько определений, сколько имеется крупных философов, замечает профессор Куртц.

Пол Куртц (1925–2012) — один из представителей американского гуманизма, научный скептик.

Ряд исследователей считают, что именно Пол Куртц лишил понятие гуманизма религиозной окраски, которой данное понятие обладало с самого начала. Важно отметить, что для описания светского гуманизма и конфуцианства Куртц создал понятие *евпраксифия*, о котором ученый написал в работе «Евпраксифия: жизнь вне религии» (1989), подчеркивающее необходимость яркой и духовной жизни. Центральным компонентом концепции Пола Куртца является умение человека справляться с жизненными трудностями, а также стремление личности к самосовершенствованию.

Другими направлениями деятельности ученого является критика паранормальных верований, а также защита плюрализма мнений и образов жизни. Интересно подчеркнуть, что в одной из работ («Искушение потусторонним», 1986) автор анализирует архаические мифы и образы, имеющие влияние на современную культуру.

Основные работы:

«Полнота жизни» (1974)

«Изобильность: философия счастья» (1978)

«Искушение потусторонним» (1986)

И все же целый ряд разработанных учеными разных стран базисных идей неогуманизма (в том числе и те, о которых пойдет речь в данной главе) уже получают поддержку мирового научного сообщества.

Прочтите, например, что пишет один из инициаторов создания Центра по изучению проблем гуманизма профессор Ю. А. Красин — и сравните с идеями «Гуманистического манифеста 2000» — вы увидите высокую степень идейной близости. «Возникает, — пишет проф. Красин, — острая потребность в идейном осмыслении сути и последствий начавшейся великой трансформации человеческой цивилизации, которая по праву может быть названа “большим переформатированием социума”. Глубина и масштабы перемен беспрецедентны. Неудивительно, что они оказывают шоковое воздействие на устоявшиеся стереотипы общественного сознания. Когда-то Гегель определил философию как “эпоху, постигнутую в мышлении”. Мы с каждым годом все острее ощущаем, что эпоха “большого переформатирования” нуждается в своей, гуманистической философии, обобщающей и интерпретирующей социальный опыт эпохи и выступающей идейной основой реализации открываемых ею возможностей фундаментальной модернизации социума.

Новый гуманизм — это отнюдь не идеология, отражающая положение и интересы каких-либо социальных групп и вступающая в противоборство с уже

существующими идеологиями... Это, скорее, — консолидирующий духовно-нравственный этос вселенского многообразия рода людского; это — мировосприятие, объединяющее людей, готовых к соблюдению гуманистических принципов и норм гражданского единения и толерантности независимо от их идеологической ориентации, социальной и национально-государственной принадлежности. Это — планетарная *метаидеология граждан земной цивилизации*.

Потребность в разработке теории неогуманизма связана с тем фундаментальным обстоятельством, что человечество в XXI в. вступает в принципиально новую социальную реальность.

Человечество вступает в Новую Реальность

Сегодня, в XXI в., человечество у черты перехода: от прежних форм социальной жизни к ее новым формам, от прежних форм мышления и идеологических парадигм к новым.

Сегодня человечество у черты перехода:

- от истории *локального* развития стран и цивилизаций к их сложно-противоречивому взаимодействию в рамках *глобализации*; у черты превращения мировой истории из суммы историй отдельных стран к подлинно всемирной истории; когда во многом по-новому ставится проблема о соотношении национальных государственных суверенитетов и глобальных общечеловеческих императивов;
- от ситуации миро-человеческого *бессмертия* к ситуации, когда человечество (после создания ядерного оружия) стало *смертным* (т.е. способным уничтожить самое себя);
- от исчерпавшего свой потенциал развития *классического капитализма* (на Западе) к некоему новому обществу, сущность которого и название которого пока довольно туманно именуют «*информационным*» или «*постиндустриальным*» обществом;
- от общественной системы, именовавшейся в СССР «*реальным социализмом*» (с подлинным социализмом не имевшей, впрочем, ничего общего и бывшей на деле государственно-бюрократической формацией, трансформировавшейся затем в некую разновидность олигархического капитализма), к новому типу общественных отношений, в возможной (и желательной) перспективе — к Новому, гуманному, демократическому обществу, *Обществу «реального гуманизма»*;
- от ограниченного «*узко-социального*» мышления к «*ноосферному*» мышлению;
- от *антагонизма* либеральной и социалистической идеологий к их сближению и *конвергенции*;

- от понимания прогресса как «развития материальных, производительных сил» человечества к пониманию прогресса как процесса снятия «отчуждения», как процесса «очеловечивания» мира и человека, как процесса освоения («присвоения») *каждым* индивидом всего богатства человеческой сущности.

Речь, по сути, идет о рождении принципиально нового Субъекта мировой истории и о возникновении Нового Мира, в котором этому Субъекту предстоит действовать. Действовать, естественно, по-новому, формулируя Новые Цели и Новые Идеалы, определяя Новые Средства их достижения. И в силу этого на место прежних мировоззренческих установок должно прийти Новое Мировоззрение, основной императив которого можно сформулировать так: «Очеловечивание Человека и Среды его обитания». «Очеловечивание» — что, в переводе на латинизированную терминологию современной мировой социально-политической теории, означает не что иное, как «Гуманизация». И, стало быть, Мировоззрение, провозглашающее в качестве главной задачи «Очеловечивание» (читай — «Гуманизацию»), должно быть по праву названо **Гуманизмом**. Добавим только — **Новым** Гуманизмом (дабы отличить его от гуманизма «старого», традиционного). А основанная на этом мировоззрении стратегия преобразовательных действий, формулирующая цели деятельности современного Человека (что составляет содержание такого явления, как Идеология), может быть названа Идеологией Реального Гуманизма.

В понятии «реального (нового) гуманизма» фиксируется главная цель и главная ценность нового мирового и российского социума — ЧЕЛОВЕК. Речь идет в первую очередь не о росте материального богатства общества и даже не о развитии его производительных сил (хотя и то и другое, безусловно, важно), а об очеловечивании (гуманизации) деятельности людей, о ликвидации отчуждения человека — от орудий его деятельности, от процесса и целей труда, речь идет о превращении *каждого* человека (в органическом единстве с другими) в подлинного и всемогущего *субъекта* истории, о превращении «хомо экономикус» (т.е. «экономического человека») в «человека творческого», в человека, перестающего быть придатком машины (при капитализме) или винтиком бюрократического механизма (при номенклатурных, псевдосоциалистических режимах); речь идет о знаменитом — со времен Маркса — «скачке из царства необходимости в царство свободы», о превращении *каждого* индивида из односторонне сложившегося «профессионального кретина» (Маркс) в *универсально* и *всесторонне* развитого Человека.

Этим мировоззренческо-идеологическим принципам суждено поглотить и растворить в себе все великие идеологические концепции прошлого, и среди них, что особенно важно подчеркнуть, — идеологии, под знаком которых, в противоборстве которых прошли несколько последних столетий, — идеологии Либерализма и Социализма.

- Процесс этот пойдет, по-видимому, через сближение, сопряжение, взаимопроникновение, конвергенцию этих великих (в прошлом) идеологий и завершится их преодолением, их «снятием» (употребим этот, богатый содержанием, гегелевско-марксовский термин) в лоне Идеологии Нового (Реального) Гуманизма.

Да, «новая реальность», новизна мировой ситуации требует корректировки, а то и прямого пересмотра всех основных положений прежних социально-экономических, социально-политических теорий, идеологических и нравственных императивов. Надо только иметь в виду, что задача подобного пересмотра, задача выработки новых теоретических концепций стократно усложняется еще и тем, что мы еще не в Новой Реальности, а только **на переходе** к ней, что вступаем мы в Новую Реальность, отягощенные старыми противоречиями и конфликтами, повязанные прежними императивами, установками, формулами, прежними идеологическими парадигмами, традиционными формами мышления и действия. Поэтому столь драматичен этот процесс перехода к Новой Реальности и столь сложен мировой «контекст» всех сегодняшних проблем для его осмысления.

Зарождающаяся сегодня идеология Нового гуманизма (Неогуманизма), конечно, не что-то совершенно новое и абсолютно ранее невиданное. Новый гуманизм является продолжением и развитием прежнего (традиционного, «старого») гуманизма. Гуманизма, зародившегося в Античности и сопровождавшего социально-политические теории на протяжении всей писаной человеческой истории. Но это был как бы «задник», второй план, этих теорий. Императивы гуманизма то входили некой составной частью в эти теории, феноменом, зависимым от императивов Политики и подчиненным ей. То — лоб в лоб — сталкивались с ней — и отступали, терпели фиаско в качестве идеологической силы, претендующей на серьезное влияние в жизни общества (как то, например, было в концепции Макиавелли и в практике раннего капитализма). И все же, несмотря на пренебрежительное отношение к гуманистическим, нравственным идеям основной массы политиков и обслуживающих их теоретиков, идеи эти не уходили в небытие. В определенные (как правило, предкризисные) периоды они вдруг начинали громко звучать, будоража и тревожа сознание политических практиков и политических теоретиков. Но логика социальной жизни прежних эпох, логика классовых противостояний, сопровождавшихся насилием, как правило, брала верх. И императивы нравственности, гуманизма бессильно повисали в воздухе, почти не соприкасаясь с почвой социальной реальности, почти не влияя на нее.

И вот в XXI в. картина резко меняется. Да, в мировой социальной реальности еще доминируют макиавеллисты с их культом Насилия. И их воинственный антигуманизм порой даже усиливается. Но есть ощущение, что это бой на их последних рубежах. Ибо все более мощным и широким валом накаты-

ваются на них волны сопротивления их Политике Насилия. А новые мировоззренческие императивы занимают все большее место в сознании человечества. Нравственные, гуманистические императивы все больше теснят императивы политические, а насилие, даже «легитимное насилие» (Вебер), как способ решения кардинальных социальных проблем, все больше уступает место в общественном сознании способам ненасильственным. Императивы, порождаемые классовыми антагонизмами, все больше уступают место императивам общесоциальной, общечеловеческой солидарности. А ширящееся признание этих новых императивов мировым общественным сознанием есть предпосылка того, что со временем они победят и в реальной действительности.

Рассмотрим поподробнее, поосновательнее, как происходит этот процесс вытеснения старых идеологических императивов и формирования новых, совокупность которых составит содержание идеологии Неогуманизма. И каково возможное будущее этой идеологии? Кто явится субъектом ее реализации, ее воплощением в жизнь? Каково будет соотношение новой, Гуманистической общественной формации и формаций прошлого и настоящего?

Нам придется, прежде всего, коснуться родового понятия «гуманизма», его проявлений в разные исторические эпохи и раскрыть его Новое, современное содержание.

Что такое Гуманизм?

«Гуманизм», в переводе с латыни, означает «человечность». Словари и энциклопедии расшифровывают понятие «человечности» — как «стремление к созданию условий для максимального развития человеческой личности». Гуманизм действительно связан с процессом *очеловечивания* мира и человека. Гуманизм действительно есть процесс освоения («присвоения») индивидом всего богатства человеческой сущности.

Но, зафиксировав это, мы сразу выходим на целые ряды проблем, требующих более или менее убедительных ответов. В частности: почему как-то очень трудно, с невероятным «скрипом» идет в истории этот процесс «очеловечивания»? Да и что он реально означает? Почему вновь и вновь, на каждом витке своего развития, человечество ставит перед собой задачу создания «гуманного общества» и каждый раз терпит фиаско? Почему гуманистический идеал, описываемый людьми, так многолик и неоднозначен? Почему этот гуманистический идеал в разные эпохи принимал под пером «гуманистов» такие разные очертания? Короче, почему так изменчиво — от эпохи к эпохе — его конкретное содержание и существуют ли всеобщие, независимые от тех или иных эпох черты «гуманизма»? И почему по сию пору человеческими индивидами так и не освоено (не «присвоено») все богатство «человеческой сущности», т.е. не реализован главный императив «гуманизма»?

О «сущности человека» как центральной категории гуманистической концепции

Как известно, *сущность человека* формируется и проявляется в его *деятельности* (еще одна важная категория теории гуманизма!). Деятельность — это процесс, состоящий из трех фаз, трех стадий, трех компонентов: цель — средства — результат. Таким образом — из определения целей деятельности, подыскания средств для их достижения и использования средств в непосредственном процессе реализации (в ходе которого и достигается результат). Так вот, можно сказать, индивид только тогда становится обладателем человеческой сущности, только тогда в полной мере становится Человеком, если принимает участие во всех трех фазах человеческой деятельности. Только тогда он становится *целостным* человеком, т.е. человеком, освоившим все компоненты, все составные части человеческой деятельности и через это вобравшим в себя все богатство человеческой сущности.

Но этот путь приобщения индивида ко всем частям деятельности очень непрост.

История распорядилась таким образом, что этот целостный, внутренне взаимосвязанный процесс деятельности оказался разделенным между разными социальными субъектами. Одни («правители», члены «властвующей элиты») определяют цели, подыскивают средства, а другие («подвластные», «исполнители») — с помощью навязываемых им средств выполняют намеченную правителями работу по достижению поставленных правящими группами целей.

Это явление, раздробляющее деятельность между различными субъектами, называется *социальным разделением труда* (деятельности). А общую форму, в которой протекает процесс раздробленной, разделенной между разными субъектами деятельности, философы-классики (от Гегеля и Маркса до Ильенкова) назвали Отчуждением. Это означает, что *оба* главных субъекта деятельности находятся в состоянии отчуждения: работник («подвластный», «исполнитель») отчужден от произведенного им продукта (ибо этот продукт принадлежит не ему, а его хозяину), от, можно сказать, своих рабочих рук (ибо руки эти куплены его хозяином и, стало быть, этому хозяину принадлежат; и он, хозяин, использует эти руки, как ему, а не биологическому их владельцу, покажется нужным); работник отчужден от средств своей деятельности (ибо это не он, а они его «применяют», они «властвуют» над ним). То есть такой индивид не соединен с человеческой сущностью. Он, говоря специфическим философским языком, не целостный, а лишь «частичный» человек (человек, подключенный лишь к части компонентов, составляющих человеческую сущность).

И «управители», члены «властвующей элиты» тоже пребывают в состоянии отчуждения (хотя и более терпимого, нежели отчуждение работников). Да, про-

изведенный работником продукт как будто бы не отчужден от «хозяина», как будто бы в полной мере принадлежит ему. На самом же деле — принадлежит ему лишь частично, «не вполне». Ибо продукт этот — товар, произведенный не для личного пользования (натуральное хозяйство давно оттеснено историей на обочину социального бытия), а для других, для обмена. Хозяин выносит свой товар на рынок, и тут-то он выходит из-под его контроля: продукт подчиняется тут уже не воле «хозяина», а «невидимой руке рынка», законам рыночных отношений, которые складываются за спиной владельца товара. Собственники, кроме того, по большей части отчуждены и от непосредственного процесса деятельности, процесса достижения результата, ибо эта часть деятельности передана ими работнику.

Получается, и собственник, и работник — не «целостные», а «частичные» люди. Целостность существует в расщепленном между разными индивидами, между разными социальными слоями виде. Эту ситуацию можно характеризовать как разделенное существование «головы» (управители) и «рук» (работники) целостного Человека.

Оценка феномена отчуждения

Как же оценить этот феномен отчуждения, феномен, отражающий состояние разорванности единой человеческой сущности? Что это — болезнь, большая беда, случившаяся в развитии человеческого общества и требующая немедленного лечения и устранения? Некоторые (мыслители прудонистского типа) так примерно и думали: это — болезнь, беда, порожденная частной собственностью, и нужно немедленно упразднить причину этой болезни — частную собственность, разделяющую людей, и ввести общественную собственность, объединяющую людей, соединяющую «головы» и «руки» частичных людей в единство — и тем формирующую целостного Человека.

Но более глубокие мыслители (например, Гегель и Маркс) думали иначе. По Марксу, явление отчуждения для определенных периодов человеческой истории — не болезнь, а норма. Более того, оно — даже условие прогресса. Ибо социальное разделение труда (и возникшее на его основе классовое деление) есть форма специализации человеческой деятельности, форма ускоренного развития и человеческого интеллекта — с одной стороны, и материальной физической силы и мастерства индивидов — с другой. Общества, не создавшие внутри себя социального разделения труда, быстро отставали от классовых обществ в своем развитии.

Стало быть, можно сказать, *история человечества есть история отчуждения, история его возникновения и развития*. Но это утверждение — только часть истины. Другая ее часть состоит в том, что в рамках отчуждения происходит постепенное накопление материальных богатств и развитие деятельных сил,

деятельных способностей людей. И постепенно создаются предпосылки для сближения (а потом и воссоединения) «головы» и «рук». «Рабочим рукам» в высокотехнологичном производстве во все большей степени требуется «голова», думающая, хорошо образованная. А собственник, стремящийся к эффективному управлению производством, начал совмещать в себе ипостаси менеджера и ученого. И когда наука станет в полной мере главной и непосредственно производительной силой, то собственник такой силы станет прямым и непосредственным участником деятельности, а не отчужденным от нее субъектом (как то было в прошлом).

- Поэтому можно (и нужно) сказать, что история человечества — это не просто история становления и развития отчуждения, но и история накопления в его рамках материального богатства и деятельных способностей человека, история формирования предпосылок и условий для его (отчуждения) устранения (снятия).

У Маркса есть потрясающий образ, дающий возможность схватить самую суть дела. Прогресс, написал однажды он, подобен тому языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых. «Череп убитых» — это образ разрываемой, дробящейся в пространстве отчуждения человеческой сущности. А «нектар» — образ того богатства культуры и человеческих способностей, которое все больше наполняет результаты человеческой деятельности. Негуманная форма отчуждения рождает внутри себя в высшей степени гуманистический результат — богатство человеческой деятельности.

- Гуманизм, собственно, и есть процесс постепенного накопления этого богатства в рамках отчужденных форм деятельности, процесс постепенного создания условий и предпосылок («нектара») для формирования целостного человека, для устранения отчуждения («черепов убитых»), для присвоения всей полноты человеческой сущности каждым индивидом.

Гуманизм, стало быть, есть не состояние, не совокупность каких-либо идеальных черт, не идеал, а процесс движения к этому идеалу (т.е. к целостному человеку — субъекту, участвующему во всех фазах и компонентах человеческой деятельности). Гуманизм есть процесс постепенного очеловечивания человека и мира, протекающий (пока!) в рамках отчуждения, но направленный на его, отчуждения, вначале ослабление, а потом и упразднение.

А конкретное содержание гуманизма — это не некий абстрактный, всеобщий, надвременный идеал Человека или Человеческого общества, а конкретная программа шагов по очеловечиванию человека и мира в данное время и в данных обстоятельствах. Поэтому конкретное содержание гуманизма зависит от специфики эпохи, от специфических задач, выдвигаемых ходом общественного развития в данную эпоху.

А специфика современной эпохи, которую мы определили как вступление человечества в принципиально новую социальную реальность, диктует необходимость следования *принципам Неогуманизма*, к характеристике которых мы и перейдем.

Основные принципы идеологии Нового гуманизма

Идеология Нового типа, идеология современного гуманизма, в отличие от идеологических построений социализма и либерализма, *исходит из приоритета не классовых, а общечеловеческих, общемировых интересов и ценностей* (что связано с превращением когда-то «бессмертного» субъекта мировой истории в «смертного», способного уничтожить самого себя). Таков **первый, важнейший принцип неогуманизма**.

Почему нужны новые идеологические подходы? С чем связана опасность следования императивам прежних идеологий в современном мире?

Так, *классическая социалистическая идеология* (с ее установкой на преодоление социального неравенства через революцию, начинающуюся на национальной почве и превращающуюся в мировой революционный процесс, с ее принципами классовой борьбы и благодетельности революционного насилия, с ее допущением возможности гражданской войны с миром капитала) может подвинуть мир на грань ядерной катастрофы с почти неизбежным уничтожением не просто мира капитала, но вообще Человеческого мира.

И *классический либерализм*, славивший стихию социального процесса и видевший роль великого регулятора социально-экономической деятельности в «невидимой руке рынка», в частной собственности, в свободной конкуренции, порождающей социальное неравенство (мощное, по уверению либералов), условие для развития инициативы каждого собственника, каждого человека, не в состоянии дать адекватного ответа на вызовы XXI в. Ценимая либерализмом мировая рыночная стихия рождает тяжелейшие всемирные экономические *кризисы*; а становящаяся все более жесткой и жестокой рыночная конкуренция создает монополистических монстров, подминающих под себя более слабых предпринимателей; схватки этих монстров на мировой арене, как показывает опыт XX столетия, рожают национальные (а то и мировые) *войны* (что чрезвычайно опасно в наш ядерный век). Кроме того, прославляемое либерализмом (в качестве стимула экономической активности) социальное неравенство распространяется не только на свою национальную публику, но и на целые страны, стимулируя восстания против народов «золотого миллиарда». Так что и либералам придется считаться со «смертностью» современного человечества: ограничивать свою рыночную стихию «видимой рукой» общественного (государственного) регулирования, программирования и существенно смягчать «неравенство» (на национальной и мировой аренах).

А также существенно ограничивать культ Индивидуальности, подчиняя ее интересы общенациональным и мировым.

Второй принцип идеологии Нового гуманизма связан с превращением Человечества из локально-разделенного в глобально-целостное. Его суть: *исходить из приоритета глобальных интересов перед локальными, перед национально-государственными, при сохранении, однако, национальной идентичности*. Отсюда рождается задача сил, доминирующих на мировой, глобальной арене: *не подавить, не растворить в глобальном социуме локальные цивилизации, а создать условия для развития их локальной (национальной) специфики, для ее сопряжения с логикой мирового развития*. А задача сил национально-локальных образований может быть сформулирована по образцу, созданному (применительно к России) еще Пушкиным: «Войти в Европу и остаться Россией». Что сегодня могло бы звучать так: «Войти в глобальный мир, сохраняя свою (преобразованную светом глобальности) национальную идентичность», «Войти в глобальный мир и остаться Россией, Ираном, Ираком, Сирией, Украиной...». На необходимость соединения «локального» с «глобальным» обратил внимание Генеральный секретарь ООН в «Докладе-миллениуме»: «Государства должны более глубоко осознать их двоякую роль в нашем глобальном мире. Помимо той ответственности, которую каждое государство самостоятельно несет перед своим обществом, на государствах лежит коллективная ответственность за нашу общую жизнь на этой планете — жизнь, общую для граждан всех стран. Успешное управление процессом глобализации, таким образом, требует — прежде всего, — чтобы государства действовали в соответствии с их двоякой ролью». «Двоякость роли» современных государств — важная черта современного гуманизма.

Третий принцип. Здесь речь идет об отношении Новой идеологии к своим идеологическим предшественникам — концепциям либерального и социалистического толка: они не отбрасываются, не перечеркиваются, а в существенно преобразованном виде включаются в корпус идей Новой идеологии, поскольку в прежних идеологиях сохраняется некое живое содержание, целый ряд интенций, сыгравших серьезную позитивную роль в истории человечества и могущих, в существенно преобразованном виде, еще сыграть. Главное «преобразование» прежних идеологий — либерализма и социализма — связано с процессом их сближения, сопряжения, с их, в итоге, объединением в некоем новом идеологическом построении, органически сочетающем в себе либеральные и социалистические ценности и императивы. В рамках идеологической парадигмы Нового гуманизма существенно изменяется само взаимоотношение либеральной и социалистической идеологий — процесс идет от их прежнего фронтального противостояния к их сопряжению, к их «конвергенции». На этом стоит остановиться поподробнее, ибо конвергенция демократически-гуманистических ценностей либерального и социалистического типа ведет к формированию современной социальной теории, которая способна указать выход из тупиков современного мирового и российского бытия.

Конвергенция прежних идеологий. И так, общая логика всемирной истории: возникновение, развитие (через противоречия) и снятие Отчуждения. Это, повторяю, общая логика. Ее непросто было выявить и описать. И заслуга в этом Гегеля, Маркса и их учеников из XX века — Ильенкова, Лукача, Батищева, Межуева — велика.

Но, пожалуй, еще труднее описать, определить, понять конкретное состояние (содержание) отчуждения в конкретную историческую эпоху. Отчуждения, проявляющегося во всей системе общественных отношений — в сфере экономики, культуры, политики, общественного сознания. И на основе этого понимания дать императивы, лозунги деятельности силам «прогресса» и «гуманизма». В эпоху Современности эту задачу пытались решать различные идеологии, среди которых особенно значимое место (в особенности в XIX и XX вв.) занимали соперничавшие между собой идеологии либерализма и социализма. Они стремились (каждая идеология по-своему) отражать логику всемирной истории, в ее контексте — логику развития современных им общественных отношений, их современное состояние и перспективы их развития. Стремилась определить главных субъектов социального развития и выработать для них программу действий.

История либерализма и социализма, их исторического противостояния — сюжет для «очень большого рассказа», для не одной монографии. Здесь хотелось бы обозначить главную нить их истории, главные черты их современного состояния.

Вообще сущность этих идеологий в наикратчайшем виде зафиксирована их выдающимися представителями — либералом Людвигом фон Мизесом и социалистом Карлом Марксом.

Людвиг фон Мизес: «Программа либерализма, если выразить ее одним словом, будет читаться так: собственность, т.е. частное владение средствами производства... Все остальные требования либерализма вытекают из этого фундаментального требования» («Либерализм в классической традиции»).

Карл Маркс: «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» («Манифест коммунистической партии»).

Как видим, — идеологии-антиподы. Противостояние — фронтальное. Когда и как они возникли, какие этапы прошло это их противостояние, что ждать от этого противостояния в будущем?

Они и возникли как антиподы, по-разному оценивающие реальность — процесс становления капитализма. Правда, либеральные теории были более теоретически разработаны. Социалистические — отличались импрессивностью, мечтательностью. Либеральные теории описывали то, что есть, — реальность, ее суть, противоречия, ее реальные тенденции. Либерализм был прагматичен и реалистичен. Социалистические теории, сталкиваясь с противоречиями реальности, строили планы, как от них возможно скорее избавиться, фантази-

ровали насчет того, каким непротиворечивым, гармоничным и гуманным мог бы быть социальный мир. Социалистические авторы рисовали некие идеалы, в которых воплощались бы их мечтания о социальной гармонии, не задумываясь особенно над тем, есть ли социальные и культурные силы, способные и готовые эти их мечты осуществить. Им казалось: достаточно нарисовать красивую, увлекательную картинку будущего — и люди немедленно кинутся воплощать эту красоту в жизнь.

Классические либеральные теории (Джона Локка и Адама Смита, в первую очередь) описывали логику перехода от феодализма к капитализму. И базисным пунктом их теорий была защита свободно функционирующей частной собственности, освобожденной от феодальных пут. И главное — устранить вмешательство государства и чиновничества в движение частной собственности, реализующей себя в рыночной экономике. «Невидимая рука рынка» (А. Смит) все сама отрегулирует; во всяком случае — лучше, чем государственная бюрократия. В общем — *laissez-fair, laissez-passer!* Практика, основанная на идеях либерализма, была громадным шагом в развитии производительных сил общества, политического и культурного социального прогресса. Либеральные теоретики раскрыли громадную прогрессивную роль буржуазных отношений в истории человечества и тем внесли существенный вклад в социальную науку. Можно сказать, что ими зафиксирован сделанный человечеством шаг вперед в направлении смягчения «отчуждения» (хотя классики раннего либерализма этот термин не употребляли).

Но буржуазный строй не был формой «снятия отчуждения», а лишь его (отчуждения) новой формой. Да — расширяющей возможности прогресса производительных сил и, на базе этого, приоткрывающей новые возможности и перспективы гуманизации социума. И все же отчуждение, особенно в форме эксплуатации лишеного собственности трудящегося человека, сохранялось. И это состояние сохраняющегося «отчуждения» болезненно переживалось низшими классами. Работник оставался «частичным» человеком, эксплуатируемым, униженным существом. Что и фиксировали гуманно настроенные люди того времени (социалисты, в первую очередь). Им хотелось, чтобы прогресс не сопровождался такими негативными чертами. Тогда-то они и принялись сочинять общество, где частная собственность заменялась бы общественной. Общество, где не «невидимая рука рынка» регулировала бы экономические отношения, а государство и где рыночная экономика сменялась бы плановой. В общем — общество, как сказали бы сегодня, без отчуждения.

Ведь исходным было их лобовое противостояние. Вспомним императивы Томаса Мора и Джона Локка, в которых либерализм и социализм предстают как *абсолютные идеологические антиподы*:

- частная собственность (Локка) против общественной собственности (Мора);
- стихия свободного рынка (Локка) против плановой экономики (Мора);

- «минимальное» государство (Локка) против государства «во всем» (Мора);
- «свобода» (Локка) против «равенства» (Мора).

Как оценить эту фазу противостояния двух идеологий?

Не может быть никаких сомнений, что либеральные теории той поры несравненно содержательнее, несравненно реалистичнее и научнее социалистических. Они давали теоретическое обоснование, теоретическое оправдание процессу перехода человечества от феодальных отношений к капиталистическим. Они мощно стимулировали экономический (да и культурный) прогресс общества. Правда, они не уделяли слишком большого внимания тому, как чувствуют себя в условиях капитализма люди из низших социальных слоев: много ли им перепадает из этого бурного экономического прогресса. Ими подчеркивалось (и справедливо!), что даже эти низшие социальные слои получали определенные выгоды от смены феодального строя буржуазным: бесправный, крепостной работник феодального общества становился лично свободным, свободным (хотя и наемным) работником, получал определенные политические права и возможности культурного роста. Что же касается его зависимого экономического (а вследствие этого и политического) положения, то иначе, подразумевалось, просто нельзя. Ликвидировать частную собственность и осуществить «всеобщее равенство» — значило бы разрушить все стимулы общественного развития.

А вот их антиподы, социалисты, обращали свое внимание как раз на эти страдающие слои. Они взывали быть равнодушными к судьбе людей из этих слоев. Они не давали обществу успокоиться, они будоражили его. И в этом была их громадная историческая заслуга. Да, экономически и политически их проекты и императивы были неосуществимы, а подчас и просто реакционны, ибо силились прервать восходящий (хотя и противоречивый) исторический процесс. Пытались перепрыгнуть исторически неизбежные этапы развития, подменив социальные законы субъективными мечтаниями. Да и просто произволом (хотя и выглядевшим вроде бы очень гуманистичным). Да, проекты ранних социалистов были утопичными, неосуществимыми. Но — *не бессмысленными и не бесплодными*. Они развивали пусть не экономическую, пусть не политическую, но морально-нравственную культуру общества. Будили его совесть. Хорошо сказал однажды Энгельс: «Ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле».

Этой истиной во всемирно-историческом смысле и был ранний социализм — социализм Мора, Кампанеллы, Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Они предсказывали возможность устранения эксплуатации (т.е. снятия отчуждения). Они зажигали пусть далекие, но маяки, на свет которых могли ориентироваться гуманистически настроенные люди. Они способствовали развитию, наращиванию Человеческого капитала, они создавали нравственное богатство общества, тот нравственный задел, который может сыграть большую роль на более поздних этапах человеческой истории.

Так что развитие идей «очеловечивания», идей гуманизма происходило в рамках обеих идеологий. Хотя и по-разному. Практика либерализма способствовала смягчению отчуждения путем наращивания материальных благ, производительной силы человека. Социалистическая теория стимулировала духовное, нравственное, культурное развитие общества. В общем, обе идеологии освещали и развивали разные стороны гуманистического процесса и гуманистической теории, в рамках которой и будет происходить процесс их сближения.

В XIX в. социалистические идеи все больше утрачивают черты утопизма. Все больше превращаются в *реалистическую* стратегию социальных преобразований. Ибо капиталистический социум, развивавшийся в контексте либеральных теорий, выходит на рубежи, когда «очеловечивание» (смягчение, а в перспективе — уничтожение эксплуатации) низших сословий и классов становится *реальной* возможностью (а то и просто необходимостью с точки зрения успешного социального развития). Что и было зафиксировано марксистским социализмом.

Хотя противостояние либерализма и социализма продолжается, но меняется его формат. Если раньше это было противостояние *реалистического* либерализма и *утопического* социализма, то теперь это противостояние двух *реалистических* концепций (хотя и по-разному *реалистических*).

А в XX в. происходит новый поворот в их историческом споре. Социальная практика XX столетия начинает рушить основополагающие принципы классической либеральной теории. Выясняется, что «невидимая рука рынка» больше не является удачным регулирующим фактором. «Свободный рынок», рыночная стихия порождает все более глубокие, все более масштабные кризисы — вначале экономические, а потом и общесоциальные. Наиболее трагическое проявление этого кризиса — Первая мировая война. Свободная рыночная конкуренция, сопровождавшаяся поначалу демократизацией общественной жизни, породила могучих монополистических хищников и их жестокую схватку на мировой арене, стоившую человечеству 10 млн жизней.

Первая мировая война и всеобщий, глобальный кризис 1920-х годов ясно засвидетельствовали, что оптимизму и реализму классического либерализма (от Локка и Смита до Людвиг фон Мизеса) пришел конец. Что громко и безапелляционно зафиксировал один из виднейших теоретиков либерализма Джон Кейнс в своей работе 1925 г. *The End of Laissez-Fair*, т.е. *Конец* того старого прекрасного либерализма, императивы которого были когда-то сформулированы Локком и Смитом. И развернуто, масштабно — в работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) — о «регулируемой» государством и обществом рыночной экономике, которая у Кейнса перестает быть «свободно-рыночной», «стихийно-рыночной», постепенно превращаясь в экономику «планово-рыночную». «Новый либерализм» Кейнса начинает включать в себя целый ряд императивов и ценностей, присущих социалистической идеологии. «...посткейнсианство, — пишет профессор Солтан Дзарасов, — объективно

оказывается ближе к марксизму и социализму, чем к либерализму и капитализму», а «вектор этого движения... задал сам Кейнс своим посягательством на неоклассические постулаты. Наиболее убедительное подтверждение верности этого утверждения мы находим в государстве благосостояния (*Welfare State*). Его идейными вдохновителями были Джон Кейнс, давший ему теоретическое обоснование, и William Beveridge (1879–1963), разработавший прикладные аспекты перехода к такому государству в развитых странах. Оба были либералами, а предложенные ими идеи, по существу, социалистическими и осуществлены в Англии лейбористами, а в континентальной Европе — социал-демократическими партиями»⁵.

И — движение навстречу — с другого полюса: 1921 г. — введение НЭПа в послереволюционной России.

Ленин: «Мы вынуждены признать *коренную* перемену *всей* точки зрения нашей на социализм».

Что это значит? В чем состоит эта перемена?

- допущение разных форм собственности, сопряжение общественной и частной;
- сочетание рыночной стихии и плана;
- ограничение вмешательства государства в экономику;
- поддержка духовного (и политического) плюрализма;
- равенство, не разрушающее свободу.

Возникают, иначе говоря, «*Конвергентный либерализм*» (Кейнса) и «*Конвергентный социализм*» (в духе нэповского социализма Ленина).

За какой из вышеназванных «конвергентных теорий» будущее? Это предмет дискуссий.

Один из возможных вариантов: встреча на теоретической «Эльбе» конвергентного либерализма и конвергентного социализма. Произойдет, скорее всего, не слияние их в одну идеологию, а дружеское соревнование (чередование во власти) — демократического конвергентного либерализма и демократического конвергентного социализма. Сложится биполярная идеологическая и социально-политическая система. И будет социальный корабль покачиваться между двумя неантагонистическими курсами. И такой, зигзагообразный, путь будет эффективнее прямолинейно-одностороннего. И это станет важной составляющей пути к той идеологии (и основанной на ней социальной системе), которую можно назвать Реальным Гуманизмом.

Четвертый принцип. Приоритет морали перед политикой. Сопряжение Политики и Нравственности. Становление Нравственной, Гуманистической политики. В основе политики (как процесса согласования интересов) лежит, как известно, принцип насилия («легитимного насилия» — Макс Вебер), нравственность — ненасильственный способ согласования интересов. Насилие всегда порождает контрнасилие, оно чревато возникновением опасных конфликтов, которые, в своем развитии, могут подвести народы к черте ядерной

катастрофы. Расширение пространства ненасильственных действий — вот важный лозунг современной эпохи. Да, в нынешнем мире сильно противостояние социальных и национальных интересов. И без определенных форм насилия, увы, не обойтись. Но насилие в политике сегодня утрачивает свое прежнее универсальное значение. Насилие, соединенное с ядерным оружием, становится *смертельно* опасным для человечества. Новая реальность требует *Нравственной политики*, императив которой «максимальная минимизация насилия».

Новизна современной формы гуманизма состоит в том, что Человечество в своем развитии подошло к черте, когда уже можно ставить вопрос не просто о смягчении отчуждения (как то было в прежних гуманистических теориях), а о его снятии, о его ликвидации. «Ставить вопрос» — значит убеждать граждан в необходимости его решения, которое станет реально возможным, когда массовые силы гражданского общества в полной мере осознают эту необходимость.

Сегодня мы находимся на пороге нового «века Просвещения», в чем-то аналогичного французскому Просвещению XVIII столетия. Сегодня, в первую очередь, не структурные, не институциональные изменения важны, а преобразование общественного сознания. Можно сказать, речь идет о «революции» в человеческих головах, которая затем наверняка перерастет в масштабное перформатирование социально-экономической и политической действительности, в реализацию социального идеала Гуманизма.

Императивы гуманистической политики

1. *Гуманистическая политика* — это политика с человеческим лицом. Политический гуманизм — это не совокупность всем известных абстрактных «человеколюбивых» пожеланий. Это — стратегия социально-политической **деятельности**, которую можно (и нужно) назвать **реальным гуманизмом**. Это — не фразы, это — деятельность, стратегия, направленная, в каждом своем шаге, на расширение пространства **свободы** человека, на расширение социального **равенства** людей, на их материальное благополучие, на их культурное развитие.

В понятии «реальный гуманизм» фиксируется главная цель и главная ценность современного общества — человек. Этот термин указывает, что при строительстве нового общества речь должна идти в первую очередь не о росте материального богатства общества и даже не о развитии его производительных сил (хотя и то и другое, безусловно, важно), а об очеловечивании деятельности людей, о ликвидации отчуждения человека — от орудий его деятельности, от процесса и целей труда, речь идет о превращении *каждого* человека (в органическом единстве с другими) в подлинного и всемогущего *субъекта* истории, о превращении «хомо экономикус» (т.е. «экономического человека») в «чело-

века творческого», перестающего быть придатком машины (при капитализме) или винтиком бюрократического механизма (при номенклатурных, административно-командных режимах); речь идет о знаменитом — со времен Маркса — «скачке из царства необходимости в царство свободы», о превращении *каждого* индивида из односторонне сложившегося «профессионального крестина» (Гегель) в *универсально и всесторонне* развитого Человека.

В этом термине, кроме того, заложена идея, созвучная нашему времени и современным возможностям, — а именно, что *все* формы человеческой деятельности и борьбы должны быть подчинены в первую очередь *моральным* требованиям. Нравственность должна доминировать над экономикой, политикой и правом. Образно говоря, речь идет о превращении экономическо-капиталистических и административно-бюрократических обществ в подлинно ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ сообщество. Нравственность, справедливость, гуманизм — вот главные движущие мотивы развития нового, грядущего общества. Добавим, что речь идет не просто об абстрактно-гуманистических настроениях и стремлениях, но о гуманизме, в полной мере учитывающем степень зрелости общества, масштабы потенциала сил, приступающих к его преобразованию, культурные традиции данного общества, его экономические, политические и правовые черты. Речь, стало быть, идет не о гуманизме благих пожеланий, но о гуманизме, замешенном на строгой социальной теории. Не о гуманизме бесплодных мечтаний, а о гуманизме выполнимом и абсолютно реалистическом, т.е. о *реальном* гуманизме.

Этот термин, кстати, рожден в Марксовой плавающей теоретической печи. Правда, употребил его немецкий мыслитель, по сути, лишь однажды, и хотя в очень серьезном, можно даже сказать, в программном контексте, но он, судя по всему, не придавал ему строгого категориального значения. У него этот образ носит скорее образный, нежели строго научный, категориальный смысл. Сегодня, полагают сторонники неогуманизма, есть все основания перевести это Марксово выражение из разряда «образов» в разряд строгих научных категорий.

2. Гуманистическая политика — это политика, направленная на подключение *каждого* человека к участию в решении вопросов развития своей страны, своего общества. Это — то, что может быть названо «**стратегией горизонтали**».

В последнее время в ряде стран на постсоветском пространстве получила распространение так называемая «стратегия Вертикали». Стратегия, нацеленная на преодоление анархии, социальных кризисов и нестабильности 1990-х годов, Стратегия социальной и политической стабилизации. И политическая вертикаль действительно может обеспечить стабилизацию. Но...

Но обеспечить поступательное, нарастающее, ускоряющееся развитие стран и обществ Вертикаль не в состоянии. Ибо Вертикаль — это стратегия модернизации и мобилизации управления государственных служащих, государственных чиновников. Она не ставит и не выполняет задачу подключения к социальной деятельности всего богатства народных, гражданских сил, всех

талантов общества. Стратегия Вертикали может иметь успех только в качестве *временной* стратегии. В долговременной же перспективе она ведет к нарастанию и разрастанию элементов авторитаризма, а то и тоталитаризма — т.е. политических режимов, резко сокращающих участие граждан в управлении делами общества.

Стратегия же Горизонтالي является стратегией, способствующей становлению и развитию институтов и структур гражданского общества. Это — стратегия мобилизаций усилий не только чиновничьего мира, но всего общества (на всех уровнях).

Гуманизм этой стратегии раскрывается в полной мере в том, что люди перестают быть бессловесными и мало что значащими винтиками в социальной машине, управляемой бюрократией, перестают быть только исполнителями начальственной воли, они становятся **деятелими и творцами**. И тем самым реализуется то, что составляет важную составляющую человеческой сущности.

Следует только добавить, что стратегия Горизонтали вовсе не должна *противостоять* стратегии Вертикали. Она должна *дополнять* ее: Вертикаль способна обеспечить «диктатуру закона», а Горизонталь — участие граждан в выработке этих законов и в массовом контроле за их исполнением.

3. **Гуманистическая политика** — это политика сокращения рабочего времени и роста свободного времени, и на основе этого — расширения пространства Свободы для каждого индивидуума.

Сейчас много говорят о технологических инновациях, о нанотехнологиях, подчеркивая, что нанотехнологии резко поднимут производительность труда, обеспечат быстрый рост ВВП.

Да, это так. Но если говорить о *гуманистическом* аспекте курса на нанотехнологии, то он, по-видимому, должен состоять в следующем. Социальный эффект от применения нанотехнологий должен выражаться и оцениваться не столько в *росте* ВВП, сколько в том, *как* этот разрастающийся ВВП распределяется и потребляется. Идет ли львиная часть доходов в карманы олигархов или достается основной массе граждан страны? *Гуманистическая составляющая*, стало быть, — не просто в количественном росте экономики, но в «справедливом распределении» плодов нанотехнологического труда.

Гуманизм политики в данном случае состоит и в том, что Руссо называл «уменьшением разрыва в богатствах». Важно отдавать себе ясный отчет в том, что стабильность общественного развития, комфортность самоощущения граждан бывает только тогда, когда (по общему мнению социальных ученых) разрыв в богатствах 10% самых богатых и 10% самых бедных людей не превышает 4–5 раз. Добиваться этого экономическими, антимонополистическими, налоговыми, правовыми и прочими мерами — важная задача *гуманистической политики*.

Кроме того, *гуманистический* смысл использования нанотехнологий должен состоять в сокращении рабочего и росте свободного времени. Рост свободного времени людей и наполнение его богатым культурным содержанием

ем — вот одна из главных черт политики Реального Гуманизма. Превращение свободного времени в меру общественного богатства (в том смысле, что чем его больше в обществе, тем оно богаче) означает, что таким богатством становится сам **человек**. Свободное время если и есть время потребления, то такого, которое имеет своей целью *производство самого человека как «основного капитала»*. Принадлежит самому человеку, оно имеет своим результатом, часто неосознаваемым, его существование не просто как рабочей силы, но как существа с «более богатыми свойствами и связями». Потребляя в свободное время, люди ведь думают не только о работе, но и о самих себе, желая узнать или испытать что-то новое, ранее неизведанное. Тем самым вольно или невольно они становятся другими. Важно лишь направить этот процесс в русло прежде всего культурного потребления. В этом смысле, как отмечал еще Маркс, «сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т.е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, обратно воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственного процесса производства, сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капитала*, причем этим основным капиталом является сам человек»⁶.

Иначе говоря, в свободное время, если оно действительно свободно, люди производят не вещи и не идеи, а *самих себя* во всем богатстве и разносторонности своих связей и отношений с миром и другими людьми. Даже если индивид ничем особенным не одарен от природы, свободное время позволяет ему разнообразить свой досуг, расширить кругозор, приобщиться к тому, что создано до него, существует в культуре, следовательно, в чем-то измениться, стать другим по сравнению с тем, каким он был до сих пор. Время по-настоящему свободно тогда, когда предоставляет индивиду свободу выбора форм общения и видов деятельности, позволяет ему жить в меру собственной индивидуальности, а не внешней по отношению к нему необходимости. Оно позволяет человеку быть самим собой, т.е. тем, кем он является от природы, наделившей его определенными способностями и дарованиями. Но разве не в этом состоит в конечном счете цель общественного развития, если, конечно, понимать под ним развитие самого человека, а не чего-то другого?

Свободное время делает человека не материально, а духовно богатым существом, позволяя ему включаться в процесс общественного производства в качестве совершенно «иного субъекта» деятельности. «Свободное время — представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности — разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства»⁷. Возвышение индивида до уровня такого субъекта и есть одна из **целей современной гуманистической политики**.

4. *Политика только тогда имеет шанс стать гуманистической политикой, когда она налаживает равноправное сотрудничество с социальной Наукой,*

ибо назначение социального Научного Знания — выражать не интересы отдельных общественных групп, сословий и классов (что преобладает в политической деятельности), а интересы **общественного развития в целом**, или, говоря возвышенным гегелевским языком, — **истину общественного развития**.

5. *Гуманистическая политика* — это политика, обеспечивающая все основные свободы человека, политика идеологического плюрализма и самой широкой демократии.

6. *Гуманистическая политика* — это политика нового, глобального мышления, заменяющая классовые критерии общечеловеческими, политика, которая направлена на кооперацию, объединение Человечества при сохранении национальной идентичности и уважения к истории и культуры каждой страны, каждого народа. Гуманистическая политика на международной арене — это обеспечение единства разнообразного, это многополюсный мир.

7. *Гуманистическая политика* — это политика, заботящаяся в первую очередь не о будущих поколениях, а о ныне живущих поколениях. И только свободно живущие и экономически процветающие *нынешние* поколения способны обеспечить благоприятную преемственность для поколений будущих. Ни одно поколение не может быть «навозом», удобряющим историческую почву для некоего «светлого будущего».

Реализация принципов Неогуманизма и императивов современной гуманистической политики — процесс непростой, встречающий сопротивление сил, чуждых гуманизму. Но у него есть все основания для оптимизма.

Об этом прекрасно сказано в заключение международного «Гуманистического манифеста 2000»: «В то время как мир все более превращается в единую семью народов, религиозно-этническое соперничество стремится разбить его на враждующие лагеря. Вновь набирают силу фундаменталистские религии, борющиеся против принципов гуманизма и светской культуры и жаждущие возврата к архаичной религиозности. Наряду с этим получают распространение так называемые паранормальные верования Нового времени, поощряемые средствами массовой информации, которые навязывают публике мистическое или паранормальное восприятие действительности. Средства массовой информации охватили весь мир. Телевидение, кино, радио, пресса и книгоиздательства подчинены конгломератам средств массовой информации, почти единственной целью которых является реклама и сбыт своей продукции на мировом рынке. Кроме того, возник и во многих университетах проповедуется постмодернизм, учение, пересматривающее основные предпосылки модернизма и гуманизма, обрушивающееся на науку и технику, ставящее под сомнение гуманистические идеалы и ценности. Многие нынешние взгляды на будущее человечества являются пессимистическими, даже апокалиптическими. **Но мы не согласны с ними, ибо верим, что можно создать лучший мир. Реальности мирового сообщества таковы, что только новый, планетарный гуманизм может указать разумные пути в будущее».**

Созвучны с этим и высказывания наших соотечественников.

Профессор В. А. Кувакин: «Современные российские светские гуманисты не будут обреченно ждать, когда счастливая судьба, сильный справедливый и добрый правитель или снизошедшая с небес “русская идея” наконец-то спасут Россию. Они убеждены в том, что “активное отношение к себе и окружающему, деятельная, мужественная, творческая, самостоятельная и жизнестойкая позиция может обеспечить достойное положение человека в обществе”».

Профессор Ю. А. Красин: «Эпоха больших перемен — время неопределенности и сомнений. Неясно, куда движется мировая цивилизация, какие метаморфозы претерпит социум, сумеет ли человечество найти адекватные ответы на вызовы современности. Вправе ли мы в этих условиях ждать, что метаидеология гуманизма высветит нам путь в будущее? Законный вопрос. Но... Быть может, мы находимся на великом переломе, когда идеология должна не просто рисовать картину мироздания и выяснять, каковы возможности адаптации к нему. Быть может, перед нами приоткрывается перспектива *проектировать и творить* мир, пробуждая и мобилизуя креативный потенциал социума».

Примечания

¹ *Черный Ю. Ю.* Современный гуманизм. Аналитический обзор литературы. См.: Гуманизм XXI века. Гуманитарное образование и гуманистическое просвещение. М., 2013. С. 247.

² Пол Куртц — председатель Совета по светскому гуманизму, президент Международной академии гуманизма, почетный профессор Университета штата Нью-Йорк в Буффало. Организатор «Диалогов о гуманизме между марксистами и немарксистами» и «Диалога между Ватиканом и гуманистами». Его перу принадлежат более 35 книг и сотни статей по проблемам гуманизма.

³ *Куртц П.* Мужество стать: Добродетели гуманизма. С. 138.

⁴ См.: Гуманизм XXI века. Гуманитарное образование и гуманистическое просвещение. М., 2013. С. 247.

⁵ *Дзарасов С.* Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012. С. 196.

⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 46. Ч. II. С. 221.

⁷ Там же.

Литература

Борзенко И. М., Кувакин В. А., Кудишина А. А. Основы современного гуманизма: Учеб. пособие для вузов / Под ред. В. А. Кувакина и А. Г. Круглова. М.: Российское гуманистическое общество, 2002. — 381 с.

Возможность невозможного: Планетарный гуманизм для России и мира. М.: Российское гуманистическое общество, 2001. — 597 с.

Гуманизм в России: сайт Российского гуманистического общества. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.humanism.ru/biblioteka/83-about1/426-humanism.html>.

Гуманизм и современность: материалы Международной научно-образовательной конференции (8–9 ноября 2013) / Под ред. Т. М. Шатуновой. Казань: Казанский ун-т, 2013. — 519 с.

Раздел II. КУЛЬТУРА. ЛИЧНОСТЬ. ЦЕННОСТИ

Гуманизм XXI века. Гуманитарное образование и гуманистическое просвещение. М.: РГГУ, 2013. — 259 с.

Красин Ю. А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма // Вестник Института социологии. 2015. № 12. С. 35–59.

Куртц П. Запретный плод: Этика гуманизма. М.: Российское гуманистическое общество, 2002. — 222 с.

Куртц П. Мужество стать: Добродетели гуманизма. М.: Российское гуманистическое общество, 2000. — 160 с.

Мировой социально-политический процесс и идеология гуманизма XXI века. М.: Русайнс, 2015. — 360 с.

Современный гуманизм: Документы и исследования. М.: Российское гуманистическое общество, 2000. — 144 с.

Черный Ю. Ю. Современный гуманизм. (Обзор) // Философия в XX веке: В 2 ч.: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. философии; отв. ред. И. С. Андреева; сост. А. И. Панченко. М., 2003. Ч. 2. — 168 с.

Davies T. Humanism. L.; N.Y.: Routledge, 2008. — 176 p.

Law S. Humanism: A Very Short Introduction. OUP Oxford, 2011. — 168 p.

22. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова

Гендер, гендерные стереотипы, политическое поведение, ролевая теория, женское движение, феминизм

Гендерная политология — одна из самых молодых отраслей российской политической науки, и ее проблемное поле, понятийный аппарат и методология до сих пор являются предметом научных (а порой и идеологических) дискуссий.

Важнейшим теоретическим истоком возникновения гендерной политологии является феминистский политический дискурс, появляющийся как ответ на вопросы о причинах и последствиях социального и политического неравенства мужчин и женщин. Первые голоса в защиту равных прав женщин начали звучать еще в XV в., однако эти вопросы сформулированы массовым женским движением в США и Западной Европе в 1960-х годах. В 1970-е годы феминистская теория институционализируется в университетах США и Европы. По мере своего развития феминистские женские исследования (*Women's studies*), дополняются мужскими исследованиями (*Men's studies*), и в 1980-х годах они дают начало такому направлению социально-гуманитарного знания, как гендерные исследования (в том числе гендерной истории, социологии, лингвистике). Привлечение понятия «гендер» позволило феминистам по-новому расставить исследовательские приоритеты, перенести акценты с изучения «мужского доминирования» и «женской специфики» на анализ гендерных отношений как системы, как представления о мужественности и женственности конструируют, воспроизводят и изменяют социальную реальность в целом.

Включение гендерной проблематики в политологию происходит в 1980-е годы. Предложив видение политического процесса сквозь призму гендерного вопроса о неравенстве, гендерные исследования стали одним из инструментов политического анализа. Вслед за феминизмом гендерная политология сохраняет и практическую составляющую, ориентируясь не только на анализ взаимоотношений мужчин и женщин, но и на деконструкцию иерархии между ними¹.

Основные категории и методология гендерной политологии

Центральной категорией гендерных исследований, используемой для анализа всего спектра социальных и политических явлений, выступает понятие гендера. Гендер, часто определяемый также как социальный пол, противопоставляется биологическому полу и интерпретируется как социальный конструкт. Если биологический пол дается человеку при рождении, то гендер связывается с влиянием социальных и культурных факторов («Мужчиной не рождаются, мужчиной становятся» — так можно описать суть понимания этой категории).

Гендерная теория оказалась востребованной в политической науке прежде всего потому, что в основе методологии гендерных исследований лежит изучение отношений власти и подчинения, которые утверждаются в обществе через гендерные отношения.

Прежде всего это касается собственно социальных отношений между мужчинами и женщинами. Социальный порядок, для которого характерно привилегированное положение мужчин, обозначается термином «патриархат». При этом иерархическими являются отношения не только между мужчинами и женщинами, но между различными группами мужчин (и, соответственно, между различными группами женщин). Австралийский социолог Р. Коннелл, предложивший тезис о множественности маскулинности, предположил, что различные типы мужественности, определяемые такими социальными идентификаторами, как этничность, раса, класс, профессия, сексуальная ориентация, политические взгляды, конкурируют друг с другом². Это положение о гетерогенности и иерархии мужественности следует учитывать и при анализе политической сферы общества.

Проблемы гендерных отношений и их влияние на социальные, политические, культурные процессы рассматриваются в различных отраслях знания. Гендерная политология исследует данные проблемы под особым углом зрения: как на гендерные отношения воздействуют политические феномены (прежде всего, государство) и, в свою очередь, как гендер влияет на политическую сферу.

Гендерный подход — взгляд на неравенство как сформированное обществом и культурой — позволяет анализировать власть как явление, воспроизводимое в обществе посредством гендерных отношений и гендерной иерархии, которые, однако, могут быть изменены.

Однако гендерный подход в политической сфере используется и за пределами интерпретации отношения полов, что кажется не таким очевидным, но является не менее значимым. По известной оценке Дж. Скотт, гендер есть первичное средство означивания отношений власти³; он вовлечен в сигнификацию и легитимацию властных отношений⁴. И поэтому гендерное неравенство выступает как матрица прочих видов социального неравенства.

Джудит Батлер (род. 1956) — представитель американского постструктурализма, также занималась вопросами политической философии и этики, а также исследованиями феминизма.

По мнению Джудит Батлер, объединив всех женщин в общую группу, связанную общими интересами и общими характеристиками всех участников, представители феминизма лишь усугубили представление о гендерных отношениях, а также лишили членов общества выбора индивидуальной идентичности

Вследствие данной ситуации Батлер обращается к историческому и антропологическому подходам, в рамках которых гендер представляет отношение между социальными субъектами в рамках конкретных условий и контекста.

Таким образом, гендер перестает быть фиксированным свойством индивида, а становится некоей «флуктуационной переменной», смещаясь и изменяясь в разных условиях и в различные исторические периоды.

Основные работы:

«Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности» (1990)

«Тела, которые имеют значение: о дискурсивных ограничениях понятия «пола» (1993)

«Психика власти: теории субъекции» (1997)

«Вопрос гендера: критический феминизм Дж. У. Скотт» (2011)

Природа и культура, эмоциональное и рациональное, духовное и телесное — данные феномены в андроцентрической культуре отождествляются с мужским или женским таким образом, что внутри этих пар создается своеобразная иерархия — гендерная асимметрия. Определяемое как мужское помещается в центр и рассматривается в качестве позитивного и доминирующего; определяемое как женское — в качестве негативного и периферийного. Поскольку «власть» традиционно ассоциируется с силой, волей, активностью, справедливостью, постольку она воспринимается как свойство маскулинности. Иерархия мужественности и женственности как ценностей оказывает влияние на иерархию политических акторов, маркировка которых в качестве женственных или мужественных влечет за собой атрибутирование им соответствующих характеристик и соответствующего места в политической иерархии⁵.

Рассматривать гендер за пределами собственно отношений полов позволяет также его роль в конструировании коллективной идентичности. Норвежский антрополог Фредрик Барт высказал идею о том, что любое сообщество поддерживает свое культурное своеобразие и идентичность, проводя символические границы между своим и чужим сообществом с помощью особых маркеров⁶. Нира Юваль-

Дэвис, американская исследовательница, предложила в качестве таких «символических пограничников» интерпретировать гендерные символы; они, наряду с другими маркерами, идентифицируют людей как их членов или же не-членов⁷. Например, представления об американской мужественности и женственности, с одной стороны, отражают и поддерживают представления о специфике российской/русской мужественности и женственности, а с другой — позволяет четко провести границы между американской и российской культурой.

Репрезентации в политическом дискурсе гендерных отношений оказываются фактором, влияющим на политические процессы (например, на легитимацию власти, политическую мобилизацию, политику идентичности, международную политику).

► **Гендерная политология** — это субдисциплина политической науки, изучающая политическую обусловленность гендерных отношений и гендерную обусловленность политических процессов.

Перечислим факторы, которые способствовали тому, что гендерная политология стала эффективным инструментом познания.

Во-первых, гендерная политология, появившись в России только в 1990-х годах, не была зависимой от советских шаблонов и развивалась без давления государственных структур (в отличие, например, от этнополитологии).

Во-вторых, гендерная политология обладает большим прикладным потенциалом, поскольку она ориентирована на практический результат — решение проблемы гендерного неравенства в социально-политической сфере. Этим объясняется и тесная взаимосвязь субдисциплины с женским движением, представители которого вели большую работу по преодолению гендерного неравенства на практике. Следует отметить, что в России этот прикладной уровень выражен меньше, чем в большинстве стран Запада, где существуют запросы на гендерное измерение политических процессов со стороны государственных и партийных органов, международных организаций и гражданских объединений с целью разработки стратегии достижения гендерного равенства и ликвидации гендерной асимметрии. Это создает возможность учесть политические интересы мужчин и женщин, важнейших социально-демографических групп, использовать их социальный опыт при решении политических задач и сформулировать принципы оптимизации вовлечения мужчин и женщин в политический процесс.

Благодаря возможности использовать категорию гендера для обозначения отношений власти и подчинения гендерная политология вносит значительный вклад в исследование культурно-символической среды политики (в том числе в репрезентации политических акторов во внутренней и внешней политике).

В 1990-е и 2000-е годы гендерные и женские исследования на постсоветском пространстве получали значительную поддержку от западных фондов и университетов. Это имело позитивный эффект, поскольку позволило в краткие сроки аспектизировать проблематику гендерной политологии, выйти за пределы темы гендерного равенства. Однако такая поддержка имела и нега-

тивные последствия: часто западные парадигмы усваивались некритически, без учета культурных традиций, а нередко и советского опыта в гендерной политике. Кроме того, это привело к появлению значительного количества публикаций «про гендер», для которых при «безупречной» идеологической позиции был характерен невысокий академический уровень⁸.

Нередко гендерным работам, особенно опубликованным в 1990-х годах, была свойственна такая черта, как открытая идеологизированность. Наконец, гендерную политологию упрекают за недостаточное внимание к данным, полученным исследователями в рамках других направлений политологии. Такой подход приводит не только к самоизоляции, но и к изоляции гендерной политологии со стороны других направлений.

Гендерная политология в объяснении политических процессов

Теперь рассмотрим более детально основные проблемы гендерной политологии.

Политическое участие и политическое поведение. Одной из наиболее востребованных тем гендерной политологии является проблема политического участия и политического поведения женщин и мужчин (заметим, эта тема находится в фокусе внимания и западной гендерной политологии⁹).

В трудах С. Г. Айвазовой была предложена методология исследования гендерных аспектов российского избирательного процесса. Исследовательница продемонстрировала, что политическое поведение и политические предпочтения современных россиян имеют выраженную гендерную специфику; это проявляется, например, в различиях электорального поведения женщин и мужчин на выборах (например, практически на всех выборах последнего десятилетия первые чаще вторых отдавали голоса за «партию власти»). Кроме того, ученые показали и различие в гендерных стратегиях основных российских политических партий (гендерный анализ президентских и парламентских выборов 2004–2012 гг.)¹⁰.

Для характеристики различий в политическом поведении мужчин и женщин в гендерной политологии используется категория «гендерный разрыв» (*gender gap*). В научный оборот категория была включена в 1980 г., когда в ходе осмысления президентских выборов американские политологи зафиксировали стабильную поддержку Р. Рейгана мужским электоратом (56%) и меньшую популярность среди избирательниц (47%). В настоящее время термином «гендерный разрыв» обозначают различия политического поведения мужчин и женщин, их интересов, предпочтений, мнений, ценностей, а также возможностей мужчин и женщин, имеющих равное образование, профессию и т.д. Обычно эти различия имеют количественные показатели¹¹. Электоральные исследования, проводимые в различных странах, в том числе и в развитых демократиях, по-прежнему демонстрируют гендерные разрывы.

Светлана Григорьевна Айвазова (род. 1944) — советский/российский политолог, специалист в сфере гендерных исследований, один из основателей гендерной политологии в России, а также член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека; первый и бессменный руководитель Исследовательского комитета по гендерной политологии Российской ассоциации политической науки.

Сфера научных исследований: особенности российской политической культуры, гендерные особенности политического поведения россиян, теория и история феминизма.

Основные работы:

- «Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерк политической теории и истории)» (1998)
- «Гендерное равенство в контексте прав человека» (2001)
- «Мы выбираем, нас выбирают... Гендерный анализ парламентских и президентских выборов 2003—2004 годов в России» (2004)
- «Российские выборы: гендерное прочтение» (2008)
- «Модернизация как контекст гендерного равноправия» (2011)
- «Гражданское и политическое в российских общественных практиках» (2013)

Еще одной категорией гендерного анализа в политологии является категория «эмпваэрмент». Эмпваэрмент женщин понимается как «антидискриминационная практика», нацеленная на расширение массового участия женщин в социальной и политической жизни — не только в форме массовых протестов, но и в различных видах участия в повседневных практиках местных сообществ, в гражданских объединениях, движениях, в экспертной деятельности, в расширении возможностей общественного контроля и т.д.¹²

Значимость проблемы обусловлена тем, что, с одной стороны, представленность женщин в высших органах государственной власти незначительна (на 10 июня 2015 г. в нижней палате российского парламента было 13,6%); с другой — именно женщины составляют большую часть российского электората, обладая при этом видимыми особенностями политического поведения.

Особое место в гендерной политологии занимает проблема гендерной асимметрии, ее причин, последствий и путей преодоления. Помимо институциональных путей преодоления гендерной асимметрии (например, вовлечения женщин в органы власти), исследователи привлекают внимание и к культурно-символическим¹³. О. Г. Овчарова и Н. А. Завершинская, например, показали, что гендерная асимметрия политики воспроизводится через призму

исторической памяти, транслирующей гендерные стереотипы¹⁴. Поскольку историческая память является объектом конструирования, то это позволяет видеть в ней возможность устранения гендерной асимметрии. В качестве одного из механизмов преодоления гендерной асимметрии рассматривают Интернет как пространство, свободное от гендерных ограничений¹⁵.

Изучение гендерной специфики политического поведения и политического участия в странах старых демократий (Великобритании, США, Канады, Японии, стран Скандинавии) показало многообразие опыта создания равных возможностей для женщин и формирование политики гендерного равенства¹⁶. В новых демократиях, согласно данным российских исследователей, наблюдается углубление разрыва гендерных возможностей¹⁷.

Гендерные стереотипы в политических процессах. Социально разделяемые представления о мужественности и женственности (гендерные стереотипы) влияют на различные аспекты политической жизни: на политические предпочтения, мотивацию мужчин и женщин заниматься политикой, стратегии управления и др. Стереотипное отождествление атрибутов власти с мужественностью определяет и такие политические представления, как, например, мнение о том, что политика — это не женское дело, или идею о компетентности женщин в одних (менее значимых) сферах государственной политики и некомпетентности в других. Гендерные стереотипы (и политическая культура в целом), таким образом, выступают как фактор, поддерживающий гендерную асимметрию власти¹⁸. Кроме того, политический дискурс, в свою очередь, выступает ресурсом создания, поддержания и корректировки канонов мужественности и женственности российского общества¹⁹. Как было отмечено, репрезентации мужчин и женщин, стереотипы (и гендерный дискурс в целом) используются для характеристики не только гендерных, но и других общественных отношений²⁰. Это позволяет активно привлекать гендерный дискурс в символическую политику, направленную на производство и продвижение определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих. В результате репрезентации мужественности и женственности выступают фактором политики в самых различных ее аспектах. В частности, притязания того или иного политического актора на власть подтверждаются или опровергаются при помощи гендерного дискурса; соответствие или несоответствие политика или политической силы канонам «настоящей» мужественности или женственности становится аргументом в легитимации или делегитимации власти²¹. Кроме того, гендерная политология исследует процессы политической мобилизации, которая осуществляется с помощью апелляции в числе прочего к гендерной идентичности, в ходе которой устанавливается взаимосвязь между определенными моделями маскулинности и фемининности, с одной стороны, и формами политического поведения индивида — с другой. Определяя, что есть мужественность и женственность, избирателей тем самым поощряют к политической активности, оказывают влияние на их политические ориентации.

Нира Юваль-Дэвис (Nira Yuval-Davis) — британский политолог, президент ИК по расизму, национализму и этническим отношениям Международной социологической ассоциации, основательница международной научной сети «Женщины в зонах военных конфликтов» и организации «Женщины против фундаментализма». Внесла выдающийся вклад в исследование проблемы «Гендер и национализм».

Сфера научных исследований. Теоретические и практические аспекты интерсекционализма, т.е. путей взаимовлияния гендерных отношений, национализма, этничности, расизма, фундаментализма, гражданства, политических и социальных идентичностей в различных странах.

В центральной работе «Гендер и нация» показала роль женщин в воспроизводстве национальной культуры и сохранении национальных традиций, проанализировала гендерные аспекты гражданства, гендеризацию институтов армии и войны, влияние этничности на эмпауэрмент женщин.

Основные труды:

Gender And Nation. Sage, 1997

Women, Citizenship And Difference / Ed. with P. Werbner. Zed Books, 1999

Woman-Nation-State. Macmillan Press, 1989 (with Floya Anthias)

The Politics of Belonging: Intersectional Contestations. Sage, 2011

Women Against Fundamentalism: Stories of Dissent and Solidarity / Ed. with S. Dhaliwal. Lawrence & Wishart, 2014

Политикам (и мужчинам, и женщинам) ученые, как правило, рекомендуют учитывать гендерные представления-стереотипы, прежде всего в ходе политической борьбы. Например, женщины-политики, в зависимости от своих целей, могут или подчеркивать свою женственность (например, с целью подчеркнуть свою квалификацию в социальной политике, которую общественное мнение закрепляет за женщинами), или, наоборот, избегать позиционирования себя как женщины, подчеркивая свою силу и мужественность²².

Гендер и нация. Гендер и международные отношения. Самое широкое распространение в трудах политологов различных стран мира получили исследования гендерного измерения нации и национализма. Сейчас проблемой «национализм и гендер» занимаются сотни исследователей.

Гендерный и национальный дискурсы формируют, поддерживают и корректируют друг друга. Метафоры родства (и особенно материнский символ) играют важную роль в постулировании природности, «естественности», национального сообщества²³. Репрезентации национальной и этнической специфики мужественности и женственности, а также гендерных и семейных

отношений, выступая инструментом включения и исключения, широко привлекаются в производство «своих» и «чужих» в процессе конструирования макрополитической идентичности и активно используются в этнополитике²⁴. Наглядной иллюстрацией взаимовлияния гендерного и национального дискурсов является символ «Родина-мать»²⁵.

Наконец, использование методологии гендерных исследований обладает большим потенциалом в изучении вопросов международных отношений. В этой сфере знания интерес к гендерной теории обозначился в конце 1980-х годов, в период так называемого большого спора по теоретическим проблемам международных отношений; классические теории оказались неспособными объяснить новые тенденции мирового развития, что вызвало кризис в данной области знания. В основе феминистской ревизии лежал постулат о том, что реалистская, либеральная и марксистская традиции международных отношений отражают мужскую перспективу понимания безопасности, в основе которой — ценности автономии, независимости и силы²⁶.

Одной из исследуемых проблем международных отношений является вопрос о войне и мире — сферах человеческой жизни, едва ли не наиболее тесно связанных с гендерной дихотомизацией человечества и традиционными гендерными ролями. В работах отечественных исследователей анализируются такие аспекты проблемы, как использование гендерного дискурса в военной мобилизации; его эксплуатация в качестве оружия пропаганды; функция военного дискурса как ресурса создания и корректировки гендерного порядка²⁷.

Другая важная проблема международных отношений, получившая отражение в работах отечественных авторов, — гендерные аспекты международной безопасности²⁸. Большой интерес вызывает и привлечение гендерных образов, символов и метафор во внешнеполитическую риторику в условиях нынешнего обострения отношений России с Западом. Исследователи анализируют, как различные политические акторы используют гендерный дискурс в современном российском антиамериканизме и антизападничестве, а также в конструировании макрополитической идентичности и легитимации власти, позиционирующей себя в качестве и гаранта национального суверенитета, и бастиона традиционных ценностей²⁹.

Женское движение и феминизм. Женское движение, как уже отмечалось, имеет важное значение для гендерной политологии. Оно, собственно, и является предтечей феминизма и гендерной политологии. Женские общественные организации и движения боролись за гендерное равенство, сотрудничая с законодательной и исполнительной властью, осуществляя экспертную и просветительскую деятельность, решая острые социальные проблемы (например, насилие в семье, торговля женщинами и детьми). Значимо и то, что женские организации способствовали формированию круга вопросов, составивших предмет исследования сначала феминизма, а затем и субдисциплины³⁰.

Дж. Энн Тикнер (род. 1937) — американский политолог, теоретик феминистского движения, обозначившая предметное поле феминистских исследований международных отношений. Была президентом Ассоциации исследований международных отношений. С середины 1990-х годов вошла в список пятидесяти наиболее значимых американских ученых в области международных отношений.

Сфера научных исследований — гендерный подход в международных отношениях и разработка концепции национальной безопасности, насилия и подчинения в международной политике с учетом гендерного подхода, гендерные аспекты в мировой экономике, феминистский взгляд на демократизацию, гендерные аспекты глобального управления (включая роль женщин в международных организациях, права женщин в контексте прав человека).

Основные работы:

- «Гендер в международных отношениях: феминистский взгляд на достижение глобальной безопасности» (1992)
- «Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после “холодной войны”» (2001)
- «Феминизм и международные отношения: разговоры о прошлом, настоящем и будущем» (2011)

Следует пояснить, что феминистская мысль, положившая начало гендерных исследований во всех областях социально-гуманитарного знания, представляет особую ценность для политических исследований. Феминистская теория, рождавшаяся в ходе движений за гражданские и политические права женщин, априорно возникает сначала как политическая, а затем уже приобретает широкую социально-философскую направленность.

Феминизм состоит из множества теоретических подходов: либерального, радикального, социалистического, психоаналитического, постмодернистского и др.³¹ При общей цели — устранить гендерную асимметрию во власти и социуме — представители различных подходов по-разному определяют причины неравенства и пути его преодоления. Осмысляя основы иерархичности, феминисты сталкиваются с проблемой различий между мужчинами и женщинами, приводящих к неравенству, и одновременно с проблемой сходства, позволяющего это неравенство нейтрализовать. Тем не менее «для сегодняшнего феминизма понятие “разнообразия” является базовым»³².

В контексте «разнообразия» весьма значимыми для гендерных политических исследований являются теоретические формулировки постмодернист-

ского феминизма (постфеминизма), в парадигме которого «...любой 'другой' получает свой полновесный статус в истории»³³.

Одной из первых исследовательниц, попытавшихся переосмыслить универсальность категорий «женщина» и «женский опыт», была Дж. Батлер, поставившая перед феминистской политической теорией вопрос о реинтерпретации политической деятельности в условиях ее осуществления множеством социальных субъектов со множеством идентичностей, опыт которых складывается в различных повседневных проявлениях жизни³⁴. На вопрос, «существует ли область специфически женского, которая отграничена от мужского как такового и может быть распознана как... предполагающая универсальность женщин»³⁵, Батлер отвечает отрицательно. В представлениях исследовательницы, то, что гендер является социальной и культурной конструкцией, лишь один раз подтверждает множественность идентичностей.

Именно эти идеи и стали впоследствии ключевыми для гендерных исследований: гендерологи на основе феминистских знаний признают гендер социокультурным конструктом, не обуславливающим наличие «запретных сфер деятельности» (в том числе и политической), но имеющим властную компоненту, которую необходимо деконструировать.

Отметим, что одними из первых работ, в которых западная феминистская теория адаптировалась к категориальному аппарату современной российской политической науки, стали работы О. А. Ворониной, Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной³⁶.

Гендерная политология и политическая практика

Задачей для российской гендерной политологии стал не только анализ гендерных особенностей политических процессов, но и использование в политическом процессе прикладного потенциала субдисциплины. Одним из важнейших путей применения результатов гендерной политологии на практике можно считать государственную стратегию ликвидации гендерной дискриминации «комплексный гендерный подход (КГП)» / «гендерная интеграция» (*gender mainstreaming*). Она заключается в систематическом контроле за представленностью мужчин и женщин в различных социально-политических институтах и в сфере политической деятельности, а также учете гендерного фактора при распределении и использовании материальных доходов и социальных гарантий³⁷. Сегодня эта политическая стратегия воспринимается как неотъемлемая часть политики равных прав и возможностей в государстве.

Важной формой общественно-политической деятельности для исследователей становится гендерная экспертиза законодательства, политико-правовых институтов и учебной литературы, целью которой является обеспечение реального равенства мужчин и женщин³⁸.

Наконец, отметим, как в политической практике используется знание о «гендерных разрывах», о которых шла речь выше. Мониторинг гендерных разрывов становится значимым аналитическим инструментом, раскрывающим прячущиеся за цифрами причины гендерных различий. «Гендерные разрывы являются отражением неравной интеграции мужчин и женщин в различные сферы социума, включая сферы политической и гражданской активности», — полагает С. Г. Айвазова³⁹. Существует несколько глобальных рейтингов, измеряющих гендерные разрывы в социально-политических процессах в разных государствах. Наиболее отчетливо использование анализа гендерных разрывов можно увидеть в индексе глобального гендерного разрыва (*GGG — The Global Gender Gap Index*) по версии Всемирного экономического форума, в котором учитываются, в том числе, и политические права и возможности мужчин и женщин. Другими значимыми глобальными рейтингами являются индекс гендерного неравенства (*GII — Gender Inequality Index*), публикуемый Программой развития ООН, а также рейтинг представленности женщин в национальных парламентах, составляемый Межпарламентским союзом (*IPU*)⁴⁰. Эти рейтинги, даже несмотря на то что они бывают ангажированными и не всегда учитывают влияние социального и политического контекста на сухие цифры, являются одним из критериев политической стабильности государства и, более того, выступают «мягкой силой» на международной арене.

Примечания

¹ См.: Айвазова С. Г. Гендерное равенство в контексте прав человека. М.: Эслан, 2001. С. 5–11.

² Connell R. W. *The Men and the Boys*. Berkeley, 2000. P. 10–12.

³ Скотт Д. Гендер: Полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Харьков; СПб., 2001. Ч. 2. С. 422.

⁴ Connell R. W. *Gender*. Cambridge: Malden, 2002. P. 54.

⁵ См. подробнее: Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Изд-во ИвГУ, 2008.

⁶ Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference: Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23rd to 26th February 1967* / Ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown, 1969. P. 9–38.

⁷ См.: Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. L., 1997. P. 23.

⁸ См.: «Doing gender» на русском поле: Круглый стол // Гендерные исследования. 2005. № 13.

⁹ Ritter G., Mellow N. The state of Gender Studies in Political Science // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2000. September. Vol. 571. P. 121–134.

¹⁰ См.: Айвазова С. Г., Кертман Г. Л. Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг. М., 2000; *Они же*. «Мы выбираем, нас выбирают...» Гендерный анализ парламентских и президентских выборов 2003–2004 годов в России. М., 2004; Айвазова С. Г. Российские выборы: гендерное прочтение. М.: Консорциум женских неправительственных организаций: Ин-т социологии РАН, 2008; Попова О. В. Гендерные партии в современной России: проблемы и перспективы // *Политическая наука*. 2015. № 1. С. 186–199.

¹¹ См.: Глоссарий терминов // Гендерная интеграция: Возможности и пределы социальных инноваций / Ред.-сост. О. Б. Савинская, Е. В. Кочкина, Л. Н. Федорова. СПб.: Алетейя, 2004. С. 284. См. также: Словарь гендерных терминов / Под ред. А. Денисовой. М., 2002. С. 72.

¹² См.: Айвазова С. Г. Стратегия «эмплаурмент» в контексте массовой политики (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2013. № 6.

¹³ Шведова Н. А. Гендерное равенство в России в XXI веке в контексте международных обязательств: прогресс или упущенные возможности? // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 22–29; Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия и политика. Саратов: Изд-во Саратовского гос. акад. права, 2007; Кочкина Е. В. Законодательство о выборах в Государственную думу Федерального собрания РФ, 1993–2013 гг.: гендерные ограничения и возможности квотирования. М.: Вариант, 2013.

¹⁴ Завершинская Н. А. Гендерные структуры памяти о советском в дисциплинарном пространстве российского социума // Политические исследования. 2010. № 5. С. 64–78; Овчарова О. Г. Преодоление институциональных ограничений гендерного равенства: трансформация исторической памяти // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Под ред. С. В. Патрушева. М.: РАПН; РОССПЭН, 2011. С. 244–260.

¹⁵ См., напр.: Гнедаш А. А., Рябченко Н. А. Гендерная политика online: субъекты, механизмы и проблемы функционирования // Политическая экспертиза. 2011. Т. 7. № 1. С. 163–183

¹⁶ Степанова Н. М. Политика гендерного равенства в Скандинавских странах // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. С. 204–224; Шведова Н. А. Женщины в США: механизм гендерного равенства // Женщина в российском обществе. 2007. № 4. С. 22–53; Она же. Механизмы гендерного равенства в Канаде // Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / Отв. ред. О. А. Воронина. М.: Макс-Пресс, 2008. С. 463–477; Степанова Н. М. Женщины в политических партиях и парламенте Великобритании // Адам и Ева: альманах гендерной истории. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. Вып. 2. С. 71–80.

¹⁷ Айвазова С. Г. Трансформация российского гендерного порядка в странах СНГ: институциональные факторы и эффекты массовой политики // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 11–22.

¹⁸ Хасбулатова О. А. Гендерные стереотипы в политической культуре // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4. С. 17–24; Шведова Н. А. Гендерный подход как фактор политической культуры // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под ред. М. Малышевой. М.: Academia, 2001. С. 271–290.

¹⁹ Рябова Т. Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. VIII. № 4. С. 307–320.

²⁰ Cohn C. Wars, wimps, and women: talking gender and thinking war // Gendering War Talk / Ed. by M. Cooke, A. Woollacott. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1993. P. 227–246.

²¹ Рябова Т. Б. Мужественность и женственность в политическом дискурсе современного российского общества // Гендерные исследования. 2004. № 10. С. 207–225; Она же. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Изд-во ИВГУ, 2008.

²² Константинова В. Н. Женщины и проблемы политического лидерства // Женщины и социальная политика: гендерный аспект. М.: Ин-т соц.-экон. проблем РАН,

1992. С. 107–117; *Овчарова О. Г.* Характеристики российского политического лидерства: гендерное измерение // *Перспективы развития политической психологии: новые направления* / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 69–81; *Попова О. В.* Российские женщины-политики: проблемы эффективности имиджа и формирования группы поддержки // *Политический анализ: Сборник докладов Центра эмпирических политических исследований СПбГУ* / Под ред. Г. П. Артемова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. Вып. 3. С. 68–80.

²³ *Smith A. D.* *National Identity*. Reno: University of Nevada Press, 1991. P. 54.

²⁴ *Цалко Е. О., Рябова Т. Б.* Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 2. С. 57–65.

²⁵ *Рябов О. В.* «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover: Ibidem, 2007; *Он же.* «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // *Женщина в российском обществе*. 2015. № 3–4. С. 78–95.

²⁶ См. подробнее: *Тикнер Дж. Энн.* *Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны»* / Пер. с англ. под ред. Д. И. Польшанного. М.: Культурная революция, 2006.

²⁷ *Рябов О. В.* «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover: Ibidem, 2007.

²⁸ *Виноградова С. М.* Государство, безопасность, суверенитет: международные отношения в зеркале феминизма // *Политическая экспертиза*. 2010. Т. 6. № 4. С. 34–37.

²⁹ *Рябова Т. Б., Рябов О. В.* «Гейропа»: гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 3. С. 31–39.

³⁰ *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1988; *Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007; *Хасбулатова О. А.* Государственная политика и женское движение в России (1900–2000 гг.). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2001; *Воронина О. А.* Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004; *Успенская В. И.* Феминизм до феминизма: идея равноправия полов в европейских интеллектуальных дискуссиях XV–XVIII в. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2009.

³¹ В «Энциклопедии феминизма» Л. Таттл говорится о существовании более чем 300 определений понятия «феминизм». См.: *Tuttle L.* *Encyclopedia of Feminism*. N.Y., 1986.

³² *Айвазова С. Г.* Феминизм // *Политология: Лексикон* / Под ред. А. И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2007. С. 720. Там же, аргументируя свое высказывание, С. Г. Айвазова приводит слова Дж. Скотт: «Современные феминистские теории не предполагают фиксированных отношений между сущностями, а трактуют их как изменчивые эффекты временной, культурной или исторической специфики, динамики власти... Для нас различия — это факт человеческого существования, инструмент власти, аналитический инструмент и черта феминизма как такового» (*Скотт Дж.* *Отголоски феминизма* // *Гендерные исследования. ХЦГИ*. 2004. № 10. С. 11, 25).

³³ *Айвазова С. Г.* Феминизм // *Политология: Лексикон* / Под ред. А. И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2007.

³⁴ *Батлер Дж.* Гендерное беспокойство // *Антология гендерной теории: Сб. пер. / Сост. и коммент. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой*. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 297–346.

³⁵ Там же. С. 302.

³⁶ *Воронина О. А.* Пол/гендер как категории феминистской философии // *Философские исследования*. 1995. № 4. С. 80–99; *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Кризис ма-

скулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности: Сборник статей / Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–451.

³⁷ См.: Комплексный подход к проблеме равенства женщин и мужчин. Концептуальные рамки, методология и ознакомление с позитивным опытом. Заключительный доклад о деятельности Группы специалистов по вопросу о комплексном подходе к проблеме равенства женщин и мужчин (EG–S–MS) / Пер. с англ. Страсбург, 1998.

³⁸ См.: напр.: Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред. Л. Н. Завадская. М.: БЕК, 2001; *Козлова Н. Н.* Гендерная ревизия учебных пособий по политологии // Высшее образование в России. 2004. № 3. С. 140–144.

³⁹ *Айвазова С. Г.* Гендерные разрывы / гендерная асимметрия // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация социального порядка / Ред. колл.: С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов. М.: РАПН; РОССПЭН, 2011. С. 76.

⁴⁰ См. подробнее: *Овчарова О. Г.* Гендерная асимметрия политики: изменение мировой конфигурации // Человек. Сообщество. Управление. 2016. № 2. С. 70–81.

Литература

Айвазова С. Г. Стратегия «эмпваэрмент» в контексте массовой политики (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2013. № 6. С. 3–12.

Айвазова С. Г. Трансформация российского гендерного порядка в странах СНГ: институциональные факторы и эффекты массовой политики // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 11–23.

Виноградова С. М. Государство, безопасность, суверенитет: международные отношения в зеркале феминизма // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6. № 4. С. 34–37.

Гендерные аспекты политической социологии / Под ред. С. Г. Айвазовой, О. А. Хасбулатовой. М.: РОССПЭН, 2004. — 264 с.

Гнедаш А. А., Рябченко Н. А. Гендерная политика online: субъекты, механизмы и проблемы функционирования // Политическая экспертиза. 2011. Т. 7. № 1. С. 163–183.

Завершинская Н. А. Гендерные структуры памяти о советском в дисциплинарном пространстве российского социума // Политические исследования. 2010. № 5. С. 64–78.

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.

Кочкина Е. В. Законодательство о выборах в Государственную думу Федерального собрания РФ, 1993–2013 гг.: гендерные ограничения и возможности квотирования. М.: Вариант, 2013. — 154 с.

Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия и политика. Саратов: Изд-во Саратовского гос. акад. права, 2007. — 280 с.

Овчарова О. Г. Преодоление институциональных ограничений гендерного равенства: трансформация исторической памяти // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Под ред. С. В. Патрушева. М.: РАПН; РОССПЭН, 2011. С. 244–260.

Овчарова О. Г. Характеристики российского политического лидерства: гендерное измерение // Перспективы развития политической психологии: новые направления / Под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 69–81.

Раздел II. КУЛЬТУРА. ЛИЧНОСТЬ. ЦЕННОСТИ

Попова О. В. Гендерные партии в современной России: проблемы и перспективы // Политическая наука. 2015. № 1. С. 186–199.

Рябова Т. Б., Рябов О. В. «Гейропа»: гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 31–39.

Степанова Н. М. Политика гендерного равенства в Скандинавских странах // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. С. 204–224.

Тикнер Дж. Энн. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / Пер. с англ. под ред. Д. И. Польшванно-го. М.: Культурная революция, 2006. — 328 с.

Шведова Н. А. Гендерное равенство в России в XXI веке в контексте международных обязательств: прогресс или упущенные возможности? // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 22–29.

Childs S. Women, gender and politics: a reader. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2010. — 360 p.

Connell R. W. Gender and power: society, the person and sexual politics. N.Y.: John Wiley & Sons, 2014. — 352 p.

23. АЛЬТЕРНАТИВИЗМ В НАУКЕ И ПОЛИТИКЕ

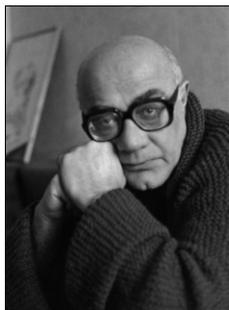
Ключевые слова

Альтернатива, альтернативизм, философия альтернативизма, альтернативизм в политике, альтернативизм в политической науке

Усложнение современного мира требует и более сложного, разветвленного аппарата его исследования. Желание постичь суть вещей и явлений заставляет ученых всесторонне и пристально наблюдать за течением событий. Естественным является и процесс пересмотра старых и поиска новых, альтернативных взглядов на политику и ее воплощение.

Слово «*Alter*» в переводе с латинского означает один из двух или другой, второй, непохожий. Альтернатива — одна из возможностей. Понятие альтернативы тесно связано и с понятием плюрализма как пространства многих сущностей, несводимых к одной, и с понятиями изменения, динамики в науке и практике по мере освоения человеком мира.

Альтернативизм должен присутствовать как в научном творчестве, так и при получении современного образования. Известного философа Мераба Мамардашвили как-то спросили: «Как вы понимаете философию и оцениваете философское образование в современных вузах?» Он ответил: «Становление философского знания — это всегда внутренний акт, который вспыхивает, опосредуя собой другие действия. Действия, в результате которых появляется картина, хорошо сработанный стол или создается удачная конструкция машины, требующая, кстати, отточенного интеллектуального мужества. В этот момент может возникнуть некоторая философская пауза, пауза причастности к какому-то первичному акту. *Передать и эту паузу, и новую возможную пульсацию мысли обязательным научением просто нельзя. Ставить такую задачу абсурдно* (выделено мной. — Л. Т.). Это возможно только в том случае, если то, что называется философией, воспринимают как институционализированную часть государственного идеологического аппарата, некоторое средство распространения единомыслия по тем или иным мировоззренческим проблемам»¹.

Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990) — выдающийся советский, грузинский философ и мыслитель XX в., исследователь проблемы сознания. Внес значительный вклад в становление свободной философской мысли в Советском Союзе.

Основным предметом его исследований было отношение между языком и сознанием. Последнее, по мнению Мамардашвили, не является естественной способностью человека и, следовательно, не заимствуется им из окружающего мира, но возникает в результате необходимости реагировать на воздействия физического мира.

С точки зрения Мамардашвили, философия выражает сознание, а сознание представляет метафизическое пространство совместного языкового и социального существования людей.

Основные работы:

- «К проблеме метода истории философии» (1965)
- «Анализ сознания в работах Маркса» (1968)
- «Формы и содержание мышления» (1968)
- «Классическая и современная философия» (1972)
- «Символ и сознание» (1982)
- «Классический и неклассический идеалы рациональности» (1984)
- «Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии» (1996)
- «Эстетика мышления» (1999)
- «Современная европейская философия. XX век» (1999)

В условиях развития политического плюрализма в демократизирующем обществе, а также в связи с формированием постнеклассической науки, в частности социологической парадигмы исследований, предметом которой служит изучение интегративных процессов в социуме, большой популярностью стало пользоваться понятие альтернативы, альтернативности, альтернативизма в политической науке и практике. Толкование понятия значительно расширилось и обогатилось, пройдя путь от выбора одного из ряда вариантов, до необычного явления, нового, противопоставляющего себя принятой классической научной картине мира или истеблишменту, текущей политике, искусству, официальной прессе, цивилизации и т.д.

Обратимся к словарям английского и русского языков, практики которых, как известно, очень подвижны в соответствии с быстро меняющейся реальностью. Альтернатива (*alternative*) в переводе с английского означает вариант, выбор. Прилагательное — альтернативный (*alternative*) — нетрадиционный, переменный (выбор, мнение, позиция, голос, ток и т.д.). Во множественном

числе — альтернативами — принято называть другие варианты, не те, что приняты сегодня в науке и практике.

В Оксфордском словаре для студентов понятие толкуется так: две вещи, которые могут быть использованы, или другое вместо чего-то; в качестве существительного означает: 1) выбор между двумя вещами; 2) один из более чем двух возможных вариантов². В Словаре языка средств массовой информации США выражение «альтернативная пресса» толкуется уже как термин, применяемый к публикациям, направленным против истеблишмента; часто публикации, связанные с протестами и наркотиками³.

В Толковом словаре новейших слов и выражений русского языка к уже имеющимся толкованиям находим прилагательное «альтернативный»: 1) дающий возможность выбора, основанный на альтернативе; 2) не совпадающий с общепринятым, официальным, не похожий на прежний. В качестве примеров приводятся выражения: «альтернативная медицина» — медицина, основанная на немедикаментозном лечении; «альтернативная служба» — гражданская служба, разрешенная законом вместо обязательной военной; «альтернативная энергетика» — использует природные ресурсы и технологии, не причиняя вреда окружающей среде, экологически чистая⁴. Иными словами, речь идет о новых практиках, направлениях в науке, изобретениях человека, увеличивающих для него пространство выбора, лечения, возможности жить в чистой экологической среде и т.д.

Более того, во второй четверти XX в. появляется *философия конструктивного альтернативизма* Джорджа Келли⁵, утверждающая, что на объективную реальность необязательно смотреть с одной точки зрения, можно посмотреть с разных, люди способны к изменению своей интерпретации событий, создавая индивидуальные модели реальности, имеющие эвристическую ценность⁶.

В это же время на базе Франкфуртской критической школы формируются альтернативные взгляды на марксизм, капитализм, ленинско-сталинский социализм, современную культуру и образование, что дает основание для появления неомарксизма, контркультуры и открывает возможность для нового взгляда на будущее цивилизации. Во многом на основании этих идей во второй половине XX в. в Европе, США и Японии появляется молодежное движение «новых левых», противопоставивших себя обществу потребления, бездуховности и обезличенности массовой культуры, объявивших себя борцами за университетские свободы, гражданские права черных, против войны во Вьетнаме и т.д. В целом возникает *политико-философское течение альтернативизма*, питающее новое поколение идеями более справедливого устройства мира и гармоничных отношений человека и природы, нашедшее свое выражение в неомарксизме, экологизме, феминизме, в движении анти- и альтерглобалистов.

Появляется *альтернативистика* — отрасль исследования будущего, охватывающая возможные пути перехода от существующей к альтернативной мировой цивилизации, способной преодолеть глобальные проблемы современности на основе «чистой» энергии (энергия Солнца и ее производные), устойчивого раз-

вития в смысле восстановления нарушенных геобалансов, демилитаризации, экологизации и гуманизации общества⁷. Российский социолог И. В. Бестужев-Лада обосновывает *концепцию альтернативной цивилизации*⁸.

Таким образом, мы видим, как изменяется и обогащается понятие «альтернатива», и мы вправе говорить об альтернативе не только как о выборе между вариантами, но и об альтернативности как способе познания мира, и о течении альтернативизма⁹, и об альтернативных общественно-политических феноменах, таких как альтернативная цивилизация, альтеркапитализм, альтерглобализм, альтернативная пресса и т.д. Поставим вопрос конкретнее — помогает или мешает альтернативизм как явление общественной науке и политической практике?

Альтернативизм в науке

Обратимся вначале к известной триаде «классическая наука — неклассическая наука — постнеклассическая наука». Вопрос: насколько они противоречат друг другу и заставляют остановиться на одной альтернативе или взаимодополняют друг друга? Давайте рассуждать.

Классическая наука. С промышленной революцией, развитием капитализма в Европе, прежде всего в таких странах, как Нидерланды, Англия, Северная Италия, Франция, в XVII—XVIII вв. появляется четкий социальный заказ на научные и технические знания, ибо формируется общество, основывающееся на научно-техническом прогрессе. Базовой дисциплиной возникающей науки становится механика — наука о законах движения и равновесия тел. Опорными категориями классической науки объявляются материя, время, пространство, взаимодействие, сила.

При этом под материей понимаются вещественные тела, состоящие из атомов и проявляющиеся в трех взаимопереходящих агрегатных состояниях — твердом, жидком и газообразном. Позднее открыто явление плазмы так называемого ионизированного газа — еще одного агрегатного состояния материи.

Пространство понимается как некая неизменная пустота, вмещающая тела и хорошо описываемая геометрией Евклида, т.е. имеющая три измерения. Время понимается как неизменная величина, фиксирующая божественно заданную длительность процессов. Сила выступает мерой воздействия одних тел на другие. Взаимодействие понимается исключительно как механическое на основе сил гравитации.

Научная картина представляется механистической, как и весь мир — простой, законосообразный, выступающий неким подобием часового механизма, собранного из простых и хорошо совместимых деталей. При этом тела взаимодействуют по законам механики. Человек в это время рассматривался как некий биомеханизм (Жульен Офре де Ламетри¹⁰, Рене Декарт¹¹).

В эпоху классической науки непреложным считается, что в природе доминируют жесткие причинно-следственные связи, законы, а случайностью можно пренебречь. П. Лаплас утверждал принцип «железного детерминизма»¹², суть которого в том, что равные действия при равных условиях всегда приводят к одинаковым результатам. Ученый должен стремиться к чисто объективному рассмотрению своего предмета, исключая личные мнения и оценки ученых. Истина должна фиксироваться в единственной форме, а все иные суждения об объекте представляли как заблуждение.

Иными словами, классическая наука стремилась к зеркальному отображению реальности, а со временем — к завершенной картине мира. Для этого, по мнению ученых той поры, нужно было владеть оптимальными научными методами:

- метод эмпиризма, исходивший из того, что научное исследование должно начинаться с фиксации фактов, проведения экспериментов, классификации полученных данных, а затем построения на этой базе гипотез и теорий;
- метод рационализма, полагающий, что научное исследование должно начинаться с выявления неких аксиом и устоявшихся научных положений, а затем чисто логическими средствами разворачиваться вплоть до построения гипотез и теорий¹³.

Особое место в общественных науках заняла диалектика как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления; как метод познания действительности в ее противоречивости, целостности, развитии; процесс развития чего-либо во всем многообразии его форм и во всей его противоречивости и материализме (Г. В. Ф. Гегель¹⁴, Л. Фейербах¹⁵, К. Маркс и Ф. Энгельс). На основе диалектического материализма были сформулированы три закона диалектики: закон единства и борьбы противоположностей; закон перехода количественных изменений в качественные; закон отрицания. В науке утвердился монизм (единственность) истины, идея поступательного и непрерывного движения вперед — идея прогресса.

Неклассическая наука. На рубеже XIX–XX вв. выявились серьезные проблемы относительно объяснительных возможностей идей и принципов классической науки, и прежде всего в естествознании. Открытие атома и электромагнитных колебаний заставило существенно пересмотреть опорную ее категорию — материю, которая уже не могла трактоваться как исключительно вещественное тело, поскольку электромагнитное и иные поля выявили иную ее форму, обладающую особыми свойствами (нелокализованность, непрерывность, большая проникающая способность и т.д.). Исследования учеными внутреннего строения и свойств атома выявили особые свойства материи: изменение массы, превращение вещества в энергию, видимость появления и исчезновения материи. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин предложил

рассматривать материю как любую объективную реальность, существующую вне и независимо от нашего сознания и данную нам в ощущениях. Это положение стало одним из опорных для формирующейся новой модели науки.

Благодаря серии работ Альберта Эйнштейна¹⁶ изменилось отношение к пространству и времени, которые неклассическая наука стала представлять как сложные и изменчивые величины (искривление пространства, его потенциальная многомерность, изменение хода времени вплоть до нарушения стрелы времени — его движение от прошлого через настоящее к будущему).

Постепенно неклассическая наука в первой половине XX в. все больше оформлялась как новая целостная система знаний. Все меньше места в ней оставалось для присущего классической науке «железного детерминизма» с жесткими причинно-следственными связями, и все больше утверждалось новое мировидение с доминированием в нем случайности, неопределенности. Формируется новая общенаучная дисциплина — синергетика, изучающая принципы самоорганизации сложных, открытых, неравновесных систем, где проявляются взаимопереходы от хаоса к гармонии и наоборот. Сегодня это направление со своим категориальным аппаратом активно используется в разных отраслях науки.

Уже не требовалось от ученых строго объективного подхода к своему предмету, так как в связи с недостаточной наглядностью происходящего и его результатов стали не только возможными, но и необходимыми квалифицированные экспертные оценки ученых, их личностное мнение.

В неклассической науке появилась ориентация на плюрализм (множественность) истины, в противовес монизму (единственности) истины в классической науке. Теперь исследуемый объект выступал многокачественным, со сложной иерархической организацией, поворачивающимся к исследователям в разных опытах своими разными гранями. В связи с этим оказывается невозможным некий непротиворечивый системный взгляд на такой объект. Примером служит двойственная характеристика электрона, замеченная физиком Нильсом Бором¹⁷: в одних опытах он предстал как элементарная частица, а в других — как волна. Потом выяснилось, что подобная двойственность типична для всех явлений микромира.

В связи с вышеизложенным становится ясно, что неклассическая наука уже опирается не на абсолютно достоверное, но вероятностное знание. Кроме того, она считает необходимым использование в исследованиях разных методологий, дополняющих друг друга. Альтернативами диалектики как концепции развития, методов познания и способов духовного освоения мира становятся противоположные ей мировоззренческие и методологические установки: синергетика, метафизика, негативная диалектика, неотомистская аналитика.

Итак, неклассическая наука представляет нам квантово-релятивистскую картину мира. Ее отличает, как считает В. С. Степин¹⁸, более гибкая система причинно-следственных связей, учет особой роли случая, относительность большинства положений и факторов реальности, серьезное внимание к позиции и личному опыту исследователя.

Выходит, что неклассическая наука, будучи в определенном смысле альтернативой классической науке, вытесняет ее? Большинство исследователей отмечают, что классическая наука и ранее, и сегодня верна относительно особого класса явлений, в частности явлений макромира, в котором мы живем и действуем. Он соизмерим с нами. Стандарты же неклассической науки более верны применительно к явлениям микромира и мегамира (явлений космического уровня).

Классическая и неклассическая наука хорошо дополняют друг друга, а не противоречат. Классическая наука выступает частным случаем более общей науки — неклассической¹⁹. В связи с этим приведем любопытный пример. При пожаловании дворянства выдающемуся физику Нильсу Бору было необходимо выбрать девиз и герб. В привычной для него философской манере с легким налетом юмора, в качестве герба он выбрал символы восточной философии Тайцзы, объясняя их латинской фразой «*Contraria sunt complementa*». Перевод девиза — «Противоположности дополняют друг друга». В нашем случае — альтернативы дополняют друга.

Постнеклассическая (современная) наука. Постнеклассический этап в развитии науки наступает во второй половине XX в. и тоже касается прежде всего естествознания. Ученые выделяют некоторые принципиальные черты современной науки и ее организационные особенности:

- *холизм* (целостный подход к миру). Его суть состоит в том, что в качестве главного момента анализа берется не отдельная вещь, частный объект, а мир как целое. При этом законы целого определяют прямо и косвенно законы развития всех частей этой целостности. При этом анализ выходит на исследование космоса, Вселенной как наиболее общей реальной целостности;
- *эволюционизм*. Все явления мира рассматриваются как саморазвивающиеся и развивающиеся. Саморазвитие характерно для явлений микро-, макро- и мегамира, т.е. для всего сущего. Одним из центральных направлений анализа при этом становится изучение глобального эволюционизма, активно исследуемого как французскими (Ж.-Ф. Леруа²⁰, Тейяр де Шарден²¹), так и нашими российскими учеными (В. И. Вернадский²², Н. Н. Моисеев²³). Суть его заключается в том, что в современных условиях уже невозможно автономное, нескоординированное развитие Природы и Общества. В противном случае это приведет к деградации природы и к мировым катаклизмам. Человечество должно забыть о расприх и объединить усилия, чтобы биосфера развивалась гармонично, постепенно превращаясь в ноосферу (сферу разума);
- *экологизм*. Проявляется в гармоничном социально регулируемом развитии природы, росте ее способности к самовоспроизводству;
- *гуманизм*. Выражается в том, что именно человек становится главной ценностью и целью социального развития.

Среди организационных особенностей современной науки выделяются следующие:

- 1) поиск не столько абстрактных истин, сколько решение конкретных социально значимых проблем;
- 2) доминирование междисциплинарных исследований, решающих комплексные актуальные проблемы (рост социальной безопасности и отдельных людей, развитие глобальных социальных сетей и т.д.);
- 3) осуществление интеграции трех основных веток современной науки: естествознания, технического и социально-гуманитарного знания при ведущей роли последнего;
- 4) из-за сложности проведения реальных экспериментов и риска пробы-дуть природные катаклизмы в науке доминируют компьютерные эксперименты и логические задачи.

Итак, подведем итог. Современная научная картина мира представляет собой синтез учения о глобальном эволюционизме с синергетикой, что позволяет описать мировое развитие как последовательную смену рождающихся из хаоса структур, временно обретающих стабильность, но вновь стремящихся к хаотичному состоянию. В таком мире случайности могут резко изменить сценарии развития объектов²⁴. Как видим, все три науки — классическая, неклассическая, постнеклассическая, являясь в определенном плане альтернативными исследовательскими проектами в отношении ранее полученной картины мира, на самом деле дополняют друга, сообщают новое качественное видение всего происходящего вокруг нас.

Альтернативизм в политической науке

Альтернативностью отмечено и становление политической науки. Связано это было и с предметом ее изучения, а именно политических процессов и их демократизации и либерализации, что подразумевало наличие плюрализма альтернативных мнений, интересов, позиций. И сегодня политическая наука, так же как естествознание и техническое знание, развивается в условиях множественности применяемых методологий, дополняющих друг друга с ориентацией на вероятностное, а не абсолютное знание. Она давно уже утратила иллюзию, что можно сформировать некую идеальную теорию, способную все объяснить и указать политикам раз и навсегда верный путь (будь то теория классовой борьбы или теория модернизации). В этой ситуации усложняются процессы политического прогнозирования, особенно если учесть множественность возможных сценариев развития событий. Проблема обостряется для обществ переходного периода или трансформирующихся обществ, какой предстает сегодня Россия. Важно иметь в виду принципы синергетики применительно к политике, когда высока доля неопределенности, хаотичности процессов. Политологам приходится учитывать соотношение линейных, циклических и синергетических со-

циальных процессов, которые порождают множественность траекторий социального и политического развития в современных условиях.

В центре современного политического знания в России и в других странах стоит вопрос о смыслах и идеях, вдохновляющих сообщества к гармоничному и гуманному сосуществованию. Ученых интересует вопрос о подлинном диалоге между властью и обществом, между различными социальными группами и государствами, по-разному идентифицирующих себя, будь то религия, национальность, уровень и объем национальной экономики и т.д. Вновь актуальной проблемой становится анализ противоречивых тенденций глобализации и регионализации социально-политического развития, по-разному реализующийся в разных странах.

Современные исследователи альтернативных подходов и методов в социальной и политической науке из Кембриджского университета в книге «Подходы и методологии в современных социальных науках. Плюралистическая перспектива» развивают мысль о том, что «интеллектуальный плюрализм может обогатить опыт исследований, поощрить нас учиться дальше и взаимодействовать друг у друга различные подходы и методы исследования». И продолжают: «Мы считаем, что социальные науки не должны становиться узниками ортодоксии, и мы должны постоянно обогащаться путем изучения других дисциплин и их новых разработок и переосмысливая прошлое своей науки. Это не означает, что мы считаем, что “все годится” или что исследователи могут смешивать и сочетать идеи, подходы, теории или методы, как им вздумается. В применении методологии интеллектуальная строгость необходима. Ясность и последовательность являются жизненно важными»²⁵.

Альтернативизм как политико-философское течение

XX век был богат событиями. Две мировые войны, поставившие перед человечеством проблемы не только физического выживания, но и нравственного сопротивления злу; три Русские революции, открывшие дорогу новому проекту — социалистическому; научно-техническая, а затем и информационно-коммуникационная революции, принесшие человечеству новый технологический уровень жизни, более сытую, но не более свободную жизнь; открытие космоса и испытание ядерного оружия, способного уничтожить планету Земля, истощение природных ресурсов — все это требовало осмысления и ответов на вопрос: куда идет человечество и какой путь избрать?

В этих условиях доминирующее влияние приобретает гуманистическая критика индустриальной цивилизации, представленная такими направлениями и философскими школами, как персонализм, экзистенциализм, Франкфуртская школа, Римский клуб, ряд течений в футурологии. Общее, что роднит позиции перечисленных философских школ, — констатация того, что прогресс

науки и техники, рост всеобщего материального благосостояния на его основе не только не ведут к совершенствованию человека и общества, но и во многих случаях влекут за собой духовно-нравственную деградацию личности и дегуманизацию общественных отношений. С позиций гуманистической критики индустриальной цивилизации человек представляет высшую ценность, высшую цель общественного развития и одновременно его главную движущую силу.

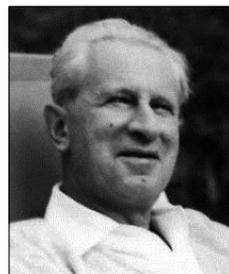
Особое место занимает Франкфуртская школа (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе²⁶, Э. Фромм²⁷, Ю. Хабермас и др.), развивавшая критическую теорию современного (индустриального) общества — разновидности неомарксизма²⁸. На взгляд ведущих философов этой школы, необходима всеобъемлющая критика социального развития и достижение того, чтобы обществом управлял объективный разум. Такой разум не должен быть тождественным социальной практике. Он обязан также добиться отчуждения идеалистических и субъективистских концепций, отбросить их. Объективный разум — это сознание людей, прошедших все «круги ада». Это разум безвестных мучеников концентрационных лагерей, ставших символом человечности, рвущейся на Божий свет. Задача философии — услышать таких людей и перевести их идеи на общедоступный язык.

Представители Франкфуртской школы считали, что *буржуазное классовое общество* превратилось в монолитную тоталитарную систему, в которой ввиду утраты пролетариатом революционной роли бразды преобразования общества переходят к интеллектуальной элите и аутсайдерам. Современное общество технократично и существует за счет распространения ложного сознания *средствами массовой информации*, а также *популярной культуры* и навязываемого культа потребления.

Они резко критиковали «одномерное общество», т.е. закрытое общество без оппозиции (Г. Маркузе). В таком обществе формируется и «одномерный» человек. Необходимо переходить к демократизму, к предоставлению личности больших прав и свобод, к новой культуре, где потребности людей удовлетворяются свободно и полно. Человек, порывая первобытные связи с природой, становится подлинным человеком (Э. Фромм). Дискомфорт своей изоляции от природы он стремится устранить приобретением нового подчинения: или самому подчиниться какой-либо власти, или подчинить себе других. На этом пути человеку необходима помощь, чтобы сохранить душевное равновесие и сделать правильный выбор, оптимально интегрироваться в новый социокультурный «град бытия». В данном аспекте, считал Э. Фромм, человеку предстоит выбор: иметь или быть? Иметь означает: «Я есть то, что имею и потребляю». Не следует чрезмерно стремиться к собственности. Ничто не утешит человека, обретшего весь мир, но потерявшего себя. Ориентир для человека — быть! Бытие означает для него независимость, свободу и наличие критического разума, а также обновление, рост, выход из изоляции собственного «Я».

О пользе альтернативности Э. Фромм высказался так, рассуждая о сущности человека: «Человек может быть склонен как к регрессу, так и к движению впе-

Герберт Маркузе (1898—1979) — немецкий (позднее — американский) философ и социальный теоретик, культуролог, представитель «молодого поколения» Франкфуртской школы. Одно время Маркузе являлся идеологом «новых левых», но позже дистанцировался от леворадикального движения.

Маркузе был очень разносторонним человеком, в своих работах старался отразить самые разные проблемы его времени: революцию, Вторую мировую войну, характер постиндустриальных технологических изменений, природу индивидуума и проблемы социализма, преобразования в капиталистическом способе производства. Также переосмысливал феноменологию, экзистенциализм, возникновение психоанализа, наследие марксизма и критической теории общества. Единство всем этим интересам придало обращение Маркузе к задаче развития критической теории в свете недостатков классического марксизма.

В книге «Одномерный человек» он рассуждает о современном западном бесклассовом обществе, далеком от коммунизма. Единственной силой, способной на революцию, Маркузе считает маргиналов, альтернативистские общественные движения, которым нечего противопоставить системе, кроме тотального неприятия ее ценностей. Маркузе создал оригинальную теорию идеологии.

Основные работы:

- «Онтология Гегеля и основание теории историчности» (1932)
- «Разум и революция. Гегель и становление социальной теории» (1941)
- «Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда» (1955)
- «Советский марксизм. Критическое исследование» (1958)
- «Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества» (1964)
- «Конец утопии» (1967)
- «Негации. Эссе по критической теории» (1968)
- «Психоанализ и политика» (1968)
- «Идеи к критической теории общества» (1969)
- «Эссе об освобождении» (1969)
- «Контрреволюция и восстание» (1972)
- «Эстетическое измерение: К критике марксистской эстетики» (1977)

ред... Добро заключается в преобразовании нашего существования, в максимальном приближении его к нашей сущности; зло — в увеличивающемся отчуждении между существованием и сущностью. Таковы альтернативы. Человек свободен выбирать между альтернативами...» Размышляя о научных позициях Спинозы,

Маркса и Фрейда, он утверждает, что каждый из них предлагал свой выбор на пути совершенствования человека и они не были детерминистами. «Маркс никогда не говорил, что, как это часто утверждают, он предсказал исторические события, которые с необходимостью произойдут. Он всегда был альтернативистом. Один из крупнейших интерпретаторов Маркса — Роза Люксембург сформулировала этот альтернативизм следующим образом: в наш век человек встал перед альтернативой выбора «между социализмом и варварством»²⁹.

- ▶ Смысл политико-философского течения альтернативизма³⁰ его сторонники видят в спасении и сохранении человечества, жизни на Земле, планеты от надвигающейся глобальной катастрофы на основе приближения всей жизнедеятельности человечества к объективным природно-планетарным и космическим закономерностям. Альтернативизм предлагает «сорвать с человека венец царственного величия» (Л. Уайт³¹) и стремится к «новому экологическому гуманизму»³² (В.-Д. Хазенклевер³³), предполагающему распространение принципов гуманизма, партнерства, равноправия на все природные создания, среди которых человек уже не может занимать никакого привилегированного положения. Альтернативизм стремится к максимальному ограничению вмешательства в природные процессы, исходя из того, что «природа мудрее нас» (Б. Коммонер³⁴).

Альтернативистский анализ индустриальной цивилизации убедительно показывает, что простое распространение ее принципов по всему миру невозможно хотя бы уже из-за ограниченности ресурсов Земли. Более того, такое распространение несет угрозу существованию самой западной цивилизации. Рост могущества и влияния перенаселенного Азиатско-Тихоокеанского региона, также вступающего на путь индустриализации и во многом копирующего западные образцы, демографическое давление тоже перенаселенного мусульманского Востока на Европу при мощных процессах деградации человеческого потенциала на Западе, (нулевой или отрицательный прирост рождаемости во многих странах, рост паразитизма, наркомании, аморальности, невозможность обходиться без иммиграции иностранной рабочей силы и др.) грозит катастрофическими конфликтами для Запада, особенно в зонах межцивилизационных разломов при сохранении тех принципов международной политики, которые существовали на всем протяжении индустриальной эпохи и культивировались западными державами.

По мнению сторонников этого течения, нужно формировать новый тип духовности людей, осознавших необходимость добровольной совместной организации своих действий для выведения взаимоотношений между обществом и природой на новый уровень совершенства. Важнейшие принципы объединения: «единство в многообразии», ненасильственность в социальных отношениях, кооперированность индивидов в общности, дружественность в отношениях между всеми жителями Земли. При этом альтернативизм с его недоверием ко всяким крупным структурам, всемирным проектам и попыткам

выработки единой идеологии, единой религии представляет будущее общество как множественность различных социальных моделей, дружественных по отношению к экосистеме и друг к другу. Предлагается альтернативная культура, сердцевиной которой является новый гуманизм, — все это не что иное, как подлинная человеческая революция, смысл которой в моральном просвещении человека, в пробуждении его гуманистической совести, в попытке дать сердце бессердечному миру. Новое представление о мире предполагает утверждение экологического гуманизма.

Особенностью альтернативизма в понимании социально-политического устройства будущего является внимательная разработка механизмов осуществления демократии, позволяющих каждой личности участвовать в управлении общими делами. Образ жизни человека в будущем обществе — это довольно скромный и ограниченный в материальном потреблении, но зато насыщенный социально, эмоционально и духовно, при котором человек может в полной мере вкусить и прочувствовать гармонию жизни в единстве с природой и другими людьми. Средствами для этого являются создание объединений и коммун, культивирующих новые формы организации труда, быта, образа жизни, семейных отношений, развитие системы альтернативных школ с новой педагогикой, развитие «народной дипломатии» с целью достижения взаимопонимания и солидарности между народами, разработка методики специальных оригинальных психотехник по изменению и «расширению» сознания и их применение в создаваемых группах.

Альтернативизм активно проявляет себя в политике, прежде всего через зеленые партии и общественные организации, и имеет довольно обстоятельно разработанную политическую концепцию по переходу к новому обществу. Стратегия его заключается в борьбе за децентрализацию управления обществом, развитие местного и общественного самоуправления, повсеместное внедрение форм непосредственной и «партиципаторной» демократии³⁵.

В альтернативистских проектах есть немало интересных предложений, в частности разработка новых критериев эффективности техники с учетом ее экологичности, гуманности, соответствия человеческим потребностям, однако подобные проекты могут быть реализованы лишь в локальных масштабах, а не во всем мире. В этом уязвимость их позиции.

Философия конструктивного альтернативизма (*Constructive alternativism*)

Принципы данного течения были сформулированы психологом Дж. Келли³⁶ в 1955 г., и хотя его идеи адресованы были для психотерапии, но современники считали, что эта теория годится для интерпретации политической деятельности, поскольку в центре концепции стоит человек-созидатель.

Философская отправная точка для психологии личностных конструктов гласит: существует бесчисленное множество способов конструирования событий и людям нужно лишь использовать новые возможности, чтобы по-новому конструировать мир. Как доктрина конструктивный альтернативизм доказывает, что «все наше современное толкование мира нуждается в пересмотре или замене»³⁷. Ничто не свято, и ничто не оставляет неизгладимого следа. Не существует политики, религии, экономических принципов, социальных льгот или даже внешней политики по отношению к странам третьего мира, которые были бы абсолютно и непреложно «верными». Все изменится, если люди просто посмотрят на мир с другой стороны. Келли утверждал, что не существует такой вещи в мире, относительно которой «не может быть двух мнений». Осознание человеком действительности — это всегда предмет для истолкования. По мнению Келли, объективная реальность, конечно, существует, но разные люди осознают ее по-разному. Следовательно, ничто не постоянно и не окончательно. Правда, как и красота, существует только в сознании человека.

Люди предстают в его теории исследователями. Он делает предположение, что подобно ученому, который изучает некий феномен, любой человек выдвигает рабочие гипотезы о реальности, с помощью которых он пытается предвидеть и контролировать события жизни. Все люди формулируют гипотезы и следят за тем, подтвердятся они или нет, вовлекая в эту деятельность те же психические процессы, что и ученый в ходе научного поиска. Таким образом, в основе теории личностных конструктов лежит предпосылка о том, что наука является квинтэссенцией тех способов и процедур, с помощью которых каждый из нас выдвигает новые идеи о мире. Цель науки — предсказать, изменить и понять события и тем самым уменьшить неопределенность. Все заинтересованы в предвидении будущего и построении планов, основанных на ожидаемых результатах.

Сам Келли критиковал подход, согласно которому познать абсолютную истину Вселенной можно, механически собрав все такие кусочки о нем, назвав его «аккумулятивным фрагментализмом». Он рассматривал его в качестве предпосылки, антагонистической его собственному конструктивному альтернативизму. Соответственно, его концепция критикуется сторонниками противоположного подхода.

Альтернативистика как наука о многовариативности будущего

Предтечей альтернативистики как науки о возможных проекциях будущего можно считать Элвина Тоффлера³⁸ (так, во всяком случае, об этом пишет И. В. Бестужев-Лада в своей книге «Альтернативная цивилизация») Он раз-

работал оригинальную волновую концепцию перехода к новой цивилизации. Волна у Тоффлера — это рывок в науке и технике, который приводит к глубинным сдвигам в жизни общества. Их три в развитии общества: *аграрная* — при переходе к земледелию; *индустриальная* — во время промышленной революции; *информационная* — при переходе к обществу, основанному на знании (постиндустриальному). Волна «прокатывается» постепенно, одновременно на планете существуют все три стадии. Периоды между волнами постепенно сокращаются: тысячелетия для первой волны, 300 лет для второй. Третья волна, по оценке Тоффлера, полностью сменит вторую к 2025 г.

Ядро третьей волны: информация, ее атрибуты — доступность, динамизм, демократизм. Следствия: информация оказывается главной производительной силой, здесь нет собственника на средства производства, нет деления на производителя и потребителя. Происходит децентрация социальных, политических структур.

Сдвиг властных структур — главная тема книги «Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века» (1990)³⁹, где автор предупреждает о новых сложностях, социальных конфликтах и глобальных проблемах, с которыми столкнется человечество на стыке XX и XXI вв., изменениях на разных уровнях — от межличностного до социетального. В результате подробного анализа он приходит к выводу, что власть «от стран с богатыми природными ресурсами перейдет к тем, кто контролирует знание, необходимое для создания новых ресурсов».

Термин «альтернативистика» в России ввел в научный оборот в 90-е годы XX в. И. В. Бестужев-Лада⁴⁰, связав его с комплексным исследованием будущего с позиции многовариативности развития. В книге «Альтернативная цивилизация» (1998) автор разветвляет пять качественных характеристик подобной цивилизации: новая энергетика, основанная на чистых (восполняемых) источниках энергии; восстановление глобальных балансов (от экологического до демографического); всеобщее и полное разоружение (под страхом попадания оружия массового поражения в руки мафиозных структур); органическое сосуществование человечества с окружающей его природной средой; подлинная человечность, основанная на преодолении торжествующей пока что антикультуры. Причем термин «ретроальтернативистика» понимается им как своего рода «альтернативистика», опрокинутая в прошлое⁴¹.

Сам автор так поясняет значение терминов, вынесенных в заглавие книги. «Альтернативная» — в данном случае значит: качественно иная, но не всякая. «Цивилизация» — понятие многозначное, в данном случае тождественное понятиям «культура», «общество», «человечество» в их самом общем, всеохватывающем значении определенного состояния культуры, общества, человечества. Его позиция критикуется за телеологичность⁴², которая оперирует наличием разумной творческой воли (творца) и причисляется к направлению научной футурологии.

Альтернативизм⁴³ в политике

Альтернативное движение в мире возникло в 60-е годы прошлого века как оппонент господствующей цивилизации. Идеология альтернативизма разнообразна, не имеет четких канонов и общепризнанных авторитетов, хотя известных имен немало. Она формировалась под влиянием антиавторитарного направления в марксизме (Франкфуртская школа), анархизма и различных духовно-религиозных учений. Альтернативисты выступают за прямую демократию, широкое самоуправление и гражданские права, которые противопоставляются капиталу и бюрократическому государству, особенно его репрессивному аппарату.

Альтернативные движения возникли прежде всего во Франции и ФРГ. Позже они появились практически во всех странах Западной Европы, в США, Канаде, Японии, Австралии, Новой Зеландии и других государствах. В 1980–1990-е годы — стали создаваться в странах Восточной Европы и бывшего СССР (особенно движения экологического и пацифистского направлений). Они разнородны не только по проблематике, но и по социальному составу — процент участия молодежи в них выше, чем в традиционных общественных организациях. Активность альтернативистов приобрела различные организационные формы — от неформальных движений, НКО до партийной и парламентской деятельности.

Наиболее организованными и развитыми в теоретическом и практическом планах являются: экологические течения, которые создали во многих странах свои партии «зеленых», избраны в состав парламента, вышли за национальные рамки и создали международные организации (например, Гринпис и др.), единую фракцию в Европарламенте, активно развили международные контакты с представителями аналогичных организаций и иных политических движений; массовые движения за мир, против гонки вооружений и т.п.; движения в защиту гражданских прав, в ряде стран принимающие форму протеста против «запретов на профессии» (отказа принять на работу по идеологическим соображениям); течения в поддержку развивающихся стран и национально-освободительных движений; «гражданские инициативы», которые борются за удовлетворение конкретных требований и претворяют в жизнь определенные проекты; организации сторонников альтернативного образа жизни: общины и коммуны, альтернативные предприятия и т.п.; региональные течения, пытающиеся сохранить свою культурную и социально-политическую самобытность, ряд организаций женского движения.

В целом участников альтернативного движения объединяет критическое отношение ко многим явлениям современного общества, вплоть до протеста против господствующего социального строя и переход на «третий путь» развития, противопоставляемого как капитализму, так и социализму. Наиболее известные теоретики альтернативного движения на Западе: И. Иллич, Й. Ху-

бер, А. Горц и др. Среди первых отечественных исследователей альтернативного движения можно назвать В. Ц. Худавердяна (1986), А. С. Панарина (1987), Л. Н. Вдовиченко (1988), И. М. Савельеву (1990), А. А. Мигولاتьева (1992) и др.; движения альтерглобалистов — А. А. Бузгалина (2003), Б. Ю. Кагарлицкого (2007) и др.; альтернативной прессы — Л. Н. Тимофееву (1992), Е. Н. Струкову (2005); анархистов, «зеленых» — В. В. Дамье (2001), А. В. Шубина (1996) и др.

В работах А. С. Панарина, А. Ю. Мельвиля, К. Э. Разлогова, П. В. Гладкова, Э. Я. Баталова, П. С. Гуревича, Ю. Давыдова, И. Роднянской, Н. В. Мотрошиловой, Г. И. Иконниковой исследовалось содержание и социальные функции контркультурного движения в странах Запада, послужившего основой для формирования альтернативного движения.

Альтернативисты выступают за реформирование или даже упразднение «нового мирового порядка», за выстраивание качественно иной социальной организации и вектора развития миросистемы. Вот почему альтернативистику связывают как с антиглобализмом, так и с альтерглобализмом. Антиглобализм стремится к торпедированию фундаментальных институтов западной цивилизации — военной машины (в том числе НАТО), дискриминационного этнического разделения труда, рынка, финансового сектора, ТНК, культурных форм и стилей, но, главное, самодовлеющего буржуазно-потребительского образа жизни. Разумеется, для этого нужны соответствующие инструменты, среди которых есть рациональные, так и иррациональные. К первым нужно отнести идеологические конструкции, ко вторым — упование на стихийную энергию масс⁴⁴.

Альтерглобалисты согласны, что процесс объединения мира объективен. Но они отвергают глобальную власть капитала, когда *транснациональные корпорации* превращаются в силу, сравнимую с силой государства⁴⁵. Они считают, что современный капитализм можно реформировать изнутри путем его «этической корректуры» и «гуманизации». Деятельность альтерглобалистов направлена на диалог с властями, уличную борьбу они рассматривают как «принуждение к диалогу», переговорам с противостоящей стороной, а не средством насильственного захвата власти.

К основным идейным источникам антиглобализма ученые относят: 1) *нео-марксизм* (*молодежное левое движение*, основанное на фундаментальных вопросах, поставленных К. Марксом и Ф. Энгельсом, теоретически и практически скорректированных В. Лениным, Л. Троцким, И. Сталиным, Н. Хрущевым, Э. Че Геварой и Ж.-П. Сартром, Э. Фроммом и Л. Альтюссером и др.); 2) *экологизм* («зеленое» движение); 3) *феминизм*; 4) *молодежную идеологию*, реализовавшуюся в форме контркультуры, основанной на «великом отказе» (Г. Маркузе); 5) *анархизм*.

По их мнению, переустройство общества возможно посредством внедрения «малых ниш» альтернативного стиля жизни в «большой социум». Суть этого принципа выражена в постулате: «Малое — это прекрасно!» (выглядит, конечно, утопично). Стратегия «малых дел» — это антипод радикализма в сфере политического действия. Все формы политического действия альтернати-

вистов носят ненасильственный характер. В основе такого подхода лежит убеждение, что достичь высоконравственных целей переустройства современного общества можно только ненасильственными средствами. Слишком высокую цену приходится платить за революционные и насильственные действия.

Основным принципом внутренней организации эти социальные движения считают «принцип базисной демократии», который включает в себя следующие положения: прямая децентрализованная демократия; постоянный контроль за должностными и выборными лицами со стороны масс, возможность сменяемости руководства любого уровня в любое время; действие так называемого «императивного мандата» (в партиях «зеленых»), который предписывает партийному руководству и фракциям этих партий в парламентах выполнение установок и требований массового базиса; принципы гласности и консенсуса.

В целом альтернативные идеи родственны утопической мысли прошлого: апеллирование к разуму и чувствам людей, антиисторизм, убежденность в возможности разрешения всех противоречий общества по какой-либо универсальной схеме. Для альтернативных концепций характерно использование идей из анархических, либеральных, консервативных и социалистических учений.

Альтернативные движения приняли широкий размах в конце XX в., сегодня пик их подъема позади, но они продолжают действовать. Наиболее активно заявляют о себе антиглобалисты, оформившиеся в конце 1990-х годов.

Социально-политические идеи, которыми они вдохновляются, стали важным фактором политической жизни на исходе XX — в начале XXI в. Более того, сохранившиеся организации альтернативистов продолжают исповедовать свои основные принципы и даже смогли встроиться в современный политический мир. В начале XXI в. внимание исследователей привлекли «актуальные левые». Они позиционируют себя через идеи «нового социализма», который, на их взгляд, не утратил своего значения. Но в отличие от «новых левых», которые устанавливали приоритет постматериальных ценностей в отрыве от труда, они увязывают их с трудовыми отношениями, выступают за «демократию дела», а не только «демократию слова», полагают, что демократия не должна служить прагматическим интересам частной собственности, но обязана создавать пространство для политического участия всех граждан. Основной акцент делают на возрождение принципов народовластия и прямой демократии⁴⁶.

Примером того, как встраиваются прежние альтернативисты в новые реалии, может служить **Канадский центр политических альтернатив**⁴⁷ (*Canadian Center for Policy Alternatives — CCPA*), который является зарегистрированной некоммерческой благотворительной организацией, опирающейся на поддержку более чем 12 тыс. сторонников по всей Канаде. Был основан в 1980 г. Занимается вопросами социальной, экономической и экологической справедливости. CCPA проводит исследования, необходимые для политиков, активной общественности, принимает участие в общественных дебатах с целью помочь канадцам принимать обоснованные решения и добиваться реальных социаль-

ных изменений. Организация имеет свой офис в столице — Оттаве, а также отделения в провинциях: Британской Колумбии, Саскачеване, Манитобе, Онтарио и Новой Шотландии.

Как известно, существенным элементом тактики альтернативных движений является захват пустующих помещений для организации сквоттов — городских коммун, многие из которых превращаются в центры альтернативной жизни и культуры. Поскольку сквоттерство незаконно, вокруг сквоттов вспыхивают столкновения радикалов и полиции, подобные тем, что произошли в 1980 г. в Кройцберге (Западный Берлин). Крупнейший из существующих сквоттов — община Христиания в Копенгагене, созданная хиппи в 1971 г. на месте брошенных казарм и после неоднократных столкновений легализованная в 1976 г. В Христиании существуют полное самоуправление и собственная экономика (в частности, производство велосипедов). Легальный статус Христиании был долгое время не определен, и власти неоднократно пытались очистить помещения казарм, но безуспешно. 15 августа 2011 г. ВВС сообщила, что Христиания получила от властей полуавтономный статус. Согласно новому закону жители Христиании получают возможность выкупить землю ниже себестоимости, а остальную землю государство будет сдавать в аренду.

Другой пример социального экспериментирования — «Ферма» (США), основанная хиппи (300 человек). Когда ее численность выросла к 1980 г. до 1,5 тыс. человек, выяснилось, что столько людей, склонных к образу жизни хиппи, не могут жить рядом. Постепенно «Ферма» вернулась к первоначальной численности. Российская альтернативная община «Китеж» возникла как сообщество приемных семей (проект реабилитации сирот). В ней сложились общинное самоуправление, своеобразный социально-экономический и бытовой уклад, по некоторым параметрам приближающийся к городскому и включающий разветвленную систему коммуникаций с внешней средой. Всего в мире насчитывается несколько сотен альтернативных поселений и инициатив — и не только в Европе и Америке: крупное поселение Ауровиль, например, возникло в 1968 г. в Индии.

Создание альтернативных поселений связано с различными мотивациями: духовными исканиями, социальным экспериментированием и гражданскими инициативами, направленными на решение конкретных задач. Духовную общину Финдхорн в Шотландии основала в 1962 г. небольшая семья богоискателей. Постепенно Финдхорн вырос в общину, которая состоит из нескольких сотен членов и гостей, живущих за счет сельского хозяйства и туризма.

В современном обществе альтернативные движения и поселения представляют собой своего рода социальную лабораторию человечества, значение которой может возрасти в случае кризиса и деструкции существующих социальных систем. В то же время сами альтернативные движения подвержены влиянию финансово-экономической, административной и иных структур, альтернативой которым стремятся выступить.

Таким образом, анализ феномена альтернативизма показывает, что как принцип мышления, метод исследования, форма существования политики он вполне доказал свою эффективность.

Действительно, альтернативизм — это идеи, позиции, теории, взгляды, не совпадающие с господствующей точкой зрения в разных сферах человеческой деятельности. Отсюда появление неклассических и постнеклассических направлений в науке, движение от современных к постсовременным теориям, появление альтернативных движений и новых идеологий и практик в политике.

Альтернативизм — это метод борьбы с застоем в мыслях и действиях. Если бы человек не создавал альтернатив в науке и практике, он бы превратился в раба. Люди всегда имеют возможность изменить ограничивающий их миропорядок.

Политическая практика альтернативистов показала, что возможно соединение идей из различных идеологических учений. Практически новые идеологии «зеленых», коммунитаристов и т.д. — это соединение идей известных идеологий. Политическое творчество и поиск продолжается.

Итак, альтернативизм — это принцип мышления в философии, осознания мира и представлений о нем в психологии, возможность выбора или конструирования новой картины мира в политологии и политическом творчестве, создания новых идеологических конструкций и новых движений на политической практике. По сути, делиберативная модель демократии Юргена Хабермаса (последний яркий представитель Франкфуртской школы) — это путь к ее совершенствованию путем обсуждения альтернатив.

Выдающемуся философу Древней Греции Гераклиту Эфесскому — основателю первой исторической или первоначальной формы диалектики принадлежит афоризм: «Кто не ожидает неожиданного, тот не найдет и трудно находимого». Не бойтесь альтернативизма, критического взгляда на достигнутое и осмысленное. Возможно, вы стоите перед открытием. Сегодня альтернативизм приобретает и такой смысл.

Примечания

¹ Как я понимаю философию. Беседа с Мерабом Мамардашвили. Беседу вел О. Долженко // Вестник высшей школы. М., 1989. № 2. С. 80.

² См.: Oxford Student's Dictionary of Current English / Ed. by A. S. Hornby. M.; Oxford: Prosveshcheniye Publishers, Oxford University, 1984. P. 19.

³ См.: Mass Media Dictionary / Ed. by Terry Ellmore. USA. Chicago, Illinois: NTC Publishing Group, 1992. P. 21.

⁴ См.: Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка / Сост. Л. А. Асланова. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2012. С. 31.

⁵ См.: *Келли Дж.* Теория личности: психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. — 249 с.

⁶ Эвристический — относящийся к изобретению, открыванию, а также служащий нахождению нового (новых идей, новых фактов). Эвристический метод в научном изложении состоит в изображении пути, на котором были найдены научные результаты, в противоположность систематическому изложению.

⁷ См.: Социологический словарь. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://enc-dic.com/sociology/Alternativistika-331.html> (дата обращения 9 июня 2017 г.).

⁸ См.: Бестужев-Лада И. В. Альтернативная цивилизация. М.: ВЛАДОС, 1998. — 348 с.

⁹ Суффикс «-изм» — словообразовательная единица, образующая: имена существительные мужского рода, которые представляют собой названия общественно-политических, научных или эстетических учений, направлений, систем, а также качеств, склонностей, действий или состояний, связанных с тем, что названо мотивирующим именем существительным, редко — глаголом (дарвинизм, дилетантизм, ленинизм, марксизм, альтернативизм и т.п.).

¹⁰ Жюльен Ламетри (1709–1751) — известный французский материалист, врач по профессии, стремился обосновать идеи материализма в исследовании живых организмов. Основные труды: «Естественная история души» (1745), «Человек-машина» (1747), «Человек-растение» (1748).

¹¹ Рене Декарт (1596–1650) — философ, математик, механик, физик и физиолог, основатель новоевропейского рационализма, один из влиятельных метафизиков Нового времени. Основные идеи в области философии можно сформулировать так: выдвинул гипотезу об основных модусах и атрибутах субстанции, доказал, что разум в познании играет главную роль. Ему принадлежит авторство теории дуализма, с помощью которой примиряются материалистическое и идеалистическое направления философии, сторонник учения о «врожденных идеях» и т.д. Основные труды: «Геометрия» (1637), «Рассуждение о методе...» (1637), «Начала философии» (1644).

¹² Пьер Симон Лаплас (1749–1827) — французский математик, физик и астроном. Теория вероятностей в значительной степени сформировалась именно в работах Лапласа. Еще при жизни ученого трижды издавался его «Аналитическая теория вероятностей» (1812 г.). Совместные исследования Лапласа и А. Лавуазье были посвящены теплопроводности, расширению тел при нагревании, горению водорода в кислороде и т.д. Лаплас опубликовал ряд работ по теории капиллярности (1806 г.); развил работы И. Ньютона, которые касались математического определения скорости звука в воздухе, дал барометрическую формулу для вычисления изменения плотности воздуха с изменением высоты над поверхностью Земли. В 1780 г. он предложил новый способ вычисления орбит небесных тел. Результаты исследований в области небесной механики подытожены в классическом пятитомном «Трактате о небесной механике» (1798–1825 гг.).

¹³ См.: Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. С. 149–158; Кохановский В. П., Золотухина Е. В., Лешкевич Т. Г., Фатхи Т. В. Философия для аспирантов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. Гл. 2. С. 114–129.

¹⁴ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) — немецкий философ, создавший на объективно-идеалистической основе систематическую теорию диалектики. Ее центральное понятие — развитие — есть характеристика деятельности абсолюта (мирового духа). «Наука логики», или «Большая логика», созданная Гегелем в 1812–1816 гг., — важнейшее его произведение в трех томах, в котором великий немецкий философ дает наиболее развернутое изложение своих диалектических идей.

¹⁵ Людвиг Фейербах (1804–1872) — немецкий философ-материалист, атеист. Характерную особенность антропологического материализма Фейербаха составляет отрицание дуализма тела и души, признание и обоснование материалистического поло-

жения о единстве духовного и телесного, субъективного и объективного, психического и физического, мышления и бытия. В отличие от Гегеля он утверждал: «Единство бытия и мышления истинно и имеет смысл лишь тогда, когда основанием, субъектом этого единства берется человек» (*Фейербах Л.* Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1955. Т. I. С. 199).

¹⁶ Альберт Эйнштейн (1879–1955) — гениальный физик, положивший основу развития современной физики. Создатель теории относительности.

¹⁷ Нильс Бор (1885–1962) — выдающийся физик, лауреат Нобелевской премии за изучение строения атома и создание собственной теории, один из создателей ядерной физики.

¹⁸ Вячеслав Семенович Степин (род. 1934) — известный советский и российский философ, организатор науки, академик РАН (1994). С 2006 г. — научный руководитель, главный научный сотрудник Института философии РАН. В 1970–1980-х годах разработал концепцию структуры и генезиса научной теории, открыл и описал операцию построения теории (конструктивного введения теоретических объектов). В рамках этой концепции Степиным была раскрыта структура оснований науки, показана их взаимосвязь с теориями и опытом. Обосновал идею множества потенциально возможных историй науки и селективной роли культуры в реализации отдельных из них, становящихся реальной историей науки. Разработал концепцию типов научной рациональности (классической, неклассической, постнеклассической), каждый из которых характеризуется собственным типом рефлексии над наукой и системой идеалов и подходов.

¹⁹ См.: *Степин В. С.* Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. С. 179–183; *Золотухин В. Е.* История и философия науки для аспирантов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. С. 30–35.

²⁰ Жан-Франсуа Леруа (1915–1999) — выдающийся французский ботаник, теоретик, философ и литератор.

²¹ Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) — французский философ, естествоиспытатель, палеонтолог, антрополог, священник, член ордена иезуитов. Автор работ: «Божественная Среда» (1927), «Феномен человека» (издана после смерти Тейяра де Шардена в 1955 г.). В этом труде он излагает свою мировоззренческую концепцию, которая объединяет материю и сознание (в широком смысле слова) на основе эволюционного подхода. Итог его размышлений: феномен человека — это сложное многоплановое многомерное явление, требующее и такого же подхода к его изучению.

²² Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) — русский и советский ученый-естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель конца XIX и первой половины XX в. Академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, Российской академии наук, Академии наук СССР, один из основателей и первый президент Украинской академии наук. Создатель научных школ. Один из представителей русского космизма, создатель науки биогеохимии.

²³ Никита Николаевич Моисеев (1917–2000) — советский и российский ученый в области общей механики и прикладной математики, академик Академии наук СССР (впоследствии РАН) (1984) и ВАСХНИЛ (впоследствии РАСХН) (1985), почетный член Российской академии естественных наук (РАЕН), член Международной академии astronautики (Париж), президент Российского отделения «Зеленого креста», президент Российского национального комитета содействия Программе ООН по охране окружающей среды, президент Международного независимого эколого-политологического университета (МНЭПУ) (1993–2000), главный редактор журнала «Экология и жизнь» (1995–2000). Основатель и руководитель целого ряда научных школ, осно-

воположник новых направлений в прикладной математике. Его работы посвящены механике и гидродинамике, численным методам в теории оптимального управления, теории иерархических систем, имитационному моделированию, автоматизации проектирования, междисциплинарным исследованиям экологических проблем. В каждой из этих областей ему принадлежат основополагающие достижения.

²⁴ См.: *Степин В. С.* Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. С. 183–186; *Золотухин В. Е.* История и философия науки для аспирантов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. С. 35–38.

²⁵ *Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective* / Ed. by Donatella della Porta and Michael Keating. N.Y.: Cambridge University Press, 2008. P. 15.

²⁶ Герберт Маркузе (1898–1979) — немецко-американский философ и социолог. Один из самых ярких философов XX в. Исследовал вопросы отчуждения человека в индустриальном обществе, существующих репрессивных механизмов, корни появления фашизма и тоталитаризма, активно обращался к негативной диалектике как критической теории. Формирование взглядов Маркузе происходило под влиянием идей М. Хайдеггера и особенно Г. Гегеля и З. Фрейда. Вместе с тем, проявляя неизменный интерес к учению К. Маркса, Маркузе широко использует его категории и некоторые идеи, интерпретируя их часто в духе современной буржуазной философии и социологии. Согласно Маркузе, развитие науки и техники позволяет господствующему классу современного капиталистического общества сформировать через механизм потребностей новый тип массового «одномерного человека» с атрофированным социально-критическим отношением к обществу и тем самым «сдерживать и предотвращать социальные изменения». Включаясь под воздействием навязываемых ему «ложных» потребностей в потребительскую гонку, рабочий класс стран развитого капитализма «интегрируется» в социальное целое и утрачивает свою революционную роль. В этих условиях революционная инициатива, по Маркузе, переходит в рамках «развитого» общества к «аутсайдерам» (люмпены, преследуемые национальные меньшинства, безработные и т.п.), а также к радикальным слоям студенчества и гуманитарной интеллигенции. В мировом масштабе носителями революционной инициативы выступают обездоленные массы «бедных» стран, противостоящие «богатым», к которым Маркузе причисляет и империалистические, и развитые социалистические страны. Рассматривая институты буржуазной демократии как инструмент ненасильственного подавления оппозиции, Маркузе настаивает на «радикальном отказе» от легальных форм борьбы как «парламентской игры». Маркузе отрицает революционную роль марксистских партий развитых капиталистических стран и революционную сущность их политических программ. Выступая как разновидность «постиндустриального» романтизма, утопия Маркузе объективно служит разобщению и дезориентации антикапиталистических сил. Среди его работ: «Одномерный человек» (1964), «Психоанализ и политика» (1968), «Идеи к критической теории общества» (1969), «Эссе об освобождении» (1969), «Контрреволюция и бунт» (1972) и др.

²⁷ Эрих Зелигманн Фромм (1900–1980) — немецкий социолог, философ, социальный психолог, психоаналитик, представитель Франкфуртской школы, один из основателей неопрейдизма и фрейдомарксизма. Не соглашаясь с фрейдистской теорией биологической обусловленности человеческой личности, Фромм утверждал, что человек — продукт культуры. В книге «Бегство от свободы» (*Escape from Freedom*, 1941) Фромм исследовал сложную ситуацию, в которой оказывается человек западной культуры, где стремление к индивидуальности в конечном итоге ведет к одиночеству, ощущению несамостоятельности человеческой личности и сомнению в осмысленности жизни. Этот тезис Фромм развил

в таких работах, как «Человек для себя» (*Man for Himself*, 1947), «Психоанализ и религия» (*Psychoanalysis and Religion*, 1950), «Разумное общество» (*The Sane Society*, 1955), «Искусство любить» (*The Art of Loving*, 1956), «Человек прежде всего» (*May Man Prevail*, 1961), «Анатомия человеческой деструктивности» (*The Anatomy of Human Destructiveness*, 1973). Им опубликованы критические исследования концепций Фрейда и Маркса.

²⁸ Поскольку главной критической (по отношению к капитализму) теорией был так называемый «аутентичный» (подлинный) марксизм, а апологетической (по отношению к социализму) теорией в то время была ленинско-сталинская «модель марксизма», понятно, что марксистские идеи (в том числе в их искаженном варианте) стали предметом особого внимания представителей школы. Не случайно именно их называют основателями и приверженцами неомарксизма как альтернативного направления западной социально-философской мысли, представители которого стремились к истолкованию Маркса в духе неогегельянства, фрейдизма, «философии жизни» и других течений мысли, связанных с подчеркиванием в качестве центральной проблемы отчуждения.

²⁹ См.: Фромм Э. Сущность человека, его способность к добру и злу // Это человек: Антология / Сост., вступ. ст. П. С. Гуревича. М.: Высшая школа, 1995. С. 41–53.

³⁰ Альтернативизм (*alternativisme*) — движения, возникшие в конце 60-х годов XX в. и выступающие против монополизации общественного развития «системой» с ее интегративно-манипулятивными функциями. «Альтернативисты — самоопорные общины возникли прежде всего как ответ на угрозу, которую заключает в себе развитие цивилизации. Альтернативисты — вроде разведчиков, посланных исследовать таинственный ландшафт следующего века» (*Каграманов Ю.* Америка далекая // НМ. 1999. № 12. С. 138).

³¹ Лесли Алвин Уайт (1900–1975) — американский антрополог, этнолог и культуролог. Ввел в науку термин «культурология» и выделил ее как самостоятельную дисциплину. Выступал в защиту эволюционизма и стал одним из основателей неозэволюционизма в культурной антропологии.

³² *Hasenklever W.-D.* Okologischer Humanismus // Die Grunen: Personen — Projekte — Programme. Stuttgart, 1980. S. 501.

³³ *Hasenklever W.-D., Hasenklever C.* Griine Zeiten. Politik fur eine lebenswerte Zukunft. Miinchen: Hosel Verl, 1982. — 235 s.

³⁴ Барри Коммонер (1917–2012) — американский биолог и эколог. Автор четырех законов экологии.

³⁵ См.: *Роголин В. Е.* Цивилизационные концепции русского космизма и современного альтернативизма. Дис. ... д-ра философ. наук. М.: Ин-т философии РАН, 2000.

³⁶ Джордж Александр Келли (1905–1967) — американский психолог, автор теории личностных конструкторов.

³⁷ *Kelly G.* The Psychology of Personal Constructs. N.Y.: Norton. Vol. 1–2. P. 15.

³⁸ Элвин Тоффлер (1928–2016) — американский философ, социолог и футуролог, один из авторов концепции постиндустриального общества. В его основных работах проводится тезис о том, что человечество переходит к новой технологической революции, т.е. на смену первой волне и второй приходит новая, ведущая к созданию информационного, или постиндустриального, общества. Создатель трилогии «Шок будущего» (1970), «Третья волна» (1980) и «Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века» (1990) — присутствует единая система теории, которая представляет единое концептуальное построение с общей главной темой — изучением изменений.

³⁹ *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти / Пер. с англ. М.: АСТ, 2001. — 669 с.

⁴⁰ Игорь Васильевич Бестужев-Лада (1927–2015) — российский социолог, специалист в области социального прогнозирования, социальных проблем российского общества, глобалистики и альтернативистики. Доктор исторических наук, профессор. Президент Российской академии прогнозирования (исследований будущего). Профессор социологического факультета МГУ. Председатель Педагогического общества России. Основатель Московской школы социального прогнозирования, развивающей идеи технологического прогнозирования. Разработал общетиповую методику социального прогнозирования, применяемую в сфере глобалистики и альтернативистики, разработал ряд прогнозных сценариев трансформации России. Автор около 70 научных работ, в том числе: «Русская интеллигенция как промежуточный социальный тип» (1992); «Институциональные и стихийные факторы в процессах социализации. Подходы к проблеме» (1992); «Предпринимательские ценности в маргинальной среде» (1994); «Феномен социального лидера» (1994); «Институт президенства и массовое сознание: новый облик власти в модернизирующемся обществе» (1995); «Россия накануне XXI века, 1904–2004: от колосса к коллапсу и обратно» (1997); «Альтернативная цивилизация» (1998) и др. Заслуженный деятель науки РСФСР. Лауреат золотой медали Н. Д. Кондратьева 2001 г. «За выдающийся вклад в развитие общественных наук». С 2006 г. — почетный президент Международной академии исследований будущего.

⁴¹ *Бестужев-Лада И. В.* Альтернативная цивилизация. М.: ВЛАДОС, 1998. — 348 с.

⁴² Телеология (от греч. *Telos (teleos)* — результат, цель; *logos* — слово, учение) — философское учение об объяснении развития в мире с помощью конечных, целевых причин. В современной методологии рассматривается как принцип объяснения, дополняющий традиционную причинность причинами-целями. В настоящее время телеологические объяснения рассматриваются как эвристические способы исследования и допускаются как вспомогательные и дополнительные объяснения, которые желательно со временем свести к объяснениям с помощью законов и причин явлений.

⁴³ К альтернативизму относятся эвристические, пацифистские, феминистские движения.

⁴⁴ *Муза Д. Е.* Введение в глобалистику: Учеб. пособие. Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/5056332/page:27/> (дата обращения 9 июня 2017 г.).

⁴⁵ *Бузгалин А. В.* Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи. Век глобализации. 2008. Вып. № 1. С. 120–127.

⁴⁶ См.: «Актуальные левые» в международном и российском политическом контексте: Сб. статей / Под ред. Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. С. 4.

⁴⁷ См.: Canadian Center for Policy Alternatives. URL: <https://www.policyalternatives.ca> (дата обращения 1 июля 2017 г.).

Литература

Гидденс Э. Социология. Гл. 19: Революции и социальные движения. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/gidd/19.php.

Деррида Ж. Глобализация. Мир. Космополитизм / Пер. с фр. Д. Ольшанского // Космополис. 2004. № 2 (8). С. 125–140.

Келли Дж. Теория личных конструкторов / Пер. с англ. СПб.: Речь, 2000. — 249 с.

Раздел II. КУЛЬТУРА. ЛИЧНОСТЬ. ЦЕННОСТИ

Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://profilib.com/chtenie/93627/merab-mamardashvili-klassicheskiy-i-neklassicheskiy-idealy-ratsionalnosti.php>.

Савельева И. М. Альтернативный мир: модели и идеалы. М.: Наука, 1990. — 207 с.

Тимофеева Л. Н. Альтернативная печать: ее сущность и значение // Печать: опыт, проблемы и тенденции: Сб. статей М.: РАУ, 1992. С. 23–48.

Тимофеева Л. Н. Управление публичной политикой в условиях активизации альтернативной власти: прецеденты и проблемы // Управление публичной политикой: Коллективная монография / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2015. — 320 с.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2007. — 502 с.

Явлинский Г., Космынин А. Историко-политические заметки: народ, страна, реформы. М.: Медиум, 2015. — 248 с.

Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective / Ed. by Donatella della Porta and Michael Keating. N.Y.: Cambridge University Press, 2008. — 365 p.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. N.Y.: John Wiley & Sons, 2013. — 264 p.

Marcuse H. Official site. URL: <http://www.marcuse.org/herbert/index.html>.

Methods of Critical Discourse Studies / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. SAGE, 2015. — 348 p.

Раздел III

**МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО
МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**

24. ПАРАДИГМА ЦИКЛИЧНОСТИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова

Периодизация истории, эволюционный цикл, волна, ритм, фаза, прогнозирование в политике

Общее представление о циклах и волнах политической динамики

Практические проблемы, связанные с потребностями планирования и прогнозирования внутренней и международной политики, а также стремление понять причины нелинейной политической динамики ставят вопрос о теоретической альтернативе упрощенным линейно-поступательным, прогрессистским моделям развития современного мира. Принципиально новые научно-познавательные возможности исследования политических процессов открываются в рамках получающих все большее распространение эволюционных и циклических подходов¹. Парадигма цикличности оказывается эффективным инструментом изучения нелинейных процессов в мировой политике. При этом нелинейность означает возможность эволюционных переходов между различными состояниями социально-политической системы, наличие между ее элементами нелинейных прямых и обратных связей, а также периодическое прохождение ею так называемых переломных точек развития, в которых меняется доминирующая тенденция или сам вектор (направление) политического развития².

Так, например, накануне и после Первой мировой войны распались Цинская, Османская, Австро-Венгерская, Германская, Российская империи, а политическое развитие на их прежних территориях обрело республиканские формы. В ходе Второй мировой войны произошел крах нацистского Третьего рейха, итальянского фашизма, японского милитаризма, начался распад Британской, Французской и других колониальных империй, по ее итогам образовались крупнейшие по населению независимые государства — Республика Индия и Китайская Народная Республика, начал складываться биполярный миропорядок. Все эти крупнейшие события наглядно продемонстрировали

масштабные переломы в мировой политике, смену эволюционных эпох международной политической системы. На рубеже XX–XXI вв. в связи с противоречивыми последствиями процессов глобализации: бурными политическими трансформациями, охватившими различные регионы мира, и обострением множества международных конфликтов — актуальность исследования циклов и волн политической динамики стала очевидной.

Кроме того, в практически-политическом плане в начале XXI в. резко усилилась потребность своевременно прогнозировать намечающиеся крутые повороты во внутренней и международной политике с тем, чтобы по возможности избегать катастрофических социально-политических потрясений и войн. Многие прежде широко распространенные подходы к политическому прогнозированию (сценарный подход, метод Дельфи, линейная экстраполяция тенденций политического развития, сравнительный политический анализ и др.) показали свою недостаточную эффективность в условиях крупных социально-политических потрясений, быстрых и глубоких изменений во внутренней и международной политике. В связи с этим циклически-волновой подход к исследованию и прогнозированию эволюции политических систем стал одним из инструментов не только политической теории, но и политической практики.

К числу основных понятий, активно используемых в рамках циклической парадигмы мировой политики, относятся понятия «цикл», «волна» и «ритм».

► **Цикл** — это совокупность явлений и процессов, составляющих кругооборот в течение известного промежутка времени. В результате прохождения цикла объект (например, политическая система) вновь приходит в исходное или подобное исходному состояние.

Понятие цикла (цикличности) — одно из наиболее распространенных средств теоретического анализа тех или иных регулярных изменений. При изучении достаточно сложных систем использование понятия *цикла* зачастую оказывается решением проблемы порядок/хаос; хаотическое разнообразие упорядочивается посредством обнаружения в нем циклической регулярности, и тем самым исследуемая система обретает устойчивые характеристики, включается в число систематизированных наукой объектов. Цикличность — важный структурный элемент сложных систем. В дальнейшем будет показано, что традиционные представления о цикле как о чем-то во всех отношениях постоянном, неизменном, чуждом развитию могут быть преодолены путем привлечения к описанию циклических последовательностей понятия *эволюционного цикла*.

Примерами циклов в природе могут служить годовые циклы (период обращения Земли вокруг Солнца), суточные циклы (период обращения Земли вокруг своей оси), циклы солнечной активности, циклы изменения климата, циклы дыхания и кровообращения у живых организмов. Примерами циклов в обществе могут служить различные виды экономических циклов, электоральные циклы, циклы смены (циркуляции) элит, циклы мирового политического лидерства.

- **Волна** — это колебательное изменение состояния (возмущение) физической или социальной среды, распространяющееся в пространстве с конечной скоростью.

Примерами волн в природе могут служить морские или речные волны, электромагнитные волны, волны распространения эпидемий. Примеры волн в обществе — демографические волны, волны внутренней и международной миграции, волны изменений моды, волны модернизации, волны терроризма. Образные и метафорические коннотации придают этому понятию определенную нестрогость, но тем не менее оно является важным инструментом анализа и прогноза социально-политической динамики, предоставляя возможности периодизации, структурирования во времени и в пространстве политических процессов, выделения в них разных периодов, фаз, элементов повторяемости.

Образ распространяющегося в *пространстве* (в данном случае — политическом или социальном) *возмущения (изменения)* достаточно хорошо отображает процессы модернизации, процессы распространения инноваций, а также многие иные изменения, происходящие в сегодняшнем глобализованном мире. Характерным условием распространения таких *волн глобальных изменений* является высокая степень согласованности развития современных политических и социальных систем, прочно интегрированных в единую мировую систему.

В определенном смысле понятия цикла и волны взаимно дополняют друг друга. Используя концепт *цикла*, акцент делают преимущественно на поэтапную последовательность процесса изменений и его периодичность, а в идеальном случае циклическое движение уподобляется траектории «точки» в многомерном пространстве. Концепт волны позволяет сфокусировать внимание на пространственно-временных аспектах процесса изменений (в частности, И. Валлерстайн ввел для описания волновых социальных процессов, проходящих во времени и пространстве, специальный термин — *Time Space*)³.

Тем не менее наиболее универсальным и адекватным исследовательским задачам представлением, не поддающимся жесткой формализации, часто оказывается представление о *ритме*. По существу, ритм — это то, что объединяет различные колебательные процессы, как циклические, так и волновые, как классические, описываемые гармоническим законом (синусоидой), так и негармонические, с изменяющимся периодом и т.п.

- **Ритм** — это чередование каких-либо процессов во времени, происходящее с определенной последовательностью, частотой.

При переходе от досоциальной (стадной) стадии развития к социальности «ведущая ритмика» человеческой жизни заметно усложнялась, на природные циклы и ритмы накладывались ритмы, обусловленные общественными отношениями. В этот период формировались особые «социальные» ритмы, как правило ассоциирующиеся со «сменой поколений». Следующий шаг в усложнении «ведущей ритмики» социальных систем обусловлен начавшимися не-

сколько столетий назад процессами модернизации и глобализации. Все чаще отмечается взаимозависимость различных социальных и политических ритмов, а также тенденция к их синхронизации в масштабах всего земного шара. Усложнение проявляется и во все большей заинтересованности политических акторов в контроле над процессами структурных изменений, механизмами генерации и воспроизводства ритмов и циклов общественного развития.

Следует отметить, что циклы и волны общественной динамики часто не имеют строго регулярного характера (в отличие от природных циклов и волн, таких, например, как движение небесных светил). Обнаруживаемая в них ритмика зачастую неустойчива, а ее амплитуда и периодичность могут меняться по мере изменения и усложнения общественной системы. К тому же в социальном и политическом развитии никогда не происходит полного возвращения к исходному состоянию (в соответствии с афоризмом древнегреческого философа Гераклита Эфесского «нельзя дважды войти в одну и ту же реку»). В связи с этим для анализа и прогноза динамики политической системы принципиально важное значение имеют также понятия «эволюционный цикл» и «фаза эволюционного цикла».

► **Эволюционный цикл** — это такой цикл развития, в ходе которого социально-историческая или политическая система претерпевает необратимые изменения и переходит в новое, но по ряду важных параметров подобное начальному состояние. В результате прохождения эволюционного цикла происходит качественное усложнение политической системы, выработка и накопление новых институциональных форм и практик, усиливающих ее конкурентные возможности при взаимодействии с другими системами.

Эволюционный цикл представляет собой своего рода «шаг» или звено эволюционного процесса, выделение и анализ которого помогает постичь сложную динамику социально-исторических и политических систем. Научно-познавательное значение понятия «эволюционный цикл» состоит в том, что оно позволяет представить качественное изменение системы, ее переход в новое состояние как последовательность эволюционных фаз: выработки и совершенствования новых эволюционных форм; раскрытия потенциала этих форм вплоть до полного исчерпания их возможностей; наконец, подготовки перехода к новому эволюционному циклу системы, что является необходимым условием ее выживания, продолжения ее исторического существования.

Примерами эволюционных циклов могут служить циклы Н. Д. Кондратьева⁴, циклы внутренней политики США А. М. Шлезингера⁵, циклы внешней политики США Ф. Клинберга⁶, циклы эволюции мировой политической и экономической системы⁷, циклы (волны) демократизации и отката демократии С. Хантингтона⁸. Для каждого из этих видов эволюционных циклов характерно то, что социальная или политическая система после прохождения очередного цикла претерпевает качественные изменения и переходит в новое состояние

с приращением своего эволюционного потенциала, своей способности вырабатывать новые формы развития. Так, при прохождении очередного эволюционного цикла демократизации (подъема демократии и ее отката) качественно меняется само содержание демократии и представлений о ней. Точно так же при прохождении того или иного цикла внутренней политики США или цикла эволюции мировой системы соответствующая политическая система претерпевает качественные изменения, приобретает новые черты, в ней возникают новые политические акторы, институты и практики.

- **Фаза эволюционного цикла** — часть эволюционного цикла, в которой состояние системы качественно отличается по своим параметрам от ее состояния в других частях цикла. При переходе от одной фазы эволюционного цикла к другой фазе происходит резкое изменение состояния и параметров системы.

Примерами фаз эволюционного цикла являются фазы экономического (делового) цикла — подъем, пик, спад (рецессия) и дно (депрессия), повышательная и понижательная фазы (волны) цикла Кондратьева, фазы цикла эволюции мировой политической и экономической системы — структурный кризис, технологический переворот, великие потрясения в мировой политике и экономике, революция мирового рынка (геополитическая и геоэкономическая революция).

Научное значение и познавательная ценность понятий «цикл», «волна», «эволюционный цикл» связаны прежде всего с тем, что эти понятия описывают не случайные отклонения от «магистрального» пути развития, а позволяют исследовать глубинные, сущностные механизмы изменения политических систем отдельных стран и международной политической системы. Так, новое эволюционное качество (например, новый вид политических институтов) в политической системе, как правило, сначала возникает на ее периферии, затем распространяется, подвергается отбору, удерживается и развивается в результате прохождения целого ряда эволюционных циклов и волн, своего рода «приливов» и «отливов». Примерами могут служить возникновение, утверждение и развитие парламента в Англии, которое на протяжении истории происходило через целый ряд междоусобных и гражданских войн, переворотов, революций, реформ, когда роль и значение парламента многократно менялись. Другой пример — становление и развитие политических партий в России на протяжении XX — начала XXI в., которое происходило через революции, смену политических режимов, превращение после 1917 г. многопартийной системы в однопартийную и после 1991 г. снова в многопартийную систему.

Таким образом, после прохождения очередного эволюционного цикла или нескольких циклов происходят важные перестройки, «мутации» традиционных или заимствованных институтов; некоторые из этих «мутаций» могут иметь значение не только для развития данного общества, но и для мирового развития в целом.

Анализ эволюционных циклов и их фаз позволяет пролить дополнительный свет на два ключевых понятия, активно разрабатываемые и используемые при изучении социально-политической динамики, — *кризис* и *трансформация*. Именно концепция эволюционных циклов позволяет понять неизбежность и необходимость политических кризисов и трансформаций, осуществить основное продвижение в понимании существа и механизмов эволюционных (социально-политических, экономических, культурных и т.д.) процессов. Во многом именно с помощью эволюционных циклов исследование социально-политического развития обретает качества креативности, инновационности, способности прогнозировать перемены, непредсказуемые с привычных позиций.

Основные принципы и приемы циклически-волнового подхода к исследованию политической динамики состоят в следующем. На первом этапе исследуемый политический процесс или определенный аспект политического развития анализируется с точки зрения возможности выявить в нем на длительном промежутке времени, наряду с поступательной составляющей, также элементы повторяемости, воспроизведения на новом уровне тех или иных базовых характеристик, форм функционирования данной политической системы. Целесообразно также проверить, могут ли уже известные эволюционные циклы (например, электоральные циклы, циклы Кондратьева, циклы мирового политического лидерства и др.) использоваться при анализе исследуемого политического процесса или аспекта политического развития. При этом очень важно уже на этом первом этапе исследования отличать действительно важные, сущностные характеристики развития политической системы от второстепенных и малозначимых. В том случае если элементы повторяемости в политическом процессе присутствуют или соответствуют уже известным циклам, возникает возможность перейти ко второму, во многом ключевому этапу исследования — выделению эволюционного цикла развития исследуемой политической системы. Для того чтобы выделить эволюционный цикл, необходимо охарактеризовать его продолжительность (она может составлять 4–6 лет для электорального цикла или 45–60 лет для циклов Кондратьева), исторический период, в котором проявляется данный цикл (например, с конца XVIII в. до настоящего времени), а также выявить основные фазы эволюционного цикла (например, для электорального цикла фазу подготовки к выборам, фазу выдвижения кандидатов, фазу предвыборной кампании, день выборов и фазу изменений во власти по результатам выборов). На третьем этапе происходит оценка значения выделенных эволюционных циклов для анализа и прогноза развития данной политической системы, определение нового приращения знаний в результате выделения и использования данных эволюционных циклов. На четвертом этапе, если это возможно, осуществляется разработка прогноза на основе выделенных циклов и корректировка системы циклов в соответствии с реально наблюдаемыми явлениями и процессами.

При выявлении эволюционных циклов политической динамики необходимо, *во-первых*, постоянно соотносить описанные в научной литературе или

вновь обнаруженные циклы с реально наблюдавшимися в прошлом и наблюдаемыми в современную эпоху событиями, явлениями и процессами. *Во-вторых*, важно четко обозначить конкретную сферу применимости данных циклов (область политики, отдельная страна или международная система) и по возможности привести точную датировку их фаз. *В-третьих*, если используемые эволюционные циклы действуют в настоящем и могут действовать в будущем, целесообразно дать прогноз политического развития, вытекающий из этих циклов. В данном случае работает общий принцип: политическая практика есть критерий истинности или ложности политической теории. В случае эволюционных циклов критерием их ценности как исследовательского инструмента выступает прошлая, настоящая или будущая политическая практика, сделанные на ее основе прогнозы.

Основные теоретики циклической парадигмы в исследовании политики, научные открытия и достижения, ограничения и критика

Циклическая парадигма в исследовании внутренней и мировой политики стала особенно интенсивно формироваться после Первой мировой войны и связанных с ней социально-политических трансформаций. Американский эксперт и политический историк А. М. Шлезингер-старший на основании выявленных им циклов американской внутренней политики в 1924 г. на своей лекции сделал верный прогноз о том, что консервативный курс просуществует в США примерно до 1932 г., а затем сменится глубокими социально-либеральными реформами в интересах большинства. По существу, Шлезингер не только предсказал время реформ Ф. Д. Рузвельта (Новый курс), но и в самых общих чертах определил их характер. При этом Шлезингер опирался на циклы американской внутренней политики, каждый из которых состоял из фазы либерально-реформистского курса и фазы консервативной реакции на реформы. Его сын, видный историк и политический деятель А. М. Шлезингер-младший развил и популяризировал эту концепцию циклов американской политической истории⁹.

В 1925 г. российский экономист и социолог Н. Д. Кондратьев опубликовал статью под названием «Большие циклы конъюнктуры»¹⁰. В этой работе он выделил длительные циклы экономического и социально-политического развития протяженностью 45–60 лет (позднее эти циклы получили название циклы Кондратьева, длинные волны Кондратьева), которые оказывают существенное влияние на динамику всей мировой рыночно-капиталистической системы. Циклы Кондратьева занимают особое место среди других известных ци-

клов и ритмов общественного развития, так как описывают экономическую, политическую и социальную динамику не одной страны, а международного сообщества в целом. Это важное обстоятельство дает возможность анализировать и предсказывать не только развитие отдельных обществ, но и развитие более сложных политических образований, например интегрального сообщества взаимодействующих друг с другом государств.

Каждый цикл Кондратьева состоит из двух фаз — повышательной волны, длительность которой составляет около 25 лет, и понижательной волны (20–30 лет). Повышательная волна — это период длительного преобладания высокой конъюнктуры в мировой экономике, период быстрого экономического роста наиболее развитых стран и глубоких политических изменений, революций, реформ. Понижательная волна — это период длительного преобладания низкой хозяйственной конъюнктуры, когда, несмотря на временные подъемы, мировая экономика пребывает в депрессии, а ее неустойчивое развитие порождает социальные, политические и военные кризисы и конфликты. В этот период мировое рыночное хозяйство и мировая политическая система, проходя через глубокие кризисы и конфликты, освобождаются от ставших неэффективными технологий, производств, форм управления, политических институтов и накапливают ресурсы для нового рывка, нового цикла эволюции. Поскольку длительность понижательной волны зависит от скорости внедрения новых технологий, институтов и форм управления, ее продолжительность при переходе от одного цикла Кондратьева к другому имеет тенденцию к сокращению.

Циклы Кондратьева стали основой для продвижения циклической парадигмы в мировой социальной и политической науке, дали решающий импульс теоретическому продвижению по этому направлению. Так, циклы Кондратьева стали значимой составляющей мир-системного подхода, основоположники которого французский экономист и историк Ф. Бродель и американский социолог, экономист и историк И. Валлерстайн. Эти ученые рассматривали кондратьевские циклы как важный механизм эволюционного усложнения и дифференциации мировой системы, основу сформировавшейся в Новое время единой ритмики современной Мир-системы¹¹.

Американский политолог Дж. Модельски в ряде работ связал изменения в мировом политическом лидерстве с технологическими и экономическими сдвигами, которые происходят в соответствии с циклами Кондратьева и в итоге изменяют соотношение сил между крупными государствами¹². Модельски также выделил длинные циклы эволюции глобальной политики и описал основные фазы этих циклов. Согласно Модельски, длинные циклы эволюции глобальной политики характеризуют подъем и упадок державы, которая в данный период становится мировым лидером и оказывает решающее воздействие на эволюцию мировой политической системы. К числу последовательно сменявшихся с XV в. друг друга мировых лидеров Модельски относил Португалию, Нидерланды, Англию, Великобританию (Британскую империю), Со-

единенные Штаты. При этом Модельски выделял следующие четыре фазы формирования мирового лидера: 1) «определение повестки дня» (глобальные проблемы); 2) «построение коалиций»; 3) «макрорешение» (глобальная война) и 4) «исполнение».

Специалист в области международных отношений Дж. С. Голдстейн также на основе циклов Кондратьева выдвинул и обосновал концепцию длинных военных циклов, согласно которым всплески масштабных международных политических и военных конфликтов наблюдаются с периодичностью примерно 40–60 лет¹³. Основными причинами длинных военных циклов, согласно Голдстейну, являются технологические сдвиги, демографические факторы (прежде всего смена поколений) и борьба за мировое лидерство.

В то же время ряд исследователей¹⁴ обратили внимание, что циклы Кондратьева (К-циклы) при всем своем сходстве подразделяются на два типа. К первому типу относятся первый, третий и пятый К-циклы (их называют «циклами рубежа веков», так как они охватывают конец одного века и первые десятилетия следующего века). Ко второму типу относятся второй и четвертый, а также шестой К-циклы (их можно назвать «циклами середины века») (табл. 1). Датировка первый трех К-циклов дана самим Н. Д. Кондратьевым¹⁵, датировка четвертого К-цикла является наиболее распространенной, принятой большинством исследователей. По датировке пятого и шестого циклов идет дискуссия, затрагивающая принципиальные вопросы анализа глобальной динамики¹⁶. Приводимая в табл. 1 датировка пятого и шестого К-циклов основана на концепции эволюционных циклов мировой системы, учитывающей ступенчатое сокращение понижательных волн¹⁷.

Таблица 1

Датировка повышательных и понижательных волн циклов Кондратьева
(с учетом сокращения понижательных волн)

Цикл	Повышательная волна	Понижательная волна
I	С конца 1780-х годов до 1810–1817 гг.	С 1810–1817 гг. до конца 1840-х годов
II	С конца 1840-х годов до начала 1870-х годов	С начала 1870-х до середины 1890-х годов
III	С середины 1890-х годов до 1914–1921 гг.	С 1914–1921 до 1944–1948 гг.
IV	С 1944–1948 гг. до конца 1960-х годов	С конца 1960-х до начала 1980-х годов
V	С начала 1980-х до начала 2000-х годов	С начала 2000-х годов до 2017–2020 гг.
VI	С 2017–2020 гг. до начала 2040-х годов	С начала 2040-х годов

Для циклов первого типа (нечетные К-циклы) наиболее характерны радикальные технологические, социальные и политические сдвиги; отнюдь не случайно именно на циклы этого типа пришлись две великие революции — Великая французская (конец XVIII в., первый К-цикл) и Великая русская революция (1917 г., третий К-цикл), а также «бархатные» революции в Восточной Европе и распад СССР (1989–1991 гг., пятый К-цикл). Для циклов второго типа (четные К-циклы) наиболее характерны глобальные геополитические и геоэкономические сдвиги, которые изменяют политическую и экономическую карту мира (объединение Германии и Италии, Гражданская война и «реконструкция» в США во втором К-цикле, разгром Третьего рейха и Японской империи во Второй мировой войне, крушение колониальных систем европейских государств, независимость Индии, объединение Китая, образование биполярной системы в четвертом К-цикле). Анализ этих различий подводит к гипотезе о том, что каждый цикл Кондратьева представляет собой лишь половину полного цикла эволюции мировой системы, а сам полный эволюционный цикл состоит из двух следующих друг за другом циклов Кондратьева — цикла рубежа веков и цикла середины века. Это дало возможность выделить *три полных цикла эволюции мировой политической и экономической системы*, каждый из которых включает четыре фазы: 1) фазу технологического переворота (повышательная волна первого, третьего и пятого К-циклов); 2) фазу великих потрясений в политике и экономике (понижательная волна первого, третьего и пятого К-циклов); 3) фазу революции мирового рынка (повышательная волна второго, четвертого и будущего шестого К-циклов) и 4) фазу структурного кризиса (понижательные волны второго, четвертого и будущего шестого К-циклов)¹⁸. Названия фаз полного цикла эволюции мировой системы (технологический переворот, великие потрясения в политике и экономике и др.) указывают на наиболее важные особенности каждой из этих фаз, которые необходимо учитывать в политической теории и практике.

На протяжении каждого из трех полных циклов эволюции мировой системы происходит полное развитие и исчерпание определенной модели политического, социального и экономического развития, причем переход от одной фазы эволюционного цикла к другой из-за резкого изменения условий и баланса сил всегда сопровождается крупными сдвигами, кризисами, внутривнутриполитическими и международными конфликтами. Так, в ходе первого эволюционного цикла (включающего первый и второй циклы Кондратьева — с конца XVIII до конца XIX в.) доминировала колониально-имперская модель в мировой политике и модель парламентской («вестминстерской») политической системы, сочетающейся с сословной конституционной монархией. Во втором эволюционном цикле (третий и четвертый циклы Кондратьева — с конца XIX в. до 1980-х годов) после ликвидации сословных монархий и колониальных систем в международных отношениях утвердилась биполярная система, а во внутренней политике западных стран получили развитие и распростра-

нение институты либеральной демократии. Наконец, в третьем, еще не завершившемся эволюционном цикле (после 1980-х годов) в результате процессов глобализации и регионализации, а также постепенного перемещения центра тяжести мирового развития с Запада на Восток формируется полицентричная модель мироустройства (США, ЕС, ЕАЭС, БРИКС, ШОС, G20 и др.), институты либеральной демократии во многих странах сочетаются с институтами «управляемой» демократии, элементами олигархии и авторитаризма. Вместе с тем формирование новой политической модели мироустройства еще далеко не завершено, так как третий эволюционный цикл мировой системы продлится по крайней мере до середины XXI в.

Кроме того, в ходе каждого из трех рассматриваемых полных эволюционных циклов утверждается и доминирует определенная система международных отношений. В ходе первого эволюционного цикла происходило утверждение и доминирование Венской системы, просуществовавшей в измененном виде до конца XIX в. В ходе второго эволюционного цикла Венская система уступила свое место сначала Версальско-Вашингтонской, а затем биполярной Ялтинской системе. Наконец, в ходе третьего, еще не завершившегося эволюционного цикла постепенно осуществляется переход к новой полицентричной системе международных отношений, в ходе которого претензии глобального лидера на исключительность и униполярное доминирование наталкиваются на стремление иных крупных глобальных игроков к выстраиванию сложного и более равноправного взаимодействия посредством региональных международных экономических и политических союзов и организаций.

Основные открытия и достижения в рамках циклической парадигмы связаны с выявлением внутренних механизмов нелинейного политического развития, определением точек перелома в этом развитии и прогнозированием сдвигов во внутренней и мировой политике. Одним из важных механизмов нелинейного политического развития с точки зрения циклически-волнового подхода является периодическое накопление и исчерпание ресурсов политической системы. В самом общем виде возникновение циклов и волн в динамике эволюционирующих социально-политических систем определяется колебаниями в количестве и качестве доступных для данной системы жизненно важных ресурсов (природных, финансово-экономических, политических, культурных, информационных). Ресурсная модель возникновения циклов и волн исходит из того, что любая сложная система (например, живой организм, человек или общество) периодически расходует доступные ей ресурсы и вынуждена их снова восполнять. Динамика политической системы предполагает целеполагание в соответствии с накопленными ресурсами и последующее целедостижение, в ходе которого происходит расходование, а подчас и исчерпание доступных для системы ресурсов. Таким образом, целеполагание и целедостижение в политике предполагает периодические колебания ресурсной базы, которые формируют эволюционные циклы. Примеры наиболее значимых и хорошо изученных политических циклов, связанных с колебательными изменениями

ресурсной базы (циклы Кондратьева, циклы внутренней политики США Шлезингера, циклы внешней политики США Клинберга, военные циклы Голдстайна и др.), а также их основные причины и факторы приведены в табл. 2.

Таблица 2

Политические циклы, их причины и факторы, влияющие на их прохождение

Название цикла	Длительность цикла, лет	Причины и факторы
Электоральные циклы (циклы парламентских и президентских выборов)	4–6	Конкуренция политических партий, групп интересов и изменения в правящей элите
Циклы внутренней политики США (циклы Шлезингера)	30–40	Реформы в США и консервативная реакция на них
Циклы внешней политики США (циклы Клинберга)	40–50	Изменения мировой конъюнктуры и ресурсной базы для внешней экспансии США
Циклы реформ-контрреформ в России	40–50	Военно-политическое давление на Россию стран Запада в связи с изменением мировой конъюнктуры
Циклы демократизации — отката демократии (волны демократизации Хантингтона)	40–70	Социальные и политические сдвиги, возникновение новых институтов и практик
Военные циклы (циклы Голдстайна)	40–60	Технологические сдвиги и смена поколений
Циклы Кондратьева	45–60	Крупные технологические и институциональные сдвиги
Длинные циклы эволюции глобальной политики Модельски	130–150	Смена ведущих секторов глобальной экономики, смена мирового политического лидера
Полные циклы эволюции мировой политической системы	80–120	Технологические, социальные и политические сдвиги, возникновение новых форм управления

Циклическая парадигма выявляет и подчеркивает важную роль еще одного механизма эволюции политических систем — а именно роль внутренней и международной конфликтности и нестабильности. Социально-политическая конфликтность и нестабильность чаще всего рассматриваются как «нежелательные», негативные факторы, которые подлежат устранению во имя устойчивости глобального миропорядка. В то же время история политики постоянно указывает на конфликт, кризис и дестабилизацию как на основные факторы социально-политического развития и обновления. Введенное австрийским социологом и экономистом Й. Шумпетером понятие «созидательное разруше-

ние» довольно точно описывает механизм социально-политической эволюции: для того чтобы возникли и утвердились новые политические институты и практики, старые, доминировавшие прежде институты и практики должны уступить свое место и/или быть преобразованы. В случае, если устаревшие политические институты и практики не преобразуются эволюционным путем в результате реформ, они разрушаются и уступают место новым формам политической организации в ходе острых конфликтов, революций, переворотов. Вопреки усилиям любых глобальных акторов, мировая политика изменчива и подвижна, причем количественные и качественные изменения происходят регулярно, периодически приводя к масштабным и глубоким сдвигам.

В отличие от многих других подходов к исследованию политики циклическая парадигма позволяет при правильной датировке границ циклов и фаз внутри них с высокой вероятностью прогнозировать точки (периоды) перелома в политической динамике и изменения доминирующего вектора политического развития. Так, А. М. Шлезингер-старший на основе выделенных им циклов американской внутренней политики в 1924 г. предсказал наступление эры социально-либеральных реформ в США после 1932 г.¹⁹ Ф. Клинберг на основе циклов внешней политики США в 1952 г. спрогнозировал будущий временный отход от бурной внешнеполитической и военной экспансии после 1960-х годов, а в 1978 г. предсказал²⁰, что признаки нового усиления американской внешнеполитической экспансии станут явными примерно к 1983 г. В 2006 г. на основе анализа циклов эволюции мировой политической и экономической системы были спрогнозированы экономический кризис 2008–2009 гг., ввергнувший мир в длительную «великую рецессию», кризисные явления внутри Европейского союза в первой четверти XXI в., существенное обострение глобального конфликта между странами Запада и исламским миром в период 2009–2013 гг., переломные политические события около 2011 г. (вспомним начало «Арабской весны»), резкий рост политической конфликтности в мире в период 2013–2017 гг., в том числе на постсоветском пространстве²¹.

Наряду с сильными сторонами и достижениями в рамках циклической парадигмы исследования политики существует ряд ограничений и нерешенных проблем. Одним из важных ограничений является необходимость обоснованного выделения циклов и волн, играющих значимую роль в международной и внутренней политике. Далекое не все колебания и элементы повторяемости в политическом развитии формируют циклы и волны, которые можно плодотворно использовать в политическом анализе и прогнозе. Другим важным ограничением является проблема использования верной датировки выделенных циклов и волн политической динамики, для чего необходимо тщательное исследование множества политических событий, явлений и процессов на длительных промежутках времени. Такое исследование требует большого труда и в ряде случаев представляет серьезную проблему. Еще одно ограничение связано со сложностью определения исторических периодов, на протяжении ко-

торых наблюдаются те или иные циклы политической динамики. В частности, не всегда возможно обосновать наличие эволюционных циклов (например, циклов внутренней политики США, циклов реформ-контрреформ в России, длинных циклов эволюции глобальной политики) не только в прошлом и настоящем, но и в будущем.

Основная критика циклической парадигмы в исследовании политического развития состоит в том, что существование циклов и волн в политике не является строго доказанным. При этом критики циклической парадигмы нередко требуют строгого математического доказательства наличия тех или иных циклов. В то же время в таких сложных, динамично развивающихся системах, как общество и его политическая система, большинство циклов являются *эволюционными*, т.е. приводят политическую систему не в строго исходное, а в подобное исходному состояние, но на другом уровне и при других условиях. Поэтому строгое математическое доказательство полностью повторяющихся циклов мировой и внутренней политики в принципе невозможно из-за постоянных эволюционных «подвижек» и изменений в развивающейся политической системе. Кстати говоря, примерно такая же ситуация наблюдается и в области экономических циклов, которые тем не менее успешно используются экономической наукой с середины XIX в.

Возможности и специфика применения циклической парадигмы в политической теории и практике

К числу циклов политической динамики, которые применяются при исследовании *внутренней политики*, относятся электоральные циклы, циклы смены политических элит, циклы внутренней политики США Шлезингера, циклы реформ-контрреформ в России, циклы политического развития Китая и некоторые другие эволюционные циклы. Что касается *мировой политики*, тенденций международного и глобального развития, то наиболее эффективными при их объяснении и прогнозировании являются циклы Кондратьева, волны демократизации Хантингтона, длинные циклы эволюции глобальной политики Модельски, циклы эволюции мировой политической и экономической системы. При этом разные эволюционные циклы описывают разные стороны мировой политической динамики, разные тенденции и аспекты международного и глобального развития. Так, волны демократизации Хантингтона описывают развитие демократии, усложнение демократических политических институтов. Циклы Кондратьева описывают прежде всего социально-политические и технологические сдвиги, смену технологических укладов, социальных и политических институтов. Длинные циклы эволюции глобальной политики Модельски относятся к динамике мирового лидерства, к смене лидера в меж-

дународной политической системе. Циклы эволюции мировой политической и экономической системы объясняют взаимосвязь между технологическими, экономическими, социальными и политическими сдвигами, выявляют переломные точки кризисов и конфликтов, через которые происходит переход от одной модели политического развития к другой, усложнение системы международных отношений.

Возможности и перспективы применения циклически-волнового подхода в *политической практике* связаны с выявлением нелинейных трендов и закономерных переломов политического развития, а также со среднесрочным и долгосрочным прогнозированием политической динамики. Особенно важным для политического управления является выявление будущих точек (периодов) перелома во внутренней и международной политике, в которых меняется само направление доминирующих политических процессов. Если заранее не учитывать будущие периоды переломов в трендах внутренней и мировой политики и не предвидеть смену фаз циклов, существует большая опасность, что проводимая «по инерции» внутренняя и внешняя политика в эти периоды станет неэффективной и приведет к серьезным провалам.

Определить периоды переломов политического развития можно с помощью циклически-волнового подхода, который в данном случае является наиболее эффективным. Как уже отмечалось выше, с помощью циклов внутренней и внешней политики США были определены и заранее спрогнозированы важные точки перелома, что было учтено и использовано в американской политической практике. Позднее на основе циклов Кондратьева и циклов внешней политики США были сделаны оправдавшиеся прогнозы о победе на президентских выборах в США в 2008 и 2012 гг. кандидата от Демократической партии Б. Обамы²² и о победе на выборах 2016 г. кандидата от Республиканской партии²³, что указывает на реальную возможность использования циклической парадигмы в электоральных процессах и при проведении внешней политики. Кроме того, циклическая парадигма может быть использована при прогнозировании наиболее острых внутривнутриполитических и международных конфликтов, давая возможность заранее определить место и примерное время их обострения²⁴. Подобная возможность имеет важное значение при практическом осуществлении внутренней и внешней политики.

Таким образом, историческое место циклически-волнового подхода к анализу и прогнозированию политики состоит в том, что он позволил в целом ряде случаев понять, объяснить и спрогнозировать резкие изменения и переломные точки во внутривнутриполитическом и международном развитии. Нелинейность политического развития, наличие в нем повторяющихся колебаний, циклов и волн является с точки зрения циклической парадигмы не случайностью, а скорее закономерностью, внутренним механизмом эволюционного усложнения мировой политической системы. Несмотря на необходимость более фундаментального обоснования и дальнейшего развития циклически-волно-

вого подхода к исследованию политики, этот подход представляется достаточно перспективным, а в некоторых случаях наиболее эффективным (например, при прогнозировании переходов от одной фазы политического развития к другой, периодов нестабильности в динамике политических систем). Перспективы развития циклической парадигмы связаны прежде всего с исследованием взаимодействия и «наложения» различных циклов и ритмов политической динамики, а также с анализом их взаимодействия с поступательной составляющей эволюции политических систем.

Примечания

¹ См., например, некоторые из исследований в этих направлениях: *Pye L. W.* Aspects of Political Development. Boston: Little, Brown and Co., 1966; *Modelski G.* Long Cycles in World Politics. L.: Macmillan, 1987; *Goldstein J.* Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. New Haven; L.: Yale University Press, 1988; *Modelski G., Thompson W. R.* Leading Sectors and World Politics: The Coevolution of Global Politics and Economics. Columbia, SC., 1996; *Turchin P.* Historical Dynamics: Why States Rise and Fall. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003; *Turchin P., Nefedov S.* Secular Cycles. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009; Война и геополитика // Время мира: Альманах. Вып. 3. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003; *Валлерстайн И.* Динамика глобального кризиса. Тридцать лет спустя // Эксперт. 2009. № 35 (672); *Гельман В. Я., Голосов Г. В., Мелешкина Е. Ю.* Первый электоральный цикл в России, 1993–1996. М.: Весь Мир, 2000; *Гринин Л. Е., Коротав А. В.* Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: ЛИБРОКОМ, 2009; *Ильин М. В.* Очерки хронополитической типологии: Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем: В 3 ч. М.: МГИМО, 1995; *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989; *Цымбурский В. Л.* Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Полис. Политические исследования. 1996. № 3; *Шлезингер А. М.* Циклы американской истории. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992.

² *Малинецкий Г. Г., Потапов А. Б.* Современные проблемы нелинейной динамики. М.: Эдиториал УРСС, 2000; *Малков С. Ю.* Социальная самоорганизация и исторический процесс. Возможности математического моделирования. М.: ЛИБРОКОМ, 2009; Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики / Под ред. Ф. Г. Войтоловского, А. В. Кузнецова. М.: Крафт+, 2012.

³ *Валлерстайн И.* Изобретение реальностей времени и пространства: к пониманию наших исторических систем // Структуры истории. Время мира: Альманах. Вып. 2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 102.

⁴ *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002.

⁵ *Шлезингер А. М.* Циклы американской истории. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. С. 41–77.

⁶ *Klingberg F. L.* Cyclical Trends in American Foreign Policy Moods: The Unfolding of America's World Role. N.Y.: University Press of America, 1983.

⁷ *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2014. С. 248–272.

⁸ *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.

⁹ Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. С. 42–43.

¹⁰ Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1925. Т. 1. № 1. С. 28–79.

¹¹ Wallerstein I. Economic Cycles and Socialist Policies // Futures. 1984. Vol. 16. No 6. P. 579–585.

¹² Modelski G. Long Cycles in World Politics. Seattle: University of Washington Press, 1987; Modelski G., Thompson W. R. Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics. Columbia, Sc.: Columbia University Press, 1996; Модельски Дж. Эволюция глобальной политики // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 62–82; № 4. С. 124–142.

¹³ Goldstein J. Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. New Haven; L.: Yale University Press, 1988.

¹⁴ Глазьев С. Ю., Микерин Г. И. Длинные волны НТП и социально-экономическое развитие. М.: Наука, 1989; Корольков М. Дело Кондратьева // Знание — сила. 1991. № 3. С. 33–41; Маевский В. И. Кондратьевские циклы, экономическая эволюция и экономическая генетика. М., 1994.

¹⁵ Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1925. Т. 1. № 1. С. 28–79; Он же. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002.

¹⁶ Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 33, 65–67, 193; Модельски Дж. Эволюция глобальной политики // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 63–64.

¹⁷ Пантин В. И., Лапкин В. В. Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2014. С. 248–265.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. С. 42–43.

²⁰ Klingberg F. L. The Historical Alteration of Moods in American Foreign Policy // World Politics. 1952. January; Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. С. 71–72.

²¹ Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс+, 2014. С. 69–71, 315, 318, 319–321, 324, 417–419, 435.

²² Акаев А. Геополитика и экономические циклы // Политический класс. 2008. № 46. С. 97–110; Акаев А. А., Пантин В. И. Прогноз геополитических сдвигов и основных угроз стабильности в мире // Геополитика и безопасность. 2012. № 2. С. 35.

²³ Пантин В. И., Лапкин В. В. Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2014. С. 393.

²⁴ Циклы политического развития: прогностический потенциал / Отв. ред. В. И. Пантин, В. В. Лапкин. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

Литература

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. СПб.: Университетская книга, 2001.

24. Парадигма цикличности мировой политики

Валлерстайн И. Глобализация или переходный период? // Экономические стратегии. 2000. № 2. С. 14–26.

Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002.

Модельски Дж. Эволюция глобальной политики // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 62–82; № 4. С. 124–142.

Пантин В. И., Лапкин В. В. Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2014.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2003.

Циклы политического развития: прогностический потенциал / Отв. ред. В. И. Пантин, В. В. Лапкин. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

Шлезингер А. М. Циклы американской истории / Пер. с англ. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. С. 41–77.

Akaev A., Pantin V. Technological Innovations and Future Shifts in International Politics // International Studies Quarterly. 2014. Vol. 58. No 4. P. 867–872.

Goldstein J. Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. New Haven; L.: Yale University Press, 1988.

Klingberg F. L. Cyclical Trends in American Foreign Policy Moods: The Unfolding of America's World Role. N.Y.: University Press of America, 1983.

Modelski G. Long Cycles in World Politics. Seattle: University of Washington Press, 1987.

Modelski G., Thompson W. R. Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics. Columbia, Sc.: Columbia University Press, 1996.

Turchin P., Nefedov S. Secular cycles. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009.

25. СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРОПОРЯДКА

Ключевые слова

Глобальный миропорядок, трансформация, безопасность, мировая политика, мировая система, однополярность, биполярность, многополярность, сверхдержавы, глобализация

В научных исследованиях и публицистике, сфокусированных на анализе глобальных изменений, сегодня доминируют представления о разрушении прежнего миропорядка и вступлении в эру всеобщего отказа от игры по правилам. Картину рисуют зачастую поистине апокалиптическую: на наших глазах распадается способ организации международной жизни, который создавался после окончания холодной войны и в то же время сохранял некоторые элементы ялтинско-потсдамской системы¹. Начинается новая эпоха — наступательного национализма, отказа от формальных и неформальных императивов поведения на международной арене, эрозии сдерживающих факторов, повышенных рисков и непредсказуемости, опасного балансирования, усиливающейся неопределенности и прочих неприятностей.

Однако образ лавинообразного «разрыва непрерывности» не обязательно принимать как нечто абсолютное. Можно в качестве исходной точки рассуждений отталкиваться и от иного тезиса. Рассматривать изменения как продолжающееся формирование новой международно-политической системы, которая замещает классическую биполярность. Видеть в этом органичное продолжение процесса, который начался на рубеже 1980–1990-х годов и не завершен до сих пор. Процесса, развивающегося по своей внутренней динамике — которая хотя и приобретает порой драматический характер, но не сводится к полному обрушению того, что было, и его тотальному замещению чем-то не существовавшим ранее. Новое вырастает из старого — в настоящей главе представлена именно эта аналитическая логика.

¹ Литература по этой теме необозрима, поэтому ограничимся лишь некоторым кратким и заведомо неполным перечнем научных источников [Arrighi 1994; Bull 1977; Haass 2008; Kissinger 1994; Mandelbaum 2006; Nye, Joseph 2015; 2017; Power, Order, and Change... 2014; Slaughter 1997; Spruyt 2000; The world after crisis... 2008; Zakaria 2008].

Конфигурация международной системы

Формирование новой международной системы на месте старой не носит однолинейного характера. Оно идет по разным траекториям (иногда параллельным, иногда взаимоисключающим), наиболее значимые из которых могут быть обозначены в форматах следующих сценариев.

Однополярный мир. Моноцентричная система под управлением одной державы (США), действующей на началах безусловной гегемонии и ничем не ограниченного унилатерализма (под которым понимается возможность не принимать во внимание интересы других участников международной жизни). В представлениях части западных (прежде всего — американских), но также и отечественных элит этим концептом описывается ориентир международно-политического развития, провозглашаемый открыто либо (чаще) подразумеваемый в качестве очевидной и даже не особо маскируемой цели. Понятно, что для одних — это ориентир желательный, у других вызывает неприятие и отторжение. После окончания холодной войны в течение некоторого времени это была отнюдь не только концептуальная схема: первая администрация президента Дж. Буша-младшего дала много оснований полагать, что взаимоотношения США с внешним миром выстраивались тогда именно по такому императиву.

Нет нужды говорить о том, что для России реализация данной модели совершенно неприемлема. Но нет оснований и фокусировать на ней повышенное внимание. Ее несостоятельность с очевидной наглядностью была выявлена в 1990-е годы, и сегодня она носит маргинальный характер в политико-аналитическом дискурсе. Однако она циркулирует в редущих рядах экстремистски настроенных сторонников установления американской гегемонии. А с другой стороны, эта формула (в своем разоблачительном варианте) остается популярной в пропаганде, ориентированной против США. Для России было бы контрпродуктивным форсировать пафос «противодействия однополярному миру» — таковое может оказаться предметом неоправданно высокого внимания, одновременно нагнетая завышенные опасения и подпитывая конфронтационную ментальность.

Новая bipolarность. Разделение мира на два лагеря и их противоборство. Предполагается несколько вариантов:

- США *versus* Китай (чаще всего встречающаяся дихотомия);
- «страны золотого миллиарда» *versus* обездоленная часть человечества;
- «страны статус кво» *versus* заинтересованные в изменении международного порядка;
- страны «либерального капитализма» *versus* страны «государственно-монополистического (авторитарного) капитализма»;
- Россия + Китай + антизападные режимы *versus* Запад во главе с США.

С точки зрения интересов России в отдельных ситуациях и на краткосрочную перспективу некоторые проявления «новой биполярности» могут, на первый взгляд, показаться привлекательными. Но по большому счету такая модель имела бы для нее такие же социально-экономические и иные издержки, как и холодная война для Советского Союза (что стало одним из источников его недееспособности). Возможные выигрыши для России далеко не очевидны; неясно, смогут ли они компенсировать указанные издержки. Чтобы выступать в качестве лидера в случае вовлечения в «новую биполярность», России пришлось бы мобилизовать значительные материальные и политические ресурсы в ущерб решению других актуальных для страны задач. Она, конечно, могла бы оставаться на вторых ролях в рамках такой модели — но вряд ли сочла бы это удовлетворительным для себя вариантом.

Обратим внимание на один из упомянутых выше вариантов биполярности — «США *versus* Китай». Для России эта модель столь же непривлекательна, как и «однополярный мир». Мы вряд ли были бы готовы и сумели бы лавировать между двумя полюсами. Сомнительны и резоны для поддержки одного из них против другого.

Гипотетической антитезой американско-китайской биполярности можно считать международный «дуумвират» в составе этих двух стран (*G2*) — формулу, которая появилась как порождение пытливой и затейливой мысли некоторых политических аналитиков. В реальности экономическая взаимозависимость КНР и США и их сотрудничество действительно становятся все более масштабным феноменом и, несомненно, будут удерживать стороны от сползания в активную взаимную конфронтацию. Но все же элементы соперничества, как представляется, явно перевешивают даже сегодня и имеют шансы возрасти (причем существенно) в будущем. А модель американско-китайского «сердечного согласия» представляет собой в основном некую умозрительную схему, малозаметную в политико-аналитическом дискурсе. И серьезных причин настраиваться на резкое и энергичное неприятие такого развития не просматривается. Но России, конечно же, в любом случае надо будет тщательно отслеживать этот тренд — анализировать, каковы его масштабы и динамика, насколько он затрагивает ее интересы и требуется ли ему противостоять.

Сползание в хаос. Дезорганизация международных отношений до степени воцарения полного хаоса, возникновение неупорядоченного и неструктурированного «нового международного беспорядка». Модель «игры без правил»; в своем крайнем выражении — с широкими возможностями произвольного использования силовых военных и невоенных средств.

Значительная часть распространенных сегодня алармистских представлений о современной международно-политической обстановке и перспективах ее развития отталкивается именно от такого видения. Рассуждения о снижающейся управляемости международными отношениями стали уже общим местом и зачастую воспринимаются как нечто тривиальное и самоочевидное.

Такие представления, конечно, возникают не на пустом месте. Однако здесь, как представляется, важна сбалансированность и взвешенность оценок.

В ходе происходящей перестройки международной системы в отдельных ее сегментах действительно возникают элементы неупорядоченности, в том числе и сопряженные с опасными для России последствиями. Нарастает конфликтность в отдельных регионах. То, что еще недавно воспринималось в качестве общепризнанных или молчаливо соблюдаемых «правил игры», подвергается сомнению.

Но есть ли основания драматизировать масштабы этого феномена? Он отнюдь не привел к признанию «войны всех против всех» как реальности или неизбежности. Существующие механизмы взаимодействия государств на международной арене работают плохо, но их тотального обрушения не произошло. Да и на перспективу подавляющее большинство участников международной жизни в этом не заинтересованы. Непредсказуемости развития по данному сценарию перевешивают любые возможные выигрыши. Так что вероятность его практической полномасштабной реализации невелика (если только не выводить все прогнозы из тезиса о неизбежном увеличении энтропии вселенной...).

Это отнюдь не снимает объективной потребности в придании международной системе более устойчивого характера, стабилизации при замене тех ее элементов, которые не выдержали испытания временем и оказались неадекватными новым вызовам. Стоит особо подчеркнуть, что Россия объективно заинтересована в этом не меньше других. Считать, что коль скоро существующий миропорядок организован не совсем согласно нашим принципам, интересам и устремлениям, то мы выиграем, ликвидировав его «до основания» — самонадеянно и безответственно.

Концерт наций. Он возникает на основе договоренностей в рамках узкого круга крупнейших держав, что, как предполагается, будет иметь ключевое значение для поддержания миропорядка — как в различных региональных контекстах, так и на глобальном уровне. В качестве прообраза данной модели почти всегда называется система, созданная Венским конгрессом 1814–1815 гг. Согласно распространенному — но не бесспорному — мнению, она предопределила международный порядок в Европе как минимум до Крымской войны, а может быть, и на протяжении всего «долгого XIX века», вплоть до Первой мировой войны. Так почему бы не возродить этот подход сегодня?

Понятно, что он отражает совершенно очевидные международные реалии — весомую роль прежде всего крупных, влиятельных, авторитетных стран. Для России такая модель с высокой вероятностью гарантировала бы место в круге «избранных». Однако есть серьезные сомнения насчет возможности ее формальной реализации — из-за проблем касательно состава «концерта наций» и его полномочий (как и кем будет определяться то и другое?). Далеко не очевидна и готовность принятия ее «рядовыми» государствами, поскольку отнюдь не все будут испытывать энтузиазм в связи с фактическим делегиро-

ванием «грандам» полномочий по управлению международной системой или отдельными ее фрагментами.

Дело осложняется еще и тем, что в идею «концерта наций» часто имплантируют принцип легитимности. Здесь опять возникают реминисценции касательно Венской системы — когда фактически постулируется необходимость и правомерность поддержания только законных режимов, что и должно быть основой совместного курса крупных держав. Между тем универсального понимания касательно критериев «законности» или «незаконности» установившегося в тех или иных странах порядка нет. Да и согласие крупных государств отнюдь не гарантируется ориентацией на поддержку легитимных режимов; эта линия может разделяться многими участниками международной жизни по факту, но не в качестве провозглашенного и тем более безусловного принципа. Многие, вероятно, были бы готовы к молчаливому принятию этой формулы *ad hoc*; но настаивать на том, чтобы ведущие международные игроки договаривались между собой о взаимодействии лишь с законными властями в конфликтных ситуациях, — бесперспективно.

Многополярность. Наиболее значимая и широко принимаемая антитеза биполярности. Отметим, что термины многополярность, многополюсность и полицентричность — в контексте рассматриваемых здесь проблем — вполне правомерно использовать как синонимы. Различия между ними касаются только конвенциональной практики словоупотребления. То же самое относится к понятиям центр силы, полюс влияния и т.п.

Речь идет о тенденции стратегического порядка, которая постепенно и все более заметным образом проникает в реальность, складывающиеся на мировой арене. Строго говоря, эта модель начинает формироваться еще в недрах «старого» биполярного миропорядка, по мере размывания сплоченности каждого из противостоявших друг другу глобальных блоков («Восток» и «Запад»), а также выпадения из их бинарной конфронтации значительной группы государств (например, бывшей Югославии и КНР). Синдром «победы в холодной войне» и особенно распад Советского Союза вызвали к жизни представления о возникшем (или возникающем) «однополярном мире», равно как и соответствующим образом ориентированную политику США и их союзников. Но это оказалось лишь временной и малосостоятельной антитезой более фундаментальной и долговременной тенденции полицентризма в международном развитии.

Привлекательность этой модели для России обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, объективным характером указанного тренда: перед нами стоит задача не инициировать его некими невероятными сверхусилиями, а лишь реалистически вписаться в происходящие процессы с учетом своих возможностей и целей. А во-вторых, именно с такой системой наиболее органичным образом соотносятся ресурсный потенциал страны, с одной стороны, и ее интересы в плане взаимоотношений с внешним миром — с другой. При любой другой организации миропорядка реализация даже умеренных внешнеполи-

тических амбиций России была бы для нее весьма затратной, тогда как в полицентричном мироустройстве она как держава, обладающая значительными возможностями по многим объективным параметрам (территория, полезные ископаемые, научно-технический потенциал), смогла бы обрести более чем достойное место. Не говоря уж о том, что иные схемы были бы чреваты для России более серьезными потенциальными рисками и непредсказуемостями.

Главная проблема полицентричного мироустройства — как организовать его функционирование, обеспечить эффективность в плане международного управления и институциональной структуры, минимизировать возможные издержки. Ведь полицентризм — отнюдь не синоним гармонии на мировой арене. Со временем придется во все большей мере учитывать, что полицентричная система международных отношений иерархична и борьба за место в ее иерархии будет нарастать во всех сферах — экономической, научно-технологической, культурно-идеологической, военно-политической.

Центры влияния в мировой политике

На мировой арене происходит перераспределение удельного веса между различными центрами влияния. Речь, в частности, идет об их способности оказывать воздействие на другие государства и на внешний мир в целом. Многие страны, которые в этом отношении традиционно считались обладающими весомым потенциалом, сталкиваются с немалыми проблемами в своем развитии, хотя в целом и сохраняют значительный ресурс влияния. И параллельно все более заметной становится роль ряда новых игроков из числа успешных государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Вверх по лестнице, ведущей вниз. На смену еще недавно культивируемому образу «единственной оставшейся сверхдержавы» приходит ширящееся признание постепенного относительного ослабления США. Популярная интерпретация этого феномена соотносит его с началом конца американо-центричного мира. Не входя здесь в рассмотрение вопроса о том, насколько обоснован (или не обоснован) такой взгляд и с какой временной перспективой его следует соотносить, отметим сохранение огромных возможностей американского воздействия на международную жизнь. Роль США в мировых экономике, финансах, торговле, науке, информатике уникальна и будет оставаться таковой на обозримую перспективу. По размерам и качеству своего военного потенциала США не имеют себе равных в мире (за исключением примерного паритета с российским ресурсом в области стратегических ядерных сил).

США могут быть для международной системы как источником серьезных стрессов, так и агентом кооперативного взаимодействия с другими участниками международной жизни. В этом отношении критически важный фактор — готовность и умение элит США сдерживать присущий им гегемонистский синдром, соотносить свои интересы с интересами других участников международной

жизни, формулировать амбиции на языке ответственного лидерства. Перипетии внутреннего развития США с их «выбросами» в сферу взаимоотношений с внешним миром могут оказаться серьезным источником неопределенности.

Нельзя исключать, что в США традиционная полемика между адептами изоляционизма и сторонниками активного вмешательства в международные дела будет время от времени обостряться и даже выдвигаться на первый план, хотя и с более современными акцентами и нюансами. Президентство Дональда Трампа вызвало к жизни предположения о том, что сфокусированность на внутренних проблемах может привести к сокращению внешнеполитического активизма страны. На практике такие мотивы в позиционировании США на международной арене действительно стали более заметными — но отнюдь не превалирующими.

Закат Запада? Весьма широко распространено представление об общем нисходящем тренде, характеризующем международные позиции Запада, в чем иногда видят чуть ли не самое фундаментальное изменение миропорядка за последние пять веков. Статистических подтверждений этого тезиса достаточно много. Как и адептов нового прочтения «Заката Европы» — почти через сто лет после публикации Освальдом Шпенглером этого первого манифеста евроскептицизма.

Но интерпретация данного феномена в информационном поле зачастую оказывается явно преувеличенной касательно его масштабов и возможных последствий. Плюс к этому надо иметь в виду, что одновременно на окружающий мир воздействуют исходящие от Запада самые разнообразные стандарты и алгоритмы (потребительские, культурные, ментальные, политико-организационные, социально-экономические и т.п.) — процесс противоречивый и неоднозначный, но в целом явно идущий с повышающейся динамикой. Если «постзападный мир» и формируется — то не столько отрицая, сколько абсорбируя исходящие от Запада импульсы.

Смещение на Восток. Вместе с тем «центр тяжести» международной системы все явственнее смещается в направлении Восток/Азия. Именно сюда переключается внимание глобальных экономических акторов, которых привлекают растущие рынки, впечатляющая динамика хозяйственного роста, высокая энергетика человеческого капитала. И здесь же существуют наиболее острые проблемные ситуации (очаги терроризма, этноконфессиональные конфликты, ядерное распространение, территориальные споры).

Грандиозное геополитическое пространство открывает широкие возможности для конструктивного взаимодействия, но еще больше — для соперничества. Тем более что зоны реально существующей или эвентуальной нестабильности частично перекрывают друг друга, а взаимоотношения крупнейших международных акторов содержат в себе существенный потенциал неопределенности.

Активизация исламского мира. Все более заметно присутствие на международно-политической арене исламского мира. В некоторых отношениях влияние этого фактора оказывается деструктивным. Происходящая или потенциальная дестабилизация огромного территориального ареала от Северной Африки до Центральной Азии, религиозно-этнический экстремизм, распространение терроризма, соперничество между самими мусульманскими странами и вовлеченность конкурирующих друг с другом внешних держав — все это превращает регионы распространения ислама в самую серьезную проблемную зону формирующейся международной системы.

Но пока нет оснований видеть в «подъеме ислама» формирование на его основе полюса или центра силы — по причине весьма проблематичной дееспособности исламского мира как некоей политической, экономической и даже идеологической целостности. Его внутренняя фрагментация по страновым, клановым и конфессиональным основаниям делает образ «столкновения цивилизаций» метафорой, вряд ли пригодной для описания системы международных отношений как на глобальном уровне, так и в региональных контекстах.

Активизация России на международной арене несомненна. На Кавказе, в Крыму и на Украине она обозначила сферу своих интересов на постсоветском пространстве и готовность действовать там энергично, напористо и не слишком обращая внимания на негативную реакцию других участников международной жизни. А вовлечением в Сирию продемонстрировала намерение присутствовать в стратегически важном регионе, но в еще большей мере — притязания на то, чтобы входить в число главных действующих лиц на мировой арене.

С динамикой развития международной системы этот курс соотносится довольно противоречивым образом. Россия парадоксальным образом выступает одновременно: 1) и как нарушитель сложившегося статус-кво (в качестве оппонента американской гегемонии, а также некоторых традиционных норм); 2) и как апологет консервативного отношения к устоявшимся правилам (энергично возражая против внешнего вмешательства, хотя и не признавая таковое в своих действиях); 3) и даже как *de facto* сторонник возрождения некоторых уходящих в прошлое концептов («зоны влияния»).

Но на радарх мировой политики она стала гораздо более заметной величиной. Внешние контрагенты должны были принять недвусмысленный *message*: с Россией необходимо считаться. Хотя за это ей пришлось заплатить достаточно высокую цену (санкции, репутационные издержки, конфронтационная спираль с Западом, неясное будущее стратегически важных отношений с Украиной).

Новые акторы. Поскольку международную систему больше не стягивают обручи биполярной конфронтации, она становится более фрагментированной — что открывает возможности для относительного усиления некоторых региональных игроков. Раньше они находились в основном под контролем (или по крайней мере в тени) главных действующих лиц на мировой арене.

Сегодня — ощущают свободу рук, получают возможность продвигать свою повестку дня, а иногда и претендовать на лидерство или даже гегемонию в региональных масштабах. И становятся своего рода «точками роста» в формирующейся международно-политической системе.

Пример Турции в этом отношении кажется наиболее показательным. Он же свидетельствует о том, что ставки в борьбе «грандов» за влияние на новых игроков могут расти — чем последние иногда весьма успешно пользуются. Вместе с тем (в немалой степени из-за «неукоренности» в истеблишменте) их политика может казаться спонтанной, дерзкой и даже провокационной. А соперничество друг с другом — приводить к региональным коллизиям и конфронтациям.

Международное пространство: новые контуры

В международной системе важнейший стержень — ее внутренняя иерархия. Сегодня мы видим, как она постепенно становится все более многоплановой, вариативной, подверженной флуктуациям. «Ранжирование» в международных делах не выстраивается в виде раз и навсегда зафиксированной схемы — оно может менять свою конфигурацию и структуру в зависимости от многих обстоятельств. Например, от особенностей той конкретной сферы, о которой идет речь; от соотношения сил в ней (и в других сферах); от характера взаимоотношений между вовлеченными в нее государствами; от воздействия других входящих факторов.

Такой «калейдоскопический» характер иерархии в международных отношениях может быть источником напряжения, создавая потенциал неустойчивости как на глобальном уровне, так и в отдельных региональных сегментах мировой системы. Но это же обстоятельство придает системе больше гибкости, позволяет легче адаптироваться к новым проблемным ситуациям.

Можно ожидать, что значимость данного фактора станет постепенно сокращаться по мере общей структуризации международных отношений. В ближайшей перспективе такая тенденция вряд ли будет преобладающей, но на более отдаленных по времени горизонтах все же начнет набирать силу и станет более заметной. Рост экономической и политической взаимозависимости — ключевой фактор, от которого это будет зависеть.

Если государство входит в ядро международно-политической системы, это само по себе есть свидетельство более высокого статуса и более значительных возможностей влияния. За право присутствовать в этом ареопаге — неформальном, но более значимом, чем официальные статусные признаки, — конкурируют между собой примерно десять–двенадцать государств. Важнейшая новелла последнего времени — расширение их круга за счет стран, которые в предыдущем состоянии международной системы располагались не так уж близко от ее центра.

Это, конечно, прежде всего Китай — уже на протяжении как минимум всего отсчитанного нашим веком временного сегмента, а в ближайшем будущем и Индия. Укрепление их позиций все больше сказывается на складывающихся региональных и глобальных балансах экономических и политических сил и с большой вероятностью экстраполируется на обозримую перспективу — причем по экспоненте. В результате и перед этими восходящими державами, и перед другими участниками международной жизни открываются дополнительные возможности маневрирования и выстраивания коалиций. Что, впрочем, не исключает эвентуальных вызовов, связанных с этими странами. Роль и Китая, и Индии будет в очень значительной степени зависеть от (i) запаса их внутренней социально-экономической и политической устойчивости, а также (ii) характера проецирования их влияния вовне. И в том и в другом отношении есть потенциал неопределенности, что объективно будет требовать от всех международных игроков достаточно осторожной и сбалансированной политической линии — но также подталкивать их к взаимной конкуренции на этом поле.

В целом *главная системная интрига* в формирующемся миропорядке разветвляется по двум траекториям:

- 1) становление новой конфигурации и баланса сил на глобальном и региональных уровнях;
- 2) отношения «центр—периферия» по проблемам развития в самом широком смысле слова — технологии, информация, ресурсы, финансовые инструменты, человеческий капитал, перемещение людей и т.п.

Настройка глобальной сбалансированности системы в сочетании с поддержанием сложной и противоречивой динамики взаимоотношений внутри ее региональных сегментов — таков вызов, который возникает сегодня перед участниками международной жизни.

Новые разломы. В ходе текущих или возможных в будущем международно-политических трансформаций возникают импульсы к новым размежеваниям на мировой арене.

Одно из них — наиболее заметное, широко комментируемое и чаще всего представляемое в драматических тонах — идет по линии *Россия—Запад*. Здесь сливаются воедино разные факторы — и те, которые могут трактоваться как стимулирующие второе издание холодной войны (при всех отличиях от прототипа конца 1940-х годов и последующих четырех десятилетий), и свидетельствующие о проявлении геополитического соперничества, и обусловленные внутривнутриполитической динамикой. Масштабы явления удручают — настолько широк круг вопросов, по которым идет взаимное отторжение сторон: расширение НАТО на восток, соперничество за постсоветское пространство, события на Украине, применение силы без санкции Совета Безопасности ООН, планы ЕвроПРО, ситуация в Сирии... Кооперативная часть спектра возможных взаимоотношений если и не элиминирована полностью, то становится маргинальной и чуть ли не табуированной. Шансы на ее продвижение не исчезли совсем,

но их становится все меньше. И нет особых надежд на то, что ситуацию удастся при желании — когда к тому возникнет политический импульс — выправить быстро и малыми усилиями. Взаимное доверие теряется легко, а приобретает-ся трудно и долго.

Еще одна разделительная линия обозначилась между *Китаем*, с одной стороны, и *США с их союзниками* (прежде всего азиатскими) — с другой. Для формирующейся системы международных отношений она может стать даже более значимым маркером, оттеснив перипетии с «российским разворотом» на задний план.

Как отмечалось выше, здесь иногда видят основание для новой биполярности. Если обогатить последнюю участием России, то оба размежевания могут оказаться взаимодополняющими. Их логика способна подталкивать Россию и Китай к сближению, стимулировать курс на конституирование ОДКБ/ШОС/БРИКС в качестве экономического и политического противовеса Западу.

Вместе с тем эту логику балансируют достаточно мощные экономические и политические императивы. Для основных стран ШОС/БРИКС (Россия, Китай, Индия) экономическое взаимодействие с Западом, зависимость от него в получении инвестиций и новейших технологий шире, чем значимость их взаимных связей. Есть противоречия и внутри ОДКБ/ШОС/БРИКС (между Индией и Китаем, Индией и Пакистаном, странами Центральной Азии) — иногда более острые, чем между государствами указанных структур и Западом. Так что политически мотивированного желания объединиться против «старого истеблишмента» международной системы может оказаться недостаточно.

В целом есть много оснований полагать, что в складывающейся сегодня международной системе главная ось будет формироваться по линии отношений США—Китай, выстраиваемых в соответствии с лекалами стратегического сотрудничества или стратегического противоборства. Это, однако, не предопределяет характер возникающих вокруг них коалиций и размежеваний.

Другие эвентуальные конфигурации размежевания могут сложиться на почве противодействия исламскому радикализму. В принципе этот тренд, если исходить из неких максималистских допущений, способен даже работать на сплочение России, Запада и Китая, ставя их по одну сторону баррикад. Но формирование такого треугольника под влиянием указанного стимула — слишком далекая гипотеза, пока не находящая подтверждения на практике. Во всяком случае, хотя тревога касательно угрозы со стороны радикального (экстремистского) ислама распространена весьма широко, сама эта озабоченность не приблизила его оппонентов к превращению в настоящих союзников — ни в трехсторонней, ни даже в двусторонней конфигурации.

Здесь важна и другая сторона медали: противостояние с радикальными тенденциями таит в себе опасность привнесения в него межцивилизационных (межрелигиозных) коннотаций. Последствия могут сказаться как на внешней

политике соответствующих стран, так и на комплексе отношений между немусульманскими и мусульманскими государствами. В странах с традициями ответственного политического лидерства эту опасность чувствуют и всячески стараются минимизировать. Но, *во-первых*, не во всех странах такого рода традиции носят устойчивый характер; *во-вторых*, на волне популизма может оказаться утраченным, казалось бы, вполне надежный иммунитет от рискованных слов или действий на этом поле.

Насколько серьезны риски для международной системы, проистекающие из упомянутых импульсов к размежеванию? Проблема в том, что последние могут приобретать самодовлеющий характер, ограничивая свободу рук участников международной жизни и делая их заложниками инерционного курса. Не исключено и сознательное использование этой карты соперниками или недобросовестными конкурентами. Турбулентности переходного периода делают такую возможность достаточно реальной. На более отдаленных по времени горизонтах, по мере консолидации и упрочения новой системы, можно рассчитывать на некоторое снижение указанных рисков.

Характер международной системы будет во многом зависеть от весомости, значимости феномена суверенного партикуляризма. Речь идет о представлениях и политических императивах, ставящих во главу угла абсолютную ценность суверенитета и столь же абсолютное превалирование национальных (страновых) интересов.

Дискуссии — и концептуальные, и на уровне практической политики — о том, как должны соотноситься друг с другом внутренняя проблематика и международные отношения, отнюдь не относятся к чему-то новому. Но сегодня сам этот вопрос приобретает весьма острую артикуляцию. Здесь возникают особенно серьезные вызовы в связи с коллизиями вокруг суверенитета и «цветных революций».

Минималистская (и даже запретительная) трактовка оснований и пределов для внешнего вмешательства во внутренние дела государств исходит из того, что таковое может быть выражением агрессивных поползновений некоторых участников международной жизни, их стремления к доминированию. Противоположный подход исходит из невозможности абсолютного суверенитета, указывает на глубочайшую (и усиливающуюся) связь проблемных ситуаций внутри страны с внешним миром, растущее влияние экономических и политических процессов, имеющих транснациональный характер.

В международно-политической практике на этой почве возникают не только полемические баталии, но и реальные (а нередко и кровавые) конфликты. Направление, на котором возможно решение проблемы, давно обозначено — это принятие государством на себя некоторых обязательств касательно соответствия своего внутреннего развития определенным международным критериям. Такие обязательства могут иметь формальный характер, но гораздо важнее, чтобы они составляли некий молчаливо признаваемый «кодекс поведения». Возможно, и то и другое со временем будет становиться все более

распространенной практикой. Но движение по этому пути если и началось, то сейчас в некоторых сегментах международной системы явно застопорилось (или вообще пошло в обратном направлении). В любом случае эволюция по данному вектору будет процессом очень небыстрым.

А вот вероятность дополнительной конфликтности на этой почве гораздо выше. Речь идет о ситуациях, когда внешние контрагенты охваченной волнениями страны трактуют происходящие в ней события с прямо противоположных позиций (как в случаях с Украиной и Сирией) или когда не удастся прийти к согласию о мерах, которые может и должно принять международное сообщество (как в случае с Ливией).

Если «углубление» во внутреннюю политику носит конфликтогенный характер, то его антитезой, казалось бы, правомерно считать «возвышение» над национально-государственным уровнем. Наличие общих вызовов и глобальных проблем традиционно рассматривается как фактор консолидации международного сообщества. Экология, климат, терроризм, другие формы транснациональной криминальной активности, здоровье людей, миграция — это лишь короткий (и далеко не полный) перечень ключевых слов, которыми обозначают расширяющееся поле международного сотрудничества. Его императивность — в понимании невозможности добиться значимых результатов, если действовать в одиночку.

Согласно оптимистическому взгляду на вещи, стимулы к сотрудничеству для ответа на общие вызовы окажутся столь значительными, что они, возможно, позволят даже преодолеть или по крайней мере как-то микшировать возникшее в последние годы обрушение отношений между Россией и Западом. К сожалению, здесь есть основания и для скепсиса.

Прежде всего, имеется уже немалый опыт обращения к таким проблемам. Он безусловно позитивен, позволяет говорить о значительных результатах, достигнутых по многим конкретным направлениям международного сотрудничества. Но он же свидетельствует о том, что в результате качественного прорыва в смысле воздействия на международную систему не произошло. Наглядный пример — проблематика борьбы с международным терроризмом. Она так и не стала могучим драйвером совместных действий, как ожидалось после драматической атаки на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г. А ведь общеполитические условия для такого развития были тогда гораздо более благоприятными, поскольку сохранялся позитивный импульс преодоления холодной войны. Но в таком случае какие у нас основания рассчитывать, что сегодня «война с международным терроризмом 2.0» окажется более успешной?

Далее, сегодня становится все очевиднее, что глобальные проблемы и общие для всех вызовы создают не только новые стимулы к сотрудничеству государств, но и новые противоречия между ними. Например, могут усугублять их фактическое неравенство по технологическим возможностям. Или неодинаково у разных стран соотноситься с их другими приоритетами (как это сейчас происходит в области кибербезопасности).

И наконец, ориентация на решение таких проблем совместными усилиями исходит из модели глобализирующегося мира, общих ценностей, разделяемых всеми интересами. Но сейчас есть много признаков того, что набирает силу противоположный тренд, когда во главу угла ставятся прежде всего и только собственные озабоченности и интересы.

Последствия на этом треке могут сказаться в гораздо более широком плане. Усиление «национальных императивов» в трактовке задач внешней политики, экономического развития, безопасности сегодня многим кажется правомерным и естественным. Трудно сказать, надолго ли, — но этот крен становится более отчетливым. Если он сохранится или тем более усилится, то будет накладывать все более заметный отпечаток в целом на ментальность по отношению к внешнему миру, ставя партикулярные мотивы на первое место. И отодвигая на задний план те, которые выходят за рамки национально-государственного прагматизма, соотносятся с проблемами социума в широком смысле слова или носят солидаристский характер.

Аргументы из арсенала «национального эгоизма» относительно легко получают поддержку внутри страны, что становится могучим фактором легитимизации соответствующей политики. К тому же её легко оправдывать, апеллируя к суверенитету («делаем то, что считаем нужным, руководствуясь национальными интересами»). В результате растут предпосылки для международной конфликтности и становится более трудным поиск взаимоприемлемых компромиссных развязок.

Механизмы международной политики

Шквал критики в отношении существующего миропорядка парадоксальным образом сочетается с отсутствием сколько-нибудь убедительных идей на предмет его «обновления». Поэтому нет оснований ожидать кардинальной перестройки структур международного взаимодействия. Реалистическая перспектива — не радикальная трансформация международной системы, а упрощение механизмов, через которые обеспечивается ее функционирование. Хотя и с возможными достаточно важными коррективами.

Ключевое звено. Подавляющее большинство стран поддерживает тезис о центральном месте ООН в организации международной жизни. Этот подход сохраняется как безусловный официальный алгоритм — хотя на практике нередко дает сбой и тогда сочетается с поиском альтернатив. Последние, однако, принимаются и продвигаются по прагматическим основаниям, а не как принципиальная антитеза ориентации на ключевую роль ООН. Популистские антиооновские эскапады шансов на успех не имеют.

В рамках такого подхода возможны изменения по тем или иным аспектам деятельности организации, включая и реформу Совета Безопасности (не ставящую под вопрос право вето его постоянных членов). Обеспечение более ши-

рокой представительности этого органа может иметь шансы на практическую реализацию.

Глобальное регулирование. При сохранении основных многосторонних форматов взаимодействия, нацеленных на глобальное регулирование, в некоторых из них могут произойти определенные изменения.

G7 («Большая семерка») будет все больше действовать как площадка для обмена мнениями между крупнейшими западными странами, полезная для поддержания контактов, но вряд ли способная приводить к прорывным решениям. Новое качество она смогла бы обрести в случае присоединения Китая. Возвращение России могло бы стать символическим актом восстановления ее нормальных отношений с Западом, но маловероятно при сохранении существующих тенденций.

G20 («Большая двадцатка») будет пытаться постепенно наращивать свой потенциал для согласований самого общего плана по финансово-экономическим аспектам международного развития, не требующих тщательной проработки и имеющих достаточно ограниченное практическое значение. Не ясно, окажутся ли результаты деятельности «двадцатки» более весомыми, чем то, что предлагают другие структуры (например, в сравнении с рекомендациями по линии МВФ). Но заинтересованность в ее сохранении как элемента системы глобального управления, пусть пока и носящего скорее символический характер, сохраняется.

В рамках многочисленных межгосударственных структур (прежде всего под эгидой ООН) процесс *многосторонних согласований по различным функциональным сферам* будет продолжаться с повышающейся интенсивностью — по мере наращивания взаимозависимостей в контексте глобализации (и вопреки прогнозам о ее затухании). В некоторых механизмах могут быть осуществлены достаточно серьезные изменения на предмет повышения возможностей мониторинга и регулирования. Для России актуальным является решение вопроса *о вступлении в ОЭСР* — желательно не откладывая этого до урегулирования общих проблем взаимоотношений с Западом.

Региональное измерение. Большинство из существующих сегодня многосторонних межгосударственных структур ориентируются на региональное и трансрегиональное взаимодействие. Многие (хотя и не все) являются важным фактором международно-политического ландшафта. Некоторые из них (прежде всего сориентированные на общеполитическую проблематику, обеспечение безопасности, продвижение многостороннего сотрудничества) имеют высокую значимость для России — такие, как ШОС, ОДКБ, ОБСЕ, НАТО, ЕС, Совет Европы, БРИКС.

Свою линию в отношении каждой из них Россия должна будет выстраивать на основании конкретных оценок. Но целесообразны и некоторые общие параметры российской политики — поддержание и укрепление стабильности по российской периферии; формирование позитивного имиджа России; нара-

щивание кооперативных элементов в формирующемся миропорядке и снижение конфронтационного начала. При всей приоритетности индивидуальных отношений со странами-членами, целесообразно воздерживаться от противопоставления двусторонних и многосторонних форматов.

Новые интегративные объединения

В современной глобальной динамике важным фактором становится формирование новых политико-экономических мегаблоков или выдвижение соответствующих проектов — таких, как Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП), Транстихоокеанское партнерство (ТТП), Экономический пояс шелкового пути (ЭПШП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Для выявления их реальной значимости, скорее всего, потребуется время. По некоторым направлениям здесь возможно торможение или даже попятное движение. Но в целом в формирующейся международной системе данному компоненту будет принадлежать значимое место. Хотя здесь надо иметь в виду как объективную экономическую составляющую этого развития, так и его политический контекст — неодинаковый применительно к каждому конкретному случаю (Россия патронирует ЕАЭС; Китай продвигает ЭПШП; те, кто не рассчитывает получить доступ в ТТИП и ТТП, критикуют их по мотивам селективного подхода и т.п.). Тем не менее суждения касательно дискриминационного характера некоторых из указанных структур неуместны (и бессмысленны).

Негосударственные акторы. Все более значимым фактором международной жизни становится дальнейшее повышение роли негосударственных действующих лиц. Их вовлечение в решение проблем, возникающих на международной арене, становится более активным. И вместе с тем растут риски, связанные с их деятельностью.

Субститутами государств в качестве главных действующих лиц на мировой арене они не становятся — вопреки прогнозам на этот счет, которые появлялись вплоть до относительно недавнего времени. Но число их увеличивает, масштабы деятельности расширяются. Везде, где возникает потребность в трансграничном взаимодействии — будь то сфера материального производства или организация финансовых потоков, деятельность этнокультурного или экологического характера, правозащитная или криминальная активность, — таковое происходит с возрастающим участием негосударственных образований различного толка.

Некоторые из них, выступая на международном поле, бросают вызов государству (как, например, террористические сети), могут ориентироваться на независимое от него поведение и даже располагать более значимыми ресурсами (бизнес-структуры), проявляют готовность взять на себя ряд его рутинных и особенно вновь возникающих функций (традиционные неправительствен-

ные организации). В результате международно-политическое пространство становится поливалентным, структурируется по более сложным, многомерным алгоритмам.

Государство этого пространства не покидает, но реагирует на присутствие там негосударственных акторов по-разному. В одних случаях ведет жесткую борьбу с конкурентами и/или оппонентами — и она становится мощным стимулом межгосударственного сотрудничества (например, по вопросам противодействия международному терроризму и международной преступности). В других стремится поставить их под контроль. Или пытается повлиять на них — например, добиться того, чтобы их деятельность была более открытой и содержала более весомую социальную компоненту (как в случае с транснациональными бизнес-структурами).

Выстраивая отношения государства и негосударственных акторов применительно к международным делам, целесообразно ориентироваться на то, чтобы их партнерство постепенно становилось стандартом, нормой. Но это не всегда оказывается достижимым. Активность негосударственных структур, действующих в трансграничном контексте, достаточно часто вызывает раздражение официальных властей в тех случаях, когда последние становятся объектом критики и давления. Можно не сомневаться, что таковое будет усиливаться в формирующемся миропорядке — вполне вероятно, вызывая упреки в игнорировании национальных интересов. Но, как показывает практика, адаптируемость к международной среде, способность использовать ее в своих интересах оказываются выше у государств, умеющих наладить взаимодействие с негосударственными структурами.

Меняющийся характер вызовов

Формирующийся миропорядок привносит некоторые новые акценты в подходы к ряду ключевых проблемных тем международно-политического развития.

Безопасность национальная и международная. Первое, что обращает на себя внимание, — это более широкая трактовка безопасности и всего, что с ней связано (угроз и вызовов; условий обеспечения; используемых методов, средств и инструментов; параметров возможного взаимодействия с внешними контрагентами и т.п.). Представления на этот счет становятся более разноплановыми и многомерными, а также осуществляют своего рода экспансию в те сферы общественной жизни, которые раньше отнюдь не считались напрямую затрагивающими безопасность. Иногда они приобретают поистине всеобъемлющий характер и подменяют собой любые другие характеристики социума.

Это крайне противоречивая тенденция. С одной стороны, разумно стремиться к преодолению подхода, который во главу угла ставит только (или

преимущественно) военные аспекты безопасности. С другой — если любую проблему можно объявить относящейся к национальной безопасности, то размывается не только специфика последней, но и ее адекватная оценка. Соображения насчет ее укрепления могут формулироваться не на основе внятных критериев, а исходя из искусственно нагнетаемого алармизма.

Отмеченная тенденция парадоксальным образом сочетается с возвратом к традиционному военно-силовому мышлению. Реакцией НАТО на украинский кризис стало:

- повышение боеготовности вооруженных сил;
- укрепление военно-политического взаимодействия со странами по российской периферии (Молдавией, Украиной, Грузией);
- коррективы в военно-политической стратегии;
- наращивание сил быстрого развертывания с повышением их боеготовности и значительным увеличением численности;
- создание кадрированных штабных структур по восточной периферии альянса для обеспечения возможности быстрого широкомасштабного развертывания в новых странах-членах;
- усиление взаимодействия разведывательных ведомств.

Возвращаются к жизни и старые алгоритмы. Например, тот, которым описывается классический парадокс безопасности: в заботе о своей безопасности вы ее укрепляете — но при этом подталкиваете оппонента к ответным действиям, каковые еще больше подрывают вашу безопасность и вызывают встречную реакцию уже с вашей стороны. Это движение по кругу может воспроизводиться снова и снова, с каждым разом все больше подрывая стабильность. Причем почва для необратимых последствий оказывается подготовленной уже на ранних циклах этого круговорота.

Тут проявляется и еще одна удручающая закономерность — самооправдывающегося пророчества. Не это ли произошло в связи с развитием кризиса вокруг Украины?

- Одним из мотивов действий Москвы было желание не допустить разворота Украины в сторону Запада — который в результате стал, по сути дела, необратимым.
- Другая озабоченность касалась усиления военных возможностей НАТО вблизи российских границ — что и стало происходить уже вскоре после разразившегося кризиса.
- Настораживала перспектива появления на украинской территории вооруженных сил и элементов военной инфраструктуры НАТО (Запада) — но теперь она перестает носить теоретический характер и может перейти в плоскость практической реализации.

Бессмысленно спорить, вызывает новый миропорядок к жизни эти коллизии или «всего лишь» создает для них благоприятные условия. Важно —

и вызывает тревогу — то, что в любом случае такое развитие делает обстановку в мире менее устойчивой.

Нераспространение оружия массового уничтожения. В новых условиях происходит — для многих неожиданно — возрождение некоторых традиционных тем касательно ядерного оружия. Тех, которые казались преодоленными на протяжении нескольких последних десятилетий, когда нарабатывался опыт обсуждения соответствующих проблем политиками, экспертами и официальными переговорщиками, готовились и заключались официальные соглашения, осуществлялась интенсивная деятельность по их верификации.

Некоторые высказывания, сделанные на высоком уровне в связи с событиями последних трех лет, могут быть восприняты или интерпретированы как политическое использование ядерного оружия, а в более широком плане — как его публичная легитимация. А ведь и то и другое уже на протяжении десятилетий являлось если не табуированной, то неполиткорректной темой.

К этому добавляются начавшиеся дискуссии экспертов — о возможностях применения ядерного оружия, его роли в предотвращении эвентуального конфликта, его использовании для прекращения эскалации и т.п. Сам по себе всплеск острой полемики по вопросам ядерных вооружений примечателен. Но важно отметить, что она носит не только концептуальный характер, поскольку используемые аргументы нацелены на соответствующие практические последствия.

На международных отношениях это может сказаться двояким образом. *Во-первых*, в связи с воспроизведением дискурса касательно стратегической стабильности (кредитоспособность ядерного сдерживания и т.п.) и возникающих на этой почве императивов для военного строительства. Отсюда, как нетрудно предположить, идет прямая линия к возрождению ядерного соперничества. Причем после долгой паузы в вопросах контроля над ядерными вооружениями.

Во-вторых, по причине того, что отсутствие ясной перспективы уничтожения ядерного оружия будет оставаться самым убедительным обоснованием эвентуальных действий по его распространению. Обе темы были традиционными еще для миропорядка эпохи биполярной конфронтации и несколько утратили актуальность в контексте усилий по его перестройке, но могут снова выйти на первый план.

Наращивание военных усилий уже происходит (испытательные пуски ракет, создание новых типов ядерного оружия и т.п.). В результате опасения на этот счет приобретают конкретный, предметно осязаемый характер. На фоне масштабных военных приготовлений США обвинить Россию в инициировании новой гонки вооружений затруднительно. Но когда США подойдут к началу нового цикла в модернизации ядерных вооружений, ссылки на амбициозную российскую военную программу и достигнутые Россией результаты, которыми она заслуженно гордится, станут впечатляющим оправданием и обоснованием запроса конгрессу на соответствующие ассигнования.

Применение военной силы в международных отношениях. Одна из тревожных тенденций формирующегося миропорядка — «банализация» трансграничного применения силы. Даже Москва, которая традиционно придерживалась на этот счет максимально ограничительного подхода (никакого применения силы, кроме как (i) в целях самообороны и (ii) с санкции Совета Безопасности), отошла от него в ходе бурных перипетий последнего десятилетия. Хотя вряд ли ее можно упрекнуть в том, что именно она инициировала эту тенденцию — Южной Осетии и Крыму предшествовали Югославия и Ирак.

Нельзя сказать, что «право сильного» становится безусловно господствующим алгоритмом. Международное право по-прежнему играет роль некоторого регулятора на этот счет (хотя далеко не всегда и с возрастающей «гибкостью» в его интерпретации). Могут работать и сдерживающие факторы иного характера (например, связанные с репутационными издержками). И все же ослабление самоограничителей (формальных и политических) касательно трансграничного применения силы — достаточно четко прослеживаемый тренд в международном развитии. Действия любой страны в этом ключе могут иметь следствием более «легковесное» принятие соответствующих решений в будущем — как ею самой, так и другими участниками международной жизни.

В более широком плане — стоит отметить переоценку представлений об относительном уменьшении роли военной силы, которые были популярными в контексте преодоления холодной войны. Международному сообществу еще предстоит выяснить, какими последствиями чревата эта тенденция. Пальма первенства и здесь отнюдь не за Россией, но если в связи с Косово и Ираком она противодействовала этому процессу, то сейчас картина выглядит прямо обратной (Сирия). Россия в этом смысле оказывается в мейнстриме, поскольку не исключено, что применение силы может стать даже более широким по территориальному ареалу. Проблему будут скорее видеть в том, чтобы обеспечить достижение максимального результата в кратчайшие сроки и при минимизации политических издержек (как внутренних, так и внешних).

Наконец, разграничение между «силовым» и «несиловым» воздействием трансграничного характера становится все более размытым. Это обстоятельство достаточно четко отражается понятием «гибридная война» (за неимением лучшего термина). Оно фокусирует в себе как опасения касательно внешних угроз, так и возможности воздействия на других. И может включать в себя все — от «черной» пропаганды до подкупа политиков, от кибератак до дестабилизации финансовой системы, от организации сепаратистских движений до действий спецназа и т.п. В сущности, указанное явление тоже нельзя характеризовать как нечто абсолютно новое — из истории хорошо известны многочисленные примеры на этот счет. Новыми (по итогам последних лет десяти-пятнадцати), пожалуй, можно считать три обстоятельства:

- использование соответствующих «технологий» было протестировано в беспрецедентно широких масштабах (что распахивает им дверь в будущее);

- возможности пропагандистских и политических манипуляций в этой области оказались на порядок более высокими;
- возникла своего рода апология «гибридных войн» — когда их начинают считать более результативными (или более опасными — в зависимости от угла зрения) в сравнении с традиционными методами.

Впрочем, в отношении всех этих оценок могут возникать вполне обоснованные сомнения — из-за их насыщенности конспирологическим компонентом в сочетании с упомянутым фактором манипулятивности.

Территориальные споры. Еще одна старая как мир проблема вырисовывается на палитре формирующегося миропорядка. Речь идет о страновом статусе территорий — что включает или затрагивает такие темы, как изменение границ, сецессия, ирредентизм и т.п. Все они могут обрести новое дыхание в условиях, когда во многих регионах вековой иммобилизм сменяется всплеском социальной активности и поиском идентичности.

Из «предыдущего» состояния международной системы мы знаем, что вопрос о границах и страновой принадлежности территорий исключительно сложен и насыщен противоречиями. Существует огромная история вопроса; есть общее понимание, что здесь нельзя действовать с наскака и второпях (или же потом за это часто приходится платить); наработаны самые разнообразные подходы (в том числе на весьма высоком профессиональном уровне по линии ОБСЕ). Может ли все это быть проигнорировано в условиях формирующегося миропорядка?

Россия решила вопрос с Крымом быстро и на первый взгляд исключительно эффективно. А вот открывает ли это путь к осуществлению такого же сценария в других местах и другими действующими лицами — не ясно. Поскольку не очевидно, какие выводы можно было бы сделать из «крымского прецедента»:

- обоснованность/целесообразность прямого применения силы или ее проецирования с использованием «гибридных технологий»?
- бесспорное превалирование принципа самоопределения (волеизъявления народа) над любыми другими императивами?
- условный характер политических соглашений и договоренностей и возможность их игнорировать?
- ключевая роль временной спрессованности изменений (фактор «быстрой силы»)?
- перспективность «собирания» земель по этническому основанию?
- важное значение внешних гарантий и поддержки (или отсутствия таковых)?

Эти факторы специфичны и ситуативны. Но они могут «сыграть» в кризисных ситуациях, особенно в зонах турбулентности (в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке). Даже несмотря на убедительно продемонстрированные весьма высокие политические, репутационные и иные издержки односторонних действий, содержащих значимую силовую составляющую.

Здесь есть еще один сюжет для размышлений. То, что Россия не даст «задний ход» в отношении Крыма, очевидно. Очевидно и то, что те, кто инициировал (и кто искренне поддерживает) энергичную негативную реакцию на российские действия, не могут позволить ей превратиться в нечто рутинное, тусклое и бессмысленное (вызывающее в памяти формулы типа «1104-го серьезного китайского предупреждения»). Наконец, очевидно, что объективная потребность в нормализации отношений есть сегодня и будет нарастать в будущем. Чтобы привести все эти три императива к единому знаменателю, надо либо деактуализировать «неразрешимую» территориальную тему, либо, наоборот, сделать ее драйвером примирения. Когда и если это удастся сделать в рамках формирующегося миропорядка — тогда и можно будет сделать вывод о его зрелости.

Литература

Алексеева Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.). Политическая теория и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2015. — 622 с.

Баланс сил в мировой политике: теория и практика: Сб. статей / Под ред. Э. А. Позднякова. М.: НТЛ ИМЭМО РАН, 1993. — 175 с.

«Концерт великих держав» XXI века / Под ред. А. И. Никитина. М.: МГИМО/ИМЭМО, 2015. — 101 с.

Лебедева М. М. Мировая политика. М.: Кнорус, 2016. — 256 с.

Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации: Учеб. пособие / Цыганков П. А., Терновая Л. О., Лебедева М. М., Багаева А. В., Дробот Г. А., Митева В. В., Слива А. И.; под ред. П. А. Цыганкова, Л. О. Терновой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Кнорус, 2017. — 342 с.

Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия в трех томах. Т. 1 / Под общ. ред. И. С. Иванова. М.: НП РСМД, 2015. — 1040 с.

Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина; МГИМО МИД России. М.: Аспект Пресс, 2012. — 688 с.

Цыганков П. Политическая социология международных отношений. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/cugan/index.php.

Balance of Power: Theory and Practice in the 21st Century / Ed. by T. V. Paul, J. J. Wirtz, M. Fortmann. Redwood city, CA: Stanford University Press, 2004. — 384 p.

Little R. The balance of power in international relations: Metaphors, myths and models. N.Y.: Cambridge University Press, 2007. — 317 p.

Sheehan M. The Balance of Power: History and Theory. N.Y.; L.: Routledge, 2004. — 240 p.

The Balance of Power in World History / Ed. by S. J. Kaufman, R. Little, W. C. Wohlforth. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. — 278 p.

26. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОПОРЯДКА

Ключевые слова

Стратегическая стабильность, кризисные ситуации, стратегическое ядерное и неядерное сдерживание, ограничение вооружений, сокращение вооружений

Устойчивой характеристикой современного состояния системы международных отношений (СМО) на протяжении ряда лет остается растущая напряженность и неопределенность в целом ряде ее важнейших сегментов. По этой причине крайне актуальны и важны системный подход, теоретическое осмысление и ясное понимание того, что система международных отношений — это совокупность субъектов международных отношений и взаимосвязей между ними.

Теория сдерживания в исследовании стратегической стабильности международных отношений

Одной из ключевых характеристик СМО, позволяющей определить этап жизненного цикла системы, является стратегическая стабильность.

- Стратегическая стабильность в первую очередь предполагает определенное состояние взаимодействия России и США в стратегической ядерной сфере с учетом фактора стратегической противоракетной обороны (далее — ПРО) и стратегического неядерного оружия, а также нестратегического (тактического) ядерного оружия (НСЯО).

Понятие «стратегическая стабильность» применимо и к взаимодействию сторон в силах и средствах общего назначения (обычных вооружений). Стратегическую стабильность можно рассматривать как обеспечение политико-военных, оперативно-стратегических и военно-технических условий, миними-

зирующих вероятность возникновения конфликтных и кризисных ситуаций, которые могли бы поставить вопрос о начале военных действий с применением ядерного оружия.

Одним из центральных элементов теории стратегической стабильности (*strategic stability*) в системе международных отношений XX в. стала теория ядерного сдерживания (*nuclear deterrence*), активное развитие которой пришлось на 50–60 годы прошлого столетия¹.

Немаловажную роль в теоретических изысканиях, связанных с ядерным сдерживанием сыграла «теория игр» (*games theory*). В 1947 г. была опубликована работа основоположников теории игр Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение»². Прошло немало лет, прежде чем за счет такого рода работ удалось преодолеть скепсис определенной части и академического сообщества, а затем политиков и военных в отношении применимости математических методов анализа и прогнозирования действий «союзников» по коалиции и «противников» в конфликте. С некоторой долей упрощения классический аппарат теории игр позволяет определять оптимальные стратегии участников «игры» и ее возможные исходы.

► **Игра** — процесс взаимодействия двух и более сторон, преследующих свои интересы. Традиционно выделяют игры с нулевой суммой, ситуации чистого противостояния, когда участники имеют прямо противоположные интересы, и кооперативные игры, когда игроки могут принимать решения по согласованию друг с другом и вправе вступать в коалиции.

На рубеже 1940–1950-х годов появилась серия работ по ядерной политике с применением аппарата теории игр³. Объектом исследований стала потенциально возможная «ядерная дуэль» между США и СССР. Результаты исследований, выполненных в данной парадигме, сыграли некоторую роль (в основном в качестве некоторой иллюстрации) в разработке критериев стратегической стабильности за счет ядерного сдерживания посредством устрашения: нанесение «неприемлемого» для противника ущерба средствами ядерного поражения в ответных действиях (в «ответном ударе возмездия»). Другими словами, в основе стратегической стабильности лежит неспособность каждой из сторон нанести упреждающий удар, способный вывести из строя если не все, то подавляющую часть ядерных сил и средств другой стороны, которые могут быть использованы в ответном ударе. Стабильной ситуация считается тогда, когда страна-агрессор не может прикрыться средствами ПРО от удара возмездия, наносящего неприемлемый ущерб агрессору.

Важным этапом в теоретическом осмыслении того, что значительно позднее стало именоваться стратегической стабильностью, стала работа Т. Шеллинга «Стратегия конфликта», опубликованная в 1960 г. (К неформальному пониманию стратегической стабильности СССР и США подошли к 1972 г., когда были заключены важнейшие соглашения об ограничении стратегических вооружений, в том числе Договор по ПРО.) Лауреат Нобелевской

Томас Кромби Шеллинг (1921–2016) — американский ученый-экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 2005 г. (совместно с Робертом Ауманном) «за расширение понимания проблем конфликта и кооперации с помощью анализа в рамках теории игр», профессор Мэрилендского университета, президент Американской экономической ассоциации в 1991 г., лауреат премии Фрэнка Сейдмана (1977 г.).

В 1944 г. Т. Шеллинг получил степень бакалавра экономики в Калифорнийском университете (Беркли) и в 1951 г. — степень доктора экономики в Гарвардском университете. Работал в ряде правительственных организаций: в 1945–1946 гг. — в Федеральном бюджетном бюро США, в 1948–1950 гг. — в бюро по реализации плана Маршалла в Копенгагене и Париже под руководством А. Гарримана. В 1948–1953 гг. являлся сотрудником Исполнительного офиса президента США Г. Трумэна. С 1953 г. Томас Шеллинг стал профессором экономики в Йельском университете; в 1958 г. перешел на аналогичную должность в Гарвардский университет, где проработал до 1990 г. Одновременно Шеллинг участвовал в деятельности американских «фабрик мысли»: в 1958–1959 гг. — в *RAND Corporation*, в 1969–1990 гг. — в Школе управления им. Джона Ф. Кеннеди при Гарвардском университете.

Основополагающая работа Шеллинга — «Стратегия конфликта», вышедшая в 1960 г. и положившая начало исследованиям стратегического поведения и торгов, была признана одной из сотни наиболее влиятельных книг послевоенного времени. В этой работе Шеллинг сформулировал многие новые принципы рационального стратегического взаимодействия, согласно которой люди стремятся, взаимодействуя друг с другом, максимизировать свою выгоду не немедленно, а на протяжении длительного времени.

Кроме того, Шеллинг изучал стратегическое взаимодействие и в других сферах человеческого поведения. Так, в список его трудов входят работы по военной стратегии; политике охраны окружающей среды и изменению климата; распространению ядерных вооружений и контролю за ними; борьбе с терроризмом и организованной преступностью; помощи зарубежным странам; вопросам международной торговли; тематике конфликтов и теории торгова. Одним из первых среди экономистов он начал изучать социокультурные проблемы, в том числе формирование территориальной сегрегации.

Шеллинг является автором теории сдерживания, положенной в основу ядерной стратегии США. В его работах 1950–1970-х годов было доказано, что при рациональном подходе к внешней политике наращивание ядерного оружия ведет к снижению вероятности любого военного конфликта (даже с использованием обычного вооружения) между участниками гонки вооружений. В итоге аргументы Шеллинга легли в основу ядерной стратегии США. В 1993 г. Томас Шеллинг получил премию Национальной академии наук США за работы, связанные с «предотвращением ядерной войны».

Основные работы:

«Стратегия конфликта» (2007) (The Strategy of Conflict, 1960)

«Микромотивы и макроповедение» (2016) (Micromotives and
Macrobbehavior, 1978)

Выбери последствия (Choice and Consequence, 1985)

премии 2005 г. «за вклад в лучшее понимание конфликта и сотрудничества при помощи теории игр» доступным языком описал логику антагонистического стратегического взаимодействия США и СССР.

Т. Шеллинг одним из первых провел водораздел между двумя направлениями конфликтологии.

В рамках первого направления исследователи воспринимают конфликт как патологическое состояние и изучают его причины и способны устранения.

Приверженцы второго направления, к которому относится и сам Т. Шеллинг, принимают конфликт как данность и изучают связанное с ним поведение сторон. Под стратегией конфликта Т. Шеллинг понимает область исследований, направленных на поиск правил «оптимального» поведения в целях достижения выигрыша в соперничестве. По утверждению автора, теория стратегии, с методологической точки зрения, — это сочетание теории игр, теории организации, теории коммуникации, теории свидетельств, теории рационального выбора и теории коллективных решений.

К основным выводам Т. Шеллинга можно отнести следующие положения: 1) для того, чтобы быть эффективной, угроза должна быть правдоподобной, а ее правдоподобие должно зависеть от издержек и рисков, связанных с ее осуществлением угрожающей стороной; 2) придать правдоподобие угрозе можно путем принятия на себя обязательств по ее выполнению и делая выполнение этой угрозы предметом гордости или престижа; 3) готовность сражаться в ограниченной войне в отдельных регионах может уменьшить угрозу массированного возмездия; 4) угроза ответного удара может быть более правдоподобной, если средства ее применения и ответственность за это применение отдать в руки тех, чья решимость наиболее сильна, или же дать противнику понять, что средства реализации угрозы не в полной мере подконтрольны; 5) рациональность противника соотносится с результативностью угроз; 6) действенность угрозы может зависеть от набора альтернатив, доступных противнику, которому необходимо оставить как минимум один приемлемый для угрожающего ход; 7) ситуация, при которой противник решает пренебречь угрозой массированного возмездия, стимулирует его начать нападение; 8) угроза массированного удара может сдерживать противника,

только при данном ему неявном обещании не наносить этот удар, в противном случае слишком большая мощь «наших сил» вынудит противника ударить первым, чтобы избежать разоружения от «нашего первого удара»; 9) меры безопасности на случай внезапной атаки включают, в том числе, контроль над вооружениями.

Теоретические построения Шеллинга не раз подвергались небезосновательной критике как не во всем адекватные реальным взаимоотношениям в стратегической ядерной сфере.

- **Теория сдерживания, по Т. Шеллингу**, это теория умелого неприменения военной силы при предъявлении противнику свидетельств, заставляющих его поверить в то, что «наш стратегический выбор» определяется его поведением.

Анализ многих конкретно-исторических ситуаций ядерного противостояния говорит о том, что теоретические построения Шеллинга могут быть использованы для развития мышления в этой сфере, но не являются прикладным инструментарием.

Т. Шеллинг писал о возможности ограниченного применения ядерного оружия в локальном конфликте в качестве угрозы массированного ядерного удара в большой войне⁴. Такого рода идеи неоднократно подвергались обоснованной критике как опаснейшие рекомендации с точки зрения реальностей ядерного противостояния.

- **Теория эскалации Г. Кана** гласит, что в условиях общей напряженности в системе международных отношений любой локальный конфликт можно было соотнести с уровнем напряженности в отношениях СССР и США, в зависимости от степени ущемления интересов той или иной стороны интервенцией противника в страну протекания локального конфликта.

Критический взгляд на труды классиков предложил Р. Пауэлл в статье «Теория ядерного сдерживания, распространение ядерного оружия и система противоракетной обороны»⁵. Как пишет Пауэлл, «удивительно, но современные исследования, посвященные вопросам распространения ядерного оружия и систем ПРО» проводятся в отрыве от классических работ по теории ядерного сдерживания Б. Броуди, Г. Кана, Т. Шеллинга, Г. Снайдера. Более того, значительное количество современных исследователей сознательно отвергают положения классической теории сдерживания, рассматривая ее как атавизм холодной войны.

Крайне важен, по мнению Р. Пауэлла, вопрос о том, как участник конфликта может достоверно угрожать противнику, если само по себе оказанное давление способно спровоцировать угрожающий массированный ядерный удар. Ответ на этот вопрос заключается в понимании, что такое кризис си-

стемы международных отношений. Во время кризиса обе стороны конфликта оказывают принуждающее давление друг на друга, повышая системные риски и вероятность того, что ситуация выйдет из-под контроля. Поочередное постепенное наращивание угрозы (*brinkmanship*) в конечном итоге может привести к тому, что одна из сторон признает тот факт, что уровень риска оказывается для нее слишком высок и либо отступит, либо позволит событиям выйти из-под контроля, что неизбежно приведет к взаимному уничтожению участников конфликта. Р. Пауэлл признает ограничения модели наращивания угрозы: «Как и любая модель, она позволяет сделать акцент на некоторых аспектах реальности, заведомо упрощая или игнорируя другие. Тем не менее, данная модель обладает высоким объяснительным потенциалом динамики процесса наращивания угрозы»⁶.

- » **Стратегическая стабильность**, по Р. Пауэллу, это ситуация, противоположная системному кризису. Стабильность предполагает верную оценку сторонами конфликта соотношения уровней приемлемого риска.

Причины и характеристики роста напряженности

Тенденция к нарастанию международной напряженности действует с некоторыми девиациями с 1990-х годов. Соединенные Штаты, оказавшись после распада СССР единственной сверхдержавой, стали без оглядки прибегать к силовым методам в нарушение международного права и в обход Совета Безопасности ООН.

Важным источником дестабилизации стало расширение НАТО на Восток, распространившееся и на бывшие республики СССР — Латвию, Литву, Эстонию. Свою негативную роль в мировой политике сыграли многолетние усилия западных стран по ослаблению позиций России на постсоветском пространстве, по блокированию ее усилий обеспечить здесь легитимные реинтеграционные процессы.

Серьезно дестабилизировал обстановку односторонний выход 13 июня 2002 г. администрации Дж. Буша-мл. из бессрочного советско-американского Договора об ограничении систем ПРО (ДПРО) 1972 г., хотя формально он и не нарушал положения документа. При предшествовавшей ей администрации У. Клинтона Договор по ПРО признавался и Россией, и США «краеугольным камнем стратегической стабильности». По инициативе российской стороны на Московском саммите 9–11 мая 1995 г. это было отмечено в совместном заявлении президентов России и США Б. Н. Ельцина и У. Клинтона. Одновременно была достигнута договоренность, что системы ПРО на ТВД могут быть развернуты, но не вести к нарушению Договора и что такие системы не должны составлять реальной угрозы для стратегических ядерных сил каждой

из сторон⁷. Последствия выхода Вашингтона из ДПРО долго будут негативно сказываться на отношениях между Россией и США.

Международную ситуацию резко дестабилизировал и «украинский кризис», источником которого стало свержение при поддержке Запада законного президента Украины В. Януковича в феврале 2014 г. За этим последовали такие важные события, как возвращение Крыма в состав России и конфронтация в Донбассе, приведшая к созданию самопровозглашенных Луганской народной республики (ЛНР) и Донецкой народной республики (ДНР). Против них Киев развязал масштабные военные действия, получившие официальное название «антитеррористической операции».

Активное (и во многом эффективное) противодействие оказали ополчения ЛНР и ДНР при участии российских добровольцев. В итоге НАТО обвинила Россию в развязывании «гибридной войны» на Украине. Российская сторона при этом видит в действиях своих оппонентов попытку использовать методы «гибридной войны».

С приходом к власти администрации Д. Трампа ускорились процессы реформатирования мирового порядка. Для значительной части американского политического класса в отношении России характерно состояние, в котором возрастает опасность иррациональных и безответственных решений, в том числе по важнейшим проблемам войны и мира, связанных с целым комплексом вопросов. Звучат необоснованные обвинения в адрес Москвы во вмешательстве в американские выборы президента 2016 г. Администрация Д. Трампа и Конгресс соревнуются друг с другом во введении экономических санкций в отношении России в нарушение норм Всемирной торговой организации (ВТО) и международного права.

При рассмотрении возможных вариантов эскалации конфликтов между Россией и США и их союзниками довольно популярными в ряде исследований стали искусственные, надуманные сценарии войны между Россией и НАТО, в которых Москва первой использует — правда, в ограниченных масштабах — тактическое ядерное оружие. Запад усилил военную активность на восточном направлении — прежде всего в Прибалтике и в Польше, а также в акватории Черного моря.

Администрация Д. Трампа дважды в нарушение Устава ООН принимала решения о нанесении ракетных ударов по Сирии. Удары США и их союзников по Сирии 14 апреля 2018 г. подвели к выводу, что продолжение подобных действий приведет к хаосу в международных отношениях⁹. Вашингтон рисковал втянуться в прямое военное столкновение с Россией, что было бы чревато непредсказуемой эскалацией вплоть до ситуации, сопоставимой по остроте с Карибским кризисом.

Один из уроков Карибского кризиса состоит в том, что кризис нельзя доводить до такого уровня остроты. Видный отечественный дипломат Г. М. Корниенко так обрисовал суть проблемы: «Первый и главный урок, вытекавший

из Карибского кризиса... — не допускать возникновения подобных кризисов, чреватых пусть даже небольшой вероятностью перерастания в большую войну, не полагаться на то, что всякий раз удастся остановиться у опасной черты»¹⁰. Отсюда вытекает вывод о значимости предотвращения кризисных ситуаций и обеспечения надежного управления в таких условиях.

Отвечающий общим интересам миропорядок должен исключать появление таких кризисных ситуаций. Хотя количество ядерных боезарядов значительно сократилось у соответствующих государств после завершения холодной войны, применение ядерного оружия имело бы катастрофические последствия — как для непосредственных участников, так и для подавляющей части населения планеты. Исследования в США свидетельствуют о потенциальных катастрофических последствиях для климата и агропроизводства в виде массового голода после применения всего лишь 1% от накопленных ядерных арсеналов¹¹. Тем не менее Вашингтон практически свернул некогда интенсивный диалог между Москвой и Вашингтоном по ограничению и сокращению вооружений. Под угрозой находится Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) 1987 г. Туманны перспективы продления российско-американского Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) 2010 г. Интенсивность диалога по проблемам стратегической стабильности (в частности, последствий применения ядерного оружия) на уровне ученых и неправительственных экспертов намного ниже той, что была, например, в 1980-е годы.

В 2018 г. в «Обзоре ядерной политики» администрации Д. Трампа сформулированы положения, укрепляющие роль ядерного оружия в политико-военной стратегии США, в том числе в непосредственном противостоянии с Россией и Китаем. Доктринальные положения этой политики говорят о том, что Вашингтон ведет дело к снижению порога применимости ядерного оружия¹². В этом отношении ядерная политика администрации Д. Трампа носит более дестабилизирующий характер, чем политика предыдущей администрации Б. Обамы. В документе 2018 г. содержится немало необоснованных обвинений в адрес военной, в том числе ядерной, политики России, а также по поводу нестратегического (тактического) ядерного оружия. В ответ С. В. Лавров заявил, что у России нет развернутого тактического ядерного оружия и что она не проводит отработку его применения. Министр поставил в вину США и их союзникам «дестабилизирующую практику» совместных ядерных миссий и то, что «наличие готовых к применению тактических ядерных вооружений США в Европе — не просто рудимент холодной войны, а явно агрессивная позиция»¹³.

Планы администрации Д. Трампа предполагают развитие глобальной системы ПРО США, состоящей из компонентов национальной ПРО и ПРО на театре военных действий (ТВД). Возрождаются планы создания ПРО с элементами космического базирования¹⁴, и в 2016 г. в текст закона о военном бюджете включена норма, предписывающая министру обороны и Комитету начальни-

ков штабов исследовать такую возможность и представить доклад Конгрессу США. Закон об ассигнованиях на национальную оборону на 2017 финансовый год содержал положения о радикальном пересмотре политики США в области ПРО¹⁵. Если закон 1999 г. о национальной ПРО определял ее задачу как защиту страны от «ограниченного удара баллистических ракет», то в новом законе целью Вашингтона объявлено совершенствование многоуровневой противоракетной обороны, способной обеспечить защиту территории США и их союзников от меняющихся и многообразных угроз, связанных с баллистическими ракетами¹⁶. Снова поднимается вопрос о выделении средств на разработку средств перехвата космического базирования¹⁷. Не все эксперты в США согласны с этими рекомендациями: в одном из серьезных американских исследований предлагается достичь договоренностей США с Россией и Китаем о запрещении перехватчиков космического базирования и оружия направленной энергии¹⁸.

Расползание очагов эскалации напряженности

Дестабилизация ситуации обозначилась в связи с усилиями Пхеньяна по созданию ракетно-ядерного оружия (в том числе достигающего территории США). Ссылаясь на эту программу, США наращивают усилия по развитию как стратегической (национальной) системы ПРО, так и (совместно с такими своими союзниками, как Япония и Республика Корея) ПРО на ТВД, что не может не тревожить Москву и Пекин. Они рассматривают наращивание возможностей национальной ПРО США как фактор снижения стратегической стабильности в отношениях с США, добиваясь решения проблемы ракетно-ядерного оружия Пхеньяна переговорным путем с учетом интересов безопасности всех сторон.

Еще более накалила политическую атмосферу опасность потенциального возврата Ирана к ядерной программе военного назначения из-за объявленного Д. Трампом выхода США из Совместного всеобъемлющего плана действий¹⁹. Руководство Саудовской Аравии заявило, что вслед за Ираном обязательно обретет собственное ядерное оружие. Таким образом, на нестабильном Ближнем Востоке — с учетом наличия арсенала ядерного оружия у Израиля — с высокой степенью вероятности может возникнуть «ядерный треугольник».

Ракетная программа Ирана, которую Тегеран не стал сворачивать после своего отказа от создания ядерного оружия, послужила официальным обоснованием для размещения объектов американской системы ПРО (с использованием многофункциональной системы «Иджис Эшор») в Румынии и Польше. Москва восприняла это негативно — как шаг в направлении подрыва стратегической стабильности, в том числе как нарушение Договора о РСМД, поскольку

ку установки обладают способностью к запуску крылатых ракет большой дальности наземного базирования, запрещенных этим документом.

Анализируя грани стратегической стабильности, не следует забывать об Индии и Пакистане — ядерных державах с 1998 г., у которых имеется затяжной территориальный спор, чреватый регулярными обострениями. При этом одновременное вступление Индии и Пакистана в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) позволяет надеяться, что это будет способствовать уменьшению вероятности их противостояния, имеющего и ядерное измерение.

В контексте роста напряженности немаловажную роль «дополнения» к стратегическим ядерным силам (СЯС) США будут продолжать играть ядерные арсеналы Франции и Великобритании. С высокой степенью вероятности следует прогнозировать возрастание значения СЯС Китая.

Несмотря на поражение запрещенного в России «Исламского государства» в Сирии и Ираке, по-прежнему существует угроза появления у международных террористических организаций ядерного оружия, а применение ими даже одного ядерного боеприпаса (или других средств массового поражения) может иметь катастрофические последствия. В условиях эскалации напряженности масштабы сотрудничества по борьбе с терроризмом явно не отвечают потребностям международного сообщества.

Технологии и концепции: новые тренды и неопределенности

Наряду с негативными тенденциями в международной обстановке происходит быстрое развитие комплекса технологий и систем вооружений, непосредственно влияющих на стратегическую стабильность. Это относится и к инновациям, повышающим точность боевых блоков американских СЯС. Так, американские источники сообщают о резком наращивании «контрсилового потенциала» морской составляющей СЯС США за счет повышения точности БРПЛ «Трайдент-II», которое чревато отрицательными последствиями для стратегической стабильности²⁰. Заметное воздействие на стратегическую стабильность оказывают инновационные изменения в области киберпространства, способов ведения «боевых киберопераций».

Американские политологи Дж. Миллер и Р. Фонтейн обоснованно обращают внимание на опасность противоборства в киберпространстве и ведения боевых действий в космосе. Они отмечают, что «на протяжении десятилетий стабильность американо-российского баланса основывалась на твердом понимании того, что у обеих сторон имелись гарантированные возможности для второго (ответного. — Прим. авт.) удара», причем «ни одна из сторон не могла бы с реалистической точки зрения нанести разоружающий первый удар по ядер-

ным силам другой стороны». Но «поставить эту уверенность под сомнение» может развитие военных технологий, интегрируемых в военную политику²¹.

За последние 10–12 лет появились сценарии нанесения внезапного «обезоруживающего» удара США по стратегическим ядерным силам России (и КНР) с применением как ядерных, так и неядерных средств поражения. Речь идет, в частности, о потенциальном использовании технологий и систем искусственного интеллекта для повышения точности средств поражения на конечном участке полета.

Сбор информации от различных источников и обработка больших массивов информации увеличивают точность определения местоположения мобильных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) в подводном положении²². Появились новые возможности по перехвату радиопереговоров с центрами управления СЯС, по размещению на маршрутах движения подвижных грунтовых ракетных комплексов (ПГРК) множества датчиков (сейсмических, акустических, инфракрасных и др.), которые могут доставляться в заданный район с помощью подводных лодок и передавать информацию через спутники, используя систему *GPS* для определения координат и прочие средства²³.

Появление у США возможностей нанести первый «обезоруживающий удар» представляет угрозу и для них самих. Как утверждают американские эксперты, если бы Америка одерживала верх в обычной войне, то противник мог бы даже «рассматривать упреждающий удар как способ деэскалации конфликта»²⁴.

Другие американские ученые не могут представить себе «ситуацию, при которой компетентный и должным образом информированный президент США мог бы дать приказ о внезапном ядерном ударе по России или Китаю»²⁵. Однако тут встает уже иной вопрос — об уровне компетентности и информированности главы исполнительной власти в США (равно как и его ближайшего окружения), а также о степени психологической устойчивости должностных лиц и их способности принимать в стрессовой ситуации рациональные решения.

Давно стоит также вопрос об участии в «обезоруживающем» ударе со стороны США значительного количества высокоточных дальнобойных средств в неядерном оснащении. Такие средства поражения могут появиться в результате реализации американской концепции «неядерного быстрого глобального удара» (НБГУ). К ним можно отнести в том числе и гиперзвуковые средства поражения²⁶.

Эксперты исследовательского центра *RAND*, тесно связанного с военным ведомством США, рекомендуют США пойти на такие меры по ограничению средств НБГУ, чтобы они не рассматривались Россией как угрожающие ее потенциалу ответного ядерного удара: «Решение США ограничить или не развивать средства, которые рассматриваются в России как способные держать под прицелом российские стратегические системы, вероятно, снизит степень

озабоченности в России относительно возможности обеспечить второй удар и тем самым обеспечить стратегическую стабильность»²⁷.

Американские эксперты порой недооценивают фактор высокой степени неопределенности при нанесении массированных синхронизированных ударов ядерными и неядерными средствами поражения по всем трем компонентам российских СЯС (ракетного «залпа» по нескольким сотням целей одновременно), игнорируя растущие возможности противодействия стороны, которая подвергается нападению²⁸. Натурный эксперимент такого масштаба невозможен, а имитационное моделирование на ЭВМ не способно снизить степень неопределенности до достаточно убедительного уровня. К тому же при ядерном ударе ракеты будут запускаться не по привычным испытательным траекториям, которые не включают в себя в качестве конечной точки территорию другой стороны, а по боевым, существенно отличающимся от испытательных, что также увеличивает неопределенность относительно точности боевого применения ракетных средств и наносимого противнику ущерба. Высокой степенью неопределенности характеризуются и действия по «нейтрализации» подводных стратегических ракетносцев, а также самолетов стратегической авиации с крылатыми ракетами большой дальности, оснащенными ядерными боезарядами.

Серьезные технические проблемы присущи тому сегменту американских ПРО (национальной территории), который можно задействовать для перехвата боевых блоков в ответном (ослабленном) ударе российских СЯС. Многие испытания ракет-перехватчиков (Джи-Би-Ай) этой системы с неядерной головной частью признаны неудачными. (В условиях обострения отношений между КНДР и США в 2017–2018 г. ряд американских экспертов ставили даже под сомнение возможность перехвата отдельных северокорейских баллистических ракет с ядерными боезарядами.)

На путях трансформации миропорядка

Все это происходит в условиях стремительной трансформации структуры мировой политики, изменения роли и веса США, их союзников по НАТО, ЕС в мировых делах, возрастания значения стран Индо-Тихоокеанского региона и прежде всего КНР. Последняя, обойдя в 2014 г. США по объему ВВП (по паритету покупательной способности), претендует в перспективе на роль «второй сверхдержавы», обретая не только экономические и политические возможности, но и значительную военную мощь.

Формирующаяся относительная «многополярная» система мировой политики пока остается весьма неустойчивой. Необходимы немалые усилия для обеспечения управляемости нарождающейся децентрализованной системы,

выхода ее из состояния нарастающей хаотичности, о которой говорит В. Путин. Среди них едва ли не главную роль должны играть переговоры и меры по обеспечению стратегической стабильности в ее классической, сравнительно узкой интерпретации.

Вашингтон прилагает усилия для сохранения своего «лидерства» в мире, для «сдерживания» тех государств, которые, по его мнению, в наибольшей мере препятствуют этому. Администрация Д. Трампа стремится изменить миропорядок, который десятилетиями строили — и во многом небезуспешно — политический класс и большой бизнес США.

К государствам, которые надлежит «сдерживать», по мнению подавляющей части политического класса США, относятся прежде всего Россия и Китай, у которых имеется своя специфика. Россия, уступая значительно и США, и Китаю по своему ВВП, остается сверхдержавой по ракетно-ядерному параметру военной мощи и продолжает укреплять свои позиции. Демонстрацией этого стали системы вооружений, о которых заявил В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г.²⁹

Важнейшую роль с точки зрения глобальной стратегической стабильности продолжает играть «центральный ядерный баланс» Россия—США. Эксперты RAND Corporation отмечают, что две сверхдержавы способны нанести «широкомасштабные, скоординированные ядерные удары, которые могут уничтожить целые континенты», что возросла «вероятность стратегического ядерного обмена» из-за ухудшения отношений и «эскалационных рисков»³⁰. Они подчеркивают, что «Соединенные Штаты и Россия по-прежнему имеют “глубокие общие интересы”, чтобы избежать ядерной войны. Но “значимый прогресс” в обеспечении стратегической стабильности “потребуется мужества и жертв с обеих сторон”»³¹.

Д. Трамп решительно отказался от участия США в таких мегапроектах, как Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство (ТАТИП), над которыми США и их союзники работали долгие годы. Он поставил под вопрос существование такого объединения, как НАФТА, нанес удары по ВТО. Трамп не обошел критикой даже НАТО и Евросоюз, казавшиеся незыблемыми краеугольными камнями того миропорядка, который США формировали для противостояния Советскому Союзу после Второй мировой войны. Попытки Трампа навязать переформатирование миропорядка встречают отпор со стороны многих союзников: никто не последовал за США при выходе из Парижского соглашения по климату, из «ядерной сделки» с Тегераном. То же относится к ТТП, в котором решили остаться и Япония, и Южная Корея, и все другие участники, кроме США.

Администрация Трампа сделала ставку на развитие двусторонних связей с различными странами (прежде всего, в торгово-экономической сфере). Полагается, что в каждом из таких «бинарных» взаимодействий в системе мировой политики США будут иметь больше преимуществ, чем, например, в такой

многосторонней организации, как ТТП, частично ограничивающей свободу рук Вашингтона, хотя и признающей его ведущую роль.

Неясной остается позиция Д. Трампа в отношении такого важного компонента миропорядка, как ограничение и сокращение вооружений. Влиятельные силы в истеблишменте выступают за полный отказ от таких мер. Одновременно со стороны администрации подаются сигналы в пользу улучшения американо-российских отношений — вопреки позиции подавляющей части обеих палат Конгресса США.

Китай все активнее выдвигает проекты, реализация которых могла бы привести к формированию элементов нового миропорядка. Среди них наиболее амбициозен мегапроект «Один пояс — один путь», предусматривающий вложения около 1 трлн долл. в инфраструктуру. Именно Пекин и Москву Вашингтон обвиняет в том, что они добиваются изменения миропорядка, «бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам»³². (Россией и Китаем не исчерпывается перечень государств, не противящихся миропорядку, который пытались сформировать США после распада СССР. Многие страны стремятся к более справедливой мировой политике, но не обладают потенциалами, которые имеются у России и КНР.)

Отношения Москвы и Пекина определяются формулой «всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, взаимной поддержки, совместного процветания и дружбы, передающейся из поколения в поколение»³³. Китай и Россию связывают интенсивные контакты на высшем уровне и на уровне руководителей военных ведомств, ряда структур Министерства обороны РФ и Центрального военного совета КНР; проводятся совместные учения российских Вооруженных сил и Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в различных районах мира (в том числе чувствительных с точки зрения обеспечения стратегической стабильности на потенциальных ТВД). Лидерами России и КНР было подписано 25 июня 2016 г. Совместное заявление об укреплении глобальной стратегической стабильности, на основе которого можно вести военное планирование и решать оперативно-стратегические вопросы³⁴.

Генштаб Вооруженных сил РФ и Объединенный штаб НОАК не раз совместно рассматривали вопросы противоракетной обороны в связи с курсом США в этой сфере, проводили совместное компьютерное моделирование. Пекин и Москва поддерживают друг друга применительно к обстановке в чувствительных зонах — соответственно в Европе и в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Россия и Китай тесно взаимодействуют в военной сфере и в борьбе с терроризмом, экстремизмом в рамках Шанхайской организации сотрудничества. При этом не следует закрывать глаза на наличие у России и Китая несовпадающих и даже конфликтных интересов, а также заметное отставание экономической составляющей отношений от политической и политико-военной.

Как укрепить стратегическую стабильность: вчера и сегодня

Стратегическая стабильность — многомерная междисциплинарная тема, требующая разработки специалистами по политико-дипломатическим, политико-психологическим, военно-стратегическим, военно-техническим и другим проблемам.

С учетом новой политико-военной обстановки, развития технологий и систем вооружений важно сосредоточить внимание на упомянутой в начале главы узкой трактовке понятия «стратегическая стабильность», которая в первую очередь предполагает определенное состояние взаимодействия России и США в стратегической ядерной сфере (с учетом, напомним, фактора стратегической ПРО и стратегического неядерного оружия, а также нестратегического (тактического) ядерного оружия (НСЯО) и даже обычных вооружений).

Проблемы стратегической стабильности до распада СССР рассматривались прежде всего применительно к отношениям между Организацией Варшавского договора (ОВД) и НАТО в Европе, когда масштабы непосредственного военного противостояния между Востоком и Западом многократно превосходили нынешние. Утверждая мандат переговоров по обычным вооружениям и вооруженным силам в Европе, представители 23 государств—членов НАТО и ОВД определили, что их цель — «укрепление стабильности и безопасности в Европе путем установления стабильного и безопасного баланса обычных вооруженных сил, которые включают обычные вооружения и технику, на более низких уровнях; ликвидации неравенств, наносящих ущерб стабильности и безопасности; и ликвидации, в порядке приоритета, потенциала для осуществления внезапного нападения и для начала крупномасштабных наступательных действий»³⁵.

Оборонительная военная доктрина СССР предусматривала, что «в случае агрессии против нас» (НАТО во главе с США) нападение на ОВД будет отражаться в течение определенного времени «только оборонительными операциями», что сочеталось бы с политическими усилиями по ликвидации конфликта³⁶.

На Западе (особенно в ФРГ и Нидерландах) разрабатывались концепции «ненаступательной обороны» и «оборонительной обороны». Они, в частности, предполагали оснащение сил НАТО техническими средствами, которые усиливали бы их оборонительные возможности перед лицом мощной группировки ОВД в Центральной Европе без упования на применение тактического ядерного оружия. Такие концепции предназначались для регламентации применения тактического ядерного оружия США и НАТО на ранней стадии военных действий в случае успешного наступления сил ОВД на центральном участке противостояния НАТО и ОВД (в Германии) — особенно в районе так называемого Фульдского прохода, или Фульдского коридора³⁷. Со стороны СССР разрабатывались формулы контрнаступательной обороны, в том числе

на основе «модели Курской битвы» 1943 г. Предполагалось, что неспособность обеих сторон к проведению ширококомасштабных наступательных операций на уровне сил общего назначения обеспечивала бы высокий уровень стратегической стабильности в Европе.

В 1980-е годы речь шла исключительно об Атлантическом регионе, о взаимодействии ОВД и НАТО. Сейчас, на перспективу пять—десять и более лет, речь снова идет об этом регионе, а также о некоторых сегментах гигантского Индо-Тихоокеанского региона, прежде всего о зонах, прилегающих к территории Китая. Рассматривать тему стратегической стабильности применительно к некоторым районам этого мегарегиона надо предметно — с учетом фактора ПРО на ТВД и потенциальных американских средств «неядерного быстрого глобального удара» (НБГУ) для поражения позиций баллистических ракет КНР в неядерном снаряжении, аэродромов, баз ВМС, наращивания собственных возможностей НОАК по обеспечению «победы в локальной информационной войне»³⁸ и др.

Если предметно говорить о *более широкой интерпретации* стратегической стабильности, рассматривающей положение дел в системе мировой политики, то для Москвы стратегическая стабильность предполагает надежность, убедительность обеспечения стратегического ядерного и неядерного сдерживания с должным политико-психологическим воздействием на «оппонента». Ядром убедительного ядерного сдерживания была и остается демонстрация способности при любых, самых неблагоприятных условиях нанести ответный удар возмездия с катастрофическими последствиями для агрессора. Возможности России по реализации ядерного и неядерного сдерживания в последние годы — в отличие от тяжелейших для страны 1990-х годов — значительно возросли. Введены в строй компоненты СЯС наземного, морского и воздушного базирования. Повышается боевая устойчивость (неуязвимость) ракетных войск стратегического назначения (РВСН) и морских стратегических ядерных сил, способность межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) к преодолению перспективных систем ПРО вероятного противника. Крупные результаты достигнуты в развитии системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), системы контроля космического пространства (СККП), системы боевого управления (СБУ) СЯС. Россия развивает компоненты стратегической ПРО, а также ПВО, обладающие противоракетными возможностями, совершенствуют средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ), повышающие боевую устойчивость российских СЯС.

Россия демонстрирует многие достижения таким образом, чтобы они фиксировались другой стороной. Политико-психологический эффект ядерного сдерживания обеспечивается с помощью учебных пусков МБР «Тополь» и «Тополь-М», «Ярс», БРПЛ «Синева» и «Булава», учений РВСН, полетов бомбардировщиков стратегической авиации, испытательных пусков тяжелой МБР «Сармат» и др.

Стратегическая стабильность предполагает полную подконтрольность средств поражения высшему государственному руководству и военному командованию в целях предотвращения случайного и несанкционированного использования ядерного оружия (начиная с тактического). Это предусматривает и надежную защиту от кибератак противника (или какой-либо третьей стороны) систем боевого управления, сохранение в руках высшего руководства всей полноты власти.

Решения по ответным действиям принимаются на основе объективных, надежных данных системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), которая состоит из двух эшелонов — космического и наземного, причем каждый одинаково важен. Первый — орбитальная группировка космических аппаратов обнаружения стартов баллистических ракет на высокоэллиптических и геостационарных орбитах. Космический эшелон СПРН позволяет существенно увеличивать время предупреждения о ракетном нападении и снижать уровень ложных тревог. По его сигналам должны приниматься предварительные решения по ответным действиям стратегических ядерных сил. По информации второго, наземного, эшелона, состоящего прежде всего из радиолокационных станций дальнего обнаружения, принимаются окончательные решения о масштабе и способах применения СЯС³⁹.

Обеспечение стратегической стабильности: «проверки на прочность»

В совокупности следует говорить об эрозии стратегической стабильности, которая формировалась с конца 1960-х годов, пройдя через ряд «проверок на прочность». Договорно-правовые меры по обеспечению стратегической стабильности наряду с негласным взаимным пониманием «правил поведения» применительно к кризисным ситуациям являются важной составной частью миропорядка. Миропорядок же, как отмечалось выше, в его других измерениях — в значительной мере под воздействием администрации Д. Трампа — находится в состоянии повышенной динамики трансформации.

Надежное обеспечение стратегической стабильности — двусторонний, взаимный комплекс действий, динамический процесс (во многом это циклы «действия — контрдействия»). Одна из проблем — недопущение перехода противостояния к наиболее угрожающей ситуации, к потере управляемости, особенно к ситуации ядерного конфликта, когда встанет вопрос о применимости ядерного оружия.

- **Ядерный конфликт** — кризисная ситуация с вовлечением одного или нескольких обладателей ядерного оружия, в ходе которой напряженность во взаимоотношениях доходит до уровня, когда одна или более сторон начинают использовать в явной форме это оружие в качестве ин-

струмента политического давления. Высшая фаза ядерного конфликта означает его применение в различных масштабах — от единичных и групповых ударов до массированного использования ядерного оружия.

Угроза возникновения опасных конфликтных и кризисных ситуаций с потенциальной их экспансией, в том числе непреднамеренной и случайной, в современной системе мировой политики вполне соизмерима с тем, что было в определенные периоды 1950-х и начала 1960-х годов, а также в начале 1980-х годов. Необходимо максимально снизить риски возникновения ядерной войны за счет недопущения и ограничения войн меньшего масштаба и просто вооруженных конфликтов, в которые могут вовлекаться государства, обладающие ядерным оружием. Чтобы укрепить стратегическую стабильность, нужны политико-правовые меры ограничить развитие ряда технологий и систем вооружений — как это было в бессрочном советско-американском Договоре об ограничении систем ПРО 1972 г.

Задача поддержания военно-стратегического равновесия с учетом потенциала ракетно-ядерных вооружений не предполагает точного симметричного равенства сил сторон по числу носителей боевых блоков и бомб (совокупному «мегатоннажу») и по суммарному забрасываемому (выводимому) весу. Разрушительная сила ядерного оружия до определенных пределов нивелирует различия в размерах арсеналов сторон, в технических характеристиках отдельных компонентов стратегических сил.

Сейчас крайне важная и актуальная задача заключается в том, чтобы наладить многоплановый диалог между Россией и США по проблемам стратегической стабильности. Этот диалог — даже в условиях неблагоприятного международно-политического контекста и остроты конфликтов между Россией и Соединенными Штатами — может уменьшить вероятность войны с применением ядерного оружия. Следует учитывать, в частности, опыт 1970-х годов, когда и советское, и американское руководство приняло довольно радикальное решение о мерах по предотвращению ядерной войны и ограничению стратегических вооружений, не отказываясь от идеологического противостояния и от противоборства.

Укрепление стратегической стабильности в отношениях Россия и США, Россия и НАТО, скорее всего, не повлияет на поведение США, связанное с попытками вмешательства во внутренние дела РФ, политического и информационно-пропагандистского воздействия на РФ и страны постсоветского пространства, входящие в сферу стратегических интересов России. Но оно стало бы важным шагом на пути сосредоточения усилий на широком спектре политико-военных, оперативно-стратегических и военно-технических вопросов с акцентом на обеспечение устойчивости стратегического ядерного баланса РФ—США. Предметом особой заботы должны стать и вопросы, связанные с минимизацией шансов эскалации тех или иных конфликтов, и меры по предотвращению случайных, несанкционированных действий.

Примечания

¹ Обзор этих теорий см. в работах: *The Absolute Weapon* / Brodie B. (ed.). N.Y.: Harcourt, 1946; *Brodie B. Strategy in the Missile Age*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959; *Kahn H. On Thermonuclear War* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960; *Limited Strategic War* / Knorr K. and Read Th. (eds). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1962; *Schelling Th. C. The Strategy of Conflict*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960; *Schelling Th. C. Arms and Influence*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1966; *Snyder G. H. Deterrence and Defense*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961; *Wohlstetter A. The Delicate Balance of Terror* // *Foreign Affairs*. 1959. January. Vol. 37. No 2. P. 211–234; *Strategic Thought in America, 1952–1966* // Trachtenberg M. *History and Strategy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 3–46. О дальнейшей разработке этих идей с выходом на более широкий круг вопросов см.: *Jervis R. The Illogic of American Nuclear Strategy*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1984; *Jervis R. The Meaning of the Nuclear Revolution*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1989.

² *Neumann J. von, Morgenstern O. Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1953.

³ *Bellman R., Blackwell D., LaSalle J. Application of Theory of Games to Identification of Friend and Foe*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1949; *Flood M. A Game Theoretic Study of the Tactics of Area Defense*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1948; *Haywood O. G. Military Doctrine of Decision and the Von Neumann Theory of Games*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1951; *Williams J. D. The Complete Strategist. Being a Primer on the Theory of Games of Strategy*. RAND Corporation, 1954.

⁴ *Kahn H. On Thermonuclear War*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961; *Kahn H. On Escalation: Metaphors and Scenarios*. N.Y.: Praeger, 1965.

⁵ *Powell R. Nuclear Deterrence Theory, Nuclear Proliferation, and National Missile Defense* // *International Security*. 2003. No 4 (27). URL: <http://slantchev.ucsd.edu/courses/pdf/powell-is2003v27n4.pdf>.

⁶ *Ibid.* P. 91.

⁷ Далее в главе использованы некоторые тезисы, впервые изложенные в статье: *Кочин А. А. Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки* // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 4. С. 7–21. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.02>.

⁸ *Есин В. И. Политика США в области противоракетной обороны и ее влияние на стратегическую стабильность* // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2015. № 3. С. 85–114.

⁹ Телефонный разговор с Президентом Ирана Хасаном Рухани // Президент России. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: 15.04.2018. <http://Kremlin.ru/events/president/news/57263>.

¹⁰ *Корниенко Г. М. «Холодная война»*. Свидетельство ее участника. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 47.

¹¹ *Mills M., Toon O., Lee-Taylor J., Robock A. Multi-decadal global cooling and unprecedented ozone loss following a regional nuclear conflict* // *Earth's Future*. 2014. Vol. 2. No 4. P. 161–176; *Robock A., Toon O. Self-assured destruction: The climate impacts of nuclear war* // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2012. Vol. 68. No 5. P. 66–74; *Robock A., Oman L., Stenchikov G. L. Nuclear winter revisited with a modern climate model and current nuclear arsenals: Still catastrophic consequences* // *Journal of Geophysical Research. Atmospheres*. 2007. Vol. 112. No D13107.

¹² Обзор ядерной политики. Февраль 2018 // Аппарат Министра обороны США. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872876/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY-TRANSLATION-RUSSIAN.PDF>.

¹³ Лавров обвинил США в подготовке стран Европы к тактическому ядерному удару по России // Коммерсант. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3560233> (дата обращения: 28.02.2018).

¹⁴ Independent Working Group on Missile Defense, the Space Relationship, and the Twenty-First Century. 2009 Report. Cambridge, MA: The Institute for Foreign Policy Analysis. 2009. URL: <http://www.ifpa.org/pdf/IWG2009.pdf>.

¹⁵ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017. 114th Congress. URL: <https://www.congress.gov/114/plaws/publ328/PLAW-114publ328.pdf>.

¹⁶ Подробнее см.: *Есин В. И.* Развитие американской и российской систем противоракетной обороны и стратегическая стабильность // Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. А. А. Кокошина. М.: Изд-во Московского ун-та, 2016. С. 147.

¹⁷ *Dodge M.* Recommendations for the Next Ballistic Missile Defense-and-Defeat // Backgrounder. The Heritage Foundation. 2017. No 3239. P. 6. Речь пока не идет о масштабной программе, аналогичной «Стратегической оборонной инициативе» (СОИ) президента Р. Рейгана 1980-х годов, но некоторое движение в подобном направлении явно обозначилось.

¹⁸ *Miller Jr. J., Fontaine R.* Navigating Dangerous Pathways. A Pragmatic Approach to U.S.-Russian Relations and Strategic Stability. Harvard Kennedy School, Belfer Center for Science and International Affairs, Center for a New American Security, 2018.

¹⁹ Речь идет о соглашении 15 июля 2016 г. между Ираном и странами «шестерки» (США, Франция, Великобритания, Германия, Китай, Россия) по ядерной программе Ирана.

²⁰ *Kristensen H. M., McKinzey M., Postal Th. A.* How US nuclear force modernization is undermining strategic stability // The Bulletin of Atomic Scientists. 2017. URL: <https://thebulletin.org/how-us-nuclear-force-modernization-undermining-strategic-stability-burst-height-compensating-super10578>.

²¹ *Miller Jr. J., Fontaine R.* Navigating Dangerous Pathways. A Pragmatic Approach to U.S.-Russian Relations and Strategic Stability. Harvard Kennedy School, Belfer Center for Science and International Affairs, Center for a New American Security. 2018. P. 6.

²² *Lieber K. A., Press D.* Nuclear Deterrence in the Computer age. The Erosion of Stalemate // Policy Brief. 16.05.2017. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/nuclear-deterrence-computer-age-erosion-stalemate>.

²³ *Long A., Green B.* Stalking the Secure Second Strike: Intelligence, Counterforce, and Nuclear Strategy // The Journal of Strategic Studies. 2015. Vol. 38. No 1–2. P. 64.

²⁴ *Lieber K., Press D. G.* The New Era of Nuclear Weapons, Deterrence and Conflict // Strategic Studies Quarterly. 2013. Spring. P. 5–6.

²⁵ *Kristensen H. M., McKinzey M., Postal T. A.* Op. cit.

²⁶ Резко критикует возможности нанесения «обезоруживающего удара» по российским СЯС средствами неядерного быстрого глобального удара ученый и конструктор академик РАН Ю. С. Соломонов, отметивший, что такой глобальный удар не будет реализован; но фрагменты таких технологий представляют ценность для иных разработок. См.: Разработчик «Булавы»: концепция глобального удара США неосуществи-

ма // РИА Новости. 02.12.2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ria.ru/world/20151202/1334161667.html>.

²⁷ *Chivvis Ch. S., Radin A., Massicot D., Reach C.* Strengthening Strategic Stability with Russia. Santa Monica, CA: RAND Corporation. 2017. P. 13. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE234.html>.

²⁸ PIR Press News // Disruptive Technologies, Strategic Vulnerability, and the Future of Deterrence. 28.06.2017. URL: http://www.pircenter.org/mailouts/view-letter/letter_id/1288/id/3.

²⁹ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 01.03.2018).

³⁰ *Chivvis Ch. S., Radin A., Massicot D., Reach C.* Strengthening Strategic Stability with Russia. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2017. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE234.html>.

³¹ Ibid. P. 11.

³² National Security Strategy of United States of America. 2017. P. 2. URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=806478>.

³³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Президент России. Официальный сайт. 25.06.2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5100/print>.

³⁴ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности // Президент России. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5098> (дата обращения: 25.06.2016).

³⁵ Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания. Вена, 19 января 1989 г. Приложение III. Мандат переговоров по обычным вооруженным силам в Европе. С. 46–55. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/mc/40885?download=true>.

³⁶ *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М.: Международные отношения, 1992. С. 126.

³⁷ От границы с ГДР до Франкфурта-на-Майне наступающим через Фульдский коридор (земля Гессен) советским войскам надо было бы преодолеть лишь 100 км. См.: Фульдский коридор: Фермопилы холодной войны. Ч. 1: Только война. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://war-only.com/fuldskij-koridor-fermopily-xolodnoj-vojny-chast-1.html>.

³⁸ Военный атташе: Китай придерживается стратегии активной обороны // ТАСС. 08.12.2017. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tass.ru/opinions/interviews/4792302>.

³⁹ *Нестерчук А. Н., Аксенов О. Ю.* Перспективы развития радиолокационного поля системы предупреждения о ракетном нападении в интересах обеспечения военной безопасности России // Военная мысль. 2017. № 6. С. 43–50.

Литература

Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. А. А. Кокошина. М.: Изд-во Московского ун-та, 2016.

26. Стратегическая стабильность в контексте трансформации миропорядка

Есин В. И. Политика США в области противоракетной обороны и ее влияние на стратегическую стабильность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 85–114.

Кокошин А. А. Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 7–21. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.02>.

Обзор ядерной политики. Февраль 2018 // Аппарат Министра обороны США. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872876/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY-TRANSLATION-RUSSIAN.PDF>.

Фененко А. В. Современные концепции ядерного сдерживания // Международные процессы. 2012. Май–август. Т. 10. № 2.

Chivvis Ch. S., Radin A., Massicot D., Reach C. Strengthening Strategic Stability with Russia. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2017. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE234.html>.

Kahn H. On Thermonuclear War. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960.; *Lieber K. A., Press D.* Nuclear Deterrence in the Computer age. The Erosion of Stalemate // Policy Brief. 16.05.2017. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/nuclear-deterrence-computer-age-erosion-stalemate>.

Miller Jr. J., Fontaine R. Navigating Dangerous Pathways. A Pragmatic Approach to U.S.-Russian Relations and Strategic Stability. Harvard Kennedy School, Belfer Center for Science and International Affairs, Center for a New American Security. 2018.

Neumann J. von, Morgenstern O. Theory of games and economic behavior. Princeton, NJ: Princeton university press, 1953.

Powell R. Nuclear Deterrence Theory, Nuclear Proliferation, and National Missile Defense // International Security. 2003. No 4 (27). URL: <http://slantchev.ucsd.edu/courses/pdf/powell-is2003v27n4.pdf>.

Schelling Th. C. The Strategy of Conflict. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960.

Snyder G. H. Deterrence and Defense. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961.

27. ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова

Мировой энергетический порядок, энергетическая безопасность, энергетическая парадигма, дипломатия ресурсов, сланцевая революция, «зеленая» энергетика

Американский политолог Дэниел Ергин в книге «Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть» так охарактеризовал нефтяной бизнес: «...90 процентов политики и 10 процентов нефти». Методы обретения энергоресурсов различаются: военное вторжение или потаенная закулисная игра, мирные переговоры или открытый шантаж. Методов много, но мотив обычно один — стремление поставить под свой контроль энергоресурсы, которые по праву считаются мерилom могущества государства.

Именно обеспечение доступа к углеводородам издавна стало краеугольным камнем политики мировых игроков, а энергетическая парадигма превратилась в неотъемлемую часть теорий международных отношений (ТМО).

«Король Уголь удерживал свой трон всю первую половину двадцатого века, — пишет Ергин. — Но не мог устоять перед лицом огромной волны нефти, пришедшей из Венесуэлы и Ближнего Востока и разлившейся по планете после Второй мировой войны»¹. Поэтому, не забывая об угле, самом уязвимом, с точки зрения экологов, сырье, и не преуменьшая роль атома (сегодня не более 17% мирового энергопроизводства), на которую после Фукусимы обрушился шквал критики, сосредоточим внимание на нефти и газе, которые по-прежнему играют ключевую роль на мировой арене.

Методология изучения энергетической парадигмы в политологии

Формирование нового мирового энергетического порядка — задача сложная, многоаспектная и требующая фундаментального анализа мировых энергетических трендов с участием не только политологов и экономистов, но

и историков, философов, социологов и даже демографов. По мере превращения доступа к энергоресурсам в узловой фактор мировой политики энергетическая парадигма все больше оказывается в фокусе дискурса политологии, и в трактовке энергетической парадигмы можно выделить три школы:

1. *Экономическая* школа опирается, в частности, на прогнозы топливной конъюнктуры — ценообразования, стабильности роста нефтедобычи и баланса энергопотребления, связанные со снижением политических рисков.
2. *Геополитическая* школа подходит к анализу энергетики с точки зрения доступа к источникам, безопасности маршрутов транзита углеводородов и т.п., т.е. с точки зрения интеграционных процессов и взаимоотношений на межгосударственном уровне.
3. *Экологическая* школа, которая сейчас набирает влияние. Она базируется на убеждении ряда политиков и природоохранных общественных движений в том, что критические риски для человечества возникают на почве излишнего производства энергии и выбросов CO₂, а также в том, что избежать этого можно, разнообразив источники энергии и перейдя на альтернативные виды энергии и т.п.

Для анализа отношений между субъектами мирового политического энергодIALOGA в рамках концепции *энергетической безопасности* применяют *теорию игр*, в частности описание энергетического дискурса в рамках правил игры с ненулевой суммой, в которой стороны способны добиться обоюдных выгод или обоюдно проиграть в отличие от игр с нулевой суммой, где выигрыш одного эквивалентен проигрышу другого. Есть по меньшей мере три подхода к объяснению динамики нефтяных цен.

Первый из них — *рыночный*, исходящий из того, что нефть — это товар, цена на который складывается прежде всего из соотношения спроса и предложения, а также из ожиданий рынка относительно направления трендов. Но ситуация 2015 г., когда цена поползла вверх, а соотношение спроса и предложения не менялось, говорит о том, что рыночная версия — не более чем попытка подогнать факты под теорию. Будь она реально действующей моделью, рост или падение цен можно было бы вычислить и предсказать.

Второй подход — *конспирологический* — апеллирует к «теории заговора», и ему свойственно стремление приписать демонические характеристики ведущим нефтяным акторам (чаще рассматривается «треугольник»: Эр-Рияд—Вашингтон—Москва). Так, обвал цен в 2014 г. объясняют тайными сделками США и Саудовской Аравии, которые якобы были заключены Баракком Обамой. Получается, что Вашингтон поставляет новейшее оружие в обмен на то, что Эр-Рияд «разгоняет» нефтяные цены или «укрощает» их. Этот подход также не очень убедителен. Распад Советского Союза произошел вовсе не по причине

мифического сговора Белого дома с шейхами, а в силу обширного комплекса внутри- и внешнеполитических причин.

Третий подход — *биржевой* — предполагает, что цены формируются крупными спекулянтами. Развитие биржевых инструментов привело к тому, что нефть стала «бумажной» — возникла система манипулирования ценами. «Нефть давно уже представлена в “бумажном виде” — в виде нефтяных фьючерсов, которые являются способом вложения денег», — отмечает гендиректор Фонда национальной энергетической безопасности К. В. Симонов². Однако и тут мы вынуждены ступить на зыбкую почву гипотез о том, что политически выгодно Вашингтону, сильнейшему игроку на рынке нефти, где у него два главных конкурента — Россия (экспортер) и Китай (импортер), которые оказывают влияние на ценовые тренды с противоположных позиций. Продвигая «меры обуздания» одного из конкурентов, Вашингтон создает тепличные условия другому. Таким образом, можно сделать вывод, что цены задает и регулирует все-таки узкий круг наиболее сильных политических и экономических акторов на рынке.

Неравномерность распределения и истощаемость залежей как риски

Естественная неравномерность распределения ресурсов на планете заставляет страны примерять на себя различные «роли» в энергетическом обмене. Они часто совмещают или меняют «роли» в зависимости от обстоятельств, и с известной мерой условности их можно назвать поставщиками, потребителями и транзитерами. Политические отношения между группами игроков образуют «шахматную доску». По данным *Forbes* на май 2017 г., крупнейший игрок за этой «доской» — это Вашингтон: объем добычи в США составил 9,4 млн барр./сутки — 11,7% от мирового (это третье место после Саудовской Аравии и России). Но Вашингтон — еще и крупнейший потребитель «черного золота» и считается также влиятельнейшим транзитером, поскольку контролирует биржу энергоресурсов и танкерные перевозки. При этом он хочет усилить контроль, так как источники углеводородов смещены в удаленные от американского побережья конфликтогенные зоны, зачастую недружественные Вашингтону, например на Ближнем Востоке³.

Истощение месторождений усугубляется нагнетанием психологического стресса и фобий. С ростом волатильности рынка появился еще один фактор влияния на политику — страх перед «энергетическим голодом». Пророчества об истощении нефтяных запасов были концептуально обоснованы еще в 1950-х годах.

Мэрион Кинг Хабберт (1903–1989) — геофизик и математик, работавший в лаборатории компании Shell.

Хабберт предложил в 1956 г. свою теорию «пика нефти», согласно которой США должны были достичь исторического максимума нефтедобычи к 1970 г., а мир в целом — к 1995 г. Прогноз по срокам не оправдался в связи с развитием добычи нефти в море, разработкой «нестандартных» залежей, например битуминозных песков, а горизонтальное бурение, позволившее получать больше нефти сегодня в счет будущего, скорректировало график: «пика нефти» мир достиг не в 1995 г., а в 2005-м. Кривая Хабберта стала меньше походить на колокол и больше — на плавник акулы: спад дебита оказался более крутым, чем полагал эксперт из Хьюстона. Ключевой тренд он предугадал верно: в 2010 г. мировая добыча нефти резко упала, породив серьезные политические последствия.

Подтверждением теории «пика нефти» стала, например, ситуация с Индонезией, которая еще четверть века назад была одним из лидеров мировых продаж, а после 2005 г. начала потреблять «черного золота» больше, чем добывать, и превратилась в его нетто-импортера. Былое обладание несметными ресурсами, подкрепленное членством в ОПЕК крупнейшей в мире мусульманской страны, разумеется, укрепляло влияние Индонезии в мире, а когда она перешла в ранг импортеров нефти, ее внутренние проблемы обострились, и она даже на несколько лет вышла из ОПЕК.

Нечто подобное произошло с газом, хотя и в менее драматичной версии. С открытием газовых запасов на шельфе Северного моря, ставшего европейским резервуаром «белого золота», Великобритания стремительно нарастила добычу природного газа и принялась поставлять его на континент, построив газопровод *Interconnector*. Пик добычи пришелся на 2000 г., но спустя лишь четыре года ресурсы перестали покрывать потребности, и труба была реверсирована, т.е. по ней газ потек в обратном направлении.

В начале нового тысячелетия в теориях международных отношений появилось понятие «дипломатия ресурсов», или «ресурсная дипломатия», интерпретация которого вытекает из смысла составляющих его терминов. Эта дипломатия органично совмещает привычные инструменты внешней политики государства и наднациональные интеграционные механизмы, растущую активность регионов и деятельность крупных компаний. «Ресурсы» понимаются не только как уголь и нефть, газ и запасы воды, но и как инновационные технологии, передовые инструменты менеджмента, использование международных финансовых механизмов. Термин «дипломатия ресурсов» концентрирует стержневые проблемы международных отношений: сочетание глобализации и регионализации, соотношение интересов национальных государств и международного сообщества в целом, разрыв между развитыми и развивающимися странами, диалог Север–Юг⁴.

Механизмы контроля над добычей, сбытом и переработкой ресурсов

Еще один политический вызов заключается в том, что запасы энергоресурсов, как правило, находятся под контролем национальных госкомпаний, а ключевые рынки сбыта и переработка — транснациональных корпораций. Источник противоречий в том, что ТНК пытаются контролировать энергоресурсы, а госкомпании, в свою очередь, стараются прибрать к рукам перерабатывающие мощности и долю в активах транспортных и сбытовых структур. Противостояние подпитывается «наращиванием мускулов», а экспансионизм госкомпаний наталкивается на контрмеры ТНК. Слияния и поглощения часто выходят за рамки государства и формируют некое общее волатильное геополитическое пространство.

Методология сравнительных исследований дает множество убедительных иллюстраций взаимозависимости мировой политики и ситуации в сфере углеводородов. Об этом говорит и хроника беспрецедентного всемирного кризиса 1973 г., вызванного национализацией государствами Персидского залива своих нефтяных активов и концессий. Задолго до кризиса, в 1960 г., страны, обладавшие 77% разведанных глобальных запасов нефти, — Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия и Венесуэла — объединились в Организацию стран-экспортеров нефти (ОПЕК)⁵. Их сплотило возмущение тем, что переработка и продажа углеводородов, добываемых на их территории, была в руках ТНК, прозванных мировой прессой «семь сестер» (*Exxon, Royal Dutch Shell, Texaco, Chevron, Mobil, Gulf Oil и British Petroleum*), которые задешево приобретали сырье и сбывали его по заоблачным ценам, монопольно получая сверхприбыли от эксплуатации топливных ресурсов развивающихся стран.

Однако роль «триггера» кризисных перипетий сыграли именно политические потрясения: 20 октября 1973 г. в ответ на вспышку арабо-израильского конфликта ОПЕК ввел эмбарго на экспорт нефтепродуктов, практически лишив топлива США и Нидерланды, которые поддерживали Тель-Авив и поставляли ему вооружения⁶.

- Кризис 1973 г. вызвал «камнепад» тяжелых последствий для Запада, в частности инфляцию, банкротства, увольнения, сокращения рабочей недели, отмену многих авиарейсов и т.п. Вашингтон призвал население Америки убавить температуру в домах, отключив подсветку зданий и рекламных щитов, а цена бензина поднялась в четыре раза — с 30 центов до 1,2 долл. за галлон. Нидерланды запретили пользоваться автомобилями по воскресеньям. Во многих странах Запада прокатились массовые волнения населения.

Не менее красноречив пример влияния нефтяного фактора на социально-политический кризис в Венесуэле — чемпионе по запасам «черного золота». Высокий спрос на нефть вместе с обещаниями «светлого будущего» со стороны популистского режима Уго Чавеса привели к тому, что к концу XX в. у населения сформировались завышенные ожидания по отношению к государству, а когда персоналистский антиамериканский режим Венесуэлы в 2006 г. поставил иностранные компании перед необходимостью подписать соглашения о создании совместных предприятий с государственной нефтяной компанией *Petróleos de Venezuela, Sociedad Anonima (PDVSA)*, Вашингтон в ответ оказал помощь оппозиции, и Венесуэле охватил жестокий политический кризис. В конечном итоге «нефтеэтанитарная» модель развития в ее боливарианской версии на фоне падения нефтяных цен привела к дестабилизации и беспорядкам, галопирующей инфляции и девальвации боливара, поставив режим наследника Чавеса — Николаса Мадуро на грань дефолта.

Другой пример — фиаско попытки *CNOOC*, крупнейшей китайской госкорпорации по добыче нефти и газа на шельфе, купить американскую нефтяную компанию *Unocal* в 2005 г. за 18,5 млрд долл. Но никто не желал пускать политического соперника на рынок энергоресурсов США, и в итоге компания досталась на полмиллиарда дешевле «своему» игроку — корпорации *Chevron*⁷.

Вся новейшая история свидетельствует о том, что политические соображения часто берут верх над интересами бизнеса. Политика использования углеводородов в целях давления на другие государства продолжается, репродуцируя кризисы.

Подробнее рассмотрим механизм, с помощью которого Запад пытался взять под контроль СССР и потом Россию после того, как в конце 1960-х годов Советский Союз разведвал запасы углеводородов в Сибири и стал одним из крупнейших поставщиков газа на мировой рынок. Забегая вперед, отметим, что, с одной стороны, это помогло СССР превратиться в сверхдержаву, а с другой — Москва, попав в зависимость от цен на энергоносители, с обвалом цен на них испытала шок, который усугубил внутренние трудности, ставшие причиной перемен на карте мира.

Но случилось это позже. А тогда, на гребне высоких цен, советские специалисты разработали масштабную программу экспорта газа в Западную Европу путем ускоренного сооружения магистральных трубопроводов. Тогда же возникла схема «газ в обмен на трубы». Первопроходцем стала нейтральная Австрия, но выгоды от проекта оказались столь очевидными, что год спустя за Вену последовала ФРГ. Против выступил Вашингтон, пригрозив санкциями западным участникам проекта. Но лидеры европейских государств пеклись тогда о национальных интересах больше, чем о «наказании Москвы», и даже «железная леди» Маргарет Тэтчер позвонила президенту Рональду Рейгану

сообщить, что металлургические предприятия Великобритании простаивают в ожидании заказа труб для газопроводов.

Шли годы, и уже после распада СССР Брюссель воспользовался ситуацией, чтобы решить проблему энергобезопасности за счет России и навязать ей и странам СНГ свои «правила игры» с помощью Договора об энергетической хартии. Его подписание началось в 1994 г., но Хартия вступила в силу лишь в 1998 г., а с 2000 г. начались переговоры по Транзитному протоколу. Для России главный негатив Хартии и Протокола заключался в требованиях свободного доступа третьей стороны к российским месторождениям и транзита энергоресурсов из других регионов через российскую территорию и по российским трубопроводам. То есть речь по существу шла об утрате суверенитета в сфере, которая и сегодня считается главным источником средств для модернизации страны. Однако в этот период сменилось руководство России, и новый президент отказался ратифицировать Хартию без внесения в нее кардинальных поправок.

Антироссийская тональность принятой ЕС в 1998 г. Первой газовой директивы прозвучала приглушенно, и даже не любимые Брюсселем газовые контракты, заключенные «Газпромом» с рядом европейских стран, преподносились как неизбежное, но преходящее зло (еще была надежда на уступчивость российского руководства).

Ситуация в России начала понемногу меняться: нарастала государственная консолидация и, соответственно, независимость внешнеполитического курса. Естественно, брюссельская бюрократия не могла остаться в стороне от новых веяний, и во Второй газовой директиве (2003 г.) антироссийские мотивы прозвучали более громко. Брюссель акцентировал пропагандистские мотивы о монополии «Газпрома» на европейских рынках, об использовании Россией поставок газа в качестве геополитического оружия и т.п. Между тем цифры говорили об обратном: доля России в поставках на европейские рынки со времени сделки «газ в обмен на трубы» уменьшилась вдвое, так как у ЕС появились новые контрагенты.

Антироссийская направленность энергетических документов, подготовленных Брюсселем, проявилась после первого газового кризиса в отношениях Украины и России в начале 2006 г., когда Киев начал «несанкционированный отбор» газа, предназначенного для Европы. Брюссель и Вашингтон как будто не заметили этого нарушения Энергетической хартии и Транзитного протокола, подписанного и ратифицированного Украиной, и всю ответственность возложили на Москву. Это было первое (но далеко не последнее) использование Западом «транзитного оружия» против России. С одной стороны, без такой поддержки Киев никогда не осмелился бы на решительные и нечестные по отношению к России шаги. С другой — киевские власти осознали, что роль страны как газового транзитера может быть использована для политического прессинга не только на Россию, но и на Европу⁸.

«Сланцевая революция» как инструмент давления

Перспективы разведки и эксплуатации месторождений сланцевого газа стали одной из центральных тем дискуссий и политологов, и бизнесменов. Сланцевый газ разрабатывается уже много десятилетий, но в малых объемах, потому что его добыча, *во-первых*, обходится дорого, *во-вторых*, это технологически сложно. Власти США ее субсидируют, равно как и добычу газа из других нетрадиционных источников⁹.

«Сланцевая лихорадка», сравнимая с золотой или же нефтяной в XIX в., возникла в результате соединения двух известных технологий — горизонтального бурения и фрекинга (разрыва, дробления пласта накачкой воды под большим давлением).

Конъюнктура вначале была благоприятна — с 2005 г. цены на энергоносители росли и достигли апогея в июле 2008 г., когда баррель нефти стоил 147 долл. США: цена была искусственной, аномально высокой, став итогом игры на Нью-Йоркской товарной бирже. Но она подействовала гипнотически: компании и дельцы скупали участки и бурили на сланцевый газ. Но тогда же многие ужаснулись, увидев в одном из телесюжетов, облетевших мир, как к обычному водопроводному крану подносят горящую спичку и вода вспыхивает. Дело в том, что сланец отличается от камня и песчаника тем, что после его дробления, сопровождаемого выходом газа, трещины вновь сворачиваются, «заживают». И чтобы этого не происходило, в накачиваемую воду добавляют химикаты. Происходят также непредсказуемые сдвиги пластов почвы и грунта, вызывая микроземлетрясения и нежелательные экологические последствия. Отсюда — неприятие этой технологии населением, властями многих американских штатов и европейских стран. (Правда, есть территории, где жители индифферентно относятся к последствиям для окружающей среды и заинтересованы больше в поддержании занятости.)

Ученые предупреждали, что отрасль находится в «младенческом возрасте» и что в ней существуют проблемы, которые еще предстоит решить. Что касается конкуренции между сланцевым газом и сжиженным природным газом (СПГ), то специалисты, проанализировав движение спроса и цен на газ, показали, что при любом сценарии СПГ не только продолжит поступать на рынки (другой вопрос — в каких количествах), но и будет оказывать конкурентное давление на сланцевый газ, снижая его производство. Специфика сланцевой лихорадки заключалась также в быстрой истощаемости сланцевых скважин. Если традиционная газовая скважина работает 16–20 лет, на сланцевый газ новые скважины надо бурить постоянно.

Быть может, сама технология пока недостаточно совершенна? Американцы научились частично нивелировать последствия этой проблемы. Сегодня

ведется уже не просто горизонтальное бурение, но и бурение — с помощью гибкого бура — одновременно в нескольких направлениях, при наличии на поверхности только одной скважины (в России, кстати, так бурят, в частности, на Ванкорском месторождении на севере Красноярского края).

Быстрое исчерпание месторождений — не единственная трудность. Из нее вытекают другие вызовы, делающие добычу сланцевого газа убыточной и вынуждающие до сих пор ее субсидировать. Тысячи людей и компаний в разных странах взяли кредиты, чтобы купить или арендовать участки, приобрести технологии, оборудование. Горячка продолжалась до 2009 г., а потом цены стали падать — год, два, три подряд. Для многих поверивших в «сланцевую мечту» это обернулось банкротством. На плаву удержались лишь 10–12 независимых компаний. Самая известная из них — *Chesapeake Energy*, пионер скупки участков для бурения на сланцевый газ, но и она оказалась на грани краха.

Важно, что «сланцевая революция» в США стала результатом, в частности, государственной политики по созданию благоприятных условий частному бизнесу в сфере добычи сланцевого газа. Цель такой политики — уменьшение зависимости США от импорта¹⁰. В сознании масс закрепилось представление, что Соединенные Штаты в ходе упомянутой «революции» практически прекратили покупать сжиженный газ, покинув мировой газовый рынок в качестве крупнейшего покупателя. Это повлияло на цены и структуру рынка, а США повысили свою независимость от внешних поставок. Но главное, пожалуй, — это политический результат: Вашингтон сделал шаг к сокращению зависимости от Ближнего Востока, что позволило «разобраться» с некоторыми государствами и территориями. Вашингтон хотел, чтобы сланцевый газ компенсировал сокращение добычи традиционного газа и позволил не допустить роста цен, рокового для тысяч американских предприятий. Если брать весь газ — и традиционный, и газ из твердых пород, в том числе сланцевый, — никакой количественной революции не было. «Революционность сланцевого газа» заключалась в том, что был дан эффективный импульс предотвращению дальнейшей деиндустриализации США.

Но Вашингтон успел использовать «сланцевую революцию» в своих интересах. Как только была обозначена перспектива масштабных поставок сжиженного газа, инвесторы выстроились в очередь — теперь уже на строительство терминалов — предприятий по регазификации СПГ (сейчас лишь несколько из них работают, причем далеко не на полную мощность, остальные либо стоят недостроенными, либо законсервированы).

Как бы ни развивались события, Вашингтон останется покупателем СПГ. Не было и в помине избытков газа, который хлынул бы из США в Евросоюз. Президент Обама утверждал, что Европа не станет нуждаться в российских поставках, поскольку американского газа будет в избытке. Статистика пока этого не подтверждает. Правда, в ряде стран ЕС потребление сокращается и наблюдается «угольный ренессанс», который теснит более дорогой газ.

Тают и надежды, что «сланцевая революция» спасет Европу. Так, предполагалось, что немало сланцевого газа должно добываться в Польше. ТНК сблизнили Варшаву перспективой не только энергетической независимости, но и вытеснения российского газа с рынка ЕС польским. Однако сланцевого газа в коммерческом энергобалансе Польши нет. Зато удалось затянуть подписание с «Газпромом» соглашения о транзите. Ряд крупных компаний заявили об отказе разрабатывать сланцевые месторождения в Польше, ссылаясь на скудость запасов газа. А Варшава успела построить терминалы по приему сжиженного газа и заключила контракты по цене вдвое выше, чем цена поставок из России. Здесь не было ни грана прагматизма — речь шла о барьере для российских поставок.

Европа учитывает экологические риски разработки сланцевого газа. Франция сразу отказалась делать на него ставку (правда, ее энергобаланс зависит во многом от АЭС). Германия взяла курс на ликвидацию АЭС, но запретила и фрекинг.

Термин «сланцевая революция» относится не только к газу; в США все популярнее словосочетание «сланцевая нефть» (*shale oil*). В Вашингтоне ее подняли на щит и обещают «поставить на место» Эр-Рияд. Примерно с 2010 г. началась вторая серия лихорадки. Но для добычи сланцевой нефти характерны те же недостатки, что и для производства сланцевого газа; столь же высоки и расходы. Чтобы компенсировать спад, требуется все больше и больше скважин. Специалисты-скептики подсчитали: чтобы поддерживать баланс, необходимо бурить ежегодно 6 тыс. новых скважин, а на это требуется 35 млрд долл. Нефтяной бум преподносится в США как средство избавления Америки от импортной зависимости и сокращения внешнеторгового дефицита. В действительности разработка сланцевой нефти, по крайней мере в ближайшей, а возможно, и в отдаленной перспективе, не приведет к уменьшению дефицита в нефтяной торговле. Взаимодействие факторов импорта нефти, ее цены на мировых рынках и дорогостоящей добычи сланцевой нефти в самих Соединенных Штатах диалектически противоречиво: высокие мировые цены на нефть делают добычу сланцевой нефти в США относительно рентабельной, но они же приводят к тому, что все еще остающаяся (хотя и уменьшенная) часть импорта становится бóльшим бременем для баланса американской внешней торговли¹¹.

Попытки диверсификации маршрутов доставки углеводородов и санкции США

На Западе считается актуальной тема энергетической безопасности Европы, рекламируемая в увязке с так называемой российской «газовой угрозой». Эту кампанию Вашингтон и брюссельская бюрократия инициировали сразу

же после первого газового кризиса в отношениях Украины и России в 2006 г. С тех пор «Газпром» стал стремиться к диверсификации маршрутов прокладки газопроводов, чтобы совместно со странами — потребителями газа минимизировать возникшие риски и угрозы. Однако Запад предпочел обеспечивать свою энергобезопасность с помощью рычагов давления на Россию, а Еврокомиссия увлеклась геополитическими действиями антироссийской направленности¹². Летом 2017 г. президент Дональд Трамп подписал закон, предусматривавший ограничения на кредиты российским энергетическим компаниям, запрет на крупные инвестиции в российские экспортные трубопроводы, а также на поставки оборудования для освоения арктического шельфа. Парадоксально на первый взгляд: под санкции тем самым попадали и европейские компании, которые осмелились бы вложить средства в обеспечение себя энергопоставками из России. Замысел, однако, предельно прагматичен: блокирование экспортных трубопроводов, будь то «Южный поток» или «Северный поток–2», должно заставить Европу покупать у США более дорогой сланцевый газ¹³.

Еще досаднее то, что неповоротливость российской бюрократии, привязанность «Газпрома» к трубе привели к отставанию от Катара, бурно осваивающего азиатское направление своего экспорта СПГ. При том, что транспортные издержки на поставки катарского газа, например в Японию, составляют минимум 40% их стоимости. К тому же танкерами доставлять СПГ из Катара на Дальний Восток надо две недели. Везти же его с Сахалина до Японии явно дешевле, а главное — всего два-три дня (иногда полтора — в зависимости от того, на какой японский остров идет поставка). По мере того как обостряется ситуация на Ближнем Востоке, Токио спешит диверсифицировать источники закупок и расширяет участие в проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2». Тем более что основу инфраструктуры там построила не Россия и даже не компания «Шелл» (она была оператором), а Япония, которая после трагедии Фукусимы стала закрывать свои АЭС.

Чтобы оценить специфику энергетической парадигмы в мировой политике, надо учесть пространственно-временные факторы. Если традиционные виды транспорта сродни точке, находящейся в конкретных пространственных координатах в часовом времени, то инфраструктура, состоящая из трубопроводов, функционирует, как правило, в *разных государственно-пространственных координатах* и удовлетворяет *одновременно* потребности разветвленной *сети* потребителей энергии, которые геополитически находятся в разных странах и даже на разных континентах. Это не только предприятия России и СНГ, но и «игроки мирового энергетического поля» на Западе и Востоке. Магистральный трубопровод как сетевой транспорт сложного типа обеспечивает — помимо мобильности энергопродуктов — геополитический статус страны, становится фактором экономической и политической стабильности в мире. Конкретно, создание сети трубопроводов помогло инициировать свое-

го рода «новое открытие» Азии для России, Европы и мира, запустить процесс осознания социально-техно-экологических и политических реалий взаимозависимости, формирования нового мирового порядка и гуманистической геополитики, важнейшим принципом которых должна стать *неделимость энергетической безопасности* для всех народов мира¹⁴.

Если трансформации, затрагивающие сферу взаимодействия природы и социума, не подкреплены моральными нормами, то человечество окажется лицом к лицу с опасностями, среди которых наиболее грозные — отложенные риски. Главная проблема энергетической безопасности является обоюдоострой, и сторонам — экспортерам, потребителям и транзитерам — предстоит сообща устранять неизвестные в прошлом глобальные риски террористических угроз, способных привести к экологическим катастрофам. Ни Россия, ни США, ни даже региональные коалиции не в состоянии поодиночке побороть организованную преступность, по существу выступающую в космополитической форме. «Единственно возможный ответ глобальному террору — равно как глобальным финансовым рискам, климатическому изменению и организованной преступности — транснациональная кооперация»¹⁵, — утверждает автор концепции мирового общества риска Ульрих Бек.

Вместе с появлением новых рисков открылись и новые возможности. Так, развитие энергетики на базе магистрального трубопроводного транспорта и освоения Северного морского пути содействует созданию новых перспектив развития. Пример такого трамплина — «Ямал СПГ», самый мощный в России, новый завод по сжижению газа в вахтовом поселке Сабетта в зоне вечной мерзлоты, мегапроект, подтверждающий статус России как одной из ведущих энергетических держав. С полуострова Ямал можно обеспечить по Северному морскому пути сжиженным природным газом и Европу, и Азию. Именно здесь в декабре 2017 г. прозвучала важная формула о том, что «Россия в этом и в следующем столетии будет прирастать Арктикой»¹⁶.

Сейчас маловероятно, но не исключено, впрочем, что Арктика в будущем может стать полем соперничества держав, а яблоком раздора будут вопросы о принадлежности арктического шельфа и интернационализации использования арктических территорий. Сейчас значительные ресурсы находятся в особых экономических зонах арктических стран, побережье которых выходит к Северному Ледовитому океану. Их шесть — Россия, США, Дания (Гренландия), Канада, Норвегия, Исландия. Однако политологи неарктических стран нередко выдвигают предложения считать Арктику «общим достоянием», проводя параллель между Арктикой и Антарктикой, что издавна признано некорректным в связи с радикальным различием регионов. Важно, что на официальном уровне ни одна держава не оспаривает прав арктических стран, здесь разногласий практически нет¹⁷.

В рамках энергетической парадигмы более серьезный вызов представляет политическая сторона «зеленой энергетики». Ряд экспертов на Западе выдвигают

гают тезис о том, что индустриально развитые демократические страны перейдут к энергетике, основанной на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ)¹⁸, а традиционная добыча углеводородов отдается на откуп странам «отсталым» и «авторитарным». Подразумевается, что «продвинутые демократии» с неизбежностью всецело перейдут на ВИЭ, а тем временем трубопроводы проржавеют и «менее демократические страны» и тирании падут, потеряв источник существования в виде прибылей от углеводородов.

Даже беглый обзор энергетической парадигмы показывает, что эта проблематика крайне политизирована. Нефть и газ были и остаются источником политических и экономических конфликтов.

В массовом сознании по-прежнему доминируют стереотипные, поверхностные представления и суждения, сложившиеся еще в эпоху биполярности мировой системы. Ее конец стал итогом длительного процесса диалектического развития противоречий, характерных для этой модели миропорядка, и поднял множество проблем политического толка. Решить такие проблемы, порождаемые неравномерностью распределения ресурсов, можно только в рамках складывания нового мирового порядка и соответствующей трансформации сознания людей. Новый миропорядок не возникает непосредственно с распадом старого: предстоит долгий (по меньшей мере, на несколько десятилетий) переходный период, в течение которого будет идти его формирование на базе компонентов, оставшихся человечеству от прошлого периода истории.

Примечания

¹ *Ергин Д.* Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.livelib.ru/author/179898/quotes-deniel-ergin>.

² *Симонов К. В.* Кто управляет нефтяными ценами? Политические факторы на нефтяном рынке // Энергетическая политика. 2015. Вып. 8. С. 39.

³ Там же. С. 35.

⁴ *Торкунов А. В.* Предисловие // Дипломатия ресурсов: Сырьевые ресурсы и система международных отношений двадцатого века / Отв. ред. А. В. Торкунов / Пер. с ит. М.: Навона, 2008. С. 9.

⁵ Потом до 1975 г. в ОПЕК вошли еще восемь стран — Катар, Индонезия, Ливия, Объединенные Арабские Эмираты, Алжир, Нигерия, Эквадор и Габон. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ereport.ru/articles/commod/oilcount.htm>.

⁶ Энергетический кризис 1973: предпосылки, хронология, последствия // Crisometer. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://crisometer.com/ru/analytics/58-energeticheskij-krizis-1973-predposylki-hronologiya-posledstviya>.

⁷ Китай нацелился на американскую нефтяную фирму. 24.06.2005 // Ural.ru. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ural.ru/news/business/2005/06/24/news-50260.html>.

⁸ См. подробнее: *Симония Н. А., Торкунов А. В.* Энергобезопасность ЕС и Россия // Вестник МГИМО. 2015. № 4. С. 18–26.

⁹ Симония Н. А. Сланцевый газ лучше добывать в стране, которую не жалко // Янтарный мост. 2013. № 2. С. 50–53. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ambbr.artinfo.ru:8008/userfiles/file/amberjournal/issue10/rus/11.pdf>.

¹⁰ Подробно см.: Россия и АТР: перспективы газового сотрудничества: Сб. статей / Н. А. Симония, И. Р. Томберг и др. М.: МГИМО-Университет, 2012.

¹¹ Симония Н. А. «Революция сланцевого газа»: Обратима ли деиндустриализация США? // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 3–4. С. 63–73.

¹² Кравченко С. А., Салыгин В. И. Риски энергобезопасности: востребованность гуманистической геополитики // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 64; Симония Н. А., Торкунов А. В. Энергобезопасность ЕС и Россия // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 13.

¹³ Санкции ускоряют девальвацию рубля // Делягин.ру. 14.06.2017. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://delyagin.ru/articles/191-stati-i-intervju/54520-sanktsii-uskorjat-devalvatsiju-rublja>.

¹⁴ Кравченко С. А., Салыгин В. И. Риски энергобезопасности... С. 65–66.

¹⁵ Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 201. P. 41.

¹⁶ Арктическое сияние // Российская газета [Информационный ресурс]. 08.12.2017. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2017/12/08/reg-urfo/putin-rossiia-budet-pri-rastat-arktikoj.html>.

¹⁷ Арктика: битва откладывается? // Regnum [Информационный ресурс]. 14.06.2017. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2287856.html>.

¹⁸ Так, Лондон намерен отказаться от автомобилей, работающих на бензине.

Литература

Дипломатия ресурсов: Сырьевые ресурсы и система международных отношений двадцатого века / Отв. ред. А. В. Торкунов; под ред. М. Гудерцо и М. Л. Наполитано / Пер. с ит. Г. М. Михайловой, Т. В. Павловой; науч. ред. рус. изд. М. М. Наринский. М.: Навона, 2008. — 448 с.

Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблишер, 2016. — 944 с.

Кравченко С. А., Салыгин В. И. Риски энергобезопасности: востребованность гуманистической геополитики // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 64–74.

Медведева Н. Н. Углеводородные ресурсы и современный политический процесс: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Владивосток: ДВГУ, 2007. — 25 с.

Россия и АТР: перспективы газового сотрудничества: Сб. статей / МГИМО (У) МИД России; Н. А. Симония, И. Р. Томберг и др. М.: МГИМО-Университет, 2012. — 162 с.

Салыгин В. И. Международное энергетическое сотрудничество — залог устойчивого развития ТЭК // Академия Энергетики. 2006. № 2 (10). С. 22.

Симония Н. А. Мировая нефтегазовая промышленность: проблемы и перспективы. М.: ИМЭМО, 2009. — 25 с.

Симония Н. А. «Революция сланцевого газа»: мифы и реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 12. С. 3–13.

Симония Н. А. «Революция сланцевого газа»: Обратима ли деиндустриализация США? // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 3–4. С. 63–73.

Раздел III. МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Симония Н. А., Торкунов А. В. Глобализация, структурный кризис и мировое лидерство. Мифы и реальность. М.: Международная жизнь, 2013. — 88 с.

Симония Н. А., Торкунов А. В. Энергобезопасность ЕС и Россия // Вестник МГИМО. 2015. № 4. С. 18–26.

Симония Н. А., Торкунов А. В. Энергобезопасность ЕС и Россия // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 9–19. DOI: 10.17976/jpps/2014.05.02.

Симонов К. В. Кто управляет нефтяными ценами? Политические факторы на нефтяном рынке // Энергетическая политика. 2015. Вып. 8. С. 34–41.

Торкунов А. В. По дороге в будущее-2.5 / Ред.-сост. А. В. Мальгин. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2017. — 648 с.

28. КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова

Конфликт, вооруженный конфликт, война, интересы и потребности, урегулирование конфликтов, миротворческая деятельность, «справедливые» войны, посредничество, вмешательство, миротворческие операции ООН

Конфликты, их урегулирование и разрешение составляют важнейшее измерение как внутренней, так и международной политики. Известную емкую формулу, гласящую, что политика есть отношения по поводу власти, можно перефразировать и сказать: политика есть отношения по поводу конфликтов вокруг власти и ресурсов. Вся сфера политического может быть понята и интерпретирована как многообразие сталкивающихся и противодействующих интересов, ожиданий, действий, поведенческих актов разнотипных политических акторов (как внутри государств, так и на мировой арене) в отношении господства и подчинения, распределения ресурсов и влияния. В этом смысле политическая конфликтология — это не просто политологическая субдисциплина, анализирующая один тип социальных явлений, а своеобразная *конфликтологическая парадигма*, трактующая всю политическую сферу сквозь призму возникающих и разрешаемых конфликтов. Настоящая глава рассматривает многообразие определений и научных типологизаций конфликтов во всех общественных сферах, но в особенности освещает проблематику конфликтов в международных отношениях и международной теории.

Конфликт как столкновение интересов

Конфликты существуют в разных сферах человеческой жизни — есть конфликты индивидуальные и социально-групповые, психологические, семейные, этнические, религиозные. Определения конфликта в политологической литературе обычно тесно связаны с понятием интересов сторон.

- **Конфликт** (социальный) есть противопоставление и столкновение интересов двух или более индивидуальных или групповых социальных акторов, протекающие в формах от латентного (скрытого, потенциального) противостояния до прямого насильственного противодействия и нацеленные на реализацию каждой из сторон своих интересов.

Что же такое социальные (экономические, политические, идеологические и др.) интересы, которые играют ключевую роль в понимании и объяснении конфликтов? Для определения понятия «интерес» следует отступить еще на шаг от поверхности политических процессов и вспомнить о содержании понятия «потребность». Потребность в самом общем виде можно определить как рассогласование субъекта со средой (или элемента системы со структурой и функциями системы). Например, простейшая пищевая потребность («кушать хочется») возникает в результате (временного, преодолимого) рассогласования обмена веществ между живым организмом и окружающей средой, когда организм подает сигнал о необходимости пополнения из внешней среды источников белков, жиров и углеводов. Американский исследователь А. Маслоу в свое время построил классическую иерархию потребностей. В основании человеческой деятельности (*потребности базового уровня*) лежат потребности физического выживания (преодоления угрозы уничтожения), обеспечения жизнедеятельности (пища, вода, воздух и проч.), воспроизведения (размножения). Уровнем выше (*потребности социального уровня*) находятся потребности в организации нормального социального взаимодействия с другими людьми (потребность в социально-политической организации), потребность в налаживании производства и обмена продуктами и товарами (потребность в организации экономической системы) и другие социальные нужды. Наконец, на верхнем уровне пирамиды (*потребности духовного уровня*) находятся потребности в культурном развитии, идеологические, религиозные, культурные, моральные, гуманитарные нужды. Потребности каждого более высокого уровня человечество развивает, опираясь на удовлетворение потребностей предшествующих уровней.

Каждая потребность может быть удовлетворена с помощью объектов внешней среды или действий, которые выступают *предметами потребности* (объектами, удовлетворяющими потребность). Скажем, для пищевой потребности предметом ее удовлетворения является еда, в то время как для более сложных социальных потребностей (экономических, политических) предметом является эффективная и разумная организация общества, социальных отношений.

При этом *субъектом потребностей* могут выступать как индивид (отдельный человек, гражданин), так и социальная группа (выделенная по этническим, географическим, профессиональным или иным признакам), а также социальная структура (государство, а также политическая, экономическая, культурно-гуманитарная организация, партия, движение, совокупность государств).

- В таком случае социальный **интерес** трактуется как направленность социального субъекта (индивидуального или коллективного) на объекты, явления и действия, способные удовлетворить его потребность, т.е. восстановить сбалансированные (нормальные, оптимальные для его существования) отношения субъекта со средой (или системой, элементом которой он является). Интерес порождает активность субъекта, заставляет его стремиться к изменению отношений с внешними объектами, производству различных действий.

Однако интерес может быть верно или неверно осознан субъектом. Можно ведь и ошибиться в понимании того, какие объекты и действия могут удовлетворить ваши потребности. Поиск верного предмета потребности — простое социальное действие, часто опосредованное. Жертва кораблекрушения на необитаемом острове не может воспользоваться привычными способами удовлетворения потребностей (дом, построенный строителями, или пища, приобретенная в торговой лавке) — условному «Робинзону» приходится самостоятельно и заново искать природные источники пропитания, питьевой воды, учиться различать съедобные и несъедобные злаки, опытным методом выявлять целебные свойства растений, нередко ошибаясь и учась на ошибках. Так и социальная группа или государство может не сразу и не всегда верно определить, какие социально-экономические или геополитические действия нужны для того, чтобы обеспечить хотя бы базовое выживание и сбалансированные отношения с окружающей социальной и международной средой.

В том и заключается задача политиков, идеологов, государственных руководителей, чтобы верно осознать, выразить потребности народа, выявить и указать действия и изменения, необходимые для удовлетворения этого комплекса потребностей, оценить и мобилизовать ресурсы, организовать деятельность по реализации интересов общества и государства. Поскольку ресурсы ограничены, а общество и мировое сообщество в целом плюралистичны, разделены на различающиеся по многим параметрам социальные субъекты, постольку эти субъекты вступают в объективный конфликт интересов. Иногда разные субъекты и группы претендуют на одни и те же объекты (территории, природные ресурсы), которые могли бы стать предметом удовлетворения их потребностей. А в каких-то случаях действия одних субъектов по улучшению своего положения в социальной системе препятствуют другим социальным субъектам реализовать свои интересы. Социальные субъекты (политические силы, государства) составляют союзы и коалиции, объявляют и ведут войны, противоборствуют или сотрудничают друг с другом — возникает политический процесс.

Сами по себе интересы социальных групп объективны, они существуют независимо от того, осознаются или не осознаются социальными субъектами, а также от того, насколько верно или искажено это осознание. В теории исследователь, если бы он располагал всеми нужными данными, мог бы проанализировать состояние социальной и/или международной системы, место и ресурсы каждого социального актора (государства) и определить, что надо было бы сделать для достижения сбалансированного и оптимального положения данного субъекта в системе, т.е. предложить адекватное субъективное выражение объективных интересов. Однако в политической практике подобная задача просто не решается. Неизвестны многие закономерности поведения социальных систем. Сами системы постоянно трансформируются. Отсутствуют полные и объективные данные о ресурсах. В любую систему встроены ограничители, препятствующие ее идеальному функционированию. В результате сплошь и рядом многие

интересы социальных групп и государств оказываются вовсе неверно или частично неверно осознанными и выраженными в политических программах.

Более того, понятие «национальные интересы государства» по определению является равнодействующей, усредненной медианой между интересами разнотипных социальных групп, имеющих в данном обществе (государстве). А объективные интересы этих разных групп во многих (хотя и не во всех) параметрах противоречат друг другу, не могут быть реализованы одновременно, путем одних и тех же коллективных действий. В результате совместные собирательные интересы любого сложного общества являются внутренне противоречивыми. Концентрированная «внешняя угроза» может заставить общество на какое-то время повысить иерархическую значимость совместного интереса к обеспечению выживания, сохранению независимости или государственности. Но, как показывает история, после победы коалиции распадаются — помимо временно совпавшего интереса в конечном счете у разных индивидов и социальных групп расходятся другие интересы по организации общественной жизни. Казалось бы, очевидный интерес к обеспечению мира также не оказывается всеобщим — в разных социально-исторических ситуациях находятся индивиды и социальные структуры (например, военно-промышленные комплексы или авантюристические политики), которые могут достичь временной выгоды в результате продолжения и углубления конфликтов, войн, а иные социальные силы могут счесть, что поддержка той или иной конфликтующей стороны вопреки другой — в их собственных интересах.

Большинство существующих научных школ по изучению конфликтов увязывают понимание конфликтов и их урегулирования именно с так или иначе понимаемыми интересами и потребностями сторон как социальных акторов. Программа по изучению переговоров Гарвардской школы права констатирует: «Разрешение конфликтов есть процесс завершения противостояния посредством удовлетворения по крайней мере каких-то потребностей каждой из сторон и учета каких-то их интересов. Разрешение конфликтов требует учета как баланса сил, так и баланса интересов»¹.

Следует прислушаться к известному российскому специалисту М. М. Лебедевой, лидеру отечественной школы теории мировой политики, которая предостерегает против отождествления противоречия с конфликтом. «Конфликт, в том числе вооруженный, — подчеркивает М. М. Лебедева, — является лишь одной из форм проявления противоречий. Противоречия могут выступать в виде разногласий, которые, не достигая конфликтной формы, вполне можно урегулировать мирными средствами — путем переговоров, консультаций, дискуссий и тому подобных процедур»². Для того чтобы на основе имеющихся противоречий возник конфликт (конфликтное отношение и/или конфликтные действия) необходимо, *во-первых*, осознание наличия этих противоречий участниками, *во-вторых*, установка сторон разрешать имеющиеся противоречия силовым образом.

Ральф Дарендорф:

«Что касается переменных социальных конфликтов или границ, в которых они могут изменяться, то две кажутся особенно важными: интенсивность и насильственность. Конфликты могут быть более или менее интенсивными и более или менее насильственными. Допускается, что обе переменные изменяются независимо друг от друга; не каждый насильственный конфликт обязательно является интенсивным, и наоборот.

Переменная насильственности относится к формам проявления социальных конфликтов. Под ней подразумеваются средства, которые выбирают борющиеся стороны, чтобы осуществить свои интересы. Отметим только некоторые пункты на шкале насильственности: война, гражданская война, вообще вооруженная борьба с угрозой для жизни участников, вероятно, обозначают один полюс; беседа, дискуссия и переговоры в соответствии с правилами вежливости и с открытой аргументацией — другой. Между ними находится большое количество более или менее насильственных форм столкновений между группами — забастовка, конкуренция, ожесточенно проходящие дебаты, драка, попытка взаимного обмана, угроза, ультиматум и т.д. и т.п. Международные отношения послевоенного времени предоставляют достаточно примеров для дифференциации насильственности конфликтов от “духа Женевы” через “холодную войну” до “горячей войны” в Корее.

Переменная интенсивности относится к степени участия пострадавших в данных конфликтах. Интенсивность конфликта больше, если для участников многое связано с ним, если, таким образом, цена поражения выше. Чем больше значения придают участники столкновению, тем оно интенсивнее. Очевидные изменения индустриальных конфликтов в последнее десятилетие безусловно заключаются в снижении их интенсивности. Таким образом, интенсивность означает вкладываемую участниками энергию и вместе с тем социальную важность определенных конфликтов».

Р. Дарендорф. Элементы теории социального конфликта. 1992

Классификация и типологизация конфликтов

Конфликты могут классифицироваться и типологизироваться по разным методологическим основаниям.

По *сфере общественных отношений*, в которой преимущественно протекает конфликт, различают конфликты экономические, политические, военные, религиозные, идеологические, этнические и др.

По *характеру субъектов* конфликты могут делиться на индивидуальные, социально-групповые, институциональные (между социальными институтами, в том числе государствами и международными организациями). В последние десятилетия функциональным стало деление субъектов социальных конфликтов на государственных и негосударственных акторов, что дает соот-

ответственно три типа конфликта: конфликты между негосударственными акторами (включая индивидов, социальные группы, организации, партии, движения); конфликты между государствами; конфликты между государством, с одной стороны, и негосударственными субъектами, с другой.

Один из «классиков» политической теории М. Дойч предлагает по характеру субъектов или типу участников различать три уровня: внутриличностные и межличностные конфликты (индивидуально-психологический уровень); внутригрупповые и межгрупповые конфликты (социально-психологический уровень); внутринациональные и международные конфликты (политический уровень).

По *стадии проявления* выделяют латентные (скрытые, потенциальные) конфликты и актуальные конфликты, или, если иначе назвать стадии: назревающие, проявившиеся, разрешенные конфликты. При этом по степени активности проявления говорят о «спящих», «замороженных», «размороженных» конфликтах.

По *характеру средств*, применяемых сторонами конфликтов для реализации своих интересов, возможно деление социальных конфликтов на вооруженные (силовые, военные) и невооруженные. Причем очевидно, что в одном и том же конфликте нередко сочетаются несиловая и силовая стадии (стадия вооруженной борьбы).

По *продолжительности* различают краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные конфликты, хотя историческое время является весьма относительным — по сравнению со Столетней войной, известной в европейской истории, Тридцатилетняя война кажется среднесрочной.

Классическим является разделение *по сфере проявления* на международные и немеждународные конфликты. При этом ранее, в период расцвета Вестфальской системы государств, под международными понимали конфликты между государствами, и только между государствами (и их коалициями). Немеждународными считались внутригосударственные конфликты (в том числе гражданские войны, борьба государственного центра с сепаратистами, восстаниями и проч.). Но по мере становления в политологии понятия негосударственных акторов международных отношений и развития глобализации понятие немеждународных конфликтов расширилось. Появились социально-политические движения и акторы (как позитивные, подобные сильным международным организациям, так и негативные, подобные сетевой террористической группировке «Аль-Каида»), выходящие за пределы конфигурации границ одного государства, попросту не замечающие этих границ и действующие в общемировой социальной среде. Степень системности мирового сообщества пока еще недостаточно велика, чтобы назвать его единым «мировым обществом», однако очевидно, что в нем появились тенденции и конфликты, которые связаны с акторами глобального или континентального масштаба. И подобные акторы (например, масштабные транснациональные корпорации или финансовые «империи») могут вступать в конфликт между собой, перешагивая границы государств, а могут оказываться в конфликте с государствами и их группами, расширяя содержание понятия «немеждународные конфликты». Поэтому упрощенным становится интуитивно

напрашивающееся деление конфликтов на «международные» и «внутренние», скорее надо говорить о международных (в классическом смысле межгосударственных) и разнотипных немеждународных, включающих, помимо государств, также межгосударственных, надгосударственных и негосударственных акторов.

«Классические» межгосударственные войны все еще периодически происходят (достаточно упомянуть войну Великобритании и Аргентины из-за Фолклендских/Мальвинских островов, войну Ирана и Ирака в 1988 г., войну России–Грузии в 2008 г.), однако в современном мире гораздо чаще войны и конфликты имеют одной (или обеими/несколькими) из своих сторон негосударственных акторов. Таковыми выступают внутригосударственные сепаратистские, этнические/националистические или иные политические движения, непризнанные государства и пр. Примерами таких конфликтов стали международное противостояние с псевдогосударственным объединением ИГИЛ, политические миссии ООН в ходе гражданской войны в Ливии, ряд этапов и форм арабо-израильского конфликта, украинский конфликт между центром и сепаратистскими образованиями в восточных регионах страны и др. Организация Объединенных Наций несколько отступает от принципов собственного Устава, когда втягивается в урегулирование конфликтов не между одним государством и другим государством (как это предусматривалось самой концепцией создания ООН), а вмешивается в конфликты внутри государств, гражданские войны, борьбу центральных властей и сепаратистских движений, проблемы непризнанных государств, действия псевдогосударственных образований. Однако без такого вмешательства поддерживать международный мир и безопасность в современных условиях вряд ли возможно.

Один из классиков политической теории Р. Дарендорф создал «конфликтную модель общества», которая предполагает, что конфликты являются рядовой, неизбежной, а потому «нормальной» формой общественного развития в любой данный исторический момент³. Они лишь проходят разные стадии (латентного «спящего» существования, обострения, урегулирования и др.), переплетаются друг с другом, одни конфликты порождают другие. Л. Козер придерживается близкой точки зрения в своей *теории позитивно-функционального конфликта*. Он утверждает, что большинство конфликтов не столько прерывает, сколько порождает историю, что в каждом конфликте рождаются новые социально-политические реалии, становящиеся «кирпичиками» дальнейшего социального строительства. Строго говоря, это следует из гегелевских законов диалектики, всеобщей теории развития, исходящих из того, что именно противоречия являются источником всякого движения, в том числе исторического, причем единство и борьба противоположностей могут быть выявлены практически в каждом цельном явлении и процессе. Некоторые авторы в этой связи различают *конструктивные* и *деструктивные* конфликты, подчеркивая, что любой конфликт несет в себе как негативные, разрушающие, так и позитивные, порождающие новые черты, однако преобладание в нем тех или других компонентов, а особенно его последствия, оцененные с высоты последующего исторического развития, позволяют охарактеризовать его как деструктивный либо как конструктивный⁴.

Ральф Густав Дарендорф (1929–2009) — англо-германский социолог и общественный деятель.

Теоретические интересы Дарендорфа были связаны с изучением конфликта, так как, по мнению политолога, именно конфликт является движущей силой развития общества.

Дарендорф полагал, что конфликт неизбежен в любой управленческой системе. Основа социального конфликта заключается в разных социальных позициях у разных людей.

В то время как одни пользуются привилегией управления, у остальных таких возможностей нет. В результате подобных противоречий в обществе нарастает внутренняя напряженность. В то же время конфликт является неотъемлемой частью любой системы управления.

Следует отметить, что конфликт может иметь и другие причины — несправедливое распределение власти, отсутствие вертикального социального лифта.

В то же время конфликты следует контролировать и разрешать проблемы, связанные с их возникновением. Также с преодолением конфликта связана работа социальных институтов, вырабатывающих нормы поведения для сторон конфликта. Как правило, разрешение конфликта в основном связано с перераспределением власти и принятием интересов противоположными группами. В результате любого конфликта в обществе происходят социальные изменения.

Основные работы:

- «Маркс в перспективе. Идея справедливости в мышлении Карла Маркса» (1952)
- «Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе» (1957)
- «Общество и свобода: к социологическому анализу современности» (1961)
- «Общество и демократия в Германии» (1965)
- «Очерки по теории общества» (1966)
- «Конфликт и свобода» (1972)
- «Новая свобода» (1974)
- «Размышления о революции в Европе» (1990)
- «Современный социальный конфликт» (1992)

Возможна типологизация конфликтов на основе того, чем они завершаются, каков их исход. Можно выделить разрешенные, частично разрешенные (временно урегулированные), неразрешенные и, очевидно, принципиально неразрешимые (при данном состоянии социальной или международной системы) конфликты.

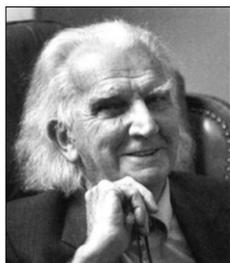
Наконец, важно подчеркнуть, что объективно существующий конфликт интересов обычно в какой-то момент и в каких-то формах субъективируется, т.е. осознается сторонами. Такое осознание может быть более или менее адекватным, а иногда и вовсе неадекватным. Кеннет Боулдинг, который является одним из основателей научной школы по изучению конфликтов, определяет конфликт как ситуацию, «в которой стороны осознают несогласуемость своих потенциальных позиций или состояний и стремятся занять позицию, которая исключает реализацию устремлений другой стороны»⁵.

Систематизацию конфликтов по двадцати четырем категориям, сгруппированным в пять тематических наборов параметров, создал в середине 1990-х годов известный американский политолог К. Холсти. Он сгруппировал конфликты в группы территориальных, экономических, «нациестроительских» (т.е. по вопросу статуса государств и наций), идеологических и «симпатических» (связанных с групповой идентификацией по этническим, религиозным и подобным признакам).

Отдельные ученые, занимавшиеся проблемой конфликта, построили графики войн и конфликтов с 1945 по 2009 г. по четырем категориям: собственно международные (межгосударственные) конфликты (их оказалось меньшинство); «интернационализованные» конфликты, т.е. такие, в которых произошло вмешательство внешних политических сил; внутригосударственные (их оказалось большинство) и, наконец, «внесистемные», не попадавшие ни под одну категорию и требовавшие индивидуального описания⁶.

Объединяя типологии Холсти и Зингера, О. Рамсботам и его коллеги предлагают выделить в категории немеждународных конфликтов две группы: конфликты вокруг революций/идеологий (включая религию) и конфликты вокруг идентичности/сепаратизма. Это частично соответствует принятому в рамках проекта Уппсальского университета (Швеция) делению на конфликты вокруг «политического управления (правительства)» и вокруг «территориальных проблем».

В работе «Разрешение международных конфликтов после “холодной войны”» П. Штерн и Д. Дракман отмечают, что поистине революционным стало изменение в понимании и определении понятия «международный конфликт», которое распространилось в период вслед за окончанием холодной войны. Повсеместным стало признание, что международным конфликтом будет угроза миру и безопасности, которая создается вне и без вооруженной борьбы двух сторон, но в случае нарушения внутри какого-либо государства универсальных норм в области прав человека, самоопределения народов, демократического управления. В результате многие конфликты внутри государств стали трактоваться как международные или, по крайней мере, «интернационализованные», т.е. требующие внешнего международного вмешательства⁷. В результате сложились три новые, ранее малоиспользуемые стратегии разрешения международных конфликтов. Первую из них можно назвать «трансформацией кон-

Кеннет Эварт Боулдинг (1910–1993) — американский экономист и социолог английского происхождения.

Автор более 30 книг и около тысячи статей в различных областях науки, от проблем окружающей среды, сельского хозяйства, труда, этики и религии до разрешения конфликтов путем мира или войны. Являлся одним из разработчиков общей теории систем.

Занимал должность президента Американской экономической ассоциации, Американской ассоциации содействия развитию науки, Общества исследований в области общей теории систем и Ассоциации международных исследований. Лауреат медали Джона Бейтса Кларка (1949).

Один из создателей так называемой «мичиганской группы», работа которой была связана с Центром исследований в области урегулирования конфликтов, а также с систематизацией междисциплинарных исследований, посвященных разрешению конфликтов.

Идеи политолога имели важное значение для дальнейшего развития конфликтологии. С точки зрения Боулдинга, конфликт является неотъемлемой частью любой сферы, он связан не только с развитием общества, но может протекать и в других средах: физической, биологической и химической. В то же время способы разрешения конфликта, как и этапы его разрешения, независимо от различных условий в основном идентичны.

В отношении сферы человеческих отношений стоит отметить, что, по мнению ученого, человеку свойственно бороться за достижение своих целей, которые могут не совпадать с целями остальных. В результате этой постоянной борьбы проявляется конфликтная природа социума в целом.

Боулдинг полагал, что разрешать или предотвращать конфликты можно в том числе с помощью принципов бихевиоризма, моделирования и выработки рациональных способов поведения, плана или стратегии поведения в конфликтной ситуации.

Основные работы:

- «Экономический анализ» (1941)
- «Реконструкция экономической теории» (1950)
- «Образ» (1956)
- «Общая теория систем — скелет науки» (1956)
- «Конфликт и защита: общая теория» (1962)
- «Экодинамика: новая теория социальной эволюции» (1978)

фликта». Такой трансформации можно достичь путем переосмысления и иного определения сторонами собственных интересов либо нахождением общей почвы для компромиссного решения. Например, после распада Советского

Союза и эрозии коммунистической идеологии (переосмысление собственных интересов) оказалось, что многие прежние геополитические конфликты утратили значимость либо и вовсе превратились в области сотрудничества. Вторая стратегия — «структурное предотвращение». Она предполагает создание организационных структур или институционализированных систем соглашений (например, Хельсинкские соглашения), которые позволяют создать ненасильственные механизмы взаимодействия, новые каналы коммуникации, диалога сторон и уйти от конфронтации. При этом структурное предотвращение конфликтов — более глубокое понятие, чем простое функциональное предотвращение кризисного всплеска в эволюции конфликта, — структурное предотвращение кардинально меняет взаимоотношения сторон и снимает конфликт. Наконец, третья стратегия — это стратегия «нормативных перемен». Она представляет собой развитие формальных принципов и неформальных практик, которые создают новый контекст для управления конфликтом. Возникают нормы, требующие от государств избегать насильственного конфликта (например, Парижская хартия ОБСЕ, Стокгольмский арсенал мер доверия). Хотя определенные нормы отношений государств действовали и в период холодной войны, именно после ее окончания возникли нормы, которые требуют от международного сообщества обеспечить мирное регулирование или предотвращение конфликтов не только *между* государствами, но и *внутри* других государств⁸.

Вооруженные конфликты и войны

Последнее столетие внесло существенные изменения в понимание конфликтов и войн в мировом сообществе. Если в строгом правовом смысле разделить конфликты на *международные* и *немеждународные* (к последним относятся конфликты, произошедшие внутри государств и наций, а также такие, в которых лишь одна из сторон является государством либо все стороны есть негосударственные акторы), то можно констатировать тенденцию ко все большему преобладанию немеждународных конфликтов. В то же время, по мере глобализации социальных процессов, все больше конфликтов межэтнического, социального, экономического характера, в том числе внутри государств, получают международное измерение: они влияют на стабильность/нестабильность международной среды, вызывают реакцию со стороны других субъектов международных отношений, а также являются объектом вмешательства со стороны держав и международных организаций.

По существующим оценкам, в локальных и региональных конфликтах, произошедших в разных частях мира после Второй мировой войны, стало жертвами такое количество людей, которое превышает количество жертв этой самой кровопролитной из известных в истории войн. Вооруженные конфликты наносят существенный вред мировому социальному развитию.

- **Война** — конфликт коллективных социальных акторов (государств и их коалиций, политических и социальных движений и др.), протекающий в форме вооруженного насилия и направленный на перераспределение ресурсов и/или реализацию конфликтующими сторонами комплекса собственных территориальных, социальных, политических, экономических, инфраструктурных, религиозных, гуманитарных и иных интересов за счет уничтожения, притеснения или подчинения других сторон.

Классический военный стратег К. фон Клаузевиц в своем произведении «О войне» дает несколько «простых» определений войны. «Война, — пишет Клаузевиц, — является столкновением существенных интересов, которое разрешается в результате кровопролития — и только этим она отличается от других конфликтов»⁹. Он также называет войну актом силового воздействия, заставляющим врага подчиниться нашей воле. По сути, отмечает Клаузевиц, война есть прежде всего вооруженная борьба, поскольку именно вооруженная борьба является единственным принципом человеческого действия, которое всегда ассоциируется с войной.

Не менее известно другое традиционное определение К. фон Клаузевица, согласно которому «война есть продолжение политики иными средствами». В нем подчеркивается увязанность войны с противостоящими социально-политическими (а возможно, также экономическими и идеологическими) интересами сторон. Другими словами, начало любой войны следует искать в более ранней политике и направляющей ее идеологии сторон. «Война — есть только часть политической деятельности. Она ни в коем случае не является чем-то самостоятельным... Если война есть часть политики, то последняя определяет ее характер... И поскольку именно политика порождает войну, представляет собой ее направляющий разум, то война есть только инструмент политики, но не наоборот». Клаузевиц утверждает, что переход к силовым средствам воздействия не меняет по сути направленности и характера интересов конфликтующих сторон, а лишь переводит конфликт на новый уровень.

Однако известна и полемика с тезисом Клаузевица, со стороны, например, одного из основателей Пагуошского движения ученых против ядерной войны Дж. Ротблата. Он утверждает, что некоторые виды войны, в частности войну с применением атомного или иного оружия массового уничтожения, контрпродуктивно считать простым продолжением обычной политики, а следует считать преступным отходом от политического образа действий держав в направлении неизбежного и ничем не оправданного уничтожения целых народов, государств, а возможно, и человечества в целом.

- Война в самом общем плане трактуется как критическая стадия реализации противоречий между политическими субъектами (прежде всего государствами и союзами государств) в форме насильственной вооруженной борьбы.

М. Хардт и А. Негри отмечают, что «традиционно под войной понимался вооруженный конфликт между суверенными политическими акторами, т.е., для современного периода, национальными государствами (*nation-states*)»¹⁰.

Однако на состоявшемся в 2010 г. Гаагском конгрессе Всемирной ассоциации международного права возобладала точка зрения (хотя она разделяется не всеми), что в современных условиях грамотнее всякое употребление понятия «война» в отношении современных ситуаций заменить более широким понятием «вооруженный конфликт», которое является более универсальным. Это важно именно с точки зрения международного права, поскольку позволяет тогда применить к ситуации основные положения международного гуманитарного права (МГП), в котором к понятию «вооруженный конфликт» привязано много уже кодифицированных в праве положений: в частности, об освобождении сторон вооруженной борьбы от некоторых обязательств в области прав человека и возникновении обязательств в отношении прав военнопленных, о возникновении обязанности государств обеспечить убежище для беженцев и жертв вооруженных конфликтов, о возможности провозглашения нейтральности государств, не желающих вступать в конфликт, об особых правах и обязанностях ООН, возникающих в случае вооруженного конфликта. Как известно, многие положения «законов и обычаев войны» изложены и закреплены в Женевских конвенциях, Протоколах к ним и связанных с ними международных соглашениях.

Женевские конвенции достаточно ясно определяют вооруженный конфликт. В статье 2 Женевских конвенций от 1948 г. постулируется, что к вооруженным конфликтам относятся все случаи объявленной войны, а также случаи вооруженного противодействия двух и более сторон (государств), даже если война не объявлена, а также случаи частичной или полной оккупации территории одного государства другим, даже если такая оккупация не встретила вооруженного сопротивления. Статья 1 (4) Дополнительного протокола I определяет «международный вооруженный конфликт», в том числе оговаривает, что к таковым надо отнести и случаи борьбы против доминирования колониальных держав и вражеской оккупации, борьбы с расистскими режимами за право на самоопределение.

По контексту Конвенций ясно, что они применимы к конфликтам только официальных вооруженных сил государств. Именно поэтому многие современные специалисты говорят о необходимости дополнения Женевских конвенций новыми положениями, учитывающими негосударственный или неофициальный характер многих участников современных конфликтов.

Существует так называемая «дилемма безопасности», сформулированная Кеннетом Уолтцем еще в работах 1960–1970-х годов. Она гласит, что существование любого единичного государства есть сама по себе опасность для любого другого государства. Поскольку существует непредсказуемость в системе, всегда будет место опасениям, страху и, следовательно, конфликту.

Питер Уолленстин отмечает, что войны — не единственные формы наиболее жестокого проявления конфликтов. К той же категории, что и войны, следует отнести конфликты в формах системных репрессий, тоталитарное правление и геноцид.

Бывают ли «справедливые» войны?

В истории человечества было немало попыток оправдать войну и применение организованного насилия. Различные теории справедливых войн выдвигались в контексте разных методологических традиций и разных идеологических систем. Классическими примерами являются памфлеты идеологов Великой французской революции (якобинский террор и др.), европейских революций 1848–1849 гг., а также трактовок Американской революции — Войны за независимость Северо-Американских Соединенных Штатов в работах Т. Джефферсона, А. Гамильтона и др.

В XX столетии тремя наиболее заметными и практически примененными группами теорий справедливых войн стали, *во-первых*, большевистские (и как их ответвление — троцкистские) обоснования справедливости революционных войн (их можно найти как в ранней советской, так и в маоистской идеологиях); *во-вторых* — нацистские теории «войн за жизненное пространство»; *в-третьих*, теории справедливых антиколониальных войн, получившие развитие в период массовой деколонизации 1950–1960-х годов.

Определенная группа обоснований «справедливого насилия» связана с теориями революций и «революционного насилия», даже «революционного террора». Революции представляют собой радикальное сущностное изменение общественно-политического и социально-экономического устройства общества. Революционные силы обычно отстаивают тезис о своих «особых» правах на насилие, мотивированных «исторической прогрессивностью» новой политической силы или класса, который не может установить новый, более «счастливый» строй без насильственной ломки старого и принудительного отеснения (ликвидации) сторонников прежнего режима.

Существует также обширная группа концепций религиозной исключительности, «справедливых» войн «за веру». Разные религии обосновывают оправданность «крестовых» походов» (христианство), «джихада» (ислам), призванных утвердить «истинную» веру и потеснить, наказать «неверных» — представителей других религий или сект.

Суммируя различные подходы, можно сказать, что *справедливыми* разные авторы и политики называют войны, происходящие по решению или политической воле «правильной» власти (инстанции, организации), по «справедливой причине» (т.е. ради установления справедливости), когда применение вооруженного насилия происходит с «благородными» или «правильными» намерениями, а также случаи, когда применением военных средств можно предотвратить еще большее зло.

Таблица 1

**Ведущие мировые школы по изучению конфликтов
и источники информации по конфликтам**

<p>Интернет-сайт ООН, Департамент операций по поддержанию мира Нью-Йорк Фактические и статистические данные по 70 операциям ООН (как длящимся, так и завершенным) в конфликтных регионах. www.un.org/peacekeeping (есть версия на русском языке)</p>
<p>Международная группа по изучению кризисов — <i>International Crisis Group (ICG)</i> Брюссель (Бельгия) Регулярные обзоры конфликтов составляются аналитиками на пяти континентах. Выпускаются доклады по странам, в том числе на русском языке, и бюллетень <i>Crisiswatch</i> www.icg.org</p>
<p>Глобальный индекс мира — <i>Global Peace Index</i> Австралия www.visionofhumanity.org</p>
<p>Гейдельбергский институт по изучению международных конфликтов — <i>The Heidelberg Institute for International Conflict Research (HIIC)</i> Университет Гейдельберга (ФРГ) Исследовательский проект <i>COSIMO</i> — Моделирование кризисов. Информация по 500 конфликтам http://hiik.de/en/index.html</p>
<p>Школа культуры мира, Автономный университет Барселоны, программа по конфликтам и миростроительству — <i>Escola de Cultura de Pau, programme on Conflict and Peacebuilding, Autonomous University of Barcelona</i> Барселона (Испания) С 2001 г. проводится мониторинг вооруженных конфликтов в ежедневном режиме. Публикуются доклады регулярных форматов <i>Semaforo, Barometro, Alerta!</i></p>
<p>Ежегодник Стокгольмского института по изучению проблем мира (СИПРИ) — <i>SIPRI Yearbook</i> Стокгольм (Швеция) www.sipri.org Русская версия публикуется ИМЭМО РАН — www.imemo.ru</p>
<p>Центр по изучению миротворчества — <i>ZIF</i> Берлин (ФРГ) Систематизация данных по миротворческим операциям ООН, НАТО, ЕС, Африканского Союза, других региональных организаций www.zif.org</p>
<p>Программа данных по конфликтам Уппсальского университета — <i>Uppsala Conflict Data Program (UCDP)</i> Уппсала (Швеция) www.pcr.uu.se/research/UCDP/</p>

Принципы «справедливой» войны можно в систематизированном виде найти у четырех теоретиков. Джеймс Тернер Джонсон относит к таким принципам следующие¹¹:

- соответствие средств целям;
- нацеленность на мир в конечном счете;
- справедливая причина;
- верные намерения;
- верное властное или правовое основание насилия.

Энтони Хартл включает в принципы «справедливой» войны «исчерпанность мирных ресурсов» для разрешения конфликта и также подчеркивает «пропорциональность» применяемых средств провозглашенным целям войны. Томас Хурка добавляет принцип «обоснованной надежды на победу и успех», которые могут означать историческое превосходство целей, ради которых данной стороной ведется война. Брайан Оренд, вводя в несколько иных формулировках те же принципы справедливых причин и исчерпанности попыток мирного разрешения, добавляет, что помимо «правильной (правовой) обоснованности» насилия необходимо публичное объявление войны и публичное понимание и поддержка общественностью ее целей.

По мере глобализации и становления в XX столетии понятия «мировое сообщество», институционализации сначала Лиги Наций, затем Организации Объединенных Наций и многочисленных региональных межгосударственных объединений появилась новая группа концептуальных обоснований «справедливого» силового вмешательства в дела отдельных государств со стороны (и от имени) мирового сообщества. Не всякая миротворческая деятельность человечества носит силовой принудительный характер — основная часть миротворческой деятельности представляет собой применение мирных форм (посредничества и др.). Однако осуществляемые от имени международного сообщества (а иногда от имени коалиций государств) операции принудительного (силового) характера в отношении отдельных государств и режимов получили теоретическое обоснование, во многом схожее с теориями «справедливого насилия». В них также подчеркивается особый исключительный характер (и права) международного сообщества как субъекта насилия, справедливая причина и верные намерения, легитимный характер (в соответствии со сложившимся международным правом) институционализированных правовых оснований насилия (в частности, резолюций СБ ООН).

Сформировав Устав ООН как свод правил международного общежития, международное сообщество установило, что справедливым будут признаваться применение вооруженного насилия в целях *самообороны* (ст. 51 Устава ООН), а также в целях индивидуального или коллективного отражения агрессии (глава VII Устава ООН).

В соответствии с определением ООН «агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН»¹².

Соответственно, справедливым (обоснованным) применением вооруженного насилия в современном мировом сообществе считается его применение для отражения агрессии и пресечения агрессии (в том числе коллективного). Отражение агрессии есть система ответных мер и действий государства (коалиции государств), направленных на срыв стратегических действий и планов агрессора, защиту населения, сохранение собственного военного потенциала и нанесение агрессору ответного удара. Пресечение агрессии есть применение военной силы против агрессора в сочетании с политико-дипломатическими и другими средствами для предотвращения его вооруженного нападения или прекращения развязанных им военных действий. Пресечение агрессии может коллективно осуществляться мировым сообществом в отношении государства-нарушителя или агрессивного негосударственного актора (политической силы).

Формы разрешения и урегулирования конфликтов

Следует, прежде всего, различать разрешение конфликтов и урегулирование конфликтов. В понятии *разрешение конфликтов* акцент делается на относительно полной ликвидации корней и причин конфликта, когда интересы сторон в результате разных причин (ликвидация одной из сторон, изменение внешних социально-политических условий, объективное изменение интересов сторон и проч.) перестают мотивировать их к противопоставлению, столкновению и конфликт исчезает. Понятие же *урегулирование конфликтов* делает акцент на частичном, чаще всего временном компромиссе конфликтующих сторон, когда существенное различие объективных интересов сторон не исчезло, не преодолено, но удалось временно достичь баланса, при котором различие интересов не переходит во враждебные или насильственные действия сторон друг против друга. Полное урегулирование конфликта, если такового удалось достичь, по сути совпадает с его окончательным разрешением. Однако чаще урегулирование бывает частичным, неполным, временным и требует дополнительных действий для полного и окончательного разрешения конфликта.

Если урегулирование конфликта достигнуто самими непосредственными сторонами конфликта в прямом взаимодействии без участия и вмешательства иных сил, мы имеем дело с *прямым (непосредственным) урегулированием*. Если же стороны сами не способны найти решение и в развитии конфликта

включаются иные участники (политические силы, государства, межгосударственные или негосударственные акторы), имеет место *опосредованное урегулирование*. При этом важно различать вмешательство третьей силы в качестве поддерживающей ту или иную сторону конфликта, помогающей ей в достижении ее целей либо вмешательство в качестве (относительно) нейтральной силы, добывающейся стабилизации системы, а не реализации интересов любой из сторон конфликта.

Питер Валленстин в своей панорамной работе «Как понять разрешение конфликтов» определяет разрешение конфликта (*conflict resolution*) как «ситуацию, в которой конфликтующие стороны приходят к соглашению, которое разрешает их центральные противоречия, принимают как данность продолжение существования другой стороны с ее интересами и прекращают все насильственные действия друг против друга. Предполагается, что «разрешение» конфликта наступает “после” конфликта»¹³.

Американский автор исследования «Культура и разрешение конфликтов» К. Аврух выделяет два направления в теории разрешения конфликтов. Одно направление объединяет под понятием разрешения конфликтов все формы прекращения или сворачивания конфликта — от выхода из конфликта одной или всех конфликтующих сторон (по разным причинам) до переговоров, ведущих к перераспределению ресурсов или изменению восприятия ситуации, и далее вплоть до вмешательства третьей силы и даже до полного уничтожения одной стороной другой стороны. Вторая же группа теорий более узко понимает разрешение конфликтов именно как мирное разрешение, которое противостоит насильственному или военному развитию и завершению конфликта¹⁴.

► **Посредничество** (при разрешении конфликтов) есть организация процесса взаимодействия конфликтующих сторон, при которой информация о позициях и интересах сторон и переговорные предложения передаются ими друг другу через нейтральную, непосредственно не участвующую в конфликте третью сторону, которая выполняет мотивирующую и организующую роль в примирении и соглашении конфликтующих сторон. Посредничество может иметь форму переговоров, в которых третья, не участвующая в конфликте сторона выполняет роль ведения и направления переговорного процесса в направлении компромисса или полного разрешения противоречий.

Понятие «*третья сторона*», поясняет М. М. Лебедева, является широким и собирательным, включающим в себя обычно такие термины, как «посредник», «наблюдатель за ходом переговорного процесса», «арбитр». Под «третьей стороной» может пониматься также любое лицо, не имеющее статуса посредника или наблюдателя, однако занятое вопросами урегулирования конфликт-

ных отношений между другими сторонами. Вообще, когда речь идет о вмешательстве в конфликт (с целью его урегулирования или по крайней мере приостановления его эскалации) кого-то иного, кроме самих его участников, то используют общее понятие «третья сторона». При этом важно подчеркнуть, что третья сторона вмешивается в конфликт именно с целью его мирного урегулирования, а не для оказания помощи одному из участников¹⁵.

Различают несколько видов посредничества: прямое и косвенное, формальное и неформальное, официальное и неофициальное посредничество¹⁶.

Прямое посредничество: все стороны, включая посредников, одновременно присутствуют на переговорах, посредники выполняют лидирующую и мотивирующую роль.

Косвенное посредничество: нейтральная сторона, осуществляющая посреднические функции, поочередно проводит консультации или переговоры с каждой из конфликтующих сторон.

Формальное посредничество: третья сторона имеет закрепленный за ней формальный статус посредника, признаваемый всеми сторонами, участвующими в переговорах.

Неформальное посредничество: посредник не имеет закрепленного за ним официального статуса. Неформальное посредничество предполагает реализацию не всех посреднических функций, а лишь их части, например только выяснение точек зрения и мнений.

Официальное посредничество: в роли посредника выступает некое лицо (организация), облеченное государственной властью или полномочиями, приданными международными структурами.

Неофициальное посредничество: не предусматривается наличие обязательных властных полномочий у лица или организаций, осуществляющих функции посредников.

Однако не всякое вмешательство внешних участников в конфликт является посредничеством и нацелено на урегулирование. Нередки ситуации, когда то или иное государство, особенно «великая держава» или коалиция государств имеют свои собственные интересы в отношении региона конфликта, свой собственный проект преобразования международной системы, и тогда их действия в отношении конфликта (например, поставки оружия одной из сторон или принуждение всех конфликтующих сторон к прекращению силовых действий, как в случае «гашения» гражданской войны) не будут «беспристрастным» миротворчеством, а окажутся вмешательством для реализации собственных макрополитических интересов.

В каких-то случаях мировое сообщество принципиально не готово к посредничеству и мирному урегулированию, а приемлемым разрешением конфликта рассматривается уничтожение одной из сторон противоречия. Например, в случае международного противостояния с ИГИЛ (группировкой, запрещенной в России и многих странах) предпочтительным исходом являет-

ся не «мирный договор» с экстремистской группировкой, а ее полное вытеснение с занятых ею территорий и уничтожение. Политика некоторых государств и линия некоторых идеологий состоят в ориентации на полную ликвидацию, подавление, подчинение своих противников. В таких случаях говорят о *непримиримых противоречиях*, т.е. противоречиях, которые могут быть разрешены только за счет ликвидации одной из сторон противоречия.

Вместе с тем генеральная линия мирового сообщества в отношении насильственных и вооруженных конфликтов состоит в попытках мотивировать стороны к нахождению компромиссного мирного решения, а в определенных случаях «принудить» стороны к миру, т.е. заставить их отказаться от применения вооруженной силы для разрешения конфликта, хотя бы перевести конфликт из насильственной в латентную стадию, если не полностью разрешить его. Деятельность, обеспечивающая протекание международных отношений и социально-политических процессов внутри государств в мирных, ненасильственных формах, есть миротворческая деятельность.

Р. Акофф выделяет три возможных исхода конфликта: разрешение, урегулирование, устранение.

Разрешение конфликта означает использование сторонами условий, порождающих борьбу и мотивирующих стремление к реализации собственных интересов, чего бы это ни стоило противнику. Стремление разрешить конфликт обычно усиливает его до тех пор, пока одна из сторон не победит другую.

Урегулирование означает принятие сторонами условий, порождающих борьбу, и нахождение компромисса, т.е. распределение выгод и ущерба, приемлемых для противоборствующих сторон. Соглашение об урегулировании обычно достигается, когда участники считают, что предлагаемое распределение выигрышей и потерь относительно справедливо.

Устранение противоборства означает изменение порождающих его условий таким образом, что оно исчезает. Это можно сделать, изменив обстановку или состав участников борьбы¹⁷.

В ряде исследований последних десятилетий наряду с посредничеством, вмешательством третьей стороны возникают понятия «управления конфликтом» (*conflict management*), а иногда «регулирование конфликта». Д. М. Фельдман, автор исследования «Политология конфликта», определяет регулирование конфликта как один из способов управления конфликтом, использование которого предполагает не прекращение, не ликвидацию конфликтов, а контроль их интенсивности, проявлений энергии сталкивающихся сторон, минимизацию их издержек и потерь¹⁸. При этом под более общим понятием «управление конфликтом» понимается подход, при котором предотвращение, разрешение и прекращение конфликта, равно как и разжигание и эскалация конфликта, есть частные тактики, возникающие в ходе решения более общей задачи — реализации своих политических интересов посредством использования конфликта для влияния на политические процессы.

Миротворчество как «справедливая» война?

Поскольку миротворческие действия чаще всего проводятся в ситуациях вооруженных конфликтов разных типов и сами нередко предполагают использование вооруженных сил и военных средств, требует прояснения вопрос, являются ли миротворческие операции в целом разновидностью *войн*, т.е. форм вооруженной борьбы. Существует подход, согласно которому МТО, по крайней мере те из них, которые происходят с использованием вооруженных сил, могут быть отнесены к особому типу «справедливых» или «легитимных» войн. Следует сразу оговорить, что трактовка МТО как военных действий ограничена в основном операциями по установлению мира (ОУМ) и некоторой частью операций по поддержанию мира, в которых пришлось реально задействовать силовые методы. Целый ряд видов МТО (обеспечение гуманитарной помощи, наблюдательные миссии, операции по организации электоральных процессов и проч.) по определению не попадают под трактовку МТО как военных действий.

Разнообразные теории «справедливых» войн (рассмотренные выше в разделе I) могут быть с методологической точки зрения систематизированы в два основных типа:

- 1) теории, в которых справедливая природа войны определяется ссылкой на справедливый (исторически оправданный, прогрессивный) характер социального субъекта (класса, нации, государства), ведущего войну;
- 2) теории, в которых справедливым объявляется сам тип военно-политических действий (отражение агрессии, освободительная война против колониальной зависимости и проч.), независимо от ведущего их субъекта.

Миротворческая деятельность международного сообщества синтезирует в своих идеологических и теоретических обоснованиях некоторые компоненты первого и второго типов. В частности, международное (мировое) сообщество объявляется априорно «справедливым» субъектом, чьи действия, в том числе включающие применение военной силы от имени мирового сообщества, рассматриваются как априорно легитимные независимо от их содержания. Одновременно распространяется представление, что миротворческие действия по урегулированию конфликтов — это столь же естественно справедливый тип деятельности, как, скажем, отражение внешней агрессии. И даже если он включает компоненты силовых (военных) действий — это «особая», разрешенная война.

В то же время эта схема легитимизации миротворческих операций имеет ряд изъянов. Прежде всего: кто имеет право выступать от имени мирового сообщества? Действительно ли механизм принятия решений о политических (в том числе военно-силовых) действиях от имени мирового сообщества демо-

кратичен? Наконец, контролирует ли мировое сообщество «в режиме реального времени», какие конкретно действия предпринимаются в конфликтных регионах от его имени политическими и военными силами, осуществляющими миротворческие операции?

Организация Объединенных Наций традиционно рассматривается в последние десятилетия как единственный легитимный и универсальный представитель мирового сообщества. Однако ряд крупных и сильных держав не раз оспаривали легитимность действий ООН. Советский Союз неоднократно критиковал принятое без его участия (и вопреки его сопротивлению) решение Генеральной Ассамблеи по проведению под флагом ООН операции в Корею. США почти все десятилетие 1980-х годов находились в своеобразной «размолвке» с ООН, не вносили членские взносы, критиковали ООН за неэффективность и предпринимали силовые действия в обход и вне механизма ООН (достаточно вспомнить введение американских войск на Гренаду в 1983 г. по решению Организации американских государств вместо мандата ООН). Когда по мандату ООН в 1991 г. осуществлялась силовая операция по вытеснению Ирака из Кувейта и преследованию иракских войск на их собственной территории, в Ираке и ряде других исламских государств была развернута широкая идеологическая кампания резкой критики ООН, в ходе которой «голубые каски» объявлялись «агрессорами». То же произошло, когда после второй операции в Ираке в 2003 г. ООН попыталась развернуть там свою штаб-квартиру для постконфликтного урегулирования. Таким образом, признание «априорной» легитимности ООН как субъекта миротворческих операций не носит универсального характера, ситуативно и не раз подвергалось сомнению и критике со стороны государств-членов.

Строго говоря, признание мирового сообщества в лице ООН реальным целостным субъектом международных отношений возможно только в рамках так называемой «модернистской» (неолиберальной) методологии международных отношений, которая наряду с государством как традиционной «единицей» международных отношений признает наличие и оправданность существования иных, негосударственных субъектов МО — надгосударственных объединений, союзов, транснациональных акторов. Несколько утрируя, можно сказать, что признание ООН реальным целостным субъектом международных отношений возможно лишь на базе тех методологических подходов, которые готовы признать реальным субъектом международных отношений и *CNN* (сеть всемирного спутникового телевидения).

Для сторонников же традиционного «политического реализма» в духе Г. Моргентау и Г. Киссинджера ООН остается местом согласования и проекции интересов великих держав. Другими словами, автоматической легитимизации всех МТО ООН «по субъекту» не получается, признание или непризнание всех и всяких действий ООН «справедливыми» зависит от общей трактовки характера международных отношений и периодически подвергается сомнению

не только «подсудимыми» (смещенными режимами Ирака, Ливии, Афганистана), но и самими «судьями» (Вашингтон, Москва, Пекин и др.).

Еще меньшей легитимизирующей силой обладают региональные организации, хотя многие из них, включая НАТО, ЕС, СНГ, как отмечалось, проводили и проводят свои собственные МТО. В ООН нет устоявшейся процедуры признания той или иной международной организации или соглашения соответствующими VIII главе Устава ООН. Соответственно, в отношении ряда региональных организаций (СНГ, ОДКБ, НАТО и др.) не утихают споры, являются ли они соответствующими критериям VIII главы и, следовательно, получают ли они право принимать самостоятельные решения об МТО (без элементов принудительных действий, поскольку последние однозначно требуют мандата СБ ООН).

Существенная проблема со многими региональными соглашениями состоит в том, что они охватывают не все страны региона (а часто и границы региона неочевидны). Следовательно, подобные организации не могут претендовать на то, что они адекватно и полно выражают политические интересы всего региона в целом. Именно поэтому, например, НАТО, охватывающая лишь часть европейских стран, отказывается считать себя региональным соглашением в смысле VIII главы Устава ООН. В отношении же ОБСЕ возникает прямо противоположный вопрос: охватывая 57 стран Евразийского региона, ОБСЕ в силу исторических причин включает также как участников дополнительно США и Канаду. Их присутствие и участие в выработке решений этой европейской по сути организации относительно МТО в Европе несколько искажает сбалансированное представительство интересов региона.

Таким образом, концепция «справедливой» войны оказывается малоприменимой к практике миротворчества и в преобразованном виде предстает не как проблема абстрактно-ценностной «справедливости», а как международно-правовая проблема легитимизации операций.

При этом степень признания легитимности, «справедливости» миротворчества международных организаций в целом тем выше, чем шире утверждается признание глобализации современного мира и международных отношений. Можно утверждать, что распространение и развитие миротворческих операций есть одно из проявлений, форм глобализации международных отношений. В глобализующемся мире растет доверие к действиям мирового сообщества, коллективные действия государств признаются более оправданными и значимыми, чем индивидуальная позиция отдельных стран. МТО есть форма доминирования коллективной воли мирового сообщества над политической волей отдельных государственных и внутригосударственных субъектов политического процесса. В этом плане рост числа региональных и коалиционных операций в XXI в. (после высокой «востребованности» операций ООН) может рассматриваться как симптом некоторого замедления, «пробуксовывания» тенденций глобализации, реакция на встречную тенденцию суверенизации государств.

«Глобалистский» и «реалистский» подходы к урегулированию конфликтов

Обобщая результаты анализа существующих концепций, определений, классификаций, правовых и организационных аспектов миротворческих действий, можно выявить два методологических подхода к трактовке и анализу урегулирования конфликтов.

Миротворческие действия международных организаций и коалиций могут рассматриваться как легитимная, оправданная, позитивная форма политико-дипломатической и военной деятельности только на основе методологического признания тенденций глобализации современного мира в качестве приоритетного и положительного фактора развития международной системы.

- ▶ В таком случае миротворчество ООН и других международных организаций воспринимается как форма выявления, согласования и реализации политической воли мирового сообщества в качестве нетрадиционного субъекта международных отношений, причем в процессе проведения МТО мировое сообщество стремится «гармонизировать», упорядочить социально-политические отношения в рамках своих отдельных элементов-государств.

Если же оставаться на методологических посылах «политического реализма» и рассматривать государственный суверенитет как неприкосновенный, а негосударственных субъектов международных отношений (в том числе международные организации) как вторичные структуры, производные от воли отдельных сильных и слабых государств, то вся сфера миротворческих действий предстает в совершенно ином свете: как развитие практики вмешательства одних государств и групп государств во внутренние и международные дела других, а также как проекция политических интересов держав в регионы конфликтов, взаимодействие и переплетение этих интересов.

Миротворчество при такой трактовке предстает как форма борьбы внешних по отношению к конфликту сил за постконфликтное переустройство страны, общества, региона.

Поскольку на практике встречные тенденции глобализации и суверенизации сосуществуют, переплетаются, взаимодействуют, в том числе борются, то и «глобалистская» и «реалистская» трактовки урегулирования конфликтов носят компромиссный, противоречивый характер.

«Глобалистская» концепция урегулирования признает неполную «дееспособность» современного мирового сообщества как субъекта политики. Это проявляется в том, что глобальный механизм раннего выявления и предупреждения конфликтов неразвит, позиции различных элементов сообщества — отдельных государств относительно конфликтов и направления их

разрешения нередко расходятся, противоречат друг другу (и тогда ООН оказывается парализованной). Мировому сообществу так и не удалось создать объединенные вооруженные или полицейские силы, и для реализации воли мирового сообщества как коллективного субъекта по-прежнему приходится обращаться к ресурсам отдельных государств. Эти ресурсы предоставляются разными государствами непропорционально, в целом их недостаточно. В результате мировое сообщество реагирует не на все конфликты и не в достаточной степени.

Появление и все более широкое использование механизма региональных МТО, а также МТО, проводимых коалициями держав, является показателем слабости мировой интеграции — это замена (хотя иногда и адекватная) универсальному механизму конфликтного урегулирования.

«Глобалистская» трактовка признает первенство международного права, это концепция «операций по правилам», в то время как «реалистский» подход к конфликтам ставит интересы держав выше принципов и всегда находит «лазейки» в праве, позволяющие обосновать интервенционизм.

Что сближает «глобалистский» и «реалистский» подходы — это именно *интервенционизм, предпосылка, согласно которой сами участники конфликтов не способны адекватно разрешить и урегулировать свои противоречия и внешние «третьи силы» имеют не только право, но и обязанность вмешаться.* Однако эти два подхода различны в трактовке того, каковы основания и субъекты вмешательства.

«Глобалистский» подход склонен рассматривать нарушение ценностей и принципов демократии, прав человека, повышенный уровень этнической и социальной конфликтности (этнические распри и гражданские войны) как достаточное основание для вмешательства мирового сообщества как «старшего брата» по отношению к государствам, правительствам, политическим силам — нарушителям. «Реалистский» же подход рассматривает все, что происходит за «забором» государственного суверенитета (в том числе внутренние этнические и социальные столкновения, выбор демократических или авторитарных режимов и проч.) как сугубо внутреннее дело государств. Абстрактными разговорами о ценностях, считают «реалисты», еще нельзя обосновать введение войск, тем более что трактовка этих ценностей весьма субъективна. А вот если разрушается вертикаль государственной власти, наступает внутренний «беспредел», гражданская война всех со всеми, а тем более если конфликт «выплескивается» на соседние государства (беженцы, терроризм, разрыв коммуникаций и проч.), тогда другим государствам пора вмешиваться. Возможно и вмешательство при «живом» правительстве, в частности в тех случаях, когда конфликт двух государств или внутри государств становится угрозой не только их населению, а всему региону или международному миру и безопасности.

Являются ли международные организации самостоятельными акторами в конфликтах?

В современных международных отношениях сложился определенный взаимодополняющий баланс между интересами, действиями великих держав, с одной стороны, и деятельностью ведущих международных организаций, с другой. ООН, МВФ, ВТО, ОБСЕ, НАТО, ЕС, АСЕАН, ОДКБ и иные глобальные и региональные организации оказывают на международную политику не меньшее, а порой и большее воздействие, чем самые крупные «державные» акторы. Разумеется, традиционный «реалистский» подход в теории международных отношений склонен утверждать, что международные организации — это не более чем «равнодействующий» вектор интересов и политической воли стран-участниц. Организации не могут проводить политическую линию, существенно противоречащую интересам входящих в них великих держав.

Однако исследования в русле «неолиберального» подхода, а также глобалистики рассматривают этот вопрос иначе: относительная самостоятельность ряда активных международных организаций, особая линия этих международных организаций, нередко отличная от линии любой взятой в отдельности крупной державы, возникает в результате относительно самостоятельных действий международных чиновников, штаб-квартир, международных секретариатов, самостоятельных и целеустремленных генеральных секретарей, функционеров, но прежде всего — в результате постоянного расхождения интересов стран-участниц. Особенно острыми могут быть расхождения интересов государств в отношении международных конфликтов, даже если сами эти государства не являются непосредственными участниками региональных конфликтов, в частности нередко противоречия великих держав в составе СБ ООН в их подходах к различным международным конфликтам. Возникает борьба интерпретаций, оценок, политических линий, направлений и методов урегулирования конфликта, когда ни одна из держав не может урегулировать конфликт по собственным правилам и в собственных интересах. И в такой ситуации активизируется функция международных организаций служить механизмом поиска компромиссов стран-участниц. Особенно это относится к международным организациям, которые имеют практический опыт проведения миротворческих и разделительных операций (как ООН, НАТО, ЕС и др.) либо располагают ресурсами и механизмами для помощи в постконфликтном восстановлении (например, в Евразии велика роль таких структур, как ОБСЕ, Совет Европы, Евросоюз, МВФ и др.).

В последнее десятилетие обозначилась тенденция к усилению роли региональных организаций в конфликтном урегулировании, в том числе проведении миротворческих операций, как самостоятельных, так и в сотрудничестве с ООН. Ряд организаций, такие как ОБСЕ, НАТО, ЕС, АС, ЭСЗАГ, ЮАСР, АСЕАН, ОАГ, СНГ, ОДКБ, сформировали (удачно или неудачно, полностью

или частично) собственные концепции миротворчества в конфликтных регионах и доктрины миротворческих операций, а большинство из упомянутых организаций и осуществили их на практике.

В целом, подводя итоги рассмотрения конфликтологического ракурса изучения международной политики, следует отметить, что в данную сферу спроецировались основные методологические подходы, применяемые при изучении политики, в частности реализм, международно-политический либерализм, глобализм, системный анализ, конструктивизм и др. Вместе с тем произошла их адаптация к специфической проблематике конфликтов и войн, сложились специфические именно для данной сферы методологические подходы (например, группа концепций «справедливых» войн). Международно-политический процесс получил комплексную трактовку как совокупность переплетения и столкновения интересов основных государственных и негосударственных акторов международных отношений.

Примечания

¹ Program on Negotiations at Harvard Law School (2016). Conflict Resolution Archives. URL: <http://www.pon.harvard.edu/category/daily/conflict-resolution/> [Accessed 12 July 2016].

² Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 18.

³ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 115–127.

⁴ Политическая конфликтология / Под ред. С. А. Ланцова. СПб.: Питер, 2008. С. 23–24.

⁵ Boulding K. Conflict and Defense. A General Theory. N.Y., 1961. P. 421.

⁶ Harbom K., Wallensteen P. Armed Conflict 1946–2009 // Journal of Peace Research. 2009. No 46 (4). P. 577–587.

⁷ International Conflict Resolution After the Cold War / Ed. by P. C. Stern and D. Druckman. Washington, DC: National Research Council, 2000. P. 2.

⁸ Ibid. P. 7.

⁹ Цит. по: Handel M. I. Masters of War: Classical Strategic Thought. L.: Routledge, 2005. P. 25.

¹⁰ Hardt M., Negri A. Vultitude: War and Democracy in the Age of Empire. N.Y.: Penguin, 2005. P. 3.

¹¹ Цит. по: Toner C. The Logical Structure of Just War Theory // The Journal of Ethics. 2010. No 14 (2). P. 82.

¹² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 3314 от 14 декабря 1974 г.

¹³ Wallensteen P. Understanding Conflict Resolution. L.: SAGE Publications, 2012. P. 8.

¹⁴ Avruch K. Culture and Conflict Resolution. Washington, D.C.: U.S. Institute of Peace Press, 1998. P. 25–26.

¹⁵ Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 63.

¹⁶ Мокшанцев Р. И. Психология переговоров. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 221–222.

¹⁷ Акоф Р. Искусство решения проблем. М.: Мир, 2001. С. 42.

¹⁸ Фельдман Д. М. Политология конфликта. М.: Стратегия, 1998. Гл. 6. С. 83.

Литература

Загорский А. В. Миротворчество и международное управление региональной безопасностью. М.: ИМЭМО РАН, 2015. — 118 с.

Звягельская И. Д. Специфика этнополитических конфликтов и подходы к их урегулированию. М.: Навона, 2008. — 160 с.

Манойло А. В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов / Под ред. А. И. Петренко. М.: Горячая линия — Телеком, 2008. — 392 с.

Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации: Учеб. пособие / Под ред. П. А. Цыганкова. 3-е изд., испр., и доп. М.: Альфа-М, 2013. — 335 с.

Никитин А. И. Конфликты, терроризм, миротворчество. М.: Навона, 2010. — 232 с.

Никитина Ю. А. Международные отношения и мировая политика. Введение в специальность: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014. — 156 с.

Серия ежегодных обзоров Global Peace Operations (2012, 2013, 2014, 2015, 2016, etc.). A project of the Center of International Cooperation (New York University). Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, 2012–2016.

Современные проблемы мировой политики: безопасность, конфликты и их анализ / Под ред. М. М. Лебедевой; Ин-т «Открытое общество». М.: Аспект Пресс, 2002. — 197 с.

Этнические и региональные конфликты в Евразии. Международный опыт разрешения этнических конфликтов / Под ред. Б. Коппитерса, Э. Ремакль, А. Зверева. М.: Весь Мир, 1997. — 304 с.

A Global Chronology of Conflict: From the Ancient World to the Modern Middle East / Ed. by S. C. Tucker. L.: ABC-CLIO. 2009. — 2777 p.

Autessere S. Peaceland. Conflict Resolution and the Everyday Politics of International Intervention. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — 329 p.

Conflict, Peace, Security and Development: Theories and Methodologies / Ed. by H. Hintjens. L.; N.Y.: Routledge, 2015. — 256 p.

Handbook of Conflict Analysis and Resolution / Ed. by D. J. D. Sandole, S. Byrne, I. Sandole-Staroste and J. Senehi. N.Y.: Routledge, 2009. — 572 p.

Handbook of Peace and Conflict Studies / Ed. by C. Webel and J. Galtung. N.Y.: Routledge, 2007. — 406 p.

Jesse N. G., Williams K. P. Ethnic Conflict: A Systematic Approach to Cases of Conflict. L.: CQ Press, 2010. — 432 p.

Managing Armed Conflicts in the 21st Century / Ed. by A. Adebajo, Ch. L. Sriram. N.Y.: Routledge, 2013. — 240 p.

Mytchell C. The Nature of Intractable Conflict Resolution in the Twenty-First Century. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. — 353 p.

Nye J., Jr., Welch D. A. Understanding Global Conflict and Cooperation: An Introduction to Theory and History. 9th ed. Pearson, 2013. — 384 p.

Oberleitner G. Human Rights in Armed Conflict: Law, Practice, Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. — 433 p.

Preventing Conflict, Managing Crisis. European and American Perspectives / Ed. by E. Gross, D. Hamilton, C. Major, H. Riecke. Washington: Center for Transatlantic Relations, 2011. — 143 p.

28. Конфликтологический анализ международной политики

Ramsbotham O., Woodhouse T., Miall H. Contemporary Conflict Resolution. 3rd ed. Cambridge: Polity Press, 2012. — 507 p.

The Globalization Reader / Ed. by F. Lecher and J. Roli. 5th ed. Oxford: Wiley Blackwell, 2015. — 609 p.

Wallensteen P. Understanding Conflict Resolution. 3rd ed. L.: SAGE Publications, 2012. — 338 p.

Интернет-ресурсы

Annual Maps of Peace Operations. URL: <http://zif-berlin.org>.

Annual Review of Global Peace Operations (ARGPO). URL: <http://peaceoperationsreview.org/category/library/annual-publications/>.

29. СИСТЕМНЫЕ И КОНГЛОМЕРАТИВНЫЕ ТРАКТОВКИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Ключевые слова

Системный подход, конгломерат, анклав, взаимозависимость, культурная неоднородность, равноположенность, незападные общества, мироцелостность

Э тот текст задуман и написан как попытка усомниться во всемогуществе анализа на базе системного подхода. Автор работал в русле этого подхода всю предшествующую творческую жизнь, что не помешало ему прийти к необходимости «размягчения», существенной ревизии традиционного системного понимания мира в том виде, как оно представлено в зарубежных и отечественных трудах по политологии, социологии и международным отношениям. Предлагаемая гипотеза не опровергает и не пытается опровергать системного видения уже просто потому, что она в известном смысле как раз из него произрастает. Задача главы скорее в том, чтобы отрешиться от абсолютизации системности и отказаться от упрощенного понимания целостности и единства социальных организмов, международного сообщества, мира в целом.

Болезненные трансформации, которые пережила Россия с момента начала реформ 1990-х годов, обусловили потребность произвести в интеллектуальных исканиях поворот от освоения *западной теории* к формулированию гипотез, которые объясняли бы *фактическое развитие России* в ее соразвитии с окружающим миром. И до него часть ученого сообщества, чудом сохранявшая способность к самостоятельному размышлению, выражала скептицизм по поводу возможности объяснить российский «феномен» только через призму западного опыта. Отечественная мысль в лучшем случае осмеливалась указать на несоответствия российских реалий «общемировым закономерностям» строительства демократии и смущенно «оправдывала» нашу действительность молодостью (?) российских реформ.

Этот по-своему важный этап критического освоения западного знания был полезен и необходим. И все же кризис показал, что этот этап во многом позади. Отправной точкой предлагаемого рассуждения служит констатация: привычные представления о глобализации как о нарастающей однородности мира неполно отражают многообразие живой реальности и не позволяют приемлемо объяснить, каким образом с ней соотносится российский опыт. От конста-

таций «несоответствия» нашей жизни той *идеальной* картине ожиданий, которая выростала из изучения западной теории, началось движение к построению гипотез, которые объясняли бы *фактическое* развитие России в ее соизвитии с окружающим миром.

Одной из актуальных задач сегодня остается уточнение вопроса о траекториях мирового развития. Требуется прояснить вопрос о том, запрограммирован ли мир на уподобление Западу посредством модернизации не-Запада, или на самом деле взаимодействие разнородных пластов бытования на планете происходит по более сложным законам, чем «линейно-прогрессивное» преобразование «отсталого» и «традиционного» в «передовое» и «современное».

Если окажется, что растворение «традиционного» в «современном» — всеобщая закономерность, преодоление внутренней разнородности — вопрос времени, то придется признать убедительной версию о движении планеты к однородному «мировому обществу», в основу которого будут положены западные стандарты. Наоборот, если увидится, что «традиционное» и «современное» в сложно организованных обществах не обязательно «пожирают» одно другое, а, например, долго и успешно сосуществуют, дополняя друг друга, то уместно будет оспорить и сценарий «линейно-прогрессивной» трансформации в единый массив «современного», т.е. либерального и демократического мира — государства.

Смысл главы — в попытке построить вариант такого объяснения с помощью включения в инструментарий анализа элементов «несистемного видения» процессов внутри отдельных общественно-государственных единиц и между пластами, которые они образуют в рамках планетарной общности.

1

Очевидная несовместимость современных российских реалий в рамки теоретически ожидавшихся результатов «третьей волны модернизации» 1990-х годов (если двумя первыми считать Петровскую и большевистскую) дает основание с долей упрощения рассмотреть соотношение происходящего в России с зарубежным опытом как частный случай взаимодействия разнородностей. Поэтому и к построению искомой гипотезы логично идти через переосмысление природы связей между разнородными сегментами общественно-экономического, политического и культурно-цивилизационного бытования в формах, в которых они существуют как внутри отдельных обществ, так и между отдельными обществами и государствами в мировой политике. С этой точки зрения ключевыми объектами рассмотрения должны стать три пары отношений: системность — конгломеративность, прогресс — соположенность, интегративная глобальность — реальная мироцелостность.

Поскольку исходным объектом рассмотрения являются общества, стоит начать с уточнения типологии и подразделить их на *традиционные, современные*

и *конгломеративные*, причем Россия — и это очень многое объясняет — относится к числу последних.

При этом под *первыми* понимаются общества, поведение членов которых основано не на рациональном целеполагании (в современном смысле), а на опыте, традиции, ритуале, воспроизводстве устойчивых форм мышления. Основной мотив действия — следование уже известному образцу («свой путь»), а не разуму («умствование»). Модель поведения задается культурным опытом, который, как правило, выражается в изустной традиции, неписаных регламентах быта, религиозных катехизисах, сборниках изречений и т.д. В таких обществах новации выступают в известном смысле «актами бессознательного» (скорее «интуитивными прозрениями», чем «интеллектуальными прорывами»), а сфера сознательной активности ограничивается контролем соблюдения ранее определенных правил и норм.

В обществах *второй группы*, понимаемых как «современные», модели поведения строятся, напротив, с опорой на осмысление, рациональное целеполагание, нахождение завершенных форм знания («цельных картин действительности»). В «рационально ориентированной» культуре основа бытия — правила рассудочного поведения, а новации выступают как результат сознательного, рационального осмысления, искомый итог «мобилизации интеллектуальных усилий». Современное общество в этом смысле — общество рациональное в отличие от иррационального традиционного общества.

Общества *третьей группы* названы «конгломеративными»¹. Под ними понимаются общества, для которых характерно длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений. *Эти пласты образуют внутри общества отдельные анклав*ы, эффективность организованности которых позволяет анклавам выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата, сохраняя между собой неизменные или мало изменяющиеся пропорции.

Значимы в такой постановке вопроса четыре момента:

- 1) конгломераты общества — мегаструктуры, опирающиеся на анклавы;
- 2) конгломерат — нейтральная характеристика, обозначающая один из типов организации (обществ и мира);
- 3) анклавы — не остаточные явления чего-то отжившего (анклавы могут представлять и новации), а устойчивые структурные единицы конгломерата, относительная изолированность которых друг от друга не ведет автоматически ни к расцвету, ни к упадку;
- 4) конгломератно-анклавный тип самоорганизации может быть и бывает инструментом чрезвычайно успешного приспособления общества к индустриальной и постиндустриальной среде.

Анклав «традиционного» не обречен раствориться в окружающей его среде. Точно так же анклав «современного» не гарантировано преобладание в масштабах всего общества. Среда может стремиться поглотить анклав через

распространение на него присущих ей связей. Но анклав может успешно сопротивляться ей, попутно способствуя приобретению обществом более сложной («сдвоенной», «строеной») структуры. Подобная структура способна позволить обществу, с одной стороны, адаптировать достижения техногенной цивилизации, с другой — сохранить условия для воспроизводства архаичных трудовых мотиваций. Последние в соединении с современной техникой дадут экономический эффект, превосходящий тот, что возможен в стране происхождения этой техники на основе характерного для нее отношения к работе и производству. Современные Китай, Япония и Тайвань — иллюстрации эффективности обществ конгломератного типа.

Уместно предположить, что, несмотря на подсознательно-негативные ассоциации, связанные с этим определением, было бы, наверное, ошибкой рассматривать конгломератные общества как «внутренне противоречивые» (по Марксу) или «надломленные» (по Тойнби) и обреченные. Конгломератность — ни хорошо, ни плохо; она воплощает частный вид несистемной (или «системно-несистемной») организации; общества, организованные таким образом, не обязательно уступают по характеристикам типичным для Запада однородным обществам «системного типа».

Конгломератность невольно выступает как оппозиция системности, хотя сама конгломератность может быть представлена и как вариант — в этом смысле первая не отрицает вторую. Тем не менее оба типа общества воплощают разные типы связей.

Идея системности лежит в основе распространенного видения «стандарта» общественной организации, постулирует единство через наличие всепроникающих, относительно жестких «сквозных», *лучевых связей*, тяготеющих к однородности и однородность стимулирующих.

Системная общность не обязательно однородна исходно, но она однородна в тенденции. Системность связана с представлением о единстве исторического процесса. В теории мирового развития на логике системности построены такие важные постулаты, как взаимозависимость и интеграция. В свою очередь, из историко-философской школы системности вышла теория модернизации, а в рамках ее историко-политического направления возникла концепция глобализации — две крупнейшие метаидеи современности, которым предстоит таковыми оставаться в начале следующего века.

Конгломератность как идея ничем сопоставимым похвалиться не может, и как теория она — на раннем этапе становления, отчасти оттого, что системность — высшее порождение западной науки и ныне сфокусирована на осмыслении западного опыта, в то время как конгломератность воплощает опыт незападный, опыт взаимодействия не-Запада с Западом. В той мере, как последний пребывает доминирующей силой, изучение первого остается узконаправленным: исследуется то, чем не-Запад отличается от Запада и как имеющиеся различия преодолеть.

Конгломератность тоже воплощает единство, но единство конгломерата — соединение разнотелностей, а не слитность в однородности; это единство «по внешнему контуру», через соразвитие разного, а не через слияние в одинаковом. В отличие от системно организованных общностей конгломерат свободен от преобладания единственного типа связей. Для конгломератного общества типичны «несквозные», *опоясывающие связи*². Они отличаются большей мягкостью и не рассчитаны на стимуляцию однородности. Каждый анклав в конгломерате автономно воспроизводит свой тип отношений — в этом они с позиций общества в целом «несистемны». Но анклавы взаимодействуют между собой, вступают в отношения, которые с позиций всего общества можно назвать «системными» — с чем и связано допущение о комбинированном, «системно-несистемном» типе организации в конгломерате.

Сказанное не означает, что конгломераты — «недосистемы» и что со временем они станут «нормальными» системами. Они не становятся и вряд ли станут таковыми в силу веской причины: системам и конгломератам присущ разный тип взаимодействия образующих элементов.

Отношения разнородных составляющих в системах складываются по диалектической формуле отрицания отрицания. Противоположности, сливаясь, образуют новое качество, одновременно утрачивая свойства исходных частей, происходит синтез.

Отношения между разнородными составляющими в конгломератах построены не на синтезе и превращении одних форм в другие, а на параллельном — но разноплоскостном — соразвитии. Анклавы в конгломератах взаимодействуют между собой косвенно: они взаимно влияют и соприкасаются, но не сливаются, не образуют сплав, не приобретают новых качеств за счет утраты исходных. Синтез отсутствует так же, как отсутствует разрушение исходных свойств.

При этом разноанклавные элементы могут образовывать целостность. Русский, чеченский и ингушский уклады на Северном Кавказе не сплелись в «советский уклад» Чечено-Ингушской АССР, что не мешало им тридцать лет воплощать единство в рамках одной административно-политической единицы. Еврейский и арабо-палестинский уклады в Израиле ничем походящим на сплав мир не поразили, но обе общины образуют целое — геополитически и политико-административно. То же можно сказать о единстве русских и эстонцев в Эстонской Республике или русских и латышей в Латвии.

Еще показательнее пример Китая, где в пределах одной общности пласты протозападного типа организации в прибрежных зонах сосуществуют с секторами традиционного экономического, политического и бытового поведения во внутренних районах, образуя причудливое единство, воплощенное в форме общих политических институтов и идеологии и мало ощутимое на уровне каждодневного существования.

Во всех примерах целостность — налицо. Но она не является системной в том смысле, что не тяготеет к «сплошной однородности» составляющих.

Унифицирующие связи не преобладают над автономизирующими и разъединяющими. Разнородные элементы сосуществуют, сохраняя автономию, сополагаются, но не взаимопроникают, не взаиморазрушают друг друга, порождая в процессе взаиморазрушения новые сущности. Рискнем повториться: в системе элементы взаимодействуют на основе взаимопроникновения и синтеза-сплава, в конгломерате — на основе «взаимосохранности» и соразвития в рамках общего обрамления.

Единство и выживание конгломератных обществ достигается не через равномерное распространение однородных связей на всю толщу общественной материи, а через отстраивание комбинированной структуры, при которой общество способно развиваться в качестве целого, оставаясь состоящим из анклавов, воспроизводящих себя и свои отличия от соположенных структурных единиц.

Развиваясь в разных плоскостях, анклавы способны выживать неопределенно долго. Они не паразитируют на обществе. Анклавы «традиционного» могут выполнять важные регулирующие функции даже в тех случаях, когда эти функции в силу разных мотивов не признаются или «не распознаются». Так, преодоление классового видения позволило понять роль, которую в превращенной форме играют родо-племенные и клановые отношения в странах Закавказья, Юго-Восточной Европы, в исламских республиках России, а грекокатоличество — на Украине.

В то же время снобистский отказ российских ученых от разработки важнейшего вопроса о современной политической функции архаичной русско-византийской аскезы (как традиции самоограничения, сдерживания плоти, «нормативной» скудости быта) в России отдал ее на откуп публицистов-заклинателей «мистико-почвеннического» толка. Между тем «антисовременный» пласт этических норм, восходящих к аскетическо-православным ценностям, составляет мощный анклав «традиционного» в жизни российской провинции. С одной стороны, он выступает моральной антитезой западничеству и Москве. С другой — исполняет роль поглотителя-канализатора «низового бунтарства», которое скрытым от нас, по нашему же неразумению, образом направляется в русло «мученического терпения» (голодовки, пассивные формы протеста, «миссионерское» подвижничество лишившихся оплаты учителей и врачей) и не приобретает формы революции — как было бы уместно ожидать в условиях провала радикальных реформ.

Хотя речь шла об анклавах *традиционного*, анклавы могут состоять и из *современного*, т.е. современное не обязательно выступает в роли доминирующей среды по отношению к традиционному. Показательные примеры — московская либерально-западническая «тусовка» конца 1990-х годов на фоне консервативной провинции, слой бывшего советского партхозаппарата в Средней Азии, англоговорящая элита Индии в сравнении с остальным населением страны.

В принципе можно допустить, что тип отношений, свойственный одному анклаву, в конкретный момент может пользоваться поддержкой власти, полу-

чая благоприятные условия для экспансии в сопредельные анклавов и даже их полного освоения. Но так происходит в теории. *Для конгломератных обществ характерна устойчивая востребованность всех типов отношений* и специализация каждого анклава на той или иной функции: общество равномерно воспроизводит типы связей, характерные для всех анклавов, и прагматично пользуется этим многообразием.

Например, большинство российской элиты независимо от политических симпатий мыслит одновременно и «современно», и «традиционно». «Современно» при решении вопросов приватизации (жилья и т.п.), но «традиционно» — при отладке механизма внеинституционального управления страной, когда волевые импульсы транслируются не через официальные институты, а помимо них — через фаворитов (если речь идет о президенте) или через «партийные группы в непартийных организациях» (если — о практике КПРФ).

2

Конгломератные общества представляют собой целый сектор мировой политики, хотя составляющие его страны не образуют сплошной массив и его границы не легко распознаются: «быть конгломератным» непрестижно, конгломератность воспринимается как сопутствующая «незрелости». Между тем взаимоотношения конгломератных и неконгломератных составляющих международного сообщества — крупная проблема, не нашедшая удовлетворительного разрешения в уходящем веке и способная обостриться в веке наступающем.

В самом деле, международный порядок в тех формах, которые он принимал в Новое время, всегда тяготел к европоцентризму. Он во многом строился путем проецирования европейских идей общественного и межгосударственного устройства на неевропейские ареалы. И мировое регулирование — в той мере, как оно существовало в виде Лиги Наций и ООН, Бреттон-Вудских основоположений и их модификаций «Группы семи (восьми)», — неизменно выступало продуктом западных интеллекта, энергии и ресурсов. Международный порядок был исходно порядком западным, в который включали (или включались сами) незападные государства. Причем включенность в этот порядок с оговорками и неохотой (Китай) или с вождением (Прибалтика) воспринималась как знак приобщенности к высшему и прогрессивному. Имелось в виду, что прогресс со временем чудесным образом преобразит всех, мир станет подлинно единым и международное сообщество станет мировым обществом как общностью высшего порядка на базе разделяемых всеми ценностей³.

Такое видение мировой гармонии отражает европейское понимание исторического времени как времени (прямо)линейного и необратимого («время-стрела»), а исторического процесса — как последовательно-стадиального. Его посылками являются представления об историческом прогрессе как восхожде-

нии от низших форм к высшим, от простого — к сложному и худшего — к лучшему через смену форм⁴.

В свою очередь, на презумпции линейного прогресса возведена теория модернизации «традиционных» обществ, из которой следует, что вступившие на путь модернизации страны должны стать аналогами западных обществ — в других географических ареалах. С учетом настроения линейно-прогрессивного видения на растворение «низших» форм в «высших» формах развития линейно-прогрессивное развитие можно назвать «поглощающим».

Между тем жизнеспособность конгломератных обществ на протяжении длительных исторических периодов и опыт их модернизации заставляют пристальнее рассмотреть вопрос о векторах исторического времени, в рамках которого они развиваются и воспринимают новации.

«Современные» Япония, Южная Корея, Китай (и Россия, несмотря на три века модернизации) подобными Западу не стали. Они остаются многослойными структурами, в которых сосуществуют пласты «традиционного» и «современного». Объясняется ли их «слоистость» только «отставанием» от, скажем, Западной Европы в движении по шкале линейного времени? С точки зрения линейного времени устойчивость конгломератной организации если и объяснима, то лишь как патология «нормального» развития. С такой позиций и не может сойтись изрядная часть зарубежных коллег.

Ситуация становится менее непонятной, если принять допущение о нелинейном (или нелинейно-линейном) развитии, иначе говоря, о том, что модернизаторские усилия в отношении конгломератных обществ, хотя не пропадают впустую, оказывают свое действие по иной логике, чем та, что предписывается «прямолинейным» видением истории. Импульсы новаций не приводят и не могут привести к возникновению *на месте конгломератного общества однородной социокультурной амальгамы «современного» типа. Они приводят к воспроизводству новой (обновленной), но тоже конгломератной общности*, каждая из составляющих которой восприняла «свою долю» исторических новаций «порознь». При этом они не утрачивают своей «отдельной сущности» и, следовательно, не растворяются в гомогенном общественно-государственном массиве.

Такой тип воспроизводства противоречит линейности и, напротив, указывает на иной, предположительно спиралевидный, тип развития конгломератов во времени. Точнее, конгломератные общества взаимодействуют с потоком модернизирующих импульсов и *по спирали, и линейно*: по спирали — на внутриобщественном уровне и отчасти линейно — во взаимоотношениях с воздействиями внешней среды. Каждый анклав развивается одновременно и в своем собственном, «параллельном» времени, и в «оплетающем» его временном потоке, в который «вписан» весь конгломерат. Общество может, с одной стороны, воспринимать новации каждым анклавом в отдельности и постепенно в целом увеличивать в себе присутствие инновационного содержания, а с другой — сохранять стабильной свою внутреннюю структуру, т.е. типичные для общества соотношения между «порознь обновившимися» анклавами.

Как очевидно, и спиралевидное развитие, подобно линейно-прогрессивному, предполагает взаимное влияние «современного» и «традиционного», но в отличие от него оно не предполагает поглощения одного другим. Напротив, спиралевидное развитие предполагает гораздо лучшие шансы для взаимосохранности противоположностей. Эта взаимосохранность не исключает появления у целого новых общих свойств, но эти свойства не приобретают «всепроникающего» характера и концентрируются главным образом на внешнем, обрамляющем контуре целого.

Иначе говоря, при линейно-прогрессивном развитии противоположности уничтожают одна другую или уничтожаются обе, чтобы дать новое качество целому. При нелинейном — они сопологаются рядом, образуя объединяющий их по внешнему периметру слой качеств и отношений, но и сохраняя базовые качества частей.

Конгломератная модель способна привести к приобретению новых качеств не через разрушение свойств частей, а посредством растянутого во времени образования нового макросвойства через ряд повторяющихся, схожих, но и различающихся циклов, в процессе монотонного набегания которых друг на друга соположенные элементы испытывают взаимное влияние и меняются, но сохраняют критическую массу исходных микрокачеств.

Инстинктивно-эмоциональная непривычность такого видения может быть связана с характером отечественного образования как преимущественно западного в базово-понятийном отношении. Интеллигенту в норме присуща позитивная оценка «прогресса» как универсального критерия приобщенности к высшему — достижениям цивилизации, передовым технологиям, лучшим стандартам личной свободы, творчества и быта. Соответственно, иное, чем «прогрессивное» — спиралевидное — развитие-движение воспринимается как консервирующее косность, рутину — нечто, от чего принято избавляться (хотя бы избавиться полностью было и невозможно без разрушения органической основы жизни страны).

Констатация восприятия прогресса как последовательности смены форм не вызывает желания ни восхвалить, ни осудить ее. Во многом западное мировидение российской образованной публики — данность, на которую стоит делать поправку. Но важно помнить, что развитие на основе по-европейски понимаемого прогресса заставляет ожидать результатов в форме приобретения развивающимся субъектом нового качества через отрицание его «недостойных сохранения», «регрессивных» составляющих и опережающий рост «достойных поддержки», «прогрессивных» компонентов. Поэтому «традиционное» (к которому нередко относят все, что не имеет аналогов в западном опыте) может казаться лишь национально своеобразной «предстадией» современного⁵. Неудивительно поэтому, что образованное сознание испытывает шок, всякий раз «внезапно» обнаруживая, сколь устрашающими могут быть выбросы «иммунных ответов» на модернизацию: Чечня внутри России, Косово внутри Югославии-Сербии, Белфаст — в Великобритании, Басконь — в Испании,

Курдистан — в Турции и, возможно, даже черных жителей, скажем, Северной Калифорнии — в США.

Отказавшись от одномерного видения развития через призму «стреловидного прогресса», можно перестать сетовать на живучесть конгломератов и вернуться к их изучению как исторически непреходящих субъектов — тем более что конгломератность и конгломераты как общественно-государственные единицы распространены шире, чем можно подумать.

Примеры конгломератов с выраженной корреляцией анклавов «традиционного» и «чужеземного» — упоминавшийся Израиль или Турция с Турецким Курдистаном. К этой же группе можно причислить и Индию, где «современное» поведение коррелируется с принадлежностью к высшим кастам, а «традиционное» — к низшим.

Как ни странно, в этот же ряд в 1990-х годах стало уместно помещать и Соединенные Штаты, на глазах утрачивающие способность оставаться «плавильным котлом» разноэтничных групп. Стоит задуматься над тем, отчего с таким накалом латиноамериканское и черное меньшинство в США демонстрируют отсутствие у них желания следовать «современным» правилам поведения и, напротив, тягу к тому, что в американской литературе именуется «традиционным образом жизни». Последнее же выливается только в приспособление архаичных архетипов бытования к американским законам, в результате чего вывезенный из Африки первыми рабами инстинкт собирательства трансформируется в не осуждаемое местной моралью и законодательством воинствующее попрошайничество «афроамериканцев» на улицах американских городов.

Группу этнически гомогенных конгломератов дают Япония и Южная Корея, в которых границы анклавов «современного» и «традиционного» поведения существуют в «перемежающейся» форме. Одни и те же индивиды (или их группы) воплощают в зависимости от ситуации то «современный» (в бизнесе, в городе), то «традиционный» (в быту, в деревне). К этой второй группе есть основания отнести Россию и Китай, поскольку в обеих странах в пределах одних и тех же этнических массивов хорошо различимы анклавы «современного» («меркантилистского» — по А. С. Ахиезеру⁶) и «традиционного» типов поведения с той разницей, что в КНР ось соположения проходит по линии «побережье — внутренние районы», а в России она сопрягается с водоразделом «столицы — провинции».

Многообразие форм конгломератов и их относительная автономность от «универсальных» закономерностей дают основание говорить о существовании особого типа развития обществ и межгосударственного сообщества в целом. Как антипод «поглощающему» линейно-прогрессивному развитию его можно назвать равноположенным развитием.

Первое, линейно-прогрессивное, акцентирует неизбежность перехода одних форм (незападных) в другие (западного или протозападного типа), «не оставляя места и перспективы» незападным формам общностей. Порождается

теоретико-концептуальный тупик, очевидность которого нарастает по мере накопления материала об устойчивом воспроизводстве незападных укладов и возрастании их мощи — как экономической (страны Восточной Азии), так и военной (Индия).

Через *второе* — равноположенное — преодолевается «историко-мессианская» воинственность западной цивилизации в отношении незападных укладов. Равноположенность постулирует возможность неразрушительных форм взаимовлияния помимо классической триады «слияние—отрицание—синтез» и задает альтернативную парадигму обновления общества и мира при сохранении автономии и многообразия скоростей и форм развития и на базе сочетания линейного и нелинейного движения сущностей во времени. Возникает более органичное, ненасильственное обоснование цельности мира как общности, соединяющей противоположности, но не обрекающей их враждебному противостоянию в борьбе за сохранение идентичности каждой.

Равноположенное развитие не представляет фронтальной оппозиции линейно-прогрессивному. Оно одновременно и противостоит, и дополняет его, подчеркивая, что *разноорганизованные сущности могут равнополагаться, сохраняя каждая за собой достаточные перспективы на будущее*. Но признание равноположенности как альтернативы линейности означает преодоление «поглощительного», инструментально-наступательного взгляда на мир и историю в пользу «сберегающего» слитно-органического видения вселенной и своего места в ней. При внешнем благополучии нынешних «поглощительных» (в отношении природы и ресурсов) постиндустриальной и информационной моделей «устойчивого развития» обе они обнаружили к концу XX в. относительную исчерпанность. Если XXI век заставит человечество обратиться к «сберегающим» вариантам самоорганизации, которые могли обеспечить человечеству способность к восприятию новаций без расширения антропогенной экспансии в природновещный мир, равноположенное развитие как вариант «щадящего» взаимоотношения противоположностей (человека и природы) может определять магистраль мирового процесса так же, как до сих пор ее определяла линейность.

3

Учет равноположенности развития уберегает от одномерного взгляда на мир, но и усложняет его картину. С одной стороны, не-Запад перестает казаться несообразной помехой для планетарного торжества «современной цивилизации». С другой — возникает потребность объяснить соотношение между унификацией, постулируемой глобализацией, и феноменом равноположенности, который своим существованием намечает пределы нарастания однородности мира.

Равноположенность не опровергает глобализации как важнейшего из направляемых Западом процессов «сжатия» планеты во времени и пространстве и движения мира к единству. Но она вносит в происходящее предостерега-

ющую ноту: глобализация при ее нынешних формах представляет логику «поглощения», в то время как «обреченные быть поглощенными» составляющие мира и сам этот мир стали иными, чем они были на протяжении последних двух-трех веков, когда «поглотительная» философия складывалась и безопасно срабатывала.

К началу XXI в. незападные секторы мира не без культурного влияния Запада выработали новые стандарты миро- и самовосприятия. Возросла самооценка не-Запада, что связано с укреплением его позиций в мировой экономике (страны Восточной Азии), политике и военной сфере (Индия, Китай, исламские и латиноамериканские страны). Незападные составляющие мира не готовы увидеть в себе лишь «предполье» Запада, которое хочет и, возможно («если будет себя хорошо вести»), сможет стать его частью. Обретение ядерного оружия Индией и Пакистаном — самые грозные аргументы против чрезмерного оптимизма на этот счет.

Более того, опыт восточноазиатских (Япония) и ряда других стран девальвировал ценность западной модели и указал на реальность приобретения незападными обществами новых характеристик (экономическая эффективность), не уподобляясь Западу и находя оригинальные формы самосоотнесения с новациями, обобщенным выражением чего является «цитирование в конгломератах». *Конгломеративная самоорганизация незападных обществ возникла как их иммунный ответ на модернизацию. Она выступила в роли избирательно-проницаемой «защитной брони»: с одной стороны, позволяла обществам дозированно воспринимать и осваивать новации, с другой — предохраняла органические основы воспроизводства незападных обществ от полного разрушения, с третьей — смягчала противоречия по линии «Запад—не-Запад», предохраняя их от эскалации взаимной агрессивности и «взрывного» отторжения.*

Признавая воздействие глобализации в широко понимаемой сфере экономики и финансов, незападное сознание вряд ли готово воспринять глобализацию в качестве воплощения цельности мира. Уместно полагать поэтому, что *реальная мироцелостность не равнозначна глобальности, если последнюю понимать как воплощение гомогенной планетарной общности, в основе которой — западное цивилизационное ядро.*

Глобализация олицетворяет возникновение мощной сети общемировых связей, рост интенсивности которых придает международному сообществу качество глобальности как, *во-первых*, состояния возрастающей слитности, сплавленности стран и народов в планетарную общность, а *во-вторых*, осмысления и признания этой слитности и ее последствий. В той мере, как источником импульсов к глобализации является «индустриальное сообщество», она служит вариантом «поглотительной», линейно-прогрессивистской версии философии международных отношений.

Мироцелостность, напротив, воплощает одновременно и системное единство, и суммативность субъектов мировой политики. Она вбирает в себя идеи и об-

щемировых связей как инструментов формирования единства, и анклавной автономности равнополагающихся субъектов. Она не противопоставляет одно другому, а предоставляет каждому функциональную нишу. Достигается это за счет преодоления присущей концепциям глобализации одномерности в понимании природы связей в пределах мироцелостности. Согласно глобалистскому видению, общемировые связи преимущественно всепроникающи «по толще пласта». Согласно мироцелостному — большая часть общемировых связей относится к разряду всеоплетающих. Но всеоплетающие связи не пронизывают всю глубину мировой материи, оставляя в ней место для анклавов и автономности. В таком прочтении целостность мира не обрекает его вестернизации, хоть и не отрицает моделиобразующей роли последней в современном мире.

К ограничительному пониманию глобализации как преобладающей, но не безусловно позитивной и не безальтернативной тенденции развития подталкивают изменения, которые происходят в природно-материальном мире. На протяжении тысячелетий человечество «вылуплялось» из естественной природной среды, а критерием развития считалась «удаленность от природы». К концу XX в. мир достиг крайней стадии самовыделения из природы, свидетельством чего стало торжество техногенной цивилизации. Но начало нового тысячелетия может стать конечным рубежом этого вектора⁷. И хотя контуры другого, органичного варианта отношения к среде просматриваются смутно, наступающий этап жизни планеты воплощает переход от эпохи инструменталистско-потребительского отношения к природной обрамляющей к ненасилиственному самовстраиванию в нее обществ.

Связанная с этим переходом смена оценочной парадигмы низводит с пьедестала значимые для XIX–XX вв. героику борьбы противоположностей и умеряет ее привлекательность. Непривычным образом начинает терять актуальность присущая лучшим умам уходящей «старой современности» (*modernity*) от Маркса до Леви-Стросса склонность осмысливать мир в бинарных оппозициях. Двоичность размывается, противопоставление и противоположность перестают быть стандартной матрицей анализа. Мир начинает опасаться бинарности и искать концепции, которые позволяли бы обосновать шансы неконфронтационного существования в новом, вольно или невольно отрешившемся от биполярности мире.

Если в структурно-политическом смысле рост международной конфликтности связан с распадом СССР, то с позиций философии международных отношений современную конфликтность можно понимать и как результат попыток регулировать отношения во всех секторах международной жизни с позицией односторонне постулируемой неизбежности исходить из нормативности опыта и этики Запада.

По-своему и еще неконкретно ощущая это противоречие, автор удручающе популярного положения о «конflikте цивилизаций» образно обозначил вероятный источник роста конфликтности. Равноположенность как альтер-

натива «поглощающей линейности» объясняет конфликтогенный механизм конкретнее, намечая путь к разработке версий преодоления «конфликтов равноположенности».

После пятнадцати лет упоения конвергентностью стоит критичнее взглянуть на проблему единства мира и перестать относиться к нему как к завлекательно абстрактной схеме. Феномен мироцелостности слишком сложен, чтобы его изучение возможно было оставить в рамках какой-то одной аналитической парадигмы⁸. Матрицы анализа требуется обогатить с учетом необходимости улавливать специфику всех составляющих современного мира — включая феномен России.

Глобализация как форма распространения западной модели самоорганизации — глубинная тенденция. Но она не обязательно «обрекает» Россию на трансформацию в часть «цивилизованного мира». *Жесткое внутреннее сопротивление российского материала вестернизации в форме радикально-либеральных реформ заставляет размышлять об исторических перспективах России в контексте не только ее единства-слияния с Западом или Востоком, но и конгломератной соравноположенности с тем и другим.*

Равноположенное развитие не противоречит партнерству ни с Западом, ни с Востоком. Оно дает методологический ориентир для нахождения предельных рамок, вне которых попытки форсировать включенность России во внешний мир при игнорировании ее сущностных характеристик могут иметь трагические последствия для России и оказаться контрпродуктивными для окружающего мира.

Поэтому с точки зрения российского государственного интереса центральная проблема ориентации среди сложностей мира — выработка Россией выверенного отношения к глобализации как к важнейшему международному процессу, которым, однако, не исчерпывается ни многогранное содержание мироцелостности, ни перспективы планетарного развития.

Постановка проблемы о равноположенности как о равноценном варианте планетарной самоорганизации не ставит под сомнение фундаментальный факт: в мире доминируют линейно-прогрессистское видение мирового развития и воплощающая это видение модель мироустройства. Она победила в Новое время и продолжает преобладать, хотя перспективы ее доминирования перестали быть такими же благостными, как еще пятьдесят лет назад. Пафос сомнения адресуется не глобализации, а ее некритическому восприятию, которое угрожает дезориентацией относительно долговременных мировых тенденций: упрощения, заблуждения и зигзаги, которые могут позволить себе обладающие неограниченными ресурсами США, способны оказаться фатальными для стесненной в выборе средств России. Глобализация ставит перед ней дилемму: вхождение в Запад и сопряженная

с этим вероятность саморазукрупнения до масштабов «среднезападной страны» или равноположенность по отношению к нему, но тогда — сопутствующие такому выбору самоограничения, умеренность и отказ от расточительности. Глобализация не отменяет фрагментации мира. Обе они оттеняют и дополняют друг друга, внося в мироцелостность гибкость и многообразие. Это две равноположенные, хотя и не равнозначные тенденции. И каждая способна дать парадигму встраивания национального интереса в мировую политику.

Примечания

¹ Наиболее распространенной в литературе остается «бинарная» типология обществ: «традиционные» — «современные». Например, британский исследователь Эндрю Вебстер в своей работе о социологии развития весьма подробно рассуждает об относительности понятий «традиционное» и «современное», подчеркивая их взаимную «диффузию» и сосуществование «внутри имеющихся социальных отношений». Но он не видит в «смешанных» обществах особого феномена. См.: *Webster A. Introduction to the Sociology of Development*. L.: MacMillan, 1984. P. 57–58, 62. Такой же логики придерживается большинство отечественных авторов. Например, любопытный анализ приводят в своей статье «В чем секрет “современного общества”» В. М. Сергеев и Н. И. Бирюков, рассматривая взаимодействие «традиционного» и «современного» через призму становления общественных институтов. См.: Полис. 1998. № 2. С. 52–63.

Гораздо больше параллелей с излагаемой в данной статье точкой зрения обнаруживает превосходная для своего времени и теперь уже классическая в отечественной традиции коллективная работа российских авторов «Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного» под ред. Л. И. Рейснера и Н. А. Симонии (М., 1984). Ее участники не только точно зафиксировали устойчивость сосуществования «традиционной» и «современной» составляющих в обширной группе стран незападных ареалов, но и ввели понятие «смешанного типа» образований (С. 160), для обозначения которых они предложили термин «синтетическое общество». По смыслу это выражение употребляется в цитируемой работе так же, как в нашей — слова «конгломерат» и «конгломеративность».

Разница, очевидно, в несовпадающем понимании «синтеза». В классической и современной западных философских традициях, включая ортодоксально марксистскую, «синтез» прежде всего подразумевает «расплав» и «слияние». В «Эволюции восточных обществ» это обстоятельство было учтено по-своему: авторы оговорили в примечаниях, что они понимают «синтез» только в значениях «соединение», «единство», т.е. в тех значениях, которые «формально-исходно» принадлежали ему в древнегреческом языке (С. 543). В этом смысле впервые термин «синтез» употребил Н. А. Симония в 1975 г.

² Н. А. Симонией также удачно вброшено применительно к связям и отношениям в том, что он сам еще не называл «синтетическим обществом», определение «обволакивающие» (*Симония Н. А. Страны Востока: пути развития*. М., 1975. С. 163).

³ *Bull H. The Anarchical Society*. L.: MacMillan, 1986.

Из новых политологических публикаций на тему времени интереснее других — статья В. И. Пантина и В. В. Лапкина «Волны исторической модернизации в России», в которой авторы, по сути дела, говорят о «возвратно-поступательном» («волнообраз-

ном», как они пишут) времени применительно к циклам российских реформ. Это любопытное прочтение тем не менее не выходит по сути за рамки (прямо)линейного понимания времени, хотя и отрицает его «стреловидность». См.: Полис. 1998. № 2. С. 39–50.

В отличие от упомянутых исследователей В. А. Алтухов весьма энергично указал на необходимость учета нелинейных форм общественного развития (помимо спирали — зигзаг, маятниковая пульсация, петля, наложенные волны, взаимовложенные спирали и т.д.) при постановке новых исследовательских задач в своей интеллектуально весьма насыщенной работе «О смене порядков в мировом общественном развитии». См.: Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4. С. 5–21, особ. С. 6.

⁴Показательно, что, на взгляд европейцев, до проникновения Запада в Китай истории в Китае не было — он «спал». Возможность истории-развития появилась только в середине XIX в., когда произошел первый ощутимый контакт, столкновение традиционного китайского и современного европейского. Тогда — для европейцев в большей степени, для китайцев в меньшей — проблема виделась в нахождении форм перехода к прогрессивному, передовому типу социально-экономического устройства.

⁵*Ахиезер А. С.* Оппозиция типов сознания и феномен двоевластия // Запад—Россия. Культурная традиция и модели поведения: Научные доклады. Вып. 55. М.: МОНФ, 1998. С. 9–20.

⁶*Петрухин А.* Откуда вышло и куда идет человечество. Как отвечает на эти вопросы русский ученый Никита Моисеев // Независимая газета. 1998. 10 июня. С. 16.

⁷Скептицизм по поводу способности системного подхода служить универсальной парадигмой исследования современных реалий в деликатной форме осмелелись до сих пор выказать, кажется, только ведущий российский теоретик-методолог международных отношений М. А. Чешков. См.: *Чешков М. А.* Россия в мировом контексте. Глобальная общность человечеств // Мир России. Социология, этнология, культурология. 1997. № 1. С. 107–125.

⁸Дискуссия с целью найти способ теоретически совместить концепцию «унифицирующей глобальности через глобализацию» с фактической невозможностью описать с ее помощью мирополитическую реальность (по счастью) не затухает. Более или менее удачный ее пример — круглые столы Центра сравнительных исследований России и третьего мира в ИМЭМО РАН, материалы которых были опубликованы. См.: Запад—не-Запад и Россия в мировом контексте // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 12; 1997. № 1. Более прикладными (ознакомительно-аналитическими) были две статьи на тему глобализации, опубликованные, например, В. Кузнецовым. См.: Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2–3.

Литература

Кокошин А. А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям. М.: Ленанд, 2008.

Очерки теории и политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталева; Научно-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2002. — 380 с.

Поздняков Э. А. Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976.

Система, структура и процесс развития международных отношений / Под ред. В. Гантмана. М.: Наука, 1984.

Раздел III. МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Тимофеев И. Н. Формализованные методы исследования в политологии и сравнительной политике: перспективы политологической школы МГИМО // Сравнительная политика. 2010. № 1.

Тюлин И. Г. (ред.) Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений. М.: МГИМО, 1991.

Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: МГИМО-НОФМО, 2008. — 232 с.

Хрусталева М. А. Системное моделирование международных отношений: Учеб. пособие. М.: МГИМО МИД СССР, 1987. — 115 с.

Цыганков П. А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 5. С. 3–24.

Albert M., Cederman L.-E., Wendt A. New Systems Theories of World Politics. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. — 368 p.

Kaplan M. A. Systems and process in international relations. N.Y.: John Wiley & Son, 1957.

Wallerstein I. M. World-system analysis: an introduction. Durham, NC: Duke University Press, 2004. — 109 p.

30. РЕГИОНАЛИЗМ КАК ПАРАДИГМА МИРОУСТРОЙСТВА

Ключевые слова

Регион, глобальные проблемы, территория, глобализация, самоопределение, взаимозависимость, децентрализация, региональный комплекс, региональная подсистема

Регионализм как мировоззренческая парадигма политики и ее международно-политическая составляющая

Регионализм как мировоззренческая парадигма политики в ее главных теоретических сегментах — политической философии и теории политики — тесно связан с политической идеологией эпохи постмодерна, когда социокультурное пространство стало осознаваться не только как нечто объективное, но и как набор состояний и их прочтений, которые могут осмысливаться в различной политической реальности по-разному. Такое понимание регионализма связано не только с возможностью его конструктивистского прочтения, но определяется прежде всего дуалистичностью его природы. С одной стороны, регионализм апеллирует к сохранению и укреплению территориальной целостности любого государства, при наличии которой стабильное развитие предопределено наличием сильной национальной идентичности на едином социокультурном пространстве нации-государства. С другой стороны, регионализм предполагает трансформацию нации-государства с ее суверенностью классического типа в мир регионов, состоящий из множества региональных единиц разных масштабов, часть из которых обладает, а другая часть не обладает суверенностью¹.

Регионализм как мировоззренческая парадигма политики, в том числе и международной, с одной стороны, пытается выйти за рамки вестфальского мировоззрения, согласно которому глобальное мировое пространство состоит из суверенных государств, с другой — отгораживается от глобального «отдельными регионами» национальных государств, объединенными общими

интересами. Таким образом, регионализм привязывает социум к определенной территории, но, с другой стороны, и объединяет нации-государства с их «отдельными» суверенностями в новое территориальное пространство на основе по крайней мере частично новой функциональной общности. Поэтому, если регионализм старого типа ассоциировался главным образом или по преимуществу с географической территорией, то регион постмодерна — это скорее воображаемое сообщество (в терминологии политического антрополога Б. Андерсона) пространственного, но необязательно только территориального типа, объединенных функционально, пусть и суверенных, национальных государств. Соответственно этому пониманию, регион может пониматься как объективная географическая или международно-политическая реальность с определенными присущими ей характеристиками и свойствами, а может — конструктивистски — как мыслительный конструкт, который можно сконструировать, изменить или ликвидировать вовсе.

Именно эта мировоззренческая многозначность регионализма позволяет понимать под этим термином различные сущности:

- регионализм может пониматься максимально широко — как культурно-мировоззренческий феномен, основанный на самобытности и культурно-цивилизационном своеобразии региональных социумов, основой которого выступает особый региональный культурно-цивилизационный или географический ландшафт, а отражением — особая культурно-цивилизационная, экономическая или политическая идентичность;
- регионализм может выступать как политическая идеология, отражающая стремление региональных элит к достижению максимальной самостоятельности и автономности частей страны (регионов) в области культуры, политики (в некоторых исключительных случаях вплоть до международной), а нередко и экономики, апеллируя к самодостаточной исторической, экономической или культурно-цивилизационной общности, отличной от других частей нации-государства;
- регионализм может выступать и как конкретная политическая идеология региональных политических движений, борющихся с федеральными властями за расширение автономии, или получение больших полномочий, укрепление своего самоуправления в некоторых крайних случаях вплоть до попыток отделения, иногда очень радикальных (сепаратизм) и т.д.;
- регионализм может выступать как характеристика социума в отдельном нации-государстве, в котором декларируется отказ от чрезмерно централизованного управления своих частей — регионов в пользу их самостоятельности;
- регионализм может акцентировать свою международно-политическую ипостась и обозначать процесс формирования суверенными нациями-государствами крупных наднациональных или межгосударственных проектов в конкретном макрорегионе.

Таким образом, как мировоззренческая парадигма политики в политической философии и политологии в целом, регионализм отражает дуалистическую пространственную парадигму современного мира, либо «отгороженного» от глобального мира своей спецификой, либо трансформирующего мир отдельных государств в мир государств, объединенных функциональным единством в пространственный кластер — регион.

Если же учитывать международно-политическую специфику регионализма, которая проистекает из специфики самих международных отношений², то можно говорить и о его мирополитических аспектах. В международных отношениях явления, связанные с регионализмом и его мирополитическими аспектами, определяемыми структурной спецификой характера международных отношений, получили название регионализации. Дело в том, что прежде всего по своему характеру международные отношения являются социальными отношениями, а значит, международные системы и их подсистемы относятся к типу социальных систем. Это означает, что они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых невозможен по аналогии с анализом моделей механических систем. Социальные системы, как правило, принадлежат к типу открытых и слабоорганизованных, т.е. в таких системах сложно провести четкую границу, а соответственно и подвергнуть анализу систему в отрыве от среды, и наоборот. Пространственные границы таких систем носят условный характер. Другими словами, подсистемы хотя и отличаются характером своих отношений со средой, однако не только существуют в реальности, но и имеют некоторые пространственные границы, хотя часто эти границы меняются, накладываются друг на друга, носят условный характер. Это в той или иной степени верно для всех региональных международных (под)систем, включая региональные. Они представляют собой не просто некоторые аналитические объекты, а конкретные, в реальности очень сложные комплексные связи между существующими социальными общностями, взаимодействие которых имеет определенные черты системно-пространственной организации.

Еще одна особенность международной системы отношений и составляющих ее региональных подсистем связана с тем, что их основные элементы представлены социальными общностями включая отдельных индивидов, т.е. они являются социальными системами особого типа со слабой степенью интеграции элементов в целостность и со значительной автономией элементов. Третья особенность связана с тем, что международные отношения являются по преимуществу политическими отношениями, главным звеном которых являются межгосударственные отношения. То есть даже при увеличении количества акторов отношения между ними и государством в основном продолжают носить политический характер, а по степени влияния на стратегические вопросы государство все еще остается вне конкуренции по сравнению с другими акторами.

Дуализм регионализма в международной системе отношений определяет особый характер мирополитических аспектов этого явления, которые будут рассмотрены в следующем параграфе. Пока нам достаточно зафиксировать,

что в сфере мирополитического регулирования регионализм может выступать в форме радикального регионализма вплоть до изоляционизма, в основе которого лежат постулаты экономического национализма экономических систем XIX в.³, а может пониматься как «мини-глобализация», ограниченная функциональными параметрами региона.

Если же говорить о значении регионализма как современной мировоззренческой парадигмы политики и ее международного воплощения, то оно определяется следующими факторами:

- в настоящее время складывается принципиально новое качество влияния региональных процессов на глобальный уровень международных отношений;
- глобальная повестка дня переформируется и актуализируется по-разному в разных региональных подсистемах;
- региональные процессы и региональное понимание мировых процессов могут выдаваться за глобальные или альтернативные глобальным процессам; региональные процессы могут оказывать влияние или переформатировать глобальные;
- иерархия глобальных проблем и угроз может быть разной в различных пространственных кластерах — региональных подсистемах, региональных комплексах и регионах;
- различные элементы региональной подсистемы или разные комбинации акторов регионального уровня по-разному влияют на глобальный уровень: они могут поддерживать и усиливать глобальный порядок, способствовать его радикальному слому и ниспровержению или эволюционной трансформации в новое качество;
- относительное обособление регионального уровня международных отношений (регионализация) позволяет ставить вопрос о корректировке существующих теоретических подходов к международной политике, «достройке» общей теории с учетом регионального уровня или же (более радикальное предложение) построении «незападной» (корректнее — незападноцентричной) теории международных отношений в соответствии со спецификой крупнейших сегментов макрорегионального уровня (макрорегиональных комплексов);
- относительное обособление регионального уровня (регионализация) «реабилитирует» категорию пространства в международном политико-экономическом анализе и приводит к образованию субдисциплинарных полей «на стыках» международных отношений / мировой политики и политологии, как то: мировое/зарубежное сравнительное/комплексное регионоведение, сравнительный макрорегиональный политический анализ / кроссрегиональный политический анализ, региональная политология, политическая регионалистика, политическая география, геополитика, в которых категория пространства становится центральной или играет стержневую роль;

- последние десятилетия происходит трансформация глобальной системы международных отношений, в которой существенное, если не определяющее влияние играют процессы перераспределения регионального влияния и региональной мощи, новые конфигурации макро-региональных союзов и блоков, которые в конечном счете определяют конфигурацию новых региональных порядков второй четверти XXI в.;
- сегодняшние дебаты по вопросам идейно-философских основ современного мирового порядка напрямую связаны с проблематикой регионального уровня (подъем новых мировых держав незападного мира, подъем Азии, дискуссия о роли Запада и месте Востока, «реинтерпретации» основ западной цивилизации, последствиях перераспределения влияния между регионами мира, сущностном содержании проектов незападного мирового порядка или незападной (незападноцентричной) теории объяснения существующего порядка, путей его эволюционного развития, роли исламского, китайского факторов в мировой политике, роли стран БРИК и т.д.) и характером интерпретаций дуалистичности феномена регионализма;
- неверный или неадекватный анализ мировых глобальных и региональных тенденций и проектов, приблизительное понимание алгоритма взаимодействия глобального, регионального и национального уровней отношений, их взаимовлияний, характера регионализма развития, неумение адекватно концептуализировать настроенную в соответствии с глобальными закономерностями, но удачно адаптированную к региональной специфике, конкурентную региональную модель модернизации и развития, узкое и неадекватное понимание дуалистического характера феномена регионализма как одной из мировоззренческих парадигм политики увеличивает цену внутри- и внешнеполитической ошибки, ускоряет отставание стран и регионов, приводит к фрагментации части мирового пространства и образованию «неудавшихся» и «неуспевающих», стагнирующих или авторитарных, хотя и вполне суверенных государств и депрессивных регионов, причем выход из этого состояния через стратегию догоняющего развития становится все более и более затруднительным.

Система координат и понятийный аппарат регионализма и регионализации

Глобализация, независимо от того, какое ей дается определение, идентифицируется через свойство пространственности, в частности и через процесс регионализации в международной политике и степени регионализма во внутренней. Соответственно, глобализация может восприниматься как вызов или угроза, потому что она интерпретируется как синоним униполярности и мате-

риализуется по-разному на локальном, региональном и глобальном уровнях. Глобализация как феномен социальной жизни имеет объективную и субъективную стороны, т.е. неприятие и/или отторжение глобализации как объективного феномена происходит из-за недостаточно глубокого понимания объективного характера этого процесса, неумения найти ее адекватную региональную форму, а также из-за того, что одна из региональных форм глобализации со своей версией регионализма может выдаваться за ее единственную модель для подражания без учета иной региональной специфики. Кроме того, большинство считающихся глобальными проблем (глобальное потепление, транснациональная преступность, международный терроризм) имеют региональную (географическую) природу, неразрывно связаны с территориальной (пространственной) динамикой, т.е. имеют «территориальную» базу и могут подпитываться в том числе и радикализмом предлагаемой или осуществляемой версии регионализма.

С региональным уровнем концептуализации на международном или национальном уровне, т.е. с исследованием регионализации и регионализма, ситуация на порядок сложнее, как это уже было зафиксировано в предыдущем параграфе, из-за того, что регионализацию как международное явление и регионализм как форму национальной политики не обязательно понимать только как противоположность глобализации, но регионализация может выступать как противоположность глобализации, в частности в форме радикального регионализма и изоляционизма, т.е. регионализация и регионализм в некоторых своих крайних формах могут даже усиливать фрагментацию мира, а могут — способствовать его дефрагментации и повышению мироцелостности. Таким образом, регионализм и регионализация могут выступать как своеобразный инструмент управления глобализацией. В то же время регионализация, а уж тем более — регионализм оказываются несколько более определенными понятиями, чем глобализация, поскольку они основываются на понятии региона, одного из таксонов иерархичной дифференциации пространства, которому можно дать достаточно корректное определение. В то же время само понятие региона многозначно и может интерпретироваться исследователями и политиками по-разному в зависимости от их исследовательско-аналитических или политических целей.

Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю и Д. Перратон считают, что «глобализация может быть осмыслена как процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себя трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий — измеряемую с помощью таких показателей, как их протяженность, интенсивность, скорость и взаимодействие, — порождающую межконтинентальные и межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти.

Регионализацией в этом случае можно назвать объединение государств или обществ, связанных между собой функционально или географически, в единую группу, тогда как интернационализация относится к моделям взаимодействий и взаимосвязей между двумя или несколькими национальными государствами независимо от их географического положения»⁴.

- **Глобализацию** можно определить как возникновение новой системы мирового хозяйствования, с повышающейся степенью интегрированности, заключающейся в слиянии национальных экономик в единую общемировую систему, основывающуюся на новой ступени свободы движения товаров и капитала, новой информационной открытости мира, технологической революции, телекоммуникационном сближении стран и регионов, возникновении межнациональных социальных движений, интернационализации образования, что сопровождается стандартизацией процессов глобального управления, политических интересов, культуры и ценностей, информационных и коммуникационных потоков и выражается в параллельно идущих процессах регионализации. При таком понимании глобализации **регионализация** предстанет как объединение государств или обществ, связанных между собой функционально (в пределах, но необязательно в случае трансрегиональных объединений) и/или географически (всегда в пределах региона).

Определение понятия регионализации позволяет определить понятие *регионализма* во внутренней политике как *право самоопределения народов внутри государства* («старый регионализм»), *движение за децентрализацию внутри страны* («новый регионализм»)⁵, *создание привлекательного имиджа региона в глобальном измерении, усиление трансграничных связей между регионами вплоть до объединения государств в макрорегионы*, а во внешней — *как взаимозависимость стран и выход интересов национальных субъектов за их границы, определяемые в своих основных характеристиках все же национальными рамками*. Можно дать регионализму и «экономизированное» определение, т.е. понимать его как *формирование экономических сообществ близкорасположенных государств посредством торговых соглашений преференциального типа*⁶. Такое «экономизированное» определение будет четче акцентировать внимание на одном из важнейших параметров регионализма — его экономических характеристиках — и относиться как к области внешней, так и внутренней политики, в то время как усиление экономической и политической самостоятельности региона внутри государства вплоть до требований полной самостоятельности или даже отделения от основного государства будет соотноситься с областью внутренней политики, хотя при определенных условиях и может поощряться внешними акторами.

Понятия «регион», «регионализм», «регионализация» и практика мирополитического взаимодействия

Регионализация в ее современном виде как отражение «международного регионализма» является относительно новым феноменом. Не случайно, что до сих пор у исследователей нет единства относительно конкретных критериев

и параметров понятия «регион» и существует бесчисленное множество вариантов прикладной классификации регионального членения мира. Это касается как масштабов регионов, так и принадлежности конкретных стран к тому или иному географическому/политическому/цивилизационному региону.

Дело в том, что понятие «регион» многозначно. *Во-первых*, данный термин может относиться как к внутристрановому делению пространства (административно-юридическое понимание региона, частично синонимичное понятию «район») ⁷, так и к делению мирового пространства (внешнеполитическое, или международно-политическое, понимание региона) ⁸. *Во-вторых*, регион может определяться по группе признаков ⁹ либо по базовой функции, которая является основной для того или иного исследования (географические, экономические, геополитические, социокультурные регионы) ¹⁰. Следовательно, региональное деление как «средство отбора и изучения пространственных сочетаний сложных комплексов явлений» ¹¹, как правило, будет зависеть от поставленных исследовательских задач и будет носить характер социального конструкта ¹².

В то же время возможно дать обобщающее определение региона, которое способно «вобрать в себя» всю его многозначность, исходя из его функциональных параметров.

- Под **регионом** в широком смысле понимается определенная территория и пространство, представляющие собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию ¹³.

Вместе с эволюцией социума происходит и эволюция понятия региона. По мере человеческой деятельности регион как *место*, т.е. специфическое сочетание географических параметров, которое обладает уникальными физико-географическими, социальными и культурными характеристиками превращается в *пространство*, т.е. организуемую геоторию (территорию и (или) акваторию) для определенного образа жизни людей и обеспечивающих этот образ жизни видов деятельности. Таким образом, *географические регионы*, т.е. регионы, имеющие проекцию на местности — привязанные к физико-географическому местоположению, и формируемые на их основе *географические образы*, т.е. системы знаков, символов, стереотипов, архетипов, мифов, характеризующих определенную территорию, приводят к формированию *культурно-цивилизационных регионов*, т.е. мест, территорий, пространств, в котором определенные культурные практики, верования, ценности поддерживаются большинством населения, проживающего в этом месте и на этой территории.

Географические регионы практически всегда могут быть локализованы на местности, отграничены в привязке к географическим, историко-географическим, культурно-географическим или цивилизационно-географическим параметрам. Они, в отличие от культурно-цивилизационных регионов, имеют более или менее точные границы. Культурно-цивилизационные регионы также могут иметь точные границы, если такие регионы будут закреплены административной практикой, т.е. станут *административными регионами*, границы которых могут полностью, а могут только частично совпадать с культурно-цивилизационными регионами, т.е. стать частью социально-территориальной системы — с добавлением к географическим и культурно-цивилизационным характеристикам также социально-политических и (или) административных критериев. К таким критериям относятся: социальный, этнический, конфессиональный, демографический. Учитывается также наличие и виды социальных инфраструктур, социально-культурная специфика, границы и статус региона (субъект федерации, земля или штат, автономная территория) и др.

Административный регион к своей географической и культурно-цивилизационной ипостаси добавляет и хозяйственно-экономическую, основанную на географическом или историческом разделении труда и особенностях хозяйственной деятельности, превращаясь в часть территории страны, в рамках которой (части, а не страны) сложился специфический комплекс хозяйствующих субъектов и связей между ними, а также связей этого комплекса с внешней по отношению к нему средой: страной в целом и (или) зарубежными странами и регионами.

Как аналитический конструкт региональное деление мира обладает также особенностями образной репрезентации: регион может представлять собой политико-географический образ определенной территории и тем самым демонстрировать характерные черты и закономерности ее развития¹⁴. В отечественной науке анализ специфики регионального уровня с точки зрения системного подхода выразился в идее *международно-политического региона*, который рассматривался как «относительно самостоятельная подсистема межгосударственных отношений, объединенных прежде всего общностью определенных, присущих именно данному региону политических проблем и соответствующих им отношений»¹⁵.

- **Международно-политический регион** — это привязанная к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для его выделения) региональная совокупность явлений, объединенных общей структурой и логикой таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимосвязанными¹⁶.

Это определение основано, в свою очередь, на понимании *политического регионализма* как взаимоотношений географической группы смежных национальных государств, которые обладают рядом общих характерных черт, высоким уровнем взаимодействия и институционализированной кооперацией, осуществляемой посредством формальной многосторонней структуры¹⁷.

Попытки аналитически выделить отдельные региональные пространства / регионы / региональные подсистемы основывались на следующих соображениях. *Во-первых*, анализ целого ряда международных процессов с точки зрения основной конфликтной оси биполярности не дает полного представления о них, а сами эти процессы либо генерируются отнюдь не только взаимодействием супердержав. *Во-вторых*, анализ взаимосвязей в рамках того или иного региона позволял расширить рамки классического страноведения (*area studies*) и получить более широкие возможности для сравнительного анализа, в том числе межрегионального уже в рамках международных отношений, мировой политики, мирового комплексного регионоведения / зарубежного регионоведения (*global/world regional studies*), кросс-регионального политического анализа. *В-третьих*, анализ соотношения глобального, регионального и национально-локального уровня давал новые возможности для рассмотрения той или иной проблемы и той или иной формы регионализма в рамках международной системы¹⁸.

Мирополитические параметры регионализма как мировоззренческой парадигмы политики также имеют сложный характер. Регионализация подразумевает самую тесную политическую, экономическую и культурологическую взаимозависимость соседних стран. Но под термином «регионализация» в литературе и жизни в действительности понимаются три различных по содержанию явления:

- *возрождение/подъем региональных держав* (неформализованное понимание регионализации в мировой политике);
- *формирование региональных интеграционных группировок, в том числе и преференциального типа* (классическое политико-экономическое определение регионализации);
- *политическую основу, мотивы, импульсы и движущие силы регионализма* в первом и втором значении этого понятия (формирующееся направление в международной политэкономии, экономической политологии, зарубежном комплексном регионоведении)¹⁹.

Таким образом, понятия регионализма и регионализации в некоторых случаях могут выступать в качестве синонимов, подчеркивая взаимозависимость стран и выход ряда страновых проблем за рамки национальных государств, но на региональном уровне, а могут — в качестве разных, лишь частично совпадающих понятий (в частности, в экономической и международно-политической области). В этом случае международный регионализм («макрорегионализм» или «мини-глобализация») выступает в качестве реализации национальных

интересов на новом, более высоком, чем локальный или страновой, уровне, но в региональных рамках, определяющихся как формальными или неформальными соглашениями национальных государств, так и на наднациональном — региональном или макрорегиональном уровне.

Глобализация, регионализация и регионализм как форма проявления регионализации и ее политическая основа являются взаимосвязанными, взаимодополняющими друг друга, но в то же время могут стать в определенной степени противоречащими друг другу тенденциями, поскольку все страны являются как объектами, так и субъектами глобализации и регионализации. Процессы глобализации вызываются прежде всего неограниченной конкуренцией и требуют от экономических субъектов интеграции и повышения эффективности всех видов операций, и именно поэтому она ущемляет интересы менее развитых стран. Действия же в рамках регионализации и та или иная форма регионализма в большей мере отвечают интересам отдельных стран, не только экономическим, но и политическим, социальным, историческим, культурным и т.п. Промежуточным, а поэтому весьма вероятным вариантом глобализации является «регионализм стяжения», т.е. стяжение «старых» регионов в макрорегиональные комплексы (макрорегионализация), начальным этапом которого является региональная интеграция как отражение противоположных регионализму тенденций интегризма, прежде всего — экономическая, а потом и политическая (в разных формах, различного характера и в различной степени). Подобный сложный процесс сочетания регионализма и интегризма дает возможность различным странам:

- участвовать в глобализации в щадящем варианте, не испытывая давления со стороны всей мировой экономики;
- резко подтягивать менее развитые государства макрорегиона, предоставляя им преференции и инвестируя их в экономику;
- улучшать позиции бизнеса более развитых стран, получающего расширение географической зоны действий в льготном варианте;
- укреплять геополитические позиции, поскольку масштабы рынков становятся намного крупнее, и интеграционная группировка, пусть даже и региональная, а не глобальная, способна гораздо лучше коллективно защищать своих членов от иностранной конкуренции.

По существу, с учетом теории регионального уровня можно считать, что макрорегиональный комплекс (а не отдельное государство, по версии одного из классических и до сих пор наиболее влиятельных подходов в теории международных отношений — реализма) представляет собой прообраз одного из центров формирующейся полицентричной мировой системы. По данному пути уже пошла Европа, создав Европейский союз, и частично США, создав группировку НАФТА. Такой же путь пытается нащупать Китай, формируя так называемый «Большой Китай» на основе многовековой массовой

Хелен В. Милнер (род. 1958) — американский политолог, чьи основные сферы научных интересов связаны с международной политической экономикой, международной торговлей, внешней политикой.

В отношении теории интеграции Хелен Милнер с коллегой Эдвардом Мэнсфилдом выделяют четыре основных этапа развития регионализма. Первый этап охватывает вторую половину XIX в., когда регионализм стал европейским феноменом, между европейскими державами росла торговля, европейская экономика формировала единый рынок (что было связано с индустриальной революцией, созданием таможенных союзов и заключением торговых соглашений). Второй этап развития регионализма был связан с окончанием Первой мировой войны, созданием региональных группировок для налаживания контакта европейских империй со своими колониями. В отличие от первого этапа, во время второго этапа развития регионализма меры, принимаемые со стороны государств, носили в основном дискриминационный характер, заключались в протекционистские соглашения, соседние государства стремились разорить друг друга. Последующие периоды развития регионализма связаны с окончанием Второй мировой войны, а также развитием интеррегионализма — так Милнер называет межрегиональный подход к интеграции, проявлениями которого стали соглашения между уже сложившимися интеграционными объединениями.

Основные работы:

- «Интересы, институты и информация: внутренняя политика и международные отношения» (1997)
- «Новая волна регионализма» (1999)
- «Свобода торговли: демократии, автократии и международная торговля» (2000)

эмиграции ханьского этноса и нового качества экономико-политической зависимости «периферийного пространства» от «новой метрополии» и пытаюсь стать единственным государством-лидером в Восточной Азии. По всей видимости, в связи с мировой дискуссией о подъеме Восточной Азии будет правомерно говорить о формировании макрорегиона или макрорегионального комплекса «Большая Восточная Азия» (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Центральная и Южная Азия)²⁰, прежде всего с экономической и культурно-цивилизационной точки зрения. В этом же ключе происходят дискуссии о «возрождении» СНГ, структурировании Центрально-Восточной Евразии и т.д.

Хелен Милнер:

«Моим центральным аргументом является довод, что государства не являются унитарными акторами, в них нет жесткой иерархичной структуры, они скорее полиархичны, состоят из многих акторов с различными предпочтениями, которые разделяют власть над принятием решений между собой».

«Сложная взаимозависимость включает нечто большее, чем экономическая взаимозависимость; это понятие подразумевает мир, характеризующийся по меньшей мере тремя основными особенностями. Во-первых, начинают господствовать транснациональные отношения; эти отношения включают множество каналов, связующих общество, формальных и неформальных, между представителями правительств, а также неформальные связи между неправительственными элитами в различных государствах. Во-вторых, повестка дня во взаимоотношениях между государствами включает множество вопросов без какой-либо приоритизации; отношения в сфере безопасности не являются главенствующими во взаимоотношениях между государствами. В-третьих, военная мощь не является основным средством разрешения споров между государствами по ключевым вопросам; наоборот, для решения проблем центральное значение приобретают другие, несиловые ресурсы власти».

Х. Милнер. Власть, взаимозависимость и негосударственные акторы в мировой политике. 2009

Позитивными факторами, способствующими образованию макрорегионов («регионализм макрорегионов»), являются:

- полная или частичная экономическая взаимодополняемость, когда комплиментарная взаимозависимость в целом перевешивает конфликтную, т.е. если в регионе существует и усиливается экономическая взаимозависимость и взаимодополняемость и происходит существенное сближение экономических интересов;
- начало и развитие интеграционных экономических процессов, когда доля торгового оборота стран друг с другом приближается к половине общего торгового оборота. Все региональные организации (от формата «АСЕАН плюс» до Восточно-Азиатского сообщества) ставят своей целью постепенное снижение тарифов во внутрирегиональной торговле и снятие ограничений на импорт — вплоть до образования зоны свободной торговли (НАФТА и ЕС давно сформировали единые рынки);
- движение в сторону валютно-финансовой интеграции (у НАФТА в качестве таковой выступает мировая валюта доллар), ЕС ввел единую региональную валюту — евро, обсуждался и вопрос о единой азиатской валюте на базе иены или юаня, но он не перешел в практическую плоскость как недостаточно созревший;
- новые формы кооперации;
- выступление крупных или крупнейших государств макрорегиона за расширение экономического сотрудничества в рамках макрореги-

- она, понимаемого в географическом или функциональном смысле (МЕРКОСУР, БРИКС, ССАГПЗ, ШОС, АСЕАН+ и т.д.);
- определенная культурно-цивилизационная близость стран региона и их отличие от других макрорегионов. Цивилизационное поле, на котором осуществляется социально-экономическое развитие в разных регионах, обширно — от индивидуализма, основы западного общества, до коллективизма, свойственного традиционному восточному обществу, с существованием огромного количества промежуточных вариантов;
 - в макрорегионах появилось теоретическое и идеологическое обоснование специфики развития государств макрорегиона как целого (у ЕС есть единая экономическая политика, общее понимание основ внутренней политики, и формируется единая внешняя и оборонная политика);
 - началось формирование региональной идентичности (европейцы ее давно сформировали, в других макрорегионах она находится на разных стадиях формирования)²¹.

Дальнейшая эволюция феномена регионализма: понятия «региональный комплекс» и «региональная подсистема международных отношений»

Еще в конце 1980-х годов исследователи-политологи отметили тенденцию к проявлению в рамках региональных пространств таких проблем безопасности и связанных с ними политико-экономических процессов, которые вели к формированию «региональных комплексов безопасности», т.е. групп государств, чьи первичные интересы безопасности тесно связаны друг с другом в настолько значительной степени, что их национальная безопасность не может рассматриваться в отрыве друг от друга. Исследователи Б. Бузан и О. Уэвер предложили свой вариант применения концепта регионального комплекса безопасности как практической проблемы регионализации в рамках всей международной системы, при этом понимая, что в новых условиях уже нельзя ограничиться рассмотрением исключительно военно-стратегических вопросов, предполагая, что такого рода анализ может послужить основой для дальнейших теоретических концептуализаций регионального уровня международных отношений и политик регионализма²². В то же время они не стали формулировать расширительное понятие регионального комплекса. В связи с этим региональный комплекс формулировался как группа единиц, чьи основные дискурсивные процессы, в рамках которых политическое сообщество формирует представление о том или ином факторе как о существенной угрозе

или, наоборот, понижает значимость угрозы (секьюритизация и десекуритизация), или оба этих процесса настолько связаны между собой, что проблемы безопасности данных единиц не могут быть адекватно проанализированы или решены в отрыве друг от друга. Региональный комплекс при таком понимании фактически представляет собой встроенную в политико-экономическую структуру макрорегиона комплексно структурированную проблематику безопасности и развития. Результатом исследования регионального измерения проблем безопасности стала общая концепция региональных комплексов безопасности, нацеленная на то, чтобы объединить достоинства неореалистического, глобального и постмодернистского направлений в международных отношениях и вместе с тем предложить достаточно операциональную теорию регионального уровня.

После окончания холодной войны процессы регионального уровня проявляются более отчетливо, что дает достаточные основания для их самостоятельного теоретического анализа на новой стадии обобщения. Как уже отмечалось, процессы глобального и регионального уровней стали разделяться исследователями за счет определения различных категорий ведущих акторов, доминирующих на том или ином уровне (супердержавы, государства-доминанты, великие державы, государства-лидеры, региональные державы, государства первого и второго и других эшелонов)²³, и механизмов их взаимодействия, а также путем анализа региональной динамики проблем безопасности в рамках региональных комплексов.

Великие державы (в другой терминологии — государства-лидеры), в отличие от сверхдержав и/или государств-доминантов (гегемонов), не обязательно обладают исключительными возможностями во всех сферах международной деятельности, однако их отличает то, что их экономические, военные и политические возможности вполне достаточны для того, чтобы в краткосрочной или среднесрочной перспективе попытаться претендовать на статус супердержавы/государства-доминанта, пытаться форматировать/переформатировать мировой порядок или доминировать в нескольких ключевых макрорегионах²⁴. Великие державы активно вовлечены в процесс формулирования повестки дня безопасности и могут действовать одновременно в нескольких регионах мира, при этом являясь региональными лидерами по крайней мере в одном регионе, т.е. они активно участвуют в форматировании регионального и макрорегионального уровней международных отношений и мировой политики. Различие терминологии связано с различным пониманием и различными градациями этой категории у разных исследователей в разных странах (китайцы употребляют термин «великие» [досл. «*da*go» — большие] государства, который используется некоторыми российскими исследователями по аналогии с англоязычным термином *the great powers*, используемым американцами и англичанами, которые в свою очередь выделают *the great powers* — «старые великие державы, т.е. страны Запада [США, Францию, Германию, Японию,

Великобританию] — и *aspiring powers* — новые «великие» [«поднимающиеся»] державы, стремящиеся изменить статус-кво в международной системе: Китай, Россия, Индия, Иран, Бразилия). Подъем великих держав (иногда также используется термин «великие региональные державы», «новые великие державы» или «сверхкрупные страны» / «новые сверхкрупные индустриальные державы») происходит либо за счет того, что какие-то страны в силу определенных политических и экономических причин повышают свой статус в международной иерархии, либо за счет упадка бывших сверхдержав.

Региональные державы обладают значительными возможностями действовать в пределах своих регионов, определяют параметры региональной полярности и характер осуществляемой версии регионализма, однако, как правило, не выходят на глобальный уровень, т.е. замкнуты в своей парадигме регионализма, и не стремятся действовать в нескольких регионах, хотя иногда пытаются, даже довольно успешно, это делать (к примеру, война Великобритании с Аргентиной за Фолклендские острова). Исключение составляют региональные великие державы (Китай, Индия, Россия), которые в силу своих географических, демографических, экономических и военно-стратегических параметров просто не могут замкнуться в какой-либо узкой версии национального регионализма.

► **Региональный комплекс** — группа государств, обладающая достаточно высокой степенью функциональной и географической комплексной взаимозависимости (в том числе и сформированной путем политики регионализма), отграничивающей ее от других регионов и определяющей тип регионального комплекса.

Иными словами, региональный комплекс — это многомерный сегмент международного пространства регионального уровня, выделяемый на основе существования относительно устойчивой системы региональных взаимосвязей и взаимозависимостей структурно-пространственного характера разного типа (политических, экономических, культурно-исторических) и разной степени интенсивности, позволяющих отграничить его от среды или выступить подсистемным объединением различной степени цельности по отношению к международной среде.

Великие державы (государства-лидеры) и особенно глобальные державы (супердержавы и государства-доминанты) обладают существенными возможностями оказывать влияние на ситуацию в региональных комплексах, формировать ее посредством формулирования своей версии регионализма и даже в предельном выражении определять динамику их безопасности, влияя на региональные и локальные процессы. С другой стороны, существуют также «буферные» пространства, которые «изолируют» динамику процессов, происходящих в сопредельных региональных комплексах²⁵.

Добавление в анализ международной составляющей приводит к формированию и, соответственно, необходимости научного вычленения двух новых,

более широких по охвату, структурных видов регионов — *международно-политического* и *международного*. Понятие международного региона акцентирует внимание прежде всего на возникновении транснациональных хозяйственно-экономических связей, возникающих в ходе транснациональной экономической кооперации и разделения труда, вызванных необходимостью формирования рынков шире, чем национальные, с целью понижения себестоимости продукции за счет объема и снижения транспортных издержек. Таким образом, *международный регион* — это комплекс устойчивых транснациональных хозяйственных и (или) иных связей, в котором регулярность, устойчивость и плотность этих связей достигли величины, при которой комплекс начинает требовать регулирования этих отношений самих по себе, своих отношений с непосредственно затрагиваемыми государствами, а также его взаимосвязей с международными и (или) глобальными институтами.

Далее, по мере усложнения характера экономической деятельности и повышения ее эффективности, возникают еще два новых структурных типа регионов: *региональная подсистема* и *глобальный регион*²⁶.

- ▶ **Региональная подсистема** международных отношений — это совокупность специфических политико-экономических, культурно-цивилизационных и социокультурных взаимодействий в пространственном кластере международной системы, т.е. это совокупность специфических взаимодействий подсистемного типа, в основе которых лежит общая регионально-географическая, социально-историческая и политико-экономическая принадлежность²⁷.

Формирование международно-политических макрорегионов, региональных и макрорегиональных комплексов безопасности, а также региональных подсистем международных отношений параллельно с дальнейшим усложнением, диверсификацией и повышением эффективности экономической деятельности на основе новых постиндустриальных технологических укладов приводит к формированию *глобальных регионов мира*.

- ▶ **Глобальный регион** — это макрорегиональный сегмент мира с новым качеством возникающей целостности на основе возникновения новых институциональных взаимосвязей в экономической, политической и социокультурной областях, а также укрупняющихся на основе новых неформальных связей с региональными сегментами мира *региональных подсистем*²⁸.

Одной из важных характеристик региональных подсистем является продвижение конкурирующих региональных моделей и конкурирующих политических систем и политических режимов, характеризующихся определенным преобладающим типом социально-политического доступа, социально-экономического уклада и типов культурно-исторического взаимодействия.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что существующие в настоящее время в мировом сообществе интерпретации концепций и параметров регионального уровня дискуссионны, но именно эти дискуссии в настоящее время и определяют будущее идейно-теоретических основ мирового порядка и внутреннего устройства государств второй половины XXI в. Такая постановка вопроса объясняется следующими практическими соображениями:

1. Происходит трансформация Вестфальской системы: изменившаяся система генерирует новые типы вызовов и угроз, которые по-другому воздействуют на государство — не уничтожают его, а подвергают эрозии некоторые из традиционных параметров и/или трансформируют их в новое качество. Таким образом, в ходе своей трансформации государство не исчезает, а формулирует новые ответы на процессы трансформации Вестфальской системы, в том числе и в форме дуалистической политики внешнего и внутреннего регионализма.

2. Становятся более выпуклыми проблемы трансформации суверенитета. Усиление регионализма в обеих его ипостасях — внутренней и международной — есть ответ на эту трансформацию.

Поскольку политиками все еще мало учитывается наднациональная и транснациональная составляющая мировых процессов, которая охватывает не только одно государство, но и региональные группы государств и отдельные части государств (внешние связи регионов), то в практике взаимодействия между государствами возникает явное противоречие между логикой сохраняющегося пока еще деления мира на суверенные государства и транснациональным характером глобализации. Регионализм и регионализация есть одна из форм ответа на это противоречие, конкретная форма которого — агрессивная или конструктивная — во многом зависит от степени подготовленности национальных элит и их умения разрешать возникающие между государствами проблемы с помощью «мягкой силы» или на основе конструктивных консенсусов.

3. Одна из аналитических проблем концепции региональных комплексов связана с фиксацией их границ, в том числе и через усиление регионализма. В то же время проблематика «нового качества» границ (концепции «проницаемости границы», границы как зоны сотрудничества, границы как зоны экономического взаимопроникновения и взаимодействия, границ «трансформеров», не мешающих развитию трансграничных процессов) трудно концептуализируется и встраивается в традиционные теории международных отношений и практику политик традиционного типа. Это в свою очередь приводит к «зауживанию» регионализма его радикально изоляционистскими формами.

4. В мире явственно происходят не только процессы интеграции, инициированные самими государствами или их объединениями, но и «теневой интеграции» регионов — «стягивания» за счет нетрадиционных/неформальных/неформализованных угроз и других типов угроз, а также региональные трансформации и более широкие и глубокие тенденции макрорегионализации как явного, так и «теневого» типа. Современные исследователи предусматривают возможность трансформации политик регионализма и ответа на вызовы объективного и субъективного характера. В то же время механизм подобной трансформации и его направление пока не совсем ясен (соответственно, трудно выработать практические рекомендации) и, кроме того, в расчет часто не принимаются внутренние политические процессы (к примеру, отсутствие внутривнутриполитических консенсусов по некоторым вопросам и т.д.), которые зачастую становятся причинами появления и распространения новых «внешних» для других участников трендов или вызовов (к примеру, нетрадиционных угроз безопасности или новых идеологических форм радикального регионализма), а также такие проблемы, которые захватывают пространства и территории шире по своему охвату, нежели национальное государство либо даже группа государств.

Примечания

¹ Подробнее см. среди других исследований: *Замятин Д. Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006; *Туровский Р. Ф.* Политическая регионалистика. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006; *Штена В. В.* Interregnum. 100 вопросов и ответов о регионализме. Петрозаводск: ИП Цыкарев Алексей Васильевич, 2012; *Плотникова О. В., Дубровина О. Ю.* Международные связи регионов государств. М.: Норма; ИНФРА-М, 2016.

² Из работ зарубежных исследователей на эту тему см.: *Faucett L., Hurrell A.* Regionalism in World Politics: Regional Organization and World Order. N.Y.: Oxford University Press, 1996; *Schultz M., Soderbaum F., Ojendal J.* (eds). Regionalization in a Globalizing World: A Comparative Perspective on Forms, Actors, and Processes. L.: Zed Books, 2001; *Langenhove van L.* Building Regions: The Regionalization of the World Order. Farnham, UK: Ashgate Publishing Limited, 2011.

³ *Чанышев А. А.* Проект «замкнутого торгового государства» И. Г. Фихте и противоречия «современной эпохи». Сравнительная политика // *Comparative Politics*. 2011. № 2. С. 3–13.

⁴ *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрей Э., Перратон Д.* Глобальные трансформации. М.: Праксис, 2004. С. 19.

⁵ О «старом» и «новом» регионализме см.: *Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского.* М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014; *Михайленко Е. Б.* «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2014; а также главу С. В. Патрушева и Л. Е. Филипповой «Институционализм» в настоящем издании.

⁶ Подробнее см.: *Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского.* М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014. С. 174–175.

⁷ Мир политической науки. Кн. 1: Категории. М.: Просвещение, 2004. С. 596; *Дергачев В., Вардомский Л.* Регионоведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 10.

⁸ Мир политической науки. Кн. 1: Категории. М.: Просвещение, 2004. С. 596; Система, структура и процесс развития международных отношений / Под ред. В. Гантмана. М.: Наука, 1984. С. 363.

⁹ К примеру, ландшафтный регион, в выделении которого сочетаются несколько факторов: климатический, гидрографический, почвенный и т.д.

¹⁰ Мир политической науки. Кн. 1: Категории. М.: Просвещение, 2004. С. 596; *Дергачев В., Вардомский В.* Регионоведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 11–12.

¹¹ *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Регионоведение. М.: Гардарики, 2002. С. 22.

¹² *Die Region als soziale Konstruktion // Spindler M. Regionalismus im Wandel. Die neue Logik der Region in einer globalen Ökonomie.* Wiesbaden: VS Verlag, 2005. P. 100.

¹³ Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014. С. 176–177; 235.

¹⁴ Подробнее о структуре политико-географических образов см.: *Замятин Д.* Метагеография: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. С. 83–91.

¹⁵ Система, структура и процесс развития международных отношений / Под ред. В. Гантмана. М.: Наука, 1984. С. 363. См. в этой связи расширительную трактовку международно-политического региона: *Воскресенский А. Д.* Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их региональной трансформации // *Политические системы и политические культуры Востока.* М.: Восток–Запад, 2006. С. 7.

¹⁶ Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014. С. 177–178.

¹⁷ Там же. С. 174–175.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 179.

²⁰ «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2010.

²¹ Подробнее см.: Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014. С. 182–183.

²² *Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security.* Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

²³ Подробнее см.: Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2017.

²⁴ *Воскресенский А. Д.* «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленанд, 2006. С. 20; «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 17.

²⁵ Более подробно определения и логику анализа см. в следующих работах: Мировое комплексное регионоведение: Введение в специальность: Учебник / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2017; Мировое комплексное регионоведение: Учебник / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2017.

²⁶ Подробнее см.: Мировое комплексное регионоведение: Учебник / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2017.

²⁷ Там же.

²⁸ См. объяснения логики формирования глобального региона в кн.: *Лагутина М. Л.* Мир регионов в мировой политической системе XXI в. СПб.: Изд-во По-

литехнического ун-та, 2016; определение дано в книгах: Мировое комплексное регионоведение: Введение в специальность: Учебник / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2017; Мировое комплексное регионоведение: Учебник / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2017.

Литература

Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 2, С. 30–58.

Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: РОССПЭН, 2002.

Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002.

Замятин Д. Н. Мета-география: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004.

Колосов В. А., Мироненко Н. С. Политическая география и геополитика. М.: Аспект Пресс, 2001.

Мировое комплексное регионоведение: Введение в специальность: Учебник / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2017.

Мировое комплексное регионоведение: Учебник / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2017.

Практика зарубежного регионоведения и мировой политики: Учебник / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2016.

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации. М.: Праксис, 2004.

Я-Оу Чжунсинь Куацююй Фачжань Тичжи Цзичжи Яньцзю (Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы). Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Analysis and Prognostications / Ed. by Li Xing, Alexei D. Voskressenski. Beijing: Jiuzhou Press, 2016 (на китайском языке).

Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Voskressenski A. D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. Springer Global: Palgrave Macmillan, 2017.

Voskressenski A. D. Regional Studies in Russia and Current Methodological Approaches for Social / Historical / Ideological [Re]construction of International Relations and Regional Interaction in Eastern Eurasia // Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds / Ed. by Ieda Osamu and Uyama Tomohiko, 2006. С. 3–41.

31. ИНТЕГРАЦИОНИЗМ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Ключевые слова

Интеграция, регион, регионализм, региональные международные организации, федерализм, функционализм

Истоки интеграционной идеи

Термин «интеграция» был исходно позаимствован обществоведами у естественных наук на волне увлечения гипотезой Ч. Дарвина (1809–1882) о происхождении видов. Разрабатывая свою концепцию, Дарвин не проводил принципиального различия между животными, растениями и человеком. Более того, возможно, он одним из первых применил в качестве способа познания социальной реальности принцип изоморфизма — признания наличия элементов логического подобия между естественными и общественными явлениями, допустив, что развитие человека протекает по тем же алгоритмам, что и развитие всех других живых существ.

Отталкиваясь от дарвинистской аксиоматики, интеграцию государств, близких или сближающихся по своим системным характеристикам, стали мыслить по аналогии с интеграцией близких или сближающихся по биогенетическим признакам видов из мира живой природы. На стадии селекции происходил отбор наиболее жизнеспособных к слиянию единиц, на стадии адаптации наблюдалось сглаживание вариативности черт. Интеграция в этом смысле предусматривала возникновение однородного целого субъекта (его внешнюю и внутреннюю гомогенизацию) вплоть до превращения в новый вид. Учения Дарвина¹ и Ламарка совпали с торжеством Просвещения, наступлением эпохи Модерна с присущей ему верой в прогресс и развитие. Как следствие, развиваемые в рамках эволюционных воззрений понятия изменчивости, адаптивности и усложнения задали рамку понимания поведения государств в интеграционных процессах. Вместе с тем *уподобление межгосударственного объединения биологическому организму неизбежно вызовет ассоциации в духе возрастной диагностики — отставание, запоздалое развитие, уместные лишь в том случае, если исследуемые феномены начинают развитие в идентичных стартовых условиях.*

Идея развития, выведившаяся из метафоры роста, стала предтечей современных стадийальных теорий интеграции, наиболее известной из которых остается выдвинутая более полувека назад и наиболее широко известная сегодня экономическая теория Беллы Балаши².

Другим важным источником интеграционной идеи стали *модернистские представления о государственном строительстве* эпохи выделения «государств-наций»³, как правило собираемых из этнически родственных земель. Возникла социополитическая трактовка интеграции как проект создания «национального государства», нацеленного на решение задач модернизации. Предполагалось, что в результате появления центрального правительства, оформления внутреннего рынка, единого правового пространства и проведения общей экономической политики исчезнут перегородки между отдельными владениями. Разделенность уступит место общему культурному и языковому (бездиалектальному) универсуму. Идентичность граждан переориентируется с местного уровня на общенациональный. Последнее положение было позаимствовано отцами-основателями европейской интеграции при разработке идей наднационального государства: в процессе объединения граждане должны были переориентировать свою идентичность (или лояльность) с национального на наднациональный уровень.

Социальная теория XIX — начала XX в., представленная М. Вебером, Э. Дюркгеймом и Т. Парсонсом, оказала на теории интеграции менее заметный, но не менее значимый эффект. Она пояснила, каким образом достижима интеграция, раскрыла механизм интегрирования и разнесла признаки и критерии интеграции по сферам общественной жизни. Они же первыми обратились к уточнению содержания социальной, экономической и политической интеграциям и рассмотрели ее нормативный, рациональный и коммуникативный аспекты. Более того, по существу, именно к работам классиков социологии XIX в. восходит современная типология интеграции. В соответствии с ней, под экономической интеграцией понимается сращивание рынков, под социальной — сближение и унификация обществ, а под политической — создание надгосударства или политического сообщества со сложно организованной формой соуправления (*governance*).

Следуя предписаниям Вебера и Дюркгейма, отцы-основатели европейской, североамериканской и восточноазиатской версий интеграции исходили из необходимости функционального разделения труда (органической интеграции) и сближения уровня развития обществ, включая культурный и языковой компоненты (механическая интеграция). Руководствуясь их же идеями, сторонники интеграции, например в Западной Европе или Восточной Азии, уделяют значительное внимание символической (нормативной) интеграции, созданию общей идентичности.

К условно классическому можно причислить направление интеграционных исследований, выросших из этнологии. В некотором смысле это попытка,

с одной стороны, теоретически оправдать дарвинизм с его идеей биологической эволюции, а с другой — углубить концепции Э. Дюркгейма с введенным им понятием групповой солидарности. Их синтезом и одновременно проекцией на интеграционную теорию стал примордиализм, течение, занимающееся проблематикой этничности.

В основание примордиализма положена точка зрения на этносы как на сообщества, пронизанные общими кровнородственными (биогенетическими) узлами. Примордиализм возник в конце XIX — начале XX в. и оформился в работах К. Кауцко и О. Бауэра, приверженцев так называемого австромарксизма. Позднее он получил развитие в США в трудах исследователя голландского происхождения П. ван ден Берга⁴. Среди ученых-антропологов, признававших себя примордиалистами, были также Р. Шоу, Ю. Вонг, К. Гирц, Э. Шилз, Х. Айзеке.

В СССР разработкой идей примордиалистской школы занимался академик Ю. В. Бромлей, директор Института этнографии АН СССР. Им было выделено три исторических типа этноса — племя, народность, нация. Критерии такого деления были определены исчерпывающе. Особенно интересно сопоставление последних двух элементов триады. На стадии трансформации народности в нацию наблюдается стремление к внутренней ограниченности, к территориальной, экономической и политической замкнутости, которая выражается, соответственно, в формировании внутреннего рынка с наличием самодостаточного народно-хозяйственного комплекса, разветвленной транспортной инфраструктуры, а также единого политического руководства. На этом этапе среди представителей этноса рождается чувство национального самосознания (идеология), в рамках которого идентификация осуществляется преимущественно по политическому основанию⁵.

Сторонником примордиализма и видным аналитиком международных отношений М. А. Хрустальевым была сконструирована матрица межэтнических и внутриэтнических процессов, параметром классификации которых служила их направленность — дивергентная (разъединение) и конвергентная (сближение).

Таблица 1

Матрица межэтнических и внутриэтнических процессов

	Конвергенция	Дивергенция
Внутриэтнические	Консолидация	Сепарация Партиация
Межэтнические	Интеграция Ассимиляция Миксация	Диверсификация

На пересечении межэтнической и конвергентной переменных оказались миксация (между народностями), ассимиляция (между нацией и народностью) и интеграция (между нациями).

Как определял последнюю М. А. Хрусталева,

- **интеграция** — это встречное движение двух самостоятельных, зрелых этносов, сближающихся по своим характеристикам, но не достигающих полного слияния⁶.

Как очевидно, примордиалистский подход к интеграции с некоторыми вариациями развивает социальный дарвинизм и солидаризм XIX в. и в этом смысле является их относительно успешной и аналитически полезной доработкой, с той, правда, оговоркой, что он воспроизводит в неявной форме идеи развития и метафору роста, присущую теории Ч. Дарвина. В этом смысле он *«предназначает» интеграцию лишь зрелым государствам, преодолевшим в своем развитии локальную этничность*. Однако этот подход не затрагивает проблему нарушения пропорций этнического состава (или распада) уже сложившихся «государств-наций» и в этом смысле явно недостаточен для исследования современных реалий, например в ЕС.

Теории интеграции среднего уровня

Реальным явлением международной политики интеграция стала в Западной Европе после Второй мировой войны. Научные представления об интеграционном процессе тогда во многом фокусировались на идее построения однородного интегрирующегося пространства на базе единства культурных символов, институциональной системы и экономического комплекса. В силу стечения обстоятельств, главным из которых была несколько десятилетий сохранявшаяся уникальность западноевропейского интеграционного очага, опыт интеграции в Западной Европе почти до конца XX в. предопределял в литературе понимание международной интеграции в целом.

Как реакция прежде всего на западноевропейский проект в XX в. были сформулированы интеграционные теории среднего уровня (англ. *middle-range theories*). Их первый панорамный обзор был предложен Чарльзом Пентландом⁷ еще в начале 1970-х годов. Современный этап в развитии этих теорий характеризуется не только робкими шагами по их обобщению, результатом которого является возникновение не вполне отчетливых контуров общей теории интеграции, но и альтернативными незападными построениями, отталкивающимися, но не оттолкнувшимися окончательно от опыта теоретизирования западноевропейских коллег.

Логика построения обзора в данной главе будет соответствовать принятому делению функций теоретического познания действительности на 1) объяснение и понимание (экспликативные теории); 2) описание и анализ (дескриптивные теории); 3) критика и нормативное предписание (прескриптивные теории). Первый класс теорий раскрывает причинно-следственные зависимости тех или иных явлений. Это теории в узком смысле слова. Второй класс теорий

ориентирован на разработку и уточнение категориально-понятийного аппарата и дефиниций. Их цель — способствовать единообразному словесному описанию и пониманию событий. Две другие группы теорий обязаны дескриптивным теориям тем, что они вооружили их языковыми и номинативными средствами, через которые на вербальном уровне воссоздается окружающая нас реальность.

Третья категория теорий тяготеет к политической философии⁸. Если другие типы теории анализируют данность, реальную политическую практику (онтология), то задача критических и нормативных теорий — подвергать сомнению текущий вектор политической практики и обращать внимание на то, в какую сторону следует пересмотреть осуществляемую стратегию (деонтология).

Экспликативные теории. Наиболее подходящим претендентом на роль идеологического обрамления западноевропейского сверхгосударства первоначально казалась теория **федерализма**, активно разрабатывавшаяся в 1920—1930-х годах сторонниками движения Панъевропа — Р. Куденхове-Калерги⁹, А. Брианом и др.¹⁰

Федерализм как политическая концепция — изобретение сравнительно недавнего прошлого. До 1776 г., т.е. до Войны за независимость в США, в европейской политической мысли почти безраздельно господствовал образ абсолютистского, централизованного, неделимого государства, верховная власть в котором принадлежит монарху. Термин «федерализм» происходит от латинского корня *foedus*, которое означает соглашение, сделка, заключенная между равноправными партнерами на паритетной основе. В 1982 г. в научной литературе с подачи Престона Кинга появилось концептуально проработанное разделение понятий «федерализм—федерация»¹¹. Под *федерализмом*, таким образом, следует понимать политическую философию и политическую идеологию. Ее назначение состоит в том, чтобы подготовить материальные и социальные условия для построения *федерации* — такого конституционально закрепленного институционального порядка, который принимает форму суверенного государства, но отличен от иных суверенных государств тем, что центральное правительство инкорпорирует в процесс принятия решений региональные государственные образования (субъекты федерации). Федерализм без федерации возможен, но федерация невозможна без той или иной предшествующей ей формы идеологии федерализма.

Исторически, для представителей межвоенного поколения мыслителей и политиков федерализм был средством преодоления национализма, в том числе внутри многоэтнических государств. Тем не менее аналогия с возможностью объединить национальные государства в рамках надгосударственной системы управления в их построениях угадывалась. В контексте межгосударственной интеграции федерализм ориентировал на выделение ряда вопросов в область совместной и исключительной компетенции наднациональных органов и правительств отдельных стран. Послевоенный федерализм (неофедер-

рализм) отличался тем, что предписывал объединение Европы через принятие конституции. В этом свете *курс на выработку конституционного договора в современном ЕС органично вписывается в федералистскую традицию и служит подтверждением ее важности в европейском интеграционном строительстве.*

В 1940-х, 1950-х и 1960-х годах в странах Западной Европы, прежде всего в Британии (Движение за Объединенную Европу У. Черчилля), Франции (Комитет действия за Соединенные Штаты Европы Ж. Монне) и Италии (Движение европейских федералистов А. Спинелли) шла острая борьба за адаптацию принципов федерализма к межгосударственным отношениям третьей четверти XX в. Осуществление радикального варианта федерализма, воплощенного в проекте Европейского объединения угля и стали (1951), стало возможным в исторических условиях 1950-х годов в силу совпадения желания французской элиты законсервировать слабость суверенитета Германии в отраслях военной промышленности, германофобии рядовых французов и стремления ФРГ к франко-германскому примирению, без которого «реабилитация» Германии была маловероятной. Однако провал инициативы Европейского оборонительного сообщества (1954) выявил слабость позиции федералистов: там, где речь шла о более чувствительных областях (военное сотрудничество или общеэкономическая интеграция в рамках ЕЭС), навязать наднациональность французскому обществу было сложнее.

В конце 1950-х и все 1960-е годы во французском обществе разворачивались оживленные дискуссии по поводу федерализма, в которой обозначились две полярные позиции. Часть французских интеллектуалов высказывались за ускорение процесса создания Союза европейских государств. Эта позиция получила условное название «Европейское отечество». Между тем большая часть французской элиты, отстаивавшая позицию «Европы отечеств», выступала против усиления наднациональности в структуре сообщества, не успев «насытиться» периодом возрождения «величия Франции»¹².

В 1960–1970-х годах в Советском Союзе на других методологических основаниях был выполнен ряд интересных исследований, связанных с осмыслением регионального развития, выделением регионов по географическим, этническим, социально-экономическим признакам, разработкой принципов федеративного устройства государств. Такие исследования, в частности, велись в Институте этнографии советской Академии наук под руководством академика Ю. В. Бромляя.

На роль федерализма в истории европейской интеграции высказываются разные точки зрения. В частности, в последние десятилетия, несмотря на, казалось бы, фактическое следование федералистской традиции, которая воплотилась в создании Европейского союза (1992) и конституционного процесса, увенчавшегося в 2007 г. подписанием Лиссабонского договора, среди ученых стали высказываться серьезные сомнения в реалистичности федералистского проекта для Европейского союза. Ведь в основе федерации лежат принципы

Юлиан Владимирович Бромлей (1921–1990) — советский ученый, академик АН СССР, историк и этнограф.

Основной сферой научных интересов ученого являлись этнография и история различных этносов, в которой автор занимался исследованиями, связанными с развитием первобытнообщинного строя, описал процесс развития феодализма в ряде европейских стран, разработал понятие «микромиграций», руководил изданием 20-томной энциклопедии «Страны и народы», которая стала классическим изложением теорий и подходов советского периода к выделению и разделению геополитических и этнических регионов.

Пребывая на посту директора Института этнографии, Бромлей развивал смежные дисциплины, связанные с этнографией, такие, как социология, фольклористика, демография.

Основные работы:

- «Этнос и этнография» (1973)
- «Очерки теории этноса» (1983)
- «Страны и народы» (1978–1985)
- «Этносоциальные процессы: теория, история и современность» (1987)
- «Национальные процессы в СССР в поисках новых подходов» (1988)
- «Человечество — это народы» (в соавторстве с Р. Подольным) (1990)

ассимиляции — сглаживания локальных этнических различий и консолидации единой национальной группы, и *иерархии* — необходимого условия функционирования любого государствовподобного образования. В основу же эффективной интеграции положен принцип ассоциации, предполагающей сотрудничество равноправных единиц. Проблематичность европейской федерации в том, что жители ЕС не просто не достигли свойственной федерации иерархичности правления, но даже не стремятся к этому.

«В тени» этой дискуссии окреп **неофункционализм** Э. Хааса.

Теория, обосновывавшая закономерность, неизбежность и даже полезность постепенной передачи полномочий от правительств отдельных стран наднациональным органам по мере включения все большего числа секторов в интеграционный процесс, впитала в себя политическую конъюнктуру того времени и связанную с ней дилемму «Европейское отечество» и «Европа отечеств». Федералисты Ж. Монне и его ближайший сподвижник Р. Мажорлэн увидели в Э. Хаасе естественного теоретического союзника¹³ в условиях, когда на волне политики генерала Ш. де Голля к середине 1960-х годов импульс интеграции ослабел.

Эрнст Бернард Хаас (1924–2003) — американский политолог, основатель методологического направления неофункционализма.

С точки зрения Э. Хааса как представителя неофункционализма, интеграция означает перенос политических функций и лояльности от традиционных государств к новым центрам, наднациональным институтам, которые воздействуют на национальные государства, и таким образом формируется новая политическая власть, представительные институты которой действуют относительно независимо от национальных государств. При этом важно отметить, что представители неофункционализма признают важное значение национальных государств, но также и региональных групп и организаций, которые впоследствии могут превратиться в основных посредников во взаимоотношениях между государствами.

По мнению ученого, в настоящий момент Европейский союз находится в стадии формирования нового политического сообщества, однако свое определение политического сообщества Хаас не ограничивает понятием федеративного государства, но изучает и теоретически конструирует различные институциональные формы региональных объединений и интеграции.

Основные работы:

- «Баланс сил в качестве руководства для разработки политики» (1953)
- «Единство Европы. Политические, социальные и экономические силы» (1958)
- «Международная интеграция: европейский и мировой процесс» (1961)
- «За пределами нации-государства: функционализм и международная организация» (1964)
- «Права человека и международные действия» (1970)
- «Когда знание — это сила: три модели изменения в международных организациях» (1990)
- «Осторожно: скользкий склон. Заметки к определению оправданного вмешательства» (1993)
- «Национализм, либерализм и прогресс» (Т. 1, 1997; Т. 2, 2000)

В отличие от федерализма, неофункционализм имеет более строгие научные основания, может иметь универсальную географическую применимость и использоваться в целях типологизации интеграционных проектов в мире¹⁴. В других очагах интеграционной активности о неофункционализме прямо не говорят. Однако если допустить смысловое тождество между понятиями неофункционализм и экономический прагматизм, то становится ясно, что фактически неофункционалистская доктрина была принята на вооружение и в Вос-

точной Азии (не сразу, но наиболее последовательно), и в Западном полушарии (НАФТА). Интересно, что классик неофункционализма Э. Хаас выступил в конце 1960-х годов со статьей, в которой он попробовал применить неофункционалистскую методику к анализу регионального материала Латинской Америки.

Эрнст Хаас:

«Классическая система национальных государств, выделенная из общего европейского комплекса систем, создала определенные механизмы сохранения собственной стабильности и самоопределения. Это привело к тому, что национальные государства начали искать пути и методы, обеспечивающие контроль и регулируемость всех негосударственных образований и всех обществ, которые не отвечают требованиям верховной власти и суверенитета и могут разрушить систему эффективного функционирования национального государства. Рассматривая систему в целом, можно определить колониализм как главный механизм, функция которого заключалась в защите системы национального государства от вторжения и влияния, рассматриваемых с позиции сохранения системы как разрушительные, безответственные, случайные. Колониализм функционировал, чтобы регулировать и контролировать общества, которые при своем уровне развития не считались полноценными государствами.

Вторая функция колониализма в классической международной системе, базирующейся на нациях-государствах, состояла в обеспечении механизма распространения культуры и технологий и одновременном предотвращении наиболее взрывоопасных последствий социальных изменений, связанных с разрушением системы. Под эгидой колониальных властей “примитивный” народ мог пройти неизбежно болезненный этап модернизации всех фаз своей жизни, не подрывая мировой порядок в целом».

«Главным источником напряженности в международной системе... был конфликт между потребностью слаборазвитых стран в модернизации своих обществ, в быстрых и даже взрывоопасных социальных изменениях, с одной стороны, и стремлением международной системы к максимальной стабильности, к контролю этим революционным тенденциям к изменению, с другой. В постколониальную эпоху необходимо найти новые методы распространения современной культуры и защиты международной системы как целого от разрушительной силы этих изменений».

Э. Хаас. За пределами нации-государства: функционализм и международная организация. 1964

Предтечей неофункционализма является функционализм, разработанный в межвоенный период в трудах английского исследователя Д. Митрани. Отправным моментом изучения феномена международной интеграции с позиций «функционализма» стал вопрос о причинах неудачи в создании Лиги Наций, которым и занялся Митрани. В разгар Второй мировой войны, в 1943 г., он опубликовал статью, озаглавленную «Мир и функциональное развитие международной организации», в которой делался вывод о несостоятельности лю-

бой предварительной модели политической интеграции. С его точки зрения, Лига Наций потерпела поражение прежде всего потому, что государства увидели в ней угрозу своему суверенитету. Между тем глобальная международная организация не только не способна преодолеть негативные последствия национальных суверенитетов, но и просто гарантировать мирные отношения между государствами. Поэтому для поддержания мира после окончания Второй мировой войны нет смысла в амбициозных проектах создания международных институтов, наделенных наднациональной властью и призванных обеспечить политическую интеграцию государств. Вместо этого необходимо способствовать сотрудничеству между государствами в решении задач, представляющих совместный интерес и связанных с их конкретными потребностями экономического, социального, научно-технологического и т.п. характера. Прагматические выгоды подобного сотрудничества постепенно подтолкнут государства к созданию необходимых для этого межгосударственных органов, которые, в свою очередь, создадут предпосылки и для политической кооперации. Тем самым «функционализм» предлагает не просто расширение межгосударственного сотрудничества в отдельных сферах, которое носило бы чисто технический характер. Д. Митрани видел в нем путь к достижению политической цели интеграции государств в более широкую общность через постепенное отмирание их суверенитетов. Классическое государство он рассматривает как слишком узкое с точки зрения возможностей для решения новых экономических, социальных и технических проблем, которые могут быть решены только на уровне международного сотрудничества. В результате длительной эволюции сотрудничество между государствами станет столь тесным, а их взаимозависимость столь высокой, что конфликтность станет немислимой.

Под неофункционализмом, в отличие и в развитие функционализма, понимается теория региональной интеграции, в которой главный акцент сделан на роли негосударственных субъектов, в частности «секретариат» той или иной региональной организации, а также групп интересов, давления, экономических агентов и общественных движений, которые формируются на уровне региона, на макроуровне, и придает интеграционной динамике постоянный поступательный импульс. При этом страны-участницы продолжают оставаться значимыми участниками интеграционного действия.

Они устанавливают условия первоначального соглашения. Однако им не под силу в полной мере определять направление и степень последующих изменений в нем. Скорее, региональная бюрократия, в союзе с постоянно меняющимся составом самоорганизующихся групп интересов и движений, с течением времени стремится использовать себе на пользу неизбежные эффекты «переплескивания» (*spill-over*) и «непреднамеренных последствий» (*unintended results*). Эти эффекты наступают, когда государства соглашаются передать даже малую часть суверенных полномочий на наднациональный уровень, а затем обнаруживают, что реализация этих полномочий оказывает благотворное влияние на другие зоны сотрудничества.

Согласно теории неофункционализма, региональная интеграция — это спонтанный, внутренне конфликтный процесс. Но одновременно это процесс, в ходе которого правительства государств-членов, действуя в условиях демократии и политического плюрализма, чувствуют на себе все больше региональных ограничений и в конце концов предпочитают отдавать все больше вопросов на откуп региональных наднациональных структур, которые они сами когда-то создали. В конечной перспективе граждане начинают переносить свои ожидания на уровень региона, а в случае их удовлетворения повышают вероятность «переплескивания» интеграции на политическую сферу¹⁵.

Справедливо и обратное: неспособность региональных институтов оправдать ожидания граждан, либо объективный дефицит ресурсов, вызванный нежеланием некоторых государств усиливать наднационализм, либо, наконец, «забегание вперед» со стороны самих граждан, их поспешность поскорее расстаться с национальным государством, похоронить его, уверовав в окрепший региональный режим — все это может ощутимо поколебать движение к более тесной интеграции, отбросить интеграционное развитие на фазу-две назад. В этом смысле неофункционализм поставил важные вопросы: о роли общественной поддержки интеграционных инициатив и одновременно о трудном ее прогнозировании, контроле и измерении.

Э. Хаас признавал поспешность и непродуманность тезиса о превращении лояльности к региональному центру власти в легитимность¹⁶. Привычное рассмотрение неофункционализма традиционно фокусируется на эффекте «перелива», на поступательном течении интеграционного потока положительных непреднамеренных следствий, вовлекающего в этот круговорот все новых участников и все новые сферы. В то же время неофункционализм уделяет мало внимания высокой вероятности, при таком «неупорядоченном» способе интеграции, эффекте «отлива», отступления интеграции, а также роли неинституциональных факторов, как то субъективные предпочтения и ожидания массовой публики, влияния которой повысились в 1979 г., после первых прямых выборов в Парламент Европейских сообществ.

Неофункционализм высветил аспекты интеграции, игнорировать которые сегодня не представляется возможным. В частности, он *выдвинул* на первый план анализа аспект легитимности, а следовательно, массового социального уровня управления интеграционным комплексом, *повысив тем самым не региональный, как это ни парадоксально, а национальный уровень власти*, поскольку именно на нем обсуждаются, голосуются и во многом разрешаются основные озабоченности и ожидания граждан. Создавая как апологетическая наднационализму теория, неофункционализм де-факто реабилитировал роль государств-участников, подготовив основу для **либерального межправительственного подхода**.

Среди исследователей бытует точка зрения, согласно которой либеральный межправительственный подход (ЛМП) — это школа одного автора Эндрю Моравчика. Франк Шimmelфенниг даже назвал ученого «мессией без

апостолов»¹⁷. Эта характеристика не вполне справедлива. Либеральный межправительственный подход восходит к классическим в европейском контексте исследованиям межправительственного сотрудничества¹⁸, которые, в свою очередь, питаются из источника общего для всех теорий международных отношений — рационального институционализма с множеством авторов и последователей. В этом смысле ЛМП — проекция институциональных теорий на почву интеграционизма.

В то же время, благодаря тому, что ЛМП разрабатывался в основном одним автором, он представляет собой более логичную и непротиворечивую объяснительную схему, чем теории, к созданию и развитию которых приложила руку целая плеяда ученых, не соприкасающихся часто ни институционально, ни географически. Наиболее продуктивным представляется рассмотрение ЛМП через анализ его ключевых тезисов.

На *макроуровне* (на уровне региональной группировки в целом) апеллируя к канонам рационального институционализма, Моравчик отрицал уникальный феноменологический характер западноевропейской интеграции, настаивая на том, что она органично вписывается в общие закономерности международной (межгосударственной) политики, общие для всех «демократических государств современного типа»¹⁹, и является обычной международной организацией. Под влиянием теории международных режимов Моравчик позднее уточнил свою позицию: «Европейское сообщество лучше всего рассматривать в качестве международного режима, созданного с целью координации своих политических курсов»²⁰.

В отличие от транснационального институционализма (хорошо известно по работам Р. Кохэйна и Дж. Ная), рациональный институционализм постулировал центральное положение государств в системе участников мировой политики, действующих в условиях анархии, понимаемой как отсутствие центрального источника легитимных решений, и регулирующих свои взаимоотношения посредством межгосударственных переговоров. Все эти черты классической ТМО вошли в концепцию Моравчика.

Важным аспектом ЛМП была его близость к теории рационального выбора: государства, вступая на поле международных согласований и тем более интеграционных схем, действуют исходя из трезвого расчета всех своих выгод и издержек. Таким образом, либеральный межправительственный подход стремится объяснить, что же является результирующей процессом взаимодействия нескольких государств, руководствующихся императивом рационального выбора.

На *мезоуровне* (на уровне национальных государств) ЛМП обращается к либеральной теории государственных предпочтений и функциональной теории институционального выбора. Согласно Моравчику, «...внешнеполитические цели государства являются производными от постоянно меняющихся запросов национальных социальных групп, чьи предпочтения агрегируются политическими институтами»²¹. Таким образом, предпочтения государств не есть нечто постоянное или единообразное. При этом сами государства, как это

ни странно, продолжают рассматриваться Моравчиком, несмотря на признанное им влияние социальных групп на внешнеполитическую волю государства как унитарного образования.

Раскрывая суть процесса достижения баланса интересов в условиях регионального режима, Моравчик прибегает к теории «торга», согласно которой государства сначала выторговывают для себя субоптимальные решения первого порядка (решения, отражающие консенсус предпочтений, определенный по наименьшему общему знаменателю), а затем, когда субоптимальные решения перестают их устраивать, принимаются за решения проблем второго порядка. В этом, по его мнению, заключается циклический механизм интеграционных переговоров, постоянно «раскручиваемый» двумя факторами: асимметрией информации и асимметрией заинтересованности.

Причиной создания интеграционных институтов является разумное желание государств через наличие постоянно действующих структур упорядочить циклические процессы принятия решений первого и второго порядка и снять возникающие в связи с этим проблемы асимметрии информации и заинтересованности. В этом заключается функциональное толкование институционального выбора.

На *микроуровне* (на уровне конкретных интересов и предпочтений) Моравчик задается вопросом, определяется ли реальный вектор интеграции геостратегическими идеями и национальными интересами либо специфическими экономическими запросами, цель которых — формирование регионального (в рамках сообщества) слоя предпринимателей. Моравчик пытался понять, чем же в конечном счете стимулируется развитие интеграции в Европе: идеологией федерализма, интересами надгосударственной бюрократии или установкой на достижение интересов каждой конкретной страной.

Сам Моравчик сформулировал свою точку зрения следующим образом: «Интеграция в рамках ЕС есть не что иное, как серия рациональных выборов, сделанных национальными лидерами. Эти выборы отражали конкретные ограничители и возможности, проистекающие из экономических интересов наиболее влиятельных национальных хозяйствующих субъектов, относительной мощи каждого государства в международной системе и роли институтов в обеспечении выполнения межгосударственных договоренностей»²².

Оценивая вклад ЛМП в углубленное понимание европейской интеграции, следует иметь в виду период возникновения подхода: 1970-е годы — период повышения в институциональной системе ЕС удельного веса национальной компоненты и предания забвению запала эмоционально-идеологической привлекательности интеграционных инициатив начала 1950-х. Отсюда — чрезмерный акцент на рациональном объяснении государственной политики, ее редукция к теории рационального выбора и институционального торгога, которые приобрели в тот период широкое хождение в западной, прежде всего американской политологии в рамках так называемой школы модернистов, придерживающихся количественного подхода к измерению и познанию соци-

альной реальности. Для целей сравнительной интеграции важно зафиксировать другое: ЛМП, как и неофункционализм, позволяет совершить выход за пределы опыта Евросоюза, делает возможность его использования безотносительно к региональной специфике.

Дескриптивные теории. Сетевой подход. Из всех теорий среднего уровня наиболее специфичной для ЕС представляется сетевой подход. Поясним его основные тезисы.

В общем смысле термин «сеть» применяется для обозначения групп (кластеров) субъектов различной природы, которые вступают в те или иные схемы взаимодействия в политической, социальной или экономической сферах. Сетевой подход к анализу политической интеграции требует более конкретного истолкования. Первые попытки подойти к описанию ЕС с позиции сетей стали предприниматься в начале 1990-х как реакция на неспособность других классических теорий объяснить функционирование Союза, поскольку и федерализм, и неофункционализм, и ЛМП раскрывали только причины зарождения интеграционных импульсов, но не описывали реальные процессы в Союзе после того, как интеграция приобрела устойчивую самоподдерживающуюся динамику.

Дж. Петерсон и Э. Бомберг предлагают именовать политической сетью «группу акторов, каждый из которых вовлечен в тот или иной сегмент политического управления, осознает в нем свои интересы и обладает способностью повлиять на успех или неудачу принятия и реализации того или иного политического решения и предусмотренной им практической меры»²³.

Авторы выдвигают три аргумента в обоснование актуальности сетевого подхода к анализу Евросоюза. *Во-первых*, ЕС представляет собой крайне «дифференцированную политическую систему»²⁴. Правила принятия решений и состав участников интеграционного процесса существенно варьируются от сектора к сектору. Например, набор заинтересованных действующих лиц в политике выравнивания регионального развития или в согласовании единого внешнего таможенного тарифа заметно различаются.

Во-вторых, процедуры принятия решений в ЕС во многом подобны наднациональным механизмам принятия решений в других международных организациях, таких как Всемирная торговая организация (ВТО) или Международный валютный фонд (МВФ) в том, что и там, и тут решения обсуждаются и принимаются *технократически* (закрытыми группами экспертов, образующих транснациональные — эпистемические — сообщества-сети по интересам и предмету специализации и по этой причине имеющими тенденцию к деполитизации своей деятельности и своих отношений).

В-третьих, процесс принятия решений в ЕС подкрепляется разветвленной системой комитетов, транснациональных по своей природе и составу, в которых прорабатываются и готовятся основные предложения и проекты документов. Таким образом, Союз в целом покоится на аполитичной системе чиновников

и экспертов, вступающих в системы отношений, отличных от иерархических и предполагающих постоянную координацию своей деятельности.

Сетевой подход и формулируемые на его основе теории интеграции призваны подчеркнуть формирование полей транснациональных интересов и доказать невозможность свести любые объяснения деятельности ЕС к анализу государственных предпочтений. Кроме того, сетевой подход ориентирован и на создание нормативной схемы, предписывающей создание эффективных и легитимных сетей в условиях, когда ЕС начинает приобретать все большее влияние на весь спектр национальных прерогатив государств-членов.

Следует иметь в виду, что сетевой подход как таковой не отделился в стройную теорию политической и экономической интеграции ни в Европе, ни где-либо еще²⁵. На первый взгляд, он противостоит либеральному межправительственному подходу, акцентирующему национальные интересы стран-участниц, и неофункционализму, концентрирующемуся на восприятии общественных групп, но не сталкивается с ними напрямую, поскольку все они относятся к теориям разного типа. В действительности это относительно автономная методологическая схема, которая легко сопрягается и с той, и с другой теорией.

Сторонниками сетевого подхода было сформулировано три основополагающих допущения, однако говорить о складывании полноценной теории пока нельзя: (1) характер структурирования политических сетей оказывает непосредственное влияние на осуществляемую политику. Этим тезисом они объясняют ту меру внимания, которая в современном ЕС уделялась системе комитологии, а также деятельности по организации конференций, семинаров и форумов, посвященных специальным техническим институциональным вопросам; (2) в квазифедералистских образованиях, наподобие ЕС (а по сути дела только в ЕС), система управления естественным образом складывается только на сетевой, а не на типичной для национального государства иерархичной системе с прямой электоральной легитимизацией и разделением властей; (3) сетевое управление со временем начинает ставить вопросы, связанные с эффективностью и легитимностью такого режима.

Сказанное позволяет сформулировать итоговое определение сети.

- Под **сетью** понимается система политического взаимодействия/управления, в которой участвуют субъекты разной природы и разного порядка с точки зрения их положения в формальной иерархии, которые в условиях сети оказываются на одной площадке и на одном переговорном уровне.

Отсюда главным в условиях сети оказывается тенденция к преодолению типичной для вертикально организованных форм политического управления иерархии. В рамках сетевого взаимодействия (англ. *networking*) происходит спонтанное выравнивание статусных характеристик.

Сетевые принципы управления пытаются обнаружить и в Европе, и в Восточной Азии, и в Северной Америке. Эволюция восточноазиатского интеграционного комплекса, протекавшего как раз через постоянные разноуровневые согласования и принятие решений между отдельными группами стран, а также между группировками (например, АСЕАН), с одной стороны, и отдельными государствами — с другой, заставляет провести невольные аналогии с сетевыми принципами управления и пересмотреть вывод о неприменимости сетевого подхода к восточноазиатской действительности. Другое дело, что сетевая организация политики имеет в ЕС внутрисистемный характер, а в Восточной Азии — действует как общий метод достижения договоренности часто между не связанными друг с другом институциональными узлами субъектами. Ключевые критерии сетевого подхода при этом сохраняются.

Возможности преобразования сетевого подхода в полновесную теорию выглядят сомнительными. Как выразился исследователь евроинтеграции Джон Петерсон, «...мы знаем столь же мало о внутрисистемных процессах современного ЕС, сколь полны наши знания о евроинтеграции как широком политико-историческом феномене»²⁶. А без предметных эмпирических изысканий «изнутри» Евросоюза превратить сетевой подход в серьезную теорию трудно. Однако нередко причина этого кроется не в информационных лакунах, а в отсутствии интереса среди ученых к тому, что реально происходит в ЕС на ежедневной основе. Как указывают М. Барнетт и М. Финнемор, «...наши исследования в основном ограничиваются межгосударственными договоренностями, с помощью которых страны формируют международные организации, но что происходит в них в дальнейшем и как эти организации ведут себя часто не входит в сферу академического интереса»²⁷. Тем не менее те робкие попытки, которые предпринимаются в сфере сетевого анализа, внушают осторожный оптимизм, что данный дисбаланс будет ликвидирован.

Вариацией сетевого подхода является теория соуправления (в некоторых исследованиях применяется термин «многоуровневое управление»). Вопросы соуправления — а интеграция есть по определению процесс совместного управления — так или иначе рассматриваются во всех теориях международных отношений применительно к межгосударственному сотрудничеству, и в этом смысле проблематично выделить предметное поле данной теории. В качестве рабочего предлагается следующее определение:

- **соуправление** — это режим регионального управления, основанный на частично децентрализованном характере распределения властных прерогатив между субъектами различной природы и уровня политической иерархии, которые в процессе согласований совместно определяют правила игры.

Идея авторов в применении к евроинтеграции сводится к двум тезисам. *Во-первых*, конкретные процедуры соуправления влияют на облик и характер

институциональной системы ЕС, в данном случае включающей не только основные органы группировки и содержание базовых договоров, но и неформальные компоненты системы управления Евросоюзом, которые часто игнорируются исследователями²⁸. Как правило, в этой связи авторы ссылаются на систему комитологии (систему национальной экспертизы решений ЕС, которая адаптирует уже принятые на наднациональном уровне решения к местным условиям стран-членов)²⁹. Данная практика доказывает, что неформальные способы принятия и имплементации решений могут приобрести силу закона и повлиять на институциональный облик группировки. *Второй* тезис предполагает, что изменения в системе управления корректируют и вектор интеграции.

Теория соуправления во многом базируется на теории режимов и сетевых исследованиях. Отличие состоит в том, что международные режимы обычно выстраиваются вокруг определенного и узкого предмета регулирования (режимы нераспространения, режим ГАТТ/ВТО, режим защиты прав человека), а ЕС, рассматриваемый в качестве режима, универсален по охвату решаемых вопросов.

Неоинституционализм. Устойчивый рост интереса к неоинституционализму или, вернее, «новым институционализмам»³⁰ обычно объясняют становлением ЕС как политической системы с наиболее плотной институциональной тканью, в которую вплетены не только меж- и надгосударственные структуры, но и обширное нормативное наследие ЕС, выражающееся в громадном массиве первичных и вторичных правовых источников и известное как *acquis communautaire*.

В последнее десятилетие, по свидетельству Марка Поллака³¹, все три наиболее жизнеспособных ответвления неоинституционализма (теория рационального выбора, исторический неоинституционализм и социологический неоинституционализм) стали активно использоваться в интеграционных исследованиях. Направление, связанное с теорией рационального выбора, стало первым осваивать эту тематику, когда в конце 1980-х годов появились публикации Фрица Шарпфа³², посвященные «ловушкам совместного принятия решений» в ЕЭС и других квазифедералистских системах. В 1990–2000-х годах его идеи были продолжены усилиями Джорджа Цебелиса, Джеффри Гарретта³³ и ряда других ученых, пробующих представить работу институтов ЕС с позиции теории рационального выбора.

Утверждение неоинституционализма проходило в обстановке острой интеллектуальной конкуренции: напомним, что к теории рационального выбора и функционального институционализма апеллировал автор либерального межправительственного подхода Э. Моравчик, присвоивший себе на период 1970-х — начала 1980-х годов первенство в объяснении реалий интеграционного процесса в ЕС.

В фокусе внимания неофункционалистов оказались три основные сферы управления Евросоюза: (1) исполнительная власть в ЕС, т.е. процесс делегирования национальных прерогатив Комиссии ЕС и наднациональным агент-

ствам и то, как последние реализовывали эти полномочия; (2) судебная власть, т.е. то, как Суд ЕС осуществлял свои надзорные и контрольные функции по отношению к правительствам стран-членов ЕС и национальной судебной системе; (3) законодательная власть, т.е. процесс принятия решения в рамках Совета ЕС и постоянно меняющейся роли Парламента в сфере нормотворчества. *Очевидна связь неоинституционального подхода с федерализмом, который также постулировал реализацию принципа разделения властей на наднациональном уровне как критерий прогресса евроинтеграции.*

С течением времени все три неоинституционализма подверглись своеобразному сплаву-синтезу, при котором в качестве доминирующей гипотезы выдвигался тезис о рациональной природе действующих в контексте интеграции субъектов, а вспомогательные критерии обеспечивались тезисом об исторической обусловленности институтов (исторический неоинституционализм) и представлениями, согласно которым под институтом стали понимать не только и не столько формальную структуру, сколько правило, модель поведения субъектов в конкретных обстоятельствах и по конкретному поводу (социологический неоинституционализм).

В отличие от уже изложенных теорий, которые почти всецело сводимы к случаю ЕС и ради его объяснения изобретались, неоинституциональный подход опирается на общую теорию политики (политологию³⁴) и может в свою очередь послужить ее обогащению. Следовательно, теоретическая совместимость неоинституционализма, с одной стороны, и сравнительной политологии и классических теорий международных отношений — с другой, открывают, по крайней мере умозрительно, простор для международных сопоставлений³⁵.

Кроме того, институциональный анализ преодолевает традиционную дихотомию «сравнительная политология (теория внутренней политики) — теория международных отношений», поскольку основные тезисы неоинституционализма одинаково хорошо работают как применительно к ЕС в целом, так и к отдельным странам-участницам.

Таким образом, исследование интеграционных группировок в русле неоинституционализма может оказаться полезным на этапе не синхронно-исторического, а диахронного анализа, т.е. сравнения в логически совпадающих фазах эволюции объекта.

Прескриптивные теории. *Социальный конструктивизм* сравнительно недавно обратился к изучению интеграции и в силу свойственного западным ТМО европоцентризма сосредоточился на ее западноевропейской версии. Точкой отсчета в этом смысле можно считать выход в 1999 г. специального номера «Журнала исследований общего рынка» (*Journal of Common Market Studies*), практически целиком посвященного эксперименту по интерпретации европейских реалий в разрезе социал-конструктивизма³⁶. Интерес к этому эксперименту был продиктован стремлением преодолеть узость спора между нефункционалистами и сторонниками либерального межправительственного подхода.

Социальный конструктивизм ни в коей мере не является оригинальной теорией³⁷ интеграции, в том виде, в котором ею являются неофункционализм или ЛМП. Более того, социал-конструктивисты умело сочетают в своих изысканиях идеи и тех и других: тезис о центральной роли государств в процессе интеграции составляет сердцевину их построений, а неофункционалистский образ «переплескивания» используется как вспомогательный объяснительный инструмент³⁸.

В основе онтологии социал-конструктивизма как научной школы лежит положение о том, что индивид (социальный агент) находится в зависимости от окружающей его социальной среды и образуемой им и другими агентами системы общих смыслов (культура в широком смысле слова). В этом новаторство социал-конструктивизма по сравнению с методологическим индивидуализмом рационалистских теорий, согласно которым «...элементарной единицей социальной реальности есть индивидуальное действие»³⁹. Принципиальное открытие социал-конструктивистов заключается не только в том, что социальные структуры и агенты взаимно определяют поведение друг друга, но и в том, что структура и агент конституируют, создают и пересоздают сущности (идентичности) друг друга, что и получило название *социального конструирования*⁴⁰. Данный тезис способен по-новому высветить аспекты, остающиеся в тени классических рационалистских теорий (неофункционализм, ЛМП, многоуровневое управление), которые покоятся на методологическом индивидуализме и потому по умолчанию концентрируются на «агенте», упуская из виду значение (политическую и социальную семантику) и значимость «структуры».

Применение социал-конструктивистских посылок к европейскому материалу позволило сделать три любопытных наблюдения. *Во-первых*, признание тезиса о «взаимосозидании» агента и структуры позволяет глубже проникнуть в суть процессов «европеизации» и их влияния на институт государственности в Центрально-Восточной Европе. *Во-вторых*, акцент на конституирующем эффекте евросоюзных законов, правил и правоприменительных мер помогает изучить, каким образом процесс интеграции формирует социальные идентичности и интересы акторов. *В-третьих*, внимание к коммуникативным аспектам интеграции⁴¹ дает возможность более конкретно исследовать, каким образом intersubjectively конструируются идентичности «Европа» и «Евросоюз» и как акторы формулируют для себя представление о евроинтеграции.

В целом социал-конструктивистские исследования занимают маргинальную позицию среди теорий интеграции. Их вторичная роль определяется тем, что сама теория является в некотором роде изоморфной для интеграционной тематики и не была изначально приспособлена для ее изучения. В рамках ЕС, например, ее инструментарий способен объяснить эффект интеграции на вновь присоединившиеся страны, но не на старых членов ЕС, т.е. имеет преходящее значение. Вместе с тем активное расширение Союза в 1990–2000-х годах объективно подогрело интерес к необходимости применения социал-конструкти-

вистского анализа. Как отмечает Т. Риссе, социал-конструктивизму на почве евроинтеграции удалось довольно быстро решить для себя вопросы онтологии и эпистемологии и заняться вопросами реальной политики⁴², пусть и второстепенного порядка. Это позволяет сделать осторожное предположение о том, что потенциал социал-конструктивизма в полной мере еще не раскрыт.

Легалистский подход (англ. *Integration Through Law*). В соответствии с устоявшимся в литературе о теории международных отношений делением на онтологические (реалистские) и деонтологические (идеалистские) школы, легалистский подход относится к последним, поскольку, постулируя примат права и правовой нормы в регулировании и детерминации общественной жизни, он отождествляет себя с ориентацией на поиск идеала и его воплощение, а не описание объективно протекающих процессов.

Основная цель подхода состоит в том, чтобы выяснить и концептуально формализовать роль системы европейского права, прежде всего Суда ЕС и судов стран-членов, в стимулировании и поддержании интеграционных тенденций. Уже из таким образом изложенной задачи выявляется исключительное внимание легалистского подхода к специфическому опыту Европейского союза.

На первый взгляд, задача изучения интеграции через функционирование системы права кажется избыточной как минимум в силу двух обстоятельств. *Во-первых*, роль юридической основы ЕЭС/ЕС, казалось бы, никогда не ставилась под сомнение. Об этом свидетельствует хотя бы та роль, которую отводят *acquis communautaires* в процедурах сближения ЕС со странами-кандидатами. Помимо этого, правовая норма, как принято считать, фиксирует достигнутые межгосударственные договоренности, если речь идет о выработке базового законодательства ЕС, либо отражает установившееся институциональное равновесие между наднациональными, национальными и транснациональными (сетевыми) компонентами субъектного поля политической игры ЕС⁴³. Так или иначе, в обоих случаях при таком подходе *первичным оказывается воля участников, а не жесткость и направленность деятельности судбно-правового механизма*.

Между тем появление легалистского подхода⁴⁴ как раз и было связано, с одной стороны, с усилением межправительственного подхода в период «евросклероза» 1970–1980-х годов, а с другой — с последовавшим за этим размежеванием политического и юридического анализа ЕС в европейских исследованиях. По свидетельству ряда отечественных исследователей евроинтеграции, в 1970-х годах, когда идеал сближения на наднациональной основе был на некоторое время предан забвению, реальное сращивание экономик стран-участниц и построение общего рынка осуществлялись во многом, если не всецело, через прецедентные решения Суда ЕЭС⁴⁵. В самом деле, наиболее значительные решения, расширившие сферы наднационального управления, были вынесены Судом в период между серединой 1960-х и нача-

лом 1980-х годов, под сенью Люксембургского компромисса 1966 г.⁴⁶ Вайлер описал этот феномен как замену «наднационализма решений» «наднационализмом нормы»⁴⁷.

Тем не менее невозможность разделения политической и чисто правовой составляющей даже в рамках «чистого» анализа отмечали сами сторонники легалистского подхода. «Европейское право, — как указывает уже цитированный здесь Ф. Снайдер, — представляет собой более отчетливо, чем любая другая правовая дисциплина, неразрывную сеть-паутину политических, экономических и юридических факторов, что требует междисциплинарного, “контекстуального” подхода к европейскому праву»⁴⁸.

Не успев сформироваться, строгий правовой подход быстро трансформировался в философско-правовые, социологические исследования, рассматривавшие воздействия деятельности Суда ЕС на характер социальных и политических перемен в Сообществе⁴⁹.

В системе интеграционных теорий легалистский подход дальше всего отстоит от либерального межправительственного подхода, который, хотя и признает позитивную роль Суда (эффективность в преодолении традиционных для либерально-рационалистического анализа дилеммы заключенного и проблемы безбилетника⁵⁰), все же отводит гораздо большую роль инерции межгосударственных договоренностей. (Дж. Вайлер сравнивает ЛМП с физикой Ньютона [крупные тела движутся с меньшей скоростью], а легалистский подход — с физикой Эйнштейна, в которой малые тела могут развивать феноменально высокую скорость⁵¹.)

Ближе всего этот подход расположен к неофункционализму, который не только не исключал, но и всячески подчеркивал роль права и юридических норм в раскручивании интеграционной спирали и в осуществлении эффекта «переплескивания». Правда, и неофункционалисты выводили роль права из интересов участников интеграции, т.е. его онтология была сугубо вторична, а предметное поле легалистского подхода по-прежнему не выкристаллизовывалось⁵².

В настоящее время среди исследователей достигнут определенный консенсус. Правовая интеграция всегда была лейтмотивом интеграции в ЕС. И в этом состоит яркое своеобразие этого типа интеграции вообще. Вместе с тем легализм, доминировавший в ЕС на первых фазах его сближения, видимо, не может быть вновь воспроизведен в будущем. И здесь ЕС сближается с другими интеграционными группировками, где политическая воля и неформальные договоренности часто преобладают над правовой нормой. Ренессанс «Сообщества, основанного на праве» (прежде всего наднациональном праве ЕС) затруднителен в силу нарастания демократических способов легитимизации решений ЕС (референдумы) и одновременно опасений по поводу демократического дефицита в ЕС и попыток его преодоления.

Еще одним важным аспектом, на который обратили внимание авторы легалистского подхода, является роль права в формировании и консолидации

региональной идентичности. Наделяя жителей Европейских сообществ расширенным каталогом прав, европейское право рождало на пространстве ЕЭС чувство принадлежности к нормативному полю, преимущества которого недоступны подавляющему большинству населения планеты и которое строго расчерчивало политико-правовой атлас мира на «нас» и «их»⁵³ по параметру наделенности правами. Данная, на первый взгляд, очевидная роль права мало изучается в контексте вопросов идентичности. В этом состоит наиболее существенный вклад легалистского подхода.

В момент зарождения подхода возможности для «чистого» измерения роли права в развитии ЕС существовали. Но на сегодняшний день, по признанию исследователей⁵⁴, «право ЕС» как понятие все больше подвергается эрозии. На его место приходит разнородный конгломерат режимов, полуформальных практик и правовых норм, изучение которых вне контекста политической интеграции будет неоправданной академической абстракцией. Вместе с тем данный подход может применяться как вспомогательная методика.

Дискурсный подход. Само название дискурсный подход и дискурс-анализ условно. В монографии по теории международных отношений его называли бы постмодернизмом, а в общей социологии — постструктурализмом. Таким образом, подходы, основанные на методе анализа текстов (дискурс-анализ), являются, бесспорно, производными, изоморфными и не претендуют на статус субстантивной теории не только евроинтеграции, но и вообще какого-либо другого социального феномена. В то же время признаваемое рядом исследователей и уже отмеченное в тексте настоящей работы срединное положение европейских исследований (*European Studies*) между теорией международных отношений и теорией внутренней политики (сравнительная политология) вынуждает отринуть термины постмодернизм и постструктурализм и избрать более нейтральное словосочетание «дискурсный подход»⁵⁵.

Понятие дискурс-анализа широко используется в лингвистике и других отраслях гуманитарного знания. Между тем в сфере международных отношений за ним всегда будет угадываться тень французской традиции постструктуралистов⁵⁶, заложенной в трудах М. Фуко⁵⁷.

Цель дискурсной методологии заключается в поиске и выявлении структур смысла (семантических групп) в текстах, а главная идея — в том, что знаки приобретают значение только в потоке речи (фр. *discourse* — речь). Знаки сочленяются в синтагмы, синтагмы в синтаксис. А синтаксис, употребленный в «осмысленном» для передающего и получающего сообщения агента контексте, преобразуется в графо-семантическое тождество, единство знаковой формы и ее смысловой характеристики⁵⁸. В этом постструктуралисты соглашались со структуралистами. Открытием же постструктурализма стало помещение в зависимость от дискурса объекта и субъекта исследования. Объект, конечно, может существовать в объективированном, независимом от нашего сознания мире, заявляли они, однако исследователь узнает о нем и присваивает ему

определенное значение, т.е. семантически идентифицирует его, только в системе уже созданных до него текстов. Более того, и изучать объект (распознать и описать) он может только метаязыком своей науки, который, если использовать терминологию Ю. М. Лотмана, является вторичной моделирующей реальностью системой и, следовательно, привносит в нее не имманентные ей смысловые компоненты.

Сам исследователь также формируется как познающий субъект в процессе соотношения себя с уже известными идентифицирующими сущностями (государство, этнос, профессиональная корпорация, парадигмальная ориентация, бытовой и профессиональный опыт, жизнь как метатекст). В этой ситуации изучение реальности опосредовано текстом, который необходимо дешифровать, выделить в нем первичные атомы смысла, а затем воссоздать исходный текст, заново закодируя его языком науки. Правильное следование данной методике трудоемко, а ее искажение ведет к перекодировкам и выхолащиванию смысла.

Дискурс — центральная категория постструктурализма. Фуко определил его «как систему регламентации принципов построения высказывания»⁵⁹. В рамках дискурс-анализа в информационный массив исследования включаются только публичные выступления, которые объединяются в замкнутую коммуникационную систему. При этом частные взгляды и оценки политиков не подлежат рассмотрению. Задача состоит в том, чтобы выделить значимые смысловые группы, присущие данному дискурсивному пространству.

Основная проблема дискурс-анализа — понять, как относятся друг к другу актор и дискурс. С одной стороны, дискурс предшествует каждому индивидуальному субъекту политики (хотя коллективный субъект, безусловно, дискурс предваряет), с другой — он транслируется только посредством политической практики, а следовательно, без акторов существовать не может. При этом каждый индивидуальный актор в меру своего публичного влияния способен изменять дискурс, сместить некогда расставленные в нем семантические акценты. Отсюда выдвигаемая сторонниками дискурс-анализа гипотеза относительно стратегии актора не только по отношению к воздействию на реальность (государственных деятелей на управляемые ими объекты, политиков на поведение своего электората), но и по отношению к воздействию на дискурс, который в данном контексте становится политически значимым инструментом и средой политически активного агента.

Оценивая вклад дискурс-анализа в европейские исследования, следует выделить несколько аспектов. *Во-первых*, тезис о множественности Европы, «о Европах», о разных представлениях о Европе, которые соперничают друг с другом за то, чтобы быть изучаемыми, и за главенство в мышлении массовой публики. Следы дискурс-анализа проявляются даже в трудах тех ученых, которые внешне далеки от постструктуралистских построений. Так, статья историка международных отношений М. М. Наринского о современной Европе

открывается словами: «Что есть Европа? Возможно, правильнее говорить не о Европе, а о Европах?»⁶⁰

Во-вторых, постструктуралисты предлагают отвергнуть взгляд на ЕС как на форму межгосударственного взаимодействия. Вместо этого они вводят понятие «сетевая, или постмодернистская, империя»⁶¹. Данный вывод мы рассматриваем как теоретическую новацию дискурсного подхода, поскольку он был синтезирован на основе применения присущего постмодернизму метода деконструкции текстов.

В-третьих, использование дискурс-анализа в европейских исследованиях показало, что вопросы европейской интеграции не мыслятся коллективным сознанием ЕС как вопросы имеющие самодовлеющую ценность, а неразрывно увязаны с другими вопросами. А вот с какими — это как раз и дифференцирует научно-исследовательские программы (термин И. Лакатоша) сторонников дискурс-анализа: в зависимости от позиции исследователя это могут быть вопросы социально-экономического развития, обороны, гендерного равенства. Другими словами, понятие интеграции на уровне дискурса определяется через решение смежных или более важных задач. Этот вывод опровергает идею европеизма как органично присущей европейской политической культуре.

В заключение следует упомянуть о вызовах дискурс-анализу⁶². Прежде всего, не прояснен вопрос о соотношении данной методологии с уже существующими концепциями. Значительная часть дискурсных подходов уже освоена социал-конструктивистами. Другая — теорией соуправления и сетевыми подходами. Кроме того, и другие теории (в частности, легалистский подход) время от времени прибегают к анализу текстов. Для выделения в субстантивную теорию необходимо более четко позиционировать методологию подхода. Таким образом, дискуссии будут идти как внутри подхода, так и между ним и другими теориями.

Представляется, что все изложенные теории могут быть распределены по трем категориям. Первую образуют подходы, имеющие универсальную объяснительную ценность, иначе говоря — к ним можно в равной степени обращаться при анализе и европейского, и восточноазиатского, и северо- и латиноамериканского, и постсоветского кейсов. Таковыми мы полагаем неофункционализм, постулирующий, с одной стороны, прагматическую оценку каждым из акторов своего непосредственного интереса в интеграционном предприятии, а с другой — логику самого интеграционного процесса, который, обретая определенную инерцию развития, начинает программировать и интересы суверенных участников. К универсальным может быть отнесен изоморфный по отношению к интеграции вообще неоинституциональный подход, в основание которого положено представление об общих практиках и образах действия присущих внутригосударственной и межгосударственной действительности.

В отдельную, промежуточную категорию теорий следует отнести теории, имеющие условно-универсальную объяснительную ценность. Их ограниченная применимость обусловлена либо различием интеграционных группировок с точки зрения этапов и степени интегрирования, либо тем, что изначально теория

формировалась как регионально специфическая, но с течением времени стала работать и на материале иных региональных сюжетов. Прежде всего, это либеральный межправительственный подход, который фактически является преломлением неофункционализма под углом зрения интересов государств. Эпитет «либеральный» не должен вводить в заблуждение. Как отмечалось в разделе об этом подходе, либеральным в нем было лишь то, что государства действовали исходя из собственных представлений о выгоде и помещались таким образом в идеальную ситуацию «торга», типичную для либеральных построений. Кроме того, это федерализм, предусматривающий, чисто теоретически, построение интеграционного сообщества по модели национального государства, входящие в которое суверенные единицы начинают функционировать в режиме субъектов федерации. Наконец, это изоморфный по своему происхождению дискурсный подход. Его конструктивная роль, в частности, проявляется на стадии уяснений различий в подходах к созданию интеграции в обоих ареалах, которые видны на уровне дискурса (употребления терминов «интеграция» и «регионализм») и на уровне самоидентификации жителей сообщества.

К третьей группе можно отнести подходы, имеющие специфическую, географически детерминированную когнитивную полезность. Это европеизм, представляющий собой федералистскую идею, помноженную на концепцию европейского единства; многоуровневое управление и производные от него концепция соуправления; легалистский и сетевой подходы.

Альтернативы и вызовы классическим интеграционным теориям

Методологическое значение описанных интеграционных парадигм, при всей их значимости, становится ограниченным в свете бурного роста многообразия регионального интеграционного опыта в последние 20–25 лет. Более или менее успешно «работая» на материале интеграционных процессов в Евросоюзе, в XXI в. классические концепции могут служить в лучшем случае лишь «отправными точками» при анализе современных вариантов интеграции, например в Латинской Америке, и еще меньше — в Тихоокеанской Азии. Причиной ограниченности этих концепций являются их почти полная сосредоточенность на анализе европейского регионального материала и инерция мышления естественно-научными аналогиями.

«Ревизионизм» в теории интеграции громко заявил о себе только в 2000-х годах. Авторы этого десятилетия уже отчетливо формулировали положение о том, что аналитические подходы, выработанные на базе изучения *только* западноевропейского опыта, имеют ограниченную познавательную и объяснительную полезность. В специальной литературе стал быстро нарастать плюрализм научных взглядов и даже школ исследования региональных интеграционных процессов.

Для нового поколения зарубежных исследователей стало типичным признание множественности интеграционного опыта, региональных траекторий интеграционных процессов, многообразия форм их институционального и внеинституционального регулирования.

В литературе стала чаще мелькать «крамольная» мысль о том, что западноевропейская интеграционная активность представляет собой важный, но в известном смысле «случайный» историко-политический феномен, порожденный взаимным наложением специфических исторических, культурных и персональных факторов. Сильной стороной, даже достоинством европейской интеграции стало то, что она выросла на глубоко проработанных теоретических построениях ученых и политиков, веками грезивших о европейском единстве⁶³. Но, задав канон «оценки на соответствие», европейская интеграция одновременно сама стала «жертвой канона» в том смысле, что ее творцы в силу давности идеи европейского единства *всегда испытывали на себе существенное влияние умозрительной нормативности этого единства*.

В итоге на каком-то исторически довольно длительном отрезке мирового развития конкретный опыт Европейских сообществ, а позднее Европейского союза стал отождествляться с феноменом интеграции вообще. Успехи интеграционных процессов в любой точке планеты стали «автоматически» оцениваться сквозь призму того, чего и как сумел, или не сумел, достичь в своей эволюции Европейский союз.

На рубеже XX–XXI вв. в специальной литературе произошел довольно мощный «выброс» индивидуальных и коллективных работ, в которых ведущие зарубежные специалисты по регионализму, в том числе европейскому⁶⁴, по сути отказались от идеи об универсальной объяснительной ценности теорий, основанных на европейском опыте⁶⁵. Довольно многочисленная группа зарубежных ученых⁶⁶ приступила к осторожному конструированию концепций, нацеленных на осмысление уникального европейского опыта в контексте интеграционного развития других частей мира⁶⁷.

Речь не шла о попытках приписать значение европейского интеграционного феномена. Но авторы стремились включить в фокус науки об интеграции явления из других частей планеты. Выросший в 1990-х годах на основе этих выводов пласт литературы и содержащихся в них гипотез, наблюдений и объяснений получил общее название «теорий нового регионализма» (ТНР).

Отталкиваясь от анализа терминов «регионализм», «регионализация» и «интеграция», они указали на близость этих понятий, подчеркнув принципиальную однородность описываемых ими процессов, и наметили возможности сравнительного анализа опыта межгосударственного сотрудничества в различных частях мира. С таких позиций *интеграция в ЕС стала выглядеть как частный случай регионализма*. Западноевропейский опыт «утратил характеристики нормативной модели, став ориентиром для частных усилий некоторых межгосударственных группировок в области институционального строительства»⁶⁸.

Хелен Милнер:

«Моим центральным аргументом является довод, что государства не являются унитарными акторами, в них нет жесткой иерархичной структуры, они скорее полиархичны, состоят из многих акторов с различными предпочтениями, которые разделяют власть над принятием решений между собой».

«Сложная взаимозависимость включает нечто большее, чем экономическая взаимозависимость; это понятие подразумевает мир, характеризующийся по меньшей мере тремя основными особенностями. Во-первых, начинают господствовать транснациональные отношения; эти отношения включают множество каналов, связующих общество, формальных и неформальных, между представителями правительств, а также неформальные связи между неправительственными элитами в различных государствах. Во-вторых, повестка дня во взаимоотношениях между государствами включает множество вопросов без какой-либо приоритизации; отношения в сфере безопасности не являются главенствующими во взаимоотношениях между государствами. В-третьих, военная мощь не является основным средством разрешения споров между государствами по ключевым вопросам; наоборот, для решения проблем центральное значение приобретают другие несиловые ресурсы власти».

Х. Милнер. Власть, взаимозависимость и негосударственные акторы в мировой политике. 2009

В аргументации приверженцев «теорий нового регионализма» важны две группы доводов. *Во-первых*, регионализм в каждой части света обретает свой неповторимый облик под влиянием местных экономических, социокультурных, политических и исторических особенностей⁶⁹.

Во-вторых, мир второй половины прошлого века, в котором зародилась западноевропейская интеграция, радикально отличается от современного мира, в котором похожие ситуации невоспроизводимы⁷⁰.

В литературе 2000-х годов произошел отказ от абсолютизации «нормативности» европейского интеграционного опыта. НАФТА, АСЕАН, а иногда и МЕРКОСУР рассматриваются в них в одном ряду с ЕС, хотя никто не ставит под сомнение количественное и качественное превосходство, степень зрелости европейской интеграционной формы («интеграционного вида»).

Примечания

¹ Дарвин Ч. Происхождение видов / Пер. К. А. Тимирязева с исправлениями и указаниями под общ. ред. Н. И. Вавилова. Серия: Классики естествознания. М.; Л.: Сельхозгиз, 1935.

² Balassa B. A. The Theory of Economic Integration. Greenwood Press Reprint, 1982.

³ См.: Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. N.Y., 1987.

⁴ Van den Berghe P. L. The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1981.

⁵ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

⁶ Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2015.

⁷ *Pentland Ch.* International Theory and European Integration. L., 1973.

⁸ Здесь уместно сослаться на определение философии вообще Сергея Левицкого: «Философия — это учение об основных принципах познания сущего и должного» (см.: *Левицкий С. А.* Основы органического мировоззрения. М., 2003).

⁹ Рихард Куденхове-Калерги призывал в своем «Панъевропейском манифесте» объединить все демократические государства Европы и создать механизм обязательного арбитража для предотвращения угрозы войн, устранить таможенные границы и ввести свободное движение товаров. Он понимал под пан-Европой континентальную Европу, которой угрожают три могущественных соперника — США, Британская империя и Россия.

¹⁰ См.: *Genealogie des grands desseins Europeens*. P. 69.

¹¹ *A Constitution for Europe: a Comparative Study of Federal Constitutions and Plans for the United States of Europe* / King P. and Bosco A. (eds). L., 1991.

¹² *Kolodziej E.* French International Policy Under de Gaulle and Pompidou: The Politics of Grandeur. Ithaca: Cornell University Press, 1974.

¹³ *Majorlin R.* Architect of European Unity: Memoirs, 1911–1986. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1989. P. 314–320.

¹⁴ *Haas E. B.* The “Uniting of Europe” and the “Uniting of Latin America” // *Journal of Common Market Studies*. 1967. No 5 (2). P. 315–343.

¹⁵ *Schmitter P. C.* Three Neo-Functional Hypotheses about International Integration // *International Organization*. Winter 1969. Vol. 23. No 90. P. 562–564.

¹⁶ *Haas E. B.* International Integration: The European and the Universal Process // *International Organization*. 1961. No 15 (3). P. 366–392.

¹⁷ *Schimmelfellig F.* Liberal Intergovernmentalism // *European Integration Theory...* P. 75.

¹⁸ См., напр.: *Hoffman S.* The European Sisyphus. Essays on Europe, 1964–1994. Boulder, 1995.

¹⁹ *Moravcsik A.* The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Ithaka, 1998. P. 5.

²⁰ *Moravcsik A.* Preferences and Power in the European Community. A Liberal Intergovernmentalist Approach // *Journal of Common Market Studies*. No 31 (4). P. 480.

²¹ *Ibid.* P. 481.

²² *Moravcsik A.* The choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Ithaka, 1998. P. 18.

²³ *Peterson J. and Bomberg T.* Decision-Making in the European Union. Basington and N.Y., 1999. P. 8.

²⁴ *Rhodes R. A. W.* Understanding Governance: Policy Networks, Governance, Reflexivity, and Accountability. Buckingham, 1997. P. 37.

²⁵ *Peterson J.* Policy networks // *European Integration Theory...* P. 123.

²⁶ *Ibid.* P. 134.

²⁷ *Barnett M. A. and Finnemore M.* The Politics, Power and Pathologies of International Organizations // *International Organization*. 1999. No 53 (4). P. 726.

²⁸ *Jachtenfuchs M. and Kohler-Koch B.* // *European Integration Theory...* P. 99–100.

²⁹ См.: *Administering the “New Europe”*. Committees in the European Union / T. Christiansen and E. Kirchner (eds). Manchester, 2000.

³⁰ На сегодняшний день выделяют как минимум три разновидности неинституционализма: неинституционализм, основанный на теории рационального выбора, социологический неинституционализм и исторический неинституционализм.

³¹ *Pollack M. A.* The New Institutionalism and EU Governance. The Promise and Limits of Institutional Analysis // *Governance*. No 9 (4). P. 429–458.

³² *Scharpf F. W.* The Joint-Decision Trap: Lessons from German Federalism and European Integration // *Public Administration*. 1988. No 66 (3). P. 239–278.

³³ *Tsebelis G. and Garrett G.* Legislative Politics in the European Union // *European Union Politics*. 2001. No 1 (1). P. 9–36.

³⁴ Подробнее о соотношении обще- и частнонаучных теорий в общественном знании см.: *Хрусталева М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008.

³⁵ К такому мнению склоняются и сами представители неоинституционализма. См.: *Pollack M. A.* *New Institutionalisms // European Integration Theory...* P. 154.

³⁶ *Christiansen T., Jorgensen K., Wiener A.* *The Social Construction of Europe*. L., 2001. Первоначально опубликовано в виде специального номера «Журнала исследования общего рынка» в 1999 г.

³⁷ Подробнее о субстантивных и изоморфных теориях см.: *Хрусталева М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008.

³⁸ См.: *Haas E. B.* Does Constructivism Subsume Neofunctionalism? // *The Social Construction of Europe...* P. 22–31.

³⁹ *Elster J.* *Nuts and Bolts for the Social Sciences*. Cambridge, 1989. P. 13.

⁴⁰ Этот термин был впервые предложен: *Berger P. L. and Luckmann T.* *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. N.Y., 1966.

⁴¹ В этом смысле социал-конструктивизм выступает преемником теории коммуникации, теории, не рассматриваемой в настоящей работе ввиду того, что она практически не применяется в современных европейских исследованиях. См.: *Deutsch K. W.* *France, Germany and the Western Alliance: A Study of Elite Attitudes on European Integration and World Politics*. N.Y., 1967.

⁴² *Risse Th.* *Social Constructivism // European Integration Theory...* P. 173.

⁴³ Под базовым, или первичным, законодательством ЕС принято понимать консолидированную совокупность учредительных договоров между странами-участницами сообщества, являющихся вехами на пути их интегрирования. Для их согласования до недавнего времени действовал институт межправительственных комиссий (МПК), а с началом в 2005 г. консультаций и переговоров по выработке текста Конституционного договора для этих целей был создан Конвент, призванный подчеркнуть участие в этом процессе, помимо государств, иных акторов европейской политики, в частности общественных групп. Под производным, или вторичным, законодательством ЕС подразумевается законодательные акты, инициированные Комиссией, рассмотренные при той или иной доле участия Парламента и принятые Советом ЕС. Поэтому в процессе его решения проявляется тонкий механизм межинституционального, фактически сетевого согласования (если под сетью понимать взаимодействие акторов разной природы).

⁴⁴ Первые признаки легалистского подхода можно усмотреть в следующих работах: *Stein E.* *Lawyers, Judges, and the Making of a Transnational Constitution // American Journal of International Law*. 1981. No 75 (1). P. 1–27; *Snyder F.* *New Directions in European Community Law*. L., 1990; *Rasmussen H.* *On Law and Policy in the European Court of Justice*. Dordrecht, 1986; *Weiler J.* *The Community System: The Dual Character of Supranationalism // Yearbook of European Law*. 1981. Vol. 1. P. 267–306; *Idem.* *Community, Member States and European Integration: Is the Law Relevant? // Journal of Common Market Studies*. 1982.

No 21. P. 39–56; *Weiler J.* The European Court at a Crossroads: Community Human Rights and Member States Action // *Du droit international au droit de l'integration*. Baden-Baden, 1987; *Idem.* The Court of Justice on Trial // *Common Market Law Review*. 1987. No 24. P. 555–589.

⁴⁵ *Стрежнева М. В.* Институциональное развитие ЕС // Восток-Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: МГИМО, 2001.

⁴⁶ С Люксембургским компромиссом обычно связывают начало периода «евросклероза», характеризовавшегося ослаблением наднациональных и усилением консенсусных элементов в институциональном балансе ЕЭС.

⁴⁷ *Weiler J.* The Community System: The Dual Character of Supranationalism // *Yearbook of European Law*. 1981. Vol. 1. P. 292.

⁴⁸ *Snyder F.* *New Directions in European Community Law*. L., 1990. P. 31.

⁴⁹ *Burca D de.* *The Language of Rights and European Integration*. Glasgow, 1995. P. 29–54.

⁵⁰ Наличие общеизвестных правовых норм и судебных прецедентных решений в какой-то мере снимает проблему асимметрии информации (дилемма заключенного) и подкрепляет принцип неотвратимости ответственности и наказания (проблема безбилетника).

⁵¹ *Weiler J.* The Case against the Case for Statehood // *European Law Journal*. 1998. No 4 (1). P. 56.

⁵² *Joerges C.* Taking the Law Seriously: On Political Science and the Role of Law in the Process of European Integration // *European Law Journal*. 1996. No 2 (2). P. 105–135.

⁵³ *Soysal Y.* *Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Citizenship in Europe*. Chicago, IL and L., 1994.

⁵⁴ *Haltern U.* *Integration Through Law // European Integration Theory...* P. 195.

⁵⁵ *Wæver O.* *Discursive Approaches // European Integration Theory / A. Wiener and T. Diez (eds)*. N.Y., 2004. P. 197–215.

⁵⁶ Более детальный анализ возводит генеалогию дискурс-анализа к трудам представителей неклассической философии Хайдеггера, Ницше и Дерриды. Представитель Копенгагенской школы Уэвер указывает, что предтечей постструктурализма можно считать положение Хайдеггера о том, что корни «западной метафизики» запряты глубоко в недрах словаря западноевропейских, прежде всего английского и французского, языков.

⁵⁷ *Foucault M.* *The Archeology of Knowledge*. L., 1969, 1972; *Idem.* *Politics and the Study of Discourse // The Foucault Effect. Studies in Governmentality / G. Burchell et al. (eds)*. Hemel Hempstead, 1991. P. 53–72.

⁵⁸ В СССР структурально-семиотическим анализом занимались школа Тартуская и Московская школы семиотики. См., в частности: *Лотман Ю. В.* *Структура художественного текста*. М., 1970.

⁵⁹ *Foucault M.* *The Archeology of Knowledge*. L., 1972.

⁶⁰ *Наринский М. М.* *Европейское измерение международных отношений: Введение. Европа и ее место в современном мире // Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова*. М., 2005. С. 500.

⁶¹ *Diez T.* *Postmoderne und europäische Integration: Die Dominanz des Staatsmodells, die Verantwortung gegenüber dem Anderen und die Konstruktion eines alternativen Horizonts // Zeitschrift fuer internationale Beziehungen*. Num. 1996. 3 (2). P. 269.

⁶² *Dimitris N. Chrysochoou*. New Challenges to the Study of European Integration: Implication for Theory-Building // *Journal of Common Market Studies*. 1997. December.

⁶³ Начиная с XVI в. примерно раз за столетие, а ближе к XX в. несравненно чаще в среде западноевропейских интеллектуалов рождались развернутые проекты инварианта «Соединенных Штатов Европы». См.: *Борко Ю. А.* От европейской идеи — к единой Европе. М., 2003.

⁶⁴ *Katzenstein P.* Regionalism and Asia // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. No 3. P. 353–368.

⁶⁵ *Fawcett L. and Hurrell A.* Regionalism in World Politics. Oxford: Oxford University Press, 1995; *Regionalism and World Order* / A. Gamble and A. Payne (eds). Basingstoke: Macmillan, 1996; *Globalism and the New Regionalism* / B. Hettne, A. Inotai and O. Sunkel (eds). L.: Macmillan, 1999.

⁶⁶ *Hettne B., Soderbaum F.* Theorising the rise of regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. No 3. P. 457–474; *Wallace W.* Regional Integration: The West European Experience. Wessington DC: The Brookings Institution, 1994.

⁶⁷ *Milner H.* International theories of co-operation among nations: strengths and weaknesses // *World Politics*. 1992. April. No 44. P. 466–496. Милнер делал особый акцент на принципиальной закрытости региональных структур времен холодной войны, которая стала размываться под действием глобализации. Отсюда — концепция «открытого регионализма».

⁶⁸ *Dieter H.* Report on East Asian integration: opportunities and obstacles for enhanced economic co-operation // *Notre Europe Studies and Research Paper*. Paris, 2006. No 47; *Acharya A.* How ideas spread: whose norms matter? Norm localization and institutional change in Asian regionalism // *International Organisation*. 2004. No 58. P. 239–275.

⁶⁹ *Hettne B., Soderbaum F.* Theorising the rise of regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. No 3. P. 457–474; *Wallace W.* Regional Integration: The West European Experience. Wessington DC: The Brookings Institution, 1994.

⁷⁰ *Milner H.* International theories of co-operation among nations: strengths and weaknesses // *World Politics*. 1992. April. No 44. P. 466–496. Милнер делал особый акцент на принципиальной закрытости региональных структур времен холодной войны, которая стала размываться под действием глобализации. Отсюда — концепция «открытого регионализма».

Литература

Барыгин И. Н. Международное регионоведение. СПб.: Питер, 2009. — 380 с.

Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнительная политика*. 2012. № 2. С. 30–58.

Воскресенский А. Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // *Современные международные отношения и мировая политика* / Отв. ред. А. В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 141–144.

Иванова М. В. Введение в регионоведение. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. — 177 с.

Колобов О. А., Макарычев А. С. Российский регионализм в свете зарубежного опыта. 1999. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/195/615/1231/005_kolobov.pdf.

Кулматов К. Н., Митрофанова А. В., Панов А. Н. Региональные аспекты международных отношений. М.: Восток–Запад / Дипломатическая академия МИД России, 2010. — 536 с.

Никитина Ю. А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М.: Навона, 2009. — 200 с.

Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. М.: Магистр, НИЦ ИНФРА-М, 2016. — 560 с.

«Регион» в политической науке. Регионализм в современной России // Большая публичная библиотека. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rf-u.ru/politologiya/region_v_politicheskoy_nauke.php.

Buzan B., Wæver O. Regions and powers: the structure of international security. N.Y.: Cambridge University Press, 2003. — 564 p.

Katzenstein P. A world of regions: Asia and Europe in the American imperium. Ithaca: Cornell University Press, 2015. — 320 p.

New regionalism and the global political economy: theories and cases / Ed. by Sh. Breslin, C. W. Hughes, N. Phillips and B. Rosamond. N.Y.: Routledge, 2003. — 272 p.

Regions and crises. New challenges for contemporary regionalism / Ed. by L. Fioramonti. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan, 2012. — 242 p.

Voskresenski A. D. Regional studies in Russia and current methodological approaches for social/historical/ideological construction of international relations and regional interaction in Eastern Asia // Reconstruction and interaction of Slavic Eurasia and its neighboring words / Ed. by Ieda Osamu & Uyama Tomohiko. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2006. P. 3–41.

32. ТЕОРИЯ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ В АНАЛИЗЕ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова

Безопасность, секьюритизация, государство, референтный объект, актор секьюритизации, угрозы безопасности, региональные комплексы безопасности, социетальная безопасность, речевые акты

Теория секьюритизации была предложена Бузаном, Уэвером и де Вильде, теоретиками так называемой Копенгагенской школы международных отношений, во второй половине 1990-х годов¹. Исследователи Копенгагенской школы расширили содержание понятия международной безопасности, включив в него, помимо чисто военного измерения, экономическую, политическую безопасность, безопасность общества и безопасность окружающей среды (экологическую безопасность)². Также они предложили включить в анализ негосударственных акторов.

Концептуальное переосмысление процессов в сфере безопасности происходило в 1990-е годы не только в рамках различных теоретических школ, но и в рамках международных организаций. В 1994 г. в докладе Программы развития ООН появляется термин «безопасность человека» (*human security*), который, с одной стороны, изменяет традиционный референтный объект безопасности с государства на человека, с другой стороны — расширяет список областей безопасности, в который были включены: экономическая безопасность, продовольственная безопасность, безопасность для здоровья, экологическая безопасность, личная безопасность, безопасность традиционных сообществ, политическая безопасность. В рамках ООН были созданы Целевой фонд ООН по безопасности человека (1999) и Комиссия по безопасности человека (2001), есть ряд докладов Генерального секретаря ООН по безопасности человека, а также резолюция Генеральной Ассамблеи ООН.

Теория секьюритизации была сформулирована и развита в 1990-е годы с целью преодолеть разногласия по поводу понимания безопасности между сторонниками реалистской и либеральной школ в широком смысле и между школами стратегических исследований и исследований мира в рамках изучения международной безопасности в период холодной войны. Основы подхода были заложены в книге 1983 г. «Народ, государства и страх»³, где Барри Бузан как раз предпринимал такую попытку концептуального примирения подходов к безопасности

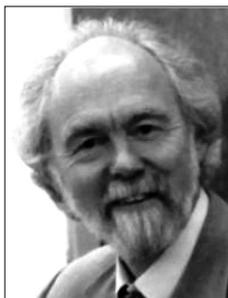
либо как к власти (*power*), либо как к миру (*peace*). Обновленное издание книги вышло в 1991 г. Это произведение считается одним из основных трудов, заложивших основы Копенгагенской школы исследований безопасности.

Впервые понятие секьюритизации было сформулировано Оле Уэвером в 1995 г.⁴, затем концепция развита Бузаном, Уэвером и де Вильде в книге 1998 г.⁵ Уэвер дает определение секьюритизации как речевому акту, т.е. обозначению какого-то явления в качестве проблемы безопасности. Такое определение через речевой акт было дано, чтобы завершить спор о том, являются ли угрозы безопасности объективно существующими в реальности или же субъективно воспринимаемыми различными акторами.

Процесс секьюритизации предполагает, что некий вопрос может превратиться из неполитизированного и не включенного в общественный дискурс в вопрос сначала политизированный, а затем и секьюритизированный, когда для решения этого вопроса государство вынуждено предпринимать экстраординарные меры, выходящие за рамки стандартных политических процедур. Проблема становится секьюритизированной, когда государство, или политические и военные элиты, или гражданское общество (акторы секьюритизации) начинают говорить о каком-то уже политизированном вопросе как об угрозе существованию референтного объекта, чью безопасность необходимо обеспечить (государства, общества и т.д.)⁶. Государство и элиты могут секьюритизировать какую-то проблему, если с ней не удастся справиться при помощи стандартных политических инструментов и процедур.

Соответственно, десекуритизация — это обратный процесс по возвращению секьюритизированного вопроса в рамки стандартной политической дискуссии. Как отмечают Тьерри Бальзак и Стефано Гуццини, концепция десекуритизации стала осмыслением практической политики, а именно западно-германской Остполитик (*Ostpolitik*) Вилли Брандта — нормализации отношений ФРГ с Восточной Европой с 1969 по 1974 г. В годы холодной войны, по словам теоретиков, имела место формула Клаузевица наоборот: политика была продолжением войны другими средствами. Остполитик была как раз попыткой десекуритизации «экстраординарных» политических процессов того времени⁷.

Изначально авторы теории секьюритизации рассматривали государство в качестве единственного референтного объекта, однако, расширив сферы безопасности с военно-политической до других сфер, Бузан и Уэвер осознали, что в случае с безопасностью общества оставлять государство в качестве референтного объекта нецелесообразно, так как получится, что государство противопоставляется обществу, которое может оказаться в опасности. В результате в своей книге 1993 г.⁸ Бузан и Уэвер предложили в качестве референтного объекта анализировать любой коллектив (чаще всего нацию), который определяет угрозу своему существованию через угрозу потери коллективной идентичности. То есть наличие общей коллективной идентичности для некоей группы и становится условием рассмотрения этой группы в качестве референтного объекта.

Барри Гордон Бузан (род. 1946) — представитель английской теоретической школы международных отношений, британско-канадский политолог, основная сфера интересов — безопасность, история международных отношений и международная политика в Восточной Азии.

Основное внимание в его исследованиях уделяется проблемам безопасности, конструированию концепта региональных режимов безопасности.

Именно систему отношений государств в сфере безопасности Б. Бузан признает в качестве важной особенности региональной системы государств.

Поскольку соседние государства находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, национальная безопасность одного государства находится в прямой зависимости от национальной безопасности других государств.

Анализируя понятие национальной безопасности, автор говорит о его внутренних противоречиях, проявляющихся, когда национальная безопасность противопоставлена индивидуальной. Кроме того, Бузан отмечает, что и на международной арене национальные государства не являются единственными и безусловными акторами, а национальная безопасность одновременно сопоставлена международной безопасности. В итоге понятие национальной безопасности оказывается чрезвычайно проблемным для описания целого ряда процессов, происходящих как «внутри», так и «вне» государства, и Б. Бузан создает новый понятийный аппарат для описания отношений в сфере международной безопасности.

Основные работы:

- «Люди, государства и страх: проблемы национальной безопасности в международных отношениях» (1983)
- «Перенастройка европейской структуры безопасности: сценарии для эры после холодной войны» (1990)
- «Идентичность, миграция и новая повестка безопасности в Европе» (1993)
- «Регионы и державы: структура международной безопасности» (2003) (соавт. О. Вейвер)
- «Эволюция исследований в области международной безопасности» (2009)
- «Введение в “английскую школу” международных исследований: социальный подход» (2014)

Следующим концептуальным шагом стало понимание, что, хотя основные взаимодействия в сфере безопасности происходят вокруг государств и наций, нельзя исключать, что другие акторы также могут сформироваться как рефе-

рентные объекты безопасности. Кроме того, размышляя над проблемой общественной безопасности, Бузан и Уэвер пришли к выводу, что нужно делать различия между референтным объектом и актором секьюритизации, который может формулировать наличие угрозы от лица референтного объекта (которым чаще всего оказываются государства, нации, религии, кланы). Таким образом, теория секьюритизации формально не является государственноцентричной в своем понимании международной безопасности, однако же эмпирические исследования в рамках данной теории демонстрируют, что все же чаще всего в центре анализа оказываются именно государства. Такая двойственность в подходе к ключевому объекту анализа — государству нередко становится предметом критики⁹: пытаясь избежать государственноцентризма на уровне теории, Бузан и Уэвер, например, применяя свою теорию региональных комплексов безопасности, анализируют именно государства.

Следующая концептуальная задача, с которой столкнулись теоретики Копенгагенской школы, — это определение того, что может быть обозначено как безопасность, чтобы избежать заключения, что, по сути, все может быть обозначено как угроза безопасности. Теория секьюритизации не занимается обозначением угроз безопасности как таковых, концентрируясь на вопросах, когда и при каких обстоятельствах кто секьюритизирует какой вопрос. Именно политический процесс называния какого-то вопроса проблемой безопасности или угрозой и создает некую динамику в сфере безопасности. Вместе с тем в рамках теории секьюритизации сам акт секьюритизации не рассматривается как создание причинно-следственной связи или результат соблюдения определенных условий (т.е. секьюритизация создает безопасность), а скорее как реализация уже заложенного обстоятельствами потенциала, своеобразной «социальной магии» в понимании Бурдьё. Впрочем, споры по поводу каузальности в рамках теории секьюритизации продолжаются¹⁰.

Теория секьюритизации исходит из того, что есть определенные секторы секьюритизации, которые следует анализировать по отдельности: политический, экономический, военный, общественный и сектор окружающей среды. Однако важная концептуальная критика теории секьюритизации касается того, что представители Копенгагенской школы во многом отошли от анализа именно военной безопасности и крупных военных конфликтов с широкомасштабным насилием в пользу «нетрадиционных» вызовов безопасности¹¹.

По поводу разделения на секторы безопасности внутри Копенгагенской школы велись споры о том, следует ли, например, из политического сектора отдельно выделять правовой, а из общественного сектора — религиозные или гендерные вопросы. Изначально в рамках Копенгагенской школы деление на секторы было проведено в аналитических целях на основе существующих в рамках исследований международной безопасности дискурсов. То есть в рамках теории секьюритизации данные секторы не имеют онтологического статуса как реально существующие, как, например, это принято в социологи-

ческих теориях дифференциации различных секторов общественной жизни, где каждый сектор имеет свою внутреннюю логику деятельности, отличную от логики других секторов¹².

На основе теории секьюритизации Бузан и Уэвер создали теории региональных комплексов безопасности (2003). Данная теория получила достаточно широкое распространение среди экспертов, специализирующихся на региональной безопасности, в том числе в российском академическом сообществе.

По мнению Бузана и Уэвера, возникшая после распада Советского Союза структура системы международных отношений в сфере безопасности не может быть описана ни в терминах неореализма (как однополярная или же многополярная), ни при помощи различных теорий глобализации. Бузан и Уэвер предлагают свою теорию региональных комплексов безопасности (теория РКБ), которая, по их мнению, позволяет понять постбиполярную структуру безопасности, находящуюся под влиянием одновременно процессов глобализации и регионализации.

Недостатком как неореализма, так и исследований глобализации Бузан и Уэвер считают желание описать происходящие на разных уровнях международной системы процессы при помощи единой объяснительной схемы, в то время как теория РКБ рассматривает процессы на разных уровнях по отдельности. Обычно в рамках исследований безопасности анализ проводится либо на уровне отдельного государства (такие направления исследований, как *strategic studies, foreign policy analysis*), либо на глобальном (системном) уровне. Однако национальная безопасность может рассматриваться только в некоем международном контексте, причем не всегда глобальном. А глобальный уровень анализа имеет смысл только для сверхдержав и великих держав. Основные же процессы в сфере безопасности происходят на уровне региона, где пересекаются национальный и глобальный уровни.

Впервые Бузан предложил концепцию РКБ в 1983 г. для анализа процессов в странах третьего мира, тогда определение РКБ было следующим: РКБ — это группа государств, чьи интересы в сфере безопасности связаны в такой степени, что их национальная безопасность не может анализироваться отдельно друг от друга. В связи с изменением повестки дня безопасности после окончания холодной войны в 1998 г. Бузан и Уэвер были вынуждены заменить данное государствоцентричное определение с акцентом на военно-политические аспекты безопасности на определение более широкое: региональный комплекс безопасности — это «группа элементов, основные процессы секьюритизации или десекуритизации которых, или и те и другие процессы одновременно, настолько взаимосвязаны, что проблемы безопасности этих элементов не могут быть решены или проанализированы по отдельности»¹³. «Государства» были заменены на «элементы», чтобы включить в анализ и негосударственных акторов. Чтобы учесть расширение повестки дня международной безопасности, Бузан и Уэвер вводят в определение понятие секьюритизации.

Барри Бузан, Оле Уэвер:

«Политическая безопасность связана с организационной стабильностью государств, систем правления и идеологий, которые придают им легитимность.

Экономическая безопасность связана с доступом к ресурсам, финансам и рынкам, необходимым для поддержания приемлемого уровня благосостояния и стабильности государственной власти.

Социетальная безопасность связана с созданием приемлемых условий для эволюции традиционных моделей языка, культуры, а также религиозной и национальной идентичности и обычаев».

Под *уровнями* международных отношений мы понимаем объекты анализа, которые определяются масштабом пространства, от маленького до большого. Теоретически можно построить причинные объяснения от одного уровня до другого — сверху вниз от системной структуры до поведения единицы (например, от рынка к фирмам, от анархии к государствам) или снизу вверх: от человеческой природы до поведения коллективов, будь то фирмы, государства или страны.

В исследованиях международных отношений выделяется пять наиболее часто используемых уровней анализа:

1. Международные системы, означающие крупнейшие конгломераты взаимодействующих или взаимозависимых единиц, для которых нет системного уровня выше их. В настоящее время этот уровень охватывает всю планету, но в прошлом несколько более или менее разъединенных международных систем существовали параллельно.
2. Международные подсистемы, означающие группы единиц в пределах международной системы, которые отличаются от всей системы особым характером или интенсивностью их взаимодействий. Подсистемы могут быть территориально связаны, если они региональные (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Организация африканского единства (ОАЕ), или не связаны территориально (Организация экономического сотрудничества и развития, Организации стран-экспортеров нефти), если они являются не регионами, а просто подсистемами.
3. Единицы, означающие акторов, составленных из различных подгрупп, организаций, сообществ, достаточно внутренне взаимосвязанных и внешне независимых, чтобы быть дифференцированными от других и быть представленными на более высоких уровнях (например, государства, страны, международные фирмы).
4. Подъединицы, означающие организованные группы людей, которые в состоянии (или пытаются) оказывать влияние на поведение единицы (например, бюрократия, лоббистские группы).
5. Индивиды же составляют нижний базовый уровень анализа в социальных науках.

Б. Бузан, О. Уэвер, Дж. де Вайлд. Безопасность: новые рамки для анализа. 1997

Одна из основных задач теории РКБ — задать рамки для эмпирического анализа региональной безопасности и сделать возможным сравнительный анализ регионов, для чего задаются определенные параметры анализа. В частности, Бузан и Уэвер предлагают при исследовании РКБ проводить анализ на четырех уровнях: внутригосударственном, межгосударственном, межрегиональном и глобальном.

Новизну своего подхода к анализу регионов Бузан и Уэвер объясняют следующим образом. Традиционно считалось, что регионы безопасности возникают в результате существования определенных страхов и опасений внутри самого региона на уровне отдельных государств или других акторов, т.е. объединительные усилия идут изнутри региона, от отдельных акторов. С точки зрения Бузана и Уэвера, изложенной в книге 2003 г., возможна и другая логика, которая исходит от системного уровня: государства могут объединиться в регион для борьбы с системными внешними воздействиями (например, одинаковые последствия изменения климата для какого-то региона провоцируют необходимость коллективного ответа). На практике обе логики сосуществуют в разных пропорциях для разных регионов.

Следующий аспект новизны касается преодоления дилеммы безопасности в реалистском подходе. По мнению Бузана и Уэвера, акт секьюритизации не обязательно провоцирует симметричную секьюритизацию (одно государство представляет другое в качестве угрозы, то таким же образом отвечает). С точки зрения авторов теории, процессы в сфере региональной секьюритизации могут быть гораздо сложнее, например, актор А секьюритизирует явление В, что начинает беспокоить актора С, который в ответ секьюритизирует актора А в качестве угрозы. Бузан и Уэвер приводят следующий пример: Япония представляет рис иностранного производства в качестве угрозы для национальной идентичности для введения протекционистских мер в обход правил ВТО. США воспринимают это как угрозу либеральному мировому экономическому порядку (и своим экономическим интересам), принимая по этому поводу защитные меры, которые Россия или ЕС могут воспринять как претензии Америки на мировую гегемонию и, в свою очередь, предпринять ответные меры. Для понимания сути региональных комплексов безопасности важно, что связующим звеном в РКБ являются именно такие цепочки секьюритизации.

Труды представителей Копенгагенской школы породили дальнейшие интерпретации и концептуализации. Так, конструктивист и соавтор многих работ по секьюритизации Стефано Гуццини предлагает посмотреть на секьюритизацию одновременно как на: 1) концептуальный шаг; 2) аналитическую рамку; 3) эмпирическую теорию; 4) политическую теорию безопасности¹⁴.

Создание теории секьюритизации можно назвать *концептуальным шагом*, выводящим анализ безопасности за рамки как объективности (угрозы безопасности существуют реально), так и субъективности (безопасность — это то, что про нее думают значимые акторы). Как объективистский, так и субъективист-

ский подход имеют ограничения при определении угроз безопасности: в первом случае невозможно объяснить, почему разные акторы по-разному прочитывают реальность с точки зрения того, существует ли реальная угроза или нет; во втором случае, если все субъективно, угрозой может быть все, что угодно. Гуццини приводит такой пример относительно субъективистского подхода: во время ежегодного праздника в Валенсии туристов могут забросать спелыми помидорами, однако при этом томаты почему-то не включаются в качестве угрозы в статистику разведывательных служб. Чтобы найти баланс между объективистским и субъективистским подходами, пишет Гуццини, необходимо, как это предлагает теория секьюритизации, трактовать безопасность как интерсубъективное понимание, выраженное в доминирующих дискурсах внешнеполитических элит. Такой подход позволяет объяснить, почему внешняя политика некоторых стран исторически более «параноидальная», чем у других стран.

В качестве *аналитической рамки* теория секьюритизации предлагает рассматривать различные конкретные условия процесса секьюритизации (внимание к технической стороне процесса, к определению секторов безопасности, определению аудитории, для которой предназначены послания секьюритизирующих акторов, и т.п.).

В качестве *эмпирической теории* секьюритизация была представлена Бузаном и Уэвером в рамках теории региональных комплексов безопасности: геополитическое (региональное) окружение страны не может «объективно» создать состояние опасности/безопасности для какой-то страны. Такое состояние определяется национальными процессами секьюритизации и их агрегированием и взаимным наложением в рамках отдельных регионов. Каждое государство, исходя из своей истории и текущих национальных дискурсов в сфере безопасности, формирует определенное понимание окружающей геополитической реальности. Другими словами, как пишет Гуццини, конструктивистская лошадь (секьюритизирующие дискурсы) ставится впереди объективистской телеги (региональные процессы в сфере безопасности). С точки зрения практического анализа это значит, что региональные кризисы безопасности возникают тогда, когда акторы одновременно начинают взаимную секьюритизацию в качестве Другого (угрозы), а разрядка возможна при взаимной одновременной десекуритизации национальных дискурсов.

В качестве политической теории безопасности секьюритизация остается относительно неразработанной, несмотря на многочисленные предложения развивать теорию в данном направлении. В частности, теория секьюритизации могла бы рассмотреть вопросы, касающиеся того, какую роль безопасность играет в человеческой природе или в политическом порядке в целом.

Хотя сама концепция секьюритизации в России воспринимается как относительно новая концепция, в западном академическом сообществе эта концепция не просто получила распространение, но и стала объектом критики представителей школы «исследователей нормативной безопасности», использующей

Оле Уэвер (род. 1960) — датский политолог, профессор международных отношений Копенгагенского университета, основатель Центра теории общей безопасности, объединившего ряд исследователей теории современных вызовов, угроз и рисков, директор Центра разрешения международных конфликтов, один из основных представителей Копенгагенской школы исследований безопасности. В период с 1993 по 1995 г. был членом Комиссии правительства Дании по вопросам безопасности и разоружения. В 2007 г. О. Уэвер был избран в датскую Королевскую академию наук.

В исследованиях теории международных отношений стал одним из разработчиков концепции «секьюритизации» в рамках теории безопасности (совместно с Барри Бузаном). Его исследовательские интересы включают международные отношения и теорию безопасности, социологию науки, роль религии в международных отношениях, изменение климата, анализ конфликтов, а также роль национальной идентичности во внешней политике. В своих последних работах в рамках теории «секьюритизации» Уэвер применяет данную концепцию для анализа проблематики в области религии, а также рассматривает основы философии языка и анализирует роль новых технологий.

Основные работы:

- «Введение в изучение международной политики» (1992)
- «Безопасность: новые рамки для анализа» (1997) (соавт. Б. Бузан, Дж. де Вайлд)
- «Регионы и державы: структура международной безопасности» (2003) (соавт. Б. Бузан)

аргументы, связанные с моралью и этикой¹⁵. По мнению критиков (Арадау¹⁶, Хьюсманс¹⁷), исследователь несет моральную ответственность наряду с политиками, секьюритизирующими тот или иной вопрос повестки дня, когда анализирует какую-то проблему как проблему безопасности, т.е. исследователь участвует совместно с политиком в создании секьюритизированной политической реальности. Вместе с тем, с точки зрения Уэвера¹⁸, сторонники теории секьюритизации пытаются понять, как агенты секьюритизации (политические деятели) принимают решения относительно безопасности, тем самым ставя перед собой позитивистский вопрос об окружающей действительности, нормативные же подходы к безопасности задаются вопросом: что безопасность должна делать?

Следующий аспект критики касается применения теории к незападным кейсам. По мнению некоторых исследователей, корректное применение теории секьюритизации возможно только к европейским реалиям, так как сама

теория создавалась на основе подхода о речевых актах (*speech act*), тогда как в западном мире процесс секьюритизации может иметь другие, неречевые выражения, например физические действия, кроме того, представители Копенгагенской школы исходят из представления о том, что европейская концепция государства универсальна для Вестфальской модели мира (Бузан и Литтл использовали метафору «Вестфальской смирительной рубашки» для описания этого феномена). Пример «провала» теории секьюритизации в западном мире можно найти в статье Клэр Вилкинсон, где изучается кейс киргизской революции 2005 г.¹⁹

С точки зрения теории секьюритизации агент секьюритизации (например, правительство) секьюритизирует какой-то вопрос, представив его как угрозу выживанию референтного объекта (например, государства). Однако, помимо государства, референтным объектом безопасности может стать и общество, тогда мы имеем дело с концепцией социетальной безопасности (безопасности общества). Угроза безопасности общества возникает тогда, когда это общество рискует утратить коллективную идентичность. При этом в Европе такие общества объединены в государства-нации, но также это могут быть народы, этнические группы, племена, региональные кланы. Однако, с точки зрения Бузана, Уэвера и де Вильде, общества обладают высокой степенью преемственности процессов и инфраструктурой норм, ценностей и институтов, что, по мнению Вилкинсон, не всегда характерно для западных стран.

Вместе с тем есть авторы, которые считают, что теория секьюритизации может быть успешно применена к западным обществам без существенной модификации²⁰.

Еще один аспект критики теории секьюритизации касается ее концентрации на речевых актах, что может быть характерно для демократических стран, где свобода слова имеет значение, тогда как в недемократических странах не все группы населения могут прямо высказать свои опасения в сфере собственной безопасности, например из-за цензуры или угрозы тюремного заключения, или просто недостаточно развитой инфраструктуры (отсутствия доступа к СМИ) или бедности населения. Тогда альтернативой высказыванию могут стать действия, например миграция или протестные акции. В этой связи Вилкинсон предлагает при изучении западных кейсов обращать внимание на конкретные формы, в которых происходит секьюритизация, а также на то, как возникают и создаются агенты секьюритизации (кто секьюритизирует) и референтные объекты (для кого есть угроза выживанию).

Другая попытка решить проблему ограниченности подхода, связанного с речевыми актами, — это предложение дополнить лингвистический анализ драматургическим анализом: кому можно говорить, что можно озвучивать и что может быть услышано²¹.

Похожая критика теории секьюритизации в связи с ее ориентацией на речевые акты констатирует, что в современном мире важную роль в современной политической коммуникации играют телевизионные картинки и просто ви-

део²². Кроме того, секьюритизироваться могут и изображения, как, например, произошло в случае скандала из-за карикатур на пророка Мухаммеда в 2005 г. в Дании²³. Как отмечает Лене Хансен, вклад в анализ изображений в различных теориях международных отношений внесли лингвистический поворот, постструктурализм, феминизм и постколониализм, на современном этапе добавились исследования культуры, в том числе визуальной, история искусств и исследования кинематографа. Один из наиболее известных примеров влияния изображений на сферу безопасности — так называемый эффект Си-эн-эн. Другие примеры влияния — прямой эфир террористической атаки на башни-близнецы в 2001 г., а также визуальные свидетельства относительно злоупотреблений в американской тюрьме Абу-Грейб. Вместе с тем очевидно, что сами по себе картинки не могут приводить к какому-то политическому результату, т.е. необходимо анализировать создаваемый по поводу изображений секьюритизированный дискурс. Лене Хансен считает, что в рамках анализа секьюритизации изображений необходимо обращать внимание на такой аспект, как «интервизуальность» (по аналогии с «интертекстуальностью»²⁴), т.е. взаимодействие различных изображений и их трактовок в различных дискурсах. Для прикладного анализа Лене Хансен предлагает исследовать следующие компоненты: 1) само изображение (видео/картинка); 2) интертекст изображения (описание значения изображения в заголовке видео, комментариях, подписях к изображению, ссылки на другие изображения/тексты и т.п.); 3) широкий политический дискурс; 4) тексты, приписывающие изображению какое-то значение.

Еще одно дополнение к теории секьюритизации: речевые акты всегда производятся в каком-то контексте, в том числе в разных системах ценностей, и для конкретной аудитории с использованием понятных для нее «контекстуальных зацепок», поэтому учет данного контекста добавит важное измерение к изучению процесса секьюритизации²⁵. Кроме того, в теории секьюритизации рассматриваются только факторы, которые способствуют данному процессу, но не анализируются факторы, которые препятствуют секьюритизации или осложняют ее. Наконец, еще одно замечание касается того, что теория не изучает степень секьюритизированности тех или иных проблем. В теории секьюритизации есть следующий спектр: неполитизированный вопрос, политизированный, секьюритизированный и десекуритизированный. Однако же нет практических способов определить, насколько сильно тот или иной вопрос был секьюритизирован²⁶.

Один из ключевых вопросов для последователей теории секьюритизации: может ли она использоваться в рамках нормативного анализа? Обычно исследователи процесса секьюритизации обращают внимание на моральные аспекты десекуритизации (которая по определению считается моральной), но не самой секьюритизации. Чтобы восполнить этот пробел, предлагается добавить следующие критерии, которые бы делали секьюритизацию морально оправданной при одновременном соблюдении всех трех условий: 1) действительно должна присутствовать угроза существованию референтного объекта; 2) рефе-

рентный объект является легитимным с моральной точки зрения (т.е. действия этого объекта направлены на удовлетворение нужд людей и их благосостояние); 3) принятые меры безопасности действительно соответствуют существующей угрозе (т.е. (а) ответная реакция соотнесена с возможностями агрессора; (б) секьюритизирующий актор должен быть искренен в своих намерениях)²⁷.

В России из идей Копенгагенской школы в основном используются идеи о необходимости расширить список анализируемых секторов безопасности; концепция общественной (социетальной) безопасности в контексте изучения миграций, а также теория региональных комплексов безопасности. Недостаточно используется инструментарий, разработанный для анализа актов секьюритизации. Перспективным представляется именно эмпирическое изучение опыта секьюритизации в России и Евразийском регионе для выявления незападной практики секьюритизации.

Примечания

¹ Концепция секьюритизации и десекуритизации сформулирована в таких работах, как: *Wæver O.* Securitization and Desecuritization // Ronnie D. Lipschutz (ed.). *On Security*. N.Y.: Columbia University Press, 1995. P. 46–86; *Buzan B., Wæver O., and de Wilde J.* *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998.

² Копенгагенскую школу часто критикуют за невнимание к гендерным вопросам, см., напр.: *Hansen L.* The Little Mermaid's Silent Security Dilemma and the Absence of Gender in the Copenhagen School // *Millenium: Journal of International Studies*. 2000. No 29 (2). P. 285–306.

³ *Buzan B.* *People, States & Fear: The National Security Problem in International Relations*, 1983.

⁴ *Wæver O.* Securitization and Desecuritization // *On Security* / Ed. by R. Lipschutz. N.Y.: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.

⁵ *Buzan B., Wæver O., and de Wilde J.* *Security: A New Framework for Analysis*. Lynne Rienner Publishers, 1998.

⁶ Концепция секьюритизации подвергается критике за отсутствие учета моральных и этических целей, нормативного аспекта. Подробнее об этом аспекте см.: *Taureck R.* Securitization theory and securitization studies // *Journal of International Relations and Development*. 2006. No 9. P. 53–61.

⁷ *Balsacq Th., Guzzini S.* Introduction: “What kind of theory — if any — is securitization?” // *International Relations*. 2015. Vol. 29. Issue 1. P. 97–102.

⁸ *Identity, Migration, and the New Security Agenda in Europe* / Ole Wæver... [et al.]. L.: Pinter, 1993.

⁹ *Knudsen O. F.* Post-Copenhagen Security Studies: Desecuritizing Securitization // *Security Dialogue*. 2001. Vol. 32 (3). P. 355–368.

¹⁰ *Guzzini S.* Securitization as a causal mechanism // *Security Dialogue*. 2011. Vol. 42. Issue 4–5. P. 329–341.

¹¹ *Knudsen O. F.* Post-Copenhagen Security Studies: Desecuritizing Securitization // *Security Dialogue*. 2001. Vol. 32 (3). P. 355–368.

¹² *Mathias A., Buzan B.* Securitization, sectors and functional differentiation // *Security Dialogue*. 2011. No 42 (4–5). P. 413–425.

¹³ *Buzan B., Weaver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. N.Y.: Cambridge University Press, 2003. P. 44.

¹⁴ *Guzzini S.* Securitization as a causal mechanism // *Security Dialogue*. 2011. No 42 (4–5). P. 329–341.

¹⁵ Такое объединительное название используется Ритой Таурек в ее статье: *Tau-reck R.* Securitisation Theory and Securitisation Studies // *Journal of International Relations and Development*. 2006. No 9. P. 53–61.

¹⁶ *Aradau C.* Security and the Democratic Scene: Desecuritization and Emancipation // *Journal of International Relations and Development*. 2004. No 7 (4). P. 388–413.

¹⁷ Dynamics of Inclusion and Exclusion. L.: Pinter. P. 53–72; *Huysmans J.* Language and the Mobilization of Security Expectations: The Normative Dilemma of Speaking and Writing-Security // Paper presented at the ECPR Joint Sessions, Mannheim. 1999. March 26–31.

¹⁸ В разных публикациях на русском языке встречаются разные написания имени датского ученого (Weaver): Уивер, Вевер, Вейвер, однако если следовать произношению на датском языке, то следует писать имя ученого как «Уэвер».

¹⁹ *Wilkinson C.* The Copenhagen School on Tour in Kyrgyzstan: Is Securitization Theory Useable Outside Europe? // *Security Dialogue*. 2007. March. Vol. 38. No 1. P. 5–25.

²⁰ *Vuori J. A.* Illocutionary Logic and Strands of Securitization: Applying the Theory of Securitization to the Study of Non-Democratic Political Orders // *EJIR*. 2008. Vol. 14 (1). P. 65–99.

²¹ *Salter M. B.* Securitization and Desecuritization: A Dramaturgical Analysis of the Canadian Air Transport Security Authority // *Journal of International Relations and Development*. 2008. No 11. P. 321–349.

²² *Williams M. C.* Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics // *International Studies Quarterly*. 2003. No 47. P. 511–531.

²³ *Hansen L.* Theorizing the Image for Security Studies: Visual Securitization and the Muhammad Cartoon Crisis // *European Journal of International Relations*. 2011. No 17 (1). P. 51–74.

²⁴ Теория интертекстуальности предложена Юлией Кристевой: *Kristeva J.* *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. N.Y.: Columbia University Press, 1980.

²⁵ *Balzacq Th.* The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context // *EJIR*. 2005. Vol. 11 (2). P. 171–201; *Bourbeau Ph.* *The Securitization of Migration: A Study of Movement and Order*. L.: Routledge, 2011.

²⁶ *Bourbeau Ph.* *The Securitization of Migration: A Study of Movement and Order*. L.: Routledge, 2011.

²⁷ *Floyd R.* Can securitization theory be used in normative analysis? Towards a just securitization theory // *Security Dialogue*. 2011. No 42 (4–5). P. 427–439.

Литература

Aradau Cl. Security and the Democratic Scene: Desecuritization and Emancipation // *Journal of International Relations and Development*. 2004. No 7 (4). P. 388–413.

Balsacq Th., Guzzini S. Introduction: “What kind of theory — if any — is securitization?” // *International Relations*. 2015. Vol. 29. Issue 1. P. 97–102.

Balzacq Th. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context // *EJIR*. 2005. Vol. 11 (2). P. 171–201.

Buzan B. *People, States & Fear: The National Security Problem in International Relations*, 1983.

Buzan B. Rethinking Security after the Cold War // *Cooperation and Conflict*. 1997. Vol. 32. Issue 1. P. 5–28.

Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. N.Y.: Cambridge University Press, 2003.

Buzan B., Wæver O., and de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Lynne Rienner Publishers, 1998.

Floyd R. Can securitization theory be used in normative analysis? Towards a just securitization theory // *Security Dialogue*. 2011. No 42 (4–5). P. 427–439.

Guzzini S. Securitization as a causal mechanism // *Security Dialogue*. 2011. Vol. 42. Issue 4–5. P. 329–341.

Hansen L. Theorizing the image for Security Studies: Visual securitization and the Muhammad Cartoon Crisis // *European Journal of International Relations*. 2011. No 17 (1). P. 51–74.

Identity, Migration, and the New Security Agenda in Europe / Ole Wæver... [et al.]. L.: Pinter, 1993.

Knudsen O. F. Post-Copenhagen Security Studies: Desecuritizing Securitization // *Security Dialogue*. 2001. Vol. 32 (3). P. 355–368.

Vuori J. A. Illocutionary Logic and Strands of Securitization: Applying the Theory of Securitization to the Study of Non-Democratic Political Orders // *EJIR*. 2008. Vol. 14 (1). P. 65–99.

Wæver O. Securitization and Desecuritization // Ronnie D. Lipschutz (ed.). *On Security*. N.Y.: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.

Wilkinson C. The Copenhagen School on Tour in Kyrgyzstan: Is Securitization Theory Useable Outside Europe? // *Security Dialogue*. 2007. March. Vol. 38. No 1. P. 5–25.

Williams M. C. Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics // *International Studies Quarterly*. 2003. No 47. P. 511–531.

33. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Ключевые слова

Информация, информационное общество, информационное пространство, информационная революция, электронные коммуникации, Интернет, киберугрозы, информационная безопасность

Появление современных информационно-коммуникационных технологий во второй половине XX в. повлекло за собой существенные трансформации во всех сферах жизни общества и государства — экономике, политике, социокультурной области. Развитие процессов информатизации повлекло за собой появление новых теоретических школ и направлений, омысливающих новую реальность.

Информация и информационное общество

Прежде всего, в теоретической концептуализации нуждалось само понятие информации. Одним из основателей теории информации является американский инженер и математик Клод Шеннон. Согласно его подходу, информация есть количество, измеряемое в «битах» и определяемое как вероятность частотности символов¹. Эта дефиниция возникла из потребности инженеров коммуникационных технологий, которые заинтересованы в измерении хранимых и передаваемых символов, основанных на системе двоичного исчисления. Таким образом, содержание информации в рамках подхода К. Шеннона не учитывалось, определение касалось лишь формы явления.

В СССР ученые также вели разработки в рамках теории информации, при этом в их исследованиях был сделан больший акцент на содержании передаваемой информации. В 1968 г. советский философ А. Урсул выдвинул концепцию, согласно которой информация является одним из ключевых параметров объективного мира, определяющим процессы в рамках сложных адаптивных систем (каковой является и международная система)². Академик К. Колин, развивая идеи А. Урсула, охарактеризовал информацию как свойство всех систем живой и неживой природы, причем за счет обмена информацией между элементами системы происходят все эволюционные процессы в природе и обществе³.

Норберт Винер (1894–1964) — американский философ и математик, основатель теории искусственного интеллекта и кибернетики.

Несмотря на то что многие заслуги знаменитого ученого связаны со сферой математики и кибернетики, следует отметить, что в процессе создания основ кибернетики Винер также неоднократно обращался к вопросам управления социальными системами.

Выводы ученого позволили в дальнейшем увидеть в новом свете отношения между человеком и компьютером. Так, в процессе сотрудничества с нейрофизиологами и специалистами по компьютерной технике ученый заключил, что нервная система человека схожа с вычислительной машиной, в результате чего впоследствии в сфере компьютерных технологий стали применяться слова, связанные с деятельностью человека (например, «память»). В результате проведенных исследований ученый пришел к выводу о природе информации и об аналогии между живыми организмами и сложными техническими системами: в процессе выполнения задач схема поведения живых организмов практически совпадает с процессом управления в сложных системах. Этот вывод ученого сыграл особую важную роль, так как разрешал давнее социально-философское противоречие, противопоставлявшее природу механических, биологических и социальных систем. Кроме того, по мысли ученого, в основе модели управления экономикой, а также социальными процессами можно найти общие положения управления системами, свойственные искусственным структурам, созданным людьми. Совместно с Клодом Элвудом Шенноном (американским математиком) Норберт Винер также создал основы современной теории информации.

В процессе работы над механизмом управления и передачей информации Н. Винер вместе с коллегами ввел такие понятия, как «черный ящик», обратная связь и гомеостазис.

Несмотря на серьезные открытия и создание новой науки, связанной с искусственным разумом (кибернетики), ученый всегда признавал превосходство человеческого разума над вычислительными машинами, которые могут служить лишь инструментом для выполнения определенных задач.

Основные работы:

- «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (1948)
- «Человеческое использование человеческих существ» (1950)
- «Я — математик» (1956)
- «Кибернетика и общество» (1958)
- «Нелинейные задачи в теории случайных процессов» (1958)
- «Творец и робот. Обсуждение некоторых проблем, в которых кибернетика сталкивается с религией» (1963)

Большое внимание содержанию информации и ее влиянию на общество придавали исследователи, работавшие в сфере, получившей название «кибернетика». Одним из первых авторитетных исследователей, заложивших основы кибернетики, стал Норберт Винер, профессор Массачусетского технологического института.

В книге «Кибернетика», опубликованной в 1948 г., Н. Винер осмысливает процессы информатизации и их влияние на общество. Основной тезис книги — подобие процессов управления и связи в машинах, живых организмах и обществах, будь то сообщества животных (муравейник) или человеческое общество. Процессы эти, прежде всего, есть процессы *передачи, хранения и переработки информации*, т.е. различных сигналов, сообщений, сведений. Любой сигнал, любую информацию, независимо от ее конкретного содержания и назначения, можно рассматривать как некоторый *выбор* между двумя или более значениями, наделенными известными вероятностями (селективная концепция информации), и это позволяет подойти ко всем процессам с единой меркой, с единым статистическим аппаратом. Отсюда мысль об общей теории связи и управления — кибернетике⁴.

Для отражения процессов информатизации и вызванных ею социальных трансформаций был предложен новый термин «информационное общество», сформировалось новое научное направление — теория информационного общества.

- В самом широком смысле **«информационное общество»** — это общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан.

Как правило, термины «постиндустриальное общество», «технотронное общество», «информационное общество», «сетевое общество», «общество, основанное на знаниях» используются как близкие, акцентирующие различные сущностные характеристики современного этапа развития. Современный этап развития информационного общества берет свое начало в 1990-е годы, когда пользовательские компьютеры и глобальная сеть Интернет начали приобретать широкую популярность. Эти процессы получили название «информационная революция». Как правило, современная информационная революция трактуется как связанная с развитием компьютерных и телекоммуникационных технологий, а также постоянной динамической интеграцией этих технологий в единую глобальную мультимедийную систему такими футурологами, как Элвин Тоффлер и Даниэл Белл.

- **Информационная революция** трактуется как технологическая трансформация, связанная с появлением новых способов передачи и хранения информации, повлекшая за собой революционные изменения во всех сферах жизни общества и государства⁵.

Элвин Тоффлер (1928–2016) — американский философ и социолог, создатель концепции постиндустриального общества.

Главная ценность работ Э. Тоффлера заключается в представленном анализе глубинных технологических изменений, которым ученый в основном и посвятил свою научную карьеру.

Его понимание революционного преобразующего влияния сферы производства знаний и переработки информации дало возможность на относительно раннем этапе выявить одну из важнейших тенденций развития нашей эпохи.

Интересно отметить, что Э. Тоффлер еще в 1960-х годах предвидел ведущую роль, которую сегодня играют информационные технологии.

Позднее, основываясь на своих прогнозах, он сделал вывод о качественно большей и все нарастающей скорости и масштабах современных технологических изменений по сравнению с прошлыми эпохами.

Основные работы:

«Шок от столкновения с будущим» (1970)

«Третья волна» (1980)

«Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века» (1990)

«Война и антивоина» (1995)

«Революционное богатство: как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь» (2006)

Изначально теория информационного общества при анализе политической сферы фокусировалась на проблемах внутренней политики, прежде всего на трансформации электорального процесса, а также на перспективах демократии в условиях развития информационно-коммуникационных технологий. Авторы, работающие в рамках данного подхода, например японский футуролог Йонеи Масуда, полагали, что доступность информационно-коммуникационных технологий позволит обеспечить всеобщие прямые выборы и создать идеальную партисипаторную демократию. Кроме того, значительное внимание уделялось роли информационно-коммуникационных технологий в процессах политической коммуникации. Позднее, по мере того, как информационно-коммуникационные технологии распространились по планете, международно-политические аспекты информационной революции начали получать все большее освещение в теории информационного общества. Исследователи обращали внимание на роль информационно-коммуникационных технологий в процессах глобализации, на усиление влияния негосударственных акторов мировой политики, на размывание государственного суверенитета. В этот пе-

риод в повестке дня также появилась проблема информационной безопасности, как на национальном, так и на международном уровнях.

В результате информационной глобализации в 2000-е годы в российской научной литературе получил распространение новый термин «информационное пространство», под которым понимается сфера деятельности, связанная с формированием, созданием, преобразованием, передачей, использованием, хранением информации, оказывающая воздействие на индивидуальное и общественное сознание, охватывающая информационную инфраструктуру и собственно информацию.

В западной литературе для обозначения нового качества глобального информационного общества часто используют термин «киберпространство». В науке о международных отношениях данный термин не обрел четкой формулировки. Р. Ридорн и Н. Чоукри на основании анализа академических и публицистических статей из сферы международных отношений заключили, что термин «киберпространство» тесно связан с такими понятиями, как Интернет, информационные технологии, коммуникационные технологии, глобальные сети, социальные медиа и базы данных⁶. Таким образом, в рамках современных российских исследований акцент делается не только на технологии передачи информации, но и на содержании сообщений, в то время как западные авторы предпочитают акцентировать именно технологическое измерение глобальной информатизации на современном этапе.

Однако в последние несколько лет характеристики информационного общества и, как следствие, исследовательская повестка дня теории информационного общества вновь претерпели существенные изменения. В начале XXI в., в условиях широкого распространения социальных сетей, блогов и иных видов новых медиа в онлайн-пространстве, в фокусе внимания исследователей оказалась роль информационно-коммуникационных технологий в организации и освещении публичной и массовой политической активности, их влияние на динамику международных и внутригосударственных конфликтов. Здесь особое влияние оказали события «Арабской весны», получившие в прессе название «Твиттер-революция». Целый ряд хакерских атак, использование информационных технологий в военно-политических целях, а также активизация террористической деятельности и преступности с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) актуализировали исследование проблематики международной информационной безопасности. Таким образом, в начале XXI в. проблематика информационной безопасности актуализируется как в рамках международно-политической повестки дня, так и в рамках академических исследований теории информационного общества. При этом особое значение как в академических трудах, так и в международно-политической практике приобретают характеристики информации, обращающейся в глобальном информационном пространстве. В этих условиях все большее распространение получает исследовательский подход, который исходит из

значимости не только технологических, но и содержательных характеристик информации и предполагает обеспечение безопасности не только в контексте технологических характеристик информационных сетей и систем, но и с точки зрения содержания информации, передаваемой по сетям (контента).

Теория информационного общества как методология анализа политических процессов

Одним из первых авторов, использовавших термин «информационное общество», и одним из основателей теории информационного общества является японский исследователь И. Масуда. Его работа «Построение информационного общества — национальная цель к 2000 г.», опубликованная в 1972 г., формулировала план действий по внедрению информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни в Японии в целях повышения экономического развития, демократизации политической системы, оптимизации общественных отношений. Работа носит во многом футурологический характер, и для нее характерна переоценка возможностей информационно-коммуникационных технологий. Вместе с тем данный труд стал одним из первых в рамках теории информационного общества и заложил основания данного научного направления, для которого в целом характерен технооптимизм (утопичные оценки роли и возможностей новых технологий).

На современном этапе в работах прикладного характера внимание сфокусировано на применении информационных технологий для повышения эффективности, снижения издержек и решения организационных проблем в рамках отдельных политических процессов, например в ходе организации и проведения выборов. Кроме того, исследователи предлагают методологию использования информационных технологий для повышения эффективности государственного управления. В дипломатической сфере сформировалась концепция цифровой дипломатии, которая предполагает использование современных информационных технологий, в том числе блогов и социальных сетей, в дипломатической практике.

Однако наиболее значимыми работами в рамках теории информационного общества стали труды, для которых характерна теоретическая, а не прикладная направленность. В 1990-е годы была популярна теория А. Тоффлера о «третьей волне», согласно которой развитие информационно-коммуникационных технологий является технологическим сдвигом, следующим после индустриальной революции, который может кардинально изменить технологический, экономический, политический и социальный уклад глобального общества⁷. Социологи Д. Белл и А. Турэн обращали внимание на формирование постиндустриального общества, полагая, что потоки информации трансформировали индустриальное

общество⁸. Авторитетный социолог, представитель критической школы М. Постер связывает современные медиаструктуры с базовыми характеристиками общества постмодерна⁹. По мнению исследователя СМИ Г. Шиллера, придерживающегося неомарксистских взглядов, в информационном обществе ключевое значение имеют капиталистические отношения, информация становится товаром, а крупные транснациональные корпорации получают возможности эксплуатации слаборазвитых в экономическом плане государств.

Авторитетный американский социолог М. Кастельс понимает под информационным обществом социальную структуру, построенную по сетевому признаку, где ключевое значение имеет принадлежность к тому или иному сектору сети, например сети крупных транснациональных компаний или СМИ. Глобальная информационная сеть сформировала новую организационную структуру информационных процессов и потоков, которые, в свою очередь, изменяют иные существующие социальные структуры, преобразуя их в сетевые. М. Кастельс полагает, что на сегодняшний день сложилась определенная культура сетевого общества, которая обуславливает глобализацию экономики, информации и культуры. Он показывает, что сетевое общество включает в качестве акторов государства, но не ограничивается ими и представляет собой общность более высокого порядка. В заключение М. Кастельс утверждает, что власть государств над потоками информации менее значима, чем власть потоков информации¹⁰.

Теоретическое осмысление и систематизация различных концепций информационного общества представлены в работе Ф. Уэбстера «Теории информационного общества»¹¹. Ф. Уэбстер выделяет несколько критериев в определении информационного общества: экономический критерий, пространственный критерий, технологический критерий, культурный критерий и критерий, связанный со средствами производства. Ф. Уэбстер систематизирует существующие подходы к оценке трансформационных возможностей информационных технологий, оптимальной сферы их применения и влияния на общество и политику. Классификация Ф. Уэбстера, однако, может быть дополнена еще одним критерием, а именно критерием влияния информационных факторов на международную политику. Как уже было отмечено ранее, данный подход актуализировался в современный период в связи с информационной глобализацией и появлением новой группы задач в международной повестке дня, а именно задач обеспечения международной информационной безопасности.

В рамках данного подхода одним из влиятельных авторов является американский ученый-международник, автор концепции «мягкой силы» Дж. Най. Он полагает, что информационные технологии в особенности значимы для реализации внешней политики государств. Данный автор выделяет следующие характеристики информационного пространства, значимые для мировой политики: «низкая стоимость, анонимность, асимметрия в уязвимости, что позволяет относительно слабым акторам иметь больше возможностей применять жесткую и мягкую силу в киберпространстве, чем в иных традиционных областях мировой политики»¹².

Мануэль Кастельс:

«Если первая индустриальная революция была британской, то первая информационно-технологическая революция — американской с калифорнийским уклоном. В обоих случаях ученые и промышленники из других стран играли важную роль как в открытии, так и в распространении новых технологий. В индустриальной революции ключевые источники талантов и практических приложений располагались во Франции и Германии. В основе новых технологий в электронике и биологии находились научные открытия, сделанные в Англии, Франции, Германии и Италии. Изобретательность японских компаний сыграла критически важную роль в усовершенствовании производственных процессов в электронной промышленности и в проникновении информационных технологий в повседневную жизнь всего мира через вихрь новаторских продуктов — от видеомэгафонов и факсов до видеоигр и пейджеров. В самом деле, в 1980-х годах в производстве полупроводников на мировом рынке господствовали японские компании, хотя в 1990-х американские компании вернули себе конкурентное лидерство. Вся отрасль эволюционировала к взаимопроникновению, стратегическим альянсам и созданию сетей между фирмами разных стран. Это сделало несколько менее существенным различие в национальном происхождении. Однако американские новаторы, фирмы и институты не только стояли у колыбели революции в 1970-х, но и после продолжали играть ведущую роль в ее экспансии, и эта роль, вероятно, сохранится и в XXI в. Но, без всякого сомнения, мы наблюдаем растущее участие японских, китайских, корейских и индийских фирм, а также следует отметить значительный вклад европейских фирм в биотехнологию и телекоммуникации».

М. Кастельс. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000

Д. Най формулирует концепцию «киберсилы» — т.е. влияния в информационном пространстве, причем именно данное направление влияния, по его мнению, является ключевым для государства, претендующего на статус великой державы. Д. Най приходит к следующему выводу: «Согласно традиционным представлениям, доминирует государство с наибольшей армией, но в век информации может победить тот, кто способен представить себя в лучшем свете»¹³.

В российских исследованиях также делается акцент на проблеме информационной безопасности в мировой политике. Среди исследовательских центров, работающих на данном направлении, можно назвать Центр международной информационной безопасности МГИМО и Институт проблем информационной безопасности МГУ. Авторы, работающие в рамках данного направления, понимают международную информационную безопасность как преодоление «триады» угроз, связанных с информационной преступностью, информационный терроризм, военно-политическое противостояние между государствами в информационной сфере. После событий «Арабской весны» в российской исследовательской литературе и официальных документах отмечается наличие четвертой угрозы — использования ИКТ в целях дестабилизации общественной

безопасности. При этом для российских авторов характерен широкий подход к информационной безопасности на международном и национальном уровне, согласно которому данная проблематика включает в себя не только технологическую составляющую, но и политико-идеологическую (в другой формулировке — социогуманитарную), т.е. в регулировании нуждаются не только технические проблемы, но и содержимое информации, передаваемой по глобальным информационным сетям. США и страны Запада исходят из необходимости ограничиться лишь технической стороной информационной безопасности (для обозначения данного подхода используется термин «кибербезопасность»), желая сохранить свободу действий в сфере информационного влияния на международном уровне. Данные противоречия препятствуют развитию международного сотрудничества в сфере международной информационной безопасности.

Кроме авторов, работающих непосредственно в рамках теории информационного общества, значительное влияние на развитие данного научного направления оказали также исследования СМИ. Одной из ключевых фигур на данном направлении является канадский исследователь Маршал Маклюэн, автор книг «Галактика Гуттенберга: становление человека печатающего» (1962) и «Понимание медиа: внешние расширения человека» (1964), «Медиа — это сообщение: перечень последствий» (1967). Согласно его подходу средства коммуникации (к которым относятся речь, письмо, печать, телевидение, компьютерные системы, а также дороги, наука, религия) формируют социальную реальность. С возникновением компьютерной коммуникации возникает электронный мир, для которого характерна мгновенная передача информации и, как следствие, общность и единство человеческой цивилизации (мир как «глобальная деревня»).

Современные характеристики информационного общества: политические аспекты

На современном этапе ключевой инфраструктурой, с одной стороны, отражающей характеристики глобального информационного общества, и определяющей их, с другой, является глобальная сеть Интернет. Значимость Интернета в рамках глобального информационного пространства подтверждается масштабами его использования. За всю историю Интернет стал самым быстро растущим средством коммуникации. Количество пользователей Интернета неуклонно возрастает — если в начале 2008 г. насчитывалось 1,4 млрд пользователей, то в 2017 г. число пользователей достигло 3,7 млрд, т.е. более трети населения Земли¹⁴. В сети размещено несколько миллиардов сайтов и изображений, а объем передаваемых через Интернет данных удваивается ежеквартально. В России на 2016 г. Интернетом регулярно или нерегулярно пользовались 67% взрослого населения страны (старше 12 лет) — т.е. около 83 млн

человек¹⁵. Если телефону, чтобы охватить 30% рынка домашних хозяйств, потребовалось 38 лет, то Интернету — всего 7 лет. В целом с 2000 по 2016 г. количество пользователей Интернета в мире выросло на 936%¹⁶.

В результате развития Интернета формируется глобальное информационное пространство, постепенно приобретающее черты средства массовой информации (СМИ). Глобальное информационное пространство не исчерпывается сетью Интернет, в него входят как другие информационные сети, так и информация, и знания, создаваемые, хранимые, обрабатываемые и передаваемые посредством этих сетей. Однако именно Интернет представляет собой основную инфраструктуру информационного общества и характеристики, присущие Интернету, оказывают влияние на природу глобального информационного пространства.

Ниже перечислены последние тенденции развития глобальной сети, которые оказывают значимое влияние на характеристики глобального информационного общества в целом.

1. Основное количество вновь подключающихся пользователей проживает в странах Азии и Ближнего Востока. По экспертным оценкам, эти регионы сохраняют свой потенциал для интернет-технологий и в обозримом будущем. Как следствие, второй по распространенности язык в Интернете после английского — китайский¹⁷, и у него есть все шансы обойти английский, особенно после внедрения многоязычных доменных имен (многоязычные доменные имена — имена, представленные символами национальных алфавитов, а не только латинского алфавита). Россия также стремится занять достойное место в интернет-пространстве и упрочить позиции русского языка. В 2010 г. были внедрены домены на кириллице (с расширением «.рф»). Таким образом, динамика развития глобального информационного пространства отражает характеристики международной системы, для которой характерна тенденция к многополярности.

2. Идет формирование так называемой повсеместной сети, или *Web 3.0*. Большая часть подключений осуществляется не с помощью стационарных компьютеров (как это было предусмотрено создателями сети), а с помощью мобильных телефонов и иных типов устройств. Это повышает доступность Интернета и способствует сокращению «цифрового разрыва» (неравенства в доступе к информационно-коммуникационным технологиям, как между странами и регионами, так и внутри отдельных стран).

3. Широкое распространение получают блоги, социальные и межгрупповые сети, вследствие чего пользователи уже не являются пассивными получателями информации, а становятся ее активными создателями, зачастую создавая серьезную конкуренцию ведущим медиакомпаниям. В 2009 г. впервые число пользователей социальных сетей превысило число пользователей электронной почты. Подобная тенденция получила название *Web 2.0* и стала определять облик Интернета и глобального информационного пространства в целом. Термин *Web 2.0* был предложен Т. О'Рейли в 2003 г.¹⁸ О'Рейли выделил клю-

чевые направления переплетения Интернета и политики: Интернет становится ключевой платформой политического дискурса; использование Интернета в политических целях формирует коллективное самосознание пользователей сети; значимость данных превышает значимость программного обеспечения и технической инфраструктуры; происходит быстрая трансформация публичной политики в результате использования социальных медиа; ширится пространство политического контента с помощью различных приложений¹⁹.

4. Намети́лась тенденция к конвергенции телекоммуникаций или появления унифицированных коммуникаций. Постепенно происходит объединение Интернета и других телекоммуникационных технологий: радио, телевидения, телефона и др. на основе IP-сетей или сетей, основанных на пакетной передаче данных.

5. Широкое распространение получает так называемая «облачная» обработка данных. Все больше цифровых ресурсов отдельных пользователей и организаций хранится и обрабатывается на так называемых «серверных фермах», т.е. комплексах сверх-крупных хранилищ данных. Услуги «облачной» обработки данных предоставляют такие компании, как *Google*, *Microsoft*, *Apple*, *Amazon* и *Facebook*. Распространение такого рода технологий в условиях возрастающей зависимости общества от информации делает Интернет действительно трансграничным, но при этом обостряет политическое измерение контроля перемещения информационных потоков в Интернете.

6. К перспективным технологическим тенденциям развития Интернета относят также появление так называемых «больших данных». Как правило, под большими данными понимают массивы данных, размер которых превышает возможности оборудования по хранению, управлению и анализу. Сам термин получил распространение во второй половине 2000-х годов в связи с оцифровкой сверхбольших массивов информации, а также появлением значительных объемов цифровой персональной информации пользователей социальных сетей. Появление больших данных, а также программного обеспечения, позволяющего их анализировать, создало новые проблемы в сфере международной информационной безопасности. Как отмечают К. Н. Кукьер и В. Майер-Шенбергер, «если говорить об ускорении экономического роста, оказании услуг населению или о ведении войн, преимущества получают те, кто сможет поставить большие данные себе на службу»²⁰.

7. Наметилось формирование так называемого «Интернета вещей», под которым понимается подключение к Интернету различных физических устройств. Согласно определению, предложенному компанией *Cisco*, господство Интернета вещей — это момент времени, когда количество «вещей» или материальных объектов, подключенных к Интернету, превысит число людей, пользующихся Всемирной паутиной²¹. Согласно прогнозу консалтинговой компании «Международная корпорация данных», к 2020 г. к «Интернету вещей» будет подключено 212 млрд устройств, а объем этого рынка составит 8,9 трлн долл.²²

Информационную революцию и формирование глобального информационного пространства невозможно рассматривать вне более широкого контекста, а именно процессов развития мировой научно-технологической сферы. Существуют различные подходы к оценке современного этапа развития науки и технологий. Российский ученый академик РАН С. Ю. Глазьев полагает, что на современном этапе общество находится на этапе пятого технологического уклада, в рамках которого, благодаря появлению транзисторных технологий, широкое распространение получили пользовательские компьютеры, что сделало возможным доступ в Интернет, а также мобильные телефоны и связанные с ними сервисы и технологические возможности²³. Согласно данному подходу пятый технологический уклад достиг своего пика в 2010 г., и в настоящее время мир находится в точке разветвления между пятым и шестым технологическими укладами.

Западными исследователями современный этап научно-технологического развития принято описывать как *NBIC*, а именно конвергенцию четырех типов технологий: нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий²⁴. Нанотехнологии позволяют менять свойства неживой материи, биотехнологии позволяют контролировать свойства живой материи, когнитивные технологии используются для управления сознанием, информационные технологии — технологии передачи, хранения и обработки информации. Данные технологии дополняют друг друга и в своей совокупности представляют эффективный инструмент управления миром естественных и общественных отношений. В настоящее время популярность приобретает концептуализация современного этапа технологического развития, опирающегося на возможности «Интернета вещей» в терминах «промышленной революции 4.0». Данный подход пользуется особой популярностью в Германии. Автором концепции является К. Шваб, президент Всемирного экономического форума, который полагает, что повсеместное распространение устройств, подключенных к Интернету, влечет за собой трансформацию промышленного производства, основанную на интеграции виртуальных и реальных производительных сил, что в свою очередь коренным образом изменяет все сферы жизни общества и государства (как это произошло, в свое время, в ходе других промышленных революций после появления парового двигателя, конвейера и массового производства, компьютеров)²⁵.

Вместе с тем, несмотря на различия в подходах к оценке новых технологий и их влияния на общества, государства и международную политику, большинство авторов соглашается с тем, что современная информационная революция представляет собой феномен второй половины XX в., который можно рассматривать только как часть более масштабной научно-технической революции, включающей в себя, помимо развития информационных технологий, также развитие нано-, био- и когнитивных технологий. При этом информационные технологии являются основой для развития технологий других типов. Информационные технологии оказывают сегодня столь существенное влияние на развитие общества, что приобретают политические функции, как на уровне отдельных государств, так и на уровне международной системы в целом.

Информационные аспекты современной мировой политики

Интернет создает условия для усиления многих значимых тенденций и процессов современной мировой политики, в том числе глобализации, размывания государственных границ, усиления взаимозависимости, выхода негосударственных акторов на мировую арену. Интернет как глобальная сеть, не знающая границ, вступает в противоречие с основанной на примате государственных границ Вестфальской политической системой мира. Глобальная информационная сфера транснациональна, но в политической сфере мир разделен на суверенные государства. Многие государства стремятся усилить контроль над национальными сегментами сети в целях обеспечения безопасности, но в то же время хотели бы принять эффективное участие в общемировых информационных процессах. Подобную цель ставит перед собой и Россия.

Развитие информационно-коммуникационных технологий не решает проблему конфликтности, присущей международной системе. Появляются новые формы и измерения международных и внутригосударственных конфликтов, получившие название «информационной войны», «информационного противоборства» и др. Актуализируется также проблема «информационного терроризма» и «информационной преступности».

Одним из негативных последствий глобальной информатизации стало ее превращение в сферу межгосударственного противоборства, которое переходит в цифровую среду.

События «Арабской весны», получившие в СМИ название «*Twitter*-революций», актуализировали проблему информационной безопасности и способствовали стремлению государств укрепить свой суверенитет в глобальном информационном пространстве. Дополнительный импульс этим процессам придают учащающиеся кибератаки, например внедрение вируса *Stuxnet* на ядерные объекты Ирана в 2011 г., которые наглядно демонстрируют, что информационные войны и информационное оружие — это уже не абстрактные сценарии футурологов, но вполне реальная международная практика.

Исследователи, занимающиеся разработкой теории информационного общества, вносят существенный вклад в исследование современной глобализации. Теоретики глобализации обращали внимание на своеобразное «сжатие» времени и пространства в связи с развитием Интернета. Происходит постепенное становление глобального самосознания человеческого общества. Исследователи социального капитала признают появление новых форм социального взаимодействия благодаря появлению новых технологий онлайн-коммуникации, которые обладают возможностью создания управляемых персональных взаимодействий. Кроме того, политологи отмечают формирование альтернативных публичных сфер политики в связи с информационной революцией²⁶.

Т. Фридман в книге «Лексус и оливковое дерево», написанной в 1999 г., подчеркивал взаимосвязь между развитием Интернета и процессами глобализации²⁷. Позднее, в 2005 г., в книге «Плоский мир» он утверждал, что Интернет и другие информационные технологии делают всех нас «соседями», преодолевают препятствия, созданные географией, расстояниями и различием языков²⁸. По его мнению, все то, что сегодня понимается под глобализацией, а именно свободный обмен товарами, капиталами, рабочей силой, невзирая на расстояния и государственные границы, не было бы возможным без обмена информацией, знаниями, идеями.

При этом важно помнить, что Интернет не является независимым агентом изменений, определяющим ключевые характеристики современного общества и мировой политики. Интернет, как и любая другая технология, вписан в более широкий социальный, политический, экономический контекст и подвержен влиянию происходящих в обществе, в том числе и на международном уровне, процессов. Возрастающая в последние годы конфликтность в международной системе находит проявление и в росте напряженности в глобальном информационном пространстве.

Подводя итог рассмотрению потенциала теории информационного общества, следует отметить, что ключевым достижением данного подхода является исследование роли информационных технологий в политическом процессе, как на внутригосударственном, так и на международном уровне, выявление новых тенденций, характерных для сферы политического, проявившихся в условиях информационной революции. Прежде всего, среди новых тенденций во внутренней политике исследователи отмечают демократизацию, распространение сетевых форм организации, усиление экстрапарламентарной политической активности, а среди международных — глобализацию, усиление взаимозависимости и влияние негосударственных акторов, а также появление новых проблем международной и национальной безопасности, связанных с развитием информационно-коммуникационных технологий.

Критики данного направления обращают внимание на переоценку роли и влияния технологий на общественные процессы. Большая часть работ в рамках данного направления подспудно исходят из методологии технологического детерминизма, недооценивая влияние общественных, культурных институтов на направления развития и характеристики технологий.

Несмотря на обоснованность подобной критики, данное исследовательское направление пользуется популярностью в качестве методологии исследования политики, как внутренней, так и международной. В условиях повсеместного распространения и глубокого проникновения информаци-

онных технологий во все сферы жизни общества и государства (например, «Интернет вещей» и др.) данное направление с высокой степенью вероятности сохранит научную актуальность и практическую значимость.

При этом будущим исследователям информационного общества важно помнить, что утверждение Ганса Моргентау, согласно которому «международная политика, как и любая другая, есть борьба за власть» сохраняет свою актуальность и в информационном пространстве²⁹. Можно также согласиться с выводами Д. Ная, который подчеркивает, что «многие прогнозы нового информационного мира, как и модернисты до них, зачастую недооценивали, насколько новый мир зависит от традиционного мирового порядка, в котором власть основывается на региональных и глобальных институтах». Причем «классические вопросы политики — кто властвует, на каких основаниях и в чьих интересах, — так же применимы к информационному пространству, как и к географическому»³⁰.

Примечания

¹ Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Рипол Классик, 1963.

² Урсул А. Д. Природа информации: философский очерк. Политиздат, 1968. С. 288.

³ Колин К. К. Философия информации и фундаментальные проблемы современной информатики // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2010. № 1. С. 29–35.

⁴ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Наука, 1983.

⁵ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. 2-е изд., испр. и доп. М.: Academia, 2004; *Торфлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 1999.

⁶ *Reardon R., Choucri N.* The Role of Cyberspace in International Relations: A View of the Literature. 2012.

⁷ *Toffler A.* Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence in the 21st Century. N.Y.: Bantam Books, 1990. — 585 p. URL: <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG877>.

⁸ *Bell D.* The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973; *Touraine A.* The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. N.Y.: Random House, 1971.

⁹ *Poster M.* The Second Media Age. Blackwell, 1995.

¹⁰ *Castells M.* The Rise of Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996.

¹¹ *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2005. — 400 с.

¹² *Nye J. S.* The Future of Power // *Public Affairs*. 2011. P. 34.

¹³ *Nye J.* Cyber Power, Belfer Center for Science and International Affairs. 2010. P. 1.

¹⁴ Internet World Stats. Usage and population statistics. URL: www.internetworldstats.org.

¹⁵ Развитие интернета в регионах России. Весна 2016 // Исследование Яндекс. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://yandex.ru/company/researches/2016/ya_internet_regions_2016.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *O'Reilly T.* What Is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software // Oreilly.com 30.09.2005. URL: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html>.

¹⁹ Ibid.

²⁰ *Кукиер К., Майер-Шенбергер В.* Большие данные // Россия в глобальной политике. 2013. № 3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Bolshie-dannye--16038>.

²¹ *Эванс Д.* Интернет вещей: как изменится вся наша жизнь на очередном этапе развития Сети. Официальный сайт компании Cisco. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cisco.com/web/RU/news/releases/txt/2011/062711d.html>.

²² The Internet of Things Is Poised to Change Everything, Says IDC // Business Wire. 03.10.2013. URL: <http://www.businesswire.com/news/home/20131003005687/en/Internet-Poised-Change-IDC#.VdE-Vfmqqko>.

²³ *Глазьев С. Ю.* Уроки современной революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М.: Экономическая газета, 2011. С. 330.

²⁴ *Wolbring G.* Why NBIC? Why human performance enhancement? // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2008. No 1. P. 25–40.

²⁵ *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: ЭКСМО, 2017. — 208 с.

²⁶ См., напр.: *Castells M.* The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society, and Culture. John Wiley & Sons, 2011. — 594 p.; *Mye J.* The Future of Power in the 21st Century. N.Y.: Public Affairs Press, 2011. — 300 p.; и др.

²⁷ *Friedman T.* The Lexus and the Olive Tree. N.Y.: Farrar Straus & Giroux, 1999. — 394 p.

²⁸ *Friedman T.* The World is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2007. — 660 p.

²⁹ *Morgenthau H.* Politics Among Nations: The Struggle for Peace and Power. 1973.

³⁰ Цит. по: *Роговский Е. А.* США: информационное общество (экономика и политика). М.: Международные отношения, 2008. С. 291.

Литература

Астахова Л. В. Информационная безопасность: герменевтический подход. М.: РАН, 2010. — 185 с.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. 2-е изд., испр. и доп. М.: Academia, 2004. — 790 с.

Гуменский А. В. Политика в глобальном информационном пространстве // Современные глобальные проблемы / Отв. ред. В. Г. Барановский, А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2010. — 350 с.

Демидов О. Социальные сетевые сервисы в контексте международной и национальной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). С. 65–86.

Зиновьева Е. С. Международная информационная безопасность. М.: МГИМО (У) МИД России, 2013. — 200 с.

Зиновьева Е. С. Цифровая дипломатия. Международная безопасность и возможности для России // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). С. 213–229.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php.

Раздел III. МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Коллин К. К. Философия информации и фундаментальные проблемы современной информатики // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2010. № 1. С. 29–35.

Кукиер К., Майер-Шенбергер В. Большие данные // *Россия в глобальной политике*. 2013. № 3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Bolshie-dannye--16038>.

Терин В. П. Интернет — инструмент политического действия // *Вестник МГИМО*. 2013. № 4. С. 152–156.

Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2004. — 400 с.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: ЭКСМО, 2017. — 208 с.

Boyd D. Social network sites as networked publics: affordances, dynamics, and implications // *Networked Self: Identity, Community, and Culture on Social Network Sites* / Ed. by Zizi Papacharissi. 2010. — 328 p.

Friedman T. *The World is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2007. — 660 p.

Jenkins H., Ito M., Boyd D. *Participatory Culture in a Networked Era: A Conversation on Youth, Learning, Commerce, and Politics*. Polity Press, 2016. — 214 p.

Kleinwachter W. *Global Governance in the Information Age*. Center for Internet Research, University of Aarhus, 2001. — 41 p.

Toffler A. *Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence in the 21st Century*. N.Y.: Bantam Books, 1990. — 585 p.

Tsatsou P. *Internet Studies: Past, Present and Future Directions*. N.Y.: Routledge, 2016. — 286 p.

Документы

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом Президента № 646 от 05.12.2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html>.

2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утверждена указом Президента 09.05.2017 № 203. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>.

ГЛОССАРИЙ

Трактовки терминов и понятий, сформулированные авторами в главах данного учебника и связанные с контекстом соответствующих глав

Альтернатива (*alternative*) в переводе с английского означает вариант, выбор. Прилагательное — альтернативный (*alternative*) — нетрадиционный, отличный от основного (выбор, мнение, позиция, голос и т.д.). Во множественном числе альтернативами принято называть другие варианты явления или действия, не те, что приняты сегодня в науке и практике.

Альтернативизм — принцип мышления в философии; способ осознания мира и представлений о нем в психологии; метод исследования в политической науке; форма конструирования новой цивилизации, картины мира в социологии; новых идеологических конструкций, новых движений в политической практике.

Альтернативистика — отрасль исследования, охватывающая возможные пути перехода от существующей к альтернативной мировой цивилизации, способной преодолеть глобальные проблемы современности на основе устойчивого развития в смысле восстановления нарушенных геобалансов, демилитаризации, экологизации и гуманизации общества.

Альтернативный — 1) дающий возможность выбора, основанный на альтернативе; 2) не совпадающий с общепринятым, официальным, не похожий на доминирующий вариант. Примеры: «альтернативная медицина» — медицина, основанная на немедикаментозном лечении; «альтернативная служба» — гражданская служба, разрешенная законом вместо обязательной военной; «альтернативная энергетика» — производство энергии, минимизирующее вред окружающей среде, экологически «чистое».

Анархия — в международных отношениях состояние «войны всех против всех» или ситуация, когда ни одно государство надежно не защищено от внешней агрессии и единственным средством обеспечения безопасности становится баланс сил.

Архетип (от греч. *arche* — начало и *typos* — образ) — образец, прообраз, первичная форма. В гуманитарных науках под архетипами понимают инвариантные константы коллективного бессознательного и общественной психологии.

Баланс сил — соотношение способностей государств конвертировать свою силу в политические результаты и влияние.

Гегемонистская стабильность — способность доминирующей державы поддерживать некий набор управляющих параметров в международных отношениях и решать назревающие проблемы без тотальной или ограниченной войны между великими державами.

Гегемония — превосходство государства в рамках определенной системы по совокупности ресурсов, позволяющая реализовать свою линию поведения, не считаясь с интересами других.

Гендер — совокупность социальных и культурных норм и ролей мужчин и женщин, которые определяют их поведение, а также социальные отношения между ними. Иногда, противопоставляя гендер биологическому полу, его называют социальный пол. Для гендерной политологии ключевым является то, что гендерные отношения оказывают влияние на организацию, поддержание и корректировку отношений власти и подчинения в обществе.

Гендерная асимметрия — характеристика неравенства социально-политических позиций и статусов мужчин и женщин. В политической сфере гендерная асимметрия проявляется как неравномерное количество мужчин и женщин в сфере принятия политических решений, как разница институциональных возможностей, способствующих продвижению мужчин и женщин в политику, как неравная оценка значения итогов политической деятельности мужчин и женщин, основанная на традициях.

Гендерные стереотипы — сформировавшиеся в культуре схематизированные обобщенные представления (убеждения) о качествах мужчин и женщин, их социальных ролях и нормах поведения.

Глобализация — процесс универсализации, становления единых структур, связей и отношений в различных сферах жизни общества в мировом масштабе.

Державы ревизионистские — страны, выступающие за пересмотр управляющих параметров мирового порядка.

Державы статус-кво — страны, заинтересованные в сохранении существующего мирового порядка.

Дилемма безопасности — ситуация выбора государством и его политическими элитами между миром и войной с другим государством или государствами. Осуществляется в условиях неопределенности о намерениях противоположной стороны, а также неполной информации о военных потенциалах. Порождает парадокс безопасности, когда меры по наращиванию мощи, направленные на обеспечение безопасности, наоборот, приводят к ее подрыву и толкают государства к конфликту. Впервые понятие введено Джоном Хертсом в 1950-х годах, однако базируется на более глубокой реалистской традиции.

Дискурс — в широком понимании: смысловая значимость целостного комплекса человеческой деятельности, а также знаковая система, позволяющая подобные комплексы описывать и понимать. В зависимости от акцентируемого аспекта может пониматься 1) как *дискурс-продукт* (эпизоды человеческой деятельности (речи), развернутые во времени и значимые для вовлеченных в них людей); 2) как *дискурс-программа* (значимый для группы людей (языковой) код, т.е. система правил понимания и/или порождения эпизодов действительности); 3) как *дискурс-конвертор* (деятельность людей по созданию и пониманию эпизодов действительности на основе определенного кода).

Дискурс-анализ (анализ дискурса) — набор исследовательских подходов и аналитических приемов, используемых при изучении *дискурсов*. К разновидностям дискурс-анализа относятся дискурс-исторический подход (Р. Водак), социокогнитивный подход (Т. ван Дейк), социально-акторный подход (Т. ван Леувен), диалектико-реляционный подход (Н. Фэрклоу), диспозитивный анализ (З. Йегер), системно-функциональный анализ дискурса (М. А. К. Холлидей) и др. В широком значении к полю дискурс-анализа относятся также такие методы разбора текстов, как контент-анализ, когнитивное картирование, анализ метафор и др.

Евразийство — оригинальное социально-философское направление, рассматривающее Евразию не просто как географическое понятие, материк (Европа + Азия), а как особый, срединный мир, который объединяет Европу и Азию и вместе с тем отличается от них особыми геополитическими, этнокультурными, духовными и иными свойствами, предопределяющими исторический путь и миссию составляющих его народов.

«**Зависимость от пройденного пути**» (англ. *path dependence*) — историческая предопределенность социального результата, понимание развития как процесса, детерминированного социальной памятью, которая влияет на выбор пути развития с учетом предшествующей траектории, когда воспроизводится институциональная система прошлого с постепенным внесением в нее изменений.

Идентичности политика (политика идентичности, *identity politics*) — деятельность по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, практики целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества, поддержания чувства принадлежности к нему.

Идентичность — концепт, отражающий субъективную социальную репрезентацию индивида; определение собственной принадлежности индивида (или группового субъекта) к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, политическим, религиозным и другим группам.

Идентичность общероссийская — категория, фиксирующая социокультурную самобытность российской цивилизации, предельно широкий уровень культурного самоотождествления индивидов.

Идентичность политическая — комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации; предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом. Коллективные субъекты политики разного уровня формируют свою политическую идентичность на основании самосоотнесения с иными субъектами политики — носителями «иной» идентичности, и размежевания с ними.

Институты (лат. *institutum* — учреждение) — закрепление норм, обычаев, порядков в виде законов, стабильных, долгоживущих групп, организаций, учреждений, занимающихся выполнением конкретных общественных функций; специфические устойчивые формы организации общества и политической власти; политические органы и учреждения; агенты институциональных изменений.

Институционализация — упорядочение, формализация и стандартизация социальных связей и отношений, превращение их в устойчивый институт, правовое и организационное закрепление на основе хабиутализации, типизации, легитимизации.

Институционализм — разнородное направление в общественных науках, изучающее институты и процессы институционализации; отрицает принципы оптимизации и механического равновесия, методологический индивидуализм и восприятие человека как рационального оптимизатора, подчеркивает роль привычки как устоявшегося способа реакции на внешние события; акцентирует понимание функционирования как основанного на эволюции, причинном взаимодей-

ствии явлений (кумулятивная причинность); признает постоянным и правильным вмешательство государства в общественные процессы.

Институционализм нормативный — одна из основных разновидностей институционализма, обосновавшая способность политических институтов вырабатывать нормы и ценности, сквозь призму которых объясняются политические микро- и макропроцессы; это когерентная структура норм и ценностей, а не случайный их набор. Нормативный анализ должен вестись в сравнительно-институциональной перспективе: действующие институты нужно сравнивать не с воображаемыми конструкциями, а с альтернативами, осуществимыми на практике.

Институционализм рационального выбора (позитивная теория институтов) — одна из распространенных разновидностей институционализма, предполагающая, что индивиды — рациональные акторы, а институты — средства разрешения проблемы индивидуальной рациональности, политика — набор дилемм коллективного действия, а политические институты — инструмент для их решения, политическая жизнь — политический рынок, аналог обычного рынка, где политические деятели и избиратели озабочены не «общим благом», а ростом личного благосостояния; ориентируется на анализ влияний институтов, особенно тех, чьи интересы или предпочтения преобладают в публичной политике или общественных решениях, исследование отношения между институциональными контекстами и априорным рациональным поведением индивида.

Институциональная практика — множество конкретных взаимодействий, которые интерпретируются акторами как происходящие в одной и той же «типичной ситуации», когда акторы воспроизводят принятые и коллективно осмысленные правила.

Институциональная среда (институты в узком смысле слова) — экзогенная или заданная совокупность неформальных (обычай, традиции) и формальных (законы и нормативные акты) «правил игры», норм и санкций, образующих политические, социальные и юридические рамки взаимодействий между людьми.

Институциональное соглашение (или организация) — политическое образование, которое конституируется на основе договоров между отдельными индивидами, направленных на минимизацию транзакционных издержек, определяющую соотношение иерархических и рыночных типов координации, выживание организационных форм.

Институциональные изменения — непрерывный процесс количественно-качественных изменений и преобразований политических, правовых, социальных и экономических институтов.

Институциональный дизайн (институциональная организация) — набор, сочетание и внутреннее структурирование институтов политики в результате институционального строительства, в совокупности представляющих нечто целостное и единое, систему институтов, имеющую свойственную только ей конфигурацию или архитектуру.

Институциональный подход — изучение устойчивых форм и процессов организации и регулирования общественной жизни, предпосылок и причин их возникновения, устойчивости и изменения.

Институция (лат. *institutio* — наставление) — действующие формальные и неформальные правила, нормы, установления, предписания и требования, согла-

шения; структура взаимодействия; ограничительные рамки, организующие отношения между людьми и обеспечивающие социальный и политический порядок; механизмы и средства принуждения к выполнению норм в наиболее важных сферах жизни. Различают институты традиционные (аскриптивные и партикулярные) и современные; инструментальные, нормативно-ролевые, коммуникативные; реляционные, регулятивные, интегративные.

Клики (социол.) — неформальные сообщества, функционирующие за пределами и/или внутри институтов, преследующие собственные цели, независимо от связей с формальными институтами, а также интегрирующие частных лиц, независимо от занимаемых ими официальных постов, в круг «своих» людей, готовых ради «общего дела» пренебречь моральными и юридическими законами. Типы клик: вертикальные симбиотические (основа — патрон-клиентские отношения); вертикальные паразитические (семейные или дружеские связи); горизонтальные защитные и горизонтальные агрессивные (противостояние изменениям или использование их в интересах «своих»).

Конструктивизм — течение в современной философии науки, политической теории и теории международных отношений, возникшее в конце 1970-х — начале 1980-х годов, в соответствии с которым всякое познание — это построение субъектом интерпретации и модели мира, т.е. его конструирование, а не просто его отражение.

Конструктивистский институционализм — одна из новейших разновидностей институционализма, подчеркивающая, что функциональность или дисфункциональность институтов не predetermined, а зависит от непредсказуемой политической борьбы; поведение индивидов обуславливается не материалистически понимаемыми интересами, а нормативными ориентациями; представления людей об осуществимом, легитимном, возможном или желательном, сформированы как институциональной средой, так и бытующими парадигмами и мировоззрением.

Концепция сетевого общества (по Мануэлю Кастельсу) — описание новой социальной морфологии общества, при которой сетевая логика взаимосвязей модифицирует операции и результаты в процессах производства, власти и культуры на основе новых информационных технологий.

Международный институт — правила построения отношений международных субъектов и материальные формы воплощения этих выработанных правил; формы международных институтов — институты-организации, институты-интеграционные объединения, институты-нормы, институты-клубы, институты-практики, институты-диалоги.

Менталитет — глубинный пласт общественного сознания, совокупность механизмов психологических реакций и базовых представлений, характерных для социальных общностей.

Мировой порядок — совокупность правил и норм, определяющих характер взаимодействия между всеми участниками системы международных отношений.

Мощь (сила) — совокупный военно-политический и экономический потенциал страны, позволяющий ей обеспечивать свою безопасность и продвижение национальных интересов. Баланс сил — ключевая категория теории политического реализма.

Национальная (национально-государственная) идентичность — коллективная идентичность государственного сообщества, характеризует самосознание его граждан как членов такого сообщества. *Национальная идентичность* опирается на чувство личной причастности индивида и нации как значимому для самоидентификации сообществу с общими ориентирами идентичности. В обыденном сознании объектом самоидентификации может быть страна или иная очерченная реальной или воображаемой границей территория, с которой связывается судьба нации как политической и культурно-исторической общности.

Нация — понятие, употребляемое как в этнокультурном, так и в гражданско-политическом смысле. В первом случае — это высшая форма этнической общности, для которой характерны общий язык, экономический уклад, территория, культура, психический склад, самосознание. Во втором — политическое сообщество, объединенное гражданскими механизмами.

Норма (лат. *norma* — руководящее начало, правило, образец) — предписание, разрешение или запрещение действовать определенным образом в определенной ситуации; не основанное на опыте субъективно определенное требование. Включает: содержание — объект нормативной регуляции; характер (модальность) — обязывает, разрешает или запрещает действие; условия — при которых должно или не должно выполняться действие; субъект — лицо или группа лиц, которым норма адресована.

Ограниченная рациональность — рациональный выбор, изначально не предполагающий учета всех возможных вариантов действий вследствие несовершенства информации и/или ограниченных когнитивных способностей субъектов.

Политическая культура — это «особая конфигурация способов ориентации по отношению к политическим объектам», сложившаяся в той или иной стране или сообществе. Это классическое определение дано в работе 1963 г. американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура». Другие определения раскрывают разные аспекты подобных ориентаций и включают в себя ценности, установки, верования, поведенческие образцы и пр., оказывающие влияние на политику.

Политическая семиотика — наука о знаковых системах и текстах, используемых в процессе политического взаимодействия. Разделяется на три уровня: политическую семантику (изучает отношения знаков к объектам, на которые они указывают), политическую синтактику (изучает отношения между знаками) и политическую прагматику (изучает отношения между знаками и интерпретаторами).

Политическая сеть представляет собой систему государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя формальные и неформальные нормы.

Политическая элита — сообщество лиц, обладающих политической властью. Три основных подхода к процедуре выделения политической элиты в общей структуре элит: 1) позиционный метод предполагает отнесение того или иного лица к элите на основании занимаемой им позиции во властной иерархии; в соот-

ветствии с этим подходом в состав национальной элиты по определению входят члены высшего эшелона трех ветвей власти; 2) репутационный подход базируется на использовании метода экспертных оценок; 3) десизионный критерий (от англ. *decision* — решение) основан на анализе того, кем принимаются стратегические решения.

Политический порядок — соотношение институционально-организационных форм политического процесса и норм политического поведения граждан, при котором сохраняется минимально необходимая стабильность режима правления; проявляется в легитимности, эффективности деятельности властных структур, в постоянстве норм и ценностей политической культуры, типов поведения, устойчивости политических отношений.

Правило — норма, обеспеченная санкцией, устанавливает, кто имеет право принимать решения в разных областях, какие действия разрешены или ограничены, каким процедурам необходимо следовать, какая информация должна предоставляться, а какая нет, какой выигрыш или наказание получают индивиды в результате своих действий.

Процедурная рациональность — зависимость результата от избранной процедуры принятия решения.

Рационализм — определяющая характеристика либеральной теории международных отношений. Постулирует иррациональный характер войн и конфликтов, возможность их предотвращения посредством создания рациональной системы управления международными отношениями, наподобие правовой системы внутри государства. Исходит из возможности человеческого разума обуздать анархичную природу международных отношений. Рационализм подвергается критике со стороны реализма. По мнению реалистов, международные отношения слишком сложны. Их регулирования «рациональными» нормами обречены на провал. Лидеры государств должны опираться на здравый смысл и политическое чутье, в противовес абстрактным «рациональным» схемам.

Реализм политический — концепция истолкования международных отношений, которая опирается на консервативные теории, а ее основной постулат состоит в признании невозможности построить рациональную систему международных отношений, которая положила бы конец войнам и конфликтам. Реализм базируется на допущении о порочности природы человека и социальных групп, в силу которой конфликты неизбежны. Единственный способ избежать конфликта и обеспечить безопасность состоит в наличии достаточного военного потенциала для сдерживания потенциального агрессора. В основе «правильной» внешней политики, по мнению реалистов, лежит здравый смысл, готовность к «худшему сценарию», свобода от идеологий, готовность к дипломатическому торгу и компромиссам.

Революции в военном деле — прорывы в области организации вооруженных сил, количества и качества вооружений, военных технологий, а также экономики государства и организации общества. Лидеры революции в военном деле, как правило, добиваются превосходства в силовой конкуренции, а также имеют преимущество в военном сдерживании оппонентов.

Ресурс — потенциальные возможности, которые могут усилить потенциал политического актора.

- Рефлексивизм** — теоретическое направление включающее группу теоретических подходов; в широком смысле — реакция на недостатки западного рационализма как продукта Просвещения в сфере познания; в узком смысле — противоположность позитивизму, а также теории рационального выбора.
- Санкция** (от лат. *sanctio* — строжайшее постановление) — мера воздействия; различаются негативная санкция против отступлений от норм и позитивная санкция, стимулирующая следование нормам.
- Сетевое политическое управление** — устойчивая сложная система взаимодействий всех заинтересованных сторон в определенной отрасли политики или сформированная для решения определенной политической проблемы, координирующая свою деятельность в рамках политических институтов на основе доверия, взаимной зависимости, обмена ресурсами и легитимности властных действий.
- Сетевой подход** — междисциплинарное исследование взаимозависимости в сложных системах на основе использования понятия «сеть».
- Символический интеракционизм** — направление в социологии и психологии, исследующее «символические коммуникации» (язык, движение, жесты, культурные символы и т.д.) как один из аспектов социального, опирающееся на символические смыслы, формируемые людьми в процессе социального взаимодействия и общения.
- Соуправление** (*co-governance*) — модель управления посредством организации общих переговоров между государственными и негосударственными структурами по осуществлению взаимного интереса совместными усилиями для принятия политического решения, удовлетворяющего все стороны соглашения.
- Социальная конструкция (конструкт)** — социальный механизм или феномен, созданный субъектом, благодаря участию в коллективных действиях и знаковых систем, которые одновременно передаются, воспроизводятся и преобразуются в ходе социальных взаимодействий; восприятие индивидом или группой идеи, «сконструированной» благодаря культурной или социальной практике.
- Стабильность** — состояние, при котором система способна продолжать свое существование, не разрушаясь.
- Суверенитет** — право и способность государства осуществлять верховную политическую власть в пределах определенной территории.
- Теория рационального выбора** — объяснение рационального поведения, при котором свободный индивид стремится к максимальной реализации своих интересов и эффективно действует во имя достижения собственных целей; исходит из того, что общество вторично по отношению к индивидам, которые создают отношения и институты и всегда стараются максимизировать собственный результат с позиций эгоиста, даже если внешне ведут себя как альтруисты.
- Тотальная война** — война, ведущаяся с целью уничтожения противника как политического субъекта.
- Трансакция** — отчуждение и присвоение прав собственности и благ, созданных обществом; подразделяются на рыночные (добровольный обмен правами собственности на блага между одинаковыми по правовому статусу контрагентами), управленческие (на основе отношений управления — подчинения, правового преимущества контрагента, имеющего право принятия решения), рационализирующие (при асимметрии правового статуса контрагентов, наличии стороны

с исключительными полномочиями принятия решений, коллективного органа (чаще всего государства), имеющего функцию регулирования прав собственности).

Управляющие параметры — базовые нормы и условия, которые лежат в основе данного политического порядка (например, принцип гегемонизма или баланса сил).

Феминизм — теория равенства полов, лежащая в основе движения женщин за равноправие. Феминизм также нередко интерпретируется как сами действия в защиту прав женщин, основанные на представлениях о социальном и правовом равенстве полов.

Формальный — официальный, законный; произведенный в принятом, законном порядке, выполняющийся ради соблюдения принятых правил, по традиции.

Цивилизационная специфика — результат синтеза между исторически сложившейся формой цивилизации и ее способностью обеспечивать свою выживаемость в усложняющемся мире.

Цивилизация — предельно широкая, устойчивая социокультурная общность, существующая в определенных пространственно-временных координатах. Становлению, формированию конкретной формы цивилизации соответствует этап, на котором продуцируются определенные ценности, отличные от произведенных другими социально-культурными общностями, становящиеся трансисторическим наследием и поэтому представляющие вклад в развитие всего человечества.

Сведения об авторах

Алексеева Татьяна Александровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России. Заслуженный деятель науки РФ. Член Российской ассоциации международных исследований (РАМИ). Действительный член Академии политической науки, член Академии военных наук. Член редколлегии журналов «Полис», «Полития», «Международные процессы», «Сравнительная политика»; учредитель журнала «Знание — сила». Председатель методической комиссии Олимпиады МГИМО МИД России для школьников. Член Академического совета Школы бизнеса и международных компетенций МГИМО-Университета МИД России. Член Консультативного совета РАПН. Лауреат премии Правительства РФ (2015).

Байков Андрей Анатольевич, кандидат политических наук, проректор МГИМО МИД России по магистерским и международным программам, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Международные процессы».

Барановский Владимир Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, академик РАН. Член дирекции, научный руководитель Центра ситуационного анализа Национального исследовательского Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е. М. Примакова РАН. Профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России. Член Научного совета Российского совета по международным делам (РСМД); член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП); член Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН; член консультативного совета Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы; сопредседатель Экспертной комиссии РАН по присуждению премии имени Е. В. Тарле. Член Международного института стратегических исследований (Великобритания). Член Российской ассоциации международных исследований, редколлегий журналов «Мировая экономика и международные отношения», «Современная Европа», редакционного совета журналов «Мировая экономика и международные отношения»; «Современная Европа»; «Международные процессы»; *The International Spectator* (Италия). Председатель Консультативного совета РАПН.

Баталов Эдуард Яковлевич, доктор политических наук, профессор кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России. Член редакционного совета журнала «США и Канада: экономика, политика, культура».

Богатуров Алексей Демосфенович, доктор политических наук, профессор, президент Научно-образовательного форума по международным делам. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Председатель редакцион-

ной коллегии журнала «Международные процессы». Был приглашенным профессором Колумбийского и Принстонского университетов, Института Брукинга. Член Консультативного совета РАПН.

Водолазов Григорий Григорьевич, доктор философских наук, профессор кафедры политической теории МГИМО МИД России.

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, *PhD* (Манчестерский университет), профессор. Руководитель Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России. Директор программы *German Studies Russia* (МГИМО-Свободный университет Берлина). Главный редактор журнала «Сравнительная политика». Научный сотрудник Центра исследований России и Центральной Азии Шаньдунского университета (КНР), почетный научный сотрудник Центра афро-азиатских исследований Рэдингского университета (Великобритания), член Центрального правления Общества российско-китайской дружбы, Ассоциации Института продвинутых исследований в области гуманитарных и общественных наук нидерландской Королевской академии наук. Член Консультативного совета РАПН.

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, профессор-исследователь НИУ ВШЭ. Руководитель Центра ответственности при Министерстве образования и науки РФ по вопросам формирования контрольных цифр приема в вузы по специальностям политология, международные отношения, регионоведение России, зарубежное регионоведение, востоковедение и африканистика. Председатель Федерального учебно-методического объединения по политическим наукам и регионоведению. Председатель Экспертного совета Российского гуманитарного научного фонда (РФФИ) по политологии, философии, социологии, правоведению, науковедению; член Совета по грантам президента РФ для ведущих научных школ и молодых ученых. Председатель Международного консультативного совета журнала «Полис»; заместитель главного редактора журнала «Сравнительная политика»; член редколлегии журналов «Власть», «Ислам в современном мире», «Право и управление. XXI век» и «Ценности и смыслы». Член Президиума Академии политической науки. Президент Российской ассоциации политической науки. Член Общественной палаты РФ, зам. председателя Общественного совета при Министерстве образования и науки РФ.

Дынкин Александр Александрович, доктор экономических наук, профессор, академик РАН. Президент Национального исследовательского Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е. М. Примакова РАН. Академик-секретарь отделения глобальных проблем и международных отношений РАН. Член Президиума Совета при Президенте РФ по науке и образованию. Член Президиума РАН. Член Комиссии при Президенте РФ по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности. Член Экономического совета

при Президенте РФ. Председатель Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Член Научного совета при Министре иностранных дел РФ. Председатель Научного совета Российского совета по международным делам (РСМД). Член редколлегии журнала «Мировая экономика и международные отношения».

Зиновьева Елена Сергеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. Учредитель и председатель ежегодного Международного научно-экспертного форума «Примаковские чтения».

Ильин Михаил Васильевич, доктор политических наук, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, профессор МГИМО МИД России, почетный президент Российской ассоциации политической науки, лауреат медали РАПН имени Г. Х. Шахназарова.

Кокошин Андрей Афанасьевич, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, декан факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова. Директор Института проблем международной безопасности РАН, академик РАЕН. В 1992–1996 гг. — первый заместитель министра обороны РФ. В 1997–1998 гг. — секретарь Совета обороны РФ, позже секретарь Совета безопасности РФ. В 1999–2011 гг. — депутат Государственной думы РФ. В 2009–2017 гг. — академик-секретарь Отделения общественных наук Российской академии наук, член Президиума РАН. Член правления Фонда поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова. Заместитель председателя Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития. Председатель Совета по научной и технической политике при Министерстве обороны РФ. Заместитель председателя Совета по индустриальной политике и развитию высокотехнологичных отраслей экономики при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Действительный член Российской академии ракетных и артиллерийских наук, Академии военных наук.

Крутских Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России.

Лапкин Владимир Валентинович, кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е. М. Примакова РАН. Член редколлегии, первый заместитель главного редактора журнала «Полис». В 2001–2010 гг. — член Правления РАПН. С 2011 г. — член Научного совета РАПН.

Лебедева Марина Михайловна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России. Заслуженный работник высшей школы РФ. Член Экспертного совета ВАК

по политологии. Член редколлегии журналов «Полис», «Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения», член Научного совета «Вестника МГИМО». Член Научного совета РАПН, председатель Исследовательского комитета РАПН по мировой политике.

Мчедлова Мария Мирановна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии РУДН, главный научный сотрудник Исследовательского центра «Религия в современном обществе» ИС РАН.

Никитин Александр Иванович, доктор политических наук, профессор. Директор Центра Евро-атлантической безопасности Института международных исследований МГИМО МИД России, профессор кафедры политической теории МГИМО, профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова (факультет государственного управления), директор Центра политических и международных исследований, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН. Действительный член российской Академии военных наук и Академии политической науки. Заместитель председателя Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН, представитель России в Международном совете Пагуошского движения ученых. Член Научного совета при Совете безопасности РФ и Научно-экспертного совета Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Представляет МГИМО и Россию в Международной сети исследований миротворческих операций. Почетный президент Российской ассоциации политической науки. Лауреат медали РАПН имени Г. Х. Шахназарова.

Никитина Юлия Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, профессор Российской государственной специализированной академии искусств, профессор Российского государственного гуманитарного университета, со-координатор Исследовательского комитета по гендерной политологии РАПН.

Пантин Владимир Игоревич, доктор философских наук, заведующий отделом внутриполитических процессов Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Национального исследовательского Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е. М. Примакова РАН. Член Российской академии политической науки. Лауреат золотой медали Н. Д. Кондратьева 2012 г. «За выдающийся вклад в развитие общественных наук». Член редакции журнала «Философские науки»

Патрушев Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом сравнительных политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН / Института социологии

РАН, профессор Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России, лауреат медали РАПН имени Г. Х. Шахназарова.

Пахалюк Константин Александрович, ведущий специалист научного отдела Российского военно-исторического общества.

Рябова Татьяна Борисовна, доктор социологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), со-координатор Исследовательского комитета по гендерной политологии РАПН.

Семененко Ирина Станиславовна, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е. М. Примакова РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований Национального исследовательского ИМЭМО РАН. Научный руководитель экспертной Сети по исследованию идентичности.

Симония Нодари Александрович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор. В 2000–2006 гг. — директор Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, был академиком-секретарем Отделения международных отношений РАН. Профессор кафедры международных проблем ТЭК им. Н. П. Лаверова, советник ректора МГИМО. Член Научного совета при МИД РФ. Член Европейской академии наук, искусств и литературы (Париж), иностранный профессор Центра славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония).

Сморгунов Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета. Председатель Научного совета Российской ассоциации политической науки (РАПН), вице-президент РАПН.

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа МГУ имени М. В. Ломоносова, член Правления РАПН, председатель Редакционно-издательского совета РАПН, главный редактор Ежегодника РАПН. Лауреат медали РАПН имени Г. Х. Шахназарова.

Тимофеев Иван Николаевич, программный директор Российского совета по международным делам (РСМД). Руководитель программы «Институты Евро-атлантической безопасности» Валдайского клуба. Доцент кафедры политической теории МГИМО. Член редакционной коллегии журнала «Сравнительная политика», профессор Академии военных наук.

Тимофеева Лидия Николаевна, доктор политических наук, профессор, зам. заведующего кафедрой политологии и политического управления по научной работе РАНХиГС, вице-президент РАПН, председатель Правления РАПН, руководитель Исследовательского комитета РАПН по политической коммуникативистике. Вице-президент Академии политической науки,

член Президиума Международной ассоциации конфликтологов, член совета Исследовательского комитета «Административная культура» Международной ассоциации политической науки (МАПН).

Торкунов Анатолий Васильевич, доктор политических наук, профессор, академик РАН. Ректор МГИМО МИД России. Заместитель академика-секретаря Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН. Член Совета по науке и образованию при Президенте РФ. Председатель Российской ассоциации содействия ООН, член Научного совета при Совете безопасности РФ, член Общественного совета при ФСБ России, сопредседатель Российского исторического общества, член Попечительского совета Российского совета по международным делам (РСМД), член Попечительского совета и председатель Научного совета Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова, председатель Научно-экспертного совета российско-польского Центра диалога и согласия. Почетный гражданин г. Сеула, иностранный член Польской академии наук, почетный доктор ряда зарубежных университетов. Главный редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета». Член редакционных коллегий и советов журналов «Мировая экономика и международные отношения», «Международная жизнь», «Россия в глобальной политике», «Право и управление. XXI век», «Московский журнал международного права». Сопредседатель Президиума РАПН. Председатель Общественной палаты Московской области.

Федотова Валентина Гавриловна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии ИФ РАН.

Федотова Наталья Николаевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России.

Фененко Алексей Валериевич, доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова; преподаватель факультета управления и политики МГИМО МИД РФ.

Филиппова Людмила Евгеньевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН / Института социологии РАН.

Фомин Иван Владленович, кандидат политических наук, доцент факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН.

Чанышев Александр Арсеньевич, кандидат философских наук, доцент кафедры политической теории МГИМО МИД России.

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России. Главный редактор журнала «ПОЛИС. Политические исследования», член Правления Российской ассоциации политической науки.

Шабров Олег Федорович, заведующий кафедрой политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Президент Академии политической науки. Член руководящих органов Российской ассоциации политической науки, Национальной коллегии политологов-преподавателей, заместитель председателя экспертного совета ВАК по политологии, член Федерального учебно-методического объединения (ФУМО) укрупненной группы направлений подготовки «Политические науки и регионоведение» и ряда других экспертных научных и учебно-методических объединений.

Шестопал Елена Борисовна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии политики МГУ имени М. В. Ломоносова, руководитель Исследовательского комитета РАПН по политической психологии, лауреат медали РАПН имени Г. Х. Шахназарова. Член Научного совета РАПН.

Научное издание

**СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
Методология**

Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 63,05

Тираж 600 экз. Заказ

ООО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.

Тел.: 8(495) 306-78-01, 306-83-71

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г.Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8(499)270-73-59
